

Миссионерское обозрение

1903 г. 2 полугодие

Июль. Книга 1

Особое приложение

**Донесение Святейшему Правительствующему
Синоду Первенствующего Члена оного Антония,
митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского,
от 21 июля 1903 года // Миссионерское обозрение.
1903 г. № 11. С. I–VIII**

Благодарение Господу! Великое и всерадостное для нашей православной Церкви торжество открытия святых и многоцелебных мощей преподобного Серафима, Саровского Чудотворца, совершилось 19-го минувшего июля, согласно ранее установленному чину, с подобающим благолепием. Возгорелся новый благодатный светильник в Церкви Российской, богоблаженный Серафим, который, подобно богоносным отцам нашим Антонию и Феодосию Печерским и Сергию Радонежскому будет просвещать светом Христовой истины и утверждать в вере православный русский народ.

Радость, проистекающая для православной Церкви от совершившегося в Саровской обители торжества, была усугублена пребыванием на сем торжестве венценосного Вождя русского народа, Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича, пожелавшего вместе со Своим народом воздать молитвенное поклонение праведному старцу на самом месте его великих подвигов. Его Величество изволил прибыть в Саровскую пустынь в 5½ час. по полудни 17 июля в сопровождении Их Императорских Величеств Государынь Императриц Александры Феодоровны и Марии Феодоровны, а также и Их Императорских Высочеств Великой Княгини Ольги Александровны с Её Августейшим Супругом, Великого Князя Сергея Александровича с Супругою Великой Княгиней Елисаветою Феодоровною, Великих Князей Николая Николаевича и Петра Николаевича с Супругою Великой Княгиней Милицею Николаевною и Великой Княгини Анастасии Николаевны с Её Августейшим Супругом. При встрече Государя Императора во святых вратах обители мною была произнесена краткая приветственная речь. Прослушав в Успенском соборном храме пустыни краткое молебствие, Его Величество пожелал

тотчас же поклониться всечестным останкам преподобного Серафима, для чего мною введен был, вместе со всеми прибывшими Высочайшими Особами, в церковь святых Зосимы и Савватия, где находился гроб со всечестными останками.

Для присутствования на торжествах в Саровскую обитель прибыли Министры Внутренних Дел, Императорского Двора и Путей Сообщения, а также многие другие высшие государственные сановники. Из преосвященных, кроме назначенных Святейшим Синодом, никто участия в Саровских торжествах не принимал, в виду полного отсутствия в обители помещения для них. На торжества собралось великое множество богомольцев всякого рода, звания и состояния, из всех местностей нашего обширного отечества, даже самых отдаленных – Сибири и Кавказа. Среди них находилось немалое число больных и убогих, пришедших помолиться преподобному Серафиму о даровании им исцеления, и многие, по вере своей, получали таковое.

За несколько дней до начала торжеств, именно 3 июля, дубовый гроб-колода со всечестными останками преподобного Серафима был вынут из могилы и перенесен, по окончании совершенной мною литургии, с крестным ходом в церковь святых Зосимы и Савватия; здесь, в алтаре храма, под моим личным наблюдением, при деятельном участии преосвященных Назария и Иннокентия, архимандрита Серафима и немногих других приглашенных мною лиц, совершено было, в течение трех дней, 3, 4 и 5 июля, переложение всечестных останков преподобного в новый кипарисовый гроб.

16-е июля было собственно днем начала торжеств. Сего числа в 12 часов дня последовал редкий благовест большого монастырского колокола, созывавший богомольцев на торжественную панихиду в Успенский собор. Панихида совершена была архиерейским служением, причем на ектеньях и возгласах поминались имена Благодетелей Государей Императоров и Государынь Императриц, начиная с Императрицы Елисаветы Петровны до Императора Александра III включительно, имена почивших преосвященных Тамбовских, строителей и игуменов Саровской пустыни, родителей

преподобного Серафима – Исидора и Агафии и самого приснопамятного иеромонаха Серафима. В тот же день вечером в соборных храмах пустыни – Успенском и Божией матери «Живоносный Источник» – совершено было архиерейским служением заупокойное всенощное бдение – парастас о приснопамятном иеромонахе Серафиме.

17-го июля богомольцы с раннего утра во множестве наполнили монастырскую площадь внутри и вне стен обители. В этот день ожидалось прибытие в Саров крестных ходов из двух Серафимовых обителей – Дивеевской и Понетаевской. Для встречи крестных ходов, в 7 часов утра, из врат Саровской обители вышел свой крестный ход, сопровождаемый преосвященным Иннокентием, и, перейдя через мост реку Сатис, остановился недалеко от леса на так называемом Лобном месте. Сюда около 8 часов утра прибыли и те крестные ходы, и все они, соединившись вместе, образовали одно величественное шествие, направляясь к стенам обители. Благолепию шествия много способствовали прибывшие на торжества из разных городов Московской, Ярославской, Владимирской, Тульской, Нижегородской и Рязанской губерний представители хоругвеносных обществ. Все они несли от своих обществ в дар обители по одной или по две хоругви, из коих многие отличаются ценностью и художественностью работы. По прибытии соединенного крестного хода в обитель, начался благовест к поздней литургии. В обоих соборных храмах литургия, а после неё и панихида совершены были архиерейским служением. В Успенском соборе, по окончании литургии, преосвященный Назарий произнес слово, посвященное памяти преподобного Серафима. В тот же день вечером по прибытии Их Императорских Величеств, в соборных и других монастырских храмах совершены были особо назначенными священнослужителями заупокойные всенощные бдения о приснопамятном иеромонахе Серафиме. В 11-м же часу вечера, когда площадь монастырская была свободна от народа, особо назначенные архимандриты, молча, перенесли из Преображенской церкви старый дубовый гроб-колоду преподобного Серафима на прежнее место его пребывания, в

могилу, к которой устроен по небольшой каменной лестнице спуск. Могила в настоящее время обложена тонкими мраморными плитами и с одной стороны сделана открытою, так что стоящий в ней за стеклянной перегородкой гроб всегда можно хорошо видеть.

18-го июля Их Императорские Величества изволили присутствовать за раннюю литургией в Успенском соборе, в придельном его храме во имя преподобного Антония Печерского и приобщались Святых Таин; исповедь же приняли накануне у иеросхимонаха пустыни Симеона. В этот же день в церквах монастырских было много причастников и из богомольцев. В 9 часов утра в Успенском соборе началась последняя заупокойная литургия, которую совершили особо назначенные священнослужители. По окончании же литургии совершена была архиерейским служением и последняя панихида по приснопамятном иеромонахе Серафиме. К панихиде изволили прибыть в собор Их Императорские Величества с Их Императорскими Высочествами. Пред началом панихиды мною произнесена была речь. Панихида закончилась литией на могиле преподобного Серафима, к которой для сего вышел из собора крестный ход. В нём принимали участие и все присутствовавшие в соборе Высочайшие Особы. По возвращении крестного хода в собор, мною была освящена сооруженная усердием Их Императорских Величеств драгоценная рака для святых мощей преподобного Серафима.

В 4 часа того же дня в Успенском соборе была совершена малая вечерня, а в 6 часов вечера начался благовест большого колокола, созывавший богомольцев ко всеобщему бдению. Это была первая церковная служба, на которой преподобный Серафим стал ублажаться и прославляться в лике святых Божиих, и на которой его святые мощи были открыты для поклонения народа. В виду такой важности предстоящего богослужения, ко вратам обители устремились десятки тысяч богомольцев. Но впустить сразу всех в ограду обители не было никакой возможности, а потому допущена была только часть народа в таком количестве, чтобы не было утеснения при перенесении святых мощей. По прибытии в Успенский собор Их

Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств, началось всенощное бдение. Богослужение отправлялось уже по вновь составленной «Службе преподобному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу». При пении литийных стихир из собора вышел крестный ход и направился к храму святых Зосимы и Савватия, где находился гроб со всечестными останками преподобного Серафима. В храм вошли преосвященные архиереи и священнослужители, назначенные к несению гроба, а также Их Императорские Величества с Их Императорскими Высочествами и несколько еще других лиц, сопровождавших крестный ход. Все вошедшие в храм преклонили колена пред гробом, заключавшим в себе всечестные останки преподобного. За сим гроб изнесен был архиереями и Его Величеством Государем Императором, при участии Великих Князей и назначенных для того архимандритов, из храма и поставлен на носилки, которые подняты были на рамена и несены Государем, архиереями, Великими Князьями и архимандритами. Поднятый высоко, гроб отовсюду был виден народу, живую стеною стоявшему с зажженными свечами по всему пути крестного хода. Началось величественное и глубоко-трогательное шествие. Многие от сердечного волнения плакали, а некоторые женщины даже рыдали: слышались повсюду молитвенные воздыхания, обращенные к преподобному отцу Серафиму; многие крестьянки по пути шествия гроба полагали под него изделия своих рук: куски холста, вышитые полотенца, пряжу и т. п. Религиозное воодушевление народа достигло, вообще, высокой степени. По обнесении гроба со святыми мощами вокруг зимнего и Успенского летнего соборов с остановками для произнесения литийных ектений, гроб был внесен в Успенский собор и поставлен посреди него на особо уготованное место. Между кафизмами преосвященный Иннокентий произнес соответствующее совершающемуся торжеству слово. На полиелее гроб был отперт мною, и святые мощи преподобного Серафима были открыты. Священнослужители запели величание преподобному. Все присутствовавшие в соборе пали на колена, мысленно соединяясь с поющими священнослужителями в убожении и

прославлении преподобного. По прочтении Евангелия, преосвященные архиереи целовали святые мощи, а затем изволили подходить целовать святые мощи все присутствовавшие в соборе Высочайшие Особы. Народ допускался в собор к целованию святых мощей в течение всей ночи в присутствии особо назначенных священнослужителей.

На следующий день, 19 июля, в 8 часов утра начался благовест к поздней литургии в Успенском соборе. Литургию совершали все присутствующие на торжестве преосвященные архиереи. К началу литургии изволили прибыть в собор Их Императорские Величества и Их Императорские Высочества. На малом входе с Евангелием, при пении «приидите, поклонимся», священнослужители подъяли на рамена гроб со святыми мощами и, обнеся его вокруг святого престола, положили в уготованную раку. По заамвонной молитве преосвященный архиепископ Димитрий произнес слово. За сим начался торжественный молебен преподобному отцу Серафиму. После пения тропаря преподобному, гроб со святыми мощами был вынут священнослужителями из раки и с крестным ходом понесен из собора вокруг тех же монастырских церквей. Его Величество Государь Император и Их Императорские Высочества Великие Князья изволили также, как и накануне, принимать участие в несении гроба на носилках. Народ с глубоким благоговением взирал на несомую святыню, и опять так же, как и накануне вечером, из среды его слышались плач, и рыдания, и молитвенные воздыхания. По возвращении крестного хода в собор, молебен преподобному закончился обычным многолетием.

Происходившие в Саровской обители торжества ознаменовались многими дивными проявлениями благодати Божией: молитвенным предстательством преподобного отца Серафима слепые прозревали, глухие слышали, немые говорили, хромы ходили. На источнике отца Серафима ежедневно совершалось по несколько, иногда более десяти, случаев исцелений. В один такой день было собрано около источника до 15 костылей, оставленных исцелившимися хромыми, и народ эти костыли на берегу речки Саровки сжег, как

бы наглядно свидетельствуя тем о силе молитвенного предстательства преподобного отца Серафима. На источнике каждый воочию мог видеть кого-либо из исцелившихся и слышать от него чистосердечный, простой рассказ об исцелении. Между случаями исцелений, записанными и, сколько возможно, проверенными, обращают на себя внимание следующие. 1) Крестьянский мальчик Василий Иовлев, 12 лет, пришедший в Саров из села Илисского, Курчинской волости, Минусинского округа, Енисейской губернии, вместе со своею бабкой, был немой от рождения, в чём имел удостоверение от местного приходского священника. На источнике преподобного отца нашего Серафима он искупался и после того начал говорить. 2) Крестьянка Симбирской губернии, Ардатовского уезда, села Тазнеева, Агриппина Табаева, 18 лет от роду, слепая от рождения, искупалась три раза в источнике преподобного Серафима и, после уже второго раза купанья, начала видеть солнечный свет, деревья и другие предметы. 3) Крестьянин Вятской губернии, Слободского уезда, Сочневской волости, села Никольского, Михаил Тифкин «не владел», но его выражению, «23 года шеей, по обе стороны которой были опухоли, и голова висела на ней, как на мочале». Искупавшись в источнике преподобного Серафима, он увидел, что опухоли на шее опали, и голова на ней утвердилась. 4) Мещанин г. Спасска, Рязанской губернии, Василий Богомолов, 50 лет, лежал в течение 7 лет разбитый параличом, без ног; язык и слух также были парализованы. Его привезли на источник преподобного Серафима и искупали, после чего он стал слышать, говорить и ходить; костыль бросил. 5) Проживающая в 40 верстах от г. Верного, вдова Анна Ивлева, 43 лет, страдала слепотой 19 лет. Не смотря на трудность для неё оставить дом, так как на её попечении было четверо малолетних сирот, она все-таки отправилась в Саров и 900 верст прошла пешком. Искупавшись в источнике преподобного о. Серафима, она стала хорошо видеть. – Все описанные случаи произошли у источника преподобного Серафима, но были уже случаи исцеления и у его святых мощей. Вот один из наиболее замечательных случаев, происшедший за позднюю литургией 19 июля в Успенском

соборе. В числе молящихся в соборе находилась приехавшая из Москвы г-жа Масленникова; при ней находилась больная 12-летняя дочь, около двух лет ни слова не говорившая. Лечила она её у нескольких врачей специалистов, но они помочь ей не могли. Когда понесли во время малого входа гроб со святыми мощами, г-жа Масленникова коснулась гроба платком и затем отерла им лицо больной дочери, и последняя, к великой радости матери, тотчас же заговорила, а затем была подведена матерью к приобщению Святых Таин. Так дивно и явно проявил Господь милость Свою чрез новопрославленного угодника Своего.

По поводу совершившегося в Саровской пустыни торжества мною была получена от присутствующих в С.-Петербурге преосвященных следующая телеграмма: «С сердечным умилением молитвенно участвуя вместе с Благочестивейшим Государем, сонмом святителей и всею святою Русью в светлом торжестве церковном прославления нового угодника Божия преподобного Серафима Саровского, смиренно просим ваше высокопреосвященство повергнуть к стопам Их Величеств чувства беспредельной преданности и молитвенные пожелания дабы Господь предстательством преподобного Серафима выну охранял Государя, Царствующий Дом и Державу Российскую в непоколебимом мире и непременимом благополучии. Ваше высокопреосвященство радостно приветствуем с совершением великого и святого дела. Экзарх архиепископ Алексей, архиепископ Гурий, епископ Тихон, епископ Иоанн, епископ Маркелл, епископ Сергей, епископ Константин, епископ Антонин». Телеграмма эта Товарищем Обер-Прокурора Святейшего Синода, 19 сего июля, была повергнута на Всемиловейшее усмотрение Его Императорского Величества, и Государь Император на всеподданнейшем докладе Товарища Синодального Обер-Прокурора Собственноручно соизволил начертать: *«Прошу выразить Мою благодарность и чувства радости и великого утешения по случаю новоявленной милости Божией Русской Земле».*

К саровским торжествам

**Акт освидетельствования св. останков
преподобного Серафима, Саровского Чудотворца //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 3–6

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В лето тысяча девятьсот третье от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, января в одиннадцатый день, митрополит Московский и Коломенский Владимир, епископ Тамбовский и Шацкий Димитрий, епископ Нижегородский и Арзамасский Назарий, архимандрит Суздальский Серафим, архимандрит Вышенский Аркадий, игумен Саровский Иерофей, казначей Саровский иеромонах Климент, ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Тихон Поспелов и прокурор Московской Святейшего Синода Конторы князь Алексей Ширинский-Шихматов приступили к исполнению поручения Святейшего Правительствующего Синода по делу освидетельствования честных останков приснопамятного Саровского старца иеромонаха отца Серафима. По выслушании поздней литургии, а затем отслуженной епископом Димитрием панихиды по в Бозе почивающем старце, призванные к освидетельствованию лица вступили в часовню, устроенную над могилой иеромонаха Серафима, при юго-восточном выступе летнего собора во имя Успения Пресвятой Богородицы. Находящийся среди сей часовни надгробный чугунный памятник являет собою подобие гробницы, установленной на чугунной же подставке, которая, в свою очередь, основана на тесанном из камня цоколе. Этим надгробием совершенно убедительно определяется место упокоения блаженного старца о. Серафима. На памятнике имеется следующая надпись: «Под сим знаком погребено тело усопшего раба Божия иеромонаха Серафима, скончавшегося 1833 года генваря 2 дня, который поступил в сию Саровскую пустынь из Курских купцов на 17 году возраста своего, скончался 73 лет. Все дни его посвящены были во славу Господа Бога и в душевное назидание православных христиан, в сердцах коих и ныне о. Серафим живет». В возглавии надгробия, с западной стороны, помещено выпуклое бронзовое

изображение блаженной кончины о. Серафима с надписью: «Блаженная кончина о. Серафима, Саровской обители иеромонаха и пустынника, 1833 года января 2 дня». С южной стороны памятника внизу, на высоте 2½ вершк. от пола, видно круглое отверстие, чрез которое чтущие память о. Серафима брали песок с его могилы. По распоряжению высокопреосвященного митрополита Владимира, в часовню, в полдень, призваны были для изнесения описанного надгробия несколько человек из проходящих в обители различные послушания. Надгробие и подставка к оному вынесены были во вновь сооруженный храм над кельей о. Серафима. По изнесении памятника, затворена была входная дверь, и несколько умелых работников, под наблюдением сведущего каменщика, разобрали тесанный каменный цоколь, а затем выбрали весь песок, на глубине одного аршина до свода, выложенного над могилой приснопамятного старца Серафима. Свод очищен был к 4 часам пополудни. Посредине, с северной стороны, свод оказался разобранным на пространстве одного квадратного аршина и место это заложеным тремя кусками толстой доски. Отверстие это было проломано в своде по распоряжению преосвященного Димитрия епископа Тамбовского, производившего в августе прошлого 1902 г. предварительное освидетельствование гроба и останков о. Серафима по особо-доверительному поручению Святейшего Синода. Засим разобран был самый свод, сложенный из весьма крупного одномерного кирпича, легко рассыпавшегося на слоевидные куски. Внутри склепа присутствующие увидели гроб-колоду из дубового дерева. В виду невозможности произвести тщательный осмотр честных останков старца Серафима, на глубине 1 аршина 14 вершк., признано было необходимым поднять гроб из склепа, что и было исполнено с особою осторожностью, причем под колоду подведены были холсты, которыми гроб был поднят и установлен с северной стороны могилы на особом приуготовленном столе. После сего присутствующие приступили к тщательному осмотру внешнего вида гроба-колоды, при чем оказалось, что таковой имеет следующие размеры: в обхвате – в головах 2 арш. 12½ вершк. в

ногах – 2 арш. 10½ вершк. и длина 3 арш. ½ вершк., цвет гроба почти черный. Дно гроба в ногах, с правой стороны, а также верхняя часть крышки несколько истлели, и во многих частях наружной оболочки, при испытании, дерево оказалось мягким и сырым. Тем не менее, в целом, гроб оказался крепким. По снятии крышки гроба, внутренние его стенки также оказались сырыми, в трех местах покрытыми плесенью, хотя при этом никакого запаха ощущаемо не было. В гробу присутствующие увидели: ясно обозначенный остов почившего, прикрытый остатками истлевшей монашеской одежды. Тело приснопамятного старца о. Серафима предалось тлению. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размещенными, но легко друг от друга отделяемыми. Волосы главы и браны, седовато-рыжеватога цвета, сохранились, хотя и отделились от своих мест. Подушка под главой приснопамятного о. Серафима оказалась наполненной мочалой, на ногах имеются лычные «ступни». Под руками приснопамятного о. Серафима обнаружен медный литой крест размером приблизительно в три вершка. По освидетельствовании, останки в Бозе почивающего были накрыты глазом, а гроб-колода обвязана в головах и ногах прочным шелковым шнуром, концы которого, на особой доске, были припечатаны именно печатью высокопреосвященного Владимира, митрополита Московского. Засим гроб опущен был в могилу, покрыт парчовым покровом, а склеп задвинут деревянным шитом, поверх коего положен ковер, и установлен облаченный в белый глазом стол, на коем утверждена икона Пресвятой Богородицы, именуемая «Умиление», и возжена лампада. Производившие освидетельствование покинули часовню в шесть часов пополудни.

Подлинный акт подписали:

Владимир, Митрополит Московский и Коломенский.

Димитрий, Епископ Тамбовский и Шацкий.

Назарий, Епископ Нижегородский и Арзамасский.

Суздальский Архимандрит *Серафим* (Чичагов).

Настоятель Вышенской пустыни Архимандрит *Аркадий*.

Настоятель Саровской пустыни Игумен *Иерофей*.

Казначей Саровской пустыни Иеромонах *Климент*.

Ключарь Тамбовского кафедрального собора Священник
Тихон *Поспелов*.

Прокурор Московской Святейшего Синода Конторы Князь
Алексей Ширинский-Шихматов.

Антоний, митр. Необходимое разъяснение к недоумевающим о св. останках преподобного Серафима // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 6–8

Недели три назад по Петербургу усиленно распространялись гектографированные листки от какого-то «союза борьбы с православием», которое объявлено вредным для блага русского народа. Вместе с сим заявлялось, что союз «принял на себя во исполнение долга своего пред истиной и русским народом расследование дела о мощах Серафима Саровского и не остановится в случае надобности и пред вскрытием содержимого гроба».

Не знаю, существует ли действительно такой союз борьбы с православием или листки эти суть плод досужих занятий какого-либо любителя смуты; во всяком случае, распространенные в громадном количестве, они заставили говорить о себе петербургскую публику, а быть может и провинциальную и самую захолустную, если проникли и туда. Будь в листках только оповещение об образовании союза, о них и говорить бы не стоило. Утверждать, как это делает союз, что православие вредно для блага русского народа, значит обнаруживать полное невежество и совершенное непонимание русской истории. Но в листках грубо затронуте дело о мощах святого старца Серафима, с неприличным намеком на содержимое в гробу, да еще «во исполнение долга пред истиною», как будто истина была тут кем-либо попорана. Не осуждаю этой грубости, как и Господь не осудил Фому неверного. Притом и помимо листов о мощах старца Серафима много легкомысленных разговоров даже между людьми образованными, благонамеренными и верующими. Есть сомнение, есть для многих мучительный вопрос: что в гробу. Не осудим и этого легкомысленного сомнения, но дадим прямой ответ на вопрос: «что же в гробу?» В гробу обретен ясно обозначившийся под остатками истлевшей монашеской одежды осто́в почившего старца. Тело предалось

тлению. Кости же и волосы головы и бороды совершенно сохранились. Таково содержимое гроба.

Но тут-то и начинается для многих камень преткновения. «Есть у нас люди, – справедливо говорит профессор Е. Голубинский, – имеющие ревность Божию не по разуму, которые утверждают, будто мощи святых всегда и непременно суть совершенно нетленные, т. е. совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные тела». Между тем, такое утверждение совершенно неправильно и не согласуется с всецерковным сознанием, по которому нетление мощей вовсе не считается общим неперменным признаком для прославления святых угодников. Доказательство святости святых составляют чудеса, которые творятся при их гробах или от их мощей, целые ли это тела или только кости одни. Нетление мощей, когда оно есть, есть чудо, но только дополнительное к тем чудесам, которые творятся чрез их посредство (см. об этом подробное расследование в ст. «Нетление мощей» № 12 «Церковн. Ведом.» за текущий год). И святость старца Серафима определялась не свойством его останков, а верою народа и многочисленными чудесами, которые по обследовании их надлежащим образом не представляли никакого сомнения в своей достоверности, по свойству своему относясь к событиям, являющим чудодейственную силу Божию ходатайством и заступлением о. Серафима. И только после такого удостоверения в святости и молитвенном дерзновении о. Серафима перед Богом постановлено, чтобы и всечестные его останки были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству (Деян. Св. Синода 9 янв. 1903 г.). Ибо не ставят светильника под спудом. Больно было бы для верующего сердца сокрыть и останки преподобного под землею.

У святого человека всё свято и чудодейственно, даже тень, даже одежда, а не одно только тело, или кости. Так, тень апостола Петра, головные повязки апостола Павла исцеляли больных от болезней. От прикосновения к костям пророка Елисея воскрес мертвый. Даже прах, по которому ступали ноги святого человека, приобретает целебную силу. Так, после

святого старца Серафима земля с его могилы, камень, на котором он молился, вода из источника, который он вырыл, почитаются как святые и по частям разбираются и разносятся верующими по домам, как чудодейственные, подающие целение в разных недугах. Останки же его тела, кости его, для верующего суть драгоценная святыня, истинное сокровище, чрез посредство которого подается почитающим его цельбоносная помощь.

Итак, от старца Серафима остались в гробу только кости, осто́в тела, но как останки угодника Божия, человека святого, они суть *мощи святые* и износятся ныне при торжественном его прославлении из недр земли для благоговейного чествования их всеми притекающими к молитвенному предстательству его, преподобного старца Серафима.

Митрополит Антоний

С.-Петербург, июня 20

Гринякин Н. Преподобный Серафим, Саровский Боговидец, – новый небесный защитник истины православной Церкви. (К заблуждающимся и отпадшим) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 8–24

Господь «хранит все кости» праведного, «ни одна из них не сокрушится» (Пс.33:21).

«И по успении его (Елисея) пророчествовало тело его. И при жизни своей совершал он чудеса, и по смерти дивны были дела его» (Сир.48:14–15).

В смутное время междоусобицы (1610–1613 г.) великое испытание постигло Св. Русь. В Москве хозяйничали поляки. Патриарх Гермоген, доблестный представитель, защитник и исповедник св. веры и народности Русской, томился в темничных подвалах. В окрестностях Москвы и московском царстве разбойничали разные «воры», попирая последние остатки государственного порядка и безопасности. Поистине тяжелая была година для Св. Руси... Но спас Господь отечество наше. Воздвиг Он, Милосердный, ратоборцев за святую веру и родину – Минина и Пожарского. Святым одушевлением зажгли они сердца истинных сынов православной России; ополчились эти сыны на врагов и очистили от них Москву и московское царство. «Станем, братцы, за святую веру и св. Русь»... Это могучий и вещий клич, на который не могло не отозваться русское сердце, который собирал полки ратников, готовых лечь костями за своё святое святых, и который всегда был предвестником победы над «языками» и прогнания опасности. И спас, и прославил Господь наше дорогое отечество, видя веру православную в сердце его. А 12-й год и «двадесять язык» кому из русских не памятен?

Прошли годы, прошли века... Смутное время междоусобицы уже только траурная страница истории... И 12-ому году миновало уже девяносто лет. Православная Русь, с её благочестивейшим Царем-Батюшкой во главе, теперь – страх врагам и одна из вершительниц судеб мира.

Но попустил Промыслитель врагу спасения нашего деяти ей пакости... И наше великое отечество несет теперь испытание, – оно переживает смутное время междуверия и нашествия целого легиона «языков», «от нас изшедших». На клич Минина «за веру» теперь отозвались бы, пожалуй, еще вопросом – «за какую?».

Миллионы раскольников, сотни тысяч сектантов и неисчислимое множество отвергнувшихся от св. Церкви вольнодумцев – вот российское междуверие, вот «языки» (Мф.18:17), воюющие на св. Русь православную. «Шатаются языцы и людие поучаются тщетным».

Но не «убоимся страха, идеже несть страха». На нашем православном небе Господь Бог зажигает одну за другою великие звезды. И светят эти звезды нам в путеводительство, в надежду и радость, а врагам нашей святой православной веры на «посрамление». Они указуют всему миру, за какую «веру ратовати подобает» против языков в наше смутное время. Чрез «отверстыя небеса» глаголет Господь, что истина и спасение в нашей *православной* Церкви. Чудеса от св. мощей святителя Феодосия Углицкого – события наших дней, и мы еще под их святым обаянием. А в сей год возжигается небесной Десницей другой светильник – прославляется св. Церковью прославленный Богом преподобный Серафим Саровский и открываются его чудодейственные мощи. Возрадуемся и возвеселимся: с нами Бог, разумеите, «преслушающие Церковь языцы»!

Семьдесят лет тому назад, 1833 г. 2 янв., в Саровской пустыне мирно отошел ко Господу старец иеромонах Серафим. Своею высокою истинно-христианскою подвижничествою жизнью он еще у современников своих стяжал общую веру в действенность его молитвы пред Богом. И сколько подвигов совместила сила Божия в Саровском чудотворце: и смиренный послушник, и благоговейный служитель алтаря Господня, и строгий отшельник, и столпник, и молчальник, и затворник, и старец-наставник: всем этим, как драгоценными камнями, сияет духовный облик преподобного Серафима. На службе Божией он зрит воочию ангелов Господних, сослужащих ему. Из затвора,

после тридцатилетнего подвижнического уединения, он вызывается на подвиг непрестанного наставничества в вере и благочестии – повелением Пречистой Богоматери. И сколько тысяч людей – и мирян и иноков, и простых и знатных получили от Саровского прозорливца исцелений духовных и телесных?... Всем силою Божией подавал преп. Серафим потребное. Постигнув глубины человеческого духа, прозревая и сокрытое от телесных очей из прошлого, будущего и далекого, великий подвижник знал нужды прибегавших к нему, – жизнерадостный, любвеобильный, нелицеприязненный, смиренный, проникновенный в самые тайны нужды человеческой, он всем износил из своей духовной сокровищницы целебный елей и никто не отходил от него «тощ». Беседа его, проникнутая духом слова Божия и писаний отеческих, согревала сердце, озаряла ум, приводила грешников к раскаянию и исправлению и подавала возмущенной душе мир и тишину. Саровский прозорливец изумлял проходящих к нему тем, что сам, прежде чем скажут ему хоть одно слово, говорил о мучивших их вопросах и нуждах и давал на них ответы и утешения; он отвечал на нераспечатанные письма, подавая отправителям их соответственные наставления. Кроткий – он покорял себе свирепого медведя и тот, как агнец, лежал у его ног и повиновался его мановению. В избранном сосуде Божиим почивала всемогущая сила Господня и творила чрез него великие чудеса уже при жизни. «Чистый сердцем», преп. Серафим удостоивается зреть Самого Господа нашего Иисуса Христа и осиявается славой чудотворений. «Прежде преставления его свидетельствован бысть, яко угоди Богу» (Евр.11:5; Кир. кн. л. 233 об. изд. 1876 г.). По блаженной же кончине его, многочисленные знамения милости Божией, по его молитвенному предстательству совершавшиеся, чудеса исцелений при его гробе и от разных вещей, им оставленных и напоминавших о нём, как-то: от воды ископанного им колодца, от камней, на которых он подвизался в молитве и пр., уже не оставляют и сомнения, что Саровский Боговидец – угодник Божий.

Да не смутят сердца православных козни дьявольские, коими «отец лжи» тщится затмить славу и свет нового светильника, осиявающего св. православную Русь, – преподобного отца нашего Серафима! Кто послушает врага всякой истины, кроме чад его, коим он оттачивает разные оружия на брань со святою Церковью? Ведомо нам слово св. Златоуста: «колицы ратоваши Церковь и ратовавшие погибша и чесо ради попусти (Бог) брань, яко да покажет светлейшую тоя Победу... борима есть и не одолевается»... (Злат. кн. о вере л. 19). Научением дьявола говорили противившиеся Христу, что Он творит чудеса силою Веельзевула, князя бесовского, что пречистое тело Его не воскресло, а украдено и пр... Научением того же клеветника и «человекоубийцы искони» и ныне сеются сомнения в святости преподобного Серафима и в чудодейственности мощей его. Сомнения эти приражаются к тому, что тело Боговидца Саровского не сохранилось нетленным во всей своей целости. Но не свидетельствует ли это, именно, обстоятельство еще более о том, что нетленные останки подвижника Саровского сохранены силою Божией. Тело преподобного Серафима погребено было и почивало в такой сырой почве и в такой гробе (дубовая колода, покрывшаяся внутри плесенью), где по естественным условиям всё оно до последней косточки давно должно бы обратиться в прах и пепел. Воистину, «Идеже хочет Бог, побеждается естества чин»... Сила Божия останавливает начавшееся в останках праведника смертное разрушение и воспрещает тлению простираться и действовать до конца. Жало смерти притупляется и победа ада посрамляется. Остов тела угодника Божия – кости его изъяты из тления силою Божией и источают чудеса исцелений. «Дар чудотворений – вот тот перст, которым с самых первых времен и до наших дней Господь указывает нам наших наставников и руководителей ко спасению и вместе наших ходатаев и заступников перед Его престолом, вот то Божественное слово, которым Он нарекает их для нашего молитвенного к ним обращения». И малые останки праведно проживших и веру соблюдавших угодников Божьих чудодействуют и прославляются св. Церковью, как св. мощи, как сосуды и

источники силы Божией. В целом ли виде сохранилось тело св. пророка Елисея? Нет – оно всё предалось земле; нетленными остались только кости пророка Божия. *«И умер Елисей, и похоронили его. И полчища Моавитян пришли в землю в следующем году. И было, что когда погребали одного человека, то, увидев это полчище, погребавшие бросили того человека в гроб Елисеев и он при падении своём, коснулся костей Елисея, и ожил, и встал на ноги»* (4Цар.13:20–21). Кто дерзнет усомниться в том, что кости св. пророка были сосудом животворящей силы Божией, хотя тело его и предалось тлению?! И от других угодников Божиих остались нетленными едины токмо кости. И почитаемые св. Церковью за мощи святые кости сии источали чудеса исцелений. *«Святое тело* (преподобного Нила Столбенского † 1554 г.) *земле предадешя, читаем в истории по открытию мощей преподобного, а мощи (т. е. кости) его целы все»*.¹ И, как пишет о мощах препод. Иосиф Волоколамский, *«сия кости – персть видятся и земля, но обаче бесом суть страшна, и слепых просвещают, и прокаженных, и расслабленных, и всякие болезни уврачают»* (Просвет. 7 сл.). *«Воистину чудо преславно, яко кости нагы источают исцеления»* (митр. Даниил); *«чудо преславно воистину, кости голы, сухи на всякие недуги и болезни исцеления точат и бесов прогоняют»* (Зиновий Отен). Истинно слово Писания и всякого приятия достойно – *«хранит Господь кости праведного»* (Пс.33:21) и по смерти его они *«пророчествуют»* (Сир.48:14–15). *«Господь наш Иисус Христос, говорится в определении 7 всел. собора, утвердившего догмат о почитании мощей, даровал нам мощи святых, как спасительные источники, многообразно изливающие благодеяния на немощных»*. И святая Церковь, веруя в молитвенное предстательство пред Богом угодников Божиих, и последуя древнему обычаю, постановила, дабы св. мощи наших небесных предстателей непременно полагаемы были в освящаемых церквах (7 всел. соб. 7 пр.). *«Телеса и кости святых угодников Божиих... Церковь Божия того ради в чести имеет, занеже телеса их, по апостолу, дом быша Духу Святому, Иже поживе в них, и по отшествии святых света сего, в костех их, глаголет Златоуст, пребывает Дух Святой»* (Кирил. кн. л. 236

об. изд. 1786 г. «Кн. о вере» л. 105 об.). И в святых останках Боговидца Серафима, праведно прошедшего стезею истинно-христианского подвижничества жизненный путь свой и преисполнившегося небесных даров, благодать Господня уготовала себе сосуд для источения исцелений и других чудес верующим и просящим чрез св. угодника милости Божией. «Когда меня не станет, говорил препод. Серафим наставляемым, вы ко мне на гробик ходите. Как вам время, вы и идите: чем чаще, тем и лучше. Всё, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, о чём бы ни скорбели, приходите ко мне, да всё своё горе-то и принесите на мой гробик. Припав к земле, как живому, всё и расскажите, услышу я вас, вся скорбь ваша отлетит и пройдет. Как вы с живым всегда говорили, так и тут. Для вас я живой есть, и буду во веки».

Не ложен был праведный старец-наставник в обещании своём. Не говоря уже об обследованных и удостоверенных со всяким тщанием 94 чудесных исцелениях, сколько тысяч утешений источил «гробик» Саровского подвижника притекавшим к его святой помощи! «Процвели кости» праведника «от места своего» (Сир.46:14).

Возрадуйся о вере своей, православный христианин. Саровский чудотворец был истинным сыном нашей св. православной Церкви. В заветах своих он учил крепко держаться всего, что ею принято и благословлено. «Что

приняла и облобызала святая Церковь, всё для сердца христианина должно быть любезно», говорил старец Серафим. Однажды к о. Серафиму подошел военный и попросил благословения; старец не благословил его и сказал: «ты веры неправославной». Знатным своим посетителям преподобный указывал на их ордена и говорил: «знаки эти, как напоминание о Христе Иисусе, распятом за нас на кресте, должны быть всегда живою проповедью вам об обязанности – быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самую жизнь для блага родины и Церкви». И вот сего старца – наставника Господь Бог ныне являет небесным свидетелем истинности нашей св. православной Церкви. *«Да знаете, скажем словами одной старопечатной книги, яко все веры прочии, иже верами зовутся, не суть веры, но прелести... И почто не суть достойны называться верами; тою ради, яко ни едина от них не вмещает Духа Святого дарования, ни пришествия Его сподобляется, ниже мощи чинят, ниже освящаются. Наша же восточная вера истинная и не прелестная, Духа Святого дарования вмещает, пришествия Его сподобляется; освящаются богоугодницы, и просвещают, и в Боговидение приходят богословствуют от Духа наставляеми, по совлечении ветхого человека и по смерти тело нетленно богоугодников пребывает, вонями благоуханными благоухает, чудотворят кости мертвые с верою приходящим, и во имя святого милости от Бога в своих нуждах ищущим; еже в прочих верах ни в единой ничтоже о сих обрящеши, ниже услышиши, но еще блзнь и ругание со смехом на действия и благодать даров Духа Святого, яко от неверных, узриши»* (Кирил. кн. л. 527 и об. 10 посл. Мелет. изд. 1867 г. Ср. кн. о вере л. 103 об.). И как удобноприложимы эти слова к Саровскому торжеству: открываются *нетленные мощи* праведного старца, сподобившегося еще при жизни быть храмом обильных дарований Духа Божия – исцеления, утешения и просвещения притекавших к нему, удостоившегося по чистоте своей св. жизни воочию зреть небесную силу – св. ангелов, Пречистую Богоматерь и Самого Господа Иисуса Христа: *«и чудо творят*

кости мертвые» праведного Боговидца! В какой вере, «обрящем или услышим о сих?».

С нами Бог, разумейте, языцы!

Светлые торжества и духовные ликования Саровского праздника невольно заставляют нас вспомнить прежде всего о «языках», «от нас отшедших» и «сидящих во тьме и сени смертной», – о наших бывших братиях – старообрядцах, сектантах и других вольнодумцах, преслушавших св. Церковь и сделавшихся для нас, по слову Христову, «яко язычники» (Мф.18:17). «Скорбь ми есть велия о братии моей» и нудит она наше братское слово вразумления.

«Жестоковыи и необрезанныи сердца и утесы, вы присно Духу Святому противитесь, якоже отцы ваши, тако и вы» (Деян.7:51).

Братия старообрядцы! Что смутило отцов ваших и вас и удалило от спасительного пристанища – св. Церкви? Сложение перстов для крестного знамения – именно – к каким двум перстам – указательному и великосреднему или же безымянному и мизинцу прикладывать большой перст, – аллилуия, посолонь, число поклонов и пр. несущественные обрядности. Как обличительны для вас слова великих святителей Григория Богослова и Василия Великого. «Дело совершенно смешное и жалкое, – пустой и бесплодный спор о звуке слов представляет повсюду различною и веру», говорил св. Григорий. «Если спрашивают их, писал Василий Вел. о неокесарийцах, хотевших отделиться от кесарийской церкви вследствие введенного св. Василием особого церковного чина, о причинах непримиримой вражды, они отвечают: псалмы и образ пения изменены у вас против давнего обыкновения, и другое подобное выставляют, чего надлежало бы стыдиться... Смотрите, увещевал их св. отец, не оцеживаете-ли вы комара, занимаясь тонкими исследованиями звуков голоса, а между тем нарушая важнейшие заповеди».

А вы, старообрядцы, желая сохранить ненарушимо, как храним и мы, догматическое учение православной веры, и, отделяясь от единой святой соборной и апостольской Церкви

из-за *обрядностей*, не «смешное-ли и жалкое дело делаете?» И какой святыни вы лишаетесь, пребывая вне Церкви! Внемлите заветам и увещаниям преподобного Саровского чудотворца! Что он – угодник Божий говорил вам? Прочтите в его житии. Однажды, рассказывается там, пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядчества, жители села Павлова, Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знанием. Только что переступили они порог кельи, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь греко-российскую, она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Св. Духом. Добрые кормчие – её учителя; они преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел: она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю». – В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше – нынешняя церковная, или – старая?» – «Оставь свои бредни, – отвечал о. Серафим, – жизнь наша есть море; св. православная Церковь – есть корабль, а кормчий – Сам Спаситель. Если с таким кормчим люди, по своей греховой слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём утверждаешь свою надежду – спастись без кормчего?» Один раз зимою привезли на санях больную женщину к монастырской кельи о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести её к себе. Больная вся была

скорчена, колени сведены к груди. Её внесли в жилище старца и положили на пол. О. Серафим запер дверь и спросил её.

– Какая причина твоей болезни?

– Я была прежде, батюшка, православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере и была здорова. Наконец, они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и не стала ходить в церковь. После того пошла я раз вечером по домашним делам во двор. Там одно животное показалось мне огненным и даже опалило меня; я в испуге упала; меня начало ломать и корчить. Прошло немалое время с тех пор, а я всё хвораю.

– Понимаю... – отвечал старец. – А веруешь ли ты опять в св. православную Церковь?

– Верую теперь опять батюшка! – отвечала больная.

Тогда о. Серафим сложил по православному персты, положил на себе крест и сказал:

– Перекрестись вот так во имя св. Троицы.

– Батюшка, рада бы, – отвечала больная, – да руками не владею.

– О. Серафим взял из лампады у Божией Матери Умиления елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг её стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же она получила совершенное исцеление. После этого старец много беседовал о силе правильного троеперстного сложения и увещевал присутствующих молить его именем всех своих родных и знакомых, во имя любви к нему, убогому Серафиму, складывать персты по обряду православной Церкви, а над могилами умерших двоеперстников творить молитвы и служить панихиды о разрешении их от уз вечности («Житие старца Серафима» Елагина, 5 изд.)

Так учил, увещевал и молил вас старообрядцы, Саровский праведник, через нетленные останки которого действует «Бог, творяй чудеса»! чрез «чудодействующие кости» его. Сам Господь глаголет об истине св. православной Церкви.

Отжените же от себя ваших губителей – расколоводителей и хулителей св. Церкви словами апостолов: *«судите, справедливо-ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»*

(Деян.4:19). Испытайте и сами и вникните в приведенные слова уважаемой вами Кирилловой книги о святых чудодейственных мощах, как свидетелях истинной Церкви! Где у вас св. чудодейственные мощи? Где ваши ходатаи, молитвенные заступления которых слушал бы Бог и чрез «кости» которых творила бы сила Божия знамения и чудеса? Их у вас нет и быть не может: не послушает Господь тех, кто не слушает св. Церкви, – даже мученическая кровь не может искупить и загладить греха церковного раздорничества (Златоуст Апост. бесед., стр. 1692).

В ком вы мните найти себе заступление и молитвенное предстательство пред Богом? Расстриги Аввакум и Лазарь еретичествовали о св. Троице, расстрига Никита обезглавлен за оскорбление царского величества. Соловецкие смутьяны бунтовали против православного царя. Не на этих ли церковных раздорников ваше упование? С шумом погибла память их, оставив за собой пагубное наследие раскола. Вывели вас со «двора овчего» эти «воры» церковные и пустили по распутьям: и, как овцы без пастыря, рассеялись вы по гибельным путям. Сотни бестолковых «толков» образовались у вас и проклинаете вы друг друга, не ведая, что творите и куда идете. Какое из многочисленных ваших согласий может явить небесное знамение своей истины, куда бы вы могли приклониться в надежде спасения? Такого нет. А ведь во тьме и сени раскольничьей вы уже два с половиной века! В одном из самых дерзких «толков» – «австрийском» сделаны были попытки выдать за мощи какие-то трупы неизвестных черкесов, но более добросовестными представителями того же самого толка (лже-еп. Анастасий в пис. к Силуану) обличены были, как ложь и кощунство, и ныне только продажные души и наемные языки австрийских начетчиков отстаивают позор своего толка.

Заблудшие братья, *«разве не знаете, что святые будут судить мир»* (1Кор.6:2) и вот сонм угодников Божиих: свв. Дмитрий Ростовский, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Феодосий Углицкий и Серафим Саровский, прославленные от Господа в нашей св. Церкви чудотворением и нетлением мощей уже после вашего отпадения в раскол, – совершат суд над вами пред грозным Судией. Прославляя служителей св.

православной Церкви, чудодействуя чрез их святые останки многократно и многообразно, зовет вас Господь, *не хотяй смерти грешнику, но еже обратится ему и живу быти*, в спасительное церковное лоно. *«Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши»* (Деян.3:19). Вспомните слова Христовы: *«Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретище и пепле, покаялись; но Тиру и Сидону отраднее будет на суде, нежели вам»* (Лк.10:13–14). Чудесами и знамениями зовет вас Господь и *«колькраты хочет собрать вас в Церковь Свою, яко же кокош собирает птенцы своя»*; не слушаете гласа Его, не будете иметь извинения о грехе своём. Уразумейте и нынешний зов Божий, глаголющий к вам чрез кости Саровского Боговидца и чудотворца и да сподобитесь молитвенного заступления и предстательства преподобного Серафима пред Спасителем нашим, Невесту Которого вы так долго и так нечестиво хулили!

Не меньшая скорбь нашей св. Церкви и о чадах, заблудших в погибельных дебрях сектантского вольнодумства и отвергающих вообще святые мощи и не верующих в их чудодейственную силу.

Что скажем вам, молокане, штундисты, пашковцы, толстовцы, духоборы со всеми вашими сродниками по заблуждению? Чему научат вас нетленные останки преподобного Серафима? Мы бессильны убедить вас, если вы не верите своим глазам, не верите и слову Божию. Нетленные останки преподобного, как и других святых, вы можете видеть своими очами и осязать своими руками. *«Вложите перста в ребра»* нетленных останков и *«не оставайтесь неверующими»*. Нетление останков – самое по себе – чудо. Не верите ему, не поверите и тому, *«если бы кто и из мертвых воскрес»*. И говорим это потому, что то и другое чудо слишком родственны и близки друг другу. *«Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего, но завистью дьявола вошла в мир смерть»* (Прем.2:23–24), и всеокрушающее тление поразило человеческое естество. Но *«святому Своему Господь не даст увидеть тления»*

(Пс.15:10). И вот в нетленных останках святых угодников Господь являет нам признак возвращения тленного в нетление. Силою благодати Животворящего Духа, дарованною нам Искупившим род человеческий от греха, проклятия и смерти, *«тленное облекается в нетление...»* (1Кор.:15:50–54), *«да сбудется слово написанное: поглощена смерть победою»* (– 54; Ис.25:8). *«Жало смерти – грех»* (– 56). Но в подвижнике Христове жало это притупляется и животворящая благодать настолько проникает тело его, как храм свой (1Кор.6:11), что оно, и по успении праведника, пребывает нетленным и, чудодейственно исцеляя многообразные немощи и болезни, является таким образом живоносным источником.

Проверьте достоверность чудесных исцелений, полученных у мощей праведников. Не поверите очевидцам и самим исцеленным, обратитесь к слову Божию. Вспомните о *костях* пр. Елисея, воскресивших мертвого (4Цар.13:21), о *милости* пр. Илии, разделившей воды Иордана (4Цар.2:13–14), о *платках и опоясаниях* ап. Павла, которые будучи возлагаемы на больных, прекращали болезни и изгоняли злых духов (Деян.19:12); вспомните о *тени* от тела ап. Петра, которая, осенив больных, исцеляла их (Деян.5:15–16), – вспомните об этом и уразумейте силу Божию, действующую в избранных своих сосудах и творящую чудеса не только чрез останки св. угодников – их тела и кости, но даже и чрез их одеяние.

Если же вы не веруете в нетление и чудодейственную силу останков праведников Божиих, ныне прославляемых сплodu Господней, то тем самым богохульно полагаете, что Бог пророков Илии и Елисея и апостолов Петра и Павла теперь уже не тот, – теперь у Него якобы уже нет силы или хотения «не дать видеть тление святому Своему», «сохранить кости» праведного и совершать чрез них «пророчествования» и чудеса. А если страх Божий и удерживает вас от такого богохульства и вы не хотите только воздавать чести святым и чудодейственным останкам праведника, то тем самым не хотите прославить того, кого, как достойного «славы и чести» (Рим.2:10), Сам Бог прославил, и не желаете поклониться силе Божией, действующей в прославленном и «совершающейся в немощи».

Испытайте, заблудшие бр., упование своё и уразумейте, чья гордость действует в вас, если не хотите вы преклониться пред силой и волей Божией? Упование ваше основано как будто и «от писания», но вспомните, бр., не «от писания»-ли искушал Христа и дьявол? не на тексты-ли слова Божия ссылался и он? Не «от писания»-ли проповедовались и разные заблуждения гордецами, не хотевшими знать руководства и воли Духа Святого, в Церкви Божией действующего (Деян.15:28)? Не это-ли обстоятельство побудило и ап. Павла молить фессалоникийскую братию *«не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы им посланного»*, но *«стоять и держать предания, которым они научены или словом, или посланием»* апостольским (2Фес.2:1–2, 15)? Да и какое «Писание» научило вас, отрицать нетление св. мощей и чудодействующую чрез них силу Духа Божия? Какое «Писание» положило вам запрещение почитать и прославлять прославленных Самим Богом и исполненных Его благодатию? Нет такого «Писания». Что вы возражаете нам, главным образом, при наших братских беседах о святых мощах? «Где в Слове Божиим писано почитать мощи и поклоняться им?» Бедные вы богословы, *«всегда учащие и никогда не могущие дойти до познания истины»* (2Тим.3:7), буквы Писания вы читаете, *«а силы его»* вы отверглись! Не почитал-ли Сам Христос храма Иерусалимского, не ревновали Он об его святости, не почитали-ли этого храма св. апостолы? не от Бога-ли просвещенный написал псалмопевец: *«войду в дом Твой, поклонюсь храму святому Твоему в страхе Твоём»* (Пс.5:8)?

Почему Христос, св. пророки и апостолы почитали храм и поклонялись ему? Да потому, что этот храм был храм Господень, дом Отца небесного. Но что другое – тела и останки святых, источающие чудеса, как не *храм живущего в них Святого Духа* (1Кор.6:19), не Бог-ли прославляется в них (– 20)? Где писано *прославлять* чудодействующее?... Святые останки явно источают чудеса исцелений, а нас спрашивают, где писано их прославлять? Убогие буквоеды, насытитесь-ли когда-либо от истины? Ужели бы вы не почли с благоговением *кости*

пр. Елисея, «сохраненные» Господом, воскресившим чрез них мертвеца? *«Руками апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса»* (Деян.5:12). Но справлялся-ли этот народ, писано-ли где в Слове Божиим прославлять чудотворцев? Нет, – от избытка сердца уста глаголали – и «народ прославлял их» (– 13 ст.). Есть-ли повеление от Писания возлагать на болящего «платки и опоясание» праведников; нет; но «Бог творил не мало чудес *руками* Павла, так что на больных возлагали *платки* и *опоясания* с тела его и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян.19:11–12). Ужели бы вы дерзнули не почитать эти «платки и опоясания» апостола или святые руки его, чрез которые действовала сила Божия, только потому, что о почитании «платков, опоясаний» «и рук» «нигде не писано»?! Какое бы писание убедило вас благоговейно почитать тень святого? А между тем, тень ап. Петра исцеляла больных. Имелось-ли повеление «от Писания» почитать останки святых у первенствующей, до-соборной Церкви, которая и для вас – авторитет? А вспомните, каким благоговейным прославлением почтены были ею кости священномучеников Игнатия Богоносца, Поликарпа Смирнского и др.! Вы ищете «писанных» свидетельств почитания мощей? *«Дела, яже творит чрез них Господь, та суть свидетельствующая о них»*. *«Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками»*, поскольку нетление св. останков угодников Божиих и их чудотворения – это дело не от человеков, но от Бога (Деян.5:39).

Возлюбленная и в заблуждении своём, братия наша, старообрядцы и сектанты, помним мы завет св. апостола: «если кто не послушает слова нашего... того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его; но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата. Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всём» (2Фес.3:14–16). Святая православная Церковь наша, молясь «о мире всего мира», наипаче молится и заботится о приведении в спасительный двор свой тех, которые заблудились и сделались для неё из чад «язычниками» (Мф.18:17). Гордыня и недоразумения человеческие удалили вас от её материнского лона. Но она зовет вас к себе, зовет – долго и настойчиво. Призывающего

гласа её вы или не слышите. или не хотите слышать, или не понимаете. Ныне её чадолюбивое призывание к вам усиливается прославлением угодника Божия преподобного Серафима-Боговидца и открытием чудотворящих его мощей. Услышите же глас её, он есть глас небесный! «Разумейте и покоряйтесь, яко с нами Бог». И Господь мира – молитвенным предстательством преподобного отца нашего Серафима, и святителей в *нашей* Церкви просиявших, да даст нам всем мир в единстве веры и упования, да будет нам «всем сердце и душа едина» (Деян.4:32) и «едиными усты и единым сердцем» прославим Господа, «дивного во святых Своих».

Н. Гринякин

**Бронзов А., проф. Можно-ли и нужно-ли
«адогматизировать» христианскую этику?² //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 25–44

На первый вопрос уже дан нами мотивированный отрицательный ответ. Выслушав его, некоторые лица, однако, могут нам сказать и говорят: допустим, что действительно нельзя отнимать у христианской этики религиозных, догматических её основ, – допустим, что без них она будет растением, вырванным из почвы, дававшей ему соки, жизнь..., зданием без фундамента, но есть-де такие причины, которые заставляют нас делать это во избежание большего зла. Что-же это за причины?

Догматические основы христианской морали, намеченные выше, – рассуждают защитники адогматизированных христианских принципов нравственности, 1) служат причиной возникновения у некоторых (а быть может – и у большинства) желания быть нравственно хорошими не столько из уважения к нравственным началам самим по себе, сколько из боязни вечных мучений по смерти и из корыстного стремления к получению в загробной жизни вечных, непреходящих благ; 2) лишают нравственное поступание человеческое внутренней его ценности и потому, что, согласно им, доброе поведение человека в значительной степени приходится относить к Богу, как виновнику его, а дурное – к дьяволу по той же причине; 3) принижают нравственную сторону жизни человека сравнительно с религиозною и даже внешнеобрядовою; 4) дают место возможности произвола в деле толкования нравственных принципов со стороны представителей христианской религии; 5) обуславливают возникновение у людей с различными религиозными убеждениями недоброжелательных чувств вместо противоположных этим: 6) вообще являются излишним балластом, так как-де и безбожники иногда отличаются высоконравственным образом жизни и наоборот, и проч. Ясно, – заключают данные мыслители, – что необходимо сбросить эту

или прямо вредную, или в лучшем случае – излишнюю обузу. Однако, действительно-ли нужно?

1) Действительно-ли указываемые христианством побуждения к исполнению требований нравственного закона столь низменны, столь мутны?... Нет.

Наше внимание в данном случае, прежде всего, приковывается словами Господними о том, что христианин, даже и исполнивший *всё повеленное* ему, должен считать себя *ничего не стоящим рабом*, как сделавший только то, что *должен был сделать* (Лк.17:10). Здесь, как видим, пресекаются всякие корыстные расчеты и соображения в самом корне, так как выполнение человеком решительно всего, что он обязан, как христианин, совершить, не дает ему права рассчитывать ни на какую награду. Он и в этом случае – лишь «неключимый», «ничего не стоящий раб»! Награда-же ему за гробом может быть рассматриваема только как дело одного снисхождения всемилостивого Бога – не больше. Но, быть может, корыстные расчеты, не простираясь на область жизни будущего века, уместны в отношении к здешней жизни, быть может, христианин, совершающий добрые дела, имеет право рассчитывать, по крайней мере, на похвалу и иные подобного рода отношения со стороны своих ближних, что некоторым образом способно *побуждать* его к дальнейшим добродетельным подвигам? Ничуть! Нравственно-доброе поведение христианина должно идти путем, незаметным для окружающих: не только не должно *трубить пред собою* кому бы-то ни было, как делают *лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди*, но следует поступать так, чтоб левая рука не знала о милостыне, раздаваемой правою (Мф.6:2–3)... *Праведность книжников и фарисеев* не имеет, по слову Господню, никакой цены (Мф.5:20)... Господь призывает нас *прежде всего* искать *царства Божия и правды Его* (Мф.6:33)...

Однако, и новозаветным христианским учением людям, проводившим жизнь благочестиво, старавшимся по мере возможности исполнять нравственный закон, все-таки обещаются *блага царства, уготованного от создания мира* (Мф.25:34), тогда как нечестивых ожидают *проклятие и вечный*

огонь, уготованный дьяволу и его ангелам (– 41), одним, короче сказать, обещается *жизнь вечная*, а другим – *мука вечная* (– 46). Как смотреть на это? Дело осложняется, – по крайней мере, по-видимому, – тем еще обстоятельством, что как будто здесь имеет место некоторое несоответствие. Именно: дела здешней жизни – очень непродолжительной, а в сравнении с вечною – мгновенной, однако, оцениваются *вечною* мукою или *вечными* благами.

В разъяснение всего этого могут идти такого рода соображения. Убеждая взрослых совершить какое-либо дело, мы обычно указываем на внутреннюю «ценность» данного действия, на ту пользу, какую оно может принести другим. Если речь идет о человеке, развитом в нравственном смысле, то о наградах, могущих быть за такое деяние, обыкновенно не говорят, не желая оскорбить нравственного чувства подобного лица, в своих поступках не руководящегося такого рода побуждениями. Если-же уговаривают совершить известный поступок или детей, или и взрослых, но не достигших достаточной высоты нравственного развития, то обыкновенно не ограничиваются вышеуказанными побуждениями, как недостаточно понятными (или и совершенно непонятными) для них и потому недостаточно убедительными (или совсем неубедительными), а приводят еще другое – более сильное для них, именно называют ту награду, какая ожидает их в случае осуществления ими того, к чему их в том или другом случае склоняют. С каждым нужно действовать, применяясь к уровню его *духовного* развития (конечно, без ущерба для истины). Христианские обещания мук и блаженства в будущей жизни должны быть рассматриваемы именно в этом смысле, как имеющие в виду у себя, с одной стороны, людей нравственно юных еще, а с другой, стоящих на распутьи и не знающих – куда склониться: в сторону-ли добра, от которого их отвращает, однако, тернистость предстоящего им пути, или в сторону зла, очень соблазнительного по своей внешности. В отношении к таким людям подобные христианские обещания не заключают в себе *ничего нечистого, мутного, сколько-нибудь предосудительного*. Отсюда речь о корыстном характере, будто

бы отмечающем собою христианское учение о нравственности, не имеет под собою прочных, устойчивых оснований и объясняется неправильным пониманием дела или заведомо пристрастной точкою зрения на него. Затем, каждый человек такую или иную деятельность своею в этой жизни успевает создать себе известную нравственную физиогномию, отмеченную определенными чертами. Если он ведет жизнь согласную с требованиями нравственного закона, то он *блажен уже в своём действовании* (Иак.1:25), он уже *владеет царством Божиим, состоящим в праведности и мире и радости во Святом Духе* (Рим.14:17), следовательно, не приходящим отъинуду внешним образом, но создаваемым самим-же человеком и находящимся *внутри его* (Лк.17:20–21). В будущей жизни имеет быть *только* дальнейшее развитие и проявление этого внутреннего богатства человека. Раз воля человеческая, сложившись в здешней жизни в нравственно-добром направлении, овладеет царством Божиим, насколько это ныне возможно, то вполне естественно, даже вполне необходимо предположить, что в загробной жизни она будет продолжать развиваться в том же направлении до бесконечности и потому именно, что там не окажется никаких причин, которые-бы отклонили её в сторону от взятого ею направления. Следовательно, на наш взгляд, дело обстоит таким образом. Тот рай, который так смущает иных, отчасти составляет достояние нравственно-прекрасного человека уже здесь – на земле, – по крайней мере, в начальной стадии его, – и было-бы крайне неразумно и непоследовательно предполагать, что рай будущей жизни не есть вполне и даже единственно естественное продолжение земного, понимаемого в указанном смысле. Что сказано о рае, то же должно сказать и об аде. Человек, в здешней жизни постоянно проявляющий себя в направлении нравственно-дурном, создает внутри себя прочное злое настроение, прочно-злую волю или, что собственно тоже в некотором смысле, ад, сопряженный с мучениями и терзаниями совести. Естественным продолжением земного ада является ад будущей жизни, как имеющий состоять прежде всего в дальнейшем развитии того нравственно-

порочного настроения человеческой воли, какое приобретено ею здесь. Если на земле поворот окрепшего нравственно-порочного направления в противоположную сторону, без вмешательства в дело чего-либо очень необыкновенного, психологически невозможен, то эта невозможность естественно останется таковою-же и в жизни загробной... Словом, рай и ад, прежде всего, не есть что-либо извне привходящее в человека, не есть что-либо даруемое ему только и только со стороны, но преимущественно и главным образом создаются самим-же человеком. Сам-же последний прежде всего обуславливает и продолжаемость того и другого до бесконечности, помимо вмешательства в это дело какой-либо чуждой, посторонней силы. Что-же касается так называемых внешних благ и внешних наказаний, т. е., телесных, имеющих стать уделом праведного и нечестивого в будущей жизни, то они послужат только приложением к внутренним, поскольку мы воскреснем и своими телами. И, если-б кто-либо здесь – на земле – стал поступать добродетельно из побуждения, навеянного страхом получить себе в будущей жизни в удел внешние муки, – из побуждения, какого столь боятся некоторые лица, – то такой человек не был-бы нравственно-хорошим с христианской точки зрения, которая ценит главнейшим образом чистоту внутреннего настроения, с каким поступки совершаются человеком (ср. Мф.23:25, 26...). Поступки-же, совершаемые с корыстной целью (напр., с желанием получить в удел от Бога блаженство за гробом), а равно и по принуждению (напр., со стороны страха пред будущими мучениями), в нравственном отношении никакой цены не имеют. Всему учению христианства безусловно чуждо то, что сколько-нибудь отмечено духом корыстности. Кто в своей деятельности руководствовался одною только любовью к добру, возвещаемому Евангелием Христовым, тот только и получит от Бога высшую похвалу. Низших-же удостоятся, конечно, те, кто, *в силу немощи своего естества*, позволил себе некоторое, хотя-бы и мало существенное, отклонение от всецелой чистоты этой любви. С данной именно точки зрения, по святоотеческому толкованию, и следует рассматривать евангельское учение о

различных степенях блаженства... (Ин.14:2; Мф.16:27, 10:41–42...).

Но – довольно! Ясно для непредубежденных, что говорить о каком-то корыстном элементе христианских нравственных принципов нельзя. Там, где налицо безукоризненная чистота, напрасно искать чего-либо ей чуждого и с нею несовместимого.

2) Правда-ли, что Божия помощь человеку, с одной стороны, и дьявольские против него козни, с другой, лишают нравственное поступание человеческое внутренней его ценности?... Нет, неправда. Из того обстоятельства, что, по христианскому учению, Бог содействует человеку в его благих стремлениях и начинаниях, а дьявол всячески ему противодействует, совращая его на путь зла и порока..., не следует, что человек как-бы связан в своей нравственной деятельности по рукам и ногам.

Соображения иначе рассуждающих лиц, их опасения... тогда могли-бы еще иметь некоторый смысл, когда-бы человек в своей жизни и деятельности не испытывал на себе никаких других, кроме названных, воздействий. Между тем, в действительности видим далеко не то: на человека постоянно и всюду идут всякого рода воздействия, начиная с самой ранней поры его жизни и до самой смерти, – воздействия и влияния как со стороны его родителей, воспитателей, учителей, товарищей, так и вообще со стороны той среды, в которой ему всегда приходится вращаться и с интересами которой – так или иначе сталкиваться и считаться. Эти влияния – сильны и сомнению не подлежат. Почему-же, в виду всех таких воздействий, защитники адогматизирования христианской этики не считают человека стесненным в своей нравственной деятельности, а лишь только в виду воздействий, направляющихся со стороны Бога и дьявола? На это они не могут дать разъяснений, достаточно обоснованных. Кроме того, рассматриваемое нами положение их следовало-бы признать состоятельным в том лишь случае, если бы, с точки зрения христианства, указанные воздействия и влияния были настолько сильны, что человеку оставалось-бы только подчиняться им – не больше, – что говорить о каком-либо самостоятельном его к ним отношении

было-бы невозможно. Но такого взгляда христианство, само собою понятно, не высказывает и не думает высказывать. Ведь проповедуемые христианской религией рай и ад, служащие в данном случае каким-то особенным пугалом для данных адогматистов, не могли-бы быть сколько-нибудь понятны, если-б человек действительно был не в силах направлять свои действия по личному усмотрению. Но они всецело понятны нам, потому что, по учению христианства, всякий человек нравственно-свободен и каждый, следовательно, может в тех или других случаях поступать и так, и иначе, – свободно «определять себя» (по выражению о. И.Л. Янышева) в «нравственно-добром» или «нравственно-дурном» смыслах. Отсюда двери рая представляются отверстыми не для всякого потому только, что он числится христианином, а лишь для того, кто живет добродетельно, высоконравственно... кто не злоупотребляет своею нравственною свободою, а направляет её по здоровому пути. Сверх этого, воздействия со стороны Бога и дьявола, прямо противоположные одни другим, даже полезны для человеческой свободы, всячески упражняя её и испытывая: поставленный среди таких воздействий – человек, поступая, однако, по своему усмотрению, т. е., отдавая предпочтение то одним из них, то другим, в конце концов развивает целое направление своей воли, отмеченное тем или иным характером, при чем насколько больше препятствий он встречал себе на пути, настолько больше чести заслуживает его свобода, не поддавшаяся их влиянию... Ведь для подобной-же цели Бог дал нашим прародителям и заповедь в раю, чтоб, исполняя её, они укрепляли свою нравственную свободу, развивали её... Не было-бы заповедей и проч., не было-бы для человека и почвы, на которой могла-бы расти его нравственная жизнь надлежащим образом... По отношению-же к рассматриваемому нами ныне случаю надлежит сказать, что, если-б человеческая свобода стояла вне условий борьбы с воздействиями, идущими со стороны Бога или дьявола, или его собственной природы, или внешней..., тогда и действия, впечатленные ею, не имели-бы особенной цены и значения. Это – бесспорно... И так, нет

оснований бояться того, чем пугают других и чего боятся сами, рассматриваемые нами, адогматисты.

3) Принижают-ли догматические основы этики нравственную сторону жизни человека сравнительно с «религиозною» и даже внешне-«обрядовою»? Действительное положение вещей дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Религиозным основаниям, догматам, конечно, в христианстве придается большое значение, что и естественно. Напр., без веры в Бога, в Иисуса Христа и Его искупительное дело и проч. христианин, как такой, не может быть мыслим нисколько. Всё это – так. Но эта вера, рассматриваемая сама только по себе, – с точки зрения христианства, особенного значения не имеет. *Ты веруешь*, говорит св. ап. Иаков, *что Бог один: хороню делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь-ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва...* (Иак.2:19–20)? Вера вне её отношений к делам, вне её связи с нравственным поступанием человека называется в христианстве безжизненною, которая одухотворяется только нравственным поведением христианина. Добрые дела, свидетельствуя о нравственно-добром настроении человека, служат прославлению Бога больше, чем какая-бы то ни было вера, но замкнутая в себе. Господь говорит в «нагорной беседе»: *да светит свет ваш пред людьми, чтоб они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного* (Мф.5:16). Отсюда и царство небесное обещается лишь тем, кто проводит евангельский нравственный закон в самой своей жизни, а не тем, кто считается последователем Господа только на словах: *не всякий, говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в царство небесное*, – таковы слова Господни, – *но исполняющий волю Отца Моего небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего-ли имени мы пророчествовали? и не Твоим-ли именем бесов изгоняли? и не Твоим-ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас: отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф.7:21–23). Если-же св. ап. Павел в некоторых местах своих посланий и говорит об оправдании верою, *независимо от дел закона* (Рим.3:28; Еф.2:8–9), то он

утверждает, вопреки мнению рассматриваемых нами адогматистов, не то, что в христианстве вера стоит неизмеримо выше нравственного поступания человека, а то, что дела закона, на которые обыкновенно ссылались некоторые из иудеев и по переходе их в христианство, в последнем уже не имеют значения, какое им принадлежало во времена ветхозаветные – до явления в мир Спасителя. Ап. Павел, как то неоспоримо показывается самым контекстом его речи, из которой адогматистами вырываются различные его выражения, в этих случаях говорит не о том, следовательно, что думают здесь найти данные мыслители, а о совершении другом... Итак, вера христианская должна проявляться в добрых делах, оживотворяющих её и возвышающих. Это – истина, которой в христианстве не знает разве лишь младенец. Но и эти самые добрые дела, в свою очередь, должны одухотворяться любовью (к Богу и ближним, что составляет сущность всех христианских заповедей: см. Мф.22:37–40: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая-же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки*). Без любви, как такой, поэтому, и самые добрые дела наши не имеют никакого нравственного значения: напр., *раздача всего имущества, даже отдавание тела своего кем-либо на сожжение без любви – в нравственном отношении – ничто, а тем более – ничто без неё* обладание даром *говорить языками человеческими и ангельскими, даром пророчества, знанием всех тайн, всяким познанием и всею верою, при которой можно и горы переставлять*. Такова любовь и её сила (1Кор.13:3,1,2). Взаимная любовь христиан друг к другу, проявляющаяся в соответствующих делах, считается Спасителем за главнейший и даже единственнейший в некотором роде признак, по которому можно отличить Его учеников от других людей (Ин.13:34–35: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга, говорит Спаситель; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*). Наконец, в день великого страшного суда

удостоятся похвалы и награды только те, кто самыми делами своими проявляли любовь к ближним (Мф.25:31–46): кто, в частности, кормил алчущих, поил жаждущих, принимал странников, одевал нагих, посещал больных, навещал заключенных, – те услышат голос Судии-Царя: *приидите, благословенные Отца моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира*. Поступавшие-же иначе услышат грозный приговор: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...* (loc. cit.). Долго было-бы в настоящем случае перечислять все те места из священных новозаветных книг, где ясно показывается, что в христианстве нравственность ни мало не унижается по сравнению с верою и вообще религиозными, догматическими её основаниями, но что, напротив, сама вера вне её отношений к нравственному поступанию человека не имеет никакого значения. Что-же касается так называемой внешне «обрядовой» стороны, имеющей место в христианской жизни, то даже и речи о заслонении ею нравственно-добродетельного поступания человека быть не может. На внешне-«обрядовую» сторону в христианстве обыкновенно смотрят лишь как на нечто, служащее к обнаружению во вне полноты внутренних религиозных чувств человека-христианина, – обнаружению, столь-же необходимому, сколь необходимо бывает человеку в обыкновенном его житейском быту под влиянием, напр., горя, так сказать, «отвести душу» беседою со своими друзьями, знакомыми, а под влиянием чувств радости – выразить их полноту в такого же рода беседах со своими близкими... Человек, духовная жизнь которого полна богатством, не может не поделиться им с окружающими его людьми, не может не сделать и этих участниками своих внутренних избытков. И это бывает необходимо и будет необходимо, пока человек не перестанет состоять не только из души, но и из тела, которое, в свою очередь, также известным образом должно заявлять об отношениях человека к Богу. Кроме того, общественное богослужение, общественная молитва и проч. в этом-же роде служат великим внешним средством к тому, чтоб выражать и закреплять единение христиан друг с другом, чтоб наглядно

показывать, что лица, собирающиеся для такого рода действий воедино, – братья во Христе, что они, не смотря на очень значительное часто различие в их общественном положении, с христианской точки зрения – равны между собою, как все одинаково искупленные Спасителем и проч. Даже сам Л. Толстой когда-то писал: «мне радостно было сливаться мыслями со смирением отцов, писавших молитвы. Радостно было единение со всеми веровавшими и верующими» и т. д. (чит. у проф. А. Ф. Гусева в его брошюре: «Необходимость внешнего богопочтения»..., по изд. 1902 г., стр. 35). Но быть какою-либо помехой в отношении к нравственности внешне-«обрядовая» жизнь не намерена, не может и не бывает, где она поставлена нормально. Конечно, и здесь, как и везде, могут быть и действительно случаются и отклонения от правого пути: напр., некоторые, неправильно понимая внешнюю обрядность, иногда её рассматривают, как своего рода самоцель, имеющую полный смысл и значение саму по себе, и, забывая о необходимости заботиться главным и исключительным в некотором роде образом только о своём внутреннем святилище, об его украшении и просветлении, все свои попечения ограничивают, к сожалению, одним внешним только исполнением тех или других религиозных обрядов, напр., молятся без соответствующего внутреннего настроения..., – словом – превращаются в то, что у нас обозначается словами: ханжа, фарисей..., но такого рода отклонения, как своего рода уродство, в этом смысле и должны быть рассматриваемы, но не должны быть возводимы близоруко в принцип. Не по уклонениям от нормы надлежит судить о самой норме. Противники-же догматических основ христианской нравственности почему-то не желают принимать данного обстоятельства во внимание. *Inde errores, blasphemiae...*

4) Действительно-ли догматические основы нравственности христианской служат причиной произвола в деле толкования нравственных принципов со стороны представителей христианской религии?

Нет, не служат..., поскольку, по крайней мере, иметь в виду православно христианскую Церковь. Дело в том, что всё

христианское вероучение и учение о нравственности содержатся в священных книгах Нового Завета и преимущественно в Евангелии Христовом. Это всякому известно. Затем, все эти книги доступны каждому, кто хотел-бы с ними ознакомиться. Православная Церковь никому не воспрещает читать слово Божи; напротив, она всячески поощряет это чтение. Отсюда, если-б кто-либо из православно христианских пастырей вздумал заведомо ложно или вообще ложно толковать содержащиеся в указанных первоисточниках христианства истины или придумывать такие, указания на которые не находилось-бы там, то всякий без особенного труда мог-бы изобличить его в том. Но, по крайней мере, православная христианская Церковь не проповедует ни одного догмата, который не мог-бы быть оправдан с точки зрения священных книг Нового Завета. Все догматы нашей Церкви опираются бесспорно на слово Божие. Следовательно, зависимое отношение к таким догматам христианских нравственных принципов не может отзываться на последних сколько-нибудь неблагоприятно. Напротив, всё, создаваемое на столь крепком и столь незыблемом основании, в свою очередь, также должно быть твердо и несокруσιμο. Речь о лжетолкованиях, конечно, была, как знаем, всецело уместна в отношении к древне-языческим религиям и их жрецам, которые, в своекорыстных расчетах, измышляли постоянно всякого рода небылицы. Затем в новейшее время она приложима и к инославным христианским вероисповеданиям: 1) к католическому, где главенство папы соединено со многими произвольными измышлениями не оправдываемых евангельским духом догматов, – где, прикрываясь своею мнимою непогрешимостью, папа может освятить какую угодно фальшь и ложь: ведь признал-же покойный Пий IX Альфонса Лигуори – этого безнравственного антиномиста, проповедника самого лживого толкования принципов христианской этики – за «учителя церкви» (*doctor ecclesiae*), на которого всякий католик может ссылаться, как на выразителя чистой истины! Альфонс для того, чтобы отстоять какую-либо ложь, не гнушался подделывать в своих сочинениях даже цитаты..., – и такой-то

человек ставится в пример... (чит. о нём в нашей брошюре: «Мораль старого и нового иезуитизма»; Спб. 1902). Но – довольно! Дело ясно. 2) Речь о рассматриваемых толкователях приложима и к вероисповеданию протестантскому с его делениями на всевозможные секты и пр. в роде реформатства..., где предоставленное каждому в отдельности человеку право толковать св. Писание по своему личному усмотрению, конечно, не в меньшей (если не в большей еще) мере связано со множеством всякого рода заблуждений, какими протестантство себя действительно и заявляет... Но, повторяем, эта речь ни мало не приложима к православному вероисповеданию, которое избегает всех ошибок, строго полагаясь в деле понимания евангельского учения не на слабый человеческий ум отдельных лиц нашего времени. а на руководство со стороны св. Предания и других авторитетнейших данных. Здесь всё ясно, всё определено, всё может быть проверено... А если так, то и данное возражение адогматистов падает уже само собою, когда идет речь о православно-христианской этике.

5) Догматические основы обуславливают-ли возникновение у людей с различными религиозными убеждениями недоброжелательных чувств вместо любви? Адогматисты, отвечая на вопрос утвердительно, стоят на ложной дороге.

Что «de facto» враждебные отношения между людьми обуславливались и обуславливаются иногда различием религиозных убеждений, напр., в католической церкви и пр., у еретиков, сектантов... – это – бесспорная правда. Но из этого нельзя делать каких-либо выводов по существу. Должно обращать внимание не на то, что бывает, а на то, что должно быть и от чего действительность иногда произвольно уклоняется в сторону. А что должно быть, об этом находим ясные указания в священных новозаветных библейских книгах. Господь наш Иисус Христос заповедал нам любить не только любящих нас, что делают и мытари, и не только братьев наших, что делают и язычники, но всех людей без изъятия (Мф.5:46–47). Различие религиозных убеждений не должно побуждать нас к недоброжелательному, враждебному отношению к нашим

ближним. Напротив, мы должны с полной любовью заботиться об их обращении на правый путь и их спасении. Только в этом случае мы выполним данный нам завет Христов. А что Спаситель наш так именно смотрел на дело, это, помимо многого другого, свидетельствуется следующим, напр., обстоятельством из Его земной жизни. Не принятый в одном самарянском селении – Иисус Христос на предложение Иакова и Иоанна поразить жителей этой деревни небесным огнем ответил; *не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать* (Лк.9:52–56). Различие религиозных убеждений не должно также уполномочивать нас *горделиво* думать о себе, что *только* мы одни поступаем надлежащим образом, а что у разногласящих с нами лиц жизнь и деятельность будто бы не представляют собою *ничего* хорошего, *ничего* согласного с божественною волею. И по смыслу Писания принадлежат как *слава*, так и *честь*, равно и *мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Эллину* (Рим.2:10). Короче сказать: вместо того, чтоб презрительно и пренебрежительно относиться к лицам, религиозные убеждения которых не согласны с нашими, – по смыслу Христова учения – мы должны больше следить за собою, за своими промахами и недостатками и за исправлением одних и искоренением других, – мы должны, в виду множества своих личных нежелательных качеств, проникаться не чувством горделивости, а чувством самого глубокого и искреннего смирения, – мы должны в деле заботы о спасении других даже жертвовать собою: и своим здоровьем, и даже самою жизнью и т. д., безусловно удалив чувство самолюбия, поскольку в последнем коренится несогласный с евангельским духом элемент. Словом, с истинно-христианской точки зрения, в наших отношениях к кому-бы то ни было может быть речь только о любви, проявляемой, конечно, разнообразно, применительно к тем или иным обстоятельствам, применительно к тем или иным лицам – к их неодинаковым условиям и проч. Следовательно, правильно понимаемые христианские религиозные основания нравственности ведут не к тому, на что указывают разумеемые нами адогматисты, а как раз к противоположным явлениям.

6) Правда-ли, что догматические основы нравственности являются излишним балластом, потому что-де и безбожники иногда отличаются высоконравственным образом жизни и наоборот? Нет, неправда.

Конечно, в христианском обществе, особенно в наши дни, не редкое явление составляют люди, по-видимому, весьма религиозные, но в действительности отличающиеся очень сильною безнравственностью, разнузданностью, которым незнакомо ни милосердие, ни сострадание к своим ближним и проч. Этот факт отмечается адогматистами совершенно правильно. Подобных людей и сами мы, конечно, постоянно наблюдаем. Всё это, словом, верно. Но совсем неправилен делаемый отсюда рассматриваемыми мыслителями вывод. Дело в том, что существование подобных людей в среде христиан должно быть рассматриваемо – как уклонение от желательного идеала, от нормы, – строго порицаемое духом св. Евангелия. Это – уродливое явление в христианском обществе, но потому именно, что оно уродливое, и нельзя на основании его строить каких-либо заключений, а особенно важных и существенных. Последние должны быть построены на основании явлений нормальных, здоровых... и только этих одних. Против такой точки зрения на дело нельзя ничего возразить. Таким образом, ссылка адогматистов на существование в христианской среде людей, по-видимому, религиозных, но в то же время действительно безнравственных, поистине изумительна по странности делаемых ими из неё выводов, – говорим: изумительна, – так как подобные люди – религиозны именно только по наружности, по внешности лишь, а не в действительности, не по существу и, следовательно, судить о взаимоотношении между догматами, религией, с одной стороны, и нравственностью, с другой, на основании поведения таких лиц безусловно невозможно. Людей, на устах имеющих имя Господа, но не исполняющих воли Отца Небесного, – от имени Господа пророчествующих, именем Его изгоняющих бесов и творящих многие чудеса, но делающих беззаконие, Господь считает недостойными войти в царство небесное и отгоняет от Себя прочь: *не всякий, говорящий Мне: Господи!*

Господи! войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного, говорит Господь. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего-ли имени мы пророчествовали и не Твоим-ли именем бесов изгоняли и не Твоим-ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас: отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф.7:21–23: стр. 24–27 и друг.).

По словам адогматистов (каких имеем у себя в виду), лицам, отстаивающим причинную связь между религией и нравственностью, должно считаться с фактом существования высоконравственных людей и, однако, в то же время безбожников. Не можем отрицать, что среди последних действительно встречаются лица, *по-видимому*, высоконравственные, *по-видимому*, исполненные духа милосердия и любви к своим ближним, иногда готовые для спасения последних даже и на высокие подвиги в роде жертвования своею жизнью и т. под.: коротко сказать: высоконравственные, насколько о внутреннем настроении людей можно судить по их делам, по их поведению. Однако, такого рода факт должно рассматривать не с одной только лицевой, показной его стороны, а главным образом со стороны внутренней, со стороны его существа. И прежде всего: где должно искать источник, обуславливающий собою такое, *по-видимому*, высоконравственное поведение безбожников? Подобные лица, как показывает действительность, обыкновенно встречаются не везде. Это – большею частью люди, или родившиеся христианами и воспитанные в христианском духе, в христианской семье, но затем по каким-либо условиям и обстоятельствам их жизни ставшие безбожниками, – или родившиеся от родителей-безбожников, но, тем не менее, выросшие и жившие или даже и живущие среди христианского общества, – так сказать, дышащие ею духом, его воздухом и проч. Отсюда возникает весьма правдоподобное предположение о совершенно возможном воздействии на них, на их образ мыслей – той христиански-настроенной среды, в которой им приходится вращаться в течение всей своей жизни. Эта среда в существе и обуславливает собою их религиозно-

нравственное мировоззрение. Такое воздействие, в виду постоянного сношения безбожника с христианским обществом, среди которого он проводит всю свою жизнь, стоит вне всяких сомнений. Его не следовало-бы в данном случае принимать в расчет только тогда, когда рассматриваемым адогматистам, выставляющим подобные примеры, удалось-бы с точностью выделить в такого рода лицах то, что возникло в них под воздействием христианской среды или вообще христианским, от всего остального, и затем доказать, что они сделались нравственными, прониклись милосердием, сострадательностью самостоятельно, независимо в отношении к христианским началам – как религиозным, так и иным. Однако, такое выделение невозможно: до такой степени существенно воплотилось в их природу христианское мировоззрение! Не будь влияния со стороны этого последнего, самое существование истинно-высоконравственных лиц было-бы немыслимо. Поясним дело примером. Искони привыкли хвалить Сократа и некоторых других древних мудрецов и ставить их в пример прочим. Между тем в настоящее время нельзя было-бы их признать высоконравственными, если, напр., припомним известную любовь к мальчикам одних из них, презрительное отношение к окружающей среде других и т. д. Всё это и естественно в виду того, что под их нравственным мировоззрением не было прочного, именно христианского – религиозного основания. Но, помимо того *источника*, благодаря которому безбожники являются людьми относительно нравственными, обращает на себя внимание самое *содержание* их нравственных поступков. Разумеемые нами адогматисты в этом случае заявляют, что таким людям присуще-де чувство уважения к «истине», к «правдивости», к чужой «собственности», чувство «признательности» к другим за те или иные, получаемые от этих, благодеяния... и вообще фактическое признание за прочими людьми известных прав и т. д. Пусть будет так! Но не следует опускать из вида того, что всё это – такие качества, которые, не смотря на их прекрасные, конечно, стороны, тем не менее далеко еще не наполняют собою всего объема понятия христианской нравственности, – и

даже более: не наполняют собою и наиболее существенной его части. В самом деле, можно обладать всеми названными свойствами, но в то же время не быть еще нравственно-добрым в лучшем смысле этого слова, в христианском. Христианство учит о происхождении всего человеческого рода от одной четы и «eo ipso» ясно говорит о характере нормальных человеческих взаимоотношений, указывая один из весьма существенных поводов, побуждающих людей к взаимной любви. Безбожнику же чужд такой взгляд на дело. Не имея подобного библейскому взгляда на происхождение человеческого рода, он не знает и названного побуждения, делающего любовь между людьми более внутренней, более естественной и понятной. Кроме того, в силу своей гордости (столь естественной у необлагодатствованного человека) он может возомнить о себе больше, чем следует, и прийти к заключению о сравнительно низшем происхождении других людей и отсюда о необязательности братского к ним отношения и т. под. Ведь пришли же к таким заключениям даже величайшие языческие умы, каковы были, напр., Платон, Аристотель, с презрением относившиеся ко всем не-грекам, да и из греков не ко всем равномерно... (ср. обо всём этом в начале нашей статьи). Не говорим уже, далее, о том, что такие, прославляемые некоторыми адогматистами, безбожники вместо внутренней любви между людьми нередко призывают низшие – бедные классы к вражде с богатыми, что уже ни мало не вяжется с нравственностью, понимаемую в истинном (христианском) смысле этого слова... Впрочем, адогматисты продолжают утверждать, что среди безбожников встречаются даже такие люди, которые, помимо перечисленных выше и подобных им добрых качеств, не наполняющих еще собою всего объема или даже существенной части объема понятия нравственности, обладают более высшими, в силу каковых они способны-де ради блага ближнего жертвовать даже своею жизнью. Подвиг поистине великий! Но опять следует оценивать его не по одной только показной стороне, а преимущественно по внутренней, по существу. В самом деле, что побуждает таких людей к подобным подвигам самопожертвования? Любовь к ближним?

Внимательное наблюдение над действительною жизнью весьма часто дает ответ совсем много рода. Под маской расположения к ближним нередко скрывается крайнее самолюбие. Из-за стремления безбожника к благодетельствованию ближних часто проглядывает страстное желание снискать себе почет со стороны других людей, желание, чтоб о нём все говорили, хвалили его, превозносили и проч. По-видимому, для пользы окружающих его людей такой человек готов на какие угодно подвиги, но в действительности его в данном случае привлекает совсем другое: слыть в глазах остальных передовым, авторитетным... человеком, к мнению и голосу которого все прислушиваются. У иного из такого рода благодетелей руководящею причиною в данном случае является, впрочем, даже и другое: напр.. он готов жертвовать своею жизнью просто по той причине, что ему и без того надоела жизнь, или – движимый чувством слепого фанатизма и т. п. Словом, выставляя подобных безбожников в настоящем случае в пример, разумеемые нами адогматисты обыкновенно увлекаются одною только наружною стороною дела, на основании которой делать выводы можно лишь с крайнею опасностью впасть в грубую ложь.

Других возражений, предлагаемых адогматистами, как еще более шатких, не касаемся, так как они не заслуживают разбора. Например, эти лица говорят: вопрос о зависимости нравственности от религии тогда еще мог-бы получить смысл, если-б человек был в состоянии иметь истинную в безусловном смысле религию, т. е., если-б он был в состоянии познать Бога со стороны Его «сущности» и т. д. А это-де не лежит в человеческой власти; иначе не было-бы налицо множества различных религий. При таких-же условиях, т. е., при невозможности иметь надлежащее представление о Боге, потому что Он недоступен нашему ведению, – прямо-де следует заключить о полной несостоятельности и опирающейся на подобном основании нравственности. Что-либо говорить по поводу этого возражения излишне, так как христианская, в частности, религия истинна, и таковы-же, следовательно, опирающиеся на её догматах нравственные принципы,

незыблемость которых именно и обуславливается незыблемостью самого их фундамента религиозного. Напрасно адогматисты, нами разумеемые, утверждают, что наука будто бы блистательно опровергнула все догматы христианской религии. Это утверждение – голословное. Враждебные христианству направления – одно за другим – исчезли и исчезают, а христианство стоит, подобно несокрушимой скале, незыблемо. Так будет и впредь *всегда...*

Коротко сказать: с какой-бы стороны и какие-бы возражения адогматистов³ мы ни рассматривали, всюду они, прилагаемые к христианской (православной) этике, опирающейся на христианских (православных) догматах, являются шаткими, несостоятельными, по крайней мере, на взгляд непредубежденный, беспристрастный, – так что и на второй вопрос, поставленный в заглавии нашей статьи, – именно на вопрос: *нужно-ли адогматизировать христианскую этику?* – считаем возможным ответить *только отрицательно*.

Итак, во-первых, *нельзя*, а во-вторых, *нет надобности* лишать христианские нравственные принципы лежащих под ними догматических основ, сообщающих первым смысл, устойчивость, жизненность, привлекательность..., бесследно исчезающие при иных условиях.

Проф. А. Бронзов

**Церковь Христова и временно без епископа быть не может.⁴ (Замечания на книгу Ивана Усова «Церковь Христова временно без епископа» миссионеров: священника *Сергия Шалкинского* и *Кал. Картушина*)
// Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 45–66**

Из книги Усова. Старообрядец. Но ведь и проповедуемая вами вселенская-то Церковь есть тоже частная Церковь.

Новообрядец. Как же это так?

Старообрядец. А так. Объясните мне, что именно вы разумеете под словами частная Церковь, вселенская Церковь?

Новообрядец. Об этом моё понятие такое: вселенская Церковь есть все верующие люди, или всё общество людей, которые сейчас живут на земле. А частная Церковь есть часть этого общества, находящаяся в какой-либо местности, отчего она иначе называется еще поместною Церковью.

Старообрядец. Вы сказали правильно, но не совсем. Общество людей, живущих в настоящее время на земле, отнюдь не составляет всей Христовой Церкви, а только часть её. Вся Церковь Христова состоит из всех небесных сил бесплотных; из всех святых людей, живших от Адама и до сего времени; к Церкви принадлежат и все люди, живущие в настоящее время на земле, содержащие истинно православную веру, и каждый христианин, исполняющий все евангельские заповеди. Что к Церкви Божией принадлежат и силы небесные, об этом свидетельствует и священное Писание, и святоотеческое учение. Так святой апостол Павел пишет в послании к ефесеям, что Бог положил «в смотрение исполнения времен, возглавити всяческая о Христе, яже на небесех и яже на земли в нём (зач. 217), воскресив его от мертвых и посадив одесную себе на небесных, превыше всякого начальства и власти, и силы и господства, и всякого имени, именуемого не точию в вещи сем, но и в грядущем» (зач. 218). В другом месте он же пишет: «И той (Христос) есть глава телу церкви, иже есть начаток, перворожден из мертвых, яко да будет во всех той первенствуя, яко в нём благоизволи всему исполнению

вселиться и тем примирити всяческая к себе умиротворив кровию креста его, через него, аще земная, аще ли небесная (кокос. зач. 251). И еще: «Не приступите бо к горе осязаемой..., но приступите к сионстей горе и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному и тмам ангелов, торжеству и церкви первородных на небесех написанных, и судии всех Богу, и духом праведник совершенных и к ходатаю завета нового Иисусу» (евр. зач. 332). Блаженный Августин учит: «Итак прямой исповедания (веры) порядок требовал того, дабы святей и единосущней Троице созиждена была Церковь, как бы жителю дом, Богу храм, и градодержателю град его. Она Церковь должна здесь состоять не только из части, которая странствует на земле от восток солнца до запад, хваля имя Господне, и после плена древнего поя песнь нову, но и из небесной, прилепившейся навсегда к своему Создателю, никогда же ни единого зла от своего падения не испытывавшей. Она Церковь во святых пребывала ангелах не порочна, которая ныне своей странствующей части, якоже подобает, спомощствует. Она Церковь ангелов и человеков будет участна вечности, которая вся учреждена для почитания единого Бога, едина в союзе любви и между собою всегда пребывает» (кн. его «Ручник: о вере, надежде и любви», гл. 54). В книге «О вере» также написано: «Скиния Моисеова, и церковь Соломонова образи бяху двоих церквей Христовых; сиречь, иже есть на земли и иже есть на небесех: церкви иже есть на земли образования баше скиния Моисеова, церкви же паки небесной образ баша церковь Соломонова, созданная на горе. Две суть церкви числом, но едина верою. О сей, иже на земли, рекл Господь: на сем камени созижду Церковь мою, а о небесной апостол рече: приступите к сионове горе, и ко граду Бога жива Иерусалиму небесному, и к позору тем ангел, и собору первородных написанных на небесех» (кн. о вере, гл. 2, л. 17 и обор.). Из сих непререкаемых свидетельств ясно открывается, что Церковь Христова состоит не из одних только людей, верующих в Бога и исполняющих его святыя и спасительныя заповеди, но и из святых бесплотных сил Божиих, так что Церковь состоит как бы из двух частей: небесной и земной, которые по числу – две; но по вере в Бога –

одна, состоящая под единою главою Господом нашим Иисусом Христом (кн. о вере, гл. 7, л. 57), главою всех «яже на небеси и яже на земли» (колос. зач. 250). Таким образом открывается, что и все истинно верующие люди, не только в настоящее время живущие на земле, но и все, которые были от Адама и до пришествия Христова, только часть всей святой Церкви Христовой, состоящей из ангелов и всех святых небесных сил бесплотных.

А что к земной части Церкви Христовой принадлежат все святые, в какое бы время они ни жили, начиная от Адама и до страшного суда Христова, на это есть очень много свидетельств в учении святых отец. Представлю здесь некоторые. Святой Иоанн Златоуст в толковании на слова апостола Павла: «Единое тело, и един дух, Якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего; един Господь, едина вера, едино крещение» – говорит следующее: «Что же есть единое тело? – Иже везде сущии по вселенной вернии, и сущии, и бывшии, и быти хотящии; паки и иже прежде Христова пришествия благоугодившии, единое тело суть. Како? – Зане и они Христа ведяху. Откуда явлено? – Авраам отец ваш, рече, возрадовася, да видит день мой и виде возрадовася» (бес. апостольск., стр. 1676–7, 10-я бесед. на посл. к ефес.). Подобно сему и в большом «Катехизисе» изложено: «Еще же и вси вернии во всем мире, иже ныне суть, бяху, и будут сии суть единою святою соборною церковью, домом же Божиим, иже есть столп и утверждение истины: 1 тим., зач. 284. (ниже В конец же вси святии в раи и на небеси суть, право истинно церковью Божиею нарицается» (катехиз. больш. гл. 25, л. 120 об.). Сие учит и книга «О вере»: Вы есте тело Христово, и уди от части, яко Церковь есть тело Христово, яже от собрания верных нас глаголю человеком всякого возраста и сана, святых Божиих и праведных мучеников и преподобных и всех благочестивых от веков составная, и Церковью наречется» (гл. 2, л. 22).

Таким образом, земная церковь, представляющая собою только часть всей Церкви Божией, состоящей и из ангелов, в свою очередь состоит из нескольких частей: из святых, пребывающих в раю, и из верующих, живущих в настоящее

время на земле, и, значит, эти верующие люди, или Церковь вселенская, есть только часть всей соборной Церкви Божией. А представляя собою только некоторую часть всей Церкви Божией, вселенская Церковь, или люди верующие, живущие сейчас на земле, есть частная Церковь. А вы сами настойчиво утверждаете, что частная Церковь может быть и без епископа и не перестанет быть православною Христовою Церковью. Так и наша старообрядческая церковь Христова, как частная церковь по отношению ко всей Церкви Божией, в продолжении ста восьмидесяти лет не имея православного епископа, была истинно православною Христовою Церковью. хотя и вдовствующею.

К полнейшему уяснению истины относительно вселенской Церкви считаю нужным сказать следующее. Если, по вашему понятию, вселенская Церковь есть общество, распространенное по вселенной, соединенное единою верою, то спрашивается: католическая церковь вселенская ли Церковь? Она более всех распространена по вселенной.

Новообрядец. Вселенская.

Старообрядец. А ваша?

Новообрядец. Без сомнения, вселенская.

Старообрядец. А армянская?

Новообрядец. И армянская церковь есть вселенская церковь.

Старообрядец. Ого, сколько у вас вселенских-то церквей, и не пересчитаешь! А ведь мы, по символу веры, должны исповедовать только одну церковь, а не многие. Прямо сказано: «во едину святую соборную и апостольскую церковь». Если, как вы сами свидетельствуете, вселенских церквей много, то скажите: какая из них есть истинная Христова Церковь?

Новообрядец. Та, у которой есть свои епископы.

Старообрядец. А у католической церкви есть свои епископы?

Новообрядец. Да есть.

Старообрядец. Значит она и есть истинно православная Церковь? Так ли?

Новообрядец. Нет: она еретическая, потому что содержит ереси.

Старообрядец. Вот вы и сами пришли к тому заключению, что истинная Церковь узнается не по епископам, а по тому, какую веру содержит: православную или еретическую. Поэтому-то и святые апостолы, и святые собор, и святые отцы и учителя Церкви не ставили епископов главным признаком православности Церкви, потому что епископов имеют и еретики, и не определяли её словом «вселенская церковь», ибо так могут называться и еретические церкви, как вы сами подтверждаете. Главным же признаком православности Церкви они ставили православную веру. Если какая Церковь содержит православную веру, то значить она и есть православная Церковь, хотя бы была и вдовствующею, без епископа, и как бы ни называлась: вселенскою или частною. Святые апостолы и святые отцы в определении православности церкви не называли её ни вселенской, ни частной, ни поместной, церковью, а называли её единою, святою, соборною и апостольскою Церковью или просто Христовою Церковью, Божией Церковью и т. п. Это потому, что названия вселенская, поместная и частная, — не означают ни православия, ни кривославия церкви, а показывают только её пространство: в одной ли местности она находится, или по всей вселенной и больше ничего. Всё равно как названия: русская, болгарская, греческая, цареградская, московская церковь означают только местность, где находится церковь, а не указывают ни на её православие, ни на её кривославие. Так и название вселенская Церковь указывает только то, что она находится во вселенной, — и больше ничего. Но во вселенной находятся все еретические церкви: значит и они могут назваться вселенскими церквами, как вы сами сказали. Посему должно употреблять такие названия церкви, которые бы её отличали от еретических церквей и не ставили бы на ряду с ними. Таковы названия, как я уже сказал, Христова Церковь, едина, святая, соборная и апостольская Церковь. Эти названия, данные Церкви святыми апостолами, святыми соборами и отцами, приличествуют и вполне приложимы только к той Церкви, которая содержит во

всём православную веру и предания Церкви неизменно, по реченному в большом «Катехизисе»: «Вопрос: Что есть церковь соборная? Ответ: Церковь соборная есть, понеже от всех святых седми вселенских соборов преданные догматы в ней соблюдаемы суть; священнословными же песньми и пении славима есть, и святыми и божественными иконами украшаема есть; основана же бе и утверждена святых мученик мощми; в ней же совершается и тайна святых и божественных службы, в ней же вси вернии приемлем пречистого тела и честных крови Христа Бога нашего, и тем причастницы бываем царствия небесного. Сие бо от святых апостол предано есть нам, и святых и богоносных отец; и того ради нарицается святая соборная и апостольская Церковь. Се есть Церковь соборная, яже всему евангелию и всему учению вселенских соборов верует, а не части. Се есть церковь соборная, яже не верует веру умышленную, ниже держит тайны от единого человека уставленные, но се верует и на се уповаает, еже Господь Бог предаде и весь мир соборне похвали и прият» (Катех. больш. гл. 25, л. 121 и оборот.).

Замечание. Раньше Усов восставал против слова «вселенская» Церковь, называя такую церковь «какой-то», «выдуманной», «измышленной» миссионерами. Теперь же, как бы отказавшись от своих слов, уже заявляет, что *«вселенская Церковь есть только часть всей соборной Церкви Божией, и эта вселенская Церковь состоит из истинно-верующих, живущих в настоящее время на земле»*... Такими противоречиями Усов едва ли окажет большую услугу тем из своих собратий, которые могут сознательно отнестись к его словам и только «малосведующие в Писании» – не поймут не искренности его проповеди.

Но это не главное. Возмутительна главным образом та бессовестная ложь, которая проникает в данном случае всё Усовское рассуждение. Желая доказать, что земная, вселенская Церковь может быть без епископа, он подводит её под понятие *частной* Церкви (могущей быть без епископа), поскольку де она часть всей Церкви Божией, состоящей из верующих живых, умерших и бесплотных небесных сил. Изумительное лукавство.

Да разве мы в данном случае рассуждаем об этой всей Церкви Божией – земной и небесной? Речь у нас о Церкви, которой, по обетованию Спасителя, «врата адовы не одолеют». Рассуждая же об этой Церкви, разумно ли и добросовестно ли вводить в понятие о ней «Церковь первородных, на небесех написанных» (Евр.12:23). Небесная Церковь вне стрел вражиих. Врата адовы: гонения, ереси и грехи уже не борют её. В Откровении Иоанна Богослова о небесной Церкви сказано: «И слышах глас велий на небеси, глаголющ: ныне бысть спасение и сила и царство Бога нашего и область Христа Его, яко низложен бысть клеветник братии нашея... и тии победиша его кровию агнчею» (Откр.12:10, 11). О земной же – иначе: «И егда виде змий, яко низложен бысть на землю, гоняше жену, яже роди мужеска, и даны быша жене два крила орла великого, да парит в пустыню в место своё» (Откр.12:13, 14). И в книге О вере читаем: «две суть церкви числом, но едина верою. О сей, яже на земли, рекл Господь: созижду Церковь мою... а о небесной апостол рече: «приступите к сионове горе и ко граду Бога живаго Иерусалиму небесному и к позору тем ангелов, и собору первородных, написанных на небесех» (лист 17). Из приведенного ясно, как день, что неодоленность обещана той Церкви, которая воинствует, а не той, которая торжествует победу. Всякое обещание требует веры и вселяет надежду, но от победивших ни того ни другого не требуется: «упование же видимое несть упование, еже бо видит кто, что и уповаet» (Рим.8:24). Таким образом, Церковь Христова, которой обещана неодоленность, есть земная вселенская Церковь. Утверждение же Усова, что земная Церковь, поскольку не включает в себя ангелов и святых, отшедших к Богу, есть частная церковь, есть – сущая нелепость. На соборе против Ария не было Авеля, не восседали ангелы, не подписывались апостолы, а собор этот, как и прочие вселенские, ото всех именуется вселенским. Трудно допустить, чтобы Усов не знал знаменитого изречения св. Кирилла Иерусалимского: «не спрашивай просто: где Церковь? но где вселенская Церковь? ибо сие собственно имя сей святой и всеобщей нашей матери Церкви, которая есть невеста Господа нашего Иисуса Христа» (оглаш. 18). Легко

понять, что под словом: «вселенская» – св. отец разумел символическую Церковь земную; на небесах не имеет места вопрос: где Церковь? Усов введением в понятие Церкви вселенской воинствующей и Церкви торжествующей – ангелов и усопших святых старался не уяснить, а затмить истину.

Лживое рассуждение Усова вызывается вопросом о небытии в раскольническом обществе единомысленного епископа. Без сомнения, Усову известно, что епископы – суть наместники апостолов, поставленные Духом Святым пасти стадо Христовых овец, а не ангелов. Поэтому Усову и следовало бы только доказать, что Церковь Христова, сущая на земле, состоящая из живых людей, может лишиться всех епископов. Для того, чтобы доказать истину, не требуется многословия: укажи два-три изречения из Писания и довольно. Но, видно, трудно приходится раскольникам считаться с этим вопросом, нет у них оправданий положительных и вот они прибегают к такой софистике: частная Церковь (напр. Карфагенская) на время могла оставаться без епископа и была святою, а так как и вселенская Церковь есть частная, то и она может быть без епископов, не переставая быть святою. Но помогут-ли и такие рассуждения? Ведь сам же Усов заявляет, что «все истинно-верующие, в какое бы время они ни жили: до пришествия Христова, во время Его земной жизни, при апостолах, в настоящее время и до второго пришествия Христова, – суть Церковь частная, а следовательно, по мысли Усова, эта земная, или частная Церковь всегда могла быть без епископов. Зачем же тогда поповцы столько времени и с такими трудами разыскивали себе епископа, да и почему белокриницкие не считают теперь беглопоповщину Церковью Христовой? Рассуждения Усова ведут к отрицанию Божественных установлений о Церкви.

Далее. Ошибочно думает Усов, предполагая, что «земнороднии» члены Церкви не именуются Церковью соборной. Приведенные Усовым слова Великого Катехизиса (л. 121 об.) обличают его же, т. к. из этих слов ясно усматривается, что соборною Церковью называется именно Церковь новозаветная, «в ней же совершаются тайна святая

божественные службы (литургия), в ней же вси вернии приемлем пречистого Тела и Крови Христа Бога нашего». И св. Кирилл Иерусалимский, объясняя 9 член символа веры: *во едину святую соборную и апостольскую Церковь*, говорит: «Церковь называется соборною, потому что она в целой вселенной, от пределов земли до пределов её, и потому что во всеобщности и без всякого опущения преподает все, долженствующие входить в состав человеческого ведения, догматы о видимом и невидимом, о небесном и земном; еще потому, что подчиняет благочестию весь человеческий род, и начальников и подначальных, ученых и неученых, наконец, потому что как повсеместно врачует и исцеляет она всякого рода грехи, совершенные душою и телом, так и в ней же приобретаетя всё именуемое добродетелью, какого бы то ни было рода, – и в делах и в словах, и во всяком духовном даровании». И далее, отличая Церковь ветхозаветную, которой не принадлежит наименование соборной, от новозаветной, носящей имя соборной, святой отец поучает: «По отвержении Церкви первой, в другой Церкви соборной, как говорит Павел: «Бог положи первее Апостолов, второе пророков, третье учителей, потом же силы, таже дарования исцелений, заступления, правления, роди языков» (1Кор.12:28) и всякую добродетель всякого рода, разумею же мудрость и разумение, целомудрие и правду, милостыню и человеколюбие, и непреоборимое терпение в гонениях. Она – оружия правды десными и шуими, славою и бесчестием (2Кор.6:7), прежде во время гонений и скорбей святых мучеников украшала преиспещренными многоцветными венцами терпения, а ныне, во времена мира, по благодати Божией, приемлет должную честь от царей, от начальствующих и от людей всякого чина и рода. И цари отдельных народов имеют пределы власти, одна святая соборная Церковь имеет неограничиваемую пределами силу в целой вселенной; потому что, по написанному, Бог положил пределы её мир (Пс.147:3)» (стр. 343 и об.). За сию то Церковь соборную Христос себе предаде (там же). Итак, *Церковь вселенская*, которую Усов, называет частною, по учению св. отец, *есть Церковь св. соборная и апостольская*, в

которой Бог поставил апостолов, и преемников их служения епископов, не на короткое время, но Дóндеже вси придем в соединение веры, и познания сына Божия, в мужа совершена... (Еф.4:11–13), т. е. до второго Христова пришествия. Усов с этим не соглашается и уверяет голословно, что такая Церковь есть частная и может быть без епископов. Но кто же поверит его голословию?!

Остается сказать еще несколько слов относительно еретических церквей: католической, армянской и др. – вселенские-ли они? Нет, не вселенские. Вселенская, или, как доказано уже, *соборная* (что одно и то же) есть только *едина* и именно та, которая «от всех св. седми вселенских соборов преданные догматы соблюдает», а так как поименованные церкви не могут быть признаны таковыми, то они и не вселенские, т. е. не соборные.

Если в каком-либо христианском обществе есть и епископы, но нет правой веры, там нет Церкви, равно как и общество, не имеющее нигде по всей поднебесной – «трехчинной иерархии и седми таинств, есть общество злых и нечестивых людей», как говорит и Перетрухин, собрат Усова по занятию. А таковое общество и есть защищаемое Усовым.

Кн. Усова. 3. О веровании в Церковь и её сущности.

Новообрядец. Вы всё толкуете о единой, святой, соборной и апостольской Церкви, то есть о той Церкви, в которую мы по символу веры должны веровать. Но вы, старообрядцы, не веруете в эту Церковь, хотя и толкуете о ней. Символьную Церковь должно составлять общество верующих людей, имеющих трехчинную иерархию и семь таинств. А вы этой Церкви не составляли, потому что у вас не было сто восемьдесят лет епископа. А мы, православные, всегда составляли и составляем собою исповедуемую в символе веры Церковь, во всем её составе, так как у нас всегда были и есть епископы.

Старообрядец. А веруете ли вы в эту, составляемую вами, Церковь?

Новообрядец. Как же не веруем? В символе веры мы всегда читаем: Верую во единого Бога Отца... и во единого Господа

Иисуса Христа... и в Духа Святого... во едину святую соборную и апостольскую Церковь. Вот как, мы веруем в Церковь, как в Самого Бога.

Старообрядец. Вот как! Вы и составляете собою Церковь и веруете в. неё, да еще, как в Бога; значит, вы веруете в себя, как в Бога. Вот в какое нечестие заводит вас ваше превратное понятие и учение о символьной Церкви. Вы становитесь как бы какими-то идолопоклонниками, верующими в тварь, как в Творца. Даже хуже: вы делаетесь прямо самообожателями, верующими в себя, как в Бога. Что может быть хуже и нечестивее этого? Если позорно и нечестиво сделать идола и веровать в него, как в Бога, то еще нечестивее веровать так в самих себя.

Новообрядец. Но ведь люди верующие называются же Церковью, как говорится в Катехизисе и во многих других книгах; а в Церковь мы обязаны веровать: следовательно, должно веровать в людей верующих.

Старообрядец. Если так рассуждать, то можно пойти еще дальше. В Писании человек называется не только Церковью, но даже богом: «Аз рех бози будете (Пс.81). И: «творяй милость Христу своему Давиду» (Пс.17). Отсюда, по вашему, можно вывести такое заключение, что должны веровать в людей, вместо Бога и Христа. Так действительно и поступают хлысты, или шелапуты, злоупотребляя словом «Бог» и не разумея того, что иное дело бог по естеству и иное по уподоблению. И вы, злоупотребляя словом «Церковь» заставляете веровать в людей, как в Бога, и таким образом исповедуете и проповедуете своего рода хлыстовство. Церковью называется не только целое общество верующих, но и каждый член этого общества, каждый человек верующий, и даже храм-здание, где собираются верующие на молитву и много других предметов, или «вещей», что указано в том же большом «Катехизисе» (гл. 25, л. 120 и об.). По вашему, должно веровать, как в Бога, и в каждого верующего человека и даже в молитвенные здания: ведь и они называются Церковью.

В предотвращение подобных толкований и злоупотреблений митрополит вашей же Церкви Григорий, после

перечисления различных понятий, выражаемых словом «Церковь», дает такое наставление: «Весьма нужно заметить это различие значений слова Церковь: потому что не различая этих значений, и употребляя места писания, в которых находится слово Церковь, без надлежащего рассмотрения, как нередко поступают отступники от православия, неизбежно впадешь в разные заблуждения. Ибо что говорится в писании о Церкви в одном значении, того нельзя сказать о Церкви в другом значении. Например, того, что можно сказать о Церкви, как о храме Божием (о здании), нельзя сказать о Церкви, как о правоверующих людях. Посему св. Златоуст; в беседах на слова: «Предста царица», сказав о Церкви, как о верующих людях: «Церкви ничтоже есть равно», тотчас остерегал слушателей, чтобы они не приняли этих его слов о Церкви, как о храме (о здании), именно: не глаголи ми стены... Стены летами обетшавают, Церкви же никогда не стареет (Маргарит, л. 519). Или еще: «вельми Церковь Богу возлюблена есть. Не сия, яже стенами ограждена, но сия, яже верою ограждена» (кн. о Вере, л. 19 на обор.) (Истинно древн. и истинно правосл. Церковь, Григория м. Петерб. ч. I, гл. 1, стр. 18). Митрополит Григорий направил это замечание о Церкви, конечно, против старообрядцев, но оно всецело поражает вас, проповедников новообрядческой Церкви, так как вы действительно вводите простодушных в страшное заблуждение словом «Церковь», заставляя под именем её веровать в людей, как в Бога».

Замечание. Вопрос православного следовало бы правильнее формулировать так: «Общество христиан, не имеющее трехчинной иерархии и седми таинств, может ли именоваться св. соборной и апостольской Церковью?» Но такой вопрос для Усова неудобен, поэтому он и влагает в уста своего собеседника рассуждение о том, что раскольническое общество *не составляет*, православные же *составляют* Церковь Христову. Но если бы иногда православные и употребляли это выражение, то отнюдь не в том значении, какое хочет придать ему Усов. Мы веруем, что св. Церковь создана Христом Спасителем, и эта Церковь *состоит* из лиц иерархических: епископов, священников и диаконов, а также и мирян. В ней «ни

епископ не возносится пред диаконами или пресвитерами, ни пресвитеры – пред народом: потому что из тех и других *состоит* тело Церкви» (св. Ипполита о дарованиях ч. 1). Но не всякое общество христиан называется Церковью Христовой, хотя бы в нём и была трехчинная иерархия: где нет полной веры в евангелие, в догматы, определенные на св. соборах, и совершения седми таинств, там нет Церкви. Австрийский лжепоп Василий Механиков должен пользоваться и пользуется особым авторитетом в австрийском расколе, посему мы позволяем себе сделать ссылку на его слова: «Краткое понятие о созданной Господом Церкви, долженствующей существовать, в указанном виде, постоянно, как вечноживой и спасительный организм, как бы корабль, плавающий по волнам мира сего (блаж. Иероним, твор. его, ч. 4, стр. 78–84; Петр Христолог, кн. его, ч. I, сл. 19 о укрощ. морские бури), может быть выражено так: Церковь есть Богом установленное общество верующих в Иисуса Христа Бога Нашего, соединенное единою верою, законом Божиим, священноначалием и таинствами. Это, между прочим, и есть её существенные признаки православия». (Историко-Каноническое обозрение старообрядческого общества, л. 141). Итак, существенные признаки созданной Господом Церкви суть: истинная вера, священноначалие и таинства. А так как раскольники в продолжение 180 лет не имели трехчинной иерархии и седми таинств, то ясно, что раскольники *не составляли* (как и теперь не составляют) Церкви Христовой, т. е. не входили (и не входят) в её состав, т. к., по словам того же Механикова, без священноначалия, подразделяемого на три степени – или чина – епископа, пресвитера и диакона – не может быть ни Церкви, ни освящения (там же л. 146 об.). В св. Церкви установлено и содержится семь церковных таинств и «эти семь таинств – один из существенных признаков её православия. Кто приемлет и верует, что во св. Церкви должны быть семь таинств, тот есть истинно-православный христианин, а кто отрицает хотя одно из них есть еретик» (200). Эти слова Механикова вполне справедливы. К ним только следует добавить еще, что мало веровать в необходимость таинств: их следует совершать и

принимать, чрез них освящаться. Ведь известно, что и беси веруют и трепещут, но такая вера не спасет их. Не такова-ли и вера раскольников? Если они веруют, что в Церкви Христовой должны быть всегда все семь таинств церковных и тем не менее пребывают в таком обществе, которое на 180 лет лишалось полноты сих таинств, то сознательно пребывают в гибели.

Напрасно Усов, не выяснив, *что* собственно он понимает под словами «Церковь Христова», постоянно уклоняется к вопросу: *что значит веровать в Церковь*. Пусть веровать в Церковь – значит «уповать на учение и догматы св. апостол и св. семи вселенских соборов», но ведь сам же Усов далее говорит, что «Церковь состоит не только из веры, но и из верующих, так что вера и верующие *составляют* части Церкви» (стр. 22). Но какие верующие *составляют* часть Церкви, или *тело* Церкви? «Иже непоколебимую держат едину православную веру, облобызают евангельское учение, иже достойни суть приимати святыя божественныя тайны, иже суть... под правлением совершенных святых, от Христа поставленных» (Вел. Катех.). Подходит-ли под это определение великого Катехизиса общество русских раскольников? Конечно, нет. По отделении свём от св. православной Церкви, раскольники лишились и трехчинной иерархии и седмеричного числа церковных таинств. А св. Игнатий Богоносец поучает: «все последуйте епископу, как Иисус Христос – Отцу, а пресвитерству, как апостолам. Дяконов же почитайте, как заповедь Божию. Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви... Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви; напротив, что одобрит он, то и Богу приятно, чтобы всякое дело было твердо и несомненно... Прекрасное дело знать Бога и епископа. Почитающий епископа, почтен Богом; делающий что-нибудь без ведома епископа, служит дьяволу» (посл. к Смирнянам, гл. 8 и 9). «Надобно не только называться, но и быть христианами, тогда как некоторые на словах признают епископа, а делают всё без него. Такие, мне кажется, не добросовестны, потому что не вполне по заповеди делают собрания» (Магnez. гл. 4). Неужели,

спросим мы Усова, их общество, как творившее *всё* без епископа и по словам св. отца недобросовестное, потому и служащее дьяволу, составляло тело Церкви Христовой? Нет, отвечает за Усова Механиков, – без епископов, пресвитеров и диаконов *не может быть* ни Церкви, ни освящения.

Итак, православная Церковь учит согласно со св. отцами, что Церковь без епископа быть не может, так мы и веруем. Усов же верует *в своё* учение, противное святоотеческому, а посему (скажем его словами): «делается прямо самообожателем, верующим в себя, как в Бога. Что может быть хуже и нечестивее этого?!» Не оправдают его ни великий Катехизис, ни митр. Григорий, так как они никогда не учили, что Церковь Христова может быть без епископа, и словом «Церковь» «не злоупотребляли», как это делает Усов. Вел. Катехизис, перечислив «кие *вещи*» нарицаются именем Церкви Божьей, в устранение лжетолкований и злоупотреблений, подобных усовским, тотчас же ставит вопрос: «что есть *Церковь* Божия?» Смысл данного места Вел. Катехизиса таков. Некоторым предметам, или вещам *присвоено* название Церкви Божьей, но они на самом деле, «по существу» – не Церкви: Церковь Божия едина, а *вещей*, коим присвоено наименование Церкви, *много*. Например, *храм*, в котором *собираются* верующие на молитву, наз. церковью потому именно, что в него *собираются* или *созываются* верующие, так как «грецы нарицают ю (церковь) еклисия – сиречь собрание или созвание» (л. 119 об.). В этом смысле и в Евангелии сказано об апостолах: «бяху выну *в церкви*» (Лк.24:53), т. е. в храме. Церковью, в смысле храма, в котором обитает Господь (приидем и *обитель* сотворим), наз. и христианин. Как *собрание* верующих, церковью называется семейство (дом) христианина, каждый приход, «особно же наставницы перковнии и строители» и т. д. Но всем этим «вещем» присвоено название церкви не в собственном смысле.

Поясним это примером:

Бог есть Судия всеправедный, но так как и из среды людей есть *судьи*, то и они у пророка названы *богами* (Пс.81); но ведь отсюда нельзя выводить такого умозаключения, что каждый судья есть бог в собственном смысле этого слова. Сын Божий –

Христос, но и *цари*, как помазанники, *называются христами* (Пс.17). Что же? Будем ли мы считать каждого царя Единородным Сыном Божиим? Так же должно понимать и о Церкви. Если и многие люди наз. судьями, но истинный Судья Един, многие цари наз. христами, но Истинный Христос Един; многие вещи наз. церковью, но истинная Церковь едина, хотя, как и Бог, имеет «многи имены».

Что же есть Церковь Божия? спрашивает Вел. Катехизис, и отвечает, что Церковь Божия в собственном смысле есть не один христианин, не дом христианина, не приход, не храм, не учение, не вера, а *собрание всех верных Божиих, содержащих православную веру*, приемлющих святыне и божественные тайны, находящиеся под управлением Богопоставленных пастырей (л. 120 об.). Церковь Христова называется *единою*, поучает Вел. Катехизис, потому, что она пребывает в едином Дусе Иисусе Христе, во единой вере, и во единех догматах, о той вере и св. тайных учащих; и во Единой Главе Господе нашем Иисусе Христе, и под единым чином Его и рядом, правил апостольских, вселенских соборов, св. отец, пастырей и учителей, т. е. св. пап, патриархов, митрополитов и проч. Церковь Христова *святая* потому, что верою и тайнами соединившись со Христом – Главою своею – от Него *освящается*, и потому еще, что Дух Святой, «пребывая в ней выну, соблюдает ю и во святыни сохраняет». Церковь Христова называется *соборною*, или *вселенскою* потому, что она всех верных везде во всем мире и в коемждо вещи сущих объемлет и в себе содержит. Она наз. *апостольскою* потому, что «уповает» на учения и догматы св. апостол, и св. вселенских соборов, а не в люди верит, еже есть «не верует веру умышленную, ниже держит тайны от единого коего человека уставленные, но се верует и на се уповает еже Господь Бог предаде, и в весь мир соборне похвали и прият (Вел. Кат. гл. 25). Таково учение великого Катехизиса и св. Церкви Христовой. Усов же взяв из всего этого только маленький отрывок и превратно поняв, извратив смысл оного, говорит, что будто бы под словом Церковь Христова великий Катехизис разумеет учение, а не собрание верующих.

Выпиской из Катехизиса и своим рассуждением Усов старается выделить из состава символьной Церкви всё лживое, как недостойное веры, и оставляет одни отвлеченные понятия: учение, догматы, проповедание и предания. Суждения Усова односторонни и, следовательно, не истинны. Христос повелевает «*поведать* Церкви» и «*слушать* Церковь» (Мф.18:17); в Катехизисе малом это «*послушание*» относится к Церкви символьной; и ей приписывается право суда и мудрость к истолкованию св. Писания. «Имать же и писание святое толковати и учителей похваляти и прославляти» (Лист 54 обор.), Но разве учение толкует писание или догматы похваляют учителей? Церковь искуплена кровию Христовою (Деян.20:28) омыта банею крещения (Еф.5:25–27), обручена Христу (2Кор.11:2). Но догматы не нуждаются в искуплении, учение не оmyвается банею крещения и проповедь не обручается Христу. Очевидно, что полное определение символьной Церкви не должно основываться на отрывочных словах, вот пример: апостол сказал: «внимайте себе и всему стаду, в нём же вас Дух Св. постави епископы пасти Церковь». Кривотолк может сказать: значит пастыри Церкви не Церковь. Христос сказал: «аще же и Церковь прослушает, буди тебе яко язычник и мытарь». Кривотолк опять может рассуждать: значит те, кои обязаны послушанием Церкви, не церковь. Оправдывая безъиерархическое состояние своей лжецеркви, Усов изошряется создать такое определение Церкви, какое меньше обличало бы духовное убожество раскольничьего общества. Теперь понятно против кого направлено приведенное Усовым замечание митр. Григория: «оно всецело поражает» Усова, «так как он, действительно, вводит простодушных в страшное заблуждение словом «Церковь», проповедуя возможность существования оной и без людей. Что касается нелепого рассуждения Усова, что якобы верующие в Церковь, как известное собрание верных, веруют в людей, в себя, идолопоклонствуют и себя обожают: то оно может обличать только суесловие раскольничьего писаки.

Во второй главе Усов писал: «наша старообрядческая Церковь Христова, как *частная* Церковь, по отношению ко *всей*

Церкви Божией... была истинно православною Христовою Церковью, хотя и вдовствующею» (стр. 16). Надо думать, что Усов считает себя членом этой *частной* старообрядческой Церкви, а чрез неё входит в состав уже и *всей* Церкви. Любопытно знать, как он избегает «идолопоклонства», состоя членом Церкви, в которую сам он по символу, как ему кажется, верует? Или, по необходимости, и он верует и в себя? Вот ведь до какого пустословия доводит защитников раскола упорство в борьбе с истиною.

Кн. Усова. Заповеди же Божия, учение апостольское не есть что-нибудь пустое, отвлеченное, несуществующее, но «дух суть и живот суть» (Ин. зач. 24), и настолько сильны и крепки, что «удобнее есть небу и земли прейти, неже от закона единой черте погибнути» (Лк. зач. 82). И паки: «Небо и земля прейдут, словеса же Моя не прейдут» (Мк. зач. 62). Эти словеса Божия и всё евангельское учение, твердейшее самой земли и неба – это евангельское учение, а также апостольские и святособорные предания и законоположения, в которые мы обязаны, по символу веры, веровать, святые отцы и учителя церковные нередко прямо называют Церковью. Так преп. Максим исповедник глаголет: «Христос Господь правое и спасенное исповедование веры нарече кафолическою Церковью быти; того ради и Петра, добре исповедавшего, нарече блаженна, на его же исповедании таковую создати всех Господь обеща» (Четия-мин. генв. 21). Св. Иоанн Златоуст еще вещает: Церковь глаголю не место точию, но и нрав; не стены церковные, но законы церковные. Церковь бо не стены и покров, но вера и житие» (Маргар. сл. 10, гл. 519). «И не возможет николи же злоба на непорочную и чистую нашу веру, и на правая веления Христовы» (Еванг. толк. нед. 13, л. 244). Подобно сему и Никон черногорский пишет: «Соборная бо Церкви не стены суть, но правая учения и предания божественных правил и святых апостол» (Такт. сл. 22).

Замечание. Что «словеса Божии и всё евангельское учение твердейше самой земли и неба», в этом никто из истинно-православных христиан не сомневается. Но «это евангельское учение, а также апостольские и святособорные предания и

законоположения» св. отцы называют церковью не в собственном смысле, а как лишь одно из существенных свойств или признаков Церкви. «Церковь есть *собрание* всех верных Божиих, *уже* непоколебимую держат едину православную веру, *облобызают* же учение евангельское непоколебимое» (В. Кат. л. 120 об.). В этих словах уважаемой и раскольниками книги ясно отличается понятие «Церковь» и «евангельское учение»: Церковь – есть *собрание верных*, а *учение евангельское*, содержимое или приемлемое и исполняемое ими, *есть* только *отличительный признак* сих верных, или Церкви Божией – от иных собраний – нечестивых, также именующих себя Церковью Божией, но извращающих сие учение (В. Кат. л. 122 об.). Усов или не понял этого, или намеренно не хотел понять. Приведенные же им изречения святых отцов не оправдывают его учения. Слова пр. Максима исповедника: «Христос Господь правое и спасенное исповедание веры нарече кафолическою Церковью *быти*; того ради и Петра, добре исповедавшего, нарече блаженна, на егоже исповедании таковую *создати Церковь* всех Господь *обеща*», – напротив, уверяют нас, что пр. Максим Церковью называл *не учение, а верующих*. Из евангельского повествования мы знаем, что апостол Петр на вопрос Спасителя: «вы же кого мя глаголете *быти*»? – отвечал: «ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Мф. зач. 67). *Учение* Спасителя уже в то время *было* известно людям, *исповедание* ап. Петра *произнесено* – что же? значит – была и Церковь Христова? По учению Усова была, по словам же Спасителя – нет. Выслушав *исповедание* апостола, Господь изрек: «ты еси Петр (камень, скала), и на семь камени *созижду* Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (тоже зачало), – т. е. Господь говорит о Церкви, как о *будущем* только, хотя *исповедание* уже *было*. На этом исповедании, говорит пр. Максим, Господь *обещает* *создати Церковь*, а блаженный Феофилакт, в объяснении тех же слов Спасителя, пишет: «исповедание, еже исповеда Петр, основание *хочет* *быти верующим*». Эти-то верующие и есть Церковь. Слова св. Иоанна Златоуста: «Церковь глаголю не место точию, но и нрав, не стены церковные, но законы церковные, вера и житие», а также и

слова: «не превозможет николиже злоба на непорочную и чистую нашу веру, и на правая веления Христовы», приведены Усовым в доказательство той мысли, что обетование Божие о неодоленности Церкви – не относится не к верующим в Него, а собственно к самой *вере* и *законам церковным*, которые названы Златоустом Церковью, равно как и в тактиконе. Но, опять повторяем, все эти выражения не есть полное определение Богосозданной Церкви, а только указание на один из существенных признаков Церкви, или, здесь обозначается содержимое вместо содержащего, так как в Церкви Божией заключается и вера правая, и исполнение законов, и житие спасительное. Тот же св. Иоанн Златоуст Церковью называет общество христиан: «Церковь глаголю верных весь народ» (Марг. житие Злат. л. 116) и эта «Церковь без епископа быти не может» (там же 154). Таким образом, ясно, что и св. Златоуст называет Церковью собрание верных Божиих (весь народ), содержащих правую веру («верою ограждена», Кн. о вер. л. 19), подчиняющихся епископам («не может бо Церкви без епископа быти»), и приемлющих св. таинства (Злат. л. 81 и др.). Против такой-то Церкви и не превозможет злоба еретическая и дьявольская николиже (Кн. о вер. л. 19).

Кн. Усова. «Вот в эту Церковь, состоящую из евангельских и божественных заповедей, из апостольских и святоотеческих догматов, преданий и проповеданий, мы, по символу веры, исповедуемся веровать и пребывать в ней».

Замечание. Такой безнародной Церкви, которая состояла бы из заповедей, догматов, преданий и проповеданий, – нет. Исповедания без исповедующих быть не может: «устаами исповедуют ко спасению» (Рим.10:10). Слова Вел. Катехизиса: «веруем во едину св. соборную и апостольскую Церковь, сиречь, уповаем на учения и догматы св. апостолов, и св. вселенских соборов, а не в люди верим» – мы знаем и приемлем, только понимаем их не так, как желательно было бы Усову. В них не говорится, *что* должно *понимать* под словом Церковь, а что значит *веровать*; веровать в Церковь – значит всем сердцем, без всяких сомнений и колебаний принимать учение её представителей, в лице апостолов, вселенских

соборов, патриархов, митрополитов и пр. Понятно само собою, что, веруя в учения апостолов и вселенских соборов, мы «не в человеки веруем», так как их учение произошло не от человеческого разума, но «от Св. Духа». Мы веруем так же, как веровали св. апостолы, св. отцы вселенских соборов, а это и служит доказательством нашего пребывания в единении и единомыслии со св. *соборною и апостольскою Церковью*. «Единомыслие Церкви соборная состоит и содержится в сих вещех», говорит Вел. Катехизис: «в согласии православная веры и во учении правом» – след., вера и учение правое (апостольское и святособорное) есть только признак соборной Церкви, «в достоинстве употребления святых тайн», – конечно, всех семи, а так как раскольники не имели семи таинств, то они и не единомысленны со св. соборною Церковью, так как «в Церкви Божией не две точию тайне, но все совершенно семь... их же св. соборная и апостольская Церковь *всегда* употребляет» (В. Катех. л. 360 об., 356). Последний признак единомыслия со св. соборною и апостольскою Церковью – «почитание святителей и пресвитеров» (л. 121 об.) также утрачен раскольниками, так как они, при своём отделении от св. Церкви, «весь архиерейский чин уничижиша» (Деян. соб.), да и теперь Усов старается доказать, что Церковь Христова может быть без святителей-епископов. Уж не это ли своё учение Усов и считает догматами и преданиями св. апостолов и св. семи соборов, т. е. Христовою Церковью и не в него ли, по символу веры, «исповедуется веровать»? Слепые вожди слепых!

Кн. Усова. «Отсюда ясно, что те люди истинно веруют в Церковь, которые строго и точно содержат все евангельские и апостольские заповеди и предания и по сим свою жизнь устроят. Старообрядческая Христова Церковь верует во едину св. соборную и апостольскую Церковь, сиречь верует во евангелие, в заповеди божественные, в догматы и предания св. апостол и св. отец, и всегда содержала и содержит их непременно и ненарушимо, постоянно стремясь исполнять их во всей точности, во всей строгости и полноте. А прочие еретические церкви не веруют в исповедуемую в символе веры Церковь, ибо разоряют многие евангельские заповеди и

апостольские догматы и предания, не содержат их и не следуют им, а следуют своим вымыслам, своим ересям погибельным, в которые и веруют, как в Богооткровенные истины, или просто веруют в самих себя и в людей, содержащих ереси».

Замечание. При всём своём желании изобрести новую безнародную Церковь, Усов должен был все-таки сказать, что Церковь – есть народ или люди. Но сказав это, Усов в то же время не отрицает существования и изобретенной его фантазией Церкви безлюдной, говоря: *старообрядческая Христова Церковь верует* во едину св. соборную и апостольскую Церковь. Таким образом, Усов проповедует две церкви: одну св. соборную и апостольскую, а другую *старообрядческую Христову*. «Ого, скажем его словами, сколько у Усова Церквей!... А ведь мы, по символу веры, должны исповедовать только одну Церковь, а не многие». Хвалится Усов, что их старообрядческая Церковь «всегда содержала и содержит неизменно и ненарушимо» заповеди божественные, догматы и предания св. апостол и св. отец. Но правда-ли это? Св. соборная и апостольская Церковь учит веровать во Единого Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, иже от Отца рожденного *прежде всех век*, а старообрядческая (Белокриницкий устав, Швецов и его единомышленники) учит, что Сын Божий рожден от Отца вместе с веками; св. апостолы законоположили, чтобы епископа поставляли *два* или *три* епископа (1 прав.), а их иерархия произошла от поставления *единого* епископа и то беглого; св. отцы заповедали, что «срамно есть из-за обрядов ратоваться» (Василий Великий), а раскольники и отделись от православной Церкви из-за исправления обрядов и выражений богослужебных книг; св. отцы поучали, что «Церковь Христова без епископа быти не может» (св. И. Злат.), а раскольники 180 лет не имели епископов и теперь Усов, ведя брань со св. отцами, утверждает, что св. Иоанн Златоуст сказал не верно. Следовательно, раскольники «разоряют многие евангельские заповеди и апостольские догматы и предания, не содержат их и не следуют им, а следуют своим вымыслам, своим ересям погибельным, в которые и веруют, как в богооткровенные истины, или просто

«веруют в самих себя и в людей, содержащих ереси». За нашей же православной Церковью раскольники, при всей своей злобе, не могли и не могут указать ни одной ереси.

Кн. Усова. «Таким образом из представленных доводов и свидетельств видно, что предмет веры в исповедуемую в символе Церковь составляют: св. евангелие, божественные заповеди и догматы, апостольские проповедания и предания. Как существенная часть Церкви, эти предметы нередко даже прямо называются Церковью. Но известно, что Церковь состоит не только из веры, но и из верующих, так что вера и верующие составляют части Церкви. Однако эти части никогда не следует смешивать между собою, и свойства одной не следует приписывать другой. Человек состоит из души и тела. Но было бы большой ошибкой свойства тела приписывать душе и наоборот. Так и относительно Церкви: в ней вера есть душа, а верующие тело. Это сравнение прекрасно развивает и излагает митр. Макарий (Далее делается выписка из «Введения в прав. догмат. Бог.» митр. Макария §16, гл. 1).

Замечание. Потратив так много усилий, чтобы доказать, что евангельское учение, апостольские, соборные и св. отеческие постановления и предания – есть св. соборная и апостольская Церковь, Усов теперь открыто отказывается от этого своего учения, называя «эти предметы» только лишь *«частью Церкви»*. «Эти предметы, говорит он, нередко даже прямо называются Церковью». Но это, конечно, не точно, следовало бы добавить Усову; но добавить это значило бы высечь самого себя. Поэтому Усов и прибегает к недомолвкам, очень ясно подразумеваемым. Он заявляет лишь, что ему «известно», что «эти предметы» не св. соборная и апостольская Церковь, а только *часть* Церкви. «Известно, говорит Усов, что Церковь состоит не только из веры, но и из верующих, так что вера и верующие составляют части Церкви». Если же Усову «известно», что Церковь не может быть без людей, то зачем он и трудился, доказывая противное? «Вера, говорит он, душа в Церкви, а верующий тело». Но как вера не может быть без верующих, так и верующие без веры, поэтому, говорит митр. Макарий, «вера и Церковь составляют *одно нераздельное*

целое», а Усов во всей этой главе доказывал, что вера может быть и без верующих.

Кн. Усова. «К этому необходимо только добавить, что уподобление Церкви телу человеческому делает и св. ап. Павел, говоря: «яко же бо тело едино есть, и уды имать мнози, вси же уды единого тела мнози суще, едино суть тело, тако и Христос» (1Кор. зач. 152). В числе удов или членов Церкви, без сомнения, состоят и епископы. Но как человек, если лишится какого-либо телесного члена, не перестает быть человеком, не умирает, не теряет благородства; даже может иногда гордиться телесными повреждениями, если они получены в геройском бою за веру, царя и отечество; а если кто лишится некоторых телесных членов от мучителей за Христа, то это еще большая честь и слава. Но если человек, с совершенно целым и здоровым телом, имеет поврежденную душу, то он не есть достойный человек, а приближается скорее к скотам несмысленным и уподобляется им, почему и заслуживает полного презрения и отвращения. Так и Церковь: если лишится какого-нибудь своего члена, например, епископа, но душа её – вера, учение и святоотеческие предания ни в чём не нарушены, не искажены, то таковая Церковь, без сомнения, есть истинная Христова Церковь, пребывая в которой, можно получить царство небесное и достигнуть вечного блаженства. Если же в какой-нибудь Церкви и все члены её целы и по-видимому здоровы, но дух её – вера, учение, догматы и предания повреждены и искажены, то таковая Церковь не есть истинная Христова Церковь, а еретическая, пребывая в которой, нельзя достигнуть вечного блаженства».

Замечание. Св. ап. Павел, уподобляя Церковь Христову телу человека, говорит: «яко же бо тело едино есть, и уды имать многи, вси же уди единого тела, мнози суще, едино суть тело: тако и Христос» («сие есть, поясняет св. Иоанн Златоуст, тако и Христово тело, еже есть Церковь». Бесед. на 14 посл.). «И овых убо положи Бог в Церкви первее апостолов, второе пророков, третье учителей... Еда вси апостоли; еда вси пророки, еда вси учителя» (Зач. 152, 153). Тело человека имать уды многи: главу, руки, ноги и пр., так и Церковь Христова, или общество

верующих, состоит из многих членов. Первый, главнейший член Церкви – суть апостолы и преемники их служения епископы, которые и нарицаются «главою церковного телеси» (Толков. на 55 апост. прав.), священники и диаконы руками, «яко теми церковное правление содевает епископ» (там же), а миряне ногами (Толк. на 64 пр. 6 вс. соб. и Беседы на 14 посл. стр. 1677). «Если человек лишится какого-либо телесного члена, не перестает быть человеком, не умирает», умствует Усов. Но это не вполне справедливо. «Ногам отсеченом бывшим, мнози много время пожиша», говорит Златоуст, но «главы кроме жити не может», так как «глава всего телесе господственнейшая есть, чувства же вся в себе имущи, и души владычнее» (Бесед на 14 посл. стр. 1677). Если, по словам Усова, верующие есть тело Церкви, и вера – душа её, то, по учению Златоуста, не может быть веры (души) в таком обществе (теле), которое не имеет главы (епископов). Усов возразит, что глава Церкви Христос. Но ведь св. Иоанн Златоуст в данном месте говорит не о Христе, а людях, верующих в Него, или о Церкви. «Глава, говорит он, лучшая оных (ног), не точию положением, но и самым действием и чином. Почто же сие глаголю: Суть в Церкви мнози (а Христос Един), суть на высоту *исправлени*, яко же глава, небесная смотряще... инии же *ног чин* содержат» (там же). И так, то общество, которое лишилось епископов, не имеет спасительной веры, как тело, лишившееся головы, не имеет в себе души. Это ясно для всякого. По учению же Усова выходит, что человек, и лишившийся головы, имеет жизнь и даже может «гордиться» отсутствием этого члена. И «старообрядческая» (только не Христова) Церковь также «гордится» (забывая, что гордость от дьявола) тем, что не имела епископов: «то обстоятельство, говорит Усов, что в старообрядческой Церкви (не Христовой) не было столько лет епископа, еще более убеждает меня в правоте и силе этой Церкви» (гл. I, стр. 6). Боже милосердный! До каких нелепых суждений доходят не призванные учителя, восстающие против Твоей св. Невесты. Желание защитить заблуждение доводит и до помрачения здравого рассудка; «и уподобляет скотом несмысленным»; но они всё же заслуживают не «полного презрения и отвращения» (как бы хотелось Усову), а

искреннего сожаления. Они «гордятся» тем, что их мнимая церковь была «повреждена» или искажена и всё же, несмотря на это искажение, считают её св. Церковью. Да, эта гордость, которую они считают признаком своей Церкви, и научила их глаголати неподобная, противно учению св. отец. Их Церковь искажена, а «невеста Христова, поучает св. Киприан, искажена быть не может: она чиста и нерастленна... Всяк, отделяющийся от Церкви (не искаженной), прилепляется к жене прелюбодейце (Церкви искаженной, какова и старообрядческая) и делается чуждым обетований Церкви; оставляющий Церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом: он чужд для неё, непотребен, враг её. «Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет материю Церковь» (Св. свящ. муч. Киприана, книга о единстве Церкви. Твор. ч. 2, стр. 180, и т. д. Киев 1891).

Наконец, вымысел Усова о теле и душе Церкви страдает явным несмыслием: человек имеет тело и Церковь имеет его; тело человека оживляется верою; высший подвиг человека, положить душу свою за кого-либо, – царя ли, друга ли, веру ли; высший подвиг Церкви – положить душу – веру за что? за веру?! У раскольников, впрочем, так случилось и на деле; они потеряли веру в борьбе, как им кажется, за веру...

Но послушаем, как далее будет защищать Усов свою «искаженную Церковь».

Из записок и дневников

**Глебов С. Из воспоминаний паломника о
преподобном Серафиме Саровском. (К торжеству 19
Июля) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С.
67–71**

Личное моё посещение Саровской пустыни относится еще к началу 60-х годов XIX столетия, когда крепостная Россия только что была освобождена от векового рабства и когда простой народ, постоянно пребывавший в вере и любви к Богу, всегда усердно посещал Божии храмы и неуклонно стремился к паломничеству в святые обители, тогда Саровская пустынь постоянно наполнялась по весне каждого года ближайшими к ней богомольцами из крестьян и помещиков Тамбовской, Симбирской и Нижегородской губерний.

Первые шли сюда пешком по обещанию, данному ими Богу, отслужить в святой обители молебен о даровании им урожая хлеба, а вторые, желая служить крестьянам личным своим примером в добрых делах и усердии к Богу, ехали в Саров в своих дормезах с целью принести свой дар монастырю.

В числе последних паломников Сарова был и я со своей матерью, старушкой, еще в 20-х годах XIX столетия, – будучи молодой девушкой, – посещавшей эту святую обитель со своими родителями, симбирскими помещиками, и на этот раз еще пожелавшей посетить её на склоне лет своих, как святое место, где так много в молодости своей ею было пролито перед Богом чистых слез и упований на Всемогущего Творца, Которого она просила о ниспослании ей лучшей доли в этом, нашем греховном мире...

Ближайшим притяжением в то время к Саровской пустыни, как рассказывала мне мать моя, – было пребывание там местного пустынника, о. Серафима. К нему то и стремились все на поклон и главным образом на совет, как жить и поступать людям в миру своём при сношении с себя окружающим обществом. О. Серафим на все такие вопросы своим паломникам давал категорические ответы: «жить в мире и

согласии со всеми людьми и пребывать в вере и уповании к Богу, Творцу нашему»...

За этими советами к пустыннику шли тогда все: и простолюдин и вельможа, и военный и статский и все находили здесь удовлетворение своих вожелений... О. Серафим принимал всех без исключения. Для него не было разницы в людях. Он говорил, что «мы все равны перед Богом; одни люди стремятся к возвышению себя над другим, точно в этом и есть всё благо нашей жизни, чтобы быть на высоте своего положения на земле, забывая притом высоту будущей жизни, которую нужно заслужить перед Богом добрыми делами на земле»...

Выслушивая эти святые речи пустынника, крепостники становились иногда гуманнее к своим рабам, а крепостные более терпеливы к их притеснениям... И так смягчалось зло и приобретало больше прав добро.

Так удовлетворял всех и во всем посредник людей перед Богом, так он смягчал грубые сердца в пользу добра и справедливости, и успокаивал страждущие души в их притеснениях...

Приемы о. Серафим своим паломникам совершал у себя в келье, в лесу, где он постоянно жил в одиночестве, и куда к нему направлялись за благословением и советом все богомольцы Саровской пустыни.

Для успокоения наиболее страждущих душ, бывавших у него на совете, о. Серафим нередко вместе с ними, как у себя в келье, так и вне её, перед образом Богоматери, как заступницы всех скорбящих и угнетенных, коленопреклоненно совершал теплые и слезные молитвы.

И так проводились все дни пустынника со своими паломниками. Так успокаивал он всех болящих и скорбящих душой и сердцем. И не было примера, чтобы он отказал кому-нибудь в своём совете. Взирая на пример Христа, благословившего блудницу на добрые дела, о. Серафим даже и в тех случаях, когда он замечал перед собой недостойных его благословения людей, всегда был на высоте своего доброго призвания и напутствовал этих порочных на добрые дела в их жизни.

– Если они пришли ко мне, то стало быть нуждаются в моей молитве перед Господом, говорил о. Серафим, – и потому я не могу отказать им в том, на что имеет право всякий человек, даже будь он закоренелый злодей. Господь простил и разбойника при его раскаянии о своих делах...

Такое беспримерное пустынножизненное житие о. Серафима влекло к себе всех его знавших по этим святым подвигам. Это был единственный в своём роде старец, который не умел различать среди людей добрых злаков и плевел и всем им отводил в своём сердце одинаковый тёплый уголок, как общему творению Божию, долженствующему пользоваться одинаковыми благами на земле. По его мнению всякий частный порок был общим злом. – «А если так, говорил он, – то никто поэтому не должен был рассчитывать на благодать Божию. Но этого нельзя было допустить потому, что всё свершающееся в мире находится в руцех Божиих»...

Потому то он всех и благословлял на добрые дела и никому не отказывал в своей тёплой молитве перед Господом.

Нужно было удивляться только всей выносливости и терпению о. Серафима по выслушиванию всех скорбей и нужд его паломников, тысячами приходивших к нему во время каждого лета. Как только один человек мог переносить на себе все излияния скорбей и болезней душевных целой округи в несколько губерний?

Присматриваясь к этому мысленно, действительно, приходится думать так, как говорили все паломники: «ему Бог помогал в этом»...

В 60-х годах, когда я впервые был в Сарове, глубокая вера народа в святость о. Серафима, по моему личному наблюдению за этим, превосходила всякое представление. Так, например, могила св. пустытника, находившаяся тогда на общем братском кладбище, в ограде монастыря, перед алтарем самой церкви, с внешней стороны её, конечно, положительно была осаждаема всеми паломниками пустыни. Не огороженная ничем, с простым деревянным крестом и песчаной насыпью на ней, на которой была положена тонкая, обыкновенная каменная плита, с простой надписью на ней о том, кто покоится под сим камнем,

могила эта, можно сказать, прямо-таки расхищалась или разорялась всеми пришедшими к ней поклониться праху в Бозе жившего пустынника, так, например песок из под плиты выбирался паломниками себе на память или на исцеление от их болезней и пр. прямо-таки горстями и плита от этого часто опускалась в могилу и постоянно оттуда выдворялась братией монастыря на своё место при новом насыпании песчаного холма над могилой. Даже и самый то крест над могилой о. Серафима пострадал от рук паломников, отдиравших от него все щепочки себе на память о посещении вечного приюта пустынника.

То же самое замечалось и в пустыни, в лесу, где еще оставалось в то время в целости, но без должного призора келья о. Серафима и та вековая сосна с образом Богоматери на ней, перед которой он молился стоя коленопреклоненно 1000 ночей кряду.

Посетив это место в 1863 году, я заметил здесь, что келья о. Серафима с внешней стороны вся была изрезана ножами и бревна её облуплены паломниками наполовину.

И всё это делалось для того, чтобы что-нибудь святое взять себе на память об этом пустыннике и, если можно, исцелять этим болящих в своём месте людей.

Подобные доводы паломников к своему варварскому расхищению всякой священной памяти об о. Серафиме, хотя и отзывались чем-то диким по своим действиям, но они уже оправдывались тем, что всё совершалось во имя веры и любви к памяти «угодника Божия», как тогда пустынника Саровского называл весь православный люд, не исключая и интеллигентов, у него бывавших на поклоне.

Вера-же в о. Серафима, как угодника Божия и заступника перед Господом за всех скорбящих и болящих, установилась тогда в народе в силу наглядных фактов по исцелению им многих от разных недугов.

Одним из таких исцелений, как рассказывала мне мать моя, — было излечение о. Серафимом болящих глазами, приходивших к нему. Он давал им святой воды и велел промывать глаза ею в смеси с горячей водою, прибавляя в неё

по несколько капель св. воды. И исцеление болящих глазами шло массажи. Но настоящий факт, относящийся к 20-м годам XIX столетия, почему-то не занесен в жизнеописание о. Серафима. Да и вообще там много кое-чего нет, что мне известно по рассказам очевидцев Саровского пустынника. Помимо всего того, что мною приведено здесь, как неизвестное об о. Серафиме, в его житии не говорится также и о том, что этот пустынник, живя постоянно в лесу и 1000 ночей молясь коленопреклоненно на камне перед образом Богоматери во время каждого лета, когда к нему наибольшее число паломников являлось в пустыню, следовательно лично видели его нечеловеческие физические страдания, был положительно иссасываем весь комарами и кровь по его опухшему от того лицу прямо-таки струилась ручьями. Но он ничем не защищал себя от этих страшных мучений. Постоянно изнемогая в них, он как бы прояснялся в очах своих живою радостью к тому, что ему Богом предопределено было поить своею греховной кровию всякую тварь Господню.

Видя в этих постоянных мучениях о. Серафима, все паломники, бывшие у него, не могли никогда забыть этих не человеческих страданий старца и всегда, вспоминая о них, орошали себя слезами умиления и благоговения перед памятью великого страдальца за грехи людские...

Таким образом, как видно из всего, нами приведенного здесь, старец Серафим еще при земной его жизни, всеми звавшими его по личным свиданиям с ним, почитался как праведник Божий, вполне достойным имени святого угодника...

С. Глебов

Миссионерские очерки

**Боголюбов Д. XIII. В церковной школе на уроке
Закона Божия // Миссионерское обозрение 1903 г. №
11. С. 72–75**

По делам миссионерским мне случилось быть в старинном молоканском селе Тамбовской епархии. Много мы разговаривали с батюшкой о церковных вопросах. Собеседник мой, о. Михаил, был человек вдумчивый и сообразительный. Он долго и пристально боролся с приходским сектантством. Особых успехов однако от трудов своих не видел. В народе, напротив, наблюдал уныние, упадок духа. Православные не хотели и не могли постоять за родную веру. – Часто о. Михаилу приходилось слышать рассказы: едут его прихожане одной дорогой. Попадается крест в стороне. Православный снимает шапку и крестится.

Молоканин спрашивает:

– Чего ты перед деревом крестишься? Ай про Бога вспомнил у дерева-то? Ты знай, бедняга, что Бог – везде. Помни о Нём на всех путях своих, а не у деревянного креста только...

Слушали мужики такие молоканские речи, но ответить на них не умели. И разливался яд сектантских сомнений по селу.

О. Михаил тогда «надумался», что нужно делать. Он понял, что никакие ученые миссионеры не угоняются за толпой молоканской. Этой толпе, – рассуждал он, – нужно противопоставить *такую-же* православную толпу. Но её пока в жизни нет. Её еще нужно создать...

И вот о. Михаил принялся миссионерски воспитывать свой приход. Каждый праздник он собирал людей в школу и проходил с ними обличение молоканства. Успехи кое какие были. Но взрослые слушатели, по разным причинам, неисправно посещали праздничные беседы о. Михаила. Многие из посетителей читать не умели. Большинство из них было страшно неразвито...

Тогда о. Михаил своё миссионерское сеяние перенес на детскую почву. Детство – это такой возраст, когда всё

воспринимается легко, быстро и прочно. Дети, по свойству своей природы, воспринятое не могут молчаливо держать в себе. Своими впечатлениями они *непременно* поделятся с родителями, знакомыми, товарищами...

Так семена миссионерские легко могут разнестись по народу.

Сообразив всё это, о. Михаил решил, что важнейшие миссионерские понятия легче всего прививать к детям школьного возраста на уроках Закона Божия. Для этого необходимо преподавание Закона Божия вести *живо, впечатлительно, осмысленно*. Дети угнетаются отвлеченным способом изложения священной истории. Библейские события в книжной передаче кажутся им сухими, далекими, неинтересными...

– Чтобы поправить дело, – думал о. Михаил, – нужно тусклые рассказы по учебникам оживлять яркими *библейскими* подробностями и картинами. Тогда дети лучше и тверже запомнят уроки по священной истории. А это отзовется на всём религиозном настроении не только *лично* их, но и их родных, друзей...

Кроме того, в видах миссионерских, о. Михаил решил особенно оттенять некоторые библейские места. Для того эти места внимательно прочитывались в школе по Библии. Здесь же, под руководством батюшки, общими силами находили простейшее их толкование, откуда само собой следовало обличение сектантских заблуждений.

Понятно, как дорожил о. Михаил церковной школой. Эту школу он показал мне при первой же возможности. Она была по внешности новая, просторная, светлая. Детишек в ней обучалось множество.

Обозревать школу мы начали с младшего отделения. Был как раз урок Закона Божия. Дети учили о жертвоприношении Исаака Авраамом. На видном месте стояла соответствующая библейская картина.

Рассказывал о патриархе Аврааме беленький и чистенький мальчик. Говорил он *по своему* художественно. Видно было, что образ Авраама живым стоял в его голове, – был ему близок и

понятен. Он повествовал о нём, как будто всё дело происходило в родном селе, среди дорогих ему людей «выйди, сказал Бог Аврааму, из земли Халдейской. Я заведу тебе большое племя»...

Самый Бог, по рассказу мальчугана, был не далеким и грозным Владыкой, каким Он часто изображается в наших «руководствах». Бог, в устах рассказчика, был добрым, ласковым старцем, беседующим с Авраамом, как с родным и *милым* сыном, – просто, без книжных оборотов речи. Это трогательно было слушать...

Спрашиваем другого мальчика из «средних»:

– Когда Христос совершил пасху?

На минуту он растерялся. Потом, оправившись, твердо сказал:

– Христос справил пасху в четверг... на страстной неделе...

Итак, все дети излагали священно-исторические события, как будто они происходили у них перед глазами.

Рассказывает еще один мальчик про Лазаря.

– Лазарь жил, захворал да помер. Сестры его закричали Христу: «кабы ты был тут, не помер бы брат наш!...». Христос пожалел их. Он спросил сестер: «где вы его похоронили?» Они показали. Христос сказал: «отворотите камень». А камнем могилу закрывали. В могилы мертвецов клали. Обвязывали лица им полотенцами...

Так развивалась повесть о Лазаре, попутно сопровождаемая своеобразными археологическими и географическими вставками. В общем образы Христа, Лазаря, сестер его очерчены были мальчиком правдоподобно и наивно-художественно...

Зашла речь о рождении Девы Марии. Один малец повествовал: «у Акима и Анны не было детей. Они стали Бога просить: хоть мальчик родится, ай девочка, – отдадим дитя Богу...

У них родилась девочка. Они называли её Марьей... Стало ей три года. Повели её в храм Божий. Собрали подруг, родных»...

Ответы младших и средних мальчиков произвели на меня отрадное впечатление. Рассказывали дети просто, осмысленно, с художественными подробностями.

Переходим в старшее отделение. О. Михаил спрашивает:

– Ну ка, Данила, укажи, где изложена заповедь Спасителя о крещении?

Данила без слов идет к шкафу, достает русскую Библию и громко читает Мф.28:19, 20 и Мк.16:15, 16.

Пояснения к прочитанному Данила дает толковые и осмысленные.

– А, может быть, крещение есть учение Христово? – искушает его о. Михаил.

Данила решительно отверг это предположение и опять в руках его забегали листы Библии. Ему помогал подыскивать нужные свидетельства из Библии сосед – молоканский мальчик. Отрадно было слышать, как этот мальчик звонким альтином обличал заблуждение своих отцов. Он же толково изложил перед нами смысл православного учения о святых иконах...

Судя по тому, как оживлялись при наших вопросах лица старших школьников, можно было предполагать, что способ *библейского* преподавания Закона Божия о. Михаилом привит всем детям...

Я остался в восторге от всего слышанного. Пропели молитву. Мы ушли с о. Михаилом из школы.

По дороге он заверял меня, что сообщить детям *необходимые* библейские тексты просто. Не нужно только этих текстов заучивать – как в наших духовных училищах и семинариях, – без Библии, часто механически. Непременно детей надо заставлять самих *подыскивать* в Библии нужные свидетельства: тогда они их не забудут. У крестьянских учеников память в большинстве превосходная...

Так. обр. своей школой о. Михаил *наметил* мне решение вопроса: как воспитать миссионерски народную массу? О, если бы достойнейшему о. Михаилу нашлось как можно больше подражателей среди пастырей на святой Руси! Тогда бы безусловный успех нашей миссии в народе был обеспечен...

Д. Боголюбов

**Чередников И. свящ. «Завещание чадам и
домочадцам и детям духовным» Австрийского
лжепопа Мирона // Миссионерское обозрение 1903 г.
№ 11. С. 76–79**

В одной из слобод раскольничьего «Стародубья», пос. Климове, проживал окружнический лжепоп Мирон Моргунов. Рьяный защитник своего толка, он вел непрерывную борьбу со своими духовными детьми, увлекающимися беглопоповщиной и противоокружничеством. Но не больно-то слушались его эти дети... Особенно восстал на лжепопа его же прихожанин некто Ершов за нововведение. Нововведение это заключалось в том, что Мирон, питая склонность к велеречию и проповедничеству, «презрел отеческие книги и поучения», и стал читать свои сочинения. Стал Ершов замечать, что у Мирона и «рыльцо часто в пушку» – по части выручки и сбора на моленную, а тут еще и домашние неурядицы, и беда от «дражайшего подружия». А уж «подружие» попа Мирона достойно того, чтобы о нём сказать несколько слов.

Сварливая баба, любящая сладко попить да поесть, да по гостям ходить, всегда вела борьбу с Мироном – врагом самовара и плотоугодия. Неоднократно дело доходило у них до того, что лжеиерей, получив чувствительное внушение от своего «подружия», укрывался в стоявшей во дворе моленной. Но рьяная «Мать Пелагея», не успев ворваться за ним в моленную, колотила стекла в «алтаре», к явному соблазну всей Австрийщины в Климове. Немалый соблазн для Австрийцев-окружников представляло и то еще обстоятельство, что за попадьею водились грешки и по части супружеской верности...

Всё это вместе взятое – и домашние и приходские беды – заставили «попа» Мирона уйти из мира.

Уезжая в неведомый никому путь, лжепоп Мирон оставил следующее завещание (воспроизводим его дословно; исправляем лишь орфографию):

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Оставляю мир и Божие благословение и прощение возлюбленной и богодарованной

моей супруге Пелагее Аникитишне, дочери Бондаревой и госпоже Моргуновой, все мои тридцатилетние к тебе согрешения раболепно прошу тебя меня, грешника, простить навсегда и во веки. В свою очередь и аз, многогрешный, недостойный нарежися Иереом Мироном, прощаю тебе, подружие мое Пелагея, яже ты ко мне согрешила многожды словом и дерзновением, даже и до биения. А яже ты согрешила к Богу своим характером и дерзновением и биением окон и стекол во святой Божией церкви (!?), то тех я простить тебе не могу, кроме Бога. А ты сама постарайся чистым и нелицемерным сердцем покаяться отцу духовному, никак ни свертючи своего дерзновения на другого, хотя бы и на меня, как – ты до сего творила. Таковое бо твоё покаяние не вменяется в покаяние, но паче в горшее осуждение. И ты, моё некогда любимое подружие, постарайся и потрудишься на сем свете не самоваром и сладкоядением (?) и прочими твоими телоугождениями, яже ми все известися от моих же чад на покаянии предомною, а постом и молитвою и глубоким смирением – умолить Милостивого Бога, дабы Он даровал тебе прошение и Свою милость, да и сподобил тебе со мною видеться в будущем веце. А ныне же не можете вы лица моего узрети даже до второго пришествия. Рассудил бо я ныне отъити в восточное место, где меня никто не знает, и плакаться грехов своих. Пусть возвеселится и возрадуется о сем господин Ершов со своею бесовскою дружиною, не они бо на меня и ты ратовали, но действующие в них бесове. Я же их прощаю, а яже к Богу согрешили, то за сия пусть сами знают. Я хотя и читал в церкви писанную мною книгу, но не как на погибель христианских душ, а на спасение их и всё от Божественного Писания. Прошу вас всех изберите себе пастыря вместо меня, грешного, только не из числа проклятого раздорнического мудрования (!?), которые пишут и глаголют и в тайне и словесно и говорят, яко великороссийская Церковь верует не в Того Бога, в Которого веруем мы и глаголемые неокружники, но в другого, по старых безпоповцев мудрованию, что якобы в противника Христова – антихриста; то прошу вас, чада, такого богомерзкого пастыря не выбирайте. Таковых богохульников и

крестохульников еще не было во всех временах от Рождества Христова (!?). Яко и четвероконечный крест Христов нарицали печатью антихристовою, яко же окружники нарицают. И имя Христа Спасителя со двема итами, тако «Иисус», нарицают прямо антихристом, что страшно не токмо рещи, но и помыслити. А они не страшатся хулить бесстрашно и безрассудно. От такового хуления да избавит вас Христос, бывшие дети мои духовные. И я, грешный, прошу и не благословляю вас тако хулить, да не с проклятыми безпоповцами и таковыми хульниками осудитесь за такое ругательство. Да и по правде сказать, чем виноват-то Иисус Христос, что его «бесстуднии Никониане»⁵ дерзновенно пишут со двема итами (!?) тако «Иисус», мы же тако противно не пишем, но пишем «Исус»... А что Никониане пишут «Иисус», того мы окружники не хулим, а считаем за Богочеловека.

Еще прошу тебя, бывшее моё подружие Пелагея, подайся немного назад, да и с походцем подайся, против своих детей постыдися, да благо ти будет. А то ты очень из себя строишь великое я, а великое я только много место занимает, а пользы-то мало приносит. Возлюби блаженное смирение и покорение, да и плоти своей утолнение, да еще бойся свертать свои грехи на чужую голову, потому что тако невозможно и спастися, брось ты работать проклятой мамоне, возлюби ты пост и воздержание, уж самовар тебя больно сокрушил да сладкие конфекты!

Посем прошу вас всех вообще, дети мои и духовные и по плоти, Бога бойтесь и страх в себе имейте, а что я с вами разлучаюсь, то вы сему не удивляйтесь, ибо пришло уже сему время, что мне более быть никак уж нельзя, а сему есть много и много причин и от непокорливых прихожан с Ершовым и от своих друзей. Того ради гряду плакаться грехов своих и исполнить обещание, яже дал Богу во время пожара принять иноческий образ. И затем прошу вас всех, более в молитвах не поминать меня Иереом, того ради, яко я утаю свой сан и буду постригаться, как простой человек, если только Бог восхощет и буду жив.

А ты, подружие Пелагея, Соню выдай замуж, только за своего прихожанина, а не за раздорника, а сама иди в «Черкасы»⁶ и плачися грехов своих.

Еще прошу вас, дети, после меня какого-бы ни поставили священника, только бы он был нашего согласия окружнического, то вы ходите на исповедь. А только прошу вас – берегитесь проклятого раздору неокружников; эти люди не по неведению погибают, а прямо за гордость, и вы их берегитесь; лучше голодом и жаждой гибнуть, нежели к ним идти. Таких богохульников и крестохульников еще не было от самого Христа, чтобы Христа Спасителя нарицать антихристом, а четверочастный крест называть печатью антихристовою. Берегитесь и отметников церкви нашей, которые перешли в «Козловскую церковь»⁷ и всячески поносят нас и упрекают раздорниками неокружниками. Спаситесь, спаситесь все вы и о мне грешном помолитесь, а я о вас, и тако Бог мира да будет со всеми вами. Амины!

Посем еще прошу вас, сие моё написание берегите и имейте себе на память и чаще прочитывайте и меня поминайте. Да спишите с этой книжицы несколько копий и дайте их тем, кто будет мною интересоваться.

1901 года, февраля 4 дня.

Многогрешный во Иереях *Мирон Петров Моргунов*

Стихира на глас шестый.

Спаситесь, друзи мои и чада и сродницы мои и чин дому моего с подружием; или зол или благ аз вам бых. Спаситесь служители Церкви моя, диацы и клирицы и чтецы и весь священнический чин. Спаситесь носящи церковное приношение и творящи добрая детели. Спасися, престоле Божий, иже иногда возлюбленный ми, спасися св. трапеза,⁸ на ней же аз, окаянный, многи литургии соверших. Спасися, жертвенниче святой. Спаситесь сопрестольницы иерейства моего и молитесь за мя, окаянного, яко меня уже третицею зовет Господь и повеление ми положи, да не мимо идет мене. Спасайся и ты, подружие моё Пелагея, и покайся, и тако да совершим благодарение наше Господеви».

Сообщил священник И. Чередников

Из миссионерской полемики

Спасский А., свящ. Собеседование с штундистом о почитании святых // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 77–93

В моём приходе проживал крестьянин Казновский. Это был наиболее грамотный человек из моих прихожан. Он читал и пел на клиросе, а в отсутствие псаломщика отправлял его дело при богослужении и для села – очень прилично. В сельском управлении он разъяснял крестьянам всё, чего они не понимали, а на сходах первый подавал голос. Но в жизни этого крестьянина меня удивляло одно обстоятельство, – крестьяне никогда не выбирали его ни на какую должность: ни старосты, ни судьи, ни попечителя, ни сборщика податей, ни магазинщика, ни даже доверенного по какой-бы то ни было статье. Это меня заинтересовало. Я решился открыть причину явления и скоро успел. От более откровенных своих прихожан я узнал неутешительную весть: Казновский, по их словам, говорит разные несообразности, «мутит народ».

Под разными предлогами я побывал несколько раз у Казновского. В его доме я заводил речь о вере и убедился в том, что Казновский не может не «мутить» народа, ибо, при всём своём старании показать себя истым христианином, он невольно высказывает мнения штундистские. Я заметил ему, что в его убеждениях есть много неправильного, предложил ему говорить со мною откровенно, так как это никому не повредит, а поможет нам скорее отыскать истину; пригласил его побывать и у меня когда-нибудь. Отсюда начался ряд наших бесед о разных истинах православной веры. Беседы эти сначала мало клеились – как по причине моей малоопытности в этом деле, так и потому, что Казновский в беседах постоянно переходил от одного предмета веры к другому, и никак не мог согласиться с тем, что для уразумения истины необходимо всесторонне обсудить один предмет веры и тогда уже переходить к другому. Но с течением времени он все-таки освоился с моим требованием и беседы наши начали получать более утешительные результаты.

Вот одна из таких бесед.

Казновский пришел ко мне вечером, в начале мая, накануне того дня, в который прихожане готовились в поле служить молебен о бездождии.⁹

– Здравствуйте!

+ Здравствуй. Казновский! Садись! Ну, что, ты всё еще не убедился в истинности православной веры? Опять в чём-нибудь сомневаешься?

– Да! сказал он садясь. Я считаю вас многобожниками, ибо вы поклоняетесь многим богам.

+ Ты говоришь безумные речи.

– Как так? Какие безумные?

+ Сам посуди, – как иначе назвать твои речи, если ты называешь нас многобожниками, когда мы поклоняемся *Единому* истинному Богу, а не *многим* богам.

– Но я своими глазами и ушами видел и слышал, как вы молитесь и Николаю, и Пантелеймону, и многим-многим, просите их спасти вас?!

+ Это потому тебе так кажется, что ты идешь в храм Божий с тем только, чтобы найти какой ни есть недочет у православных. Бог видит твоё злое намерение и отнимает у тебя зрение и разумение, и ты уподобляешься тем людям, о которых сказано: очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат, разум имеют и не понимают (Иер.5:21; ср. Ис.6:9, и д.). А если бы ты пред тем, как входить в храм Божий, смиренно осенил себя крестным знамением, да молил бы Бога вразумить тебя, – тогда Бог, быть может, возвратил бы тебе разумение и зрение, и ты увидел бы, что мы поклоняемся *Единому* истинному Богу, а святых почитаем только как слуг и друзей Божиих, а наших помощников и молитвенников; просим их, чтобы они молились Богу за нас грешных, слабых, недостойных. Поэтому-то Господу мы молимся: «Иисусе сладчайший, спаси нас!» а святым: «Святителю о. Николае, моли Бога о нас», а не «спаси нас», как ты говоришь! Видишь какая разница? Святые спасти нас не могут. Сами по себе, без соизволения Господа, они тоже люди, только угодившие Богу своим житием и за сие удостоенные

пребывать близ престола Божия и молиться за нас. Спасти же нас может один только Бог. Ты Императора почитаешь?

– Как же, почитаю и молюсь за него!

+ А поставленных им начальников почитаешь, слушаешься?

– И начальников уважаю.

+ И не можешь не слушать и не уважать, ибо сам Государь повелел оказывать поставленным от него начальникам послушание и уважение. Ну, а сколько Государей у нас?

– Вестимо, Государь Император у нас один.

+ Вот тебе и наглядный пример. Почитаем Государя и многих начальников, а все-таки Государя признаем одного. Точно также можно молиться Богу и Его угодникам, и все-таки признавать одного Бога. А посему ты совершенно напрасно называешь нас многобожниками.

– Если многобожниками вас назвать нельзя, то во всяком случае вы идете против библии и поступаете не по закону Господню, ибо Господь в Своем слове не заповедал молиться святым.

+ Как не заповедал? Это ты совершенно напрасно говоришь. Сам Бог повелевает друзьям Иова: *идите к рабу моему Иову; Иов же раб мой помолится о вас, понеже точию лице его прииму; аще бо не его ради погубил бых убо вас (Иов.42:8)*. Друзья Иова исполнили повеление Божие. Иов помолился за них и Бог *отпустил им грех их, Иова ради (Иов.42:9–10)*. Подобным образом Бог приказал Авимелеху, царю Герарскому, просить молитв у Авраама и по молитвам Авраама помиловал его (*Быт.10:17*).

– Я этого не отвергаю. Иова и Авраама просили в то время, когда они жили еще на земле. Молиться друг за друга должно и слово Божие сие творить повелевает. И наша братия молится друг за друга. А вы молитесь таким, которые давно уже умерли и молитвы ваши мы считаем бесполезными.

+ Только бесполезными?! Хорошо уже и то, что ты перестал их считать за признак многобожия! Но рассмотрим и это! – Если Бог повелевает просить молитв у живых; угодивших Ему, то кольми паче нужно молиться отшедшим в горний мир?! Ведь, живые, хотя и благочестивые, могут подвергаться

грехопадениям. Их еще могут обуревать плоть, мир: может соблазнять дьявол. «Несть человек, иже жив будет и не согрешит, аще и один день жития его на земли» (Иов.14:4). Отшедшие же в иной мир угодники Божии, совлекшись брэнного тела, не подвергаются этим искушениям. Немоуи плоти им чужды. Видишь, сколь совершеннее становятся они, отшедши в горний мир? А потому, тем более мы должны молиться им и тем паче они окажут нам помощь.

– Всё это ваше рассуждение, а вы вот в слове Божиим укажите, где-бы повелевалось молиться отшедшим святым, Я несколько раз читал Библию и такого повеления не встречал, а потому и считаю неприличным молиться умершим.

+ Да что ты всё повторяешь: умерший, умерший?!... Это ты только различаешь живого и мертвого, а у Бога нет мертвых. Для Бога все живы. *Несте-ли чли*, говорит Спаситель: *аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль, несть Бог – Бог мертвых, но Бог живых* (Мф.22:32). И если Он повелел молиться живым праведникам, то это повеление равно относится и к отшедшим в загробную жизнь. Значит, прямые повеления Бога молиться всем вообще святым есть. Это – во-первых. А во-вторых, если бы такого повеления и не было, то это еще не делало-бы излишними наши молитвы. В слове Божиим святые обещают молиться, по отшествии своём, за живущих на земле и молятся за них. А отсюда само собой понятно, что и мы должны молиться святым, просить их, дабы, так сказать, подвигнуть их молиться за нас пред Богом.

– А в самом-ли деле были такие святые, которые-бы обещали молиться по своём отшествии за живых?

+ Я тебе говорить напрасно не буду. Ап. Петр дает верующим такое обещание: *потшуся-же и всегда имети вас по моём исходе память о сих творити* (2Пет.1:15). Здесь апостол дает обещание заботиться о христианах после своей смерти и утверждать их в христианской жизни.

– Но он сие говорил при жизни и притом только обещал молиться, а молился или нет на самом деле, этого неизвестно.

+ Да, ведь, он обещает молиться после смерти, а не при жизни! Петр – ближайший ученик Спасителя, исполнен был Духа

Святого. Он-ли не знал, – могут или не могут отшедшие святые молиться за живущих на земле и что отсюда бывает велия польза для последних?

– Нет, это для нас неубедительно! О молитвах его мы ничего не знаем.

+ Если о молитвах ап. Петра ничего не говорит слово Божие, то оно говорит о молитвах других святых. Вот тебе свидетельство св. Тайновидца Иоанна Богослова: *Двадесять и четыре старцы падоша пред агнцем, имуще кийждо гусли и фиалы златы полны фимиама, иже суть молитвы святых (Откр.5:8). Даны быша ангелу фимиами мнози, да даст молитвам святых всех на алтарь златый, сущий пред престолом и изыде дым кадильный молитвами святых от руки ангела пред Бога (Откр.8:3).*

– Это откуда приведено?

+ В Апокалипсисе так сказано.

– Апокалипсиса мы не признаем, а потому и свидетельства его не принимаем. Там много всяких диковин. Их понять и принять нельзя.

+ Иуда Маккавей в сновидении видел первосвященника Онию, *руце воздеюща и моляшася за вся люди иудейские (2Мак.15:12–14).* Кроме того, сей Ония о пророке Иеремии свидетельствовал: *сей есть братолюбец, иже много молится о людях и о святом граде, Иеремия Божий пророк (14).*

– Маккавейские книги – не канонические, а мы вымыслов человеческих не признаем.

+ Все-таки эти книги уважались ветхозаветными людьми и в указанных местах ясно выразилась вера их в то, что святые молятся за живущих на земле. Но ты слушай по порядку. Я приведу тебе свидетельства и из канонических книг. Св. пр. Моисей, молясь за народ еврейский, говорил к Богу: *вспомни Авраама, Исаака, Иакова, рабов твоих (Исх.32:13).* Подобным образом молится и пророк Даниил: *не отними милости твоей от нас, Авраама ради возлюбленного от тебе, и за Исаака раба твоего, и Израиля святого твоего (Дан.3:35).*

– Но почему-же ты не привел ни одного случая или указания из слова Божия на то, чтобы живые действительно

молились отшедшим святым?

+ Если желаешь, я тебе не одно такое место приведу, а несколько. Один из друзей Иова, укоряя его в мнимой греховности, говорит: *к кому из святых обратишься ты?* (Иов.5:1). Сие место свидетельствует, что еще у ветхозаветных людей в обычае было обращаться с молитвою к святым, как живущим на земле, так и отшедшим в загробный мир, ибо в сем месте не указываются лишь живущие на земле. Св. ап. Иаков свидетельствует, что христиане ублажали тех, кои приняли мученическую смерть: *Се блажим терпящих* (Иак.5:11). Мы тоже ублажаем святых, т. е. молимся им, прославляем их, просим их ходатайствовать о нас пред Богом. Псалмопевец Давид пишет: *в память вечную будет праведник* (Пс.3:6). Следовательно, праведника вечно будут ублажать, вечно будут обращаться к нему за молитвами – и при жизни его на земле, и по отшествии его в лучший мир, что и совершается у нас. Известен, дальше, и пример поклонения святому, отшедшему в горний мир. *И уразуме Саул, яко сей Самуил (есть) и преклони лице свое на землю и поклонися ему* (1Цар.28:14).

– Этот случай для меня подозрителен. Здесь Самуил был вызван каким-то волхвованием.

+ Во всяком случае этот пример наглядно свидетельствует о том, что у древних людей было в обычае поклоняться, молиться умершим святым, ибо, если бы тем-же волхвованием был вызван не св. Самуил, а какой-либо нечестивый человек или дьявол, то Саул, конечно, никогда не поклонился бы им, а, вероятно, был бы только устрашен сим явлением.

– Всё это для меня имело бы значение, если бы я видел результат сих молитв; но из приведенных мест св. Писания никакого результата молитв святых не видно.

+ Ты не сомневаешься в том, что святые живые могут совершать великие чудеса и помогать людям своими молитвами, как помогали пр. Моисей, Иов и др.?

– Не сомневаюсь.

+ Тем паче умершие святые могут помогать нам своими молитвами. О значении молитв святых за нас грешных имеется в слове Божиим достаточно свидетельств. В послании ап.

Иакова сказано: *много может молитва праведного поспешествуема* (Иак.5:13). Не сказано «много может молитва живого праведного», а просто «праведного». Следовательно, нужно разуместь и живущего на сей земле, и отшедшего в загробный мир. Св. ап. Петр говорит: *Очи Господни на праведныя и уши Его в молитву их* (1Пет.3:12). Смотри: не сказал Апостол: «очи Господни на праведных живых», но просто «на праведныя»; следовательно, разумеи и живущих здесь и отшедших в загробный мир. Не хочу умолчать еще о важном свидетельстве Апокалипсиса. Найди XX главу 4-й стих. Прочитай.

И видех престолы, и сидящие на них, и суд дан бысть им.

+ Ты теперь Апокалипсиса не признаешь, но, быть может, милосердный Бог откроет тебе глаза и ты познаешь правоту православной Церкви, тогда обрати внимание на сие место. Оно свидетельствует о весьма важном значении для нас святых. Они не только молятся за нас, но им будет дано право судить нас. Но это не всё. В слове Божиим есть яснее примеры помощи святых людям. Главотяжи и убрусцы ан. Павла, скажи, почему исцеляли больных (Деян.19:12)?

– Это – по молитвам живого Апостола.

+ Всё же он здесь не присутствовал. Но оставим этот и возьмем другой пример. Пророк Елисей ударил милотью пророка Илии по реке Иордану, вода расступилась и пр. Елисей перешел реку. Скажи, по молитвам кого сие чудо совершилось?

– Пророка Илии.

+ А пророк в это время был вознесен на небо. Достаточно ли тебе этого примера для доказательства силы молитвы святых (4Цар.2:13–14).

– Мне этого мало. Илия бросил пророку Елисею милоть еще в то время, когда находился на границе двух миров – земного и небесного и еще не оставил земного совершенно.

+ Но сам-то пр. Илия во время разделения Иордана находился не в горнем-ли мире?

– Положим, – отошел уже в вечность!

+ Но это не единственный пример. Укажу тебе пример помощи пророка, уже давно отшедшего в загробный мир.

– А какой это пример?

+ Несли некоего умершего погребать и увидели полчища Моавитян. Погребавшие испугались и бросили мертвеца в ту пещеру, где находились кости пр. Елисея. Мертвец прикоснулся к костям пророка и воскрес (4Цар.14:21). Теперь тебе должно быть ясно, что отшедшие в горний мир святые молятся за нас, помогают нам совершат великие знамения для нас. Из слова Божия мы видим также, что древние молились отшедшим святым, просили их ходатайства. Почему же и нам не молиться святым, не просить ходатайства за нас грешных, слабых? Скажи мне, почему Бог, давая те или другие заповеди, удерживая людей от множества пороков и преступлений, во всей Библии ни разу не запретил людям поклоняться святым?

– А потому мы не молимся святым, что считаем их молитвы совершенно излишними и в их помощи не нуждаемся.

+ Позволь! Ты как же, – от разума сие говоришь или имеешь на то основание в слове Божиим?

– Имею. *Един есть ходатай Бога и человеков человек Христос Иисус* (1Тим.2:5). Зачем нам ходатайство других, когда имеем Единого Ходатая Иисуса Христа?

+ Есть большая разница между ходатайством Иисуса Христа и святых. Иисус Христос есть и Ходатай и вместе Спаситель наш. Он ходатайствует Своею силою по праву, как Проливший за нас Свою бесценную кровь, которой не был достоин весь мир, и в этом смысле Он Единый Ходатай, так как нет и не может быть иной такой жертвы за грех (Евр.10:26). Святые же собственно не ходатайствуют, а молятся, просят Бога за нас, всё упование возлагая на благость и милосердие Божие, заслуженное нам Единым Ходатаем – Христом. Посему, приводимое тобою место прямо к делу не относится и твою мысль подтвердить не может. Ты укажи, если знаешь, прямое свидетельство того, что молитвы святых для нас излишни.

– Такого свидетельства я не знаю.

+ Его и нет. А я приведу свидетельство того, что ходатайство святых для нас не только не излишне, а необходимо. В грехах мы рождаемся и в жизни постоянно грешим. *Несть человек, иже жив будет и не согрешит, аще и*

един день жития его. Св. ап. Павел, муж совершенный, однако неоднократно просил христиан молиться за него (Рим.15:30). Сам Иисус Христос, Господь наш, просил учеников побдеть с Ним (Мф.26:38,40), а явившийся ангел с неба укреплял Его (Лк.22:43). Как же после сего можно считать излишними молитвы святых, когда в трудные минуты Сам Иисус Христос призывает учеников сободрствовать Ему, когда Самого Иисуса Христа укреплял ангел, когда чувствовал свою немощь такой совершенный муж, как ап. Павел? Как можно говорить сие, когда Сам Бог повелевает просить ходатайства Авимелеху Герарскому у Авраама, друзьям у Иова? Зачем же тогда святые молились бы в загробной жизни за живущих на земле, как ап. Петр и пр., если бы их молитвы были излишними, ненужными? Так может говорить только тот, кого обуяла гордость, самомнение.

– Гордости во мне нет никакой! Но я желаю жить по закону Господню.

+ Всякий благомыслящий человек стремится жить по закону Божию. Но человек не Бог. Человек часто заблуждается и принимает ложь за истину. Вот и ты заблуждаешься, когда отвергаешь необходимость молиться святым.

– Я живу так, как говорит Библия.

+ В таком случае укажи, где Библия запрещает молиться или поклоняться святым?

– А вот у пророка сказано: *Славы моей иному не дам* (Ис.42:8). Зачем кланяться святым и тем унижать Господа?

+ Место это к делу не относится. Чтобы знать, куда оно относится, читай и дальше: *славы моя иному не дам, ниже добродетелей моих истуканным*. Видишь, здесь разумеются бездушные истуканы, поклоняться которым Бог строго запрещал и грозно карал идолопоклонников. Прославлением же святых Бог не только не унижается, а напротив – прославляется. Посему и сказано: *хвалите Бога во святых Его, хвалите Его в вышних, хвала Ему в собрании святых* (148, 149 псалмы). Посему-то и Спаситель называет святых друзьями (Ин.15:14) и славу Свою дал святым Своим (Ин.17:22). Кто принимает вас, принимает Меня (Мф.10:40), говорит Он апостолам.

Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня (Лк.10:16).

– Я говорю то, на что имею основание. Если то место сюда не относится, в слове Божиим есть другие места, которые прямо указывают на бесполезность молитв святых.

+ Интересно знать, какие это места?

– А вот прочитайте Иер.15:1.

+ А ну прочитай, я послушаю!

– И сказал Господь ко мне: *хотя-бы предстали пред лице Моё Моисей и Самуил, душа Моя не преклонится к народу сему; отгони их от лица Моею, – пусть они отойдут.* Видите, бесполезны молитвы Самуила и Моисея

+ Ты прочитал сам против себя и привел лишнее доказательство в мою пользу. Почему Бог грозит не принимать молитв Моисея и Самуила? Потому, что беззакония народа еврейского перешли всякую меру, так что даже молитвы таких великих святых, как Моисей и Самуил, не могли помочь им. Но отсюда также само собою понятно, что если бы беззакония евреев не были так велики, если бы евреи не закоснели в грехах, Бог принял бы молитвы Моисея и Самуила, помиловал бы народ еврейский. Обрати и на то внимание, что за тех-же евреев Бог запрещает молиться и св. пр. Иеремии, говоря, что Он не услышит молитв пророка (Иер.11:14). Следует-ли отсюда, что даже молитва живых праведников бесполезна, вопреки ясным свидетельствам об её пользе?!

– Но в слове Божиим есть пример того, как сам святой отказался помочь людям. Это – праведный Авраам. Он отказался помочь богачу и его братьям. Следовательно, умершие святые не могут нам помогать и наши молитвы святым – бесполезны.

+ Опять ты привел доказательство в мою пользу. Я не говорю тебе, что святые непременно помогают всякому человеку, но лишь тому, который этого заслуживает. Как сам богач, так и его братья слишком погрязли в беззакониях и вовсе не заслуживали никакой помощи и снисхождения, а потому и не получили их. Да если бы братья богача и получили вразумление

от святых, то не употребили бы его с пользой. Слишком уже они погрязли в беззаботной чувственной жизни. Это ясно выразил Авраам, когда сказал о них: *аще Моисея и пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры* (Лк.16:31). Но своей просьбой к Аврааму и Лазарю богач лишь подтвердил то, что святым должно молиться, что сие было в обычае у древних и что святые могут помочь нам, если мы того сколько-нибудь заслуживаем.

– Я приведу положительные места, в которых прямо запрещается молиться святым.

+ Я достоверно знаю, что таких мест нет в слове Божиим.

– А почему же в таком случае Ангел Божий запрещает Иоанну Богослову поклоняться ему?

+ Это ты на основания чего говоришь?

– Слушайте, прочитаю из Апокалипсиса: *и пад пред ногами его, поклонися ему и глагола ми; виждь, на: клевет ти есмь и братий твоих имущих свидетельство Иисусово* (Откр.19:10).

+ Вот какой ты! Когда Апокалипсис свидетельствует против тебя, то ты сей книги не признаешь, а когда, по твоему мнению, Апокалипсис тебя оправдывает, ты готов опереться и на него. Но ты заблуждаешься. Это место вовсе ничего не говорит против почитания и поклонения святым. Ангел не принял поклонения от ап. Иоанна по чувству смирения, как от равного, ибо святые равны ангелам (Лк.20:36; Мф.22:30); да и сам ангел называет себя равным апостолам: *я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово*. А что в этом поклонении, действительно, не было ничего непозволительного, об этом свидетельствует то обстоятельство, что, несмотря на запрещение ангела, Апостол снова кланяется ему. Читай Откр.22:8.

– *И егда слышах и видех, падох поклонитися на ногу ангела показующаго ми сие...*

+ Понял? А за сим напому тебе, что у нас речь идет о почитании св. угодников Божиих; ты же приводишь свидетельства из мира ангельского. О почитании св. ангелов, если пожелаешь, мы побеседуем в другое время и я надеюсь доказать тебе важность и необходимость этого почитания.

Теперь же ты скажи мне еще раз: просить ходатайства у живущих святых законно?

– Да, мы молимся друг за друга.

+ Так. А ну найди Деян.14:8!

– И некто муж в Листрех немощен ногами сидяще, хром от чрева матери своея сый, иже николиже бе ходил. Сей слышаше Павла глаголюща: иже воззрев на нь и видев, яко веру имать здрав быти, рече велиим гласом: тебе глаголю, во имя Господа Иисуса Христа, встани на ногу твою прав. И абие возскачи, и хождаше. Народи же видевшие, еже сотвори Павел, воздвигоша глас свой. Ликаонски глаголюще: бози, уподобльшися человеком, снидоша к нам. Наричаху же убо Варнаву – Диа, Павла же – Ермиа, понеже той быше начальник слова. Жрец же Диев, сущаго пред градом их, приведе юнцы и (принесе) венцы пред врата, с народы хотяше жрети. Слышавша апостола Варнава и Павел, растерзаша ризы своя, вскочиста в народ, зовуща и глаголюща: мужие, что сия творите; и мы подобострастни есмы вам человеци, благовествующе вам от сих суетных обращаться к Богу живу, иже сотвори небо и землю и море и вся, яже в них: иже в мимошедшия роды оставил бе вся языки ходити в путех их: и убо не несвидетельствована себе остави, благотворя, с небесе нам дожди дая и времена плодносна, исполняя пищею и веселием сердца наша (8–18). И сия глаголюща, едва устависта народы не жрети има, но отити коемуждо во своя си (Деян.14:8–18).

+ Вот ты считаешь законным обращаться с молитвами к живым. Скажи, почему апостол Павел и Варнава убеждали не приносить им жертв?

– Я этого не знаю.

+ Очевидно, по чувству смирения, – а главное потому, – что народ хотел принести им жертвы и молиться им не как святым слугам Божиим, а как самим богам (12). Очевидно, народ хотел поступить незаконно и нечестиво. Теперь прочитай другой случай из Деян.10:25–26.

– Якоже бысть внити Петру, срете его Корнилий, и пад на ногу его поклонися. Петр же воздвиже его, глаголя:

возстани: и аз сам человек есмь.

+ Почему здесь ап. Петр отклоняет поклонение Корнилия? Опять по чувству смирения, – притом можно думать, что Корнилий те милости, которые надеялся получить, приписывал ап. Петру, а не Богу, думал благодарить за них ап. Петра, а не Бога. Теперь и соображай! По вашему мнению обращаться к живущим святым с молитвами можно и отклонение апостолами Петром и Павлом человеческого поклонения не доказывает противного. Подобным образом и отклонение ангелом поклонения ап. Иоанна не есть доказательство того, что вообще не должно молиться отшедшим святым.

– Но я не понимаю, каким образом умершие святые могут помочь нам, если они не знают наших нужд, не слышат наших молитв? Разве они всеведущи? Они тоже люди – ограниченные.

+ Правда, они не всеведущи, но о наших нуждах они знают и наши молитвы слышат. Об этом есть достаточно свидетельств в слове Божиим. Святые Божии еще здесь на земле были одарены высшим сравнительно с нами ведением. Так, св. ап. Петр провидел, что Анания и Сапфира утаили часть денег от проданного имущества (Деян.5:1–3). Пр. Елисей пересказывал царю Израильскому даже те слова, которые царь Сирийский говорил в спальном комнате (4Цар.6:12). Тот же пророк провидел обман слуги своего Гиезия и наказал его за то проказою.

– Ты всё говоришь о живущих на земле.

+ Подожди, я не окончил! Если, живя на земле, святые провидят невидимое нами, то кольми паче по отшествии на небо они могут знать и знают то, что совершается на земле; ибо тогда они освобождаются от бренного тела. Посему-то Авраам и сказал богачу: *у них есть Моисей и пророки, пусть их слушают* (Лк.16:29). Соображай: Авраам умер раньше Моисея и пророков, а однако знал о их существовании на земле. Слушай дальше, что говорит Иисус Христос: *Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался* (Ин.8:56). Видишь! За много веков до рождения Христа Иисуса умер Авраам, а все-таки видел день Господень. Сам Господь святых на небе называет равными ангелам (Лк.20:36; Мф.22:30), а ангелы

знают о совершающемся на земле (Лк.15:10). А чтобы тебе лучше было понять, как святые на небе могут знать о земном и слышать наши молитвы, ты вспомни нашу беседу о Церкви. Я говорил: Церковь есть духовное тело, Глава которого Иисус Христос, а члены – верующие в Него – не только живущие, но и умершие (1Кор.12:15–27). Отсюда понятно, как между членами тела существует тесная связь, так и между членами Церкви Христовой существует самое тесное общение, и вовсе нет ничего удивительного, если святые слышат наши молитвы и ведают о нуждах. Согласен-ли ты теперь с тем, что должно почитать святых и молиться им и что молитвы святых полезны нам?

– Я еще разберусь в ваших словах, а вас прошу написать мне на бумажке те места, которые вы приводили в своё доказательство.

+ Возьми этот листок. В нём указаны нужные места и по листку ты их отыщешь в Библии. Когда же с ними разберешься, приходи, – побеседуем о почитании святых ангелов и Божией Матери, и тогда для тебя еще яснее будет необходимость почитания св. угодников Божиих.

Казновский взял листок с цитатами мест Библии о почитании святых и, попрощавшись, ушел от меня.

Я возблагодарил Бога. Было заметно, что луч истины уже проник в душу сектанта. Быть может, за лучом скоро взойдет солнце, которое разгонит тьму сектантской лжи и невежества. Сектант, быть может, только в первый раз усомнился в своих заблуждениях, ибо раньше он не просил у меня никаких листков.

Свящ. Алексей Спасский

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

Козицкий П. [Рец. на] Прославление святых в Церкви христианской православной. К торжеству прославления преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского. Протоиерея Петра Смирнова. С.-Петербург. 1903 г. in. 16, стр. 122, ц. 30 коп. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 94–97

В 19 день июля текущего года православной России предстоит светлое и великое торжество открытия мощей преподобного отца нашего Серафима. Еще при жизни преподобный стяжал себе славу по всей России и имя его пронеслось от края до края нашей великой земли. Преподобный Серафим при жизни осиян был славой чудотворений. По блаженной кончине его, по молитвенному предстательству его совершались чудеса исцелений при гробе его, и от разных вещей, им оставленных и напоминавших о нём. Изображения подвижника Серафима – в виде согбенного старца, идущего из лесного уединения в обитель и обратно, коленопреклоненно, с воздетыми руками, молящегося на камне, сидящего близ лесной кельи и кормящего из рук своих медведя – в безмерном количестве распространены по всей России и известны каждому. Многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам старца Серафима побудило Св. Синод, десять лет назад тому, начать, при помощи особой комиссии, расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам о. Серафима. Всех случаев было обследовано 94; при чем большая часть их была удостоверена надлежащими свидетельскими показаниями. Множество еще знамений осталось не расследованных и не внесенных в записи. Когда шло расследование особой комиссией о чудесных знамениях преподобного, «Его Императорскому Величеству, в минувшем 1902 г. 19 июля, в день рождения старца Серафима, благоугодно было вспомнить и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить

желание, дабы доведено было до конца начатое уже при Св. Синоде дело о прославлении благоговейного старца». Св. Синод, по рассмотрении во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельств этого важного дела, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, по молитвам старца Серафима совершившихся, воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, присно благодеему Российской Державе, в деянии своем от 29 января сего года, изложил следующее своё решение: 1) благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, а всечестные останки его – святыми мощами и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорского Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою; 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую преподобным, память же его праздновать как в день преставления его, 2 января, так и в день открытия святых его мощей, и 3) объявить о сем во всенародное известие от Св. Синода.

В настоящее время, в виду предстоящих торжеств, наши духовные журналы и печать, идя на встречу нуждам и запросам православных чад Церкви и в особенности благочестивцев, предприняли целый ряд изысканий о жизни и деятельности преподобного о. Серафима и издали не мало его жизнеописаний, то более кратких, то более подробных, пополненных новыми сведениями. Рассматриваемая нами книжка с вышеуказанным заглавием вышла из-под пера известного духовного писателя, протоиерея о. Петра Смирнова, и является вполне своевременным, вышедшим *в добрую пору* изданием. Она касается вопроса о прославлении святых в Церкви христианской православной во всей его широте и полноте и находится при этом в полном согласии и соответствии с требованиями православной догматики и церковно-исторической науки. Книжка о. Смирнова состоит из семи статей, находящихся между собою в строго-логической

связи, заглавия их: а) деяние Св. Синода 29 января 1903 года. б) союз Церкви земной с небесною, с) Церковь первенцев, написанных на небесах, d) молитва об усопших и прославление святых, е) нетление святых мощей, f) прославление святых и g) предстоящее православной России светлое и великое торжество. Все эти статьи в наши лукавые дни, в век отрицания знамений и чудес, в век неверия и крайнего рационализма, в наше сектофильствующее время – имеют весьма важное значение и представляют собою глубокий интерес с миссионерской точки зрения. Не имея возможности в краткой библиографической заметке подробно анализировать содержание этих статей, мы остановим наше внимание на некоторых частностях, интересных как по самому своему существу, так и в миссионерском отношении. В своих изысканиях по вопросу о канонизации святых, т. е. о причислении Церковью усопших подвижников к лику святых, автор, опираясь на «Историю канонизации святых в русской Церкви» проф. Е. Голубинского, подробно раскрывает те условия, при которых совершается канонизация. Общим основанием для причтения усопших подвижников к лику святых служило и служит в нашей православной Церкви прославление подвижников а) даром чудотворений или еще при жизни их, или, как это было по большей части, после их смерти; чудотворения же совершались в большинстве случаев у гробов праведников и б) нетлением их мощей, при чем самое нетление мощей рассматривается, как одно из выдающихся чудес. Впрочем, это последнее обстоятельство не есть необходимое условие для прославления. По воле Господа, не все святые прославляются нетлением мощей (72). Нетленные останки святых угодников имеют особое значение и назначение в Церкви, не как только удостоверение в святости почившего подвижника, а главным образом как средства для изливания свыше милостей Божиих. В этом отношении мощи и составляют предмет почтительного поклонения верующих. Автор довольно подробно останавливается над выяснением вопроса, что нужно понимать *под мощами*. *Под мощами, по изысканиям научным, разумеется не все тело, а части его, по преимуществу*

кости; в одной из древних рукописей читаем: лежат мощи – кости целы; слово моща означает не целое, а часть какого-либо священного и не священного предмета. В Греции, на Востоке, под мощами разумеются кости. Целость всего тела не требуется и существом дела для признания нетления мощей. Сила благодати Божией познается и тогда, когда оставшиеся нетленными части тела или кости источают исцеления (64–66).

Автор находит нужным в своих статьях коснуться вопроса о практике канонизации святых в римско-католической и православной Церкви. В православной Церкви мысль о суде Церкви над святыми пред прославлением их совершенно исключена из понятия о сем прославлении. Не Церковь земная должна судить святых, но им дано право суда над очами и всем миром (1Кор.1:2). Если же пред прославлением святых и происходит расследование о чудесных знамениях и исцелениях, получаемых от почиваемых угодников Божиих, то это делается православною Церковью не с целью суда, а с целью удостоверения истинными и надлежащими свидетельствами непреложности знамений и чудес для смиренного и благоговейного преклонения пред совершившимся событием, в послушание воле Бога, прославляющего святых Своих. В практике же католической церкви, прежде канонизации святого, совершается разбор его жизни и деятельности, напоминающий приемы суда. Там, можно сказать, творится суд над святыми, как будто они заинтересованы тем, будут ли они признаны таковыми или нет, и как будто увенчание их ореолом святости может зависеть от усмотрения и воли папы и вообще от земного суда (40–41, 87, 88 стр.).

В заключительной статье сборника автор эскизно рисует жизнь преподобного, по местам делая очень меткие характеристики. Жизнь старца Серафима, говорит о. Смирнов, прежде всего изумляет прямою своих путей. Ни одного увлечения, ни каких-либо колебаний, не говоря уже о падении, не видим мы в жизни избранника Божия. Точно стрела, пущенная сильною и искусною рукою, стремился он прямо и бесповоротно к цели Божьего звания (102). Удивительны разнообразие и шпрота иноческого искуса преподобного и за

тем постепенное восхождение как бы по лестнице от земли к небу по степеням возрастания духовной силы – в подвигах пустынника, столпника, молчальника, затворника, наконец старца-наставника тысяч людей, ежедневно к нему приходивших (104). Восстает пред нами необычайная личность, богато одаренная естественными и благодатными силами, великий праведник! В лице преподобного Серафима «является нам, выражаясь словами Златоуста русской Церкви, новый проповедник истины святыя веры нашей, новый споручник наших надежд, новый образец для подражания, новый помощник во всех наших нуждах, но вместе с тем и новый судия и обличитель наш, если мы, радуясь явлению его, не воспрянем от сна греховного, не вступим на путь правды, по которому взошел он на небо, и не потечем, при его помощи, к горнему нашему отечеству».

Пожелаем рассмотренной нами книжке о. протоиерея Смирнова, в виду её благовременности и заключающегося в ней глубокого интереса по вопросу о канонизации и прославлении святых вообще в русской Церкви, и в частности преподобного отца Серафима, самого широкого распространения.

П. Козицкий

Александр, иеромонах. [Рец. на] Г. Ключарев. В защиту почитания нетленных мощей св. угодников Божиих. Цена 15 коп. Обращаться к автору, в Ставрополь-Кавк., Дух. Семинарию, преподавателю, священнику Г. Ключареву // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 97–100

В виду открытия и прославления мощей преп. Серафима Саровского вышеозначенная брошюра о. Ключарева является вполне благовременною и благополезною.

На первых страницах автор, имея в виду сектантское заблуждение, обстоятельно указывает свидетельства св. Писания относительно нетления мощей св. угодников Божиих.

С особенным вниманием о. Ключарев останавливается на церковной истории, откуда извлекает много свидетельств о нетлении мощей. Блаж. Феодорит свидетельствует о благоговейном отношении первенствующих христиан к останкам св. Иоанна Крестителя. Честная глава Предтечи Господня несколько раз попадала в руки врагов христианства (напр., Юлиана Отступника), которые неоднократно пытались уничтожить её, но Господь всякий раз сохранял её для благоговейных почитателей (Блаж. Феод. Ист., кн. 3, гл.7:10). Точно также чествовались и нетленные останки св. апостолов, как свидетельствуют о том св. И. Златоуст, говорящий о почитании костей св. Ап. Петра и Павла, бл. Иероним, ист. Евсевий (Церк. Ист. кн. 8). В истории христианской Церкви наблюдалось иногда неблагоговейное отношение к св. мощам или злоупотребление оными, так что Евстафиане в IV в. отказывались не только почитать мощи, но даже и ходить в те церкви, где лежали св. мощи. Но в общем отрицание св. мощей было редким явлением древности, и даже иконоборцы, резко восстававшие против христианской обрядности и св. икон, мало вооружались против почитания св. мощей. На VII вселенском соборе почитание мощей было признано за обязательный для христиан догмат.

В следующем отделе брошюры автор обстоятельно перечисляет виды нетления св. мощей. Обычно под св. мощами понимаются целые тела усопших святых, сохранившиеся нетленными. Однако некоторые части тела св. угодников подвергаются и тлению, в исполнение слов Божиих, что человек «земля есть и в землю отыдет» (Быт.3:19), и как бы во свидетельство того, что остальное тело сохранено не силою природы, а чудом Божиим (8 стран.). Глубокоучителен приводимый у автора рассказ приснопамятного наместника Троицкой Лавры, архим. Антония, бывшего очевидцем нетленных мощей св. князя Глеба, сына Андрея Боголюбского, находящихся в г. Владимире. «Я глубоко поразился, передает он, когда священник обнажил предо мною по локоть руки святого и несколько раз поднимал их вверх, руки и составы их были в полном нетлении, даже пальцы рук отличались гибкостью. Кожа же была цела, как у недавно умершего, только желтоватого цвета. При виде сих нетленных мощей, ужас напал на меня и мороз прошел по коже. Я пламенно благодарил Бога, что Он благоволил уверить меня в нетлении св. мощей и просил Господа, чтобы Он не наказал меня за моё прежнее неверие» (9 стран.). Автор далее объясняет условия канонизации св. мощей, – 1) святость жизни угодника и 2) совершение чудотворений от мощей. В особенную заслугу и похвалу следует вменить автору основательно-критический разбор, к которому он подвергает различные возражения, приводимые против нетления мощей. Так, напр., некоторые говорят, что подвижники еще при жизни настолько изнуряют своё тело постом, что уже не остается места тлению. Такое, скорее наивное, чем серьезное, возражение автор основательно опровергает указанием на св. князей Бориса и Глеба, св. Дмитрия Угличского, умерших в молодых летах. Другие же святые отличались полным и сырым сложением, напр., св. Тихон Воронежский, за год до смерти пораженный параличом (17, 18 стр.). Нельзя объяснять чудесного нетления мощей влиянием сухой атмосферы. Гроб преподобного Сергия Радонежского был найден почти в воде. Однако, несмотря на 30-летнее пребывание в сырости, не только мощи преподобного сохранились в целости, но и самые

одежды его не подверглись тлению. Гроб св. Митрофания Воронежского пробыл во влажном грунте чернозема 114 лет. Верхняя доска гроба вся истлела, боковые доски чрезвычайно обветшали и целой сохранилась только нижняя доска, на которой лежало нетленное тело святителя (19 стр.).

Сохранение тела, говорят еще, возможно чрез окаменение его. Последнее часто бывает на почве, богатой минеральными растворами, особенно же кремнезёма. Указывают на египетские мумии... Но христианские мощи нельзя сравнивать ни с окаменелостями, ни с мумиями. Вот как описываются, напр., в житии св. Амвросия Медиоланского мощи муч. Назария. «Мы видели (говорит современник открытия св. мощей) во гробе, в котором лежали мощи мученика, кровь как бы сегодня истекшую, голова же его вместе с волосами и бородой была так нетленна, что как бы сегодня положена во гроб, и лицо его было так светло, как бы сейчас омытое; и мы исполнились такого благоухания, которое превосходит всякие ароматы». Такое полное сохранение св. мощей совсем не походит на окаменение тела или на сохранение его в виде безобразной мумии. Притом, мумия может храниться только в скрытом месте, подверженная же влиянию атмосферы, она постепенно разрушается (21 стр.)

Даже этот беглый обзор брошюры о. Ключарева много говорит о её достоинстве, она может оказать великую услугу приходским пастырям, особенно в южных губерниях, где много сектантов, отрицательно относящихся к мощам св. угодников Божиих: здесь священник может прекрасно воспользоваться фактами и свидетельствами, приводимыми в брошюре о. Ключарева.

С другой стороны, брошюра будет пригодна священнику и для бесед его с православными прихожанами и поможет ему уберечь их от «волков хищных, не щадящих стада».

Поэтому охотно рекомендуем брошюру о. Ключарева вниманию приходских пастырей и вообще всех лиц, прикосновенных к делу миссии православной Церкви.

Иеромонах Александр

**Гринякин Н. Последний аргумент декадентов-
новопутейцев // Миссионерское обозрение 1903 г. №
11. С. 100–101**

В журнале «Новый Путь» есть отдел «религиозно-философская хроника». Отдел этот представляет собой подворотню декадентского вертограда, из-под которой незримые охранители дивного насаждения «новопутейцев» оглашают воздух, беспокоимые мимоходящими людьми... Один из таких охранителей, видимо, сильно равнодушный к прелестям декадентского рая, в июньском № удостоив своим «религиозно-философским» вниманием «Мисс. Обозрение» № 9. Не имея возразить что-нибудь по существу против помещенной в этом № и даже неоконченной статьи «Кого ищете?» – он нашелся лишь предположить в авторе её «хамство, бурсачество и традиционно-извращенную фантазию». Это последний аргумент «религиозной философии» «Нового Пути». Аргумент, действительно, недалекий от *argumentum ad basium* или даже пресловутой бурсачкой «вселенской смази»... Другими аргументами декадентский журнал, видимо, не богат, мы де выше их?... Хроникер новопутейский, кажется, не понимает того, что ругнуть человека другого образа мыслей и упования хамом и бурсаком далеко не значит доказать правоту своего «религиозно-философского» миропонимания и свою благовоспитанность. Удивляться ли после этого фанатичности и нетерпимости мутиков-раскольников и сектантов, если передовые и путеводящие интеллигенты, ратующие за свободу мысли и «религиозной совести», так непристойно ругательны и нетерпимы по отношению к несогласным с ними?! По всему видно, какая у них терпимость и свобода!... Теперь по существу.

Древний учитель Церкви Викентий Лиринский называет хамом того, кто в подрыв авторитета св. отцов указывает на их недостатки. И мне бы казалось, что, применительно к словам этого учителя Церкви, хамство скорее пристало к «Новому Пути» и его религиозно-философствующим писателям, не желающим быть «в кулачке святых отцов», а не к их критикам.

Что касается «бурсака», то этого имени новопутейцы, правда, не заслуживают, так как бурсаки всегда отличались логичностью анализа и крепостью своих умозаключений, о каковых качествах вырождающиеся «декаденты» со своим мистическим разумом мечтать не смеют. К примеру. Хроникер июньского № «Нового Пути» не в состоянии был понять, что «декадентская литургия», план которой намечен в 9 № «Мисс. Обозр.», стоит в полном логическом соответствии с «религиозно-философским» бредом декадентов, желающих смешать культ *самой* плоти с культом верующего духа. Хроникеру кажется «любопытным соединением мотивов из «Синей Бороды» с Апокалипсисом». Мы с ним вполне согласны, потому что это не более любопытно, чем «*святое сладострастие*» у Мережковского и молитвословие пред началом и по окончании супружеских сношений «при свете, пред всезрящими очами Господа» у Розанова. Касательно «объявления в *стихах*» хроникер отозвался восклицанием: «какой позор! в стихах!?» Да ведь под «объявлением» – то написано, чьи в стихах – ритм и рифма! Правда, какой позор стихи о какой-то царице, читавшей «Глубинную книгу», – стихи, украсившие собой страницы «Нового Пути» и, как бессмысленный набор корявых слов, и «стихотворный сумбур», достойно осмеянные Бурениным в «Новом Времени» № 9747. Стихов этих не приводим в виду того, что новопутейцы своим мистическим разумом восприняли их, надо полагать, на память!

Пока довольно. На будущее время просим «религиозно-философствующего» хроникера «Нового Пути» придумать для нас своей благоразумной головой еще какой-либо эпитет – поругательнее и быть уверенным, что неприятности этим нам он не сделает. Мы очень были бы опечалены и пеплом посыпали бы главу свою, если бы нас похвалили в «Новом Пути», так как помним слова Писания: «отступники от закона *хвалят нечестивых*» (Притч.28:4).

Н. Гринякин

Хроника

Миссионерство, секты и раскол. Миссионерские курсы для приходских священников киевской епархии // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 102–112

Читатели «Миссионерского Обозрения» знают из хроники нашего журнала, что уездные миссионерские съезды из года в год повторяются в киевской епархии, где сектантство, если не наиболее многочисленно, то наиболее характерно и жизненно. Но повторяющиеся из года в год съезды, которые обыкновенно продолжались не более одного дня (5–6 час.), страдают однообразием: что можно сделать, кроме общего обзора сектантства за такое короткое время? Поднимать жизненные глубокие вопросы и не довести их до желательного разрешения, – на это не решались ни руководители съезда, ни его участники. Такое печальное состояние такого благого дела, на которое и местной высшей властью, и самим духовенством возлагались большие надежды, особенно озабочивало руководителей уездных съездов – епархиальных миссионеров. И вот в нынешнем году найден и осуществлен самым блестящим образом выход из стесненного положения.

В апреле месяце этого года епархиальный миссионер священник о. Савва Потехин подал Высокопреосвященному, новому Киевскому митрополиту Флавиану, записку, в которой, доложив о стесненном положении обычных уездных миссионерских съездов, представил проект устройства миссионерских и пастырских курсов. Чуткий к нуждам миссии архипастырь милостиво разрешил привести проект в исполнение в нынешнем-же году.

При осуществлении проекта, пришлось встретиться с некоторыми немаловажными трудностями. Предстояло выбрать место – центральное для возможно большего числа зараженных сектантством приходов, в котором, при этом, было бы помещение удобное и достаточно обширное для занятий, затем, выбрать и время, неделю – свободную и от праздничных богослужений, и от спешных страдных сельскохозяйственных

работ. Наконец, нельзя было не принять во внимание заботы о прокормлении и ночлеге для предполагавшегося довольно значительного числа участников курсов. Всё это, с Божией помощью, при живом содействии нового архипастыря-миссионера, удалось разрешить самым лучшим образом. Местом для съезда было избрано м. Жашков, – центральное для зараженных сектантством приходов трех уездов: Таращанского, Звенигородского и Уманского и располагающее обширнейшим зданием двухклассного министерского училища. Временем избрана неделя (с понедельника по пятницу) пред Св. Троицей (с 19-го по 23-е Мая), время свободное от праздников и от срочных работ. Организацию продовольственной части приняли на себя семьи местного священника и заведующего училищем. Местом для ночлега должны были послужить отчасти дом священника, отчасти здание церковно-приходской школы; кроме того, предполагалось, что священники ближайших к Жашкову приходов будут уезжать на ночлег домой и предложат свой кров для этого и другим, располагающим возможностью отъезда на ночь. Владыка-митрополит милостиво разрешил отпустить на продовольствие членов съезда из сумм духовной консистории сто рублей, г. попечитель учебного округа – воспользоваться зданием училища, а духовная консистория предписала благочинным оповестить духовенство ближайших к Жашкову округов о времени съезда. За месяц до съезда епархиальным миссионером свящ. С. Потехиным была составлена и представлена на утверждение Его Высокопреосвященства следующая программа съезда.

19-е Мая. Понедельник. 12 час. дня

Молебствие в местном храме по чину: «Последование молебного пения об обращении заблудших, певаемое в неделю православия и во иных потребных случаях». Открытие председателем заседаний съезда в здании министерского училища. Выбор секретаря. Обзор состояния сектантства в епархии: численный рост и внутренние изменения в разных толках штундизма: штундо-баптизме, духовный, толстовстве и малеванстве. Сектантская пропаганда: проповедники,

заграничные книжки и брошюры, гектографы и письма. Противосектантская литература: историческая, апологетическая и полемическая.

20-е Мая, Вторник утро (8 час. – 1 час. дня)

Отношение сектантов к вопросу о Церкви, её сущности, свойствам и признакам: Церковь – общество верующих во Христа. Единство Церкви. Вне Церкви нет спасения. Вопрос об отпадающих от Церкви. Святость Церкви и грешные её члены. – Соборность Церкви, вселенские соборы и их авторитет. Апостоличность Церкви и невозможность перерыва в её существовании. Отношение внешних признаков Церкви к её сущности и цели.

21-е Мая, Среда утро (8 час. – 1 час. дня)

Отношение сектантов к вопросу о таинствах. Невидимая благодать и внешние посредства и действия. Условия действительности таинств. Крещение в воде, крещение младенцев. Миропомазание. Причащение. Покаяние. Брак. Елеосвящение. Священство: дар и права священства.

22-е Мая, Четверг утро (8 час. – 1 час. дня)

Отношение сектантов к св. храму, св. кресту и крестному знамению, св. иконам, св. мощам, каждению, светильникам, благословениям, священнической одежде, к постам, молитвам ко святым и за умерших.

23-е Мая, Пятница утро (8 час. – 1 час. дня)

Отношение сектантов к Св. Писанию и к Св. Преданию. Буква Писания и дух его. Исторический элемент в Писании. Необходимость Предания по Св. Писанию. Предание, как источник христианского учения и как памятник древней Церкви. Книги и обряды церковные по их отношению к Писанию и Преданию. Право Церкви издавать новые чины богослужебной практики.

20-е Мая. Вторник вечер (5 час. – 8 час.)

Состояние противосектантской миссии в епархии. Что требуется от приходского священника для охраны православных и для борьбы с сектантством. Помощь со стороны благочинного, окружного и епархиального миссионеров, а также высшей духовной власти. Публичные и частные

миссионерские собеседования с сектантами. Отношение к сектантам и к миссии православных простолюдинов, образованного общества, печати и светской власти.

21-е Мая, Среда вечер (5 час. – 8 час.)

Организация пастырской взаимопомощи для борьбы с сектантством. Пастырские миссионерские комитеты и комиссии в других епархиях. Пастырские союзы в 1 и 5 окр. Уманского у. и 2-м Таращанского. Значение этих союзов и средство их оживления: соборные служения, пастырские собрания, библиотеки и проч. Выработка примерного устава.

22-е Мая, Четверг вечер (5 час. – 8 час.)

Положение вопроса о приходе, как церковной и административной единице. Разные средства оживления прихода. Кружки ревнителей православия. Братства. Церк.-приходские попечительства. Знакомство с различными уставами их.

23-е Мая, Пятника вечер (5 час.)

Чтение протоколов съезда. Благодарственное Богу молебствие и закрытие съезда.

Программа была Его Высокопреосвященством утверждена и в списках была за две недели до съезда разослана духовенству, при чем предложено было подробно ознакомиться с нею и, таким образом подготовившись и взяв с собою Библию и учебные материалы, прибыть на съезд. Председателем съезда Его Высокопреосвященству угодно было назначить епархиального миссионера священника Потехина.

Как весть о съезде-курсах, так и самая программа и распорядок занятий вызвали много различных пересудов. Как можно отвлекать на столь продолжительное время такую массу священников из своих приходов, кто будет совершать требы, да и нужны-ли такие съезды: разве сведения о сектантах ежегодно не доставляются начальству, а миссионеры разве и сами не могут собрать их, не вздумали ли миссионеры взяться за обучение священников, забывая, что ученого учить – только мучить и т. п.? Все эти толки, недоумения и сетования, насколько они выходили из среды предполагавшихся участников съезда, улеглись и рассеялись, заменившись самым

бодрым и радостным настроением в самый-же первый день съезда.

К 12-ти часам в понедельник 19-го мая в местечко Жашков прибыли епархиальные миссионеры: свящ. о. Савва Потехин и Н. А. Белгорский и около 50-ти человек приходских священников трех соседних уездов, в том числе 4 благочинных и 5 окружных миссионеров. Наблюдение за приходами всех этих священников на время их отсутствия было поручено местными благочинными соседним священникам. Собравшись в здании училища и обсудивши вопрос о месте для ночлега и распорядке занятий дня, все собравшиеся пошли в местный храм, где в тот день служилось местным священником о. Филиппом Хижняковым литургия. В храме ожидала большая масса народа, прослышавшего о предполагаемом съезде духовенства. Облачившись в ризы (ризицу попривозили с собой ближайшие священники), многочисленный сонм священнослужителей вышел на средину храма. Председатель, епархиальный миссионер о. Потехин, обратившись к пастырям, сказал речь о современных нестроениях внешних и нестроениях внутренних в русском народе, создающих неверие среди образованного общества и сектантство в простом народе, и о том, что в молитвенном единении с Господом Иисусом Христом – душа и сила нашей миссии. Затем началось умиленное «молебное пение об обращении заблудших, пеемое в неделю православия и во иных потребных случаях», после которого в здании министерского училища последовало открытие съезда речью почтенного председателя следующего содержания:

«Позволяю себе, дорогие отцы и братия, высказать несколько слов о цели и желательном характере съезда. Как вы изволили заметить из разосланной вам заранее программы съезда, наши занятия будут посвящены двойного рода вопросам: утренние – апологии православия и полемике с сектантами, вечерние – церковно-общественным вопросам пастырской и миссионерской практики.

Вы отлично сами знаете, что в предстоящих нам четырех утренних заседаниях нам не пройти полного курса апологетики и полемики. Да это для нас и излишне. Кое-чему мы в этом роде

уже учились на школьной скамье, а если кто не учился или успел позабыть, то для этого есть достаточно хорошие учебники апологетики и полемики, напр., Оболенского, Ольшевского, Мис. спутник, Мис. Обзор. и др. Из общего полного курса апологетики и полемики мы остановимся только на главнейших пунктах наших недоразумений с сектантами: это вопросы о Церкви, о благодати Божией, подаваемой христианам в таинствах, о внешних средствах христианского богоугождения и о св. Писании и св. Предании. Это вопросы коренные как по своему значению в христианском учении, так и по своей пререкаемости в отношениях сектантов к этому учению.

Но и в этих вопросах мы не будем держаться строгого научного метода и всестороннего обследования предмета. Для этого, повторяю, есть системы и учебники. Из житейского опыта пастырских и миссионерских сношений наших с сектантами мы постараемся здесь извлечь и воспроизвести всё, что думает и о чём спрашивает нас некогда православный, ныне сектантствующий наш простолудин, постараемся узнать, чего требует от нас сектант, не справляясь с логикой и как отвечать ему, не справляясь с учебником...

Нельзя, впрочем, думать, что в решении казуистических, случайных вопросов должно полагать весь смысл предстоящей нам работы. Сколько бы отдельных случайных вопросов мы здесь ни перерешили, их всех не предусмотреть. Жизнь, которая не справляется с нашими запасами готовых ответов, идет вперед и вызывает всё новые и новые вопросы. Чтобы быть готовым ко всякому ответу, а это требуется св. Апостолом (1Пет.3:15), православным апологетами и полемистами нужно не столько знать и помнить все всевозможные доказательства православной истины, сколько понимать суть, сущность православного учения или догмата, с одной стороны и психологию души человеческой, образованной или необразованной, всё равно, не покоряющейся этому учению или догмату – с другой. Философия намеченных вопросов нашей программы и психология отрицающих наши догматы сектантов – вот желательные цель и содержание наших рассуждений.

Содержанием вечерних наших заседаний будут вопросы церковно-практические. Кроме специально миссионерских сюда войдут и вопросы общецерковного характера. Мы не можем не коснуться их, так как от такого или иного их положения непосредственно зависит и успех нашей миссии – охранение православных и вразумление заблудших. Наше время – начало колебания устоев старых и попытка воссоздания новых. Не будем сторонними и несмыслящими зрителями совершающихся событий.

По каждому из намеченных вопросов программы мной или моими сотрудниками будет представлен собранию краткий доклад. Но если бы каждый из этих докладов представлял собою не краткое, а самое полное и всестороннее изложение предмета, то и тогда он не заменит, по своей ценности, живого обмена мнений, которого мы ожидаем друг от друга. И чем живее и непринужденнее будет этот обмен мнений, чем свободнее каждый из нас будет чувствовать себя в высказывании своих мыслей, чем большую и горячую критику он вызовет против себя, чем острее будут нападения и чем сильнее защита, тем удачнее будет наш съезд... Не бойтесь всех этих бурь словесных... Будем помнить, что там, за стенами этой школы, идет стихийная сила сектантских словес, сваливших и сваливающих немалое число не умеющих противиться их лукавой силе простодушных чад наших... Сбросим же на время бремя послешкольных лет наших. Вернемся в эту школу с вопросами жизни и с Божией помощью и с благословением милостивого Владыки нашего примемся за дело! Объявляю съезд открытыми»...

Съезд выразил желание послать Владыке-Митрополиту телеграмму следующего содержания:

«Совершив молебное пение об обращении заблудших. собравшийся в мест. Жашкове миссионерский съезд сорока пяти приходских священников Таращанского, Звенигородского и Уманского уездов приносит Вашему Высокопреосвященству, своему Милостивому Архипастырю и Отцу, чувства искренней любви и послушания и просит благословения на свой труд приготовления к миссионерскому служению».

На эту телеграмму последовал на другой день следующий глубоко обрадовавший всех ответ:

«Призываю Божие благословение на занятия миссионерского съезда. Да будет благоплодна его деятельность. Флавиан, митрополит Киевский».

В первый день съезда заседания продолжались до 7 часов вечера. Порядок остальных дней был таков. Начинались занятия после общего утреннего чая в 8 час. утра и продолжались с одним или двумя небольшими, пятнадцатиминутными, перерывами до 1 часу. Затем общий обед и отдых до 4 часов, после чего опять вечерние занятия до 8 часов и общий ужин с чаем. Три доклада (о Церкви, об организации пастырской взаимопомощи и о приходе) предложил епархиальный миссионер свящ. о. Савва Потехин, три доклада (обозрение состояния сектантства в епархии, о деятельности миссии и о внешнем богопочтении) епарх. миссионер Н. А. Белгорский и по одному докладу окружные миссионеры: свящ. о. Стефан Забродский (о благодати таинств) и свящ. о. Филипп Хижняков (о св. Писании и св. Предании). После каждого доклада о. председатель выяснял ту сторону вопроса, на которую съезду надлежит обратить особое внимание. Обмен мнений и рассуждений по всем вопросам, происходивший затем, указывал, что присутствующие относятся к делу с чрезвычайным интересом и множество новых вопросов, замечаний и рассуждений, давал богатый материал для размышлений, производил сильное впечатление той жизненной борьбы, которая теперь идет в приходах между догмою православия и отрицаниями сектантства. Оканчивались положенные часы заседаний, а вопросы программы оказывались далеко неисчерпанными и слышались громкие жалобы и сетования на кратковременность съезда. И долго еще за скромной трапезой и после неё не умолкали одушевленные беседы и сумрак надвигавшейся ночи долго не мог заставить сомкнуться усталые вежды и дать дремание очам.

Выбранные секретари вели краткие протоколы съезда, конечно, только краткие. Как предмет рассуждений, так и живой, одушевленный характер их требовал для записи и большого

труда и большого искусства. Съезд выражал желание и обращался к о. председателю с просьбой огласить в печати тот богатый материал, который представляли доклады и происходивший по поводу их обмен мнений. Удастся-ли ему сделать это, Бог весть. Во всяком случае, если то, что получил каждый из участников съезда, останется не воспроизведенным в печати, а личными летучими впечатлениями слушавших, то и тогда оно не будет излишним. В жизни нашей так мало бывает впечатлений одушевленной религиозной церковной и богословской беседы.

Съезд окончился, в 1 час дня в пятницу благодарственным молебном, пред началом которого свящ. о. Павел Матушевич сказал речь о значении съезда для духовенства в смысле призыва к дружной одушевленной работе. Весь сонм священнослужителей одушевленно пропел многолетие Царствующему Дому, Святейшему Синоду, Владыке Митрополиту, всему освященному собору и всем православным христианам. В начале молебна, с начальным возгласом, разразилась страшная гроза с молнией, громом, страшными порывами ветра и проливным дождем. В большом каменном храме потемнело и всем стало жутко. Но уже к последним словам Евангелия (о десяти прокаженных): «вера твоя спасе тя» гроза прошла и темный храм прорезал ясный луч солнца. Это подало повод находчивому оратору о. председателю, по окончании молебна пред целованием Св. Креста, сказать речь на тему: «царство Божие, церковь Христова подобны храмину, построенной на камени: пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры и устремились на дом тот: и он не упал, потому что основан был на камени» (Мф.8:24).

После молебна, пред последней общей трапезой члены съезда собрались еще раз для взаимных прощальных приветствий. При этом свящ. о. Стефан Забродский сказал от имени и по уполномочию всего съезда следующую весьма содержательную и характерную для съезда речь.

«Высокопочтеннейший о. председатель.

Дело, ради которого мы по мысли и инициативе высшей Епархиальной власти собрались сюда, – закончено: совещания

наши завершены, и съезд наш объявлен закрытыми, но будет неким зазирающим совести наши психическим пробелом, если мы оставим это место наших совещаний, ставшее нам отселе относительно дорогим не сгруппировав хотя отчасти в своих мыслях и сердце тех чувств благодарности и некоего умиления, какие невольно рождаются в душе каждого из нас, как результат полученных нами на нашем пастырском съезде впечатлений, если мы не дадим себе в сих чувствах отчета и хотя вкратце не выразим устами то, что в избытке наполняет наше сердце...

Прежде всего глубоко преисполняемся мы все чувством умиленной благодарности к высокой особе нашего милостивейшего Архипастыря и Отца, Высокопреосвященнейшего Владыки нашего. Искренно благодарим Его Высокопреосвященство за дарование возможности прийти к нам на помощь в деле нам, пастырям, наиболее благопотребном, в деле, бывшем задачей нашего съезда. Невольно умиляемся мы душою, видя такую сердечно-теплую попечительность о нас нашего Архипастыря, умиляемся, а вместе преисполняемся бодрости и утешения. Видим мы и убеждаемся, что и в высших сферах между людьми, обремененными разного рода важными делами и заинтересованными широкими задачами, есть милостивые о нас «печальники», о нас, незаметных тружениках, копошащихся в своих доставшихся нам от Господа в удел заброшенных уголках, кои, хотя и незначительно малы, но всё же являются частицами великой нивы Христовой. Тяжело бывает и на обыкновенной ниве в страдную пору, когда высланные «делатели» не имеют урочно благовременного подкрепления сил физических, но мы, «призванные делатели духовной нивы», оказались бы еще в более тяжком положении, если бы тоже не получали время от времени подкрепления и освежения наших немощных сил. Но милостив и благостен распорядитель и хозяин нашей местной великой пажити Киевской, наш Архипастырь и Владыко, благовременно пришедший к нам со своею благопотребною помощью, могущею нас подкрепить, а также ободрить и поощрить к дальнейшему деланию: Ему,

милостивому нашему Отцу, и приносим мы свою первую, по Бозе, благодарность.

Высоко оцениваем мы также разумно опытное руководство и труды, понесенные ради нас вами, высокоуважаемый о. председатель, и вашим почтеннейшим сотоварищем, епархиальным миссионером Николаем Андреевичем. Из постановки дела на съезде, из хода и характера наших совещаний, мы убеждаемся, что вами справедливо понято, как и в чём, именно, нужно прийти к нам на помощь и сообразно с этим, разумно и умело осуществлена та задача, какая имелаась в виду при устройстве миссионерского съезда.

Скажем об этом подробнее. Учение Церкви по тем или другим вопросам, о кои претыкаются в своих умствованиях полагающиеся только на свои естественные силы умы человеческие, нам уяснено. На пререкаемые вопросы догматики, апологетики и полемики вы дали нам ясные и точные разъяснения, не такие, какими являются они в школьных учебниках, а разъяснения, так сказать, жизненно христианские, вполне отвечающие на запросы современной церковной жизни. Для более успешного действия словесно-духовным мечем в борьбе с врагами православия мы призваны сплотиться в тесные союзы братской пастырской взаимопомощи, выходя из положения: один в поле не воин. На самое устройство церковной жизни в наших паствах обращено также вами в достаточной степени наше внимание. *Вы неоднократно отсылали наш мысленный взор к тяжбам между сектантами и церковною жизнью, взвешивали смысл и источник сих предъявляемых к жизни апелляций, уясняли средства их благого разрешения, возможного только при фактическом осуществлении нами цели церковных установлений.* Для этого осуществления и в видах его успешности вы призывали не только сплотиться между собою в тесные союзы братской взаимопомощи, но и устроить союзы взаимопомощи ко спасению (под тою или иною формою и названием) и среди своих прихожан. Путем живого обмена мнений выяснены нам

также и возможно лучшие типы сих союзов и братских приходских кружков.

Кроме того, установлены и занесены в протокол нашего съезда и некоторые такие пожелания духовенства, которые, в случае их осуществления при согласии высшей епархиальной власти, несомненно послужат к устранению замечаемых духовенством нестроений в жизни отдельных приходов.

Такая именно и таким образом осуществленная организация наших совещаний обуславливает то, что для каждого из нас, участников съезда, очевидна благопотребность съезда и его польза. Кроме обогащения потребными для дела приходской миссии сведениями, совещания наши являются великим средством к подъему духа в духовенстве, к поднятию пастырской бодрости и умелости в осуществлении цели Церкви и Её установлений.

Сознавая всё это, искренно благодарим вас, высокопочтеннейший о. председатель, и вашего достоуважаемого сотрудника, за понесенные ради нас доброплодные труды, а вместе с тем обретаем мы и высказываем живую надежду на то, что наш миссионерский съезд не составит единичного явления, а послужит образцом и как бы указанием на то, насколько вообще благопотребны подобные съезды для духовенства, насколько полезны, и в зависимости от сего, насколько желательно открытие их в епархии в более или менее непродолжительные промежутки. О последнем желании духовенства, а равно и ровно и об общем впечатлении от него для духовенства, просим вас, высокопочтеннейший о. председатель довести до милостивого внимания нашего Архипастыря».

После этой речи старейший из присутствующих священник о. Георгий Соломоновский приблизительно сказал так, обратившись к епархиальным миссионерам:

«Я священствую в приходах зараженных сектантством с самого первого появления штундизма в киевской епархии, я не могу, поэтому, не высказать того, чему я на съезде удивлялся с самого начала, что меня поразило и наполнило душу благодарным умилением. Много у нас было миссионерских

съездов, но на них у нас требовали отчетов, спрашивали, что мы знаем, и что делаем. Теперь с большим старанием и умением нам дают то, что мы должны знать и что должны делать... О, если бы так это было в начале... Примите от всех нас земной поклон!»...

Епархиальные миссионеры отвечали благодарностью за внимание к их скромной работе. От души приветствуя эту первую многообещающую попытку в деле дорогой нам миссии, сердечно желаем: да даст Господь описанному съезду – курсам не остаться единичным и не повторившимся явлением в жизни не только киевского духовенства, но и в других епархиях.

Отклики

**Михаил, иером. Новая книжка графа Л.Н. Толстого:
«Обращение к духовенству»¹⁰ // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 11. С. 113–132**

II

Обвиняя Церковь в проповеди идолопоклонства, далее Толстой упрекает её в проповеди – рабства, убийств и т. д.

«Мало того, что церковное учение вредно своей неразумностью и безнравственностью, – пишет он, оно особенно вредно тем, что люди, исповедующие это учение, живя без всяких сдерживающих их нравственных требований, совершенно уверены в том, что они живут настоящей христианской жизнью.

Люди живут в безумной роскоши, составляя своё богатство из трудов униженных бедных и ограждая себя и своё богатство стражей, судами, казнями, – и духовенство во имя Христа одобряет, освящает, благословляет такую жизнь, советуя богатым только уделять малую часть награбленного тем, у кого они не переставая грабят (когда было рабство, духовенство всегда и везде оправдывало его, не считая его несогласным с христианством)».

Смеем напомнить графу, что в последнее время Церковь больше всего упрекают за крайний аскетизм, в смысле излишней будто строгости требования, между прочим и за то, что она требует всего до конца, не довольствуется процентным добром в 50 или 98%, всё равно, а требует для желающих быть христианами «совсем» – и отречения до *конца*. Упрекают за то, что она возводит в идеал воззрения подвижников, которые считали самый воздух для себя «стяжанием несправедливым», думали, что даже лишний съеденный кусок хлеба есть хищение.

И те, которые обвиняют Церковь за это, лучше Толстого знают Церковь: она (Церковь) никогда не проповедовала, будто маленькой жертвой можно оправдать себя в насилии и хищении.

А вот что в последние дни писал самый уважаемый из её пастырей, о. Иоанн Кронштадтский.

«У первых христиан было всё общее: богатые и достаточные добровольно жертвовали своим имением и деньгами, и собранное хранилось у предстоятелей Церкви, которые употребляли оное на содержание бедных, странных, заключенных в узах и других нуждающихся. Составляя между собою одно сердце и одну душу, можем ли мы отказаться от общности имущества?»

Здесь, конечно, не коммунизм, а чисто церковное учение, что в деле милости остановиться на полудороге, удовольствоваться подачкой не менее преступно, как и не начать пути.

Что касается рабства, то пусть просмотрит граф все обширные монографии, касавшиеся отношения христианства к рабству: он найдет, что с самых первых дней Церкви, она постоянно повторяет, что «неприлично, чтобы человек владел рабом», что «от природы никто не бывает рабом».

И много сделала она в борьбе против рабства, вернее сказать, всё, что сделано, сделала Церковь...

В частности, в России, как свидетельствуют компетентные люди (проф. Ключевский, напр.), все грамоты, в роде завещания какой-нибудь боярыни, отпускающей по смерти на волю всех рабов с дарами, «дабы они не плакались», или в роде всяких увещаний, что «раб не менее перед Христом, чем все, есть брат его возлюбленный», – вышли под воздействием Церкви, представляют «добрый бисер Владимира».

«Люди, силою оружия, убийства, стремятся к достижению своих личных и общественных корыстных целей, и духовенство одобряет, благословляет во имя Христа военные приготовления и войны, не только одобряет, но часто поощряет их, находя, что войны, т. е. убийства, не противны христианству.

И люди, – повторяет опять в третий раз Толстой, – поверившие в это учение, не только вовлечены этим учением в дурную жизнь, но и вполне уверены, что их жизнь хорошая, и им не нужно изменять её».

Здесь автор «Обращения к духовенству» повторяет свои старые мысли о войне и мы можем повторить ему старый ответ

Церкви, который будет и касаться не одной войны, а и других затронутых Л.Н. вопросов.

«Можно-ли утверждать, что война не стоит в противоречии с нравственной сущностью христианства и согласна с духом Евангелия?» Вот вопрос Толстого. А вот ответ Церкви.

Христианство, как религия мира и любви, не может иметь ничего общего с насилием.

Мы уже говорили в другом месте, что Церковь никогда не считала войну благом. За убийство на войне полагается епитимия по канонам, как и за убийство при самозащите. *Церковная* заповедь о любви к врагам (я подчеркиваю *церковная*, потому что Толстой не принимает этой заповеди, находит её неприемлемой), эта заповедь исключает войну, ибо *любимый враг* перестает быть врагом и с ним уже нельзя воевать (В. Соловьев. Смысл войны. Нива. Прил. 1896. 7. 431).

Если Церковь благословляет и войну за правое дело, то только как относительный подъем над предыдущим, более чем война злым и безнравственным настроением равнодушия. Церковь хочет и в идею войны вдохнуть частицу христианской жизни, допуская войну только как проявление самопожертвования, любви, полагающей душу за други своя, хотя она тут же подчеркивает ложь бессилия и в самом таком самоотвержении.

«Но разве не благословляет Церковь оружие, не молятся в наших храмах о победе над врагами, не признают ли тем самым учителя Церкви убийство на войне согласным с самою верою? Подобный упрек предъявлял к Церкви, как известно, не один Л. Толстой, и многие другие. Но справедлив ли этот упрек? Неужели представители Церкви должны относиться равнодушно, в качестве спокойных зрителей, к родным для них по плоти и вере воинам, идущим на бранное поле? И чем иным представители Церкви – носители мира и любви – могут выразить свою любовь к ним, как не молитвою за них? Несомненно, христианство призвано прежде всего предупреждать войну, стремиться к её отмене, но пока она существует, как факт, оно должно своими принципами ограничивать её и смягчать. Война есть великое бедствие. Как

же представителям Церкви не прийти на помощь? И они приходят со своими молитвами, равно как и с проповедью о необходимости защищать отечество и самоотверженно исполнять долг военной службы, к которому призывает поставленная Богом правительственная власть. Отнюдь не об истреблении людей молятся представители Церкви, а о торжестве правого дела. Благодаря Бога за дарованный успех, они благодарят опять-таки за торжество правды и добра, и отнюдь не за то, что воинам пришлось стольких-то врагов убить, уничтожить. Начертывая на воинском знамени крест, Церковь, верная своей задаче, возводит всё к небесному и святому, напоминает сражающимся воинам символом мира о высшей цели бытия и жизни, устремляет их мысль к Божественному Промыслителю и Управителю всего мира. Церковь – вестница мира и, не имея возможности искоренить зло войны, ограничивает и смягчает его. Станем ли мы обвинять её за это? Любопытный образчик отношения Церкви к войне вспоминает Ревон из истории средних веков. «Среди самого средневековья, в разгар тогдашних войн. Церковь мужественно вступала в ряды враждовавших, проповедовала им согласие и даже заговорила о вечном мире, как *Божьем мире*. Но как было ей склонить к своей проповеди железных людей XI века, когда мы, сыны XIX, не можем заговаривать с нашими современниками об общем разоружении, выдвинутом тогда Церковью, не вызывая их насмешек? Можно ли было переубедить тех суровых воинов, видевших почетное занятие в одних военных делах, когда нам доселе не удастся провести идею мира в ряды граждан столь трудолюбивого века, каков наш? Что удивительного поэтому, что великая мысль Церкви осталась непонятною? Она сама это увидела и стала тогда уже заботиться лишь об ограничении зла. Вместо *Божьего мира* она начала требовать *Божьего перемирия*. С материнскою любовью она постаралась, насколько могла, внести порядок и ограничение в неустрашимые беспорядки. Отсюда целый ряд любопытных мер, проведенных ею в видах обуздания войны во времени и в пространстве». Таково отношение к войне и современной Церкви. Она всегда стоит на страже высших, нравственных начал в жизни людей, –

она проповедница и носительница мира». (Радость Христианина. 1896. кн. III).

Но продолжим далее изложение Толстого.

«Главное зло вашего учения, – пишет далее Толстой. – в том, что оно переплетено с внешними формами христианства так искусно, что, исповедуя его, люди думают, что ваше учение есть единое истинное христианство, и другого нет никакого. Вы не то, что отвели от людей источник живой воды, – если бы это было, люди все-таки могли бы найти его, – но вы отравили его своим учением, так что люди не могут принять иного христианства, как то, которое отравлено вашим толкованием его.

Христианство, проповедуемое вами, есть прививка ложного христианства, как прививка оспы и дифтерита, делающая того, кому она прививается, уже неспособным принять истинное христианство

Люди, многими поколениями установившие свою жизнь на началах противных истинному христианству, вполне уверенные, что они живут христианской жизнью, – не могут уже вернуться к истинному христианству».

Мы уже знаем, как относиться к таким lamentациям. Эта прививка лжи к истинному христианству, как мы видели, дана прежде *всего в Евангелии*, так что нам остается одно из двух: или отказаться от всякого будто бы ложного придатка к христианству, т. е. отбросить Христово Евангелие и заменить его новыми подделками или остаться с Евангелием и евангельским Христом, хотя бы графу и казалось, что *Евангелие – вредная и ужасная книга*. Что выберем?

Да и что останется у нас, если мы примем истинную религию Л.Н. Толстого?

В чём эта религия?

«Для нас, – пишет он, – истинная религия есть христианство в тех положениях его, в которых оно сходится с основными положениями браманизма, конфуцианства. таотизма. еврейства, буддизма, магометанства».

Истинная религия – христианство, но из этих строк видно, что для Л.Н. истинная религия вовсе не христианство. Если

христианство Л.Н. состоит из положений, какие у него общи с конфуцианством, буддизмом, таотизмом, то очевидно, что новое толстовское «евангелие» может быть выкроено с одинаковым успехом и из книг Будды и Конфуция, и корана, путем их очищения от примесей.

Но тогда зачем и называться христианином, зачем говорить, что *для нас* истинная религия – христианство... Христос, Который заповедует молиться о хлебе насущном, вопреки учению Льва Никол. будто в молитве нельзя о чем-нибудь просить, Который говорит и об ангелах и злых силах, Который прямо указывал на Свои чудеса, как на доказательство Своего посланничества, для Толстого должен казаться таким же вредным лжеучителем, как и мы Его ученики.

Посмеет ли Толстой сказать, что Господь Христос не учит ни о творении, ни о грехе, ни о искуплении, что Он не молился в храме молитвой хвалебной и просительной.

III

«Вы и никто другой как вы (т. е. духовенство) – начинает граф новую главу, – вашим учением, насильственно внушаемым людям, причиняете то страшное зло, от которого они так жестоко страдают. И ужаснее всего при этом то, что, производя такое зло, вы не верите в это учение, которое вы проповедуете, не верите не только во все те положения, из которых оно состоит, но часто не верите ни в одно из них. Я знаю, что, повторяя знаменитое «*credo quia absurdum*», многие из нас думают, что не смотря ни на что, они все-таки верят во всё то, что проповедуют. Слова, не имеющие смысла, но нельзя верить в то, что не имеет смысла. Можно верить в то, что души умерших перейдут в другие формы жизни, перейдут в животных или в то, что уничтожение страстей и любовь есть назначение человека, можно и верить просто в то, что Бог не велел убивать людей, или даже, что Он не велел есть, и многому другому, не представляющему в себе внутреннего противоречия; но нельзя верить в то, что Бог в одно и то же время – и один и три, что разверзлись небеса, которых для вас уже нет и т. д. То, что вы скажете, что верите, что Бог есть Троица, или, что разверзлись небеса, и глас Божий заговорил оттуда, или, что Христос

вознесся на небеса и сойдет с небес судить воскресших в своих телах всех людей, – никак не доказывает того, чтобы вы верили в то, что было или будет то, что вы говорите. Не верите вы потому, что утверждение, что Бог один и три, что Христос улетел на небо и придет оттуда судить воскресших, не имеет для нас никакого смысла».

Странная манера уверять *верующих, что они не верят*. И по каким соображениям Толстой не хочет допустить, что мы – служители алтаря верим, а не только стараемся *уверить себя* в открытой Богом истине? То, что нельзя верить бессмысленному. Он допускает переселение душ, но не может принять, что небо разверзлось, что Господь вознесся на небо и т. д. Здесь удивительное мещанство полемики, если так можно выразиться. Не хотелось-бы и говорить об этом небе разверзшемся, если бы Толстой не повторял этот аргумент по крайней мере двадцать раз: так значит он кажется ему победоносным. Лев Николаевич знает, конечно, что люди никогда не понимали небо, куда вознесся Господь, в смысле атмосферного неба. Еще Давид, который так ярко выразил истину вездесущия Божия, называет в то же время небо престолом Божиим, но мог-ли он разуместь здесь Коперниково небо, когда Богу, для Которого небо престол, земля служит подножием, когда Он одновременно и на небе, и во аде, и в последних морях и всюду «рука Его наставляет и десница Его поддерживает немощь человека». Перейти в другие области жизни, скрыться от земли для человеческих глаз, и соединиться в славе и любви с Отцом вездесущим – разве не значит вознестись на небо и сесть одесную Отца? Небо не может раскрыться, в смысле физической географии, но разве мы не говорим, что небо разверзлось, когда яркая молния вдруг разделяет небо на две части и среди темноты отделяет ярко освещенную часть небосвода, как проблеск света за разорванными краями мрака. Положим, что небо разорвала не молния, а видения потустороннего мира свет проявившей себя в известном месте (напр. на Иордане) вездесущей руки Божией и из-за краев распавшегося неба взору Иоанна Крестителя открылся свет Божий, что-же противоречащего разуму, если мы скажем что «небо разверзлось в эту минуту».

Но самое главное Лев Николаевич забыл, что он сам признает это небо, где живет Бог. Я, пишет он, всегда молюсь: «Отче наш, Который на небесах». Значит, он счел возможным не поправлять слова Господа, не боится, что его вера в этого Бога будет признана нелепым суеверием. Если-же он может допустить какое-то небо, где живет Бог, «когда для него нет уже неба», то почему в наших устах это исповедание ложь, почему мы не можем верить в Бога, живущего, возносящегося на небо.

Наверное, наше небо не то, какое признает Л. Толстой, но это все-таки не пространственное небо, – которого, конечно, нет объективно.

Не стану повторять, что и мы не верим, будто Бог и один, и три. «Догмат Троицы не математическая задача», – пишет Кун.

«Прежние люди, установившие догматы, – читаем дальние, – могли верить в них, но вы уже не можете. Если вы говорите, что верите в это, то вы говорите это только потому, что вы употребляете слово «вера» в одном значении, а приписываете ему другое. Одно значение слова «вера» есть установленное человеком такое отношение к Богу и миру, которое определяет смысл всей его жизни и руководит всеми его сознательными поступками. Другое же значение слова «вера» есть доверие тому, что передает известное лицо или лица. В первом значении предмет веры, несмотря на то, что определение отношения человека к Богу и миру большей частью берется уже установленное прежде жившими людьми, проверяется и воспринимается разумом. Во втором-же значении предмет веры не только принимается независимо от участия разума, но при непременно условии неупотребления разума для проверки переданного.

На этом-то двояком значении слова «вера» и основывается то недоразумение, по которому люди говорят, что верят в положения, не имеющие смысла, или заключающие в себе внутренние противоречия. И потому то, что вы слепо доверяете своим учителям, никак не доказывает того, что вы верите в то, что, не имея смысла и потому не представляя никакого значения ни для вашего воображения, ни для вашего разума, – не может быть предметом веры».

О значении терминов вообще спорить трудно.

Однако здесь очень не трудно доказать, что понятие «веры» – неведомо Л.Н. даже в пределах катехизиса Филарета. «Вера (в церкви), – пишет Толстой, – доверие, принятие истин, или не-истин, вопреки разуму, и даже доверию к тому, что не имеет смысла, тогда как допустима лишь другого рода вера, которая есть установленное человеком» и т. д. С некоторым смущением приходится сообщать автору «Обращения к духовенству» азбучные для духовенства истины, что вера есть род знания, *раскрытие*, а не *признание* только «невидимых вещей».

Вера есть усвояемое нравственным подвигом жизни сближение с миром потусторонним, с Богом, миром небесной жизни, и приникновение к этому миру очами сердца. Вера, как признание, есть, по Исааку Сириянину и по Симеону Новому Богослову, низший вид религиозного ведения, – нужно не только знать, но и опытно в душе чувствовать прикосновение Бога и в этом находить бесспорное удостоверение веры. Истину должно принимать не по доверию, а в силу её переживания душой. «Христиане, которые не видят *умно* Господа, не освещаются явственно и значительно его Божеским светом, пусть не говорят, как *неверные*, что невозможно Его видеть». Великое дело веровать во Христа, но надобно научиться и познать Его. Воскресенью Христову верят многие, но мало таких, которые-бы *чисто зрели* Его. Те-же, которые не зрят так воскресения, не могут поклоняться Христу, яко Господу. Бог должен вселиться в нас – и открыть нам Себя; заведомо сознательно мы должны прозреть к ведению, «т. е. ощутить Бога в Себе ясно и осязательно» (Мысли Симеона Нового Богослова).

Как я уверовал в Воскресшего, – пишет один бывший толстовец, – ты знаешь: напомним только, что в тот момент, когда я почувствовал прикосновение в сердце моём, я сразу *узнал (ибо более реального я ничего не испытывал в жизни), что это Он*, Господь мой воскресший. Это было впервые, что я назвал Иисуса Христа Господом и, не переставая называть Его этим именем, я чувствовал в том неизъяснимую сладость.

Хотя разум мой и долго бунтовался против сей истины, но имея в центре своего существа несокрушимую веру в

Воскресшего, мне уже, как знание, как неоспоримый факт внутренней жизни, не трудно было и разум привести в послушание вере.

«Известный проповедник Pere Didon в предисловии к своей: *Vie de Jesus* заявляет, что он верит не как-либо иносказательно, а прямо без объяснений, что Христос, воскресши, вознесся на небо и сидит одесную Отца. Знакомый же мне безграмотный самарский мужик, как мне рассказывал его духовник, на вопрос о том верит ли он в Бога, прямо и решительно отвечал: грешен: не верю. Неверие своё в Бога мужик объяснил тем, что он не жил бы так, как живет, если бы верил в Бога: и изругаешься, и нищему пожалеешь, и завидуешь, и объедаешься, опиваешься, – разве так стал-бы делать, если бы верил в Бога. Pere Didon утверждает, что он верит и в Бога, и в вознесение Христа, самарский же мужик говорит, что не верит в Бога, потому что не исполняет Его веления. Ясно, что Pere Didon даже не знает того, что такое вера, и только говорит, что он верит: самарский же мужик знает, что такое вера, и, хотя и говорит, что не верит в Бога, истинно верит в Него в том самом смысле, который составляет истинную веру».

Конечно, я самарский мужик, как о. Дидон, верит в то, что Христос вознесся на небо и сидит одесную Бога Отца, он только убежден, что это еще не та вера, какой можно жить, ибо и «бесы веруют».

Но так учит и Церковь: вера, как теоретическое признание не только не спасает, но и не вера в настоящем смысле, потому что вера – сердечное переживание, а не рассудочное усвоение. – «Сердцем веруется».

«Тщетно именуется христианином тот, кто не имеет в себе благодати Христовой ощутительно, т. е. так, чтобы опытно знал, что имеет в себе таковую благодать.

Надлежит человеку здесь на земле родиться свыше от божественной благодати, и тогда возможен он увидеть Царствие Божие. Кто не видит в себе царствия небесного, т. е. не видит, что в нём царствует Бог, тот не родился еще свыше от божественной благодати, и надлежит ему всячески взыскать

того, чтоб родиться свыше, да узрит царствие Божие еще здесь на земле.

Кто как должно верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа. Кто-же верует во Христа, а жизни вечной в себе не имеет, того тщетна и бесполезна вера».

Свою книжку граф заканчивает воззванием к чувству и совести священника.

«Я знаю, – пишет он, – что доводы, обращенные к уму, не убеждают: убеждает только чувство, и потому, оставляя доводы, обращаюсь к вам, кто бы вы ни были: папы, епископы, архиереи, священники и др. – к вашему чувству, к вашей совести. Ведь вы знаете, что неправда то, чему вы учите о сотворении мира, о боговдохновенности библии и многое другое; так как же вы решаетесь учить этому маленьких детей и взрослых необразованных людей, ждущих от вас истинного просвещения? Положа руку на сердце, спросите себя, верите ли вы в то, что проповедуете?

Если вы действительно не перед людьми, а перед Богом, памятуя о своём смертном часе, спросите себя об этом, вы не можете не ответить себе, что нет, не верите. Не верите вы в боговдохновенность всего того писания, которое вы называете священным, не верите во все ужасы и чудеса ветхого завета, не верите в ад, не верите в беспорочное зачатие (?!), в воскресение, в вознесение Христа, не верите в воскресение мертвых, в троичность Бога, не верите не только во все члены того символа, который выражает сущность вашей веры, но часто не верите ни в один из них и т. д.».

Было бы повторением снова толковать об этой удивительной манере доказывать верующим, что они не верят. Ограничимся тем, что повторим с полным и искренним убеждением слова епископа Антония Волынского: «В России есть священники пьяницы, священники грешные и недостойные, но, кажется (веруем, веруем), нет ни одного неверующего».

Сам Л.Н. сомневается в успешности своей «гипнотизации» и прибегает к методу устрашения. Он внушает своим собеседникам-священникам, что их проповедь – преступление.

Пусть даже они веруют в истину того, чему учат, но ведь это учение – разъединяет людей.

«Внушая людям свою исключительную веру, вы делаете именно то, чего не хотите делать: лишаете людей единения со всем человечеством, заключаете их в узкие рамки одного своего исповедания, если не во враждебное, то во всяком случае в отчужденное положение по отношению ко всем остальным людям другого исповедания».

«Не должна ли, – путает граф, – самая эта мысль о ужасных последствиях проповеди родить сомнение, неуверенность в проповеди. А вдруг то, что вы хотите проповедовать, неправда».

Да, разъединение людей страшное дело; мы, пастыри и служители слова, считаем сущностью всего Евангелия нашим «лозунгом» заповедь Христа, *чтобы ученики Его, прежде всего искали «да вси едино будут»* и в то же время мы веруем, что истина евангелия, не вполне тождественна с истиной Корана, и не пожертвуем евангелием во имя приспособления, искусственного и *следовательно ложного* единения людей, в сфабрикованной нами (или Толстым), укороченной лже-истине. И мы напомним графу его собственные недавно сказанные слова.

Как рассказывает о себе граф, и в книге «Мысли о Боге» и в книге «Христианское учение» он одно время думал, что для целей единения с буддистами, конфуцианами и проч. лучше признавать только Бога в человеке, но вот ему стало больно и грустно, и он *пожертвовал единением во имя истины живого Бога, без которой жить нельзя*.

Так испугаемся ли мы призраков разъединения: мы верим, что нельзя продавать правду за чечевичную похлебку объединения в «полуправде», т. е. лжи.

Вслед за указанной нами попыткой устрашения, граф обращается к духовенству с таким трогательным призывом к покаянию.

«Я знаю, – восклицает яснополянский пророк, – что вы не сознательно делаете это ужасное дело; знаю я как трудно именно вам, с вашим воспитанием, в особенности с общей всем

уверенностью в том, что вы непогрешимые наследники Христа-Бога. перейти к трезвой действительности и признать себя заблудившимися грешниками, делающими одно из самых гадких дел, которое только может делать человек, знаю всю трудность вашего положения: но, вспоминая слова признаваемого вами божественным евангелия, о том, что Богу приятнее один покающийся грешник, чем сотни праведников, думаю, что каждому из вас, какое бы он ни занимал положение, все-таки легче покаяться и перестать участвовать в том деле, которое вы делаете, чем не веря продолжать делать Кто бы вы ни были: папы, кардиналы, митрополиты, архиереи, епископы, суперинтенденты, священники, пасторы, подумайте об этом».

Читаю это обращение и мне чудится длинный ряд святых теней. Амвросий Оптинский, весь облик которого, выражаясь словами В.В. Розанова, светит какой-то сверхземной «озаренностью», который многолетним подвигом любви научился видеть сокровеннейшее и тайное в душах тех, кто приходил к нему; св. Тихон Задонский с кристально прозрачной детской душой, Серафим Саровский; суровый ряд молчаливых, которые десятки лет жили в работе самоиспытания и самоисследования, которые в тишине молчания одинокие и самопогруженные выдержали всякие приступы сомнения, прошли «такие бездны отрицания» (слова Достоевского), какие и не чудились Толстому, а потом с высоты «столпов» стали вещать Христову истину и пр. и пр. Что дает право Л. Н-чу, *какие его труды и подвиги отречения и евангельского делания* – обращаться к этим священникам, «им же нет числа», с трогательным обращением сознать себя недостойными грешниками и покаяться. Он за свою правду, за свою веру и нелицемерие этой веры выставляет, как свидетелей, свои труды, как мы сказали, десятки лет не только «дум уединенных» о Боге и Его правде, но и десятки лет жизни, по тому учению, какое приняли. А ваши свидетели? Что делает вас учителем покаяния для этих смиренных и кротких, всю жизнь отдавших покаянию?

Граф пытается разделить всех священников на три группы и обращается к каждой отдельно. Первая группа – священники,

которые исповедуют и проповедуют ложь ради корысти и только преднамеренно утешают себя мыслью, будто их ложь нужна народу.

«То, что вы делаете, вы делаете не для пользы людей, а только ради своих честолюбивых, корыстных целей. А потому как бы величественны ни были те дворцы, в которых вы живете и церкви, в которых вы служите и проповедуете, и те облачения, которыми вы себя украшаете, – дело ваше от этого не становится лучше. Что велико перед людьми, то мерзость перед Богом. И не думайте, что ваша ложь может быть полезна толпе, народу, непонимающему еще того, что вы понимаете. Ложь никому не может быть полезна. То, что вы знаете, что ложь есть ложь, знал бы точно так же и был бы свободен от неё тот человек из народа, которому вы внушили и внушаете её».

Дворцы, в которых вы живете?... Граф, вы издеваетесь. Да, наши храмы – дворцы среди сел, они светятся огнями, блестят золотом своих украшений и мы горды этим, гордимся тем, что народ любит храмы и несет ему свои дары, но вот рядом с ними – наши священнические «дворцы». Нам приходится ютиться в хижинах, где зимой углы промерзают насквозь, а осенью протекают крыши. Наши дети умирают, потому что нельзя жить в этих убогих развалившихся «дворцах». С болью в сердце мы, как нищие, собираемся по деревне и все-таки нам не на что содержать наших детей. Недаром еще Некрасов, далеко не сторонник священника, на вопрос: «вольготно-ли и сыто-ли живется попу», ответил сценой, где священник, проклиная жизнь, с тоской берет два пятака у голодного мужика, берет... потому что и сам с семьей голоден. За 11 лет средней школы (годы, когда можно пройти университет), священник бедствует и только вера в народ да привязанность к храму и Церкви заставляют их жить в этой убогой обстановке и протекающих дворцах. Клевета и обидная и злая, нехристианская, в этих недобрых словах о дворцах и о кладах. Неужели граф станет утверждать, что Церковь дает священнику более, чем он мог бы взять, как «хищник», борющийся за существование на арене жизни?

Есть священники, которые живут обеспеченно, есть губернии, где они богаты, но много ли таких губерний и много ли таких обеспеченных? Не лучше ли за 3–4 года до окончания курса идти в акциз или полицию?

«Есть еще, – продолжает свою классификацию граф, – и такие и число их становится тоже всё больше и больше, которые, хотя и видят несостоятельность в наше время положений церковной веры, не могут решиться критически обсудить их. Вера эта так сильно была внушена им с детства, так сильно поддерживалась в них окружающей средой и влиянием толпы, что они, даже не пытаясь освободиться от неё, все силы своего ума и образования употребляют на то, чтобы хитроумными иносказаниями и ложными и запутанными рассуждениями оправдать все несообразности и противоречия исповедуемого ими учения. Если вы принадлежите к этому разряду хотя и менее преступных, но за то еще более вредных, чем первые, духовных лиц, не думайте, чтобы ваши рассуждения успокоили вашу совесть и оправдали вас перед Богом. Вы в глубине души не можете не знать, что всё, что бы вы ни придумывали и ни выдумывали, не может сделать того, чтобы безнравственные рассказы священной истории, ставшие в противоречие со *знанием* и пониманием людей и архаические положения никейского символа стали нравственными, разумны, ясны, согласны с современным знанием и здравым смыслом. Вы знаете, что убедить в истинности своей веры своими рассуждениями вы никого не можете, что ни один свежий, взрослый образованный человек, не воспитанный в детстве в вашей вере, не только не поверит вам, но или засмеется, или примет вас за душевнобольного, услышав ваши рассказы о начале мира, историю первых людей и проч.».

Священник должен отречься от своей правды, потому что в его учении многое не согласно с «современным знанием», Не знаем, в чём это противоречие, думаем, что его нет, да если бы оно и было, разумно ли было бы истины нашей веры менять на показания знания, как на что-то абсолютно во всём несомненное. Вот что пишет о современном знании один писатель: «Знание, по его отзыву, отодвинуло от людей

важнейшие вопросы жизни, оно поставило пустяки на место существенных проблем познания, знания о Боге и жизни по Богу. Мало того, наука объявила себя непогрешимой и во имя своей непогрешимости выдает за истину никому ненужные и даже нелепые глупости. И она требует, чтобы человек отрекся от истинного знания во имя этих глупостей». Мы не подписываемся под таким излишне суровым приговором, но граф, конечно, подпишется. Он знает, кому принадлежат эти слова. Это собственные слова из книги «Разрушение ада» и предисловия к статье Карпентера.

Так как же после этого мы откажемся от учения, переданного нам отцами нашими, от учения, в котором всякая частность связана с проповедью Христа о любви к людям, Богу и т. д. – во имя и ради современного знания, которое, по словам графа, провозглашает за несомненные истины не только ненужные, но часто и нелепые глупости... Да и верим, – свет науки идет не против веры, а наоборот, освещает путь к познанию Бога в вере.

Мы не станем доказывать, что во всех своих частях учение Церкви, даже для безусловно неверующего, далеко не такая явная нелепость, чтобы вера в него могла держаться только гипнозом воспитания. Доказательство заменит небольшая справка. Недавно в одной газете (Бирж. Вед.) перечислялись главнейшие из последователей графа, основатели культурных скитов. Я с любопытством прочитал список. Оказалось, что все наиболее талантливые из этих «учеников графа», ознакомившись с истиной «чистого евангелия» по Толстому, поработав много и усердно в деле распространения толстовства, вскоре сознательно вернулись к истине Церкви (Н-в, Ал-н и др.). Так как же граф решается утверждать, что всякий свежий, чуть-чуть прикоснувшийся к истине человек не может смотреть на церковное учение иначе, как на бред. Кого, кроме Чертковых, удержало толстовство из действительно интеллигентных образованных людей?

Я не говорю уже, что, кажется, можно считать образованными и Вл. С. Соловьева, и Б. Чичерина, и Н. Грота, и Аксаковых, и Самариных, и Хомякова.

«Но есть и еще самый распространенный третий разряд простодушных духовных лиц, которые никогда не усомнились в истине той веры, которую они исповедуют и проповедуют. Люди эти или никогда не думали о значении и смысле тех положений, которые переданы им с детства, как священная божеская истина, или если и думали, но так не привыкли самостоятельно мыслить, что не видят заключающихся в них несообразностей и противоречий, или, хотя и видят их, до такой степени подавлены авторитетом церковного предания, что не смеют думать об этом иначе, чем так, как верили прежде жившие и теперешние церковники. Люди эти успокаиваются обыкновенно мыслью, что церковное учение вероятно удовлетворительно объясняет кажущиеся им, только по их богословскому образованию, несообразности».

Граф, конечно, старается доказать, что и эти в простоте верующие – преступники.

«Если вы, – пишет он, – принадлежите к этому разряду людей искренно и наивно верующих; или еще не верующих, но готовых поверить и не видящих к этому препятствий, кто бы вы ни были: уже действующие духовные лица, или еще готовящиеся к духовному званию молодые люди, остановитесь на время в своей деятельности или в своём приготовлении к этой деятельности и подумайте о том, что вы делаете или собираетесь делать. Вы проповедуете учение, которое должно определить для них смысл жизни.

А вдруг – оно неправда? Неужели не должно подумать об этом?»

Плохо граф следит за своей логикой. Через две страницы, после приведенных слов, он неосторожно бросает такие слова:

«Ни один разумный человек не возьмет на себя определить телесную пищу других людей, как решить и кто может решить, какая духовная пища нужна массам народу?»

Он не замечает, что дает собеседнику оружие, какое может быть обращено против него самого. «Я, может ответить Льву Николаевичу простец священник, верю, как этот народ, только осмысленнее, определеннее и сознательнее. Да, я верю церковной истине, а когда она не ясна для меня, думаю, что

духовно еще не дорос до истины и молюсь, да поможет Бог моему бессилию. Вы требуете, чтобы я отрекся от народной истины и заменил её проповедью вашей истине. Но ведь ваша собственная логика заставляет меня не верить вам, не слушаться вас. Я проповедую то, что составляет для народа истину, всосанную им с молоком матери, напоминаю темному мужику те заветы, какие давала ему умирающая мать или отец. Следовательно, я ничего не отнимаю у него, не разрушаю его души и совести, и след. совесть моя спокойна: я не повинен в соблазне и убийстве душ. Вы предлагаете отнять у народа ту правду, какой он доселе жил; но страшно мне, боюсь я запретить ему ходить в церковь и благоговейно молиться там, из дьяконского чтения заучивать «блаженства», боюсь, потому что тогда мне вправе будут крикнуть: зачем вы отнимаете *наш хлеб*, которым мы живы? – «безбожники, заранее жили перегрызаете».

Да боюсь и боялся бы, даже если бы почти поверил в вашу истину. Ведь поверить вам *совсем* нельзя по вашей логике, гласящей, будто ни один разумный человек не может решить, какая духовная пища нужна народу?

И не понимаю я, как и смеете ли вы, при такой логике, все-таки думать, что духовная пища, предлагаемая вами, нужнее народу, чем та, какую предлагали апостолы Матфей, Марк, Лука, Иоанн; ап. Павел, Петр: наше евангелие *со Христом воскресшим и вознесшимся*.

* * *

Считая, будто уже победоносно доказал ложь церковного учения, Толстой далее ставит вопрос: «но не будет ли хуже, если люди перестанут верить в церковное учение?» И отвечает на него с большей смелостью. Нет, не будет.

«Будет то, что, откинув принятое по доверию учение, люди установят разумное и соответствующее их знаниям своё отношение к Богу и признают вытекающего из такого отношения нравственные обязанности».

Правда-ли? Так-ли несомненен благополучный исход предлагаемого способа борьбы с мнимой ложью?

Нечего и говорить, что нельзя жить ложью и всякая ложь должна быть отвергнута, но еще менее сомнения, что для людей, отказавшихся от истины церковной, придется или выбирать новое учение из множества доктрин (буддизм, магометанство и т. д.), или принять за истину то, что есть общего во всех учениях, – некий неопределенный, спутанный и скудный субстрат, лишенный всего специфически-христианского или *Христового*. Первый исход, очевидно, ведет вовсе не к объединению, а к вражде и борьбе, второй, как мы видели, решительно осудил Толстой в последние дни и осудил, конечно, справедливо.

Не ясно-ли, что никакого пути нет перед Толстым и его учениками.

А тут напрашивается еще новый вопрос, от которого опять не легко отделаться.

А что, если церковное учение необходимо для народа, как его духовная пища? Ведь несомненно в народе есть потребность церковной молитвы, потребность пасть ниц перед иконой и пр. Л.Н. не смеет скрывать серьезности этого вопроса и отделяется от него совсем не серьезно.

«Вы говорите, – возражает он кому-то, – что хотя нам и не нужна уже эта пища – она нужна массам. Но ни один разумный человек не возьмет на себя определить телесную пищу других людей, как же решить и кто может решить, какая духовная пища нужна массам народу?»

«То же, что вы видите в народе, потребность этого учения никак не доказывает того, чтобы нужно было удовлетворять ей. Есть потребность к вину, табаку и еще другие худшие потребности. Главное же то, что вы сами сложными приемами гипнотизма возбуждаете ту потребность, существованием которой вы хотите оправдать свою деятельность. Только перестаньте возбуждать эту потребность и её не будет, потому что как у вас, так и у всех людей не может быть потребности ко лжи, а все люди всегда шли и идут от мрака к свету и вам, стоящим ближе к свету, надо стараться сделать его доступным для всех, а не заслонять его».

Граф таким образом признает, что в народе есть потребность именно той пищи, какую ему предлагает Церковь. Где же основания думать, что эти потребности не нормальны, не есть здоровые требования души, а созданы искусственно. Миллионы людей живут «церковной пищей», это питание создало великанов духа, создало ту христианскую стихию, которой живет русский народ, те обычаи, поговорки, легенды, в которых граф видит проявление Христовой правды, на той же истине воспитан и Христос, Который «не пришел разрушить закон Моисея».

Это достаточно убеждает, что «пища» была не камнем, а следовательно и искание её не ложь, не тяготение к искусственно привитой потребности. А новая пища? Кто может сказать, что она не камень.

«Кто может решить, повторим слова Толстого, какая духовная пища нужна массам народу»? Мы полагаем, что Евангелие, но Толстой и *этого решить не может, – не смеет.*

* * *

Собственно здесь и кончается содержание «книжки» Толстого. Далее следует патетическое «заключение».

Свои очень сомнительные истины Толстой заканчивает такими изумительными строками:

«Но не будет-ли, – спрашивает он от лица тех же несуществующих возражателей, – хуже от того, что мы люди образованные, нравственные, желающие добра народу, вследствие возникших в нашей душе сомнений, оставим нашу деятельность и места наши займут грубые, безнравственные люди, равнодушные к народному благу».

«Несомненно, – отвечает он, – что выход лучших людей из духовного сословия сделает то, что церковная деятельность, находясь в грубых, безнравственных руках, будет всё более разлагаться, обличая свою лживость и зловерность. Но от этого не будет хуже, потому что разложение церковного учреждения, совершающееся и теперь, есть одно из средств освобождения народа от того обмана, в котором он находится. И потому, чем скорее это освобождение совершится через выход из духовного сословия просвещенных добрых людей, тем

это лучше. И потому, чем больше будет выходить из духовного сословия просвещенных хороших людей, тем это лучше».

Вот совет, перед которым останавливаешься в полном недоумении. Мы считаем своё учение – Христовым. Л.Н. не считает, но он все-таки считает нас верующими в евангелие. Ему кажется, что наше учение все-таки кое-что имеет христианское в себе и вот он предлагает всем искренним, честным людям уйти от народа и предоставить его хищникам, наемникам, которые будут растлевать Христово учение, не оставят ничего от него. Это для того, чтобы убить веру в Церковь и самую Церковь. Мы верим, что пастыри Церкви не разрушают, а создают царство Божие, но пусть Л.Н. прав. Не грех-ли все-таки предлагать, чтобы мы отдали народ на растление, в волю злых пастырей?

Не великое-ли кощунство, не преступление ли против всякой любви желать, чтобы хотя одно-два поколения оказались во власти растлителей и развратников? Пусть это увеличит паству его учеников, вышедших из Церкви, но неужели не жаль ему миллионов, которых растлят злые пастыри. И это любовь? «Не противься злу, потому что это значит стол мыть грязной тряпкой – не отмоешь». Это афоризм *Толстого*. Теперь он хочет купить толстовское царство Божие ценой растления и гибелью многих душ. Граф?... Это хуже, чем мыть стол грязной тряпкой.

Здесь живые души, невинные души продаются за увеличение прозелитов толстовства, за популярность «учителя из Ясной Поляны».

«Знаю, – заключает Толстой книжку, – что многие из вас связаны семьями или зависят от родителей, требующих продолжения вашей деятельности, знаю, что трудно отказаться от почетного положения, но все-таки лучше, чем делать дело, губительное для своей души и вредное людям».

«Вот это то я и хотел, находясь теперь на краю гроба и ясно видя главный источник бедствий, сказать вам, и чтобы помочь вам проснуться от того гипноза, в котором вы находитесь, часто не понимая всей преступности своей деятельности. И помогите вам в этом Бог, Который видит сердца ваши».

Да, ужасно, что это говорится на краю гроба.

И мы можем кончить только пожеланием проснуться от того гипноза самообожания, в каком находится граф, вражьей лестью не понимая всей преступности своей деятельности.

И помоги ему в этом Бог, Который видит сердца всех.

Иером. Михаил

Скворцов В. Со скрижалей сердца. Саровские июльские торжества. – Св. Серафим, как чудный Богоизбранник и Боговидец. – Новые козни дьявола и «союз борьбы с православием». – «Необходимое разъяснение» высокопреосвященного митрополита Антония. – «Духовное ослепление» – по поводу борьбы «союза борьбы с православием». – Генерал Арсеньев в еврейской синагоге и раскольничьей моленной – и недоумение сына православной Церкви // Миссионерское обозрение 1903 г. № 11. С. 133–156

Наступил июль месяц. Приближается знаменательное, священное для всей православноверующей России Саровское торжество: прославляется Церковью давно всеми верующими свято чтимый великий Саровский подвижник, о. Серафим, как новый в русской Церкви преподобный угодник Божий, дивный чудотворец, теплый молитвенник и ходатай пред престолом Божиим за землю русскую и за всех православных христиан, а вместе совершается чествование и прославление нетленных останков преподобного, как святых многоцелебных мощей.

Русь православная, во главе со своим благочестивым венценосцем, благоговая пред Господом, дивным во святых Своих, священно радуется, что не гаснет на Руси тот благодатный свет подвижничества и чудотворчества, который «сияет¹¹ и в пещерах Киева и Чернигова, и в затворах Ростова Великого и Владимира древнего, и в лесах Радонежа и на островах студеного Белого моря и во всех концах православной России»... Верующая мысль и благоговейное чувство миллионов верных сынов Церкви устремляется ныне в заброшенный среди дремучих лесов пустынный Саров, сотни тысяч паломников всех сословий и всяких состояний направляются к раке преподобного, движимые живою верою, чающие себе от Господа Бога, по молитвенному

предстательству нового Саровского чудотворца, утешения в скорбях, облегчения в немощах души и тела, мира и радости о Дусе Святе... Словом, каждый верный сын, своей торжествующей ныне матери-Церкви считает священным долгом принять то или другое участие, – кто подвигом паломничества, кто молитвою у себя дома, кто свечей, или тою или другою посильною лептою... Приносим и мы свою посильную «словесную» лепту в честь и славу новопрославляемого угодника Божия, преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Посвятив Саровским торжествам в последних выпусках «проповедей» и в этой кн. журнала несколько статей общего и миссионерского характера, мы не можем и в настоящих наших «Скрижалях» не остановиться на том же великом и дивном знамении милости Божией, являемой в чудесах молитвенного заступления Саровского угодника Божия, которому, поистине и наипаче прочих святых русской Церкви, приличествует наименование «Богоизбранника» и «Боговидца».

О богоизбранничестве и о высоком предназначении преп. Серафима говорит всё его дивное житие, начиная со дня рождения и до кончины, там мы встречаем многократные свидетельства о Боговидении угоднику Божию, которым Господь, подобно Моисею, удостаивал своего избранного. Оживим в нашей памяти эти чудодейственные черты жизни великого Саровского подвижника Боговидца.

Как известно, преподобный Серафим Саровский родился в царствование дочери Петра Великого, императрицы Елизаветы Петровны, 19 июля 1759 года, в древнем Курске, в приходе церкви преподобного Сергия, на Сергиевской улице, от благочестивых родителей, купца Исидора Мошнина и жены его Агафьи. Будущий святой подвижник крещен был в храме преподобного Сергия с именем Прохора.

Отец Прохора, Исидор был уважаемым храмоздателем. Когда Прохору было семь лет, Господь уже засвидетельствовал об избраннике Своём чудом милости Своей: мать взяла сына на осмотр достраивавшейся колокольни, как вдруг отрок упал с огромной высоты на землю. В ужасе сбежала с колокольни

мать, думая, что сын расшибся на смерть. Но к изумлению всех она нашла его целым и невредимым.

В десятилетнем возрасте постигла Прохора тяжелая болезнь и здесь спасительная благодать Божия засвидетельствовала об избраннике Божиим в новом чуде. Десятилетнему Прохору во время этой тяжкой болезни является Божия Мать и обещает опять посетить и исцелить его. Через несколько дней крестный ход с чудотворной иконой Знамения Богоматери движется вблизи дома Мошниных; начинается сильный дождь, и через размытую улицу нельзя было нести икону. Решили перенести Чудотворную Святыню через двор Мошниных на другую дорогу. Чуткая верою, мать Прохора выносит из дома больного мальчика и тот, помня обещание Богоматери, горячо молится Пресвятой Посетительнице и мгновенно получает от Неё предсказанное исцеление.

Напрасно брат Прохора приохочивал его к торговле, думая привязать его к миру и делам житейским. Юноша весь был в Боге, день и ночь поучаясь божественному писанию.

В семнадцать лет в Прохоре окончательно созрело намерение покинуть мир и отдаться религиозно-нравственным подвигам иночества. Набожная мать не только не препятствовала сыну в его благом намерении, но и дала ему своё материнское благословение на высший подвиг. Дабы решить, где – на юге, или на севере – избрать место для своего духовного подвижничества, Прохор отправился за советом в Киев, к мощам великих основателей русского монашества, преподобных Антония и Феодосия. Добрая мать надела на грудь сына, в благословение ему, медный крест. Как святое сокровище, св. Серафим до самой могилы носил материнский крест поверх своих одежд. Чтимый в Киеве о. Досифей, затворник Китаевой пустыни, указал место подвижничества будущему св. Серафиму в новой, существовавшей только семьдесят лет, но уже прославленной строгими подвигами своих иноков обители Саровской.¹² Прохор, трогательно простившись с матерью и родиной, двинулся в Саровскую пустынь, из которой не уходил уже во всю свою жизнь, где он

всецело отрекся от своей воли и отдал её в суровое послушание старцам своей обители.

В течение восьми лет, до пострижения в монашество, в 1786 году, с именем Серафима, Прохор смиренно и усердно нес все монастырские послушания: в столярне, хлебопекарне, просфорне, в качестве будильщика монахов и пономаря; в то же время инок Серафим в молитве и богомыслии настойчиво и неустанно работал над своим религиозно-нравственным совершенствованием. Рясофорный инок скоро был рукоположен в иеродиакон. В обители не было священнослужителя благоговейнее Серафима. Вера и молитва проникала всё его существо и возводили его на редкую для земнородных высоту Боговидения. Однажды, на литургии, после выхода из алтаря с Евангелием, иеродиакон Серафима озаряет необычайный свет и очам его предстает Сам Христос-Спаситель, окруженный ангелами и благословляющий молящихся.

Из жития св. Серафима узнаем, что и позже преподобный сподоблялся не раз такого же таинственного Боговидения. Так, после жестокого избиения о. Серафима разбойниками призваны к больному были доктора, удивившиеся тому, как при таких ранах подвижник остался жив. Он задремал и утешен был видением Богоматери, явившейся ему в сопровождении апостолов Петра и Иоанна. Ободренный этим посещением, он отказался от врачебной помощи и на другой день встал с постели. Разбойники были открыты, но незлолюбивый старец простил их и скоро довел их до полного раскаяния и исправления. С тех пор он стал согбенным на всю жизнь.

Затем, однажды некая княгиня привезла к нему своего тяжело-больного племянника. Старец сказал страдальцу: «ты, радость моя, молись, и я за тебя буду молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Но больной не вытерпел, оборотился и увидал преподобного Серафима стоящим на воздухе, и, объятый страхом, невольно вскрикнул. Старец запретил ему рассказывать об чудесном явлении этом до его смерти.

В день Благовещения 1831 года старица Дивеевского монастыря, посетив преподобного Серафима в его кельи, также

удостоилась чудесного видения: предшествуемая ангелами, сопутствуемая Иоанном Крестителем и Иоанном Богословом явилась в келью св. Серафима озаренная небесным светом Царица Небесная, долго беседовала со старцем и, благословив его, возвестила: «скоро будешь с Нами».

Да, воистину, Саровской подвижник, св. Серафим, есть российский Моисей Боговидец!

В 1793 году Серафим был рукоположен в сан иеромонаха и удалился в глухой лес, в 5-ти верстах от монастыря, и здесь построил себе маленькую келейку.

На новой ступени подвига – в отшельничестве – он неустанно работает над своим внутренним совершенствованием. Пламень уединенной молитвы разгорается всё в нём сильнее и сильнее: святой пустынный кладет ежедневно по 1.000 поклонов и сам отправляет каждый день по уставу все церковные службы, за исключением Божественной литургии, для которой приходит в праздник в монастырь и здесь причащается Тела и Крови Христовых. При этом он берет из общежития на неделю хлеба. Но скоро, усиливая свой пост, лишает себя и хлеба, довольствуясь одними овощами из огорода, возделанного собственными руками.

Не нежит он своего тела и одеждой: и летом, и в холодную зиму он носит из белого полотна самую простую одежду, поношенную шапочку на голове и лапти на ногах.

Восходя от силы в силу в своём подвижничестве, о. Серафим затем налагает на себя еще новый подвиг – *молчальничество*. «Молчанием, – говорит св. Амвросий Медиоланский, – я видел многих спасающихся, а многоглаголанием – никого». Сам подвижник свидетельствовал впоследствии, что молчальничество дает мир душе и возводит дух человеческий к совершенному созерцанию Господа.

Преподобный Серафим перестал принимать у себя людей. Если кого случайно встречал в лесу, то падал ниц на землю и лежал, пока проходящий не уходил. Перестал ходить преподобный и в обитель. Оттуда ему приносили скудную пищу,

и он не выходил и к приходившему монаху. В праздники из монастыря приносили ему Святое Причастие.

От полного отшельничества святой молчальник перешел к *затвору* в своей келье, из которой не выходил без крайней надобности.

Через несколько лет уединенных подвигов св. Серафим переселяется в монастырь, по настоянию братии, вследствие болезни; но и здесь остается в затворе в своей келье. Когда Преподобного упрекали за бегство его от людей, которым бы он мог приносить пользу, он отвечал, *что он очищает себя для Бога.*

В таких подвигах проведено им пятнадцать лет, и тогда только о. Серафим открыл двери своего затвора для людей. Приходили к нему за духовною и телесною помощью и иноки, и миряне, и знатные, и простые люди. Всех он встречал самым теплым приветом: «радость ты моя», всем он давал поучения, основанные на священном Писании и творениях святых отцов Церкви. Бог дал подвижнику *прозрение настоящего и предвидение будущего.* Он изумлял приходящих к нему тем, что сам прежде, чем скажут хоть одно слово, говорил о мучивших их вопросах и давал на них ответы; *отвечал на нераспечатанные письма,* входил в нужду и обиду каждого, указывая всем, как из неё выйти.

Одному человеку, удивленному его прозорливым ответом, который был дан одному из верующих, святой Серафим дал такое объяснение этого своего сверхъестественного дара:

«Он шел ко мне, как и другие, как и ты: шел, как к рабу Божию; я, грешный и убогий Серафим, так и думал, что я грешный раб Божий; что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия. Своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Чем выше в смиренном старце росло это духовное единение с Богом, тем обильнее изливалась из него чудотворная сила, исцелявшая недужных и больных.

Достаточно было, чтобы святой старец помазал маслом из лампы тяжко больного, много лет прикованного к постели, и он мгновенно вставал исцеленный. Давал ли преподобный Серафим испить воды из своего колодца одержимому холерою, и он здоровым на глазах у всех шел от Чудотворца. Неисчислимы были его исцеления...

Тысячами собирался народ к Серафиму уже при жизни его, ожидая себе помощи душевной и телесной от святого старца. Неизгладимыми чертами запечатлевался его образ в душе каждого, кому дано было хоть раз увидеть Угодника Божия. Вот как описывают современники внешний вид о. Серафима. Он шел сильно согбенный (после избиения разбойниками), опираясь на топор или небольшой посох; на нём был белый холщовый подрясник, на голове поношенная белая камилавка. Лицо его было бело, нежно и румяно, как у ребенка; на нём светились лучезарные, дышавшие необычайной добротой голубые глаза; с головы падали светло-русые с сильной проседью волосы: лицо было обрамлено густой бородой с длинными усами. В непогоду он накрывался мантией из выделанной кожи. За спиной у него была котомка, в которой лежали песок, камни и Евангелие.

Пишу он вкушал только один раз в день – вечером; спал он не ложась, сидя на полу, опершись о стену; иногда он прислонял голову на камень или на обрубок дерева; а если ложился, то на кирпичи или поленья. Пред кончиной своей он засыпал на коленях.

Великий Саровский подвижник как дивно жил, так свято и опочил о Господе. Преподобный знал приближавшийся конец земного жития и предсказал день кончины своей. Окружающие явно видели, что старец готовится покинуть этот мир: он чаще молился у своего заранее приготовленного и стоявшего в келье дубового гроба, нередко посещал избранное им самим у храма место для могилы. Силы телесные его угасали, но дух с возрастающей силою горел неувечерним светом.

В день нового 1833 года преподобный Серафим с особым напряжением молился за обедней в храме св. Зосимы и Савватия и в последний раз приобщился Святых Таин. После

литургии он простился с Саровскими иноками и сказал им: «спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Днесь нам венцы готовятся». Три раза в день ходил он на свою могилу и как будто вглядывался в землю, а вечером пел пасхальные победные песни. На другой день 2-го января в шестом часу утра из кельи подвижника пошел дым (он говорил прежде, что о смерти его узнают по пожару). Постучали в двери, но ответа не было. Тогда их сорвали с петель, в сенях тлел холст от догоревшей свечи, а святой Серафим стоял на коленях перед иконой «Умиления», названной им «всех радостей Радостью», перед ним стоял аналой, на нём был развернутый и уже загоревшийся молитвослов, о. Серафим крестообразно положил руки на святую книгу, глаза его смежились, на лице сияло радостное молитвенное умиление, тело еще было тепло.

В это утро за несколько сот верст в Курской губернии, в Глинской пустыни, один благочестивый старец, по имени Филарет, выходя из храма от утрени, указал братии на небе необычайный свет и прозорливо сказал: «ныне в Сарове возносится на небо душа отца Серафима».

Много тысяч народа приходило к старцу Серафиму при его жизни. Но еще более верующих стало приходить на его могилу в течение 70 лет, протекших с его блаженной кончины.

Являясь требующим его помощи в видениях или невидимо. Угодник Божий и по смерти исцеляет безнадежно больных, помогает бедствующим, утешает скорбящих.

Царствующий Дом наш и Царская Семья в последовательном ряде поколений являли примеры благоговейного почитания великого Саровского молитвенника, который, внимая Царской молитве, простирает из небесных селений свою благодатную помощь над Царской Семьей.

Осенью 1860 года тяжело заболела скарлатиной Дочь Императора Александра II, Великая княжна Мария Александровна, доныне здравствующая. Августейшая тетка ныне благополучно царствующего Государя Императора. В самую тяжкую для болящей минуту принесена была Дивеевской монахиней в царский дворец полумантия, под покровом которой предал Богу свою святую душу преподобный Серафим, и

Великая Княжна была покрыта ею. Почти мгновенно болезнь ослабела, и Царь, и Царица и исцеленная Их дочь с умилением признали в этом чудотворную помощь Угодника Божия. Государь пожаловал Дивеевской обители 600 десятин: а полумантия преподобного Серафима, как святыня, хранится в церкви Московского Августейшего генерал-губернатора В.К. Сергея Александровича.

Как известно и ныне благополучно Царствующие Государь Император Николай Александрович и Государыня Императрица Александра Феодоровна глубоко чтут, по примеру Своих Царственных Предков, прославляемого святою Церковью великого Угодника Божия, почившего в Саровской обители. Русский народ узрит 19-го Июля, в 144 годовщину рождения святого Серафима, его святыя мощи, хранимые в драгоценной раке под великолепною сенью, которые ныне сооружены иждивением Царя, по рисункам, начертанным Самой Царицею.

Являя знаки особого почитания памяти и подвигов богомудрого Серафима, видимо благочестивый Государь наш свято хранит в верующем сердце своем завет великого подвижника: «возлюбив Церковь Святую и Православную, возлюбим веру, как наше твердое и благодатное ограждение, да будет правда нам в броню и благочестие – в щит спасения. Ими Россия будет славна, крепка и непоборима, и врата адовы не одолеют нас».

Глубокоучительно и отрадно для верующего сердца, что святой так близок нам по времени, что живы еще свидетели дивных чудес и святой жизни Преподобного.

* * *

Саровское торжество прославления св. Подвижника-Боговидца имеет великое церковно-общественное значение: оно должно возгреть в сердцах всей верующей России живую веру и надежду на то, что Господь, молитвами иже во святых Отца нашего Преподобного Серафима Саровского, новоявленного Земли Русской Чудотворца, оградит Русь от смут разного рода и водворит в стране нашей мир и безмятежье на радость Обожаемому Царю нашему на счастье нашего отечества.

Все мы, верные сыны Церкви и отчизны, ныне, в дни земного прославления великого Саровского чудотворца обратимся же с пламенной молитвою к нему об избавлении Руси святой от зловредной смуты, которая не оставила в покое даже и такое святое дело, как Саровское торжество. Впрочем, это и неудивительно. Как известно, при жизни св. Серафима враг рода человеческого много раз делал попытку помешать возрастающим подвигам его благочестия: то он ужасает его страшными видениями, поднимает на воздух и подвергает его ушибам. Однако эти испытания не преодолевают несокрушимо святой воли: подвижник после дьявольских козней поднимается на новый подвиг – столпничество. Он выбрал недалеко от своей кельи большой гранитный камень и на нём предаётся молитве в течение 1.000 дней и ночей. Вносит и в келью свою меньший камень, чтобы не было мягче на молитве его коленям.

И вот в разгар этих подвигов враг избирает орудием своих козней троих крестьян, последние нападают на старца, когда он рубит в лесу дрова, и требуют от него денег. Еще сильный физически и вооруженный топором, подвижник не защищает себя, а только кротко говорит грабителям. что у него нет денег. Они оглушили его ударом топора, топтали ногами и, связав веревками, оставили истекающим кровью. В келье нестяжательного старца не было ничего, кроме икон, священных книг и нескольких картофелин, и разбойники, пораженные страхом и укорами совести, бежали. Старец очнулся от обморока, кое-как распутал веревки и израненный и окровавленный едва добрался до монастыря, сказав о постигшем его новом искушении только одному игумену.

Что же видим мы ныне? Исконный враг не оставляет своих дьявольских козней и ныне при земном прославлении Церковью угодника Божия. Старожилы Саровской и Дивеевской пустынь передают, что преп. Серафим предсказывал эти козни дьявола, эту скорбь и смуту умов, которые ныне порождены в неверующей, а равно и в маловерной и легкомысленной части русского общества святым делом прославления и открытия мощей Саровского чудотворца.

В своем «Необходимом разъяснении», высокопреосвященный митрополит Антоний необинуясь «поведал Церкви», во всеобщее сведение, сколько наслоилось легкомысленных разговоров, мучительных сомнений около вопроса о том, «что в гробу Саровского праведника»; там же разоблачено владыкой дерзкое заявление какого-то «союза борьбы с православием».

По поводу заявления о «Союзе» нас спрашивают, что это еще такое? Мы также получили «гектографированные листки», в одном из коих излагалось «постановление» такого содержания: «Мы нижеподписавшиеся (?), считая деятельность организации (?), присвоившей себе наименование «восточной греко-российской церкви», вредной для блага русского народа, постановили учредить союз для борьбы с этой организацией, дав ему имя: «союз борьбы с православием»». Внизу пометка – «печатается по постановлению центрального (?) совета союза борьбы с православием». Другой листок заключает в себе извещение за № 1 того содержания:

«Союз борьбы с православием» во исполнение долга своего пред истиной и народом русским, принял на себя расследование дела о мощах Серафима Саровского. Сим извещаем, что союз не остановится в случае надобности и перед вскрытием «содержимого гроба»». Оба листка гектографированы славянским полууставом. Вот всё, что мы пока знаем о пресловутом «союзе борьбы с православием». Судя по конструкции речи и тону листка, нужно думать, что здесь *шалит* всё тот-же «недоучка-интеллигент» из лагеря российских неверующих прогрессистов, которым православие стоит поперек горла, как незыблемый оплот нашей государственности. Весьма возможно, что не ушли эти «новые затейники» в своём образовании и понимании вещей далее известных легкомысленных курских юношей-святотатцев, посягнувших на чудотворную икону Знамения Пресвятыя Богородицы, а может статься, что «деятели союза» из тех мрачных типов, к которым принадлежит некто «Иероним Преображенский», выведенный на свет Божий в Бозе почившим иерархом Амвросием Харьковским напечатанием дерзкого его

письма в «Вере и Разуме», «дабы показать, каким духом злобы дышит на Церковь и власть современная интеллигенция»; – так объяснял тогда архипастырь обстоятельства напечатания этого беспримерно дерзкого и кощунственного письма.

Архиепископ Амвросий, предусматривая необходимость борьбы с упорной «иеронимовскою интеллигентною злобою против Церкви», видел корень этого зла в толстовстве, как духе и секте. И он, конечно, был прав в этом своём диагнозе.

Разве действующее около 8 лет в Лондоне «издательство» интеллигентов толстовцев, выпустившее целую серию летучих листков в защиту сектантства и в поношение православия, не союз борьбы с православием? Или другое женевское издательство, той-же компании толстовцев, выпускающее листки и брошюры исключительно для народа, в непримиримом антицерковном и социалистическом духе, – разве не тот-же союз? Достаточно прочесть листки «о штунде», о том «как попы поработили народ учением Христа» и др., чтобы убедиться, что Церковь и её миссия давно имеют дело с так дерзко заявившим о себе ныне анонимным союзом. Ютясь ранее заграницей, возможно, что теперь антицерковный лагерь непримиримых, озлобленных врагов Церкви наберёв себе храбрых за углом членов в России и принял организацию и способы действий разных прозябающих подпольных и преступных союзов, в роде «рабочей партии», «социал-демократии» и под. Если мы в своей догадке правы, тогда, значит, толстовцы из агнцев-непротивленцев – перерождаются в хищных волчат, и начинают показывать свои зубы и переходят от слова к делу, при том решили действовать приемами, ничего общего не имеющими с христианским учением, во имя которого они якобы ратуют. Но Церковь не может и не должна бороться с подобными «героями тьмы» теми же способами, – из закоулка и в темную. Истина Христова не боится света и сама постоит за себя.

В Церкви Божией есть тайны веры, которые, как многоценный бисер, нельзя бросать на поприще, но нет и не может быть секретов, в ней ничего не должно быть недосказанного, неясного, порождающего толки, разномыслия и сомнения, особенно если вопрос касается достояния веры

всемирной, – всецерковного дела или события, каким является прославление угодника Божия. И государство и Церковь переживают тревожное, болезненное время господства Фомина неверия, когда люди потеряли блаженство живой, детской веры и стремятся водиться не «верою, а видением». Вот почему разъяснение о мощах св. Серафима первоиерарха Церкви, высокопреосвященного митрополита Антония, и необычное в сих делах опубликование акта освидетельствования мощей св. Серафима к сведению всей Церкви – составляет событие высокой важности, которым вместе указывается и лучшее средство в борьбе света церковного учения с тьмою современных заблуждений, с подпольными врагами Церкви, им-же имя не союз только, а целый легион.

Вместе с тем «разъяснение» первоиерарха указывает учительской миссии Церкви на долг исправления односторонности в вере и суждениях о св. мощах людей истинно православных, «но имеющих ревность Божию не по разуму, которые думают и утверждают, что мощи святых *всегда и непременно* суть совершенно нетленные тела, т. е. целые, нисколько не поврежденные тлением тела святых угодников Божиих». И по самому словопроизводству, и по вере вселенской Церкви, и по истории почитания и прославления мощей св. мучеников и угодников Божиих, – мощи прежде всего суть *останки*, – священные реликвии, – будут-ли то чудотворящие кости прославленного святого или всё нетленно почивающее тело. По вере «неразумных ревнителей» пришлось-бы отказаться христианину от почитания такой величайшей святыни, как рука св. Иоанна Крестителя, хранящаяся у нас в России в ковчежце собора зимнего дворца, от почитания свящ. останков такого великого угодника Божия, как Святитель Николай Чудотворец. Ту же неразумную ревность и односторонность можно замечать и в нашей миссионерской полемической литературе. Разъяснение первоиерарха призывает также и деятелей миссии к исправлению также ненужного для истины уклона в миссионерской полемике.

Закончим «нашу сию лепту» благоговейным исповеданием глубокой веры в святость великого Саровского чудотворца, и в

незыблемость той истины, что, пока Россия будет хранить свой свет православия, не оскудеет на св. Руси и Преподобный и, ограждаемая молитвенным покровом св. сонма сих преподобных, она на «аспида и василиска наступит и поперет льва и змия». Господь, дивный во святых Своих, благодатию Своею сохранит духовную мощь Руси святою, целою и невредимую от всяческих покушений внутренних и внешних врагов нашей дорогой отчизны. Ей и Аминь!

* * *

Когда наши «Скрижали» были закончены, мы получили ниже помещаемую статью, принадлежащую перу верующего интеллигента. Охотно даем ей место на наших «Скрижалях», как необходимое дополнение к нашим мыслям и чувствам... Автор – просвещенный верующий мирянин. В своей статье он выражает мнение православных людей той традиции, которые считают, что «излишняя ясность в делах веры скорее может повредить, чем принести пользу». Но почтенный автор не хочет принять особых условий и обстоятельств нашего времени. С другой стороны, легкомыслие людей нашего смутного времени таково, что и молчание правды, презирающей ложь, легко может быть почтено за бессилие и неслыханная дерзость предстанет в тоге торжествующей силы.

Духовное ослепление. (Письмо в редакцию)

«Не отвечай безумному по безумию его», – говорит Премудрый. «Молчание – золото», – говорит и наша народная мудрость.

Всё это невольно припомнилось нам при прочтении известия о том, что в Петербурге появились листки, выпускаемые от какой-то тайной компании, именующей себя чем-то в роде «союза борьбы с православием». Уже одно это название говорит само за себя и мы православные имели бы полное право наградить этот союз презрительным молчанием. Тем более, что трудно надеяться убедить безумцев в их безумии, ибо их неверие перешло границы дозволенного сомнения. Они не с грустью говорят – «аще не увижу язвы гвоздиные и не осяжу ребра Его – не иму веры», а дерзновенно требуют дать им покопаться в священных останках, угрожая в

противном случае «не остановиться и пред вскрытием содержимого гроба».

Что же можно и должно сказать таким профессиональным гробокопателям, для которых, очевидно, нет ничего на свете святого? Что можем им сказать мы, которые не дерзаем открывать лица даже почившего заурядного иерея? Что можем сказать им мы, которые с почтительным благоговением относимся к праху вообще всех почивших, не позволяя копать в телах наших близких даже ученым с научною целью? Что можем сказать им мы, которые с детства привыкли мощи праведников лобызать до вкушения пищи и питья?

Такое благоговейное уважение к останкам праведников мы, православные христиане, приняли от наших предков, получивших это в свою очередь от своих отцов и дедов, почерпнувших это из свящ. Писания и учения отцов святых. Вместе с сим многие достоверные случаи убеждают нас, как строго суд Божий наказывает за дерзновенное и грубое любопытство. Так, еврей Аффаний, любопытствуя осмотреть «содержимое во гробе», в котором почивало пречистое тело Богоматери, был тут же наказан за свою дерзость отнятием рук, которые и повисли на святом гробе. Но, очевидно, сей дерзновенный учинил сие по грубому невежеству, ибо, по молитвам Апостолов, он был исцелен. Пусть событие это получше прочувствуют те безумцы, которые, для выяснения какой-то истины, не желают остановиться пред вскрытием священных останков новоявленного Чудотворца. Да и что они в ослеплении своём думают этим доказать? Допустим даже, вопреки опубликованному, официально составленному, в присутствии целого ряда, заслуживающих всякого вероятия, лиц, акту, что в гробе одни кости, то что из этого следует? Разве от этого умалится удостоверенная уже многими другими фактами святость прославляемого старца? Любимый ученик Спасителя, придя к месту погребения своего Учителя, войдя в *пустой гроб* (т. е. пещеру) «и приник, виде *риз* *едины лежа*ша и виде, и верова» (Ев. Ин.20:6–9). Вот идеал истинного христианина. Ему не нужно многого. По одному штриху, по одному намеку, он уже убеждается в святом и вечном. Ловят,

напр., ученики рыбу. Ночь. Лов плохой. Но вот на берегу появляется Некто и на жалобу рыбаков, что нет рыбы, советует забросить сеть по правую сторону лодки. Совет исполнен и, о диво! рыбы попало столько, что не могут вытащить. Это обстоятельство моментально наводит на мысль одного ученика, что неизвестный их советник есть не кто иной, как Спаситель. Услыхав об этом, другой ученик, уже без всяких рассуждений, бросается в воду и плывет к несомненно стоявшему на берегу Господу. Так пламенна, так непосредственна была вера первых учеников Христовых. Ведь и Фома хоть и не поверил вначале, однако мы не видим из Евангелия, чтобы он остался при своём неверии. Ясно, что, пристыженный очевидностью, он, не касаясь Пречистого тела Спасителя, воскликнул: «Господь мой и Бог мой».

Чего же домогаются и чего требуют члены этого странного союза борьбы с православием? Неужели для них мало доказательств святости новопрославляемого угодника Божия Серафима, опубликованных доселе и подтвержденных целой массой почтенных лиц живых и мертвых? А если им всего этого мало, то что может им прибавить «содержимое во гробе», т. е. по нашему мощи праведного старца? Не о таких ли людях сказал Авраам богачу, томившемуся в муках ада и печаловавшемуся об оставшихся на земле присных своих, что «если кто из мертвых воскреснет, не имут веры». Но подумали ли они о том, что будет, если все сотни миллионов верующих христиан потребуют таких доказательств для их убеждения? Ведь тогда, пожалуй, придется и Христу вновь сходить на землю для убеждения каждого сумасброда. Вот к какому абсурду приводит это грубое искание доказательств истины.

Непонятым нам представляется, почему неверие обрушилось на новооткрываемые мощи? Чем оно убедилось в святости доселе открытых мощей? Полагать надо, что никому из сих господ не было позволено осматривать их. Еще более того нам представляется непонятым, отчего они не возбуждают сомнений о святости тех праведников, мощи коих не явлены миру и находятся «под спудом»? А ведь таковых в православной Церкви не мало и притом особо чтимых святых

Божиих. Так, мы не видим мощей св. Апостолов; нет мощей великих святителей и учителей греческой Церкви; нет открыто почивающих мощей особо чтимых святых русской Церкви, таковы: Антоний и Феодосий, Киево-Печерские чудотворцы, Фотий, митроп. Москов., Тихон и Лаврентий – Калужские чудотворцы, св. Благоверный Александр Невский и великое множество других мучеников, затворников, «их же, по словам Апостола, не бе достоин весь мир, в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных», душу свою ради вечного её спасения положивших. Все эти пещеры и пропасти, освященные пребыванием в них святых людей, составляют предмет благоговейного почитания и поклонения верующих. Всё это многое говорит их сердцу, но холодному рассудку критиков в этих пещерах сумрачно и страшно. Ибо они «очи имут и не видят, уши имут и не слышат». А отчего? «Одебеле бо сердце их», – объясняет св. Писание, – «сердцем бо веруется в правду». А потому мы вправе сделать и обратный вывод, что у этих грубых гробокопателей нет сердца. Вправе мы заключить, что не «искание истины» побуждает их к писанию и распространению кощунственных листков. Бранью, хулою и заушением истина не ищется и не выясняется. Это ясно засвидетельствовала сама истина на суде первосвященника. Очевидно, другие, более низменные инстинкты руководят этими борзописцами. Впрочем, они и не скрывают своих намерений. Цель их ясно написана на их знамени. «Борьба с православием» – вот их задача. Значит и все стремления их направлены к тому, чтобы поколебать православие. Смешное и детское усилие. «Заблуждаетесь, не ведуще Писания, ни силы Божия», – говорил не раз во время Своей земной жизни Спаситель, отвечая пустым и праздным совопросникам Своим. Этими же словами Его можно и теперь ответить праздным искателям истины, ясной для всех, ведущих св. Писание и чувствующих силу Божию в Церкви Его, которой не страшны даже все силы ада. Убеждение это основано не на пустой вере, а ясно и разительно подтверждается самым фактом существования Церкви Христовой, испытавшей миллионы терзаний в течение 19 веков своей жизни и вышедшей с

торжеством изо всех сих испытаний и нападок. И не пустым, уличным листкам поколебать веру в святость воинов Христовых в сердцах православных христиан! Бесчисленные полки верующего народа, – этого христоролюбивого воинства, уже потянулись к целебноносному гробу вождя и утешителя своего. Умы их вовсе не занимают праздные вопросы о том, что во гробе. Их сотни тысяч перебивали там тогда, когда о прославлении его и об открытии мощей и речи не поднималось. Самое открытие мощей, по словам одного официального акта, является ответом на не умершую в народе веру в святость блаженного старца. Люди и не нуждались в этом добавлении. Они с благоговением брали и хранили «песочек» с его могилки, «водицу» из его колодцев, «глинку» от печи из его кельи, «камушки» с огорода, его руками некогда возделанного. Но что особенно для них ценно – это «заветы его и увещания», говоренные им при жизни, которые простой народ (да и масса интеллигентов) складывает в своём сердце, хранит их и руководится ими в жизни. В этих-то святых заветах люди находят для себя утешение в скорбях и подкрепление в борьбе с неизбежными трудностями жизни. В заветах этих новоявляемый чудотворец обрисовывается как утешитель и печальник народный. Этим и объясняется, что он еще и при жизни был окружен толпами почитателей. Этим и объясняется, что толпы эти не уменьшались и по смерти святого старца в течение семидесяти лет, а в последнее время даже увеличивались. Да поймут же из всех этих фактов члены «союза борьбы с православием», что почитание останков праведника равносильно почитанию иконы его, т. е. честь переносится на изображаемого, на его дух, на его религиозно-нравственный облик.

Членам «союза» всё это не понятно. Что же, это не новость. Еще ап. Павел писал: «Чудеса знамения требуют, эллины премудрости ищут: Мы же проповедуем Христа распятого, иудеям убо соблазн, эллинам же безумие, а для нас в этом Божия сила и Божия премудрость». Этою то Божией силой, этою то Божией премудростью как некогда, в начале, 12-ть неученых рыбаков, так и в наши времена святые Божии, как и новоявляемый

Преподобный Отец наш Серафим Саровский, покоряли и покоряют не себе, но Господу и сердца Царей и сердца миллионов подданных, и сердца ученых и сердца простецов. Ибо проповедь их заключалась «не в препретельных человеческие премудрости словесех, но в явлении духа и силы». Вот чем только и можно объяснить такие наши факты из жития преп. Серафима. Мать, огорченная и рассерженная тем, что дочь её осталась в монастыре, пришла делать старцу строгий выговор и взять дочь. Но окончила тем, что сама поступила в монастырь. Не напоминает ли это случай из жизни И. Христа, когда слуги архиерейские, посланные взять Его, возвратились одни, объяснив свой поступок тем, что «наколи же человек говорил так, как Сей человек». Эта же божественная благодать восполнила недостаток человеческой мудрости в блаженном старце, так что, читая многочисленные заветы его, невольно воскликнешь: «где премудр, где книжник, где совопросник века сего, не обуя ли Бог премудрость мира сего?»

Вот почему мнения и листки членов союза борьбы с православием так же интересуют истинно верующих христиан, как мнение магометан, язычников и всех прочих иноверцев. Не злобствуя на них, но с сострадательною любовью мы молимся: «Отпусти им, Боже, не ведят бо, что творят».

А. Л.

* * *

Мы получили следующее письмо, затрагивающее не лишенный интереса в миссионерском отношении вопрос.

М. Г. г. Редактор.

Читатели вашего журнала привыкли видеть в нём орган, от внимания которого не ускользает ни одно более или менее заметное явление религиозной и церковно-общественной жизни на Руси и не остается без такого или иного его отклика. Лыщу себя надеждой, что и моё недоумение вы обсудите и решите. Дело в следующем.

«Гражданин» (№ 42 с. г.) со слов одесских газет передает «интересное сообщение о торжественном приеме, устроенном в одесской синагоге новому градоначальнику генералу Арсеньеву». Некие невежды вытолковывают из этого

сообщения, будто бы генерал Арсеньев еврейской веры. Невеждам сим я доказывал, что в нашем православном царстве евреев не производят в генералы. А они одно твердят: «не бай не дело, как же он не еврейской веры, когда, по прибытии в Одессу, во-первых строках едет к еврейскому богослужению со своей свитой, простаивает всю еврейскую службу, выслушивает еврейские проповеди, – принимает благословение от еврейского раввина и заявил евреям, что он верит в одного с ними Бога. Как это могло бы стать, коли бы он православный был: чай, наши батюшки за каждой службой читают – «Христос истинный Бог наш», а жида распяли Христа, да и над Пресвятой Троицей они смеются. Как не толкуй, а жидовский Бог другая статья от нашего; истинного Бога евреи не знают». На подмогу к сим невеждам подъявился еще какой-то, вероятно, раскольник с разными текстами и правилами. «По писанию, говорит, евреи явно истинного Бога не знают, аще бы знали Его, учит апостол, не быша Господа славы распяли».

Разве вы не знаете, что всякий христианин должен быть отлучен от Церкви за молитву с евреями, по 10 пр. апостольскому: в этом правиле ведь сказано: «аще кто с отлученным от общения церковного (не говоря уже о евреях) помолится, хотя бы то было в доме, таковой да будет отлучен». Вступил я в прение с этим неизвестным мне человеком. Дело было в вагоне жел. дороги. Градоначальник, говорю, ездил в синагогу не молиться и не за благословением, а за тем, чтобы ему представилось еврейское общество и чтобы успокоить его в такое тревожное для него и для общественного спокойствия время.

Неизв. Эка размазывает. Чай, всем известно, что представляется низший высшему, а не наоборот; они, евреи, должны были к нему явиться для представления, а не он к ним: «Меньший от большего благословляется». Как же не молиться ездил, когда в газетах пишется: «по прибытии градоначальника в синагоге началось богослужение... Служил кантор Кармиод», который потом благословлял градоначальника и многолетствовал... Если бы градоначальник ехал не к богослужению, то почему бы евреям не начать службу без него,

да и зачем бы ему выслушивать всё жидовское служение? Для православных, чай, своих церквей там много. Да и зачем бы ему для представления-то ехать в жидовскую синагогу? неужто в Одессе больше другого места не нашлось? Вот и газеты то подлаживаются под ваш никонианский порядок: жидовское сонмище они называют «храмом», нашли там «алтарь», «богослужение» и т. п.

Всякому, чай, известно, что евреи, отвергнув и распяв Христа, не исполнили писаний, свидетельствующих о Нём, и подвергли себя проклятию Божию: «прокляты они в городе, прокляты на поле... прокляты они во входе своём, прокляты при выходе своём... Они будут ужасом, притчею и посмешищем у всех народов... и не главою, а хвостом» (Втор. 28 гл.). Дело-ли получать православному благословение от проклятого хвоста?

– Раввин, возражаю, не благословлял градоначальника, как своего единоверца, а сказал только «от имени всего еврейского общества словами свящ. писания: «Будьте благословенны Господом», «пусть Господь Бог вас благословит во всех ваших начинаниях... пусть Господь благословит всех ваших сотрудников... пусть Господь охранит и сохранит вас и ваших ближайших помощников на многие лета»... «и помощник раввина возгласил градоначальнику многолетие». Что же тут не по писанию? О властях предержащих все и иноверцы должны молиться.

Неизв. Тут всё не по писанию, не рассмотрены хорошенько Божественные книги-то: вас на смарку пустят, если будут выслушивать таких брехливых раввинов, как одесские. Что, напр., канителит-то «ученый раби Акиба» – будто всё еврейское вероучение выражается словами: «не делай ближнему того, чего бы ты не хотел, чтобы последний тебе сделал», при чем под ближним подразумевается *каждый*, без различия национальности и вероисповеданий. Ведь тут всё ложь. Как Христос говорил о ветхом завете? «Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб» (Исх.21:24; Мф.5:38) «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев.19:17–18; Мф.5:43). Евреи своими ближними считали и считают только евреев же; все

остальные люди – других наций и исповеданий, для них – враги, Спаситель и обличал такую еврейскую ложь Своей притчей о милосердном самарянине. В книге Левит, на слова которой ссылались одесские раввины, сказано: «не мсти и не имей злобы на сынов народа *твоего*, но люби ближнего *твоего*, как самого себя» (Лев.19:18). Ясно, что под ближним здесь разумеется только еврей. А как жида относились и относятся к христианам с самого начала веры Христовой, вам, надеюсь, известно и из слова Божия и из церковной истории. А раввины теперь выкрадывают учение из Евангелия и выдают его за еврейское. И впрямь подумаешь, какие блаженненькие, невинные страдальцы, возлюбившие ближнего, как самих себя, и в жидовстве то пребывающие будто бы для спасения прочих народов христианских, как утверждал недавно один из ваших же проповедников, а по писанию то проклятое они и отверженное семя; сидели бы тихо, да ждали антихриста: ведь к ним он по писанию то придет (Ипполит, Кирилл иер.) и родится-то от их колена Данова, и будет у них царем? Какое же от них благословение?

Собеседник мой всё более и более воодушевлялся и обострял разговор, вагонная публика насторожила внимание. Я постарался перевести речь на другие предметы, но видимо вопрос о посещении градоначальником еврейской синагоги оставил во многих, как и во мне, недоумение, которое прошу разъяснить.

Сын Церкви

Конечно, разглагольствование раскольника и простеца дышит нетерпимостью и пуританским буквоедством, а в частности – толки их о еврействе нового одесского градоначальника генерала Арсеньева – прямо нелепы. Генерал Арсеньев, выражаясь словами писания, «сын века сего», гуманный, просвещенный администратор, чуткий к веяниям времени и злобам дня, притом и тонкий политик. Он приехал в Одессу в период обострения на юге еврейского вопроса и недоверчивого отношения еврейской массы, после кишиневского погрома, к представителям власти. При этом ген. Арсеньев отлично знал, какая огромная сила – евреи в Одессе,

держащая в своих цепких руках всё и всех. Делая такой, правда необычный, акт особого внимания к еврейской части населения вверенного ему города своим торжественным посещением синагоги с целою свитою, генерал, очевидно, желал этим сразу завоевать себе особое доверие и симпатии со стороны еврейской «силы», как к благопопечительному администратору. А так как ген. Арсеньев приехал в Одессу не миссионерствовать, а управлять городом, то он и не мог считаться с какими-то, очевидно неведомыми ему, канонами и, очевидно, чуждыми народно-православными взглядами и традициями. Тем более, что и время-то теперь господства принципов свободы совести, в духе и понимании гг. Стаховичей, Волконских и столичных «новопутейцев».

Теперь время прокладывания «новых путей», и кто теперь, кроме завзятых консерваторов, смотрит на церковные каноны, на вековые традиции, на народное православное мировоззрение, теперь на первом плане мнение публики, – общества и газет. А газеты все отметили посещение ген. Арсеньевым еврейской синагоги в хронике выдающихся событий, а некоторые симпатично подчеркнули, как своего рода «новый путь» к сближению евреев с христианами.

Не желая отнимать пальмы первенства от ген. Арсеньева в прокладывании этого нового пути в еврейском вопросе, мы заметим, что мы знаем и другие подобные же факты любезности и внимания к евреям на том-же юге. Так знаем, как в одном городе губернатор участвовал в освящении новой синагоги, построенной к тому-же в обход закона. Причем его превосходительству предложена была честь открыть входные двери в новую синагогу золотым ключом. Знаем другой случай, когда в синагогу еврейскую пожаловало всё губернское представительство в лентах, мундирах и фраках на свадьбу дочери еврейского креста. А когда один непокладистый генерал не хотел стоять в синагоге во время венчания в шапке, ссылаясь на то, что он не привык при дамах и в парадной форме быть в шапке, тогда твердый блюститель еврейских традиций попросил бравого генерала выйти из синагоги... Интересно, как – в шапках или без шапок – выслушивала

еврейское богослужение одесская христианская администрация? Правда, что об обоих наших прецедентах в печати признано было неудобным говорить. Хотя это было не более 5-ти лет тому назад, а видно времена изменились...

Что генерал Арсеньев чутко следит за настроениями времени, об этом находим подтверждение и в другом недавнем сообщении одесских газет о том, как новый градоначальник посетил *раскольничью моленную*.

Как известно, что раскольники, после Высочайшего манифеста 26 февраля, бессовестно извращенного ими в понимании смысла веротерпимости, – мятутся духом, ищут тоже «новых путей» и составляют для печати и известных слоев общества модный вопрос. И вот печать не преминула снова на всю Россию оповестить о посещении моленной новым одесским градоначальником, чего та-же печать не сделала ни в отношении посещения новым градоначальником ни православного собора, ни католического костела, ни протестантской кирки, а мы не сомневаемся в высокой справедливости нового одесского администратора и, думаем, что не только православные храмы, но и представителей инославия генерал почтил ранее еврейской синагоги и раскольничьей моленной своим просвещенным вниманием.

Вот как описан этот визит градоначальника раскольникам.

На днях новый одесский градоначальник ген.-лейт. Д. Г. Арсеньев посетил одесский старообрядческий молитвенный дом, где был встречен на паперти, устланной ковром, старостой молитвенного дома В.А. Дубининым. Вместе с градоначальником молитвенный дом посетил также одесский городской голова П.А. Зеленый. В молитвенном доме, переполненном прихожанами-старообрядцами, совершено было молебствие, по окончании которого было провозглашено Царское многолетие. Священником молитвенного дома произнесено было перед провозглашением многолетия, по словам «Одесского Листка», следующее краткое приветствие:

Сегодня горячая наша молитва к Всевышнему Зиждителю завершилась в присутствии высокопоставленного лица, одесского градоначальника генерала Арсеньева. Посещение

нашего храма г. одесским градоначальником является для нас ныне высоким вниманием. Обратим благодарные взоры на своего светского начальника и кланяемся ему, наперснику власти, поставленному по указанию Всемогущего Бога Самодержавнейшим Царем. Новый правитель гор. Одессы, желанный гость нашего старообрядческого общества, прибыв недавно из северных краев нашего дорогого отечества, засвидетельствовал нам своё славное имя внимательного начальника. Общины старообрядцев, приемлющих священство, вероятно знакомы его превосходительству по северу, таковые же и здесь, проникнутые верой в Христово учение, в св. апостолов и в св. отцов, возносят молитвы по древне-православным обрядам как о своём спасении, так и о благоденствии богодарованного Царя своего, милость которого по промыслу Вседержителя с течением времени влагает в наши сердца всё большие и большие усердия молиться с сознанием свободы христианского вероисповедания.

Во время богослужения пел хор любителей-прихожан древним знаменным распевом.

Теперь спрашивается: от кого ген. Арсеньев принимал приветственную речь? Газеты пишут «от раскольников священника». Но ведь закон не признает этого звания за раскольниковыми требоисправителями? и генер. Арсеньев не мог, конечно, признать его таковым? И не совершил-ли одесский раскольниковый оратор оказательства раскола, совершая богослужение для присутствующих православных, хотя-бы и в лице ген. Арсеньева и город. головы г. Зеленого? Как известно, покойный министр Сипягин, объезжая раскольниковы центры, не считал возможным заходить во внутрь моленных, а только на крыльце одной обратился с речью к раскольниковой депутации, в которой предостерегал не переходить за черту закона 1883 г. В этом смысле издан был им и циркуляр губернаторам.

Кажется, и это так еще недавно было, а в Одессе, очевидно, забыто.

В. Скворцов

**Гринякин Н. К открытию святых мощей
Преподобного Серафима // Миссионерское
обозрение 1903 г. 11. С. 157–158**

Колыхнулося русское море глубоко,
Сильные волны поднялись высоко;
Волна за волною бежит.
Берег один – их стремленье;
Там для них всех утишенье
Сила небес совершит.

* * *

Знатный, богатый, убогий с нуждой,
С немощью плоти, с разбитой душой
В Саров к Серафиму текут.
Душой кто иль телом страдает,
Под ношей креста-ль упадает...
Всех его мощи влекут.

* * *

Сила Господня свершается:
Старец «в костях» прославляется, –
«Кости творят чудеса».
Чрез них исцеленья творят,
Душу и тело целят,
Чрез них говорят небеса...

* * *

Останкам святым поклонися.
В вере своей утвердися,
Сын православной Руси!
Святой Серафим Богозритель, –
Раскола и сект обличитель, –
Богу хвалу вознеси!

* * *

Ты же, отступник с гордыней, –
Смирись пред Саровской святыней.
Силу Христову познай!
К Церкви Святой обратись,

«Толков» и сект отрекись
И в вере святой пребывай.
Н. Гринякин

Август. Книга 1

**Антоний, митр. В прославлении праведника
просиявает образ Воскресения (Слово
высокопреосвященного митрополита Антония,
произнесенное пред последнею панихидою по
новопрославленному угоднику Божию Серафиму
Саровском) // Миссионерское обозрение 1903 г. №
12. С. 161–162**

Всем нам здесь присутствующим и молящимся Господь даровал великую милость быть участниками светлого торжества прославления приснопамятного подвижника иеромонаха Серафима. Слава и благодарение Господу, так о нас благодееющему! Красуйся и радуйся святая обитель Саровская, славою преподобного своего прославляющаяся и прославленная.

Сейчас мы совершим последнее моление о нём, как об усопшем рабе Божию, а потом уже во все времена православные христиане будут обращаться к нему с молитвою, как к прославленному угоднику Божию. И его пречестные останки, 70 лет почивавшие в недрах земли, теперь износятся к постановлению в эту раку для благоговейного поклонения верующих, молитвенно притекающих к нему за помощью, исцелением и утешением. Воистину в этом прославлении просиявает нам образ Воскресения. Настойчиво приходят на мысль слова апостола: «сеется не в честь, восстает в славе, сеется в немощи, восстает в силе».

В самой видимой мертвенности останков святых благодатиею Божиею сокрывается сила жизни, через посредство их даруются людям от Господа многоразличные исцеления от недугов и болезней. В этих же чудесных исцелениях слава и преподобного отца нашего Серафима. Его молитвенное дерзновение пред Богом и прежде сего собирало в обитель Саровскую множество богомольцев, теперь же Господь прославляет его пред всем православным миром, собрав сюда многие десятки тысяч людей со всех концов России и даже

далекой Сибири, от запада и востока, от севера и юга, возглавив это великое множество народа молитвенным участием в торжестве самого Царя Православного, благочестивых Цариц и многих членов Царствующего Дома.

В этом многолюдном, но единомысленном и единосердечном собрании богомольцев у мощей преподобного выражается исконный основной смысл жизни русского народа. Он знает своё отечество и свою историю не столько по политическим или военным событиям, сколько по подвижникам веры и правды, любви и добра. Он знает Киев по преподобным Антонию и Феодосию Печерским, Троицкую лавру и Москву по преподобным Сергию и святителям московским, свой север и Соловки по преподобным Зосиме и Савватию, Сибирь – по Симеону Верхотурскому и святителю Иннокентию Иркутскому. Из года в год, из века в века, он посещает прославленные подвигами угодников Божиих святые места, научаясь в них правилам жизни святой и утверждаясь в вере и правде, добре и любви. И теперь в лице преподобного Серафима воздвигает Господь новый светильник, нового учителя, новую духовную твердыню народа русского. Буди же слава Богу нашему, дивному во святых Своих.

По молитвам преподобного совершаются здесь ежедневно многочисленные чудеса. И если бы кто спросил нас о них, мы таковому вопрошающему ответили бы с благоговейным дерзновением, в полном соответствии с действительностью, словами Спасителя ученикам Иоанновым: «Слепые прозревают, хромы ходят, глухие слышат, нищие благовествуют».

Помолимся же усердно, благоговейно и с теплою сердечностью в последний раз об упокоении раба Божия приснопоминаемого иеромонаха Серафима и воздадим славу Богу дивному в святых Своих. Аминь.

**Сергиев Иоанн (Кронштадтский), протоиерей.
Ответ пастыря Церкви Льву Толстому на его
«Обращение к духовенству» // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 12. С. 163–172**

Русские люди! хочу я вам показать безбожную личность Льва Толстого, по последнему его сочинению, изданному за границей, озаглавленному: «Обращение к духовенству», т. е. вообще к православному, католическому, протестантскому и англиканскому, – что видно из самого начала его сочинения. Не удивляйтесь моему намерению: странно было бы, если бы я, прочитав это сочинение, не захотел сказать своего слова в защиту веры христианской, которую он так злобно, несправедливо поносит вместе с духовенством всех христианских вероисповеданий. В настоящее время необходимо сказать это слово и представить наглядно эту безбожную личность, потому что весьма многие не знают ужасного богохульства Толстого, а знают его лишь как талантливого писателя, по прежним его сочинениям: «Война и мир», «Анна Каренина» и пр. По последнему своему противо-церковному сочинению, Толстой извратил свою нравственную личность до уродливости, до омерзения. Я не преувеличиваю. У меня в руках это сочинение, и вот вкратце его содержание.

* * *

С привычною развязностью писателя, с крайним самообольщением и высоко поднятою головою, Лев Толстой обращается к духовенству всех вероисповеданий и ставит его пред своим судейским трибуналом, представляя себя их судьей. Тут сейчас же узнаешь Толстого, как по когтям льва (*ex ungue leonem*). Но в чём же он обличает пастырей христианских церквей и за что осуждает? В том, что представители этих христианских исповеданий принимают, как выражение точной христианской истины, Никейский символ веры, которого Толстой не признает и в который не верит, как несогласный с его безбожием.

Потом обличает пастырей в том, что предшественники их преподавали эту истину преимущественно насилием (наоборот, христиан всячески гнали и насиловали язычники и иудеи, откуда и явилось множество мучеников) и даже предписывали эту истину (канцелярский слог) и казнили тех, которые не принимали её (никогда не бывало этого с православным духовенством). Далее Толстой в скобках пишет: миллионы и миллионы людей замучены, убиты, сожжены за то, что не хотели принять её (попутно достаётся и православному духовенству). В словах Толстого очевидно явная клевета и совершенное незнание истории христианской Церкви.

Слушайте дальше фальшивое словоизвержение его: средство это (т. е. принуждение к принятию христианской веры пытками) с течением времени стало менее и менее употребляться и употребляется теперь из всех христианских стран (кажется!) в одной только России.

Поднялась же рука Толстого написать такую гнусную клевету на Россию, на её правительство!... Да если бы это была правда, тогда Лев Толстой давно бы был казнен или повешен за своё безбожие, за хулу на Бога, на Церковь, за свои злонамеренные писания, за соблазн десятков тысяч русского юношества, за десятки тысяч духоборов, им совращенных, обманутых, загубленных. Между тем Толстой живет баринком в своей Ясной Поляне и гуляет на полной свободе.

Далее Толстой нападает на духовенство, знаете ли за что? За то, что оно внушает церковное учение людям в том состоянии, в котором они не могут (будто бы) обсудить того, что им передается: тут он разумеет совершенно необразованных, рабочих, не имеющих времени думать (а на что праздники?), и, главное, детей, которые принимают без разбора и навсегда запечатлевают в своей памяти то, что им передается. Как будто дети не должны принимать на веру слово истины.

Слушайте, слушайте, православные, что заповедует духовенству всех стран русский Лев: он пресерьезно и самоуверенно утверждает, что необразованных, особенно рабочих и детей, не должно учить вере в Бога, в Церковь, в таинства, в воскресение, в будущую жизнь, не должно учить

молиться, ибо всё это, по Толстому, есть нелепость, и потому, что они не могут обсудить того, что им преподается, как будто у них нет смысла и восприимчивости, между тем как Господь из уст младенец и ссущих совершает хвалу Своему величию и благодати; утаивает от премудрых и разумных Свою премудрость и открывает её младенцам (Мф.11:25), и от гордеца Толстого утаил Свою премудрость и открыл её простым неученым людям, каковы были апостолы, и каковы и нынешние простые и неученые или малоученые люди, – да не похвалится никакая плоть, никакой человек пред Богом (1Кор.1:29). Толстой хочет обратить в дикарей и безбожников всех: и детей, и простой народ, ибо и сам сделался совершенным дикарем относительно веры и Церкви, по своему невоспитанию с юности в вере и благочестии. Думаю, что если бы Толстому с юности настоящим образом вложено было в ум и в сердце христианское учение, которое внушается всем с самого раннего возраста, – то из него не вышел бы такой дерзкий, отъявленный безбожник, второй Иуда предатель, да еще и по превосходству и со старшинством. – Невоспитанность Толстого с юности и его рассеянная, праздная с похождениями жизнь в лета юности, – как это видно из собственного его описания своей жизни в его псевдониме, – были главной причиной его радикального безбожия, – знакомство с западными безбожниками еще более помогло ему стать на этот страшный путь, а отлучение его от Церкви Святейшим Синодом озлобило его до крайней степени, оскорбив его графское писательское самолюбие, помрачив его мирскую славу. Отсюда проистекла его беззастенчивая, наивная, злая клевета на всё вообще духовенство и на веру христианскую, на Церковь, на всё священное богодухновенное Писание. Своими богохульными сочинениями Толстой хочет не менее, если еще не более, как апокалипсический дракон, отторгнуть третью часть звезд небесных, т. е. целую треть христиан, особенно интеллигентных людей и частью простого народа. О, если бы он верил слову Спасителя, Который говорит в Евангелии: кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской (Мф.18:6).

* * *

Пойдем дальше в глубину Толстовской мнимой мудрости. Горе, сказано в Писании, тем, которые мудры в самих себе и пред собою разумны. Толстой считает себя мудрее и правдивее всех, даже священных писателей, умудренных Духом Святым, Св. Писание признает за сказку и поносит духовенство всех исповеданий христианских за преподавание священной истории В. и Н. Завета, почитая за вымысел сказание о сотворении Богом мира и человека, о добре и зле, о Боге, – высмеивает всё священное бытописание и первый завет Божий человеку о соблюдении заповеди, исполнение которой должно было утвердить волю первочеловеков в послушании Творцу Своему и навсегда увековечить их союз с Богом, блаженное состояние и бессмертие даже по телу; вообще извращает и высмеивает всю дальнейшую священную историю, не принимая на веру ни одного сказания. Так, например, он говорит, что Бог, покровительствуя Аврааму и его потомкам, совершает в пользу его и его потомства самые неестественные (!) дела, называемые чудесами (Толстой не верит в них), и самые страшные (!) жестокости (это Бог то милостивый, человеколюбивый и долготерпеливый), так что вся история эта, за исключением наивных, иногда невинных, часто же безнравственных сказок (!), вся история эта, начиная с казней, посланных Моисеем (не им, а Богом праведным и долготерпеливым), и убийства ангелом всех первенцев их до огня, поपालившего 250 заговорщиков, и провалившихся под землю Корея, Дафана и Авирона, и гибели в несколько минут 14.000 человек, и до распиливаемых пилами врагов (выходит, что слышал звон, да не знает где он: известно, что царь Манассия беззаконный царь Иудейский велел перепилить на двое пророка Исаию за его пророчество) и казненных Ильей (пророком), улетевшим (!) на небо (не улетевшим, а вознесенным, как бы на небо, Божиим повелением на колеснице огненной, конями огненными), несогласных с ним жрецов и Елисея, проклявшего смеявшихся над ним мальчиков, разорванных и съеденных за это двумя медведицами; – вся история эта есть (по Толстому) ряд чудесных событий и

страшных злодеяний (Толстой, отвергая личного святого и праведного Бога, отвергает и Его правосудие), совершаемых еврейским народом его предводителями и Самим Богом (!). – Вот вам воочию безбожие и хула Толстого на праведного, многомилостивого и долготерпеливого Бога нашего! Но это только цветки, а ягодки – впереди.

* * *

Слушайте дальше, что говорит Толстой о Новом Завете, т. е. Евангелии. Вы, – упрекает он духовенство всех вероисповеданий, – передаете детям и темным людям (только детям и темным людям, а не всем интеллигентным?) историю Нового Завета в таком толковании, при котором главное значение Нового Завета заключается не в нравственном учении, не в нагорной проповеди, а в согласовании Евангелия с историей Ветхого Завета, в исполнении пророчеств и в чудесах (и то и другое и всё содержание преподается: Толстой не знает, что говорит или намеренно извращает истину); далее Толстой в насмешливом тоне говорит – о явлении чудесной звезды по рождестве Спасителя, о пении Ангелов, о разговоре с дьяволом (в которого не верит, хотя он его истый отец, ибо сказано: «вы отца вашего дьявола есте» Мф.8:44), о претворении воды в вино, хождении Господа по водам, о чудесных исцелениях, воскрешении мертвых, о воскресении Самого Господа и вознесении Его на небо (иронически говорит о улетании его на небо). Наконец, Лев Толстой договорился до того, что священные книги Ветхого и Нового Завета не удостаивает даже и названия сказки, а называет их «самыми вредными книгами в христианском мире, ужасною книгою». При этом невольно восклицаем: о, как ты сам ужасен, Лев Толстой, порождение ехидны, отверзший уста свои на хуление богодухновенного писания Ветхого и Нового Завета, составляющего святыню и неоцененное сокровище всего христианского мира!! Да неужели ты думаешь, что кто-либо из людей с умом и совестью поверит твоим безумным словам, зная с юности, что книги Ветхого и Нового Завета имеют в самих себе печать боговдохновенности? Да, мы утверждаем, что книги Ветхого и Нового Завета самая достоверная истина и первое необходимое основное знание для

духовной жизни христианина, а потому с них и начинается обучение детей всякого звания и состояния, и самих царских детей. Видно, только один Лев Толстой не с того начал, а оттого и дошел до такой дикости и хулы на Бога и Творца своего и воспитательницу его Мать – Церковь Божию.

* * *

Слушайте, что далее Толстой говорит о себе, конечно, а не о ком-либо другом, потому что ни к кому не применимо то, что он разглагольствует. В живой организм нельзя вложить чуждое ему вещество – без того, чтобы организм этот не пострадал от усилия освободиться от вложенного в него чуждого вещества и иногда не погибал бы в этих усилиях.

Несчастный Толстой: он едва не погибал в усилиях сделаться богоотступником и все-таки достиг гибели своей, сделавшись окончательно вероотступником! Слушайте далее нелепость его, чтобы убедиться, что Толстой в своей злобе на веру и Церковь клеветает на неё превосходнее самого сатаны. Вот его слова! «Какой страшный вред должны производить в уме человека те чуждые и современному знанию, и здравому смыслу, и нравственному чувству изложения учения по Ветхому и Новому Завету, внушаемые ему, в то время, когда он не может обсудить» (на это есть вера, как доверие истине). На это отвечаю. Мы все с детства знаем историю В. и Н. завета и получили от изучения их самое всеоживляющее, спасительное знание и высокое религиозное наслаждение. Толстой же, по своему лукавству и увлечению безбожными немецкими и французскими писателями, этого не мог испытать, ибо от дерзкого ума его Господь утаил Свою чистую премудрость.

Толстой подчиняет бесконечный разум Божий своему слепому и гордому уму и решительно не хочет верить, как в невозможное дело, в сотворение мира из ничего, во всемирный потоп, в ковчег Ноев, в Троицу, в грехопадение Адама (значит и в нужду всеискупительной жертвы), в непорочное зачатие, в чудеса Христа, и утверждает, что для верующего во всё сказанное требование разума уже необязательно, и такой человек не может быть уверенным ни в какой истине.

«Если возможна Троица, – продолжает глумиться Толстой, – непорочное зачатие и искупление рода человеческого кровью Христа, то всё возможно, и требования разума не обязательны. – Слышите, христиане, как Толстой разум свой слепой ставит выше Бога и поскольку он, Толстой, не может разуместь высочайшей тайны Божества – Троичности Лицами и единства по существу, – то считает невозможным бытие самой Троицы и искупление падшего рода человеческого кровью И. Христа. Забейте клин, говорит он, между половицами закрома: сколько бы вы ни сыпали в такой закрое зерна, оно не удержится. Точно также и в голове, в которой вбит клин Троицы, или Бога, сделавшегося человеком и Своим страданием искупившего род человеческий, и потом опять улетевшего (какое искажение св. Писания!) на небо, не может уже удержаться никакое разумное, твердое жизнепонимание».

Отвечаю: – Толстой точно вбил себе клин в голову – гордое неверие и оттого впал в совершенную бессмыслицу, относительно веры и действительного жизнепонимания, извратив совершенно разум и его мирозерцание, и всю жизнь поставил вверх дном. Вообще Толстой твердо верит в непогрешимость своего разума, а религиозные истины, открытые людям Самим Богом, называет бессмысленными и противоречивыми положениями, а те, которые приняли их умом и сердцем, будто бы – люди больные (не болен ли сам Толстой, не принимающий их?).

* * *

Всё сочинение Толстого «Обращение к духовенству» наполнено самою бесстыдной ложью, к какой способен человек, порвавший связь с правдою и истиной. Везде из ложных положений выводятся ложные послышки и самые нелепые заключения. Автор задался целью всех совратить с пути истины, всех отвести от веры в Бога и от Церкви; старается всех развратить и ввести в погибель; – это очевидно из всего настоящего сочинения его.

На все отдельные мысли Толстого отвечать не стоит – так они явно нелепы, богохульны и нетерпимы для христианского чувства и слуха; так они противоречивы и бьют сами себя, – и

окончательно убили душу самого Льва Толстого и сделали для него совершенно невозможным обращение к свету истины.

«Не отвечай безумному по безумию его, говорит премудрый Соломон, да не подобен ему будешь» (Притч.26:4). И действительно, если отвечать Толстому по безумию его, на все его бессмысленные хулы, то сам уподобишься ему и заразишься от него тлетворным смрадом. – «Но отвечай безумному по безумию его, продолжает Соломон, в другом смысле, да не явится мудр у себе» (5 ст.). И я ответил безумному по безумию его, чтоб он не показался в глазах своих мудрым пред собою, но действительным безумцем. Разве не безумие отвергать личного, всеблагое – премудрого, праведного, вечного, всемогущего Творца, единого по существу и троичного в лицах, когда в самой душе человеческой, в её едином существе, находятся три равные силы: ум, сердце и воля, по образу трех лиц Божества? – Разве человечество не уважает в числах – число три более всех чисел и чрез то по самой природе своей чтит Троицу, создавшую тварь? Разве человечество не чувствует своего падения и крайней нужды в искуплении и Исккупителе? Разве Бог не есть Бог чудес и самое существование мира разве не есть величайшее чудо? Разве человечество не верует в происхождение своё от одного праотца? Разве оно не верует в потоп? Разве не верит в ад, в воздаяние по делам, в блаженство праведных, хотя не всё по откровению слова Божия? Разве Толстому не жестоко идти против рожна? Можно-ли разглагольствовать с Толстым, отвергающим Альфу и Омегу – начало и конец? Как говорить серьезно с человеком, который не верит, что А есть А, Б есть Б? – Не стоит отвечать безумному по безумию его.

Главная магистральная ошибка Льва Толстого заключается в том, что он, считая нагорную проповедь Христа и слово Его о непротивлении злу, – превратно им истолкованное, – за исходную точку своего сочинения, вовсе не понял ни нагорной проповеди, ни заповеди – о непротивлении злу. Первая заповедь в нагорной проповеди есть заповедь о нищете духовной и нужде смирения и покаяния, которые суть основание христианской жизни, а Толстой возгордился, как сатана, и не

признает нужды покаяния, и какими то своими силами надеется достигнуть совершенства без Христа и благодати Его, без веры в искупительные Его страдания и смерть, а под непротивлением Ему разумеет потворство всякому злу – по существу, непротивление греху, или поблажку греху и страстям человеческим, и пролагает торную дорогу всякому беззаконию, и таким образом делается величайшим пособником дьяволу, губящему род человеческий, и самым отъявленным противником Христу. – Вместо того, чтобы скорбеть и сокрушаться о грехах своих и людских, Толстой мечтает о себе, – как о совершенном человеке, или сверхчеловеке, как мечтал известный сумасшедший Ницше: между тем как, что в людях высоко, то есть, мерзость пред Богом. Первым словом Спасителя грешным людям – была заповедь о покаянии. «Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покайтесь, приблизитесь царство небесное»; а Толстой говорит не кайтесь, – покаяние есть малодушие, нелепость, мы без покаяния, без Христа, своим разумом достигнем совершенства, да и достигли, говорит! – посмотри на прогресс человеческого разума, человеческих познаний, литературы романической, исторической, философской; разных изобретений, фабричных изделий, железных дорог, телеграфов, телефонов, фонографов, граммофонов, аэростатов. Для Толстого нет высшего духовного совершенства в смысле достижения христианских добродетелей – простоты, смирения, чистоты сердечной, целомудрия, молитвы, покаяния, веры, надежды, любви, в христианском смысле; христианского подвига он не признает; над святостью и святыми смеется – сам себя он обожает, себе поклоняется, как кумиру, как сверхчеловеку: я, и никто кроме меня, мечтает Толстой. Вы все заблуждаетесь; я открыл истину и учу всех людей истине! Евангелие, по Толстому, вымысел и сказка. Ну, кто же, православные, кто такой, Лев Толстой?

Это Лев рыкающий, ищущий кого поглотить. – И скольких он поглотил чрез свои лъстивые листки! Берегитесь его.

Протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский)

Иванов А., протоирей. Свобода и совесть // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 173–184

Все мы знаем, что такое совесть. Все говорим о ней с полною уверенностью, что нас понимают, — знают, о чём говорим. Слово «совесть» получило на нашем языке столь определенное и ясное для всех значение, что, например, довольно сказать: «я говорю вам по совести», чтобы дать уверение, несколько не менее крепкое, чем какая бы то ни было клятва. Довольно хоть один раз уверениями по совести обмануть человека, чтобы получить чуть не навсегда клеймо бесовестного.

Не столь определенное и ясное значение получило в нашем языке слово «свобода». Слово это почти всегда имеет относительное значение: что для одного свобода, то для другого стеснение; неизбежны столкновения, борьба, необходимо условиться о взаимных уступках, о границах, до которых свобода каждой личности может простираť свои действия, свои права. Неопределенность значения слова «свобода» зависит еще от того, что этому слову дают слишком широкое применение. Получилась свобода слова полезного и вредного, поучительного и соблазняющего, безобидного и оскорбительного и проч., свобода действий с теми-же подразделениями, свобода убеждений и религиозных верований, свобода даже совращать в какую угодно религию или секту. При таком разнообразии применения «свободы» нередко и «совесть» как-бы невольно втягивается во всю эту путаницу: «я свободен и украсть, и убить; совесть моя одобряет и то и другое» (Раскольников у Достоевского). Как тут разобрать, что это за совесть, что это за свобода?

До сих пор противоречия в понятиях о совести и свободе не составляли неразрешимых антиномий. Когда слышим уверение: «по совести говорю», то всякий из нас понимает, что речь идет о совести чистой (иногда так и говорят: «по чистой совести»), а не оскверненной, лукавой и т. п. Когда речь идет о свободе, тогда

мы хоть и не говорим, но все, как бы по общему уговору, исключаем всякое злоупотребление свободой.

Так у нас было до сих пор. Но в последнее время поднялись вопросы и споры о совести и свободе. Либеральные журналы и газеты заговорили о правах человека на неограниченную свободу, в чём и как бы ни проявлялась она. Довольно сказать, что либеральный оратор, претендующий, конечно, на неограниченную свободу слова, в наше время не постыдился, не посовестился в публичной речи провозгласить, что свобода совести требует «свободы совращения» в ложную религию из истинной. До сих пор еще никто у нас не договаривался до столь откровенного, бесцеремонного, прямо бесстыдного абсурда.

Попытаемся разобраться, так-ли всё это, так-ли надо понимать и совесть, и свободу, как в настоящее время понимают либеральные ораторы и писатели. Вся путаница началась с того, что словам начали придавать условное значение. Условились под совестью разуместь, что каждому захочется думать, говорить, делать, под свободой – отсутствие всяких стеснений и ограничений, похожее на отсутствие узды у сорвавшегося коня, – откуда произошло и даже вошло в большое употребление слово «разнузданность». Стоит только согласиться на такое условие, – тогда напрасно будете искать в человеке его совесть: тогда самую возмутительную бессовестность вам назовут свободным проявлением личной совести. Очевидно, что доколе не распутаем эту путаницу понятий, дотоле мы рискуем дойти до самых невозможных абсурдов. – Само собою разумеется, что мы не будем предлагать со своей стороны условиться насчет лучших понятий о совести и о свободе, насчет того, нельзя-ли как-нибудь получше установить значение этих двух слов чтобы избежать абсурдов и противоречий. Нет, мы попробуем. рассмотрим дело по существу, а не по условленному его пониманию, – что такое совесть и свобода по существу своему, а не по тому, как её угодно каждому понимать. Рассмотрение вопроса *по существу* значительно упрощает для нас его решение.

I

Итак, что же такое прежде всего совесть по существу своему? – На пути к решению этого вопроса ранее всего неизбежно мы встречаемся с чисто-психологическим, пожалуй, научно-отвлеченным вопросом: к какой области душевной жизни должно отнести совесть? За решением этого вопроса обратимся к общепринятой психологии. Послушаем, что она говорит.

Жизнь нашей души (говорит она) проявляется в наших мыслях, в наших сердечных чувствованиях и в наших желаниях.

Такое, принятое в психологии, разграничение трех областей проявления жизни души не всегда, в самой жизни, выдерживается строго, или вернее сказать: редко бывает так, чтобы проявление жизни душевной в одной области ограничивалось одною только этою областью. А потому нельзя назвать совершенно правильным, по крайней мере, совершенно точным общепринятое распределение деятельности души между тремя её «силами»: познавательною, чувствовательною и желательною. Кроме того, что деятельность каждой «силы» нередко (если только не всегда) смешивается с деятельностью прочих «сил» до такой степени, что иной раз трудно бывает определить, какая именно сила проявляет своё действие; кроме этого есть еще и такие проявления жизни души, которые, по-видимому, должны составить особенную область в душевной жизни, мало имеющую общего с принятыми в психологии тремя «силами».

Трудно сказать, к какой области из указанных трех должно отнести совесть. По названию её прямо нужно было бы отнести к области познавательной: совесть, conscientia, συνείδησις от εἶδέναι, scire, ведаю. Но по существу ни к той, ни к другой, ни к третьей области нельзя её отнести не только исключительно, но и преимущественно. Скорее это четвертая «сила», если уже надобно делить душу на «силы». В ней есть элемент независимый ни от одной из трех сил души; это закон, властно действующий на них, на всю жизнь души, стоящий выше самой души, не выдуманный ею, но, очевидно, данный высшею властью, – Тем, Кто её создал.

Таким образом мы подошли к определению совести по существу. Прежде всего совесть – несомненный факт, с которым

мы должны считаться непосредственно, а не условившись с другими о том, как понимать то, что мы называем совестью. Она не только факт, действительное явление нашей жизни, но и самостоятельная сила. Если в психологии принято считать ум, сердце и волю тремя «силами» души, то совесть мы должны признать четвертой силой – властной, господствующей, повелевающей. В глубине души мы слышим какой-то, чей-то голос, которому невольно повинемся, по крайней мере чувствуем, что должны повиноваться, и нужны с нашей стороны не малые усилия, чтобы не исполнить требования этого голоса. Мы носим внутри себя закон, не выдуманный нами или со стороны внушенный, а прямо вложенный в нас от природы, точнее же – от Верховного Законодателя, Судии и Творца нашей души, одним словом – слышим голос самого Законодателя. Закон этот внутри нас является иногда настолько независимым от нас, голос его настолько сильным, что мы невольно прислушиваемся к нему, слышим иногда, с какою строгостью этот голос противится нашим собственным желаниям и влечениям, часто не согласным с требованиями внутреннего закона, слышим его порицания за действия, несогласные с этими требованиями, чувствуем так называемые угрызания совести, стыд, не наружный только от людей, а внутренний – за действия, совсем неизвестные людям. Конечно, можно на некоторое время и даже надолго заглушить этот докучливый голос; можно привыкнуть к безнаказанному нарушению требований закона. Известно, что не легок бывает только первый шаг к преступлению: совесть удерживает; но каждое повторение потом одного и того-же преступления делает совершение его всё больше и больше легким. Так бывает с преступлениями более тяжкими – против 6, 7 и 8 заповедей. Так бывает и в обыденной нашей жизни: мы нередко только то и делаем, что постепенно приучаем себя к нарушению нравственного закона, постепенно вырабатываем в себе тот *ин закон, противовоюющ закону* совести, о котором говорит ап. Павел в послании к Римлянам (Рим.7:23). И что же? Совесть усыплена. Над душою господствует уже иной закон. Всё это так, всё это, правда, удастся нам. Но к нашему счастью, совсем

заглушить голос совести нам далеко не всегда удастся. Минуты пробуждения усыпленной совести – обычное явление в нашей жизни, угрызения и мучения совести неизбежны для самых закоренелых злодеев; рано или поздно настанет для злодея «черный день» и – ужасное пробуждение его «дремавшей совести» («Братья разбойники» – Пушкина). Разве это всё не проявление полной независимости и властной самостоятельности нашего внутреннего закона? Если бы мы сами были законодателями своего внутреннего закона, то нам ничего не стоило бы изменить его, как нам угодно. Но мы ясно чувствуем, что этого мы не в силах сделать. Мы можем нарушить закон, но не отменить его. Мы можем исказить, перетолковать его требования, смягчить их, затушевать их резкие черты. Но «черный день» ждет каждого из нас: и он будет для нас счастливым днем, если внесет в нашу душу просветление и раскаяние. Нет, как хотите, нельзя не считаться с присущею нашей душе совестью, как с фактом действительным, неизбежным, никакою силою неотвратимым.

Но не забудем, что этот факт душевной жизни, хоть и действительный, но в действительности своей подвержен разнообразным изменениям и нередко изменяется до неузнаваемости. Кто не знает, что бывает совесть лукавая, обманывающая и обманываемая, изворотливая, покладистая, усыпленная, сожженная (1Тим.4:2), или наоборот – мнительная, мелочная, коротко сказать – такая совесть, в которой от совести иной раз мало что остается, разве только одно имя совести, и – то только благодаря условности значения этого имени, благодаря тому, что условились продолжать называть этим именем то, что её заменило, тот *ин закон*, о котором говорит ап. Павел. В порыве негодования на злоупотребление совестью, мы готовы иногда назвать человека бессовестным, особенно когда он говорит и действует во имя совести, но вопреки всем её законам. Несомненно, однако же, что в подобных случаях мы всегда ошибаемся; потому что бессовестных нет на свете, – вспомним «черный день» братьев разбойников у Пушкина, вспомним всегда возможные минуты пробуждения усыпленной совести, неизбежно рано или поздно

угрызения совести. Но всё же остается верным, что фактическая совесть, как действительный факт душевной жизни, далеко не то, что совесть в своей идее, так сказать – идеальная совесть. Однако же это не значит, что мы должны возвратиться к условным понятиям о совести, от которых только что ушли, из-за того только, что будто бы нет никакой возможности отделить ясными границами идеальную совесть от фактической – испорченной и тем более установить возможность фактического существования идеальной совести.

Есть полная возможность отделить ясными границами идеальную, так сказать – подлинную совесть от искаженной фактической. В большинстве случаев сама совесть является лучшим, единственно верным судьей себя самой или собственной своей испорченности. *Кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нём (1Кор.2:11).* Оставайтесь чаще наедине с самим собою, вдумывайтесь, вглядывайтесь глубже в свою душу, размышляйте о своих действиях, о том, хороши-ли они по своим нравственным качествам, принципам и побуждениям, чаще помышляйте, как советует ап. Павел, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна*, и проч. (Флп.4:8). Всё это может вызвать нашу совесть к свойственной ей деятельности, к высвобождению из-под ига *иного* противобойствующего ей закона. Добродетельные язычники в этом случае могут служить хорошим примером; об них даже в свящ. Писании было сказано: *во всяком языке бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть (Деян.10:35).* У язычников, пока они еще не имели положительного Закона Божия (откровенного), был один только внутренний закон, и они жили по указанию только этого закона. При всех его недостатках, при его несомненной испорченности, он не потерял однако же у язычников своего божественного достоинства, как Закон Божий, так что ап. Павел признавал, внутренний закон совести достаточным для того, чтобы язычники по указанию этого закона могли творить добрые дела (хотя и несовершенные), и чтобы быть им безответными перед правосудием Божиим, когда они творят, дела незаконные.

Если для доброго и честного язычника, пока ему неизвестен был положительный Закон Божий, была возможность слышать и как бы читать закон Божий, написанный на его сердце, то нам, слышавшим закон, гремевший с высоты Синая, и еще более того – воспитанным в духе евангельского учения, нам ли еще затрудняться в решении вопроса: где и как найти подлинный закон совести, как освободить свою совесть от её «фактической» испорченности, возвести её на степень подлинной, идеальной? Замечательно, что проповедь положительного закона Божия язычниками, не знающими этого закона, принимается скоро и охотно, как будто они этого и ждали, как будто совесть их со своим внутренним законом узнала себя в этом, проповедуемом им, законе.

Неужели после этого для нас, христиан, еще может быть вопрос, где нам найти и как восстановить в себе подлинную, настоящую, идеальную совесть? Неужели всё еще будем утверждать, что всякая произвольно или непроизвольно испорченная совесть, явно несогласная с положительным законом Божиим, и ветхозаветным, и евангельским, должна иметь одинаковое неограниченное право на существование и властвование над человеком? Язычник не виноват, если до него еще не дошло положительное (внешнее) откровение Божие. Его и будет судить Господь по внутреннему неписанному откровению. Католик или лютеранин, даже наш раскольник, не виноват, что он родился в неправославном обществе или секте, и никто ему не разъяснил неправоты учения, в котором он был воспитан. С этим нельзя не согласиться. Но как судить о том человеке, который, взяв в руки Евангелие, разметил в нём, что ему нужно, и вычеркнул, что ему не нужно, составил при этом свою богословскую доктрину и свой закон на основании им самим исправленного (собственно – испорченного) «Евангелия», выдал его за подлинный евангельский закон, хорошо зная, что это вовсе не подлинный закон, а заведомый плод собственной работы? Как судить о такой совести, которая была свидетельницей всего этого и которая далеко не безвинна в фальсификации Христова Евангелия? Можно-ли её

оправдывать наравне с совестью язычника, которая по крайней мере неповинна в его языческом заблуждении?

Но пока довольно о совести. Перейдем к другому предмету, требующему разъяснения, – к свободе.

II

Под свободой ныне принято разуметь право человеческой личности думать, говорить, желать и действовать, как ей угодно, без всяких стеснений и ограничений. При таком понимании свободы не только отрицаются какие-нибудь внешние стеснения, но даже и нравственный закон, как некоторое ограничение свободы, теряет для человеческой личности своё значение. Явилась даже особая философская система, которая уничтожила различие между добром и злом, между добродетелью и преступлением. Человек, по учению этой философии, неограниченно свободен и имеет право совершать какое ему угодно преступление (Ницше). Невменяемость преступления – вот главная цель этой модной философии. Замечательно, что для той же цели еще так недавно совсем отвергалось существование у человека свободы: человек будто бы действует не по свободному избранию, а под влиянием случайного настроения или каких-либо внешних, не зависящих от него, причин, и потому действия его не могут быть ему вменяемы (Шопенгауэр, Бокль и др.). Очевидно, это – две крайности: одна отрицает существование нравственной свободы, а вслед затем и нравственной вменяемости действий человека, хотя бы даже и самых преступных; другая расширяет свободу до уничтожения всяких границ для неё и затем приветствует всякое действие человека, хотя бы даже самое преступление, как проявление той силы, которая составляет самое высшее достоинство души человеческой, – её неограниченной свободы. Несмотря на явную парадоксальность философской доктрины Ницше, проповедника неограниченной свободы, в смысле ничем не ограниченного права действовать как кому угодно, наши либеральные писатели и ораторы объявили себя сторонниками этой доктрины. Их, очевидно, увлекла мысль о безграничном расширении самого дорогого, самого высокого права человека – права на свободу. Но они не

замечают, что, снимая всякие границы для свободы, этим самым лишают свободу именно того, что ограждает её от порабощения, что обеспечивает ей полнейшую независимость, что, наконец, сохраняет в ней самое существо свободы. Вот мы подошли и к вопросу: что такое свобода человека по своему существованию? – к вопросу, который прежде всего и должно разрешить.

Стремление души человеческой к свободе, сознание своего права на свободу есть несомненный факт душевной жизни. Но мы ошибемся, если право на свободу смешаем с самой свободой. Это не одно и то же. Вот как определяет принадлежащее человеку право свободного выбора действий один древний благочестивый мудрец (Иисус Сирахов): «Бог сотворил человека правым и оставил его в руке его собственного произвола. Он предложил тебе огонь и воду: на что хочешь, на то и прострешь руку твою. Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему» (Сир.15:14–17).

Мы ошибемся, по крайней мере впадем в неточность, если скажем, что здесь речь идет прямо о свободе, что наша свобода состоит в том, что мы можем избирать, что нам угодно – добро или зло. Нет, это только наше право на свободу. Может быть, за это нас упрекнут в излишней диалектической тонкости. Но эта тонкость, или вернее точность в словах и названиях вещей необходима для верности понимания самосущества этих вещей. Человеку дано от Бога право свободно выбирать добро или зло. Но это не значит, что самый факт выбора чего-бы то ни было, безразлично – добра или зла, есть во всяком случае осуществление свободы. Нет; это, прежде всего, есть осуществление предоставленного нам права на свободу, или собственно на свободный выбор, но не всегда есть самая свобода. Этот факт в одном случае есть осуществление свободы, в другом – несомненная потеря свободы. В самом деле: предполагается человеку смерть или жизнь, спасение или вечная погибель. Разве может быть, чтобы кто-нибудь свободно выбрал свою вечную погибель? Дитя, которому предлагают огонь и воду, выбирает огонь и протягивает к нему руку. Разве это свобода? Разве это разумный выбор? Бог предложил нам

добро и зло. Но разумный выбор, следовательно, свободный выбор, не может падать ни на что другое, кроме добра. Разумный выбор: вот едва-ли не главный признак истинной свободы. Разумно никто не выберет порока: порок выбирается по ошибке, по увлечению; в него постепенно втягиваются, сначала чем-нибудь увлекаются, или кто-нибудь увлекает, а потом уже к нему влечет более или менее сильный навык. Не ищите тут разумного выбора; здесь не может быть истинной свободы. Для большей точности сделаем еще одну поправку: выбор решают вместе – разум и совесть. И когда они решают выбор в пользу добра, и мы действительно выбираем добро, тогда только осуществляется наша действительная свобода, наша свобода в действии. Напротив, испорченная воля влечет совсем в другую сторону и нередко пересиливает благородные стремления души, конечно – при слепоте разума и ослаблении совести: это уже злоупотребление человеческой свободы, скорее это – порабощенная свобода. Испорченная воля, ослепленный разум, ослабленная совесть, это всё равно, что потерянная свобода, нравственное рабство. Иногда прозревший разум, или пробудившаяся совесть дает почувствовать всю тяжесть рабства греху, но как будто для того только, чтобы дать именно почувствовать, что это рабство, а не свобода. Нередко бывает, что увлеченный в глубину порока видит сам свою гибель и плачет, но нет у него сил возникнуть из этой бездны, разорвать узы нравственного рабства. Кто не испытал на себе того же, что испытал св. Павел. *Еже хотети прилежит ми, её еже содеяти доброе не обретаю. Не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сие содеваю* (Рим.7:18,19). Как назвать такую свободу, которая вынуждена делать то, чего не хочет? Конечно, это порабощенная свобода.

Итак, ясно, что свободу сохраняет только тот, кто выбирает добро и вечное спасенье, а не тот, кто выбирает зло и вечную гибель. Ясно также и то, что полное осуществление свободы наступит для человека только тогда, когда его свободное стремление к добру обратится в крепкий навык, неодолимый никакими искушениями, сделается для него нравственной необходимостью. Свобода по существу своему есть именно эта

нравственная необходимость делать только добро, исполнять волю Божию, делать только то, чего требует наша духовная природа, созданная по образу Божию. Такое понятие об истинной свободе ничего не имеет общего с тою лжеименною свободою, которая, по выражению ап. Петра, служит только *прикровением* порока (1Пет.2:16), или с таким понятием о духовной свободе, какое имели некоторые из христиан времен апостольских, применяя это своё понятие к необузданной свободе плотоугодия (Гал.5:13).

Думаем, что сказанного нами о совести и свободе уже достаточно, чтобы безошибочно понять, что они такое по существу своему. Установивши оба понятия, в полном соответствии с существом их предметов, мы уже не ошибемся ни в применении их к другим предметам, ни в их взаимном сочетании.

Прежде о взаимном их сочетании. Теперь так много говорят о свободе совести. Но что такое свобода совести?

Преосвященный Никанор (в своём ответе Стаховичу) отрицает даже возможность такого сочетания этих двух понятий, видит в нём логическое противоречие, известное под латинским названием «*contradictio in adjecto*»; это почти тоже, как еще кто-то выразился, что «горячий лед». В самом деле, совесть, как закон, как требование, как судящая власть, налагает некоторые узы на свободу нашей воли, стесняет свободу. Но всё же противоречия здесь нет Данное сочетание понятий, очевидно, требует, чтобы наша совесть была свободна во всех своих требованиях и действиях, какова бы ни была эта совесть, и какие бы ни были её требования.

Либеральные защитники свободы совести так и понимают это сочетание двух понятий, и, исходя из такого своего понимания, требуют, чтобы совесть, как-бы ни была она испорчена, была во всяком случае вполне свободна, не терпела-бы никаких ограничений. При этом они, как видно, забывают, что испорченная совесть не есть настоящая совесть, что совесть, потерявшая свою чистоту, своё естественное (от Творца данное) направление, этим самым уже потеряла и свою свободу. По совести, Богом данной, хочу делать добро, но по

совести, испорченной, что Апостол называет *иным законом*, делаю зло, даже мне хочется делать зло. Скажите, какой совести мы должны дать свободу, неужели той, которая хочет делать зло? Либеральные моралисты утверждают, что должно давать свободу всякой совести, какая только «есть налицо». Но мы не должны забывать, что, по Апостолу и по нашему опыту, у нас налицо всегда есть два внутренних закона, как-бы две совести: «закон ума», это – истинная, идеальная совесть, и *ин закон*, греховный, противобьющий закону ума (Рим.7:23), это – совесть испорченная, лжеименная. Для какой-же совести нужно обеспечить свободу? Если для той и другой, то это поведет только к усиленной борьбе и лишь к случайной победе одной над другою, скорее всего испорченной совести над истинною. Если дать свободу той совести, которая уже успела взять верх, и её-то именно и считать существующею «налицо», то может получиться одно из двух: или совесть истинная, сохранившая свою власть над «*иным законом*», совершенно одолеет этот *ин закон*, и тогда получится действительная свобода совести; или её одолеет *ин закон*, испорченная совесть, и тогда получится уже не свобода, а полное порабощение совести. В наших выше изложенных разъяснениях понятия свободы, вообще, надеемся это всё достаточно объяснено и доказано.

Скажем о других применениях слов «свобода» и «совесть».

Под совестью понимают философские убеждения, религиозные верования, вообще – личные мнения. Я убежден, мне нравятся мои философские убеждения, и никто не смеет моему нраву препятствовать. Некто Т. Т. убежден, что он всех должен бить и всё разбивать: неужели никто ему не должен препятствовать, когда он начнет приводить в исполнение своё разрушительное убеждение? Господин С. утверждает, что ложные религиозные верования каждый, убежденный в их истинности, имеет свободное право не только держать про себя, но и проповедовать, распространять (пропагандировать), даже прямо совращать других, имеющих другие верования и другие убеждения. Так может сказать только тот, кто держится этих ложных верований, кто по невольному своему заблуждению убежден в их истинности, но не тот, кто знает истинную веру и

убежден в её истинности. Г. С. предлагает внести в закон государственный свободу совращения. Это значило-бы внести в общество и государство, хорошо объединенное, разлад, несогласия, разделение, дать силу элементам противообщественным, противохристианским, противным господствующему уже одною численностью своею православию. Нет, православное правительство единственного в мире сильного православного государства не может отказаться от того, что составляет силу этого государства, не может принять предлагаемые ему разрушительные элементы, не может идти на верное распадение крепко сплоченного народа; само убежденное в истинности православия, оно не может покровительствовать пропаганде ложных и нередко вредных убеждений и религиозных верований. Православный Царь и Его правительство – то же, что отец в семье. Какой отец потерпит в своём доме совратителя или развратителя его семьи? Веруй, как хочешь, молись в своём доме или в своём храме кому и как угодно: вот – свобода вероисповедания или веротерпимость, допущенные в православном государстве. Но не смей совращать православных, ставить им соблазн: вот ограничение этой свободы, необходимое для ограждения свободы православных в их религиозных верованиях.

Не будем говорить о свободе преступлений и открытого соблазна, о свободе развращающего слова, как живого, так и печатного. Всё, что нужно было бы сказать об этом, само собою, после сказанного, понятно.

Протоиерей А. Иванов

**Козицкий П. Епископ Порфирий Успенский о
штундизме // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12.
С. 185–190**

Епископ Порфирий Успенский, известный ученый прошлого столетия, доктор эллинской словесности, путешественник по Востоку и знаток его книжных сокровищ, оставил после себя ученые записки, которые изданы Академией Наук под заглавием: «*Книга бытия моего*» в восьми томах. Последний восьмой том, обнимающий жизнь и деятельность автора в бытность его викарием Киевской епархии (с 1865–1878) и членом Московской Синодальной конторы, представляет не мало интереса и для сектоведения. Преосвященный Порфирий, как викарий Киевский, был не только очевидцем появления и распространения штундизма в 70-х годах в пределах Киевской епархии, но принимал по долгу службы известные меры к подавлению этой секты. В своём дневнике, куда он заносил все выдающиеся события текущей жизни, он достаточно уделил внимания и штундизму. Из дневника этого видно, что преосвященный автор был очень хорошо осведомлен о причинах появления и распространения этой секты и довольно подробно знал историю её происхождения. Взгляд на штундизм такого выдающегося ученого, как преосв. Порфирий, при том очевидца и современника появления и распространения штундистского лжеучения, для науки сектоведения должен иметь не малую ценность. Нужно заметить, что взгляд этот не был известен никому из исследователей штундизма, так как восьмой том «*Книги бытия моего*» вышел в свет только в 1902 году. Считаю своим долгом обратить внимание читателей на то обстоятельство, что в то время, когда преосв. Порфирий писал свои заметки о штундизме, не было по этому вопросу никаких исследований, за исключением беглых газетных известий; и взгляд автора на штунду и сообщаемые им сведения об этой секте вполне совпадают со взглядами и сведениями по сему вопросу, добытыми гораздо позже и принятыми в настоящее время в нашей науке. О причинах появления и распространения

штундизма в Киевской губ. преосвященный так говорит. «В здешнем крае распространяется штундизм по величайшей нерасположенности крестьян к духовенству, любящему церковными денежками обряжать не храм Божий, а себя и своих жен и детей, и весьма мало заботящемуся о просвещении и спасении душ» (из письма преосв. автора к обер-прокурору Св. Синода гр. Д.А. Толстому от 1875 г., т. VIII, стр. 223). В другом месте автор пишет: «в распространении штундизма виновато отчасти и духовенство, совершая богослужение небрежно, не поучая народ и наипаче требуя большие деньги за требы и обращаясь с крестьянами грубо и презрительно» (из доклада митр. Филофею, 14 июня 1876 г., стр. 420–421). В третьем месте «*Книги бытия моего*» мы читаем: «Жаль мне крестьян. Богослужение для них, особенно чтение и пение, совершается небрежно, вера в них неуяснена: живая проповедь не слышится; обучение детей их в приходских школах идет кое-как; попы тайно содержат кабаки. Неудивительно, что у них появился штундизм, отрицающий православие» (184 стр.)

Историю появления штундизма автор изображает довольно обстоятельно и точно. «Историрую, пишет он, появление этой ереси». «Братство под заглавием штунде (stunde) началось в Германии. Первым учредителем его был пробст Яков Шпенер, умерший в 1705 г. в Берлине. В 1817 г. он с виртембергцами перешел на берега Черного моря в немецкую колонию Рорбах. Пастором в этой колонии состоял в течение 24-х лет Бонекимер до смерти своей и много заботился о преуспевании штундова братства. Преемником ему был сын его Карл Бонекимер. В 1861 году он присутствовал в заседании штундистов в Женеве, где 2.000 представителей всемирной штунды собирались в кафедральной церкви св. Петра.

Штунде есть тесный круг братьев-христиан в среде их прихода, *ecclesia in ecclesia*, получивший такое название от того, что братья собирались для богомоленья в известные часы, *stunde*. Яков Шпенер первый сознал необходимость сблизить этих христиан своего прихода, которые более других алкали духовной пищи и желали проникнуть в глубь христианской истины. Да и в Рорбахе штундовое братство есть не секта и не

раскол, а часть прихода, которая любит религиозное настроение духа в обыденной жизни».

«Рорбахские штундисты всегда усердно молились во время общественного богослужения в приходском храме. Кроме того, они собирались на часы – stunde – в церковном доме или чаще, ради удобства, в двух частных домах. Пастырь Карл Бонекиммер иногда посещает их собрания. Тогда частный дом становится часовней, stundhaus. Тут он говорит не проповедь, а краткое душеспасительное поучение или наставление, применяя какие-либо стихи св. Писания сообразно с пониманием своих слушателей и применяя слово Божие к потребностям жизни. Потом братья назидаются песнопениями, величающими Спасителя, и чинно расходятся по домам. Это бывает в воскресные дни после обеда и вечером. Приходские учителя в Рорбахе и в смежной колонии Вормсе сорок лет были самыми деятельными членами реченного братства. Штундийские собрания, – Privat Andachtsversammlungen, – дозволенные законом, существуют в Рорбахе более 50 лет».

Примеч. Закон в XI т. Свод. Зак. ч. I § 150 (изд. 1857 г.) гласит: «Частные молитвенные собрания, выходящие из пределов семейного или домашнего общего моления, дозволяются не иначе, как с разрешения консистории и с ведома местного гражданского начальства. При сем должны быть соблюдаемы следующие правила: 1) чтобы в сих собраниях никто не имел права проповедовать или совершать св. Таинства и чтобы все действия оных оканчивались чтением св. Писания без всяких толкований, или-же чтением одобренных консисториями (лютеранскими) рассуждений духовного содержания, без всяких прибавлений и толкований, и пением духовных песней, или произнесением молитв, также рассмотренных и одобренных консисториями; 2) чтобы сии собрания назначались не во время общественного богослужения и ни в каком случае не могли сделаться поводом к предосудительным в христианском обществе расколам, или к какому-либо нарушению церковного или-же гражданского порядка».

«Из колонии Рорбах и других немецких селений Херсонской губернии штундизм появился в Киевской области и обнаружился в 1869–1870 году в селах Таращанского уезда: Плоском, Рожках, Косиковке, Чаплынке. Первые провозвестники этой ереси были шляхтичи Яков и Павел Цыбульские, Балобан, Тышкевич, Флоринский, Лясоцкий, Богдышевская и другие. В январе и феврале месяцах 1870 г. я имел уже официальные известия об этих штундистах и учении их, и с этой поры постоянно и ревностно употреблял все зависящие от меня меры к ослаблению неожиданной в Малороссии ереси, но мало успевал, наипаче потому, что Киевский прокурор Капнист и министр внутренних дел князь Лобанов-Ростовский тормозили это дело моё» («Книга бытия моего», Спб. 1902 г. т. VIII, стр. 184–186).

* * *

Анализируя сообщаемые преосвященным Порфирием сведения о штундизме в бытность его викарным в Киевской епархии, мы видим, что автор,

во 1-х, самым точным образом, документально, на основании дел, бывших у него под руками, устанавливает дату появления штунды в Киевской области, а равно указывает и первых насадителей этой секты в означенной местности;

во 2-х, указывает причину появления штундизма в Киевской губернии: эта секта привнесена в среду православия из немецких колоний Херсонской губернии выходцами Таращанского уезда (побывавшими в Херсонских немецких колониях, на работах у немцев, совратившимися в сектантство – добавим мы от себя). Следовательно штундизм на русской православной почве есть явление, привнесенное совне. Сообщение нашего автора служит еще одним лишним опровержением того нелепого взгляда, имевшего место некоторое время в нашей либеральной прессе, но теперь окончательно, по-видимому, оставленного всеми, что штундизм есть самобытное явление на русской почве и должен быть рассматриваем, как продукт развития национального самосознания;

в 3-х, указывает одну из причин быстрого распространения штундизма в пределах Киевской губернии, кроющуюся в невысоком нравственном уровне тогдашнего духовенства, в небрежном исполнении ими своих пастырских обязанностей и в его вымогательстве за требоисправления. При этом мы должны оговориться, что этот взгляд преосвященного автора – в существе дела и справедливый, но страдает преувеличениями: как и теперь, так и тогда были и усердные и неряшливые священники к выполнению пастырских обязанностей; как высоконравственные и блюдущие нравственность в приходе, так и не заботящиеся ни о своей, ни о приходской нравственности. Явление это общемировое и общеизвестное всем;

в 4-х, указывает одну из причин малоуспешности борьбы с вновь появившимся сектантством: сочувственное отношение прокурорского надзора и властей к штундизму.

Все эти указания очень ценны для истории штундизма в Юго-Западном крае и в частности в Киевской губернии, как исходящие от очевидца зарождения штунды, при том соприкасавшегося с этим явлением не в качестве только зрителя, но и административного лица.

Не можем пройти молчанием того обстоятельства, что в повествовании автора есть один крупный недочет. Автор почему-то (вероятнее всего по незнанию) умалчивает о том, что штунда среди даже немцев в 60-х годах прошлого столетия перестает быть частью прихода, *ecclesia in ecclesia*, а выделяется в особую секту, вредную даже для самого лютеранства, и что лютеранские пасторы поднимают гонение против штундистов и обращаются за содействием к гражданским властям и к защите нашего русского законодательства. Считаем нелишним заметить, что наше законодательство принимает под защиту и охрану не только православную Церковь, но и католичество и протестантство, предлагая целый ряд узаконений, охраняющих целостность иностранных исповеданий от насилия и посягательства всяких сектантов, враждебных тому или другому исповеданию: для

этой-то цели и сделана преосвященным Порфирием выписка из законов Российской Империи.

Эта выписка из законов, охраняющих даже инославные исповедания, весьма важна для нас, занимающихся борьбой с сектантством. Если инославные исповедания в Российской Империи поставлены под защиту законов, ограждающих целость и неприкосновенность этих исповеданий, и если они прибегают иногда к властям и к защите законов (разумею протестантизм) в деле борьбы с вредным для них сектантством, – то нет решительно никакого основания упрекать православную Церковь, как это делают некоторые писатели-публицисты из либерально-прогрессивного лагеря, в том, что будто бы она неправильно действует, когда обращается к охранительным законам в борьбе с сектантами, оскорбляющими её святость и нарушающими посредством пропаганды её целость и невредимость. Вместо того, чтобы заниматься самоосуждением, писателям и публицистам следовало-бы принять в соображение наши охранительные законы, которые простираются не только на православие, но и на инославные исповедания. Подобное-же пристрастное отношение наших публицистов, которые мнят себя передовыми людьми и претендуют влиять на общественное мнение, и их оппозиция к православной Церкви, её миссионерской по преимуществу деятельности и борьбе с сектантством – по меньшей мере несправедливы.

П. Козицкий

**Александр Д., иерей. Критический разбор
раскольничьего сочинения (Усова) «О
миропомазании священнослужителей,
присоединенных к православию от ереси второго
чина»¹³ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С.
191–202**

VI

Старообрядец. Принимаю, что вами сказано. – Но как же Василий Великий в первом правиле говорит, что епископы, присоединяющиеся от ереси второго чина, по миропомазании, должны оставаться в своём сане, как он и поступил с епископами, обратившимися от ереси енкратитов. Вот что он пишет об этом: «Всемерно же да будет установлено, чтобы, после их крещения, приходящие к Церкви, были помазуемы от верных, и тако приступали к таинствам. Впрочем ведаю, яко братьий Зоина и Саторнина, бывших в их обществе, мы прияли на кафедру епископскую: почему соединенных с их обществом уже не можем строгим судом отчуждати от Церкви, постановив принятием епископов, как бы некое правило общения с ними» (I прав. по полн. переводу). – Как же вы говорите, что нигде в правилах не сказано, что, по миропомазании, священнослужители, присоединяющиеся от ереси второго чина, должны оставаться в своём сане? А правила Василия Великого приняты в руководство вселенскою Церковью на 6-м вселенском соборе (смот. 2-е его прав.). Следовательно, это правило, утверждающее, что епископы по миропомазании должны оставаться в своём сане, есть голос вселенского собора, голос всей православной Церкви. – Приняты также Церковью и толкования правил Зонара, Аристина и Вальсамона, о чём говорится в предисловии к Номоканону при больш. Потребнике, где мы читаем: «А иже совершенно восхощут разумети и уведати каноны (правила), да станут книги правил всех, сиречь книгу преподобного Зонара, иже соборные и поместные и святых отец истолкова каноны, и книгу блажен.

Феодора Вальсамона патриарха антиохийского, иже совершеннее истолкова вся каноны... еще же книгу правил грани архидиаконом Алексием (Аристином) составленных... И да не поставляется епископ, или иерей, паче же духовный отец, аще сих книг не стяжет, и от них вразумлен не обретається»... и далее говорится, чтобы узаконенная от св. отец не на хартиях токмо, но паче во умах наших пребывали и в сердце вписаны да будут» (л. 665). – Все эти толковники: Зонара, Аристин и Вальсамон утверждают, что епископы, приходящие от ереси второго чина, должны быть помазуемы св. миром и оставаться в своём сане. Свидетельство Аристина и об этом мы уже приводили. Теперь приведем Зонара и Вальсамона. – Первый, толкуя первое правило Василия Великого, говорит: «Пусть, по крайней мере, приходящие от них (енкратитов) помазуются св. миром, и таким образом причащать св. тайн... А поскольку, говорит (св. Василий Великий), мы уже приняли на епископскую кафедру такого-то и такого-то из числа енкратитов, то уже не можем осуждать и отделять от Церкви принадлежащих к их обществу, то есть единомысленных с ними, ибо, принявши епископов их, мы чрез них как бы положили правило и образ принимать и прочих» (Правила св. отец с толкован.). – А Вальсамон, в толковании на это же правило Василия Великого, пишет: «А наватиан, енкратитов и идропарастатов, как определило и последнее правило второго (вселенского) собора, не должно крестить снова, но помазывать св. миром, и таким образом причащать тайн; если же они были епископы, то принимать на их престолы» (Там же толкован. Вальсамона). – «Они должны непременно сохранить свои степени», говорит он об этих еретиках наватианах в толковании на 8-е правило первого вселенского собора. Вот сколько мы представили вам доказательства. в пользу сделанного нашими предками чиноприема Амвросия, с оставлением его в сущем сане.

Православный. Итак, вы в доказательство того, что, по миропомазании, присоединяющиеся от ереси второго чина к православной Церкви клирики еретики, якобы, принимались в сущем сане ссылаются на первое правило Василия Великого, в котором он говорит о Зоине и Саторнине и на толкование сего

правила Зонарой и Вальсамоном; а также опять на свидетельство Аристина и Вальсамона из толкования ими 8-го прав. первого вселенского собора. – Повторять то, что уже доказано и ясно, мы не будем, ибо это и скучно, и бесполезно. – Свидетельство же Василия Великого о Зоине и Саторнине вы, со слов Усова, понимаете неправильно. Василий Великий в первом каноническом послании к Амфилохию свидетельствует, что «древним, как-то Киприану и нашему Фирмилиану, угодно было единому определению (т. е. всех перекрещивать) подчинить всех сих: кафаров, енкратитов, идропарастатов и апотактитов. Ибо, хотя отступление произошло чрез раскол, но отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати Св. Духа, потому что пресеклось законное преемство. Ибо первые отступившие получили посвящение от отцов, и, чрез возложение рук их, имели дарование духовное. Но отторженные, соделавшись мирянами, не имели власти, ни крестити, ни рукополагати, и не могли преподати другим благодать Св. Духа, от которой сами отпали. Почему приходящих от них к Церкви, яко крещеных мирянами, древние повелели вновь очищать истинным крещением. – Но поскольку некоторым в Азии решительно угодно было, ради назидания многих, прияти крещение их: то да будет оно приемлемо»... Сказав далее о «злоухищрении енкратитов», – святой отец продолжает: «Итак, поскольку о них ничего ясно неизречено, мню, яко прилично нам отвергати их крещение, и еще бы кто приял от них оное, такового, приходящего к Церкви, крестить. – Но аще сие имеет быть препятствием общему благосозиданию: то паки подобает держатися обычая, и следовати отцам, благоусмотрительно устроившим дела наши... Всемерно же да будет установлено, чтобы, после их крещения, приходящие к Церкви были помазуемы от верных, и тако приступали к таинствам. Впрочем ведаю, яко братий Зоина и Саторнина, бывших в их обществе, мы прияли на кафедру епископскую, почему соединенных с их обществом уже не можем строгим судом отчуждати от Церкви, постановив, принятием епископов, как бы некое правило общения с ними» (см. полную Кормчую). Зонара в толковании на это правило говорит, что св. отец

говорил, что «не нужно бы было принимать их крещения», – но снисходя и боясь, как бы, по причине строгости не сделать их медлительными в обращении к православной Церкви, св. отец постановил: «Пусть, по крайней мере, приходящие от них помазуются св. миром, и таким образом причащаются св. тайн... Но поскольку, говорит св. отец, мы уже приняли на епископскую кафедру такого-то и такого-то из числа енократитов, то уже не можем осуждать и отделять от Церкви принадлежащих к их обществу, т. е. единомысленных с ними, ибо, принявши епископов их, мы чрез них как бы положили образ и правило принимать и прочих» (полная Кормчая, правила св. отец, стр. 156). – Из прочитанного нами полного правила св. Василия – об енократитах ясно видно, что он, отличая енократитов от прочих перечисленных им неправославных (кафаров, апотактитов и проч.) и относя их к еретикам, сам лично желал бы не признавать и их крещения; но чтобы строгостью такого правила не воспрепятствовать общему благосозиданию, соглашался и «держатися обычая», т. е. принимать их и без крещения – только не иначе, как чрез миропомазание, но и такому строгому к ним отношению *препятствует уже совершившийся прежде* пример принятия Зоина и Саторнина в их епископском сане, после чего желаемая строгость представляется Василию Великому не совсем удобною. Он принял Зоина и Саторнина чрез одно покаяние (см. о сем подробнее в книге о правилах и чинопоследов., стр. 50–54). – Св. Василий Великий не только не принимал рукоположение от еретиков второго чина наватиян и воздержников, но даже и крещение их отрицал, как о том говорится в 47 правиле.

В толковании на 47 правило Василия Великого Зонара говорит, что по вопросу о чиноприеме еретиков нужно руководствоваться 7-м правилом 2-го вселенского собора, а не правилами св. Василия, потому что «это правило (т. е. 7-е 2-го собора), без сомнения, должно иметь более силы, как позднейшее». – А как еретиков 2-го чина принимал собор, об этом мы скажем ниже.

Известно, что Василий Великий не признавал рукоположения еретиков, о чём и писал никопольским пресвитерам: «Не признаю епископом и не причислю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники. Таково моё решение... Написал же я это не потому, что вам не доверяю, но чтобы объявлением своего решения подкрепить иных колеблющихся; пусть никто не обнадеживает себя принятием в общение, и пусть приявшие от них возложение рук не домогаются, по восстановлении мира, чтобы и их причислили к священному сонму» (Творения т. 7-й 232 письмо).

Вы сослались на Вальсамона еще. – Но Вальсамон, толкуя правило св. Василия, говорит только, что «наватиан, енкратитов и идропарастатов, как определило последнее правило второго (вселенского) собора, не должно крестить снова, но помазывать св. миром, и таким образом причащать св. тайн, если же они были епископами, то принимать на их престолы». Но как принимать «на их престолы»? С новым ли рукоположением или принимать их в сущем сане? – об этом Вальсамон здесь не говорит и вы ложно толкуете его слова. А так как Вальсамон сам же говорит, что принимать их нужно так, как определил второй вселенский собор, то и посмотрим: принимал ли второй вселенский собор хиротонию тех еретиков, коих он принимал вторым чином чрез таинство св. миропомазания? – Нет, не принимал, как об этом ясно свидетельствует св. Григорий Богослов, а он был председателем второго вселенского собора, как о том в житии его повествуется: «Посылаше ко Клидонию презвитеру, мужу благочестиву и слуге присному Божию, и инем неким, яко не приимати губительство еретическое и рукоположение же отметати Аполинарейско, яко неправедна и чуждая соборная Церкви» (см. житие его). – Так вот как учил Григорий Богослов, а он был председателем второго вселенского собора: *хиротонию аполинарисов не принимать, как неправедную, чуждую св. Церкви*; а аполинарисы по 7-му правилу второго собора принимались чрез миропомазание, – так принимались по сему правилу и наватиане. Как же Усов и вы клеветает на отцов второго собора и на Вальсамона, якобы

они учили, что и по миропомазании клирики еретики, приходящие от ереси второго чина к православной Церкви, принимались в сущем сане?! Побойтесь Бога! – Учение же Григория Богослова было принято шестым вселенским собором: «приемлем православн. отцов, которые в различных странах, пылая ревностью к Богу, оставили нам спасительные учения, как то учение досточтимой памяти Григория, епископа города Назианза... Мы принимаем всё, чему учили, что мудрствовали, что проповедовали или защищали они, принимаем все их постановления и определения» (Деян. вселен. собор. т. 6-й, по изд. 1882 г. стр. 19). – Значит, вы не слушаете гласа вселенского шестого собора, который принял это учение св. Григория, – не слушаетесь всей Церкви, – а отсюда – вы, по слову Спасителя, «язычники и мытари».

Хиротонию еретиков второго чина отметал и Вальсамон, как о том он засвидетельствовал в ответе на 26 и 30 вопросы Марка Александрийского, как «скверную и небывшую» – и Усов не постыдился и его оклеветать. – Толкования же Вальсамона, как вы и сами сказали, приняты «во всеобщее неизменное и обязательное руководство всею православною Церковью. Не повинующиеся же Церкви предаются проклятию (Кормч. 641 л.).

VII

Старообрядец. Хорошо, покончим с этим. Но мне хотелось бы возразить вам против свидетельства, приведенного вами из Деяний 7-го вселенского собора: именно против слов Тарасия, которые, по-моему, вы понимаете неправильно.

Православный. Чем же и как вы можете опровергнуть свидетельство св. Тарасия, который ясно сказал, что выражение «рукоположение» – в 8-м прав. 1-го вселенского собора нужно понимать – в смысле «просто благословения», а не миропомазания, как вам хочется доказать.

Старообрядец. Слова Тарасия – не положительное учение, потому что оно (учение) высказано им не положительно, не как определение, а просто как догадка, или недоумение. Он сказал: «слово рукоположение, может быть, здесь сказано просто о благословении, а не о хиротонии». А выражение: может быть – не есть что-либо утвердительное, или положительное, а просто

предположение, иди догадка: может быть так, а может быть и иначе. Как известно, оно говорится именно тогда только, когда человек не уверен, или сомневается в том, что высказывает. Посему слова Тарасия – не есть положительное определение Церкви, а просто – личное мнение Тарасия, высказанное притом в виде предположения, или сомнения, и, как такое, оно ни для кого необязательно. – Кроме того, нужно иметь в виду, что на 7-м вселенском соборе отнюдь не отрицали того, что под словами: «по возложении на них рук» разумеется миропомазание. Тарасий отрицал только то, что здесь разумеется якобы вторичное рукоположение присоединяемых. Это нужно было потому, что на этом соборе, при решении вопроса, следует ли принимать в своих санах рукоположенных еретиками, некоторые из членов собора, именно студийские монахи, полагали, что не следует. В виду этого Тарасий и сказал: «слово рукоположение, может быть, здесь сказано просто о благословении, а не о хиротонии». Если бы он отрицал миропомазание, то так бы и сказал, что здесь сказано о благословении, а не о миропомазании. Но он сказал не так, потому что говорить так не было ни повода, ни надобности, так как рассуждение было не о миропомазании, а о действительности рукоположения, совершенного у еретиков. – Таким образом в словах Тарасия содержится только то положительное определение Церкви, что под словами: «по возложении на них рук» разумеется отнюдь не вторичное рукоположение присоединяемых, а просто способ принятия их в Церковь. Если мысль Тарасия выразить другими словами, то можно сказать так: под выражением 6 правила первого вселенского собора: «по возложении на них рук» разумеется отнюдь не вторичное рукоположение в священные саны присоединяемых от ереси, а просто способ принятия их в православную Церковь, может быть, просто благословением, а может быть и еще что. Наконец, полезным считаю сказать, что вы совсем напрасно стараетесь поставить Тарасия в противоречие всем толкователям правил. Если прямо и здраво рассмотреть¹⁴ его выражение, то окажется, что оно не только не противоречит им, но и вполне согласует. Он сказал, что под

словами «по возложении рук» можно разуме́ть благословение. Теперь спрашивается: что же такое благословение? «Благословение есть преподавание освящения», – учит св. Василий Великий (прав. его 27 полн. перевод.). – А освящение можно преподавать и посредством св. мира, даже более, чем другим способом. «Миро... предназначается к сообщению освящения и даров Всесвятого Духа... Оно подает освящение духа... Главнейшая сила мира – освящение», утверждает блаженный Симеон Солунский (кн. его в русск. перев., гл. 41, стр. 84 и 88).

А когда так, то нет никакого основания отрицать, что под словом благословение у св. Тарасия можно разуме́ть миропомазание. И действительно, в древние времена миропомазание иногда называлось прямо благословением. В книге «Памятники древней христиан. Церкви» говорится: «Крестившиеся тотчас по выходе из воды представлялись епископу, ежели он тут был, и принимали от него благословение, состоявшее в некотором торжественном молении о сошествии Св. Духа на крестившегося. С сим молением обыкновенно соединялось помазание, возложение рук и крестное знамение. Посему всё оное священнодействие часто называлось помазанием, возложением рук и печатью Господа. Но все сии наименования означали один и тот-же предмет, то есть молитву епископа о сошествии Св. Духа на новокрестившегося при миропомазании» (Т. II, ч. 4, кн. II, гл. 1, стр. 513). – В церковной истории Гете читаем: «В состав священнодействия миропомазания (в древности) входили: помазание миром (хрисма), крестное знамение и благословение, возложение рук и молитва о ниспослании Св. Духа» (стр. 91). «Выходя из купели, говорит один из древних учителей, мы помазуемся благословенным помазанием. После сего чрез благословение с возложением рук призывается Св. Дух» (Памятн. древн. христ. Церкви Т. II, стр. 524). – Св. Григорий Великий в одной из своих бесед о миропомазании замечает: «Верные чрез нас приходят к св. крещению, нашими молитвами благословляются и чрез возложение рук наших получают от Бога Св. Духа» (Истор. чинопоследов. крещен. и

миропомазан. стр. 410). – Св. Ипполит о миропомазании говорит: «по исшествии из воды (крещаемого) пусть пресвитер помазует елеем благословения» (там же стр. 400). «Вот елей радования, говорит блаженный Симеон Солунский – о св. мире, который весьма выразительно называется елеем, как дар милости Божией, предпосланный еще в законе» (гл. 41, стр. 84, в русск. переводе). –

Ясно, что в древние времена благословением называлось иногда самое миропомазание. А потому толкование Аристина и другие доказательства, представленные выше, что под выражением – «по возложении рук» в 8 правиле первого вселенского собора разумеется миропомазание, нисколько не противны изложению св. Тарасия, что здесь разумеется благословение, так как в древности под этим словом часто разумелось именно таинство миропомазания. Таким образом все толкователи упомянутого правила выражают одну и ту же мысль, хотя различными словами. – Св. Тарасий говорит, что в нём сказано о благословении, а прочие толкователи утверждают, что о миропомазании, – но всё это, как нами сейчас показано, означает одно и то же, т. е. св. миропомазание, или второй чин принятия от ересей». – Вот как толкует Усов слова Тарасия, – и придает им совсем не то значение, какое придает – ваша Церковь. –

Православный. Да, так может искажать смысл слов св. Тарасия и подтасовывать, как фокусник, свидетельства только Усов, который, очевидно, не ищет истины... Только он один, со свойственной ему дерзостью, и мог сказать, что слова св. Тарасия только «догадка, недоумение, и не есть положительное определение Церкви, а просто предположение, сомнение и, как таковое, ни для кого не обязательно»... Св. патриарх Тарасий, по дерзкому мнению Усова, не мог правильно понимать смысл слов из 8-го правила 1 вселенского собора «по возложении на них рук», – а Усов может. – Учение св. Тарасия – ни для кого не обязательно, а, значит, учение Усова обязательно. – Вот до какой дерзости договорился защитник лжи – Усов и вы слепо ему верите, а не св. отцам. Жалкие и бедные старообрядцы! Запутавшись в изворотах, – Усов сам себе противоречит: то он

говорит, что слова Тарасия из деяний седьмого вселенского собора *не есть положительное определение Церкви*, – а ниже – говорит, что *«в рассматриваемом нами месте деяний седьмого вселенского собора содержится то положительное определение Церкви»*... Как-же это так?!

Но приступим к разбору тех доводов, которыми Усов старается защитить своё ложное мнение, якобы под словами «благословение» – нужно тоже понимать миропомазание. – Усов говорит, что патр. Тарасий отрицал только то, что под словами «по возложении на них рук» – нужно разумеать вторичное рукоположение присоединяемых и передает слова Тарасия так: «под выражением 8 правила первого вселенского собора: по возложении на них рук разумеется не вторичное рукоположение в священные саны присоединяемых от ереси, а просто способ принятия их в правосл. Церковь, может быть, просто благословение, а может быть и еще что» (стр. 31–32). – Кто-же позволил Усову исказить слова св. Тарасия и прибавить к ним то, чего Тарасий и не говорил? Где-же это сказано у Тарасия: «может быть, просто благословение, а может быть и еще что»? Произвольная и дерзкая вставка. – Когда на седьмом вселенском соборе прочитано было 8-е правило первого собора, «почтеннейшие иноки сказали: в этом правиле сказано, чтобы рукоположенных еретиками принимать. Святейший патриарх Тарасий сказал: а как надобно понимать слово: рукоположение? Почтеннейшие иноки сказали: Владыка! просим наставить нас. Св. патриарх Тарасий сказал: слово рукоположение может быть здесь сказано *просто о благословении, а не о хиротонии*» (Том 7-й, по изд. 1891 г. стр. 48). – Сопоставьте слова Тарасия с переделкой Усова – и вы увидите всю Усовскую неправду. Никакого недоумения нет, никакого предположения нет. Слова Тарасия были приняты всеми отцами седьмого собора, которые, выслушав его слова, заявили: «если нет более никакого препятствия, то ради такого покаяния их пусть будут они приняты по канонам». –

Усов говорит, якобы мы «стараясь поставить Тарасия в противоречие всем толкователям правил». Неправда. – Тарасий изъяснил 8-е правило первого собора согласно с толковниками

и согласно с другими отцами, свидетельства которых о смысле 8 прав. мы выше привели; а посему и нет у него никакого противоречия, – а полное согласие с прежде бывшими отцами, которые хиротонию еретиков второго чина – отвергали, и не принимали. –

Слово «благословение» – Усов старается объяснить так, что – де это всё равно, что и миропомазание. – Но позволим себе спросить Усова: а какой святой отец, или какой собор – так понимал? «Благословение есть преподавание освящения»... а «миро предназначается к сообщению освящения»... Что благословение и миро предназначены к освящению, никто и не спорит, но чтобы «благословение» было то же, что и миропомазание – тому доказательств нет и это есть новая ересь, измышленная достойным учеником еретика Швецова.

Правда Усов, ссылается на книгу «Памятники древней христ. Церкви», – но тут-то и содержится обличение неправды Усова. Сказано: «крестившиеся тотчас по выходе из воды представлялись епископу, ежели он тут был, и принимали от него *благословение, состоявшее в некотором торжественном молении о сошествии Св. Духа на крестившегося*». Видите: благословение состояло не в том, что совершали над крестившимся миропомазание, а *в торжественном молении о даровании благодати Св. Духа*. «С сим молением соединялось помазание, возложение рук и крестное знамение». «Соединялось помазание» – с благословением, – а не было благословение миропомазанием. «Посему всё оное священнодействие называлось помазанием, возложением рук и печатью Господа», а не благословением. – Но все сии наименования (т. е. помазание, возложение рук, печать Господа, а не благословение) *составляли один и тот же предмет*, т. е. молитву о сошествии Св. Духа на новокрестившегося *при миропомазании*» (т. 2, ч. 4, стр. 513). – Составляли один и тот же предмет *при миропомазании*, а не заменяли миропомазание, и не были миропомазанием. – Так и Гете в своей Церковной истории свидетельствует, что «в состав миропомазания входили: помазание миром, крестное знамение или благословение, возложение рук и молитва» (стр. 91), т. е.

совершали помазание миром, затем благословляли чрез крестное знамение, возлагали руки и молитва была... Где-же тут под «благословением» разумеется «миропомазание»?

«Выходя из купели, говорит один из древних учителей, мы помазуемся благословенным помазанием. После сего чрез благословение с возложением рук призывается Св. Дух» (Памятник. христ. древн. т. 2, 527 стр.). Значит, помазание, благословение, возложение рук – разные действия, хотя и употребляются при совершении таинства миропомазания. Григорий-же Великий ясно говорит, что «верные благословляются молитвами», а чрез возложение рук «получают от Бога Св. Духа».

Слова-же св. Ипполита Усов не до конца выписал, «огрызая письмена, яко мышь» (Маргарит), и тем исказил смысл словес св. Ипполита. – «По исшествии из воды – (новокрещаемого), читаем у него, пусть пресвитер помазует елеем благословения, говоря: *помазую тебя помазанием, святым елеем*, во имя Иисуса Христа» (История чинопослед. Алмазова, стр. 400). Ну где-же у Ипполита говорится, что в древней Церкви «благословение» было то же, что и миропомазание? «Елей благословения разве одно и то же что и просто благословение»?!... «Вот елей радования»... говорит Симеон Солунский о святом мире». Ну что-же? Разве речь об этом? Мы говорили о смысле слов «возложение рук» в 8-м правиле I всел. собора и о том, что святейший Тарасий, согласно с древними св. отцами, разумел здесь «просто благословение», обычно употребляемое при приеме еретиков третьим чином. – Нет, св. Тарасий ясно говорит, что, по смыслу 8-го правила первого собора, наватиян принимали «чрез благословение», а не чрез миропомазание, а посему-то и хиротония их не отвергалась, а принималась. – Во времена св. Тарасия таинство миропомазания совершалось не чрез «благословение и рукоположение», а чрез помазание св. миром, как о том свидетельствуют святые соборы: Лаодикийский в 7-м прав. – «да будут помазаны св. миром», 2-й вселенский в 7-м прав. – «приедем, запечатлевая, то есть помазуя св. миром»... и 6-й вселенский собор в 95-м правиле «помазуя святым миром», – а

правила сих соборов св. Тарасий знал отлично: под его председательством собор утвердил все правила шести вселенских и поместных соборов (см. 1-е пр. 7 всел. соб.).

*Иерей Д. Александров
(Продолжение следует).*

Из записок и дневников

**Андрей, архимандрит. Забытые мысли из
православно-церковного учения // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 12. С. 203–214**

Один из лучших сынов России И. С. Аксаков озаглавил так одну из своих статей, обсуждающих вопросы церковной жизни: *«Некоторые безобразия русской жизни и в частности причины распространения штунды»*. В этой статье он между прочим пишет: «к разряду поучительных безобразий причисляем мы появление в Херсонской губ. штундовцев... Начало этому обществу положено теми рабочими, которые жилали у колонистов (т. е. немцев). Привыкнув не наблюдать ни праздников, ни постов, освященных православною Церковью, они сохранили этот обычай и при возвращении в родные села... Следствие поэтому поводу началось уже несколько лет тому назад»... Следствие, по мнению Аксакова, было необходимо только не полицейское и не над штундовцами... «Отчего бы не разведать, – писал он в своё время, – из каких приходов эти рабочие, заразившиеся учением колонистов... Знал ли кто из этих несчастных рабочих до поступления своего к колонистам хоть бы молитву *Отче наш*; да не только в Новороссийском крае..., но и у нас, в срединной России мы предлагаем сделать только одну проверку: сколько прихожан знающих безошибочно, не коверкая, *Отче наш*?!!» – По мнению Аксакова, результат тогда оказался бы чрезвычайно постыдный. Таковы суждения знатока России и русских нужд И. С. Аксакова. По нашему мнению, и сейчас результат оказался бы не лучшим, – по крайней мере, мы хорошо знаем, как разрастается сектантство и как и поныне наш рабочий низший класс не знает толком «*Отче наш*»... – Но этого мало; в настоящее время не только эти некнижные люди, но и люди высшего класса, вкусившие плоды просвещения и официально принадлежащие к Церкви и официально исповедующие церковные догматы, так мало знают смысл этих догматов, их значение для него лично, что при самом простом вопросе они решительно отказываются дать ответ вопрошающему об их уповании. Чтобы не быть

голословным, я попрошу своих светских читателей быть беспристрастными и задать себе ряд таких вопросов: почему И. Христос называется Спасителем? Кого он спас? Людей? – Да, но как Его крест является *моим* спасением? Или еще: что такое благодать? Какая благодать подается в таинстве крещения, миропомазания? Я сам, как христианин, ношу ли благодать в сердце своём и за что я её получил? – И еще: кто у нас знает учение Церкви, писания св. отцов, кто даже из них может назвать хоть нескольких? С грустью мы должны сказать, что два-три интеллигента на сто могут дать на эти вопросы хоть какие-нибудь ответы; настаиваю на этом своём утверждении: не только правильных, хоть немного сознательных, но именно никаких ответов на эти вопросы нынче нельзя дожидаться не только от простого необразованного человека, но и от интеллигента. Все эти вопросы, по утвердившемуся мнению, ведает «духовенство», которому и ведасть их надлежит, а простые смертные – да зачем им всё это нужно? – Таким образом современные православные христиане вольною своею волею отказываются от обязанности знать свою веру и её основания.

А блаженни не видевшии и веровавшии? Разумеется, такого православного всякий штундовец, пашковец, толстовец, всякий наш старообрядец легко собьет и только лишь потому, что этот последний знает в учении веры кое-что, а тот ровно ничего. При таком отношении общества к вере можно ожидать еще более усиления разных сект, так как человек не может жить вне сочувствующего ему влияния, вне какого бы то ни было общения и если он уклонился от Церкви и церковного общества, то будет стараться найти другое общество – внецерковное. Каков же наш вывод? – А вот он: современниками забыта церковная мысль, о необходимости научения «вере», чтобы член Церкви всем своим существом почувствовал любовь Церкви к себе и свою к св. Церкви. Чтобы воспитать в себе чувство любви к св. Церкви, нужна не слепота, не индифферентизм, а полное сознание, полная жизнь сердца и ума, полное всестороннее развитие души человеческой; а это развитие не может быть без научения, а научиться нельзя не

учась; а это изучение веры не только не возбраняется, но прямо св. Церковью заповедуется. Христос говорил: *берегитесь*, чтобы кто не прельстил вас (Мф.24:4); ап. Иоанн Богослов говорит: не всякому духу верьте, *но испытывайте духов* (1Ин.4:1); апост. Павел говорит: *всё испытывайте*, хорошего держитесь (1Сол.5:21).

Итак, первая забытая мысль: Церковью требуется не невежество в вере и знании, а отчетливое знание, всего испытание, убежденное ведение истины; – справедлива ли, значит, современность, считая религию и Церковь началом, тормозящим знание? Далее, в сознании современного светского общества утвердилась нелепая мысль о неподвижности и какой-то будто окаменелости церковной жизни, а вместе с нею и Церкви. Для этой второй, огромной и губительной ошибки общественного сознания были причиной соответствующие ошибки исторических (церковных и государственных) деятелей; во всяком случае это грустный факт, с которым приходится иметь дело.

Однако откуда же это ужасное мнение о безжизненности церковной жизни могло появиться и как оно многих заставило забыть, что св. Церковь алчущему и жаждущему правды обещает насыщение, но ведь это алкание и жажда правды не есть еще обладание правдою, значит, в самой то жажде правды скрыты и ошибки и сомнения и незнания, и однако разве не сказал Господь, что алчущие и жаждущие правды насытятся? Разве не учит далее Церковь, что блаженны те, кто всем сердцем ищут Бога (Пс.118:1); а искать ведь не значит обладать; лишь бы только искание Бога и Его правды было искренне, чистосердечно и нелицемерно, а где бы оно ни было такое чистосердечное служение Богу, оно приятно Ему. Это учение Церкви апост. Петр выразил в словах: *«во всяком народе боящийся Его (Бога) и поступающий по правде приятен Ему»* (Деян.10:35). – Так св. Церковь ценит в вере искренность, горение сердца при слышании учения правды (Лк.24:32), радость при соприкосновении с истиною, – вот эта то мысль и забыта у нашего общества, которое думает, что Церкви нужна лишь приписка к церковному обществу, и что это и значит

деятельно принадлежать к ней; привычкою же своею лицемерно к ней принадлежать, лишь считаться, а *не быть* членом Церкви – эти люди лишь иссушают и притупляют сердечную жизнь свою, убивают чувство и от церковной жизни, как жизни полной, чистой и святой, конечно, только удаляются.

Таковы два крупнейших промаха в представлении общества о церковном учении, основанных на том, что забыты две основных мысли св. Церкви: 1, – жить в св. Церкви – значит жить разумною жизнью, и знать свою веру; 2, вера должна быть нелицемерная, сознательная, сильная; вера – это твердое убеждение, а не колеблющееся предположение. Между тем часто лучшие души ради самых чистых побуждений, но вследствие ошибочно усвоенного ложного представления церковного учения отходят от него, не ведая, что они покидают именно то, чего ищут. Действительно все хорошие слова, как свобода, культура (т. е. культивирование природы человека), прогресс, и имеют только в Церкви своё достодолжное великое значение и в ней могут иметь смысл и содержание, а иначе они так и будут только словами и поскольку они оторваны от нравственного учения, постольку они так словами и остаются; и это – в лучшем случае, а в худшем свобода перерождается в распущенность, святейшая свобода слова оказывается свободой сквернословия, культура превращается в культуру желудка и всяких желудочных интересов за отсутствием интересов нравственных, прогресс сводится только к изысканию более утонченных наслаждений.

Одним словом – жизнь в Церкви не есть жизнь, запертая в какие-нибудь нравственные колодки, а есть жизнь *святой* свободы, от всякого человека ею *требуется стремление к истине и к святости...*

Но тут опять беда: от нашего культурного человека требуется, по современным учениям, всё, что угодно, только не святость; это качество души так ужасно непонятно для современных христиан, что как-то странно и речь об этом начинать. Святость! – Да зачем она? Для всяких этих комитетов благотворительности и шахматных клубов, для этих комиссий празднословия и обществ густопсовой охоты и изящных

искусств, для всего этого «прогресса» – какое значение имеет святость? Куда бы её поместить?...

Так у нас забыта и главная заповедь Спасителя относительно устройства общественной жизни, обеспеченной в благополучии, – заповедь: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и *это всё* приложится вам (Мф.6:33), т. е. всякое благополучие будет людям ниспослано с неба и будет естественным последствием их искания Царства Божия. Церковь учит: в искании Царствия Божия, т. е. угождая Богу, вы научитесь приносить пользу людям, а чрез них и себе. Но это учение вовсе забыто и заменено теперь другим, – служи людям и ты исполнишь земное своё назначение. – Таким образом христианское учение об устройении земного благополучия людей обрезано и сначала и в конце. Христианство говорит: 1, заботься о Царстве Божием, т. е. очищай себя от самолюбия, *старайся полюбить* Бога и ближнего, *приучайся* служить ближнему; 2, тогда ты *действительно* будешь *умелым* слугою ближнего, и 3, загробная жизнь твоя будет такая, что ты будешь по смерти блаженствовать.

А новое учение ни слова не говорит об этом *приучении* себя к чувству любви, а говорит лишь о добродетели, благотворительности *вне чувства любви*. Но очевидно, что злой не будет благотворить, а только зло, потому что блага любви он и не понимает; ведь *собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы* (Мф.17:16). Да нет ему и оснований, потому что вся цель его жизни ограничивается землею, его земным назначением, – значит, о чём же ему заботиться, если он и в зле находит удовольствие? Земное общество, выделяющее себя из Церкви, такими своими уклонениями от церковной истины и создает себе совершенно непреодолимые затруднения, желая объединиться вокруг такого учения, которое ни для кого нравственно-обязательным правилом жизни служить не может, заключая в себе очевидную неполноту. Действительно, как я могу быть безупречным слугою ближнего своего, если я не приучу себя к служению, а приучиться к этому я могу, лишь приучаясь его любить, но о всецелой любви говорит церковное учение, а не иное чьё. Общество говорит: *делай добро* и не учит

его, как он может делать и как он может приучить себя к делу; Церковь же говорит: *люби*, тогда не будешь в состоянии не делать; и кроме этого еще прибавляет: *люби*, потому что любовь никогда не перестанет (1Кор.13:8), т. е. Церковь дает и основание к добродетельной жизни. – Во многих светских и духовных журналах была напечатана статья, в которой автор, защищая настроение интеллигенции, как силы жаждущей Бога и всей душой жаждущей хорошего «дела», в то же время говорит, что «проповедью одного только загробного идеала интеллигенцию не возьмешь». И очень жаль! Очень жаль, что загробный идеал современными христианами так забыт, что нет даже и надежды на его воздействие. А ведь загробный идеал и есть единственное основание земного «дела» людей. Какими же разумными целями может жить человек, если он не живет загробным идеалом? Разве в этом идеал? Земные цели? Может быть, но едва-ли разумно повторять ошибочные иллюзии прошлых веков, думавших устроить счастье людей; нет, земная жизнь, если и изменяется, то независимо от людей и несомненно – к худшему по отношению к большинству. Во всяком случае внимательно изучающий земную жизнь людей должен будет сделать безотрадный для земного существования людей вывод: «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл.1:9–10).

Помимо этого, совершению простой логический вывод может указать, что земные идеалы, как низшие природы человеческой, разумеется, могут не возвысить её, а лишь принизить, так сказать понизить стремления, запросы душевные; возвысить же и облагородить душевную жизнь могут идеалы высшего свойства, вышеземного свойства, жизни небесной, т. е. высшие нравственные принципы.

Однако, что же может побуждать человека к деятельности, если у него нет возвышенных принципов добра. – Он может в своей деятельности лишь проводить, т. е., как говорят, убивать время, – такая цель деятельности у людей может быть; по крайней мере, мы её на каждом шагу можем встретить; а

причиной этого весьма часто является эффектность внешней жизненной обстановки, хотя бы и при отсутствии в ней глубины содержания вообще и нравственных идей в частности. Прототипом таких мечтаний человеческих, таких усиленных забот устроить счастье на земле без Бога и вне религии – было построение Вавилонской башни. – Там люди хотели жить собственным довольством и служить, взаимно помогать один другому, одним словом, хотели устроить своё счастье и славу, но без Бога. Но это оказалось не по силам человеку; чтобы служить ближнему, нужно забыть себя, нужны великие терпение и любовь, а иначе можно так устроить своё благотворение, что униженный и уничтоженный этим благотворением человек лишь отвергнет заботу о себе этого благотворящего себялюбца, лишь бы ему не переносить от него, хотя бы и очень тонких, оскорблений. Постоянное служение ближнему может быть устойчивым, но если оно основано на неизменных принципах, а не на случайных, хотя и благонамеренных, мечтаниях. Поэтому и Вавилон, захотевший объединиться, но не во имя Божие, а во имя самоизмышленных объединяющих начал, в заключение погиб: люди перестали понимать один другого, – вот чем кончились их попытки устроить жизнь без Бога; этими попытками они создали себе такую жизнь, что поспешили разойтись. Вот отзвуки этой Вавилонской работы над устроением земного благополучия доходят и до нас: в наше время тоже оказываются забытыми и печальные последствия этого Вавилонского сооружения, и в наше время хотят благотворить ближнему вне религии вообще и церкви в частности. А чрез это и получается не благотворение в собственном смысле слова, а развлечение по поводу чужого горя; благотворитель и в таком случае продолжает заниматься только собою, но лишь свободное, ненужное, тяготящее его время начинает посвящать не только театру, обедам и прочим облагораживающим развлечениям, но между прочим и ближнему своему. Однако, если этот ближний решится беспокоить своего благотворителя в неуказанное время, если он рискнет нарушить покой благотворителя, когда этот последний занят еще чем-нибудь, то ближний может жестоко поплатиться. – Этим и кончается

всякая попытка людей объединиться не на вечной основе закона Божия, а около своих мечтаний, редко очень редко переживающих столетие.

Итак, мы думаем, что общественная жизнь в своём стремлении обособиться от христианского учения забывает, что её может постигнуть грустная участь полного разъединения людей и настолько же сильного, как это уже было в завете ветхом; люди по-прежнему могут перестать понимать друг друга, служа лишь себе и своим интересам и забывши о чувстве любви, как полного самоотречения, заповеданного Христом и единственно могущего устроить благоденствие людей на земле. Вот к чему может повести людей забвение христианского учения о жизни будущего века, как единой великой цели земной жизни. Так. обр. вместе с забытой христианской истиной о цели жизни, как приготовлении к загробной жизни, забыты и средства к устроению этой жизни, – т. е. истинно христианской добродетели; соответственно же земной вновь измышленной цели жизни, как увеличения количества наслаждений, вместо добродетелей христианских – изобретена и новая добродетель, названная не русским словом – гуманность. – Что это такое, очень мало кто понимает. Действительно, гуманность в переводе на русский язык – значит человечность. Значит, что же такое должно обозначать это странное слово? – Ведь понятия человечность, быть человеческим – понятия очень большие и растяжимые в представлении каждого отдельного человека. Ведь и Нерон считал себя, несомненно, человеком и несомненно он считал себя по своему и гуманным. Значит, слово гуманный – может ничего не обозначать, потому что это понятие может у каждого отдельного человека иметь своё собственное чуть не противоположное другому значение, потому что у всякого человека своя голова, он обо всём по своему и судит; и несомненно найдется такой человек, который, выслушав по своему адресу похвалу: гуманный, вовсе не сочтет это за похвалу, и если не вправе будет обидеться, то вправе будут сказать в ответ на эту похвалу: «Сам знаю».

Действительно, Нерон, по нашему понятию, не очень был гуманен; но, вдумаясь подробнее, по нашим то понятиям, что

же обозначает это качество, – если только справедливость, то почему так и не назвать справедливого справедливым? – Любовь? – Но зачем же любовь называть гуманностью? Одним словом, – это качество обозначает, кажется, только то, что известный человек – не вор, не разбойник, не жесток по-зверски, никого на своём веку не задушил каким-либо способом; но какие положительные качества гуманного, т. е. человеческого, человека – в этом слове еще нисколько не указано.

С другой стороны, в этом слове указано нечто большее, чем нужно или было желательно тем людям, которые это слово изобрели и которые забыли христианское учение о природе человека и начали слишком её идеализировать. Именно, они забыли, что человек, если он только физический человек, он только животное, и поскольку лишь он руководится нравственными правилами, т. е. своей духовной природой, не только человеческой, но и богоподобной, постольку он является действительно человеком. Если же человека рассматривать только в его земной человеческой природе и посмотреть, сколько в нём будет тогда гуманности, то придется повторить давнишний вывод по этому поводу, что *человек человеку волк*. Такой вывод сделал народ самый опытный, самый последовательный из всех, старавшихся дать человеку земное счастье и благоденствующее общежитие. Законы этого народа, законы гордого Рима, величайшего из эгоистов теоретиков, так называемое римское право, изучают современные христиане, но по своей недалёковидности не замечают смертного приговора, произнесенного этим правом над собою и своею жизнью. Этот приговор выражен в вышеприведенных словах: человек человеку волк, и другими словами: строжайшее правосудие есть величайшая несправедливость. В противоположность этим заключительным словам римского права, св. Церковь, вполне с ними соглашаясь по существу, говорит человеку: 1, да, поскольку ты только человек, постольку ты «волк», как бы ты себя ни убаюкивал мыслью о служении человечеству; но ты можешь быть истинно ангелом хранителем ближнего своего, когда переродишься благодатию Христовою, когда чрез неё ты очистишь сердце своё от эгоизма и зла; 2, св.

Церковь утверждает, что нужно относиться к людям с любовью, что это единственный закон для той жизни людей, которая всецело может утолить человеческую жажду правды. Но если люди забудут о едином благом законе, законе любви (христианской), а изобретут себе свой новый закон, какой бы то ни было, то изобретут себе лишь новое орудие своей пытки, потому что никакой закон не может дать людям счастья, кроме закона Божия, единственного закона, для человека природосообразного.

Эта мысль православно-христианского учения тоже забыта в самой сильной степени, – иначе нельзя объяснить, почему люди ищут новых форм жизни, помимо указанных Церковью. Они, забывшие христианское учение, забыли и природу человека и, видя вокруг себя, хотя и дурных и грешных, хотя и бессознательных, но все-таки христиан или людей по природе облагороженных христианскою истиною, стали идеализировать самую природу человека и последнею целью у них стала идея «человечества», и «человечного» утверждения вместо Царства Божия в душах людей.

Что же нужно, чтобы эти несомненно хорошие люди стали истинными сынами Церкви? – Нужно, чтобы они поосторожнее пересмотрели все понятия и основы своей жизни и переоценили их. Тогда они несомненно заметят, что то многое, чем они живут и что считают своим, принадлежит Церкви, и они это многое у Церкви бессознательно заимствовали, а потом об этом забыли и своё хорошее, но уже совершенно от Церкви заимствованное, стали противопоставлять церковному, неправильно понятому. – Если эта переоценка понятий совершится, если многое забытое из христианского учения опять войдет в сознание многих бессознательных последователей Христа, а многое неправильно понятое будет разъяснено, то, – мы твердо верим, – они будут самыми убежденными в вере, самыми добрыми сынами св. Церкви и жизнь церковная обновится и сами они как бы воскреснут духом, оживут и обновятся и многие безобразия русской жизни, о которых так скорбел И. С. Аксаков, сами собою исчезнут.

Итак, что же нужно для того, чтобы возвратить в Церковь тех, которые считают себя вне её, не понимая её жизни.

Во-первых, нужно, чтобы эти люди серьезно относились к жизни, нужно заинтересовать их сознательною жизнью; во 2-х, необходимо заставить, умолить, упросить их вспомнить забытое, вспомнить истинно христианское церковное учение, а не схоластические учебники, изучением которых ныне заменено изучение церковной жизни. – А особенно для всех необходимо быть искренними, искренне-стремящимися к добру и искренне, по крайней мере, не скрывающими своих недостатков; тогда еще есть надежда на исправление общественной жизни. – В противном случае людям грозит и земное и небесное горе. Вспомним, каким несравненно страшным обличением проникнута была речь Спасителя, когда Он обличал жизнь иудеев, вся жизнь которых была испорчена этим лицемерием и неискренностью, как ржавчина, изъевшими жизнь иудейского народа. Спаситель говорил им: Горе вам, книжники и фарисеи лицемеры, что затворяете Царствие Божие человекам; ибо сами не входите и хотящим войти не допускаете (Мф.23:13). Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их (Мф.23:23–26).

И поныне эти слова Спасителя не потеряли своей обличительной силы и так страшно современны. – А вот за этим лицемерием и неправдою, за всеми этими постоянными взаимными уверениями, как это у нас всё хорошо и как всё совершенствуется и какие мы стали культурные, – за всеми этими неправдами мы и забыли св. учение Церкви, забыли суд Божий и милость, любовь взаимную христианскую, и веру в святость учения церковного. Сие забыли; а разве всё это можно чем-нибудь заменить? Всякая же попытка человека уверить и

себя и других, что он отыскал средство к замене незаменимого, ведет его к самому тяжкому пороку лицемерия в деле религии. Это уже глубина падения человеческого, потому что человек, хотя и неверующий, но искренний и в своём заблуждении, еще может отыскать истину, но жалкий лицемер, ради своих видов (популярности, общественного положения и т. п.) эксплуатирующий свои убеждения, уже *почти* безнадежен в своём неверии. А сколько доверчивых и искренних людей погибло от этого отвратительного лицемерия *вождей слепых, оцеживающих комара, а верблюда поглощающих*.

Итак, вы, возлюбленные чада Церкви, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения, но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа (2Пет.3:17).

Архимандрит Андрей

**Базарянинов В., миссионер. Крайности
миссионерской полемики. (Отклик на беседу Д.И.
Боголюбова о св. мощах. «Мисс. Обозрен.» 1903 г. №
4-й) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 214–
218**

Я уважаю Дмитрия Ивановича, как ревностного деятеля миссии. Скажу не для комплимента, что священники и крестьяне сел Тамбовской епархии никого из миссионеров не вспоминают с такой благодарностью и с таким удовольствием, как именно его. Я ценю его «миссионерские беседы» и учусь по ним. Однако, не могу удержаться, чтобы не указать уважаемому Д.И. печатно на некоторые промахи, составляющие вообще крайности нашей миссионерской полемики. Он не всегда разборчив в доказательствах.

Сектант требует обосновать всё исключительно на священном Писании, и при том на его букве, «на строке». Признавая эту претензию по существу неосновательной и доказывая необходимость свящ. Предания и более свободного, выводного толкования Писаний по духу животворящему, а не мертвящей букве, миссионер всё же вынужден немощной совестью сектанта стараться каждый прорекаемый пункт православного учения как можно сильнее оправдать от Писания, по возможности даже обосновать его на букве последнего. И чем ревностнее и долготетнее в своей деятельности миссионер, тем больше для него соблазна не в меру увлечься этой приспособляемостью: эта чрезмерная добросовестность, своего рода «ревность не по разуму», толкает его на путь натяжек при толковании слова Божия. Я не хочу обижать своих собратий, а просто скажу правду: когда я стал впервые знакомиться с их устными и печатными беседами и обличениями, я ужаснулся громаде не к делу приводимых ими текстов. Если бы задаться целью собирать курьезы миссионерской аргументации, то получился бы преинтересный томик анекдотов, полный таких перлов, как объяснение в смысле иконопочитания слов апостола: «Образ дах вам» и т.

под. В одном из самых боевых миссионерских пунктов Т-ой епархии я знаю еще одного молодого священника с семинарским образованием, который в беседе об иконах победил штундиста-начетчика текстом Гал.3:1. «Покажи да и покажи, наступал последний, иконы из Нового Завета». И вот после многих бесплодных препирательств батюшка по всем правилам (сильное доказательство наконец) патетически ахнул: «О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых пред глазами *предначертан* был Иисус Христос, как-бы у вас распятый?» Штундист, как подавился, не мог вымолвить слова и утирал пот. Поражение было полное; православие торжествовало. Но, что удивительно, даже потом на дому в откровенной беседе со мною священник не хотел расстаться со столь эффектным доказательством и всё рылся по греческому тексту, чтобы доказать и мне, что в Гал.3:1 разумеется именно иконописание. Знаю я и другого очень умного священника той-же епархии, свыше 15 лет подвизающегося в селе, где до 200 молокан, имеющего звание окружного миссионера, который дает любому сектанту на любую тему мат в 2–3, много 5 ходов. Последний смертельный шах у него в вопросе об иконопочитании, – это ссылка на Откр.11:19: «И отверзся храм Божий на небе и явился ковчег завета Его в храме Его». На ковчеге завета были изображения херувимов; а относится-де Откр.11:19 к новозаветным временам настоящей жизни, ибо в будущей жизни храма уже не будет (Откр.21:22). С этим батюшкой вот уже многие годы ни один сектант не беседует. Обозвется это он к кому-нибудь, а тот отмахивается: «э, будет, Михаил Иовлевич, туман ты всегда наводишь». Ровно-бы и хорошо: сектанты всегда побиты: но, может быть, лучше-бы было, пусть-бы они возражали и выслушивали доказательства «без туману»: миссия не фокус и не игра в шахматы. Огорошенный и побитый в сию минуту, сектант потом все-таки поймет, докопается, что его разбили *не по существу*, что не вера его побеждена силой православия, а он, несообразительный, малознающий не сумел отстоять её пред более сильным противником: и он еще более ожесточится против православия и будет издеваться над его основаниями,

как над натяжками. В селе Л-х Т-ой епархии вел свои последние беседы уже переведенный в Е-ую епархию миссионер, три года горячо работавший по своему делу. Беседа была с жидовствующими. После неё зашли мы выпить стакан чаю к учителю, куда пригласили и оппонента-начетчика. «А помнишь, И. Е-ыч, говорит этот миссионеру, как ты побил меня год тому назад 25 стихом из 9 гл. пр. Иеремии? Я потом ведь сто раз перечитывал главу и, наконец, несомненно вижу, что все-таки я тогда был прав». И начетчик был действительно прав, ибо Иер.9:25 говорит о посещении обрезанных и необрезанных не благодатию и милостями, а несчастьями и наказаниями и след. вовсе не содержит в себе пророчества об отмене обрезания, как то утверждал миссионер. Пользу или вред православию принесло доказательство миссионера, давшее ему видимую временную победу?... Когда потом я стал основательнее знакомиться с обличением жидовства, я с ужасом увидел, что это толкование 9 гл. Иеремии вовсе не было случайной выдумкой миссионера в минуту увлечения полемикой, а существует и в печатных миссионерских трудах (см. «Путевой Журнал Прот. Гусакова» Астрахань 1899 г., стр. 24-я). Достаточно ознакомиться хотя-бы только с «Критическим разбором» Оболенского, чтобы понять, какая масса совершенно непригодных доказательств обращается в миссионерской, даже печатной, полемике. Ведь магистерский труд Оболенского несомненно не плод практики самого автора, а собран им из трудов миссионеров-практиков; и при том во всяком случае это фильтр, пропустивший, по спокойном исследовании, лишь лучшее, более доказательное. И все-таки в доказательство, напр., законности крещения младенцев Оболенский указывает слова ап. Петра (во 2 гл. Деяний) из проповеди его евреям в день Пятидесятницы: «вам принадлежит обетование и детям вашим», очевидно разумея под «детьми» не просто потомков, а именно младенцев, хотя этого доказать никак невозможно (стр. 200-я по 2-му исправленному изданию). «Справедливым-же почитаю, пишет тот-же апостол Петр, доколе нахожусь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро придется оставить храмину мою... Буду-же стараться,

чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память» (2Пет.1:13–15). Этот текст Оболенский берет в доказательство молитвы за нас праведников и по отшествии их из сей жизни (стр. 281). Но обстоятельство «после моего отшествия» здесь относится не к глаголу «буду стараться», а к «приводили»; поэтому при «буду стараться» можно с одинаковым правом подразумевать и «теперь» и «потом», и «доколе нахожусь в телесной храмине» и «по отшествии моем», и кажется первое толкование ближе к смыслу отрывка. На стр. 303 Оболенский берется доказывать возможность посмертного прощения грехов примером разбойника, который во всяком случае был прощен Спасителем еще при жизни! Хорошо еще, что сектанты мало знакомы с нашими полемическими трудами: сколько нашли бы они в них противоречий! Если нам надо доказывать Троицу, мы толкуем трех странников, явившихся Аврааму, в смысле трех Божеских лиц (см. Тифлова «Памятную книжку» стр. 8-я); если же приходится доказывать, что ангелам подобает поклонение, мы тоже явление объясняем так, что один из странников был Господь, а два другие – ангелы (см. у Оболенского стр. 275).

И вот на подобные не прямые пути миссионерства стаёт иногда и г. Боголюбов (см., напр., 66–7 стр. Бесед). Не имея в виду указывать ему его промахов подробно, укажу лишь две крупных натяжки в его последней беседе о св. мощах, по поводу коей я собственно и заговорил. «Были случаи нетления тел по смерти Христовой, пишет он, о чём свидетельствует ев. Матфей (Мф.27:52)». Уверяю Дмитрия Ивановича, что ев. Матфей вовсе не свидетельствует об этом. Он только говорит, что «многие тела усопших святых воскресли». Были-ль они до воскресения нетленны или истлевши, об этом в Писании нигде ничего не указано. Из того же обстоятельства, что тела воскресли, конечно, никоим образом нельзя еще заключать, что они и хранились в гробах нетленными, ибо мы знаем воскресение смердящего, т. е. разлагающегося тела Лазаря и верим во всеобщее воскресение с телами всех праведных и неправедных, истлевших вместе с нетленными. Затем, Дмитрий Иванович много раз повторяет, что совершили чудо

воскрешения мертвеца не просто кости Елисея, а его нетленное якобы тело. Откуда взял это Дмитрий Иванович – это его тайна. Мы-же нигде в священном Писании не находили, чтобы было сказано, что тело Елисея было именно нетленно; думаем, что такого места Писаний не найдет и Дмитрий Иванович. Насколько можно догадываться, уважаемый миссионер основывается на том, что останки Елисея, равно как и святых, воскресших при смерти Христа, названы в св. Писании «телами» (Сир.48:14; Мф.27:52). Но слово «тело» еще не дает непременно мысли о нетлении, ибо и разлагающееся тело мы всё еще назовем «телом». Пр. Исаия, говоря о воскресении мертвых, выражается: «восстанут мертвые тела» (Ис.26:19); но нельзя утверждать, чтобы у пророков было учение о воскресении лишь святых и нетленных (см. и Рим.8:11). Останки пр. Елисея раз названы в св. Писании «телом» (Сир.48:14), а другой раз «костями» (4Цар.13:21). Если Дмитрий Иванович будет утверждать, что нетленное тело может быть названо костями, то он должен согласиться, что и наоборот – одни кости могут быть названы телом. Словом, у нас нет данных для решения вопроса о тлении или нетлении тела Елисея и тел, о которых упоминает ев. Матфей. Но если уже надо было-бы к чему-нибудь прийти, то, конечно, мы должны отдать преимущество выражению канонической книги Царств («кости») пред выражением неканонической книги Сираха («тело»).

Такие и подобные доказательства несомненно унижают нашу миссионерскую полемику и дают сектанту повод обзывать нас адвокатами духовенства, готовыми защищать по долгу службы всё, что угодно.

Да простит мне уважаемый Дмитрий Иванович.

Миссионер В. Базарянинов

**Крючков К., Синодальн. мисс. Из итогов моей
прошлогодной миссионерской деятельности //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 219–228

В 1902 году я, по поручению своего начальства, как и в предыдущие годы, с миссионерскою целью посещал равные города, села, деревни России. Во всех почти местах, где мне пришлось быть, я вел беседы с раскольниками, или публичные или же частные; последние, впрочем, ведутся мною чуть ли не на каждом шагу. Иногда приходилось вести беседы монологически, по отсутствию совопросников, и имея своею целью утвердить православных, большею частью единоверцев, как недавно вышедших из раскола, в истинной вере и научить их давать отповедь раскольникам, среди которых они находятся. Отношение раскольников к православной Церкви в разных местах не везде одинаково. В одном месте беседы скоро приносят плод, – раскольники тут же, после бесед, изъявляют своё желание присоединиться к Церкви, и присоединяются; в другом – последователи раскола, слыша обличения их неправоты, и после бесед еще продолжают некоторое время пребывать в нём, в ином же, несмотря на ясные доказательства губительности раскольнических сект, последователи последних упорно остаются при своём веровании. Некоторые из раскольников держатся своего заблуждения по своему, втолкованному в них с малолетства, предубеждению против Церкви, другие пребывают в расколе в силу привычки, иные же не уходят из него лишь потому, что опасаются в случае присоединения к Церкви остаться без молитвенного дома, так как по близости нет св. храма. Последнего рода раскольники есть повсюду, но особенно много их в Костромской епархии. Значительное число таковых наблюдается также в Подольской, Курской и Харьковской губерниях. На таковых раскольников, по примеру прежних лет, мною было обращено особенное внимание. После бесед они обычно соглашались присоединиться, но только, чтобы у них была потом церковь со своим причтом. В таких случаях я всегда

обещал принять участие, по их присоединении, в открытии у них прихода, приискании священника, псаломщика и устройстве храма. И всё это, когда они присоединялись, я для них, при помощи Божией и при внимании и благосклонности моего начальства, исполнял: ходатайствовал об открытии приходов, приискивал людей, которые, исполняя дело священника или псаломщика, могли бы также способствовать и искоренению раскола. Не мало было приготовлено таких лиц при Поимской единоверческой церкви. Находил я и благодетелей, которые строили храмы для присоединяющихся на свои средства. Всё это, хотя иногда и с немалым трудом и препятствиями со стороны врагов церковного мира, устраивалось для обращающихся в лоно Христовой Церкви. Опыт показал, что открытие единоверческих приходов и устройство храмов и школ церковных в местах, где есть хоть несколько человек присоединившихся из раскольников, есть самый вернейший способ к искоренению раскола. Никакая миссионерская проповедь, хотя бы и усиленная, не может с полным успехом бороться с расколом, если не будут открываться для присоединяющихся единоверческие приходы. Присоединившиеся к Церкви, хотя бы и несколько человек, всегда принесут пользу св. Церкви, если у них будет свой священник и св. храм, потому что около них живут люди, блуждающие во тьме раскола, у которых, как бы они ни были настроены против Церкви, должно возникнуть сознание своего заблуждения при виде православного богослужения. Каждый раз, при звоне колокола, раскольник поневоле вспомнит, что у него нет законного священства, что он не находится в лоне Христовой Церкви, нет у него того, что установил в своей Церкви Христос. Вот тут-то и много может сделать проповедь миссионера. Разоблачить неправоту раскола и сравнить его положение с упованием тех, которые из него ушли и имеют истинное пристанище – храм с законным священством – и сердца заблудших тронутся. Храмы единоверческие благотворно действуют не только на тех раскольников, которые недалеки от соединения со св. Церковью, но и на более отдаленных и более приверженных к расколу: видя

торжественное служение в единоверческих церквах, какого нет в расколе, и те оставляют своё заблуждение и соединяются с православною Церковью. В виду сего я, в продолжение годовой своей деятельности, главную заботу положил на то, чтобы не оставить соединенных мною или в этом году или раньше без священника и храма. У тех, которые присоединены в предыдущие годы, построены храмы и открыты приходы, об устройстве храмов и открытии приходов для вновь присоединенных в этом году также принято мною попечение: я испрашивал надлежащее разрешение на открытие приходов, принимал меры к отысканию и подготовке людей для причта, а равно – и благодетелей, которые своими средствами помогли бы св. делу. Постройка таковых храмов в некоторых местах теперь уже разрешена и начата.

Другая моя забота состояла в ведении противораскольнических бесед в разных местах России с различными совопросниками. В отчетном году мне пришлось беседовать значительно усиленнее, чем в предшествующие. Было проведено до 20 бесед с самыми выдающимися расколоучителями, каковы – Перетрухин, Пичугин, Коновалов – слепец, Усов и австрийский лжепоп Старков. Главными пунктами таких собеседований были – Тобольской губернии с. Брыминское, г. Тюмень, Пермской с. Каргопольское, г. Екатеринбург, Нижний Новгород, с. Поим, Пензенской губ. и Голяевка, Саратовской губ. Беседы с названными расколозащитниками, благодаря помощи Божией, прошли не только без урону, но и с пользой для св. Церкви. В некоторых местах тут же, после бесед, раскольники, сознав свою неправоту, заявляли публично, что они оставляют свой душепагубный раскол и просят присоединить их к св. Церкви. Так, например, в Сибири, в Тобольской губернии, после целого ряда собеседований с нетовцем Коноваловым, на другой же день по окончании бесед их было присоединено из последователей нетовщинской секты 7 человек с совершением над ними таинства св. миропомазания; в с. Голяевке, Саратовской губернии, подобно сему же, вслед за несколькими беседами, проведенными с австрийцем Перетрухиным, 87

человек публично при своём же защитнике заявили, что австрийская секта неспасительна, поэтому они уходят из неё в лоно св. Церкви. Таковые присоединения были совершаемы мною с особенным торжеством, при многочисленном собрании народа.

Первую поездку в отчетном году, в начале января, я предпринял в д. Колчевку, Кромского уезда. Орловской губернии. Здесь состоялась беседа с раскольниками поморцами, в их молельне. Слушателей было довольно много. Беседа продолжалась около 8-ми часов и прошла очень шумно. Мною было доказано, что священство в Христовой Церкви вечно, что антихрист будет человек, а не какое-либо безличное существо и что установленное Христом священство он уничтожить не может. Несмотря на ясные доказательства, обличавшие поморщину, раскольники лукаво отстаивали свои мнения и явно противились истине.

Затем, в феврале, я посетил с. Голяевку, Саратовской епархии, где и произвел публичное собеседование с раскольниками австрийцами об их незаконном священстве. Беседа продолжалась 7 часов и прошла не без пользы для православной Церкви: из присутствовавших на беседе 60 человек, последователей австрийской секты, заявили о своём желании оставить раскол и присоединиться к св. Церкви. Желание их было радостно исполнено в этот же день 11-го февраля. Присоединены они были чрез таинство св. миропомазания. Торжество было неопишное. Такой переворот в среде австрийщины в с. Голяевке вызвал то, что раскольники решили просить пресловутого Перетрухина, своего защитника, приехать и защитить их, Тут-же я с ними заключил условие относительно предстоящих бесед с Перетрухиным. Раскольники дали слово, что Перетрухин будет здесь 6-го марта, на каковой день и назначили беседу.

3-го марта я провел беседу с беспоповцами в с. Поиме о таинстве покаяния, на которой было доказано, что раскольнические наставники, как не имеющие благодати священства, не могут вязать и разрешать грехи кающихся, почему их исповедь не спасительна. Вслед за этой беседой, 5-

го марта я приехал в с. Голяевку. Оказывается Перетрухин уже живет здесь целые сутки и развращает народ, уверяя всех, что он на беседе оправдывает свою веру и возвратит назад тех, которые из раскола ушли в православную Церковь. Раскольники, вследствие такого уверения своего защитника, приободрились и заранее торжествовали победу над православием. 6–7 и 8 марта были проведены мной беседы с Перетрухиным. Велись эти беседы в православном храме в присутствии каждый раз человек до 1000 раскольников и православных. Слушатели были не только местные, но и сторонние, нарочито приезжавшие из соседних губерний – Пензенской и Тамбовской. В ведении бесед принимали участие саратовский миссионер о. Павел Соколов и единоверческий священник с. Бокур. 1 и 2 беседы были проведены о том, могут ли все епископы одновременно уклониться в ересь, так чтобы Церковь осталась с одними священниками, как это было у австрийцев в течение 180 лет? Был ли такой пример в истории христианской Церкви до 1667 года? Обе эти беседы продолжались часов по 8 каждая, но, несмотря на то, что времени было достаточно, Перетрухин на вопрос не нашел, что ответить и авторитет его в глазах его последователей значительно понизился. Мною с особенною ясностью было доказано, что Церковь одновременно лишиться епископов не может, ибо Господь обетовал – пребыть трехчинной иерархии в Христовой Церкви вечно. Раскольники к началу третьей беседы приумолкли совсем. На третьей и последней в этом месте беседе мой совопросник старался обвинить нашу православную Церковь за проклятия и мнимые порицания на обряды, старался найти ереси, но всё его старание в этом отношении осталось тщетным; его обвинения были опровергнуты и было доказано, что наша православная греко-российская Церковь чиста от ересей. Беседа эта продолжалась с 10-ти часов утра до 9-ти вечера. По окончании этого последнего собеседования к утешению сынов православной Церкви, здесь же, на месте беседы, несколько раскольников, во всеуслышание, при Перетрухине же, заявили о своём желании уйти из раскола и присоединиться к св. Церкви. Присоединение их было

совершено в тот же час: все они были помазаны св. миром. Чин присоединения совершали 8 иереев. Торжество для православных было великое. Радость раскольников была сломлена. Перетрухин на другой же день со стыдом уехал из Голяевки. Для всех присоединенных здесь предположено построить единоверческую церковь и отыскиваются уже благодетели, которые помогли бы своими средствами построению св. храма.

10-го марта я произвел публичную беседу в с. Поиме; беседа продолжалась около 6-ти часов. Раскольникам было разъяснено, что Христова Церковь никогда не лишится Богоучрежденного священства и 7-ми св. таинств, хотя бы и пришел антихрист. Совепросники мои защищались очень слабо. Наставники их совсем не ходят на беседы. Видно, что у раскольников этих осталась лишь одна привычка, а основания никакого нет.

Из Поима я непосредственно направился в с. Плоское, Херсонской епархии. Здесь 20-го марта, с местным миссионером о. Иоанном Рябухиным и московским священником о. Гребневым, имели суждение о приобретении земли под единоверческий храм – для недавно присоединившихся из раскола и решили просить начальство об отчуждении потребного количества земли (которой плосковцы раскольники ни за что не хотели отвести).

Вторично я посетил Плоское опять с о. Рябухиным же 13-го ноября. В этот же день в помещении волостного правления была проведена беседа. Раскольников собралось много, но среди них не было таких людей, которые серьезно могли бы вести собеседование. На беседе присутствовали также местный священник, о. Гребнев, и присоединенные из раскола. Беседа прошла очень шумно. Раскольники держали себя вольно, дерзко, допускали личные оскорбления и т. п. При одной из этих молелен имеются колокола и вот нашлись люди, которые, желая разогнать народ с беседы, зазвонили в колокола, а некоторые из бывших на месте собеседования закричали: «звонят! пожар!». Вслед за этим все устремились было бежать, но когда увидели, что это – обман, то большая часть из них

вернулась назад. Несмотря на злобу раскольников и противление их слышать истину, все-таки им выяснено было, что у них священство незаконное, лживое, безблагодатное, что последующие ему не могут спастись. Не все, впрочем, здешние раскольники так закоренели в своём заблуждении, есть среди них и такие, которые сознают свою неправоту и хотели присоединиться к св. Церкви, но медлят сделать это из боязни, что их будут притеснять и гнать их сородичи, каковое гонение претерпевают уже прежде присоединенные; а больше всего удерживает их в расколе неимение у присоединенных своего пристанища – храма. У раскольников плосковских молебни внутри богато обставлены, на сходы свои они стекаются по звону колокола, во всех важных случаях моление у них совершается торжественно, с хорошей обстановкой и при колокольном звоне. Естественно, при таком положении дела, трудно человеку, хотя и усомнившемуся в правильности своего верования, отстать от соблазнительного раскола, на много превосходящего своей внешней стороной скромную обстановку молитвенного дома единоверцев, приютившегося в убогой квартире священника. Имеется посему настоятельная нужда в постройке храма для недавно присоединившихся единоверцев, храм ободрит робких раскольников, готовых присоединиться к Церкви, и сломит гордость самоуверенного раскола. К настоящему времени постройка в Плоском храма решена уже окончательно. Нашлись благодетели, купцы Лопатины, купившие в этом селе две усадьбы, и пожертвовавшие их на церковь. На одном из этих мест будет построен храм, на втором предполагается выстроить здание для церковной школы. Есть благодетели, которые обещаются помочь своими средствами и постройке храма.

24 и 25 марта было проведено мною 2 беседы в с. Ровнах, Херсонской же епархии. Беседы были проведены с поморцами в единоверческом храме, при многочисленном стечении народа. Раскольникам было разъяснено, что поморская секта не составляет Христовой Церкви, ибо в ней нет Богоучрежденного священства и 7-ми св. таинств, без чего спасение верующих во Христа невозможно. Раскольники свою секту защищали очень

слабо. Беседы были шумные, но не бесполезные, так как их слушали со вниманием и интересом. Единоверцев в Ровнах до 1000, а раскольников около 1500 – обоего пола.

27 и 28 того же марта состоялись 2 публичные беседы в г. Кременчуге, Полтавской епархии, в единоверческих храмах. Раскольники г. Кременчуга – австрийцы. Слушателей на беседы как австрийцев, так и православных собралось очень много. Что говорилось на них слушали со вниманием и большим интересом, тем более, что в Кременчуге собеседований с раскольниками не было никогда. Защищать австрийскую секту выступили местные раскольники, защищались слабо. Раскольникам было доказано, что новоявленная австрийская иерархия незаконна и люди последующие ей спасения получить не могут.

Вторично я посетил Кременчуг в сопровождении о. Иоанна Рябухина в ноябре. 17-го числа произвел беседу тоже в единоверческом храме и с австрийцами же. На этой беседе так же, как и в первый раз, раскольники защищались слабо и с особенною ясностью была опять пред ними разоблачена незаконность австрийской лжеиерархии. Слушателей было столько, что довольно просторный храм был наполнен до тесноты. На православных эта беседа произвела хорошее впечатление, а защитники раскольников, когда увидели, что их доводы опровергнуты, с беседы убежали со стыдом. Противораскольнические собеседования в г. Кременчуге – дело новое. Православные кременчужане очень интересуются беседами, стараются воспринять, что говорится на них в обличение раскольников и впоследствии сами вступают с последними в словопрение о вере на улицах, площадях и вообще при встречах с ними. Единоверцы здешние не особенно были тверды в православной вере, но, присутствуя на беседах, услышали разоблачения незаконности австрийщины, о которой они ранее думали совсем другое, и утвердились в православии.

Священник местной Покровской единоверческой Церкви о. Петр Синельников принимает горячее участие в устройстве бесед.

Из Кременчуга я проехал в Курскую епархию, где 1-го апреля в с. Нижние Деревеньки, Льговского уезда, присоединил 40 человек раскольников беглопоповщинской секты. Одни из них присоединены 2-м, а другие 3-м чином. Недавно там же присоединилось еще 5 человек. Все эти присоединенные находятся среди большого количества раскольников, тоже недалеких от соединения со св. Церковью. Медлят последние присоединением только лишь за неимением в этом селе единоверческого храма. В виду таких обстоятельств предполагается в этом селе построить храм. В ноябре, при посещении г. Курска, мною подано прошение преосвященному Лаврентию о том, чтобы он вошел с надлежащим ходатайством об открытии прихода в с. Нижние Деревеньки. Отыскиваются также благодетели для построения храма.

16-го, 17-го по 18 апреля, в дни св. Пасхи, были проведены мною беседы в с. Поиме с защитником поморской секты, поимским же начетчиком, Львом Пичугиным. Пичугин – человек торговый и со средствами; среди своих поморцев он пользуется неограниченным авторитетом и славой непобедимого защитника поморщины. Славится он не только среди своих поимцев, сородичей по вере, но и в других местах, где он только бывает. Поморцы смотрят на него, как на человека, могущего дать отповедь собеседникам и защитить свою секту. В качестве защитника поморцев последние вызывают Пичугина и в другие губернии, как, например, Саратовскую, Нижний Новгород и др. В Поиме же Пичугин до последнего времени ни за что не хотел беседовать с православным миссионером. Около 17-ти лет я, каждый год, назначая беседы, посылал ему приглашения прийти на беседу и защищать свою секту, но он всегда от этих приглашений отделялся отказом, в оправдание чего говорил, что ему, как человеку торговому, занятому коммерческими делами, беседовать недосуг. Если же Пичугина попросят его одноверцы приехать куда-нибудь на сторону защитить их там, то он немедля едет туда и там беседует. В настоящем году Пичугин дал слово провести со мною несколько бесед в Поиме. Согласие это он дал лишь потому, что поимские поморцы, которых я в течение 17-ти лет ежегодно во время каждого

собеседования понуждал заставить Пичугина беседовать в Поиме, приступили к нему с настойчивой просьбой, чтобы он вышел защищать их. На беседы приехали люди из разных мест Пензенской, Саратовской, Нижегородской и Самарской губерний. Раскольники были разных сект. Имея в виду громадное стечение народа, первоначально предполагали вести беседы на базарной площади; уже было приготовлено для этого возвышение и палатка, но вследствие неблагоприятной погоды беседовать здесь оказалось невозможным, почему все беседы происходили в единоверческом храме. Первая и вторая беседы были всецело посвящены вопросу о вечности в Христовой Церкви Богоучрежденного священства. Мною, во вступительной речи, было выяснено, в какое время Иисус Христос в своей Церкви установил священство и приведены доводы из евангелия и др. мест св. Писания о вечности в Церкви Христовой этого священства. Затем совопроснику предложено было ответить на вопросы будет ли в Христовой Церкви вечно существовать Богоучрежденное священство или нет, если не будет, где писано об этом? В течение двух бесед Пичугин на этот вопрос не ответил, даже и не коснулся его. Говорил, и говорил очень много, часов по 5-ти иногда подряд, – что от еретиков, священных лиц, причащаться нельзя, совершаемые еретиками таинства недействительны и что если бы он увидел сейчас православных священников, то с любовью их принял бы и ноги их омыл слезами. Я в каждой своей речи приводил Пичугину доказательства, что священство в Христовой Церкви вечно и замечал ему, что он напрасно говорит о священстве еретическом. Если он видит у других священство еретическое, то у него-то все-таки должно быть не еретическое; а так как у него нет его, то и секта поморская – не Церковь Христова, почему и находящиеся в ней не спасутся, «зانه кроме Церкви Божией нигдеже несть спасения».

3-я беседа была о любимом раскольниками предмете – о клятвах собора 1666–67 гг. и резких выражениях о старых обрядах, обретающихся в полемических наших книгах. Об этом Пичугин читал и толковал так, как обыкновенно читают и толкуют все защитники раскола. Говорил он 4 часа к ряду. Мною

прежде всего было доказано, что за произнесение клятв, хотя бы они были положены и неправильно, Церковь Христова благодати лишиться не может. Затем было разобрано, в каком смысле были положены означенные клятвы. Когда же я еще продолжал разбирать возведенные раск. начетчиком на нашу православную Церковь обвинения, Пичугин, видя, что почва, которую он создал было себе, разом вычитав какие только мог найти обвинения на Церковь, из-под его ног ускользает, не дослушав моего разбора, поспешил уйти из церкви, за ним последовали и его приверженцы. Торжества для православных было несказанное, а на поморцев бегства Пичугина легло позором. Каждая из бесед продолжалась часов по 8–9 без перерыва. По окончании их в Поиме была такое волнение, какого еще никогда не было.

С этого времени авторитет Пичугина в глазах его последователей понизился. При встречах с православными поимцами поморцы уже перестали говорить, как бывало раньше говорили, – мы малограмотны, поди поговори с Пичугиным. Не знаю, придет ли теперь еще когда-нибудь вынудить Льва Пичугина выйти побеседовать в Поиме.

*Синодальн. мисс. Ксенофонт Крючков
(Окончание следует).*

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

Бронницкий С. Сумерки нравственной жизни. (По поводу произведений А.П. Чехова) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 229–237

А.П. Чехов – писатель по преимуществу настроения, писатель «будничной», серой жизни, где редко-редко промелькнет светлый луч, к которому тянется живая душа человеческая. Да и «живых»-то людей, ищущих света и правды, очень мало у Чехова, почти нет. Чеховские типы, с «вопросами» и без «вопросов» (а их так много и так они разнообразны по своим душевным склонностям) – преимущественно скучающие люди. Скука – вот причина, почему одни из них сплетничают, лгут, доносят, льстят; а другие шатаются по гостям, играют в карты, пьянствуют; третьи любят всякие церемонии – похороны, свадьбы, юбилеи, где говорят бессодержательные, иногда и прямо обидные речи, – всё это делают люди просто от скуки. Другого они не могут делать или не хотят, а вернее – боятся делать. Боятся, напр., искать правды и защищать её примером личной жизни; боятся «широкого просвещения» и разных «прогрессивных» начинаний; боятся школ и искренних речей, – словом – боятся «света», а потому принуждены ограничиться подобными мелочами и даже с каким-то удалством всасываются в бездонное житейское болото...

Впрочем, в разнообразной плеяде чеховских типов найдутся люди, которых ни в каком случае нельзя причислить к скучающим. Это та пестрая группа лиц, состоящая из канцелярских чиновников, аптекарей, писарей, которая стоит вне широких общественных задач и не ломает головы над разрешением мудреных вопросов. Люди эти не праздны и потому избавлены от скуки. У них есть дело, – они трудятся и даже много; трудятся некоторые, любя своё маленькое дело. Кроме того, у них существуют свои семейные, служебные обязанности, исполнение которых для многих становится законом. Наконец, некоторых из них можно назвать верующими людьми. У них есть известные нравственные устои. В общем впечатление от таких благодушно-юмористических рассказов, в

которых описывается жизнь маленьких людей в тех или других её проявлениях, получается более или менее мягкое, именно – благодушное.

Совсем не то впечатление получается при чтении крупных произведений Чехова, где описываются люди, стоящие на уровне современного умственного развития, у которых, поэтому, и кругозор шире, да и свободного времени от занятий больше. Они не имеют нужды беспокоить себя и терпеть неприятности из-за насущного куска хлеба; они не рискуют тем, что завтра, по капризу «высшего начальства», могут остаться не у дела; к их услугам – театр, книги и проч. «благородные» развлечения. А между тем – это самые скучные, самые неуравновешенные, тоскующие люди. «В 30 лет уже похмелье, – ноет Иванов (Др. «Иванов»), – я уже надел халат. С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, – без веры, без любви, без цели, – как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю – кто я, зачем живу, чего хочу».

«Сама по себе жизнь скучна, грязна, – жалуется другой чеховский герой – Петров, – затягивает эта жизнь... *Чувства как-то притупились, ничего мне не нужно, никого я не люблю...* Среди отчаянной скуки вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна, слышатся одни пошлости»...

Но почему-же *скучно* нашему интеллигенту? Почему он так сумрачно смотрит на весь строй современной действительности? Да все потому, что он привык жить *по шаблону*. «Выбирайте, убеждает тот же Иванов, что-нибудь заурядное, без ярких красок, без лишних звуков. *Вообще всю жизнь стройте по шаблону*. Чем серее и монотоннее тон, тем лучше... Не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас Бог от всяких рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте своё маленькое Богом данное дело... Это теплее, честнее и здоровее».

Жить, как живут Ивановы, Астровы и как многие живут, жить по шаблону, – для некоторых немногих всё равно, что отказаться от жизни. Нельзя, действительно, не согласиться с

автором, что все эти мучительные, неразрешимые вопросы о жизни давят нас своею тяжестью именно потому, что мы привыкли жить по шаблону; это общее недомогание, которого не могут не чувствовать более или менее впечатлительные натуры, этот огромный и с каждым годом увеличивающийся в нашем обществе контингент неврастеников и многое другое, страшно ненормальное, болезненное – суть следствия шаблона. По шаблону мы привыкли воспитывать, обучать своих детей; по шаблону заботимся и о последующей их судьбе. По шаблону мы верим в Бога и не верим в Него. В первом случае мы молимся, исполняем церковные обряды, мало осмысливая и почти не осмысливая то, что мы делаем: во втором – мы смеемся над молитвами и обрядами, громогласно заявляем о своём неверии, но в оправдание этого неверия приводим, однако, только избитые общие места, свидетельствующие о нашей нравственной лени, скудости ума и пустоте душевной. Нет этого отжившего «мещанского идеала», этой рутины никто из мало-мальски мыслящих людей принять не может.

Есть-ли, однако, эти мыслящие люди у Чехова, ищущие правды и примером личной жизни свидетельствующие о ней? Несомненно, самый симпатичный в нравственном отношении тип представляет собою Соня в «Дяде Ване». Она верит в Бога, любит людей и жалеет их, в особенности тех, кто не находит в своём сердце ни веры, ни любви, для которых жизнь, поэтому, потеряла всякий смысл.

В самом деле, какую глубокою и вместе детскою верою, какую жалостью проникнута её речь, обращенная к разочарованному «дяде». «Мы, дядя Ваня, – говорит эта добрая девушка, – будем жить, – проживать длинный ряд дней, долгих вечеров, будем терпеливо сносить испытания... будем трудиться для других... а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько; и Бог сжадется над вами, и мы с тобою, дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, – мы обрадуемся, и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнем. *Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... Мы отдохнем!*» (Курс. везде наш).

Вот в том-то и весь трагизм жизни, что у современного интеллигента нет этой веры, которая дает возможность не только «терпеливо сносить испытания», но и окрыляет людей на подвиги, на жертвы... «Сколько бы я ни думал, – рассуждает старый профессор в рассказе Чехова «Скучная История», – и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моём пристрастии к науке, в моём желании жить, в этом сидении на чужой кровати и стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие составляю обо всём, нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое... Каждое чувство и каждая мысль живет во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинах, которые рисует моё воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей и Богом живого человека. А если нет этого, то, значит, нет ничего»...

Если Бога нет, «то, значит, нет ничего» – для верующих это аксиома. Но с тем определением Бога, которое дается в вышеприведенных рассуждениях «ученого», согласиться нельзя. Во-первых, – что такое мои мысли, мои чувства, мои желания, моё пристрастие к науке? Во-вторых, – почему объединяющая всё это «общая идея» может быть «Богом живого человека». Мои чувства могут быть альтруистичны и эгоистичны, добрые и злые, возвышенные и низменные, а равно мои желания и стремления могут быть вызываемы противоречивыми мотивами. Но допустим, что все мысли, чувства и понятия мои направлены к одной возвышенной цели – к исканию истины. Но разве искания истины служат ответом на вопрос, что называется Богом живого человека? Истину ищут многие из «живых» людей, тоскующих по ней; но, разумеется, идут к ней разными, часто взаимно уничтожающими друг друга путями, и потому, что для одного будет истина, для другого окажется противоречием ей, ложью. Так, по мнению старого профессора, его Бог будет та «общая идея», которую он ищет и которую не знает – как определить, а по нашему мнению – эта «общая идея» есть просто синтезирующий ум или разум,

возведенный в божество теми, кто отрицает веру в Высший Разум.

Чехов в лице старого профессора, несомненно, обрисовал один из тех нарождающихся типов, которые, по-видимому, начинают *искать Бога*. Прежние так называемые «прогрессивные идеалы», которые заменяли *веру* и открывали двери для «широкой общественной деятельности», этих людей уже не удовлетворяют. Да и сам автор ко многим из названных идеалов, заметно, относится отрицательно. Для примера возьмем, положим, идеалы народничества. Отличительной чертой этого интересного движения интеллигенции должно признать особенное, как бы мистическое настроение народников в отношении мужика. Последний был возведен на высокий пьедестал и украшен всеми нравственными добродетелями; чрез мужика даже думали «народолюбцы обрести своё спасение... Теперь посмотрите на «мужиков» Чехова и сопоставьте их с прежними «пейзанами, добрыми поселянами, благонравными рассудительными». Какой резкий контраст! Чеховские «мужики» грубы, невежественны, крайне суеверны, а главное – пьяны и буйны!

Правда, автор не пожалел в данном случае теневых красок, но и тогда, однако, нужно признать за факт этот страшный народный недуг, – пьянство и в пьяном виде озорство. Последнее главным образом наблюдается среди «нового типа» крестьян из рабочих. Известно, что этот тип страшно интересуется современных передовых людей, интересуется, разумеется, не пьяный, не озорник, а тот, *кого ждут из него: он* должен быть не только грамотен, но и начитан, с критическим отношением ко многим явлениям жизни, – к тому, что прежде сермяжным мужиком принималось на веру.

Это мечта, это идея, если хотите, – это вера – ждать появления «нового человека» из народа, который должен быть бесконечно развитее дореформенного крестьянина. Культурный рабочий, в свою очередь, обязан культивировать темную деревенскую среду и тем поднять её как со стороны экономического благосостояния, так и со стороны умственного развития. Однако ничего общего с подобной мечтой русских

«марксистов» Чехов не имеет. Напротив, в своей известной повести «В овраге» он совершенно дискредитирует эту идею. Жизнь фабрики в том виде, как она описывается Чеховым и как она в большинстве случаев бывает, далеко не представляет благоприятных условий для развития интеллигентности среди фабричных. «Здесь, – замечает автор, – всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выделке ситцев... вода в речке часто становилась вонючей; отбросы заражали луг, крестьянский скот страдал от сибирской язвы»... Разумеется, страдали здесь и те «испытые, слабые мужики», которым в табельные дни или в престольный праздник сбывали «протухлую солонину с таким тяжким запахом, что трудно было стоять около бочки».

Но еще более страдали они и нравственно и физически – от пьянства («одурманенные плохой водкой»), разврата... Такова, по Чехову, жизнь фабричная.

Немудрено, что на этой почве, вместо интеллигентных рабочих, возрастают «босяки», отбросы общества, в роде, напр., «Сережки (Расск. «Художество»), малого лет тридцати, «пьяницы и лентяя», который страшно кичится своим «художеством» и, поэтому, «презрительно относится к Матвею, благообразному старику». Вот вам и «новый тип», с которым, между прочим, знакомит нас современная беллетристика в лице Горького в Скитальца.

Отчего же и в народе появилась эта слабость – влечение к пьянству и к другим порочным художествам? От дурных, скажут, внешних условий его жизни, – которые, по-видимому, подчеркивает Чехов в рассматриваемой нами повести, и вообще от всего дурного строя современной действительности, на который так сумрачно смотрит автор?

Нам кажется, – это не совсем так! Причина упадка духа – как в интеллигенции, так и в народе – лежит глубже, а именно в том, что люди думали устроить свою жизнь *помимо Бога*, добиться счастья исключительно собственными усилиями. А счастье всё бежит и бежит от нас.

В народе сознание, что «без Бога не до порога», – еще не совсем утеряно. Замечательно, что у Чехова наиболее

симпатичные типы – те именно, у которых имеется хоть какая-либо вера в Бога, вера в добро. Подобно верующей Соне, в вышеупомянутой повести, «В овраге» – выводятся еще две женщины – Варвара Николаевна и Липа. Обе они из народа. Набожная Варвара Ник. очень грустит, что богатые Цыбукины живут совсем не по Божьи. Главное – «уж очень народ обижают» они! «Сердце моё болит, дружок, жалуется она пасынку, – обижаем как и Боже мой!»

И Вар. Ник., по доброте своего сердца, насколько возможно, старается облегчить положение «обижаемого» Цыбукиными народа. При ней «во двор, чего раньше никогда не было, стали заходить нищие, странники, богомолки; слышались под окнами жалобные, певучие голоса уклевских баб и виноватый кашель слабых испитых мужиков, уволенных с фабрики за пьянство. Варвара помогала деньгами, хлебом, старой одеждой»...

Варвара Николаевна и «кроткая, испуганная душа» Липы – это светлый луч в «темном царстве». Чехов и сам, по-видимому, отдыхает душой на подобных более или менее отрадных явлениях жизни. Минутами он готов проникнуть в эти чувства-народные, которые среди житейской суеты и «безутешной скорби» укрепляются верою в правду Божию, живущую на «небе» и промыслительно действующую на земле.

«И как не велико зло, рассуждает автор, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждет, чтобы слитые с правдой, как лунный свет сливается с ночью»...

Но почему-же, однако, современному интеллигенту, «стоящему на перепутье», не идти дальше и не искать выхода из своего критического положения именно путем той веры, которой живет народ? Ведь положение его, поистине, ужасно! Чехов, так сказать, констатировал зло, которое в изобилии скопилось в жизни образованных людей, подвел общий итог, – и картина получилась удручающая! одни пьянствуют, развратничают, сплетничают; другие – «ноют»; третьи думают лишь о карьере и чинах; четвертые обделывают мелкие и крупные делишки, противные, как говорится, и Богу и добрым

людям, и при этом «не чувствуют ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление»; наконец, пятые в безнадежном отчаянии прибегают даже к самоубийству...

Сколько зла! И отчего не бежать из этой темной ночи, повергающей людей в уныние, тоску, отчаяние, – к источнику света – к Богу и Христу Его, «просвещающему всякого человека, грядущего в мир?»»

Ведь, кажется, всё было испробовано сделать для счастья жизни, что можно было сделать силами человеческими, – всё, чего ожидали люди от науки, искусства, философии и литературы. С этой целью, как справедливо замечает священник Петров, всюду «множились школы, росли университеты. Строились новые художественные музеи и галереи. Библиотечные шкафы ломаются от толстых философских произведений. Правда, Россия в смысле просвещения, в особенности народного, уступает во многом западной Европе. Но дело в том, когда вдумаешься в жизнь последней, когда читаешь, как в самых культурных странах самые передовые люди нагло торгуют печатным словом; когда видишь, как всюду сильный народ давит слабое племя; когда узнаешь, что творят европейцы в колониях, – ужас берет»! Между тем «просвещенная Европа» всегда была и во всем – даже в дурном – примером для закоренелых наших «западников». Вспомним необыкновенное у нас увлечение разными идеями, заимствованными от запада, в знаменитую эпоху 60-х годов!

Нет сомнения, что некоторые из этих идей, проведенные в общественную жизнь, принесли огромную пользу делу. Большую услугу оказала народу, напр., «освободительная литература». Ведь она была предвестницей 19-го февраля и других великих реформ! Она в этом направлении развивала общественное сомознание; она, затем, горячо ратовала за просвещение, за изгнание розог из школы, за уважение к личности и за гуманность вообще, – вот то, что было сделано лучшего для жизни в первую половину истекшего столетия! вот, м. б., почему многим, наиболее увлекающимся натурам, тогда казалось, что скоро наступит золотой век. Даже такие талантливые люди, как

Писарев, горячо верили в достижение всеобщего счастья, которое, по его мнению, должно последовать с распространением естественно-научных знаний в русском народе. «Это главное, думал он, – если наш народ будет умен и здоров, то что ему мешает быть во всех отношениях счастливым»?!

Главное-ли *это*? – задают теперь вопрос многие-многие интеллигентные люди, подобно «старому профессору», стоящие на перепутье и ищущие Бога. Мы говорим *теперь*, потому что материалистическое миропонимание точно какой-то кошмар целые десятки лет затемняло сознание образованного общества. Но теперь, кажется, настает пора подведения итогов одностороннему общественному развитию, которое связано с поразительными успехами техники, изобретений и открытий. Именно теперь – настало время проверки и критического отношения к верованиям интеллигенции, воспитанной семьей, школой и товариществом в позитивном направлении. Весь вопрос в следующем, что, хотя жизнь, быть может, и прогрессировала с внешней стороны, но во внутреннем, духовном строе её всё больше и больше сгущался мрак, и в конце концов – что же мы видим? Мы видим, что люди, принадлежащие к образованному классу и мечтавшие когда-то о близком счастье, вдруг оказываются самыми несчастными! Это те, которые, по характеристике Чехова, не чувствуют ни любви, ни жалости к ближнему; это те, которые живут без веры и без цели: это, наконец, те, которые завидуют бродягам, ворах и даже тяжким преступникам, «совершающим без зазрения совести какое-нибудь страшное преступление, убивают, отравляют»!! Какой в самом деле мрак! Дальше этого, кажется, идти уж некуда.

«Свет и во тьме светится, и тьма Его не объят». Свет Христов светит прежде всего в тех добрых душах, которые «горячо», сильно веруют в Него и по вере, с помощью Божией, стараются устроить как своё собственное спасение, так и спасение ближнего. Для таких людей внешняя культура, будет-ли то одностороннее умственное развитие или материальное богатство, – уже не составляет счастья. Главное для таких

людей есть полнота духовной жизни, – религиозно-нравственный подъем в самоусовершенствование личности, словом – истинное счастье, по вере этих людей, заключается в святости жизни. «Царство Божие внутри вас есть». «Царство Божие есть правда, и мир и радость о Св. Духе». Вот идеал, к которому тяготеют лучшие люди даже в наше смутное в религиозно-нравственном отношении время. Правда, таких горячо верующих людей ныне немного и они едва заметно проскальзывают в литературе. Но несомненно есть люди, стремящиеся к истинному свету, – есть типы, ищущие Бога, и *тоскующие* по утраченным нравственным идеалам, которые-бы вместе с властным словом религии установили положительное направление в жизни и окрылили человека на подвиг. «Где у него (современного человека) те идеалы, ради которых он пошел бы на подвиг?» – часто теперь спрашивают «герои» современной беллетристики. «Вот почему живет так бедно и скучно, вот почему обессилел в человеке дух творчества... Некоторые слепо ищут чего-то, что, окрыляя ум, восстановило бы веру людей в самих себя (?). Часто идут не в ту сторону, где хранится всё вечное, объединяющее людей – где живет Бог»...

Это правда, что многие бродят еще в потемках, – колесят вкривь и вкось: тут и ницшеанство, и толстовство, экономический материализм, как пережиток прошлого, и рядом с ним идеализм. В общем пока еще сумбур. Но сквозь эту «гущу жизни» проникают, однако, довольно сильные авторитетные голоса, которые убеждали и убеждают мятущуюся туда и сюда интеллигенцию – *возвратиться к забытому нами пути*.

Хотите-ли найти истину, говорил покойный Вл. С. Соловьев, – созерцать добро, высшее благо и красоту, – идите по пути Евангелия, уверуйте в Того, Кто есть «путь, истина и жизнь». Христос – вот Кто должен стать объединяющим центром духовных сил наших – и в религиозном подъеме общества, и в нравственном усовершенствовании каждого. Мы ищем Бога, но «в Нём, во Христе, вся полнота Божества обитает телесно. Помимо Христа, Бог не имеет для нас живой действительности. К Христу тяготеет и вся наша личная религия, на Нём же основана и общая вселенская религия».

Будут-ли эти голоса верующих людей из интеллигенции иметь силу убедительности – покажет будущее. Но важно уже то, что в наше безвременье эти голоса громче и громче раздаются. Даже и «свободные» мыслители, после долгих скитаний, пришли наконец к заключению, что «учителем должен быть не Шопенгауэр, не Ницше или какой-нибудь, созданный блуждающей во тьме верой, идол, а Учитель из Назарета».

Поистине, только чрез веру во Христа современные образованные люди выйдут из своих противоречий о смысле жизни; – только одна благодать Христова может нравственно возродить упавшую духом интеллигенцию!...

С. Бронницкий

Н. В. [Рец. на] Проф. д-р мед. А. Шилтов. Мысли о Богочеловеке (с философской и естественно-научной точек зрения). Естественно-научная апология христианства. Изд. второе, 1903 г. (Харьков) 96 стр. Ц. 50 к. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 237–240

В книге проф. Шилтова содержится: «Ветхозаветные пророчества о Мессии и их исполнение на Иисусе Христе» (стр. 1–14); сравнительно подробно автор останавливается только на двух пророчествах – Исаии о рождении Еммануила от Девы и Даниила о семидесяти седминах. «Цель и значение воплощения» (стр. 14–17): приводятся мысли по этому предмету Вл. Соловьева и Генри Друммонда. «Отличие Христа от обыкновенного человека» (стр. 17–22): мысли и изречения Руссо, Канта, Гете, Пирогова и др. «Интеллектуальная сфера Богочеловека» (стр. 22–28): опровергается мнение, будто Христос был религиозным маньяком, и доказывается, что, напротив, Он был носителем сверхчеловеческой, божественной мудрости. «О евангельских чудесах» (стр. 28–66): опровергаются мнения относительно сходства евангельских чудес со спиритическими явлениями и гипотеза о мнимой смерти Иисуса Христа; приводятся медицинские доказательства в пользу действительности последней; чудо воскресения Христова; разбор и опровержение визионерной и легендарной теорий; чудо воскрешения Лазаря; свидетельства иудеев в пользу достоверности евангельской истории. «Заключение» (стр. 67–80): религиозный опыт, как средство религиозного воспитания; причины религиозного индифферентизма. «Послесловие» (стр. 81–86).

Заканчивая свой трактат, проф. Шилтов в послесловии к нему находит необходимым заверить своих читателей, что и теперь в пожилом возрасте он еще, благодаря Бога, обладает «нормальным мозгом и нормальным рассудком» и может «поговорить (и) дебатировать о высших материях с молодыми

мудрецами, не обнаруживая никаких признаков старческого слабоумия». «Это, говорит профессор, необходимо для того, чтобы рассеять сомнение у тех, которые, прочитав мой труд, могут составить обо мне такое же ложное мнение, как некоторые ученые мои собратья, которые высказались недавно частным образом... что человек в таком пожилом возрасте, как пишущий настоящие строки, в интеллектуальном отношении слабеет и его мозговая деятельность подвергается обратному развитию или регрессу» (стр. 85, 83). Очевидно, сам автор не высокого мнения о своём труде, если боится, что, прочитав последний, иные могут усомниться в нормальности его рассудка.

Действительно, труд проф. Шилтова очень слаб. Прежде всего в нём, за двумя исключениями, о которых скажем далее, нет ничего оригинального. Значительную часть его содержания представляют простые выдержки из сочинений разных ученых, философов и писателей, а остальная часть, где автор говорит от своего имени, не дает ничего такого, чего мы не нашли бы в любом курсе христианской апологетики. Затем, вопросам, о которых трактуется в книге проф. Шилтова, дается такая примитивная постановка, в какой эти вопросы, при всей их исключительной важности, никого в настоящее время заинтересовать не могут, кроме разве начинающих студентов или лиц, никогда богословием не занимавшихся. Вообще же, при наличии в нашей литературе нескольких хороших курсов апологетики и специальных исследований и рассуждений по тому предмету, о котором взялся писать проф. Шилтов, труд последнего оказался по меньшей мере излишним.

Оригинальными, т. е. принадлежащими самому автору рассматриваемого труда, являются его, как специалиста медика, рассуждения о причине смерти Иисуса Христа, или, вернее, приводимые им медицинские доказательства действительности смерти Христа. Доказательства эти изложены довольно запутанно, сущность же их может быть выражена в следующих положениях. Из того факта, что из прободенного ребра Спасителя истекли кровь и вода, можно сделать только два вывода: 1) что острием копья были пробиты плевра и

околосердечная сумка, из которых и истекла, смешиваясь с кровью, физиологическая жидкость, liquor plevrae et pericardii, или же 2) что копьем было ранено легкое и кровь истекла из сосудов легкого, а водянистая жидкость – из легочных альвеол или пузырьков (предполагается при этом отек легких, как следствие предшествовавших жестоких страданий). Как в том, так и в другом случае рана для обессиленного предшествовавшими мучениями Страдальца, если бы Он даже не умер до этого времени, как утверждают отрицательные критики, а только находился в глубоком обмороке, должна была оказаться безусловно смертельной.

Другой оригинальностью в трактате проф. Шилтова представляется высказываемая им идея воспользоваться медиумизмом, спиритизмом, сомнамбулизмом и телепатией, которые все он объединяет названием «экспериментальной сверхчувственной психологии», как средством религиозного воспитания юношества. «При объяснениях учащимся христианского учения, рассуждает автор, прежде всего необходимо, в видах приготовления и ясного уразумения христианских истин, ознакомить их с явлениями высшего порядка, т. е. с сверхчувственными явлениями». А для этого «необходимо ввести в программу наших средне-учебных заведений преподавание теоретической и сверхчувственной психологии»; к области последней относятся: «опыты действия воли и мысли на расстоянии», а также «все гипнотические и сомнамбулические феномены, признанные в настоящее время большинством ученых» (стр. 67–72). Автор придает этой своей идее настолько важное значение, что даже находит нужным познакомить своих читателей с некоторыми опытами внушения, которые он сам производил над своей супругой и знакомым подпрапорщиком. Но опыты внушения невинных пустяков, хотя бы и почтенной супруге профессора, не имеют решительно никакого отношения к тому высокому предмету, о котором профессор взялся трактовать в своей книжке. А идея воспитания в учащихся религиозного чувства путем «опытов действия воли и мысли на расстоянии» и изучения

«гипнотических и сомнамбулических феноменов» должна быть признана прямо дикою.

В общем от чтения книжки проф. Шилтова получается какое-то грустное впечатление. Видишь пред собой почтенного человека, который взялся не за своё дело, искренно старался сделать это дело хорошо, а в результате получился какой-то уродливый плод любительского богословствования, в котором и последний крик научной моды, в виде опытов действия воли и мысли на расстоянии, и рядом полнейшая неспособность подняться выше азов трактуемого предмета.

Н. В.

Григорьев А. [Рец. на] П.И. Нечаев. Практическое руководство для священнослужителей или систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав. Издание восьмое, измененное и дополненное новейшими постановлениями по духовному ведомству. С.-Петербург, 1903 г. Цена 2 р. 20 к., с пересылкой 2 руб. 60 коп. Продается у автора, С.-Петербург, Кабинетская 17, кв. 23 // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 240–242

С глубоким сочувствием и приветом должно отнестись к вышедшему недавно 8-му изданию названной книги. Автор её давно уже стяжал солидную известность своими добросовестными и серьезными работами в области церковно-служительской практики, систематизацией постановлений по духовному ведомству, общедоступным и в то же время всесторонним выяснением апостольских правил и т. д. Поэтому, книга, заглавие которой обозначено в начале настоящей статьи, уже в своих предшествующих изданиях была широко распространена среди православного духовенства. Эту книгу можно было встретить в каждом захолустном доме, в любой церковной библиотеке и в кабинете у каждого священника. Со времени последнего (VII) издания книги (в 1900 году) по духовному ведомству было обнародовано много новых постановлений, имеющих весьма важное практическое значение для духовенства. Внимательно наблюдающий за развитием нашего церковного законодательства и по своему положению находящийся до некоторой степени в курсе этого дела, почтенный автор озаботился пересмотреть вновь свою книгу и сделать в ней соответствующие добавления, сообразно с позднейшими узаконениями. Статьи VI-го, IX-го и I части X-го тома Свода законов процитованы по последним официальным изданиям этих законов. В наше время высшим духовным начальством обращено особенное внимание на просветительную деятельность священника. Точно также в

периодических светских и духовных изданиях всё чаще и чаще находим призывы к усилению пастырской миссии нашего духовенства. В виду этого почтенный автор сделал значительное дополнение в отделе о просветительной деятельности священника (§§ 47 и 48). Дополнены и другие особенно важные в священнослужительской практике пункты, а именно о наблюдении за правильным изображением икон (52), о праздниках церковных (55), о письменных документах, необходимых для совершения брака (82), о родстве духовном и физическом (87), о браках смешанных (93), о расторжении браков (95), о погребальных обычаях (98), о церквях домовых (110), о церковных землях (116), о движимом имуществе церквей (117), о ведении метрических записей (122), о материальном обеспечении духовенства (129) и о наградах (133). Постановления о гербовом сборе (§ 125) изложены по новому уставу и дополнительным к нему разъяснениям Министерства Финансов. В «Приложении» в книге существенно изменен и дополнен отдел «о церковных школах» и епархиальных училищных советах; причем указаны новые образцы свидетельств об окончании курса в церковных школах. *Вновь помещены:* «Инструкция» настоятелям церквей, «Положения» о пенсиях и единовременных пособиях епархиальному, военному и морскому духовенству и временное «Положение» об учебных иконописных мастерских.

Чем дальше идет время, тем более и более осложняется наша гражданская и церковная жизнь; возникают новые запросы и потребности, различно преломляясь в современной среде, с установившимися обычаями и формами жизни. В результате появление массы «недоуменных вопросов» в священнослужительской практике относительно того, как поступать при разного рода коллизиях, «совпадениях» и т. п. казуистических фактах, возникающих на фоне чрезвычайно осложнившейся жизни. Надо быть признательным духовным журналам, облегчающим затруднительное положение нашего духовенства чрез посильное разрешение таких «недоуменных вопросов».

Само собою понятно, почтенный автор рассматриваемой книги, как специалист этого дела, с особенным сочувствием относящийся к помощи духовенству при недоуменных случаях, не мог в своей книге пройти мимоходом этот важный предмет. И, действительно, вот что говорит он о сем в предисловии к своему прекрасному труду. При пересмотре книги были приняты во внимание и появляющиеся в наших духовных журналах разные недоуменные вопросы. Но да не смущаются наши читатели, если бы разрешение некоторых из таковых не совпадало с так называемыми «ответами» от разных редакций. «Мы, избегая полемики, старались обосновывать свои указания на точном смысле церковных правил, и действующих узаконений».

Отсюда легко видеть всю ценность церк.-практических указаний и разъяснений почтенного автора. Его указания являются результатом добросовестного анализа церковных правил и узаконений, логически вытекая из внутреннего содержания оных, а не какие-нибудь поверхностные, смутные суждения, где пустота (или самопротиворечивость) внутреннего содержания плохо прикрывается «извитием словес» и диалектикой...

В своих церк.-практических указаниях автор не замыкается в «исключительно» практическую, узкую сферу, но старается по возможности и о всестороннем пополнении церковно-практических сведений священнослужителей. Вот как говорит об этом сам автор: «Если в нашей книге приводятся иногда и такие церковные постановления, которые теперь, почти утратили своё практическое значение, то это делается нами единственно потому, что книга наша предназначается в руководство православным священнослужителям, коим подобает ведать не только то, что *юридически обязательно* для них, но и то, что может представляться лишь *желательным* для них с чисто-церковной точки зрения, например – каноническое запрещение детям православного духовенства вступать в брак с иноверцами (VI всел. соб. прав. 14, Карф. 30 и Лаод. 10) и т. п.

Из сказанного ясно, какой живой, глубокий и всесторонний интерес представляет данная книга для нашего духовенства.

Настойчиво рекомендуем её вниманию наших священнослужителей и надеемся, что почтенные оо. иереи озаботятся приобрести её в церковные или собственные библиотеки для необходимых справок.

А. Григорьев

Хроника

Цыганов В., свящ.-мисс. Миссионерство секты и раскол. Современное состояние раскола и сектантства и деятельность православной миссии в Екатеринославской епархии за 1902 год. – Новый австрийский лжеепископ Иннокентий (Усов) на беседе 15-го июня в д. Елесине. Семеновского уезда, Нижегородской губернии // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 243–254

I
Общее число раскольников в Екатеринославской епархии простирается до *девяти тысяч* душ обоего пола.

По своим религиозным убеждениям местные раскольники разделяются: на австрийцев-окружников и противоокружников, безпоповцев и беглопоповцев. Первое, по численности, место принадлежит окружникам, проживающим в сс. Городище, Ольховатке, Орехове и гг. Ростове и Екатеринославе; за окружниками следуют противоокружники; остальных-же толков самая незначительная часть.

Из всех раскольничьих толков австрийцы наиболее фанатичны. Австрийская местная «иерархия», по-прежнему, изощряется в присвоении себе прав православного духовенства и старается даже внешним своим видом походить на православного священника, что вызывает ропот среди православных крестьян, живущих в местах, зараженных расколом. Темная же масса австрийцев слишком туго поддается воздействию православной миссии, потому что искусно опутана сетями своих руководителей. Последние намеренно держат своих пасомых во тьме и всячески вооружают их против православия, так как оно не признает за ними *права пасти* стадо Христово, а, следовательно, что особенно важно для них, и *права жить* от благовествования. Между тем раскольничьи руководители издавна привыкли не только жить от даяний своей паствы, но и всячески эксплуатировать её материальными благами. В целях укрепить в расколе своих пасомых и привлечь

в раскол православных, раскольничьи «иереи» пускаются на всё, лишь-бы угодить крестьянам, так: они венчают без соблюдения законных формальностей местных и даже пришлых крестьян и притом венчают 13–14 летних «отроковиц» с 12–16 летними подростками!... В тоже время они усиленно распространяют в народе слухи, что правительство якобы скоро даст раскольникам такую-же свободу, какую пользуется в России и Церковь православная, и для подтверждения этих слухов пускают в подпольное обращение среди крестьян мнимый циркуляр г. Министра Внутренних Дел Д.С. Сипягина!... А для большего успеха пропаганды раскола в изобилии распространяют среди крестьян подпольные сочинения раскольничьих писателей, испещренные хулами на православную Церковь.

Темная масса раскольников в отчетном году весьма плохо посещала миссионерские беседы, повинувшись в данном случае и прямому приказу своих вожаков. Последние, убедившись в огромном вреде для раскола от публичных бесед с миссионерами, почти перестали ходить на эти беседы и тоже приказывали делать и рядовым раскольникам. Это обстоятельство вызывало сильный ропот среди многочисленных православных слушателей, страдающих от закулисной пропаганды раскола.

Лишь благодаря тому, что местная миссия и кроме публичных бесед, по-прежнему, употребляла многообразные способы пастырского воздействия на заблудших, а также неусыпно стояла на страже и своих православных овец, в отчетном году не было ни одного случая совращения в раскол. Напротив, были кое-где единичные случаи возвращения из раскола в православие и, сверх того, в среде раскольничьей молодежи замечалось охлаждение к расколу, тщательно скрываемое от взоров раскольничьих стариков.

II

Сектантство в пределах Екатеринославской епархии представляет два типа религиозных заблуждений: мистический (хлысты) и рационалистический (штундисты).

А) *Хлысты или шелапуты* появились в епархии в начале 60-х годов прошлого столетия, главным образом с Кавказа и соседних епархий: Полтавской и Донской. Общее число хлыстов достигает 700 чел. обоего пола. Должно заметить при этом, что секта хлыстов – секта *тайная, и точная* статистика её последователей невозможна. По-прежнему хлысты тщательно скрывают своё еретичество под обликом внешней преданности православной Церкви и любезной предупредительности к её пастырям. Их вероучение и нравоучение, за небольшими исключениями, остаются теми-же.¹⁵ Наибольшим фанатизмом и стремлением к пропаганде, даже открытой, отличается Койсугская община хлыстов и особенно представитель её крестьянин Иван Бакланов, более двадцати лет пребывающий в хлыстовщине и за последнее время усиливший свою пропаганду, пренебрегая всеми мерами вразумления его. Видное место среди местных хлыстов занимают и Ольховатские «воздержники», но только они менее других фанатичны и иногда не прочь предавать гласности тайны своего «упования». За последние годы хлыстовщина в епархии значительно ослабела, а во многих местах и совсем затихла. Ослабевают она даже в Ростовском округе и Славяносербском уезде, о чём скорбят её вожаки в переписке с инопархиальными хлыстами.¹⁶ В отчетном году в Ростовском округе (в селе Батайске), даже были случаи присоединения к православию из *закоренелых* хлыстов.¹⁷

Б) *Штундисты* появились в пределах епархии также в 60-х годах прошлого столетия и ныне общее число их в Екатеринославской епархии достигает до 1.100 чел. обоего пола, в том числе много пришедших из других епархий; вследствие множества в епархии торговых пунктов, заводов и рудников, куда стекаются ежегодно тысячи рабочих из разных мест России, точная статистика *пришедших* штундистов невозможна.

В вероучении Екатеринославских штундистов в отчетном году произошли резкие перемены, так: во 1-х, штундисты близ г. Мариуполя (в дер. Волонтеровке), во главе с крестьянином Паталахом, и в гор. Таганроге, под руководством Ильи

Сидоренко, ввели у себя пресный хлеб для преломления и обряд омовения ног, заразились сильным хлыстовским мистицизмом, отринули чествование праздничных дней и усвоили православный взгляд на хлеб и вино в таинстве св. причащения, во 2-х, штундисты Натальевского прихода (Александров, уез.), во главе с богатым подрядчиком и ярым пропагандистом Романом Юркиным, ввели у себя празднование субботы, вместо воскресного дня; в 3-х, в Горловке (Бахмут. уез.) появился духовный толк штунды и, наконец, в 4-х, среди многих штундистов реют толстовские воззрения на личность Иисуса Христа и Божией Матери.

Под влиянием прежних события в соседних губерниях: Полтавской и Харьковской, среди Екатеринославских штундистов, главным образом работающих на немецких заводах г. Александровска, где в изобилии были разбросаны мятежнические прокламации, усиленно высказывались социально-экономические и противоправительственные бредни (напр., штундист Гр. Г-ов на заводе Л. и В.), что вызывало единодушный протест со стороны православных рабочих на тех же заводах. В тоже время почти повсюду штундисты, вопреки распоряжениям светских властей, открыто устраивали свои молитвенные собрания, в изобилии посещаемые даже крещеными в православной Церкви детьми штундистов...

К православной Церкви – её таинствам и обрядам Екатеринославские штундисты по-прежнему относились вполне отрицательно. Под влиянием толков «о свободе совести» они воспрянули духом и подъем энергии в них сказался в усилении кощунственных порицаний православных святынь и духовенства. Подобные кощунства особенно часто раздавались из уст штундистов, работающих на немецких заводах г. Александровска и того же уезда. До чего доходили эти кощунства можно видеть хотя-бы из следующих примеров: штундист Гр. Г-ов, работающий на заводе Л. и В., издеваясь над религиозным чувством православных рабочих того же завода, говорил: «поклоняться вашим богам (иконам) всё равно, что этому молотку... ваши попы – жрецы, им нужно с чего-нибудь хлеб есть, вот они и пишут вам духовные книги... идите туда,

там вас попы напоят водой, как быков (во время водосвятия 5 января)... что рукой киваете (креститесь), точно мух отгоняете... тремя пальцами только табак нюхают, а не молятся... Ваш Николай (Угодник) был разбойником – Ария до смерти убил»... и дальше кощунства доходили даже до глумления над Божией Матерью и рождением от Нее Сына Божия!... Другой штундист Пр-свит, работающий также на немецком заводе Б-ского, вместе с штундистами: К-ой и С-ой, в мае 1902 г. в кузнечном отделении завода поставили на горне сделанное из тряпок чучело с двумя рогами, зажгли перед ним подобие лампы и, в присутствии до 40 человек православных рабочих, нагло улыбаясь, говорили: «это русский Бог и лампада перед ним горит»!...¹⁸ Если подобные кощунства и не вызывают *открытого* бунта среди православных рабочих на немецких заводах, то только потому, что за всякий протест против сектантских безобразий православному рабочему грозит немедленный расчет от хозяина завода – немца. Между тем штундист всегда желанный гость на немецких заводах и если он проштрафится не перед заводом, который всегда весьма благосклонен к его «шалостям», а перед властями, большею частью полицейскими, то тотчас найдет себе заступника в лице своего хозяина – немца, или, в крайнем случае, сбежит на другой завод и также немца. До чего доходит покровительство немцев русским штундистам видно хотя-бы из того, что 1-го октября 1902 года при станции Софиевке на заводе «Клаассена и Нейфельдта» состоялись публичные похороны местными русскими штундистами православного рабочего Лемеша, причем похоронной процессией руководил управляющий заводом Г.Д. Нейфельдт, с разрешения которого при похоронах играл сектантские духовные песнопения заводский оркестр музыки, под управлением Веллинга!...¹⁹ Масса православных с негодованием созерцала доселе невиданное зрелище!... Особенно тяжело приходится православным женщинам и детям в смешанных семьях: здесь они насильно отторгаются от православия, перенося и моральные и материальные пытки, и уводятся в штунду. Незаметны для верхних слоев нашего общества эти «маленькие герои духа» и подвижники за веру

отцов и дедов своих, – да и не мудрено: ведь стена между простым народом и белоручками доселе нерушима, хотя последние и одевались то в малорусскую свитку, то в великорусскую поддевку!...

По примеру прежних лет штундисты вели усиленную пропаганду сектантства, особенно среди рабочих на немецких заводах и служащих у подрядчиков-штундистов. Вступала они и в близкие сношения между собою, в целях собственного примирения и выработки правил для пропаганды сектантства. Обширные поездки по епархии с означенными целями совершал напр. Григорий Бойченко, но без результатов: в Мариупольской общине штундистов он был жестоко осмеян, о чём жаловался софиевским штундистам...

Придя к убеждению о невозможности защитить своё лжеучение «строкою из св. Писания» и увидев, что вся сила штунды в оболыщении «философией по стихиям мира», местные вожаки штунды всячески избегали собеседований с миссионерами, не только публичных, но и частных и старались не допустить к общению с миссионерами и рядовых штундистов. Такая тактика штундистов справедливо вызывала сильный ропот среди православных крестьян, во множестве собиравшихся на беседы: «почему-же штунды не идут беседовать, говорили они, ведь по закуткам они нашего брата так и цепляют, проходу не дают?»...

Но, несмотря на все козни главарей штунды и их покровителей, благодаря усиленной деятельности православной миссии, местная штунда не только раздробилась на толки, но во многих местах значительно стихла, а в некоторых совсем прекратилась.

В отчетном году было замечено одно совращение в штунду и 24 присоединения из штунды в православие. Из числа присоединенных штундистов один – Евфимий Скирда уже работает на православно-миссионерской ниве.

III. Деятельность православной миссии

Для борьбы с расколом и сектантством в епархии существуют специальные миссионерские комитеты и миссионеры.

Всех комитетов в отчетном году в епархии было 30-ть, из коих три противораскольничьих и 27 противосектантских. Комитеты подробно изучали состояние раскола или сектантства в своих районах, вели с заблудшими публичные беседы, по мере надобности входили и в частные сношения с отдельными сектантами. Члены комитетов, по долгу приходского пастырства, говорили в своих приходах поучения, применительно к миссионерским запросам своей паствы, заботились о приискании себе сотрудников из числа своих прихожан, о пополнении приходских миссионерских библиотек соответствующими журналами, книгами и брошюрами²⁰ и о выдаче их для чтения народу. Обычно комитеты вели публичные беседы с заблудшими не менее одного раза в месяц, а некоторые, отличающиеся обилием членов, доводили число бесед до 25, как, напр., Ростовский комитет. В отчетном году комитеты: Ростовский, Таганрогский и Мариупольский, заслушав (в заседаниях 29 и 30 апреля и 12 мая) личный доклад епархиального миссионера о необходимости иметь в районах этих комитетов, обильных пришлым народом, специальных и постоянно действующих там миссионеров-сотрудников, постановили учредить при каждом из означенных комитетов должность миссионера-сотрудника и на его содержание выделить из собственных средств духовенства определенную сумму.²¹ Все вообще комитеты епархии действуют под непосредственным руководством и наблюдением епархиального миссионерского комитета. Последний, сверх того, отпускает из имеющихся в его распоряжении сумм содержание некоторым миссионерам и вспомоществование беднейшим из зараженных расколом и сектами приходов.

На ряду с комитетами на той-же миссионерской ниве в отчетном году подвизались и специальные миссионеры: миссионеры сотрудники, противораскольничий и епархиальный.

Деятельность миссионеров-сотрудников состояла в том, что они, по усмотрению епархиального миссионера, объезжали в течение года все места епархии, зараженные сектантством, за исключением Ростовского округа, и вели там публичные и, главным образом, частные беседы с заблудшими, подробно

знакомившись с состоянием сектантства, и таким образом являлись ценными тружениками на миссионерской ниве, проходящими своё служение в приходах под непосредственным руководством и наблюдением местных пастырей. Кроме множества частных бесед с сектантами и православными – колеблющимися, миссионеры-сотрудники провели в отчетном году до 80 публичных бесед, посетив наиболее зараженные сектантством пункты по два по три раза, а иногда и более. – Действующий-же в гг. Ростове, Нахичевани, Таганроге и Мариуполе миссионер Прокопий Малый, сверх обычных бесед с главарями штунды, также ведет ежедневные беседы с рядовыми штундистами на дому у последних, посещает молитвенные собрания штундистов и там вступает с ними в беседы, присутствует и иногда принимает участие в публичных беседах комитетов и подробно исследует состояние местного сектантства. О своей деятельности он ведет подробный дневник, еженедельно просматриваемый о. о. председателями комитетов и дважды в году епархиальным миссионером.

Противораскольничий миссионер свящ. о. С. Шалкинский, проживая в с. Городище, центре раскола Екатеринославской епархии, главным образом, обращал своё внимание на раскольников этого села, стремясь ослабить фанатизм местных раскольников и поколебать в них уверенность в правоте раскола. В отчетном году, помимо семнадцати частных бесед с заблудившимися в разных пунктах епархии, о. Шалкинский провел 32 публичных беседы и 4 по обязанности председателя Ольховатско-Городищенского миссионерского комитета. В тоже время противораскольничий миссионер руководил деятельностью еще двух противораскольничьих комитетов епархии, а в сентябре м. принимал участие в занятиях Донского епархиального миссионерского съезда.

Епархиальный миссионер Иван Айвазов вступил в исполнение своих обязанностей в Екатеринославской епархии с 19 февраля 1902 года. Во время своих поездок по епархии он обращал преимущественное внимание на наиболее зараженные сектантством пункты. Свою борьбу с сектантством он вел, главным образом, путем публичных и частных бесед с

сектантами. Всех собеседований он провел 55. В тоже время он всюду заботился о заведении при церквях миссионерских библиотек, о пополнении их соответствующими нуждам прихода брошюрами и книгами и о выдаче их для чтения народу. Большое внимание он уделял и привлечению к делу миссии крестьян сведущих в слове Божиим. Посещая, во время миссионерских поездок по епархии, и церковные школы, на правах члена Епархиального Училищного Совета, он в местах, наиболее зараженных сектантством, давал советы законоучителям относительно миссионерского преподавания детям Закона Божия. Непосредственно руководя и наблюдая за деятельностью миссионеров-сотрудников, регулируя деятельность одного из них (П. Малого) составлением особой инструкции, епархиальный миссионер в тоже время лично и путем весьма обширной переписки давал советы и разъяснения многочисленным комитетам епархии, входя в потребных случаях со своими мнениями в епархиальный миссионерский комитет, на правах члена оного.

Главным результатом деятельности местной миссии, помимо вышеуказанных возвращений заблудших в лоно Церкви, должно признать: всё большее и большее развитие православного самосознания в православном населении епархии, переход последнего во многих местах из оборонительного в наступательное положение по отношению к раскольникам и сектантам, утверждение в православии колеблющихся и поселение в заблудших сомнения в религиозной правоте их наставников, которым они привыкли слепо верить и повиноваться.

* * *

Как известно нашим читателям, в австрийском расколе нашего края совершилось весьма важное событие, – именно: вместо временно управлявшего Нижегородской лжеепископией Арсения Швецова, назначен и поставлен уже лжеепископом Иван Григорьевич Усов, – известный по своей дерзости расколотозащитник и хулитель православной Церкви.

Где будет жить этот лжеепископ нижегородский: в дер. Елесине, – центре местного раскола, или же в Нижнем

Новгороде, пока достоверно неизвестно. Но то обстоятельство, что нижегородские раскольники купили уже для него дом на Ильинской улице, показывает, что он, вероятно, будет пребывать в Нижнем Новгороде.

В воскресенье 8-го июня раскольники нашей местности впервые «удостоились» видеть своего нового «владыку» Иннокентия, служившего в их часовне литургию. Дотоле они видели его только простым мирянином или лжемонахом, приезжавшим в наши края для бесед с православными миссионерами.

Невольно приходило на мысль: так же ли будет теперь беседовать Усов, как и прежде, или нет? 15-го июня с. г. Усов – лжеепископ обнаружил, что, как собеседник, он изменился еще к худшему. Означенного числа, по распоряжению Рожновского отделения Братства св. Креста, должна была состояться беседа в д. Елесине с раскольниками австрийского согласия. По слухам, на ту беседу со стороны раскола ждали Феодора Мельникова. Наступил назначенный день, миссионер Рожновского отделения, священник Виктор Цыганов, и епархиальный – г. Круглов приехали в д. Елесино. Народу в деревне тьма-тьмушая. С раскольничьей стороны, в качестве собеседника, явился Усов с дьяком Нижегородской Курбатовской церкви Дмитрием Варакиным. Время было – четвертый час пополудни. Выбрали место для беседы – около одного православного дома (в этой деревне всего два-три дома православных) на открытом воздухе. Условились говорить по минутам и начали беседу. К чести Усова надо заметить, что он и Варакин старались соблюсти условия беседы, касательно «минут», но к бесчестию Усова – дерзостям и хулением его на православную Церковь, святых Её и служителей не было границ, так что, по нашему мнению и по отзыву православных слушателей, Усов в сане лжевладыки стал еще дерзостнее.

Беседу начал о. миссионер Цыганов о вечности священства в Церкви Христовой и просил лжевладыку Иннокентия доказать: может-ли св. Церковь когда-либо лишиться всех епископов, как это было у старообрядцев в течение 180 лет.

Чувствуя совершенную невозможность доказать то, Усов начал выкрикивать о мнимых ересьх православной Церкви и старался во что бы то ни стало очернить и опозорить её и всех Её служителей в глазах слушателей. Так, напр., прочитав не относящееся к вопросу постановление собора 1667 года: «железо, камение и дрeвеса, да разрушатся и да растлятся: а той, да будет не разрушен и не растлен, и яко тимпан, во веки веков, аминь», Усов кричал: «посмотрите, братия, надо было дойти до такого безумного состояния, дабы сделать подобное постановление. Дерево, железо – всё разрушится, а тимпан, т. е. барабан, не разрушится. Вот какие безумные были отцы собора 1667 года. К чему они *присмолили* тимпан в своё постановление и говорят, что он никогда не разрушится. Да разве может то быть когда? Так могут сказать только безумцы – отцы собора 1667 года (слышится смех раскольников). Будем ли мы следовать за такими безумцами – избави Бог! Что же касается о. миссионера, то он следует за ними и старается держать и своих пасомых в таком невежестве и темноте для того, чтобы ему побольше доходу было. Вот, братия, какие отцы у господствующей Церкви! Да заметьте, кто не будет покоряться постановлению этого собора, т. е. будет креститься двоеперстно, а не троеперстно, те всё – анафема – отлучены от Бога и душа их со Иудею предателем. Вот там квартира для вас, братия! Все вы, крестящиеся двоеперстно, будете пребывать на квартире вместе со Иудею».

Но это еще не всё. Своими хулениями Усов коснулся и новоявленного чудотворца о. Серафима Саровского. Не поддаются описанию те кощунства и хуления об о. Серафиме, какие произносил изощренный на этом язык Усова. Видно было только, что религиозное чувство православных было крайне возмущено: на лицах их выражалась грусть и негодование, и что бы вышло далее, если бы беседа за поздним временем не прекратилась, – неизвестно.

«Посмотрим, слушатели, – говорил Усов, – как учил о перстосложении их новоявленный Серафим». Берет брошюру и читает: «однажды к о. Серафиму пришло четверо старообрядцев и хотели спросить его о перстосложении. Он,

еще не выслушав их, подходит к одному, берет правую руку, складывает три перста, знаменует его и говорит: молитесь так, т. е. троеперстно. Одной же старухе сказал, что кто молится двуперстно, тот связан. Вот и глядите на Серафима Саровского! Вот так новый святой. Вот какие у них святые! Всех двоеперстников связал. Ну и святой, а еще день назначили открывать его какие-то мощи! Не знаешь, кому из них и верить! Нет, уж лучше никому не верить, а особенно Серафиму Саровскому, который двоеперстников вяжет всех. Вот, братия, как хотите, так и верьте их святым мощам. Мы же останемся при своём: не будем признавать их никаких мощей». И долго продолжал Усов всё в этом же роде.

Кажется, слушая такие злохуления, каждый из православных дождался скорого конца беседы. Беседа кончилась в десятом часу вечера. Грустное впечатление вынесли православные от кощунств лжевладыки Усова. Да какое же Усов имеет право, – спрашивали они, – издеваться и смеяться над тем, что составляет для нас святыню. Ведь мы же не издеваемся над ними.

Действительно, настало время! О какой еще свободе раскольникам хлопочут либеральные писатели из лагеря Стаховичей? Чего еще больше? Все кощунства и злохуления сходят старообрядцам безнаказанно. И могут ли быть подобные г-да Усовы истинными сынами нашего православного отечества, когда открыто смеются над действиями Высшей Власти, как, напр., по открытию мощей преподобного о. Серафима!...

Итак, Усов в сане лжевладыки Иннокентия заявил себя еще более злостным хулителем православной Церкви, чем был прежде. Теперь даже благоразумные из раскольников осудили его за дерзкие выходки. Мы, было, ожидали, что Усов теперь будет поскромнее, но чаяния наши не оправдались. Что будет далее, – пока неизвестно. Будущее покажет!

На беседе присутствовал весь синклит елесинский: лжепричт и монашенки. Лица монашенок были озлоблены и дышали по отношению к нам ненавистью. Вероятно, у всех была одна думушка: как эти де еретики вступают в беседу с нашим святейшим владыкой Иннокентием. Около же самого

лжевладыки по правую руку сидел его помощник по беседе Варакин, а по левую Курбатовский «поп» Григорий – с обрюзгшим лицом, с длинными, черными, как смоль, волосами и в рясе, почти ничем не отличающейся от ряс православных священников. Сам Усов тоже растит волосы; под суконной ряской у него одета была «архиерейская» мантия с перелиной; края мантии обшиты темно-розовой тесьмой со светлыми, на манер поддевочных, пуговицами. Мантия в общем походит на верхнюю одежду катафальщиков при похоронных процессиях, – различие только в цвете тесьмы: у катафальщиков белый, а у Усова – темно-розовый.

Священник-миссионер Виктор Цыганов

Гребеньщиков Ф. Корреспонденция «Миссионер. Обозрен.», известия и заметки. Случай обращения раскольника в православие // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 255–256

Из Казани. (От нашего корреспондента). Случай обращения раскольника в православие

В 12-ти верстах от Казани есть село Чебокса, Один из сельчан Чебоксы, старообрядец Спасова согласия Андрей Герасимов Федоров, женился на православной и венчан в церкви с присоединением, конечно, и его самого к православию.

Священник, как водится, взял с Федорова подписку – крестить детей в церкви. Но вот рождается у него первый ребенок, и Федоров не желает крестить согласно подписке; священник настаивает, чтобы он нес ребенка в церковь, а Федоров говорит: «я старообрядец и своё дитя в никонианскую церковь крестить не понесу». Тогда священник стал его упрекать в вероломстве: как же ты можешь держать ребенка некрещенным, ведь ты дал подписку крестить детей своих в церкви? Но Федоров сказал: никакой я тебе подписки не давал, а если думаешь, что я давал её, то ты, отец, сначала разыщи эту подписку, тогда я и принесу к тебе крестить. Священник хватился её разыскивать, но не нашел: Федоров через кого-то скрал её из церкви. Таким образом раскольник снова отбил от Церкви и жену сделал ярой раскольницей. Время шло. Дети рождались, воспитывались и возрастали в расколе. И вот нужно было старшему сыну Федорова Петру жениться. Сын поступил не так, как отец; он уговорил православную девицу по имени Василису обручиться с ним по-старообрядчески, она согласилась, – сделали это тихонько от православных родителей невесты, так как они не соглашались на брак своей дочери с раскольником, – съездили в начале февраля настоящего года в Казань и, явившись из Казани домой, стали жить открыто, как муж и жена.

Так продолжалось до конца апреля. Но вот мир в семье нарушается, снова доходит до того, что свекровь обзывает свою

сноху непечатанным зазорным словом и говорит, что она не жена её сына, а наложница: так как живет не брачившись с ним. Сын, узнав об этом, возмущился, начал корить родителей: «если она мне не жена, тогда в вашей богопротивной вере мы и жить не будем». Сказав это, он обрывает на себе пояс, снимает с шеи тельный крест и говорит: нате вам его, я не хочу более носить этот крест, надетый на меня стариком наставником, а надену лучше от православного священника. С этого дня Петр тайным образом от родителей стал искать удобного случая присоединиться к православной Церкви, так как отец его грозил избить и прогнать из дома, если он пойдет в церковь. Но угроза на сына не подействовала. Священник очень осторожно помог Петру выпутаться из дебрей раскола, сам нашел ему крестного отца и крестную мать – в лице состоятельного кузнеца Василия Степановича Гребеньщикова и Дарьи Максимовны Блинковой, и в пятницу 2-го мая после утрени Петр был присоединен к Церкви и за обедней сподобился святого таинства причащения, а после обедни был обвенчан с совращенною им прежде Василисою. И теперь оба они ходят в церковь и хотят искренно быть православными.

После присоединения и венчания в церкви Василису спрашивали её родные и знакомые: как же вы зимой то брачились? Об этом она рассказала следующее: когда мы приехали в Казань брачиться, то пошли в гостиницу, а один из родных жениха куда-то отлучился от нас: в гостинице заказали вина, чаю и закусок; вскоре пришел и отлучавшийся родственник, который сказал, что ходил к наставнику для записи в книгу о брачующихся и заказал ему почитать о нас канон. Когда угостились довольно, стали собираться домой; я и спрашиваю: когда же брачиться то? А мне сказали: «у нас больше ничего не делается, а только запишут и наставник почитает, то всему и брачинью конец». Так мы и уехали, и я стала жить с Петром; дома же своим родным сказала, что мы обручились по-старообрядчески, а как обрачились – никому из православных не говорила: стыдилась этого и думала, что над таким брачиньем будут, пожалуй, смеяться. Вот поэтому я, заключила молодуха, до сего времени всё и молчала, а теперь,

слава Богу, мы будем жить уже по закону христианскому и в раскол с мужем никогда не пойдём и других от него будем удерживать, так как в нём я встретила только один разврат и душевную гибель.

Ф. Гребеньщиков

**Саровское торжество Православия. (По
наблюдениям очевидцев и по откликам печати) //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 257–286

I. Наше предисловие

Славно, чудно, дивно свершилось Саровское великое торжество церковного прославления великого Угодника Божия и Чудотворца Серафима! Вот уже более трех недель, как Саровский Чудотворец держит *в духовном пленении* умы и сердца *всей* России, – верующей и безбожной, православной и расколо-сектантской. Саров с его чудесами приковал к себе (и доселе не отпускает) благоговейное внимание решительно всех – от благочестивейшего Царя до последнего набожного простолюдина, от верующей массы, до пораженной безнадежным скепсисом и неверием современной интеллигенции! Саров в эти чудные и благодатные дни воскресил пред духовным взором не только России, но и всего христианского мира те, казалось, невозвратные святые времена и чудесные события христианской эры, когда чудодейственная благодать Животворящего Духа Божия так преизобильно веяла и изливалась на грешную землю и творила великие и дивные чудеса, записанные в прологах и Четьи-Минеях. Но маловерие последующих, мнимо просвещенных веков, даже богословствующие умы приучало смотреть на эти сказания, как на благочестивые легенды!... Да, Саров со своими дивными и страшными чудесами, являя собою победное торжество православной истины, веры и Церкви над иноверием, неверием и еретическими мудрованиями, между прочими многими благами и дарами, так сказать, восстанавливает в начале XX в. без ученых аргументов, а наглядными неопровержимыми фактами и доказательствами авторитет наших Четьи Миней с их сказаниями о чудесном и таинственном в жизни сонма святых Угодников Божиих вселенской Церкви, ими же мир христианский стоит.

Ведь всё мистическое, чудесное забыто, заброшено и в семьях и даже в школах, и в духовных, как что-то, казалось,

неестественное, невозможное, отжившее. Сознаемся, что и мы-то, призванные насаждать веру, питомцы духовной школы давно уже потеряли в себе твердость и уверенность в защите чудесной стихии наших житий святых. Да и много-ли останавливали наше внимание на этой несравненной питающей веру стихии? Знали-ли мы великие подвиги святого Серафима, углублялись-ли в его жизнь и душу ранее начала истории его прославления? Один народ наш, глубоко верующий, сам праведник и подвижник в своём благочестии и жизни, сохранил во всей целости и донес до Саровских дней живую веру в святость и чудодейственность вообще и Саровского Угодника в частности, и вот по вере народа и дадеся Руси святой такое победное спасительное торжество православной веры и Церкви, такой мощный и чудный молитвенник и предстатель за землю русскую и за её венчанного глубоко верующего Царя!

Внемлите: ведь почти все чудеса совершились над недужными из простого звания и состояния! Не есть-ли это знамение, говорящее, что в русском препростом народе покоится вера, на нём наипаче почиет и благодать и благословение Божии, в нём, – в верующем, набожном, благословенном народе и спасение России!

Воскресли Саровские торжества и те, казалось, отшедшие в область предания благочестивые времена царя Алексея Михайловича, когда русская Церковь при личном живом участии своих благочестивых царей совершала свои церковные празднества в единении с государством и последнее жило и действовало прежде всего во свете православия и церковности.

Саровские торжества отодвинули все текущие интересы и злобы дня в жизни общественной и частной на второй план, – как будто бы вся житейская суэта посторонилась, смолкла, дав место дивным и сравним Саровским делам милости Божией. Уступим и мы отводимое обычно для других отделов место на страницах нашего журнала описанию Саровских празднеств. Но как их описать! «Никакими словами нельзя описать все происходившее во время этого великого праздника благочестия и веры русского народа в единении с русским Царем, – пишет нам один из участвовавших в совершении Саровских торжеств

иерарх. – Пусть бы Швецов²² (раскольничий архиерей), действительно, «не дремал» да прислал своих соглядатаев в Саров посмотреть, что происходило в эти великие дни... Как бы не случилось с его соглядатаями того, что сделали некоторые из присутствовавших здесь раскольников, обратившись к местному преосвященному с просьбою о присоединении их к Церкви православной... Вот уже три дня и третью ночь народ двумя длиннейшими колоннами, кончающимися где-то далеко, далеко в лесу, стоит и терпеливо ждет своей очереди, чтобы поклониться честным останкам новопрославленного Угодника Божия и Чудотворца. И долго еще будет стоять: в течение одного часа могут приложиться 720 человек, следовательно, в сутки около 15 тысяч, а ждут около 200–150 тысяч»...

К величайшему нашему сожалению, обстоятельства (по грехам нашим) не позволили нам лично созерцать и переживать Саровские торжества и мы можем познакомить с ними наших дорогих читателей только на основании отзывов очевидцев и по откликам повременной печати.

Подобно пчеле, будем высасывать словесный мед с лучших цветков «современной летописи» Саровских событий, которую составляют в наше время писания газетных корреспондентов. Наперед заявляем, что будем черпать полною рукою из писем г. Поселянина, помещаемых в «Москов. Вед.», которые прекрасны не только в литературном отношении, но и со стороны того живого верующего, благоговейного чувства, которым проникнут этот редкий в светской прессе «летописец» церковных дел и времен, а также из корреспонденций «Нов. Вр.», принадлежащих перу также известного деятеля печати г. Прокофьева и «Света».

II. В преддверии Саровских торжеств

Начало или, так сказать, честь открытия «летописей» о дивных Саровских торжествах принадлежит хорошо известному читающей и верующей России писателю и издателю «Народных книжек», генералу Е. В. Богдановичу, посетившему Саров в преддверии торжеств и познакомившему впервые Русь в целом ряде телеграмм и в особой статье о приготовлениях к торжеству. Встревоженная, прошедшая чрез горнило тяжких

искушений и сомнений, пережитых в длинный и сложный период истории дела о прославлении Саровского подвижника, когда враг нашего спасения не дремал, в преддверии торжества, верующая Россия была радостно взволнована или просто всколыхнута, между прочим, знаменательною агентскою (во всех газетах помещенной) телеграммою от 5 июля следующего содержания.

«Саров, 5 июля. – 3 июля было совершено митрополитом Антонием, преосвященным нижегородским и тамбовским и другим духовенством извлечение святых мощей преподобного Серафима из могилы и перенесение в Зосимовский храм, где сегодня совершено переоблачение.

Со времени первого освидетельствования святых мощей преподобного Серафима в январе месяце ежедневно на его могиле и у целебного источника творятся чудеса, которые и записываются в Саровской и Дивеевской пустыни. Утешительно и отрадно видеть, когда стекающийся со всех сторон России верующий народ прибегает к молитвенной помощи великого Серафима и получает по вере просимое, – даже слепые прозревают. Участники переоблачения свидетельствуют, что поражались замечательным благоуханием, исходившим от честных останков преподобного».

В первое время сообщение это даже верующими людьми было принято с раздумьем, так было чрезвычайно его содержание, так оскудела вера нашего грешного времени, а маловерующими – даже и с ропотом и подозрением. Но вот близились дни прославления Угодника Божия и дары благодатных чудесных исцелений настолько явно и преизобильно изливались на верующих страдальцев, по молитвам прославляемого Угодника Божия, что истина чудес подтверждалась уже тьмами свидетельств; так что первенствующий совершитель торжества мог с дерзновенною верою засвидетельствовать о чудесах при последнем заупокойном богослужении о преподобном Серафиме, пред лицом Царя и сонма молящихся, в словах своей речи: «хромые ходят, слепые видят, глухие слышат, немые говорят».

Лучшее описание «преддверия» Саровских празднеств встретили мы в упомянутой прекрасной статье чуткого красноречивого бытописателя всех выдающихся церковно-государственных событий нашего времени, генерала Богдановича, которую мы здесь приведем по возможности полностью.

«Окончив свою народную брошюру о великом русском подвижнике, преподобном Серафиме Саровском, охваченный живым ощущением его святости и поразительных чудотворений, – так пишет ген. Богданович, – я отправился паломником в его святую обитель, куда тысячами двинулся наш верующий народ и где русские люди с радостным нетерпением ждут Царя, Цариц и других близких членов Царской Семьи.

Я счастлив, что видел там глубокую готовность достойно встретить торжество православия на святой Руси, единение нашей Церкви земной с Церковью небесной в лице столь знаменательно прославленного чудотворца, единение Царя и народа в молитвенном почитании нового нашего светильника, ярко и светло горящего на нашем небосклоне.

Быстро унес меня из северной столицы поезд; мгновенно предо мной мелькнули Москва и Нижний Новгород с их седыми кремлями; недолго был и железнодорожный путь до Арзамаса, красующегося своими монастырями и храмами. И вот я, объездивший вдоль и поперек Россию, на новом для меня пути в Саров, куда обращены теперь взоры всей России, сразу почувствовал себя здесь в родной стихии, в заветном русле, у глубокой исторической пристани народной веры и верующего подвижничества. Уравненная к народному торжеству и Царскому приезду 62-верстная дорога в Саров спокойно катила наш экипаж мимо сел, сияющих крестами своих храмов, среди нив, побелевших для жатвы. Окрестные крестьяне засматриваются на проезжих, на придворные экипажи и прислугу, ужедвигающиеся в Саров.

А дорога уже оживлена вереницами пеших паломников севера и юга, востока и запада России. Многие из паломников прошли уже тысячи верст, но они бодры радостным озарением верующей души, сладкой надеждой скоро быть у великого

святोरусского старца, у его святых останков, на месте его великих подвигов.

Настроение народа видимо действует и на тех, кто оторван от него чужеземными веяниями, погружением в материальную гущу жизни, в борьбу, в ту суету сует, в которой мы изо дня в день тонем, забывая о вечном и небесном, чем так дорожит верующий народ. Невольно чувствуется, что этот народ еще силен выдвигать из своей среды и великих подвижников Божиих, подобных Серафиму Саровскому.

Самая его обитель не подавляет, как древние монастыри, крепостными стенами с башнями и бойницами. Расположенная на возвышенности, окруженная светло приветливыми речками – Саровкой и Сатисом, она тонет в дивном тихом сосновом бору, курящемся своим смолистым ароматом. Церкви её сияют своими главами и светлыми колерами своей окраски. Всё здесь радостно, всё здесь светло, всё как будто говорит, что это место – рай земной. «Нет ужаснее и пагубнее духа уныния», – говорил при жизни своей св. старец Серафим; и в его обители нет ничего мрачного; она по его примеру как будто говорит каждому: «Радость ты моя! Возрадуйся о Господе! Возвесели сердце своё тихую молитвою». Там радостное миротворящее чувство навеивает на вас чудный Саровский звон, гармонично несущийся по лесу. Невольно вспоминается, что говорил великий подвижник своим сироткам, как называл монахинь Дивеевского монастыря: «Вот, когда у нас будет собор, тогда московский колокол Иван Великий сам к нам придет. Какая будет радость. Среди лета запоют Пасху. А народу-то, народу со всех сторон». Прозорливые слова святого старца сбываются: вы чувствуете себя накануне светлого и великого праздника среди верующего народа, среди светлых храмов Сарова.

Радуетесь, что в далекой пустыни слышишь звон Ивана Великого, радуетесь, входя в светлый собор Успенский, который построен близ могилки св. Серафима, из которой теперь, только на днях перенесены его святые мощи. Не нарадуетесь на дивную сень и раку, в которой почивают ныне его святые останки. Ведь это создано верующим иждивением нашего Царя, подвигнутого на это глубоким благочестием.

Рисунки для этих царственных приношений составлялись по художественным указаниям молодой Царицы. Сколько в этом отрады для сердца народного.

А вот и другой, тоже светлый и тоже художественный собор. Ему наречено имя самого новопрославленного преподобного Серафима; он еще не освящен лишь потому, что это можно совершить только после 19-го июля, когда вместо панихид запоют молебны преподобному Серафиму. Дивен его высокий иконостас с чудной иконописью, напоминающий художественные работы знаменитого Симона Ушакова и других государевых иконописцев царствования Алексея Михайловича. Честь за эту иконопись принадлежит талантливому московскому художнику-иконографу Гурьянову. Радует, что в самом соборе находится келья св. старца, а в ней аналой, перед которым в предсмертные часы он пел пасхальные гимны и коленопреклоненный отдал Богу свою чистую душу. Долго остаешься под впечатлением этой кельи, которую я прежде видел только на картинах.

Чрезвычайно счастливая мысль – близ Успенского собора построить паломническое жилище для Царственных богомольцев. Оно представляет небольшой дом, сложенный из сосновых бревен. Внутри его нет никаких затейливых обоев. Простые сосновые стены льют смолистый аромат; кажется, что брусяные хоромы царя Михаила Феодоровича Романова, который предпочитал их, здоровья ради, палатам каменным. В этом доме поместятся в верхнем тереме Царь и Царица, а в нижнем этаже великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елисавета Феодоровна.

Вблизи с Царевым домиком устроен домик для Царицы-Матушки и великой княгини Ольги Александровны.

В заключение я должен сказать о находящейся в двух верстах от Саровского монастыря пустыньке преподобного Серафима, где находится его источник. Старец Серафим о нём молился, чтобы вода его была целительной от разных недугов и болезней. Здесь богомольцы пьют из кружек и стаканов целебную воду и получают её в особых бутылках.

Эта пустынька, где святой Серафим предавался горячим молитвам, где простоял на коленях тысячу суток на гранитном камне, являлась, является и теперь местом особых чудоворений. Здесь в не долгие дни моего пребывания в Сарове совершились два точно удостоверенные исцеления слепых. Приходившие сюда утомленные и больные, испив воды из Серафимовского святого источника, уходили неузнаваемо бодрыми и укрепленными.

С благоговением останавливаешься перед этим целительным источником св. Серафима, его вода – чистая, без минеральных примесей, соединенная с возвышенным душевным настроением, поддерживаемой молитвой, доносящимся церковным песнопением, дает укрепление здоровья и даже мгновенные исцеления душевные и телесные. Многие верующие притекут к нему за исцелением, среди них будут наверное и тщетно искавшие здоровья на лечебных курортах Запада. Не говорил ли это вдохновенно тяготеющим к Западу И.С. Аксаков: «Пора домой, пора к своему родному, благословенному Богом».

Да и вообще прославление в начале XX века великого русского подвижника, равного подвижникам первых веков христианства на Востоке и у нас в России, не побуждает-ли всех оторвавшихся от родной исторической почвы возвратиться на её материк. В этом возврате лучшая гарантия наша от блужданий, волнений, смущений и бед, ведущих нас к разложению и вырождению. В истинных святорусских началах наше спасение.

Не обязаны ли мы все заботиться о распространении и укоренении этих святорусских начал. Святой Серафим пред своею кончиной так говорил одному из своих учеников: «Сей всюду данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камне, сей при пути, сей и в тернии: всё где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод свой принесет»²³...

Стоит Саровская обитель на красивом месте, в глухом бору, со всех сторон окруженная вековыми деревьями, у слияния двух небольших рек Сатиса и Саровки, где некогда стоял город Сараклыч, принадлежавший татарскому князю. Первым

подвижником, построившим здесь келью в глухих лесах, был Феодосий из Пензы. После него как бы преемственно велись старцы, подобные о. Серафиму, старцы-наставники во всевозможных бедах и скорбях жизни. За Феодосием пришел монах Герасим, он нашел на месте при постройках шесть четвероконечных каменных крестов и один медный складной. Находка свидетельствовала, что христианство было здесь до постройки татарского городка, а только надвинувшееся татарское иго стерло его. После Герасима были еще монахи и наконец монаху Исаакию удалось в 1705 году воздвигнуть храм. Это было начало обители. Князья Кугушевы пожертвовали монастырю огромную часть своей земли. В 1730 году императрица Анна Иоанновна закрепила за пустынью все земли и угодья, которыми пользовалась пустынь, а Екатерина II утвердила штат обители. Император Павел пожаловал ей ежегодно еще 300 руб., а Александр 1 закрепил все отмежеванные ей владения в количестве 23,225 десятин земли. И с того времени и архиереи, и частные лица много делали вкладов в обитель. Среди её иноков много особенно прославились подвигами благочестия: Назарий, Дорофей, Илларион, Матфей, Александр, Лев, суровый молчальник, отшельник Марк и наконец Серафим.

Теперь пустынь богата. В ней много драгоценных облачений, замечательная библиотека с редкими рукописями, несколько церквей, два собора – Живоносного Источника и Успения Божией Матери (летний).

III. Стечение народа и чудесные явления

К 15 июля народные массы достигли уж тысяч полутора (цитируем г. Прокофьева). Эта настоящая армия богомольцев двигалась и располагалась на пространстве от Дивеева до Сарова, жила в двух барачных городках у Дивеева и у Сарова и в стану собственной импровизации близ Сарова в лесу, понаделав себе шалаши и кущи из ветвей. Этот зеленый городок был особенно интересен; кипел своеобразной жизнью и среди тысячи кущ каждый богомалец умел отыскивать свою.

И каких только людей я здесь не видел! Вот великороссы в городских уже нарядах, женщины в белых и темных платках на

голове; вот хохлушки с паневами, с намотанными на голове темными платками, в которых разведен целый огород ярких искусственных цветов; вот идут мордовки в оригинальных головных уборах, в длинных белых рубахах, расшитых по швам вышивками или тесьмой, и белых штанах, высоких сапогах. Издали никак не разберешь – мужчина это или женщина. Идут больные, идут убогие, слепцы, глухие; хромые; иных везут, иные ползут.

Вот она, Русь бродячая, Русь богомольная, Русь, сильная своей верой и с этой верой несокрушимая!

Какой богатый материал открывался здесь для писателя и художника! Сколько картин, сколько типов, сколько терпения, пламенной веры, при которой не сдвинут Русь никакие иноземные силы! К этой вере да к этому терпению нужно прибавить энергии и свету. Нужно знание, нужно образование этому народу.

Глядя на эти массы русского народа, проникаешься глубоким уважением к его вере и к его подвижничеству. Со стороны-то и не видно, что особенно трудно прийти на богомолье. Но ведь надо пройти сотни верст пешком в страшной пыли. Здесь целое лето бездождье, травы засохли. Земля не то песок, не то одна пыль. Идет один человек и подымает уже облачко пыли. А когда едут лошади, идут обозы, скачут тройки, когда тысячи богомольцев с палками и котомками шмыгают лаптями взад и вперед, одни туда, другие оттуда, – вы как в тумане двигаетесь в пыли: она проникает сквозь вашу одежду, проникает в ваши чемоданы, делает серым все ваше белье, все вещи.

Днем страшно жарко, а вечером холодно, и всё это, и пыль, и такие перемены температуры, и ночлег в кущи, а то и под открытым небом, – всё переносит человек да еще при этом не часами, а днями стоит на одном месте, ожидая, когда его впустят за ограду монастыря, да и там еще настоится полсутки. А тут были дни, когда хлеба не хватило. По 18 коп. за фунт хлеб надо было покупать. И терпеливый русский богомалец всё стоял, всё терпел, лишь бы достигнуть цели – приложиться к Угоднику Божию.

Эта народная вера создала кругом такое особое настроение, такой высоко приподнятый дух, что всё, можно сказать, дышало здесь одной верою.

Я много видел торжеств в своей жизни, но ничего торжественнее минуты выноса мощей св. Серафима не видел! – (воскликает Прокофьев в Новом Времени).

Когда Государь и все Великие князья с сонмом архимандритов и архиереев, в золотых облачениях, подняли мощи святого, а вся площадь опустилась на колени и тысячи людей плакали, плакали от умиления, – тут и всякого черствого человека ухватила бы за сердце сама обстановка.

Другая картина. Возвращаясь я ночью после всенощной в свою гостиницу. За воротами монастыря море народное. Оно всю ночь без сна будет колышаться у белых стен обители, пока утром не отворят для него ворота и не впустят хотя слабый ручеек этого моря, или пока ночью по чьему-либо распоряжению казаки не погонят все это море вниз с горы к лесу, к баракам и кушам. Пробираясь сквозь эту плотную массу, я вдруг слышу стройное пение; это какая-то группа людей – одни говорят, – слепцов, другие, – зрячих, – поет каноны и молитвы, поет стройно, согласно, и тысячная толпа кругом слушает их. У иных в руках горят свечи. Ночь светлая и тихая и эта ночная молитва народа, всенощное бдение, какая чудная картина, как она трогает! Кто-то рассказывал мне, что так же накануне прославления о. Серафима, так же в лесу, среди тысяч богомольцев, не могших попасть к монастырю, бывший среди них священник организовал певцов, руководил ими и хотя без епитрахили и без книг, но отправил полную всенощную под открытым небом.

Уже накануне торжеств, т. е. 15 июля, было огромное стечение всякого рода больных, жаждущих исцелений и облегчений от своих недугов.

Как велик мир несчастий человека! – (цитируем здесь везде г. Прокофьева). Какое огромное количество больных и недугующих, калек, слепых, глухих, дурачков, юродивых, расслабленных, припадочных, душевнобольных! Тут встретите все несчастья, какие можно себе представить и какие

невозможно. Иные ползут на четвереньках, другие ползут на руках, на животе. Вот один идет на руках, опрокинувшись ими назад, другой прыгает, склонившись на левый бок. Иного везут на тележке, иного расслабленного несут в кульке, у иного голова непомерно велика, у иного непомерно мала, у иного лицо скошено, у кого сведены руки, у кого ноги, у кого то и другое, грязные повязки иных скрывают жестокие раны и болезни, кто кричит, кто мычит, кто молится вслух...

Только в Киеве, в лавре, можно видеть множество нищих, у монастырских ворот и у входа в пещеры, но там, в Киеве, они собираются за подаянием, за корыстью. Там они составляют зло, наше больное место, видимое доказательство неустройства нашей общественной жизни, а здесь они только несчастные, которые идут увлекаемые одной верой, с одной жаждой исцеления.

И велика эта вера и творит она чудеса; творит каждый день; их записывают, эти чудеса, и монахи, и полиция. Здесь просто поражаешься видом несчастья и одновременно могуществом веры, силою духа человека. Два места, где собираются несчастные, – это у Серафимовского источника, родника, который любил святой при жизни и посылал приходивших к нему испить водицы, и у дверей храма, где лежали до их прославления мощи о. Серафима.

Рассказами про чудесные исцеления этого российского Лурда полны все площади, кельи, гостиницы обитателей. Самому мне, (пишет г-н Прокофьев) пришлось видеть, как раскрыла глаза девушка 19 лет, от рождения бывшая с закрытыми глазами и увидевшая свет после третьего купанья в источнике о. Серафима и уверенная, что после дальнейших купаний будет видеть совсем, как здоровая. Она уже ходит без поводыря.

Мой товарищ, тоже петербургский корреспондент, был свидетелем, как один старик, Бондаренко, пришедший в Саров из-под Варшавы и страдавший сильной слабостью зрения после полученной контузии во время последней русско-турецкой войны в рядах л.-гв. Литовского полка, двигался, ощупывая всё время костылем землю. Ему помогли дойти не в очередь до св. мощей. Глубокой верой и одушевлением дышало всё его лицо.

У мощей с ним сделался припадок истеричного плача; он просил иеромонаха у гроба приложить к мощам платок, ему позволили. Вынув спрятанный на груди и завернутый в бумагу платок, он приложил его к мощам и затем к своим глазам. Так его и вывели. У дверей храма он отнял платок от глаз и сказал: «Ну теперь костыль мне не нужен», – и тут же его сломал. Он видел! Мой товарищ подобрал ручку от сломанного им костыля и сохраняет её.

21-го июля, в день освящения Серафимовской церкви, был исцелен истеричный душевнобольной или, как называют в народе, бесноватый. Его внесли 8 человек. Страшно было смотреть, как он бился, как неистово кричал. 30 лет случались с ним припадки бешенства. Теперь его силою привели к мощам и заставили приложиться, и после того он вдруг стих, спокойно молился и вышел один, совершенно здоровый из храма. Он крестьянин Витебской губ., Ивановской волости, деревни Выселки, Георгий Панцев.

В этот же день, в глазах моего знакомого, гвардейского полковника, в 8 час. 20 м. утра привели к мощам крестьянина Феодора Годункова, бывшего кирасира Его Величества, теперь едва волочившего ноги, которые у него висели как плети. С помощью двух костылей и поддерживаемый под руки двумя товарищами, он подошел и приложился.

Мой знакомый еще думал: «ну вряд ли этот может оправиться», – и что же? от раки он ушел на собственных ногах, как здоровый.

Как велика сила религии, непостижимо могуче её влияние на человека, свидетельствует другой корреспондент (г. Князев в газете «Свет»). Нет ничего в мире, что могло победить её, нет тех препятствий и невозможностей, которые бы преодолели её! Правда, не всегда люди пользуются этой силой, не всегда хотят прибегать к ней за помощью; ослепленные неверием, или скорее неведением, иногда даже прямо глумятся над ней. Но зато когда это облако тьмы спадает с людских очей, когда, под влиянием тех или иных обстоятельств, человек, наконец, сознает свою беспомощность и чистосердечно и искренно обращается к религии, что тогда происходит? Тогда воочию всех

исполняются слова Спасителя, что «всё возможно верующему». Тогда слепые начинают прозирать, немые говорить, хромые ходят и бесы изгоняются. Так было во времена Спасителя, так было в древнейшие времена Церкви Христовой, то же Господь совершает по великой Своей милости в св. Своей Церкви и в наши дни. И в наши дни Господь воздвиг нам великого молитвенника и чудотворца в лице преп. Серафима, совершающего по данной ему от Бога благодати по истине «славная и ужасная» над притекающими к нему с верою.

Эти великие дела Божии, и прежде во множестве совершавшиеся по молитве к преп. Серафиму, полились, так сказать, многоводным потоком в эти, близкие к моменту прославления святого, дни. Чувствуем, что какая-то благодатная атмосфера наполняет окружающее, носится над нами и незримо вливается в душу всякого, приходящего сюда с верою. Точно воскрес сам преподобный и снова явился здесь, чтобы благодетельствовать всем и всюду. Тысячи собрались сюда искать у него благодатной помощи и врачевания недугов душевных и телесных, и не посрамлены они от чаяний своих, получая всё от преподобного преизобильно... Всех случаев благодатных исцелений в газетной заметке невозможно и передать подробно.

(Так несут больную в Саров)

На человеческом языке нет слов описать ту радость, какую испытывают получающие исцеления, особенно после тяжких недугов. Не только у них, у всех присутствующих при этих знамениях, но и у всех, слышащих из уст очевидцев об этих чудесах, невольно льются из глаз слезы, слезы радости, умиления, восторга...

Сейчас 18 июля вечером вернулась от службы граф. Г. и рассказывает нам, (свидетельствует третий корреспондент г. Поселянин «в Моск. Ведом.»), что из Успенского собора она прошла в церковь Зосимы и Савватия, где гроб с ящиком пролежал со дня изъятия мощей из земли. Эту церковь старец особенно любил. Она поставлена на месте его кельи в его послушническую пору. В келье той являлась ему с исцелением Пресвятая Богородица; на этот храм он ездил собирать по России, престол из кипариса сколочен его искусными в столярничестве руками. Он тут всегда старался приобщаться, и приобщался тут накануне конца.

Народ, по изнесении из этой церкви гроба с мощами, хлынул туда, и там теперь служат молебны. На глазах графини, девочка лет 9-ти на вид, приведенная матерью на костылях, пошла здоровая.

Я видел исцеленных. Одна женщина из Верного, Семиреченской области, слепорожденная – прозрела.

Известный Петербургский проповедник Орнатский спрашивал её, что она видит – и нарочно спрятал с груди золотой крест за рясу. Потом вынул его.

– Вижу у тебя на груди свет, ответила она.

Другого прозревшего мальчика мать не поверила чуду. Но тогда она отошла неслышно от сына, и тот побежал за нею, пришлось признать счастливую действительность.

Расслабленные ходят. Изумительно выражение лиц исцелившихся детей. Я видел вчера в 6 час. одного 11 лет мальчика, не ходившего два года; его держала за руку бабушка, с плачем рассказывавшая о чуде, а мальчик с чрезвычайною радостью в глазах и отпечатком чего-то неземного на лице.

Один старик после троекратного купанья пошел, – старик, рассказывающий, как долго «он не был хозяин своего тела»!

Чудные дела!

Точно у могилы старца долго-долго скоплялись благодатные силы, и теперь словно благодатная гроза разразилась, и полил благодатный дождь, разрежая сгущенный, нависший над жизнью туман зла, болезни, отчаяния.

И так хорошо на душе. Всех любишь, ничего не страшно, веришь в добро и правду, ждешь счастья.

Он так много может дать. Он прославляется, чтобы нести нам небесные дары и земные лучшие радости!

IV. Паломничество Их Величеств в Саров

15 июля Их Величества Государь Император, Государыни Императрицы, великие князья и княгини, в сопровождении министров двора, Внутренних дел, Путей Сообщения и свиты, изволили отбыть из Петербурга в Саров на торжество открытия мощей св. Серафима Саровского.

Вся верующая Русь с благоговейною радостью благословляла этот святой подвиг Царя, придавший Саровскому церковному торжеству свой особый блеск и общегосударственное значение.

Отметила это событие, как высокочтимательное, и вся почти печать. Особенного внимания заслуживает по этому поводу статьи «Моск. Вед.», «Гражданина», «Света» и др.

«Моск. Вед.» в статье «Государев поход в Саров», говорят:

«Текущий год останется на века достопамятным в сознании православного Русского народа.

Только что улеглось в восхищенном сердце народном высокорадостное настроение, вызванное пребыванием Великого Государя в златоглавой Москве в великие дни Страстей Христовых и Светлого Христова Воскресения. И вот снова Царь-Батюшка разделяет со всей Своей землей молитвенный подвиг и священную духовную радость в торжественные дни прославления новоявленного угодника Божия!... Любвеобильный Отец, окруженный верными Его сынами великой Русской семьи, первый среди них воздаст хвалу Богу, явившему новую свою милость земле Русской, первый принесет державное моление, прося заступления Преподобного пред престолом Царя Царствующих за всю Державу Российскую.

Невозможно представить себе что либо возвышеннее, трогательнее этого великого момента сердечной молитвы Господней – Отца земли Русской пред священными останками

великого угодника Божия, так любившего Русский народ и так им почитаемого!...

В последние века родная наша история уже давно не представляла нам подобных моментов. А в старые годы такие моменты бывали, являя собой свидетельство тесной духовной связи между государями и Русским народом. Видим мы это даже еще на заре христианства в России, при перенесении первых у нас мощей свв. Бориса и Глеба.

Позднейшая благочестивая наша старина времен Московских сохранила нам память о путешествиях Государей Русских на поклонение чтимым народом святыням.

Возобновляя в благодарной народной памяти дорогие воспоминания об усердии Русских Венценосцев к родным святыням, скрепляя и являя миру тесную живую связь наших Государей с православным сознанием верноподданного Русского народа, Государев поход в Саровскую обитель является новым и великим доказательством прозорливости новоявленного Угодника Божия.

Так говорил он одной из Дивеевских монахинь:

«А как царская фамилия приедет к вам, матушка, то войдете за святые то ворота, да распахнете их широко-широко, да низко-низко поклонитесь до земли, да скажите «покорно просим пожаловать, покорно просим», – и батюшка сам три раза низко до земли поклонился.

Молитвы сынов всей земли Русской сольются у чудотворных останков великого Угодника Русского с отеческою молитвой Царя-Батюшки. Понесутся они сюда со всех концов Святой Руси, из всех её многочисленных храмов, где во дни прославления человека Божия соберутся православные и горячо помолятся за своего Государя, молитвенно предстоящего за Свою державу пред священными останками новоявленного Чудотворца».

Горячо приветствовал великое значение Царского паломничества в Саров и «Гражданин».

«Сегодня началась дорогая для русского сердца Саровская седмица, говорит орган кн. Мещерского.

Не зашло еще солнце дня св. Владимира, крестителя русского народа, как Царь садился в поезд, чтобы ехать в Саровскую пустынь на торжество прославления инока-отшельника Серафима.

Да будет благословен Его путь!

Путь этот предстоит Царю по волнам народного моря, коих каждая брызга есть благословляющее Его веяние любви.

И эти волны народного моря донесут Царя до тихой обители, где под звон колоколов, под славословие церковных хоров, под народные возгласы радующейся веры, Он станет во главе своего народа, чтобы преклонить колена у гроба новопрославленного Чудотворца.

Неподалеку от этой обители, в лесу, есть колодец, по преданиям, он – дело рук старца Серафима.

Придет к этому колодцу и Царь русской земли смиренным и верующим паломником. Придет молиться об исцелении болящей России! Придет молиться о подкреплении Его сил силами Божественной благодати! Придет молиться об укреплении здоровых, об исцелении болящих, о просветлении заблудших! И этой молитве Царя будет вторить невидимо, но слышно молитва всего русского народа.

И не будет на Руси в эти дни сердца неверующего, что Царь, пришедший в Саровскую обитель во главе всех труждающихся и обремененных, всех скорбящих и молящих, восприял в ней покоя и исцеления для труждающихся и для болящих своего обширного царства! Нет на Руси души, неверующей, что в сей обители для пользы Своего народа Царь укрепит Свою мощь...

Вот чем свята и отрадна наступившая Саровская седмица.

Кабы время не было трудное на Руси – сие свершающееся в православной её Церкви торжество не было бы столь знаменательно.

Ныне же, когда в дом верующего подкрадывается неверующий потушить его свет и ослабить его силу, когда творчеству любви хочет мешал ненависть разрушения, когда столько болящих сомнением и неверием, – это саровское торжество не потому-ли так знаменательно, что оно является

для всего русского народа тем, чем был тихий отшельник Саровской пустыни для отдельно приходивших к нему целиться: утешением для удрученных скорбью, светом для пребывающих во тьме, врачом для болящих и силою для слабых!

Да благословит же Бог путь Царя на этот праздник веры, творящей чудеса!»

Даже такая космополитическая газета, как «С.-Пет. Вед.», и та замечает, что присутствие Царственных богомольцев на торжестве прославления святого – «важно, необходимо и знаменательно».

«Важно подтвердить единение Царя и народа, необходимо простым и общепонятным актом провозгласить и единство исповедуемых ими идеалов и наконец знаменательно то, что наблюдая воочию, – как в старину, – зрелище Царской молитвы, народ не может не отнести наибольшую долю Его смиренных и горячих прошений перед Престолом Всевышнего к своим народным нуждам и заботам. Мысль каждого, наиболее скромного и незаметного паломника, о том, что Царь включает и его в Свою общую молитву о народном благоденствии, несомненно явится новым и важным звеном в укреплении чувств любви и преданности, которыми народ привык окружать своих Самодержцев. Мы часто забываем значение действий, реальные последствия которых трудно учесть, но интерес народов, – не только нашего, – к проявлениям духовной жизни выражается на каждом шагу, в разных пунктах земного шара: – он выразился в мировом сочувствии к болезни и смерти римского первосвященника, он выражается и в подъеме мусульманского фанатизма и в пробуждающемся ригоризме американских сект. У нас он выражается в той форме, которую мы излюбили исторически, которую считаем истинной и от которой никогда не отречемся».

17 июля последовала торжественная встреча августейших паломников, во главе с Царем. Приняв в ближайшем к обители селении рапорт губернатора и подношения от deputаций и представителей всех сословий Тамбовской губернии, Их Величества сели в экипажи и поехали в обитель. Вслед долго

гремело «ура» крестьян, летели вверх их шапки; счастливые и радостные стали расходиться депутации.

Из Успенского собора Саровской пустыни, при гуле всех её колоколов, блистая золотом облачений и хоругвей, вышел крестный ход с хором невских митрополичьих певчих и во главе с митрополитом спб. Антонием, архиепископом казанским Димитрием и преосвященными Иннокентием тамбовским и Назарием нижегородским.

При повороте из леса к речке есть маленькая часовня, где Их Величества остановились и слушали краткое молебствие.

Двор монастыря полон богомольцами, причем по дорогам их тысячи; куда ни посмотришь – всё люди с котомками и посохами. И как они довольны, рады, счастливы в этот момент, что могут видеть Царя и Цариц, и шумным, как океан-море, «ура» приветствуют они Их Величества.

Встреченные у Святых ворот митрополитом с причтом и выслушав его приветственную речь, Государь, Государыни и вся Царская Фамилия, в предшествии крестного хода и архиереев, идут в Успенский собор, где слушают краткое молебствие с положенным Царским многолетием. Из собора Их Величества в предшествии хора тамбовских епархиальных певчих и духовенства идут в церковь свв. Зосимы и Савватия, где временно лежат мощи преп. Серафима. С Их Величествами и августейшими особами входят только митрополит и архиереи, все прочее духовенство остается в ограде. Затем из церкви, при пении «Спаси Господи люди Твоя», митрополит провожает Их Величества до Царских покоев и, осенив крестом, возвращается в Успенский собор, где служит торжественный молебен по случаю Их приезда.

И так Царь и Царица в Сарове. С умилением видит это, слышит, говорит и повторяет глубокий верою и сильный преданностью Царю русский народ.

Глубокое впечатление произвело на народ неожиданное для него появление 18 июля Государя и Государынь за ранней обедней в Успенском соборе. Как простые обыкновенные богомольцы, пришли без свиты и всяких властей Царь с Царицами и за обедней удостоились принять причастие Св.

Христовых Таин. Собор был наполнен народом. С ним вместе молились Венчаные Богомольцы, с ним вместе причащались. Через всю церковь Их Величества прошли на левую сторону, где в приделе печерских чудотворцев совершалась ранняя литургия архимандритом Андреем, заведующим миссионерскими курсами в Казани, в сослужении игумена пермской Белогородской пустыни Варлаама и пяти других священников и иеромонахов. Пели невские митрополичьи певчие. За причастным красноречивое слово о жизни старца Серафима произнес петербургский священник о. Орнатский.

Их Величества Государь и Государыня приняли причастие, а за Ними причащались более 50 простых богомольцев, во время причащения которых для Их Величеств читались запричастные молитвы ключарем тамбовского собора о. Пospelовым.

После причастия Их Величества прикладывались ко кресту и удалились к Себе в покои.

Затем в 10 ч. дня Их Величества и все Августейшие Особы осматривали монастырь, начав с новой церкви св. Троицы, где находится келья о. Серафима. Осмотрев её, прошли в часовню над могилой св. Серафима, спускались в склеп, прошли в церковь св. Иоанна Предтечи. Из этой церкви низом возвратились в Свои покои, откуда прошли в церковь свв. Зосимы и Савватия, где временно лежат мощи преп. Серафима, и из этой церкви вернулись в Свои покои.

Их Величества затем осматривали помещенные в соборе принесенные в дар обители разные хоругви, более 40. Из церкви Их Величества прошли в часовню над могилой св. Серафима, спускались в склеп, где поставлена гробовая его колода, в которой он был погребен, и поклонились также гробнице почивающего здесь же всеми чтимого подвижника молчальника схимонаха Марка.

Из часовни Их Величества вышли и прошли в церковь св. Иоанна Предтечи, из которой низом через свои покои прошли в церковь свв. Зосимы и Савватия, где временно лежат мощи новоявленного угодника Божия Серафима.

V. Церковные торжества 16–20 июля в Сарове

Непрерывным рядом торжественных богослужений и обрядов в обители ознаменовалось открытие мощей преподобного о. Серафима Саровского. 16-е и 17-е июля были посвящены поминовению его, его родителей и всех, к кому он при жизни имел служебное отношение.

17-го утром, в восьмом часу, раздался с Саровской колокольни громкий звон: то выходил из пустыни крестный ход на встречу крестному ходу из Дивеева, который вышел в третьем часу ночи.

Под торжественный трезвон тихо двигался лес хоругвей, раскачиваясь на крепких палках, звеня тяжелыми привесами и кистями. Потом, за воздвизальными крестами, несли три святыни – чудотворную икону Знамения Богоматери из Серафимо-Понетаевского монастыря, образ Преподобного Серафима, впервые носимый на крестном ходу, и заветную икону Богоматери, «Умиления», которую старец называл «Всех радостей радость», которая была его келейною иконой и на молитве пред которою он скончался.

Чрезвычайно живописен был этот крестный, далеко растянувшийся ход, разнообразие горящих на солнце хоругвей, разноцветные, пестрые ризы сельского духовенства, толпы народа со всех сторон, высокая часовня-беседка с высшим духовенством в золоте, а там густой лес с просекой, по которой нескончаемой лентой проезжали казаки, спешившие на встречу Государю.

После молебна, архиерей поднял в руках тяжелую икону Умиления и осенил ею народ на все четыре стороны.

Ход тронулся к монастырю. Нельзя без волнения думать об этом торжественном возвращении в Саров, для присутствия при прославлении того человека, который пред нею молился, пред нею умер, знаменитой теперь святыни, которая 70 лет назад была унесена трогательными дивеевскими «сиротами», как часть неценного для Саровцев имущества «убогого Серафима». Теперь же она возвращалась во славе к прославляемому старцу, который так чтил и любил её.

После крестного хода была обедня, отслуженная митрополитом Петербургским Антонием и епископом Назарием

Нижегородским, который сказал слово о жизненности старца Серафима и его близости к верующим, и была отслужена торжественная панихида по старце.

Вечером служили *парастас* – торжественную заупокойную всенощную.

Теперь, когда слышишь последние о нём заупокойные молитвы, (говорит в «Моск. Вед.» г. Поселянин), доселе во все эти дни, всё как-то не привыкает мысль к этим противоположностям.

С одной стороны, страшное убожество, «снитка», с другой – великолепные облачения, золотые митры собравшегося в честь его духовенства, золотые хоругви и лампы ему принесенные. С одной стороны – пустыня, безмолвие, общество медведей; с другой стороны, кроме нескончаемого простого народа, много избалованных горожан, оставляющих удобства жизни, чтобы приехать к этому пустыннику и, наконец, Русский Двор и Царская Семья.

17-го вечером в одиннадцатом часу, после всенощной-парастаса, архимандриты, руководимые преосвященным Иннокентием тамбовским, перенесли стоявшую в церкви свв. Зосимы и Савватия колоду, в которой был погребен преподобный и из которой мощи его, покрытые серебряным глазетом, были переложены в кипарисный гроб, вложенный в другой, дубовый, роскошный, художественной работы, с украшениями из матового серебра. Архимандриты снесли колоду на полотенцах и положили её в могилу преподобного, обращаемую теперь в часовенку.

18-го июля совершено последнее поминовение о. Серафима, как простого человека, в торжественной панихиде, а вечером за всенощной началось уже его прославление, как святого Российской Церкви.

В 6 часов загудел большой колокол ко всенощной. Высокоторжествен был выход на литию. В предшествовании двух хоровых певчих, тамбовских архиерейских и невских митрополичьих, митрополит Антоний с архиепископом казанским Димитрием, преосвященными епископами тамбовскими Иннокентием и нижегородским Назарием, в

роскошных золотых с вытканными серебром изображениями херувимов по золотому фону облаченьях, – дар Государя Императора для всех участников торжества, – вышли из Успенского собора, прошли в церковь свв. Зосимы и Савватия, где временно стояли мощи преподобного Серафима. Их Величества, все Августейшие Особы, министры и свита следовали за процессией. По пути шпалерами стояли хоругвеносцы с принесенными в дар обители хоругвями, которые высоко сияли золотом над толпою народа, наполнившего площадь около церкви. В церкви гроб с мощами преподобного стоял посредине. Митрополит совершил каждение и с архиереями, и с архимандритами поднял его. Государь Император и Великие Князья вынесли его из церкви, перед которой положили на зеленые бархатные носилки. Священники стояли по сторонам их шпалерами. Гроб покрыли богатым бархатным, вышитым шелком покровом. Начался перезвон колоколов. Государь и великие князья подняли носилки спереди, архимандриты и архиереи позади и понесли.

Величественная и умирительная картина. При жизни о. Серафим был самый смиреннейший и беднейший из старцев, богатый лишь своей простотой и любвеобильный душою, и теперь – гроб этого смиреннейшего человека несет Самодержец земли Русской с Великими Князьями и иерархами Церкви. 8 фонарей несут псаломщики, за ними 4 запрестольные креста; хоругвеносцы в своих парадных кафтанах с серебряной и золотой бахромой несут 52 жертвованные хоругви, блистающие серебром и золотом, разнообразные по форме – в виде икон, сияний, орифлам; за нами синяя с голубым лента певчих; за нею золотая лента духовенства: псаломщики и диаконы по два в ряд, священники, иеромонахи, протоиереи, диаконы с кадилами и свечами; шесть малых кипарисных хоругвей окружают носилки с гробом преподобного, который осеняют рипидами 4 диакона по сторонам. Государыни Императрицы, Великие Княгини непосредственно следуют за гробом. Как только показался высоко поднятый на носилках гроб преподобного, закрестилась, заволновалась многотысячная толпа и стала опускаться на колена. Послышались вздохи,

плакали женщины, плакали мужчины; все эти тысячи народа, как один человек, были охвачены одним общим религиозным настроением, все чувствовали одно и тоже. Тихо, в полном порядке двинулась процессия. Колокола то гудели басом, то перезванивались тонкими звуками. Процессия подошла к Успенскому собору и пошла вокруг него, останавливаясь на каждой стороне его, причем архиерей возглашал на каждой стороне храма по одному из прошений литии. Перед западными воротами митрополит прочитал молитву, в которой, призывая имена святых, призвал и имя преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Затем при перезвоне колоколов внесли гроб в собор и поставили по середине храма. Все в церкви стояли со свечами. Певчие запели тропарь преподобному и митрополит совершил каждение и благословение хлебов. Между кафизмами преосвященный Иннокентий произнес слово (Прокофьев).

Громадное впечатление произвела эта речь, сказанная с волнением и слезами, и её конец: «Чрез минуту откроется крышка этого гроба, и мы пропоём пред мощами нового Чудотворца: «Ублажаем, ублажаем тя, Преподобне отче Серафиме!»

Запели «Хвалите!» вышли епископы, и по левой руке стало духовенство. Когда замолкло пение, митрополит Антоний подошел ко гробу, раздалось щелканье замка, и крышка была снята. Открылось под глазетовую пелену очертание тела, медный крест на груди, и на челе святого прорез для целования мощей.

Как при переносе гроба, я ощущал благоухание, которое было еще сильнее, когда я подошел прикладываться.

Когда сняли крышку, раздалось пронзавшее, кажется, самое небо пение: «Ублажаем, ублажаем тя, Преподобне отче Серафиме, и чтем святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов!» И какое было счастье подпевать этой гремевшей хвале: «Преподобне отче Серафиме».

Могучее чувство стояло в воздухе, мужчины не стыдились утирать слезы.

И вся слава этого дня, эти летящие во все концы света телеграммы о поездке Царя к останкам пустынноика, это слияние здесь, в прославлении духовного подвига, Русского народа со своим Вождем, этот блеск Православия во всём его потрясающем величии, – какая разительная противоположность с положенным 70 лет назад в дубовую колоду сгорбленным, изможденным непомерными подвигами старичком, тайновидцем, Божьим пророком и чудотворцем, но тихим, крепким, умиленно-любовным, детски-простым.

Пой же Русь, гремя ему хвалу высоко, громко, все выше и громче, до самого Престола, где он дерзновенно предстоит пред Сущим, откликаясь на всякий вздох, доносящийся к нему с измученной земли.

Пой, пой ему громче, Русская земля, радуясь, что ты, твой дух его создал, что тебя он выражал в своей жизни, в своих стремлениях: пой ему громче: «Ублажаем, ублажаем тя!» (Поселянин).

После величания к мощам прикладывались архиереи, потом Государь и Царская Семья, потом все бывшие в церкви...

Долго продолжалась всенощная. Был двенадцатый час, когда она окончилась. Под стенами монастыря стояли ночью тысячи народа. Составились благочестивые кружки, читались и пелись акафисты, канон.

На другой день везде совершены в церквях обители ранние обедни, за которыми были сотни причастников. В 8 час. утра загудел большой колокол к поздней литургии. Митрополит с архиереями и 12-ю архимандритами совершил литургию.

В соборе молились Государь, Государыни и вся Царская Семья, прибывшая в Саратов, министры, Двор, губернатор и губернские власти, земские начальники, был впущен и народ.

Когда запели на выход с Евангелием, архимандриты подняли на руках кипарисный гроб с мощами св. Серафима и понесли в алтарь, где торжественно обнесли его вокруг престола.

Вся церковь стояла на коленях. Гроб с св. мощами был вынесен из Царских дверей и принесен к мраморной раке, помещенной под великолепной золоченной сенью в виде

часовни русского стиля, дар Их Величеств, а превосходной работы ковер у раки дар Государыни Александры Феодоровны. Дияконы прежде опустили в раку наружный дубовый гроб с серебряной отделкой художественной работы. Митрополит, архиереи, архимандриты опустили кипарисный гроб с мощами в раку в положенный дубовый гроб.

Затем литургия продолжалась обычным порядком, при чудном пении невских и тамбовских певчих. Архиепископ казанский Димитрий произнес слово. Кончилась литургия. Колокола звонят к молебну. При пении 33-го псалма, митрополит с архиереями и всё служащее духовенство, вышед из алтаря, окружило раку. Поставили перед ней бархатные зеленые носилки – и снова повторилась умилительная картина вчерашнего дня. Государь с Августейшими Богомольцами помог митрополиту и архимандритам вынуть дубовый гроб и поставить на носилки. Благоговейно все опускаются на колена. Певчие поют тропарь преподобному. Святые мощи уносятся из храма при звоне его колоколов. Снова среди стен народа вьется торжественная процессия, еще ярче, чем вчера, сверкают на солнце вереницы хоругвей, золотые ризы духовенства. Снова Царь с Великими Князьями и сонмом духовенства высоко на носилках несут св. мощи праведника, но в открытом теперь гробе, и тысячи глаз устремлены на него с мольбой, с надеждой, с верой, – с горячей верою, к которой так способна душа русского человека.

Звонят колокола. «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас», – поет духовенство, и тысячи уст подпевают и тянут эту молитву. Процессия обходит с пением канона кругом двух соборов, Успения и Живоносного Источника, и св. мощи вносят в Успенский собор и влагают их в раку. Митрополит и архиереи совершают поклонения. На колена опускаются перед ней Царь, духовенство, все молящиеся. Митрополит читает, коленопреклоненный, молитву св. Серафиму.

Совершается отпуск. Архидиакон возглашает многолетия «Благочестивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, веры Христовой Ревнителю, Защитнику и Покровителю», Государыням

Императрицам, Государю Наследнику и всему Царствующему Дому, митрополиту Антонию и служащим архиереям, всему освященному собору, военачальникам, градоначальникам, христоролюбивому воинству и всем православным христианам. Когда смолкло «многая лета» хоров певчих, басистый речитатив архидиакона запел молитву о спасении обители, братии её и утверждении храма, а хор трижды повторил нотное «Спаси, Христе Боже».

Всё Царское Семейство прикладывалось к св. мощам. Митрополит благословил Их Величеств и Августейших Особ иконами.

Так закончилось торжество открытия св. мощей, и народ устремился прикладываться.

В 2 часа дня в монастырской трапезной Их Величества разделяли праздничную братскую трапезу.

Встреченные высокопреосвященным Антонием и преосвященным Иннокентием, Их Величества и Августейшие Особы прошли к Царскому столу, накрытому во втором зале под расписным куполом. Перпендикулярно к Царскому столу тянулись 5 линий других столов. Крайняя линия была занята исключительно монашествующими лицами. От входа зал был украшен рядами параллельных столов. Тут поместились депутации городов и прочие депутации, земские начальники, хоругвеносцы. Митрополит благословил трапезу. В середине обеда митрополичий архиерей Иоанн возгласил Царское и прочие многолетия и было также спето «Спаси, Христе Боже».

Целый день шел колокольный звон в монастыре.

В 4 часа дня Их Величества отбыли в павильон в гости к дворянам, а высокопреосвященный митрополит спб. Антоний с преосвященным тамбовским епископом Иннокентием, архимандритами и сонмом духовенства совершили молебствие св. Серафиму для хоругвеносцев и депутаций на духовном торжестве. Человек до 700 хоругвеносцев наполняли собор. Перед молебствием митрополит Антоний произнес слово. Им были освящены также многие иконы, и в числе их огромная, в сажень вышины, икона св. Серафима, принесенная гражданами гор. Перми в дар открывающемуся при Пермском Белогорском

монастыре Серафимовскому скиту, первой в России обители имени новоявленного святого. Самый же монастырь открыт в память избавления Государя Императора от опасности в Отсу.

VI. Отбытие Их Величеств из Сарова и окончание торжеств
Наступило и 20-е июля, когда Их Величества и Августейшие Богомольцы оставили Саровскую пустынь.

В Сарове Их Величества в 8½ ч. утра слушали в Успенском соборе напутственное св. Серафиму молебствие, совершенное митрополитом, архиепископом Димитрием и епископом Иннокентием, и вышли, провожаемые братией и духовенством до ворот св. обители. Здесь сели в экипажи. У часовенки за речкой было совершено молебствие и местные крестьянки поднесли свои изделия. По пути в деревнях избы убраны флагами, платками, полотенцами. Стоявшие у часовни дети школы пели «Спаси, Господи, люди Твоя». В каждой деревне на пути в Дивеев были выстроены арки и крестьяне подносили хлеб-соль.

При звоне колоколов навстречу Царскому поезду вышли из собора Дивеевского монастыря на паперть сестры обители с крестным ходом. Во главе духовенства шел преосвященный нижегородский Назарий с архимандритами и священниками. В соборе Их Величества прикладывались к иконам и приняли подносимые от обители в благословение иконы.

Их Величества из собора прошли в келью игуменьи, где затем слушали в её домово́й церкви литургию.

После литургии Их Величества с их высочествами осматривали обитель, посетили так называемую дальнюю пустыньку о. Серафима на кладбище монастыря, где алтарь церкви Преображения Господня сделан из кельи о. Серафима. Их Величества осмотрели также типографию, литографию, иконописную мастерскую и школу для девочек, – хорошо устроенное здание. Возле этой школы стояла девичья церковно-приходская школа из Ардатова. Их Величества слушали пение детей. В покоях игуменьи Их Величествам игуменьей Марией и бывшими здесь другими игуменьями поднесены рукоделья монахинь.

При колокольном звоне и провожаемые «ура» народа, Их Величества и их высочества отбыли на станцию Арзамас.

Глубокое впечатление на весь православный люд оставило присутствие Царя и Цариц на этом редком духовном торжестве, и народ видел Их, Кого он так любит и обожает простым и нежным своим сердцем, среди себя, на дорогах его религиозному чувству освященных местах, видел и в самом храме вместе молящимися. С какой неподдельной радостью и умилением смотрел он на своих Царя и Цариц.

Его Величество приказал нижегородскому губернатору объявить Его царскую похвалу народу за образцовый порядок, поддерживаемый самим народом.

* * *

20-го июля в Сарове всем собором иерархов совершено освящение нового храма, а 22-го в Дивееве. Этим и закончились Саровские церковные торжества. 23-го июля иерархи отбыли из Сарова, а народ все прибывает и прибывает. Слава Господу, дивному во Своем новопрославленном Святом Угоднике Божиим Серафиме!

В. Скворцов

Присоединение раскольницы к православию

В Саров прибыла ярая раскольница кр. Самарской губернии, Никольского уезда, Дарья Ермилова, 60 лет. Она приехала в Саров еще в начале июля месяца и постоянно ходила к источнику преподобного Серафима. При виде массы исцелений над больными она поняла всю ложность раскольников, стала горько плакать и в конце концов решилась присоединиться к православию. Местное епархиальное начальство направило её к прибывшему на торжество из Москвы достоуважаемому о. протоиерею И. Г. Звездинскому. О. протоиерей, присоединивший к православию во время своего настоятельства при Введенской церкви в Москве около 2.000 человек раскольников, с радостью принял порученное ему дело, несколько дней наставлял он Ермилову в истинах православной веры, и, убедившись в полной искренности её верований, присоединил к православной Церкви в понедельник, 14 июля, в монастырском храме.

До обращения своего в православие Дарья Ермилова много лет слыла среди раскольников за опытную начетчицу, и её обращение в православие поразит многих из её земляков. В этот же день новоприсоединенная сподобилась причаститься св. тайн.

Наказанное кощунство

«Русский Листок» сообщает, что в пятницу, 18-го июля, в дер. Стеаурине, Богородского уезда, близ Павловского посада, Моск. губ., произошел следующий необыкновенный случай. Крестьяне на сходе постановили в день прославления преподобного Серафима не выходить на полевые работы. Все изъявили своё согласие на это, кроме старообрядца Ситнова, который начал глумиться над преподобным, говоря, что он вышлет своих рабочих нарочно в поле. Вдруг в самый разгар надругательств Ситнов пошатнулся и упал. Когда наклонились к нему, оказалось, что он мертв. Крестьянами овладел благоговейный ужас. Весть о событии быстро пронеслась по окрестным деревням. Местные старообрядцы, смущенные смертью Ситнова, воздержались от работ 19 июля.

* * *

Саров и Рим

Жизнь иногда дает такие противопоставления, которые поучительнее речей мудрецов и кажутся нарочно созданными для освещения и уяснения истины, так рассуждает «Свет».

Ныне на двух концах Европы совершается два великих, но несходственных между собою, события.

В глухих тамбовских лесах, в отдаленной от мира пустыни прославляется новый угодник Божий, преподобный Серафим, прославляется всею землею русскою с Царем во главе, всею церковью православною.

В «вечном городе», в тиши ватиканских замуравленных палат, конклав «князей церкви» избирает из среды своей «наместника Господу Христу».

Тут – под радостный звон Саровских колоколов, неизреченною милостью Божией, восстает новый предстатель перед престолом Господним за родную Русь. Тут сопричисляется к лику святых смиренный инок в липовых

самодельных лаптях, согбенный при жизни, ибо не пожелал противиться напавшим на него разбойникам, инок сильный лишь верою, смирением, добротой, чистотой всей жизни. Единый от «малых сих» становится одним из первых и Царь русский склоняется пред Царем Царствующих в благоговейной признательности к неоскудевающей милостями десницы Божией. Тут – вершится дело Божие.

Там, – под шёпот интриг и шипение зависти, служители алтаря, называющие себя «церковными князьями», выдумывают себе владыку, готовятся назвать его наместником Христа, как будто у Господа бывают наместники, готовятся облечь одного из среды своей в виссон и багряницу, увенчать его тиарою, более похожую на венцы ассирийских деспотов древних времен, чем на терновый венец Искупителя, обусть его ноги в туфли с нашитым на них животворящим крестом, к которому будут прикладываться верующие римско-католики. Там – куется и плетется дело человеческое.

Тут – праведник, по силе своей веры, сопричисляется к сонму очищенных от греха угодников; там, – по силе кардинальского избрания, человек, иногда наиболее грешный, становится «непогрешимым». Тут – смирение возвеличивает; там – смирение предается забвению.

Не поучительно ли это сопоставление? Не вытекает ли из него как ближе к Богу Церковь православная в своём духовном смирении, по сравнению с римским католицизмом в его гордыне.

Как известно избранным оказался кардинал Сарто, принявший имя Пия X.

Рака, сень и лампы св. Серафима Саровского

Храм Успенский, в той части его, которая назначена для «верных», имеет четыре колонны. Между двумя, с правой стороны, колоннами и поставлена рака, исполненная по рисунку и под наблюдением состоящего при гофмаршальской части князя М. С. Путятина.

Рака утверждена на 4-ступенном возвышении, белого мрамора.

Сама рака, напоминающая отчасти знаменитую гробницу Ярославов, белого чистого мрамора и производит самое светлое впечатление своим безыскусственным изяществом. Мрамор, из которого сделана рака, называется Вязелемский и добывается у Гапсаля, в Эстляндской губернии. Рака состоит из четырех массивных плит, не имеющих ни шлифовки, ни позолоты, в память нищеты и смирения старца Серафима. На этих плитах высечены изображения. На главной плите – крест византийского образца; на плите у ног – начальные буквы имен создателей раки, Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны, под шапкой Мономаха. На боковых плитах изображено подобие креста – материнского благословения Прохора Мошнина (впоследствии отца Серафима). По углам саркофага – пилястры с восьмиконечными крестами древнего вида, а по верхнему и нижнему фризу идут пальмовые ветви, – символ мученической жизни и победного венца старца Серафима.

Кроме этих изображений плиты имеют и надписи.

В головах:

«Праведницы во веки живут и в Господе мзда их, и попечение их у Вышняго» (Прем.5:15).

«Хранит Господь вся кости их: ни единаче от них сокрушится» (Пс.33:21).

В ногах – молитва, написанная собственноручно Преподобным в одной из его книг.

«Спаси, Господи, и помилуй раба Своего, и просвети его ум светом разума Святого Евангелия Твоего и настави его на стезю заповедей Твоих, и научи его, Спасе, творити волю Твою, яко Ты еси Бог наш» (Св. Препод. Серафим Саровский).

На боковых же досках – летопись главнейших событий жизни Старца в следующих словах:

«Святой преподобный отец наш Серафим, Саровский Чудотворец, родился в городе Курске, в лето от создания мира 7267, а от Рождества Христова 1759, месяца Июля в 19 день.

В святую Саровскую обитель вступил лета от Р. Х. 1778 месяца Ноемвриа в 20 день.

Иноческое пострижение прият лета 1786 месяца Августа в 13 день.

Во иеродиакона рукоположен лета 1793 месяца Септемврия во 2-й день.

Удалился в пустыню лета 1794 месяца Ноемврия в 20 день.

Чудесно исцелен бысть от ран явлением Пресвятыя Пречистыя Девы Богородицы месяца Септемврия лета 1804.

Прият подвиг молчания и удалися в затвор в лето 1810.

Остави затвор лета 1825 месяца Ноемврия 25 день.

Чудесного посещения Богоматери сподобися лета 1831 месяца Марта в 25 день.

Отъиде ко Господу лета 1833 месяца Януария во 2-й день».

Крышка у раки серебряная, весом около 3½ пудов, имеет форму рамы, в которую вставлено изображение Преподобного Серафима, лежащего во гробе. По углам рама украшена металлическими шестикрылыми серафимами, а между ними по четырем сторонам вязью начертан тропарь преподобным.

Верхнюю часть крышки отдельно от всей крышки можно откидывать назад, как бы окно; на внутренней стороне этой откидной части изваян выпуклый шестикрылый серафим.

В этой раке покоятся мощи Преподобного. Он лежит в кипарисовом гробе, который положен в дубовый ящик-колоду со съемною крышей, представляющий художественное воспроизведение того гроба, в котором мощи старца Серафима 70 лет пробыли в земле. Колода эта имеет обручи в виде железных листьев и скобы для несения гроба на руках.

Вокруг гробницы устроена бронзовая решетка, с изображениями на боках шестикрылых серафимов, а по углам – двуглавых орлов.

Сень, Владимирско-Суздальского типа, покоится на четырех мраморных столбах и имеет вид часовни над колодцем; она – из позолоченной бронзы, тонкой чеканной работы, увенчана 5 главами-луковками. В четырех кокошниках сени помещены превосходные картины из жизни старца Серафима, кисти московского иконописца В.П. Гурьянова. В арках помещены: нижних глав – святые Семьи Государя Императора, а вокруг

средней главы – святые празднуемые в достопамятные в жизни Старца дни.

В кокошнике обращенном на запад – изображение Нерукотворенного образа Спасова. Под ним подписаны слова, объясняющие всю жизнь Старца и то, как мог он в слабом человеческом естестве показать такие подвиги:

«Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки».

Этимися словами он ответил сам пред концом жизни, на вопрос о том, как он мог понести такие подвиги.

Кокошник левого бока, смотрящий внутрь храма, изображает «моление на камне», весьма обдуманно воспроизведенное. Преподобный стоит с воздетыми руками среди ночной темноты, в очень естественной позе. Подпись, как под всеми в кокошниках изображениями, – металлическими буквами:

«Боже, милостив буди мне грешному».

Именно этими словами молился Старец во время своего подвига столпничества на камнях.

В кокошнике обращенном на восток изображена блаженная кончина старца Серафима. Старец, читая молитвы, почил коленопреклоненный, склоняясь головой к аналою. Подпись:

«Честна пред Господом смерть преподобных его».

Кокошник правого бока содержит картину торжественного явления старцу Пресвятой Богородицы, и внизу написаны слова молитвы старца Богоматери:

«Господи Иисусе Христе Сыне Божий, Богородицею помилуй нас!»

По внутренней стороне крышки раки начертаны слова:

«При Державе Благочестивейшего Великого Государя Императора Николая Александровича Самодержца Всероссийского создася рака сия повелением и усердием Их Императорских Величеств Государя Императора и Супруги Его Благочестивейшия Государыни Императрицы Александры Феодоровны в лето от Рождества Христова 1903 месяца Июлия в 19-й день».

Там, где начинается сень, опять по 8 сторонам помещены живописные изображения «шестикрылых серафимов».

Не говоря о том прекрасном впечатлении внешней красоты и изящества, которое производит эта чрезвычайно оригинальная рака, она запечатлена во всех подробностях своих тою высокою духовностью, тем рвением ко славе старца Серафима и вдумчивым знанием его жизни, которое доступно лишь сердцу глубоко-убежденному и преданному Старцу.

Вокруг раки повешены лампы. Прямо за сердце хватает надпись по великолепной и большой лампаде:

«Своему святому соотчину новопрославляемому Преподобному Серафиму, Саровскому Чудотворцу, благоговейно чтущие Куряне».

Михаил, иером. Из Откликов духовной печати.²⁴ (19 июля) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 287–290

«Корень и основа – Кремль, Киев, Саровская пустынь...».

Эти слова были сказаны полвека назад человеком, которому никто не решится отказать в глубоком понимании православия, внутренней его сущности, его «духа и силы».

Мы говорим об Алексее Степановиче Хомякове (письмо к Кошелеву). И в вышеприведенных словах Хомяков обнаружил ту же глубокую проникновенность и вдумчивость богослова – не по профессии, а «по вдохновению», как его называли. Киев, Кремль, Саров – смелое и сильное сопоставление! Да, Саров – это не просто новый пункт святого подвижничества, новый «*святой монастырь*», – это эпоха, новый момент в истории русского православия.

Во избежание недоразумений спешим оговориться. Преп. Серафим, конечно, ученик и воплотитель духа того же самого христианства, носителями которого были св. Макарий, Антоний, св. Иоанн Милостивый и друг., но в русском сознании человека нашего времени подвижничество Киева и старой Москвы отобразилось односторонне. Благодаря односторонности авторских приемов старой агиографии, перед нами всё подвижничество прошлого окрашено в суровые и темные цвета. Мы знаем подвижничество только в моменте борьбы – подвига, самоиспытания и самоумерщвления; не только на иконе, но и в «житии» подвижник или погружен в себя, в глубь своей души, и не видит мира, или смотрит вдаль, – на этот мир, «лукавый, лежащий во зле», – суровым, осуждающим взглядом. Оптина пустынь и Саров – близкие к нам по времени – позволили увидеть подвижника в конце подвига, в моменте победы, тогда, когда он видит Христа не призывающего к Себе, а уже благословляющего венец подвига, видит двери в обители Христа открытыми для *входа*.

Здесь радостная и светлая идея христианства «яве ся творит». Лик святого «лучится»; внутренний свет не

удерживается внутри и, прорываясь наружу, как луч, освещает всё.

В этом периоде уже нет подвижничества, вернее – оно есть, подвиг продолжается, но для зрителя подвиг отодвинулся, перестал быть на первом месте, стал прошлым: здесь впереди «сердце чистое», кристально прозрачное, смирение, побеждающее всякую злобу и всякий грех, радость общения со Христом и людьми.

«Всех Серафим принимал с любовью, – читаем в его житии, – всех встречал земным поклоном, лаской во взоре и улыбкой на устах, всех трогал своим сердечным приветствием, всем говорил: *радость моя!*» «Вечером накануне смерти», – заканчивается биография святого, – «преподобный Серафим в своей кельи радостно и вдохновенно пел священные песни пасхального канона: Воскресение Христово видевше... Светися, светися, новый Иерусалиме... О Пасха велия и священнейшая, Христе»...

Такой тип святого «по красной триоди» есть именно православный, именно русский тип, и естественно, что выявление его в Сарове и Оптиной, как мы сказали, есть событие, которое ставит Саров рядом с Киевом и Кремлем, как одну из «русских основ».

«Представьте на верху горы – группу людей: ранним утром светло уже и в долине, но серо-светло, без блеска. Всё можно видеть, всё ощупать руками можно, не ошибешься. Но фигуры стоящих на горе озарены не этим светом, а особенным – с блеском и игрою. Они *озарены*, и вот если такое физическое озарение переложить на психические термины, то и получим определение святых этих людей, ноги которых как бы не касаются земли, которые при первом взгляде дают впечатление ангела во плоти. Это – люди озаренные. Загробная жизнь отбросила на них своё сияние: это тип целебный. Благодетельство от него льется духовное, да и физическое. Всё поднимаются при взгляде на таких людей» (Розанов).

Но озарение бывает неодинаковое. Одни все стоят в ярком золотом сиянии, другие немного отодвинулись, так что солнце пронизывает их всех со стороны, не ослепляя ровным и

спокойным «тихим сиянием» света вечернего (или утреннего). Бывают эпохи когда люди усталые, взмученные не в силах вынести сияния Моисеев, Златоустов, Филиппов. Такой свет только мучает и родит отчаяние. Для таких «времен» нужны озаренные именно тихим светом смиренно жалеющие Серафимы и Амвросии. К ним приходят измученные «люди века», и они, не трогая ран, не пытаясь сразу переломить самый век, самую жизнь, кладут свою успокаивающую любовную руку, *изгоняя бесы*. И хвала Богу, что в наше время Он дал Своих *ангелов* таких, какие нужны именно этому больному веку.

Да, Саров дополняет Киев, Кремль, Соловки. И вот к мощам текут волны народа.

«В Саров ожидается около полумиллиона паломников», – сообщают газеты. Нужно ли нам это торжество в таких шумных размерах? Можно ли желать этого движения к святине? Немало слышалось всегда, немало и теперь слышится голосов против этой волны, текущей к Сарову. Со времен «Двух стариков» Толстого особенно часты сетования на шатанье народа по Афонам и пустыням. Нужно ли это? Да, нужно.

Здесь отдых, утешение, просвет среди длинных и тяжелых будней. Недели или дни хождения к святым местам необходимы именно как праздники, как перерыв в ряде серых и грязных дней, которые обволакивают душу плесенью нечистой, греховной обыденности. «Без этих *красных дней*, без этих хождений к святым местам деревне нельзя было бы и жить, потому что было бы тяжело жить, *до смертушки темно*. Человеческая душа не вынесла бы всей тяготы, исстрадавшееся сердце не выдержало бы мук. В деревне много нравственной грязи, много дурного... Брань висит в воздухе, ссоры отравляют жизнь, не хватает терпения нести долюшку. И деревня инстинктивно, как на чистый воздух, спешит в монастырь, к святине, к угодникам Божиим, чтобы смыть с души грязь и исцелиться от тоски и скорби» (Круглов).

Дома ему всё надоело, всё раздражает, всё опротивело. «Моченьки нет больше, либо в петлю, либо пустите в Киев», сказала раз баба-работница барину. И кому жалко этих бедных

людей, живущих часто во тьме и сени смертной, тот не будет мешать им идти на свет.

Но этого мало. Здесь гораздо более, чем просто отдых.

У одного талантливейшего писателя, теперь известного во всей России (Чехов «Мужики»), есть описание церковного торжества в одном селе. Автор сначала ужасными, кошмарными красками рисует разложение деревни, рисует так, что становится до боли страшно, и потом продолжает: «В деревне на все праздники пили. На Илью пили, на Успенье пили. Но в августе было и настоящее торжество. Носили Живоносную.

Толпа запрудила улицу... И старик, и бабка, и малолеток (в тексте Кирьяк) – все протягивали руки к иконе, жадно глядели на неё и говорили, плача:

– Заступница, матушка! – Заступница! Все как будто вдруг поняли, что между землей и небом не пусто, что не всё еще захватили сильные, что есть еще защита от обид, от рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды, от страшной водки.

– Заступница, матушка! – рыдали все. – Матушка! – Но отслужили молебен, унесли икону, и все пошло по-старому».

Пошло по-старому... Пусть даже и пошло, – все-таки была минута просвета, да едва-ли и правда, что всё. Много, очень много остается от того святого «получаса», праздничного «откровения». Саров, Оптина для человека этого мира – антитеза его обычной жизни, пожить в атмосфере воспоминаний о том, кто жил здесь, чтобы «проснулась душа». Воздух пустыни, следы святой жизни великого старца, отрывает мысль паломника от земли, той земли, по которой он ползал ползком, поднимает уныло склонившуюся голову к небу и звездам, заставляет сердце сильнее биться, грудь вбирать больше воздуха (Гл. Успенский). Такие паломничества, как путешествие в Саров, несут, следовательно, не только успокоение и отдых, а нравственное освежение, оздоровление души. Человек в душном помещении задохнется, если не проветривать помещение. Точно также среди духовной грязи, в душной атмосфере духовного разложения, он задохнется морально, душевно и превратится в животное, если хоть изредка не будет

открывать окно к другому миру, к другой жизни, если его не перекинуть хоть иногда «из мира обыденной пошлости и суеты в мир возвышенной мечты и религиозного чувства» (Круглов).

И благословенны те, кто идет. У нас ни в Сарове, ни в Киеве не дается индульгенций и не обещается отпущение грехов. Громадное большинство идет томимое жаждой духовной. И оно найдет в Сарове истинно живую воду и утолит свою святую жажду.

Иером. Михаил

**Со скрижалей сердца. Чувства и впечатления
сельского иерея от Саровских торжеств //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 12. С. 291–296

Как мы уже заметили выше, нам Господь не судил быть в числе тех счастливых и избранных, которые самолично созерцали и переживали великие Саровские торжества. Представлять себе и воспринимать в глубь души картину величайшего события по чужим рассказам и описаниям это то же, что видеть «якоже зеркалом в гадании», бледно, тускло. И мы решили на этот раз совсем не посвящать наших «Скрижалей» Саровскому торжеству, – просто не находя в своём сердце подобающих торжеству сил и глубины переживания, а говорить о совершившихся событиях так же, как уже говорилось другими, – значит разжижать, расхолаживать впечатление читателя; – размышлять, делать выводы еще рано, ибо чувства не улеглись, описания не закончились. Но вот, когда уже наше описание торжеств было закончено, нами получено частное братское письмо сельского пастыря, с бесхитростным описанием своего паломничества в Саров, своих чувств и впечатлений. В печати все время говорилось о настроении и чувствах паломников из народа, но никто не проронил еще слова о пастырях-паломниках. Письмо нашего корреспондента заинтересовало нас именно тем, что оно со всею сердечностью просто, искренно, безыскусственно рисует чувства и впечатления сельского иерея-паломника от Саровских торжеств.

Письмо это еще раз подтверждает ту неоспоримую истину, что наши сельские иереи и народ живут единою душою, – крепки одними и теми же беззаветными чувствами веры в Бога и Царя. Как увидит читатель, письмо представляет собою и по стилю, и по тону набросок на скорую руку, под живым впечатлением и потому в нём ярко вырисовывается одинаково живое и могучее и в нашем пастырстве и народе это бесценное могучее достояние веры в Бога и преданности Царю. Мы охотно и смело отдаем «наши Скрижали» этой задушевной повести дорогого нашему сердцу паломника, извиняясь пред ним за

такое неожиданное для него употребление к нам его письма, но делаем это во славу Саровского Чудотворца.

Вот это письмо.

«Спешу уведомить что меня Господь сподобил великой милости – быть на торжестве открытия св. мощей преподобного Серафима и лицезреть нашего дорогого Царя и Матушек Цариц в св. обители Саровской! Так насладился сим торжеством, что и описать не могу! Великий Угодник Божий помог всё видеть, везде быть – на главных торжествах-богослужениях, хотя многие из нашей братии иереев не имели возможности проникнуть в монастырь и собор, куда пускали по билетам, на основании паспортов, но и с билетами-то далеко не всех... Мне так всё удавалось, что считаю это делом великой милости Божией.

Переночевал я две ночи в кадетском бараке (по 1 руб. в сутки за ночлег), а потом три ночи провел у певчих Тамбовских в бараке псаломщиков, прикомандированных служить в часовнях, и один раз в коридоре кельи одного монаха. Бараки частные и казенные за 4 версты от монастыря, вот почему мне и пришлось 3 ночи приютиться кое где, ибо ночью идти лесом и опасно, и трудно успеть к утренней службе. Добрался я до св. обители всячески: сначала ехал по ж. д., чрез Рязань до ст. Сасова, а там 115 вер. на лошадах, которые были не очень дороги. За тройку в крытом экипаже нас трое заплатили 17 руб. Дорога прекрасная, большая, много удобных постоялых дворов, чайных, лавок; затем 50 вер. прошел пешком, а остальную дорогу нанимали вскладчину телегу. На Арзамас не поехал, потому что до него нужно от Сасова 200 вер. ехать, да пришлось бы ждать где-то на пересадке и за билет платить лишних 3 р. 50 коп.

Народу было разумеется многое множество. Прикладываться к св. мощам пропускали рядами и нужно было простоять в рядах более суток, чтоб по очереди подойти к св. мощам. Народ до того изнемогал, что вечером от него шел пар, как дым, ибо всё было пропитано потом – не только рубашка, но и платье. Часовни сослужили существенную службу: народ простой в соборе и монастыре был в малом количестве (хотя я

видел в соборе за службами мужичков и женщин простых), а посему все паломники молились у часовен... Особенно торжественно и умирительно прошла накануне открытия св. мощей всенощная под открытым небом вдоль реки, на равнине, окаймленной лесом. Ах, как чудно было, когда народ – несметные тысячи стояли со свечами, причем пели многие сотни любителей духовного пения из народа!...

При всей удаче-счастье, однако было так трудно проникнуть в ограду монастыря даже с билетом (да и его-то получить – тоже надо было отнести к особому благоволению Божию), так что пришлось мне пред всенощной 18-го простоять у св. ворот на страшной жаре три часа...

Нечего и говорить, что служба была в высшей степени торжественная и умирительная. Митрополичьи певчие – это по стройности действительно фисгармония... В службе были особенные моменты, которых не забудешь всю жизнь, – это когда водворялась гробовая тишина в соборе и когда весь собор плакал вместе со своим возлюбленным Государем и Государынями. Так было на обедне, когда обносили мощи вокруг престола и опускали в раку; были и другие моменты.

Мне Бог привел даже служить в соборе позднюю обедню 20-го июля, с архимандритом Владимиром из Рима, и всё это устроилось без всякой протекции, хотя у меня и было от Л.Н. Шва письмо к О.С. Ч-ву, но он был так недоступен, что это письмо я мог передать ему уже после всего при отъезде.

Порадуйтесь, что Бог привел мне за всех вас родных предстательствовать своими грешными молитвами пред угодником Божиим преп. Серафимом, любвеобильным бывшим батюшкой, иеромонахом, заповедавшим «ходить на его гробик и говорить с ним, как живым» – при св. его мощах! За всех вас поименно молился все время... Однажды же после всенощной зашел на его, батюшки, могилку и там так сладостно помолился и долго, долго за всех и о всём, и чувствовал я, что, действительно, то место особенно святое...

А теперь сообщу о том, что вам представится совершенно невероятным. Именно – Господь удостоил, по молитвам батюшки преп. Серафима, не только несколько раз лицезреть

Царя, Царицу и Их Матушку, но и целовать драгоценные ручки Матушек наших цариц Александры Феодоровны и Марии Феодоровны. Видеть Их Величества – это всем нам паломникам доставляло особенно высокое чувство радости и умиления. Они имеют такую одухотворенную доброту в лице, и Их лица такую впечатлевали радость, что буквально вот и теперь нельзя вспомнить без слез, что я, убогий сельский иерей, видел Их – красное солнце нашей Руси святой!! Царствующие Особы так близко, просто, свободно ходили по монастырю, ходили к св. источнику, что буквально не найдется человека, который, быв в Сарове, не видал бы Царя с Царицей. Их встречали и провожали при всём народе, который неописуюмую радость испытывал и выражал, видя своего Отца отечества коленопреклоненного, молящегося, говеющего, несущего св. мощи, и проливавшего в чувстве духовного умиления свои дорогие Царские слезы, – так что каждый из нас готов был сам молиться на священные Особы и с радостью положить жизнь свою за Их Величеств, если бы это потребовалось...

А целовать Царственные ручки осчастливился я вместе с другими иереями таким манером. 20 июля 8½ ч. утра слушали Их Величества напутственный молебен и вот когда, приложившись при земном поклоне к св. мощам, они остановились посреди храма, вижу я, что целуют руку у Государыни высокопоставленные особы, а затем даже и священники, один или два, не помню теперь. Я тогда и говорю собратьям-иереям, стоявшим рядом со мною, об этом и предлагаю им идти вместе и следовать примеру первых духовных особ. И сейчас же братия сзади двинулась к проходу и меня оттеснили близко к царствующим Особам и Матушка Царица Александра Феодоровна Сама подала мне Свою драгоценную ручку для целования, и я так близко очутился около Неё что мне пришлось буквально укрепиться столпом, чтобы сдержат напор задних рядов и не допускать стеснения Государыни до того момента, когда высокие Особы, став в цепь, остановили устремившихся. Вдовствующая Государыня как будто несколько смутилась, и пошла было вперед, но мы её молили осчастливить нас. Её Величество снова приблизилась к

нам и подала руку, и мы с благоговейным чувством целовали ручки Их Величеств. Государь Император был несколько впереди и видя, как иереи подступили к Государыням, – вернулся назад, но, Господи, с какой доброй улыбкой, что и высказать невозможно...

Царь с Царицами, прощаясь у св. ворот, видимо были глубоко до слез взволнованы. Проезжая чрез городок, – это где сосредоточены преимущественно бараки, там также изволили слушать краткое молитвословие, и при радостных криках многих тысяч народа, напутствуемые горячими сыновними пожеланиями своего народа благополучного пути, отбыли в Дивеевский монастырь. Мы, иереи, когда целовали руки Цариц, тоже желали благополучного пути, на что Государыни милостиво кланялись.

Господи, какое необыкновенно доброе и радостное выражение лица у Государя Императора, а у Государыни-Царицы столько красоты и грации и ангельской доброты, что я таких особ женщин нигде и никогда не видел.

Портреты Их Величеств далеко не выражают Их необыкновенно-величественного и в то же время несказанно-доброе, милостивое выражения лица Их.

Вдовствующая Государыня также имеет необыкновенно добрый, милостивый вид и так моложава, что и не подумаешь, чтоб ей было много лет.

Да, дорогие мои, я так много получил святых, неизгладимых во всю жизнь впечатлений в Сарове, что две ночи уже дома пребываю, но доселе во сне вижу необыкновенную какую-то обстановку, народ, храмы, богослужение... А царствующие Особы так и стоят в очах души моей, как наяву, со своими необыкновенно-добрыми, милостивыми лицами. Спаси Их, Господи, и умножь дни жизни на многие лета на счастье Руси святой!

Да, открытие св. мощей преп. Серафима было величайшим, единственным в жизни и Церкви и государства событием, когда весь русский народ во главе со своим возлюбленным Государем и Царицами едиными устами и одним сердцем молились 3-е суток, осененные свыше благодатью св. мощей во св. обители

Саровской, имея за себя предстателя св. преподобного Серафима. Все, как одна душа, в эти дни что-то особенное чувствовали высокое, святое, радостное. Всё почти время дня и ночи в течение 4 суток приходилось ходить, стоять и очень немного полежать 3–4 часа в сутки, но ни пить, ни есть не хотелось и чувствовалось как-то особенно легко, ощущался необычайный мир душевный.

Удостоился и я искупаться в целительных водах батюшкина источника и почувствовал такое укрепление всего организма, такое облегчение в голове, какого никогда в своей жизни не испытывал. Воочию видел чудеса и беседовал с исцеленными. Но об этом напишу в другой раз.

Государь Император, по всеобщему отзыву, остался сим торжеством *особенно доволен* и особенно народ порадовал Своего Царя-Батюшку, народ держал себя особенно чинно, благообразно, хотя и полиции было много, но при таком огромном количестве народа, как говорил преосвященный Димитрий со слов той же полиции, её не достало бы и для половины поддержания порядка, если бы народ сам не держал себя так похвально. Очень прискорбно было всем, что просфор почти невозможно было достать, иконок, книжек, масла – тоже. Но нельзя же всех при таком стечении и во всём удовлетворить, не надо забывать – Саров – пустыня среди девственных лесов, вдали от городов. Слава Тебе, Господи, и благодарение за Твою великую милость, явленную и к моему недостойнству по молитвам Твоего угодника Саровского!

С. Спешнево, Данк у. Рязан. губ. 26 июля.

Священник Тихон Скворцов

Сентябрь. Книга 1

**Лебедев Л. Старый вопрос о Боге. (Реферат из
«Науки о человеке». В.И. Несмелова) //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 289–306

Вместо предисловия

Индиifferentное отношение общества к Церкви и религии, неумение молодежи средних учебных заведений, особенно светских, разобраться в массе критико-философского материала религиозности человека, и, как результат последнего, – легкомысленное не-критическое принятие светскими людьми за истину всякой резкой противорелигиозной или еретической теории, в роде толстовства, – побудило нас, в интересах миссии среди интеллигенции, популяризовать психолого-онтологическое объяснение Богосознания, сделанное проф. Казанской Дух. академии – В.И. Несмеловым.

Полная законченность теории по данному вопросу, верно намеченный путь Богопознания чрез изучение природы самого же человека, при критическом разборе всех существующих конструкций психологического доказательства бытия Божия – дают его объяснению высокий и крайне занимательный интерес.

В виду же тех обстоятельств, что ученое объяснение г. профессора, изложенное в соч. «Наука о человеке», имеет в виду исключительно людей с серьезной историко-критической и философско-богословской подготовкой, и, как специальное исследование, для посторонних читателей, и молодежи светских учебных заведений – в особенности, кажется тяжелым, и, наконец, в виду того, что даже теперь трудно и достать это сочинение профессора, вышедшее первым изданием в Правое. Собеседнике за 1895–1899 гг. и еще – труднее – 2-издание, уступленное по доброте Виктора Ивановича студентам академии и тотчас же разобранное в количестве 300 экз. студентами, мы полагаем полезным для дела духовной взаимопомощи – представить в более легком изложении курс академических чтений, собиравших в аудиторию профессора лиц и не из студентов академии и даже не из духовного общества

Действительность бытия Божия

Введение

Вопрос о бытии Бога есть один из «вечных» вопросов в истории человеческого рода. Сколько было сделано решений его в течение многовекового существования человека, сколько существует специальных ученых работ, посвященных исключительно только ему; однако и теперь, несмотря на духовный рост человека, он так же нов и так же жив в сознании его, как и во времена седой древности у людей слабо-критической мысли! – Такая «вечная» принудительность его решения, новая потребность всё более и более глубокого исследования, объясняется исключительно тем обстоятельством, что этот вопрос о Божием бытии есть вопрос не внешнего знания человека, а вытекает из глубины его духовной природы, в силу необходимости разумного существа определить своё положение в мире под формою личности. – Человек хочет жить, но жить не просто – «существовать», а с сознанием смысла своей жизни и целей деятельности, отчего каждый и вынуждается так или иначе определить себя самого, чтобы создать целесообразные основы своей жизни. В силу этой необходимости самоопределения обычно человек так или иначе и решает этот вопрос о себе самом и о своей жизни, хотя формулирует своё решение далеко не всегда. В процессе этого самоопределения, и именно – анализа духовной природы, человек невольно встречается с идеей Бога, которая в процессе его самосознания является составною частью. Она-то и объясняет человеку загадочное положение его в мире под формою личности. Но так как не все люди анализируют свою природу (многие и большинство – решают о себе с чужого голоса), – и вникают в соотношения проявлений их духа к действительной жизни, почему и определяют себя и свою жизнь неправильно и ложно, то и не все из них имеют этот верный путь познания о Боге и веру в Его действительное бытие. Для них вопрос этот остается открытым. Некоторые же, обойдя вопрос о природе духовной личности человека, ищут разрешения его на других путях, где однако беспросветная тьма мешает их исследованиям, а многочисленные рывки

окончательно изнуряют и без того ослабевшие их силы. Усталые в бесплодных поисках и изверившиеся в возможность когда-либо найти Бога, они оставляют исследования и пребывают в состоянии тревоги, недоумения и сомнения. Между тем, нерешенный вопрос не дает покоя ни уму, ни чувству и заставляет их всякий раз с беспокойством обращаться к тем, кто вдруг заявит: «вот дело Божие»! «Он жив и промышляет о нас»! В таких случаях скептики снова обеспокоены и снова мучит их роковой вопрос: есть-ли действительно Бог? Как можно познать Его?

– Прежде чем дать окончательный ответ на вопрос о Божием бытии, необходимо для ясности дела решить: во 1-х, *откуда возникают возражения скептиков в широком значении слова*, – *и насколько они справедливы?* во 2-х, *как можно построить целесообразный путь познания о Боге?* и 3-х, *каков процесс доказательства бытия Божия?*

Глава I. Мотивы скептиков и их несостоятельность

История религиозных верований отмечает характерный факт, что из спрашивающих о бытии Божием одни люди «лишь сомневаются» в реальности Его бытия, другие – положительно отрицают Его.

Исходною точкою тех и других является, прежде всего, неудовлетворяющая их постановка существующих конструкций доказательств бытия Божия; потом – разнообразное содержание многочисленных понятий и представлений о Боге, нередко взаимно отрицающих – одна другую. Далее – крайняя субъективность религиозных культов: вера человека во взаимоотноение с Богом, и в Его промышление о человеке и мире, и наконец (у атеистов) – невозможность опытного познания Бога.

Исходя из таких взглядов, скептики со стремительною силою нападают на существующие в качестве доказательств бытия Божия – построения телеологического объяснения природы и логического заключения от «мира явлений» к сущему, от конечного к бесконечному (космологическое доказательство). Нужно сознаться, что в данном случае они вполне справедливо возражают против этих архаических

построений, как нецелесообразных и не доказывающих своего предмета. Ведь несомненно верно их положение, что мир сам по себе ничуть не говорит о Боге, а лишь только о себе самом,²⁵ и что «в мире явлений *неверующему человеку* придется очень долго искать Бога», так как он всюду применяет свои научные и удовлетворительные объяснения миробытия. Указываемый же религиозно-восторженными людьми факт целесообразной деятельности физической природы также ничуть не говорит им о Боге, и, кроме того, сам по себе в их глазах не всегда принимается без возражений. А выводимое в процессе космологического доказательства понятие «первопричины мира» совсем не имеет научной состоятельности, как не объясняющее ни природы «первопричины», ни свойств её – разумности и волевой деятельности и т. п.

Словом, справедливо, что ни то, ни другое «доказательство» не доводит критическую мысль до Бога, а лишь запутывает её в дебрях диалектики, – и это от того, что переход от мира явлений к Богу такой же слабый аргумент для науки, как и для путника переход по искусно сотканной паутине, протянутой с одного берега на другой, вместо моста через реку, ибо путник провалится на первом же шагу. И верно это, так как такое объяснение не доказательство, а лишь прекрасная иллюстрация Божеской деятельности в мире – для верующего человека!

Допустив подобные возражения скептиков и отдав им долю справедливости, тем не менее трудно согласиться в дальнейшем их *in statu quo*... Ведь, что утверждает их в скептическом состоянии? Если и правда, что многие понятия людей о Боге ложны и нелепы и даже взаимно-самоотрицающие, то всё это не дает посылки к заключению о решительном отрицании Божия бытия! Суть-то дела не в том, что понятия и представления людей о Боге ложны и противоречивы, они носят вполне понятно такой разнообразный характер, как продукты мышления отдельных различных индивидуумов.

Дело, наконец, и не в понятиях и не в представлениях людей о Боге: они вполне понятны при знании условий и

сознания тех людей; дело в том, к чему, к какой идее прикреплять эти понятия? Почему люди представляли и представляют Бога существующим? Отчего во всех религиозных системах человек проектирует свою связь с неведомым для него Богом?

Человек критической мысли, в видах самоутверждения, должен быть беспристрастным в своих исследованиях, логически себе последовательным, и, наивозможно более разносторонним при оценке оспариваемых им положений. Между тем, вращаясь на ложной почве исследования – в кругу понятий и представлений о Боге, скептики, видимо, не высоко держат знамя серьезных критиков: они многое просматривают, а, быть может, и намеренно проходят молчанием. Есть в истории религиозного мышления не мало таких фактов, которые ждут пересмотра от серьезных мыслителей, чтобы в благоприятном случае вызвать на новый путь исследования о них. Таковы факты: чем объяснить ту могучую силу идеи Бога, что она могла продержаться, и теперь еще держит, в течение многих веков всё человечество в таком странном напряжении, что оно всегда занималось бесконечным перерешением вопроса о Боге и особенно волновало мысль тех людей, которые не хотели жить, как звери, а хотели познать разумный смысл своего существования? Еще: – чем объяснить ту необъятную силу идеи Бога, заставившую человечество преобразовать свою жизнь по тем началам, какие указываются её содержанием? Или: отчего человек не довольствуется жизнью с богатым физическим содержанием, жизнью счастливой и даже разумной, но ищет пути к жизни истинной и праведной, которая, по его вере, реально существует в одном только исповедуемом им Боге?

Откуда человек взял такой идеал своей жизни? Откуда, наконец, он взял содержание идеи Бога, когда в действительности не существует такого материала для мышления?! Обыкновенно скептики ссылаются на иллюзорность человеческого самосознания, что еще хуже для них, так как крайне трудно разрешить возникающее в таком

случае противоречие между самосознанием и мышлением, – о чём речь будет далее.

Эти факты и им подобные, обходимые скептиками, указывают на то, что решение вопроса о Богопознании скрывается внутри человека и путь познания о Боге нужно искать не в явлениях мира, и не в логических построениях о первопричине мира, а только в природе самого же человека, чрез что откроется и тайна религиозного состояния человечества.

Глава II. Путь познания о Боге

1. Природа Богосознания

Во всех религиях отмечается любопытный факт тождественности по своему содержанию идеи Бога. Во всех религиях, при разнообразии в понятиях и представлениях о Боге, человек одинаково сознает Бога существом реальным, личным и безусловным. Такое сознание одинаково выражает как человек не критической мысли и дикий, так и философ и всякий другой культурный человек. Разница между ними в различном формулировании содержания идеи, что зависит от того, что одни мыслят только представлениями, другие, – более развитые умственно, – понятиями. Субъектом же мышления тех и других остается одна и та же идея Бога, как реального бытия живой Личности, свободной и властной хотеть и жить по собственной воле, или, что тоже, Личности Безусловной. Вот и всё содержание идеи Бога! Созная, таким образом, Бога существом безусловным, человек непосредственно в себе самом сознает тесную связь с Ним: свою зависимость от Него и взаимоотношение с Ним. В Нём же сознает реальное существование истинной жизни и чрез Него же только одного сознает и истинность собственного существования. В силу такого сознания своей жизни в Боге, человек стремится перевести представляющееся его сознанию содержание истинной жизни, которая в Боге, на свою собственную, переобразовывая на личную, как жизнь не истинную и несправедливую.

Все эти явления религиозного сознания показывают, что реальными основаниями религиозной веры являются

свободные самоопределения духа человека, вытекающие из природы его Личности, которая является идеальной по отношению к действительным условиям её существования. Идеальная природа личности сознается человеком в противоречии между его сознанием о себе и действительным положением в жизни. Она то и указывает на обычное положение человека в мире вещей, но влечет к Безусловному Существу, образ Которого реально и дан в природе его личности. Вот такое-то сознание идеальности природы Личности и вызывает принудительное сознание идеи Бога, как Личности Безусловной, однако реально существующей не в человеке, а вне его. Как это происходит, что человек сознает идеальность своей личности и каким образом он встречается в процессе самосознания с идеей Бога, это покажет психологический анализ природы человека, который и обнаружит крайне загадочный факт решительного противоречия в человеке – от соединения в единство жизни организма двух начал: физического-условного и безусловного. Чрез исследование природы человека вообще и содержания его самосознания в особенности – явится возможность сформировать полное и законченное построение онтологического доказательства реально-объективного бытия Божия.

Собственно построение это, в данное время состояния науки, имеет значение «только» высокой степени вероятия, потому что указывает вполне целесообразный путь познания о Боге. Значение же научно-принудительного исследования оно будет иметь при более глубоком изучении природы человека – с утверждением правды спиритуализма. Пока же этого наукой не сделано, оно будет иметь значение лишь указания, утверждаемого древнехристианскими мыслителями (напр., св. Григорий Нисский), пути к познанию о Боге. Конечно, скептики, знакомые с различными конструкциями психологического доказательства бытия Божия, могут недоверчиво отнестись к предлагаемому объяснению – при слабой разработке и оспариваемости явлений духа, принимаемых за механику мозговых движений и т. п. В виду возможного отношения скептиков к объяснению, необходимо оговориться, что

состоятельность построения доказательства прямо пропорциональна изучению явлений духа чрез умелое отделение психических явлений от физико-механических. Когда явления духа будут изучены, и спиритуализм будет иметь обязательную силу науки, то предлагаемый процесс доказательства будет вполне целесообразен, так как он раскрывает природную связь человека с Богом и объясняет догадку психологов, что человек имеет идею Бога от природы.

2. Анализ природного содержания самосознания и идеальность природы личности

Человек, анализируя свою природу, находит в себе какое-то роковое противоречие между своим самосознанием и действительною жизнью. С одной стороны – он находит себя простым организмом в физическом мире, подчиняется в своём развитии его законам, которые уравнивают его в ряду с другими предметами мира, то благотельно развивая его, то, вопреки всем его желаниям, насильственно прекращая его земное существование, как и всякой другой вещи мира. Во всём содержании физической жизни человек сознает себя одним из звеньев необъятной мировой цепи вещей, объединенных механическим законом взаимодействия. Однако, с другой стороны, помимо этого рабского существования под властью роковых законов, он имеет какую-то другую, независимую от внешнего мира, жизнь внутри себя, в своём самосознании, где находит себя существом совершенно свободным, вне законов механической необходимости. Такое, почти дерзкое, сознание своей свободы присуще человеку на всех ступенях его психического развития и во всех условиях его жизни, так как оно есть непосредственное выражение строя душевной жизни человека и так как только благодаря этому сознанию в себе свободы человек и действует. Так, сознавая себя существом свободным, человек, вместе с тем, сознает себя самого единственною причиною всех своих произвольных действий, признавая всякое действие своим собственным; себя же самого он рассматривает в качестве цели своих действий, считая всякое действие определением содержания своей внутренней жизни. А так как сознавать себя свободною причиною означает

тоже, что стоять вне всяких условий механически необходимой связи вещей, то сознать себя свободною причиною – тоже, что и сознать себя безусловным. Отсюда следует, что по самосознанию человек находит себя безусловным. Самосознающий таким образом человек проектирует себя, как полного господина своей жизни. Сообразно показанию самосознания он и мыслит, да и в наличной жизни стремится к осуществлению его содержания, т. е. хочет устроить так, чтобы действительное бытие совпадало с содержанием самосознания. В процессе такого мышления он переступает уже сферу чувственного бытия и, так сказать, созерцает бытие сверхчувственное. Там, в созерцаемом им непосредственно мире сверхчувственного он находит что-то роковое, принудительно влекущее его куда-то в неведомую даль и побуждающее исполнять что-то, как безусловно должное. Под неотразимым воздействием этого безусловно-должного в сознании человека пробуждаются новые требования и стремления, которые являются в тоже время настолько близкими его существу, что он сознает их вытекающими из глубины своей духовной природы. Это безусловно-должное он отождествляет с понятием истины и принимает в качестве идеала своей жизни, а потому, силою мысли и вынуждается переводить его на практику жизни. Однако, при практическом приложении он встречает решительное противоречие со стороны другой своей природы – физической, с которой его безусловная природа самосознания связана в единство жизни. Получается, таким образом, грустная картина противоречия самосознания, указывающего человеку на безусловность его личности, и физической природы, уставляющей человека в цепь вещей в мире с подчинением механическому закону их взаимодействия. В силу такого противоречия получается то, что человек с трудом завоевывает себе свободу. Он, сознающий себя целью своих действий, сам делается механическим средством к достижению необходимых изменений в окружающей его природе, чтобы последние служили ему в качестве цели. Во всех культурных преобразованиях он сам подчиняется роковому закону жизни и при всём успехе он все-

таким образом остается простою вещью мира под неотразимым воздействием роковых сил природы.

В процессе этого горького противоречия самосознания и жизни человек убеждается, во 1-х, в том, что он в себе самом носит два мира: мир безусловный (по содержанию самосознания) и мир условный – физический (по органической структуре), которые по своей природе противоположны один другому; во 2-х – в решительной невозможности для себя жить по содержанию самосознания, ибо фактически он не есть то самое, о чём говорит ему самосознание и, в 3-х – в том, что в силу этого противоречия природа его личности по отношению к условиям его действительной жизни – идеальна. Таким образом, сознание идеальности природы личности выводит человека за границы физического мира и в самом человеке открывает существование другого бытия, кроме физического, безусловного. А этот факт безусловности самосознания при фактической зависимости человека от сил природы, – это единственное, по Канту, чудо в мире, – выводит человека на путь размышления о смысле своего бытия в мире под формою личности. Процесс, которым человек идет в разрешении смысла своего бытия, приводит его к идее Бога, как существа реального, личного и безусловного, образ которого и дан в природе человеческой личности.

Глава III. Онтологическое доказательство бытия Божия

1. Процесс Богосознания

В факте противоречия самосознания и жизни человек убеждается в двойственности своей природы, замечая, что по природе своей личности он есть (изображает) бытие безусловное, а по природе физического организма – простая вещь мира. Однако, каково же действительное положение человека в мире? Кто он?

Если человек на основании показания своего самосознания определит себя, как бытие безусловное, он скажет неправду, потому что действительность приравнивает его к простой вещи мира. Если же он на основании действительного своего положения в мире определит себя в качестве вещи мира, то опять скажет неправду, потому что самосознание его

безусловно и в отношении действительной его жизни идеально. Если он не есть безусловное бытие и не есть простая вещь, то кто же он? Он есть одушевленный организм, в котором безусловное соединено с условным, сверхчувственное с физическим – в единство природы и жизни. А если оба составляющие природу человека элемента, – безусловный и физический, оба самостоятельны и, по непосредственному сознанию человека, реальны, то, стало быть, человек непосредственно сознает реальное бытие двух миров безусловного – сверхчувственного и условного – физического вне себя, т. е. объективно. Реальность физического мира для него несомненна, потому что он в своей природе, в качестве физического организма, носит бытие этого мира. В тождестве природы своего физического организма с природою других вещей мира он опытно убеждается чрез тождественное действие законов механической причинности. Но если одна часть природы человека указывает на реально существующий мир условного бытия, то что означает другая половина организма – природа безусловной по своему содержанию личности?

Все попытки свести природное содержание личности на условное бытие (напр., на механику мозговых движений) оказываются неудачными, потому что она имеет совсем иную природу и при том такую, которая в отношении физического бытия оказывается, как выразился Кант, – «чудесною», – заключающая в себе неведомые условному миру механически необходимых соотношений признаки совершенной свободы.

Ведь, физическая природа сама по себе не знает ни свободы, ни мысли; она безвольно и слепо подчиняется только роковой силе механической необходимости. Бытие же личности в таких условиях и пределах физического мира не имеет для себя решительно ни основания, ни цели: ибо оно только отрицает собою механическую природу мира. Однако, если содержание личности взято не из физического мира, то откуда же оно? где его источник? Источник, несомненно, должен быть, и где-нибудь да есть. Логически необходимо допустить, что этот источник непременно существует и, именно, как безусловное бытие, изображение которого существует в природе

человеческого организма. Реальность бытия мира безусловного, необходимая по логическим законам, оправдывается и психологически. Дело в том, что человеку необходимо найти для себя такое положение, которое объясняло бы факт переживаемого им противоречия самосознания и жизни, причем, объясняло бы так, чтоб не отрицалось ни сознание человеком себя безусловным по природе личности, ни существование, в качестве простой вещи мира, – по физической природе организма. В разрешение этого именно противоречия между природой бытия и природой сознания возникает необходимое психологически сознание реального бытия безусловного мира, изображение которого человек имеет в содержании своего самосознания. В этом сознании человек получает единственную возможность без всяких противоречий мыслить и определить себя, как такую вещь физического мира, которая является в мире образом безусловного бытия. Конечно, факт противоречия самосознания и жизни остался в действительности, как это и должно быть, в силу соединения двух противоположных элементов в одном организме. Важно здесь то, что чрез это объяснение человек устраняет противоречие в своём мышлении о себе: ведь, до этого-то объяснения человек не мог никак мыслить себя, потому что каждая из природ его организма отрицала другую. Теперь же, человек мыслит себя без противоречия, и именно так, что его самосознание отражает в своём содержании безусловное бытие. Последнее отрицает свою природу физический мир, и потому в отношении действительного существования человека в мире оказывается идеальным. А этот последний факт идеальной природы личности, в свою очередь, убеждает человека в том, что он лишь только изображает собою безусловное бытие, что он – только его реальный образ, а что в действительности это безусловное бытие ему не принадлежит именно потому, что он имеет еще в себе другую природу физическую, которая не может перейти в безусловное бытие, и потому задерживает собою осуществление содержания личности. Человек лишь только может мыслить себя, по содержанию личности, бытием безусловным, отрешившись на время мышления от физического

его бытия; но фактически сделаться безусловным бытием он никогда не может, потому что в таком случае ему пришлось бы перестать быть человеком с двойною природою и сделаться чистым безусловным бытием, вне физических условий жизни; но этого быть не может, пока человек остается человеком. Не может этого быть именно потому, что безусловное бытие только *«существует»*, но не *«бывает»*, ибо оно безусловно, а не являемо.

Впрочем, скептики не соглашаются с таким доказательством реального существования безусловного бытия, и человека – как предметного изображения его, – усматривая в самосознания иллюзорность. Говорят, что в человеке нет сознания этого образа, почему, говорят, нет и первообраза, и что выражение «образ» не имеет за себя никаких оснований и схвачено в пылу метафизических увлечений?!

– На это возражение можно ответить, прежде всего, ссылкой на факты, переживаемые каждым человеком непосредственно. Ведь, в этом объяснении заключается лишь простое изложение фактов, во 1-х, сознание человеком себя по природе личности существом свободным, причиною и целью всех своих произвольных действий; во 2-х, стремление человека к действительной свободе, что каждый переживает в процессе своей деятельности и, в 3-х, как следствие из этих двух фактов, – факт противоречия самосознания и жизни, когда человек встречается с решительною невозможностью жить (по содержанию) по запросам личности. Эти пережитые факты говорят о действительной жизни, а не об иллюзорности самосознания. Непонятно это возражение скептиков об иллюзорности самосознания еще и потому, что таким объяснением они ничего не приобретают для себя, так как факт-то противоречия они не устраняют, но лишь подтверждают. Наконец, так возражая, они лишь вносят новое противоречие – уже самосознания и мышления, потому что они хотят вынести этот факт из нашего мышления о человеке. Ведь сказать так, что самосознание обманывает человека и что человек есть только продукт физической природы, мы можем только в своей мысли, но никогда не допустить его в своём сознании.

Ведь, как я могу сказать, что у меня иллюзия, и я не стремлюсь к свободе, когда я в действительности только и живу этим сознанием? Ведь, в таком случае утверждение моё будет саморазложением мысли! В конце концов, – как заподозрить истинность показания самосознания, когда самосознание выражает только то, что входит в его содержание и выражает только факт существования предмета или явления, как зеркало отражает то, что есть пред ним?

Всё то, о чём говорит самосознание, то непременно существует реально, потому что в акте самосознания моё бытие и сознание меня самого тождественны, ибо я сознаю себя именно потому, что я есть, и, если бы меня не было, я и не признавал бы себя, – и обратно: я есмь, ибо я сознаю себя, потому что, если бы я не признавал себя, меня и не было бы. Отсюда, в акте моего самосознания я непосредственно сознаю и утверждаю как бытие, так и всякую возможность и достоверность в соотношении фактов моего сознания и положения бытия.

Словом, в самосознании всё то, что субъект полагает относительно самого себя, – не просто лишь «кажется» субъекту, как существующее в нём, но *всё это и действительно есть в нём, как сущее в момент сознания и положения его*. Если я утверждаю, что сознаю себя в качестве личности с безусловною природою, то этим я лишь констатирую простой факт из содержания своего самосознания, и если я утверждаю действительное существование безусловного бытия, то это значит, что я непосредственно знаю об этом бытии, потому что себя самого я не могу признавать иначе, как только в сверхчувственном содержании своей личности. Содержание же личности выводит меня за границы физического мира и во мне самом открывает действительное существование другого мира, кроме физического, – мира безусловного. Реальное же бытие этого последнего мира я познаю достоверно чрез познание себя самого под формой личности и в этом познании себя самого я утверждаю реально-объективное существование безусловного бытия, и именно – объективное, несмотря на то, что в данном утверждении я непосредственно выхожу из содержания своего

самосознания. Такое утверждение я допускаю потому, что самосознание моё, хотя и принадлежит мне, как индивидууму, оно не субъективно, а всеобще – тождественное при всех условиях жизни и во всех ступенях духовного развития человека, ибо выражает всеобщий факт сознания человеком себя самого, как свободной причины и цели всех своих действий.

После того, как доказано, что самосознание не иллюзорно, возражение скептиков, будто объяснение реального образа безусловного бытия в человеке не имеет для себя логических оснований и взято в пылу метафизических явлений, – ложно. Другая их ссылка на незнание человеком в себе образа безусловной сущности – говорит не о том, будто в человеке фактически нет этого образа, а только о том, что человек не думает о себе самом, как личности. Ведь, иметь образ безусловного бытия и сознавать себя этим образом – две вещи различные. Оставаясь личностью, человек не может не иметь этого образа, потому что образ этот дан ему в природе его личности. Но сознавать в себе «образ» человек может не всегда, а только тогда, когда думает о жизни по запросам (содержанию) своей личности, ибо в таком случае он непременно встретится с фактом противоречия самосознания и жизни. А как только он станет объяснять своё положение в мире под формой личности, он *volens-nolens* придет к сознанию себя самого, как образа безусловного бытия, данного в условиях ограниченного существования человека.

Если же человек думает только об условиях и отношениях своей жизни, или, говоря другим языком, живет по идеалу счастливой или разумной жизни, а не по идеалу жизни истинной, то в нём не возникнет никогда сознания себя образом безусловной сущности, каковой факт и наблюдается в действительной жизни, на что и ссылаются скептики, как бы в опровержение фактического отображения безусловного в природе личности человека.

Таким образом, сознание человеком себя самого в безусловных свойствах своей личности «реальным образом безусловной сущности» есть прямое утверждение реального

бытия этой безусловной сущности вне человека. Последний, поэтому, убеждается в существовании безусловного бытия не из каких-нибудь умозаключений и выводов, а непосредственно из себя самого, ибо себя самого он может сознавать не иначе, как в сверхчувственном содержании личности.

В своём знании о безусловном бытии человек утверждает не только существование безусловной сущности, но и познание её природы. Как ни странно такое положение, но оно верно. Материал для суждения о природе сверхчувственного бытия человек почерпает из содержания своего самосознания. Такой материал является очень ценным, потому что он выражает для мысли действительную природу безусловного бытия.

В гносеологическом отношении познание природы сверхчувственного бытия имеет за собою полную достоверность, потому что оно является данным в содержании нашего самосознания, которое, как показано было, не подлежит сомнению в отношении истинности своего показания. С точки зрения скептиков, знающих только эмпирическое познание, подобное познание сверхчувственного бытия, вне представления, в качестве, так сказать, «чистого бытия», кажется нелепым. Однако, такое возражение скептиков, в сущности, есть одно недоразумение. Дело в том, что всякое бытие открывается человеку только в актах его самосознания и сознается человеком без всякого другого содержания, как только со стороны своего существования. Оно может быть в сознании человека и с этим единственным признаком содержания (фактом бытия), и может быть подменено тем или другим количеством чувственных символов. Но нужно сказать, что мысль человека утомляется мыслить бытие без чувственного символа. Она всегда старается изыскать для мыслимого бытия символ. В тех случаях, когда бытие в сознании человека не сопровождается никаким символом, мысль связывает его, за неимением символа из содержания впечатления, с содержанием воли и чувства, и это, как показано, делается мыслью только в интересах самого мышления. Но так как это последнее бытие, связанное с актами воли и чувства, трудно мыслить, как инобытие, потому что оно

не представимо, а можно лишь мыслить в качестве состояний сознания, то мысль ищет более чувственного символа, и именно – затем, чтобы придать этому бытию, так сказать, неизменный элемент представляемого содержания. – Значит, отклонение мысли в сторону чувственно-представляемого бытия есть не более, как свободное ограничение области познания, а никак не природное определение этой области, и потому – от возможности или невозможности представляемого выражения познание о нём в действительности несколько не зависит, а посему познание бытия сверхчувственного и возможного достоверно. Несомненно, после этого, что человек имеет достоверное познание бытия сверхчувственного, но не в чувственном восприятии, а в идеальной природе своей личности, как реального образа сверхчувственного бытия.

2. Познание природы безусловного бытия

Человек полагает себя в самосознании, как бытие свободное для себя; а такое сознание дает положительное содержание для мышления природы сверхчувственного бытия.

Если что-нибудь существует, как свободная причина, то оно безусловно, потому что стоит вне всяких условий механически-необходимой связи вещей. А что существует вне этих условий, то естественно существует вне границ пространства и вне определений времени, потому что эти границы и определения и представляют из себя необходимые условия механической связи вещей. А что существует вне границ и определений пространства и времени, то именно и есть бесконечное, потому что его существование выходит за конечные пределы сознания и оно не может быть выражено сознанием под определенною формою какого-нибудь явления.

Отсюда следует, что сверхчувственное бытие имеет свойствами своей природы безусловность и бесконечность. Но так как понятие «безусловный» означает бытие свободное для себя, то, несомненно, что безусловное и бесконечное бытие есть бытие личное и самосущее, потому что свободное для себя бытие есть я может быть только «личность».

Если сверхчувственное бытие существует, как безусловная самосушая личность, то оно имеет все свойства личного бытия:

фактическое богатство ума, реальное могущество действительной свободы и вечное достоинство подлинной цели. Иначе сказать: сверхчувственное бытие есть существо реальное, личное, самосущее, обладающее могуществом свободы и достоинством цели. Такое существо мы называем «Богом» и идея которого в своём содержании включает эти именно признаки природы сверхчувственного бытия.

После того, как замечено, что человек носит в себе образ безусловного, т. е. Бога, совершенно понятною делается связь человеческой личности с личностью Бога. Бог является для человека первообразом, ибо Он отражает от Себя, как первоисточника, свойства Своей природы в содержании человеческой личности, подобно тому, как физическое зеркало отображает в себе предмет только существующий, и не отражает такого предмета, которого вовсе нет. Личность человека стоит к Богу в таких же отношениях сосуществования, в каких стоит предмет к зеркалу. Личность человека есть изображение Бога и существует только потому, что она носит в своих свойствах безусловное изображение Бога, как бытия субстанционального, ибо всё природное содержание её есть не самоопределение её действительного существования, а только предметно-живое выражение безусловной природы бытия Самосущего-Бога.

Заключение

Таким образом, вопрос о том, существует ли Бог действительно или нет, положительно решается на почве психолого-онтологического анализа природы и содержания человеческой личности. Уверенность в существовании Бога человек находит в показании самосознания, которое в своём содержании открывает природу безусловной сущности. Он сознает Бога и Его реальное личное бытие в себе самом (а не чрез мышление различных явлений сознания и жизни), ибо в свойствах безусловной природы личности, которая идеальна в отношении условий её действительного существования, оно отображается предметно. Однако восприятие идеи Бога зависит только от сознания человеком идеальности собственной личности; если же он не будет иметь этого последнего сознания,

то не будет иметь никакого сознания ни Бога, ни Его реального бытия, так как в содержании идеи Бога выражается непосредственное сознание человеком реального бытия: живого, – личного – обладающего могуществом свободы и достоинством подлинной цели.

Наоборот, у тех людей, которые сознают идеальность природы собственной личности, идея Бога, в их сознании, отличается особенною ясностью и принудительностью, так что человек, оставаясь личностью, не может не думать о Боге. По силе принудительности и ясности идеи Бога, у людей, сознающих идеальность своей личности, справедливы догадки психологов (напр., Снегирев), что «идея Бога есть составная часть в процессе самосознания, логически необходимая, а потому и не устранимая».

«Бог есть в нас, – говорит Якоби, – и выше нас. Он первообраз мы созданы по образу Божию. Бог отдален от нас и вместе соединен с нами».

Если бы наука не обходила факт противоречия в природе человека самосознания и жизни, то она давно бы пришла к библейскому учению о создании человека по образу Божию, потому что существование человека, как реального образа безусловной сущности, строго научно может быть установлено и независимо от библии, на основании одного только психолого-онтологического анализа природы и содержания человеческой личности. К библии же можно обратиться только за тем, чтобы найти в ней объяснение действительного факта противоречивости человеческой природы да разгадку непонятого соединения в единство жизни человеческого организма – в условном бытии самой то человеческой личности! Это можно познать только из повествования библии о создании человека действием Божией воли.

Л. Лебедев

**Платонов М., свящ. Нужно-ли сокращать число
праздничных дней в интересах материального
благополучия сельского населения? //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 307–321

«Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности в заседании 23 ноября 1902 г. и 11-го января 1903 года обсуждало возбужденный, министром земледелия и государственных имуществ вопрос о вредном влиянии на производительность земледельческого труда в России чрезмерного числа праздничных, нерабочих дней».²⁶

И вот в чём кратко, но точно и полно выразилась результатная мысль совещания.

«Для сельского хозяйства и сельской производительности России чрезмерное число праздников имеет первостепенное вредное значение. Вред для сельского хозяйства, проистекающий от прекращения работ, усиливается еще тем, что во многих местах празднование соединяется с разгулом... большинство населения не работает в праздники не из лени, не из убеждения, что работать грех, а увлекаясь разгулом... главное зло в том, что празднование соединяется с пьянством. Можно считать общепризнанным, что потеря крестьянским населением значительного числа рабочих дней, вследствие их ненадлежащего празднования, составляет явление весьма нежелательное, неблагоприятно отражающееся не только на интересах сельского хозяйства, но в большинстве случаев и на нравственности народа, в виду «соединяемого с прекращением работ разгула». Но – «причины, которыми вызваны и вызываются подобные празднования, глубоко коренятся в бытовых условиях народной жизни»... а «обсуждение бытовой стороны дела едва-ли может привести к изысканию каких-либо особых мероприятий для устранения излишних праздников, кроме мер культурного и в особенности религиозно-нравственного воздействия. В виду сего, совещание положило обратиться к высшей церковной власти с предложением «содействовать уменьшению излишне празднуемых дней и

противодействовать возникновению новых... вменить приходским и особенно сельским священникам в неперемнную обязанность, чтобы они по долгу пастырского их звания, как в церковных своих поучениях, так и при всяком вообще удобном случае, объясняли своим прихожанам истинное значение христианских праздников и старались всеми средствами располагать прихожан к труду, отклоняя всячески от разорительных для их хозяйства празднований и празднoлюбия, а равно от устроения новых праздников».

Чтобы быть понятным наибольшему числу читателей из сельского духовенства, которому предполагается поручить осуществление этого решения совещания, привожу суть этого решения в кратких и ясных тезисах.

Русское крестьянство беднеет.²⁷

Первостепенной вредной причиной обеднения служит излишество праздников.

Праздничное время проходит без дела, следовательно, без пользы.

В праздники народ пьянствует. «Главное зло в том, что празднование соединяется с разорительным пьянством».

Праздников чрезмерно много, но уничтожить их нельзя, потому что причины их коренятся в бытовых условиях народной жизни.

Эту задачу – уничтожения излишества праздников – может и должно взять на себя духовенство, особенно сельские священники.²⁸

Пока постановления особого совещания остаются только постановлениями, без практического осуществления, духовенству следует заранее обдумать, насколько справедливо то тяжелое обвинение, которое возводится совещанием на праздники, а вместе с тем косвенно и на Церковь и на народ, тщательно рассмотреть все те факты, которые оно само видит, и сказать своё слово.

Пишущий эти строки сельский священник, тридцать лет непрерывно живущий в селе, желает поделиться своим посильным словом по данному вопросу со своими сопастырями.

Народ беднеет. Да, страшно беднеет; это нам сельским священникам виднее, чем кому-либо другому. Многие из деревенских жителей по целым годам в храм Божий не ходят за неимением мало-мальски приличной одежки. «Обутки нет; одеться не во что», только и слышишь в деревне. В иных земледельческих селениях лошади становятся редкостью; коровы дивом. Они бы и были, да их кормить надо, а чем? – у мужиков нет ни лугов, ни выгона. Беднеет мужичок, но не праздники имеют первостепенное вредное влияние на его бедность и не уничтожением праздников поднять его благосостояние. В тех местах, где у крестьян-земледельцев земли достаточно, там оскудения нет. И наоборот – где народ, по причине малоземелья, живет случайными заработками, отхожими промыслами, краткосрочной арендой, там нищета безысходная, там же падает и народная нравственность, там же большею частью праздничные дни в отношении работы не отличаются от будней. Если бы народная бедность находилась в «первостепенной» зависимости от праздников, то те местности, где праздников больше, были бы беднее сравнительно с теми, где праздников меньше. А между тем наблюдается масса обратных явлений. Например, крестьяне Оренбургской губернии празднуют много праздников, но они несравненно зажиточнее крестьян Нижегородской губернии, где по праздникам работают. Даже в одном и том же приходе иные жители по праздничным дням работают, иные нет. Но неработающие обыкновенно состоятельнее работающих.

С полным правом можно утверждать: народ «ненадлежаще празднует» праздники – не ходит в церковь, не прекращает работ вследствие своего материального обнищания, которое не дает ему отдохнуть и одного раза в неделю, не дает возможности посетить Божий храм, гонит его на работу вопреки внушениям совести; но что обнищание народа происходит по «первостепенной» причине праздников этого утверждать нельзя.

«Праздничное время, говорят, проходит без дела, без материальной пользы». Допустим, что это так. Допустим, что крестьянин, употребив праздничное время на молитву и отдых, терпит ущерб *в делах своих*. Но, по учению христианскому,

исполнение заповеди Божией настолько важнее материальной выгоды, насколько Бог выше мамоны.

Если священники будут заботиться о материальных благах своих пасомых преимущественно пред духовными и даже в ущерб, то они будут уже не священниками, а агентами финансового ведомства.

Но, даже в интересах большей продуктивности своего труда, крестьянин нуждается в покое, в отдыхе. И безжизненная машина не работает безостановочно; и она требует за собой предупредительного ухода, сопровождающегося остановкой. Испорченная, полуизломанная машина у расчётливого, но недалёковидного хозяина, хотя бы и не прекращала работы, преждевременно и окончательно ломается и становится негодной к употреблению, – и, таким образом, приносит не пользу, а убыток. Тем более живой человек нуждается в остановке, в отдыхе, в подкреплении сил. «Чем меньшее число дней в году работает известный народ, – цитирует между прочим особое совещание рассуждение Государственного совета, – тем менее он вырабатывает продуктов». Это глубоко верное суждение имеет своё безусловное значение только в области абстракции, неосложненной, неограниченной посторонними обстоятельствами. Чем меньше работаешь, тем меньше вырабатываешь – таково умозаключение кабинетного мыслителя, имеющего дело с чистыми формулами, с бесплотными законами логики и математики; а народная мудрость, на основании жизненных фактов, возражает: тише едешь, дальше будешь рабочая сила – не абстракция, не самородная, неизменная и неистощимая мировая энергия, не бесчувственный *perpetuum mobile*; а часть и продукт жизни организма, которому свойственны страдание, усталость, истощение, которому свойственны и другие потребности, кроме потребности труда, и другие цели жизни, кроме цели физического существования.

Чем меньше работаешь, тем меньше вырабатываешь, – но в таком случае зачем суточный труд фабричного рабочего ограничивать 10–12 часами? пусть он работает 20 или все 24 часа. Но закон этого не допускает. Оберегая работоспособность

рабочего, он ограничивает время труда. Пусть же закон не уничтожает и тех ограничений труда крестьянина, которые даются праздниками. С апреля по сентябрь у крестьянина-земледельца из 24 часов в сутки 18 или 20 часов употребляется на работу, а 6–4 часа на отдых, а равно и у его помощника – рабочего скота. Более продолжительным отдыхом ему служит время от 8–10 часов вечера субботы, до 12 часов воскресного полудня. С 12 часов крестьянин обычно готовится к работе. Итак, 10 часов в неделю прогуливает крестьянин-земледелец сверх четырехчасового отдыха и столько же отдыхает его изнуренный скот. Во имя одного даже человеколюбия и сострадания к животным духовенство должно усиленно заботиться о том, чтобы эти 14 часов воскресного покоя проводились сообразно с требованиями Евангелия и церковного предания. 14 часов относительного покоя несомненно окупятся большей производительностью дальнейшего труда отдохнувшего человека и скота.

Но праздников «чрезмерно много» – утверждает особое совещание.²⁹

Да, у нашего народа праздников больше сравнительно с западом, потому что наш народ пока благочестив, любит Божий храм, благоговеет пред памятью святых угодников и священных событий. Несомненно, что народ, вследствие праздников, терпит некоторый материальный ущерб: вместо работы он идет в церковь и там иногда последнюю «лепту» жертвует на свечу или на нужды храма.

Но не потому ли наша Русь святая велика и могуча, что ради высших стремлений души издревле не жалела не только ничтожных рабочих дней, но и самой человеческой жизни, не жалела самой себя: безрасчётно, беззаветно русский народ часто бросал свои домишки, стой пожитки, свои работы и шел туда, где видел задачу своей жизни, где видел правду и свет, и делал то, к чему побуждала его стихийно-добрая, боголюбивая, христианская душа, а не расчётливый рассудок... кому это неизвестно? Что же, упрекать ли за это русский народ!

Аще послушаете Мене, благая земли съесте, аще переслушаете, меч вы пояст, – таково слово Божие.

Православный крестьянин не только любит праздновать, он любит подавать милостыню; подает иногда буквально от последней краюшки и через это, несомненно, терпит материальный ущерб, – не воспретить ли подачу милостыни, не разъяснить ли чрез священников, что нищелюбие вредно?

Но народ празднует праздники «ненадлежащим» образом. Не ради церковной молитвы он бросает работу. Он и не работает и в церковь не идет, скажут, быть может, противники праздников. В этом утверждении, к сожалению, много правды.

Действительно, летом крестьянин мало сравнительно с зимой ходит в храм Божий. Но почему? По лености? Но леность не зависит от времени года. Из-за пьянства? – но кабаки во время богослужения закрыты. По домашнему недосугу? но тогда незачем священникам и проповедовать, что не следует праздничный день проводить праздну; не идет в церковь, может быть, вследствие усталости после предшествующих работ? Но тогда Бог ему судья. Но есть и еще причины, по которым народ летней порой не посещает Божьего храма.

Вот, напр., начальство ранним утром, по холодку приезжает в праздник в деревню и во время литургии собирает нужных ему людей, а пожалуй и целую деревню на сход. Вот по приказанию одного начальства другое с ругательствами гонит население на общественную запашку во время утрени и обедни. Вот барские работники накануне праздника оповещают население, чтобы завтра, должники или арендаторы земли шли отрабатывать долг. При всех этих оказиях храм действительно бывает пуст. Бывает пуст он и тогда, когда крестьяне устраивают помочи. Напрасно беспокоится особое совещание, что в праздничное время народ не работает. Нет, к сожалению, работает. Новые порядки, новые идеи, явно враждебное отношение власть имущих к праздничному покою, дурной пример многих священников, устраивающих разные помочи даже в двенадцатые праздники – всё это крайне заразило народ; приходится огорчаться не тем, что народ якобы не работает, а тем, что по причине работ он отвыкает от храма Божия.

Да и в тех местностях, где по праздникам полевых работ не производится, и там праздничное время проходит не совсем без

пользы.

Летней порой у крестьян очень часто происходят общесельские хозяйственные совещания, приуроченные исключительно к праздничным дням. Почти ни один праздник не обходится без схода. В праздник большинство хозяев дома, все могут собраться поговорить, посоветоваться об общем деле, общей пользе, – и при том – не насилуя совести, не ломая обычая, не разрушая явно предания. Если же по праздникам работы будут производиться как и в будни, то сельские сходы будут лишены многих практических удобств. На сход будут ходить не самые нужные и дельные хозяева, а только те, которые случайно окажутся дома, да и те пойдут неохотно, с справедливым ропотом, что вот де люди работают, а мы тащися на сход, «за чужого дядю работать». Сплошь и рядом сходы, по причине малолюдства, будут оказываться недействительными, что обыкновенно бывает и теперь, когда они производятся в будни по какому-нибудь экстренному случаю. Дела будут или оттягиваться, или решаться кое-как, кое-кем, с *потерей рабочего времени*.

Таким образом, и с точки зрения утилитарной праздники проходят не без пользы для сельского населения.

Но в праздники народ пьянствует; главное зло в том, что празднование соединяется с пьянством. Действительно, народ особенно пьет в праздничное время. Но совершенно излишне доказывать, что праздники не учат пьянству, Церковь не учит пьянству. Священники в храме не проповедают пьянства. Святые угодники и священные события, прославляемые празднованием, не учат пьянству. Напротив, где же и учился русский народ до сего времени вере, нравственности, воздержанию как не в Божьем храме, который он посещает в праздники? Сравните праздники с буднями, отгоните православного христианина от Божьего храма и вы лишите его благотворного влияния слова Божия, влияния религии, Церкви, общественной молитвы, лишите его доброй науки, строго и настойчиво поучающей воздержанию, трезвости, целомудрию.

В праздники пьянствуют, значит, праздники, по логике противников их, причина пьянства: не нужно их. Нет, праздники

– не причина пьянства, а неумолимый строгий и пока единственный враг пьянства. Экономисты улыбаются. Дело их. Повторяю, праздники по идее первые и неумолимые враги и судьи пьянства, праздники – лучшее и надежнейшее орудие в борьбе с пьянством.

А в действительности? В действительности не везде пользуются этим орудием, а во многих местах злоупотребляют. Но мало ли чем злоупотребляют! Умный злоупотребляет умом, ученый образованием, начальник властью, злоупотребляют богатством, пищей, одеждой и проч. Нет ничего в мире, чем бы не злоупотребляла злая воля человека. Если уничтожить всё, чем злоупотребляют, значит уничтожить весь мир: уничтожить науку, культуру, религию, искусство, власть – всё, не исключая и особых совещаний.

Не уничтожать праздники, а поддерживать их, защищать от несправедливых обвинений и очищать от элементов, не имеющих ничего общего с религией, – вот о чём следует позаботиться благодетелям народа, а особенно тем, которые пекутся об отрезвлении его.

Праздники, – в надлежащем их проведении, лучшее средство для телесного и духовного освежения, отдохновения, ободрения и просвещения народа. Не загораживать, а всячески, расчищать, углаживать нужно дорогу к храму Божию. Если народ добровольно идет в церковь, а его чуть не насильно, да еще через священников, гнать на работу – это значит всецело подчиниться влиянию даже не финансового, а злого гения.

Богатые, властные, образованные люди имеют массу праздного времени. Они пользуются им для собраний, бесед, для лекций, для наслаждения искусством, им никто не мешает, все их затеи поощряются, и всё это проектируется в ближайшем будущем привить даже народу, а вот церковные праздники, когда народ наслаждается пиром веры, будто бы вредны, – их надо сократить, они отбивают от дела!

В праздник пьянствуют. Почему? Не из-за самого праздника, не «ради воскресенья», а потому, что по случаю свободного времени народ собрался на сход, стал кого-нибудь выбирать на общественную должность, или нанимать, что-нибудь делить,

продавать и т. п., и вот по этому поводу происходит выпивка. Выпивка произойдет и в будни, если будет тот же повод.

Далее, в воскресенье и другие праздничные дни, свободные от обычных работ, происходят разные семейные пирушки: свадьбы, крестины и т. п., при этом бывает и выпивка, нередко и пьянство. Если праздники и воскресные дни будут днями рабочими, то эти семейные гулянки вместе с пьянством будут совершаться и не по праздникам. Но пьянство не уменьшится. Не уменьшилось пьянство от того, что вместо одного кабака народ стал пить и по домам, по улицам и переулкам; не уменьшится оно и от того, что вместо одного дня, он будет пить семь дней в неделю. То, что пропивается деревней в праздничное время, но не по причине праздников, а вследствие разных семейных гулянок и общественных сходов, вычтите из общей суммы годового пропоя, и вы получите небольшую разность, пропиваемую именно по случаю без вины виноватых праздников. «Ради праздника» народ пьет на храмовой праздник, на Пасху, Рождество, Крещение, но в эти дни не меньше крестьян пьют и мещане, и купцы, и помещики, пьет интеллигенция, пьет чиновничество, пьют литераторы, и пр., все, не исключая духовенства. Разумеется, они делают дурно; но — их оставить в покое, а крестьянам через священников посоветовать во избежание пьянства идти на работу, — будет непоследовательно, чтоб не сказать больше. Если из вышеупомянутой разности вычесть то, что пропивается в эти четыре праздника, то получится ничтожный остаток, который пропивается народом «ради» всех остальных праздников. Из-за этого остатка упразднить священные времена, превратить их в рабочие дни, это, поистине, значит гнаться за мухой с обухом...

«Большинство населения не работает в праздники не из убеждения, что работать в праздники грех, а увлекаясь разгулом... главное зло в том, что празднование соединяется с пьянством»...

Так утверждает особое совещание.

Другими словами, русский православный народ празднует свои праздники исключительно ради разгула, ради пьянства; он

видит в праздниках только повод к пьянству. Может быть, такая перефразировка не точна, не верна, дай Бог! – но я и, вероятно, все другие пастыри понимаем смысл приведенной цитаты именно так. Боже мой! как горько, грустно и обидно слышать такое оскорбительное обвинение православного народа («большинства») из уст народных печальников и слуг государевых! Но Господь с ними...

Иду в свою поселковую винную лавочку справиться, насколько справедливо указанное обвинение в отношении к моему приходу. Прихожу. «Здравствуйте, Иван Иванович»! – Здравствуйте, батюшка!

– Будьте любезны, покажите мне цифровые сведения о продаже вина в настоящем году.

– С удовольствием. Вот вам две книги. В одной проставлен расход вина в каждом месяце, в другой на каждый день.

Беру первую книгу, читаю: 1903 год май месяц. 49 ведер.

49 ведер выпито в мае месяце текущего года. Изрядная цифра. Я вздохнул. Беру другую книгу. Отыскиваю 4-ое мая, в которое приходилось воскресенье. Сосчитываю – оказывается выпито 3 бутылки, 11 полубутылок и 3 шкалика. Итак, двухтысячное население праздновало воскресенье, бездельничало, *увлекаясь распитием 9 бутылок!* В следующее воскресенье 11 мая выпито 18 бутылок. 14 мая – отдание Пасхи и коронация – 8 бутылок. 15 мая – Вознесение – 11 бутылок.

18 мая – воскресенье – 15 бутылок.

25 мая – Троица – самый торжественный, любимый летний праздник, взято 49 бутылок, но из них, вероятно, больше половины взято в соседний поселок, где нет винной лавки.

Я опять вздохнул, но с облегчением. Неправда, что народ празднует праздники из-за пьянства, неправда, что праздники разоряют население. Но может быть в других местах иначе. Не знаю, я говорю, что вижу. Но если в моём приходе пьянствуют в праздники гораздо меньше, чем в будни, это происходит не от того, что я внушаю народу «понятие о пользе труда и вреде праздности», этого я никогда не делал: народ работает и без моих внушений достаточно, и не потому праздничный «разгул» в моём приходе умерен, что я «отклоняю прихожан от

разорительных для их хозяйства празднований и празднолюбия». Совсем напротив: четвертый год я «всячески отклоняю» народ от нарушения четвертой заповеди, постоянно и усердно прошу его *святити* день воскресный и другие праздничные дни, воздерживаться *от дел своих* и от служения мамоне. В этом старании встретились неожиданные препятствия. Когда я в церкви уговаривал и умолял народ не работать по воскресным дням, меня сначала слушали с недоверием и даже с досадой. «Хорошо ему говорить-то, он жалование получает», – говорили некоторые. «А вот прежний батюшка нам работать по праздникам не запрещал, и помочи сам устраивал и работников на работу посылал», говорили другие.

Главное еще препятствие встретилось со стороны губернских властей, которые настойчиво побуждали население работать в праздники на общественной запашке.

Вследствие «устраиваемых помочей» и побуждений власти, население естественно привыкло к самому небрежному проведению воскресных и праздничных дней. В храм Божий народ почти не ходил. Во время утрени и литургии производилась самая спешная, лихорадочная хозяйственная работа. Как только кончалось богослужение, прекращались и работы – на час, на два, потом снова начиналась где работа, где разгул.

Теперь народ охотно идет в праздник в церковь, свои работы оставляет, за исключением нарядов на общественные работы, пьянствует в праздник меньше, чем в будни, даже совсем не пьянствует, – не считать же пьянством, если двухтысячное население выпивает в праздник пять или пятнадцать бутылок водки.

То же может быть и в других местах.

Не праздники причина пьянства. Не уничтожением праздников бороться с ним. Пьянствуют в праздник не все и даже не большинство. Лишать пользы всех из-за немногих злоупотреблений несправедливо.

«Причины (празднований) глубоко коренятся в бытовых условиях народной жизни» – даже глубже, чем предполагает

особое совещание, поэтому уничтожение праздников несомненно потрясет совесть народную. Оно будет в высшей степени опасным и грубым посягательством на бесспорное и неотъемлемое право русского народа быть народом православным. Оно породит мрачное подозрение у народа по отношению к власти, чем сумеют воспользоваться враги отечества. Оно вызовет злорадный победный вопль со стороны отступников от Церкви, которых, разумеется, злосчастный проект не касается, имея в виду только послушных, терпеливых и верных сынов православия. Это уничтожение оттолкнет от нас окончательно старообрядцев, которые все ждут, все надеются, не обратится ли Церковь греко-российская на путь «древнего благочестия» и к жизни по уставу церковному, и оторвет, думаем, от Церкви многих её чад.

Но особое совещание проектирует упразднение праздников постепенно – посредством «просвещения», посредством «выяснения взгляда на сущность празднования», посредством «воспитания понятий о пользе труда и вреде праздности». Постепенно... постепенно, пожалуй что и можно. Постепенно люди приучаются и к совершенному безбожию.

Желать уничтожения праздников, хотя бы с такой благонамеренной целью, как поднятие народного благосостояния, значит идти рука об руку с атеистическим либерализмом, желающим уничтожить св. веру и благочестивые обычаи русского народа. Для торжества своих принципов господ либералы давно готовы упразднить не только священные времена, но и стереть с лица земли все священные места, в которых собирается на молитву опекаемый ими, но нелюбимый, непонимаемый русский народ. Когда праздники будут уничтожены, тогда возбудят, нужно думать, гонение и на храмы...

«Праздников чрезмерно много», празднуют их «из-за пьянства», праздники – «первостепенная» причина падения материального благосостояния и даже нравственности, необходимо «всеми средствами отклонить от разорительных празднований, празднотлюбия и от устройства новых праздников», но в таком случае зачем либералы так рьяно

добивались и, наконец, добились установления нового праздника – 19 февраля. Почему воскресный день или Ильин день объявить рабочим, а 19 февраля, когда никто никогда не праздновал, надо праздновать? Пожалуй, что так нравится либералам. Что им желательно – делай, чего не хотят – брось. Но разве они не боятся, что народ и 19 февраля будет бездельничать и пьянствовать, разве это празднование не принесет ущерба? Об этом они уже забыли. Для пропаганды своих идей наши либералы ничем не постесняются... Но оставим либералов. Коснулся я их потому, что толчком к составлению разбираемого проекта о праздниках послужили, между прочим, ходатайства либеральных земцев об ограничении празднований.

По крайней мере, особое совещание говорит, что некоторые из образованных ныне местных комитетов о нуждах сельской хозяйственности также поднимали этот вопрос – о сокращении праздничных дней – и признали необходимым принять меры к устранению вреда от излишних праздников.

Некоторым землевладельцам, не признающим не только праздников, но и ничего святого, – разбогатевшим немецким колонистам, сектантам, евреям, разным Шейлокам, закабалившим народ, – всем этим лицам православные праздники хуже ножа острого. Из-за праздников их работа замедляется. И вот эти господа в сельскохозяйственных комитетах выкинули либеральное знамя похода против праздников, от них де потеря рабочего времени, пьянство, распутство, в них де одно суеверие, остатки язычества... Более же простоватые предлагали выписать на работы китайцев.

«Вменить сельским священникам, – проектирует особое совещание, – в неперемнную обязанность, чтобы они... старались всеми средствами (?!) располагать прихожан к труду, отклоняя всячески (!) от разорительных для их хозяйства празднований и празднолюбия, а равно от устройства новых праздников». (Хотя бы в честь, преподобного Серафима!)

Кто не подивится такому проекту? и кто из истинных православных «пастырей» может послушать его?

Никаким утонченнейшим красноречием, никакими софизмами не доказать, что заповедь закона Божия, позволяющая «6 дней делать дела свои», позволяет делать их и в день седьмой...

Принуждать же православных священников к фарисейской или иезуитской изворотливости в толковании закона Божия или церковных установлений значит уничтожать их иерейское достоинство.

Да и нет надобности. Мы уже достаточно ясно видели преувеличенность мнения, будто главное зло состоит в том, что празднование «соединяется с пьянством». Но вообще говоря, несомненно, что главное зло на Руси пьянство.

Но как говорят западные ученые – статисты, психиатры профессора и государственные люди, не меньше этого зла и в западной Европе. Там праздников меньше, там народ просвещеннее нашего, мы не решаемся учить его трудолюбию или обвинять в празднолюбии, тем не менее там пьют едва-ли не больше нашего.

По данным статистики у нас... 35 тысяч человек умирает в год от опьянения! ... Праздники виноваты?!

Сократить их... Вменить в неперемнную обязанность... Противодействовать... разъяснить, что работать не грех... Что же, сокращайте, разъясняйте, уничтожайте...

Но только от этого сокращения сократится та душевная энергия, та самодисциплина, которую сообщает русскому человеку религия, Церковь, доброе предание. Об этом прежде подумайте!

«Главное зло... пьянство». Значит, прямо против него и нужно направлять оружие, а не против без вины виноватых праздников.

Уничтожьте пьянство и оставьте благочестивые обычаи, уничтожьте кабак и оставьте в покое православную Церковь, отнимите алкоголь и оставьте народу молитву и отдых. А искоренять пьянство такими несоответственными и прямо вредными мерами, как уничтожение праздников, – постерегитесь, дабы «последняя лесть не была горше первой».

Пусть пока хотя Церковь беспрепятственно борется с этим злом, если вы ничего не можете придумать против него порадикальнее...

В заключение – мои *pia desideria*:

А. Праздничных дней не уничтожать и священникам роли гасителя народного благочестия не поручать.

Не отнимать у народа права обязываться приговорами хранить день Господень в молитве, воздержании и покое.

Духовенству каждой епархии обсуждать вопрос об искоренении пьянства.

Б. Ходатайствовать пред надлежащим начальством, чтобы в воскресенье и великопраздничные дни полевые и вообще сельскохозяйственные работы, не исключая «помочей», были воспрещены, а винные лавки закрыты, и чтобы были приняты соответственные меры против масленичного безделья и разгула, как несомненного и враждебнейшего языческого пережитка.

Ходатайствовать о принятии должных мер против винопития на сельских сходах.

В интересах поднятия нравственности народа, ходатайствовать о принятии должных мер к тому, чтобы народ находился под постоянным надзором семьи и общества, в виду чего дать крестьянину прочный местный источник существования – именно достаточное количество земли, увеличивающееся по мере увеличения его нужд и работоспособности.

Сельский священник М. Платонов

С. Н. Р. Серафим Саровский и Лев Толстой³⁰ //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 322–331

Да не оскорбится чувство православного христианина таким сопоставлением личностей, в сущности несравнимых, но резко собою различающих две грани Боговедения, хотя также несходные, но для нашего времени поучительные.

Из многих направлений человеческой мысли, чувства и жизни, в настоящее время у нас, в России, очень видно обособляются православие и толстовство, и сродный последнему религиозный либерализм. Чувствуется, что в настоящий момент все помыслы православных русских людей всецело обращены к преподобному Серафиму, Саровскому Чудотворцу, а помыслы толстофильствующих и модных религиозных либералов перепутанными своими корнями ютятся около Льва Толстого. И вот, невольно напрашивается в душу сопоставление между собою преподобного Серафима и Льва Толстого, тем более, что тот и другой стремились к Боговедению, хотя и различно понимали его. Но именно это-то различие и стремления, и понимания Боговедения и занимает нас в данный момент.

I

К Богу и Божественному преподобный Серафим начал стремиться с самых ранних лет своей юности, и всю свою великую жизнь до самой кончины, глубоко-трогательной, он неугасимо горел этим жгучим и пламенеющим Богоискательством. Это было великое Богоискательство, несравнимое, как бы ангелоподобное. Вся жизнь – одна воплощенная добродетель, одна чистота и святость мысли и чувства, была посвящена ему – этому Богоискательству. Это был всецело вдохновенный и всецело напряженный подвиг, колоссальный труд, огнестремительный и всепоглощающий, увлекающий и в своих границах необъемлемо-свободный.

В этом Богоискательстве преподобный Серафим показал и выразил всё, что может ограниченный человек сделать для своего Боговедения, только им одним занятый и ото всего

отрешенный. Пред нашим взором, как бы в светлом и лучистом спектре, переливаются в преподобном Серафиме и благочестивое детство, и пылкая юность с её стремлением к Богу, и великое монастырское послушничество, и иеродиаконство с его Боговедением, и отшельничество иеромонаха с его величайшим пощением, с его величайшим молитвенным подвигом, и затворничество и молчальничество с их всецелым Богомыслием, и великое старчество, с его высокою любовью к страждущему человечеству, – и всё это было единым подвигом неутомимого Богоискательства и жажды Боговедения.

И это постоянное самоуглубление и самососредоточение на Боге, и это совершенное изучение священного Писания и великих отцов Церкви и их творений, и это высокоблагочестивое отношение к слову Божию, и этот аскетизм и неподражаемая церковная уставность для Бога, и это воплощение Боголюбности человечества, – увенчали труды преподобного Серафима высшими плодами Боговедения, которые только возможны для ограниченного человеческого существа, и какие являл и являет в себе преподобный Серафим.

В своём Богоискательстве преподобный Серафим раз навсегда отбросил от себя все низменные стороны человеческой природы – и всякий грех, и всякие страсти, как совершенно несовместимые с областью Боговедения, и отбросил с самых ранних лет своей жизни. Чрез это преподобный Серафим воспитал в себе светлый ум, отеческое чувство и крепкую волю, и их-то всецело вложил он в своё Богоискательство, в неутолимую жажду Боговедения. И весь в Боге и Богом облагодатствованный, он всё стремится к Нему, всё ищет Его и этим проявляет высший идеал Богоединения и высшего отношения конечного к Бесконечному, ограниченного к Безначальному, твари к Творцу её.

Такою жизнью в Боге всё время жил преподобный Серафим, был всецело предан Богу и горячо верен был тому, что Богом дано человечеству в Откровении; потому-то и на самом закате своей земной жизни он восторгался и упивался

Воскресением Христовым, пел пасхальные песнопения, наслаждался плодами Воскресения и как бы изживал и почувствовал то, в чём одном только и заключается вся радость и всё утешение человечества. И уходя в горний мир, преподобный Серафим всю великую свою жизнь изобразил в ярких красках нам ту вечно-тревожную для пытливого ума нашего истину, что вся широта Богоискательства и необъемлемая область истинного Боговедения и свободное выражение в них человеческого духа заключаются в приобретении человеком свободы навыка в Богопреданности в Боговоспитанности всех человеческих сил: и разума, и сердца, и воли чрез откровенное Божественное учение, в единении человеческой мысли, чувства и хотения с Божескою мыслью и волею чрез неприкосновенность и неизблемость содержания откровения Божия, и чрез всецелое послушание ему, и как бы в «плавании» в нём (Откровении) человеческого ума, как выразился преподобный Серафим.

II

Но совершенно другой дорогой пришел к своему туманному, беспросветному, безотрадному и мучительному Боговедению граф Лев Толстой. Этот замудровавшийся мудрец всю могучую свою гениальной натурой ударился на склоне дней своих в Богоискательство. От суетной, шумной, чувственной, греховной жизни он всё взял и всё пережил; отпил из чаши гнетущего Соломонова счастья и пресытился; всё жил и наслаждался внешностью жизни, блеском своего ума, мишурой славы, честолюбия и самодовольства, пока не добрал до той поры своей жизни, пока всю силой великой души своей прозрел всю неудовлетворенность жизни.

Во он не воспитал себя в религиозных покаянных чувствах, или, быть может, не хотел их знать, и остановился разочарованный и разбитый в своих чувствах, и в нём закипели и озлобление, и ненависть, и мучительная боль, и страшное ощущение неудовлетворенности. И вот это – единственная, главная и страшная подготовка была к тому Богоискательству, которое проявил в себе Лев Толстой.

Он не пришел к этому Богоискательству путем евангельского мытаря или Марии Египетской, а сразу набросился на него со стогов шумной жизни со всею душевною распрей. Он не смутился своим недостойнством пред величием Божиим, не покаянным чувством смирения начал он искать Бога, а с какою-то надменностью ума, дерзновенно и самоуверенно начал рыться в Божественном Откровении. Он был какой-то ураган, мятущийся и разрушающийся. Он хотел быть полным православным христианином, но это скоро наскучило ему и было ему не по характеру. Он стал изучать и священное Писание, и православное богословие, и учение отцов Церкви, но это изучение не перенес на жизнь свою, не пережил, не почувствовал, не вдохновился им, не усвоил его сердцем, а лишь коснулся его леденящим умом, и как какую-то научную и недоказанную аксиому искал в нём Бога, но Бог не являлся его холодному разуму, а он мутился, мучился, не удовлетворялся, но не хотел понять, почему же не удовлетворялся он, или, быть может, уже не в силах был остановить в себе разрушительный поток своих мыслей и чувствований. Теперь ему ничего уже не оставалось, как только один свой разум вложить в Богоискательство и им проложить себе дорогу к Боговедению. Но на его стремительном пути лежало Божественное Откровение, которое было так не по плечу ему, так не ладило с его ураганом.

И вот, не задумываясь, разметал он Откровение, раскромсал самое Евангелие, и в результате у него ничего не осталось, – ни православия, ни личного Бога во святой Троице, ни самого великого и утешительного христианского догмата – Воскресения Христова.

Но ему страшно тяжело было без Бога, мучительно и ужасно, и он как-то произвольно своим великим умом создает, вместо личного Бога, какое-то общее пантеистическое божество, самообожание своего человеческого духа, ищет какую-то разлитую во всём человечестве темную божественность, и только ею услаждается, как-бы каким-то самоуслаждением ума своего. Он создал себе своего особого бога, общего во всём и

всему, вклеил в него и человека, как некую неопределенную частицу Его.

Чтобы не страшно и не жутко было душе его рыться в этом беспросветном пантеизме, Толстой наделил своё нагроможденное божество общим свойством и именем «Бога-любви», а особенным отношением к нему человека, чуть не случайным, поставил эгоизм скопления человеком возможно-большей любви для общего блага. Но в то же время, чтобы не затеряться чрез то в этом неопределенном общем благе, – он создал этот хаос Боговедения и Богоотношения, и, как малый ребенок, поверил в него своим кощунственным умом, потерявшим всякую меру своего ограниченного ведения, и будто бы утешился и успокоился, что нашел такую границу своего Боговедения, какую только мог понять. Как будто существо Божие определяется и устанавливается детским и наивным человеческим разумением.

Таким образом, Богоискательство Льва Толстого было безверное, гордое, страшное, кощунственное, хулительное, крушительное, греховное и озлобленное; оно по этому самому не привело его к истинному Боговедению; оно не было даже и искренним и сердечным Богоискательством, а скорее надменным и безверным умозрительным ищейством в Божественном Откровении и озлобленным в нём реформаторством. Лев Толстой вовсе не пришел к Боговедению: Бог скрылся от него навсегда, как хулителя Своей откровенной воли. Лев Толстой избрал для себя новый и самоизмышленный путь своего отвлеченного и безжизненного верования, а за ним, с легкой руки его, расплодились у нас другие новые либерально-религиозные пути религиозного декадентства.

III

Таким образом, из сопоставления таких несравнимых между собою личностей, как преподобный Серафим и Лев Толстой, вытекает сама собою вся огромная разница Богоискательства каждого из них, вся несовместимость и необъемлемая несходность их Боговедения.

Когда остановишься на каждом из них, то вдруг делается невольный ужас и тоска, что такой могучий ум, как Лев Толстой, чрез своеобразное своё Богоискательство, впал в такую бездну Богонеистовства, из которой не бывает уже возврата. И в то время, как Богоискательство и Боговедение преподобного Серафима запечатлено высокою святостью, самоотверженным аскетизмом, ревностью, веет отрадою и духовным услаждением благодати, оживляется внутренним огнем свыше, – Богоискательство Льва Толстого и его Боговедение полно греха самоугождения и самодовольства, мрачного и разрушительного озлобления, ненависти, – мучительно, безотрадно, безнадежно и в то же время чудовищно-самопроизвольно и эгоистично.

На Богоискательстве преподобного Серафима лежит печать строгого разума и воли Божией; у Льва Толстого нет ничего подобного, на чем мог бы остановиться и успокоиться дух человеческий.

Самою высокою и отличительной чертой преподобного Серафима была его самоотверженная Богопреданность и глубочайшая, неизменная и непоколебимая вера в Божественное Откровение; а резкою и отличительной чертой Льва Толстого служит единственное доверие к своему разуму.

Отсюда-то, главным образом, и развилось всё различие и вся чрезвычайная несоразмерность их религиозного разномыслия. В этом именно начало и конец поучительному явлению для каждого современного ума, занятого искренним богословствованием.

То особенно знаменательно и полно глубокого внутреннего доверия и сладостного успокоения в преподобном Серафиме для пытливого ума нашего, что на всем протяжении своего длинного жизненного Богоискательства и стремления к Боговедению он в своих мыслях, чувствах, в воле всецело неизменно и незыблемо воплотил всё, на что опиралось христианство, чем оно двигалось и оживлялось, из чего оно сложилось, что имело и содержало в себе самом, в своём внутреннем и внешнем бытии и нравственно-духовном облике. Он всем своим существом реализировался в христианстве, – и

христианство отразилось в нём и жизни его всем своим жизненосным величием, всем ослепительным блеском истинного Богопроникновения.

Ничего подобного не только нет во Льве Толстом, но в нём еще до боли и муки ужасает и щемит сердце страшное, какое-то демоническое Богоборство его разума в христианстве, – и это какое-то аховое отрицание личного Бога, и эта тупая и озверелая бесчувственность Воскресения Христова.

Всё, чем горел всю великую жизнь преподобный Серафим, что в нём самом так ощутительно билось, – всё это во Льве Толстом чадилось адским огнем.

IV

В чаду своего отчаянного Богоискательства Лев Толстой потерял и христианского Бога, и самое христианство обезличил, исказил, обезобразил и так сузил, что в нём тесно даже ограниченному духу человеческому, а не то что великому духу безграничного и безусловного Божества.

Что действительно Лев Толстой стал на безусловно-ложную дорогу и к истинному Боговедению нисколько не пришел, как к тому ни стремился он, и как того упорно ни добивался, – видно из того уже, что его Боговедение никаким особенным актом не выразилось в его человеческой личности. Ведь всё вечно-живущее и действительно-истинное должно выражаться особенною жизненностью, а тут у Льва Толстого и нет именно этого, тут что-то единственно-замертвелое и хаотически-неподвижное, если не считать ту навязанную Толстым своему божеству общую любовь, которая вытекла не из сущности этого последнего, а лишь из как бы случайной воли существ, входящих в него какими-то неопределенными составными частями.

Мы не говорим уже о тех особенных, чрезвычайных дарованиях высшего Боговедения, которыми запечатлена личность преподобного Серафима; в этой области он несравним даже со многими святыми, да и сопоставлять его по этим качествам его Боговедения с Толстым – значит только кощунствовать. Уже в самой человеческой личности преподобного Серафима заметна высшая идеализация: эта

удивительная утонченность природы, это детское незлобие, нежное и задушевное, эта глубочайшая любовь ко всем без различия людям, трогательная, великая и по своей простоте и размягчавшая самые каменные сердца, эта неослабевающая жизнерадостность. Всё это, конечно, не было и не могло быть какою-либо исключительностью в личности преподобного Серафима, его прирожденною субъективностью, а было именно соотношением его к единственно-истинному Боговедению.

Напротив, Толстой остался в своём Богоискательстве с тем, с чего начал его; в нём осталась и известная всем злоба, и мрачные думы, и постоянная тревога и лицеприятность, его смятенный дух не очистила даже его деланная любовь для общего блага, он всё такой же, каким ему никогда не хотелось бы быть, только утомившийся и парализованный в своих лучших чувствах к христианству. Его Боговедение ничего не дало ему, да и не могло дать, так как оно из него вытекло, плод его холодных умозрений, его мертвящего реформаторства.

Бог Льва Толстого необъятно далек от него, не имеет с ним никакой реальной связи, он – субстанция, не имеющая никаких жизненных соотношений даже к такой своей монаде, как сам Толстой. Поэтому, сколько последний ни стремился к нему, никакой от него милости, никаких особенных дарований не получил от него, несмотря на то, что он, вероятно, любил его всем существом своего могучего ума и из любви к нему вносил в общую сокровищницу дела своей любви. Да и этой любви он, Толстой, научился не от своего мертвого бога, а от Бога преподобного Серафима, живого и личного, и только от Него у Толстого осталось всё то доброе, которым он еще по справедливости может гордиться в своей жизни и личности.

В своём Богоискательстве Толстой употребил большой, но напрасный труд; он не пришел к истинному Боговедению, а его собственное Боговедение ничего не выражает и никакой существенной правды в себе не содержит. И как высоко, небесно, жизненосно Боговедение преподобного Серафима, так, напротив, низменно, мрачно и убивающе Боговедение Толстого.

Всё это потому, что Боговедение – есть дар неба, а не плод человеческого умозрения. Истинное Боговедение снизошло на

преподобного Серафима в его великом жизненном молитвенном подвиге, носящем внутренний отблеск молитвенных подвигов Христа и высоко запечатлевшем всё великое его, Серафимово, Богоискательство. Молитвенный подвиг был каким-то особенным дыханием и как бы животворностью Богоискательства преподобного Серафима; он восходил к живому и личному Богу, входил в таинственное единение с Ним, и чрез это непостижимым, сверхъестественным актом рождалось в преподобном истинное, святое и правильное Боговедение.

Если бы Лев Толстой именно подобным молитвенным подвигом начал своё Богоискательство и на нём обосновал бы свой характерный мистицизм, а не смотрел бы на молитвенный союз с Богом как на одно лишь бесчувственное, холодное, бессердечное анализирование умом своим своих отношений к Богу, – тогда он, несомненно, не пришел бы к своему туманному и безличному Боговедению, туманному и неясному, беспросветному и мучительному.

От истинного Боговедения, которое снизошло в душу преподобного Серафима непостижимо,³¹ Лев Толстой безгранично далек и разъединен с ним страшной хулой своею и ужаснейшим своим кощунством над личным Богом и Его Откровением; ему страшно теперь и порвать со своим Боговедением, к которому пришел он «с такими страданиями», как он сам выражается, ибо это значило бы для него отказаться от своего ума и своего мишурного величия, в которых и сам по себе, и со стороны своих поклонников, Он привык видеть своего рода божество, дорогое ему и для него самое святое.

И вот ему, быть может, поневоле приходится прибегать, быть может, уже неосознанно, а по увлечению, ко лживому чувству якобы спокойствия и радостного исповедания измышленного им самим и Бога, и христианства. К тому, что мы сами выдумали и измыслили, что явилось в нашей душе как наше собственное, мы всегда особенно ревнивы и за то всегда трепетны и беспокойны; а потому у Льва Толстого не может быть и никогда не было «спокойствия и радости исповедания», тут непременно лживое и обманное чувство, – очевидное, ибо

ничем свыше не засвидетельствованное, да ведь не совсем и честное, ибо не честно измышлением своего разума восхищаться.

И как несравнимо вечно-юное, детски-простое и вдохновенно-небесное исповедание преподобным Серафимом Живого и Личного Божества, как оно правдиво и как отрадно переливается в душу; между тем исповедание Толстого неестественно, непримиримо, не проникает в душу без чувств озлобления и ненависти, а потому и самое Боговедение Толстого в той же мере невероятно и субъективно.

Не даром ведь он, Толстой, почему-то чувствует себя одиноким И как жаль, глубоко и прискорбно жаль, что Лев Толстой в своём Богоискательстве отринул такой величайший пример, как преподобный Серафим, в совершенстве знавший всё Божественное Откровение и святых отцов, – этих светильников на пути к Боговедению.

И всегда, и всякое Богословие и Боговедение будет сухо, безжизненно и субъективно, если не будет проникнуто христиански-высокими чувствами, всегда и всю жизнь одушевлявшими преподобного Серафима, Саровского Чудотворца.

С. Н. Р.

**Александров Д., свящ. Критический разбор
раскольничьего сочинения (Усова) «О
миропомазании священнослужителей,
присоединяемых к православию от ереси второго
чина»³² // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С.
332–340**

Старообрядец. Но Усов пишет, что Тарасий сказал, что здесь сказано просто о благословении, т. е. сказано просто, а не благословение простое. Да и возможно-ли простым благословением присоединить к Церкви епископа или священника в его сане или хотя бы мирянина? Где изложен чин какого-то простого благословения, которым присоединяют от ереси к православию? Да при том, ужели вам неизвестно, что почти каждый православный христианин очень часто принимает простое благословение от священника или епископа. А в книге «Сын церковный» предлагается всякому православному христианину при каждой встрече со священником обязательно просить от него благословения, что и делает каждый благочестивый христианин. – Неужели он тогда присоединяется от ереси к православию?

Ведь вот к каким нелепостям может привести ваше предвзятое и превратное толкование не совсем точного выражения св. отца. Кроме того, благословением называется не только то благословение, которое преподает священник мирянину, но также и просфора, как говорится в толковании на 32 правило Лаодикийского собора, что «благословение есть просвира». Но, думаю, и вы не скажете, что просвирой можно присоединять от ереси. Ясно, что под словами благословение у св. Тарасия должно разуметь не другое какое благословение, как то, посредством которого присоединяются к православию. А такое благословение есть не иное что, как именно миропомазание, на что нами и представлены многочисленные доказательства (стр. 33–34). Так пишет Усов.

Православный. Вот уже поистине Усов договорился до нелепостей, превратно толкуя правила св. отец, а не мы православные. «Сказано просто, а не благословение простое». Да кто говорит о каком-то «простом благословении»?! Ведь это пустословие такое, на которое тошно и отвечать верующему христианину. «Каждый православный христианин принимает благословение от священника или епископа, так неужели он тогда, витийствует Усов, присоединяется от ереси к православию»?

Если так рассуждать, как рассуждает почтенный Иван Григорьевич, то выйдет вот что: «Св. Церковь заповедует каждому православному христианину как можно чаще, а один раз в год обязательно, прибегать к таинству св. покаяния, чтобы очистить свою совесть и душу от грехов». Усов же на 35 стран. своей книги говорит, что по правилу св. Василия Великого еретиков 3-го чина следует «исправлять приличным покаянием», значит, если рассуждать по-Усовски, православные христиане ежегодно по несколько раз, а один то раз в году обязательно, присоединяются от ереси к православию. Так вот к каким нелепостям может привести казуистическое мудрование вашего еретика Усова!

Присоединение еретиков 3-го чина должно совершаться, по свидетельству св. Василия Великого, «приличным покаянием и обращением», а при разрешении от грехов бывает и возложение рук и благословение, как о том свидетельствуют св.: священномученик Киприан и блаженный Симеон Солунский. Первый в 12 письме к клиру писал, что «падшие», т. е. по каким-либо обстоятельствам отрекшиеся от правосл. веры, «могут *исповедовать свой грех* пред всяким, какой тут случится, пресвитером... затем *по возложении руки на них в знак покаяния*, да отходят к Господу с миром» (часть 1-я, письмо 1). Блаженный Симеон Солунский говорит: «*принимающему исповедь нужно и благословлять и читать молитвы*» (в русском переводе том 3-й, стр. 150), и в другом месте: «*принимающему исповедание грехов нужно и благословлять, и говорить разрешительную молитву, и разрешать, и налагать епитимью*»... (в русск. переводе, гл. 215, том 2-й, стр. 313).

Таким образом ясно, что и покаяние совершалось молитвами, возложением рук и благословением.

Вот так-то и принимали и принимают еретиков 3-го чина, присовокупляя отречение от ересей, о чём мог и говорить св. Тарасий, а не о миропомазании (см. чин присоединения от ереси третьего чина в книге «Увещание» и отдельно). Усов говорит, что «под словом благословение у св. Тарасия должно разуметь не другое какое благословение, как то, посредством которого присоединяются от ереси к православию. А такое благословение есть не иное что, как именно миропомазание, на что нами (де) представлены многочисленные доказательства».

Все его доказательства многочисленные (!?) мы разобрали и вы воочию можете видеть всю их несостоятельность. А вот к каким нелепостям ведут его последние слова, якобы благословение есть не иное что, как именно миропомазание: в старопечатном «Потребнике» изложен чин приятия от ереси первого чина, где читаем: «приходит хотяй креститься к настоятелю и приемлет благословение» (Иоасафовск. потребник 434 л.). Если под «благословением» разуметь миропомазание, то ужели до крещения оно совершается?

Далее: «Святитель руки возлагает и благословляет» (л. 467 об.) и опять до крещения «руку возлагает и благословляет». Ужели миропомазует? Благословение, возложение руки, отдельное от миропомазания действие и не заменяет оное. Кажется, довольно свидетельств мы привели, чтобы обличить ложь Усова.

При том же не раз уже нами было говорено, что по миропомазании нужно снова рукополагать клириков-еретиков, принятых в церковь, в сан, «в нём же беша они; или пресвитеры, или диаконы, или ино что» (Кормчая 37 гл. л. 293 обор. Вальсамон ответ 30-й Марку Александрийскому и др.). Миропомазание не подает, не исправляет священства, а лишь наворачивает крещение.

Помазывая миром Амвросия, Вы этим показали, что он «еще не полный христианин», что на нём крещение несовершенно. Как же он мог остаться в своём чине-сане?

Старообрядец. Известно, что принятие от ереси 3-м чином есть не иное что, как покаяние, по свидетельству св. Василия Великого, который определил этого чина еретиков «исправляти приличным покаянием и обращением» (1-е правило полный перевод). На это есть много доказательств, но я их приводить не буду, потому что думаю вы возражать против этого не будете.

Православный. Да, третий чин приятия от ереси есть, именно, покаяние, совершенное с отречением от лжеучения.

Старообрядец. Скажите: покаяние подает-ли священство кающемуся или нет?

Православный. Конечно нет, не подает. Кто против этого спорит?

Старообрядец. Справедливо. Теперь спрашивается: почему же вы от ереси 3-го чина священнослужителей чрез одно только покаяние, или отречение ересей, как приняли недавно в 1898 г. от несториан епископов и священников в их степенях священства («Церковн. Ведомост.»). Ведь, если св. миропомазание не подает священства помазуемому, то также и отречение от ересей не подает его отрекающемуся, как вы сами подтверждаете. Поэтому и от третьего чина еретиков священство нельзя принимать, а если вы принимаете, то беззаконствуете. Не так-ли?

Православный. Покаяние священства у тех клириков-еретиков, кои приемлются третьим чином, не уничтожает, почему они и приемлются в сущем сане.

Принимаем же от ереси 3-го чина еретиков клириков в сущем сане – на основании, напри., 69 правила (а по полной Кормчей 79) Карфагенского собора, которым положено донатистов, по принесении ими должного покаяния, допустить в общение с Церковью, с сохранением принадлежащих клирикам их иерархических степеней, хотя эти степени и были преподаны им вне Церкви (См. толков. Аристина на это правило и у Соколова – «иерархия Англиканской церкви», стр. 305–306).

В одном древнем памятнике, известном под именем «Ответы православным», читаем: Вопрос 14: «Если ложно и суето крещение, преподаваемое еретиками, то для чего православные прибегающего к православию еретика не крестят,

но оставляют его при ложном крещении, как бы при истинном? А если он получил от еретиков и рукоположение, то и сие принимают, как твердое?» Ответ на это дается такой: «у еретика, приходящего к православию, погрешительное исправляется: в лжеучении – переменою образа мыслей, в крещении – помазанием св. мира, в хиротонии – возложением рук (хирофесия)» (иерархия Англиканск. церкви, стр. 306–307).

Таким образом ясно, что правосл. Церковь, принимая хиротонию еретиков 3-го чина, не погрешает, а поступает согласно с учением, законами, древней Церкви. Принимает же Церковь еретиков 3-го чина чрез отречение ересей с покаянием, а покаяние, как мы выше доказали, совершалось и совершается благословением, с руковозложением и чтением разрешительной молитвы. (См. выше у нас – Симеон. Солунск.).

Старообрядец. Я вам отвечу вашими же словами. Миропомазание, хотя и не подает священства присоединяемым от ереси второго чина священнослужителям, но и не лишает его. Следовательно, нет надобности и рукополагать вновь таких, так как они уже имеют священный сан, хотя и полученный в ереси. А потому мы и принимаем их, как приняли и митр. Амвросия, в их чинах, а также и потому, что правила повелевают так поступать, как, например, 8-е правило первого вселенского собора, что доказано нами ранее.

Православный. Но мы-то доказали вам Писанием, что рукоположенные еретиками 3-го чина члены клира принимались в общение церковное с сохранением их степеней священства чрез возложение рук в покаяние, – а вы ни одного правила не привели, кроме толкования Аристина, что, по миропомазании, клирики-еретики остаются в сущем сани.

По миропомазании необходимо снова рукополагать (Кормчая 37 глава). В греческой Кормчей «Пидалионе» (не в исследовании Ив. Никольского), в толковании на 8-е правило первого собора читаем: «Собору угодно было, чтобы, в случае обращения наватиян к православно. Церкви, они получили возложение рук и так принимались и оставались в клире те, то есть, которые были клириками». Под строкой объяснено, что под хиротесией здесь разумеется не хиротония, как быть может

кому-нибудь покажется, а возложение руки епископа или священника на голову обращающихся, совершаемое при обряде принятия кающихся» (См. у Бердникова – Правосл. Собеседн. 1888 г., месяц март, 407 стр.). Так, значит 8-е правило 1-го собора повелевает принимать наватиян третьим чином, почему и принималась хиротония наватиян. Отсюда, незаконно вы приняли м. Амвросия и не по 8-му правилу. Незаконно и безблагодатно и священство ваше.

Старообрядец. Вы говорите, что миропомазание восполняет крещение; значит оно – есть часть крещения, но это неправда. Миропомазание – особое самостоятельное таинство. Если же мы его будем считать не таинством, а лишь частью крещения, то выйдет, что в Церкви – не семь таинств, – а шесть, что есть явная несообразность и заблуждение. Принятие же третьим чином, как покаяние, есть второе крещение, как о том пишет Симеон Солунский: «покаяние после крещения (есть) и главизна спасения для всех верных, и другое очистилище, и второе крещение, совершаемое, посредством исповеди и сокрушения, посильными трудами и слезами» (в Русск. переводе гл. 215, стр. 314). И если ваша Церковь принимает в своих санах иерархов, над которыми совершено это второе крещение, то тем более должно оставлять в своих санах тех священнослужителей, над которыми совершено св. миропомазание при их присоединении к православию от ереси второго чина.

Православный. Никто вам и не говорит, что миропомазание не особое, не отдельное, таинство, а часть крещения. Это выдумка и клевета Усова. Мы говорим, что миропомазание – завершает крещение, что без миропомазания тайна крещения не совершенна и сие говорим не от себя, а так учат старопечатные книги. «И без того (миропомазания) крещения тайна несовершена есть», читаем в книге о Вере (л. 245). «Тот не будет вполне причастен благодати крещения, кто еще не приял помазания мира», учит Симеон Солунский (в русск. перев. гл. 11-я, т. 2, стр. 23). «Необходимо им (миром) запечатлеваться всякому верующему при крещении, чтобы

всякий крещеный самое *крещение* Божественное имел *вполне совершенным*» (там же, стр. 23).

Так видите, мы вам приводим свидетельства от Св. Писания, а вы, со слов Усова, говорите голословно. Покаяние же называется «вторым крещением» не в том смысле, что оно производит такое же действие, как крещение, а в том, как писано в большом Катехизисе, что покаяние есть вторая дщица по разбиении спасительного корабля, и нужна потребная тайна согрешившим, в нём же оставление грехов о повинных испрашивается, от Бога же иереом даруется, т. е. тех грехов, кои совершены уже после крещения. Крещение же очищает человека от таких грехов, «егда человек немогий покаянием своим грехов избавится» (Больш. Катехизис 389 об. и 362 л. л.). Принимая хиротонию еретиков третьего чина и исправляя их покаянием, с отречением от ересей, Церковь наша поступает согласно законам и учению древней Церкви, как то мы уже показали выше (См. 69 правило Карфагенского собора, 8-е правило 1 вселенского собора и др.). А вот принимать клириков, по миропомазании, в сущем сане, нигде закона нет и Усов указать не мог: а прибегает только «к умствованиям и грубым софизмам».

Старообрядец. Но, ведь, наша Церковь держится иногда совершенно противоположного воззрения на значение миропомазания в принятии от ереси священнослужителей. Она учит, что если кто рукоположен в какую-либо степень священства, еще не будучи помазан миром, и то его должно оставить в его сане, по совершении над ним таинства миропомазания, когда присоединяется от ереси к православию. В книге «К истории вопроса о принятии схизматиков в правосл. Церковь», составленной Василием митроп. Смирнским и утвержденной целым собором восточной церкви, между прочим говорится: «При неоспоримой правильности крещения, следовательно, и рукоположения, клирики, присоединяющиеся к православно. католической Церкви из еретиков, должны приниматься, только давая письменное исповедание веры и проклиная свою ересь, как практиковалось седьмым вселенским собором относительно обратившихся от ереси епископов и

других клириков единоборцев, или в то же время будучи помазываемы священным миром, если прежде не помазаны, как определяется 7-м прав. второго вселенского собора» (стр. 24). Вот ваша Церковь повелевает оставлять в своих чинах даже таких клириков, которые получили одно лишь крещение, а миропомазания не получали до самого обращения к православию. Они, по вашему, получили именно неполное, недовершенное крещение. И если таких священнослужителей нужно оставлять в их степенях священства, по совершении над ними миропомазания, то тем более должно так поступать с лицами, которые, находясь в ереси, еще до рукоположения, при самом крещении, получили это таинство, получили, по вашему, вполне совершенное крещение, сделались совершенными христианами, хотя и заблуждающимися.

Вообще ваша Церковь принимает от ереси второго чина священных лиц так же, как мы приняли митроп. Амвросия, т. е. чрез миропомазание, и оставляет в их степенях священства.

Православный. Неправда. Нигде не в правилах Св. Апостол, ни в правилах вселенских и поместных соборов, ни в правилах и творениях св. отец, ни в постановлениях нашей православной Церкви вы не найдете, не укажете, таких постановлений, что клириков-еретиков, принимая чрез миропомазание, можно было оставлять в сущем сане, что-же это вы до сих пор всё еще не указываете, а бьетесь, мечетесь туда и сюда, извращая Писание?!

Книга Василия Смирнского вовсе не закон нашей Церкви, да не принята в обязательное руководство и Восточной Церковью, – о том в самой книге и не говорится, значит это первая неправда Усова. Таким образом, если бы что и говорилось в пользу совершенного вами чиноприема м. Амвросия в сказанной книге, – это не закон церковный, а частное, личное мнение Василия Смирнского, которому нужно предпочитать прямой закон. Законы-же церковные и учение св. отец – говорят, что хиротонию клириков еретиков, принимаемых чрез миропомазание, Церковь не принимала и что, по миропомазании, их нужно снова рукополагать (см. 37 гл. книги Кормч. и учение св. Григория Богослова). Да и что Василий

Смирнский говорит? Он указывает на седьмой вселенский собор, который принял иконоборческих епископов в сущем сане. Но как? «Должны приниматься, пишет он, только давая письменное исповедание веры и проклиная свою ересь», т. е. третьим чином, а не вторым, а посему и хиротония их была принята без повторения. Далее Василий Смирнский говорит о другом чиноприеме и ссылается на 7-е прав. второго вселенского собора: «или в тоже время будучи помазываемы св. миром, если прежде не помазаны, как определяет 7-е прав. второго вселенского собора» (стр. 24). «Вот ваша Церковь, восклицает Усов, повелевает оставлять в своих чинах даже таких клириков, которые получили одно лишь крещение, а миропомазания не получали до самого обращения к православию»... Но где это таких клириков-еретиков нашел Усов, которые получали только одно крещение и, не будучи по крещении миропомазаны, получали священство? Повторяем: где таких клириков-еретиков нашел Усов? Пусть покажет. Василий Смирнский сослался на 7-е прав. 2-го собора. Каких еретиков повелевает принимать чрез миропомазание второй вселенский собор? В правиле сказано, что ариан, македониан, савватиан, аполинаристов и наватиан. А разве клирики названных еретиков по крещении не были помазаны св. миром? Где это писано? А главное: разве второй вселенский собор, по миропомазании клириков-еретиков, повелел оставлять их в сущем сане? Вот председатель второго вселенского собора, вселенский учитель и великий Богослов, св. Григорий – хиротонию Аполинаристов, которых узаконено было принимать чрез миропомазание, отметил, как о том читаем в житии, в книге его (лист 10 об.) и в Минеи-Четьи: «Посылаше, писал к Лидонию презвитеру, мужу благочестивому и угоднику присному Божию, и другим неким, яко неприимати пагубы еретическия поставления, и отметати Аполинария, яко странны (в житии «яко неправедна и чуждая») соборныя церкви» (Минея-Четья старописм. Январь 25 число). Кому-же верить: вселенскому учителю св. Григорию Богослову, учение которого принято всею церковью, всеми св. отцами (См. 2-е прав. 6-го вселенского собора), или Василию Смирнскому!? Не принимая учение Св.

Григория Богослова, вы подвергаетесь *анафеме, проклятию* (Кормч. 641).

Обратили бы лучше своё внимание вы и Усов на следующие слова того-же Василия Смирнского: «Вследствие определенного круга отправления епископских должностей в определенной пастве, несомненно лишены законной действительности и все вне собственного прихода без формального или именного дозволения местных церковных предстоятелей совершенные священнодействия» (стр. 22–23).

В Белокринице, при водворении Амвросия, не было никаких «местных предстоятелей», которые могли-бы вчинить его в клир и вручить ему паству; а посему все действия его незаконны, а от «беззаконных и ничтожных действий» произошло и незаконное священство, которое и принять нельзя.

Иерей Д. Александров
(Продолжение следует).

**Высотский Н. Критический обзор мнений по
вопросу о происхождении хлыстовщины //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 341–353**

Секта «людей Божиих» или хлыстовщина, не смотря на своё более, чем двухсотлетнее существование,³³ долгое время не была предметом научного исследования. До 60-х годов текущего столетия в русской литературе встречаются лишь скудные, отрывочные и неточные сведения о хлыстовской секте.³⁴ Только с 60-х годов изучение этой секты становится достоянием науки. Статьи И. М. Добротворского, печатавшиеся в *Православном Собеседнике* за 1858 г. (1 и 2 ч.) и 1860 г. (3 ч.) и вошедшие потом в состав известной книги³⁵ его: «Люди Божии, русская секта так назыв. духовных христиан», были первым опытом научного исследования хлыстовщины.³⁶ С этого времени в разных периодических изданиях появляется целый ряд статей, посвященных вопросу о хлыстовщине; издаются материалы, относящиеся к этому вопросу; появляются довольно обширные опыты «исследования» секты. Словом, возникает целая литература и литература, нужно сказать, довольно обширная. В настоящее время число ученых сочинений, а также и отдельных журнальных статей, имеющих своим предметом хлыстовщину, нужно считать не единицами, а целыми десятками.

При таком обилии литературы о секте «людей Божиих» естественно было бы ожидать, что вопрос об этой секте рассмотрен всесторонне и что в этом сложном вопросе не осталось ни одного частного пункта, который бы не был разъяснен и относительно которого бы наука не сказала еще своего последнего слова. Но это естественное ожидание далеко не оправдывается на самом деле. В широком вопросе о хлыстовщине и теперь не мало частных пунктов, которые еще ждут для себя окончательного, твердо научного разъяснения.

К числу таких пунктов в сложном вопросе о хлыстовщине, прежде всего, должен быть отнесен важный вопрос о происхождении хлыстовской секты. Существует много

разнообразных взглядов по данному вопросу, но ни один из них не имеет под собою твердой научной почвы, и таким образом этот вопрос всё еще остается открытым.

В предлагаемой статье мы намереваемся обозреть все существующие в литературе взгляды по вопросу о происхождении секты «людей Божиих» и подвергнуть их критическому анализу с тем, чтобы расчистить дорогу будущему исследователю, который задастся целью дать окончательное решение этого вопроса.

Всё разнообразие существующих в литературе взглядов по вопросу о происхождении хлыстовщины может быть подразделено на три категории.

К первой категории относятся взгляды, по которым хлыстовщина представляет собою продукт чуждой нам истории, искусственно и случайно привитый к нашей народной жизни. Эта категория, в свою очередь, может быть подразделена на отдельные частные группы. Исследователи рассматриваемой категории, сходясь между собою в общем воззрении на хлыстовщину, как на явление заносное, различаются между собою в определении источника, откуда именно произошла эта странная секта. Одни исследователи утверждают, что она получила своё начало от западных мистиков (проф. Добротворский³⁷ и Перетц³⁸), другие указывают источник этой секты в богомилстве (Мельников,³⁹ Кельсиев,⁴⁰ Максимов,⁴¹ Протопопов⁴² и Н. Стеллецкий⁴³), третьи производят её от ереси Кульмана (Рудаков,⁴⁴ Реутский,⁴⁵ Соколов,⁴⁶ Филарет, арх. чернигов.⁴⁷), четвертые видят в ней соединение ереси Бакшина и Косого с квакерством (Ливанов).⁴⁸

Вторую категорию составляют взгляды, которыми хлыстовщина признается таким же самобытным явлением русской жизни, как и раскол старообрядчества. Эта категория имеет также свои подразделения. Одни исследователи возводят начало секты хлыстов к глубокой древности и видят в ней порождение древнерусского языческого шаманства (Щапов),⁴⁹ другие отождествляют её с ересью стригольников (Тихонравов);⁵⁰ третьи ставят её в тесную связь с безпоповщиной (Милюков);⁵¹ наконец, четвертые видят причину

возникновения хлыстовщины в исторических условиях русской народной жизни, как они сложились к XVII в. (Н. Барсов⁵² и свящ. Рождественский⁵³).

Наконец, к третьей категории относятся взгляды тех исследователей, которые считают хлыстовщину продуктом соединения восточных еретических учений, занесенных к нам в глубокой древности и нашедших на Руси благоприятную почву, с исторически выработанным мирозерцанием русского народа. Так именно думают Е. Барсов⁵⁴ и И. Корнеев.⁵⁵

Таким образом в нашей литературе существует около десяти взглядов по вопросу о происхождении хлыстовщины; к рассмотрению их мы теперь и приступим.

Остановим прежде всего своё внимание на мнении по этому вопросу проф. Добротворского.

Добротворский начинает изложение своего взгляда на происхождение хлыстовщины следующим вопросом: «Каким образом русскому простолюдину могла прийти в голову мысль объявить себя Христом и отвергнуть церковную обрядность в то время, когда и образованные люди склонны были более к внешней, обрядовой стороне христианства, нежели к мистицизму?»⁵⁶ Этот недоуменный вопрос, по мнению Добротворского, легко разрешается при предположении, что хлыстовщина занесена к нам на Русь отвне и именно с запада, где было много мистических сект, поразительно похожих на нашу секту «людей Божиих». «Принимая во внимание, продолжает Добротворский, поразительное сходство в главном учении людей Божиих об отношении Христа и Св. Духа к верующему с... учением и обрядами западных еретиков-бичующихся, пляшущих, братьев свободного духа и квакеров, можно с вероятностью допустить, что основатели ереси, привязанные к внешности и неспособные к мистическим тонкостям, заняли своё учение от западных еретиков».⁵⁷ Каким же образом учение западных еретиков проникло к нам на Русь? Г. Добротворский отвечает на этот вопрос таким образом: из Польши и Богемии, где эти еретические учения были довольно распространены, семена их были занесены на юг России, а потом и на север, в наши скиты. Свою мысль о переходе к нам

мистических идей чрез юго-западные страны г. Добротворский старается обосновать на одном свидетельстве *густынской* летописи и на предании, сохранившемся у хлыстов. В *густынской* летописи рассказывается, что около 1507 г. за Краковом (в пределах Польши и Силезии) появился лжехристос с 12 апостолами, прельщая народ мнимыми чудесами. Лъстецы скоро подверглись преследованию со стороны благоразумных людей, которые «крепко их биша, яко оттоле престаша сея лести». «Т. е., – комментирует последнее замечание летописи г. Добротворский, – по всей вероятности ересь не уничтожилась, а стала распространяться менее открыто, тайными путями, пока не проникла на юг и потом на север России».⁵⁸ – «На этот путь перехода хлыстовщины в Россию, говорит далее г. Добротворский, указывает показание одной богородицы «людей Божиих» – Анны Федоровой Скачковой, крестьянки Саратовской губернии, Николаевского уезда, села Давыдовки, которая в 1828 году содержалась в Волгском тюремном замке и открывала тайны своей ереси».⁵⁹ Свящ. Саратовского тюремного замка о. Николай Вазерский записал признание Скачковой. «Секта хлыстов, – говорит о. Вазерский со слов Скачковой, – происходит от гребенских или запорожских казаков, живших в России, а после бежавших в турецкие владения. Там они имеют главного настоятеля своей секты в виде Христа, от него получают все нужные книги. Когда нужно им избрать богородицу или богомольщика, то они, утвердив оное избрание своеручным подписанием, посылают с оным помощника к оному настоятелю. Там богомольщик живет год и более для узнания обрядов, дознания в поведении и твердости в вере. После настоятель, утвердив сей приговор, посылает с оным помощником предписание, а богородице – богомольную сорочку и вербу. Сию оную сорочку и вербу сохраняет до смерти, а по смерти таковую сорочку надевают на неё, а вербу кладут с нею в гроб. Потом, избрав другую, которая навсегда должна быть дева непорочная, благообразной наружности и лучшего ума, опять тем-же порядком посылают и получают предписание, сорочку и вербу. Сия Анна Федорова от того настоятеля имела предписание, сорочку и вербу. Сверх сего ей была прислана от

него в дар книжка, похожая на молитвенник. Книга сия была напечатана русскими красными словами, но разобрать и понять оных было невозможно. Она же читала ту книгу очень скоро и наоборот – от левой руки к правой.⁶⁰ Сверх сего сия богородица обязана двух или трех девочек, по усмотрению, предварительно познакомить с сею грамотою, а богомольщик столько же мальчиков, но не иначе, как секретно, дабы, в случае их смерти, из оных девочек и мальчиков могли быть избраны богородица и её помощник-молельщик. Прочим-же сей грамоте учиться не дозволяется».⁶¹ «Этим только важным свидетельством, которое самыми подробностями ручается за свою достоверность, – замечает г. Добротворский по поводу приведенного им свидетельства Скачковой, – можно объяснить многие факты, без того не объяснимые, именно: возникновение ереси, вовсе несродной с направлением умов русских простолюдинов, внезапное появление пророков людей Божиих; далее, – замечание о первом лжехристе (Суслове) св. Димитрия: «скажут того христа родом быти турчанина», достоинство христа, принятое Прокопием Лункиным, который участвовал в Азовском походе, и сшествие с небес самого Данилы Филиппова – беглого солдата; наконец объясняются многие действия людей Божиих, напр., нарочитое воспитание мальчиков и девочек, в которых, по мнению их, с особенною силою действует Дух Святой с самой ранней молодости, и пр.».

«Итак, заключает г. Добротворский, должно думать, что казаки, во множестве поселившиеся за юго-западными пределами России, заразились здесь мнениями западных еретиков и положили начало ереси людей Божиих чрез людей, бывших с ними в близких сношениях (Суслова, Лункина) и потом возвратившихся в Россию».⁶²

Чтобы придать своему мнению больше основательности, г. Добротворский указывает еще на ту связь секты «людей Божиих» с западными мистиками, которая замечается и до настоящего времени. Прежде всего он устанавливает связь секты хлыстов с братством *Народа Божия* или *Нового израиля*. Эта мистическая секта, первоначально появившаяся в Авиньоне в 1786 г., была перенесена затем в Петербург Помяком

Грабиенкой, где успела найти себе последователей в среде высшего петербургского общества. По своему устройству, постановлениям и учению секта «Нового израиля» поразительно похожа на хлыстовщину. Здесь, как у хлыстов, есть свой Христос или царь, богородица, первосвященники или пророки. Здесь также требуется безусловная покорность пророчествам, как голосу неба, вменяется в обязанность наружно исполнять, обряды господствующей Церкви, во избежание ответственности пред законом. Словом «братство народа Божия, говорит Добротворский, это та же секта людей Божиих, только перенесенная в сферу более высшего общества сравнительно с нашими простолюдинами».⁶³ Далее, г. Добротворский ставит в связь нашу хлыстовщину с франк-масонством, распространившимся в России в конце 18 и начале 19 столетий. Сходство в учении этих мистиков с хлыстами и притом сходство не только в мыслях, но даже в самом выражении их заставляет, по мнению Добротворского, с несомненностью предположить о единстве источника их происхождения, т. е. заставляет видеть в них продукт чуждой нам истории, целиком, искусственно пересаженный на русскую почву. «Итак, заключает г. Добротворский свои рассуждения по вопросу о происхождении хлыстовщины, если фактически нельзя указать определенного места и времени, где и когда заимствованы главные основы ереси людей Божиих от западных мистиков, то по крайней мере более чем с вероятностью, на основании приведенных нами свидетельств, можно утверждать, что ересь людей Божиих проникла в Россию чрез юго-западные страны от западных мистиков, что их учение с развитием западного мистицизма дополнялось и развивалось и у нас, не изменяя своего основного характера и принимая только местные черты, по соображениям пророков людей Божиих».⁶⁴

Прав ли г. Добротворский в своём утверждении, что секта «людей Божиих» получила своё начало от западных мистиков?

Вслед за другими исследователями хлыстовщины, именно: Н. Барсовым, Соколовым и Рождественским, мы отвечаем на этот вопрос отрицательно. Едва-ли справедлив г. Добротворский, когда утверждает, что секта людей Божиих

«вовсе не сродна с направлением умов русских простолюдинов» и что «основатели секты, привязанные к внешности и неспособные к мистическим тонкостям, заняли своё учение от западных еретиков». Народная психология – наука сравнительно новая и далеко неразработанная. У нас же на Руси эта наука сделала еще меньше, чем на западе. Духовный облик русского простолюдина, склад и направление его ума выяснены далеко не настолько, чтобы категорически утверждать, что русскому простолюдину сродно, а что нет. «В настоящем случае, – говорит Н. Барсов, – нельзя рассуждать а priori, нужно выходить из фактов, а такой факт, как свыше двухвековое (по меньшей мере) существование секты, её живучесть и постепенное усиление по всему пространству обширной русской земли, несмотря на существование самых неблагоприятных условия, едва-ли может служить подтверждением мнения г. Добротворского, а скорее указывает на тесную органическую связь секты со складом духовных сил русского простолюдина, с нашим народным характером, наконец, с историческими и бытовыми условиями русской жизни».⁶⁵ – Что касается привязанности русского человека к внешней обрядовой стороне религии, то в хлыстовщине эта привязанность не отвергается и не уничтожается совершенно. Хлысты не молокане и духоборцы, категорически и безусловно отвергающие всякую обрядность в религии. У них много сложных обрядов, которые частью измышлены самими сектантами, а частью заимствованы ими у православной Церкви. Их радения со всею безобразной обстановкой суть не что иное, как выражение этой привязанности к внешности, обрядности, каковой привязанности можно дать ложное выражение, но которую трудно уничтожить совсем.⁶⁶ – Наконец, замечание г. Добротворского, что русский простолюдин не способен «к мистическим тонкостям», – не имеет под собою достаточно твердой почвы. Утонченные рассуждения пророка Радаева, не чуждые остроумия и софистической изворотливости⁶⁷ «видения» Аввакума Копылова и других сектантов являются прямым опровержением указанного замечания г. Добротворского.

Главным основанием мнения Добротворского является то «поразительное сходство», которое он усматривает в учении и обрядах хлыстов и западных еретиков. Нельзя, конечно, отрицать этого сходства. Стремление отрешиться от себя и от всего внешнего, убить свою плоть при помощи пляски, верчения и бичевания и чрез то сделать себя достойным к всецелому соединению с Божеством, усвоение себе некоторыми фанатиками, дошедшими до высшей ступени самообольщения, звания пророков и христов, – вот черты, сближающие нашу хлыстовщину с указанными западными мистическими сектами.⁶⁸ Но что следует отсюда? Можно-ли заключить на основании такого сходства, что происхождение и образование секты «людей Божиих» зависело всецело от воздействия западных еретиков? Отнюдь нет. Чтобы такой вывод имел твердо научную обоснованность, нельзя ограничиваться указанием одного только сходства, – нужны кроме этого факты, которые бы указывали на определенное место и время, где и когда заимствованы главные основы ереси «людей Божиих» от западных мистиков,⁶⁹ но таких прямых указаний нет, в чём сознается и сам г. Добротворский.⁷⁰ Затем, самое сходство хлыстовщины с западными мистиками на самом деле не таково, чтобы на основании его утверждать о генетической связи нашей секты «людей Божиих» с еретическими учениями запада. Это сходство касается лишь частных учения, в основной же своей идее – о многократных воплощениях Сына Божия наша секта вполне самобытна.⁷¹ Учение хлыстов об их христах на христианской почве не находит ничего себе родственного или аналогичного. Между христианскими сектами не было и нет ничего подобного.⁷² Как-же после этого можно говорить, что хлыстовщина всецело произошла от западных мистических сект, когда в основных своих идеях они существенно разнятся между собою?

Но если мнение г. Добротворского о происхождении хлыстовщины от западных мистиков, основанное на сходстве этой секты с западными еретиками, не может быть признано справедливым и верным, то каким же образом объяснить себе несомненно существующее сходство хлыстовщины с западными

мистиками? Соглашаясь с мнением Н. Барсова, мы думаем, что сходство или даже тождество частных хлыстовского учения с учениями западными не было следствием прямого заимствования; – причина этого явления совершенно другая. «Близкая аналогия нашей секты то с тою, то с другою из сект западных и болгарских, справедливо замечает Н. Барсов, указывает лишь на общий источник тех и других учений, который содержится в одинаковых для всех людей законах человеческого духа, в их неправильном одностороннем развитии».⁷³ Итак, неправильное развитие человеческого духа, ложное удовлетворение религиозных потребностей, сопровождающееся в большинстве случаев одинаковыми последствиями, – вот что обуславливает собою сходство нашей хлыстовщины с западными мистиками.⁷⁴

Едва-ли состоятельны и доводы, приводимые г. Добротворским в разъяснение того пути, которым совершился переход на Русь западных мистических идей. Ссылка г. Добротворского на густынскую летопись совсем не говорит в его пользу. В летописи ясно говорится, что лживость христа и апостолов скоро была открыта, что они были биты и «оттоле престаша вся лести». На каком же основании можно заключать о тайном распространении этой ереси, да еще таким окружным путем, – сначала на юг, а потом на север? Оснований таких в летописи нет, да едва-ли где-либо они и находятся. Не убедительно и показание богородицы Скачковой, которому г. Добротворский придает важное значение. Он считает его вполне достоверным и заслуживающим полного доверия в виду его подробности. Однако, не всегда подробность показаний говорит о достоверности их. Мельников так характеризует показания Скачковой: «богородица Скачкова, должно быть, подшутила над легковверным священником, наговорив ему множество несообразного ни с вероучением, ни с обрядностью хлыстов и скопцов. Так, напр., им подробно описан обряд брака у хлыстов, тогда как отвержение брака составляет одно из главнейших условий хлыстовщины и скопчества».⁷⁵ Очень может быть, что в рассказе Скачковой и о происхождении хлыстовщины, несмотря на его подробности, не много справедливого.⁷⁶ Одно только с

несомненностью можно утверждать на основании этого показания Скачковой, это то, что между саратовскими хлыстами и казаками, поселившимися за юго-западными пределами России, существовали взаимные сношения. Но эти сношения нисколько не говорят о происхождении от последних не только московских, но и саратовских хлыстов. Сношения эти объясняются географической близостью саратовских и запорожских хлыстов, большим удобством путей сообщения сравнительно с севером и центром России, и большею безопасностью от преследований правительства, которое в центре России гораздо зорче, чем на отдаленных окраинах.⁷⁷ – Наконец, предположение г. Добротворского, что хлыстовщина была занесена с юга на север людьми, участвовавшими в походах на юг и чрез то входившими в сношения с казаками, поселившимися за юго-западными границами России, именно: Сусловым и Лункиным, – должно быть решительно отвергнуто, как не имеющее за собою никаких сколько-нибудь веских оснований. В воинских походах, во время которых можно было иметь сношения с запорожскими казаками, Лункин действительно был (напр., в Азовском походе 1698 г.), но заключать на основании свидетельства св. Димитрия Ростовского о Сулове: «сказуют того христа родом быти турченина», что Сулов также участвовал в походах против турок и в сношениях с западными сектантами, было бы произвольно, а такое заключение основывается единственно на приведенном свидетельстве.⁷⁸ Таким образом, если можно говорить о том, что хлыстовщина была занесена на север России людьми, принимавшими участие в южных походах, то только в отношении к Лункину. Относительно первых двух главарей секты «людей Божиих» этого утверждать нельзя, за неимением достаточных данных. Но Лункин был третьим по счету главарем секты, а не первым. Первым основателем хлыстовщины был Данила Филиппов, который ни в каких сношениях с запорожскими казаками не находился. Правда, г. Добротворский предполагает, что Данила Филиппов имел сношения с южными казаками. Это предположение он думает обосновать следующим соображением: Данила Филиппов был

беглый солдат, который, бросивши военную службу, явился в Костромскую губ., и здесь на горе Городине в него вселился Саваоф. Конечно размышляет г. Добротворский, никакого сошествия Саваофа не было на самом деле; эта странная мысль могла прийти в голову Даниле Филиппову только благодаря тем идеям, которые он воспринял, состоя в военной службе и участвуя в каких-нибудь южных походах. Но такое объяснение не имеет в свою пользу никаких серьезных данных, а потому мы не придаем ему никакого значения. Это предположение г. Добротворского имело-бы некоторую силу в случае признания достоверным и имеющим важное значение свидетельства богородицы Скачковой. Но раз поколеблена достоверность показания саратовской богородицы, предположение г. Добротворского, что Данила Филиппов заимствовал идею боговоплощения у южных сектантов, оказывается висящим на воздухе.

В качестве последнего основания в пользу своего мнения о происхождении хлыстовщины от западных мистиков г. Добротворский указывает на ту связь хлыстов с западными сектантами, которая, по его словам, заметна до настоящего времени. Но вот что думает по поводу этого соображения г. Добротворского другой, не менее авторитетный исследователь хлыстовщины – Н. Барсов: «Что касается до авиньонского братства, то достаточно прочитать статью Лонгинова, на которую ссылается г. Добротворский,⁷⁹ чтобы видеть, что затея Грабиенки имела чисто политический характер, только прикрытый мистической доктриной, которая, впрочем, далеко не тождественна с учением хлыстов. Ссылка Радаева на евангелие г. Гион, как и вообще большое употребление в среде хлыстов сочинений мистической литературы (сочинений Эккарсгаузена, Штилинга и др.), доказывает только то, что хлысты искали подтверждения своего учения везде, где могли, – что в мистицизме начала нынешнего столетия они видели одно из слабых проявлений «истинного ведения», открываемого в полной мере духом Божиим собственно хлыстам. Не говоря уже о том, что масонство явилось у нас значительно позже хлыстовщины, – ни хлыстовских христов, ни радений, ничего

подобного этим двум коренным отличиям хлыстовщины не было в масонстве. Последнее берет своё начало совершенно в другом источнике, нежели хлыстовщина, – она не религиозная доктрина, а мистико-философская, отчасти – политическая (розенкрайнерство).⁸⁰

Итак, все те основания, какие приводит г. Добротворский, не дают еще права «более чем с вероятностью утверждать, что ересь «людей Божиих» проникла в Россию чрез юго-западные страны от западных мистиков».

Н. Высотский

(Продолжение следует).

Из записок и дневников

**Немоловский Ф. Мысли мирянина по поводу
окружного послания к духовенству Волынской
епархии⁸¹ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13.
С. 354–360**

В окружном послании Волынского архипастыря по духовенству епархии его преосвященство яркими красками рисует скорбную картину вражды, недоверия и небывалого ослабления взаимной нравственной связи между пастырями и пасомыми Волынской епархии. В нём выясняются также разнообразные причины этого печального явления и наконец его преосвященство добрым словом и искренним советом своим желает прийти на помощь духовенству, указывая на средства борьбы со злом.

Я не буду останавливаться на первой части послания. В наличности и размерах этого духовного бедствия народа не может быть сомнения после авторитетных слов его преосвященства: «разумею ежедневно поступающие к нам жалобы целых приходов на своих священников и бесчисленные судебные дела между священниками и прихожанами». Грусть его преосвященства о том, что во многих приходах существует полная потеря всякой нравственной связи между духовенством и прихожанами и полная замена её связью чисто юридическою понятна также всякому любящему свой народ.

Но я позволю себе остановиться над некоторыми указанными его преосвященством причинами зла, в виду огромности и важности затронутых вопросов.

«С тех пор, как духовенство обособилось от жизни народной через воспитание в прежних латинских семинариях...; с тех пор, как вновь посвященные пастыри стали являться среди своих прихожан, как чужие к чужим, правильное отношение пастыря к своему деланию усваивалось им лишь постепенно, по мере того, как он втягивался в жизнь прихода и отрешался от жизни школьной... Сама натура молодого священника, еще в школе привыкшего к терпению и послушанию, не была настолько сложна и избалована, чтобы не

поддаться доброму влиянию православного богослужебного строя и *силы земли*... Но теперь времена изменились! Материальная зависимость духовенства от народа ослабла; молодой священник отрешен от народного быта уже не одной схоласстикой, но и более опасными приманками культурной жизни: поверхностной литературой, газетами, музыкой и всякими другими, если не барскими, то буржуазными привычками».

Из приведенных слов его преосвященства следует, что на те или другие отношения духовенства к народу влияли и влияют три факта: школа, культура и сила земли; подчеркивая влияние третье силы, его преосвященство вполне справедливо придает ей особое значение. Если влияние польской школы было столь пагубным, если польская культура действовала растлевающим образом и если, тем не менее, во время их наибольшего влияния, отношения между народом и духовенством были хороши, то очевидно, что только доброе влияние *силы земли* могло коретровать, исправлять недостатки школы и культуры. Власть земли в течение нескольких минувших столетий была столь велика, свободное проявление её влияния было столь благотворно, что о вражде малороссийского народа к своему духовенству, о презрении духовенства к народу не могло быть и речи. Действительно, в эпоху расцвета польской школы и культуры история свидетельствует нам о глубокой, горячей, героической любви между народом и духовенством. Всем известны немые свидетели этой любви: это пещеры Подоля, это леса Волыни, это степи Украины. В них народ сохранил свою национальность и своё духовенство, а последнее сохранило народу его веру.

Таким образом в историческом прошлом трудно искать причин наблюдаемого теперь печального явления: индифферентизма к религии и вражды к духовенству; напротив, уже одно это сравнительно недавнее прошлое в значительной мере ослабляет упрек духовенству и народу. Упрек этот еще более слабеет после слов его преосвященства: «да, современная сельская жизнь уже бессильна для того, чтобы по примеру прежних лет понудить священника сблизиться с

народом, опроститься по своему внешнему человеку и облагородиться». Иначе говоря, современная жизнь бессильна для свободного воздействия той огромной силы, которую его преосвященство называет силой земли и влияние которой в старину было столь благотворно. Но где, в чём и как может проявиться доброе влияние и власть земли? Прежде всего оно должно проявиться в делах школы. Но разве сила земли может быть виновата теперь в том, что в школе «усваивалось признательное отношение ко всем незнающим латинского языка, риторики и метафизики..., что поучения его (священника) народу непонятны, что семинарский диплом, свидетельствующий о его познаниях в области церковной и библейской хронологии и германской философии, не дал ему решительно никаких сведений о жизни человеческой?» Или быть может наш серый народ, наше деревенское духовенство строит семинарии-дворцы с электрическим освещением, паровым отоплением, паркетными залами, мягкой мебелью и т. п., в которых невольно усваивается будущими батюшками и матушками «суеверное преклонение пред блесками внешней культуры?» Разве, наконец, наше бедное духовенство хлопочет в духовных академиях о французских словах, о воротничках, перчатках и о глубоком враждебном презрении к простому серому народу? Нет! Значительная и лучшая часть сельского духовенства с грустью и недоумением смотрит на все эти дворцы с позолоченными крышами, на бархатные диваны, зеркальные стены, оркестрионы и т. п., живя в хатах без крыш, видя свои церкви без икон, слушая хоры плачущих детей, лишенных часто не только перчаток, но и сапог и отдавая свои и церковные последние медные гроши на «мишуру и позолоту жизни». В поэтическо-буржуазной постановке образования духовенства менее всего можно винить народ и духовенство и потому не к ним, а к школе, чуждой влияния «силы земли», можно отнести упрек: «разве не виноваты родители, если дети их не хороши?».

Современной культуре его преосвященство придает также большое значение в смысле влияния её на ухудшение отношений между народом и духовенством. Без сомнения,

«суеверное преклонение перед блесками современной культуры», «опасные приманки культурной жизни» могут иметь пагубное влияние на характер отношений священника к прихожанам. Но истинная культура должна быть также полезна и необходима нашему духовенству и народу, как вредна полукультурность первого и опасна полная некультурность второго. Наука и культура никогда не были и не будут врагами религии. Высокое образование и умственное развитие, усвоение и стояние на уровне культуры своего народа, вкус и склонность к требованиям истинной культурной жизни нисколько не препятствуют духовенству некоторых стран Западной Европы иметь огромное влияние на народные массы, а также поднять и укрепить их религиозное настроение. Недалекая и близкая нам по народности и историческим судьбам – Галиция может отчасти служить нам примером.

Восточная Галиция населена теми же самыми малороссами, что и Волынь; духовенство её, даже сельское, обязательно получает образование на богословских факультетах разных университетов Австрии. Это духовенство не только интересуется литературой, но стоит во главе её; оно не только читает газеты и журналы, но состоит преимущественно их издателями и редакторами; оно не только занимается сельским хозяйством, общественными делами, музыкой, и т. п., но дает народу председателей сельско-хоз. обществ, инициаторов разных общественных учреждений, выдающихся композиторов. И что же? Несмотря на все усилия правящего краем католического панства ослабить узы, связывающие народ и духовенство, последние пользуются огромным влиянием среди населения. Из среды духовенства народ выбирает послов в Львовский сейм, в Венский парламент, видя в нём энергичных и умелых защитников своей религии, своей народности. Окруженное разными рационалистическими сектами, не только свободными, но и поощряемыми к распространению своих учений, малорусское население Галиции не знает штунды. Вековая уния народа с духовенством, несмотря на весь организованный натиск правящих сфер, не порвана и не

вражда, а союз «хлопов и попов» внушает им серьезное опасение.

Что касается средств борьбы со злом, то немалое значение его преосвященство придает точному исполнению обрядовой стороны богослужения: богослужебной дисциплине, уставным поклонам, постам, стояниям и т. д. «Совершая терпеливо и неизменно службы по уставу Церкви, ты привлечешь к себе сердце народное раньше, чем ты смел того надеяться».

Я далек от мысли касаться незнакомого мне вопроса, действительно ли наше семинарское образование так зловредно, что оно в состоянии даже приучить, по словам его преосвященства, молодого священника к полукатолическому, полулютеранскому отношению к православному богослужению. Но меня интересует другая сторона вопроса.

Нас учат, что величие православия в том и заключается, что оно не придает обряду спасительного значения; что Божия служба не состоит, таким образом, в приношении молитв, благодарений и совершении таинств, но паче и вяще всего в обучении закону Божию. По словам кого-то из духовных писателей, церкви были и должны быть всеобщими училищами веры и благочестия, *народными университетами*. Если это так, то для поднятия упавшего религиозного настроения народа, для привлечения к себе сердца народного прежде всего необходимо его обучать в церквях религии путем живой, в доступном виде изложенной и понятной проповеди. Но чтобы слово священника «неизгладимыми буквами запечатлелось в народном сердце», необходимо знать народ и уметь с ним говорить. Священнику должны быть вполне известны, «полнота и разнообразие жизни многолюдного крестьянского общества»; уму и сердцу его должен быть знаком и близок нравственный облик тех, на кого направлена его деятельность. Он должен знать прошлое и современное положение народа, его нравы и обычаи, его достоинства и недостатки, его верования и даже суеверия, иначе он будет поражать пороки воображаемые и развивать добродетели неосуществимые. Еще более необходимо говорить с народом его живою речью, запечатлевшею в себе многовековым существованием всё духовное мировоззрение

народа, необходимо, чтобы не только каждое слово, на который звук голоса проповедника, идя от сердца к сердцу, нашел отзвук в уме слушателя. В I послании св. апостола Павла к коринфянам (1Кор.14:9,11) сказано: «Аще неблагоразумно слово дадите языком, како уразумеется глаголемое?... Аще убо не увем силы гласа, буду глаголющему иноязычник и глаголющий мне иноязычник». Значение и смысл «неблагоразумного» слова достаточно уясняются хотя бы и следующими строками духовного регламента:⁸² «В памяти темных людей старинные слова и беседы неудобь вмещаются, ибо писаны не всегда *просторечно*;⁸³ одни по своему славянскому не зело доброму переходу с трудом разумеются и учеными, невежам же отнюдь *непостижимы*, ни сколько для них *не вразумительны*; другие *устарели по слогу*, от позапрошлого века, хотя и на русском языке печатаны». Если духовный регламент видел «неудобь вмещаемую беседу», отсутствие в ней просторечья и даже в устарелости её слога, то не была ли такая беседа в течение столетия совершенно «невразумительна, не постижима, не усладительна и скучна народу, говорящему на другом наречии?

Отсутствие живого и понятного народу обучения закону Божию не могло не повлиять на упадок религиозного настроения народа и не дала ему знания для успешной борьбы с сектантами. С другой стороны, шестидесятые годы не мало способствовали положению, как «священника чиновника», так и враждебного чувства к нему со стороны народа.

Всё не великорусское считалось в то время польским. Выборное начало, наследственно-родовой переход приходов не допускались из принципа; церковные братства не встречали сочувствия; привычные для народа «отпусты» стеснялись; чтимые народом «каплицы» закрывались; часто были вырыты и удалены кресты, столь распространенные в Малороссии на полях, дорогах и площадях. Невинные народные развлечения строго преследовались: священники с посохами в руках разгоняли «колядки», «Ивана Купала», «Навский Велыкадень», «Иванця» и т. п. Живя верой и *обычаем*, народ с тревогой и недоумением смотрел на всё это. Допустим, что некоторые

церковно-религиозные особенности жизни края не соответствовали требованиям времени, но действовать все-таки следовало осторожно, исподволь и в примирительном духе, терпеливо снисходя к этим особенностям. Пусть некоторые народные обычаи были нетерпимы, но торопливое, суровое прикосновение к ним не могло не поколебать устоев духовной жизни народа, не могло также не отозваться на отношении его к духовенству. При проведении аграрной реформы в крае, священники должны были в церквах увещать народ соглашаться на часто невыгодные для него сделки с помещиками. Народ увидел в своём духовенстве требоисправителей, священников-чиновников и сельских хозяев, переходящих с прихода на приход только из-за разности десятин церковной земли. Таким образом исправление недостатков школьного образования духовенства и терпимость к влиянию «силы земли» во всех её разнообразных проявлениях были бы далеко не лишними средствами в борьбе с сектантством и враждой народа к духовенству. Подчиняясь влиянию «силы земли» духовенство Галиции не относится презрительно к языку народа; оно свято чтит и исполняет вековые народные обычаи; оно терпеливо снисходит к его обрядовым особенностям и, уважая народность, пользуется уважением народа. Также успешно оно борется с религиозным индифферентизмом, обучая народ истинам веры и правилам благочестия не сухой, отвлеченной «не удобь вмещаемой» проповедью, а живой «просторечной» беседой, приспособленной ко времени, месту, понятиям и потребностям своих слушателей. Не одним истовым крестным знамением, не знаменным распевом, не системой крюков и киноварных примет, а привычным народу крестом, старым лаврским напевом вызывает также священник Галиции молитвенное настроение своей паствы.

Не моим силам в этих немногих строках исчерпать жгучие вопросы послания его преосвященства. Вопросы эти я только затронул в надежде, что лица более меня авторитетные рассеют сомнения и предположения, дадут успокоительные ответы хотя на следующие тревожные вопросы: 1. Почему

народ малороссийский, столь долго и столь геройски отстаивавший свою веру и своё духовенство стал индифферентен к вере и враждебным духовенству? 2. Почему другая часть этого же народа, живущая в Галиции, и в настоящее время осталась верной заветам предков? 3. Не в отсутствии ли влияния истинной культуры лежит глубокая причина пагубного влияния и разрушительной силы ложной культуры? 4. Какие, наконец, необходимо устранить препятствия, чтобы борьба с наблюдаемым печальным явлением стала не «добровольным подвигом» – уделом не многих, а нормальной деятельностью каждого священника?

Ф. Немоловский

**Боголюбов Д. Миссионерские очерки. XI.
Молоканская двуличность. XII. Конец одной беседы
// Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 361–366**

XI. Молоканская двуличность

Среди молокан встречается много начетчиков, которые отлично знают Библию. Не мало таких, которые, кроме священного Писания, зачитываются сочинениями Фаррара и Дидона по церковной истории. Эти люди стоят головой выше своих братьев. Они понимают отлично, что православная Церковь – не язычествующая. Знают, что среди православных много хороших ученых людей...

С таким умным молоканином был я знаком. Звали его Павлом Шилиным. Небольшого роста, толстый, юркий, с плутовскими глазами, – Шилин невольно обращал на себя внимание. Бывало, вступишь с ним в беседу, – хоть умирай! Шилин ловко перебегают с предмета на предмет. Кошунствами и издевательством старается *раздразнить* своего собеседника. А заговорит, – можно подумать, что он кончил по крайней мере гимназию!...

Я обращался с Шилиным много. Всегда я считал его неисправимым плутом. Я думал, что он «одеревенел» в молоканстве. И вот этот-то Шилин вдруг стал «сбавлять гордости», – начал сближаться с православными. Что за редкая история?

Оказалось, Шилина задобрил батюшка и он начал с нами откровенничать. Дело было простое, *житейское*. Шилин арендовал землю. Года стояли плохие. Шилин задолжал за аренду... За помощью он прибег в батюшке. Тот одолжал его деньгами *без процентов*. Шилин после того совсем расположился к батюшке, а чрез него – и к православию.

Пришлось мне однажды вступить с Шилиным в беседу о Кресте Христовом. Я доказывал ему, что деревянного Креста мы не почитаем за Бога. Не дереву, *отдельно от Бога*, собственно и кланяемся. Мы прославляем Крест, как Христово

знамя, как новозаветный жертвенник Таким образом, мы – *не идолопоклонники*, как говорят о нас сектанты...

Шилин слушал меня внимательно. Потом дружески сказал:

– Я многое из ваших слов принимаю. Я читал в церковной истории, как древние христиане на стенах катакомб чертили Крест Христов. Обычай этот не противен Евангелию. Я это сознаю...

– Так в чём же дело? Что удерживает тебя от соединения с нами – православными? – спросил я.

– Ну, вы хотите сразу! – улыбаясь, заметил Шилин. Вот поживу, еще посмотрю, – авось Бог и приблизит меня к вам...

Я пригласил Шилина к себе в гости. Он мне много правды раскрыл про молокан. Он прямо говорит про них, что это – «двуличные люди». С ними он перестал брататься. Давно уже не ходит на их «моления». Молокане попробовали было завлечь его туда, – вышло целое событие. Шилин заспорил со стариками, обличал их в *двоедушии*, в темноте. – Молокане хотели было его прибить. Шилин пригрозил «ребятам» револьвером и вышел из собрания, обругав его «собачьей свадьбой»...

Был и я у Шилина в гостях. Один на один, он еще более открыл мне молоканских тайн.

– Не стану, говорит он, теперь никогда вступать с вами в споры. Помылили вы мне шею. Довольно. Бывало – каюсь в том! – заговоришь с миссионером, а сам думаешь не о том, как бы истину раскрыть, а как бы «отбиться», «дать сдачу»...

Особенно плохо приходилось нам беседовать о священстве. Начнут, бывало, дожимать нас: откуда вы взяли своих «попов»? Некуда нам податься. Станешь увертываться и хитрить... И так с вами поступают повсеместно. – Поверьте, все молокане сделаны на одну колодку!... Я, бывало, говорил, что наш поп, – этот пьяный-то Федор! взялся из соседней большой слободы. А тамошний – из Крыма. А крымские «попы» от Апостолов. Этим спасались...

Миссионеры станут нас *точнее* спрашивать про имена, – не говорим, а посылаем вопрошателей в Крым, – и баста!...

Раз мне миссионер говорит:

– Друг, Павел, разве ты не знаешь, что ваше молоканство идет от Уклеина?

Отвечаю:

– Читал. Да что нам в именах, кто проповедал нам Христа? Лишь бы правильно и по апостольски проповедал...

– Это ваш-то Уклеин правильную веру вам дал? – насмешливо спрашивает миссионер. А ты не знаешь, как он дрался с Побирохиным?

– Читал и про это, – заявляю я. Да то не беда. Драки между архиереями были в православной Церкви. Например, Николай побил Ария...

Миссионер конфузливо стал теребить свою бороду, а я смеюсь. Вот она ловкость молоканская в чём проявляется!...

На дому старики за мои увертки чуть не на руках меня носили. А знал я, что лгу и все мы заблуждаемся. Поверьте, – многие сектанты из молокан сознают это. Сил однако не имеют оторваться от своих дедов и отцов. Те грозят молодежи проклятием. Вот это – *самая главная причина* которая поддерживает молоканство и препятствует нам соединиться с вами...

Отдохнув, Шилин продолжал:

– Теперь на нас наступает штунда. Думаю, от душевной пустоты мужики наши лезут в неё. Штундисты – пустяшный народ! Как-то они говорят мне: – Зачем вы все псалмы Давида поете на собраниях? Они *устарели* и для нас неподходящи. Например, в них сказано: «готово сердце моё», а оно не готово; или про тельцов в Пс.50. Нешто станем мы *кровные* жертвы приносить Богу?...

Я давай доказывать, что псалмы Давида не устарели. В них разные молитвенные чувства изложены настолько правдиво и искренно, что их не опишет таким образом ни одна штундовая *живая* молитва. – А если в псалмах идет речь про тельцов и овов, то это относится к древним временам, когда *кровавые* жертвы были в силе. Мы теперь *своих* тельцов Богу несем, – это – *смиранный и сокрушенный дух* (Пс.50:19). Так то псалмы Давида надо хранить и распевать их с умилением, как

заповедует Апостол (Кол.3:16). Православные с этой стороны поступают свято. Они почитают псалтырь Давида...

Шилин уверенно говорил, что штунда не долговечна и что она, со временем, перейдет в православие. В штунде много обрядов. Этим она близка к православной Церкви...

– Сам то ты чего медлишь соединиться с нами? – спросил я.

– Придется этим кончить! – решительно заявил Шилин. В сектах – пустота и двуличность. Об одном кричат, другое делают. Молокане, например, лбы разбивают о 4 гл. Ев. Иоанна, а сами свинины есть не могут. Вот тебе и «прейде сень законная, благодати пришедшей!»...

Что же касается штундистов, то это – бестолковый народ, самохвалы. Они гордятся своею святостью, начитанностью в Библии, а – Боже мой! – какие у них есть мошенники и невежды...

Так вы нас, милый мой, и понимайте! закончил свою речь Шилин. Держите в памяти, что на беседах мы люди – одни, а дома – другого сорта. Нужда нас заставляет *двуличничать*, – мы зависим от стариков. Поэтому не серчайте на нас, а покрывайте наши немощи христианской любовью...

XII. Конец одной беседы

Мы обсуждали с молоканами учение Церкви православной о водном крещении. Вопрос был исчерпан. В заключение батюшка сказал:

– Действительно, Апостолы совершали *водное* крещение. Это ясно из того, что Павел *крестил* Стефанов дом (1Кор.1:16)...

Вдруг из толпы сектантов выделился рыжий мужик. Гневно он спросил меня:

– А ну-ка, покажи, как Павел крестил Стефанов дом?

Я ответил:

– Так, как в то время были все крещены, напр., Евнух (Деян.8:38). Крещаемых сводили в воду и в ней погружали...

– Нет, мелко плаваешь! – закричал сектант. Смотри по книге Деяний, как крещен был Стефан. Его камнями побили иудеи... (Деян.7:59).

Я возразил:

– Большая тьма, друг, покрывает твою голову! Ты думаешь, Стефан, которого крестил ап. Павел и диакон Стефан – одно и тоже лицо? Заблуждаешься ты. Когда побивали камнями Стефана, Павел еще был иудеем (Деян.7:58). Значит, крестить Стефана во имя Христово он не мог. Да и как он стал-бы крестить дьякона? Неверующие иудеи или язычники диаконами в христианской церкви быть не могли. По правилам апостольским, диаконы должны хранить *«таинство веры в чистой совести»* (1Тим.3:9). Ясно, что при побоевании камнями, Стефан был уже добрым и давно крещеным христианином.

Наконец, что Стефан, крещенный Павлом, и диакон Стефан – не тождественные лица, – видно из того, что один – дьякон жил в Иерусалиме, где и был замучен, другой – в Коринфе.

Темная голова ты, брат, а еще возражаешь!...

Сектант вдруг странно замолчал. Потом виновато произнес:

– Ну, ошибся я. Экая важность!...

Я ответил:

– Вот так все вы штундисты поступаете. Не разберетесь в Писании, – браните Церковь православную и заводите свои толки...

Сектант сказал:

– Кабы мы учились с твоё, мы бы не путались. А то мы – плугари, в навозе копаемся. Когда-когда видим Библию!...

Я возразил:

– Если ты всё своё прилежание отдаешь пахоте и навозу, не берись судить и рядить в духовных делах. Послушай, как об этом пишет Прем. Сарах: *«Мудрость книжная приобретается в благоприятное время досуга, и кто мало имеет своих занятий, может приобрести мудрость. Как может сделаться мудрым тот, кто правит плугом и хвалится бичом, гоняет волов и занят работами их и которого разговор только о молодых волах? Сердце его занято тем, чтобы проводить борозды, и забота его – о корме для телиц»* (Сир.38:24–26).

Итак, ты, друг, не имеешь времени, через чтение, приобретать книжную мудрость. Знай же свой навоз, не умствуй и не броди по сектам...

За сектанта-возражателя заступились штундисты. Они сказали:

– Книжной мудрости мы не имеем. Наша премудрость от Бога, «*Который дает всем просто и без упреков*» ([Иак.1:5](#)).

Я ответил:

– Не могу верить вашим словам. У вас *никакой* нет мудрости. Дух Божий *ничего* не говорит вам. А если бы Он говорил, вы бы не путались так, как сейчас мы слышала в разговоре о крещении Стефана. Ведь Писание называет Духа Божия «*истинным*» ([Ин.16:13](#)); у вас *нет* истины. Значит, вы обнажены от благодати Божией и говорите, неученые, от своей бедной головы...

Д. Боголюбов

**Северцев Т.Т. Из миссионерских рассказов
Флегонта Андреевича // Миссионерское обозрение
1903 г. № 13. С. 366–371**

– Коли желаете, милостивейший государь, послушать – много вам могу рассказать, – отвечал еще бодрый старик, помощник миссионера, – темны, ох, как темны наши то отщепенцы от православной кафолической Церкви! – Я изъявил своё согласие и очень просил его рассказать мне те факты мира сектантов, которые он знает.

Извольте видеть, – начал он, – тут же в нашей слободе проживает Терешин, мужик богатый, пожилой уж он, женат раза два был, детей вырастил, а всё от своей глупости не отстал. В нашу православную церковь не ходит, насмешки разные над нами церковниками творит, своих странников да бегунов принимает, особые им тайнички да скрыни в своём доме наделал. Поди, каждую ночь у него этого народу не мало. Начальство, знамо, знает, да не трогает, мужик богатый. И пришла это ему блажь в третий раз на нашей на церковной жениться.

– Девочка сиротка, – думал он, – заступиться за неё некому, живо улыщу и в свою веру переkreщу.

Не таковская оказалась его третья жена, Агафьей звали, я её чуть ли не сызмальства знал; скромная, тихая таковая, но в вере своей, в православной тверда, ой как тверда, – сказал рассказчик и покачал головой.

– Долго это муж-то её обхаживал: «крестись, мол, по нашему, ведь ваше-то крещение не настоящее, у вас после Никона благодати на священстве не имеется».

– Нет, говорит, режь меня, убей, а креститься во второй раз не буду, сама символ веры читаю: «исповедую едино крещение во оставление грехов». Да, у вас разве это крещение? Одно глумление! – отвечала ему жена.

– Ну вот ты возьми да окунись, коли по твоему это пустяки, – пробовал уговаривать её муж.

– Сказала раз – не буду – и не буду! – ответила решительно Агафья.

Сильно осерчал Маркел Парфеныч в те поры на жену, побил её так, что она недели две в кровати провалялась. Несколько раз приходил он к ней, больной уж, уговаривать.

– Ну, что тебе стоит, сделай раз по моему, озолочу!

И... и слышать Агафья не хочет. Посылал он к ней старух, это их начетчиц, пытались те, стращали и тем и сем – не поддается баба, что хочешь делай! – Досадно и стыдно Маркелу Парфенычу, что его же собственная жена его не слушает, обидно перед другими, смеются ему прямо в глаза.

Поправилась Агафья, выползла на улицу желтая прежелтая, худая, одни глаза остались. А глаза у неё были такие, как на кого взглянет, так что словом прикажет. Снова начал Терешин её улачивать:

Перекрестись, мол, да перекрестись!

Не вытерпела Агафья.

– Слушай, Маркел, коли хочешь, чтобы я у тебя жила, не приставай с этим более, уйду от тебя, да еще на тебя же подам жалобу, что ты меня в раскол совратить хочешь.

Поутих немного Терешин, но в душе то затаил злобу великую против жены.

Прошло, примерно, полгода, это было, поди, в половине ноября, лед на Волге шел. Понадобилось Агафье в городе побывать, пошла, а оттуда то уж и не попасть домой в слободу то, во всю реку лед понесло.

Отчаянная баба она была, кой как, где на лодке, где ползком перебралась она было совсем на сю сторону, да почти у самого берега – юрк! прямо в воду. Народ видел, как она перебиралась, помогли, вытащили Агафью. – Измокла она, перезябла, к ночи жар, лихоманка трясти начала, к утру хуже, в бред впала, а чуть минута найдет, когда к понятиям своим вернется, так сейчас:

– Пошлите за священником!

Куда тут послать, переправы нет, а церкви то все на той, городской стороне.

Вот этим случаем и воспользовался Маркел Парфеныч, чтобы жену в раскол обратить. Сейчас это велел старухам, что при моленных находятся, собратся, чан у его соседа Феклистова большой такой пребольшой деревянный существует, в котором они окунают тех, что в их секту переходят. Налили этот чан водой холодной, прямо из Волги ледяной, укутали, укрыли больную, да и приволокли к соседу.

До тех пор Агафья, как пласт лежала, а тут вдруг возьми, да опомнись, ветерком что ли её обдуло? уж не знаю. Очнулась она и видит, что её раздевают, чтобы голую в чане искупать, перекрестить по ихнему. Вокруг чана со свещьми бегуны стоят, братцы и сестрицы духовные, дело-то это ночью у них всегда происходит, старухи себе что-то под нос гнут. Поняла Агафья, как ни больна была, что спасения не откуда ждать, да горько и заплакала.

– Знаю, что никто из людей мне на помощь не явится, сколько бы я ни звала, сам Царь небесный меня спасет, не допустит, чтобы вы меня искупали в вашем чане! – Пересмеиваются странники-то, «ишь, мол, какая выискалась храбрая!».

Раздели, сопротивляться Агафья совсем была не в силах. Старухи взяли её под руки и повели вокруг чана. Идти то она уже не могла, её просто волочили. А как настало время её окунать, откуда у неё в это время взялась сила! Вырвалась она из старухиных рук, да как закричит:

– Не удастся вам, изверги, богопротивное дело ваше! –

И впрямь, точно чудом каким, в эту минуту весь чан распался, вода струей полилась во все стороны. Все, как будто, одурели, о крещении Агафьи забыли. Долго пролежала она на мокром полу одна, все разбежались от испуга.

Потом кой-кто по сердобольнее, уложили больную на кровать, да снова к мужу в дом снесли.

– Что-ж, умерла? – перебил я рассказчика.

– Да, апосля и представилась, только наперед всё же уговорила мужа священника к ней пригласить. Согласился, позвал. Ему то она всю историю и рассказала, просила только

не преследовать мужа, по христиански мыслила, зла не помнила.

– Вот вам один случай, могу вам рассказать и о другом подходящем, – продолжал Флегонт Андреевич.

– Тут, неподалеку от нашей слободы, существует деревня Черешино. Больше чем на половину живет в ней раскольников, бегунов, странников, а некоторые православные тоже не совсем в вере то тверды.

Проживала там солдатка одна вдова, Анной звали. Дочка и сын у неё после мужа остались, муж был церковный, да и она от православных не отшатнулась, в церковь только редко ходила, далеко до города то идти.

Выросли дети у неё, насколько вдовьих сил хватило подняла она их, мальчонка и в школу ходил. Хорошие бы дети вышли, да призору на них не было, где одной женщине за всем присмотреть, в пору семью прокормить, да самой сытой быть. Вот тут то беда и крылась.

Оба они мальчик и девушка подружились, разумеется, со своими сверстниками по деревни, всё это были больше всего раскольники, ходят к ним, видят их обычаи, на метания насмотрелись. Дети то богобоязливые были, слышат, что те то, раскольники про Бога всё толкуют да молятся. В православную церковь ходили они очень мало, службы нашей не знали, а увидели раскольничьи обряды и поверили им. Что на раденья к сектантам ходят, ни сын, ни дочь матери ни слова, строго им было запрещено говорить об этом, боялись, видно, отщепенцы, что мать детей снова на правую веру наставит.

Итак шло не год, не два, а целых пять, шесть лет и из детей православных родителей вышли самые заядлые сектанты-бегуны со всеми их развращенными понятиями о грехе и спасении.

– Что-же вы, детки, в церковь никогда не сходите, – ласково уговаривала их Анна, – вы теперь выросли большие, нужно и помолиться.

Дети отговаривались когда недосугом, а иногда говорили, что идут в церковь в город, а сами в это время у своих же друзей на радениях бывали.

Долго мать недоумевала, что такое неладное с детьми её происходит, а потом как-то случайно и узнала, что они от веры православной отшатнулись.

Горько поплакала Анна, потужила, попеняла на себя, что вовремя не глядела за ними, пробовала усовещевать детей; куда тут, и говорить с матерью о вере не хотят, над православными смеются, брак грехом, блуд спасением считают.

Сильно огорчило это открытие старуху, от такого удара она слегла даже в постель.

Жили не далеко от деревни их на даче у самой Волги в перелеске дачники. Одна учительницею в Москве была, другая в докторши готовилась. Еще до своей болезни носила им молоко Анна на дачу, любили её сестры, а как заболела, начали её навещать и лечить. Больше-то всего от расстройства у неё болезнь-то и приключилась.

– Поправим тебя, тетенька Анна, – обнадеживали её барышни.

Прошла неделя, наступила другая, заходят сестры к Анне, встречает их дочь больной.

– А, маменьки дома нет, она куда-то пошла.

– Как пошла, когда еще вчера в постели с трудом вставала?

– А, сегодня полегчало, ну и пошла, – ответила дочь.

– Ишь, какой трудолюбивый человек, – подумали барышни, не хочет лишний день в кровати проваляться.

На другой день пришли, опять нет дома старухи.

– Была, – говорит сын, – да опять куда-то поплелась.

На третий день тот же разговор.

Станным показалось такое отсутствие старухи, тем более, что они в разное время дня приходили. Зашли еще раз, получили тот же ответ, они возьми, да заяви об этом уряднику.

Пришел в избу к детям Анны урядник.

– Где мать?

Сперва – оба, сын и дочь, повторили ту же самую сказку, что не знаю куда скрылась, как окрикнул на них урядник постороже, так и признались, что Анна умерла.

Если умерла, так где же её тело?

– А мы её взяли, да сами и похоронили, – отвечал сын.

– Не с чего ей и помирать то было, – заметили барышни дачницы, – мы её болезнь доподлинно знаем, не смертная была.

– Ладно, померла, так померла, – заметил урядник, показывайте место, где вы её схоронили.

Долго мялись оба и сын и дочь, а потом всё же указали, у самого тына на огороде, почти на поле.

Урядник хотел было это дело так и погасить, да барышни воспротивились.

Становой пристав, а потом и сам исправник припожаловали. Разрыли могилу, хотели было рассматривать с доктором умершую, как дочь покойной Анны возьми да и повинись:

– Мы её с братом убили!

Все так и ахнули.

– Что-же вас понудило? – допрашивал исправник.

– Да, мы её хотели в нашу веру, в странническую перекрестить, она не соглашалась, а нам жалко было её, ведь мать, что в муку вечную пойдет и не спасется, если не примет нашего крещения. Тогда мы взяли её и насильно перекрестили, а так как она на нас жаловаться хотела начальству, то мы взяли её и придушили, всё равно её душеньке в рай идти, ведь она крещеная!

Забрали обоих матереубийц, судить вероятно скоро будут.

Вот, господин честной, на сколь темен у нас народ на Волге, долго нужно его еще просвещать, как дитю малого, пока он в свой разум войдет и поймет, что опричь единой православной кафелической церкви несть спасения! – закончил Флегонт Андреевич и начал допивать остывший стакан теплой воды, так как он ни чаю, ни кофе не пьет уже несколько лет.

Я поблагодарил его за рассказы и попросил, чтобы он в другой раз рассказал еще что-нибудь.

– Много, милостивейший государь, много у меня чего пересказать имеется, – ответил он мне, и мы с ним расстались.

Т.Т. Северцев

Из миссионерской полемики

**Беседы свящ. г. Казани о. С. Шлеева с поморским
начетчиком г. Саратова А. Черчимцевым, веденные
ими в пределах Уфимской епархии в декабре 1902
года⁸⁴ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С.
372–384**

Вторая беседа

Вторая беседа до перерыва была о том же предмете, что и первая, именно о лице последнего антихриста. Старообрядцы воспользовавшись своей очередью, открыли следующие три книги: Большой Катехизис, шестую часть бл. Августина и толкование на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского.

Черчимцев. О. Симеон очень вчера настаивал читать кн. о Вере, говоря, что там весьма ясно изображено лицо последнего антихриста. Но там мы видели и речь о слугах его, о его предотечах. Не смотря на последнее, 30 глава однако озаглавлена об антихристе. По писателю книги Веры выходит: предотечи антихриста и «сам» он – все едино. О. Симеон думает, что антихрист будет зверь с рогами, но это напрасное. Мы верим больше бл. Августину, чем миссионеру. Бл. Августин вот что, наприм., написал в 6-м томе своих сочинений на 205 стр. «Иже не поклонишася зверю, ни иконе его, и не прияша начертания на челе или на руце своей» (Апок.20:9), мы должны понимать совместно о живых и мертвых. Упоминаемый здесь зверь может быть предметом особого исследования; однако же правой вере не противоречит разуместь под ним самый нечестивый град и народ неверных, враждебный народу верному и граду Божию. Иконою же его, но моему мнению, называется притворство его, в тех т. е. людях, которые веру как будто исповедуют, но живут, как не верные. Ибо они изображают из себя не то, что они на самом деле, и называются не истинным видом, а ложным подобием христианина. К тому самому зверю относятся не только открытые враги имени Христова и славнейшего Его града, но и те плевелы, которые в конце века должны быть собраны от его царства, под которым разумеется Церковь. А эти не поклонившиеся зверю, ни его

образу, кто они, как не те, которые исполняют слова апостола: «не тяните одно ярмо с неверными» (2Кор.6:14)? Они не поклоняются ему, т. е., не сочувствуют, не подчиняются и не принимают начертания, т. е. клейма преступления на челе ради исповедания, на руке ради дел. Чуждые этого зла, они при жизни ли еще в этой смертной плоти, или по смерти, царствуют с Христом и теперь известным, соответствующим настоящему времени образом во весь тот период, который обозначается числом 1.000 лет». Из прочитанного нами видится, что антихрист не одно лицо, как говорил миссионер, а целый нечестивый город, народ неверный. Печать его – это не какое-либо клеймо, которое будет класть антихрист, как утверждают пастыри великороссийской Церкви, а просто преступление, какое будут делать все поклоняющиеся антихристу, его иконе. Чтобы яснее знать, в чём будет заключаться печать антихриста, для сего мы прочтем книгу Б. Катехизис, л. 122.

Миссионер. Артемий Петрович уклоняется от вопроса. Вместо того, чтобы рассуждать о лице антихриста, переходит к печати его.

Черчимцев. О. миссионер, прошу вас не перебивайте меня. За мной речь. Я прочитаю то место, которое хотел читать. Вот оно. «Тогда, говорится здесь, будет велие гонение и лютое мучение всем в вере живущим, православным христианам, иже воли его не повинуются и печати на чело и на десную руку свою не примут. Уже бо и ныне многих видим, иже не приемлют на себе Христова крестного знамения, сиречь десницею своею узаконенного воображения не возносят на чело главы своея, и на живот, таже на правое плече и на левое. Аще убо реченного сего Христова знамения крестного не приемлют, то уже яве есть еже имать прияти, на чело своё и на десную руку антихристову печать, по реченному, идеже бывает света лишение, ту бывает тьме пришествие» (102 л.). Из прочитанного нам стало ясно, в чём заключается печать противника. Это не положение десницею узаконенного крестного знамения.

Итак, я заканчиваю свою речь и говорю, что антихрист – это неверный народ, а печать его – незаконное крестное знамение.

Миссионер. Мой собеседник напрасно торопится, перехода к печати антихриста, когда самое лицо его еще мало исследовано. Блаж. Августин в приведенном моим собеседником месте говорит: «Зверь, под коим разумеется последний антихрист, может быть предметом особого исследования». Послушаем, Арт. П., бл. Августина и займемся подробным исследованием вопроса об антихристе. Вчера читали книги: Беседы Златоуста, кн. о Вере и толкование на Апокалипсис св. Андрея. Во всех них виделось: последний антихрист – это человек, имеющий прийти пред концом мира. В настоящую беседу поговорим об антихристе на основании книг, вами раскрытых. Приведенные слова Августина не исключают собой уже предложенного мной касательно антихриста. Подразумевать под нечестивым городом, под неверным народом в несобственном смысле антихриста, как понимает это и бл. Августин, всегда можно. Арт. Петр. напрасно трудился читать. Вычитанная им мысль бл. Августина встречается и у св. Златоуста в его беседах. Златоуст толкует о той среде, из коей произойдет последний враг Христа. Не об ином чём толкует и бл. Августин. Конечно не из благочестивого града и верного народа произойдет антихрист. Само собой из противоположного стана стану святых. Недаром всё писание говорит о слугах, предотеках антихриста. Они предворяют его и своим нечестием готовят приход своего господина. Окружающее неверие в конце мира породит из себя и последнего христа-противника.

Что в данном месте бл. Августин рассуждает не о последнем антихристе, а о слугах его, об антихристе в общем смысле – это видно из конца приведенной моим собеседником цитаты. «К тому же самому зверю, говорит бл. Августин в заключении читанной выдержки, относятся не только открытые враги имени Христова и славнейшего Его града, но и те плевелы, которые в конце света должны быть собраны от его царства».

Мы знаем когда появились эти плевелы. Про них говорил еще Христос. Они были современны первым Его ученикам. Св. Иоанн Богослов про них даже писал: «Дети последняя година есть и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи

мнози суть» (1Ин.2:18). Толкование этих слов нам уже известно из прежней беседы. Под антихристом нужно разумеать не только его «самого», но и слуг его.

Что бл. Августин в приведенном моим собеседником месте разумеет не последнего антихриста, а лишь предтечу его, антихриста в общем смысле, который был и во время Иоанна Богослова: «И ныне в мире есть уже» (1Ин.4:3) – это видно также и из следующего обстоятельства. На 224 стр. этой же части своих сочинений, бл. Августин рассуждает: «чтобы не растянуть до крайности книги, я нахожу возможным опустить множество евангельских и апостольских изречений о последнем божественном суде, но никоим образом не могу обойти ап. Павла, который, пиша к фессалоникийцам, говорит: «да никто же вас прельстит ни по единому же образу, яко аще не приидет беглец прежде и открытся человек беззакония». Опиши на предшествующих: 205–206 стр. последнего антихриста, как говорит Арт. П., бл. Августин очевидно не имел-бы нужды в прочитанном его заявлении – непременно говорить о последнем враге Господа, хотя бы для этого и пришлось кое-что другое опустить. Он готов, как видим, умолчать о множестве евангельских и апостольских изречений, но не может опустить описания последнего антихриста. Действительно, он приводит всё то место из послания к Солунянам, которое читалось нами вчера. Обстоятельство, с очевидностью указывающее, что западный учитель и отец Церкви на приведенных Арт. П. страницах не рассуждал еще о последнем хулителе Господа. О нём, как видится, он только еще хочет говорить в особом своём исследовании.

В своём специальном исследовании об антихристе бл. Августин очень ясно различает как антихриста, так и слуг его. Приведши, наприм., слова апостола, блаженный отец так продолжает: «никто не сомневается, что апостол говорил это об антихристе и говорил, что день суда не наступит прежде, чем придет тот, кого он называет беглом, разумеется, от Господа Бога. Если последнее название применимо ко всем нечестивым, не тем ли более к нему?» Видите, Августин отделяет с одной стороны нечестивых, о коих говорил на 205–6 стр., а с другой и

самого антихриста. Из дальнейших рассуждений рассматриваемого исследования еще яснее обнаруживается отличие блаженным нечестивых людей и самого антихриста, отличие не признаваемое старообрядцами. «Тогда явится беззаконник», никто, говорит Августин, не сомневается, что этим именем обозначается антихрист. Иные же думают, что и слова апостола: Удерживающее весте и тайна деется, относятся не более, как к злым и притворным, которые находятся в Церкви, пока не возрастут до такого числа, что составляет для антихриста великий народ и что это и есть тайна беззакония, так как представляется скрытым. Итак, довольно ясно, что тот нечестивый народ, с которым Арт. П. на основании 205–06 стр. хотел отождествить последнего антихриста, на следующих с 224 и дал. стр. бл. Августином представляется только средой, из которой произойдет сам антихрист. Нечестивые по другим словам блаженного (225) составят для антихриста как бы тело его.

Выходит, Арт. Петр. тщетно хвалится своей верностью бл. Августину. Если бы он верил последнему, то и мне бы поверил. Августин подтверждает учение читанных мной книг. Западный отец Церкви оказался в устах моего собеседника, потому противоречащим вчерашней моей беседе: Артемий Петр. вычитал лишь отрывочно одно место и не показал другого, объясняющего первое. Может быть, мои собеседники скажут: бл. Августин не себя выставил различающим нечестивый народ и самого антихриста, а каких-то «иных». На это замечу то: с мнением «иных» согласен и сам блаженный, ибо он в дальнейших своих сочинениях не опровергает этого различия, а соглашается с ним. Приведши, напр., слова ап. Иоанна (1Ин.2:18–19) и сказавши о появлении в среде христиан антихристовых слуг-еретиков, Августин не замалчивает и последнего антихриста. «Несомненно одно, говорит он в той же даже 6-й части, Христос придет судить не прежде, чем придет для обольщения мертвых душой Его противник-антихрист. Пришествие его будет по действию сатанину во всякой силе и знамениях и чудесах ложных и во всякой лести неправды в погибающих» (227 стр.).

Итак, бл. Августин не помощник Арт. П-чу. Августин проповедует чувственный приход последнего антихриста, чудеса его сравнивает с действиями сатаны над Иовом, когда, наприим., упал огонь с неба и одновременно уничтожит множество слуг и многочисленные стада Иова, а налетевшая и разрушившая дом буря умертвила его сыновей. «Хотя призрачные, добавляет блаженный, будут чудеса противника, а все-таки многие ими обольстятся: чувства смертных будут ими обмануты» (227 стр.). Бл. Августин отличает его от слуг. По словам его, антихрист явится тогда, когда исполнится число его предотеч.

Учение Августина, выходит, тоже, что и у св. Иоанна Богослова и Иоанна Златоуста, у составителя кн. о Вере.

Словом, мой собеседник начитал на свою же голову. Антихрист последний – чувственный. Это говорит и бл. Августин.

Черчимцев. О. миссионер хвалится, что бл. Августин так же учит о последнем антихристе, как и книга о Вере, антихрист де родится от нечистые девицы, жидовки сущия. Но у бл. Августина о рождении антихриста нет ни слова. Если бы Августин понимал антихриста чувственным образом, то он бы написал и об его рождении, но он не написал, следовательно, антихрист, по блаженному, нечувственный, а духовный. Вот, что писал Августин о происхождении последнего антихриста. На 208. стр. читаем: «И егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своея и изыдет прельстити языки, сущия на четырех углах земли, Гога и Магога, и повлечет их на брань, их число – это песок морской» (Апок.20:7). В то время он прельстит именно для того, чтобы вовлечь в эту войну. Ибо всякими способами, какими мог, он прельщал множеством и разнообразием зла и прежде. Сказано изыдет, т. е. от тайной ненависти перейдет к открытому преследованию. Это будет последнее преследование, которому, пред наступлением последнего суда, по всей земле подвергнется св. Церковь, т. е. град Христова от всего града дьявольского, пока они оба еще будут на земле. Под народами, которые называются Гог и Магог, не следует разумеать каких-либо варваров... Значение этих имен в

переводе таково: Гог – кровля, Магог – из-под кровли; как будто бы это те народы, в которых, как мы видели выше, заключен как-бы в бездне дьявол; и сам он, как бы выступающий и выходящий из них: те – кровля, он из-под кровли. Если же оба названия отнесем к народам, а не одно к ним, другое к дьяволу, то они будут и кровлю, потому что в них в настоящее время заключен и ими некоторым образом прикрывается древний враг; и они же будут из-под кровли, когда перейдут от тайной к явной ненависти». Из прочитанного нами видится: последний враг, которого воздвигнет дьявол против церкви пред концом мира, есть Гог и Магог. Этот Гог и Магог не одно лицо, как утверждают миссионеры, а целый народ. Гог, по толкованию св. Андрея, обозначает собирающего или собрание, а Магог возвышенного или возвышение. О. Симеон вчера нам читал, что антихрист будет превозноситься выше всякого глаголемого Бога и чтилища. Это, вот возвышение антихриста и есть Магог. Гог же означает собирающего или собрание. Другими словами, антихрист будет нечто собирательное, а не один какой-либо человек, как Церковь состоит из многих, точно также и антихрист – это нечестивый народ, чрез который будет действовать при конце века дьявол. Этот народ перейдет, не сказано: родится, а перейдет, как написал бл. Августин от тайной ненависти к явной. Сначала он как-бы под кровлей, а потом выйдет из-под кровли. Сначала царствование антихриста будет сказываться в незначительных переменах, а потом оно выразится во всей своей силе. Поэтому, под именем антихриста нужно разуметь, как говорит Августин, не только открытых врагов имени Христова, но тех людей, которые как будто бы веру исповедуют, но живут как неверные. Ибо они изображают из себя не то, что они на самом деле и называются не истинным видом, а ложным подобием христианина. Такие люди были еще во время написания Б. Катехизиса в западной России, где с 1595 г. водворилась уния, воцарился дьявол. Многие уже и тогда не полагали на себе узаконенного крестного знамения. Но Гог и Магог, как сказано, перейдут от тайной к явной ненависти. Не возносившие на себе законного крестного знамения воздвигли гонение на истинных христиан, знаменовавшихся

истинным крестом Христовым. Вспомним страдание Соловецких старцев. Последние-же люди, не поклонившиеся зверю и иконе, исполнившие слова апостола: «не тяните одно ярмо с неверным» (2Кор.6:14). Они не поклонились, не подчинились и не приняли начертание на челе и на руке.

Вот когда еще родился антихрист, т. е. перешел от тайной в явной ненависти. Пусть миссионер докажет, что троеперстие не печать Антихриста. Старообрядцы опасаются, как-бы не принять чрез троеперстие начертания противника. Про эту печать сказано, что здесь мудрость и заключено число имени его. Если миссионер докажет, что троеперстие не печать, тогда пусть примет и нас грешных к себе.

Миссионер. Арт. П. опять старается говорить про печать Антихриста: о самом вычитал лишь отрывок из Августина и то касающийся Гога и Магога, а не самого противника. Народ едва-ли поймет, что понимает мой собеседник под последним антихристом. Сначала он его видел в еретиках, появившихся в Церкви со времен апостола Иоанна, затем в папах римских, потом в унии, за сим в книжном исправлении при п. Никоне и, наконец, в Гоге и Магоге. Антихрист по нему: с одной стороны еретики, а с другой и сам дьявол, вселяющийся, воплощающийся в нечестивых людях в роде Гога и Магога. Что последний антихрист – не еретики, ни папа с унией – об этом было говорено. В настоящее время представим доказательства против отождествления последнего противника с дьяволом и теми народами, в которых последний вселяется. Вот место писания, отличающее антихриста, дьявола и Гога с Магогом. При толковании Откр.20:8–10 Св. Андрей Кес. пишет: «Славное пришествие Христово поразит их (Гога и Магога) духом уст Его, и вождя их дьявола вместе с антихристом ввергнет в озеро огненное, где они будут мучимы во веки веков».

Итак, Артемий П. ошибается, когда говорит, что Гог и Магог и есть последний антихрист. Св. Андрей отличает как Гога с Магогом, так и дьявола с антихристом.

Отождествивши антихриста с дьяволом, вселившимся в Гога и Магога, мой собеседник в последней своей речи появление противника приурочивает к 1000 году по Р. Христове.

Это мнение так же ошибочно, как и первое. Кроме сказанного против этого прежде, в настоящую минуту внимание слушателей обращаю на то обстоятельство. Пред появлением противника придут два пророка. Пред обыкновенными антихристами приход этих пророков не указан, пред последним же будут посланы особые проповедники. Об этом говорится в одной из раскрытых моими собеседниками книг. Из ней мы уже читали: «О дивная божественная благодать, говорит св. Андрей в толковании об Илии и Енохе, ибо равносильное ране предлагает врачевание. Как лже-христос, обладающий всяким дьявольским действием, во всех ложных знамениях и чудесах будет главнейшим из всех волхвователей и прелестников, так силой истинных знамений и чудес вооружит Бог сих святых (Илию и Еноха)» (Откр.11:3–6).

Проповедников, облеченных силой истинных чудес и знамений еще нет, а потому не бывало и того прелестника, коего они придут обличать. Придут они в своих собственных телах. Св. Андрей в дальнейших стихах рассматриваемой главы говорит: «Зверь, т. е. антихрист по Божию попущению убьет их (Илию и Еноха) и оставит тела непогребенными в том самом Иерусалиме древнем и разоренном, в котором пострадал Господь» (Откр.11:7,8). Понимая Илию и Еноха в духовном смысле, в виде вообще проповедников и исповедников, мы не в состоянии тогда понять место их страдания в древнем Иерусалиме, где Христос умер. По толкованию св. отца, они там пострадают. На это они блюдутся, как не вкусившие смерти.

Изложенный признак антихристового прихода, его появления очень ясен. По нему легко отличить последнего антихриста от слуг, предтеч, называемых тоже антихристами. Если мой собеседник не любит слушать о том, что антихрист по писанию определенный человек, имеющий родиться в Дановом колене, и во всем уподобиться хотя бы призрачно Христу, избирающий, например, 12-ть учеников, принимающий обрезание и т. д., если не желает это слушать, то пусть внимает учению св. Андрея о приходе чувственных обличителей последнего противника. По ним еще короче можно узнать, пришел или нет последний антихрист.

Последний антихрист, видится по всему, не пришел. Артемий П. только тратил время, читая нам о Гоге и Магоге. Малопонятными словами он лишь захотел попугать малограмотных. Ну, где он нашел, что Гог и Магог и последний антихрист одно и то же. В читанном месте и намеку про это нет. Стыдно, Черчимцев, вести так беседу. Потом, мой собеседник вторую уже речь заканчивает вопросом о троеперстии, отождествляя последнее с печатью антихриста. Прошу моих собеседников почитать то место, где троеперстие называется печатью антихриста.

Черчимцев. Я уже читал это место. Если угодно миссионеру, то пожалуй еще почитаем. Терентий Акимыч (Худошин – его учитель) почитай о. Симеону: он не понял. (Худошин читает) «Уже бо и ныне многих видим, иже не приемлют на челе крестного знамения, сиречь печатю своего узаконенного воображения не возносят на чело главы своея» (102 л. Б. Кат.)

Миссионер. Хорош учитель Артемия Петр. Если дальше будет учиться у него, то еще не то заговорит; что говорил. Разве можно так беседовать честным людям; в книге стоит: «десницею узаконенного воображения не возносят», а он читает: «печатью узаконенного воображения не возносят». Приехали люди за 1000 верст для того, чтобы обманывать простой народ. Ему мало показалось укорить православных в неистовом изображении крестного знамения, о чём собственно и говорится на 102 л. Катехизиса; ему захотелось сразу одним словом показать, что троеперстие печать антихриста. Чувствуя, что не доказать ему последнего, при правом чтении Катехизиса, он прибег к гнусной выходке, к явной лжи. Это, братия, недостойно собеседников. (Поднимается шум, в котором раздаются укоры по адресу Черчимцева и Худошина.) После такого их отношения к делу с ними не стоило бы даже и говорить-то. Пять лет тому назад Худошин в публичной со мною беседе доказывал, что Василий В. жил в девятом веке после Петра Дамаскина. В настоящую беседу его не стоило-бы и принимать то. Думал, что он исправился. Но моё предположение, как видите, не оправдалось.

Черчимцев. Миссионер, например, говорит о нашем бессилии – доказать свою мысль на основании Б. Катехизиса. Мы докажем без всякой лжи. Терентий Акимыч проговорился и о. Симеон напрасно придирается. На 102 л. мы много уже раз читали: «что кто узаконенного крестного воображения не возносит на чело главы своея и на живот, паче на правое плечо и на левое, то уже яве есть имать прияти печать антихриста». Миссионер говорит, что тут речь не про троеперстие. Нет, про него, потому что узаконенное крестное знамение – двуперстие, а не троеперстие. Итак, кто узаконенного двуперстного крестного знамения не полагает на себе, то яве имать прияти печать противника. Не я говорю, а книга этому научает. Миссионер тогда только будет прав, когда докажет, что троеперстие узаконенное знамение. Пусть о. Симеон ответит на мой вопрос: какой св. отец узаконил троеперстие?

Миссионер. Напрасно Черчимцев выгораживает Худошина. У последнего была цель. Она обнаружится у вас, когда будем говорить подробно о троеперстии, о коем вам хочется рассуждать. Хотя не ваша очередь предлагать вопрос, но вы, этим не стесняясь, спрашивайте меня. Чтобы не остаться в долгу, я отвечу после перерыва.

(Перерыв, во время коего большинство делится впечатлениями беседы).

Миссионер. Я взялся ответить на поставленный вопрос: какой св. отец узаконил троеперстие. По уговору беру три книги, именно: Деяния соборов 1666–67 г, правила св. отцов и поучения пр. Ефрема Сирина.

В первой из этих книг читаем: «о знамении честного креста, сиречь о сложении перстов. Такожде и знамение честного и животворящего креста от св. славных и всехвальных апостолов и от св. священномученика Игнатия Богоносца, третьего патриарха Антиохийского и наследника св. апостолов, и от Вселенских учителей, свыше и изначала, прияхом православно знаменати себе знамением честного креста тремя первыми персты десныя руки, совокупивши я во имя Отца и Сына и Св. Духа, не писанным преданием, яко-же свидетельствует и св.

Василий В. в слове 27-м, иже ко св. Амфилотию, епископу Иконийскому».

Из прочитанного видится: троеперстие апостольское узаконение, предание св. отцов церкви, Игнатия Богоносца, перешедшее из рода в род до наших дней.

Черчимцев. Мало ли что ваш собор говорит о троеперстии. Мы ему не верим и не обязаны верить. Про троеперстие он неправду сказал. Троеперстие – выдумка латинян по 1000 лет.

Миссионер. Когда писатели православной Церкви говорят, хотя бы косвенно, в пользу старообрядцев, последние верят им. Заведи речь о двуперстии – сейчас же приведут гг. Каптерева с Голубинским. Заговори о троеперстии – никому не верят, тем же названным, например, профессорам академии. Не явное ли это противоречие. Последовательность требует или верить в том и другом случае, или уже совсем не верить. Что-нибудь одно. Пять лет тому назад Худошин в беседе со мной в Симбирской губернии древность двуперстия доказывал новым греческим Пидалионом (кн. правил). Верил, значит, составителям-монахам великороссийской Церкви. Если не хотят быть противоречивыми, то и моей ссылке должны поверить. Я ссылаюсь не на частных писателей, а на целый собор архипастырей.

Черчимцев. Собору нельзя верить в виду его неправильной ссылки на Игнатия Богоносца. В сочинениях последнего ни слова про троеперстие.

Миссионер. Из того, что у св. Игнатия Богоносца нет писанного про троеперстие, не следует вывод, сделанный моим собеседником. Чин крещения в потребниках озаглавлен: «устав св. апостол и изложение св. и богоносных отец семи вселенских соборов». Будем читать Апостол правила св. вселенских соборов и св. отцов – ничего не найдем подобного чину крещения. Последний начинается: Священник глаголет: Благословен Бог наш, таже Царю Небесный, трисвятое, по Отче Наш возглас и т. д. Откроем Кормчий и здесь не находим указанного крещального устава. Значит ли это, что потребник лжет. Нет. Итак, угодно Арт П. завинить собор 1667 г. за неправильную якобы ссылку, то пусть прежде завинит

старопечатный потребник. Последний, как видите, тоже сделал не подтвердившуюся ссылку.

Черчимцев. Вместо защиты собора 67 г. миссионер пусть лучше укажет: какой св. отец написал о троеперстии.

Миссионер. Мой собеседник уклоняется от заданного им-же самим вопроса. Но я отвечаю на первый его вопрос. Для него взяты у меня соответствующие книги. На новый вопрос я буду отвечать, когда придет очередь, т. е. уже после того, как вы разрешите вопрос, который я еще имел предложить вам. В настоящей речи о троеперстии я не обязан приводить писанные свидетельства в пользу его. Многие в Церкви было узаконено и долгое время не предавалось письмени. В доказательство этой мысли я ссылаюсь на 91-е правило Василия В., которое цитирует и собор 67 г. Из названного правила мы видим, что одни предания Церковь приняла в письменных наставлениях, а другие устно, через преемство в тайне. Но те и другие имеют едину силу. Троеперстие от того, что оно устно передавалось из рода в род, нисколько от этого не умаляется. Будет время, нами приведутся и письменные свидетельства о нём. Но сейчас достаточно и сказанного. На заданный вопрос такой ответ: троеперстие устное апостольское предание.

Черчимцев. Если бы троеперстие было одним из апостольских преданий, то Василий В., пиша о последних, непременно бы сказал про него. Но этого нет. Миссионер неправильно ссылается на 91-е правило названного св. отец. Оно не поможет о. Симеону оправдать троеперстия. Православные никогда не докажут, что троеперстие есть апостольское и святоотеческое предание. Умрет о. Симеон, а не докажет.

Миссионер. Артемий Петр. напрасно самоуверенно говорит: я было не хотел в нынешний вечер показывать, где у св. отец писано про троеперстие. Вопрос не об этом. Но в виду настойчивости собеседника приведу одно такое свидетельство.

«Аще оградится тоцем оружием (т. е. оружием креста и св. Троицы) говорит пр. Ефрем, наша душа, то попан будет змий» (Сл. 105-е об антихристе). Из приведенных слов видно, что в древности с мыслью о силе креста соединяли мысль о св.

Троице. Было какое-то оружие св. Троицы, ограждаясь коим, душа освобождалась от дьявольских козней: «аще оградится тацем оружием, попан будет змий». Оружием, которым изображалась св. Троица, было троеперстие.

Других свидетельств в пользу последнего я не привожу до времени. В настоящую беседу я не имею права открывать более трех книг. И названные книги открыты для решения вопроса об узаконении троеперстия.

Свящ. С. Шлеев

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

Б-нов В. [Рец. на] «Наша доля – Божья воля» // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 385–387

Под таким заглавием печаталась в «Киевской Старине» (на малороссийском языке) повесть проф. Д.И. Эварницкого, которая теперь вышла отдельным изданием.

В последнее время наблюдается отрадное явление: наша беллетристика уделяет довольно таки много внимания русск. сектантству. Только, к величайшему огорчению, она является больше не помощницей, а противницей миссии, освещающей сектантство с одной лучшей симпатичной стороны. Касается сектантства, и именно штунды, и повесть Эварницкого. Но, с удовольствием отмечаем, что она чужда крайностей обычной тенденциозности: Эварницкий выставляет штунду ни с лучшей стороны, ни с худшей, но берет её более или менее натурально, вводя в повесть, как новое явление для исконного народного быта, как фактор растлевающий старые нравы, расшатывающий прежние устои. Впрочем, если уж составить себе понятия об отношении к штунде самого автора, то несомненно, что он против неё, по крайней мере с культурно-исторической и национальной точки зрения, как явления наносного и сокрушительного для основ народной жизни. Но чем объективнее отношение автора, тем сильнее изображение этой злой силы, вносящей столько разлада и муки в многострадальную крестьянскую среду, отнимающей у крестьянина его наследственное благо – православную веру, облегчающую сердечную тяготу трудных не минут и дней, а месяцев и годов крестьянской жизни. Заметим кстати, что проф. Эварницкий – автор трехтомной «Истории Запорожских казаков» и большой знаток истории и современного быта южной России. Уроженец Харьковской губернии, он вдоль и поперек исходил и изъездил Левобережную Украину и Новороссию, страстно увлекаясь народной речью, бытом, преданием. Поэтому, хотя его имя и малоизвестно в литературе художественной, но за то его слово должно быть принято, как слово глубокого знатока прошлой и настоящей жизни южной России.

Главное лицо повести Максим Мыкытович Витряк. Действие происходит в с. Суныцивци Харьковского уезда. Замысел повести таков. Витряк и его жена – наилучшие крестьяне; благочестивые, честные, опытные и усердные труженики, не пьющие и т. д. Но злой рок, в виде разных обстоятельств, окружающих крестьянскую жизнь, губят семью Витряков. Старый Максим, крепко преданный воле Божией, подобно Иову, твердо стоит под ударами судьбы, не произнося и слова безумного ропота. Но дети его все гибнут. Старший Витряченко как-то глупо, фатально, бессмысленно (это – слабое место в фабуле повести) уворовал в городской лавке грошовую вещицу и был уличен; возвращаясь домой, он весь ушел в себя под гнетом укоров совести и своего позора, неосторожно направил лошадей, был прибит ими и умер, сколько от побоев, столько от мук сознания срама, нанесенного семье. Второй сын Максима погиб от водки, к которой пристрастился в солдатчине и которую затем продолжал пить в деревенском шинке, стоявшем как раз против хаты Витряков. Третьего сгубили хождения на заработки на побережья Азовского моря, развившие в нём страсть к легким деньгам и скорой наживе, сведшие его с дурными людьми. Дочь Орыся сошла с ума от несчастного замужества за нелюбом, тогда как она щиро любила соседа паныча, который был ей далеко не ровня. Последний удар Витряку, удар в самое сердце, нанес младший его сын Павлусь, заразившийся от колонистов-немцев штундой. Последние общие выводы Эварницкого сводятся по-видимому к тому, что весь этот злой фатум, разбивший дом Витряков – это невежество, необразованность, некультурность народной среды: просвещение дало бы силу первому Витряченку удержаться от бессмысленной кражи, второму – от водки, третьему оно дало бы возможность добывать средства честной предприимчивостью, Орысю могло-бы сравнять с любимым панычем, а Павлуса быть может удержало-бы от увлечения штундой.

Впрочем, о Павлусе речь особо. Он грамотный и научился грамоте, при отсутствии школы, у соседа паныча – студента. Но грамотность – не образование. Научившись читать, Павлусь не

получил вместе и твердого знания об устоях жизни. Он много читал в церкви, читал дома Библию; но много в сих св. книгах оставалось для него совершенно непонятным. Около этого времени проживавший в Суныцивци православный пан промотался и продал землю немцу Нейфельду. «Страшна братця, сыла ти нимци!... Богато и славно жывут воны у нас Вкраини... Усего у их и в-достач, и в-досыть: худобы (скота) тиеи, чы товару (рог. скот), чы конеи, чы овчат, – так такого, як ракив вареных у видри, та все те дуже, та высоке, та гладке, та здорове... Тай наймытам у них не погано жыття: наймыть у нимця хоч и добре робе, так за тем й исть добре... тай оберастся нимеу до иаймыта не по-зверячому, а по людському» Часто заходил к Нейфельду и Павлусь Витряченко, особенно по хозяйственным нуждам и сблизился с ними. Еще больше свела его столярная работа с сыном Нейфельда Якубом. Павлусь, незаметно, поддался культурному превосходству немца и, вместе с костюмом, переменил и убеждения. Поддержать его вовремя было не кому. Неграмотный отец, заметив в сыне охлаждение к православному обряду, только и мог убеждать его ссылками на то, что казаки-предки кровью отстаивали православную веру. Но на новое поколение, не знавшее истории, этот аргумент ничуть не действовал. Духовенство? но критицизм Павлуся, вероятно, поджигаемый немцами, находил в нём столько несоответствий своему идеалу, что Павлуся не мог и говорить о «попах» без раздражения. Штунда Павлуся разобщила его с родителями, которые скоро и умерли от этого жестокого удара; а Павлусь, пробравшись ночью на православное кладбище, забыв на минуту все свои новые религиозные взгляды, долго и слезно молился на могиле стариков... После он очутился где-то в Херсонщине старшим между штундистами.

Эварницкий верно подметил влияние немца-иновера и хорошо указал, что преклонение русского пред немецкой верой в значительной степени проистекает из факта подчинения культурно-слабого культурно-сильному. Отсюда, конечно, следует вывод, что трудно осилить религиозное влияние немца, пока мужик наш невежественнее, беднее, малокультурнее

всякого немецкого выходца. Если, однако, этот, так сказать, фактор штунды возвести в единственный, то получится уродливая крайность, игнорирующая многие другие, установленные литературой, причины возникновения у нас штунды. Но не будем придирчивы, и скажем только, что Эварницкий несколько односторонне сосредоточился на одном влиянии немца в образовании штунды. Но вот что уже не извинительно для православного профессора: с текстами Св. Писания он обращается в высшей степени небрежно. Цитует он их, вероятно, по своей гимназической памяти, в искаженном виде, не считая нужным уважительно придерживаться их подлинного слововыражения. «Аще где двое или трое глаголют во имя Мое, Аз там пребываю» цитует у него Павлусь. Такого изречения в Слове Божиим нет. Впрочем, к большому нашему огорчению, здесь не случайность: исказить, (когда по смыслу, а когда и по букве), священные выражения – это манера многих и многих светских писателей и ораторов вроде Стаховича и участников религиозно-философских собраний. Лучше обойти святыню, чем профанировать её.

В. Б-нов

Александр, иером. [Рец. на] Протоиерей И.И. Сергиев. Беседы о Боге Творце и Промыслителе мира. Протоиерей И.И. Сергиев. Беседы о блаженствах евангельских. Священник Конст. Стратилатов Собрание церковных поучений для простого народа // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 388–390

Протоиерей И.И. Сергиев. Беседы о Боге Творце и Промыслителе мира, изд. 3-е Училищного Совета при Святейшем Синоде, цена 20 коп, Спб., 1903.

Протоиерей И.И. Сергиев. Беседы о блаженствах евангельских, цена 15 к. изд. 3-е Училищного Совета при Святейшем Синоде, Спб., 1903. С требованиями на эти книги следует обращаться в Издательскую Комиссию Училищного Совета при Святейшем Синоде, С. Петербург, Кабинетская ул., 13.

Священник Конст. Стратилатов Собрание церковных поучений для простого народа, (книга удостоена премии Св. Синода). Изд. 3-е Спб., 1903. Цена 1 р. 50 к. Продается в магазине И. Л. Тузова, Спб., Гостиный двор № 45. На пересылку книг магазин просит прилагать по 20 коп. на один рубль.

Церковная проповедь должна быть не только нравоучительной, но и вероучительной. Св. ап. Павел писал Коринфским христианам: «к стыду вашему скажу, некоторые из вас, *не знают Бога*» (1Кор.15:34). Духовное невежество в христианине есть печальное явление, заслуживающее одинаково как сожаления, так и порицания...

Приснопамятный вития, Никанор, Архиепископ Херсонский, всем пламенным сердцем своим ревновавший о духовном просвещении России, высказал следующие огненные слова о массовом религиозном неведении, наблюдаемом среди простого русского народа, (инде же и среди неких от интеллигенции). «Пастыри Церкви, пишет он, должны знать, что православные, в огромном большинстве, почти повально не

имеют никакого ни исторического, ни догматического знания, ни образного представления о Лице Иисуса Христа, и лика Его ни в Церкви на иконах, ни дома на кресте и т. п. не различают; да и вообще никаких ликов на иконах не различают: это по простонародному представлению, «усе Бог» (всё Бог и все Боги), не знают и того, какой они веры. В Великороссии, наприим., в Уфимской губернии, там и сказать не умеют, что «мы – де веры православной, христианской»... Обрисовывая яркими чертами духовное невежество наших простолюдинов, мудрый Архипастырь указывал вместе с тем целесообразное средство к уврачеванию этого недуга, заключающееся в *усилении катехизической деятельности* духовенства. Вот подлинные слова знаменитого витии. «В огромном большинстве своём народ не соединяет никаких ясных и особенно правильных представлений со словами: Бог Отец, Дух Святой, Искупитель, Троица, Богородица, Рождество, Крещение и т. п. без конца... Нужно, чтобы проповедь не только поучала и умоляла, но и *научала*. Собственно благотворною для нашего народа проповедью была бы первоначально беседа, начинающаяся с настойчивого и постоянного объяснения святых икон, лика Иисуса Христа, Троицы, Богородицы, св. Евангелистов и т. д. Затем настойчивая же беседа с толкованиями символа, десятословия, молитвы Господней и т. д.».

Действительно, усиленная вероучительная, (катехизическая) проповедь есть самое целесообразное средство для борьбы с религиозным невежеством нашего народа. Такая проповедь, с другой стороны, должна быть признана наилучшим профилактическим средством к ограждению народа от различных лжеучений и сект. Широкое распространение раскола и сектантства в значительной мере объясняется ослаблением катехизаторской деятельности наших проповедников...

В виду этого, должно с особенною признательностью отмечать появление в духовной литературе произведений, идущих навстречу назревшей потребности в катехизических проповедях.

Знаменитый кронштадтский пастырь о. Иоанн Сергиев, с неусыпной ревностью трудящийся на пользу православия, сделал не мало ценных вкладов в нашу духовную литературу своими печатными произведениями. Большая часть этих произведений состоит из проповедей. Наилучшими сборниками его проповедей следует признать те, заглавия которых помещены в начале настоящей статьи. Беседы знаменитого пастыря «О Боге Творце и Промыслителе мира» отличаются глубиной содержания и в то же время общедоступностью изложения. Высокоцитимый автор в широких размерах пользуется святоотеческой литературой, не пренебрегая однако и естественными науками. Каждая мысль, даже более, каждое выражение о. Иоанна проникнуты глубиной христианского чувства и задушевностью. Его беседы, несмотря на их догматическую тему, изобилуют богатством нравственных выводов и назиданий.

Таковыми же достоинствами отличаются беседы о. Иоанна и «О блаженствах евангельских».

Обе вышеозначенные книжки знаменитого кронштадтского протоиерея изданы училищным советом при Св. Синоде и, подобно прочим изданиям училищного совета, отличаются изящностью, четким шрифтом, прекрасною бумагою и дешевизною.

Церковным и школьным библиотекам необходимо обзавестись этими дивными творениями о. Иоанна Кронштадтского.

К этой же категории следует причислить и катехизические поучения о. Стратилатова, приспособленные для простого народа, и за свои прекрасные качества удостоенные синодальной премии. Православные пастыри, неусыпно труждающиеся в назидании простого народа, на основании своего опыта могут единодушно засвидетельствовать, как трудно говорить проповеди, вполне доступные для простолюдинов и как сугубо тяжело изъяснять пред необразованными слушателями (особенно крестьянами) вероучительную сторону христианства. Отсюда с великою признательностью следует встречать появление в печати таких

катехизических поучений, которые могли бы вполне пригодиться для назидания народных масс. Таковыми и оказываются поучения о. Стратилатова.

Вот как, напр., изъясняет о. Стратилатов смысл иконопочитания. «Православный! Твердо помни, что наши иконы суть только изображения святых Божиих, а не сами они. Это нужно тебе знать для того, чтобы ты по своей простоте и безграмотности не думал, будто иконы суть боги. Заметь, что как не почитать святые иконы есть большой грех, так и боготворить иконы, то есть почитать их богами, есть так же грех. И потому почитай только икону, а не боготвори её; чти икону не иконы ради, но того ради, его же икона образует. Образу кланяйся, а ум и сердце возводи на первообразное (Кам. Веры, ч. I, стр. 200). Скажу проще: глазами смотри на икону, а умом своим думай о том, кто на иконе написан. Телом покланяйся образу, а душою и сердцем представляй себе того, чьему образу ты кланяешься. Так, когда ты молишься пред иконою святителя Николая, то и думай, что ты просишь и молишь за себя не икону, а самого святителя Николая, и представляй, что молит о тебе не икона святого Николая, а сам святитель Христов Николай. Так молись и пред всякою иконою, так почитай и все иконы» (168, 169 стр.).

Достаточно одной этой краткой выписки, чтобы убедиться, что в катехизации простого народа почтенный о. Стратилатов является мастером своего дела. Его поучения проникнуты задушевностью, искреннею любовью к поучаемым и, главное, простотой, отнюдь не переходящею в тривиальность. Почтенный проповедник смело может быть наименован вторым Путятиным... Рекомендуем книгу о. Стратилатова вместе с выше поименованными творениями о. Иоанна Кронштадтского вниманию пастырей, ревнующих о духовном просвещении своей паствы.

Иеромонах Александр

Миссионерство, секты и раскол

М. Обвинение судом хлыстов и оправдание штундистов. – Донские хлысты. Немцы-эксперты в роли апологетов штунды. – Пропаганда и угрожающее настроение киевской штунды // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 391–397

В последнюю свою сессию в г. Таганроге, Донской обл. окружной суд с участием присяжных заседателей рассмотрел характерный во всех отношениях сектантский процесс о крестьянах поселка Куричанского, Павловской волости, Донской области Петре Ющенко и Василии Бобрикове, принадлежащих к хлыстовской секте и обвинявшихся в распространении учения этой секты между другими крестьянами. По этому делу было вызвано до 20 свидетелей, которые в своих показаниях весьма подробно изобразили сущность учения и пропагаторскую деятельность обвиняемых. В качестве эксперта по этому делу был вызван преподаватель Донской духовной семинарии, по кафедре истории и обличения старообрядческого раскола и местных сект, священник Евграф Овсянников, который давал заключение по предварительному следствию об этих сектантах и на суде дал пространное заключение о сущности и степени вредности учения секты хлыстов, признав обвиняемых последователями именно этой секты. Присяжные заседатели после часового совещания вынесли всем подсудимым обвинительный вердикт и окружной суд приговорил обоих обвиняемых к лишению всех прав и ссылке в определенные для подобных сектантов места. Так как в процессе еще раз весьма ярко освещены темные стороны этой тайной секты, то мы на основании предварительного следствия об этих сектантах и данных, выяснившихся на суде, сообщим к сведению сектоведов и миссионеров существенные подробности об этом весьма характерном хлыстовском процессе.

Весной 1901 г. к сельскому старосте пос. Куричанского, Таганрогского Округа, Михаилу Андрееву Мухе явилась крестьянка Пелагея Васильева Ющенко и заявила, что муж её Петр Николаев Ющенко принадлежит к какой-то секте и к нему в

дом съезжаются из разных сел мужчины и женщины, поют ночью песни, танцуют, а затем ложатся спать «кто с кем захочет и на кого попадет», что он вступил в половую связь с крестьянкой Аксиной Петровой Хорошаевой, взял её к себе в дом и прижил с ней несколько детей, что он, ложась спать, кладет на кровати с одной стороны Пелагею Ющенко, а с другой Аксиною Хорошаеву. На возникших по этому поводу дознании и предварительном следствии показаниями свидетелей было выяснено, что главными руководителями и распространителями секты являются Петр Ющенко и Василий Бобриков, в доме же Петра Ющенко происходили молитвенные собрания сектантов. По словам Михаила и Андрея Ковалевых, Ющенко совратил в секту Аксиною Хорошаеву обещанием, что она, *«ближе будет к Богу»*, а также проповедью, что *«по любви жить можно с любой женщиной»*, что *«царь Давид имел много жен, а Лот был в связи со своими дочерьми»*. Соблазненная проповедью Ющенко, Хорошаева присоединилась к секте и вступила в половую связь с Ющенко. По объяснению Ющенко Василия, совращенного в секту Ющенко Петром и Бобриковым, потом отпадавшего от секты и снова присоединявшегося к ней, сущность секты, распространяемой Ющенко и Бобриковым заключается в следующем: «Сын Божий есть Федор Кириллович, живший некоторое время в Ростове на Д.; он же есть Иисус Христос и Господь; Церковь есть создание врага – черта, крестное знамение бесполезно, в церковь ходить бесполезно и вредно даже, священство есть создание врага, таинств никаких нет, это есть выдумка и глупости, «самое высшее и хорошее благо есть свободная к женщинам любовь», не разбирая того, сестра-ли она, мать и проч., меняться женами и женщинами – хорошо, лишь-бы была любовь и их согласие; ходить в церковь и возлагать крестное знамение следует лишь для формы, чтобы люди не цеплялись. На собраниях сначала читают, затем поют, наконец, сходит Дух Святой на Петра Ющенко и он начинает как-то странно и страшно даже чмыхать и проделывать языком и бегать по комнатам; во время сошествия Святого Духа на собрании друг другу перевязывают через плечо «утиральники» (полотенца); после сошествия Св.

Духа начинаются всеобщие танцы; имел-ли место после этого свальный грех, свидетель не видел, так как на собраниях до этого «не засиживался». По словам свидетелей Мухи, Михаила Ковалева и Ткаченко, на собраниях приезжавшие мужчины и женщины после молитвы и танцев «ложились спать кто с кем попало», но Петр Ющенко ложился между женой и Хорошаевой. Бобриков также принимал участие в собраниях. Эксперт, преподаватель Донской духовной семинарии священник Евграф Овсянников, дал заключение, что секта, к которой принадлежат Ющенко и Бобриков, называется хлыстовщина, образовавшаяся в половине XVII века. Основной догмат хлыстов есть учение о перевоплощении, т. е. Бог может воплощаться много раз в человеке; что дальнейшие воплощения могут переходить от одного к другому; «от плоти и крови Христа» или пророка могут рождаться «христосики»; у Куричанских хлыстов сыном Божиим был Федор Кириллович, он же Иисус Христос и Господь; православную Церковь они отрицают, считая её внешней, плотской не имеющей дарований духа; крещение православной Церкви сектанты назыв. «крещением котят». Таинство причащения отрицают; богослужение хлыстов состоит в чтении Св. Писания, (?) в пении псалмов, плясках и круженьях, называемых «радениями» и пророчеством. К числу обрядов, совершаемых хлыстами во время их молитвенных собраний, относится, так называемый «свальный грех», т. е. общий разврат всего корабля (данной общины); этому разврату хлысты предаются после долгого и изнурительного бегания и кружения, когда они истомленные физически и душевно падают на пол и здесь, потушивши огни, начинают любодействовать, не разбирая при этом ни возраста, ни уз родства. Свальному греху хлысты дают значение, «христовой любви». Брак, как таинство, хлысты отрицают, ибо жить с женой есть беззаконие, «от жены отделись, а к чужой прилепись». Женившийся ранее вступления в секту должен жить с женой, как с сестрой.

Хотя обвиняемые, Ющенко и Бобриков, не признали себя виновными в приписываемых им преступных деяниях, но привлечены были к ответственности за то: 1-е что, принадлежа к так называемой хлыстовской секте, сущность которой состоит

в веровании в перевоплощение Бога в человека, в отрицании православной веры с обрядами, таинствами и богослужением, таинства брака, в допущении на молитвенных собраниях, так называемого свального греха, т. е. общего любодеяния, не разбирая при этом ни возраста, ни уз родства, они, в период времени с 1895 г. в пос. Куричан., Таг. Окр., проповедовали своё служение между православными, убеждая последних в превосходстве вышеизложенных начал секты над православной верой, последствием чего было отпадение от православия и присоединение к упомянутой (ереси) – секте крест. Аксины Хорошаевой, которая начала посещать молитвенные собрания этой секты и принимать участие в обрядах, требуемых сектой и 2-е в том, что в тот же период времени там же состоят последователями и принадлежат к секте, именуемой «хлыстовщиной», сущность которой заключается в веровании в перевоплощение Бога в человека, в отрицании православной веры со всеми обрядами и таинствами и в допущении, как обряда этой секты на молитвенном собрании противонравственных, гнусных действий, именуемых «свальным грехом» т. е. общего разврата, не разбирая при этом ни возраста, ни уз родства, т. е. в преступлениях, предусмотренных 1 ч. 196 и 1 ч. 203 ст. Ул. о нак.

Обвинение этих главных вожаков хлыстовщины имеет весьма важное значение в том отношении, что местные крестьяне, начавшие уже считать секту хлыстов ненаказуемою по закону, вследствие нескольких процессов о хлыстах, кончавшихся оправданием, теперь воочию увидали, что не только наше духовенство и миссионеры, но и закон, и правительство считает секту хлыстов весьма вредною сектою и что сектантские деяния не остаются безнаказанными.

Судебные процессы по делам хлыстовской секты вообще не часты, но зато они исследуются судом основательно, и в последние годы чаще всего оканчиваются обвинением подсудимых хлыстов. Под напором фактической очевидности мерзостей этой секты, известное кассационное решение сената по делу Тарусских хлыстов, ныне совсем потеряло под собой почву и силу. Не так благополучно дело обстоит с судебными

процессами по делам штунды. Множество этих процессов вчиняется полицией в силу закона 1894 г. о молитвенных собраниях штунды, но в последние два-три года штундисты систематически оправдываются. Знаменательно, что в последнее время сектантов стали защищать не одни их адвокаты, а и сами прокуроры, вероятно с легкой руки недавно скончавшегося товарища прокурора сената г. Бобрищева-Пушкина, известного защитника сектантства. Так, недавно в одесском уездном съезде рассмотрено дело по обвинению 14 человек в принадлежности к секте штундистов. Обстоятельства дела, по словам одесских газет, таковы: однажды волостной старшина Раснопольской волости, Одесского уезда, Бондаренко, составил протокол о том, что в доме крестьянина села Коммисаровки Герасима Соболева собралось много штундистов, которые со своими женами распевали разного рода псалмы. Были приглашены три полицейских десятника. Они застали собрание штундистов, в числе 14 человек. Сектанты молились по штундистскому обряду и пели непонятные песни. Все штундисты – жители сел. Коммисаровки. Во время богомоления один из штундистов, Фома Залесский, читал какую-то проповедь. Штундисты на первоначальном дознании отрицали свою принадлежность к этой секте, а объяснили собрание в доме Соболева тем, что прощались с Ф. Залесским, выезжавшим в Оренбург. Дело перешло к земскому начальнику 4 участка Одесского уезда. Некоторые обвиняемые повторили своё первоначальное объяснение, а другие, (например штундисты Соболевский и Верич, за себя и за других), объяснили, что они – баптисты, прежде были православными, а оставили православие в возрасте от 5 до 30 лет. От объяснения с экспертами по отношению их вероучения обвиняемые отказались. Вызванные в качестве экспертов священники из местечки Раснополя и села Коммисаровки с полным убеждением признали всех обвиняемых штундистами. Земский начальник, принимая во внимание, что обвиняемые штундисты упорно не желают подчиниться распоряжению министра внутренних дел о запрещении им отбывать общественные богослужения, приговорил штундистов: крестьян С. Чебана, Л.

Давиденко, Е. Глущенко, А. Холявченко, А. Поткову, У. Чебаненко, Д. Глащенко, С. Залесского и К. Кормича к денежному взысканию по 30 руб. каждого с заменю арестом на 1 месяц каждого, а Г. Соболева и др. в числе 5 чел. постановил считать оправданными.

В своей апелляционной жалобе, поданной в одесский уездный съезд, обвиняемые между прочим указывали на то, что Сенат неоднократно, разъяснял, что при признании кого-либо принадлежащим к секте штундистов суд обязан указать фактические данные, а не основываться на голословных (?) показаниях свидетелей и не правильной экспертизе (?), далее апелляторы ссылались на разновременные разъяснения сената и на Высочайший манифест от 26 февраля этого года. В одесском уездном съезде защитник обвиняемых заявил, что никакого богомоления не было, а было прощание с товарищем. Товарищ прокурора высказался за полное оправдание подсудимых. Конечно всех оправдали. А ведь по всем признакам, изложенным в известном циркуляре Министра Юстиции, здесь имело место настоящее собрание.

Почему прокурор выступил апологетом штунды?

* * *

Судебные инстанции ввели в судебные процессы по делам штунды небывалое ранее и едва-ли допустимое и с юридической и с церковно-государственной точки зрения новшество. Суды допускают и даже вызывают немцев-пресвитеров, в качестве экспертов на ряду с представителями Церкви православной. Немцы, защищая штунду, буквально режутся с миссионерами при экспертизе, адвокаты потешаются, а штунда торжествует. Выходит не отправление правосудия, а какой-то спорт. Неужели и здесь мы без немцев не можем разобраться! В результате из закона 1894 г. сенатские решения и немецкие экспертизы сделали одну фикцию. Подобные процессы только соблазняют православных на радость штунды. Дух штунды везде приподнялся, пропаганда растет, причем сектантов обуревают тревожное, угрожающее настроение. Вот что напр., пишет нам наш киевский корреспондент:

В настоящую минуту мы переживаем в Киеве крайне тревожное время. Все рабочие с 20 июля оставили работу и устроили забастовку по образцу и примеру одесских. 22-го июля на Соломенке рабочие начали бросать в войска камни, так что последние принуждены были стрелять.

Что касается до сектантов, то под влиянием подобного рода смут сектантское движение растет, штундисты тайно способствуют и поджигают его. В минувшую весну в Васильковском, Каневском, Киевском уездах была разбросана масса прокламаций, а в знаменитой Ольшанице, целые кипы их с противоправославным, кощунственным содержанием были неоднократно разбрасываемы даже на паперти церковной. Вести беседы с сектантами становится всё труднее и даже не всегда и безопасно. На третьей неделе великого поста, вследствие открытой и усиленной пропаганды штундизма в с. К. В. у., епархиальный миссионер г. Белогорский открыл там ряд бесед: о храме, иконах, кресте и т. д. Эти беседы сильно не нравились сектантам, так как являлись лучом света для православного населения, освещающим все эти догматы совершенно с другой, нежелательной для штундистов стороны и тормозили дело увеличения «братии». Тогда главари задумали удалить миссионера из села и каким-либо способом прервать беседы. За отсутствием церковно-приходской школы беседы велись в чайной. Во время одной беседы, затянувшейся до 11 часов ночи, в момент, когда слушатели сильно увлеклись предметом беседы, вдруг загорелась крыша чайной с чердака и миссионер со священником и прочим народом едва спаслись из горящего дома. В конце ноября прошлого 1902 г. в с. Н. Р. у. на собрание штундистов однажды явились миссионер с местным священником с. Б-го для беседы с сектантами. На собрании они застали массу народа... Открыв библию миссионер обстоятельно стал говорить о необходимости и святости православных храмов. Беседа вышла весьма кстати и производила сильное впечатление на некоторых из «братии». Тогда заправила вдруг затушили огонь и собеседники очутились в темноте. Было 10 часов ночи в собрании были одни только сектанты и миссионер со священником. К несчастью миссионер

никого не знал из присутствующих, а священник тоже прибыл только в сентябре... Но миссионер не потерялся, он моментально зажег спичку, а потом и лампу, осветил разъяренные лица сектантских главарей и пристыдил... Слышно, что у евангельских христиан было недоброе намерение.

Можно бы и еще многое сказать о недобром, угрожающем характере киевской штунды, но и эти факты довольно знаменательны, чтобы характеризовать киевских сектантов несколько иначе, чем о них пишет и читает рефераты некая г-жа Ясевич-Бородаевская.

М.

Отклики

Михаил, иером. Пятое (последнее) заседание религиозно-философских собраний по вопросу о браке. Диалоги. О браке «Ипполит» Эврипида-Мережковского и девство. «Месса» (Сев. Цветы 1903 г.). Заключение // Миссионерское обозрение 1903 г. № 13. С. 398–416

Данная статья не протокол заседания. Всё заседание вымышлено. Участники заседания, кроме двух, действительные лица, но мысли их передаются свободно. Притом более $\frac{3}{4}$ того, что здесь есть, было высказано не в религиозно-философских собраниях, а в печати, частных беседах или представляет попытку угадать чужие мысли.⁸⁵ Слова М-го передаются почти везде буквально.

М-ий. Пятый раз мы собираемся здесь по одному вопросу и решения еще нет. Мне кажется это происходит по недоразумению: противники часто борются с мельницами, еще чаще ломаются в отворенные двери. «По правде сказать, странный ведется здесь спор. Вернее здесь и не один спор. Здесь несколько споров, два явных и один скрытый, невысказанный, но тем более жгучий и содержательный. Два явных спора ведутся: первый – между о. Михаилом и Львом Толстым, второй – между о. Михаилом же и Розановым, а между кем идет третий спор увидим далее.

Итак, с одной стороны представитель Церкви, монах, а с другой – восторженнейший во всемирной литературе апологет семьи и деторождения, художник, увенчавший эпопею великой войны изображением детских пеленок, создавший апофеоз материнства в картине родов Китти, словом, о. Михаил и Л. Толстой спорят о семье. «Семья, – говорит художник, – это скверна и жестокость, деторождение – залог нашего несовершенства, единственная же прекрасная и согласная с заветом Христа жизнь, это – целомудрие и девство». «Нет, – отвечает монах, – о девстве я говорить не намерен, но семейный союз свят и чист до дна». Художник вздыхает по

святости девства, монах заступается за плотской момент в браке.

Это один спор. Другой, столь же необычный, ведется между о. Михаилом и Розановым. «Семья, – говорит Розанов, – единственное благо, деторождение – единственная святыня, девство – извращение природы, смертельный яд, который церковь тайком опустила в напиток жизни». «Да, – отвечает о. Михаил – я во всём согласен с Розановым».

П. С-в – представляющий в собраниях интересы о. М-ла. Позвольте мне одно маленькое замечание. Я прерываю речь г. М-ого, но полагаю это позволительно: после будет менее удобно возвращаться к этой мелочи. Г. М-кий слишком много сказал за о. М-ла и от его имени. О. М-ла нет в собрании и я позволяю себе говорить за него. Последние слова г. М-ого и, так сказать, «неудобны» для докладчика и несправедливы, если он согласен с г. Розановым во всём – то о чём же спор?... – Мог ли о. М. сказать будто деторождение «единственная» святыня, что девство извращение природы, когда он заявил буквально следующее: о девстве я теперь не говорю хотя и думаю, что как нравственное «дарование» оно выше брака?...

М-ий. Виноват. Согласен, что я не ясно передал слова о. М-ла. Я хотел сказать только, что в вопросе, о котором идет дело, он занимает центр между Толстым и Розановым – находит правду и там, и здесь и отрицает только их *отрицания*, – то в чём их не правда. Мне кажется действительный спор ведется не между Церковью и Толстым и не между Церковью и Розановым, а единственно между Толстым с одной стороны и Розановым – с другой, между идеалом девства и идеалом любовничества, между двумя путями добра, между двумя полюсами нравственности? Если же оба спорщика нападают на Церковь, то это происходит от того, что одна только Церковь (мистически) хранит в себе синтез обоих идеалов, всю полноту нравственной красоты, и вот за эту полноту и целостность на неё с двух сторон ополчаются представители двух односторонних идеалов. «Ты хочешь освещать не святое» – говорит Церкви Толстой. «Ты не хочешь освящать святое», – говорит Ей Розанов. «Ты идешь против слова Божия, повелевшего

множиться и плодиться», – говорят Розанов. «Запрети всякий брак», – взывает Толстой. «Разреши всякий брак», взывает Розанов.

Сами спорщики друг друга не видят и наносят удары, как бы в темноте. В особенности ослеплён Розанов, полагающий, что сражается с Церковью в то время, как он поражает в сердце самую прекрасную мечту современности.

Вы помните слова Розанова, что Церковь подставила вместо брака венчание и, устами благословляя семейную любовь и чадородие, сердцем призывает плотское житие, считает его гнусной рогожей, и что в то время, когда священник прикладывает к рогоже пломбу венчания, на ней топчутся ногами гг. монашествующие. И потому то, замечает Розанов, в обряде венчания не говорится о цветах, звездах, объятиях. Правда ли это? – нет клевета, – трижды клевета, хотя клевета по недоразумению. Кто в действительности считает плотское житие не гнусной рогожей, а цветочным ковром? Конечно, поэты, воспеватели любовничества – вся новая литература – и никогда Церковь, полная глубокой радости о тайне любви и брака. Ослепленный культами семьи и любовничества, Розанов не видит, в ослеплении не может видеть, что другой, предлагаемый церковью путь добра, идеал девства и целомудрия вовсе не отрицает брака, а только параллелен ему. Узрев на груди Церкви мистическую розу целомудрия, Розанов не хочет по своей односторонности верить в искреннее отношение Церкви к браку. Не может Церковь сердцем благословить брак, поклоняясь идеалу безбрачия, думает Розанов. По мнению Розанова, Церковь только терпит брак и этим как бы невольно превращает весь мир в дом терпимости, – вот сущность его обвинения.

Ему кажется, что брачащаяся пара входит в христианский храм, как страшно чуждые и даже враждебные гости, и что между мрачными ликами изможденных старцев на иконах и веселыми лицами новобрачных существует лишь «несовместность категорий», «расхождение категорий». Это ошибка, целый ряд ошибок, если бы В. В. Розанов был менее пристрастен, то он увидел бы, что столь дорогое ему и всем нам

романтическое любовничество со звездами, цветами и вздохами составляет дар христианский, а не библейской мистики. Все наши же любовные воздыхания, обращенные не только к прелестям, но и мистической, вечно женственной или, вернее вечно девственной прелести любимого существа, подслушаны в христианских храмах, в молитвах отшельников, в культе Богоматери. Вот этим своим культом, как и всем своим мистическим строем, а не венчальными молитвами, Церковь преобразует плотский союз, уподобляя его союзу Христа с Церковью.

Розанову кажется, что разлад между храмом и браком проходит незамеченным только вследствие рассеянности новобрачных. Но представим себе внимательных жениха и невесту, глядящих кругом на стены храма и на лики святых. Что они испытывают? Это зависит от качества, от строя их любви. Если любовь их настроена только на восторгах «похотения», почувствуют себя в чужом и враждебном месте. Если же они любят, как любили Данте, или возьмем пример более близкий к нам, как Пушкин любил свою невесту, когда писал ей:

Исполнилось моё желание: Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна
Чистейшей прелести, чистейший образ, –

то они, увидев на иконах образ Мадонны и святых – вся жизнь, которых была ей молитвой – почувствуют себя в самом родном и дорогом месте». (Альманах Северные Цветы 1903 г. О двух путях добра).

П. С-в. Снова говорю за о. Михаила: у меня есть от него даже некоторые полномочия. Замечаю, что речь по вкусу обоим лагерям. Это слегка подозрительно. Timeo Danaos. По правде сказать нам не легко понять язык М-ого и я затрудняюсь понять его вполне. «Роза целомудрия – на груди церкви». Странно. О. М-л не понимает, каким фальшивым режущим звуком отзывается эта фраза в католическо-сентиментальном вкусе в ушах православного, но это пустяки, конечно. Странен нам, конечно, и термин «любовничество» для характеристики влечения двух полов. Любовь Данте к Беатриче? Мы не знаем, что это такое за любовь? Может быть, если бы мы ближе были

знакомы с её психологией, то и не приняли бы её. Но, конечно, мы должны быть очень благодарны М-му за его характеристику отношения церкви к Толстому и «Розанистам». Да христианство синтез брачной целомудренной любви – и целомудренного безбрачия. Оно не отвергает «брачной» любви без примеси того противоестественного любовничества, против которого борются, которого бегут и Толстой, и Достоевский, и вся новая литература. И я благодарен г. М-му, но повторяю не всё принимаю от него. Суть, именно в том, что любовь, которую требует Церковь, *качественно отлична от извращенной любви человека* нашего века. По-видимому, для нас даже непонятна сущность возможных святых отношений между мужчиной и женщиной – сущность подлинной любви. Да, Церковь допускает возможность целомудренной брачной любви, хоть эта любовь остается половой, т. е. деторождающей. Но любовничество ли любовь Данте? – Нет, едва-ли это совсем то, что нужно, едва ли в этой любви мы найдем те самые «святые оттенки», какие были в любви хотя бы первохристиан-супругов.

С. А. А-в. В том то и дело, что любовь, о какой говорит о. М-ил, нам, людям живым, совсем непонятна не только в оттенках, но и в самом центральном, так сказать. Это, что-то и не существующее и невозможное. Много во взглядах о. М-ла смущает нас, людей живущих в мире, (а не в области четвертого измерения) и эти недоумения не рассеял г. М-кий.

О. М-л налагает на нас бремена тяжкие и неудобноносимые, – паче нежели человеку «возмощи понести»...

Если Толстой решился сказать, что в среде интеллигенции в большинстве случаев брак – только сожительство, то точка зрения о. М-ла, мне кажется, дает основание утверждать, что совсем нет *христианского брака*, – да и не может быть. С глубоким пониманием дела он ставит свой заключительный вопрос («Мисс. Обзор». Ноябрь, 1902 г.), и нет на него ответа. Нет человека, который бы жил, не греша, трогательно говорит Церковь, прощаясь с тем, кого смерть ставит пред лицом Божиим; это робкое извинение «слабеньких, гаденьких, развратников», как оно глубоко человечно!

Ты погрешил против жены своей «пожеланием» её – и нет твоего брака! «потому что в ту самую минуту, когда подумал я о своём отречении, говорит Смердяков, – я уже стал анафема и нет мне нужды отдавать своё тело на мучения». Ты нарушаешь его каждую минуту, потому что бессознательные влечения тела твоего можешь ли считать христианскими?

Тяжко сие...

А о. М-л представляет брак подвигом, без всякого сравнения превосходящим по трудности девство, потому что его можно заключать лишь тогда, когда почувствуешь полную способность, без пожелания жить с человеком иного пола; по его взгляду брака нет там, куда прокралось пожелание; поэтому нельзя сказать, что трудность брака с точки зрения заключается в борьбе с постоянным искушением, идущим от человека, которого любишь с душою и телом, – а разграничить это чрезвычайно трудно. По его мыслям – сначала девство, а потом брак, не наоборот.

Он говорит, что сознание должно проникнуть жизнь тела до полного устранения из него чувственного желания. Не так-ли?... Но не в праве ли кто-нибудь спросить: «да были ли когда-нибудь такие браки? Были ли христиане и Церковь?»

П. С-ов. Эти возражения я понимаю и чувствую их законность и силу. Мне даже кажутся, что эти слова самое умное, что было здесь сказано. По счастливой случайности, я могу на возражения С. А-ича ответить буквально словами отсутствующего докладчика. Убедительно или нет, вопрос другой.

У меня есть его письмо, отвечающее именно на такие возражения. Читаю... «Действительно, я повинен в том, что, по конспективности доклада, недостаточно ясно оттенил некоторые мысли, вследствие чего меня не совсем поняли...

Выходит, будто я принимаю какое-то чуть-ли не бесполое и бесплотное зачатие рождения без пожелания.

Нет, христианство, думается мне. желает рождения только без «вожделения», без тех «противоприродных» придатков желания, какие создал человек вековой культурой пожелания.

Жена Позднышева, в «Крейцеровой сонате», и до брака развращенная мыслью и духом, через неделю после брака – плачет.

Когда муж желал успокоить её любовной игрой, она разрыдалась еще сильнее. О чём? О том, что муж её не понял тайны брава, видит в браке – «игры Вакха и Киприды, средство наслаждения... Её, не смотря на то, что и она пришла к браку не вполне христианкой, мучает, оскорбляет это поругание брака – «вожделением для вожделения». Но неужели нельзя уничтожить хоть это отношение к тайне созидания семьи, как к играм Киприды и Вакха... Китти не плачет... брак их радость, – очевидно есть разница между двумя браками. Вронский, целуя Анну Каренину, испытывает то страстное чувство, остро-жестокое, «звериное», какое «наверное должен испытывать убийца к трупу убитого им человека»... Здесь что-то нечеловеческое, дочеловеческое. Благодаря векам напряженного «культа желания», половой инстинкт, который должен служить деторождению, обособился от своего назначения... более того, переродился в что то враждебное его назначению. Анна не хочет детей... В острых психопатических формах желание даже и по существу бесплодно.

Что же, разве не нужно желать, чтобы из брака были изъяты эти элементы полового перерождения? А если это необходимо, то не будет-ли *неверием в истину Церкви* сказать, что она не может освободить человека от проклятого наследства, векового греха – «отцов и дедов». Я не говорю, чтобы к браку, к алтарю приносили уже побежденное желание – приходили с бесстрастным, святым телом. Это освобождение, утверждаю я, невозможно без Церкви, – а если возможно, то не нужна бы была и помощь Церкви. Если приходят чистые, голубые, победившие себя, то что с ними делать таинству, молитве церковной? Таинство подкрепляет силы, приходящих к нему беспомощных и слабых, тех, которые хотят *брака для семьи*. Желают брак, а *не сожития*, но чувствуют, что не в силах понести чистого брака. Помощи, именно помощи... молится Левин.

Есть-ли такие, которые до брака видят в женщине, всё своё будущее – не наслаждение, не «аромат освещающий обстановку жизни» (Шнитцлер), а сущность этой жизни, творца будущей семьи, полного не одностороннего христианского счастья?... Есть. – Могут ли они создать брак? – Нет, желание – не есть еще сила. А сила в Церкви.

И опять-таки автор не хочет понимать благодать таинства брака так, будто бы она раз на всегда с корнями уничтожает похоти, – актом какого-то механического отсечения... Совсем нет, рядом с противоестественным (но – ставшим почти естественным) греховно-страстным стремлением «к телу», Церковь своей молитвой создает «встречное течение» – настроение стремления к человеку, нравственное желание святой семьи и святого ребенка... И в душе, подготовленной к браку, жаждущей его святости, второе течение победит, первое – *может победить*.

Левин из храма, кажется, вышел достойным брака – он *может быть отцом*. Однако это настроение брачной святости, конечно, может меркнуть. В «этюде о священстве» мы писали, что, по воззрению св. Макария, благодать, ярко осветив души в момент тайнодействия, потом тускнеет, так сказать, скрывается в глубинах духа. Её нужно выявлять подвигом жизни, постоянной борьбой с греховными течениями (при помощи той же благодати) – поддерживать её огонь..

Да, как явилось – «вожделение к жене», то есть, нечистое желание, ненужное для целей брака, – *ради наслаждения* (ведь желают, вожделеют к женщине кормящей, к женщине, которая скоро хочет быть матерью и т. д.), – брака нет.

Но это не значит, что муж или жена уже «анафемы прокляты, говоря словами Смердякова». Затем – брак здесь временно приостановлен, но не расторгнут

Благодать не погасла Её можно снова вызвать к жизни... И Церковь, предусматривая возможность брачных падений, в самом чине литургии Василия Великого молится именно о том, чтобы благодать брака – не угасала в семье совсем...

Поэтому сущность брачного подвига именно в борьбе, в том, чтобы помогать благодати, чуть-чуть пленившей душу,

постепенно увеличивать в душе её область, её царство, пока вся душа жены и мужа не станет областью света...

И тогда брак не превратится в девство, не погаснет в нём радость единения, а только вся жизнь осветится светом Христовым.

Лиза Калитина, освещающая свою любовь светом Лица Христова, в браке будет желать детей, но греха нет и не будет в этом пожелании»...

Вот письмо. Не правда-ли его трудно обвинить в неясности.

Да всё прочитанное приемлемо, допустимо понятно. Только к сожалению совсем неправда, будто Церковь и осуждает только игры Вакха и Киприды. Нет. И после речи г. М-кого, повторю вместе с В.В. Р-овым, что, возвысив до неба девство, Церковь тем самым унизила брак до дома... Не может быть двух идеалов. Если одно золото, то другое олово (или «серебро», но ведь тут уже разница не велика). Да г. М-кий не искажил моих мыслей! Утверждаю и буду утверждать, что допуская, т. е. только терпя брак, Церковь обращает мир в дома... Если сказано стремитесь к девству, то ясно, что значит брак нечистота, грязь или степень не совершенства, а отсюда из этого взгляда и родилось $\frac{3}{4}$ общественного зла, начиная с продажей тела и кончая детоубийствами. Там, где любовь считается «почти» развратом, должен родиться и *всякий* разврат.

М-в. Вы недобросовестны, каким образом проповедь целомудрия ведет к продаже тела. Почему проповедь девства есть уничижение брака. Почему вы не хотите допустить, что брак и девство именно два «дарования», как хочет думать и о. М-л «Дары мнози, а дух один». Есть люди обыкновенные, у которых растительные процессы подавляют духовные. Им брак нужен. Их совершенство в браке. И такие, если идут в монахи, то это ошибка. Церковь таких не приглашает в монастыри. Но есть люди от природы духовные, от природы чина ангельского: для них аскетизм не мучение, а радость, для них безбрачие так же естественно, как для ребенка или глубокого старика. Как для Алексея, Божия человека, брак для них был бы страданием. Вот таким место в монастыре. Такие бегут в отшельничество для

блаженной жизни, для отдыха, для душевного комфорта, бегут, чтобы спасти свою душу от изнурительного шума мирского, от суеты и неволи. Жизнь этих людей – в сладостном созерцании, в мечтах, в молитвах, в тихом, полном жалости, прикосновении к миру, которому они чужды. Если большинство монахов не таковы, это значит только, что они ошиблись в признании». («Новое Время» 1903 г., 19 Янв.).

М-ий. Да, вот это то, что, как я думаю хотел сказать и докладчик. Это правда. Только все-таки мне кажется и здесь необходима одна оговорка. Я думаю, Церковь исторически *все-таки* только на половину осуществила синтез брака и безбрачия. Здесь идеал осуществлен, правда, не индивидуально, а общественно. Но это не значит, что здесь сделано всё, что возможно и должно. В исторической Церкви я вижу единственно воплощенный до сих пор синтез обоих идеалов, но не единственно-возможный. Я верю, что в Церкви мистической в словах Христа, а равно во внутреннем откровении разума таится не одна возможность более полного и более внутреннего слияния двух идеалов, даже в жизни одного и того же индивидуума.

Наша брачная жизнь представляет собою не синтез, а компромисс обоих идеалов, посильный для среднего человека и наилучшим образом обеспечивающий интересы бесправной женщины и беззащитных детей. Замена мещанского компромисса семьи просветленным синтезом обоих идеалов – вот заветнейшая мечта современного мистицизма, зиждущегося на культе не общественного, а личного совершенства. Сие и буди, буди...

М-вский. Да. Да, да здесь тайна будущего. Вот где настоящая правда. Девство г. М-ва слишком буржуазно, слишком слащаво. Возможно больше. Возможен и желателен синтез девства и страсти в одном и том индивидууме, как и хочется г. М-му. И синтез этот *будет*. Девство целомудренное, это «сила из сил» только, конечно, это не аскетическое целомудрие восточного подвижника. Не оно.

Должно быть новое целомудрие «просвещенных»: оно не «будет», только оно уже есть. Эти светлые девственники

будущего уже народились. Минский надеется, что такое объединение двух идеалов, есть будущее Церкви мистической. Я не только присоединяюсь к его надеждам, но и утверждаю, что эти надежды уже «факт» пророческой литературы прошлого и настоящего. Попытки дать подлинный синтез брака и девства были в греческой, есть и в нашей литературе. Тайна синтеза найдена, или почти найдена.

Возьмите «Ипполита» в драме Еврипида того же названия. Разве Ипполит не есть предвозвещение «нового девства», а после этого предтечи были и другие девственники сильнее его, у которых Ипполит недостоин развязать ремня у обуви.

Ипполит, сын Тезея, по его взгляду, христианин до Христа, проповедник истинной девственности и истинного христианского подвижничества.

Ипполит ученик Орфея. А мы знаем, что первые христиане в римских катакомбах изображали, под видом Орфея, Христа. Ипполит отрекается от мирских сует, от власти; живет вдали от шума и толпы, в кругу «немногих избранных друзей», почти отшельником, в тишине, в уединении, преданный чтению, молитве, труду и созерцанию. Сам Еврипид устами хора и Артемиды называет его не только «героем», «мужем великим», но и «святым»:

И на главу святую

Обрушил бог проклятие своё.

Святой, отшельник, постник, девственник, жених небесной Девы, и наконец мученик целомудрия, разве это не почти совершенный образ христианина до христианства?

Мы, люди новых веков, поняли одну лишь сторону язычества. Торжество дневных солнечных богов Афродиты, Аполлона заслонило от нас священные таинства ночных, подземных, родственных древним титанам, Артемиды. «Самая сущность плотской любви кажется ему нечистою, позорною и оскверняющею:

Я сердцем чисть и целомудрен: чтить

Таких богов могу лишь издалека.

У Ипполита, по выражению Достоевского об Алеше Карамазове, «исступленная стыдливость»:

Я сохранил доныне чистым тело
От женских ласк и только иногда
Слышал о них и видел на картинах,
Но не любил ни слушать, ни смотреть,
Имея душу девственную.

Презирая ласки жен и дев земных, он отверг любовь
Фебры, он любил неземную деву, Артемиду. Он её
таинственный любовник и жрец, вечный жених этой «невесты
нелегальной». Его любовь – его молитва:

О, если бы у ног твоих, любя,
Окончить мог я жизнь мою, –

говорит он в самом начале трагедии, и в конце её, в
кровавой развязке, – его желание исполняется: Ипполит
действительно умирает у ног Артемиды, и она, склонясь над
ним, принимает его последний вздох, последний взор, с
бесконечной нежностью.

Ты – здесь! Тебя почувствовал я в муках.

О веяние благоуханных уст!...

Мне легче... Здесь, со мной – моя богиня!

Они соединяются, девственный любовник с девственной
возлюбленной, в браке безбрачном, в смерти».

Конечно, Тезей согрешил, не приняв любви мачехи, но за то
он дал христианский образец девства.

В чём состояло девство Ипполита? Для человека
внимательного ясно, что его девство тоже что девство «бедного
рыцаря Пушкина», пишущего А. М. Д. на своем щите, тоже что
девство «Идиота» у Достоевского, это девство – и религиозный
экстаз и бурная телесная страсть – желание. Ипполит, Бедный
Рыцарь, князь Мышкин («Идиот») девственность соединяют со
сладострастием богов. Им самим казалось, что они любят
только духом, «чистым духом», отвлеченным созерцанием; но в
действительности *они любят и духом, и кровью – до крови*: не
даром-же кровью своею начертал Рыцарь имя таинственной
возлюбленной: все-таки кровью хотел запечатлеть свой
духовный союз с нею.

Насекомым – сладострастие

Ангел Богу предстоит.

Но ведь вот и в ангеле – насекомое; насекомое, преображенное в ангела; невинное, святое, вспыхнувшее небесным огнем сладострастие, но всё еще сладострастие, может быть, даже теперь более сладострастие, чем когда-либо: недостижимый только для плотской похоти, духовный предел сладострастия, самая страшная молния той «бури», о которой говорит Дмитрий Карамазов, самое оргийное в аскетическом. «Девство» религиозный порыв в небо, в Сион небесный *соединяемое с недостижимым идеалом сладострастия*» вот святое девство. Любовь бесплотная – значит девственная – и скрытое вдохновение, безумно-великой половой жизни. Любовь к А. М. Д. ведь это значит любовь к Богоматери!? (Alta mates Dei).

П. С. Мне не позволили говорить после каждого из предыдущих ораторов в отдельности. Теперь мне не хочется возвращаться вспять и опровергать в сотый раз несправедливость обвинения Р-ова против Церкви в том, будто она враждебна браку, ненавидит его – благословляет не искренно. Пора поговорить и о девстве. О браке кажется сказано уже всё, а кто прав пусть разберутся сами слушатели со стороны.

В вопросе о девстве, как видит светское собрание, разделилось на три группы. С одной стороны Р-ов, называющий девство самоубийственным поруганием пола – с другой М-кий, который так превозносит принцип девства. В середине между ними занял позицию М-ов, который, по-видимому, принял мысль о. М-ла, что девство и брак это поэзия и проза, что девство особый род дарования. Конечно это среднее из трех светских мнений нужно признать более всего близким к церковному, хотя и слова о. М-ла следует считать обмолвкой. Девство не только дарование – это подвиг обязательный и для тех, для которых брак лучший путь, но которые еще не приобрели необходимый для брака чистоты настроения и с другой стороны подвиг необходимый для тех, кому брак не необходим по их духовному складу и, которые через девство становятся более годными для дела Божия, для службы Богу. Не смотря на такую поправку – все же мысль М-ова нельзя отрицать вполне. А из остальных

двух мнений, которое ближе к истине? Полагаю решить, на чьей стороне будут «люди церковные» – не трудно. Не смотря на то, что Р-ов так резко высказался *против* девства, а М-вский так ярко и решительно за девство – мы, считая девство высшим нравственным дарованием – все-таки скажем: и все-таки если из двух зол нужно выбрать – то выбираем меньшее, т. е. предпочитаем взгляд противника девства. Почему это, сейчас объясним. Р-ов, при всей его враждебности к принципу девства, всё же способен понять по крайней мере некоторые его формы и не может отрицать его святости в «этих некоторых» формах. Мы видели, как защищает девство М-ов, но в сущности его взгляд есть и взгляд Р-ова. Для Р-ова понятно напр. «девство» доктора Гааза и подобных ему людей, у которых вся нравственная энергия направлена на подвиг любви к ближнему; пол у этих людей молчит, ему нет места, потому что человек весь в подвиге, в любви к человеку. И такое молчание по Р-ову понятно и свято. Но разве это девство не однородно с тем девственным молчанием пола, которое достигается погружением мыслей, желаний, чувствований в Бога, в деле. Правда мы не можем не чувствовать некоторой фальши в словах «молчание пола», правда и то, что такое, так сказать, природное девство, не есть еще настоящее девство, создаваемое борьбой, усилием, но хорошо уже и то, что Р-ов не отрицает девство безусловно; хотя случай, мимоходом в виде обмолвки, но признает возможность девства без человеконенавистничества, без ненависти к принципу семьи, наоборот именно по глубокому благоговению к тайне брака; без всякого намека на самоубийственное самоумерщвление – из за манихейского презрения к плоти.

Защита девства у М-ского, наоборот есть прямое кощунство над идеей девства. Как мы определили уже христианское девство – есть подвиг борьбы с нечистой страстью. На низшей ступени девства христианин, не свободный от «вожделения» «похоти», греховного желания, хочет сломить его, направляя мысль к Богу и подавляя подвигом, аскетическим деланием плоть, не тело, а, как мы уже говорили, наносные, созданные грехом, движения плоти.

Но высшее «девство и есть победа над похотью (или от природы данный дар отрешения от неё в мысли о Боге) – и успокоение в Боге и деле Его.

Но есть скопцы, «иже оскопиша себя» не духом, а только формально... Это наши «скопцы» – секта, восставшая против тела, как тела, уничтожающая не грех, а только видимые обычные проявления греха, – причем мысль и воля остаются не менее грязными, чем были прежде, даже *более нечистыми*.

Такого рода «скопческая девственность» возможна и без физического уродования себя. Это психопатическое состояние, когда человек задерживает в себе страстные движения, не выявляя их, наслаждаясь переживанием самого желания, огнем в крови.

Здесь девство – не борьба, а «углубление», развитие греха. Это род – умственного разврата, ни более ни менее, и Церковь осуждает такое девство не менее «блудного греха». А таково и есть девство Ипполита М-ого.

М-кий сам указывал нам на св. Терезу и Пушкинского рыцаря, пишущего на своем щите А. М. Д. и живущего в мечтах любовью к небесной деве, как на христиан воспитанных идеей высокого девства. Но девство св. Терезы нам ведомо.

Да, св. Тереза может показаться и христианкой, но людям, воспитанным не в здоровом, а хлыстовском христианстве.

Вот видения св. Терезы (конечно не православной святой), о которых рассказывает она сама.

«Однажды, в то время, как я молилась, – рассказывает святая, Он удостоил показать мне свои руки, красота которых была так поразительна, что я не нахожу слов, чтобы описать её».

«Потом Он стал являться весь. В течение двух с половиной лет Спасителю угодно было являться мне в таком виде почти ежедневно... В то время, как Он говорил ко мне, я рассматривала Его величественную красоту, и слова, произносимые Его прекрасными, божественными устами, дышали бесконечной сладостью. В эти блаженные моменты мною овладевало страстное желание наблюдать цвет и величину Его глаз, чтобы суметь говорить об них, но я не

удостоилась того; все мои усилия вели лишь к тому, что видение совершенно исчезло».

«Находясь однажды в состоянии экстаза, я увидела по левую сторону от себя ангела в телесной форме.

Он не был высок ростом, а мал, и при этом очень красив. По пылающему небесным чувством лицу я узнала в нём одного из тех возвышенных духов, которые состоят лишь из пламени и любви. Это был, вероятно, один из тех ангелов, которых называют херувимами. *В руке он держал золотую стрелу, оканчивавшуюся горящим угольком. Стрела эта как-бы пронизывала всё моё сердце, и я чувствовала, как я вся пылаю великою любовью к Богу».*

«Страдание, которое мне причиняли эти раны, было очень сильно, но при всём том эти невыразимые мучения исполнены были для меня такой сладости, что душа моя никогда-бы не пожелала освободиться от них или искать счастья вне Бога. Это не физическое страдание, а духовное, хотя тело и принимает при этом выдающееся участие. Между душою и Богом происходит тогда *такой сладкий обмен блаженства*, которого я решительно не могу описать.

Я молю Бога, чтобы он даровал хоть один раз это наслаждение тем, которые откажутся верить моим словам. В те дни, когда это со мною случилось, я ходила, как очарованная и вне себя от восторга; я ничего не хотела видеть, ничего не хотела говорить, а вся уходила в своё сладкое страдание, довольная, как только можно быть довольным на этом свете»...

Девство-ли, святость-ли, христианство-ли это? – нет, только половая психопатия. Православие осуждает, как «ложь» и падение, такие состояния. Они ведомы, очень ведомы православному подвижничеству, но, хорошо понимая внутренние, *более чем грязные*, источники таких состояний, они осуждали их, как «прелесть», блуд.

«Безмолвствуя и желая один быть с единым Богом, – пишут свв. Калликст и Игнатий, – никогда не принимай, если увидишь *что-либо чувственное или мысленное, внутрь тебя или вне, – лик Христа, или Ангела или образ Святого, или световое изображение, мечтаемое умом; но не верь сему с*

негодованием, хотя бы то и доброе что было, прежде, чем согласишься кому-либо из опытных: что есть дело самое полезное и Богу любезное, и благоприятное. Храни же ум свой всегда свободным от фанатизма, чистым, безобразным, безвидным, бесформенным, внимающим одним словам молитвы, в них поучающимся и об них размышляющим в сердечном внутреннем движении (Добротолуб. т. I, стр. 419).

Бывает, что в особом, кажущемся сладким, чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания) *сатана влагает в душу своё утешение*. Он обвеивает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покусается похитить чувство внушением чего-то приятного. – Но это ложь, не принимайте этого утешения» (Добр. т. V, стр. 421).

«Что сделать, спрашивает другой подвижник, когда бес преобразуется в Ангела света и прельщает человека?

Ответ: Для этого человек имеет нужду в большой рассудительности, чтоб добре распознавать различие добра и зла. Итак, не увлекайся скоро по легкомыслию тем, что представляется, но будь тяжел (нескородвижен) и с большим испытанием доброе принимай, а худое отвергай».

Всегда должен ты испытывать и рассматривать, а потом верить. Ведай, разъясняет подвижник, что действия благодати явны, и зло дьявола хотя преобразуется в добро ангел света подавить их не может, а потому где надменность и нечто не чистое, там не Бог (Здесь цитат не буквальный. Добр. V, 245–246).

По таким действиям можешь распознать от Бога ли воссиявший в душе твоей свет или от сатаны. «*Фридакс* видом похож на горчицу, и уксус цветом похож на вино; но при вкушении их гортань распознает и определяет различие каждой из их вещей».

И вот новое девство с его видениями, похоже на христианское и его радость, только так, как уксус на вино, а фридакс на горчицу... Наше подвижничество, здоровое, не отравленное наркотическим ядом, бодрость, сознательный подвиг.

Здесь, если бывают откровения в виде видений, то они рассматриваются, как редкая милость Божия, посланная в целях ободрения и подкрепления и не имеют «оргийного» характера.

Радость аскетов, о которой они говорят не редко, не мятущая, эстетическая радость опьяненных, а углубленное внутреннее переживание Бога, с сознанием более ясным, чем когда-нибудь... Г. Мережковский проповедует в сущности восторги падучей, «священной», как он называет, болезни...

Мы затрудняемся видеть в этих остатках прошлого разврата «предков» Карамазовых путь к великому моральному перевороту, а видим дорогу не в сумасшедший дом, где от Ницше, может быть, остается все-таки нечто величавое, а в больницу для «тихих».

«Не трогайте алую розу девства, на груди Церкви» – призывает М-кий; не пачкайте белую розу девства, не касайтесь её грязной мыслью скопца девственника, призываем мы.

* * *

Голос со стороны. А propos. Напомню присутствующим один рассказ, помещенный недавно в альманахе «Северные цветы» автором, целиком разделяющим взгляды М-ого. Это рассказ Гантца «Месса», напечатанный в альманахе «Северные цветы». Одна девушка итальянка отдается иностранцу. Он платит ей деньги. Так как девушка была *не из продающихся*, то она задается вопросом, что делать ей с деньгами. Наконец решает заказать мессу, для того, чтобы там, в Церкви под звуки органа пережить снова *«те же золотые волны»*...

И вот удивительное рассуждение этой девушки. «Ведь месса и это, это всё равно, это почти всё равно... То, что переживают монашки у подножия распятия и здесь... Это одно». Мысли, редкие по степени кощунства и мы не рискнули бы даже предложить её вашему вниманию, если бы они не иллюстрировали так ярко мыслей М-ого, не давали блестящей характеристики нового девства католических монахинь. Здесь партия М-ого сама подчеркнула характер того целомудрия, какого она желает и какая действительно обнаружилась в

девстве св. Терезы, или князя Мышкина, Можно-ли принять это хлыстовское девство? Я кончил.

Председатель. Так к каким же выводом мы должны прийти? Как резюмировать результаты спора: уже пора бы и кончать.

М-ов. Не позволено-ли будет мне два-три слова.

Я полагаю, что многое в здешнем споре действительно основывалось на недоразумении. Г. Р-ов явно навязывал учению о девстве смысл, которого оно не имеет. Девство вовсе не есть умерщвление плоти, поругание её, а напротив высшее торжество плоти и полнота жизни.

Не нужно приписывать христианству нелепых требований, каких в нем нет. Разберите, что значит слово целомудрие, – оно стерто, как старая монета. Целомудрие не есть отрицание брака, иначе Церковь не молила бы о целомудренном ложе. «Целомудрие» есть «цельная мудрость», полнота мудрости, состояние нужное и девству, и браку. Христос безусловно запретил всё дурное, но брака не запретил. Могуший вместить девство, пусть вместит, – сказал Он и оградил одинаково и брак и девство – крайне строгими заповедями. Неужели вы не видите, что требуется не то или иное физическое состояние, только совершенство в каждом из них? «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный» – вот основной закон, в разуме, которого должны толковаться все частные заветы.

Девственность нужно помнить, как первозданную чистоту вещей, свежесть всего, только что родившегося. Но и каждый возраст можно рассматривать, как только что родившийся, имеющий своё совершенство. В юности девственность есть безбрачие, потому что оно естественно для юности; разве не верх прелести глядеть на милую девушку, которой даже во сне не снится что-нибудь не чистое? или на розового юнца, который ясно и спокойно играет со сверстниками, не подозревая в них решительно ничего особенного. Эта девственность драгоценнее и выше всего на свете. Но вот те же юноши, те же чистенькие девочки входят в возраст и между ними сами собою нечаянно, безотчетно начинаются какие-то иные отношения. Согласитесь, что если они чисты, невинны, благоуханны, то девственность в

высшем смысле не нарушена. Она целиком переходит в брак, столь же радостный и очаровательный. Если женятся душевно-невинные, свежие, влюбленные, зрелые, чистые люди, то где же тут нарушение целомудрия? Полнота мудрости, соответствующая возрасту сохранена, и Церковь не только благословляет, но празднует этот брак – прочтите обряд венчания. Но если юноша-гимназист, еще ничего не испытавший, уже прячет от родителей пачку скверных карточек и пишет подражание Баркову, если девушка прячет грязные романы и оба «разжигаются», по словам апостола, – то где же тут девственность, где целомудрие? Оно грубо растоптано и опозорено в самой завязи жизни. То же и брак. Если нечистые люди сходятся и уже в браке развращают друг друга, раздражают и истощают – послушайте-ка докторов! – То что же такой брак как не распутство? И Церковь не дала бы благословения на такой брак, если бы предвидела его последствия. Пожалуйста не навязывайте христианству того, в чём мы повинны сами. Так как и с её точки зрения мало «поэтов» девства, то брак для большинства людей, не только не понижает совершенства, но есть условия последнего.

Задача брака – отстоять текущий момент жизни на соответствующей высоте. Примем раз на всегда, что счастливый брак есть та же девственность, то же целомудрие, но свойственные зрелости. За то в старости, с увяданием дела, снова наступает пора безбрачия. Христианство борется не против природы, а против несовершенства её, против извращений физических и душевных. Христианство отстаивает первозданный образ Божий в человеке и только. («Меншиков». Письма к ближним, «Новое Время», 1903 г.).

Председатель. Не можем ли мы эту последнюю речь уважаемого г. М-ова и принять за резюме прений.

Голоса. Да, да. Нет. Нет.

И. Михаил

Сентябрь. Книга 2

Александр, иером. Забытый путь религиозного познания // Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 417–428

В богословствовании нашего времени, как долгого предыдущего, господствует теория, преобладает отвлеченное мышление пред опытом в познании религиозных истин. Пресса и светское общество за последнее время энергично запротестовали против сухости и теоретичности в богословии и сию пытаются вывести последнее на жизненно-практический путь. Явление это стоит в тесной связи с наблюдаемым ныне всеобщим увлечением естествоведением, математикой, механикой и т. п. науками, имеющими почти исключительно практическое значение. В этих науках нельзя и шагу ступить без эмпирического метода, без приборов, телескопов, микроскопов, машин, наблюдений или, иначе, без помощи чувственного опыта.

Всякому известен такой психологический факт. Пристрастное отношение к тому или иному предмету всегда сопровождается пристрастным же отношением к предмету противоположному, разумеется, пристрастное отношение последнего вида будет иметь особый оттенок и характер. Напр., преувеличивая достоинства любимого нами человека, мы склонны вовсе не замечать и как-бы забывать прекрасные черты человека, мало симпатичного для нас, преувеличивать его недостатки и т. под.

Так случилось и в отношениях современного человека к религиозному и эмпирическому ведению. Увлекаясь эмпирикой, оно забыло про богословие и, что еще хуже, усвоило превратный взгляд на оное. Сущность этого превратного суждения заключается в следующем. Эмпирические науки достигли солидных результатов благодаря блестящему приложению учеными эмпириками особого метода, наблюдения, иначе, внешнего опыта. Богословие и философия, не сообщившие людям каких-либо «открытий» или «изобретений», по контрасту с естествоведением eo ipso стали представляться

науками бесплодными, отвлеченными, чисто теоретическими, где можно лишь *спорить*, утверждать или отрицать какой-либо тезис, но не наблюдать его на опыте, где опыт совершенно невозможен и требуется лишь вера или рассудок, подчиняющийся вере.

Эта *ошибочная мысль о невозможности применять опыт в религиозно-философском познании* и является одним из наиболее печальных результатов современного увлечения естествознанием. Влияние вышеуказанной ложной мысли прежде всего отразилось на современных богословских науках вообще и в современных суждениях по религиозно-философским предметам в частности. Ученые богословы на страницах своих иногда многотомных трудов почти в каждой строке, если не явно, то прикровенно высказывали мысль о полной разобщенности между богословием и опытом. Другие люди, не богословы, рассуждая о религиозных вопросах тоже не заботились проверять свои рассуждения при помощи личного жизненного опыта или опыта других лиц, более авторитетных в этом деле.

Ученый богослов иногда, правда, обращается к «опыту», напр., при разрешении вопросов метафизических, общих у богословия с естествознанием; но обычно этим обращением к эмпирическим наблюдениям других ученых дело и ограничивается. Когда же приходится работать в области наук богословско-моральных или, так сказать, прикладных (напр., нравств. богословие и т. п.), где особенно необходимо располагать достаточным количеством психологического материала и... жизненного опыта, если не своего, то других знаменитых знатоков духовной жизни, – здесь наши богословы-моралисты часто обнаруживают свою не то, чтобы неспособность, а не практичность, неподготовленность к использованию, напр., богатого, неисчерпаемого материала в святоотеческой письменности. В самом деле, как скудны психологическим содержанием наши ученые богословские трактаты по нравственным вопросам, где, по-видимому, обращение к опыту особенно необходимо! Наш народ, вследствие своей плохой образованности и, главное,

вследствие практического склада своего характера, склонен больше к реализму, к жизненным запросам и интересам, чем к глубокомыслию и отвлеченностям, как, напр., немцы. Увлекаясь тем или иным религиозным движением, встречаясь с тем или иным нравственным запросом жизни, наш народ не станет наводить справок у наших богословов или рыться в ученых богословских трудах, а вместо сего будет решать те или иные интересующие его вопросы путем жизненного опыта, путем наблюдения над движениями своей души, будет слушать то, что ему станут говорить прохожие досужие «странники», подчас сомнительной репутации. Вот здесь то и легко возникают всякие заблуждения. Хлысты, напр., испытывая разные душевные ненормальные состояния, возникающие на почве их нервного расстройства, считают такие состояния за благодатные озарения и т. п. Вообще всё наше богословие, упуская из виду и мало ценя употребление «опытного» метода, не оказывает в наше время того влияния на жизнь, какое принадлежит ему по праву. Эту мысль прекрасно выражает г. Новоселов в своих сочинениях, которые вполне заслуживают того, чтобы обстоятельнее ознакомить с ними читателей. «Посмотрите, говорит автор, кто руководит умом и пробужденной совестью сознательного русского человека? Литература, философия, наука, только не богословие, которое в своём крайнем схематизме решительно не видит живой души человеческой с её запросами, муками, сомнениями. Оно не берет человека с его наличными духовными требованиями и не возводит его, осторожно и проникновенно пестунствуя, на высшую ступень самознания и самочувствия. Эту роль взяла на себя литература светская, к несчастью не всегда стоящая в согласии с христианскими идеалами.

Кто и в чисто религиозной сфере мысли имеет у нас добрый успех? Владимир Соловьев, Самарин, Киреевский, Несмелов, т. е., люди особенно чуждые приемов школьного богословствования.

Чем привлекают к себе и такие духовные писатели, как еп. Феофан, еп. Антоний Волынский, о. Иоанн Сергиев (имею в виду его «Моя жизнь во Христе»)? Да тем, что отреклись они от

стереотипного, мертвого и мертвящего, формально диалектического метода мышления и пошли по другому пути богословской мысли, пути, который, кажется, лучше всего⁸⁶ назвать «психологическим». Вот почему нельзя не приветствовать двух книжек Новоселова, являющихся первыми выпусками задуманной им «рел.-философской библиотеки». Первый выпуск или первая книжка «Забывтый путь» напоминает о необходимости применения психологического опыта при религиозном познании, вторая книжка или второй выпуск является как-бы наглядным практическим приложением вышеупомянутого метода.

Прежде, чем приступать к ознакомлению с вышеупомянутыми книжками, позволим себе сказать несколько слов о том, как само божественное откровение учит относительно употребления опыта в религиозном познании.

Св. Писание различает двоякий опыт, способствующий познанию религиозных истин: а) внешний – наблюдение окружающей нас великой природы, и б) внутренний – изучение личной психической жизни, изучение психологического опыта других лиц, стоящих на высшей ступени дух.-нравственного совершенства и т. под. Еще в ветхом завете псалмопевец говорит о небесах, возвещающих славу Божию (Пс.18:2,3 и след). Тот же псалмопевец и в том же месте, раскрывая животворность закона Божия, говорит, что этот закон есть закон совершенный, ибо он укрепляет *душу*, повеления Господни *веселят сердце*, заповедь Господа просвещает *очи* (духовные), расширяя духовный кругозор праведника (Пс.18:8,9) и проч. Значит, еще ветхозаветный псалмопевец в одном и том же псалме устанавливает некоторого рода параллель между внешним и внутренним опытами в религиозном познании. Замечательно, что и в н. завете св. ап. Павел почти в одном и том же месте говорит о возможности познать невидимое Божие чрез рассматривание видимых творений (Рим.1:20) (*внешний опыт*), а также чрез наблюдение над внутреннею жизнью, над тайниками своего *сердца*, в глубине которого начертаны веления закона Божия (Рим.2:14,15), или слово Бога живаго (Рим.10:8) (*внутренний опыт*). Мы касаемся здесь

Богооткровенного учения о необходимости внешнего и наипаче внутреннего, жизненного, психологического опыта в религиозном познании с тою целью, чтобы, во-первых, показать читателям недостаток нашего школьного богословия, смешивающего иногда истины религиозные с другими отвлеченными, чисто теоретическими истинами и посему мало заботящегося об употреблении при познании религиозных истин тех способов (внешнего и внутреннего опытов), какие указывают ветхозаветные и новозаветные боговдохновенные писатели. Во-вторых, из вышеприведенных мест Божественного Откровения достаточно явствует и то, что мысли, проводимые г. Новоселовым, суть не измышления досужей головы, а лишь напоминание о тех путях, какие от лет древних были заповеданы людям для познания религиозных истин, но были забыты вследствие увлечения в средние века схоластикой, а в новейшее время – естествознанием.

В 1-ой книжке «Забытый путь» г. Новоселов приводит ряд выдержек из творений св. отцов и других знаменитых древних церковных писателей о необходимости внутреннего опыта при познании истин веры. «Научает нас, утверждает бл. Августин, *внутренний* учитель, научает Христос, божественное вдохновение; где нет этого вдохновения и внутреннего просвещения, там тщетно действие слов извне».

И если Духа Божия нет *в сердце* слушателя, подтверждает также Григорий Богослов, то напрасны рассуждения учителя, ибо если Тот, Кто научает, не находится *внутри*, то язык учителя, который вне, трудится *понапрасну*.

«Потому что, заключает блаж. Иероним, закон духовен, и нужно откровение, чтобы понимать его».

«Лучшее и вернейшее познание Бога не то, которое выработано усилиями рассудка и выпотением мозга, но то, которое *возгорается от небесного, огня в сердцах наших* и вносит в душу божественный свет, свет, как говорит Ориген, более ясный и убедительный, чем все рассудочные доказательства. В этом то и состоит познание истины, как она пребывает во Христе Иисусе – в том сладостном, кротком,

смиренном и любящем духе Иисуса, Который, как утреннее солнце, сияет на злые и благия».

«Искать же боговедения лишь в книгах и писаниях, значит, по словам блаж. Августина, искать живого между мертвыми. *Intra te quaere Deum!* Он лучше всего распознается, так сказать, *духовным осязанием*. Мы должны стремиться *видеть* Его своими глазами, слышать своими ушами и наши руки должны *осязать* слово жизни. Ведь душа наша, как и тело, имеет своё чувство: вкусите и видите, как благ Господь!»

Достаточно и сих свидетельств, утверждающих то положение, что божественное *внутреннее откровение Духа есть основной источник Богопознания*». ⁸⁷ Дальнейшие цитаты из святоотеческих творений, а также из произведений мистиков позднейшего времени дают ответ на вопрос, что же надобно делать для получения этого откровения. Чтобы лучи озарения свыше не скрывались в неведомых тайниках нашего сердца, а, напротив, сияли более и более, просвещая всю совокупность наших внутренних сил и способностей, для сего необходима борьба с *греховными склонностями* и усердная *молитва*.

«Кто целомудрен, смиренномудр, гнушается вольностью в словах и изгнал из сердца раздражительность, тот (уверен я в этом), как скоро станет на молитву, видит *в душе своей свет Св. Духа*», говорит св. Исаак Сирин. ⁸⁸ Относительно громадного значения молитвы для религиозного познания прекрасно говорит Испар. Испар, член конвента, преданный партии жирондистов, но всех единомышленников своих превосходивший неистовством против религии Христовой и её служителей, когда в свою очередь и сам подвергся роковому приговору того же судилища, томясь в тяжком изгнании, проводил жизнь в подземном убежище, вблизи того самого места, где кипел источник революции. Вот здесь то, когда Испар находился в уединении и был предоставлен самому себе, в нём и совершился религиозный переворот, после которого Испар стал человеком глубоко верующим. Испар сам описал психологический процесс своего обращения к вере. Вот его прекрасные слова о значении молитвы для религиозного познания. «Я удостоверился, что в ночной тьме наших

метафизических размышлений религиозная *истина* является только в проблесках, как молния, которую надобно внимательно наблюдать, чтобы уловить, и становится пламенем, которое разжигается смиренною молитвою, а гордостью погашается. Вот почему так много людей, мало способных заниматься этою наукою, между тем как они приобретают значительный успех по всем другим наукам. Итак, я начал с молитвы, и чем более входил я посредством её в общение с Богом, тем более становился лучшим, более спокойным, более терпеливым в моём несчастье, более способным *распознавать истину*».⁸⁹ «Наш знаменитый мистик Сперанский, живший веком позже Испара, тоже говорит о чтении библии, посещении евхаристии и усердной молитве, как необходимых условиях религиозного познания».⁹⁰ Не собственные теоретические рассуждения важны в данном случае, важен личный жизненный *опыт* людей, притом возможно более различных и по положению своему, и по времени, и по обстановке их жизни. Если член конвента, участник ужасов великой революции, и современный русский интеллигент, живший чрез 100 лет после того, *опытно* приходят к Богу одним и тем же путем, то это только потому, что этот путь *один* решительно для всех и во все времена»,⁹¹ говорит автор книжки «Искание Бога». – «И личный рассказ этих лиц о переживаниях на пройденном пути, нам кажется, несравненно интереснее для всех, продолжает он, чем какие бы то ни было рассуждения».⁹² Вот почему автор на страницах этих книжек мало дает места собственным рассуждениям о значении опыта в религиозном познании, хотя таковые были-бы весьма интересны для читателей... Тем не менее мы находим здесь прекрасные в этом смысле места. Напр., в настоящее время умственного шатания не мало встречается людей «немощих в вере» (Срвн. Рим.14:1). Нередко слышится вопрос: «научите нас веровать». Вот что говорит почтенный автор по поводу этого жгучего вопроса. «Научите нас веровать» – это совершенно ложная постановка вопроса. «Научить веровать никого нельзя, потону что здесь нет рецепта знания, нет действия человеческой способности или силы на другую способность и силу, а здесь

есть *внутренний подвиг* самого ищущего, который нельзя никому извне ни навязать, ни подарить.

В зарождении веры действуют две силы, которые находятся вне области нашего внешнего воздействия; с одной стороны, *желание*, мольба самого *ищущего*, с другой – ответ на это желание Бога. И чем искреннее и горячее выражается желание, т. е., *молитва*, чем прямее, непосредственнее она обращена к Тому, Кого ищут, Кого желают познать, тем скорее зажигается огонь веры в сердце ищущего. Это путь веры – *единственный*, другого нет; только на этом пути «ищущий находит»⁹³ (Мф.7:8). В другом месте почтенный автор развивает высказанную мысль еще обстоятельнее. «Вы хотите, говорит он, судить о религиозных истинах христианских, не допуская испытания их в жизни! Но в таком случае вы погрешаете против главного правила всякого философского исследования, правила, требующего, чтобы всякая истина опытного наблюдения была исследуема согласно характеру её содержания и *теми способами, каким она доступна*. Станете ли рассуждать о какой-либо истине геометрической по законам сердца, или определять достоинство истины поэтической с циркулем в руках? В состоянии ли вы судить о цветах по слуху, или о звуках при помощи зрения? Конечно, нет; не менее странно было бы с вашей стороны притязание определить достоинство религиозных истин, не ощутивши, не вкусивши сердцем, не испытавши на опыте их животворной и спасительной силы. Религиозные истины должны обнимать весь состав существа человеческого, предназначены составлять достояние и жизнь не одного ума, но особенно сердца и воли; а вы хотите судить о них, не допуская соприкосновения их с вашим сердцем и волею! Религиозные истины божественны, или их вовсе нет; а вы не хотите испытать на себе их божественного действия, по которому только и можно судить о их божественном достоинстве и животворности! Религиозные истины существенно предназначены для жизни; а вы хотите определять их достоинство по одному чистому созерцанию! Но, ради Бога, не противоречьте сами себе: подчинитесь условиям предмета, который вы хотите исследовать, или откажитесь от притязания

быть исследователем и судьей его. – Вам не говорят: исполняйте без исследования; но говорят: не испытывайте без исполнения. Почему же? Потому, что здесь исполнение составляет значительную часть самого исследования, и философствовать в сем случае значит то же, что молиться.

Думали ли вы, как следует, о том, что значит истина, подлежащая теперь нашему исследованию? Это – не какая-нибудь истина относительная и случайная, имеющая местное применение к частному предмету; в каковом случае она бывает только произведением предмета или образом его, как мысль художника о статуе, или картине, как мысль Бога Творца о вселенной; нет, это истина безусловная и беспредельная, истина в самой её сущности, в её источнике; это – сама присносущная истина, т. е. Сам Бог. Такова эта истина, или её вовсе нет. Таким образом наше исследование относится существенно к этому предмету; и с этою то истиною, присносущею, как Сам Бог, мы должны поставить себя в общение, чтобы иметь возможность её исследовать.

Но что же такое Бог? Бог – сама Истина, составляющая предмет нашего исследования, – не есть какая-нибудь холодная и безжизненная отвлеченность, как, например, теорема геометрическая, но особая живая личность, обладающая умом и волею, всегда желающая, любящая и действующая, как наша душа, только в бесконечно высшей и совершеннейшей степени; или Он есть беспредельный разум и всеведение, бесконечная любовь, правда, могущество и сила, благость и благостыня. Вот предмет нашего исследования. Каким же образом можно нам войти в соотношение и общение с этим предметом, если не так, как обыкновенно мы входим в соотношение и общение с существами, обладающими разумом, волею и любовью, посредством взаимных сообщений, возбуждаемых и поддерживаемых при помощи слова и, в отношении к Богу, слова, по крайней мере, внутреннего, без которого не начинается у нас ни мысль, ни чувство? Итак, говорите к Нему, если желаете испытать, каков Он, и точно ли христианская истина есть Его истина. Но говорите к Нему так, как может личность, столь ограниченная как наша, говорить к личности

беспредельной, т. е. с сознанием и чувством собственной слабости и ничтожества и Его бесконечного величия, собственной бедности и Его благости и щедродательности. Поставляйте себя тщательно пред Его лицом и беседуйте с Ним о своём вечном спасении умом к уму, сердцем к сердцу. Ужели вы боитесь чего-нибудь в этом случае? Ужели думаете, что сотворивший человека и наделивший его разумом не в состоянии слышать и понимать его язык и что если человек способен вопрошать, то Он не может отвечать?...

Я полагаю, что у вас есть искреннее желание истины, что вы желаете обрести её, чего бы это ни стоило, что вы не станете подобно Пилату, предлагавшему вопрос: *что есть истина*, отворачиваться прежде, чем выслушаете ответ или, подобно упоминаемому в Евангелии юноше, не отойдете от Него с душевною скорбью по причине жертв, каких Он требует от вас. Напротив, я полагаю, что *с сердцем, полным горячего усердия, решившись не успокаиваться, пока не узнаете истины*, вы, подобно Испару, запретите в вашей душе двери всех чувств, предадитесь внутреннему молчанию, не допустите до своего никакого неосновательного ропота ваших слабостей и пустых воплей ваших страстей, и с готовностью на всё, склоняя слух вашего сердца, с радостью будете внимать сладостным глаголам Вечного Слова, которые, как *небесная роса, будут орошать* вашу душу, и послужат для неё не только беседою, но и светом, и ощущением, и силою, которая вдруг увлечет вас к истине и даст вам возможность проникать в неё глубоко, широко и с удивительною свободою.

Сделайте это, и я, во имя самых несомненных опытов, заверяю вас в том, что вы тогда поймете то, чего теперь и не слышите; вы увидите тогда пред собою свет в ночной тьме метафизической, *пламя, которое возжигается смиренною молитвою и погашается гордостью*, и, чем более будете *входить в общение с Богом*, тем более будете становиться лучшими, более спокойный и, более торжествующими над собою, более способными познавать истину. Вы тогда на опыте поверите в несомненность глубокого изречения самой Истины: «творяй истину грядет к свету»⁹⁴ (Ин.3:21). Значит,

обобщая содержание цитат из творений св. отцов и знаменитых христианских мистиков, а равно и тех положений, какие высказывает г. Новоселов в первых двух выпусках своей «рел.-философской библиотеки», мы можем сказать так: вера или религиозное познание не должно сводиться к одним теоретическим рассуждениям или логическим операциям; вера есть прежде всего *внутренний подвиг* самого ищущего (срвн. «Искание Бога», V стр.), подвиг, требующий не только деятельности ума, но еще борьбы с греховными наклонностями, молитвы и углубления в тайники своей души, равно как и в психологический опыт других лиц, стоящих на высших ступенях нравственного совершенства.

Нельзя не порадоваться появлению вышеуказанных выпусков рел.-философской библиотеки и её светлым, здоровым идеям, которые могли бы послужить живительной струей для современной интеллигенции, часто почерпающей мысли из мутных, загрязненных источников...

Мы уже сказали выше, что идеи г. Новоселова не суть измышления досужей мысли: путь религиозного опыта, указываемый г. Новоселовым, не выдуман им самим, а существовал и прежде, будучи долгое время «забытым путем». Мы видели, что и св. библия одобряет этот путь. Знаменитый современный пастырь о. Иоанн Кронштадтский достиг глубокого ведения истин веры не только теоретическим, но и жизненно-практическим путем, путем *опыта*. Усердные читатели его неподражаемо прекрасного дневника «Моя жизнь во Христе», без сомнения, помнят, как часто о. Иоанн ссылается здесь на свой «опыт». Вот примеры. «Все блага души, т. е., всё, что составляет истинную жизнь, покой и радость души – от Бога! Опыт. То мне сердце говорит: Ты Святой Душе сокровище благих».⁹⁵ Или: «Господь постоянно при мне и Он внутри меня живет. Какой ходатай или ангел избавит нас от грехов или скорбей? Никто, кроме единого Бога. То – опыт».⁹⁶ – «Святые Божии близки к верующим сердцам... То, что говорю, говорю с опыта».⁹⁷

Современное общество смутно чувствует необходимость чего-то более живого, чем сухие теории, оно и стремится к

живому познанию духовного мира, но увы!... гипнотизм, спиритизм и проч..., вот те мутные, загрязненные источники, из которых оно мнится утолить свою жажду, *вводя в заблуждение и заблуждаясь* (1Тим.3:13)... Проникнем в даль прошедших столетий... Вот св. ап. Павел шествует по улицам Афин. Пред ним множество античных статуй и идольских символов; *Павел возмущен духом при виде этого города, полного идолов* (Деян.17:16)... Наконец избранник Божий пред сонмом ареопага, и полилась пламенная, вдохновенная речь, в которой св. апостол указал афинянам на неведомого им, но живо ощущаемого ими Бога.

И в наше время не мало встречается идолов, в роде спиритизма, гипнотизма, увлекаясь которыми люди думают удовлетворить своё стремление к таинственному, неведомому, но воздействующему на нас духовному миру...

От души желаем, чтобы и теперь чаще появлялись на современных духовных нивах, близких к жатве (Ин.4:35), проповедники, подобные о. Иоанну, о. Амвросию Оптинскому, еп. Феофану Затворнику и другим, которые отвлекали бы людей от идолов и приводили бы их к неведомому для них Богу.

Надеемся, что и впредь г. Новоселов будет трудиться с неослабной энергией и уяснит методологию религиозного опыта, т. е. те условия, при соблюдении которых рел. опыт может привести к желательным результатам, а не к заблуждению, как это видим у сектантов мистиков.

Иером. Александр

**Изумрудский В., свящ. О школьном и частном-
пастырском воздействии на раскольников //**
Миссионерское обозрение 1903 г. №14. С. 429–437

В приходе, заведуемом мною, 250 душ (обоего пола) старообрядцев австрийского согласия, составляющих население двух, рядом расположенных, деревень – Черной Грязи и Липиловых дворов, образованных лет 100 тому назад переселенцами из соседней Тихоновской волости. Благодаря географическому положению своих поселений, на большой проезжей дороге, и сравнительно лучшему качеству своей земли, жители названных деревень сделались зажиточными, завели торговые сношения с окрестными поселениями и вместе с тем стали сеятелями своей веры между православными (автобиография епар. мисс. Дударева). Обладая некоторою начитанностью богослужебных и других религиозных книг, они, по своим религиозным познаниям, оказались выше коренного, окрестного православного населения (среди которого до 80-х годов прошедшего столетия, когда стали возрождаться церковно-приходские школы, на пространстве свыше 600 квадр. верст (25х25) было всего 3–4 земских школы) и почти весь окрестный простой народ благоговел пред черногрязскими «книжными богатеями»: «они много книжек читали, им наши болести поверить можно»; и по сие время еще живы совратившиеся из православия в раскол. Предоставленное себе, местное старообрядчество жило и развивалось своею, отдельною жизнью, без всякого воздействия на него православного духовенства: в клировых ведомостях до 1883 г. значилось – «при Доецкой церкви раскольников нет» (деревни эти не писались и где-либо в ближайших приходах).

С первого года (1893 г.) своего священнического служения в приходе начал я сближаться с жителями названных раскольничьих деревень «неизвестного прихода». Сближения на первых порах последовали на почве медицинских и ветеринарных познаний, которыми я давно и теперь интересуюсь... Бывая среди раскольников, я увидел их

религиозность вообще, их любовь к чистоте и трудолюбию и др. хорошие качества и, следуя св. Евангелию (Ин.10:14), стал изыскивать способ указать им путь воссоединения с православною Церковью. Записав их своими прихожанами, я решил начать дело с обучения детей грамоте. В объяснение своего приема воздействия на отступников вынуждаюсь сделать историческую справку.

Член Петербургского совещательного (секретного) комитета⁹⁸ м. Филарет пишет: «первый комитет еще при покойном Императоре (Александре 1) состоял из архиеп. Черниговского (впослед. митрополита) Михаила, меня и князя А.Н. Голицына и никто не знал о его существовании. По мнению сего комитета покойный Император принял решение, которое без сего не принял бы». («Душеполезное Чтение» 1883 года, месяц июль – из бумаг москов. митр. Филарета). По делам раскольническим и сектантским 1823 года, июня 22 дня, читали записку строителя единоверческой Высоковской Успенской (Костром. епар.) пустыни иеромонаха Герасима и иеромонаха Зосимы о средствах к пресечению раскола. И сии последние были приглашены к сему чтению. За сим приняты были в соображение сведения и мнения о расколе, заключающиеся в секретном деле, производившемся по циркулярному отношению министра духовных дел и народного просвещения к епархиальным архиереям (князя А.Н. Голицына.) в конце 1816 и 1817 г.

Следствием сих соображений суть следующие положения:

1) Мнение строителя Герасима и иеромонаха Зосимы, что «раскольники упорствуют в своём заблуждении не столько для сохранения Богослужения по старопечатным книгам и обрядам, сколько увлекаются в оное, прельщаясь своеволием, безначалием и не ответственностью, есть *справедливо*. Они говорят, что сие «из опыта известно», и заслуживают в сем доверие потому, что сами долгое время жили в расколе. Согласно с ними в вышеупомянутом секретном деле свидетельствуют епархиальные архиереи, что раскольники привлекаются в заблуждение и удерживаются в нём наипаче мирскими выгодами и плотскими страстями. Например, между

прочим, епископ Калужский (Филарет) пишет о малинницах, что они по наружности наблюдают весьма строгую нравственность, но втайне предаются непомерному распутству (что и теперь наблюдается среди раскольников пригорода Воротынска и деревни Рассудовой).

Мнение строителя Герасима представится в большей ясности, если сравнить в некоторых отношениях раскольнического наставника с православным мирянином. Крестьянин или мещанин, сделавшийся лжепопом, обыкновенно обеспечен бывает своими единомышленниками, напротив, православное духовенство, особенно в раскольнических приходах, живет бедно. Православный священник состоит под надзором своего начальства и ограничивается своим приходом, за своевольное исполнение треб в другом приходе подлежит взысканию; лжепоп же действует, где и как хочет. Православный священник, если, совершив крещение, брак или погребение, не запишет того в книгу, наказывается; ничего подобного нет в раскольническом мире. Этого мало. Известно, что молодые люди православной веры к отбыванию воинской повинности в настоящее время призываются по метрическим выписям от своих приходских священников, где всегда точно установлены не только годы, но месяцы и дни рождения призываемого лица, равно тем же путем может быть вполне верно доказана и его льгота по семейному положению. Раскольники же, частью по нерадению, а некоторые по злоумышленности, не записывают своих детей своевременно, куда следует, ибо это зависит от их личной воли, почему очень часто молодые люди из них доставляются в воинское присутствие по внешнему виду. Здесь то раскольники-отцы и получают возможность указать число лет своему сыну «по своему усмотрению», призываемому и второму за ним, чем и достигается иногда незаконная льгота по семейному положению, а бывает, что 18–19 летних выдают за совершеннолетних по отбыванию воинской повинности с тою целью, чтобы они не вышли мерою в груди и достигают таким путем желаемого, иногда же и обратно бывает, когда действительно несовершеннолетние идут в военную службу, как годные по внешнему виду, что и было в моём приходе в

настоящем году. Все православные приходы имеют свои определенные кладбища, где умершие погребаются с соблюдением известных правил предосторожности; православные могут перевозить своих покойников с одного места на другое только с дозволения подлежащего начальства и по уважительным тому причинам. Ничего подобного не существует для старообрядцев нашей местности. Живя в перемышльском уезде, они возят своих покойников в калужский уезд, без всякого разрешения на то начальства, за несколько верст от их местожительства; за разливом реки Угры случилось, что их покойники оставались по неделе и более непогребенными – дома; могилы у них роются любой глубины и погребение совершается без всяких обрядностей, так как их лжепоп Пармен живет отсюда за 30 верст – в Калуге. Православные, вступая в брак, подвергаются изысканиям касательно их возраста, родства и т. д., раскольники же не заботятся о сем; так, напр., в моём приходе проживает богатый начетчик П.М. Дерюгин, пользующийся за свою начитанность и преданность древлеправославию большим уважением не только среди местных старообрядцев, но и среди губернских г. Калуги. В прошлом году он просватал свою дочь за богатого единове́рца, родственника ей в пятой степени. Калужский лжепоп Пармен, под влиянием своих попечителей часовни, личных врагов (по торговым делам) Дерюгина, отказался венчать его дочь. Дерюгин, недолго думая, находит другого лжепопа, и бракосочетание совершается, – счастье дочери, рассуждает Дер., дороже соблюдения канонических постановлений в Кормчей (которую между тем раскольники считают «душой» своей). Наконец, в г. Боровске, гнезде аввакумовщины, существует православный монастырь, где правится строго уставная служба, есть единове́рческий храм, где служение совершается по «старым» книгам, есть не малое число православных церквей, настоятели которых все с богословским образованием и права правят слово истины и усердно ведут собеседования с раскольниками; а раскол, несмотря на всё это, не только не умалывается количественно и качественно, но внутренне крепнет: «среди города, на видном

месте, в последнее время там сооружен старообрядцами великолепный «храм» (из отчета братства пр. Пафнутия 1900 г.); где я как и когда я хочу, тогда и служу: мы сами архиереи, мы сами попы», обычно говорят раскольничьи главари, в которых вся сила раскола.

Всё это вместе взятое и служит причиною того, что я, считая существующие приемы воздействия на раскольников мало достигающими своей цели, как упускающими из виду действительную причину их отделения в нынешнее время от православной Церкви, и осмеливаюсь предложить на общее обсуждение путь школьного воздействия на отступников, опираясь на то положение, что всякий человек живет своими убеждениями, характер которых приобретает воспитанием. Старообрядческое дитя, благодаря замкнутости жизни своих родителей, с самой колыбели только и слышит похвалбу своей веры и укоризну православной Церкви с её представителями и последователями, – здесь начинается у старообрядческого ребенка самообольщение в религиозных понятиях, которое затем укрепляется показною жизнью родной семьи и её единоверцев, и вырастает в непрепобедимое убеждение, что раскольничья вера совершеннейшая. Так. обр., всякий взрослый старообрядец имеет уже крепко засевшие в душу предвзятые понятия о религии вообще и вероисповедании в частности. Отчасти за работою, а главное – по отсутствию внутренних побуждений, раскольники бывают лишены возможности углубиться в самих себя, проверить себя чрез потребные книги и общение с лучшими людьми. Публичные собеседования доступны самому ограниченному меньшинству их, так, напр., наш жиздринский епархиальный миссионер делает в год 8–10 бесед среди нескольких тысяч старообрядцев, занимающих своими поселениями сотни верст. Да к тому же замечено, что для большинства же из них прения на публичных собеседованиях являются дремучим лесом, шумящим, а уму и сердцу мало говорящим. Школа же, напротив, скажет детям всю правду, не говоря уже о том, что она умственно разовьет их вообще, направит мысль и чувство их в сторону положительной, святой истины, хранительницею которой служит православная

Церковь; она даст им и толчок углубиться в себя, проверить себя чрез чтение необходимых книг и войти в сношение с людьми здравых религиозных воззрений; только для таких старообрядцев и будут полезны публичные собеседования: для них они явятся проверочным экзаменом, с тем или другим последствием, но непременно определенным.

II

Детей старообрядцев моего прихода, совместно с детьми православными, обучал в своём доме один раскольник, – человек довольно развитой, начитанный и состоятельный. Сблизившись с ним на почве садоводства, любезною отраслью хозяйства обоим нам, я, по его приглашению, посетил его школу несколько раз. Мои слова, что можно выучить в два месяца читать, писать и несколько считать, обучая известным образом, очень понравились ему, и он на другой год согласился передать своё учительство православному (мною указан был учитель уездного училища). Так появилась у нас школа грамоты среди раскольников. При моём посещении школы, дети – старообрядцы оставляли свои места, и некоторые со слезами на глазах убегали домой; при вопросах по Закону Божию, терялись и вместо ответа иногда плакали, но мои занятия с ними по чтению и особенно арифметике (умственный счет) заметно нравились им. Вскоре г. учитель уведомил меня, что родители – старообрядцы заявили ему о своём нежелании обучать их детей Закону Божию, который они якобы и так хорошо знают, а некоторые уже и совсем перестали пускать своих детей в эту школу. Узнав, что причиною всего этого моё посещение школы и со стороны детей, никогда близко не видавших православного священника, их страх предо мной, а со стороны родителей их опасение за возможность преподания их детям «никонианской благодати» чрез священническое благословение, – я, при частном свидании с отцами и матерями учеников, разъяснил им сущность именованного благословения и утешил их тем, что мы, священники, преподаем благословение желающим только; здесь же указывал им, что православная Церковь и восьмиконечный крест чтит наравне с четвероконечным, благословляет

употребление двуперстия для привыкших к нему, и т. п. Такие случайные беседы заметно трогали сердца старообрядцев, некоторые из них пригласили меня к себе в дом, а все, при встрече, стали мне кланяться... При некотором содействии г. земского начальника у нас открылась – среди старообрядцев – церковно-приходская школа. Старообрядцы на свои средства даже наняли для школы квартиру.

В первый год существования школы учеников набралось достаточно, но успехи их были бесцветны, а по Закону Божию – прямо-таки заставили меня (в виду вышеуказанного обстоятельства) просить отделение передать преподавание Закона Божия в сей школе г. учителю (который желателен посему из окончивших курс семинарии), что и было исполнено отделением к преуспеянию школы. Я остался, согласно своему желанию, только заведующим школою, тем более, что я состою законоучителем и заведующим другой многолюдной церковной школы, где тоже обучается несколько старообрядцев. Внушая каждый раз, при частных свиданиях и на уроках, г. учителю, что только положительная истина неотразимо действует на ум и сердце человека, я сам и он всегда избегали с детьми старообрядцев обсуждения спорных вопросов веры, предоставляя право им молиться двумя перстами, читать молитвы по своему, но непременно рельефнее обрисовывать те пункты вероучения, которые служат предметом разногласия раскольников с нами, как, напр., о бороде – при объяснении образа и подобию Божия в сотворении человека, сложении перстов для крестного знамения, при изучении явления Аврааму Бога в лице трех странников, об антихристе, при изучении седьмого члена символа веры и особенно подробно девятого члена. Вот уже прошло пять лет существования Черногрязской школы, где обучающихся – старообрядцы и гл. обр. девочки: 15 человек из них кончили курс учения; очень многие из них ходят в православный храм при похоронах и бракосочетаниях; теперь все они служат панихиды по православным при проводах их, сидят за поминовением обедом даже рядом с православным священником, охотно беседуют с ним о вере и житейском и т. д. Одна из бывших

учениц этой школы обратилась в православие, несмотря на все доводы своей родной матери, богатых родственников и столь сильного препятствия со стороны окружающих соседей старого закала, что сами же старообрядцы из сверстников и товарищей девушки по школе были вынуждены призвать на помощь местную полицию...

Насколько принятые мною приемы школьного воздействия на отступников соответствуют делу миссии, конечно, судить не мне, но я убежден, что школьный путь воздействия на детей и тесно примыкающий к ним путь внешкольного частного миссионерского собеседования с подростками и взрослыми старообрядцами есть кратчайший путь к воссоединению старообрядцев с православною Церковью на почве единоверия. Исходным пунктом на этом миссионерском пути должны служить слова Св. Григория Двоеслова «*in una fide nihil officit sanctae ecclesiae consuetudo diverso*» (при единстве веры святой церкви нисколько не вредит различный обычай соч. Бингама – *Antiquitates ecclesiasticae* cap. 1 § XV). Собеседования со старообрядцами получают тогда характер домашних бесед и возбуждают самодеятельность верующего в слушающем и побуждают его к проверке всего слышанного, а не отдельной какой-либо обрядности. Тогда только старообрядцы получают возможность узнать, что такое единоверие по существу своему, какая его цель и причина, а пока большинство из них не имеют о нём определенных понятий, а передовые из них смотрят на единоверие, как на унию и «ловушку». При такой постановке собеседований, если и последует возражение какое-либо по части обрядовой, то единственно с целью разрешить значение её для дела веры, а не для того, чтобы поспорить когда и как таковая-то обрядность выполнялась и почему именно так. Тогда и приходская миссия будет иметь глубокое миссионерское значение и явится хорошей помощницей миссии епархиальной чрез школу, школьные чтения и внебогослужебные беседы. Изучение же раскола по старопечатанным книгам настолько, чтобы явилась возможность вступать в открытые беседования с раскольниками, при настоящей постановке миссионерского дела нам православным священникам, особенно сельским, при

сложности своих обязанностей и трудных экономических условиях жизни, я считаю совершенно невозможным, а главное не достигающим своей цели.

Школьное направление миссионерской деятельности будет и в духе времени. «Жизнь с неудержимой силой влечет нас к демократизации просвещения, к распространению знаний всюду, среди самых низших, самых темных, самых косных слоев населения», так засвидетельствовал последний Московский съезд ученых по профессиональному образованию при решении вопроса об образовании нашего народа. Быстрый рост школ всех ведомств в нашем отечестве лучшее и очевидное тому доказательство: «косные слои населения» – именно наши старообрядцы, и те заявили о своём желании учить своих детей вообще и даже под знаменем православной Церкви, у православных учителей, примеров тому у нас много: Черногрязская школа, Пурсовская (Малояр. уезда), Дворцовская (Калуж. уезда) и др... Нам, нынешнему духовенству, нужно воспользоваться весьма дорогим, с психологической стороны, этим моментом пробуждения народа с миссионерской целью, и возыметь действие на юное, детское сердце, научить его послушанию святой вере и добрым делам, а приобретенное в детстве, как известно, есть фундамент всей последующей жизни. Чрез детей, как существ дорогих родителям, и сердце самих родителей более надежды умягчить, особенно с присовокуплением внешкольной, частной миссионерской беседы: «не побежден бывай от зла, побеждай благим злое» (Рим.12:21). «Мы знаем, что наши дети не пойдут после нас за нами», говорят мне мои раскольники. А подготовить детей к сему может только правильно поставленная и хорошо обставленная церковная школа.

Священник В. Изумрудский

Высотский Н. Критический обзор мнений по вопросу о происхождении хлыстовщины⁹⁹ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 438–454

Мало помощи оказывает мнению г. Добротворского и открытие, сделанное г. Перетцем и приводимое последним в защиту мнения западноевропейского происхождения хлыстовщины. Г. Перетц в одной рукописи начала XVII в., хранящейся в архиве Св. Синода за № 326 и содержащей в себе: «Просветитель» Иос. Волоцкого, Зерцало богословия, книги мудреца Маркуса о десяти севиллах и ряд мелких статей, – нашел между последними одну статью о еретиках – без особого заглавия. Эту статью он и напечатал в 2-ой кн. «Этнографического Обозрения» за 1898 г. В статье этой мы читаем: «Во граде Медиоламе безумии людие нечитающе Моисеовы книги первого закона и нашедши слово еже бе раститеся, плодитесь и наполните землю, и един безумник замыслил, а к его мысли многия же чловецы мужи и жены, и дети их пристали, и начаша сходитесь и молитися бесосоставною молитвою в ночи, и поп их облечется в скверную свою одежду и повелит свечи вжечь, и моляся погасит свечи и завопит: раститеся и наполните землю, так вам Бог приказал. Мужи ж и отроки, возбесневше и рассвирепевше, и поимше кто ж по прилучаю жену или девицу, блуд творяху безстыдно, и с того падения зачнется детищ у жены или девицы, и они поведают попу своему, поп ж(е) пишет число дни (л. 327), и имена их, и егда родитеся отроча, и принесут его на тож место, где сходятся на скверную свою молитву и на смешение, и там попы их, огонь складшс, сожгут детищ тот, и пепел его згребут, и носят вместо мощей, и как новый поп в их вере станет, и дают ему того пепела пити в вине, и прочих безумников приобщают к своей скверности тем ж(е) пепелом, благочестивии ж, видевше злую их скверну, развратиша веру их, и сонмища их сожегоша, и их в заточение разослаша».

«Весьма вероятным представляется нам, замечает по поводу этой статьи сам Перетц, что эта или подобные ей статьи,

являвшиеся уже в начале XVII века, предупредила ту пропаганду сектантских мистических идей, о которых говорят исследователи. Правда, в статье мы не находим полного совпадения с тем, что читали в свидетельствах новейших очевидцев хлыстовских радений. Но в произведении противника и обличителя, все-таки, сохранились основные черты секты, к которым надо еще причислить кощунственное причащение, совершаемое по образцу христиан, католиков и православных. У нас хлыстовщина могла принять иную, местную окраску, но общего сходства с тем, что знаем мы и знали наши предки о миланских еретиках, отрицать нельзя». ¹⁰⁰

Мы вполне соглашаемся с г. Перетцем в том, что между нашею хлыстовщиною и медиоланскими еретиками, как они выступают в рукописи, несомненно существуют некоторые черты сходства. Так, у тех и других мы встречаем радения, свальный грех и обоготворение плодов его.

Но соглашаясь в этом пункте с г. Перетцем, мы решительно отвергаем тот вывод, который он делает на основании этого сходства. Г. Перетцу это сходство дает повод думать, что наша хлыстовщина, по своему началу, находится в тесной генетической связи с западными мистическими сектами вообще и – в частности – с медиоланскими еретиками. Но нам кажется, что такое заключение совершенно ложно.

Мы уже говорили, что одного указания на сходство недостаточно, чтобы утверждать о зависимости друг от друга, данных сект по их происхождению: нужны еще положительные факты. А этих фактов не указывает г. Перетц, да и не может указать. – Затем, те черты сходства, которые существуют между хлыстовщиной и Медиоланскими еретиками, вовсе не говорят в пользу мнения г. Перетца. Они, во-первых, не так существенны и важны, чтобы на них утверждать мысль об иностранном источнике хлыстовщины; сущность хлыстовского учения заключается в теории перевоплощения Сына Божия. А во-вторых, они имеют другой источник. Радения, свальный грех и обоготворение рождающихся от этого греха детей – всё это может возникнуть в известном обществе, в известном кружке без всякого стороннего воздействия. Об этом подробно мы

будем говорить ниже. Теперь же заметим, что эти черты сходства еще раз доказывают нам, что хлыстовщина с её безобразным культом «есть повторение на русской почве явления общеисторического», явления, которое может возникать в известном обществе вполне самобытно, совершенно независимо от внешних влияний. Таким образом, открытие, сделанное г. Перетцем, в существе дела не даст ничего нового в вопросе о происхождении хлыстовщины. Этот вопрос остается в таком же положении, в каком он находился и до открытия Перетца. Если это открытие Перетца и имеет какое-либо значение в вопросе о происхождении хлыстовщины, то только то, что увеличивает число западных мистических сект, с которыми имеет сходство наша хлыстовщина. К тем сектам, которые указаны г. Добротворским, теперь нужно присоединить еще и медиоланских еретиков.

Г. Добротворский и г. Перетц видят источник хлыстовщины в западных мистических сектах. Не там ищут этого источника гг. Мельников, Кельсиев, Максимов, Протопопов и Стеллецкий. Сходясь с Добротворским и Перетцем в том, что хлыстовщина представляет собою заносное явление, поименованные исследователи производят её не от западных мистиков, а от богомильства.

Не станем вдаваться в подробности при изложении этого мнения, ограничимся самым существенным.

Сущность этого мнения заключается в следующем. Вместе с принятием православной веры на Русь проникли богомильские идеи. Первыми насадителями богомильства на Руси были пришлые попы – болгары. Богомильство нашло себе благоприятную почву на Руси и идеи этой ереси быстро и крепко привились к мировоззрению русской народной массы. В течение целых столетий они, несмотря на репрессивные меры, принимаемые иногда против них, никогда не умирали окончательно, а продолжали жить и оказывать влияние на мирозерцание русского народа. Так продолжалось до XVII ст. В этом столетии, под влиянием религиозного брожения, богомильские идеи, скрывавшиеся в глубине народного сознания, всплыли наружу и выразились в странной секте

хлыстов. Таким образом хлыстовщина, согласно рассматриваемому мнению, представляет собою прямое порождение богомилства.

В пользу этого говорит, по словам защитника этого мнения, то обстоятельство, что между хлыстовщиной и богомилством существует поразительное сходство и даже по местам тождество. Это сходство, главным образом, выражается в дуализме и тесно связанном с ним аскетизме. Те и другие смотрят на тело, как на начало злое, которое всячески нужно умерщвлять. Отсюда – суровая мораль у тех и других, требование воздерживаться от брака, поститься, трудиться и проводить время в молитве. наших хлыстов и доныне называют в некоторых местах богомолами. У тех и других можно видеть одинаковое деление членов их общества, по степени их нравственного совершенства и приближения к Богу. Те и другие искажают и отрицают догматы христианской Церкви – о Боге и троичности лиц в Нём, о воплощении и искуплении, совершенном Иисусом Христом, отрицают иерархию, таинства, обряды и пр.; те и другие лицемерно относятся к господствующей Церкви, и это лицемерие в отношениях к ней не только терпится их учением, но прямо предписывается с целью отклонить от себя всякое подозрение в своём еретичестве. – Такое поразительное сходство, говорят защитники рассматриваемого взгляда, не может быть случайным и произвольным, – оно обусловливается тою генетическою связью, которая существует между нашей хлыстовщиной и богомильскою ересью.

Но при всей кажущейся убедительности этого мнения, при всей компетентности лиц, его высказавших, оно не может быть принято.

Мы вполне соглашаемся с тем, что богомильские идеи очень рано появились у нас на Руси, что они крепко привились к народному сознанию и были живучи в течение целых столетий, что они, наконец, оказали весьма сильное влияние на миросозерцание русского народа. В статье г. Корнеевко, помещенной в *«Вере и Разуме»* за 1896 г., всё это раскрыто с

такой обстоятельностью и так основательно, что не согласиться с ним совершенно нельзя.¹⁰¹

Мы соглашаемся, далее, с защитниками рассматриваемого мнения и в том, что между хлыстовщиной и богомилством существует несомненное сходство в учении, устройстве их общин и в отношении к господствующей Церкви.

Но соглашаясь со всем этим, мы, однако, отвергаем тот вывод, какой делается на основании указанных данных. Мы решительно утверждаем, что о генетической связи между хлыстовщиной и богомилством не может быть и речи.

Прежде всего, по ознакомлении с изложенным мнением о происхождении хлыстовщины, в нашем сознании возникает весьма естественное недоразумение: если это мнение справедливо и верно, то каким образом хлыстовщина могла около восьми столетий находиться в скрытом состоянии, как выражаются лица разделяющие взгляд Мельникова? Этого не могло-бы быть, если бы хлыстовщина выродилась из богомилства. Она обнаружилась-бы гораздо раньше 17 столетия. Правда, г. Мельников силится доказать, что хлыстовщина существовала ранее 17 столетия. Для этого он ссылается на книгу «Стоглав». Царь Иван Васильевич, в 1551 году, предлагал собору следующий вопрос: «Да по погостам и по селам ходят лживые пророки, мужики, и женки, и девки, и старые бабы, нагие и босые, волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, и сказывают, что им являются святые Пятница и Настасии, и велят им, чтобы они заповедали христианам каноны завечати, они же заповедают в среду и пяток ручного дела не делать, и женам не прясти и платья не мыти и камения не разжигати, а иные заповедуют богомерзкие дела творити, кроме божественных писаний. Что тем нагим босым и лживым пророкам путь, чтобы не соблазнять?» «Полагаем, замечает по поводу приведенного царского вопроса г. Мельников, что царский вопрос разумел последователей секты, теперь называемой «хлыстовщиной». Триста лет тому назад она не скрывалась, или по крайней мере скрывалась несравненно менее, чем теперь, если не в центре правительственной деятельности – в Москве и главных городах,

то по погостам и селам. «*Живые пророки*, мужики, жены и девки, нагие и босые, волосы отравив и распустя, трясутся и убиваются и т. д.»... чрезвычайно похожи на хлыстов нашего времени. Полагаем, что Стоглав говорит об их предшественниках».¹⁰² Но едва-ли справедливо это мнение г. Мельникова, хотя к нему присоединяется и проф. Знаменский.¹⁰³ От этих кудесников, пророков, которые выдавали себя за временные, случайные органы небесных откровений (получаемых от являвшихся им св. Пятниц и Анастасий), слишком далеко от хлыстовских лжехристов и лжеапостолов, которые признавались и признаются хлыстами постоянными носителями и воплощениями божества, – все слова и действия которых почитаются действиями божественными. И что общего представляет учение тех и других? Сколько известно об учении этих юродивых 16 века, оно было проповедано о строжайшем соблюдении мертвой бездушной обрядности (о том, наприм., чтобы в среду и пятницу ничего не работали), о строгой, суровой нравственности не было у них речи; напротив, одни странствования и скитальничества нагих, босых пророков, женок и девок сопровождалась всевозможными грубыми оргиями для следовавшей за ними толпы народа. В учении же людей Божиих видим суровую до беспощадности мораль, и догматика их не имеет для себя ничего подобного в учении суеверов Стоглава. Итак, хлыстов нельзя производить от русских изуверов 16 века,¹⁰⁴ а с тем вместе нельзя думать, что хлыстовщина существовала ранее 17 столетия, потому что других доказательств, кроме выставленного г. Мельниковым, нет. Следовательно, наше недоумение сохраняет свою силу и служит первым возражением против состоятельности рассматриваемого мнения.

Другим основанием, заставляющим нас отвергнуть разбираемое мнение, служит неоспоримый факт существующего различия между хлыстовским учением и учением богомилов. Благодаря исследованиям о богомилстве К. Истомина¹⁰⁵ и свящ. В. Левицкого,¹⁰⁶ мы можем составить себе довольно ясное представление об учении богомилов. Что между

хлыстовщиной и богомилством существует сходство, – это несомненно и это сходство мы уже отметили. Но те же труды названных исследователей заставляют нас утверждать, что хлыстовщина имеет в вероучении такие пункты, которых или совсем нет в богомильской догматике или, которые если существуют, но не в том виде, в каком мы находим их у хлыстов. Прежде всего, у богомилов нет учения о перевоплощении Сына Божия, что составляет основной и характерный пункт в догматике хлыстов. Представление о Божестве у богомилов не то, что у хлыстов. По учению первых, божество не принимает на себя действительного человеческого тела, тогда как у хлыстов оно вселяется в действительных людей. Учение о злом начале у богомилов представляет собою строго законченную и полную систему, у хлыстов мы не видим этого. По представлению хлыстов источником зла является сам человек, а у богомилов виновником и источником зла является Верховное Существо, бывший сын Высочайшего Бога. Хлысты, вопреки богомилам, не признают отдельного самостоятельного царства духов, – оно составляется, по их мнению, из душ умерших людей. То же резкое отличие хлыстов от богомилов сказывается и в учении об источниках вероучения и нравоучения. Источником своего учения богомилы признавали Св. Пис. Нов. Зав., исключая Евангелия Иоанна; из ветхозаветных книг они признавали псалтирь и книги пророков. Хлысты отрицают всякие письменные источники своего учения. У них такими источниками являются их христы и богородицы, их пророки и пророчицы; для них важна не книга печатная, а «книга животная», «сударь Дух Святой». Если же иногда хлысты и пользуются Св. Писанием для подтверждения своих мыслей, то это делается ими больше в видах пропаганды.

Такое различие совершенно не объяснимо с точки зрения рассматриваемого мнения. Будь это различие в мелочах, в неважных и несущественных пунктах учения, тогда бы, конечно, нельзя было и придавать ему большого значения. Но указанное различие не мелочное, а существенное и важное, которое сразу обращает на себя внимание и которое не позволяет считать хлыстовщину прямым порождением богомилства. Откуда у

хлыстов появилась теория перевоплощения? Ведь её нет в учении богомилов. Откуда хлыстовское воззрение на внутреннее озарение, как на источник учения? Этого опять нет у богомилов. Откуда различие между хлыстами и богомилами в учении о злом начале? Ничего подобного не должно бы быть, если бы хлыстовщина представляла собою явление, обязанное своим происхождением богомильству.

Но нам скажут: если хлыстовщина не стоит в генетической связи с богомильством, то каким образом объяснить себе сходство между этими сектами? Здесь мы, прежде всего, заметим, что это сходство ограничивается собственно двумя чертами: дуализмом и тесно связанным с ним аскетизмом; другие же черты сходства совершенно несущественны. Затем, отметим, что эти главные черты сходства могут быть объяснены совершенно иначе, чем как объясняет его рассматриваемое мнение.¹⁰⁷

Обращаемся теперь к мнению, которое выводит хлыстовщину из кульманства.

28 апреля 1669 г. в Москву прибыл мистик Квирин Кульман. Это была натура необыкновенно живая и впечатлительная, но органически расстроенная; это – человек фантазии, живший в мире грез и мечтаний. Он учился в высших школах Эрфурта, Лейпцига, Иена и иных городов и государств. Но везде пробавлялся более легкою поэзией, чем серьезной наукой. Во время своего обучения он познакомился с мистицизмом и его представителями. Он слушал уроки прославленных мистиков своего времени: Кирхия, Луллия, Лабади, Роже, Коттера, Дробиция и Бэма. Увлечшись мистицизмом, он целью жизни своей поставил распространение этого учения везде и всюду, куда забросит его судьба. С проповедью мистицизма он прошел главные города Малой Азии, с этою же целью прибыл он и в Москву. Здесь он прожил недолго. 4 октября того-же 1669 года он был сожжен, обвиняемый в еретичестве. Но учение, распространяемое им в Москве, не умерло вместе с ним: оно привилось к русским людям и продолжало жить. В этом-то учении Квирина Кульмана и кроется источник нашей хлыстовщины.

Защитники этого мнения в своё оправдание ссылаются, во-первых, на официальные документы, касающиеся квакерства и хлыстовщины, а во-вторых, на сходство и даже, будто бы, тождество учения хлыстов и Кульмана.

«В следственном деле о Кульмане, – говорит г. Реутский, – он и его последователи прямо названы квакерами; секта *людей Божиих*, открытая в 1733 и 1744–1752 гг., также названа в следственных документах квакерскою ересью, а следственная комиссия о хлыстах, открытых в Москве в 1839 году, положительно выводит происхождение «людей Божиих» от ереси Кульмана».¹⁰⁸ Таким образом, люди, производившие следствие и чрез то имевшие возможность хорошо узнать учение хлыстов и последователей Кульмана, – говорят защитники рассматриваемого мнения, – ясно подтверждают мысль о происхождении хлыстовщины из кульманства.

Но этого мало. В вероучении хлыстов усматривается такое значительное сходство с учением Квирина Кульмана, что нельзя не признать в нём весьма влиятельного споспешника в образовании секты «людей Божиих». Сходство это заключается в следующих пунктах:

Бэм и Кульман учат, что истинные христиане получают наставления и знания лишь от Духа Св., а неистинные христиане, слуги антихристовы, поучаются от светских ученых. Люди Божии и скопцы веруют, что единственный источник всякого знания – откровение Св. Духа; книги же мертвы и ничему не учат».

«Кульман отверг учение Церкви и Священное Писание. Люди Божии и скопцы отвергают всё это и если не показывают явно, то лишь страха ради иудейского. По учению Кульмана, истинный храм Божий находится в сердце человека, а видимые церкви суть символ разрушения такого храма. Тому же веруют люди Божии и скопцы, называя церкви «мурашенными гнездами».

«По учению Кульмана, с наступлением Езуелитского царства, будет не только одна вера апостольская, но и сходбища, и сборы, и имения будут общие и все люди будут равны. У первых русских «людей Божиих» сборища были

общие, сословных различий не существовало, заработки каждого согласника приносились на сходы, которые назывались между ними «тайными беседами св. апостол и св. отцов». Кульман называет антихристом богословие и папство, а люди Божии производят антихриста от монашеского чина. Пророчества и видения, легшие в основу учения Кульмана составляют главную основу и верования людей Божиих».

«Кульман проклял науку, книги и все произведения ума человеческого. Лжесаваоф хлыстов, Данила Филипович, потопляет и старые и новые книги в Волге и не велит людям брать книги в руки».

«Кульман очищает своё семейство постом, общими молитвами и пением псалмов; и у людей Божиих чистота приобретается постом, молитвенными собраниями и пением распевов. Кульман жил со своими женами в безбрачном союзе; у людей Божиих муж должен жить с женою, как брат с сестрой».

«Кульман находил источник знания в науке сочетаний, в Луллиевых кругах и движении этих кругов; люди Божии взяли это проще и поняли конкретнее; у них кружение, верчение, радение низводит на них Св. Духа и его откровение как единый источник всякого знания».

«Кульман называл себя Иисусом Христом, званым королевичем Божиим, царем израильским. Главнейшие учителя и пророки людей Божиих назывались «христами», «царями», «царями израильскими».¹⁰⁹

Вот какие основания приводят защитники рассматриваемого мнения в своё оправдание.

Немного нужно критического внимания, чтобы видеть всю несостоятельность и ложность этих оснований. Прежде всего, официальность документов не говорит еще за их научное достоинство и справедливость их заключений. Люди, производившие следствие о Кульмане и его последователях о хлыстовщине (1733 г., в 1744–1752 гг., 1837 г.), не могут считаться компетентными в решении такого сложного и трудного вопроса, как вопрос о характере и происхождении хлыстовской секты. «Кому неизвестно, говорит Е. Барсов, до каких странностей, чтобы не сказать, до какого невежества доходили

старые следователи в своих догадках и предположениях? В одних официальных документах некоторые творения Ефрема Сирина причислены «к глупым раскольническим произведениям», в других «Размышление о величестве Божиим» Ломоносова – называли стихами безпоповщинского мудрования; в иных, наконец, – «Божественная капля» Глинки отнесена к произведениям скопческим. Да и что толковать об этом, когда были почтенные судебные следователи, которые сумели даже славянофилов причислить к сонму последователей безпоповщинского толка».¹¹⁰ К этой прекрасной характеристике былого подъячества присоединим еще следующее замечание. То, что было с сектою хлыстов в 18 столетии, случилось и с другими сектами, даже в близкие к нам времена. В официальных сведениях о духовоборческой секте от 1826 г. эта последняя смешивается с молоканством.¹¹¹ Всё это ясно показывает, что ссылка защитников рассматриваемого мнения на официальные документы в существе дела не имеют серьезного значения.

Другое основание, которое приводят в своё оправдание защитники рассматриваемого мнения, именно – существующая, будто бы, полная аналогия в учении хлыстов и Кв. Кульмана, – обязано своим происхождением неправильному пониманию сравнительного метода, которым пользуются исследователи, держащиеся разбираемого мнения. Сравнительный метод состоит не в том, чтобы на основании существования подобных явлений заключать об их генетической связи, но в том, чтобы, отделяя сходные черты, заметить особенности того и другого явления и таким образом доходить до частнейших условий, влиявших на своеобразное проявление их общего.¹¹² При сравнительном методе нужно искать прежде всего принципиального сходства, а потом уже частного, т. е. тех или других пунктов в учении. Сходство в отрицательном учении не дает еще права заключать о сходстве всего учения известных сект. По духу отрицательного, критического отношения к Церкви православной сходятся между собою не только секты мистические, но и рационалистические и даже старообрядческие. Важно не то, что такая то секта что-либо

отрицает, а то, во имя чего она это отрицает, из каких принципов она выходит в своём отрицании. Неправильное пользование сравнительным методом приводит к тому, что иногда находят сходство и генетическую связь между явлениями совершенно разнородными.¹¹³ Это именно и случилось с защитниками рассматриваемого мнения. Они поражены были внешним сходством учения Кульмана с учением хлыстов и совершенно не обратили внимания на те идеи, которые лежат в основе этих различных в существе дела доктрин. А эти-то идеи и определяют или обуславливают собою все частные пункты рассматриваемых учений, они-то и дают им смысл и значение. – Если бы всё это помнили защитники разбираемого мнения, они не стали бы связывать в своём сознании таких доктрин, которые сходны между собой не в силу внутреннего сродства идей и понятий, выражаемых ими, а в силу совершенно случайного, внешнего совпадения частных своих пунктов.

Мы не станем подробно рассматривать каждый пункт сходства, указываемый сторонниками рассматриваемого мнения, так как эта задача блестяще выполнена уже г. Е. Барсовым в его статье «Новейшие исследователи русского раскола», и обратимся к другим замечаниям по поводу разбираемого мнения.

У каждого, хотя немного ознакомленного с наукой сектоведения, рассматриваемое мнение должно вызвать такое недоумение: каким образом Кв. Кульман своим учением способствовал образованию секты «людей Божиих», когда пропаганда его падает на самый конец 17 столетия, а секта хлыстов возникла не позднее половины этого столетия? Эту очевидную для всякого несообразность сторонники рассматриваемого мнения хотят устранить тем, что считают Данилу Филиппова мифической личностью, в образовании которой принимала деятельное участие живая и еще свежая память о Кульмане. Но серьезных и веских доказательств такой догадки они не представляют, да едва-ли и могут представить. В преданиях хлыстов личность Данилы Филиппова тесно связана с личностью лжехриста Суслова и при этом не только в отношении учения, но и в отношении историческом. Данила

Филиппов призывает к себе в деревню Старую Ивана Тимофеевича и делает его своим единокровным сыном-христом, имеет с ним и после этого частые свидания и идет к нему в Москву пред самую свою смерть. Поэтому, отрицая действительность существования Данилы Филиппова, мы должны тоже сделать и по отношению к Ивану Суслову. Глубокая вера в Данилу Филиппова и глубокое уважение, которое питают к нему хлысты, служат верным ручательством действительности существования Данилы Филиппова. И доселе хлысты особенно чтут те дни, в которые, по их сказаниям, случилось то или другое событие в жизни лжезаваофа, доселе чтут вещи, которые употреблял основатель секты и которые будто бы сохранились до настоящего времени.¹¹⁴ Всё это не имело бы ни малейшего смысла, если бы Данила Филиппов не существовал в действительности. Но если и отвергнуть сказания хлыстов и не придавать ровно никакого значения почитанию ими памяти Данилы Филиппова, то нельзя не согласиться со следующими словами Надеждина: «с самых первых годов прошлого XVIII столетия описанная здесь (в розыске св. Димитрия) секта слыла уже существующею и при том в том виде, который предполагает некоторую продолжительность её существования, ибо даже и в таком случае, если б упоминаемый здесь лжехристос (Суслов) был первый в своём роде зачинщик дела дотоле небывалого, ему все-таки надо было время и время, чтобы приобрести влияние, какое он представляется уже имевшим, внушить себе столь чудовищное доверие, завестись лжебогородицей и лжеапостолами».¹¹⁵

И так несомненно, что начальный момент в истории секты «людей Божиих» падает на время гораздо раннейшее того, когда Кв. Кульман появился в Москве. А след. отмеченное недоумение сохраняет полную свою силу и является сильным препятствием признать справедливость мнения, которое усиливается поставить учение Кульмана в тесную генетическую связь с хлыстовщиной и представить последнюю порождением первого.

Далее. Можно утверждать, что между кульманством и хлыстовщиной существовала какая-либо преемственная связь? Никаких положительных данных в пользу этого мнения не существует. Наоборот, есть данные, которые говорят против этого. Пропаганда Кульмана была весьма непродолжительна и среди русских она едва-ли имела какой успех. На допросе, несмотря на пытки, Кульман не выдал ни одного русского. Это, всего вероятней, объясняется тем, что русских не было среди его последователей. Если же правительство и отнеслось так строго к нему и его последователям – исключительно немцам, то это объясняется, во-первых, общим характером отношений тогдашнего правительства к расколу и сектантству и, во-вторых, ненавистью к Кульману пасторов, требовавших его смерти. Сами защитники происхождения хлыстовщины от Кульмана невольно проговариваются в том смысле, что ересь Кульмана прошла бесследно для русского народа. Так, г. Соколов замечает, между прочим: «учение Кульмана при том переполохе, который оно вдруг произвело, никто не разузнал, не исследовал, как должно».¹¹⁶ Как же после этого можно говорить о преемственности между кульманством и хлыстовщиной, как можно утверждать, что хлыстовщина заимствовала всё своё содержание у Кульмана, когда учение этого мистика не было даже толком разузнано.

Наконец, если разбираемое мнение справедливо, если хлыстовщина прямое порождение кульманства, то спрашивается: каким образом произошло это образование хлыстовщины из кульманства, при помощи каких *агентов*? Защитники разбираемого мнения на это отвечают: Кульман влиял на образование хлыстовщины при посредстве *толков* об его казни, и вместе с тем о его учении. «Поводов к любопытству и толкам, говорит один из сторонников этого мнения, – было, как нельзя более, достаточно: все знали об ужасной казни еретиков, многие же могли видеть и то, как эти изуверы у самого костра молились Богу и воздевали свои руки к небесам. Такое обстоятельство, в тогдашнее смутное время тревожных ожиданий антихриста, не могло пройти бесследно и не возбуждать глухих толков в среде низшего слоя

монашествующих и последователей Капитона и Данилы Викулова, бывших тогда представителями русского раскола. Эти-то толки и привели Москву к хлыстовщине: вместо кульманских хилиастов-иноземцев, явились наши русские хлысты, или «люди Божии».¹¹⁷ Но мы, – вместе с Е. Барсовым, – решительно затрудняемся понять, каким образом эти толки о Кульмане, проникшие из высших слоев в среду низшего слоя монашествующих, сформировались здесь в такую же доктрину, какую проповедовал Кульман: откуда взялось «тождество пунктов» в учении хлыстов и Кульмана, о котором с такой настойчивостью говорят защитники разбираемого мнения? Этого никак не могло быть при том способе образования хлыстовщины из кульманства, который указывают сами защитники.

Все сделанные нами замечания дают нам полное право решительно отвергнуть мнение, производящее хлыстовщину от Кульмана.

Остается сделать несколько замечаний о последнем мнении первой группы, высказанном г. Ливановым в его статье: «Рационализм русских сектантов», помещенной во «Всемирном Труде» за 1868 г. – в февральской книжке. Сущность этого взгляда сводится к следующему. Хлыстовщина возникла из соединения ереси Бакшина и Косого с квакерством, или же представляет собою непосредственное порождение проповеди квакерства в невежественной толпе русского народа. Не станем долго и подробно останавливаться на этом взгляде г. Ливанова, а ограничимся только некоторыми существенными и общими замечаниями.

Едва-ли можно думать, что ересь Бакшина и Косого, появившаяся в половине XVI в., нашла себе настолько широкое распространение на Руси, что она проникла в народную массу и здесь сохранилась путем живой устной передачи вплоть до последней четверти XVII в., когда и слилась с квакерством, которое было занесено на Русь Кв. Кульманом. Бакшин и Косой, наверное, не оставили после себя преемников и их учение сохранилось лишь в пересказе опровергавших их полемистов.¹¹⁸ С другой стороны, едва-ли справедливо и то, что квакерство проникло в невежественную народную среду и,

своеобразно понятое здесь, породило русскую хлыстовщину. Мы уже отметили, что квакерство Кульмана не выходило, по всей вероятности, за тесные пределы немецкой московской колонии. Заметим в заключение, что мнение г. Ливанова так шатко, что исследователи, решавшие вопрос о происхождении хлыстовщины, или совсем не упоминают о нём, или, если и упоминают, но даже не делают о нём никаких критических замечаний.

Мы кончили обзор мнений, признающих хлыстовщину явлением заносным. Во всех этих мнениях есть одна общая и вместе с тем справедливая мысль, что между нашей хлыстовщиной и иноземными еретическими сектами и учениями есть несомненное сходство. Сходство религиозных учений, как мы уже заметили, не говорит еще в пользу мысли о генетической связи этих религиозных доктрин. Если мы станем проводить параллель между разными религиями, то, наверное, найдем черты сходства между такими из них, которые возникли совершенно независимо одна от другой. Тоже можно сказать и о религиозных сектах. В данном случае можно указать на американскую секту шекеров. Учение шекеров в основах своих чертах сходно с учением наших хлыстов, но утверждать на основании этого, что шекеры заимствовали своё учение от наших «людей Божиих», было бы большою несправедливостью. Таков тот аргумент, который является основным и главным доводом разобранных нами взглядов. Он грешит против требования логики – не утверждать в заключении больше того, что содержится в посылах. Правда, исследователи иногда не ограничиваются указанием одного только сходства между хлыстовщиной и иноземными религиозными доктринами, а приводят в доказательство своей мысли фактические данные, – но эти данные, как мы уже показали, не говорят в пользу отстаиваемой ими мысли.

Н. Высотский

(Окончание следует).

Из записок и дневников

К. Г. Толстой против Толстого // Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 455–458

Читатели «Миссионерского Обозрения» ознакомились по «Откликам» о. Михаила и по «ответу» досточтимого о. Иоанна Кронштадтского с новой книжкой Л. Толстого «обращение к духовенству». В этом воззвании к духовенству Толстой обрушился, между прочим, на Священную Историю Ветхого Завета. «Есть-ли, – восклицает он, – в христианском мире книга, сделавшая больше вреда людям, чем эта ужасная книга, называемая «Священной Историей ветхого и нового завета?» А через преподавание этой священной истории проходят в своём детском возрасте все люди христианского мира, и эта же история преподается всем взрослым людям».

Этот суровый суд Толстого над Библией Ветхого Завета дает повод к поучительной справке о том, как прежде Толстой думал о Библии вообще и о Ветхом Завете в частности. Ведь когда-то он сам преподавал Священную Историю в Яснополянской школе. Что-же он в то время думал об этом предмете? Вот, что писал он в своей статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы».

«О преподавании собственно священной истории за это время должен сказать следующее: Во-первых, о том, почему выбран первоначально Ветхий Завет. Не говоря о том, что знание священной истории требовалось как самими учениками, так и их родителями, из всех изустных передач, которые я пробовал в продолжении трех лет, ничто так не приходилось по понятиям и складу ума мальчиков, как Библия. То же самое повторилось во всех других школах, которые мне случалось наблюдать вначале. Я пробовал Новый Завет, пробовал русскую историю и географию; пробовал столь любимые в наше время объяснения явлений природы, но всё это забывалось и слушалось неохотно. Ветхий же Завет запоминался и рассказывался страстно, с восторгом и в классе, и дома, и запоминался так, что через два месяца после рассказа дети из

головы писали священную историю в тетрадках с весьма незначительными пропусками.

Мне кажется, что книга детства рода человеческого всегда будет лучшей книгой детства всякого человека. Заменить эту книгу мне кажется невозможным. Изменять, сокращать Библию, как это делают в учебниках Зонтаг и т. п., мне кажется вредным. Всё, каждое слово в ней справедливо, как откровение, и справедливо, как художество. Прочтите по Библии о сотворении мира и по краткой священной истории, и переделка Библии в священной истории вам представятся совершенно непонятною: по священной истории нельзя иначе, как заучивать наизусть; по Библии ребенку представляется живая и величественная картина, которой он никогда не забудет. Выпуски в священной истории совершенно непонятны и только нарушают характер и красоту священного Писания. Зачем, например, во всех священных историях выпущено, что, когда не было ничего, Дух Божий носился над бездной, что Бог, сотворив, оглядывает своё творение и видит, что оно хорошо, и что тогда становится утро и вечер дня такого-то. Зачем выпущено то, что Бог вдунул в ноздри душу бессмертную, что, вынув у Адама ребро, заложил место мясом и т. д. Надобно читать Библию неиспорченным детям, чтобы понять, до какой степени это необходимо и истинно. Может быть, испорченным барышням нельзя давать Библию в руки, но, читая её крестьянским детям, я не изменял и не выпускал ни одного слова. И никто не хихикал за спиной друг друга, и все слушали её с замиранием сердца и с естественным благоговением. История Лота и его дочерей, история сына Иуды возбуждают ужас, а не смех...

Как всё это понятно и ясно, особенно для ребенка, и вместе с тем как строго и серьезно!...

Для того, чтобы ученик мог отдаться весь учителю, нужно открыть ему одну сторону того покрова, который скрывал от него всю прелесть того мира мысли, знания и поэзии, в который должно ввести его учение. Только находясь под постоянным обаянием этого, впереди его блестящего света, ученик в состоянии там работать над собой, как мы того от него требуем.

Какие же средства мы имеем для того, чтобы поднять пред учениками этот край завесы?...

Я пробовал читать им Библию и вполне завладел ими. Край завесы был поднят и они отдались мне совершенно. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мне оставалось только руководить ими дальше. После Ветхого Завета я рассказал им Новый Завет, и они всё больше и больше любили ученье и меня. Потом я рассказывал им всеобщую, русскую, естественную историю, после Библии, они всё слушали, всему верили, всё дальше и дальше просились, и дальше и дальше раскрывались пред ними перспективы мысли, знания и поэзии. Может быть, это была случайность. Может быть, начав другим способом, в другой школе достигнуты были бы те же результаты. Может быть; но случайность эта повторялась слишком неизменно во всех школах и во всех семьях, и объяснение этого явления слишком для меня ясно, чтобы я согласился признать его случайностью. Для того, чтобы открыть ученику новый мир и без знания заставить полюбить его знание, нет книги, кроме Библии. Я говорю – даже для тех, которые не смотрят на Библию, как на откровение. Нет, по крайней мере, я не знаю произведения, которое бы соединило в себе в столь сжатой поэтической форме все те стороны человеческой мысли, какие соединяет в себе Библия. Все вопросы из явлений природы объясняем этою книгою, все первоначальные отношения людей между собой, семьи, государства, религии в первый раз сознаются по этой книге. Обобщение мыслей, мудрость, в детски-простой форме, в первый раз захватывает своим обаянием ум ученика. Лиризм псалмов Давида действует не только на умы взрослых учеников, но сверх того каждый из этой книги в первый раз узнает всю прелесть эпоса в неподражаемой простоте и силе. Кто не плакал над историей Иосифа и встречей его с братьями, кто с замиранием сердца не рассказывал историю связанного и остриженного Сампсона, который, отмщая врагам, сам гибнет, казня врагов, под развалинами разрушенного дворца, и еще сотни других впечатлений, которыми мы воспитаны, как молоком матери?... Пускай те, которые отрицают воспитательное значение Библии,

которые говорят, что Библия отжила, – пускай они выдумают такую книгу, такие рассказы, объясняющие явления природы или из общей истории, или из воображения, которые бы воспринимались так же, как библейские, и тогда мы согласимся, что Библия отжила.

Без Библии не мыслимо в нашем обществе, так же, как не могло быть мыслимо без Гомера в греческом обществе, развитие ребенка и человека. Библия есть единственная книга для первоначального и детского чтения. Библия, как по форме, так и по содержанию, должна служить образцом всех детских руководств и книг для чтения. Простонародный перевод Библии был бы лучшая народная книга. Появление такого перевода в наше время составило бы эпоху в истории русского народа».¹¹⁹

Искренно, горячо и правдиво!

Правда, всем известно, что Л. Толстой отрекся от прежних своих богов. Но неужели в своём прежнем восторге пред Библией, он не находит теперь даже искры правды! В чём различие между «тогда» и «теперь»? В том, что теперь он не считает Священную Историю истинной? Но он и тогда уже был, по его собственному признанию, безрелигиозным нигилистом. Однако, сам он чтит Библию и говорил, что даже неверующие должны признать за нею ничем незаменимое и огромное нравственно-просветительное значение. Это значение остается таковым и донныне.

К. Г.

Боголюбов Д. Братские замечания. (По поводу беседы со штундистом о. А. Спасского, «Мисс. Обозр.» 1903 г., кн. 11) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 458–461

1Фес.5:11.

«Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего» (Притч.27:17).

Истина, объявляемая Премудрым, особенно дорога миссионерам. Нам приходится идти узкой и тернистой тропой жизненной. Наш путь не расчищен. Мы – миссионеры – сами должны его прокладывать.

Чем же?

Своим трудом, своим терпением, молитвой в Богу и братской взаимопомощью...

С этой точки зрения мы радостно смотрим на всякую попытку тружеников миссионеров сказать слово в обличение сектантов. По этим же побуждениям иногда положительно не хочется молчать, а есть душевная потребность сказать и своё слово, в виду труда ближних.

На такие замечания наводит нас беседа с штундистом о. Спасского, помещенная в 11 кн. Мисс. Обозр. за текущий год. – Нам *кажется*, что о. Спасский – начинающий миссионер, – по крайней мере в литературном отношении. Беседа его не свободна от методических промахов, на которые мы – *sine ira et studio* – и хотим указать для пользы малоопытной братии.

Хорошо известно всем, что речь миссионера только тогда затронет сердца людские, если она проникнута *внутренней* правдой и не проповедует никакой *библейской* несообразности.

От этой основной методической истины о. Спасский отступил в своей беседе и положит на неё тем самым пятно. – Вот доказательство.

Сектант говорит о. Спасскому:

– Вы молитесь святым и просите их о своём спасении...

О. Спасский отвечает:

– Неправда. Только Господу мы молимся: «Иисусе сладчайший, спаси нас», а святым: «святителю отче Николае, моли Бога о нас», а не *спаси* нас...

О. Спасский написал, что на *это* сектант ему ничего не возразил. Верим, но догадываемся, что он имел беседу с плохим начетчиком. Более опытный и сообразительный собеседник сказал бы о. Спасскому:

– Как православные не молят святых о спасении? А Богородице они поют; «Пресвятая Богородице, спаси нас!»

С точки зрения о. Спасского получается в беседе большая неловкость, «заминка». Кроме того, неправ он и по существу: православные, действительно, просят святых о своём спасении, хотя в *особом* смысле

Между тем о. Спасский мог бы «сложить» ответ более содержательно.

– Мы веруем, что *только* Господь спасает нас Своею благодатью; но к получению этого спасения приводят нас св. угодники своими молитвами за нас и заступлением. Так Павел ап. писал Римлянам: «*как апостол язычников, я прославляю служение мое... Не спасу-ли некоторых из них?*» (Рим.11:14)

На этом основании не согрешают православные христиане, когда поют: «Пресвятая Богородице, спаси нас!»

В дальнейшем развитии беседы о. Спасский допустил еще некоторые методические погрешности. Он позабыл миссионерское правило – не приводить на беседах с сектантами *крайне скорых и ничего не доказывающих текстов*. Он, напр., приводит текст из кн. Иова: «*к кому из святых обратишься ты?*» (Иов.5:1) и думает на этом тексте обосновать *истину*, что в Ветхом Завете благочестивые люди молились умершим святым.

Сектант спросит:

– Почему вам кажется, что у Иова речь идет про умерших святых?

Миссионеру придется прибегать к *сторонним* доказательствам. Следовательно, текст из кн. Иова для беседы бесполезен.

Подобное же нужно сказать про слова ап. Петра (2Пет.1:15). Да, Апостол обещает не оставлять христиан в молитвах, – скажут сектанты, – *пока он жил во плоти*. А откуда следует, что он, действительно, молился за них после смерти?...

Опять – фигура умолчания, или «побочные наведения». В этих видах миссионеры не должны приводить в доказательство *неподходящих* текстов.

Забыл о. Спасский и то правило, что в беседах нельзя употреблять выражений, по букве противных Писанию. Он сказал: *«святые собственно не ходатайствуют, а молятся за нас»*...

Позвольте, батюшка, вам заметить, что вы идете против библейской буквы. Ап. Павел написал: *«по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас Бога»* (2Кор.1:11).

При том: зачем в беседу с крестьянами вводить туман? Что это значить: не ходатайствовать, а молиться? Кто молится Богу, тот и *ходатайствует* пред Ним...

Мы упомянули о некоторых промахах в беседе о. Спасского не за тем, чтобы причинить ему досаду: Боже сохрани!... Мы лишь раз только отмечаем, в каком младенчестве находится наша миссионерская методика я как людям опытным необходимо разрабатывать её в образцовых книжных изложениях.

О. же Спасскому большое спасибо, что он в речи сердечной и откровенной поделился с братией своими миссионерскими познаниями и своим служебным опытом. Пусть он не обижается на нас, что мы, по любви к общему делу, решились обнародовать свои *братские замечания*...

Д. Боголюбов

Крючков К., синодальный миссионер, протоиерей.
Из итогов моей прошлогодней миссионерской
деятельности¹²⁰ // Миссионерское обозрение 1903 г.
№ 14. С. 461–475

Весь июнь и начало июля я провел в поездке по Сибири. Сюда я был командирован для ведения бесед с известным защитником нетовщинской секты, слепцом Андреем Коноваловым, который ехал в Сибирь по вызову нетовцев Тобольской и Пермской губерний. Первым пунктом для ведения бесед было назначено село Брылинское, Тобольской губернии, куда я собственно и был командирован. Приехав в это село к назначенному числу, я Коновалова не нашел здесь, а от людей услышал, что он намерен прежде вести беседы в с. Каргапольском, Пермской губернии, верстах в 40 от Брылинского, – вследствие этого, не медля нисколько, я отправился в это село. По приезде сюда, я узнал, что Коновалова здесь тоже нет еще, но ждут его, и что приехал сюда австриец Усов с двумя помощниками. Через день приехал и нетовец Коновалов. С этим собеседником я встретился в первый раз еще. Здесь, в с. Каргапольском, мы с ним условились провести две беседы, – 12-го июня о Церкви, 13-го о причинах отделения раскольников от Церкви. Вторая беседа – любимый предмет Коновалова. Обе беседы происходили в единоверческом местном храме. Для слушания бесед народ приехал верст за 150–200. На беседы собралось столько слушателей, что довольно просторный храм оказался тесен и не мог вместить всех собравшихся. Пришлось устроить так, чтобы ближе к месту собеседования подошли раскольники, а православных попросили стать позади их.

На первой беседе, после предварительной речи об устройстве Христом Церкви и значении в ней священства, мною предложен был Коновалову вопрос: на веки ли установлено Христом священство в Его Церкви или на время? Коновалов прямо на вопрос не стал отвечать и стал стараться доказать, что в Церкви священства до Пятидесятницы не было, а было

общество одних простых людей, и однако это общество якобы составляло Церковь. Тут же после сего из книги о Вере прочитал слова, взяв их вне контекста: «последнее постановление имать последовати первому», и при помощи этих, отдельно взятых слов, старался доказать, что в последнее время не будет священства так же, как и в первое, до пятидесятницы – последнее по первому. Приводил он места из творений св. отцов, – блаж. Иеронима, где говорится, что, когда грешат князья Церкви и не будет церковных мужей и учителей, тогда Церковь обращается в груды мусора и делается жилищем драконов. Читал из Большого Соборника, где сказано, – ветер иссушит жилы Церкви, из творений Нила Синайского, который в одном месте под жилами разумеет епископов и т. п. Из всего приведенного Коновалов старался вытолковать, что священство в Христовой Церкви может погрешить. Мною прежде всего было замечено, что Коновалов на предложенный ему вопрос не ответил, а затем разобраны приведенные им свидетельства. В книге о Вере, – «последнее постановление последует первому», – совсем не говорится, что в последнее время не будет священства также, как будто бы не было его и в первое, до Пятидесятницы: эти слова, взятые в связи с предыдущим, означают, что как в первое время было мало верующих во Христа, так и в последнее время, – сказано там: «правовернии умалются, а зловернии умножатся», – в чём именно и будет сходство Церкви в последние времена с первенствующею – во времена гонений на христиан. Затем, в доказательство того, что священство Иисусом Христом было установлено в Церкви до Пятидесятницы, я привел из Евангелия несколько свидетельств, где говорится, как Христос постепенно облакал своих, апостолов в священную власть, из Бесед Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла, где сказано – Иакова рукоположил Христос; из Катехизиса 72 главы – словами «сие творите в моё воспоминание апостолов Христос священниками сотворил есть» и др. Коновалов после сего старался возражать, но возражения его не принесли желаемого для него результата, тем более, что он к старопечатным книгам для подтверждения своих слов совсем почти не обращался, почему мною и было напомнено

слушателям, чтобы они обратили на это внимание. Место из творений Иеронима о том, что если князья Церкви грешат... мною было разобрано и сказано, что никто не говорит, что князья Церкви не грешат, они грешат, грешили и будут грешить, могут грешить они и в вере, но не все. Были у нас князья Церкви – Арий, Македоний, Несторий и др. им подобные; эти князья, мы знаем, погрешили в догматах веры, но никто не скажет, чтобы все церковные князья погрешили тогда, а это самое главное. Все они никогда не могут погрешить в вере одновременно. Конечно, у нас в настоящее время есть и такие церкви, в которых, действительно, не обретаются ни одного даже церковного мужа или «князя». Нетовец Коновалов привел это место из творений отца Церкви, было сказано мной, как раз на свою нетовщину, – у них нет совсем священства, оно у них уже не существует, вот там-то, в этой нетовщине и есть груды мусора и жилища драконов. В подтверждение вечности священства мною было приведено много доказательств: из Благовестника – Лк. зач. 95, Мф. з. 116, из книги о Вере л. 59, из Кирилловой л. 77, где говорится, что Иисус Христос освятил своих апостолов хиротонией, а апостолы освятили епископов, имже и спребывати до скончания века обетование сотвори и что Христово священство, в лице епископов, будет вечно, даже до второго пришествия. У Коновалова во всё время беседы главным основанием его мнений были указанные места из книги о Вере и творений Иеронима о князьях Церкви, на них он стоял и повторял их в каждой речи раза по два иногда. Приводил он кроме того некоторые выдержки и из творений других отцов Церкви. Например, из 7-й части Феодорита Кирского вычитал, что Христос – вечный Первосвященник, преемства другому не передает, а из этого выводил заключение, что священство ведет начало не от Христа, посему может прекратиться. Этот довод Коновалова, перетолкованный им по своему измышлению, я опровергнул, прочитав из этой же книги Феодорита немного выше. Блаженный Феодорит в этом месте говорит о преемстве плотском. Он пишет, что в ветхом завете каждый первосвященник, отец, должен был передавать преемство своему сыну и т. д. Христово же священство продолжается не

по плотскому преемству, поэтому Феодорит и говорит, что Христос преемства не передает, но не передает преемства плотского. После этого Коновалов к сему доказательству не обращался и на мои опровержения на этот его довод больше не возражал. Приводил он и еще кое-что и посредством натяжки, в иных местах всем очевидной, старался подкрепить свои показания, но его лживые намерения обличались и обвинения, приводимые им на Церковь, обращались на его голову и на его нетовщину; вопрос же мой так и остался неразрешенным со стороны Коновалова и нетовщина неоправданной. Беседа длилась 10 часов без перерыва.

Вторая беседа состоялась на другой день с тем же собеседником «О причинах отделения раскольников от Церкви». Собеседование происходило на этом же месте и при таком же многочисленном стечении народа. Началась беседа в 10 часов утра и продолжалась до 11 вечера, т. е. 13 часов, с 15-ти минутным перерывом.

Для ведения бесед в Брылинском, среди базарной площади был устроен навес, где и происходили все беседы.

15-го состоялась беседа раскольников Коновалова и Усова-австрийца, между собою, о пришествии Илии и Еноха на землю. Православные присутствовали на сей беседе в качестве слушателей.

16-го июня я провел беседу с Усовым о Церкви и священстве. Начало беседы было в 12 часов дня и продолжалась до 9 вечера. Беседа была вообще похожа на обыкновенные беседы с австрийцами. Около середины этой беседы к нам вдруг явился Перетрухин со своим сыном. Таким образом здесь собралось 5 австрийских защитников и слепой Коновалов со своим помощником-чтецом. Перетрухин, впрочем, почему-то не счел нужным выступать на защиту своей секты, во время ведения бесед он только присутствовал на беседах, но ничего не говорил. Защищался Усов со своими помощниками. Отличительной чертой Усова, среди его товарищей по профессии, служит то, что он старается оправдать 180-ти летний период времени пребывания их секты без епископа примером из евангелия, где говорится, что когда жены

мироносицы узнали о воскресении Христа и возвестили о сем апостолам, то последние не поверили им, следовательно, по разумению Усова, не поверили воскресению Христову, и чрез это впали в погрешность. Опровергая этот довод Усова, я заметил слушателям, что защитник австрийщины не устыдился оклеветать апостолов. Желая оправдать своё безотрадное положение в течение 180-ти лет, он дерзает говорить, что апостолы впали в заблуждение, не поверив словам жен. Но тут Усов прервал меня, сказав «Миссионер неправду говорит, – я не говорил, что апостолы впали в заблуждение, это – его выдумка». На это я заметил, что мало того, что Усов говорил об этом, он даже напечатал это в своей книжонке. Не знаю уже почему, или он забыл, что в книге его есть такое выражение, или думал, что у меня нет этой книги под руками, но только опять стал резко оспаривать, что такого слова – «заблуждение» в книге нет и он его не печатал, и что я его оклеветал напрасно. К счастью, эта книга его была у меня с собой; в ней тут-же найдено было место, где Усов приписывал апостолам впадение их в заблуждение, затем, к стыду автора, и было прочитано во всеуслышание. Суждение Усова об апостолах народу очень не понравилось. Затем я разъяснил слушателям, как должно понимать неверие апостолов женам-мироносицам: в 92 зач. Еванг. Луки говорится смысл Христовых слов. «Наипаче же глагол воскресения» был скрыт от них – апостолов и они не поверили женам, то никак нельзя говорить, что они (до «отвержения ума их разумети писания») впали в погрешность или заблуждение. Затем, когда я привел из книги о Вере место, где говорится, что врата адова не одолеют Церкви, ниже апостольских престолов, то Усов, не имея что на это возразить, заявил, что эти слова в книге о Вере написал еретик. Этим своим возражением он в конец унизил себя – нашел в почитаемой всеми вообще старообрядцами книге еретические слова. Все доводы, какие приводил Усов в защиту своей австрийщины, были мною опровергнуты; он же вопроса – может ли священник без воли епископа принять епископа, оставить его в сущем сане и вручить ему паству, как у них это сделал беглый поп Иероним, приняв Амвросия, – так и не разрешил.

17-го была беседа Усова с Коноваловым о чиноприеме еретиков. На этой беседе они укоряли друг друга: один говорил, что у безпоповцев неправильно делается, – приходящих в их секту принимают 3-м чином простецы, а другой доказывал, что австрийцы поступили противозаконно, приняв Амвросия и помазав его миром, и взаимно доказали неправоту друг друга.

18-го состоялись 2 моих беседы с Коноваловым: 1) О вечности «жертвы», 2) О покаянии. На первой беседе, в своей вступительной речи, я в коротких словах ознакомил слушателей с установлением Христом таинства св. Причащения и затем, доказав на основании Писания, что таинство Причащения пребудет даже до второго пришествия Христова, спросил собеседника, – будет ли бескровная жертва приноситься до второго пришествия Христова или нет? Если не будет, где сказано, что эта жертва уничтожится? Коновалов стал стараться доказать, что до второго пришествия жертва не пребудет, и тем явно противоречил учению Толкового Апостола, где говорится, что жертва тела и крови Христовой пребудет, Дóндеже убо приидет, сиречь до второго пришествия. Желая подкрепить свои возражения, он приводил тексты из творений Ипполита и Иеронима, где говорится – жертва и возлияние в последнюю полседьмицу отымутся. На этом он старался устоять. Мною указано было, что выражение: – «жертва и возлияние отымутся» – не ясное, и – нельзя с уверенностью сказать, где отымутся и как. Если толковать так, как толкуют по своему умствованию нетовцы, что совсем отымутся, жертва повсеместно прекратится, то это будет противно учению слова Божия и учению всей Церкви, свидетельствующих невозможность пребывания христианина без причащения и приношения тела и крови Христовой. Жертва и возлияние могут отняться в гонительные времена Антихриста где-нибудь в одной области или стране, где будет царствовать Антихрист, или жертва не будет приноситься так явно, как теперь, а гонение, воздвигнутое Антихристом, заставить христиан скрываться в тайные места, но все-таки там будет же совершаться таинство св. причащения, как это было в первые века христианства, в гонительные времена. После этого мною опять приводились из Апостола и

других книг доказательства о вечности жертвы и пребытии её до «второго пришествия». На эти доводы Коновалов не нашел, что возражать и только требовал, чтобы я указал ему, где сказано буквально, что причащение пребудет до второго пришествия. Такое его требование казалось удивительным для слушающих, потому что мною ясно несколько раз было прочитано, что таинство тела и крови Господней пребудет до «второго пришествия». Когда он прочитал из книги Кирилловой, что «тайна беззакония деется» и «теперь посланнии от Антихриста, его предотечи, уже начинают опустошать жертву», то я этого отрицать не стал и объяснил, что этот текст как раз говорит против самого Коновалова, который ездит по России и старается опустошить бескровную жертву, – приехал в Сибирь, сидит здесь и ратует за опустошение её, про таковых то именно и говорится в кн. Кирилловой, что они предотечи и помощники Антихриста. Это сравнение произвело сильное впечатление на слушающих.

После этой беседы, продолжавшейся около 4-х часов, был сделан на полтора часа перерыв, после коего состоялась беседа и о покаянии. Во время этой беседы было доказано нетовцам, что простецы не могут разрешить кающегося и что вязать и решить грехи исповедующихся есть дело священства. Коновалов со своей стороны укорил нашу церковь за то, что она, якобы, отменила епитимьи. В обличение его клеветы на Церковь мною было прочитано место из новоисправленного требника, где сказано о том, как и за что исповедующие должны накладывать епитимьи и кому какие епитимьи давать. Этим обличалась его ложь и клевета на Церковь, якобы отменившую епитимьи.

После этой беседы 7 человек нетовцев пришли ко мне с просьбою присоединить их к св. Церкви, каковое присоединение с радостью и было исполнено с совершением над присоединяющимися св. миропомазания.

После присоединяя сих 7 человек, когда я уже собрался уезжать, приходило еще несколько женщин, тоже предъявивших желание присоединиться к св. Церкви. Но исполнить их желание

мне лично не пришлось, – я спешил на ст. ж. д. к поезду в Екатеринбург.

В Екатеринбург приехал я и мои собеседники 20-го июня. Здесь раскольники также различных толков, есть и австрийцы и нетовцы.

Видя, что публичные беседы расколоучителей между собою приносят не малую пользу православной Церкви, я опять попросил моих недавних собеседников и в Екатеринбурге провести несколько бесед между собою, на что они изъявили полное своё согласие.

21-го июня произошла беседа Коновалова и Усова об австрийской лжеиерархии.

22-го – было две беседы их же: 1) О пришествии Илии и Еноха на землю; 2) О приеме еретиков третьим чином безпоповцами. Православные были слушателями.

23-го – я провел беседу с Коноваловым о вечности Христопреданного священства. Эта беседа была весьма сходственна с беседой, проведенной мною с этим же собеседником в с. Каргопольском 12-го июня. Разница была только в том, что мною было предложено ответить, – вечно священство или нет? при чем я предупредил своего собеседника, чтобы он, для ясного решения вопроса, не уклонялся в сторону, а ответил на него прямо, не говоря о том, когда установлено священство, и что на этой беседе будет разбираться исключительно вопрос о вечности священства.

Коновалов такой постановки вопроса, по-видимому, не ожидал и, как видно, к нему не подготавливался и защита с его стороны вышла особенно слабой.

24-го сего же июня произошла моя же беседа с Усовым о священстве вообще и австрийской лжеиерархии. Эта беседа была одинакова с той беседой, которую я вел с ним же 16-го июня в с. Брылинском. Новых и сильнее первых доказательств в оправдание австрийщины Усов не привел. Мною опять было прочитано много доводов, обличающих лживость австрийского безблагодатного лжесвященства. Для слушания бесед в Екатеринбург съехалось человек 15 австрийских лжепопов: слышно было, что каждому из них было послание от их

лжеархиереев, чтобы они непременно присутствовали при беседах и слушали оправдание своей иерархии. На беседы они явились в длинных подрясниках, почти не разнящихся от подрясников православных священников и с длинными волосами. Во время бесед по вопросу австрийщины они восседали рядом со своим защитником. Мною, между прочими доказательствами, в обличение австрийщины было прочитано из Номоканона на 57 листу о том, какому осуждению подвергаются те священники или епископы, которые действуют без дозволения высшей над ними святительской власти. О таких говорится там, что они подвергаются осуждению нерукоположене действующих, а о действии последних здесь же сказано, что оно «горше есть самых тех нечестивых бесов во ангела света точию преобразующихся, но не сущих». Затем, обратясь к лжепопам, я посоветовал им принять к сведению, что вся их лжеиерархия основана на лжи и обмане, и совершенно без разрешения или благословения высшей святительской власти; поэтому им надо остричь свои длинные волосы, чтобы не соблазнять людей. В Екатеринбурге австрийщина потерпела полное поражение, с одной стороны от православных, с другой от Коновалова, который особенно нападал на лжепопов, советуя им «не распространять по Сибири дьявольскую хиротонию и обрезать длинные свои гривы». Коновалов, после каждой своей беседы с Усовым, заявлял слушателям: «Вот, братие, австрийская иерархия – бесовская! Не подумайте пойти туда! В господствующей Церкви уж лучше, по крайней мере священство законное, австрийская в 20 раз хуже».

25-го мною было проведено собеседование с Коноваловым о причинах отделения раскольников от Церкви. Во вступительной речи я указал время отделения раскольников от Церкви, именно 1653 год, по поводу издания Никоном «памяти», где предписывалось знаменоваться тремя перстами. Затем был указан ряд изменений Церковью прежде содержимых ею обрядов; указано было на 79 глав. книги Стоглава, где приводится ряд прежде бывших изменений обрядов Церкви и некоторых соборных правил, не составляющих существа веры.

После сего перечня, мной было прочитано, что Церковь изменяла некоторые обычаи, отменяла и на лучшее поставляла; указан был пример из самого Стоглава, который установил праздновать прежде уже отмененный собором праздник, субботу; Стоглав говорит, что св. отцы много кое-что оставили от правил и обычаев Церкви. После сего, руководствуясь книгой правил, я сделал перечень догматов, установленных на соборах, о которых именно Стоглав и говорит, что их не должно изменять. Затем я повторил, что было много примеров раньше, когда Церковь, обычаи и некоторые правила соборов, о которых нигде не говорится, что их нельзя изменять, действительно изменяла (как говорится и в Стоглаве), но православные христиане из-за таковых изменений от Церкви не отделялись, как сделали это наши русские раскольники, отделившись от православной церкви за двуперстие, о котором совсем не говорится в соборных правилах. После всего этого я предложил Коновалову, чтобы он указал, какие догматы или неизменяемые правила вселенских или поместных соборов нарушила наша Церковь, за что раскольники имели бы право отделиться от неё?

Коновалов всё время говорил о двуперстии. Другой причины, по которой можно было бы отделиться от Церкви, не указал. Из книги о Вере он прочитал на 73 листу о двуперстии, причем просил обратить внимание на слова, – сице исповедует святая Церковь, – вот, говорит, Церковь заповедует молиться двуперстно, а вы это изменили, значит не поверили в Церковь, поэтому, дескать, раскольники и отделились.

Мною было доказано, что сложение перстов для крестного знамения есть образ, который в Церкви употреблялся различно и двумя перстами, и тремя, а во время Златоуста одним перстом знаменовались христиане. В книге о Вере, где прочитал мой собеседник, говорится, что Церковь заповедует креститься двуперстно. Действительно, когда возникла эта книга, то в это время знаменовались двумя перстами, но это было не везде. Из истории церковной видно, что двуперстием крестились даже не во всей России, – в южных наших губерниях знаменовались издревле тремя перстами, в Восточной же Церкви все вообще

христиане содержали троеперстие. В подтверждение своих слов я сослался на книгу – Православное Исповедание, составленное киевским митрополитом Петром Могилой и подписанное всеми восточными патриархами и др. святителями. После сего я опять попросил Коновалова ответить на предложенный вопрос, – что неизменяемое нарушила Греко-российская Церковь? Не зная, что ответить на это, он уклонился от вопроса и стал вычитывать о клятвах собора 1667 года и резкие выражения наших полемистов. На это я заметил, что у нас беседа ведется о том, правильно ли раскольники отделились от Церкви, а что касается клятв и полемических выражений, то это не относится к настоящей беседе: клятва и полемисты были уже после отделения раскольников и были следствием уже возникнувшего раскола и что об этом, если угодно, можно провести отдельную беседу.

Предложенный вопрос Коновалов в течение 9-ти часовой беседы разрешить не мог и не указал довлеющей причины отделения раскольников от Церкви. В заключение беседы мною кратко было объяснено – на кого и за что были положены клятвы собора 1667 года и что резкие выражения полемистов православных возникли десятки лет спустя по появлении раскола, почему поводом к отделению раскольников от Церкви служить не могли, а самое главное, что эти выражения не принадлежат всей Церкви, их она не подтверждает и не разделяет, – а суть выражения частных лиц. В подтверждение своих слов я прочитал «изъяснение» Св. Синода о резких выражениях наших полемистов, где говорится, что Церковь мнения наших полемистов не разделяет и благословляет верным своим чадом употреблять старые обряды, если они не будут при этом соединять с ними никакого мудрования неправославного.

28 июня была проведена мною беседа в г. Тюмени с местными расколоучителями о Церкви и священстве. Беседа происходила в здании церковной школы. На беседе присутствовал Тобольский преосвященный Антоний и не мало слушателей. Беседа продолжалась около 4 часов и, заметно, произвела на слушающих доброе впечатление.

В начале июля я посетил Харьковскую епархию, где в с. Нижней Богдановке и была проведена беседа с местными раскольниками-австрийцами. Эта беседа происходила на улице около ворот одной крестьянской избушки и продолжалась около 4-х часов. Во время беседы была доказана ложность австрийской иерархии и объяснен, на основании св. Писания, смысл единоверия. Беседа была тихая и произвела на слушателей благоприятное впечатление. После беседы двое из раскольников изъявили желание присоединиться к св. Церкви и были тут же присоединены чрез совершение над ними таинства св. миропомазания. Здесь есть несколько человек присоединенных раньше. В настоящее время в с. Н. Богдановке открыт единоверческий приход и изыскиваются средства для постройки там храма. Средства для содержания причта отпущены из сумм Св. Синода.

В августе я совершил поездку в Нижний Новгород, где в это время каждый год бывает ярмарка, на которую съезжается народ со всех концов России. Весь август здесь были противораскольнические собеседования, совопросниками с раскольнической стороны выступали австрийцы Ф. Мельников и лжепоп Старков и нетовец слепец Коновалов. Все беседы велись в здании ночлежного приюта на ярмарочной площади. С австрийским лжепопом Старковым моя беседа состоялась 12-го и 13-го августа. Беседовали о священстве. Эта беседа ничем не отличалась от обыкновенных бесед с австрийскими. Старков приводил в своё оправдание те доводы, которые обыкновенно приводят все защитники австрийщины. Ложь австрийской иерархии была разоблачена во всех пунктах. На беседах присутствовали раскольнические главари: из Москвы – Бриллиантов, Ф. Мельников (который, несмотря на моё предложение провести со мною беседу, отказался) и др.

15-го августа я провел беседу с Коноваловым о том, правильно ли, т. е. следовало ли на раскольников изречь проклятие, как это сделал собор 1667 года. Эта беседа была как бы дополнением к беседе, веденной с этим же собеседником Казанским епархиальным миссионером о том, погрешила ли наша Греко-российская Церковь, допустив троеперстие.

Коновалов на обеих беседах, на моей и Казанского миссионера, вздумал было опровергать свидетельство о троеперстии Православного Исповедания и старался доказать, что Православное Исповедание книга – подложная, почему ей верить не следует. Основания его состояли в следующем: в Православном Исповедании, в предисловии, напечатана грамота Константинопольского патриарха Парфения, в которой последний говорит, что книгу эту он проверил и подписал в лете 1643. Вслед за этой грамотой печатается под одну строку подпись всех патриархов и других святителей, просматривавших и подписавших «Исповедание». Эти подписи написаны уже без обозначения времени каждой из них. Коновалов, пользуясь тем, что подписи напечатаны под строку с грамотой Парфения, где говорится, что он подписал эту книгу в 1643 году, делал вывод, будто здесь говорится, что Православное Исповедание подписано всеми 4-мя патриархами в одном 1643 году; при этом он прочитывал из II т. Истории Русск. Церкви Макария, который тоже, ссылаясь на грамоту Парфения в предисловии Православн. Исповед., говорит, что восточные патриархи подписали эту книгу в 1643 году. После этого Коновалов заключал, что это обман, книга эта подложная, потому что все патриархи во могли подкисать её в 1643 году, ибо в это время не было еще некоторых упомянутых в подписях патриархов. В 1643 году патриархом был только один Парфений, а двоих, после его подписавшихся, не было еще в числе патриархов 2 года, третий же поставлен на патриаршество только в 1643 году. Затем Коновалов возглашал, что в нашей Церкви всё зиждется на лжи и обмане и что миссионеры в беседах пользуются подложными книгами. В опровержение такого лукавого изворота моего собеседника и его нападения на Православное Исповедание, разъяснил, что в предисловии Православного Исповедания совсем не сказано, что все 4 патриарха подписались одновременно в 1643 году. В своей грамоте Парфений действительно сказал, что он подписал книгу эту в 1643 году, и это совершенно верно. Что же касается остальных трех патриархов, то в предисловии совсем не сказано, что и они подписали Исповедание в это же время.

Что касается свидетельства «Истории» Макария, то сам этот историк ссылается именно на грамоту патриарха Парфения, которая, как объяснено, не говорит о подписи всех патриархов одновременно, и поэтому его свидетельство не совсем полно и определено. После этого были прочитаны из Скрижали, напечатанной еще в 1656 году (из грамоты Константинопольского патриарха Паисия, подписанной 40 святителями восточными, после доказательства о том, что Православное Исповедание находилось на Востоке около 10-ти лет), были прочитаны слова Паисия, который, отвечая на посланные ему патр. Никоном вопросы, говорил, что он теперь в этой грамоте шлет ему ответы краткие, а если нужно будет руководство подробное, то имеется с Востока послать в Россию книгу Православное Исповедание, которую прежде проверил патриарх Парфений «старый» и другие три восточные патриарха приходили в Константинополь *по временом*, и, четше ю, подписаша. Главное внимание слушателей я обратил на выражение, – патриархи приходили в Константинополь *по временом*, четше ю, подписаша. Выражением – по временам разрушилась вся ложь Коновалова относительно Исповедания, обнаружилась и его недобросовестность при ведении бесед. Собеседник возражать не нашел возможным. Он приводил некоторые места из сочинений наших позднейших писателей, например, Успенского, Ивана Грешного и др. т. п., в писаниях которых есть много кое-чего расходящегося с общим учением нашей православной Церкви, но с ними он никакого успеха не имел. В заключение мною кратко было повторено сказанное на беседе и обращено внимание слушателей на то, что Коновалов во время беседы прибегал к обману, но всё же, несмотря ни на что, не указал никакой погрешности в учении нашей Церкви, не оправдал своего отделения от Церкви, и что клятвы собор 1667 года на раскольников, как противящихся св. Церкви, положены правильно.

В последних числах сентября и в начале октября мною посещена была Костромская епархия, где я освятил две новопостроенные для присоединенных ранее единоверцев церкви. Здесь же, в других сёлах, в это время я присоединил из

раскола к св. Церкви 367 человек. Для них в 4-х селениях разрешено построить церкви. Средства на постройку уже найдены и к постройке приступлено.

В первых числах декабря я посетил г. Харьков, где провел беседу с местными австрийцами. Беседа происходила в Озерянском соборе Покровского монастыря. Во время ведения беседы в храме присутствовал высокопреосвященный владыка Флавиан, который принял живое участие в устройении бесед в г. Харькове. Слушателей собралось очень много как раскольников, так и православных. Слушалась беседа, заметно, с большим интересом, тем более, что противораскольничьи беседы в Харькове никогда раньше не велись и из харьковцев простолудинов мало кто понимал, что такое австрийская лжеиерархия и вообще раскол. После беседы один молодой человек из беглопоповцев, Василий Демидов, вступавший со мной в беседу, заявил о своём желании присоединиться к св. Церкви, каковое присоединение, чрез таинство св. миропомазания, совершил сам владыка Флавиан. Присоединенный оказался начитанным. Образование он получил в уездном училище, – имеет призвание и желание жить среди раскольников и вести с ними беседы, вследствие чего я посоветовал ему занять место учителя в церковной школе г. Тирасполя, где довольно много раскольников и нужны для православия миссионерствующие лица. Присоединенные согласился на это и был отправлен в г. Тирасполь. В настоящее время он состоит там учителем и, как меня известили оттуда, усердно принялся за обличение раскола; ведет он пока частные беседы.

Беседа в Харькове произвела в здешнем расколе смятение, раскольники решили вызвать для защиты своего упования своих первостатейных защитников, вроде Мельникова.

Помимо означенных поездок, свободное от командировок время я проводил в с. Поиме, Пензенской губернии, где постоянно имел с поимскими раскольниками публичные и частные беседы. Из числа поимских раскольников в течение года мною было присоединено 13 человек.

Всего же присоединенных мною в 1902 году 516 человек.

Всего проведено мною 30 публичных бесед, и построено на средства добрых делителей 5 церквей.

Синодальный миссионер, протоиерей Ксенофонт Крючков

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

**Айвазов И. «Новый Путь», – в его отношении к
старым путям и к православной Церкви //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 476–487

II

«Проклятые вопросы»!... Каким тяжелым камнем они на легли на человека, как сильно сдавили его грудь в своих тисках, как полонили все его думы и погрузили его в ужасный кошмар!... Сколько раз он рвался от них на свободу, сколько раз предавал их поруганию; но..., как только собирался править над ними тризну, они воскресали и жестоко мстили ему за свой позор! И снова:

«Ночью над берегом бурного моря
Юноша грустный стоит.
Полон сомнений, с тоскою на сердце,
Так он волнам говорит:
О, разрешите мне жизни загадку –
Вечно тревожный и страшный вопрос –

... ..

В чём состоит существо человека,
Как он приходит, куда он идет,
Кто там вверху, над звездами живет»?...

Еще, кажется, никогда эти вопросы не ставились на Руси с такою силой, как в наше время. Длинный период господства у нас попиравших веру кумиров не одного скептика привел к тому, что:

«Почуял дух его смущенный,
Как много с верой потерял.
Он без надежды остается,
Ему прибежища уж нет,
И сердцем он к той бездне рвется,
Где мир когда-то видел свет»...

И вот только вчерашние скептики с сильным порывом сердца в «*Новом Пути*» заговорили, что «осмеянный отцами «мистицизм» есть единственный путь к твердому и светлому пониманию мира, жизни, себя»; что в правде о Боге, в

религиозном миропонимании кроется разгадка всех терзающих душу «проклятых вопросов»...¹²¹

Либеральный позитивно-атеистический храм дал огромную трещину... Еще недавно на его фронте гордо красовалась надпись: «моя религия – религия интеллектуальной культуры» (Гамбетта); еще недавно массы с восторгом поклонялись его кумирам и с трепетным сердцем внимали его речам; еще недавно здесь раздавалась громкая и самоуверенная проповедь, что образованный человек должен быть чужд всякого суеверия или религии и в своей жизни должен руководиться лишь началами цивилизации, прогресса и прочих «стихий мира сего»; еще недавно здесь требовали, чтобы само христианство, на ряду с другими «политическими учреждениями», прилаживалось и жило в мире с «мудростью мира» и поносили православие, как «убеждение убогих старушек Белокаменной», как «осужденный историей византизм»! И вдруг из среды доселе покорных слушателей раздался громкий протест и храм треснул, и часть его отвалилась... С яростью индийского факира и с грубой слепотой фетишиста заядлые либералы – творцы кумиров и золотых тельцов для обольщенной их пустословием толпы – набросились на «повернувших» в сторону от них и, вместо честного спора с ними, прибегли к жалкой тактике инсинуаций, клеймя «новопутейцев» страшными для людей века сего словцами!... Так проявили себя либеральные «души, висящие подобно обвислым грязным тряпкам..., хилые и больные общественным мнением»!...

Иначе, казалось бы, должны были отнестись к «Новому Пути» проповедники религиозного мирозерцания, борцы за право человека верить в Бога и в этой вере находить единственный путь к решению мировых проблем... Но и здесь «Новый Путь» был встречен далеко недружелюбно! Более того, раздались голоса, признавшие «Новый Путь» за «путь сатанинский» и «новопутейцев» – за «последователей Л. Толстого», отвергающих Христа, Церковь, таинства, иерархию.

Всматриваешься в «Новый Путь» и невольно приходишь к заключению, что последнего рода суждения о нём были

вызваны царящей на его страницах «принципиальной хаотичностью»...¹²² В самом деле, редакционное предисловие в № I-м журнала до того темно, неопределенно, до того в нём всё высказано обще, что с достоверностью можно было заключить лишь об одном, – что «Новый Путь» будет стоять «на почве религиозного миропонимания»... Но как этого мало для людей веры! Невольно приходили на мысль тьмы религиозных лжеистин... Возникал вопрос, куда поведет «Новый Путь». Обещание редакции обратить свою мысль в сторону: Гоголя, Достоевского и Вл. Соловьева не разрешало вопроса, так как особенно в наши дни принято бесцеремонно эксплуатировать именами великих писателей для прикрытия нередко совершенно чуждых им идей!... Выходящие же книжки журнала давали мало материала для суждений об его направлении. Приходилось искать ответа в трудах столпов «Нового Пути»... Но здесь-то и царил «хаос»... И не только для читателей был темен «Новый Путь», но и в среде главных сотрудников самого «Нового Пути» вскоре явилось разномыслие, вызвавшее редакционную «необходимую поправку к фельетону г. Розанова.¹²³ Тогда «новопутейцы» in corpore несколько приподняли завесу и заявили: «вся деятельность главнейших сотрудников «Нового Пути» (напр., исследование Д. С. Мережковского, «Л. Толстой и Достоевский») свидетельствует в достаточной мере о том, что они никогда не были «последователями Толстого». Точно также и все остальные обвинения (в атеизме, в неверии во Христа, в непризнании христианства за абсолютную истину) могли возникнуть только вследствие совершенного незнакомства с деятельностью главных сотрудников журнала, с его программой, направлением и содержанием».¹²⁴

Мы охотно верим этой вынужденной исповеди «Нового Пути». В ней много сказано и для намеченной нами цели – выяснить отношение «Нового Пути» к православной Церкви. Зная, что «новопутейцы» не – «последователи Толстого», не – «атеисты», а люди, верующие во Христа и признающие христианство за абсолютную истину, мы сосредоточим своё

внимание на их учении о Христе и христианстве и на согласии этого учения с воззрениями православной Церкви.

* * *

В одном из своих сочинений Д. С. Мережковский пишет: «современному европейскому человечеству предстоит неминуемый выбор одного из трех путей: первый – окончательное выздоровление от болезни, которую людям пришлось бы назвать в таком случае «Богом», выздоровление в пошлости большей, чем современная, потому что теперь все-таки они еще страдают: ведь даже и такой лакей, как Смердяков, в конце концов не выдержал, повесился; окончательное же позитивное выздоровление от «Бога» возможно лишь в совершенной, ныне только смутно предчувствуемой пошлости социальной вавилонской башни, всечеловеческого «муравейника»; второй путь – гибель от этой же болезни в окончательном упадке, вырождении, «декадентстве», в безумии Ницше и Кириллова, проповедников Человекобога, который будто бы уничтожит Богочеловека; и, наконец, третий путь – религия последнего великого соединения, великого Символа, религия Второго, уже не тайного, скрытого, как Первое, а явного Пришествия в силе и славе, – религия Конца».¹²⁵

Нет сомнения, что «третий путь» и есть собственно «Новый Путь». Но что же это за «Религия Конца»?

На это нам отвечает Мережковский приблизительно так: древнейшие многовековые культуры – арийская (древнегреческая) и семитская (иудейская) – задумались над тайной «Божьей твари», над «единством внешнего, стихийного, и внутреннего, духовного, до – и сверх – животного мира». И в то время, как арийцы с беспечною легкостью *символизировали* или *соединили* божеское, духовное с животным и даже растительным, и притом так, что в Великом Пане с Козлом, в Леде с Лебедем, в Дафнэ с Лавром трудно было отделить божеское от животного и растительного, – крошечное племя семитов во всей многообразной языческой плоти увидело лишь бездушное тело, лишь «мясо», годное для кровавых жертв и всесожжений Единому Богу Израиля. Этим ядом отречения или

умерщвления плоти, ядом, уединения в страшной духовной пустыне и почитания лишь «чистого духа», всего бескровного и *бесплотного*, иудейство заразило и поздний эллинизм, когда столкнулось с ним в школе Александрийских неоплатоников, неопифагорейцев, гностиков, – иначе в том горниле, где образовался сплав именуемый «христианскою мудрость». Только что хлынувшие из Азии в Европу новые арийские племена с детскою простотою приняли утонченнейший и опаснейший плод двух соединенных и уже истощенных культур. Посему в христианстве их поражала, пленяла, как пленяет ужас, притягивала, как притягивает бездна, именно та сторона его, которая была наиболее чуждою и противоположною их собственной природе, – сторона исключительно семитская: добродетель, как умерщвление плоти, как отречение от мира, как уединение в страшной духовной пустыне, на вершине тех столбов, на которых коченели столпники, – взгляд на собственное тело, как на нечто неискупимо-грешное, зверское, скотское, взгляд на всю животную стихийную природу, из которой они сами только что вышли и которую всё еще слишком любили, – как на порождение дьявола.

Между тем в глубине Семитства, – в Лице Мессии – Христа, совершился перевал к Арийству – от выжженной мертвой пустыни Израиля, где дымятся лишь остатки жертв, – к цветущему Божьему саду, Новому раю, где – виноградные лозы и птицы, и колосья, и белые лилии, и белые голуби рядом с мудрыми змеями, – вся многообразная, многоязычная «Божья тварь», – всё живое, животное и растительное, – словом, поворот от умерщвления плоти к *воскресению плоти*... Как будто два противоположные гения мировой культуры, – дух семитский и арийский, дух смерти и жизни, сквозь века и народы тяготели, стремились друг к другу и, наконец, вдруг встретились, как два полюса, две половины, два *пола* мира, для какого-то последнего слияния, соединения – символа...

Но древний чистый дух семитства, воплотившись в Иуде, не принял такого Мессии, не принял, потому что не понял, Сына Человеческого. Другие приняли, но тоже не поняли, что Плоть и Кровь может быть Духом и Словом. Господь претворил воду в

вино и вино в кровь. Не обратно-ли претворяется в последующие века «аскетического» христианства кровь в вино и вино в воду, святое Тело – в бестелесную святость, духовная Плоть – в бесплотную духовность, воскресение Плоти – в умерщвление плоти? Не совершается-ли здесь второе предательство, равное первому? И вследствие этого предательства, не темен-ли доньне сокровенный Лик под явным?... Последняя, страшная и «соблазняющая» тайна величайшего Символа из всех, какие были, есть и будут у человечества, – тайна соединения Духа и Слова с Плотью и Кровью – не остается-ли все еще неразгаданною?...».¹²⁶

Бросая свой взор в прошлое христианства, Мережковский с прискорбием утверждает, что «старое», «историческое», «византийское», «скопеское», «аскетическое» и «прелюбодейное» (?!) христианство обесплотило Христа, отвергло в человеке плоть, – «смело с земли, развеяло пустынным ветром», – признало, что не какая-либо часть или свойство плоти, земли, любви к себе, а вся плоть в существе своём, как мистическое начало, противоположно другому началу, как зло – добру, вечное да – вечному нет, как проклятое, бесовское – святому, божескому, что здоровье тела – состояние скотское, что «жить в Боге значит жить вне самого тела», что святость значит бестелесность, бесплотность, что дух противоположен плоти, как вечное добро вечному злу... Отсюда-де и вывод: «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо всё, что в мире – похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. – Весь мир лежит во зле». Мир есть отрицание Бога; Бог есть отрицание мира – не какой-либо части мира, а мира, как целого, как опять-таки абсолютной сущности.¹²⁷ Так Дух Семитства пронесся, как огненный вихрь, над всею европейскою культурою, иссушая последние цветы и плоды греко-римской древности, – до самого Возрождения, где, по-видимому, он изнемог. В эпоху Итальянского Возрождения «волшебный демон» Микель-Анжело впервые с небывалою смелостью обнажил человеческую плоть от тысячелетнего христианского покрова, впервые снова, после древних, заглянул

в бездну плоти и пробудил вечно юную арийскую думу о соединении божеского и зверского, «о Божьей твари», о Боге-Звере... Немного ранее Анжело, другой «идол» Возрождения – Леонардо-да-Винчи заглянул в противоположную и равную бездну духа. Но как у Анжело плоть не стала духом, так у Леонардо дух не воплотился и остался бесплотным и бескровным. Попытка Рафаэля соединить две бездны – Анжело и Леонардо – не удалась: вместо единства получилось – «и нашим и вашим», так как Рафаэль захотел быть только художником и религиозную идею принес в жертву «чистому искусству». Возрождение «не удалось»!

В наше время дух Возрождения в необычайной силой пробудился в Л. Толстом и Достоевском. Первый снова дерзнул обнажить человеческое тело от всех культурно-исторических покровов, снова заглянул в бездну плоти, – второй обнажил внутреннюю бездну, бездну духа. Первый, как тайновидец плоти, стремится к одухотворению плоти, – второй, как тайновидец духа, стремится к воплощению духа. И тот и другой в своём сознании лишь раздвоили и углубили то, что стихийно и бессознательно соединялось в Пушкине, – этом русском Рафаэле. Но если религиозное созерцание Плоти у Толстого – *тезис*, религиозное созерцание Духа у Достоевского – *антитезис* русской культуры, то не следует-ли заключить, по закону «диалектического развития», о неизбежности и русского *синтеза*, который, по своему значению, будет в то же время всемирным, о неизбежности последнего и окончательного Соединения, Символа, высшей, чем у Пушкина, потому что более глубокой религиозной, более сознательной гармонии?...
128

«Тайна Воскресения Плоти не открывается в «нынешнем христианстве», говорит Д. Мережковский;¹²⁹ еще сохраняется в нём старая семитическая религиозная закваска – это почитание «чистого духа», всего отвлеченно-духовного, бескровного и *бесплотного*, этот взгляд на животную природу, если уже не как на нечто грешное, дьявольское, то всё же унижительное, скотское, и наконец, этот столь чуждый древнему арийству, столь чисто-семитский страх перед непокрытым телом, перед

наготой, как перед чем-то постыдным, прелюбодейным, оскверняющим.¹³⁰ Открытие этой тайны – «тайны Воскресения Плоти» – предстоит лишь будущему, воинству «новому вселенскому христианству» – в нём высший *синтез, соединение, равновесие* двух начал – плотского и духовного, человеческого и божеского, земного и небесного...¹³¹ Здесь, – в этой соединяющей, *символической* глубине религиозного содержания, – животное в человеке столь же свято и небесно, как духовное, так что плоть и дух только в своих видимостях, только в явлениях – противоположны, но в последней, потусторонней сущности – едины. Здесь открывается «святость всякого тела, духовность всякой плоти», не только бесплодная святость, но и *святая плоть*, переход человеческого в божеское не только чрез духовное, но чрез животное». Здесь небо и земля имеют свои идеалы, подобно тому, как «Плоть» имеет значение самостоятельное, а не подчиненное по отношению к Духу: бездна нижняя или «небо в низу» и бездна верхняя – «небо вверху» – равноправны, равны и окончательно соединяются в «Религии Конца»...¹³²

Начало этой «Религии», начало «*Святой Плоти*» Мережковский видит в *искусстве*. Если, говорит он, сущность «исторического» христианства в умерщвлении плоти, в бесплотной духовности, то и искусство в нём не может быть святым в христианском смысле, потому что всякий художественный образ есть все-таки не бесплотная духовность, а одухотворенная плоть или воплощенный дух.¹³³ Но в «Религии Конца» искусство есть начало «*Святой Плоти*» и потому свято и при том свято не собственной святостью, а святостью *религии*, которой оно служит. Враг Рафаэля и особенно Пьетро Аретино, который признал «*искусство не для религии, а как религию*» безбожную религию наслаждения – «искусство для искусства».¹³⁴ Мережковский, а за ним и все «новопутейцы», с особенной настойчивостью твердят, что вся роскошь мира – все блага культуры, научно-философской мысли, искусства, литературы и т. п. должны быть внесены за ограду религии и там освящены религиозной истиной.¹³⁵ «Нельзя пользоваться благами культуры, пишет Минский, крадучись, урывком, прячась

от собственной совести. Мы хотим пользоваться откровенно роскошью мира, роскошью искусства, роскошью науки. Культурное общество хочет жить освященной жизнью и приходит к Церкви, как к источнику святости, не с тем, чтобы отречься от плодов культуры, а с тем чтобы освятить их».¹³⁶ Мы не хотим отречься, как того требует «историческое» христианство, от любви к жизни, к искусству, к знанию, к нашим верным учителям – Пушкину, Достоевскому, Гоголю, – говорит Философов, а хотим освятить их в Церкви, хотим сознательного принятия Церковью земли, как неба.¹³⁷

Таков компендий «Нового Вселенского Христианства» или «Религии Конца», предлагаемой русскими людьми «нового религиозного сознания» – «*Нового Пути*» Православной Церкви, от которой они ждут себе «деятельной, положительной помощи и благословения»...

Глубоко неправ г. Мережковский в своей оценке духа семитской – иудейской культуры. Нет никаких оснований утверждать, что иудей, в противовес арийцу-древнегреку, смотрел на собственное тело, как на нечто неискупимо-грешное, зверское, скотское, – на всю многообразную языческую плоть (на все племена и языки), как на бездушное тело, или мясо, годное лишь для кровавых жертв Богу Израиля, – на всю животную стихийную природу, как на порождение дьявола, – на всю вообще плоть, как на проклятое, бесовское, противоположное духовному или божескому и, наконец, на весь мир, как на отрицание Бога, и на Бога, как на отрицание всего мира...

Не знаю, сознательно или случайно, но только этот фундамент, на котором Мережковский построил своё обвинение «исторического» христианства, был взорван одним из главных сотрудников того-же «*Нового Пути*»!... В статье г. Розанова: «чувство солнца и растений у древних евреев» – читаем «между иудеем и эллином, иудаизмом и эллинизмом была разница в некоторых характеристиках, в «акценте» религиозном; но разницы, так сказать, в самом языке религии, в её душе – не было». И в иудействе г. Розанов находит «много природы», видит «таинственное с природой кохование» и притом с

природой текущей «вслед Господу», как Его «воскрилия», открывает священные изображения херувимов и «лики святых деревьев» и даже приобщенный к вере «язык цветов и плодов», усматривает «до излишества святое отношение к тварям» и светилам небесным и вообще слияние с «избранным народом» всей природы: растительной и животной и, наконец, общие у иудеев и эллинов моления и жертвы в *Иерусалимском* храме... Так что весь мир в иудействе является «Лицом Божиим»...¹³⁸

И мы полагаем, что если г. Розанов не во всем здесь прав,¹³⁹ то во всяком случае он совершенно прав в своём полном отрицании взгляда г. Мережковского на дух семитской-иудейской культуры.

В самом деле, уже на первых страницах религиозно-бытового кодекса еврейского народа – библии читаем, что весь мир – «небо и земля и всё воинство их»: и свет, и тьма, и все светила небесные, и всё царство водное – рыбы большие, и всякая душа животных пресмыкающихся, и вся зелень земная, и все скоты, и гады, и звери земные, и птицы небесные и, наконец, человек были «совершены» или «созданы Богом» и что всё «это хорошо» и «хорошо весьма». В частности, там-же говорится, что именно Бог взял «одно из ребер» человека и «закрыл то место плотью», а из ребра создал жену и привел её к человеку и человек сказал: «вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть». И были, заключает бытописатель, оба *наги*, Адам и жена его, *и не стыдились*... Далее, там-же говорится, что человек был сотворен *по образу и подобию Божию* и что между ним, – а следовательно чрез него и между Богом, – и всею землею со всем её «воинством» установлена Творцом тесная связь – связь «обладания, возделания, хранения и владычества над всею землею»...¹⁴⁰

Где-же тут «умерщвление плоти», её «проклятие», её «бесовское происхождение»?! Где «страх пред наготой тела, как пред чем-то постыдным, прелюбодейным и оскверняющим»?!¹⁴¹ Где отрицание «божеского» в животном и растительном царстве?! Где отсутствие связи между человеком и остальным

миром?! Где, наконец, отрицание Богом мира, где мир, как отрицание Бога?! Разве не беспредельное уважение человека к своей плоти и при том к плоти обнаженной, – не таинственно-божественную связь между всем миром и человеком, а чрез последнего и с Богом, – не мир, как утверждение Бога и не Бога, как Творца мира, во всем разнообразии его плоти, возвещают уже первые главы книги Бытия, когда рисуют изначальный или идеальный миропорядок?!

Ну, а далее? Под влиянием злобно-разумной силы человек познает зло, – в нём появляется «похоть плоти, очес и гордость житейская»...¹⁴² Тогда-то он впервые узнает, что «наг» и, убоявшись своей наготы, спешит скрыть её под смоковым опоясанием (Быт.3:7–11). За этим первым нарушением мировой гармонии идут другие. Жена из помощницы мужу превращается как-бы в рабу его; её половые отношения к нему извращаются: «умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему *влечение твоё*, и он будет *господствовать* над тобою» (Быт.3:16). Муж обрекается на скорбный труд... Появляется смерть... Проклинается земля за грех человека и человек проклинается *от земли* за невольное участие её в его преступлении...¹⁴³

И если теперь мы пройдем через всю историю библейского Израиля, то увидим, что его отношение к своей плоти, как к святой, что его религиозное общение с «Божией тварью» и со «всею многообразной языческой плотью» всё более и более проявлялось, по мере роста его земного могущества и благоденствия. Вспомним сказания библии о том, как Сам Господь и Ангелы Его являлись *во плоти* человека (Быт.18; Дан.7), как херувимы изображались с *лицами человеческими* (Иез.41:19), как знамения Своего завета Господь клал на *плоти* человека (Быт.17; Втор.6:7–9), как жестоко был наказан Хам за осмеяние *наготы* отца своего, которая для других сыновей Ноя была *святыней*, своего рода «ковчегом откровения, на который Израильтянам нельзя было смотреть (Быт.3:21, 9:22–23; Чис.4:15–19–20), как сильно желал Иосиф окончательно почитать *костьми* своими в земле обетованной, в месте постоянного пребывания его сынов (Быт.50:25–26; Нав.24:32), как «чтились»

у Израильтян *кисти и тела* праведных мужей (Сир.48:49; Ис.66; Пс.33; 4Цар.23), как заботились Израильтяне о чистоте *тела*, узаконив «различные омовения, до плоти относящиеся» (Чис.19; Евр.9:10–13). как жестоко они карали осквернивших *тело* своё чрез оскотпление (Втор.23:1), как всего себя и плоть и кровь свою – Израиль считал «святым» (Исх.19), как, наконец, и что особенно важно, он учил о *воскресении* для жизни вечной «мертвых тел» (Ис.26:19; Ин.11:24; Лк.20:27–39; Деян.24:14–15)!...

(Продолжение следует).

И. Айвазов

Боголюбов Д. Слово защиты (1Пет.3:15) //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 488–493

В № 21 «Церковного Вестника» за текущий год помещен отзыв г. Е. М-ва о составленном нами «*Православном противосектантском катехизисе*». Этот отзыв, при наружной благожелательности лично к нам, содержит в себе не мало замечаний, подрывающих доверие к тем ответам, которые по различным вопросам мы предлагаем в катехизисе. И потому, в интересах миссионерской полемики, мы не можем оставить его без возражения.

Начнем свою речь с общей оценки названного отзыва. – Этот отзыв поражает нас *неустойчивостью* своей основной мысли, своей очевидной *неискренностью*.

Е. М-в говорит: «видно, что г. Б-ов *довольно* потрудился над составлением катехизиса и представил *довольно* солидную выборку (курсив наш) соображений и св. текстов в обличение сектантов и в подтверждение православного вероучения». Однако, пишет г. критик в конце своего отзыва, польза от катехизиса «в высшей степени проблематична».

Что это – своеобразная логика г. Е. М-ва? Если составленный нами катехизис представляет собою «*довольно солидную выборку*» всяких доказательств в защиту православного вероучения, то польза его для *православных* несомненна. Если же г. Е. М-в говорит о «проблематичности» пользы для верующих от изданного нами катехизиса, то, очевидно, ничего *солидного* по существу он не представляет. И следовательно, г. Е. М-в обличает себя сам в неискренности и в логической непоследовательности.

Но нам понятна психология той *путаницы*, в которую попал г. Е. М-в. Начав свой отзыв с великодушного замечания по поводу «относительного достоинства» составленного нами катехизиса, мало-помалу он так увлекся своим *разбирательством*, что впал во внутреннее противоречие с собою и в ожесточенный суд над нашей посильной работой.

Бедные авторы, которых так «разносят» библиографы, подобные г. Е. М-ву! Трудятся авторы над составлением своих книг; иногда для этой дели переживают огромные лишения; напрягают всю остроту своей мысли в области *неработанного*, – как в данном случае, – и вдруг какой-нибудь критик одним почерком пера сводит ваш труд к нулю

Унывать-ли авторам по сему случаю?

Нет. Им необходимо *спокойно* рассмотреть те возражения, которые предъявляет им критика. Всё надо взвесить и обсудить на глазах у *беспристрастных* читателей. Это принесет несомненную пользу делу. – Так мы и поступим, надеясь на помощь Божию...

Последуем шаг за шагом за г. Е. М-вым. Он не одобряет нас за первый же ответ на вопрос: «что есть православный противосектантский катехизис»? Ему не нравится, что этот катехизис мы составляем на данных *одной* Библии, без пособия свящ. Предания. Он ворчливо замечает: «кто не знает, что православно-христианские истины основываются не на Библии только, но вместе и на свящ. Предании».

Так. Это мы знаем. Но г. Е. М-в, очевидно, *не знает*, что бороться с сектантами, опираясь на доказательства от Предания, нельзя. И потому, если бы мы, следуя совету г. Е. М-ва, истину иконопочитания обосновывали не на текстах Св. Писания, а на свидетельстве об иконах предания, – мы шли бы вразрез с требованиями действительности. Тогда бы мы не имели права свою работу назвать «православным *противосектантским* катехизисом»... Поэтому, борясь с сектантскими заблуждениями, мы шли правильной дорогой, – целесообразно раскрывали православное вероучение на почве *одной* Библии. Братья-миссионеры, надеемся, по достоинству оценят ту *наивность*, какую обнаруживает своим заявлением г. Е. М-в.

А что *вообще-то* Апостольского предания пред Свящ. Писанием мы не унижаем, об этом свидетельствует целый соответствующий параграф в нашем катехизисе.

Таким образом первого «благопожелания» г. Е. М-ва мы решительно принять не можем.

Последуем за ним дальше. Г. Е. М-в называет «ошибкой» наше толкование *русского* слова «православие». – Так-ли это?

Выражение – «православная вера» – можно заменить равнозначим – «вера православословящая Господа». А о «правом славословии», как свойстве праведных, говорит Пс.32:1. Почему же нашим сектантам-буквоедам не указать на это библейское место для истолкования значения слова «православие»?...

«Ученый» г. Е. М-в говорит, что в Пс.32:1, нет греч слова ὀρθοξία. Конечно, потому что псалмы написаны на *еврейском* языке. Но мы замечаем, что в катехизисе мы писали не очерки из библейской философии, а старались лишь истолковать общий смысл слова «православие», о котором сектанты твердят, что его нет во всей *русской* Библии, а до греческой им дела нет. –

Предвидя, что нас могут упрекнуть в *ненаучности*, мы в скобках указали на 2Тим.2:15, – откуда *по ученому* можно произвести слово «православие». Так. обр. никакого обмана в истолковании «православия», как имени, мы не проповедуем и поэтому своей «экзегетики», опытно доказавшей свою целесообразность, *назад брать* мы не намерены

Не лучше обстоит дело с дальнейшим замечанием г. М-ва по поводу воображаемых «ошибок» в нашем катехизисе. Г. М-ов ропщет: зачем, доказывая важность канонических книг Библии для христиан, мы привели в доказательство своей мысли свидетельство из Апостола (Деян.24:14), а не слова Самого Христа (Лк.24:26–28)?

Ответ простой, вытекающий из соображений чисто миссионерских. О Христе сектанты повторяют слова Евангельские: Ему *надлежало «исполнять всякую правду»* (Мф.3:15). Потому будто бы Он исполнял ветхозаветные постановления и почитал древние свящ. книги. С наступлением времен евангельских, – утверждают многие сектанты, тень законная прошла. Не нужен теперь и Ветхий Завет...

Вот в обличение *лжи* сектантской и для *сокращения* доказательств мы привели о значении древних канонических

книг одно *бесспорно* свидетельство Апостола. Думаем, что тем мы не оскорбили Христа, и г. Е. М-в может быть покоен...

Не можем постичь также того, на каком основании г. Е. М-в говорит «составитель катехизиса имеет очень смутное представление о св. Предании». Он в недоумении спрашивает нас: «Что же выходит? Записанные апостольские изречения Христовы суть предание, и, одновременно, для понимания «записанного» необходимо еще апостольское предание!»

Представьте, г. Е. М-в, что дело обстоит *именно так*. Ап. Павел пишет христианам: «*Стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим*» (2Сол.2:15). Отсюда видим, что Св. Апостол преданием называет *всё учение Христа*, записанное и устно хранимое Церковью. Записанное предание составило новозаветные канонические книги; незаписанное Апостолами осталось жить в Церкви путем изустной передачи от одного пастыря Христова – другому; от одной Церкви апостольской – другой (ср. 2Тим.2:2).

Без пособия незаписанного Апостолами предания нельзя *правильно* понять священных книг, потому что эти книги *кратки*, часто изложены прировнено (1Пет.5:12; 2Пет.3:16). И потому всё предание апостольское христианам необходимо...

Это мы раскрывали в катехизисе. Чего же тут «смутного» чего мы наговорили противного истине Христовой?...

Обидным для себя почитаем и такое замечание г. Е. М-ва: «определение понятия Церкви (в катехизисе) неудовлетворительно. По катехизису, «Церковь Христова есть собрание верующих христиан»... Г. М-ов поправляет: не «собрание, а «общество» и не просто христиан, а православных...

В чем, же так обр., обнаруживается «неудовлетворительность» данного нами определения Церкви?

Лишь в пропуске слова «православных» и в употреблении имени «собрания», вместо «общества», которые особенно близко сердцу г. М-ва и которое он считает «традиционным».

Позволительно однако заметить, что изложенные возражения более мелочны и придирчивы, чем резонны и содержательны. Церковь Христову в катехизисе мы определяем

так: она есть «собрание верующих христиан, исповедующих *правую* евангельскую веру»...

Если христиане исповедуют «правую евангельскую веру», – явно, что они *православны*. Это понятно само собой...

С другой стороны, откуда следует, что к Церкви лучше прилагать имя общества, чем собрания? Кто освятил эту «традицию», по выражению г. М-ва?...

Прошу читателя припомнить, как Церковь Христова определяется в действительно-традиционном большом катехизисе: «Церковь есть собрание верных Божиих»...

И у апостола Павла читаем «*Когда вы собираетесь в Церковь*»... (1Кор.11:18), «*не будем оставлять собрания своего*»... (Евр.10:25). – Везде, так. обр., по выражению Апостола, к Церкви подходит глагол «собирается» и имя «собрание». Это имя освящено *традицией*. – Почему же оно не полюбилось г. М-вым?

Раскрывая понятие о Церкви, мы говорили о катехизисе: «это собрание освящается благодатными действиями, именуемыми таинствами церковными»... Г. М-ов по этому случаю наставительно замечает: «не именуемыми только, а в самом деле таковыми».

Верно. Но г. М-ву должно быть известно, что если он носит имя Евгения или Евсевия, то это значит, что таково его *действительное* имя. И потому, если мы о семи священных действиях говорим, что они в Церкви *именуются* таинствами, то мы тем не умаляем их сакраментального характера. Этим замечанием мы хотим лишь отличить их от других священнодействий, которые в Церкви *именуются* обрядами, напр., водосвятия, крапление водой и др.

Не трудно, при беспристрастном отношении к делу, понять то, почему, говоря о епископской родословной, мы вспомнили о родословии Иисуса Христа. – Наши крестьяне-сектанты туго догадываются, что значит требование миссионеров – показать происхождение сектантских пресвитеров от апостолов? Вот на помощь себе миссионеры подыскивают подходящие «святоподобия», а родословная Иисуса Христа в этом отношении замечательно освещает предмет...

Кроме того, говоря о родословной Иисуса Христа, мы и ошибки никакой не допустили, как нас обвиняет г. М-в. Когда речь идет о родословии Христа от Адама, разумеется Христос *по человечеству*, как сын земли. В таком смысле св. Матфей отцом Христовым называет Давида. – А если, подобно г. М-ву, утверждать, что Христос и по плоти был Божий, тогда для чего г. М-в стыдливо спрятал свою фамилию под сокращением, а не подписался просто: «Е. Божий?...». Все люди ведь тоже *Богом* сотворены из земли.

Остановимся еще на двух замечаниях г. М-ва о нашем катехизисе и закончим свою речь. Г. М-ву не нравится, что связью между Церковью небесной и земной мы почитаем *любовь*. Он говорит: «по простр. хр. катехизису эта связь существует как по отношению к Единой Главе, Господу нашему Иисусу Христу, так и по взаимному общению между тою и другою».

Что-то наш критик туманно выражается, как будто, действительно, «смутно» себе дело представляет!... Что-же нас соединяет с Господом и друг с другом? Критик скажет: «вера». Так. Но истинная вера непременно в любви проявляется (Ср. Иак.2:17). Следовательно, в катехизисе о связи Церкви земной с небесной мы выразились *кратко*, но *верно*. По этому поводу критику лучше бы умолчать...

Жестоко и грубо написал он последние слова своей «критики»: «неубедительны и ложны соображения г. М-ва касательно «нетленных тел»...

Чем *именно* и в каком смысле неубедительны и ложны наши соображения? Г. М-в умолчал, а потому речь его поистине для читателя неубедительна, а для нас просто *ложна*...

Но Господь с ним, с этим, благожелательным г. Е. М-вым. Мы не нашли в его отзыве, действительно полезных миссионерам данных. В этом отзыве за то много высокомерия и самоуверенности, в основе которых однако нет ничего положительного...

Останемся поэтому при том, что нами сделано, надеясь, что составленный нами катехизис принесет не «проблематическую», *истинную* пользу немощным братьям

нашим по вере и что, при содействии миссионеров, катехизис наш будет приспособлен к действительным потребностям жизни, – хотя бы для того потребовались время и упорный труд...

Д. Боголюбов

Хроника

**Миссионерские кружки в Херсонской епархии. – Из жизни Боровского раскола. – Двадцатилетие Братства св. Пафнутия. – Раскольничье упорство. – Смута из-за студного «австрийского попа». – Недоразумение в Боровской Думе по открытию сада близ могилы княгинь Урусовой и Морозовой – учениц первоучителя раскола протопопы Аввакума
// Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 494–514**

Один в поле не воин, говорит народная мудрость. И один епархиальный миссионер, ведающий дело противоотступнической миссии среди десятков тысяч сектантов, сеющих свою ложь на работных домах, пристанях и гаванях и пр. и притом – непрестанно, не может... угоняться за мухой с обухом. Нужны сотрудники и миссионерские кружки из простолюдинов. В них будущее миссии, – они среди народа и постоянно; к тому же народ к ним доверчивее, чем к официальным миссионерам. Это давнишнее наше убеждение в первых числах августа с. г. прекрасно демонстрировал в г. Одессе херсонский епарх. противосектантский миссионер М.А. Кальнев. Я имел честь, сообщает г. Гринякин быть, приглашенным им в числе других лиц на экзамен противосектантского кружка ревнителей православия. Ревнителю эти – простолюдины-человек 15¹⁴⁴ (все до 30 чел. не могли собраться в нужный день по причине беспорядков в рабочем классе) готовились г. Кальневым и его помощником г. Беловым к экзамену по обличению штунды по особым гектографированным тетрадкам, составленным г. Кальневым. В тетрадках просто и ясно изложены основания сектантства и их обличение от Писания. Экзаменуящимся «ревнителям» оппонировал в духе и стиле сектантов главным образом г. Белов. Нужно было наблюдать, с каким рвением и как толково обличали сектантское упование «ревнителю», чтобы умилиться и порадоваться тому, кому дорога св. православная вера! В нужные случаях г. Кальневым и мною познания

«ревнителей» пополнялись и пояснялись. Предметами экзаменационной беседы были – Св. Предание и почитание св. мощей со стороны апологетической и полемической. После беседы ревнители делились с нами своими наблюдениями по состоянию местной штунды. Интересно сообщение одного ревнителя, – что один из штундистов, работавших на пристани и смеявшийся над православием, с появлением там «ревнителей» почувствовал свою слабость по упованию и перешел на другую работу. Подобные кружки организованы г. Кальневым и в других местах херсонской епархии, зараженных штундой, и уже обрадованы многими обращениями из штундистской секты в православие. Дай Бог, чтобы пример г. Кальнев не остался без подражания в других епархиях!

* * *

Сентября 13 дня сего 1903 года исполнилось двадцать лет со дня открытия в г. Боровске православного братства Преподобного Пафнутия, Бобровского Чудотворца, и в конце того же месяца наступит 22-й год со времени открытия публичных собеседований с боровскими старообрядцами. Собеседования эти были ведены православными миссионерами в Боровской Пятницкой церкви, и иногда, не более четырех, пяти раз за всё время, в соборе, как более других просторном храме, по воскресным дням (за исключением летних каникул) после вечерни, и были посещаемы местными архипастырями, как-то в Бозе почившими – Владимиром и Виталием и ныне управляющим калуж. епархией владыкой Вениамином. И что же? Собеседования велись православными миссионерами с полным знанием дела усердием и ревностью во весь 20-ти летний период, но не поколебали ложных убеждений блюстителей «старины», – не приблизили старообрядцев к воссоединению со святою православною нашею Церковью; и весь плод бесед в том, что они приободрили, подкрепили и воодушевили самих православных, так что не стало заметно в Боровске отпадений в раскол. Если же были и бывают присоединения из раскола, то в самом ограниченном числе и притом случайные, по особым каким-либо обстоятельствам, как, например, при браках. В первое время, по открытии

собеседований, последователи старообрядчества охотно посещали их, но потом Боровские заправители раскола – лжепопы и попечители стали воспрещать своим начетникам вступать в словопрения с православными миссионерами, а прочим своим одноверцам посещать и слушать оные. Подобный запрет особенно рельефно выразился в 1902 году. Во время миссионерского съезда в г. Боровске в мае месяце означенного года, под руководством чиновника особых поручений при Обер-Прокуроре Святейшего Синода В.М. Скворцова, сделана была попытка привлечь «на беседу по душе» вместе с попечителями моленных и их лжепопов оружнических – Илию и Карпа, и «раздорнических» – Ивана и Александра; но попытка эта не удалась. На письменное приглашение В.М. Скворцовым указанных лиц со стороны последних последовал отказ с заявлением, что они не имеют якобы у себя необходимых «для беседы по душе» книг. Чрез своего посланного они выразили при этом своё желание устроить беседу в соборе 29-го мая, которая и была объявлена, но из начетчиков Боровских никто на неё не явился; причину этого выставляли то обстоятельство, что приглашенный на беседу апологет раскола Мельников якобы не мог получить пригласительной повестки...

Уклоняясь сами от собеседований и запрещая посещать оные своим одноверцам, заправители раскола в Боровске, чтобы, с одной стороны, удержать в своих сетях членов своего общества, а с другой – привлечь к себе простой православный люд, придумывают всевозможные обвинения на нашу св. прав. Церковь, не гнушаясь при этом ни грубою ложью, ни гнусной клеветой. Следя внимательно за каждым распоряжением правительства и духовного и гражданского, Боровские старообрядцы, в лице своих заправителей, стараются каждое слово его истолковать, как доказательство своей мнимой правоты. В Высочайшем манифесте от 26 фев. с. г. они усматривают признание со стороны правительства законности и правильности их священства, а в недавно появившемся в печати извлечении из нового «Уложения от наказаний» – полную свободу, якобы дарованную им не только по строению церквей, но и на публичное отправление ими своих религиозных

обрядов. Боровские старообрядцы убеждены, что в самом непродолжительном времени, самые Кремлевские Московские соборы, со всею своею святынею, будут переданы им, лишь бы только им удалось избрать и поставить себе патриарха. А когда это совершится, то ревнители «старины», как они говорят и надеются, «не замедлят известить свой соборный суд» на нашу святую православную Церковь. Убеждены также старообрядцы боровские и в том, что, по новому «Уложению о наказаниях», если кто из православных отнесется не совсем почтительно к их старообрядческому требоисправителю, то будут судить его строже, чем за оскорбление «вселенороссийского попа». Не удивительно после сего, что раскол в Боровске не слабеет, а крепко накрепко стоит, не вянет, а цветет, и что в Боровске не мало таких фанатиков, которые способны на резкие выходки против лиц православного духовенства, для примера укажу хотя на следующие факты.

1903 года марта 3 дня по городской Боровской почте было прислано православному боровскому миссионеру священнику Иоанну Жарову письмо с следующим дословным содержанием: «Милостивый Государь Иоанн Жаров!» Прошу Вас не сердиться на меня за мою мысль, которая есть истина. Я услышал на беседах 8 декабря 1902 года, вы с церковной кафедры высказывали о многом и между прочим коснулись икон, Максима Грека и благоукрашения церквей и указали на свой якобы ветхий деньми храм, и что он также требует капитального ремонта тысячи на три. Я как услышал три тысячи и непременно с порядочным хвостиком, то я стал думать, как бы горевать и мучиться за эти деньги и днем и ночью, и оные не идут из моей головы и в ушах звучат три тысячи. Да что такое три тысячи? Пустой звук? Нет! это деньги, это не многими презренный звонкий металл, которым можно сделать много людей счастливыми, сытыми, обутыми, одетыми, согретыми. А вы? Хотите уничтожить эту силу на совершенно ненужную роскошь, как выразился ты, на благоукрашение храма, которое вы надеетесь поведет народ в рай. Да, могучую и чудесную силу будут иметь те резьбы, те апокалипсические коньки, позолоченные Зверкиным» (местный позолотных дел мастер).

«Но к чему всё это? Нужно ли это благолепие, чуждое души и сердца первых христиан? Я могу с уверенностью непогрешимо сказать: нет. Это нисколько не повлияет па христиан прихожан в деле их спасения. Станет ли лучше прихожанин? Я думаю, что нет. Станут ли неопустительно посещать храм? Нисколько; разве лишний человек зайдет из простого любопытства посмотреть искусственный рай, к уподобию которого сильно еще стремятся умные жрецы и глупые жертвователи. Максима Грека посадили в кутузку тоже передовые люди, считающиеся умнейшими, которые думали вместе с евреями, что лучше погибнет один человек, а следовательно они думали, что делают доброе дело. И вы с кафедры сказали, что раньше служили по той рукописной книге, которая находится у вас, где было много ошибок, зачерток и все-таки по таким книгам многие спасались: значит, спасают не книги и не холодная мертвая вера, а вера живая, которая и должна быть не в благолепии храма, а в скромной богадельни-приюте. И Христос сказал, что настанет время, и настало уже, что истинные поклонницы будут поклоняться в духе везде. А по вашему выйти на амвон и учить, учить так, как сказал Глеб Успенский: «братие, братие, абие, а сам бабие». или как метко сказал Розенгейм:

Сынов, сынов, а кто они?
Это толпы голодных бедняков.
А это что-ж из-за углов,
Из ям, подвалов, чердаков
Глядят за истинные лица
В лохмотьях грязной нищеты?
Скажи мне, кто они, вот эти
Больные женщины и дети.
Где брат сосет из брата
Его и труд и пот и кровь,
Сосет спокойно без укора.
Внимая проповедь пастора
Про христианскую любовь.
(Лондон)

Иоанн Златоуст: «Нет нам никакой пользы от правой веры, когда жизнь наша развращена». Без комментария. Дай Господи,

чтобы ваш храм сделался подобен катакомбам, а деньги Ваши в странно и бедно-приютный дом. 1903 года Марта 1-го дня. Боровск. Загвоздкин». Это один факт; а вот и другой. В июне месяце текущего 1903 года Его Преосвященство, Преосвященнейший Вениамин, Епископ Калужский и Боровский, обзревая епархию, прибыл для обозрения церквей и Боровского уезда. Когда он, проезжая Боровском, осенял народ из кареты, благословляя его, по уставу нашей Церкви, именовсловно, то стоявший на площади, среди народа, старик-раскольник, из начетчиков, возвысил свою правую руку с двуперстным сложением, очевидно желая выразить тем, что нужно-де благословлять не именовсловно, а двухперстно, и не двумя руками, а одною десницею...

Не смягчило фанатизма Боровских старообрядцев и прославление нашею святою православною Церковью останков новоявленного Угодника Божия Серафима, Саровского Чудотворца. Известна евангельская истина: *«яко грешника Бог не послушает; не аще кто Богочтец есть и волю Его творит, того послушает»* (Ин.9:31). Святые останки Преподобного Серафима Саровского и истекающие от них, по его молитвам и предстательству, великие знамения и чудеса, ясно свидетельствуют о православии нашей Греко-российской Церкви. Преподобный Серафим жил, подвизался и угодил Господу, состоя членом той самой Церкви, к которой принадлежим мы. Если эта Церковь могла освятить его в своих недрах до того, что он еще при жизни своей мог творить чудеса, то следовательно она сохранила в себе благодать Божию всеосвящающую и спасающую, а потому есть Церковь благодатная; – святая православная. Напротив, отсутствие чудес и останков святых у глаголемых старообрядцев свидетельствует о неправославии их и есть смертный приговор расколу даже по суду уважаемой ими старопечатной книги. В книге Кирилловой писано: *«Наша Восточная вера истинная и непрелестная, Духа Святого дарование вмещает, пришествия Его сподобляется, освящаются Богоугодницы и просвещают и в Боговидения приходят богословствуют от Духа наставляеми, по совлечении ветхого человека и по смерти тело нетленно*

богоугодников пребывает, вонями благоуханными благоухает и чудотворяет кости мертвые с верою приходящим и во имя Святого милости от Бога в своих нуждах ищущим, еже в прочих верах ничтоже сих обратиши, ниже услышиши, но еще блзнь и ругание с смехом на действия и благодать даров Духа Святого, яко неверных узриши» (Кирил. кн. л. 505). После сего ясно — то, насколько велико упорство глаголемых старообрядцев: ни многочисленные чудеса, совершаемые в нашей прав. Церкви, ни нетленные останки святых, ни самые старопечатные книги, излюбленные старообрядцами и их же обличающие, не ослабляют раскольничьего упорства и не приводят их ко святой православной Церкви.

Относясь враждебно к прав. Церкви, старообрядцы не мирствуют и между собой. Безпоповцы и беглопоповцы смотрят на «австрийское священство», как на самую грубую и гнусную ересь; а «австрийские» так же смотрят на них; при этом и сами последователи австрийского священства находятся между собою в самой непримиримой вражде. С появлением на свет «окружного послания», они, как известно, разделились на приемлющих и неприемлющих оное, на «окружников» и «раздорников», — те и другие смотрят друг на друга, как на еретиков. Взаимная вражда «окружников» и «раздорных» никогда в Боровске не доходила до такого ожесточения, как в прошлом 1902 и в настоящем 1903 годах. Известно, что с самого первого момента появления «окружного послания» — приемлющие оное имели в Боровске двух лже-священников постоянно, а «неокружники» почти всегда пробавлялись одним. Если иногда и были к последним определяемы лица со званием «вторых священников», то оные здесь не уживались по нерасположенности к ним прихожан, по своему-ли неуживчивому характеру, или иногда по скудости доходов. В конце самом 1901 года, Московский противокружнический лжеепископ Иов определил в Боровскую неокружническую моленную «вторым священником» некоего Александра Михайлова Соколова. Сначала Соколов понравился своим прихожанам, как человек развязный, бойкий и знающий «писания». Окружники, как непримиримые враги раздорников,

не преминули разгласить про Александра недобрые вести, особенно после того, как Александр присоединил к своему обществу, по отречении от «окружнической ереси», 70-ти-летнюю старицу Марью Львову Калашникову, а после её смерти совершил над нею, совместно со своим старшим «священником» Иваном Потаповым Щедриным, торжественное отпевание. Не вытерпел окружнический поп Карп Лазарев Тетеркин и донес своему окружническому епископу Ионе Смоленскому и Калужскому, что в г. Боровске у противоокружников появился новый поп Александр, который начинает смущать окружников и переводить их в свою веру. Иона не замедлил грамотою от 6 Апреля 1902 года (коп. № 1) ответить, что этот «поп-Александр Михайлов Соколов, Гжацкий уроженец, рукоположен покойным Архиепископом Московским Савватием в Иванченское общество, Бельского уезда, Дунаевской волости, на храм Покрова Пресв. Богородицы, что в деревне Иванченко, – что он до уклонения в раздор состоял в вверенной ему епархии, но за тяжкие преступления подлежал извержению из сана и состоял под следствием, которое производил по его епископскому назначению сычевский священник Иоанникий Терентиев, и чтобы избежать неминуемого строгого наказания, улизнул в раздор». По получении такого ответа, окружники распространили по всему Боровску худую молву о жизни Соколова и, по внушению Ионы, дали совет раздорникам навести о нём справку. Справка была наведена и молва оказалась справедливою; противоокружники очень смутились. Поп Иван Щедрин, желая удостовериться или точнее проверить более обстоятельно добытые его прихожанами сведения о их новом попе, изъявил чрез свою духовную дочь некую Феодосию Никитину своё желание получить от Ионы сведение об Александре, и от 3-го декабря 1902 года получил от лже-епископа Ионы грамоту (коп. № 2), извещающую его, Ивана, о том, что Александр с 1-го февраля 1902 года за несвойственные его званию дела, на основании 51 правила св. Василия Великого, запрещен не на какой-либо определенный срок, а навсегда, и никогда не может быть разрешен. После этого, как Щедрин, так и многие из «прихожан»

стали опасаться приглашать Александра к исполнению потребных для них служений? Чтобы сильнее еще смутить раздорников, окружники вызвали к себе в г. Боровск Иону. Иона не замедлил явиться и пригласил к себе Александра, но Александр отверг это приглашение, как предложение епископа для него чуждого. Окружники призвали к Ионе Щедрина и последний уже сам лично услышал весьма не похвальный отзыв об Александре... Для большего же воздействия на умы прихожан Щедрин пригласил Иону к себе в моленную; Иона явился и возвестил всем, что Александр не только запрещен, но и извержен. Такое сведение об Александре привело раздорников в ужас и в моленной произошел страшный переполох. По дошедшим об этом слухам, Иов сначала запретил Александра, но потом вскоре же и разрешил, запретив уже Ивана. По причине приближений великого поста Иван лично поехал к Иову, и, в виду скорой отлучки его духовных чад из Боровска по промыслу огородничества, чтобы не оставить их без причастия и исповеди, просил Иова разрешить ему служение, чего и добился. Но ни милость «епископская», ни строгость по отношению к «священникам» не восстановили спокойствия раздорников, а, напротив, привели к большему смущению. Дошло до того, что женщины перестали подходить к Александру под крест, целовать оный из рук его, и стали ему оказывать явное неуважение. По заведенному у них обычаю «священник» чередной благословляет крестом мужской пол, а подчередной – пол женский. На чередной седмице Ивана к нему подходили все мужчины, а от Александра все женщины уклонялись, что заставило Ивана благословлять крестом одному и мужчин, и женщин. Равным образом, когда Александру приходилось кадить, то одни из прихожан в это время не кланялись ему, а другие кланялись, но неучтивым образом, – стоя спиной к Александру... Наконец Иван и его приверженцы составили бумагу о том, что не желают иметь у себя попом Александра и за подписом не только мужчин, но и женщин и девиц препроводили оную к Иову. В свою очередь и Александр отправился и рассказал всё в подробности. Иов не счел нужным проверить сказанное Александром, и обвинил во всём Ивана. В

грамоте от 1-го апреля 1903 года Иов поставил в вину Ивану следующее: 1) что он нарушил единомыслие соборная церкви, 2) нарушил священно-каноническое повеление – не допускать женщин до свидетельства, дозволив женщинам и девицам подписать составленную бумагу, и 3) оказался сообщником с еретическим епископом, вопреки канонов, воспрещающих принимать свидетельство еретиков. Затем, в той же грамоте преподал Иов Ивану наставление а) привести некоего Богомолова во смирение, чтобы он во время каждения воздавал Александру неперменную честь, якоже и прочие христиане, б) во время Богослужения, по совершении Литургии на чередной своей неделе ограждать честным крестом только пол мужской, а Александру ограждать женский, вероятно в том уповании, что когда Иван не будет подходить к женщинам с крестом, они по необходимости подойдут к Александру, чтоб не остаться совсем без крестного целования, – в) послание всё прочесть при всём обществе. Это последнее распоряжение своё Иов поручил исполнить Московскому диакону Феодору. Когда означенный диакон Феодор стал вычитывать сию «грамоту» своего «епископа» и дошел до укоризненных об Иване выражений, Федор Федоров Богомолов не выдержал такой, по его понятию, хулы на своего духовного отца, и сказал диакону: «за что вы истязуете духовника нашего? Зачем вы навязываете нам изверженных беглецов и блудников? В 80-х годах вы прислали нам попа Семена Хромова,¹⁴⁵ жизни не очень хорошей, от которого мы едва избавились, а ныне поставили нам этого Александра, явного блудника. Ужели вы нам не желаете спасения, – а ведете прямо нас к вечной гибели?» Эти слова Богомолова не понравились как диакону Феодору, так и попечителям, которые и предложили Богомолову оставить собрание. Богомолов этого не исполнил, а только отошел в сторону, и молчал до самого закрытия собрания. Обиженный «предложениями» и своего «епископа», и своих попечителей Богомолов составил от себя бумагу и отослал к Иову. В бумаге этой Богомолов изъяснял своему гневному «владыке», что Александр 1) блудник, 2) запрещенный и 3) изверженный, а потому достоин похуления по Божественным правилам, которые

он буквально и выписал из Номоканона. Вот они: «священник соблудивый, или прелюбодейство содеявый да извержется по 51 правилу Василия Великого» (Номокан. патр. Филар. л. 22 обор.), «Апостол Павел заповеда нам, глаголя о блуде: Аще ли кто от вас именуется блудным, или прелюбодей, или резоимец, или разбойник, или мздоимец и лиходей, с таковыми ни пити, ни ясти. Всех же дел злых горши есть блуд, всяк же грех творяй опрочь тела есть, а блудяй в своё тело осквернится. Той бо скверне умножившись в содомех и гоморех, и нестерпе ярость Господня на ня, но огнем и камением горящим пожже их, но в закон женитва несть греха, а любодеем и прелюбодеем судит Бог». (Больш. Потр. патр. Филар. 141 лист. обор.). «Аще кий архиерей приемлет праздна священника от иного архиерея или причетника, и сообщится ему и литургисает, да будут извержен по второму надесять правилу св. Апостол». «Правило тридесять третье св. Апостол возбраняет приимати странные священники без писания. Такожде семь надесятое правило, еже в Трулле, извержение подлатает епископа, приемшего странного священника без книги отпускные своею ему епископа» (Номок. л. 38 и обор.). «В виду таких грозных прещений святых Апостольских и соборных правил мы не можем», писал Богомоллов, «не только оказывать непременною честь Александру, но и сообщаться с ним в ястии и питии. При одной мысли о его извержении, мы ужасаемся и не решаемся вверять себя его руководству, дабы не погубить душ своих». Получив рукописание Богомоллова с таким содержанием, Иов прислал от 18 июня сего 1903 года новую грамоту (Коп. № 4) на имя обоих священников – Соколова и Щедрина, обвиняя последнего «в потаковности» и попустительстве Богомоллову взводить клевету на Александра, который, по мнению Иова, мог отступить от Ионы за ересь его. «По 1-му пункту соборного изложения или заветания Белокриницкого митрополита Кирилла от 23 сентября 1864 года», пишет Иов, «кто будет принуждать насильственно к принятию окружного послания и его определений и разъяснений», на том клятва будет св. отец. Поэтому Александр, продолжает Иов, «мог отступить от проклятого епископа Ионы, а ты, о. Иван, по своему невежеству,

такового проклятого еретика смел ввести в молитвенный храм, чем и осквернил его. Александр от Ионы епископа получил копию с отказной Московского Окружнического архиепископа Иоанна (Картушина), который 6 мая 1900 года дал подписку сыскной полиции не называться Архиепископом Московским и всея России, за что Александр, по 62 правилу св. Апостол, мог причислить его к числу мирских человек, а по Номоканону Александр, видя своего Окружнического Архиепископа приуподобленного не только к числу нечестивых бесов, даже горше того, чему уподобил себя Иоанн Картушин, под таким разоблаченным Архиепископом Окружническим Иоанном, под которым находится вся Окружническая Российская церковь и под проклятым епископом Ионою Смоленским и Калужским в подоблении не мог быть, и отступил от него, а равно и от всей Окружнической церкви справедливо, на основании 15 правила Второпервого Собора». Что же касается до Федора Богомолова, то Иов не только его самого, но и тех, иже с ним, просвирню и прочих, на основании 65 главы Стоглава, отлучил от своего общества и предписал, – без благого раскаяния Богомолова на письме, пред ним, Иовом, не допускать его до благословения, не иметь с ним общения в молитве, не преподавать ему никакой святыни, и при том с угрозою, что если они, иереи, окажут снисхождение ему, Богомолу, или если допустят до общения в молитве, то он благословляет достопочтеннейшим попечителям не допускать и их – иереев к Богослужению. Не преминул при этом Иов внушить Щедрину и Соколову озаботиться искоренением брадобрития, если оно еще продолжается между его пасомыми, и обличением окружнических ересей. Отрешенный и отлученный от общества Богомоллов – не из таковых, чтобы скоро мог сдаться без должного обсуждения своего положения. Не признавая себя ни в чём виновным ни против Александра, ни против Иова (а тем более против своей веры) и обвиняя, напротив, их самих в нарушении многих правил, в потере совести и чести, он не намерен покориться решению своего «епископа», и уже заручился снова письмом Ионы (Коп. № 5) к «священнику» Бельского уезда, Дунаевской волости, деревни Иванченко,

Петру Васильеву Александрову, которым Иона предписывает последнему дозволить в его присутствии подателям сего его предписания произвести следствие во вверенном ему, Александрову, приходе о поведении его предместника Александра, уклонившегося в раздор, и за что именно последний должен быть извержен из сана. Что предпримет за сим г. Богомоллов и что покажет следствие, пока неизвестно. Все относящиеся к делу Богомоллова «Архиерейские грамоты» для большей ясности помещаются в копиях ниже – в особом приложении.

Не особенно мирны и любовны боровские старообрядцы и в делах общественных, благодаря той же самой своей религиозной розни. Как известно, раскол насажден в Боровске самым первоучителем оного, протопопом Аввакумом, который до собора 1667 года дважды был ссылаем в Боровский Пафнутиев монастырь. В боровской же земляной тюрьме содержались и окончили свою злосчастную жизнь две преданные Аввакуму ученицы – родные сестры Евдокия Урусова и Федосья Морозова, – урожденные Соковнины, и были погребены здесь, хотя и неизвестно, в самой ли тюрьме или около тюрьмы. При существовании старого деревянного острога, около каменной высокой стены снаружи находился и поныне на том же самом месте, только уже, за уничтожением того острога, совершенно открытом находится, кажется, единственный во всей России сохранившийся на могиле первоучителей раскола памятник, – это надгробная каменная плита со следующей, вырезанною на камне славянскими вязью буквами, надписью: «Лета 7184 погребены на сем месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокофьевна, да ноября 20 день боярина Глеба Ивановича Морозова жена боярыня Федосья Прокофьевна, а во иноцех инокия-схимница Феодора, а дочери обе окольничего Прокофья Федоровича; а сию цку положил на сестрах своих родных боярин Федор Прокофьевич да окольничий Алексей Прокофьевич Соковнины». Плита эта обнесена почитателями почивших невысокою деревянною крашеною оградой и обсажена деревцами. И поныне к этому

месту по утрам приходят многие старообрядцы, особенно из женского пола, для воздаяния поклонения погребенным. Вот это-то самое место и послужило предметом разномыслия в боровском старообрядчестве. В самом конце прошлого 19 века, именно в 90-х годах, боровские жители надумались устроить общественный сад, собрали по подписке сумму на его устройство и обратились в думу с просьбою отвести им под сад место. Дума и отвела место близ этого памятника. Сказано и сделано: место это было выровнено, пробиты дорожки, посажены деревья и всё отведенное место было обнесено деревянною оградю. Побывавши на этом огороде, городской голова – противоокоужник – нашел, что ограда одною стороною близко примыкает к «памятнику» и приказал эту сторону ограды сломать и перенести подальше. Как водится в подобных случаях, завязалась борьба, которая протянулась долго, а между тем деревья посохли, ограда подгнила и позавалилась, а место всё снова заросло. Служащий в настоящее время, по назначению от правительства, городской голова, человек цивилизованный и не старый, в своих заботах о благоустройстве города, обратил внимание на городские потребности и нужды, которые и стремится удовлетворить. Его заботами и старанием составлена добровольная пожарная дружина с подбором музыкантов, снова расчищено отведенное под сад место, проведены аллеи и обсажены тополями, устроены клумбы для цветов, нанята прислуга для присмотра за садом, обнесенным повою деревянною оградю, и поставлены в саду два фонаря с электрическим освещением. Чтобы поддержать всё это, не обременяя города особым налогом, г. городской голова и внес в Думу предложение – ввести во время гулянья в саду музыку и плату за вход, на поддержание сада и потребностей пожарной добровольной дружины (так как музыканты будут приглашаться из членов оной). Вопрос этот был поднят в то самое время, когда было оглашено постановление Святейшего Синода о прославлении останков преп. Серафима Саровского и разъяснение с.-петербургского митрополита Антония «о содержимом в гробу», по поводу освидетельствования останков новоявленного чудотворца Саровского. Когда в собрании Думы,

состоящей почти исключительно из одних старообрядцев, дошла очередь до рассмотрения и решения вопроса о музыке в саду, слышалось много возражений. Один гласный спросил: «Может ли по закону быть дозволяема музыка на христианском кладбище?» Г-н голова ответил: «Мы рассуждаем о музыке в саду, который заходится на месте, отведенном самою Думою». «Да тут было найдено много костей христианских», возразил тот же гласный. Г. голова ответил: «При расчистке места под сад были найдены действительно человеческие кости, но едва-ли это были кости христианские, так как вместе с ними были найдены и кости конские, а христиан вместе с копиями не погребают; кроме того, при расчистке места под сад не было найдено ни одного христианского знака». «А рядом с садом чьи кости?» – возразил другой гласный, указывая в сторону, где сад и «памятник». – «Туда надо ходить не с музыкой, а с кадилом и панихиды служить». «Не панихиды, – возражает третий гласный, – а надо петь молебны, как великороссийские готовятся петь своему Серафиму». После немалых препирательств вопрос был решен большинством голосов в пользу предложения г. головы. Таким решением некоторые остались недовольны и подали протест.

Уж не додумались ли боровские старообрядцы до мысли о более открытом почитании и прославлении памяти вышеозначенных боярынь, как лиц, по их убеждению, святых и великомучениц? Но если бы им и представилось это возможным, если бы даже и удалось найти и изъять из земли кости погребенных под камнем сим, то не найдут они для себя возможным *«едиными усты и единым сердцем»* вкупе чтить оные при своем разделении на безпоповцев и поповцев, на беглопоповцев и держащихся так называемого священства австрийского, на окружников и раздорников и т. д.? Ведь Урусова и Морозова – не были безпоповками, не были и не могли быть знакомы с австрийским священством, с окружным посланием, появившемся на свет чрез 200 лет после их смерти... Они пробавлялись священниками, рукоположенными до московского собора 1667 года. Пора, кажется, одуматься господам старообрядцам и сознать вину своего самовольного

отделения от Церкви, пора усвоить ту непреложную истину, что только святая православная Церковь наша, есть Церковь благодатная, что она-то и есть, по Апостолу, *«Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины»* (1Тим.3:15).

Приложения

Копия № 1

От старообрядческого епископа Смоленского и Калужского Ионе священнику г. Боровска Карпу Лазареву Тетеркину.

«Сим имею честь вас известить, что уведомление ваше получил, в котором вы извещаете наше смирение, что в раздорническом обществе появился новый поп Александр из вверенной нашему смирению епархии. Этот поп Александр Михаилов Соколов наш гжацкий урожденец, рукоположен был в попы покойным архиепископом Савватием в Бельский уезд, Дунаевской волости, деревни Иванченко, в Иванченское старообрядческое общество на храм Покрова Пресвятыя Богородицы. До уклонения его в раздор до настоящего времени состоял во вверенной мне епархии, но за тяжкие преступления подлежал от нашего смирения, по правилам св. апостол и св. отец, извержению из священного сана. Итак, он во избежание от извержения уклонился к раздорникам. Преступления за ним, как мне сообщали тамошние обыватели, где он находился, следующие: незадолго пред отступлением его в раздор, его застали в хлеве с девицей на незаконном деле, и что, как передают мне тамошние обыватели, он находился с нею в таких незаконных близких сношениях три года, в настоящее время эта девица, как передают, осталась беременна от вышеупомянутого попа Александра. Прихожане этого попа мне не доносили, жалеючи его и под опасением, чтобы не быть без священника, находились в повременности, надеялись на его исправление. Но когда он отступил в раздор, они обнаружили все его незаконные дела. Итак, известив вас, почтительнейше вас прошу сообщить раздорническому священнику Иоанну, совместно с попечителями, о таковых его незаконных проделках. До поступления его в раздор, он находился под следствием, по всей вероятности он об этом узнал, что не избежать ему строгого наказания, а потому и улизнул к

раздорникам. Если неокружники сочтут моё извещение невероятным, то пусть они пошлют туда или наведут следствие чрез письмо, пусть спросят тамошнего своего попа и тот им скажет правду про все проделки вышеупомянутого попа Александра. За сим призываю на вас мир Божий и посылаю моё архипастырское благословение. Старообрядческий епископ, смиренный Иона смоленский и калужский».

6 апреля 1902 года. По делу А. Соколова моим смирением послан был для следствия сычевский священник Иоанникий Терентиев в приход Соколова. Из его следствия и более этого грязи и не можно описать. Из того же прихода к нашему смирению прибыл крестьянин и тоже подтверждает его проделки. А самое лучшее посоветуйте ихним попечителям съездить на местоположение, потому что они могут думать, что мы наносим на него клевету, жалеючи его, но тамо все подтвердят и никониане, какие его были проделки и кощунство.

Копия № 2

Старообрядческого епископа Смоленского и Калужского Ионы неокружническому иерею Иоанну Потапову г. Боровска, извещение.

«Сим имею честь вас известить, что я получил сведения от вашей духовной дочери Феодосии Никитиной, что вы желаете получить сведения от нашего смирения об вашем священноиерее Александре Соколове во вверенной мне епархии и уклонявшемся в ваше раздорническое общество, о котором я вам сообщаю следующее: отец Александр Соколов, по наведенным справкам о его поведении от его прихожан, нашим смирением с 1-го февраля сего года за его несвойственные его званию дела, на основании 51 правила Василия Великого, запрещен не на какой-либо определенный срок, а навсегда, т. е. никогда не должен быть разрешен, что удостоверяю подписок руки нашего смирения с приложением святительской печати. Декабря 3 дня 1903 году. Смиренный старообрядческий Иона, епископ Смоленский и Калужский. (Место печати).

Копия № 3

Г. И. Х. С. Б. П. Н.

От Московского епископа Иова извещение священноиерею Иоанну Боровскому.

«Смирение наше извещает вас, отец Иоанн, именно же в том, что я-же мог принять во внимание ваши писанные данные, которыми вы нашим смирением определенного священноиерея Александра в совокупность вам во служение изгоняете вон из среды общества наших православных христиан, да мало того вам самим его отстранять от себя, причем вы еще составили на него грамоту, в коей выражено к нашему смирению так: что отца Александра не желают его иметь совсем, а к таковой грамоте вы заставили подписаться несколько человек, даже из женского пола и девиц, а каковую грамоту сегодня от вас я же мог получить чрез о. диакона Федора московского, таковою вы грамотою многих христиан вывели из единомыслия соборной церкви, так как из вашей бумаги видится – не только отказываются христиане в почести иметь отца Александра, но даже его и совсем иметь не желают, тем вы нарушили вышесказанное единомыслие соборная церкви, о чём объясняется в большом Катехизисе на листу 121, где пишется так: «состоится же и содержится единомыслие Соборная церкви... в честипочитании Святителей и презвитеров». А чрез тебя в настоящее время в наших христианах к нашему смирению и к о. Александру вместо чести укоренилась ненависть, тем и нарушил ты единомыслие церкви Соборная. 2-е также нарушил священно-каноническое повеление, ибо вопреки книги преп. Матфея Правильника, его изречения писанного от листа 165 вы возвели буйство и ненависть и отвращение на о. Александра, где объясняется так: «Жена неприходит мужеский сан, ниже возвещает, ниже свидетельствует разве в них же мужие, не призывается, ниже согласовати сим попущено есть народне, себе же токмо согласует... и жена слепец не свидетельствует». А вы на бумаге представили множество подписей на женщин и девиц и тех ты явился возмутителем Церкви Христовой яве 3-е. Ты же оказался и сообщник с еретическим епископом, от которого мог ты принять на о. Александра лжесвидетельство яко за справедливое и ты его письменно и словесно везде бесчестил в

любодеянии, но принял ты во внимание неправильно разъяснение священных канонов, в коих отнюдь воспрещено свидетельство принимать от еретиков. Асобее хотя бы и жена любодейца свидетельствовала в любодеянии на священника, а что отнюдь этот священник не осуждается, о чём явствуется в той же книге преп. Матфея Правильника на листу 354-м, где пишется так: «Аще жена священника поклепет о блуде в обличении бывши некоторого от священника сорастлетися ей со клятвою известует неподобает клятве внимати блудницы и ибо сице такова согрешения разрешаются по глаголом достоверных свидетелей клятвою уверяющим указывается, да оставится священник Божиему Суду и Той творит отмщение вскоре», и сему изречению ты оказался нарушитель и распространитель лжесвидетельства, тем ты внес в Церковь Христову зловоние, т. е. хулу на священный сан, и тем ты превысил власть нашего смирения, что действовал чего тебе от нас отнюдь не было поручено. А всё таковое твоё нарушение священно-каноническое и возмущение Церкви Христовой объяви всему Обществу, что ты в том мог согрешить и в том о. Александра мог напрасно оклеветать и при сем всему же обществу объяви, что ты отселе будешь находиться с о. Александром в любви и единомыслии и ни что же на него такового прошлого зла помышлять не будешь, а будешь с ним иметь жительство и все священнодействия совершать согласно нашей первой грамоты. При сем и еще должен ты во обязанности исполнять когда твоя очередная бывает неделя и в таком случае при Богослужении Честным и Животворящим крестом должен ты ограждать один только мужской пол, а о. Александр женский, при чем и еще возьми в неременную обязанность наше повеление и приведи во смирение некоего Федора Феодоровича Богомолова, именно чтобы он во время назидания о. Александра отдавал ему неременную честь, якоже и прочие Христиане. С получения же Вами нашего присланного назидания, будиже ты по-прежнему или в чем-либо окажешься неисполнитель сего нашего повеления, а о неисполнении твоём, как только к нашему смирению о тебе письменное сведение донесут твои достопочтеннейшие попечители, то знай предварительно,

именно, что с тобою будет нашим смирением поступлено согласно священных правил и будешь запрещен от всякого священнодействия по всей нашей строгости, в чём буди тебе известно. Смиренный Иов епископ Московский. От сотворения мира 7411 год, месяца Апреля 1 дня. Богоспасаемое село Молохово. Таковую нашу грамоту после Божественной литургии в лице о. Иоанна и о. Александра прочтите и прочтите при том при всём обществе, о чём наше смирение и просим вас, Боголюбивии Попечители, чтобы вы её прочли со вниманием, будиже в случае по неисполнении согласно оной о. Иоанном, о таком его преступном поступке о чём нашему смирению известите, что и прошу вас. А сию грамоту по прочтении Вашем можете оставить у себя впредь до распоряжения нашего. Смиренный Иов епископ Московский.

Копия № 4

Г. И. Х. С. Б. П. Н.

От Московского епископа Иова честным отцам священноиерею Иоанну и Священно-иерею Александру Богоспасительного града Боровска о Господе радоваться.

Смирение наше поведает; письменностью заручившись Федор Федоровича г. Богомолова, который потерявши страх Божий и совесть Христианскую, невзирая на святое писание и не принимая во внимание наше душеспасительное назидание, при чем за последнее время от вас единого порицая всячески и осуждая как явного блудника и заповедует не ясти вместе от вас с единым, которого от вас и сам Окружнический епископ Иона не мог осудить до присоединения его к нам и его прихожане не могли что-либо от его пороков своему епископу доносить пока же до присоединения его к нам его прихожане не чуждались никакими таинствами для них совершаемыми им, о чём наше смирение имеет свидетельство и самого же Окружнического епископа Ионы писанное к своему священнику Карпу. После оногo свидетельства на каких же основаниях вы позволяете Богомолу зловоние вносить в общество наших православных Христиан? Быть может вы, о. Иоанн, продолжаете Богомолу в сем зловонии и сей час потаковничать. Если о. Александр мог отступить от своего

Окружнического епископа Ионы и отступив за то, что он его за непоследование Окружного послания мог над ним издеваться и требовать от о. Александра прощение, а впредь чтобы был он последователем окружного послания? О. Александр по Соборному изложению или завещанию Митрополита Белокриницкого Кирилла от 28 Сентября 1864 года по 1-му пункту, видя своего епископа Иону проклятым, в котором пункте, сказано так: «кто будет принуждать насильственно к принятию Окружного послания и его определений и разъяснений, на таковом будет клятва Св. Отец». Почему о. Александр от проклятого епископа мог отступить, а ты, о. Иоанн, по своему невежеству и по нежеланию иметь любви с о. Александром, такового проклятого еретика епископа Иону имел ввести в молитвенный храм, чем осквернил его, вопреки священных правил, а за то тебе прощено только по человеколюбию Божию, а по священным правилам должен ты совсем извержен быть. Вот куда тебя Богомолеры могли завести. 2-е О. Александр от Ионы епископа получил копию с отказной у Московского Окружнического Архиепископа Иоанна Картушина, который 6 Мая 1900 года Сыскной Полиции дал подписку, чтобы отнюдь не именоваться Архиепископом Московским и всея России, за что его о. Александр мог по 62 правилу св. Апостол причислить к числу мирских человек, хотябы он в том и каялся, а по Номоканону видя его, о. Александр, своего Окружнического Архиепископа приуподобленного не только к числу нечестивых бесов, даже и горше того, чему уподобил Иоанн Картушин себя, под таким разоблаченным Архиепископом Окружническим Иоанном, под которым находится вся Окружническая Российская Церковь и под проклятым епископом Ионом Смоленским о. Александр не мог быть в подоблении, от которых, равно и от всей Окружнической Церкви на основании 15 правила двукратного. Собора Св. Апостол, и отступил, а находя единственно только одну нашу Церковь в чистоте Православия, к которой чрез наше смирение и определено быть ему парохияльным Священником сего Богоспасаемого града Боровска. По присоединении его никто к нам по сие время не мог что-либо донести о его порочностях.

Феодор Феодорович г. Богомоллов и иже с ним его о. Александр всяческими гнустностями порицать и осуждать бесстыдно епископа, а потому Он Богомоллов и иже с ним, как то просвирня и прочие по Стоглавому Собору 65-й главы и по изречению Киприана Митрополита Киевского и всея России лишены Божией и нашего смирения благословения Богомоллов и иже с ним. Без благого о том раскаяния письменно пред нами отселе вам о. Иоанн и о. Александр, отнюдь не можете им преподавать какое-либо благословение или сподобить их какой-либо святыни или с ними иметь общение в молитве. Если же паки вы, отцы, Богомоллову и его единомысленникам будете хоть что-либо от вышесказанных святынь и благословения и прочия что здесь паки воспрещено будете преподавать и сподоблять оными, то за таковое ваше презрение благословляю достопочтеннейшим попечителям вас самих не допустить к Богослужению, а к нам обратиться за новоопределяющим на ваше место священником, которого мы можем усмотреть достойным для Богоспасаемого града Боровска, при том еще поручаю о. Диакону проверит за Вами относительно вашего частью нерадения, не имеется ли у вас допущения брадобрития и со окружными моления и прочая тому подобная, равно и о том имеете-ли старание своим пасомым объяснять и внушить о окружнических ересьях и их заблуждении. А на что и дана сия наша грамота доверенная о. Диакону Федору Московскому. Смиранный Иов епископ Московский. От сотворения мира 7411-го года Месяца Июня 18 дня. По прочтении оной вам при личности попечителей ваших, которая остается у о. Диякона, но если будут желающие с оной иметь копию, так то вы или попечители для себя, чтобы иметь в памяти, что от Нас Вам и попечителям повелено, то можете списать без возбранно, на что может о. Диякон вам дозволить.

Копия № 5

Старообрядческого епископа Смоленского и Калужского Ионы, Бельского уезда Дунаевской волости дер. Иванченко Священнику Петру Васильеву Александрову. Предписание № 32.

Предписываю вам дозволить в присутствии вашем подателям сего нашего предписания произвести следствие во

вверенном тебе нашим смирением приходе о поведении твоего Предместника, уклонившегося в раздор, попа Александра Соколова для удостоверения их о том, за что именно он должен быть извержен нашим смирением. За сим присылаю на вас мир Божий и преподаю наше Архипастырское Благословение. Старообрядческий Смиренный Иона епископ Смоленский и Калужский 13 Июня 1903 г.

Боровского Благовещенского Собора Прот. Василий Казанский

Корреспонденция «Миссионер. Обзор»., известия и заметки // Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 515–516

По поводу ответа о. Иоанна Кронштадтского гр. Л.Н. Толстому

«Мой ответ редакторам некоторых газет»

По поводу моего печатного ответа безбожнику Льву Толстому редакторы некоторых газет удостоили меня присылкой своих газетных листов с панегириками романисту. Благодарю за внимание, бумага всё терпит.

И Господь, Которому ругается Толстой публично, долготерпелив – и вам, борзописцам, долготерпит. Но напомним всем вам, господа, о лопате в руке Праведного Судии, которою Он будет веять всемирное Гумно, и Который (Судия Праведный) соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасающим (Мф.3:12; Лк.3:17). Эта лопата всем покажет, всему миру, чье слово пшеница, и чье солома. Similis simili gaudet.

Протоиерей Иоанн Кронштадтский

Из писем в редакцию

Милостивый Государь г. редактор.

Весьма понятно то внимание, с каким прочитан в № 12 редактируемого вами журнала ответ достопочтенного протоиерея отца Иоанна Сергиева Льву Толстому. Ответ этот – простой и негодующий – именно такой, какой может дать верный слуга Христов изверившемуся несчастному в своей гордыне интеллигенту. Но в ответе о. Иоанна допущена маленькая неточность. Лев Толстой в «Обращении к духовенству» указывает между прочим для унижения Библии на перепиливание в ветхозаветное время врагов пилами. По поводу этого указания отец Иоанн замечает о Л. Толстом: «слышал звон, да не знает, где он»; известно, что царь Манассия, незаконный царь Иудейский, велел перепилить на двое Исаию за его пророчество»...

Для дела неважно, знает или не знает Л. Толстой о кончине прор. Исаии, но в своём «Обращении к духовенству» он разумел царя Давида, который, будто бы, положил пленников своих «под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил их в обжигательные печи» (2Цар.12:31). Именно это событие разумел Л. Толстой в «Обращении к духовенству» и упомянул для восполнения «ряда страшных злодеяний, совершаемых еврейским народом и его предводителями». Западные хулители Библии (а Толстой – их усердный ученик) ссылаются на эту казнь врагов для унижения личности пророка Давида.

Но по адресу этих хулителей и их копииста Л. Толстого можно смело повторить выражение отца Иоанна: «слышали звон, да не знают, где он». Не в меру критичные, где не требуется этого, хулители Библии не могут отрешиться от детской доверчивости там, где текст Библии *явно* испорчен. Описанная в цитованном стихе казнь Аммонитян не только жестока, но прямо бессмысленна, если понимать её буквально: где и когда казнили врагов под железными молотилками? А стихом ранее сказано, что Давид возложил на себя венец царя Аммонитского, в котором был *талант* золота и драгоценный камень. Можно ли без сильнейшей головной боли держать на голове такой тяжелый венец? Очевидно, в рассматриваемом месте текст сильно испорчен. Здравая критика раскрыла, что тяжелый венец принадлежал не царю Аммонитскому, а огромному истукану Молоху, а Давид воспользовался из венца только драгоценным камнем. Что же касается казни Аммонитян, то 31-й стих 12-й главы 2-й кн. Царств в исправленном виде гласит следующее: «А народ, бывший в нём (в городе), он (Давид) вывел и поставил его на горные работы в рудники и при железноплавильных печах и заставил производить работы в своём хозяйстве».

Таким образом злодеяние, приписываемое пр. Давиду, оказывается недействительным.

С почтением и пожеланием успеха в вашей христианско-просветительной деятельности остаюсь Протоиерей Стефан Остроумов.

Возражение раскольничьего лжепопа¹⁴⁶

Милостивый Государь, Г-н Редактор!

В издаваемом Вами журнале за декабрь месяц 1902-й год, говорится, что на соборе старообрядческих епископов рассматривалось дело некоего священника, уличенного в прелюбодеянии, к сожалению, в статье не говорится, какой это священник. Но так как я запрещенный священник, то многие прямо относят это ко мне, чем явно пятнается моё имя, между тем как я запрещен не за прелюбодеяние, а совершенно по другим причинам, и моё дело до сих пор ни на каком соборе не рассматривалось. Итак, для восстановления истины прошу напечатать сие моё письмо в ближайшем № Вашего журнала, или печатно объяснить, что в вышеназванной статье, не меня понимает под никоем священником, запрещенным за прелюбодеяние, а если меня, то это известие не верно. В противном случае, я для восстановления истины и своей чести вынужден буду прибегнуть под покровительство суда.

Старообрядческий священник Петр Н. Черемухин. Августа 26-го 1903-го года.

Московская застава, Волковская улица д. Епифанова.

Р. S. Однако за что же вы, г. Черемухин, находитесь под запрещением? Жаль, что вы, обеляя себя, не объясняете сути дела. *Ред.*

Отклики

Михаил, иером. По поводу 19 Июля. – На «гробе» св. Серафима. – Что такое святые? – Зачем они нужны нам? – В. Недельский. – По стопам святых. – Воронеж. – Публ. лекция // Миссионерское обозрение 1903 г. № 14. С. 517–528

19 Июля было для России днем «великого торжества»: Православная Русь собралась у гроба своего нового заступника, горящего, как Серафим, – пред Господом.

Мы уже дали свой маленький отклик по поводу события (См. 12 кн. Отклики печати). Теперь по поводу этого же движения народных волн к Сарову хотим откликнуться по вопросу более общего характера.

Что такое святые? зачем мы ищем их? зачем они нужны нам? Не преступны ли эти «молитвы слуге, когда можно идти к самому Господину»? Наши случайные мысли по вопросу (большей частью чужие мысли) – будут продолжением ответа тем, которые совсем неспособны понять смысла народного движения к гробику Серафима.

Святые – кто это? Это лучшие люди из среды нас, подлинные «люди» среди хищников, которые оставили нас и переселились к Богу. Святые – умершие, но такие умершие, которые не могли умереть, потому что «жизнь» была в них. И вот эта вера в то, что Серафим жив, заставляет поклоняться мертвым останкам живого или, вернее, Живой Душе – только в мертвых и святых «следах» её.

Да, веря в жизнь души после смерти, мы не можем не верить, что умершие сильные и святые, познавшие правду жизни, с нами, около нас, смотрят на землю жалеющими очами, *смотрят и видят*.

Помните трогательный предсмертный завет старца Серафима: «когда меня не станет, ходите ко мне на гробик; ходите, когда вам время есть и чем чаще, тем лучше. Всё, что есть у вас на душе, всё о чём бы ни скорбели, что ни случилось бы с вами – всё придите, да мне на гробике, припав к земле, как живому, и расскажите. И услышу вас и скорби ваши, как

прежде. Как с живым со мной говорите. Всегда я для вас жив буду.

Мы не верим даже, а знаем, что так, что *это правда*, что с этими умершими должно говорить, как с живыми, и услышат они и нас, и скорби наши.

Не было ли бы нелепостью отрицать, что душа живая, хотя оставившая тело, может подойти к нашей душе, говорить с ней, помочь и снасти? Что может мешать этой беседе двух человеческих душ, когда допускают, верят (одинаково и толстовцы, и протестанты) в возможность беседы духа человеческого с Богом.

А если общение душ допустимо, то можно ли даже спрашивать, зачем нужны нам святые. Нам нужен их живой образ, их общение, их молитва.

Нужен их «облик зовущий»...

Святые целят нас уже тем, что они есть. Они зовут к небу, как колокол церковный, напоминают о мирах иных и иной жизни.

Ползают люди среди грязи, боятся и глаза поднять к небу чтобы не ослепил небесный свет и вот среди таких людей является святой или даже меньше: *кто-нибудь, откуда-нибудь* приносит частицу святой ризы святого, в виде светлой повести о его делах, в рассказе о нём и т. д. в виде, хотя бы, даже камешка, освященного на знаменитом Саровском камне.

Эта весть, из области иной жизни, должна поднимать и возбуждать совесть в нас, возмущать грешный покой наш тем стыдом, в котором начинается наше духовное воскресение.

Мы уже в другом месте указывали «Парамона Юродивого» Успенского. Среди людей, всю жизнь которых можно определить, как «боязливое влечение жизни», является он, Парамон. Он носил железные вериги, а говорил всего «несколько измышленных фраз, – две, либо три не больше, фраз, которые, по всей вероятности, должны-бы были выражать какую-нибудь мысль, но, по безграмотству мужика подвижника, не означали ничего. И, однако, достаточно было одного лишь появления этого человека «не от мира сего», чтобы в застоявшейся жизни произошел поразительный душевный эффект: у людей душа проснулась! Проснулась потому, что о

ней напомнил им человек в веригах, живущий, как птица небесная, «для Бога» и ни о чём другом не заботящийся... Это появление, – рассказывает один из свидетелей «события», бывший в то время мальчиком, – осчастливило нас, *оторвало наши мысли от земли* (т. е. от обыденных грошовых забот и еще более грошовых страхов), от той земли, по которой мы ползали ползком, – подняло нашу уныло согнувшуюся голову к небу и звездам, нежданно заставило его сильнее биться, заставило грудь вбирать больше воздуха».

Когда Парамона отнимают от этой, глумящейся над ним, толпы, она вдруг почувствовала, что у ней отняли что-то дорогое, нужное. Почему всё это? Да опять потому, что этим своим путем он всё же шел к Богу – в нём видели откровение о том, что возможная жизнь не ограничивается нашей жизнью, что рядом с прозой растительного существования – есть поэзия духовной жизни. Жизнь юродивого, как антитеза их жизни, отвлекала их от обычного хода мыслей, уводила в град святой и чудный жизни осмысленной.

Душа проснулась даже от одного напоминания о подлинной святости, – от одного Ферапонтовского подражания святости, какое же впечатление должна производить подлинная живая святость! Она должна быть в десятеро более зовущей и целящей.

«Святые души – для нас вечно ясные звезды, светящие нам и освещающие все опасности, каких мы легкомысленно касаемся, часто ищем их, как лучшие земные радости и утехи. То, чем живет их душа, отражается пред нами в их слове. И на лице святого, на каждом слове и мысли, лежит особенное, благодатное выражение. Их души, среди шумного мира, как чудные кельи, озарены любовью, полны мольбой, тайной и святостью и светят нам. Говоря словами св. Ефрема Сирина (Русь 2-ой вып. 157 стр.) – это звезды, светящие земле».

Это «озаренный» тип, – как мы писали, – лечащий, целебный в человечестве тип. «Благодеяние от него льется духовное, да, наконец, и физическое. Все поднимаются духом, только взирая на него, как это явно записано об о. Амвросии, как явно открылось в Серафиме. Самые проницательные люди

посещали Амвросия, напр., Толстой, Достоевский, Леонтьев, Вл. Соловьев, и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело. «Святой тип», – я сказал, – есть целебный тип. Это как бы разлитый в человечестве «Лурд», откуда исходят здоровье, веселье, облегчение жизненных тягот: веселье кроткое, веселье нравственное, ибо есть другое, безнравственное и буйное, патологическое. И как, нам думается, «преступный тип» не только несет угрозы человечеству, но и сам в себе являет падение к смерти («вырождение»), так «святой тип» содержит какой-то намек на «возрождение». Не есть-ли это отблеск, светлая тень (простите за выражение), откинутая назад, на землю, грядущую «вечною жизнью», «бессмертием души», «загробным существованием». Святой человек есть совершенно обыкновенный, но с плюсом у него этого «загробного сияния», «вечной жизни» (Розанов), с отсветом иных миров.

И этот отсвет, в свою очередь, отраженно падает на нас светлой тенью – и гонит мрак.

Поклонение святому должно *освящать*, потому что немислимо без некоторого мысленного отождествления со святым в его настроении – и духе. Настоящее поклонение это возможно только, – как справедливо рассуждает один публицист, когда мы с ясностью, доходящей до иллюзии, вмещаем в себе образ его, зажигаем в себе пламень, горящий в умершем, впитываем, хотя на минуту, святость.

«Не дерзость ли, спрашивает Меншиков, думать, что мы можем сделаться святыми от святого. Нет, отвечает он далее, мне кажется, не дерзость. Иначе, какой же смысл имели бы праведность и поклонение, если хоть не надолго, хоть на мгновение вы не делаетесь святым, прикасаясь к духовному образу святого. В минуту восторга, преклонения вы делаетесь чище, восторженнее, сострадательнее. Что-же это есть, если не святость. Повторяйте как можно чаще эти редкие мгновения, вводите их в привычку и вы приблизитесь к границам святости.

Но даже и временное, слабое хотение не пропадает бесследно. Пережить хотя немногие истинно человеческие минуты уже большое благо. Об этом вспоминаешь, как о

событии, и даже память о святых состояниях души светит, как лампада над гробом праведника» (Меншиков. Письма к ближним).

«Уберем с фона жизни русской образ Амвросия или Серафима – картину окружающей их толпы молящейся, желающей подражать, – и фон обеднеет и на этом же пространстве эти же люди сложатся в другие сцены зверства, убийства, преступления».

Святые – обогащают жизнь уже тем, что своим существованием дают веру в правду в том, что она на земле есть хоть в немногих избранниках.

«Для русской народной души», – выразился где-то хорошо знавший и беззаветно любивший русский народ Фед. Мих. Достоевский, – «измученной трудом и горем, а главное – всегдашнею несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему».

И очень понятно, почему ищет святых народная душа: в их лице она находит удостоверение, что не погибла еще правда, а значит, искать её еще можно и теперь и должно.

Чудилось мне – на гробике Серафима, что вижу его живым, – пишет один богомолец. – Стоит он на молитве на камне тысячную ночь – с брэнной верой, что Бог поможет ему одолеть врага. Он поднял к небу свои светлые голубые глаза, и бледные уста шепчут короткие слова, молитвы мытаря.

– Боже, милостив буди мне грешному.

А кругом шепчет своим непрерывным шёпотом вековой темный бор, и всё тайна, тайна, тайна

Вижу, как сияние яснее дня наполнило его келью, как стены её раздвинулись, и старец на коленях, протянув руки вперед, восклицает:

«Се Пресвятая, Пречистая, Преблагословенная Госпожа Богородица и Приснодева Мария грядет к нам!?»

И в небесной славе нисходит к «убоному Серафиму» всеильная Царица земли и неба и долго говорит с ним, как с близким и родным человеком.

...И чудится мне, поверх этого земного Серафима, согбенного старичка в белом балахончике, с больными ногами, с лицом, светящимся радостью и благодатью, другой образ.

Там, превыше небес, где непоколебимо стоит утвержденный до начала веков страшный престол Господа Славы, где первые чины ангельские не смеют поднять очей на зрак Вседержателя, – там близко-близко к великому престолу стоит он, оправданный, венчанный победным венцом, непостижимый Серафим. И звучат в моих ушах слова, сказанные в одном явлении святителя Митрофана больному в Сибири:

– Что ты не просишь помощи у Саровского старца Серафима? Он еще не прославлен на земле, но имеет великое дерзновение у Бога.

И куда обращены взоры этого праведника? К нам, на ту землю, где он был утешителем страдающих, другом одиноких. И как чудно то, что вы по опыту знаете, какое близкое участие в вашей жизни, во всех ваших обстоятельствах может принимать, если вы призываете, этот небожитель!

И чем дольше вы думаете о нём, тем светлее и чище становится на душе, – вы точно переродились и на время вернулись назад, в лучшие дни отрочества и юности. Снова, как тогда, душа ваша расширяется предчувствием чего-то светлого, прекрасного; вам кажется столь достижимо легким начать полезную, безгрешную жизнь, не готовя себе для будущего ни одного упрека. И в созерцании этого человека вы забываете все печальные опыты жизни, – всё, на что вы надеялись, чего трепетно ждали, и что не пришло, образовав незаполнимую пустоту в вашей жизни, все разочарования и горькие уроки. Всё, всё нечистое, печальное, темное смыто с вашей души, когда вам светит Серафим. И на всё зло в мире, на всякое своё горе, вы можете воскликнуть: «А Серафим?»

Пусть пред вами люда грызут друг друга; вы не скажете, что жизнь зла, когда мелькнет в вас мысль: «Серафим». Пусть люди слабы и лучшие намерения идут прахом. Вы не скажете, что правда не достижима, когда вспомните: «Серафим».

И легче от всякого горя, светло в темные дни станет кругом вас, когда вы назовете: «Серафим» (Поселянин).

Призывая к небу и Богу, преобразуя своим обликом наши души, святые намечают для нас и дальнейший путь – они не только вырывают из серой паутины – обыденщины, не только указывают на звезды, но и ведут к звездам людям и нужны не одни только маяки, но еще вожаки, лоцманы, за какими бы можно пойти.

Оторвать может и Парамон, и Ферапонт, звать в «праведную землю», не зная еще, в какой стороне она лежит, будить уверениями, что где то есть жизнь чистая, благородная, теплая, могут и тоскующие лжепророки нашего века, но вести они не могут, путей не знают.

А ведущие пути есть и именно здесь (среди святых). Нигде не найдут себе надежных руководных руководителей смиренные духом, сиротливо скорбящие о своей греховности, палимые бесконечной жаждой высочайшей правды искатели путей к истинно-человеческой жизни или, что тоже, – путей в светлеющую даль Божьего царства непреложной истины, нетленной красоты, вечно пребывающего добра, – нигде, кроме святых. Ничей пример не вдохновит, не ободрит и не окрылит их в трудном восхождении на ту духовную высоту, с которой нестрашна уже сила соблазна лукавого,

На которой ярко «сияют лучи незакатные
Правды небесной и помысла правого»? – ничей,
кроме примера святых.

К нам и только к нам можно с полным правом применить слова Пэйо о влиянии великих мертвецов.

Есть мертвецы, о которых можно сказать, что они способны оживлять более, чем живые; за невозможностью иметь перед собой живые и действующие образцы, мы можем черпать нравственную силу, горячий энтузиазм к правде, в созерцании чистой жизни этих мертвых. Правда, Пэйо имел в виду вообще великих людей, но мы почти не знаем героев добра вне лика подвижников.

«Правда, нельзя отрицать, что и «культ великих исторических личностей древнего и нового времени, живое и

чистое воспроизведение в памяти духовного облика выдающихся общественных и политических деятелей, великих благодетелей человечества, двигателей истории, незабвенных национальных героев, мужей великой души, – пославших свою мысль далеко за пределы времен, – бесспорно, должны иметь благотворнейшее влияние на наше развитие, служа неистощимым источником вдохновения на чистые мысли, благие стремления, благородные поступки... Как на явления исключительные, непостижимо-величественные и благотворные, остальное человечество взирает на них с благодарностью и благоговением, стараясь по возможности подражать их примерам в своей деятельности. Нередко самые высокие нравственные характеры делались такими именно вследствие внимательного изучения примеров величия» (Недельский В. К. О подражании святым). Но... Если мы, с некоторым вниманием рассмотрим в этот человеческий «авангард», то увидим, что эти вожаки – не всегда вожди нравственного порядка. Если не считать таких, как доктор Гааз и т. п. (это уже «святые»), между великими – много героев ума, гениев творческих – в области «нужного и полезного» и почти нет талантов нравственного творчества.

Даже те, которые вели именно к добру – подвигу для ближнего (Толстой, Торо, Чаннинг), были большей частью деятелями стоически-мозгового, не живого типа – нравственное величие их более в мозге, чем в сердце.

Кроме того, это все люди, которым подражать страшно, люди – каких-то других измерений.

Они были больше других не потому, что в душе их была большая сила отречения – любви, – а скорее потому, что у них, как титанов мысли воли, тот же нравственный запас – давал больше для блага людей. Они и содействовали не столько росту добра в людях, сколько росту *благополучия*. А великаны именно морального порядка? Где их найти, притом таких, которые в тоже время были бы «костью от костей» наших, не подавляли своим – сверхчеловеческим величием. Только – в лице святых угодников, жизнь которых была чистым и ярким отражением во мраке земного человеческого существования

святнейшей жизни Того, Кто есть Сама Истина, Само Добро и Сама Красота, – жизни Христовой. Христианские святые воплотили в себе дух евангельского учения, распространили вокруг себя силу и жизненность христианских начал, возбуждали своим примером среди святых современников ревность и любовь к духовным подвигам, удостоились за свои высокие совершенства великих благодатных дарований и знамений, стали, – скажем словами профессора Ключевского, – «для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, так что целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благотворно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного». Они вышли из нас, были плоть от плоти и кость от костей наших, а поднялись на такую высоту, о которой трудно было и помыслить, чтобы она кому-нибудь из нас была доступна... В этом именно многочисленном, как звезды небесные, «торжествующем соборе» праведников каждый из нас – богатый и бедный, образованный и необразованный, видный общественный деятель и скромный труженик, никогда не выходящий из-под крова своего убогого жилища, люди всех званий и возрастов, всякого умственного и нравственного развития – легко могут найти себе соответствующие образцы для подражания» (Недельский).

Побеждающее, влекущее значение примеров святых – (*exempla trahunt*) увеличивается еще тем, что, как мы сказали, они живы. Мы привели слова Пэйо, – что примеры «великих мертвецов» – оживляют, – но, как, конечно, отметил и сам читатель (просим его мысленно вернуться к началу статьи) – у нас эта мысль должна иметь *большую* оговорку.

Мы уже сказали, что наши святые мертвецы не *аллегорически*, а реально живы.

Отсюда и нужны они еще больше, чем своим возрождающим обликом и примером, своей «реальной» помощью...

Они не поэтический образ, а люди – и потому не могут пройти мимо душ страдающих, озлобленных, до безобразного

падения ослабевших и уступивших пороку, – они идут прямо туда; спешат на бессловные зовы гибнущих душ. Не для земли зажжены далекие звезды, но светят в бесконечных пространствах, они и земле шлют свой блеск; так и святые светлые душой, пребывая в духе в мире ином, в светлом мире, они не остаются не внимающими глухой борьбе гибнущих здесь в позоре (Апокриф. Русь, 2 вып. – 159).

Они идут на крики, приходят – поднимают падающих, направляют в новое русло их жизнь. Берут за руки, как детей не умеющих ходить, и ведут туда, куда уже пришли сами.

Светлой небесной мысли их открыты более, чем живым мудрецам, тайны воздействия на раны души и они умеют целительно касаться болящих кровью и гноем духовных ран.

Не презрительное снисхождение, не наивно высокомерную холодность поучительства, не сдержанное отвращение *некоторых живых учителей* чувствует человек-грешник в каждом братском нежном прикосновении к себе святой души, но любовь страдающую и скорбь, великое ободрение. Отгоняя смертельную тоску от сердца ближних, пришедших на его гробик, утирая слезы, поселяя доверие и надежду, вдохновляя на решимость подняться, подвижник во имя Бога тем же путем, каким шел сам, возвращает Богу дорогие человеческие существа, спасает, многих и многих, от последней гибели во тьме и озлоблении (ср. «Русь», вып.2:160).

Только она – целительная сила их, «почивших великих», – может исцелить нас растленных, недужных и презренных, исцелить, конечно, при помощи Божией.

А эта помощь? она в свою очередь приобретается нами молитвой святых, их ходатайством перед Господом.

Молитвы святых для нас еще нужнее самого общения с ними, прикосновения души их, потому что она (молитва) действует на наши души тоже, как святое сострадающее прикосновение святой души, но души в молитве таинственно соединенной со всем сонмом святых душ, с ангелами и Богом. Мы молимся плохо, потому что плохо сознаем себя, зло в себе: святые, принимая в себя наши души, умеют скорбеть о наших

грехах и молиться. Святые молятся о том, о чём мы не умеем молиться.

«Сыны мира во власти духа прелести, – заняты земным, сыны Христа – иного духа, иного века, иного града. Дух Божественный в общении с душами их. О мире мира, о любви человека к человеку, о восстановлении силы сердечной, о недужных в беспросветной душевной ночи, скованных злом, до конца поработанных им, о том, чего сыны мира не жаждут себе и день и ночь молят у Бога святые его» (Апокриф. «Русь». 2-ой вып., 160).

И молитва их святая сильна перед Богом, сильна потому, что святая, и сильна своим действием на наши души потому, что эта молитва любовная и сострадательная. И потому мы молим святых о том, чтобы *они молились*. И потому мы чтим молящихся за нас святых, как живых помощников наших, и не думаем, что, почитая их, заискиваем у слуг помимо Господина. Здесь мы только не забываем, что кроме наших друзей на земле, у нас есть отзывчивые и сильные друзья на небе, к которым мы тяготеем, стремимся, с которыми беседуем, как с близкими нам, единосущными и единокровными, только старшими, братьями. Неужели оскорбит Господа Бога, если я пойду со своим горем и скорбью сначала к моей матери или отцу, сестре или брату, или на могилку их или к гробу *брата и отца моего Серафима* и потом вместе с ними пойду с молитвенной общей просьбой к Богу.

Но возвратимся еще раз к нашей старой теме. Мы сказали, что святые наши вожаки. Но может быть правда, что они обязательно поведут нас в пустыни, не дадут образцов жизни, а только отвлекут от жизни? Не стану повторять то, что говорил уже в своей публичной лекции: «Активно или пассивно христианство».

Возьму две-три строки из того же случайного авторитета, с которого я начал отклики, как авторитета совершенно чуждого Церкви и следовательно безусловно беспристрастного. Разумею Глеба Успенского, его слова интересны именно потому, что он сопоставляет подвижничество с интеллигенцией.

Вот, как рассуждает он о русских святых.

«На Руси была всегда своя интеллигенция. Эта интеллигенция – святые угодники Божии». И интеллигенцией их нужно назвать, по Успенскому, потому, что это самые лучшие и самые нужные люди. «Русский святой человек, пишет он, тип весьма замечательный. Желание угодить Богу в *русском святом* всегда выражалось в труде на пользу ближнему, незнающему, невежественному, неимущему. Начиная с Кирилла и Мефодия, принявшихся «угождать Богу» пером и книгой, учением безграмотного народа слову Божию и кончая русским святым человеком наших дней Тихоном Задонским, закладывающим свои часы и платье, чтобы купить задонским мужикам для посева или дать взятку приказной строке, безвинно томящей в остроге отца семьи, все чтимые по разным углам России истинно русские святые отцы, все свои душевные сокровища, все свои знания, всё своё умение, весь свой ум всегда отдавали нуждающемуся в них, толпе, массе народа; никто из них не берег этих сокровищ «про себя», а прямо нес на улицу, туда, где они нужны, и везде оставлял живые видимые и ощутимые следы и знания, и доброты, и утешения».

«Они взяли то лучшее, что только выстрадало человеческое сердце, взяли христианство и притом в самом строгом, не подслащенном виде». «Угодники Божии» были истинной русской «интеллигенцией», которая внесла в народную массу бездну нравственной и физической опрятности, а главное старались и умели развить эгоистическое сердце человека, всескорбящее, обобщить его разумом, и в свою очередь оживить им разум» (644, 1 т.).

Вот слова, полные безусловно беспристрастной правды. Их не бесполезно указать проповедующим о смерти, полной косности русского православия.

Привожу эти слова, само собою разумеется, не за тем, чтобы извиняться, так сказать, за созерцательно-аскетическое направление некоторых подвижников востока. Совсем нет; и это созерцание не менее нужно и свято. Не даром его признал прекрасным даже такой сильный и злой враг аскетического подвижничества или византийской святости, как Розанов.

«Теперь заходят речи, – пишет он, – о монастырях и их преобразовании в более утилитарном направлении. Может быть, это настанет. И в том виде, наивно-кротком, созерцательном, как они существовали восемь веков, монастыри и подвижничество – «святые» принесли неисчислимую тайную пользу. И оно есть такое же прекрасное и народное явление, как народные былины, как русские «духовные стихи». Монастырь есть бытовое творчество бессознательных исторических сил. Аскетизм прекрасен, как личное биографическое явление, целомудренно-скромное и непритязательное».

Здесь оценка аскетизма узкая, за то это свидетельство побежденного врага.

Иером. Михаил

Октябрь. Книга 1

Козицкий П. Интеллигенция и народ. (По. поводу книжки свящ. А. Смирягина) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 529–543

Современное состояние нашей деревни, точнее сказать – нашего простого народа, и отношение к нему русской интеллигенции – это два вопроса, которым отводится в нашей печати одно из видных мест и уделяется, с редким единодушием, серьезное внимание людьми Церкви, правительства и общества в лице всех его лагерей и направлений. Вопросы эти – безусловно первостепенной важности: они по самому существу таковы, что от такого или иного их положения зависит рост нашего дорогого отечества, развитие мощи и крепости его моральных, физических и экономических сил. Вопросы эти самым органическим образом соприкасаются и с делом внутренней миссии. Тем ценнее и тем большего заслуживает внимания вышеозначенная книжка свящ. А. Смирягина: она касается жизненных вопросов, взятых из неприкрашенной действительности, при том чисто практического, а не теоретического характера. Автор много лет стоял и стоит лицом к лицу к жизни нашей деревни; наблюдает и всесторонне изучает жизнь как простого народа, так и местной интеллигенции. Кроме этого, наблюдательный чуткий пастырь следит за повседневной и повременной прессой, гостеприимно открывшей свои страницы для исследований, наблюдений и всяких сообщений корреспондентов, так либо иначе соприкасающихся с деревенской жизнью нашего простого народа и нашей интеллигенции. Пред читателем этой книги встает колоритная картина упадка нравов нашей деревни и разлагающего влияния на народ нашей интеллигенции. Эта картина настолько печальна и грустна, что вызывает читателя на самые тяжелые размышления. И мы считаем долгом остановить внимание наших читателей на затронутых почтенным автором вопросах и обстоятельно познакомить их с содержанием этой книжки, представляющей глубокий и поучительный интерес. Мы полагаем, – даже больше – уверены,

что знакомство с трудом о. А. Смирягина сослужит пастырям службу: труд нашего автора раскроет пред их глазами язвы нашей деревни во всей наготе и побудит многих, стоящих на страже православия, выйти из пассивной роли наблюдателей и вступить на путь ратоборства с пороками и язвами нашего деревенского простого народа.

Труд о. А. Смирягина распадается на две части: а) темные стороны простого народа (3–76 стр.) и б) русская интеллигенция и её отношение к народу (77–150 стр.). – Содержание первой части таково.

I

Не более 12–15 лет тому назад у нас процветала народническая литература: все зачитывались «мужицкой беллетристикой» Златовратского, Наумова, Засодимского, Энгельгардта и др. Все восхищались выведенными в ней величавыми представителями простого русского народа – их силою, честностью, терпением, детской чистотой и вообще и их нравственною высотой. Представители русской литературы звали наших интеллигентов в деревню – поучиться у мужика хорошей нравственной жизни. Что-же случилось теперь с прославленной деревней? В последнее десятилетие нравственность народная падает с невероятной быстротой. Народ наш, еще недавно бывший наивно-патриархальным, добродушным, религиозным, теперь в массе своей огрубел, озверел, развратился (3–4 стр.). Наши либералы и консерваторы пришли к замечательному единодушию в своих мрачных взглядах на русское простонарод. «Неделя» и «Гражданин», «Сельский Вестник» и «Новое Время», «Юг» и «Биржевые Ведомости», «Свет», «Моск. Вед.» и покойная «Россия» – все единодушно трактуют об упадке деревни и её нравов. Наш автор на основании газетного материала с замечательною тщательностью подобрал факты, характеризующие в ярких красках, с поразительной очевидностью, упадок нравов в простом народе. Замечательно, упадок и огрубение нравов охватывает все стороны жизни простого народа. Жестокосердие и во всех отношениях разнузданность нашего народа – первые характеристические

черты общего нравственного его настроения: кроются они не в темноте, не в материальное пришибленности народа, а в подгнившем основании нравственных и религиозных устоев, которых не заменить ни школам, ни достатку (4 стр.). Современная народная среда центральной России выродилась в какую-то однородно спекшуюся массу безличных, безвольных, беспринципных и даже безбожных людишек. Сотрудник «Гражданина» г. Серенкий в таких красках изображает нравственный облик нашего крестьянина. «Мужик изо дня в день становится грубее, ленивее, пьянее, – всё меньше он любит и ценит свою бабу и детишек, свою корову и лошадь... Страх Божий вытиснился в народе страхом друг к другу. Культурные условия не только не очеловечивают их, но, как-бы, озверяют. Точно бес засел в мужика; иным он представляется наследственным микробом зла, а мне – потерей личности, самобытности народной. Великорусса теперь не отличить от белоруса, литвина и даже чухонца. Он выродился и физически, и нравственно... С начальством и с тем, в ком сила, он держится подобострастно-заискивающе; с равными себе и зависящими от него – он нагл, цинично-насмешлив и всегда отвратительно беспечен. Ему море по колено, когда он пьян. Религия осыпалась у него, как лепестки цветка; остался сухой стержень – привычка и животный страх пред загробными муками. Добро и красота – стали синонимами глупости и слабости мужицкой. Своими глазами я видел, как брат, равнодушно сложив руки, смотрел на пожарище брата, когда тот умолял его помочь – вытащить скарб» (5–6 стр.)... Тот-же сотрудник указывает и причины упадка и огрубения народа. По его мнению, яд огрубения и озверения народных масс идет от интеллигенции. «Источником этого ада служат: крепостные отношения многих близоруких и жестоких помещиков к рабам, всеобщая воинская повинность с её ротными школами, казармами, учебными планами, где солдаты должны проводить лучшие годы свои в слепом подчинении чужому капризу и команде, разврат солдаток, оставленных одинокими в самое цветущее время жизни, фабрики и заводы с их порядками и взаимными отношениями полов, железные дороги, заставшие

нашего мужика неподготовленным к ним, города с официально открытыми и общедоступными клоаками разврата, дешевых и одуряющих развлечений, необдуманные переселения, переходящие местами чуть не в полное бродяжничество мужика с запада на восток и обратно, спаивание народа водкой, одурманивание его нездоровым чтением и возбуждающими его зрелищами» и пр. и пр. (7 стр.). Все корреспонденты журнальные и газетные приходят к тому выводу, что «в деревне весьма заметно стало оскудение веры, любви к родине, чистоты нравов, добросовестности и честности в житейском обиходе». Лжесвидетельство и клятвопреступление стали обычными явлениями. «Целый день ходишь – и ни одного человека с совестью. И вся причина, потому что не знают – есть-ли Бог или нет?» Корреспондент «Нового Времени» Фаресов (1897 г.) пишет: «главная беда деревни – упадок нравов, спился народ, озверел, почти повсюду – распущенность, грубость и озорство» (8 стр.). Замечательно, процесс гниения охватил не только фабричные и подгородные районы, но почти все (?) русские деревни, села и города. Это, так сказать, общая картина, общий фон нравственности нашего простого народа. Картина – безотрадная и печальная. Безотрадность этой картины еще больше усилится, если мы перейдем к детальному рассмотрению отдельных явлений из жизни нашего простого народа.

Распущенность нравов пустила глубокие корни даже среди молодежи. Распущенность деревенских парней и девушек бросается в глаза. Они устраивают вечерницы, досветки, посиделки, при этом часто с выпивкой, закуской и музыкой. Некоторые напиваются до пьяна и свалившись, где попало, спят; остальные спят парами, почему нередко нарушается девичья честь. Родители, если и не поощряют подобных гульбищ, то и не запрещают их. Если родители не пускают своей дочери на гульбища, то парни устраивают им скандалы: снимают ворота и бросают их в воду или уносят куда-нибудь далеко, то вымазывают ворота, двери и косяки окон дегтем или чем-то похуже. – Среди молодежи также распространена страсть к кражам и разбоям: парни забираются в чужие сады,

крадут фрукты и ломают самым бессовестным образом деревья и заборы; забираются в амбары и погреба и уносят оттуда зимние запасы и всякие лакомства; воруют даже целых баранов, режут и съедают их преблагополучно. – Из новых явлений, привившихся в деревне, обращает на себя внимание щегольство. Щегольство парней и девушек достигает изумительных размеров и доходит до того, что положительно разоряет крестьянина и всю его семью: мужской наряд обходится от 180–215 руб., а женский – от 180–185 р. – Но печальнее всего, что уважение к. родителям и старшим отошло в область преданий. Для иллюстрации не мешает привести характерных два-три факта. Однажды в м. Новом-Буге, Херсонской губернии, дочь, в присутствии посторонних лиц, изругала своего отца. Возмущенный старик говорит чуть не со слезами: «слушайте, добрые люди, как дочь честит отца родного?» А она ему в ответ: «разве ты мне отец? Таких, как ты, у моей матки было десять». Дальше идти, кажется, уже некуда (11 стр.). Еще факт. Дети тяготясь живыми родителями, говорят весьма часто: «у других отцы, как свечи, гаснут, а у меня хоть нож бери да коли». Если родители требуют от своих детей, чтобы те что-нибудь из своих заработков высылали им в помощь, то нередко милые детки отвечают: «милые родители! в морду не хотите-ли?» И потасовками частенько их угощают. Нисколько не удивительно, что волостные суды завалены делами об оскорблениях словом и действием родителей детьми (42 стр.). Что-же касается разбоев и драк, то это – обычные явления в деревне. Драки иногда бывают со смертельным исходом и всё это очень часто с рук сходит драчунам. Кроме того и убийства стали явлениями не менее редкими, как драки и разбои. Особенно процветает, преимущественно на юге России, конокрадство. Это занятие представляет собою нечто вроде прибыльного ремесла, характеризуемого удальством, молодечеством и ловкостью. К тому еще – конокрадство имеет свою правильную организацию, трудно поддающуюся раскрытию со стороны властей и полиции (18–19 стр.). Грабежи же, к великому прискорбию, в некоторых губерниях направлены на ограбление св. Божиих храмов и монастырей (20 стр.). И это

дело рук русского православного народа, которому усвоено историческим путем название «Святая Русь». Какое глубокое одичание нравов и падение религиозных устоев!

На одну доску с кражами, грабежами и разбоями должны быть поставлены и поджоги. Достаточно вспомнить 1896, 1897, 1898 и 1899 годы, когда на Руси выгорели целые села, деревни и города. И всё это от поджогов. Замечательно, некоторые села на протяжении трех-четырех лет успели сгореть два-три раза!... Да и почему им было не гореть, если земства и страховые общества выдавали щедрою рукою страховые премии. В большинстве случаев усилия судебных властей и полиции открыть поджигателей не приводили к желанным результатам, так как шайки поджигателей имели строгую организацию и поставляли массу лжесвидетелей, которые за деньги пред властями и на суде под присягою доказывали, какое угодно *alibi* (21–26 стр.).

Но во главе всех пороков современной деревни должно быть поставлено *пьянство*. Иностранцы писали и пишут о России, что нет другой страны в мире, где бы пьянство было всеобщим пороком. Действительность говорит нам, что народ наш пьет и пьет самым бесшабашным образом: пьют старики и старухи, пьют взрослые, подростки и даже дети; пьют бабы и девки. Часто пропиваются дотла. Мало этого, пропивают не только свои заработки и сбережения, но даже мирские капиталы. И это нередкость, – и капиталы не малые. Каких ужасающих размеров достигал пропой мирских капиталов, видно из доклада Самарского губернского совещания «по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах» (Изд. Мин. Вн. Дел, 1897 г. Т. II, стр. 752–753). 1), Общество с. Елховки (436 двор.) судилось с казною и суд присудил с казны в пользу крестьян 138800 руб.; общество, после нескольких месяцев разгула, растратило не только доставшиеся ему деньги, но и часть своего прежнего достатка и накопило порядочную недоимку. 2) У общества с. Покровского «от капитала в 38,000 руб. ничего не осталось и недоимки в 1892 г. числилось уже 87,000 р.». 3) Другое крестьянское общество «имело капитал около 50,000 р.; затем сдало за

20,000 р. часть своей наделной земли на 12 лет и всю эту сумму в один год пропило миром». Общество с. Ивановки сдало 3.000 десятин земли в аренду на пять лет по рублю за десятину и, получив за два дня до Вербного воскресения все 15,000 руб., к пятнице на Фоминой пропило и растратило всю эту сумму». И это только по одной Самарской губернии и только по четырем селам! Что-же сказать относительно всей России? Сколько попало денег по всей России в руки Колупаевых? Нисколько не удивительно, что наша деревня нищает и идет к полному банкротству, как экономическому, так и духовному (49 стр.). Если мы добавим, что теперешнее крестьянское самоуправление преследует почти исключительно *пропой* общественных капиталов, вековых лесов и земель на миллионные суммы ежегодно, *обезземеление* слабых членов общества, *избрание* в должности старшин, старост и проч. лиц порочного поведения, или лиц, ни к какой распорядительной деятельности не способных, что *передел* земель и *раздел* имуществ в конец разоряет крестьянские семьи и деморализирует их, и что *подпольная адвокатура*, царящая в селах и деревнях, вытравляет из сердца простого народа все вековые устои добра и правды и окончательно развращает его, – то пред нами предстанет крайне грустная и тяжелая картина, характеризующая состояние нашего простого народа и изображающая все социально-бытовые, экономические и нравственные его язвы.

Наши космополиты либералы, так много кричавшие о своей любви к народу, поспешили расшатать его религиозные устои, в том убеждении, что они содействуют европейскому прогрессу в России, а уважения к закону, к личности другого человека не успели и не сумели внушить народу, – и в результате получается зверь, сорвавшийся с цепи, для которого не страшны никакие суды (42 стр.). Отсюда, с ослаблением религиозных и нравственных устоев, упадок семейных основ, общественных порядков и экономического благосостояния в целых сельских общинах (33–34 стр.).

Картина эта, так ужасающе мрачно представленная в книге о. А. Смирягина, невольно устремляет мысль читателя в другую

сторону: в каком отношении находилась и находится наша интеллигенция к народу, который, по наклонной плоскости катился и катится вниз, подвергаясь всё большей и большей порче и разложению нравов? Именно – этот-то вопрос и служит предметом обследования второй части рассматриваемой нами книжки о. Смирягина.

II

Нигде в мире не встречается столь резкого различия между интеллигенцией и народом, как в России. Воззрения, идеалы, стремления – у них особые и нередко прямо противоположные. Нигде «интеллигентная масса» не имеет столь высокого мнения о себе и нигде она не относится так презрительно к «мужику», как у нас. Наши интеллигенты вполне убеждены, что они – «соль земли» русской и «свет крестьянскому миру», потому из всех сил стараются «развить» и поднять до себя мужика, искоренить его «суеверия». Что-же в действительности представляет наша интеллигенция, как и чем она живет и каковы её убеждения? Главным признаком интеллигентности и прогрессивности у нас считается отрицательное отношение к религиозным вопросам и вековым обычаям простого народа. Один из интеллигентов (бывший мировой судья – Н. Бабин) так характеризует людей своего круга. «Очень многие из так называемого образованного общества редко посещают храм Божий, постов не соблюдают, пред принятием пищи и после не молятся Богу. Многие не стесняются подчас открыто глумиться над духовенством, обрядами и даже догматами православной веры; усердно проповедуют антицерковные, антихристианские воззрения; всякие гипотезы, мимолетные взгляды ученых, несогласные с православным учением, встречают с торжеством, как последнее слово науки, и стараются распространить их в народной массе, забывая, что последних слов науки за прошлое столетие сменилось несколько десятков, если не сотен, и что большинство людских учений есть не что иное, как история человеческих заблуждений» (77–79 стр.). Продолжая далее характеристику интеллигенции, тот-же автор отмечает, что в жизни интеллигентных людей всюду «нравственный и религиозный упадок, нравственная пустота, скука и

недовольство своим положением. Громадное большинство нашего образованного общества совсем забыло цель земной жизни – достижение Царствия Небесного, и потому свободное от занятий время проводить не в церкви и делах благочестия, а в театрах, клубах, карточной игре, за бутылкой вина. Всюду поклонение золотому тельцу, погоня за наживой, удовольствиями и тысячными окладами жалования. Вместо принципа христианской любви к Богу и ближним и торжества братства во Христе, укрепляется языческий принцип «борьбы за существование», угнетение и притеснение ближних, – и всё это под прикрытием громких фраз о свободе, равенстве и братстве людей. Почти везде обман, ложь и фальсификация не только вещей и предметов, но даже и чувств; вместо благочестия – фарисейство; ростовщичество, насилия, растраты и злостные банкротства – на каждом шагу. Клятвопреступление, вероломство, разврат, измена, зависть, подслуживание, шпионство, доносы, клевета, ненависть, лесть и подхалимство – явления заурядные. Всюду и везде черная неблагодарность; дети не слушают родителей; младшие – старших. Несмотря на широкое распространение школьного образования, на реформированные суды и законы, преступления и проступки не только не уменьшаются, но растут и растут в ужасающем размере» (79–80 стр.). «Причина такого ненормального течения – индифферентизм к православной вере, маловерие и даже неверие. Развитие науки и искусств, промышленности и торговли и прогресс во всех сферах жизни нисколько не улучшил общественной нравственности, а напротив, замечается упадок её, чего, конечно, не случилось бы, если бы деятельность наша совершалась не на языческих началах эгоизма и выгоды, а под руководством Христовой веры, надежды и любви к ближним» (80–81 стр.). Безбожие пустило глубокие корни среди интеллигенции. Безбожники, не стеснясь, готовы на перекрестках кричать, что нет Бога и вызывают Его на них показать Своё всемогущество, как будто бы Бог может в борьбу вступить со всяким ничтожеством (86 стр.). Интеллигенты, ставящие своей задачей руководство народом, совершенно забывают, что для этого нужен

собственный пример. Теперь уже не прежнее время, когда народ стоял особняком и до него ничего не доходило. Теперь он всё знает и обо всём судит, иногда криво и бестолково. Поэтому *народ будет тем самым, что и мы*. Если мы скверны, будет таким-же и народ. Если мы отшатнемся от религии и морали, – и он отшатнется. Если мы живем в праздности, в удовольствиях, – и он будет стремиться к тому же. Мы (его руководители) должны быть во всех отношениях выше его (88 стр.). Для того же, чтобы руководить народом, нужно прежде всего понять его; а чтобы понять народ и быть понятым им, то, по воззрению Л.Н. Толстого, существует единственное средство – стать в одинаковые с ним условия, т. е. жить, работать, питаться и одеваться как народ. Но этот рецепт оказался не под силу анемичным, слабонервным нашим интеллигентам, да и едва-ли это так. Ведь только нравственная вера дает нашему крестьянину силу терпеливо нести тяжкое бремя его жизни; наши же интеллигенты во главе с гр. Толстым хотели слиться с народом, отвергая источник его силы и терпения, его «святая святых» – православную веру. Отсюда и проистекают все неудачи хождения в народ и попытка опроститься. Наша интеллигенция, не унывая в своих неудачах, меняет вместе с Л.Н. Толстым тактику: она стала расшатывать его «религиозные суеверия» и внушать ему свои верования и взгляды. – И что в действительности дает и может дать наша интеллигенция народу в качестве его духовных пестунов – руководителей и учителей? Ведь – она имеет преимущества пред народом только в умственном отношении; в других же отношениях (в вере и нравственности) она стоит гораздо ниже его.

Теперь почти все убедились, что корень сектантских и вообще противоцерковных движений, охватывающих наш простой народ, следует искать в настроении и жизни высших слоев общества, которые влияют на народ чрез школу, чрез книгу, чрез народные чтения, народные чайные, народные театры и т. д. Мы обыкновенно радуемся размножению в народе книг, увеличению числа школ, народных чайных и театров. Но, к сожалению, часто эти учреждения попадают в руки плохих людей, и они приносят народу гораздо больше зла, чем добра

(92 стр.). В действительности наша сельская интеллигенция в виде сельских учителей, особенно в земских школах, земских статистиков (преимущественно из-под надзорных) и других земских агентов, фельдшеров, врачей, волостных и сельских писарей, управляющих, «цибулизированных» жидков и торговцев, приказчиков, урядников, лесничих, агрономов, станowych, земских начальников и т. д. дает народу крупницы знаний, и то неприложимых к суровой крестьянской жизни, – приносит микроскопическую пользу его здоровью и благосостоянию и в тоже время страшный вред православной вере и народной нравственности. Если бы поддержание в русском народе православной веры и церковных обрядов мы действительно считали святым делом и серьезно заботились об этом, то давно бы пришли к сознанию, что 99% теперешних просветителей, отрицательно относящихся к верованиям и уставам православной Церкви, не следует близко подпускать к народу и что образование народа должно быть вверено тем интеллигентам которые сами искренно держатся православной веры (92–93 стр.).

Наша интеллигенция не имеет права учить народ нравственности, ибо она ниже его в этом отношении. Правда, наши интеллигенты кричат, что они готовы служить народу, чтобы поднять его нравственность, просветить его ум, возвысить его благосостояние. Но факты говорят, что все эти громкие слова в устах наших интеллигентов – лишь красивая модная вывеска, в действительности же большинство их – гробы повапленные, внутри полные костей и всякой нечистоты. Интеллигенты, часто неверующие в Бога, а признающие природу с её непреложными законами, систематически развращают народ: а) растлением невинных девушек (автор для иллюстрации приводит данные, заимствованные им из опроса доктором Порошиным в Казани 67 падших девушек); б) приучением молодежи призывного возраста к уклонению от воинской повинности при помощи уродования себя и членовредительства; в) неправильной постановкой народного образования и школьного дела, исключительно на либеральных началах, совершенно не применимых к условиям жизни нашего

простого народа, в виду чего и школы нередко приносят больше вреда, чем пользы. Если надлежащим образом вникнуть в дело, то окажется, что труд нашей интеллигенции на пользу народа поражает своей бесплодностью. Главными же причинами бесплодности наших благих намерений являются: а) отчужденность интеллигенции от народа, выражающаяся в пренебрежительном отношении к его религии и в) поразительное незнание самого народа и условий его жизни. Насколько мы незнакомы с условиями жизни простого народа, можно видеть из следующих двух фактов. Устанавливая для крестьян гуманные законы, устраивая для них по своему вкусу развлечения и школы, мы думаем, что цивилизуем народ; между тем действительность говорит противное: мужик на опыте убедился, что мы развращаем его и вредим ему. Или еще, – интеллигенция, взявшись просвещать народ, мечтала осчастливить его хорошими книжками, но на деле труд этот оказался ей не под силу. Народные радители составили несколько книжек и выпустили их миллионами; но народ наш от этого не стал лучше. К стыду своему, интеллигенция, располагая лучшими силами с Л.Н. Толстым во главе, не смогла одолеть издателей Никольского рынка, Манухиных, Леухиных, Земских и других фальсификаторов, до сих пор наводняющих доверчивую Русь возмутительно нелепыми произведениями.

Оказывается, что после 20–30 летнего влияния на народ нашей интеллигенции и фабрично-городской цивилизации «добрый мужик озверел» и развратился до того, что ехать в деревню на жительство для многих интеллигентов равносильно лишению прав состояния и ссылке в места отдаленные. По словам Пругавина, в народной жизни происходит на наших глазах крупный переворот; старые устои деревенской жизни, старые верования, взгляды и обычаи народа рушатся, патриархальная чистота нравов исчезает. Расшатанный старый строй народной жизни, под влиянием новых условий, разлагается. Между тем, на смену ему жизнь не выработала еще ничего определенного и прочного: ни нового мирозерцания, ни новых форм жизни. Корифеи либеральной публицистики (Пругавин, Южаков, Вахтеров, Бунаков) видят

спасение от всех бед в народной школе. На этот раз они забывают, что «вера во всемогущество школы принадлежит, по словам Герберта Спенсера, к числу главных суеверий нашего времени», ибо грамотность сама по себе не может поднять нравственный уровень народной массы. Учить же народ могут и должны только те, кто стоит выше его в нравственном отношении. Наша интеллигенция, кричащая о бескорыстном служении народу, едва-ли нравственнее последнего, да и к тому еще не знает ни души народа, ни его верований, ни его стремлений (147–148 стр.). Автор рассматриваемой нами книжки приходит к такому грустному заключению. «Современное состояние православного русского народа печально во всех отношениях, а состояние интеллигенции, взявшейся просвещать народ, еще печальнее. Разумеется, и среди простонародья, и в рядах интеллигенции есть люди умные, религиозные и высоконравственные, но они совсем теряются в серой гниющей массе. Правда, и в этой массе не все одинаково развратны и преступны; но самое уже существование указанных злокачественных нарывов на общественном теле ясно свидетельствует об опасном состоянии всего народного организма» (149 стр.).

Наш журнал, стоящий на страже православия, не мог не обратить внимания на труд о. Смирягина «Интеллигенция и Народ» и не мог не отнестись к нему серьезно в виду важности затронутых автором вопросов. Всякий беспристрастный читатель скажет, что вышеназванная книжка, хотя не большая по объему (150 ст. in 8-ю), включает слишком обильный материал для характеристики современного состояния как нашего народа (преимущественно деревни), так и руководящей его интеллигенции. Важность затронутых автором вопросов вынуждает нас обратить внимание на современное состояние как нашего народа, так и интеллигенции, – тех, кому вверено попечение о душах верующих, кто обязан стоять на страже веры и нравственности и отражать все наветы и козни неправомыслящих и злобствующих на Церковь Христову. В самом деле, не тревожные-ли времена мы переживаем теперь? С одной стороны, пред нами интеллигенция, считающая свою

обязанностью учить народ, в большинстве или крайне индифферентна к вопросам веры, или совершенно безрелигиозна. Её девиз: религия – суеверие и люди должны следовать непреложным законам природы. Утверждая народ в этих принципах, она думает, что избавляет его от суеверий, лжи и тьмы и ведет на путь света. О нравственности народной, покоящейся на религиозных началах и составляющей основу и крепость семейных, общественных и государственных устоев, она не только не заботится, но по-преимуществу, как неоспоримо доказано о. Смирягиным, развращает народ и вносит шатание во все сферы его жизни. Интеллигенция считает своей задачей расшатать вековые народные устои, взамен же ниспровергнутых и попраных законов дать что-нибудь народу – она не только не думает, но и не может, предоставляя каждому верить, как ему хочется, и следовать каким угодно доктринам и сектантским заблуждениям (даже и нелепейшим), но только не православию. Иначе сказать – она ведет народ к гибели, не сознавая того, что без религии не может существовать ни один народ, ни одно государство. «Где падают алтари, там падают и государства». Наш народ, под руководством таких учителей и наставников, потеряет то, что есть дорогое в его жизни: и веру, и нравственность. Нарисованная о. Смирягиным картинка упадка нравственности в народе поражает и потрясает до глубины души всякого, кто только любит свой народ, свою родину и родную православную веру. Не удивительно, что на этом поле, вспаханном и взрыхленном индифферентизмом и безверием интеллигенции, с её либерализмом и отрицанием народно-вековых устоев, можно посеять какое угодно сектантство и верование и привить какое угодно мировоззрение. Мы и видим, что сама интеллигенция, оставив принципы православия и народности, мечется из стороны в сторону, увлекается, по слову Писания, всяким ветром учения: различными религиозно-философскими и научными теориями, переходя от одной системы к другой и меняя свои воззрения – и религиозные, и политические – с легким сердцем, как перчатки, и в тоже время – не находя для себя нигде нравственного

успокоения и той тихой пристани, которая должна быть конечною целью нашего земного бытия.

С другой стороны, картина религиозно-нравственного состояния нашего народа, который во всем тянется за интеллигенцией, в общем несравненно печальнее, чем можно было ожидать. За последние 10–15 лет деревня до неузнаваемости пала в нравственном отношении; одичание нравов – поражающее; индифферентизм к вере пустил в народе глубокие корни; сектантство со всевозможного рода тлетворными идеями широкой волной разлилось по всему необъятному пространству нашей матушки – Руси. Да и могло ли оно не разлиться, когда налицо были все благоприятные к тому условия? Правда, православие в народе если численно не уменьшается, но зато качественно слабеет, будучи подрываемо индифферентизмом, проникшим сюда из интеллигентных слоев, различными тлетворными социально-политическими доктринами и сектантскими лжеучениями. Картина, – поистине печальная! Пока не поздно – наш братский призыв ко всем ревнителям религиозной истины и охранителям народной нравственности, а наипаче к пастырям Церкви, которым поручено дело устройства царства Божия и спасение душ пасомых, стать на страже православия и выступить, во всеоружии пламенной ревности, борцами за веру и нравственность – против неверия, сектантской тьмы и интеллигентных заблуждений. Мы переживаем критический момент, – и всякое промедление в деле охранения веры может быть роковым для нашего православного народа: враг-человек, когда увидит наше бездействие, придет и посеет еще больше плевел среди пшеницы, – и они своим буйным ростом заглушат благородные пшеничные стебли, и тогда, вместо чистого пшеничного зерна, когда наступит жатва, не придется ли собрать плевелы, которые годны лишь на то только, чтобы сжечь их огнем негасимым?... О. Смирягин со своей книжкой «Интеллигенция и Народ» идет на встречу пастырям, всем ревнителям православия и охранителям народной нравственности. Предлагая обстоятельное знакомство с современными пороками и язвами нашей интеллигенции и

народа, он доставляет пастырям и миссионерам обильный материал для пастырско-миссионерской деятельности. Автор с удивительною обстоятельностью поставил диагноз болезни современного народного организма; лечение же его предоставляется пастырской опытности и усердию. В виду этого, каждый священник и миссионер, по нашему мнению, нравственно обязан внимательно проштудировать книжку о. Смирягина от первой до последней страницы. Изучение её поможет выработать целую систему пастырско-миссионерских мер для борьбы со злом, применительно к современным запросам и требованиям, и самую пастырскую деятельность направить на тот именно путь, по которому она, в видах пользы Церкви Христовой, должна идти в наши «лукавые дни».

П. Козицкий

Кальнев М. Как вести миссионерам регистрацию раскольников и сектантов // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 544–551

I

В исторической жизни каждого культурного народа государственная перепись является событием великой важности. Это своего рода осмотр своей семьи, своего дома: кто члены семьи, сколько их, каковы они и что им нужно, что в доме есть и чего не достаёт; ведь от этого не мало зависит отношение к нам наших соседей, не говорю уже об исправлении и возможном устранении замеченных в семье недостатков, нарушающих её благополучие. Государственная перепись это – не что иное, как внешнее выражение стремления входящего в его состав народа к изучению себя самого, стремление к самопознанию, без такового контроля не мыслимо правильное развитие всех сторон жизни того в высшей степени сложного живого организма, имя которому – государство. Вот почему, как ни трудно дело всенародной переписи, каких расходов ни требует оно, государственная власть, в сознании всей великой пользы от неё, не останавливается ни перед трудами, ни перед затратами на это в высшей степени сложное дело. И наше правительство, как известно, затратило не мало средств, идущих от народа, чтобы узнать этот народ.

Каждый русский человек, конечно, кроме изуверов, в роде тираспольских раскольников-самоубийц, в высшей степени сочувствовал всероссийской народной переписи, интересуясь, понятно, более всего тем, что особенно занимало его ум и сердце; поэтому позволительно спросить, кто из истинно русских людей, дорожащих не только спокойствием и крепостью родной страны, но и спасением душ заблудших братьев своих, да и пришельцев, не ждал с нетерпением результатов всероссийской народной переписи, чтобы узнать, кто по вере наш и кто чужой нам, не только чужой, а, быть может, озлобленный, непримиримый враг наш. С другой стороны, с не меньшим интересом ждали результатов переписи и отпадшие от

веры православной: ведь в своих стремлениях к уравниванию религиозных прав с правами коренного православного русского населения, самовольно отторгнувшись от него раскольники и сектанты в своих частых назойливых петициях правительству постоянно стараются подчеркнуть то совершенно ложное основание, что этого уравнивания прав просят не единицы, десятки, сотни или тысячи, а многие миллионы народа, чуть ли не превосходящего числом православное население. Вот почему, повторяю, и православные и иноверцы с нетерпением ждали результатов всенародной переписи относительно числа и распределения по видам всех раскольников и сектантов в государстве и процентного их отношения к коренному православному населению. Но вот ожидания исполнились: образованной при министерстве внутренних дел комиссией изданы статистические сведения под следующим оглавлением: «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Составлено Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел, – по данным первой всеобщей переписи 1897 г., записанным *на основании личных показаний опрошенных лиц*».¹⁴⁷ Курсивом: «на основании личных показаний» Статистический Комитет, вероятно, желал снять с себя ответственность за точность его статистических сведений, потому что, действительно, *эти сведения в огромном большинстве своём ровно никуда не годятся*, так что не стоило их и представлять читающей публике и тем более высшим властям.

С удовольствием читаются интересные статьи Л. Тихомирова и М. Чельцова, помещенные в мартовской и апрельской книжках «Мисс. Об». 1902 г., посвященные вопросу о народной переписи, в её отношении к расколу и сектантству. Но по прочтении их невольно чувствуется, что все сделанные выводы авторов построены на очень зыбком основании: как плохо мы знали состояние сектантства и раскола в России до всеобщей переписи, так плохо знаем и после неё, до того в ней сведения неточные, неверные и часто совершенно произвольные.

В своей статье: «О расколе, сектантстве и миссии по данным статистики» г. Чельцов слишком доверчиво смотрит на точность общих выводов из статистических сведений о числе расколо-сектантства в России, полученных из консисторий и миссионеров и таковых же выводов, получающихся из данных всеобщей переписи. «Если же мы теперь, говорит он, подведем общие итоги количеству раскола и сектантства по исчислению его духовным ведомством и переписью 1897 г., то близость их опять поразительна. По исчислению духовного ведомства в Европейской России, за исключением указанных пяти епархий, всех раскольников и сектантов будет приблизительно около 1.284,412 человек. По тем же губерниям, по данным переписи 1897 г., раскольников и сектантов будет 1.343,020 – разница, как видите, слишком ничтожна». В последнем обстоятельстве г. Чельцов видит доказательство тому, что расколо-сектантство исчислено верно, что его не 10 или 15 миллионов, как некоторые с известными целями утверждают, «а именно столько, сколько его показывает и духовная и светская статистика».

С последним заключением автора нельзя, однако, согласиться. Правда, доводить число раскольников и сектантов в России до 10–15 миллионов может в известных целях только фантазия их вожakov и покровителей; но нет сомнения, что число тех и других, показанное статистикой переписи, далеко не точно; подтверждать же эту точность числа раскольников и сектантов сведениями, полученными из консисторий, это значит, – неизвестное доказывать неизвестным, ибо кто из миссионеров по личному опыту не знает, что, поступая в епархию на службу, он получает из консистории сведения о сектантах или никуда негодные или далеко неверные, а часто не может никаких получить по самой простой причине: они до того скудны и неверны, что их даже стыдятся миссионеру дать. Так, напр., случилось со мною при поступлении на службу в Ставропольскую епархию, где консистория, на мою просьбу дать сведения о сектантах епархии и зараженных ими местах, любезно ответила, что эти сведения она надеется получить со временем от меня, за что будет очень признательна мне... Даже

в Херсонской епархии после пятнадцатилетней борьбы с сектантством не было вполне точных сведений о нём, особенно о хлыстах и скопцах, так что необходимо было прежде всего заняться собиранием сведений об их числе и местах жительства. Как это было мною сделано, скажу в другой раз, а теперь не могу не заметить, что долг всех епархиальных миссионеров привести в возможно точную известность местное сектантство, и в этом немаловажная будет их заслуга для дела миссии.

Но спрашивается, по всем ли епархиям до времени всеобщей переписи существовали епархиальные миссионеры, которые, конечно, скорее всех занялись бы этим делом; да вообще много ли интересовались консистории расколом и сектантством в тех епархиях, где до переписи вовсе не было миссии? Конечно, нет, и странно было рассчитывать на точность консисторских сведений в таких епархиях. Да и после переписи во всех ли епархиях есть миссия, во многих ли из тех епархий, где она существует, миссионеры привели уже в известность сектантство и раскол, разумею в последнем случае особенно епархии северные, епархии обширной Сибири и Закавказья? Думаю, скажу, – даже уверен, что далеко не во всех; даже в епархиях европейской России это сделано только там, где епархиальные власти интересуются делом миссии. Вот почему доверять сведениям о расколо-сектантстве, какие имеются в консисториях, *в общем* нет решительно никакого основания по изложенным причинам.

Иные были причины неточности сведений всеобщей переписи о расколо-сектантстве. Кем она производилась? Народными учителями, писарями и вообще грамотными людьми, которые за день труда желали украсить грудь свою медалью, но которые, однако, не могли бы отличить штундиста от духовора, молоканина от хлыста и т. п. Между тем духовенство и миссионеры почти совсем не участвовали ни прямо, ни косвенно во всеобщей переписи сектантов. Не удивительно поэтому, что последователи тайных сект, большею частью хорошо известные местному духовенству, *почти совершенно* ускользнули от всеобщей переписи, как и то, что

последняя наделила некоторые (не многие ли, не большинство ли?) епархии такими сектами, каких там нет и не существовало. Не говорю уже, что перепись слила в одно почти все виды мистических ересей, как равным образом и виды сект рационалистических, что совершенно не научно, а не представила их отдельно, что было бы важно не только для сектоведения, но и для сведения самого правительства. Особенно никуда не годны статистические сведения о сектантах на Кавказе вообще и в частности о последователях мистических сект, кишущих там повсюду. Но обратимся к статистическим данным о сектантах всеобщей переписи; в этом случае я буду иметь в виду епархии Ставропольскую и Херсонскую, где сектантство мне более или менее известно. Всякий может легко убедиться, что сведения о сектантах двух названных епархий положительно фантастичны.

Общее число сектантов в Ставропольской епархии, по сведениям всеобщей переписи, равно 9232, тогда как в действительности оно почти вдвое больше. Хлыстов, напр., в этой, одной из самых зараженных в России, епархии 236, в то время, в некоторых селах и станицах их считают сотнями!... Но, быть может, скажут, что число последователей этой тайной секты трудно определить. Совершенно верно, но все-таки можно дать о них несравненно более точные сведения. Не лучшие однако статистические сведения всеобщей переписи и об явных сектантах. Возьмем, напр., секту жидовствующих. По данным переписи, на всём Кавказе число жидовствующих равно 3575 человек, тогда как, существуя в 6 губерниях и 2 областях Кавказа, оно в одной Ставропольской епархии почти достигает до означенного числа, не меньше их и в Закавказье. Хлыстов, по таблице переписи, на всем Кавказе 333!? Но разве на самом деле это так? Не менее великолепны статистические сведения всеобщей переписи о числе и видах сектантства в Херсонской губернии, которое, конечно, мне известно лучше, чем кому бы то ни было. Общее число сектантов в Херсонской губернии, по статистике переписи, равнялось в 1897 году 3686, на самом же деле их было до 6 тысяч! Молокан в епархии было 352 человека, но это было только в таблицах непонимающих

сектантства счетчиков, а в действительности *их не было, да и теперь нет в епархии ни одного!*... Штундистов, по данным переписи, в Херсонской епархии 3332, а в действительности было 5 тысяч с лишним. Перепись открыла в епархии одного духобора, одного жидовствующего (которых вовсе не было) и одного хлыста, упустив из виду до 500 хлыстов, действительно существовавших! Словом, данные всеобщей переписи о расколо-сектантстве это – не статистические сведения, а произвольная игра в цифры.

А между тем на основании этих никуда негодных цифр, может быть, будут подняты (да уже и поднимаются) и так или иначе решены не только в печати, но и правительственных сферах многие вопросы, касающиеся положения сектантства в России, отношения к нему суда и администрации, дарования или ограничения прав исповедания той или иной секте и т. п. Очевидно, прежде, чем подымать и решать подобные вопросы по отношению к русскому¹⁴⁸ сектантству, нужно получше узнать его. *Нужна особая, специальная всероссийская перепись сектантства и раскола с более точным указанием видов русских и иностранных сект и более верным определением числа их последователей, живущих в России.* Думаю, что сравнительно без особенно больших затрат могло бы гораздо успешнее выполнить эту задачу духовное ведомство; это особенно не трудно было бы сделать в тех епархиях, где миссия благоустроена и где она знает, с кем ведет борьбу. Помощь светской власти при новой переписи раскола и сектантства понадобилась бы лишь в больших центрах их да в городах. Каким порядком следовало бы произвести эту перепись, скажем в другой раз, теперь же повторяем, что пока не будут приведены в надлежащую известность все толки раскола и сектантства, до тех пор не мыслима и выработка целесообразных законодательных мер по отношению к тому и другому; иначе эти меры, в основу которых должны лечь и никуда негодные статистические сведения о сектантах всероссийской народной переписи 1897 года, вместо пользы могут принести один лишь вред и Церкви и государству русскому. Подготовить и облегчить дело всеобщей переписи

раскола и сектантства могут прежде всего сами миссионеры с помощью духовенства, и их обязанность, повторяем, – привести в возможно полную известность раскол и сектантство в тех епархиях, где они призваны нести свой миссионерский труд.

II

Выше было сказано, что долг епархиальных миссионеров озаботиться приведением в известность раскольников и сектантов епархий. Чтобы облегчить этот труд для миссионеров, особенно начинающих, я хочу познакомить их со способом, каким я веду регистрацию сектантов в Херсонской епархии.

Вследствие моего заявления местная духовная консистория отпечатала и разослала по всем церквам в десятках экземпляров нижепомещаемую, составленную мною, таблицу, для внесения в неё сведений по соответствующим вопросам пунктам;¹⁴⁹ при этом духовенству епархии циркулярно предписано было представлять ежегодно к 1 января статистические таблицы окружным миссионерам, из которых каждый составлял и представлял мне к 15 января общую таблицу о состоянии сектантства в его округе. На основании всех полученных от окружных миссионеров таблиц, мною составлялась уже общая статистическая таблица о состоянии и движении сектантства во всей епархии по уездам и благочиниям. Такая таблица нужна для справок не одному епархиальному миссионеру, но необходима для сведений миссионерских братств и комитетов, нужна и самим правящим архиереям, в особенности при назначении в зараженные сектантством приходы новых священников. Для более еще ясного представления о состоянии сектантства в епархии мною все зараженные им пункты отмечены на карте, с усвоением каждому виду секты особого условного знака соответствующего цвета чернил. Таким образом при одном взгляде на карту вы сразу видите общий ход распространения сектантства по епархии и, проверив его по таблице, можете судить о том, какие места нуждаются в особом внимании миссии, вследствие обилия в них сектантства или вследствие усиленной его пропаганды. Обозначенные подобным образом карты и таблицы не лишни бывают для преосвященных и при обозрениях ими

епархии, так как по первым им легко знать при посещении известного места – заражено оно сектантством или нет, из вторых же можно знать, насколько заражено известное место, были ли в минувшем году присоединения или совращения, велась ли пропаганда и проч.

На основании личного опыта советую епархиальным миссионерам обратить внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего составленную форму таблицы для образца необходимо напечатать в местных епархиальных ведомостях, предпослав ей необходимые указания и разъяснения, потому что и при наглядности формы возможны будут ошибки и недоразумения.¹⁵⁰ Затем, так как сведения о движении сектантства и раскола необходимы епархиальному миссионеру ко времени составления им годичного отчета, то нужно, чтобы духовенство заблаговременно присылало эти сведения лично епархиальному миссионеру; правда, от этого значительно осложняется труд последнего, но выигрывается время. Наконец, необходимо, чтобы епархиальное начальство само позаботилось обратить внимание на священников, относящихся нерадиво к составлению и присылке статистических таблиц, иначе из всего дела ничего не выйдет.

При таком способе регистрации сектантства уже через год-два оно будет приведено по епархиям в известность, получатся верные статистические сведения о сектантах в каждой епархии, а следовательно и во всей России. Конечно, там, где нет еще епархиальной миссии и миссионеров, регистрацией сектантов должна заняться сама консистория указанным порядком, пользуясь помощью полиции в местах сильно населенных расколо-сектантством или в больших городах. До тех же пор, повторяю, пока это не будет сделано во всех епархиях, рано и преждевременно делать какие бы то ни было выводы из никуда негодных статистических сведений всеобщей переписи о состоянии в России расколо-сектантства: прежде нужно получше узнать его.

М. Кальнев

**А. Г. Апология Саровского торжества 19 июля под
пером светского писателя-рационалиста //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 552–568

I
В числе отрадных и знаменательных явлений, сопровождавших дивное саровское торжество церковного прославления преподобного Серафима, необходимо отметить единодушное почтительное и благоговейное отношение к этому событию со стороны русской светской печати всех лагерей и направлений.¹⁵¹ Откликнулись во славу великого Саровского подвижника и чудотворца даже такие писатели, которые уж никак не церковные люди, таков, например, писатель-рационалист г. Меньшиков, слывший одно время за толстовца, а в последние годы посвящающий своё талантливое, глубоко-просвещенное перо выяснению, главным образом, вопросов религиозно-морального характера. Г. Меньшиков событию 19 июля посвятил весьма интересную и поучительную, с известной точки зрения, статью, которую можно назвать *sui generis* «Апологией Саровского торжества». Разумею помещенную в «Нов. Времени» статью почтенного автора под заглавием: «Психология святости» и «Старые сверхчеловеки». Со статьей этой считаем полезным познакомить читателей миссионерского органа, хотя в суждениях Меньшикова Саровские торжества получили не вполне правильное, с христианской точки зрения, освещение. Превратное освещение христианских истин в светской литературе способствует возникновению ложных взглядов и ошибочных, а иногда и еретических, суждений в обществе. Отсюда, естественно на миссионерском органе лежит долг отмечать те вольные и невольные погрешности, в которые за последнее время обвыкли впадать светские писатели при суждениях касательно предметов религиозной жизни.

В статье г. Меньшикова мы отметим те места, которые способны смутить сердца «неутвержденных в вере» или еще не стяжавших «чувствия обучена». Веруя в святость преподобного Серафима Саровского, г. Меньшиков, как увидит ниже читатель,

говорит по сему поводу следующее: «Святым, как гением, как героем, нужно родиться. Нужно, чтобы целый ряд поколений сознательно или безотчетно вырабатывал блаженную душу, характер того непостижимого изящества, красоты, нежности, которые природа так часто влагает в свою стихийную работу. Рожденный как-бы под песни ангелов, подобный ребенок растет поистине, как та «душа младая», которую «по небу полуночи» нес ангел... Почему купеческий сын, хотя бы и благочестивых родителей, пошел в монашество! Да просто захотелось (sic) и хотения этого он превозмочь не мог... Ему хотелось святости, как другому порока»... и т. д. Итак, по г. Меньшикову, выходит, что святая облагодатствованная личность есть нечто вроде математической величины или суммы, состоящей из своего рода слагаемых, – «ряда поколений сознательно или безотчетно вырабатывающих блаженную душу». Подобно тому как в результате сложения математических величин неизменно получается их эквивалент, известное число, которое даже на йоту ни больше, ни меньше всех слагаемых, взятых вместе, так точно, по г. Меньшикову, бывает и в сфере религиозной жизни. Возникает поколение людей, в этом поколении нарождается то или иное количество добрых, порядочных или даже благочестивых личностей. Потом другое, а там, третье, четвертое и дальнейшие поколения, тоже с благочестивыми людьми, – только в иных пропорциях к величине всего поколения. Наконец, рождается личность, предназначенная быть заключительным венцом, суммой всего того благочестия, которое вырабатывалось в предшествующих поколениях. Эта, если удобно так выразиться, суммарная личность, уже *непременно*, математически непреложно должна быть святою, всё равно как $3 + 4 + 5$ дают в результате 12, ни больше, ни меньше. Вследствие этого г. Меньшиков, на вопрос, почему купеческий сын – хотя бы и благочестивых родителей – пошел в монашество? отвечает: «Да просто захотелось, и хотенья этого он превозмочь не мог». Очевидно, при характеристике благодатного неземного облика преп. Серафима, г. Меньшиков имел в виду ученые теории о наследственности, о влиянии среды, прирожденных способностей и т. д. «В

пустынничество идут художники молитвы, люди, одаренные редким талантом религиозного вдохновения. В сущности не все ли мы ищем того, что составляет *тайну нашего существа?*» и т. д.

Хорошо ли поступает г. Меньшиков, рассматривая святую благодатствованную личность преп. Серафима чрез призму обычных ученых теорий наследственности, прирожденных способностей и т. д.?!

Мы, разумеется, весьма далеки от того, чтобы признавать научные теории о наследственности, влиянии среды и т. п. устаревшим хламом, пригодным лишь для архива. Без сомнения, эти теории оказывают громадную услугу психологу, историку, философу и другим представителям науки, при уяснении начальных причин и факторов какого-либо важного явления или философской доктрины, при работах над биографиями гениев, замечательных людей и т. п. Вышеупомянутые теории вносят систематичность, связность и надлежащую обоснованность в ученые работы, т. е. удовлетворяют самым элементарным, а вместе с тем самым неотложным требованиям сколько-либо серьезной познавательной деятельности. Вот, напр., на фоне заурядной мелкой человеческой среды возникает гениальная личность, не похожая, по-видимому, на своих предшественников и потомков. Ужели она подобна молнии, внезапно озарившей мрак грозных туч и моментально погасшей в том же мраке?! Ужели нет никакой логической и психологической связи у гения с предками и потомством?! Как систематизировать наши представления о гении известной эпохи с представлением о посредственных, заурядных современниках этой-же эпохи?! Вот здесь то и помогают много разные научные гипотезы и теории...

Так бывает в истории, психологии, философии и т. п. Совсем иное видим мы в мире благодатном, сверхъестественном.¹⁵² Здесь действуют исключительно два элемента – свободная воля, напряжение индивидуальных сил подвижника и приосеняющая, животворящая и возвышающая их в небесные сферы благодать Божия. Благодетель предков, встреча со святым человеком и т. п. факты, всё это имеет здесь

значение низшее, второстепенное, а не центральное. Св. ап. Павел, св. ап. Петр, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов не могли находить между своими предками образцов христианских добродетелей и однако сделались светильниками «церковного неба»... Не все люди получают от природы гениальные способности в таланты к музыке, живописи, философии и т. п., но все уже от природы имеют задатки к подвижничеству, нравственному совершенству, благодатствованному состоянию, Богоуподоблению... Эти задатки заключаются в образе Божием, данном каждому человеку. Значит, если бы и можно было применять теорию наследственности при уяснении благодатного возрождения христианской души, то непременно тут же следовало бы оговориться, что и все люди рождаются со способностью святости и Богоуподобления, что всякого человека, грядущего в мир, просвещает Божественный Свет (Ин.1:9) сиянием Богоподобия, даруемого Творцом всякому человеку при его рождении. Должно лишь укреплять и развивать эти задатки при помощи благодати Божией в таинствах Церкви.

Нам могут возразить следующее: «Всё это – так, но почему же мы почти не находим людей, живущих «в духе» преп. Серафима, почему мы не встречаем среди других людей (особенно современных нам) продолжительных молитвенных подвигов на камне, многолетнего затвора и прочих проявлений святости и высокого аскетизма?» На это ответим следующее. Действительно, преп. Серафим стоял на высокой ступени духовного совершенства, был святым, благодатствованным человеком, но ужели святость и высокое духовное совершенство должны проявляться в одних определенных формах, исключительно на «саровском» фоне, – дремучий лес, убогая хижина, кроткий медведь и жесткий камень?!... Вот ветхозаветный аскет пророк Илия приносит Иегове жалобу на Израиля и говорит: Господи! пророков Твоих убили, уклонились все в идолопоклонство, остался я один (3Цар.19:14)!... Но вот слышит он успокоительный ответ Иеговы: «Я соблюл Себе семь тысяч, которые не преклонили колена пред Ваалом» (3Цар.19:18)!... Вполне возможно, что многие из этих семи

тысяч снискали такое дерзновение пред Богом, удостоились такого благоволения Божия, какое не уступало дерзновению пророка Илии... Вспомним до слез умилительный рассказ древних повествований, как Провидение послало знаменитого пустынноика преп. Макария Египетского к двум замужним женщинам поучаться у них высоте и напряженности христианской любви!... Так и теперь! Современная жизнь поверхностному наблюдателю кажется измельчавшей, пустой, окончательно загрязненной пороком... Но внешняя мерка обманчива. За тусклыми влажными стеклами теплиц и оранжерей подчас встречаются чудные тропические пальмы, роскошные кипарисы и другие растения из стран с голубым небом и вечно сияющим солнцем... Возьмем теперь нашу современную жизнь. Под покровом обыденных, с внешней стороны миниатюрных явлений нашей жизни, на фоне будничной «житейской прозы» иногда созревают «райские цветы», вырабатываются и создаются такие чистые духом личности, что думается, они сотканы из волн небесного эфира; встречаются здесь лица, несущие тяжелые кресты, иногда изнемогающие под тяжестью этих крестов и в тоже время неизменно хранящие небесную белоснежную чистоту совести, голубиную кротость, всепрощение в своём сердце... И думает невольно посторонний наблюдатель, имущий «очи еже видети»: ужели этот крест тяжелый не достоин стоять вблизи креста преп. Серафима, ужели в будущей жизни такие крестоносцы будут вдали от Саровского светильника?!...

Нет, Серафимы, «ангелы во плоти» есть и теперь, их много, ими не оскудеет Церковь, ибо не оскудеет в ней благодать Христова... Правда, жизнь этих «земных ангелов» и «небесных человеков» проходит не на Саровском фоне, не среди дремучего леса, зверей и т. п., она окружена иными терниями и волчцами, эти подвижники неведомы миру, но они есть, их много и Господь знает Своих (2Тим.2:19). Что касается разнообразия в жизненном фоне и обстановке, среди которых проявляется святая жизнь христиан, то это разнообразие проистекает от неисчерпаемой бездны премудрости Божией

(Срв. Рим.11:33), от различного преломления и отражения благодатных лучей в человеческих индивидуальностях...

Значит, г. Меньшиков совершенно напрасно пытается уяснить святой облик преп. Серафима путем... теории наследственной передачи сил и способностей... Эта теория, эта земная мерка не уместна и мало применима к познанию мира благодатного, сверхъестественного... Мы уже сказали выше, что святость в христианстве создается двумя элементами: личным подвигом и Божественною благодатию, даруемою в таинствах Церкви. Влияние наследственности здесь, строго говоря, ни при чем!... Приписывать «наследственности» отнюдь не принадлежащее ей влияние на благодатное возрождение христианина, значит противоречить христианскому учению, психологии и исторической действительности (стоит прочесть какую угодно книжку по истории Правосл. Церкви и легко можно убедиться на фактах, что сначала Угодник Божий подвизается, а потом удостоивается обильной благодати Св. Духа). Приписывать здесь всё наследственности, – значит оставлять в тени как личную ревность самого подвижника о спасении, так и сияние благодати Христовой. Между тем, в статье «Психология святости» г. Меньшиков совсем не рассматривает святость преп. Серафима, как его личный подвиг, умалчивает также и о благодати Христовой, содействовавшей Угоднику Божию, а прямо начинает свою статью рассуждением о наследственности, под влиянием которой выработался будто бы небесный облик Саровского чудотворца. Талантливый писатель поступил бы гораздо лучше, если бы остановился благоговейным вниманием на ревности преподобного о своём спасении и исповедал бы силу благодати Божией, поставившей сей светильник на свещнице церковном. Тогда и читатели получили бы не малую «пользу духовную» от статьи г. Меньшикова; – созерцая ревность преп. Серафима о благоугождении пред Богом, нерадивые устыдились, а может быть и пробудились бы от своего «греховного усыпления», с другой стороны, уразумев из повествования силу благодати Христовой, укрепляющей наши немощные силы, люди, приходящие в отчаяние от своей греховности, может быть,

воспрянули бы духом, сердце их освежилось бы притоком живительного света, а воля стала бы тверже в борьбе с грехом... Это было бы гораздо лучше, нежели приспособление западных теорий о «наследственности» к уяснению святой, скажем, небесной личности Саровского чудотворца.

Удивление читателя еще более усиливается, когда в дальнейших строках вместо того, чтобы говорить о преп. Серафиме, г. Меньшиков подробно трактует о монашестве, «процветавшем в Египте за тысячу лет до нашей эры (sic), об отшельничестве... индусов и т. п. Невольно поражаешься изумлением и задаешь вопрос: «Что преп. Серафиму и индусам?!» Кое общение свету ко тьме?!

Кажется, сам талантливый писатель предвидел это недоумение, посему, прежде чем делать переход от подвигов преп. Серафима к... отшельничеству индусов, он написал следующие, буквально здесь приводимые слова. «Святость – одна из форм духа, известная с глубокой древности и среди всех народов. Из всех форм она почиталась совершеннейшей. *Всюду употреблялись почти одни и те же способы для достижения святости*» (Sic). После этих слов г. Меньшиков и устанавливает аналогию отшельничества преп. Серафима с отшельничеством... индусов.

Относительно процитированного нами тезиса из статьи талантливого писателя скажем следующее. Совершенная неправда, будто бы «всюду употреблялись почти одни и те же способы достижения святости!...». Возьмем для примера хотя бы тех же индусов. Путешественники и все ученые исследователи Востока единодушно свидетельствуют, что «аскетизм» индусов часто проявляется в самоистязании, – одни из них доводят свои телесные члены до омертвления, напр., постоянно держат руку кверху, не меняя её положения, так что рука костенеет другие во время праздников ложатся на пути, по которому должны пройти колеса священной колесницы... самоистязание индийских факиров едва-ли не вошло в поговорку; путешественники, бывавшие в Константинополе, видали там «дервишей», которые постоянно вертятся на одном месте якобы в аскетических целях. Были в язычестве люди,

мнившие службу приносить Богу убиением христиан. Может быть, в джунглях Азии или Африки и теперь найдутся дикие племена, считающие наилучшим средством Богоугождения принесение человеческой жертвы... Как же г. Меньшиков уверяет, что во все времена существовали почти одни и те же способы «достижения святости», как он решается установить параллель между отшельничеством индусов, этих постоянных самоубийц,¹⁵³ и отшельничеством преп. Серафима?!... Христианский аскетизм тем и отличается от языческого, что первый есть отречение от удовольствий земной жизни для достижения вечного небесного блаженства, так сказать, духовное воскресение, восхождение от смерти к жизни, от земли к небеси, а языческий – напротив, постепенное подавление всякой жизни, систематическое самоубийство или убийство других (приношение человеческих жертв). В христианском аскетизме ощущается «Христово благоухание», а в языческом – запах крови...

Наконец, в числе недочетов статьи Меньшикова: «Психология святости» и другой: «Старые сверхчеловеки» следует отметить не совсем правильное суждение о христианском телесном аскетизме. Говоря о теле христианского подвижника, чуждом всяких страстных греховных движений, Меньшиков пишет. «Такая кроткая святая плоть есть *олицетворенное здоровье*. Оно дается в награду праведникам и, кажется, только им одним. У отшельника нора в горе и кусок хлеба в день, и старик живет до 80, до 100 лет, не зная, что такое доктора и лекарства». Далее чрез несколько строк мы читаем следующие слова. «Нет сомнения, что внешний подвиг святых главным образом состоит в. подготовке плоти к новому состоянию духа, в «укротении плоти». Но что такое это укрощение? Как пловец заботливо осматривает челн свой и заделывает щели, так и человек, стремящийся к святости. Ему действительно нужно особое, укрепленное тело. Укрепленное не гимнастикой, которая сводится к потере органического равновесия, в нарастании грубых тканей насчет нежных, – а способом более естественным – воздержанием. Это тоже, если хотите, гимнастика, только через дух.

Достаточно этих слов, чтобы убедиться, как, в сущности, невысоко понятие Меньшикова о телесном аскетизме в христианстве. Талантливый писатель говорит, что святая плоть подвижника это – «олицетворенное здоровье», что телесный аскетизм христианина тождествен до некоторой степени с обычной гимнастикой, – разница, видите ли, проявляется лишь в устройстве приборов: обычная гимнастика совершается при помощи гирь и разных эквилибристических упражнений, а укрощение плоти в аскетизме чрез воздержание. Результаты же аскетизма и гимнастики выходят у Меньшикова одни и те же, – «олицетворенное здоровье», – «старик живет до 80, до 100 лет, не зная, что такое доктора и лекарство»...

Но дело вовсе не в том, чтобы обходиться без аптек и лекарств. Цель телесного аскетизма в христианстве более высокая – *сделать тело с душою храмом Св. Духа*. Что касается физического оздоровления организма, то оно хотя и не порицается христианским аскетизмом, (чего не видим в язычестве, напр., индийском самоистязании), но с другой стороны и не составляет цели христианского аскетизма. Христианские подвижники даже неодобрительно смотрели, на цветущий здоровьем организм, если видели в нём преграду для возвышенных стремлений своего духа; отсюда некоторые подвижники доводили своё тело до болезненного состояния, чтобы тем свободнее парить духом к небу. Так. обр., христианский аскетизм проявляется в *одухотворении*, а не в оздоровлении тела. Телесное здоровье не признается злом в христианском аскетизме, но и не признается целью подвижничества; если это здоровье и не игнорируется аскетом окончательно, то всё же оно ставится на самом последнем месте. Между тем, г. Меньшиков телесный аскетизм сводит почти всецело к физиологическому оздоровлению организма, много распространяется о том, как долго жили христианские аскеты, как они обходились без аптек и лекарств, а не считает нужным упомянуть о том, что цель христианского телесного аскетизма есть приготовление своего тела *в жилище Духу Божию*, что телесные подвиги аскета заканчиваются не физиологическим здоровьем организма (здоровье здесь есть

нечто побочное, случайная, мимолетная тень, то увеличивающаяся, то уменьшающаяся), а блистанием благодатного света не только в душе, но и в теле подвижника. Тело преподобного Серафима, особенно в последние годы, отличалось слабостью и болезненностью, но тем явственнее сияла чрез сию утонченную оболочку благодать Божия, обитавшая в дивном старце. Некоторые благоговейные посетители, беседовавшие с преп. Серафимом иногда удостаивались видеть на лице его дивное сияние¹⁵⁴ небесного света. Значит, суть заключается не в том, что христианские аскеты долго живут и не обращаются к врачам, а в том, что их души и тела находятся в близком общении с Господом, Небесным Врачом человечества, Пастырем и Посетителем душ наших (1Пет.2:25).

Что касается других мест в статьях г. Меньшикова, посвященных Саровским торжествам, то они почти безукоризненны и православными богословами прочтутся не без интереса.

Теперь приведем «апологию» Саровского торжества г. Меньшикова.

А. Г.

II. Психология святости

Святым, как гением, как героем, нужно родиться. Нужно, чтобы целый ряд поколений сознательно или безотчетно вырабатывал блаженную душу, характер того непостижимого изящества, красоты, нежности, которые природа так часто влагает в свою стихийную работу. Рожденный как бы под песни ангелов, подобный ребенок растет поистине как та «душа младая», которую, «по небу полуночи», нес ангел. Попадая в «мир печали и слез», иногда в ужасную среду порока, такой ребенок безотчетно стремится вон из неё, вон из несовершенного мира, в состояния ему еще памятные, здешние.

Почему купеческий сын – хотя бы и благочестивых родителей – пошел в монашество? Да просто захотелось, и хотенья этого он превозмочь не мог. О, будьте уверены, мир со своей стороны сделал всё, чтобы поймать юношу. «Мир ловил

его, но не поймал», говоря словами украинского философа. Ему хотелось святости, как другому – порока. В пустыню, «прекрасную мать-пустыню» идут души нежные, восхищенные природой, гармонией, для нас неслышной, поэзией вечерних и утренних зорь, созерцаний райских. В пустынножителство идут художники молитвы, люди одаренные редким талантом религиозного вдохновения. В сущности не все ли мы ищем того, что составляет тайну нашего существа, тайну счастья?

Сначала монашество, потом отшельничество, затем затворничество. Наконец, после 15 или 20 лет этого сосредоточенного брожения благородного духа – двери кельи открываются. Оттуда вместо ожидаемой тьмы сияет свет и радость, целебная, спасительная любовь. Подвижник достигает наконец желанного состояния, к которому стремилась душа его, состояния святости. Он снова в объятиях ангела, он слышит ясно «звуки небес» и сгорает жаждой передать их людям.

Святость – одна из форм духа, известная с глубокой древности и среди всех народов. Из всех форм она почиталась совершеннейшей. Всюду употреблялись почти одни и те же способы для достижения святости. За тысячу лет до нашей эры монашество уже процветало в Индии и Египте. Следы неподражаемых по высоте нравственных настроений остались в буддийских священных книгах; немногие сутты, которые я читал, восхитительны. В браминской Индии до сих пор есть народный обычай – посвящать себя в известный возраст отшельничеству. На закате жизни каждый порядочный человек должен перейти в это высшее, связанное с отречением от мира состояние. До 40 лет – семья, до 60 лет – общественная и государственная деятельность, и затем индус, кто бы он ни был, надевает желтое платье нищего и берет чашу для подаяний. Он идет в пустыню, в одиночество, в созерцание, в глубокое размышление, в устроение духа вне времени и места, вне тягостных условий культурной суеты. В рассказе Киплинга «Чудо Пуран-Багата» говорится, как один из блестящих аристократов, министр маленького индийского двора, воспитанник английского университета и кавалер высшего английского ордена – как он всё это бросил и удалился в горы, буквально как некогда

царевич Сидарта. Там он прожил сорок лет в глубоком погружении в безмолвие природы, в тишину собственной души, в претворение всей прежней жизни в одно какое-то высшее сознание, в высшую мудрость.

Подобно тому, как бывает дух глубоко падший, бывает и плоть святая. Тело святого – будто только что сотворенное Богом, уравновешенное, мирное тело, всецело подчиненное духу. Никаких стремлений, никаких пристрастий, – нет ничего такого, от чего было бы трудно отказаться тотчас, как только потребует того высшее сознание. Такая кроткая «святая плоть» есть олицетворенное здоровье. Оно дается в награду праведникам и кажется только им одним. У отшельника – нора в горе и кусок хлеба в день, и старик живет до 80, до 100 лет, не зная, что такое доктора и лекарства. Величественный дух, распутившийся как крона над стволом пальмы, кажется совсем забывает об этом засохшем стволе жизни, предоставляет ему как-нибудь вытягивать из пустынной почвы немного питания, а последнего всегда оказывается достаточно.

Нет сомнения, что внешний подвиг святых главным образом состоит в подготовке плоти к новому состоянию духа, в «укротении плоти». Но что такое это укрощение? Как пловец заботливо осматривает челн свой и заделывает щели, так и человек, стремящийся к святости. Ему действительно нужно особое, укрепленное тело. Укрепленное не гимнастикой, которая сводится к потере органического равновесия, к нарастанию грубых тканей насчет более нежных, – а способом более естественным – воздержанием. Это тоже, если хотите, гимнастика, только через дух. Разросшиеся органы упражняются в неделании и непитании, пока не атрофируются до своей естественной нормы. Как задача скульптора – отнять у мраморной глыбы всё лишнее, чтобы обнаружить прекрасное изваяние, так и у подвижника: он постепенно снимает со своей плоти лишний жир и мясо, пока не превращается даже физически в идеальную фигуру, – идеальную в том смысле, что в ней сохранено только необходимое.

Почитание мощей, мне кажется, коренится в этом отношении плоти к духу. Тело святых не совсем такое же, что

наше, физиологически не такое. Это всё равно, как настроенный инструмент не то же самое, что расстроенный. Весь строй святого тела уравновешен и подчинен основному тону – служению мысли. Раз нет страстей, хотений, излишеств, раз приход и расход тела сведены к минимуму, такое тело не может быть совсем таким же, каковы тела, например, пьяниц, обжор, азартных спортсменов или праздных лентяев. Облагороженная плоть, как материальный корень духа, достойна быть предметом поклонения, как всё совершенное, чего мы хотели бы достичь в себе. Древние поклонялись прекрасным статуям; это были языческие мощи, только мраморные, напоминавшие о богоподобных людях. Я не богослов и не берусь судить с богословской точки зрения, но мне кажется, что аскетизм праведников есть прежде всего возвращение тела к первородной невинности и чистоте. Результатом этого возвращения само собой является первородное здоровье. Не «убиение» плоти, а убиение только её уродств и болезней, не истязание, а возвращение к окончательному блаженству – вот цель истинного аскетизма. Мне кажется, что это так доказывает прекрасное физическое самочувствие людей праведных. Я знаю, что хворают и прекрасные люди, но болезнь и у них признак какого-нибудь греха, личного или родового. Болезнь, как уродство или безобразие свидетельствуют о некотором поражении духа: духу безупречному подобает совершенное воплощение. Праведники, сколько от них зависит, возвращают себя к свежести ранних лет. Как младенцы, не знающие ни плотской любви, ни опьянений, ни наркозов, ни пресыщения, праведники чувствуют себя легко и ясно. Довольствуясь ничтожным, они достигают самого значительного. Как младенцы, они не замечают своего тела и погружены исключительно в работу духа. Кто знает, может быть их святость есть уже новое, в этой жизни начавшееся младенчество, как бы второй расцвет за то же лето возраста. Но так как при этом они не теряют накопленного сознания, то их второе детство освещается всем опытом долгой жизни. Они и дети, и мудрецы вместе. Именно о таких сказано, что им доступно царство Божие.

Что же является окончательным разумом этого блаженного состояния? – Любовь ко всему.

III. Старые сверхчеловеки

Все святые оканчивают горячим состраданием к миру и страстную любовь к нему. Как Будда, они начинают учить о милосердии, о снисхождении, о внимании к несчастным, о вечном Отце, призывающем к служению жизни. Они учат о мире, согласии, раскаянии, кротости, о счастье любящих. О многом хорошем, что нами мгновенно постигается как хорошее, говорят они – и чудо в том, что мы верим им. Казалось бы, все те же слова повторяют они из века в век, те же поучения, что говорят и лицемеры, но в устах лицемеров великие слова делаются малыми, огонь их гаснет. Чудесный это дар – возбуждать веру! Его тайна в том, чтобы самому иметь веру. Весь подвиг праведности – в воспитании в себе веры до степени неодолимой заразительности её для других. Освящает только святое.

Великая историческая роль святых – освящать народ, делать счастье его благородным. Почему выше земных авторитетов народ ставит угодников Божиих? Они представляют собою единственную истинную аристократию, ему понятную. О Бархатной Книге крестьяне не слыхали, Четьи-Минеи же все чтят и все знают, «в гербе» какого мученика полагается усекновение мечем или крестное распятие, костер, виселица. Может быть в отчаянии создать светское сословие людей безупречных, народ так прилепился сердцем к своим святым. Народ чтит святых мертвых, как живых, как бы веря, что истинно живое – бессмертно. Вот в каком смысле кости праведника животворят. Они вещественные доказательства возможности совершенной жизни. Одна мысль о такой возможности спасает.

Нужна ли аристократия народу? Да, вот такая, истинная, – она нужна, и составляет самое высокое учреждение в государстве, не будучи им ни условлено, ни поддержано. В неисчислимой толпе человеческой, где нежное «лицо» человека мнется и искажается общим давлением, где элемент поработен массе, необходимо, чтобы был перед глазами всех живой

образец неизмятого, свободного духа, живущего естественной жизнью. Не звать никаких ограничений, никаких обязательств, кроме внутренних, самым собою наложенных, это состояние более чем царственное. Монархи связаны заботою о своей державе, их жизнь полна заботы и тревоги. Монарх считается с давлениями международными, с условиями экономическими, бытовыми. Не то праведник; единственная его забота – править одним человеком, самым собою. На буддийском Востоке на монаха смотрят как на высшее существо; при встрече с ним государь сходит с коня (Фильдинг). В самом деле, если говорить о действительно святых людях, то есть ли что-нибудь величественнее человека отказавшегося от всего, чтобы стать богоподобным? Богоподобным, то есть, по возможности свободным от всего, над всем господствующим, духовно всеобъемлющим, всеосознающим, непоколебимо стойким. Даже не достижение, – даже попытка, если она искренняя, даже одна мечта достигнуть такого состояния – признак благородства. Совсем не напрасно люди чтут великих из своей среды. Великие необходимы, как орган пересоздания общества, как совершенная форма, в которую может отлиться каждая душа в меру усилий, личных и родовых. Как бы ни была измята жизнью ваша природа, но созерцание более прекрасной природы выпрямляет вашу, хоть на время, хоть в небольшой мере. Ни тело ваше, ни дух ни есть нечто окончательное. Наше истинное «я» лежит не в действительности, а в идеале. Жизнь есть бессознательный процесс приближения к этому идеалу, причем творящее начало нуждается в модели, как художник в натуре. Если есть перед глазами существо вам сродное и высшее, – наше собственное преображение идет быстрее.

По признанию г. Меньшикова, отшельничество не умирает. Наша махрово расцветшая цивилизация очень похожа на те роскошные века, когда явились пустыnnики. Обремененные суетным творчеством человеческим, утомленные условностью и ложью люди нежной души, в роде Иоанна Дамаскина или Франциска Ассизского, и тогда бежали из мира, и теперь уходят из него. Уходят и прямо в монастыри, и в тайное пустынножителство и просто куда-нибудь в тишину бедной

усадыбы, в уединение природы. Душа разбита. Хочется собрать её осколки. Хочется снова сделаться ребенком, забыть всё на свете и пережить радости непосредственного, наивного неведения. Этим начинают, а кончают святостью.

Рыцарь, поэт, монах, мудрец – в сущности всё это люди одной и той же героической породы. Они посылаются не для того, чтобы создавать вещи, а чтобы создавать в своём лице настоящих людей. Они потому нужны, что поддерживают в человечестве предания благородства и богоподобия. Пусть всё тело общества заражено, нужно, чтобы оставалось хоть несколько свежих клеток. Физически обыкновенно бесплодные, рыцари, отшельники, поэты и мудрецы представляют новые побеги человеческого рода: от них именно идет свежесть и здоровье духа. Одиноким Будда был горчичным семенем нового царства душ. От него пошли неисчислимые радостные настроения, возвышенные надежды, высокие порывы, нежные симпатии, раскаяния и блаженства. Как обеднела бы сразу до полного разорения жизнь наша, если бы из неё выбросить всё великое, что навеяно богатырскими легендами, поэзией, житиями святых.

Поклонение праведникам – естественная религия человечества. Поклонение это всегда достойно. Нет ничего неблагороднее – неблагодарности; равнодушие к величию – первый признак низкой души. Но поклонение святому само должно быть свято. Оно, как акт соединения нас с духом чистым, требует родственной ему чистоты. Необходимо, чтобы мы не только словами и поклонами возвеличили память праведного, но чтобы с яркостью, доходящей до иллюзии, вместили в себя образ его, припомнили все его заветы. Он умер, но от нас зависит снова зажечь этот скрытый пламень, – зажечь в самих себе. Вы скажете – не дерзость ли даже подумать, что можно самому сделаться святым от святого. Мне кажется, это не дерзость, иначе какой же смысл имела бы праведность и поклонение ей? Хоть ненадолго хоть на мгновение вы делаетесь святым, прикасаясь к духовному образу святого. В минуты восторженного преклонения вы несомненно делаетесь чище, возвышеннее, сострадательнее.

Что же это, если не святость? Повторяйте в себе как можно чаще эти редкие мгновения, вводите их в привычку, и, если природа не противится этому через десятки лет, вы сделаетесь святым. Не нужно думать, что святость – привилегированное положение, вроде родового титула. Объятия Божии всем открыты. Все могут быть приняты в царство правды, все, кто действительно этого захочет. Но даже и временное, слабое хотенье не теряется бесследно. Пережить хотя бы немногие истинно человеческие минуты – уже большое благо. Об этом вспоминаешь, как о событии и даже память о святых состояниях души светит, как лампада над гробом праведника.

В тот день, когда я пишу эти строки, сотни тысяч народа стекаются к костям св. Серафима. Чудо Божие не в том, что сохранились эти кости: истинным чудом была его жизнь, сверхъестественная по высоте духа, по нравственному сиянию. Чудо в том, что такая жизнь оказалась спасительной и целебной – не только для самого святого, но и для бесчисленных несчастных к нему приходивших. Чудо в том, что со смертью святой не исчез, а одна мысль о нём, один образ его, одно припоминание его святости продолжают утешать несчастных, исцелять их. Христос исцелял больных и передал этот дар апостолам. Дар целения принадлежит всему, что внушает веру, что развязывает связанную болезнью энергию жизни. Но и Христос, и апостолы приходили не затем, чтобы исцелять тела. Их главное призвание было – исцеление душ, спасение чего-то высшего и более первоначального, чем тело. По древнему воззрению, разделяемому многими современными учеными, источник тела у нас духовный. Существует непостижимое начало, некая монада, вокруг которой завивается материя, как кокон около гусеницы. Все физические болезни происходят от повреждения этого творящего начала. Пока оно бьет из тайников природы неудержимо, – все физические порчи мгновенно заделываются, все заразы парализуются. Душа здоровая предостерегает и защищает своё тело, но стоит ей поколебаться в своей связи с Богом, устать, омрачиться, ослабнуть, – тотчас, как в плохо защищаемую крепость, врываются разрушительные силы. Восстановить человеческую

душу во всей её богоподобной чистоте, вернуть ей первозданную энергию, разум и красоту – вот для чего приходил Христос, вот для чего проповедовали апостолы и страдали мученики. Мне кажется, призвание теперешних святых осталось то же самое: восстанавливать прежде всего души, а через них и тела. Кто знает, какое потрясение, какой внутренний переворот совершается в больном уже при одной надежде на исцеление? Надежда предполагает вспыхнувшую веру, предполагает любовь к святому. Этот мгновенный порыв к совершенству не освежает ли прежде всего больную душу? Не поднимает ли он шлюзы для тех, всегда присутствующих целительных сил, которые Бог заложил в самой жизни?

Какова бы ни была тайна этой восстанавливающей силы, она драгоценна для человечества: около неё оживляется корень духа. Восстанавливает жизнь не тиара Льва, а кости кроткого Серафима.

**Александр Д., иерей. Критический разбор
раскольничьего сочинения (Усова) «О
миропомазании священнослужителей,
присоединяемых к православию от ереси второго
чина»¹⁵⁵ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С.
569–590**

IX

Старообрядец. Не одинаковым ли чином принимаются еретики – клирики и миряне?

Православный. Хотя ваш вопрос и не относится к делу, но отвечу вам: конечно, одинаково, одним чином, если только и клирик и миряне – приходят от одной, одинаковой, ереси.

Старообрядец. Но мне кажется, что ваша Церковь – католиков мирян принимает через миропомазание, а клириков – третьим чином.

Православный. Католиков мирян православная Церковь принимает третьим чином, а так-же и клириков, почему последних и оставляет в сущем сани. «Так в 1839 год., при окончательном воссоединении с православною Церковью униатов, приняла «правосл. Церковь» их клириков в их степенях священства через одно письменное отречение их от римских заблуждений и исповедание правосл. веры, поданное ими Св. Всерос. Синоду, или когда приняла таким-же образом в общение клириков униатов холмской епархии в 1875 г.» (о правил. и чиннопол. стр. 163). Чрез миропомазание пр. Церковь принимает тех мирян католиков, кои не были помазаны миром, не конфирмованы (См. чин присоед. правосл. Церкви). Вообще – поэтому поводу вам скажу: разнообразие в чиноприеме еретиков не нарушает православия нашей и греческой Церкви. Это было и прежде: армян принимали в великих и соборных Церквях через миропомазание, а в других Церквях через крещение; и однако-же в Кормчей по сему предмету сказано: «мы-же, сия вся рассмотривше, должны,

есмы обычаю последовати ныне держащему в митрополиях патриархиях» (Кормч. гл. 70, 637 л.).

Самое важное в нашей с вами беседе это то, что вы приняли Амвросия через миропомазание, а, по суду книги Кормчей принятых таким образом нужно снова рукополагать в сан «в нем-же беша».

Свидетельство же, приведенное Усовым из книги «Пращица» (ответ 168), не идет к делу, ибо и у Питирима по вопросу о чиноприеме высказана та же мысль, какую выше мы выразили, именно, что еретиков принимать на три чина, но клирик ли, мирянин ли, – если они приходят от одной ереси «приемлются равно». Но в «Пращице», в ответе 168, не говорится, что «Латын» нужно мазать миром и, по миропомазании, если будут клирики, оставлять в сущем сани.

Питирим говорит про третий чин. Глумиться же над изложенным в «Пращице» ответом патриарха Макария может только Усов... Но, ведь, это кощунство, а не доказательство.

Х

Старообрядец. Прошу вас: укажите мне те свидетельства, на основании которых вы говорите, что, по миропомазании, еретических клириков нужно снова рукополагать, а не оставлять в сущем сани.

Православный. Да я вам уже указывал на 37 гл. книги Кормч., где помещено послание «Константина Града собора к Мартирию епископу Антиохийскому», Феодора Вальсамона ответ на 30 вопрос Марка Александрийского и др. Ниже и еще укажем.

ХІ

Старообрядец. «Ответ Вальсамона Марку Александрийскому, который вы приводили и на который сейчас ссылаетесь, не имеет решительно никакой достоверности и силы. Православ. Церковь отнюдь не приняла этих ответов в обязательное руководство, признав их во многом неправильными и несогласными учению и правилам св. отец. У того-же самого Севаста Арменопула, у которого помещены эти ответы, о них дано такое определение. «Вопрос: от божественного патр. Антиохийского, нарицаемого Вальсамона,

бывшие ответы к вопросам Марка преподобнейшего патриарха Александрийского обретаются некая приотшествовавшие творяще в правильных же и законных сочинениях. Подобает убо сим внимати или ни? Ответ: священный сей муж антиохийский третель в опасное законных и правильных законоположений; и у всех о сих припеваемый. Убо списания сего елика к правильным и законным явством изнесошася не о всем опасство держащихся появляются, еже преславно. Но яко от забвения, наипаче и презрения проходящая и негде на себе самого частуема. И не убо кто предстоятельствуя сим вознедоумеет обретает одного опасству его списания нестичушася. Аз-же, живущу оному в Константинополе, много Закотримыя одного слышах, приемлюща некая мужа одного умодаяния, яко непочасти изнесшася в правил-же толкования и иных сицевых сочинениях. Оставляется убо рещи нам по слову подобающуся: реченная списания оному прочитовати потребно, опасно многодранное законовежествующу и вежественно много видных обучившуся объяти. Сицев опасно увести, еже непорочное-же и яко не всих написатися являемое. Убо не сицев имущу искус, никако им беседовати. Да по неискуснейшим купльствующим, но равно злато и серебро и златовидныя и сребровидныя и подмедныя и свиницкия купуя, тщете на свою главу предстанет (Севаста Арменопула книга 5-я ответ. Иоанна Китрского).

Таким образом *ответы* Вальсамона Марку Александрийскому признаны во многом неправильными, погрешительными, и ни для кого необязательными, так что руководствующиеся ими могут страшно ошибиться и погрешить, подобно неопытным торговцам, принимающим фальшивые монеты. И на таком-то основании вы зиждете своё учение относительно клириков второчинных еретиков и даже предпочитаете всем свято-церковным определениям.

Впрочем, 30 ответ Вальсамона Марку Александрийскому *можно согласовать со всеобщим учением Церкви* о присоединении священнослужителей еретиков второго чина. В самом ответе Вальсамона ни слова не говорится об еретиках второго чина, а *сказано* об одних только еретиках первого чина, и самое основание ответа состоит из одного 80-го Апостол.

правила, относящегося к одним лишь еретикам первого чина. Если поэтому руководствоваться сим ответом, то должно вновь рукополагать священнослужителей одних только еретиков первого чина, но отнюдь не второго. Хотя в вопросе, по-видимому, упоминаются и еретики второго чина, но это не важно; *должно следовать не вопросу Марка, а ответу Вальсамона*. И так как ответ этот говорит только о еретиках первого чина, то можно с достоверностью сказать, что и вопрос был поставлен именно только об этих еретиках; но впоследствии он, вероятно, был искажен: вместо «и», поставлено «или», то есть вместо: «сподобиться... крещения, и святым миром освятится», поставлено: «сподобится крещения или святым миром освятится». Как-бы то ни было, но самый ответ Вальсамона говорит о еретиках только первого чина, и значит к ним он должен относиться: их и должно рукополагать вновь, согласно 80-го правила Св. Апостол и 19 правила первого вселенского собора. Об еретиках-же второго чина Вальсамон говорит вот что: «Наватиан, енкратитов и драпарастатов, как определило и последнее правило второго «Вселенского» собора, не должно крестить снова, но помазывать св. миром, и таким образом причащать Таин; если же они были епископами, то принимать на них престолы (толкование его на 1-е правило Василия Великого полн. перевод). «Они должны непременно сохранить свои степени» (Толков. его на 8-е прав. первого вселенского собора). Таким образом, Вальсамон учит о принятии священнослужителей вполне согласно со всеобщим учением Церкви, повелевая первого чина рукополагать, а второго принимать в их степенях».

Православный. Так вот как и чем вы хотите опровергнуть свидетельство Вальсамона о том, что клириков еретиков, приходящих к правосл. Церкви, по миропомазании, следует снова рукополагать! Вы говорите, что ответы Вальсамона не имеют никакой достоверности и силы, что правосл. Церковь их не приняла, признав их во многом неправильными, испорченными. Ответы Вальсамона не имеют силы и достоверности, а рассуждения Усова имеют силу и значение... Странно; – тем более, что Усов сказал сначала, что ответы

Вальсамона Марку не имеют силы и достоверности, что они испорчены и несогласны учению и правилам св. отец, а в конце концов говорит: «Ответ Вальсамона Марку и, именно 30-й, можно согласовать со всеобщим учением Церкви о присоединении священнослужителей еретиков второго чина». Видите, как путается, вертится Усов. То «несогласны», то можно согласовать, т. е. согласны; но «несогласное не согласишь».

Дальше. Привел Усов свидетельство Арменопула, желая доказать, что *«ответы Вальсамона Марку признаны»* во многом неправильными, погрешительными, – а в конце концов говорит, что *«вопрос, вероятно, был искажен»*, и даже дерзко поправляет вопрос Марка. Смотрите, как Усов, чувствуя, что почва под ним колеблется, вертится, и противоречит себе: «Ответы испорчены», – «Вопросы испорчены». – Но надо говорить что-нибудь одно.

Дальше. «Православная Церковь, говорит Усов, не приняла этих ответов в обязательное руководство..., ответы не имеют силы; – а ниже говорит: «Должно следовать не вопросу Марка, а ответу Вальсамона». Ну на что это похоже? То не нужно следовать ответам Вальсамона, то «должно следовать». – Так можно-ли на таких недобросовестных и противоречивых словах Усова основываться и доверяться им?!

Обратимся к Севасту Арменопулу и посмотрим: отвергает-ли Севаст подлинность 30-го ответа Вальсамона Марку патриарху? Нет. Он только говорит, что «Вальсамон был тщательный толкователь законов и правил и за это у всех в почете. Посему, что у него написано согласно с правилами и законом, того должно держаться без сомнения, и это похвально. Но иногда как-бы от забвения, или, лучше, от небрежности он противоречит даже сам себе»... Это отзыв о самом Вальсамоне. А далее говорится об его ответах Марку: «сказанное сочинение тому следует читать, кто точно знает различные законы и в них безошибочно может разобраться. Такой хорошо поймет, что в них непорочно, и что такое, чему в них не следовало-бы быть. Поэтому не имеющему такой опытности никак ими не руководствоваться» (Севаст книг. 5-я, ответ. Иоанна Китрского). Таким образом, в книге Севаста говорится, что «не имеющему

опытности, незнающему различные законы нельзя руководствоваться» этими ответами; а опытному, знающему законы, можно и должно; а Усов говорит, что «Церковь отнюдь не приняла этих ответов». Так Усов оклеветал всю древнюю Церковь, которая о Вальсамоне вот что говорит: «А яже совершенно восхощут уразумети и уведати каноны, да стяжут книги правил всех..., и книгу блаженнейшего Феодора Вальсамона патр. Антиохийского, иже совершенно истолкована вся каноны» (Номокан. при потреб. Филарета л. 665-й). И так, ответами Вальсамона только не искусным, неведущим, запрещено руководствоваться; но этим не отвергаются его ответы. Севаст говорит, что «иногда (Вальсамон) как-бы от забвения, или, лучше, от небрежности противоречит даже сам себе». Вот в таких-то случаях, если встретишь противоречие, ищи разрешения в других правилах-законах. Ну, а в 30 ответе Марку разве Вальсамон противоречит себе? Разве в сем ответе – он отступил от правил и законов церковных? Нет. В 25-м ответе тому-же Марку Вальсамон писал, что хиротонию единовольников, или монофелитов (а они были еретиками 2-го чина) отменяет; тоже и в 30 ответе; значит, себе противоречия нет. Да у того-же Севаста в книге 4-й помещено послание к Мартирию Антиохийскому, в котором, по миропомазании, велено еретиков клириков снова хиротонисать. Значит, и от других законов и правил нет отступлений в решении 30-го вопроса.

Приведем сполна вопрос патр. Марка и ответ Вальсамона. Марк спрашивал: «Аще еретик, иерей или диакон, сподобится божественного и св. крещения, или святым миром освятится, будет-ли священнодействуя с первейшею хиротониею его, или другие сподобятся хиротонии, аще восхощет священнодействовати»? Патриар. Марк, как всякий может видеть, спрашивал об еретиках не только первого чина, но и второго: «Если еретик, иерей или диакон, удостоится божественного и св. крещения, *или освящения св. миром*»... «*или*», а не «*и*», как хочется Усову. Так в подлиннике, так и в Греческой «Синтагме канонов» (т. 4-й, стр. 474). Ответ дается такой: «Св. Апостол 80-е правило, из языческого правила (от

языческой жизни) пришедшие, к православной вере, и крестившиеся и епископского достоинства сподоблятися предопределяет. Убо первому иерейству, скверне непщуемой, яко небывшу вменяему, аще к правильным опаством возсуждаемый тако православив, *и сый некогда скверный иерей* в последнем своем житии не осужден възъявится, *сподобится неточию иерейского достоинства, но и епископского, обычными всяко степенми на учительну высоту возводим»* (Севаста, кн. 5-я). Таким образом, ясно видно, что еретические клирики, приходящие к правосл. Церкви, от ересей первого и второго чина, и принимаемые или чрез крещение, или чрез миропомазание, если явятся неукоризненными еще по своей жизни, могут быть удостоиваемы священных степеней, но как? «Обычными всяко степенми на учительну высоту возводим», т. е. снова хиротонисать.

Указывает Усов, – что Вальсамон, в толковании на первое правило Василия Великого и на 8-е правило первого собора, якобы говорил, что второго чина еретиков-клириков следует и должно оставлять в своих санах. Неправду эту мы довольно обличили в своём месте и повторять одно и тоже не будем.

XII

Старообрядец. Ну, а еще какие можете привести доводы?

Православный. Вот и Захарий Копистенский в книге своей «О правдивой единости», во гл. 40-й, рассуждая о принятии в Церковь латын...

Старообрядец. Вы мне Захария Копистенского не приводите, почему я и перебил вас...

Православный. Почему-же?

Старообрядец. Рассуждения Захария Копистенского о принятии священных лиц еретиков второго чина совершенно противны первому вселенскому собору, Василию Великому и др. Как с ним быть, на это дает ясный и правильный ответ Викентий Лиринский, говоря: «А если в самой древности узнана будет погрешность двух или трех человек, или одного какого-нибудь города, или даже одной какой-нибудь области? Тогда он (правосл. христианин) должен постараться безрассудству или невежеству немногих, где бы ни были они, предпочесть решение

древле-всеобщей Церкви вообще (памятн. записки его гл. 3, стр. 18). Итак, «безрассудству или невежеству» Захария Копистенского в принятии иерархов от ереси второго чина «должно предпочесть решения древле-всеобщей Церкви вообще», требующие принимать чрез миропомазание в их санах, что нами доказано выше. Да Захарий Копистенский вовсе не авторитетный человек, так как он не св. отец и не древний учитель церкви; жил всего за каких-нибудь 30 лет до Никона патриарха и был архимандритом малороссийской церкви, православие которой в то время было так расшатано, до того сомнительно, что православный патриарх Московский Филарет в 1621 г. соборно определил приходящих от них испытывать в вере, и обретшихся крещенных обливательно вновь крестить, как еретиков первого чина, и всех вообще отдавать под начал в монастыри для научения христианской веры и исправления (Соборн. изложение патриар. Филарета, и «патриарх Никон» – Каптерева). Из такого мутного источника разве не могло выйти чего-либо противного учению Церкви? И действительно вышло. Этот-же самый Захарий в том же месте, откуда вы читать хотели, признает обливательное крещение правильным, действительным, требуя униатов и католиков, крещенных обливательно, принимать чрез миропомазание, а не крестить вновь, как тогда действовала и определила действовать вся православная русская Церковь (Собор. уложение Филарета). Захарий пишет: «От латинского костела и апостолов униатов... имеет тем способом и указом приимати, и письма от них брати и мировати их». А о таких сочинениях вот что говорит препод. Максим Грек: «не всяким ветром учения обноситься, но со многим опаством и трезвенным разумом искушати духи, сиречь, яже от неких писуемая книги, аще согласны суть с написанным Св. Духом пророческим и Апостольским священным и правым словесем, и неблазненным богословским догматом, воссиявшим о них и всюду вселенная богодухновенных святителей и учителей. Аще же не по всему согласуют, ниже сшествуют с богодухновенными писании, яже от неких писуемая книги, отрицати и гнушати подобает, аки хульных и скверных, и от Бога нас отлучающим» (Кн. его старописм., сл.

10). Таковым признает приведенное вами учение Захария Копистенского даже сама ваша Церковь. Этим учением прямо и решительно отвергается хиротония католической церкви и требуется их священников, при обращении в православную Церковь, рукополагать вновь. А ваша Церковь признает католическую хиротонию действительной, и лиц, рукоположенных в католической церкви, она признает в их санах, как без миропомазания, что вы сами доказали несколько раньше, так и по миропомазании, что будет доказано ниже. Вот почему мы не признаем свидетельство Захария Копистенского.

Православный. Нет никаких оснований к тому, чтобы отвергать свидетельство Захария Копистенского. Вы говорите, что рассуждение Захария Копистенского противно первому вселенскому собору, учению Василия Великого и др. Неправда: первый вселенский собор положил Наватиан принимать третьим чином, почему и хиротонию их принял; а Захарий Копистенский говорит, что, по миропомазании, клириков-еретиков нужно снова рукополагать и тем не противоречит ни первому собору, на котором не было и суждения об еретиках второго чина, ни Василию Великому, ибо мы ранее видели, что хиротонию еретиков второго чина св. Василий Великий не принимал. Наоборот, Захарий Копистенский в рассуждении «о принятии священников – еретиков второго чина» согласует с учением председателя второго вселенского собора св. Григория Богослова, который хиротонию еретиков второго чина отменял, как «чуждую св. соборной Церкви».

Рассуждения Захария Копистенского вы называете «безрассудством и невежеством». Но так как он, как мы выше сказали, о хиротонии еретиков второго чина рассуждал согласно со св. Василием Великим и св. Григорием Богословом, то, значит, «безрассудством и невежеством» вы называли и учения сих св. отцов... Учения же св. Григория Богослова и св. Василия Великого приняты вселенской Церковью (второе правило 6-го вселенского собора), значит «безрассудством и невежеством» вы называли то, что приняла св. Церковь. Вот до какой дерзости договорились вы, желая защитить, оправдать своё незаконное священство!

Вы говорите: «Захарий Копистенский не святой отец, не авторитетный человек». Ну, а Аристин святой?... А вы только на его свидетельстве все время и бьетесь. Ну – а Гете, на историю которого вы так часто ссылаетесь, святой? Нет. А Каптерев, на которого ссылаетесь, древний учитель что ли? Святой и авторитетный человек? Как вам не стыдно порочить, унижать Захария Копистенского, который в книге «О вере» назван «блаженным, ревнителем и поборником по благочестии» (л. 5). Кому же мы будем верить? Усову-ли, который всячески старается опорочить Захария Копистенского, или книге «О вере»?!

Стараясь подорвать доверие к Захарью Копистенскому, Усов говорит, «что он был архимандритом малороссийской Церкви, православие которой, как и литовской, было расшатано, сомнительно до того, что патриарх Филарет в 1621 г. соборне определил приходящих от них испытывать в вере, и крещенных обливательно вновь крестить, как еретиков первого чина и всех вообще отдавать под начал в монастыри», причем Усов сослался на соборное изложение патр. Филарета и на книгу Каптерева. Что патриарх Филарет крещенных поливательно приказал покрещивать, – об этом и речи нет и никто против сего не спорит. Но где Филарет опорочил Захария Копистенского? Вот, если бы это указал Усов, тогда разговор был-бы другого рода.

Правда, патриарх Филарет подозрительно относился к киевлянам, но это был его личный взгляд, как об этом говорит тот-же Каптерев, на которого сослался Усов. – Сказав о сем, Каптерев продолжает: «Ближайшее ознакомление москвичей с положением южнорусских церковных дел убедило их, что большинство южноруссов по-прежнему не только осталось православным, но что оно ведет там неустанную-энергическую борьбу за православие, мужественно и с успехом охраняя его от всевозможных покушений на него со стороны различных иноверцев... Теперь (т. е. когда узнали, что юго-западные христиане – *православные*) выходцев южноруссов уже не отдают под начал... После смерти Филарета Никитича, состоявшееся в 1620 г. соборное постановление относительно

православных белорусов на практике уже не исполнялось, хотя соборные деяния 1620 г. и внесены были в печатный потребник 1639 г». (стр. 9). Таким образом, мы видим, что древняя Русская Церковь во время патриархов Иосафа и Иосифа юго-западных христиан считала за истово православных и соборное о них постановление 1620 г. не исполнялось и, именно, потому, что оно было делом одного Филарета. Значит и тут опять Усов говорит неправду.

Главный-же довод Усова против Захария Копистенского это тот, что Захарий в 40 гл. книги «О правдивой единости христиан православных» признает де обливательное крещение правильным и действительным, почему униатов и католиков, крещенных обливателью, велел принимать не чрез перекрещивание (не первым чином), а чрез миропомазание. Что латын, крещенных обливателью, принимать нужно было не первым чином, а чрез миропомазание, тому свидетельств много. Так латын повелел принимать святитель Нифонт, о чём и писал черноризцу Кирику (см Памятн. Рос. словесн., стр. 175–176; История Русск. Церкви Макария, т. 3-й, стр. 186). Так в 15-м веке принимал латын знаменитый поборник православия святой Марк Ефесский (см. послание его в Христиан. Чтен. 1860 г., Апрель, стр. 14–21); так постановлено было принимать латын собором Константинопольским 1484 г. (см. о правилах и чинопослед., стр. 93); так же учил принимать латын и блаженный Симеон Солунский (книга его в Русск. перев., т. 3-й, стр. 154–155). Таким образом, обвиняя за это Захария Копистенского, Усов обвиняет св. отец: св. Марка Ефесского, святителя Нифонта и др.

И наша правосл. Церковь в данном вопросе, т. е. в том, что, по миропомазании, еретических клириков, присоединяющихся к Церкви от ереси 2-го чина, нужно снова рукополагать согласно с учением Захария Копистенского и признает его за основанное на канонах древней правосл. Церкви. Что касается до того, что наша Церковь лиц, рукоположенных в католической церкви, при присоединении, принимает в их санах и не миропомазывает их, а принимает 3-м чином, а Захарий Копистенский отmetal хиротонию католиков и принимал их 2-м чином, то и на это

ответим: разнообразие в чиноприеме еретиков не нарушает единства веры, не делает ту или другую Церковь еретической. Известно, что церкви Африканские принимали клириков-донатистов с признанием их священных степеней, а церкви Римская и Медиоланская рукополагали их снова (см. 79 прав. Карфаген. собора по полной Кормч. и толкование Вальсамона); армян принимали в великих и соборных церквях чрез миропомазание, а в других чрез крещение, основываясь только «на учении Иоанна митроп. Никейского» (Кормч. 636 л.) и однако еретического в этом не находили, и не укоряли друг друга.

Как-же учил Захарий Копистенский о хиротонии еретиков 2-го чина? «А по исповеди и по миропомазании, читаем у него, и поданию письма..., посвятити их, если годны будут на той степень, на которых в ересьх пребывающии были, синод Никейский в каноне осьмом повелевает, посветивши их чрез рук вкладание. Суд патриархов, о том во Арменопуле, в книге 3-й. А становятся они так: а посих яко гречнии ласкове (т. е. почтенные миряне) рукоположитися имеют на он степень, на котором первой у своих был, либо презвитеры, либо диаконы, или суть иподиаконы, или псалмочетцы. Если миром святым мировати велит собор: *яве* наискорей, яко снового потреба их хиротонисавати. Где-бы истинная хиротония священия была упомянутых, небы их патриархи судили в попы и диаконы, и в четцы хиротонисавати. Где уважайже, а ни на четцу не узнавали рукоположения» (О правдивой единости, гл. 40). Свидетельство Захария – не требует толкований; оно ясно говорит, что клириков еретиков, приходящих к правосл. Церкви от ереси второго чина, если миром мазать, то нужно снова рукополагать в тот сан, который они имели, будучи в ереси. При этом нужно заметить, что Захарий Копистенский говорил не от себя, что, по миропомазании, нужно снова рукополагать, а сослался на Константинопольский собор, бывший при царе Андронике. Собор-же этот был в 1283 г.

XIII

Старообрядец. Вы неоднократно ссылались на 37 гл. Кн. «Кормчей», где помещено послание к Мартирию, в котором,

якобы, говорится, что, по миропомазанию, нужно снова хиротонисать бывших в ереси клириков.

Православный. Да, приводил. Ну что-же?

Старообрядец. Вот Усов не признает его, отвергает и толкует иначе, чем вы. «Относительно его (послания к Мартирию), пишет Усов, прежде всего необходимо иметь в виду, что оно неизвестно даже кем написано и отнюдь не есть неперменный закон церкви, а просто случайный разговор каких-то двух неизвестных лиц. – Это видно из полной его редакции. В Кормчей оно помещено не всё, а лишь некоторая часть. Сполна оно находится у Севаста Арменопула, и читается так: «Неявленных патриархов послание, писанное от Константинополя Мартирию епископу Антиохийскому, о еже како подобает приимати еретики, приходящия к святей и кафоличестей церкви. – Некая разглаголаша ми боголюбезнейший презвитер Антоний о прилагающихся православию, и части спасаемых от еретик, како приемлем сия: и по лицу ему разглаголах все zde последование и обычай, и вашей же святыни нужное вознепщевах отцу отцев, отродну святого Иоанна Богослова, бывшего Архиепископа нашего, яко убо арианы, и македонианы, и наватианы, глаголющие себе чистыя и чистейшия, и тесарески, декатиты или тетродисты, и аполинаристы, приемлем дающия книжицы, и анафематствующия всю ересь, немудрствующую, якоже мудрствует св. наша кафолическая церковь, ея-же предстатель и глава еси блаженнейший, печатствуемая, или помазуемая первое св. миром чело, и ноздри, и ушеса, и перси и вси чувства, и печатствующе и глаголем: печать дара Духа Святого. И посих, яко тщаливии людины хиротонисуются во оное, еже быша у самих первее: аще-же презвитери, аще-же диаконы, аще-же иподиаконы, аще-же псалмочетцы» (Кн. 4-я).

Итак, это послание неизвестно даже чье; неизвестно, кто его написал: ясно только одно, что кто-то случайно разговаривал с каким-то пресвитером Антонием и... больше ничего. Но это разве законоположение церкви? хотя в «Кормчей» и сказано, что это послание какого-то собора, но церковь и история такого собора не знают и не указывают: когда

он был? при каком царе или патриархе? Кто члены этого собора? православные или нет? Как их имена? Сколько их? Ни на один из этих вопросов нигде не находится ответа. Справедливо, поэтому, Севаст назвал его не собором, а просто: «Неявленных патриархов», т. е. неизвестных лиц. Но основываться на писаниях неизвестных лиц крайне опасно; предпочитать же их первому вселенскому собору есть прямое безрассудство».

Православный. Так пишет и говорит Усов. Но так-ли на самом деле? Усов говорит, что «послание это неизвестно даже кем написано». – Нет, известно. Послание это от Константинопольского собора, как в книге «Кормчей» – Иосифовского издания и сказано: «От послания Константина града собора к Мартирию епископу Антиохийскому (л. 293 об.). Послание это «не случайный разговор каких-то двух неизвестных лиц», – а только у Севаста – оно приводится в беседе, в «разглагольствии» некоего пресвитера Антония о чиноприеме еретиков. – В «Кормчей» книге не сказано, что «это послание какого-то собора», а прямо и ясно (сказано) надписано: «От послания Константина града собора». – Усов говорит: «Церковь и история такого собора не знают и не указывают»... Неправда. Церковь приняла это послание, почему и поместила его в «Кормчей» книге для руководства при чиноприеме еретиков. – Что, действительно, Церковь приняла и руководствовалась им, при чиноприеме еретиков, это видно из того, что послание это приводит Севаст Арменопул (в кн. 4-й) и «блаженной памяти Захарий Копистенский» в 40 главе книги «О правдивости»... И история ясно говорит, что «послание это написано в древние времена, именно, во второй половине 5-го века (См. Иерархия Англиканской церкви 315 стр.); даже указывает и год, именно, в 460 г. (О правилах и чинопослед., стр. 142). – «Кто члены этого собора, как имена их, – сколько их? – ни на один из этих вопросов нигде не находится ответа», почему де оно и названо «неявленных патриархов». – Всё это, скажем мы, не дает еще повода отвергать послания Константинопольского собора к Мартирию, ибо и в «Деяниях поместных соборов» мы не видим, кто были члены

Лаодикийского собора, сколько их, как имена их; равным образом – относительно отцов «второпервого собора» (двукратного) не знаем: кто члены этого собора, сколько их, как имена их? Так ужели – мы будем на основании этого отвергать Лаодикийский и Второпервый соборы? Пусть сначала Усов отвергнет эти соборы, а потом уже пусть и не признает «послание от Константина града собора к Мартирию».

Послание не противоречит 8 прав. 1-го вселенского собора, потому что 8-е правило повелевает принимать 3-м чином наватиан, как о том мы уже довольно говорили; а об арианах, македонианах и др. в 8-м прав. и не говорится. Так какое-же может быть противоречие тому, о чём в 8 правиле не говорится ни слова? – Послание это во всём согласно с 7-м правилом второго вселенского собора; в нём и еретики обозначены те же, что и в 7-м правиле 2-го вселен. собора и чиноприем один и тот же, – чрез миропомазание. – Припомним, что председатель 2-го вселенского собора св. Григорий Богослов хиротонию еретиков 2-го чина отрицал; отсюда вполне правильно, законно и согласно со вторым вселенским собором говорится в послании, что, по миропомазания, хиротония еретиков 2-го чина отметалась, не признавалась.

Послание написано вскоре после Константинопольского второго вселенского собора, а посему с полным правом мы говорим, что оно дополняет и разъясняет чиноприем, который был определен 7-м правилом 2-го собора, в том смысле, что неправославные клирики, принимаемые в православную Церковь, остаются в ней, как «частные лица», «потщаливии миряне», т. е. – простые миряне, и потом уже рукополагаются в тот сан, в котором состояли в своих обществах. – Послание это разрушает всё здание вашей иерархии.

Старообрядец. Если послание писано около 460 г., то, значит, более чем за 200 лет до шестого вселенского собора, бывшего в 691 году. – Этот собор вторым своим правилом перечислил все вселенские и поместные соборы и всех св. отец, правила которых приняты Церковью и обязательны для руководства. И что-же? О послании к Мартирию он не упомянул вовсе, не поставил его в числе принятых Церковью в

руководство, и таким образом признал его недействительным, ненужным для Церкви, как-бы запретил им руководствоваться. – В упомянутом правиле он, указав и утвердив правила, которыми должно руководствоваться, в заключение изрек: «Никому да не будет позволено..., кроме предложенных правил, приимати другие, с подложными подписаниями, составленные некими людьми дерзнувшими корчемствовати истиною» (по полн. переводу). – А вы дерзаете не только принимать другое правило, кроме предложенных, – именно – послание к Мартирию, но и предпочитать его первому вселенскому собору и толкователям правил, принятым Церковью. Это не делает вам чести: вы являетесь противниками вселенскому собору.

Православный. Ну, а собор Арелатский, бывший в 314 г., определение которого сам-же Усов привел на 21 стр. своей книжки, которую мы с вами разбираем, утвержден шестым вселенским собором или нет? Об нём и помину нет. Так ужели на основании только этого, мы будем отрицать и подлинность собора и постановления его!? К чему-же Усов из непризнанного собора приводит в свою защиту постановления его? Скажем ему его же словами: «это не делает вам (г. Усов) чести: вы являетесь противником собору».

Дальше. Во 2-м правиле шестой вселенский собор упоминает только о 85 правилах св. Апостол, а между прочим – в Кормчей книге помещены еще: 17 правил Апостола Павла, 17 правил Апостола Петра и Павла, два правила «Купно всех Апостол». Что-же теперь – и эти правила нужно отвергать и говорить, что ими не следует руководствоваться?! Недаром Усов конец правила привел не полно, сделав пропуск, чем извратил смысл. «Никому да не будет позволено подменивать вышеозначенные правила, или принимать другие правила, кроме подлежащих, с ложными надписаниями, составленные какими-то людьми» (См. Деян. Вселен. соборов Т. 6-й, и 2-е правило). А разве мы принимаем правила, с ложными подписаниями, составленные какими-то людьми, или подмениваем правила? Разве послание к Мартирию ложную надпись имеет? Пусть Усов припомнит беседу, бывшую 18 Августа 1902 г. в Нижнем... Беседу вел Мельников со

старообрядцем спасова согласия А.А. Коноваловым. К концу беседы Мельников сознался, что 37 гл. книги Кормчей написана была православным собором. — А раз — послание написано православным собором, то, следовательно, и составлено не какими-то людьми и не подложное надписание носит. — А что Церковь посланием этим руководствовалась, это нами доказано выше. — Доказано выше так же, что оно согласно и с толкователями правил (Вальсамоном и др.) и с самими правилами соборов. — Правила второго вселенского собора приняты шестым собором, — а послание — от второго собора; ибо во всём с ним согласно; следовательно и послание это утверждено, а посему и помещается в «Кормчей».

Старообрядец. Но послание это помещается не во всех «Кормчих», а в большей части древле-письменных его не обретаётся. Значит, им не руководствовалась вся православная древле-русская Церковь, бывшая до Никона. Ведь старопечатная «Кормчая», хотя печататься началась при п. Иосифе, но окончательно вышла из типографии только при Никоне, который и выпустил её в свет. А до того времени вся правос. русская Церковь руководствовалась «Кормчими — письменными, в которых нет послания к Мартирию почти ни в одной: так редко оно в них встречается. — Да и в печатной Кормчей оно помещено едва-ли как руководство, а скорее как исторический памятник. Это в ней нередкость. Так, например, в ней в самом начале помещены правила под именем Петра и Павла, в которых определяется праздновать субботу. Однако этого никто из христиан не исполняет, потому что в этой же книге находится другое противоположное ему и более согласное с духом христианства определение в 29 правиле Лаодикийского собора: праздновать лишь воскресение. Таким образом упомянутые правила помещены в Кормчей не для руководства, а просто как исторический памятник. Вот точно также и послание к Мартирию; если есть противоположное ему и для руководства обязательное определение в 8-м правиле первого собора, то это послание является лишь историческим памятником для руководства ненужным.

Православный. Неправда. – Послание к Мартирию есть и в древне-письменных «Кормчих», как сам Усов признается: «Редко (а все-таки, значит, есть) оно в них встречается». Есть оно и в Кормчей, отпечатанной при п. Иосифе в 1650 г. (Иосиф скончался 15 Апреля 1652 г.). – Правда, Кормчая выпущена была в свет не тотчас по отпечатании, а спустя два года, когда была освидетельствована уже новым патриархом и освященным собором. – Но послание к Мартирию помещалось не в одной только Кормчей: оно было и в других законоправильных книгах: у Севаста Арменопула, а также и в греческих Кормчих помещено (Синтагма канонов, Т. 4, стр. 398).

Усов говорит, что послание это помещено только как исторический памятник, а не для руководства; подобно тому, как помещены правила св. Апостол Петра и Павла о праздновании субботы, которые христианами не соблюдаются на основании 29 правила Лаодикийского собора, которым повелено праздновать воскресение. – Но, ведь, празднование субботы безусловно воспрещено 29 правилом Лаодикийского собора; так сказать, правило Апостолов Петра и Павла отменено другим законом, почему оно и не действует и печатается в Кормчей только как исторический памятник. – Ну – а послание к Мартирию – кем-нибудь отменено? Или, быть может, в Кормчей книге есть другое узаконположение, противоположное сему посланию?! И этого не находим. Первый вселенский собор 8-м правилом не мог сделать постановления противоположного посланию к Мартирию и заменяющего его, ибо первый собор был в 325 г., а послание написано около 460 г. – Наоборот, послание во всем согласно с 7 правилом 2-го вселенского собора и 95 правилом 6-го вселенского собора, которыми повелевается «наватиан» принимать через миропомазание вторым чином; а первый вселенский собор наватиан принимал третьим чином, чрез возложение рук в покаяние; посему недействующим является 8-е правило 1-го вселенского собора и печатается оно – как исторический памятник свидетельствующий, что сначала к наватианам относились снисходительно... Действующими-же правилами должны быть – 7-е второго и 95-е шестого, как позднейших

соборов, – а с ними то и согласно, как-то мы выше доказали, послание к Мартирию.

Старообрядец. Но Усов пишет, что «если правильно понимать и объяснять это послание, то можно вполне согласовать его с правилами, ибо в этом послании говорится о рукоположении в сан священства не иерархов, присоединяющихся от ереси, а мирян». – В послании сказано: «и по сих потщаливии мирстии человецы поставляются в сан». – Священнослужители не поставляются, а остаются, как были, в своих санах. Да и мирстии человецы поставляются не все, а только потщаливии, т. е. более других тщательные в Божественном писании и более других достойные. В какие-же саны они поставляются? «В нем-же беша, или презвитеры, или диаконы, или ино что» – в правосл. Церкви, разумеется, сан, обязанность, или должность которых оказывается по чему-либо свободной. В этот-то сан и поставляются обратившиеся от ереси мирстии человецы».

Православный. Неправильно и извращенно толкует послание к Мартирию Усов. Дело в том, что в послании ответ дается не о способе принятия мирян в правосл. Церковь, а об клириках еретиках, присоединяющихся к православной Церкви от ереси второго чина, а посему все умствования Усова ни к чему. Вот как читается послание к Мартирию: «Ариане, македонианы, и наватианы, глаголящие себе чистые и чистейшие, и четыредесятники, рекше средники, и аполинарианы, приемлюще, написующих свою ересь, и проклинаяще, и ину всяку ересь немудрствующую, якоже и соборная церковь, помазуем первое святым миром, чело, ноздри, уши, перси и вся чувства помазующе им, глаголем: печать дара Святого Духа. *И потом потщаливии мирстии человецы поставляются в сан, в нем же беша, или презвитери, или диаконы, или ино что*» (Кормчая 293 л. об.). – У Севаста читаем:... «И по сих (т. е. после миропомазания) яко тщаливии людины хиротонисуются оное, еже быша у самых первее: аще же презвитеры, аще же диаконы, аще же иподиаконы» (Севаст Арменопул кн. 4-я). – Так и Захарий Копистенский передает: «а по исповеди и по мировании, и поданию письма способом

предреченным посвятити их, если годны будут, на той степень, на которой в ересех пробывающи были... Если миром святым мировати велит собор: яве наискорей, яко снова потреба их хиротонисовати» (40 гл. О правдивости). Несомненно, что в послании говорится об обычае принимать клириков, приходящих к православной Церкви от ереси второго чина, чрез миропомазание, после чего и рукоположение совершалось над ними вновь. – Посему в виду столь ясных свидетельств о том, что в послании говорится не о чиноприеме мирян, а о приеме клириков от ереси, – все рассуждения и умствования Усова, что де тут говорится о том:

«можно-ли обратившихся от ереси мирян допускать к производству¹⁵⁶ в священные степени» и ссылки его на 68 правило Карфагенского собора и 12 правило Феофила – не заслуживают ни ...шего внимания. – Вот собрат Усова – лжеиерей Василий Механиков в книге «Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества» во главе 43, рассматривая послание к Мартирию, в конце концов – должен был сказать: «Как ни темно это место ... все-таки оно говорит больше в подтверждение той мысли, что по миропомазании, рукополагать вновь». Таким образом и даже Механиков заграждает уста Усову; а в Нижнем 18 Августа 19... на беседе с Коноваловым, в присутствии Усова, Ф. Мельников вынужден был в том же сознаться, хотя добавил, что послание Церковью не принято. – Но эту неправду мы выше обличили.

Старообрядец. Усов пишет, что «священные лица ни... в правилах не называются мирскими людьми, даже если они присоединяются от ереси первого чина и принимаются чрез крещение. Так в 19 правиле 1-го вселенского собора клирики Павликиане называются «глаголемии от них причетницы», а не «мирстии человецы»... Выражение-же «в нем же беша» – толкует Усов ... это выражение: «в нем же беша» – сказано о клириках, ... обращающихся от ереси, а о православных, т. е. присоединяющиеся от ереси «мирстии человецы» поставляются в тот «... в нем-же беша православные священники или диаконы, кот... почему-либо не стало. Вот в эти-то их саны, на их место повелевается поставлять мирских человек-мирян,

обратившихся от ереси, а не в те саны, в которых были еретические клирики. – Какое дело православным до того, что у еретиков ... клирики: рукополагают они не для них, а для себя»... А Усов пишет, «что и ваша церковь никогда не исполняет сказ... послания. В 1865 г. к ней (т. е. к вашей церкви) присоединились чрез миропомазание старообрядческие епископы Пафнутий и Онуфрий и архидиакон Филарет (двадцатипятилетие присоединения к церкви раскол. епископов, стр. 25 и 27). И что же?

Хотя она и лишила их священных санов своим миропомазанием, но не поставила в те саны, в них же они были у старообрядцев, как бы следовало по вашему толкованию послания к Мартирию; а поставила совсем в другие, именно-же: епископа Пафнутия поставила иеромонахом, епископа Онуфрия сделала простым монахом, а архидиакона Филарета произвела в иеромонаха. Таких примеров можно указать много». – Таким образом, по словам Усова, вы сами не исполняете послание к Мартирию и являетесь прямыми преступниками его.

Православный. И здесь Усов путает. «*Прежнее рукоположение*, говорит Зонара в толковании 19 правила 1-го вселенского собора о павликианах, *совершенное в то время, когда они были еретиками, не считается рукоположением*» (См. полную Кормч. с толков.). – Если, таким образом, клирики павликиане не считаются рукоположенными, то кто же они? Конечно «простые миряне», «потшаливии мирстии человецы». Поэтому-то в правиле и сказано: «*глаголемии от них причетницы*», т. е. именуемые от них клириками, причетницами, а не в правосл. Церкви. И, вот, именуемые клирики являются после миропомазания в православлн. Церкви простыми мирянами и, как таковые, поставляются в те священные степени (недействительные с православной точки зрения), которые имели в своих еретических обществах. Чтобы положить конец умствованиям и толкованиям Усова – послания к Мартирию и выражения «в нём-же беша», приведем послание по переводу с Греческой «Кормчей», где оно читается так: «Ариан, македониан, наватиан, называющих себя чистыми и чистейшими, четыредесятвиков или тятрадитов и

аполинаристов принимаем, когда они дают письменное отречение от всякой ереси, мудрствующей несогласно с церковью вселенской, помазуем их наперед святым миром... *Потом же, как честные миряне, рукополагаются они в ту степень, какую имели, т. е., в пресвитера, или диакона, или другую степень»* (О правил. и чинопоследов., стр. 142 и у Громогласова в кн. «К вопросу о раскол. Белокрин. иерархии» Серг.-Посад 1895 г. стр. 34). Для всякого непредубежденного – старообрядца послание это ясно; а равным образом ясны увертки и ложное толкование послания Усовым.

Ответим вам и на то, почему православная Церковь не поставила Онуфрия, Пафнутия и Филарета, присоединившихся от раскола Австрийского толка к православию, в те саны, в них же они беша у старообрядцев, как-бы следовало по посланию к Мартирию.

Потому, – что все названные лица присоединились от раскола Австрийского толка, где и получили священные саны... Если православная Церковь клириков-еретиков, по миропомазании, принимала, рукополагая в сан, «в нём же беша» они в ереси, то потому, что она признавала общество тех или других еретиков всё же церковью, хотя и «лукавнующей»; ваше же общество на первых же порах, лишившись епископов, лишившись Апостольского преемства хиротонии, потеряло всякий вид и подобие церкви. – «Хотя начало отступления произошло чрез раскол, пишет св. Василий Великий, но отступившие от церкви уже не имели на себе благодати Св. Духа, ибо оскудело преподавание благодати, потому что пресеклось законное преемство... Отторженные, сделавшись мирянами, не имели власти ни крестити, ни рукополагати, и не могли преподати другим благодать Св. Духа, от которой сами отпали» (1-е правило его по полному переводу). – «Не признаю епископом и не причислю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками, на подрыв веры, возведен в начальники, писал он же к Никопольским пресвитерам» (252 письмо). – Ваше же мнимое священство ведет своё начало от Амвросия, который пристал к такому обществу, которое не имело ни вида, ни подобия церкви; – которое лишилось

«законного преемства» и состояло только из одних мирян, осужденных собором епископов, и отлученных и проклятых беглых попов, из которых один, именно Иероним, «нечистыми руками» (См. толковый апостол 548 обор., Гангрск. собора 6-е прав.) и возвел Амвросия в сан митрополита... помазав его миром. – От мирянина ваше священство и ведет своё начало. Так – как же вас сравнивать с теми еретиками, о которых говорит послание к Мартирию?! Вы хуже их. Те имели преемство, имели епископов, которые только заблуждались, были в ереси, – а вы ничего не имели.

Иерей Д. Александров

(Продолжение будет).

Из записок и дневников

Тихвинский Ф., свящ. Мысли и чаяния сельского священника по поводу «послания» епископа Антония // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 591–600

Прочитал я «послание» преосвященнейшего Антония к своей пастве. Какие горькие думы и чувства оно вызывает в читателе-священнике. Если так думает о нас сам владыка, наш духовный вождь и руководитель, что подумает о нас лицо постороннее... А подумает нехорошо, искренность-же и сердечность, с какою говорит владыка, невольно будут в пользу его мнения. Знаю и лично и по слухам владыку Антония – как святителя, администратора и как человека; тем неожиданнее удар, тем более горько слышать из уст его тяжкое обвинение на духовенство. Молчать тяжело и невозможно – факт и наблюдения обобщены на всё духовенство, послание широко распространено прессою, с упоением будет прочтено в либерально-интеллигентной среде, и с недоумением в народной. Да простит мне благодать владыки, если я осмелюсь сказать против точности его наблюдений. Жизнь духовенства для меня, рожденного и воспитанного в духовной среде и поставленного долгом службы в тесное общение с ней, открытая книга, Владыка утверждает, что воспитание духовного юношества в духовных семинариях, устроенных по образцу латинских, с их схоластикой, чуждою православной Церкви, германской философией, латынью и риторикой, ведет к обособлению духовенства от жизни народной, к отчуждению пастырей от своих прихожан.

Не буду разбирать этого обвинения на наши семинарии по существу, это дело людей более компетентных. Скажу только следующее: у нас в семинарии мы не замечали, чтобы семинарское воспитание погашало наш дух, как будущих пастырей. Как теперь помню и свободное от уроков время какие у нас, начиная с пятого класса, велись горячие споры и суждения по вопросам пастырского воздействия на приход, как каждый торопился высказать и отстоять своё мнение по

вопросам богослужения, проповедничества, школьного просвещения и по другим вопросам церковно-приходской жизни. Сколько рассказывалось случаев из пастырской практики знакомых священников и при сем темные стороны всегда осуждались, а добрые одобрялись. Лучшие в то время церковные журналы «Церковный вестник, Руководство для сельских пастырей, Странник» и др. прочитывались наперебой; особенно любили мы следить за зарождавшимся тогда (18 лет тому назад) оживлением по церковно-школьному просвещению и народным беседам. Золотое было время. С благодарностью вспоминается нам наша духовная «alma mater». И чем ближе шло время к выпуску, тем волнения и горячность суждений усиливались, нередко и утро заставляло нас за планами будущего служения. Значит, есть-же в семинарском воспитании и образовании достаточно того, что затрагивает и шевелит «душу живу», зажигает в сердце семинариста светлый огонек. Правда вступив в жизнь и деятельность пастыря, пришлось сознать, что многого недостает и не дала нам семинария, а дать могла-бы. Прежде всего приходится считаться семинаристу с неумением говорить публично и устно; это сознают почти все священники, с этим пришлось считаться и бороться даже такому будущему таланту, каким был Архиепископ Харьковский Амвросий. Учились и мы в семинарии проповеднической импровизации, но как задаст нам учитель гомилетики в шестом классе тему для поучения и через пять минут вызывает кого-нибудь уж ораторствовать, просто дело было поставлено как спорт, а не как научение. Почему бы не начать практического проповедничества с пятого или четвертого класса в форме простой устной передачи уроков закона Божия с небольшим и нехитрым нравственным приложением или начать с переложения, в форме устной проповеди, проповедей знаменитых проповедников древних и современных? Как на другой недостаток семинарского образования, нужно указать на наше не знакомство со святоотеческими творениями. Мы прекрасно знали, что такому-то св. отцу принадлежат такие-то творения, в стольких-то томах, но что именно написано св. отцом, этого мы не знали; не имели мы знакомства ни с Четы-

Минееми, прологами, синаксалями; многим из нас не передать бы простым языком содержания ирмосов, канонов. Необходимо бы обратить внимание в семинарии и на всестороннее изучение посланий св. апостолов, с заучиванием текста посланий наизусть; из существующих толкований на послания, напр., ап. Павла, самым серьезным и действующим на чувство читателя нужно считать толкование св. И. Златоустого, а с ним-то нас и не знакомили. Мало или совсем не дает программа семинарий знакомства с церковными учреждениями: братствами, учреждениями трудолюбия, взаимопомощи, благотворительности, учреждениями-то этими только и красна церковно-приходская жизнь.

Всё же, сколько-бы мы ни насчитывали пробелов в семинарском воспитании, наши семинарии, по нашему глубокому убеждению, далеки от того, чтобы сеять рознь между будущим пастырем и приходом. Многие пробелы богословского образования ныне, при наличии благочиннических библиотек духовенства, могут быть восполнены священником и вне семинарии.¹⁵⁷ Конечно, как и всякое учреждение, воспитание нашего духовного юношества должно развиваться и идти вперед, с этим нельзя не согласиться...

Далее, преосвященнейший Антоний в послании утверждает: сближение молодого священника с паствою совершается вне школы, и тем правильнее, чем дальше от неё, под влиянием богослужебного строя, «силы земли» на почве материальной зависимости священника от прихода.

Несомненно, на сближение пастыря с приходом богослужебный строй и «сила земли» оказывают громадное и благотворительное влияние, но во всяком случае не на почве материальной зависимости, а на почве тех идеалов и начал, какими вскормила семинария своего питомца, в силу того огонька пастырской ревности, какой зажжен в душе семинариста. Материальная же зависимость только растлевает доброе сближение пастыря с паствою, погашает священный огонек... Испытать и пережить это пришлось и мне самому и моим товарищам-сопастырям. Расскажу о себе. Я прбыл на приход осенью и, как водится у нас, с пустым карманом. Доходу

за сентябрь месяц по кружке можно было только о... 20 руб. Нужно ехать за первым осенним сбором. Сначала ...рился и старался не вдумываться в процедуру сбора. Нанял возницу и с котомками и кошельками отправился в путь. Чем ближе подъезжали мы к первой деревне, тем тоскливее и тоскливее становилось на душе. Словоохотливый ямщик ведет бесконечные разговоры, – как будто и не слышу его, отвечаю наугад. Сам не свой. Въехали в деревню и вот с первого же дома началось искание хозяев и погоня за хозяйками по избам, по хлевам, по баням, по за-гумнам, по овинам; началось высыпание ча... ковшичков, черпачков муки, солода, гороха, овечьей шерсти. Положишь ту или другую котомочку, а предательская слеза нет ... да в ту же котомочку и упадет. Сам удивляюсь, как я ... жал из деревни от первого же дома. И зачем понад... защищать эту зависимость – эти поборы и теоретически стро...ней успех пастырства; с легким сердцем это говорить ... только тот, кто сам не испытал этой зависимости. Этот ... сближения не только не сближает с народом, а отдаляет ...жит могилою всем идеалам, больно отзывается эта глубока... на молодом сердце пастыря, – не зарастет она до гроба. А ... не новичок был в сборах, помню еще мальчиком ездил с отцом по приходу, помогая принимать подаяния. Духовно удрученным, убитым, унылым я вернулся домой. Наступил ... ский праздник, надлежало сказать первую вступительную про.... Не будь она составлена и написана раньше, ничего-бы не сказал, настроение пропало, недовольство и тяжелая тоска, как ... залегли на сердце. За первым сбором последовал второй сбор в ноябре, потом сбор курицами, сбор Рождеством, сбор Великим постом с постною молитвою, сбор ругою, сбор ..., сбор летом маслом и яйцами, сбор хлебом с иконами, каждый сбор начинался, сопровождался и оканчивался моральным упадком сил. А каким тяжелым гнетом ложилось на ... получение платы за браки, этой существенной статьи наших доходов? Плохим, убитым я был тогда пастырем своего прихода. Нет, Бог с ней, с этой материальной зависимостью! Не знаю, что случилось бы с моим пастырством, если бы Господь не помог мне выйти из непосредственно-острой зависимости от прихода. Вот только уж

через пять лет борьбы за существование (а не за пастырские идеалы), когда я обзавелся всем необходимым в житейском обиходе, поселился в своём доме, оставил поборы, научился избегать торговли при браках, получил платное законоучительство и аренду земли для небольшого посева, я почувствовал себя на месте, успокоился, окреп душою, стал знакомиться с духовными нуждами и запросами прихода и по силе своей удовлетворять их. Нет, не на почве материальной зависимости успех пастырства! И, чем скорее исчезнет материальный гнет духовенства, в смеси его зависимости от прихода, тем лучше. Пастырство само по себе доставляет столько удовлетворения и духовных радостей, служит таким могучим стимулом для проявления себя в наивозможно широких и желательных размерах, что нельзя никак с ним сравнивать чисто внешнее побуждение к деятельности, – материальную зависимость. Благовременнее было бы подумать, как бы целесообразнее приспособить к пастырству наличные силы духовенства. Силы великие, силы могучие таятся в духовенстве; это такая духовная рать, которой по силе нет равной, но сила пока инертная, прибитая и приниженная. Верим – будет время, и не за горами оно, когда эта сила поднимется и дружно двинется. И сейчас в единицах проявляется эта сила, преклоняя пред собою целые массы. Дайте выход этой силе, дайте примеры, образцы, но не в предписаниях и циркулярах, а живой пример, живой образец и гора двинется...

Рассмотрим, кто у нас теперь служит духовенству руководителями – образцами? Первее всего – святители Церкви русской. И, слава Богу, это соль не обуялая, глас Божий, призывающий нас на дело. Слышим мы этот отеческий голос и рады, видит Бог, как рады, последовать ему, но голос призывает нас издалека, а на месте никто не поможет подняться; как замерли массою, так и остаемся. При сем позволю себе заметить: у самих святителей – епископов слишком уж обширно поле деятельности и велико стадо их паствы, чтобы они могли подчиненных им пастырей глашать по имени, сообразоваться с их индивидуальными способностями, с местными условиями и

обстоятельствами жизни. А поставьте дело по иному, будут другие и результаты. Помню, при почившем преосвященнейшем Сергии у нас существовал обычай: каждый вновь рукоположенный священник обязан был через год являться ко владыке и рассказать: каким он нашел у себя приход, что думает сделать для сближения с приходом и просвещения его, какие встретил радости и огорчения и чем может помочь ему владыка. Как готовились молодые пастыри к этому свиданию, как старались вникнуть в нужды прихода, сколько энергии и бодрости проявлялось, сколько надежд строилось, как волновались от близости свидания, но не унылым страхом, а бодрящим, – эти свидания в корне задевали пастырское дело. Прекрасный обычай, прекратившийся с перемещением владыки на Астраханскую епархию. Но это теперь только «*pia desideria*».

Вернусь к предмету речи. Не в том причина нашей малодетельности, что у нас нет духовных сил для пастырского дела. Сил достаточно. Но нет у нас живых посредников, проводников идей и мероприятий епископа в пастырскую среду, нет деятельных руководителей на месте, инициативы, взаимопомощи, примеров, образцов. Молодой пастырь у нас предоставлен сам себе, своим силам, работает ощупью, повторяя ошибки, тысячи раз повторенные другими. Припоминаю – с каким страхом и волнением я в первый раз ехал на беседу в деревню, тревожные мысли роем проносились в голове: буду ли по душе слушателям, овладею-ли их вниманием, удачно-ли выбран материал. О, как дорог был-бы для меня тогда руководитель и добрый советник!

Пытался получить совет и одобрение от ближайшего своего начальника (о. благочинного), но получил только порядочный выговор за введение новшеств. Семнадцать лет я на службе Церкви, и только ныне, и почти случайно, в чужой епархии натолкнулся на учреждение трудового церковного убежища. Прекрасное и жизненное учреждение, и как легко оно проведено, без непосильных затрат труда и средств! Сколько лет я мучился вопросами об открытии у себя общества трезвости и взаимопомощи на случай пожаров. Вопрос же приходской благотворительности и сейчас у меня остается

открытым и неразрешенным, не знаю, как и взяться за него. А время идет, годы проходят, незаметно подойдет и старость, а с нею и упадок сил. Одно дело читать об учреждениях благотворительности, а другое дело устроить у себя на месте, дать жизненность учреждению, практический характер. Церковно-школьное дело в руках духовенства быстро растет, развивается, крепнет, приносит добрые плоды для Церкви и государства. Отчего? Оттого, что пред глазами каждого молодого священника есть примеры, образцы – благоустроенные школы и примерные руководители. Приступая к устройству школы у себя, священник идет бодро, уверенно, избегая крупных ошибок. Великое дело – взаимопомощь! В деле взаимопомощи мы, кажется, отстали от всех учреждений. Инженер со школьной скамьи прекрасно знает теорию устройства дорог, а дороги не построит, пока не приглядится к работе товарищей инженеров, пока не поработает под их опытным руководством. Да его никогда и до дела не допустят одного. А у нас – и спросил бы и посоветовался бы, да не у кого и не с кем, каждый живет сам за себя, каждый не уверен за своё делание. Благочиннические съезды духовенства, под председательством о. о. благочинных, ведают только внешнюю сторону церковной жизни. Уездные протоиереи – не представители уездного духовенства, это пастыри, обремененные законоучительством, требоисправлением, представительством в разных собраниях и т. д. Ближе бы всех быть заправителями и руководителями живого пастырского дела отцам благочинным, что требует от них и их «инструкция». Но пора уже сознать и сказать, что при настоящих условиях, в какие поставлены о. о. благочинные, они руководителями живого пастырского дела, за весьма редкими исключениями, быть не могут. О. о. благочинные обременены такою массою канцелярских дел по благочинию, такою массою «входящих и исходящих» бумаг, что представляют собою только начальников канцелярий по отделению духовных консисторий. Посему и в должность благочинного всегда избираются священники не столько опытные и заявившие себя в живом пастырском деле, люди идейные, сколько исполнительные, точные, аккуратные в

ведении церковного хозяйства. Я не хочу этим сказать «зол глагол» об отцах благочинных, – если нельзя быть без канцелярий, нельзя быть и без начальников канцелярий...

Я хочу только сказать, что грешно и требовать от о. о. благочинных руководства в живом деле. Живое дело требует и живых людей. Где же выход? Где найти руководителей живого дела? Мы возлагаем большие надежды в данном случае на вновь создаваемый институт миссионеров. Чтобы ни говорилось против этого учреждения, но его выдвигает время и сама жизнь.

Под миссионерством мы разумеем не узкую специальность своего дела, а миссионерство в более широком и полном смысле, как совокупность всей пастырской деятельности, раскрытие истины не только путем живой проповеди во всех её видах, но и силою богослужебного строя и благоустройства церковно-приходской жизни со всеми её учреждениями – школами, братствами трудолюбия, взаимопомощи и благотворительности. Выдвинуть вперед миссионерствующих деятелей, дать им дорогу – дело благовременное. Это будут прекрасные руководители, заправители и инструкторы живого пастырского дела на месте, знакомые и с самым делом, и с индивидуальными особенностями священника, с местными условиями его деятельности и с состоянием его паствы.

Миссионер будет незаменимым и желательным посредником между епископом и местным священником, проводником идей мероприятий епископа в пастырскую среду, проводником без-«начальственности» и первым советником, и действительным помощником священника. Указать на такую деятельность миссионеров и на их пригодность к ней позволяет тот опыт, каким заявили себя миссионеры в разных епархиях. К этому и ведется уже дело в некоторых местах. Слава Богу, не оскудела еще духовная среда добрыми деятелями, способными послужить более молодым и менее опытным собратьям. Учреждение института миссионеров, как руководителей живого пастырства, скорее послужит и подвинет дело воздействия пастырей на приход, чем материальная зависимость духовенства от прихода. Не на изыскание материальных средств к своему существованию следует направлять

духовенство, а к иному духовному подвижничеству, к отысканию наилучших средств воздействия на паству. Посмотрите – каких могучих борцов за своё дело выдвигает сектантство, раскол, католичество, протестантство, но никак уж не на почве материальной зависимости от паствы. Чем будет меньше этой зависимости, тем будет больше прилив новых сил в духовную среду. Уж слишком нужно отчаиваться в силах духовенства, чтобы заставлять его работать «не за страх и совесть», а путем внешнего воздействия. Приятно видеть православного священника смиренным, но зачем же делать его униженным? Не это-ли и гонит многих из духовной среды. Не знаю, как в других епархиях, а в нашей с тревогою приходится следить, как ряды духовенства из окончивших полный курс в духовной семинарии сокращаются, пополняясь недоучившимися в семинарии, из гимназий, реальных училищ и др. заведений. Над этим стоит призадуматься...

Далее. Преосвященнейший Антоний утверждает, что священник, вне материальной зависимости от прихода, хорошо обеспеченный, усваивает буржуазные привычки до воротничков и перчаток включительно, становится музыкантом, коннозаводчиком, пристрастным любителем поверхностной литературы, газет, словом – всем, чем хотите, но только не добрым пастырем (в лучшем случае землевладельцем, воспитателем своей семьи), за что и пожинает охлаждение к себе народа и разлад в семье. Не буду опровергать сего утверждения не потому, конечно, что оно по существу справедливо, а потому только, что у себя, в своём уезде, я не встречал таких священников. Вероятно, и владыка имеет в виду исключительные случаи, и указывает на них, желая предостеречь от сего своё духовенство. Правда, есть у нас священники – любят и музыку, читают газеты, следят за литературой, но никогда не доводят этих своих занятий до степени пристрастия, спорта или специальности, и, говоря по совести, это самые деятельные из священников, заявившие своё воздействие на приход с самой лучшей стороны. Нужно согласиться, что в размерах благоразумия и умеренности и

музыка и литература необходимы. Об облагораживающем влиянии музыки на человека писалось и говорилось много.

Великий учитель церкви И. Златоуст дает о музыке самый добрый отзыв: «лира», говорит он, приятно услаждая нас, укрощает волнения нечистых помыслов, а вместе с удовольствием доставляет нам великую пользу (Твор. И. Златоуста в рус. пер. т. 2-й кн. 1 бес. 1). Знание музыки помогает изучению пения и научению ему других. Необходимо священнику быть ознакомленным чрез газеты и с современными событиями в мире и в своём отечестве. Ныне в каждую деревню выписывается одна и две газеты, часто без всякого разбора направления их. Посему не только благовременно освещать все крупные события с церковной точки зрения, а даже необходимо.

Да простит мне благодать высокоуважаемого владыки Антония, если я позволил себе сказать, что сказал... – слишком уж жгучие и наболевшие вопросы затрагивает Волынский Архипастырь, чтобы можно было пройти их молчанием.

Священник Феодор Тихвинский

К вопросу об упорядочении иконоторговли // **Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 600–606**

I. Пора бы облагородить иконоторговлю! (Из памятной книжки миссионера)

«Всё должно быть благопристойно и чинно» (1Кор.14:40).

Великий апостол языков, благоустроая церковную жизнь коринфских христиан, делает для неё общеобязательным правилом, – чтобы «всё было благопристойно и чинно». Подробностей церковно-общинной жизни, как и обрядностей христианского культа, святой апостол не мог регламентировать, предоставив это дело благоразумию Церкви. Не знаю, помнят ли завет апостола Павла коринфские христиане... Но если бы святой апостол побывал теперь на Апраксином рынке и других торжищах и в Петербурге и других наших городах и городишках, то, со свойственной ему ревностью, мог бы воскликнуть только по нашему адресу: «о, несмысленные, кто прельстил вас не покоряться» данному мною правилу? (прим. Гал.1:3). В самом деле, иконы, предназначенные для религиозного почитания и поклонения православных христиан, продаются на ряду с пухом, старыми ружьями, мебелью, пудрой, игрушками, зонтами и множеством прочих товаров самого разнохарактерного толчка... И это не в одном Петербурге; и в других городах приходилось наблюдать продажу икон на ряду с керосином и дегтем и на овощном базаре видеть целые возы,хламообразно набитые иконами... Разумеется, пух, ружье, пудра, керосин, деготь и огурец предметы не позорные и быть им вблизи икон нисколько не стыдно. Но нам-то – почитающим иконы и поклоняющимся им, кажется, совестно должно бы быть от этого соседства! Не говорю уже о том, что подобный порядок продажи икон развращает православный люд, приучая его смотреть на икону, как на вещь, равнодостоящую вещам обыденного обихода, сколько глумлений приходится по этому поводу слышать со стороны отступников!... Миссионеры это знают. Наблюдений по сему предмету у них не мало. В одном из южных городов довелось мне, напр., созерцать такого рода

картину: в галантерейном магазине мужик торгует икону. Иконы одна на одну были поставлены прямо на полу. Спрашивая о ценах за иконы в верхних рядах, мужик показывал на эти иконы перстом, а в нижних – просто тыкал ногой. Торговец замечания простаку не сделал: чего доброго обидишь его и лишишься покупателя... А со стороны – просто срам. А самое торгашество! Боже мой!... – «Сколько стоит Николай Угодник? – Рубль двадцать! – Ну стоит-ли за такого?»... Кто был покупатель – штундист или православный, по разговору не добаться: может быть и штундист, зашедший в лавку купить ситцу и не преминувший поиздеваться только над иконами, а может быть и православный, приучившийся смотреть на икону, как на обыкновенный житейский товар... Правда, миссионеры в разговорах на эту тему с молоканами и штундистами говорят, и я сам говорил, что икона, до освящения её положенным чином, не есть достопоклоняемая святыня: и Моисею Бог повелел: «семь дней очищай жертвенник, и *освяти* его и будет жертвенник *святыня* великая... и сделай миро для священного помазания... и помажь им скинию собрания и ковчег (скинии) откровения, и стол и все принадлежности его и светильник и жертвенник курения, и жертвенник всесожжения... и умывальник и подножие его, и *освяти их и будут святыня великая*»... (Исх.29:37, 30:25–29 и др.). Не знаю, как кто, а я, по крайней мере, всегда при таких апологиях – чувствовал неловкость... Пусть икона до освящения, и товар, но всё же не место ей в галантерейных лавках и на толчках среди мирского мусора. Предназначенное для священного почитания должно быть непременно выделено из мира, да не «обмирщится»... Пресвятая Дева Мария, имевшая родить Спасителя мира, задолго до того оставила родительский кров, введена была во «Святая Святых» и жила при храме; почему бы, напр., и образу её, предназначенному для религиозного почитания христиан не найти места при храме, а не в галантерейных лавках и на толчках? «Святая Святым» – и тут в некотором смысле соблюдалось бы. Нашли же ведь нужным урегулировать свечное дело. Почему бы не упорядочить и дело иконное? Предметы то ведь, кажется, уж слишком сродные!... Почему бы

«по надлежащих сношениях» не монополизировать церкви и иконное дело: чтобы иконописцы, а равно и занимающиеся киотами, доставляли свои произведения для распространения их среди верующих *только* в церковь – церковные попечительства, епархиальное начальство, Святейший Синод, и чтобы иконы продавались *только* при церквях? Иконы, одобренные и приобретенные церковью для распространения в народе, отмечать известной пометой и пастве внушить, что изображения без таковой пометы (так сказать, контрабандные) за иконы освящаемы не будут. Ведать этим делом церковь могла бы поручить в такой или иной субординации комитетам: при Св. Синоде, консисториях и церквях. Организация этого дела вообще едва-ли сверх человеческих сил... Ведь сумели же «сыны века сего» организовать винную монополию?... А тут дело и важное, и священное. «Сыны века сего мудрейши суть сынов света в роде своём»... нужно бы тоже «в роде своём» последовать их примеру, дабы и в церковной жизни у нас «всё было, согласно завету апостола, благопристойно и чинно!»

Н. Гринякин

II. Неблагопристойность и соблазн в иконопромышленном деле. (Из наблюдений сельского священника)

Снабжение русского православного люда иконами и другими священными предметами в городах производится у нас посредством продажи в лавках, а в деревнях и селах – на базарах, площадях и улицах. Первый род продажи имеет еще более или менее подобающий святыне вид, но последний очень часто оскорбляет чувства верующего человека и невольно способствует подрыву в народе благоговейного отношения к священным предметам.

Прежде всего обратим внимание на продажу икон на ярмарках и базарных площадях. Здесь иконы, крестики и картины священно-исторического содержания продаются обыкновенно «офенями» или особыми разносчиками. Продажа производится самым примитивным и, если можно так выразиться, возмутительным образом. Иконы и другие священные предметы располагаются прямо на земле, на

открытом воздухе, в соседстве с иноверцами, торгующими часто разного рода предметами, уже совсем не священными.

Проходя как-то раз по ярмарке, я остановился перед продавщиком икон и начал рассматривать продаваемый им «товар». Чего-чего только не увидел я здесь!...

Вот икона на полотне; нарисован огромных размеров крест и подле него разбросаны орудия страданий Спасителя. Крест нарисован в лежащем положении и на нём небрежно расположился младенец самой уродливой живописи. Младенец лежит подперши рукой голову, а локтем опершись на крест. Внизу безграмотная надпись: *се лежит сей на восстание и падение многих во исраилэ.*

При взгляде на эту картину нельзя не задаться вопросом: что изображает она? Распятие Господа нашего Иисуса Христа?! Но к чему младенец, почему не муж средних лет? Где воины, распинающие Его? Где предстоящие и народ?... Очевидно, «маляр» по своему произволу смешал два события: младенца и изречение взял из истории Сретения Господня, а крест и орудия казни из истории страданий Спасителя и вышло в результате что-то совсем непонятное. А между тем эта картина-икона весьма распространена в домах южно-русских поселян. Спрашивается, что она может говорить уму и сердцу русского человека?

А вот другая икона. На ней нарисована Святая Троица: Отец и Сын держат корону, а вверху парит Дух Святой. Под короной стоит коленопреклоненная женщина, а внизу подписано: «Коронование Пресвятой Богородицы». Откуда заимствован сюжет этой картины-иконы? Какое она имеет отношение к православной религии? Приходится дать ответ, что она не православного, а «инославного» происхождения.

Видал я там много других икон и картин самого невозможного письма, грубого и аляповатого, с надписями латинскими и немецкими, из чего можно заключить, что эти иконы, предлагаемые русскому православному народу, иностранного происхождения. К чему они? О чём это говорит, как не о пропаганде латинства и протестантства, в чём

убеждают и многие виденные мною сюжеты картин, а в особенности подписи под ними.

Но в то время, как я был занят такими размышлениями, взор мой упал еще на одну *икону*. На бумаге была отлитографирована молодая, раздуманная, затаенная в корсет и одетая в платье-декольте, девушка и под таким кощунственным изображением надпись: S-ta Maria.¹⁵⁸

Трудно было понять, кого хотел изобразить на картине художник: Божию Матерь или Марию Магдалину, но это изображение возмутило меня до глубины души и я с сердечною болью готов был уже уйти от подобного зрелища, как из соседней «ятки» раздались громкие звуки гармоники и залихвацкая песня: «По улице мостовой шла девица за водой», а сзади раздался громкий и повелительный окрик: – Прочь с дороги!

Лишь только я дал дорогу проезжающему, как жидкая и липкая грязь от колес повозки забрызгала и близ стоящих и все разбросанные в беспорядке иконы и картины. Из уст продавца вылетела самая площадная брань по адресу возницы; тот, не желая остаться в долгу, ответил ему тем-же и поднялась самая непристойная «русская» перебранка.

Вот какого содержания и при каких условиях и обстановке продаются по деревням и селам священные картины и иконы. Не трудно понять, какое деморализующее влияние должна оказать подобного рода постановка продажи икон и картин. Подрыв должного уважения к иконам, хотя еще и неосвященным, но все-таки уважаемым народом, является естественным следствием такого порядка вещей. А отсюда само собою вытекают поводы к усилению расколо-сектантства.

В подтверждение своих слов приведу еще одну картину с натуры.

Праздничный день. Обедня только что отошла и возле «монопольки» собралась большая толпа народа, среди которых много уже «навеселе» и совсем пьяных, подъезжает «офеня» и говорит, обращаясь к толпе:

– С праздничком, православные! Не пожелаете ли купить для храма святого что-либо из священных облачений, али

иконок, хоругвей и проч. Извольте посмотреть!...

Возница слез с облучка и начал распаковывать коробки со священными принадлежностями. Иконок не пожелали смотреть, а облачения просили показать, тем более, что налицо был и церковный староста.

После долгого осмотра, остановились, наконец, на одном облачении. Продавец хорошо уже изучил натуру русских покупателей и, чтобы еще более заохотить их, употреблял такой маневр.

– А ну-ка, Илья,¹⁵⁹ одень!

Илья, подбоченившись и надевши шапку «набекрень», вмиг, не скидая шапки, одел епитрахиль и ризу. Переливаясь на солнце, они заблестели тысячью огней и вполне были одобрены покупателями.

Ударили по рукам, облачение было куплено, в ближайший воскресный день освящено и местный священник первый раз совершал в нём богослужение.

В храме было много народу, не мало молящихся находилось и из тех, которые присутствовали при покупке облачения. Каждый остался доволен покупкой, только выходя из храма можно было слышать несколько обидное и, пожалуй, даже оскорбительное для святыни сравнение:

– А, пожалуй, Илья лучше выглядел в новых ризах, чем наш поп!

Выводы отсюда, кажется, будут излишни. Они не могут нисколько говорить в пользу продажи при подобных обстоятельствах ни икон, ни картин, ни других священных изображений.

Как известно, Св. Синод, при рассмотрении отчета занятий третьего миссионерского съезда, между прочим обратил внимание на заявление миссионеров о том, что одним из обстоятельств, способствующих усилению раскола и сектантства, является продажа на ярмарках и базарах икон в соблазнительном для народа виде, а также икон неправильного письма. Вследствие сего и в видах противодействия развитию раскола и сектантства, г. синодальный прокурор просит губернаторов принять меры к тому, чтобы чины полиции

оказывали необходимое содействие к исполнению сделанного Святейшим Синодом чрез епархиальных преосвященных предписания о наблюдении за продажей на базарах и ярмарках икон, об изъятии из продажи икон неправильного письма и о недопущении продажи икон, могущих возбуждать соблазн в народе.

Но, по нашему мнению, этого мало. Важен не только сюжет и исполнение иконы, но также место и та обстановка, при которой священные вещи должны продаваться. Разрешать торговлю иконами на ярмарках и базарных площадях возможно только в том случае, если они, помимо правильности письма и отсутствия чего-либо соблазнительного, будут продаваться в некотором отдалении от центра торговли и непременно в закрытых помещениях, а отнюдь не на земле, где священные изображения и вещи могут быть попираемы ногами и грязью. Самое лучшее место для продажи икон, картин, крестиков и других священных принадлежностей – это особое помещение в ограде церковной, караулке и специально устроенной лавочке. А заняться делом продажи означенных предметов лучше всего кому-либо от имени и в пользу церкви, в районе которой находится ярмарочная или базарная площадь.

Для того же, чтобы уничтожить окончательно всякий соблазн и поругание святыни, необходимо продажу её совершенно воспретить мелким торгашам, – развозить её по селам и деревням и продавать на базарных и ярмарочных площадях.

Священник Серапион Бряжковский

**Миссионерские очерки. XIV – Поздним вечером.
Среди немоляков // Миссионерское обозрение 1903
г. № 15. С. 606–613**

XIV. Поздним вечером

Была поздняя осень. Дождь лил каждый день. Грязь на улицах стояла непролазная...

При таких обстоятельствах возвращались мы с батюшкой из штундовой деревни. Лошадь едва тащила нас. Мы перебрали всё, чтобы развлечь себя: и молчали «о многом» и потихоньку напевали церковные песнопения. – Наконец, мы натолкнулись в жизненный вопрос и разговорились.

– Я сказал:

– Экая темь стоит и грязь!

Мой сосед, батюшка, помолчав, заметил:

– Да, темь – чисто осенняя; а погодка такая, что добрый хозяин собак со двора не выпустит...

Мы опять замолчали; но, оказалось, пред длинным разговором. Его «завел» батюшка. Он заговорил возбужденным голосом, в котором однако слышалась глубокая скорбь.

– Вы, горожане, жалуетесь на темь; не любите грязи. Но послушайте, что вы из особой кости выделаны? Ведь вы – такие же люди, как все мы – грешные сельчане. Мы в этой темноте зачинаемся, – не боимся и умирать... Под дождями мы лишь быстрее растем. – А что нам грязь? Она научает нас только ловким телодвижениям, – заставляет иногда прыгать в то время, когда спать хочется. А вы сердитесь на деревенские ночи, – дождливые, и осенние...

По тону голоса заметно было, что батюшка коснулся близкого для себя вопроса. Я с недоумением спросил:

– Что вы так ополчились на нас, горожан?

– Э, сударь, это – старая история! Лучше не касаться её...

Я однако взмолился, чтобы спутник мой рассказал мне свою «историю». – И он заговорил:

– Я переносить не могу наших духовных юношей, одевающихся с иголки и мечтающих о «покойных»

должностях по городам. Там у вас горит электричество, там – театры, конка, мостовые. Там у вас – удобно и приятно жить... Нет, господа, не там наш жребий! Нас духовных, в массе-то, Господь посадил подле мужика. Не бегайте же от него и не чуждайтесь его быта...

Я по крайней мере до старости держусь этого убеждения, – успокоенным голосом произнес батюшка. Когда-то я отлично учился в семинарии. Мне представлялась возможность пойти в Академию... В то время Академию мы представляли себе чем-то в роде древнего Олимпа. Молились на неё... Но я, воспитанный на преданиях *крайнего* народничества, для мужиков отказался от высшего образования. – Право, об этом мне как-то совестно рассказывать!...

Я понимал причины застенчивости благороднейшего батюшки, но он слишком воодушевленно говорил – и я упросил его продолжать речь.

Батюшка возобновил свой рассказ.

– Да. «Всё это было когда то, только не помню когда»... Это было «на заре туманной юности». Мы тогда зачитывались писателями народниками. С любовью изучали мужика. Не лезли в салоны к господам, не рядились в цилиндры... Мы рассуждали: народ наш богат природными способностями, но он – невежда. В народе таятся отличные свойства души и характера, но в массе мужики – пьяницы, грубияны. Их спасти нужно, поддержать. Однако, кто же это будет делать, если мы – духовные юноши – разъедемся по Академиям?...

Скажете: и после Академий можно вернуться к народу. Так. Но мало вас, академистов, видим мы по деревням. Больше и охотнее ютитесь вы в городах, при электричестве...

Правда, вы тоже как будто для народа работаете, – в народе готовите духовных *просветителей*. Но это, по моему понятию *окольная* дорога служения мужику. Кроме того, как вы готовите народу просветителей? Вы сами не знаете народа; не понимаете его настоящих нужд и потребностей; не умеете даже по складам читать души мужицкой. Каким же родом вы приготовите ему «по сердцу» истинных просветителей?...

Эх, горе наше! Вот эти оглашенные сектанты с очевидностью доказывают, что современное православное священство не подготовлено для борьбы с противоцерковными движениями в народе. Не умеем мы говорить с мужиками о божественных предметах на их «языке». Потому они бегут от нас за назиданием к сектантам...

Кого тут винить?

Опять-таки прежде всего школу нашу, в которой вы, академисты, засели...

Я грустно возразил батюшке, что нельзя же обойтись и без Академии. Надо же пастырей Церкви с *толком* учить священствовать в народе, а для этого сами-то учителя обязаны пройти академические науки...

– Так, так, так! Заволновался батюшка. Я не иду против науки. В науке истинной – свет. Она должна воспитывать в нас благороднейшее настроение... И потому, кто рожден *двигать науку*, – на ком Бог положил печать ума и дарований, – иди и учись. Но масса-то академистов состоит разве из людей, отмеченных печатью Божией? Разве это – секрет, что многие юноши духовные бегут в академии *исключительно* потому, что не хотят священствовать по деревням?...

Эх друг вы мой! Не старайтесь представить черного белым...

Я понимаю, – отдохнув, продолжал свою речь батюшка, – всякому хочется жить интеллигентней, легче, обеспеченней. А христианский идеализм-то где?... Право же, нельзя в жизни измерять всего рублем и карьерой. Задохнуться тогда придется. Нужно, чтобы люди умели *ограничивать* себя ради счастья других, – умели жертвовать предметами роскоши для блага массы людской. По этим соображениям, вопрос об академиях казался мне всегда жгучим и болезненно-трудным...

С одной стороны, понятно, что юноше хочется учиться для того, чтобы «выбиться из толпы», духовно прозреть и окрепнуть», «отнестись ко всему сознательно и убежденно». Это так. Но позвольте. Другая сторона дела ведь прямо обрезывает нам крылья. Эта сторона внушает нам мысль, что мужики наши азов не знают, что они в тине находятся, – пропадают

нравственно от заражающих их пороков и страстей. – Хорошо-ли, *нравственно-ли* самому питаться рябчиками, а рядом с собой видеть людей, голодающих и холодающих, судорожно ищущих хлеба насущного?...

По моему представлению, лучше *никогда* не знать *никакой* роскоши, но сознавать, что возле тебя нет людей голодных, которых ты должен бы накормить и не накормил; чем самому пресыщаться всякими благами жизни, а возле себя видеть людей несчастных, бьющихся в борьбе за своё жалкое существование...

Так я некогда решил для себя трудный вопрос жизненный. Совесть моя *покойна*. Я делаю на пастырском пути всё, что могу. Я бесстрашно стерегу своё стадо духовное, в виду бродящих возле нас сектантов. Бог благословляет пока труды мои радостью, которая горит в душе моей; но не скрою от вас, что живется мне тяжело и скорбно по плоти...

Я чувствовал, что уже пожилой батюшка исповедовал вечно юные и святые идеалы древнего подвижничества. Мне жаль было спускать его на землю. Мы ехали молча до самого дома.

Д. Боголюбов

Среди немоляков. (Очерк)

В одной из небольших станиц Войска Донского, стоящей на одном из притоков Дона, еще в тридцатых годах прошлого столетия возникла секта «немоляков».

В настоящее время её поглотили другие религиозные толки, хотя кое-где еще существуют её приверженцы. Древний Осип Вакулов один из самых ярых немоляков.

– Не нужно молиться «наружно», – поучает он свою малочисленную паству, – истина погасла, вера скрылась, осталась одна только надежда на спасение души в исполнении тех предметов, кои приказано совершить в духе, но ничуть не плотью или какими вещественными образами!

– Именно, дедушка, правду говоришь, – соглашаются немоляки слушатели, – нужно всё понимать «духом», сказано еще в Писании: «отверзи уста мои в притчах»! Много уже лет Осипу, седой он, как лунь, еле на ногах держится, а всё своих немоляков поучает.

– Есть у нас, детушки, «четыре времени века». Один от сотворения мира до Моисея, – это весна или век праотеческий; от Моисея пророка до Рождества Христова, – лето или век отеческий; от Рождества Христова до 1666 года – осень, век сыновний и ныне – зима, век Святого Духа...

– Чувствительно дедушка толкует, – вздыхая говорят слушатели, ничего не понимая из подобного несуразного толкования своего наставника.

Крещения у «немоляков» не существует, они дают имена своим детям на восьмой день после рождения последних по святцам.

– Крещение водой существовало только до седьмой тысячи лет, а ныне крестят только духом! – уверенно толкует древний Осип.

И мало понимающая темная кучка «немоляков» верит ему.

– Слушай, Ванюша, – решительно заметила Матреша, – молодая, видная девушка из этой секты, своему жениху Ивану Алабуху, – не пойду за тебя замуж, коли по закону в церкви не обвенчаемся!

– Чтой-то ты надумала, девонька, – чуть не плача возразил парень, – да статочное ли дело к церковникам идти, тятенька с маменькой не позволят да и старец наш Осип разобидится!

Долго не соглашалась Матреша на предложения жениха, наконец все-таки удалось последнему уговорить её и брак совершился «без всяких чиноположений и молитв, а по одному лишь обоюдному соглашению жениха с невестой и родителями».

Недолго пожили они в мире и согласии. Через четыре года бросил парень свою невенчанную жену с двумя детьми, увлекшись другою девушкою.

Пробовала бедняжка пойти с жалобой на Ивана к его родителям, тому же Осипу, препятствовавшему церковному венчанию. Везде отказ.

– Не похотел с тобою в супружестве жить, что же могу я сделать! – разводя руками ответил старец.

И пришлось Матреше поступить в услужение к одному из своих-же станичников.

– Глупые вы все люди, – энергично заметила Матрена, явившись как-то на собрание немоляков, в котором тот-же Осип нес невозможную нелепицу, чего вы выжившего из ума старика слушаете и верите всем его глупостям!

Немоляки заволновались, в первый раз нашелся человек, да еще к тому-же женщина, решившаяся осудить их древнего начетчика.

– Ой, баба, не болтай, не вводи нас в грех! – слышались голоса, – постоим мы все за отца нашего, не дадим его в обиду.

Но удержать Матрену было уже трудно, она звонким голосом продолжала обвинять Осипа.

– В церковь ходить запрещает, молитесь, мол, закрыв уста!...

Немоляки хотели было уже броситься на молодую женщину и заставить её замолчать, как сам старик Осип, пораженный таким необычным возражением остановил их.

– Слушай ты, неразумная, – заговорил он, обращаясь к Матрене, – читай ты книгу нашу «Альфа и Омега» – оную быти молитву разумеем, яже не престающе от души весь день и ночь, яже не в протяжении рук и недстоянии телес и языком гласе, зрящих видится, но в умном поучении и ума делании, Божией памяти прилежным умилением видящим разумеается!... Что ты на это скажешь? А?

– Скажу только, не гоже толкуете священное Писание, криво толкуете, семьи разоряете... – точно горох посыпались обвинения Матрены.

Разозленные нападками женщины на своего древнего уставщика, немоляки схватили её, связали и посадили в пустой амбар.

– Посиди здесь, молодка, пообдумайся, авось прыть-то твоя поостынет! – насмешливо сказали ей они.

Матрена осталась одна в амбаре, ей пришло в голову нельзя-ли как-нибудь убежать отсюда?

Связанные ноги и руки не позволяли ей двигаться. Настала ночь.

У амбарных ворот снаружи слышался детский плач. Матрена начала прислушиваться, голос показался ей знакомым.

У дверей плакала её старшая девочка, приведенная сюда кем-то нарочно, с целью еще более отягчить наказание молодой женщины. Нечеловеческими усилиями высвободила Матрена из пут свои руки, затем быстро развязала ноги и бросилась к воротам.

Плач ребенка продолжался.

Выйти из амбара было сравнительно легко для заключенной, она взлезла на стропила и, пробив рукою дыру в соломенной кровле, выбралась наружу.

Никто из немоляков не караулил посаженную в амбар женщину, так как не предполагали, что она может выбраться оттуда.

– Ты это, Наташка? – тихо спросила Матрена у плачущего ребенка.

Девочка узнала мать и замолкла.

За другим ребенком Матрена побоялась возвращаться к хозяину, и, пользуясь темнотой августовской ночи, взяв на руки девочку, она отправилась в другую сторону, где жили старообрядцы, приемлющие священство.

Добраться туда было не близко, тем более темнота мешала ей найти настоящую дорогу. Ближе к рассвету набрела Матрена на желаемую тропу и быстро пошла вдоль берега реки.

Залившие луга еще мирно спали, густая роса широкой волной закинулась далеко по низине. Утренняя заря начинала еле загораться, всё еще было полно предрассветного томления. В невидимой за росой речке всплескивала рыба.

Ребенок сладко спал на руках матери, изредка всхлипывая во сне.

В чутко дремлющем воздухе слышался далекий топот лошадиных копыт о мягкую траву.

Матрена с испугом обернулась назад.

В поредевшей полосе росы, на холме виднелись всадники, молодая женщина инстинктивно узнала в них за собою погоню.

Оба быстро спустилась к речке и спряталась под песчаным обрывом.

Опасения её оправдались, конные скоро доскакали до того места, где она спустилась, и поехали шагом.

– След Матренкин по траве весь виден, – слышался мужской голос.

Матрена узнала голос своего невенчанного мужа.

– Не пошарить ли, Ваня, по берегу? – предложил кто-то другой.

– Не стоит, поедемте, ребята, дальше, она должно быть вперед побегла, нагоним!

– Нагоним, запорем бабу до смерти, не смей, дерзкая, нашего старца Осипа позорить, да еще к церковникам бежать!

И немоляки поскакали дальше.

Вся похолодев от страха, Матрена, крадучись под прибрежными вербами, побежала снова вдоль реки.

Поздно за полдень добралась она до желаемой станицы. Церковники охотно приняли её к себе и спрятали временно в одной из хат.

С помощью местного священника удалось взять из рук немоляков её второго ребенка.

Дело так и заглохло.

Спустя год, Матрена вышла вторично замуж за местного станичника, согласившегося взять её вместе с её детьми, которые и были здесь окрещены.

На этот раз Матрену венчали уже в церкви, ей нечего было бояться ни родителей жениха, ни древнего уставщика Осипа.

Г.Т. Северцев

Из миссионерской полемики

Чередников И., свящ. Ярморочные собеседования православных миссионеров с глаголемыми старообрядцами в г. Нижнем с 4–10 августа // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 614–619

По примеру прежних лет и в истекший ярморочный сезон нынешнего года в Нижнем Новгороде состоялась целая серия собеседований.

«В понедельник 4 августа», пред началом собеседований вся съехавшаяся в Нижний Новгород миссионерствующая братия,¹⁶⁰ во главе со своим руководителем профессором Казанской духовной академии Ивановским, представлялась архипастырю Нижегородскому Назарию. С чувством глубочайшего уважения, отмечаем отеческий прием миссионерствующих тружеников благостнейшим архипастырем. Преподавая каждому своё благословение, его преосвященство расспрашивал миссионеров о месте их служения, деятельности и пр., находил каждому сказать ласковое слово и утешения и ободрения, словом, в лице Нижегородского владыки съехавшиеся миссионеры видели не начальника, а отца и покровителя святого дела миссии. Выслушав от владыки общее наставление и получив его святительское благословение на начало своих трудов, вся миссионерствующая дружина отправилась в отведенное помещение для собеседований – ночлежный приют имени графа Игнатьева, где собралась уже масса слушателей. После молитвы Св. Духу, почтенный руководитель бесед Николай Иванович сказал речь, и беседа была объявлена открытой.

По программе беседа была назначена на тему: «чтение 8 члена символа веры без прилога «истинного» составляет ли ересь?»

Беседу эту вел нижегородский епархиальный миссионер протоиерей о. Николай Фиалковский. Возражателем ему, со стороны раскольников, выступил старообрядец безпоповского толка Нетовцев – «Василий» Агапов, ученик и чтец слепца Коновалова.

О. протоиерей Фиалковский весьма ясно выяснил пред слушателями православное учение о Св. Троице, изложенное св. отцами на двух вселенских соборах в Никео-Цареградском исповедании, которое для удобства толкования и разделено Церковью на 12 членов или, по старопечатному катехизису, «артикулов», об одном из коих, именно осьмом, и ведут раскольники пререкания. В новоисправленной редакции означенный 8 член символа веры читается без прилога «истинного» и старообрядцы, считая такое чтение еретическим, обвиняют Церковь православную в «еретичестве». Почтенный о. миссионер наглядно раскрыл пред слушателями, вычитывая основания из полных деяний вселенских соборов (1 стр. 66, 2 стр. 112, 4 стр. 229, 6-го 229 и особенно 7 стр. 591), что в переводе с греческого языка слова «истинного» совершенно нет и отцы соборов таковое чтение «еретическим» не считали и тем паче Церковь в «еретичестве» не обвиняли. Затем наглядно показана разность чтения означенного члена и по старопечатным книгам Кирилловой, Большого и Малого Катехизисов, где в одной и той же книге в одном месте символ читается с прилогом «истинного» в другом без означенного прилога; при этом чтение без прилога «истинного» в символе представляет более точный и правильный перевод с греческого языка.

Оппонент о. протоиерея Фиалковского, раскольник Агапов, возражения свои обосновывал на предвзятом понимании 43-го листа книги о Вере, возбраняющей всякие убавки или прибавки к св. символу, намеренно упуская из виду, что означенным местом книги Веры писатель имел в виду католическое добавление слова и от «Сына», и затем таковое извращенное своё понимание Агапов закреплял соборным постановлением 1667 года о новоисправленных чинах и обрядах Русской Церкви, в том числе и об 8 члене в частности. Приводимы были Агаповым цитаты из Феодора Студита, Максима Грека, Иосифа Волоколамского, но не по существу. Заключительное слово было сказано руководителем бесед профессором Ивановским, который, в сжатом виде, выяснил пред слушателями доказанную миссионером правильность в чтении 8-го члена

символа веры. Новый возражатель Агапов оказался учеником достойным своего известного учителя Коновалова. Он прекрасно усвоил коноваловскую манеру кощунственных возражений, язвительных насмешек и проч.; ад, бесы у него постоянно на языке. Время собеседований было обусловлено 15 минутами с каждой стороны.

«6 Августа» по программе беседа была об «епитимия ...». Беседу эту вел самарский епархиальный миссионер священник... Димитрий Александров, возражателем со стороны раскольников выступил безпоповец Нетовского толка сам слепец Коновалов. О. миссионером Александровым прежде всего было выяснено что такое епитимия и какое она имела в древности и ныне значение в применении к кающимся. На основании свидетельств св. Иоанна Златоустого, о. Александров доказывал, что епитимия есть лекарство от греховных ран; врачевство это на основании святоотеческих правил и свидетельств всецело дано в распоряжение духовных отцов и таковые, как врачи, сообразно греховной болезни и ревности кающегося, имеют власть применять оную по своему усмотрению, не годами измерять таковую, а степень исправления кающегося. По сему-то с древних времен и доныне Церковь православная ептемью не отменяла и без епитимии никогда не разрешала кающихся, а если иногда и разрешает кающихся без наложения епитимьи, то в данном случае и руководствуется свидетельствами правил вселенских соборов (102 6-го вселенского собора), святоотеческих творений (Василия Великого 221 правило), свидетельств отцов и учителей Церкви (Блаженного Иеронима ч. 4 стр. 283), то она «еретической» не была и «ереси» не содержала. И что епитимья занимает в Церкви не догматическое, а обрядовое значение.

Коновалов же своё обвинение Церкви православной и возражение о. миссионеру основывал на 13 и 14 пунктах духовного регмента, что якобы означенными пунктами Церковь православная совершению оставила и отложила епитимии; и таковое своё натянутое обвинение православной Церкви подкреплял другими, не относящимися к существу вопроса, свидетельствами. Вообще в течение 5-ти-часовой беседы

Коновалов вертелся на Духовном Регламенте, 13 и 14 пункты которого были читаны до 10 раз.

Беседа была закончена в 6 часов и на слушателей произвела весьма сильное впечатление умелой постановкой вопросов, и силой приводимых миссионером доводов, подкрепляемых массою свидетельств из Писания.

Заключение было сказано почтенным руководителем бесед Н.И. Ивановским.

7 августа беседа была о безпоповских обществах, не имеющих хриstopреданного священства, седми богоучрежденных таинств, «совершаемых по чину». Беседу вел нижегородский миссионер Стефан Иванович Костров; возражателем ему со стороны раскольников выступил слепец Коновалов.

На основании святоотеческих творений, учений отцов и учителей Церкви, а также старопечатных книг, миссионер Костров раскрыл пред слушателями понятие о Церкви Христовой, её признаках и свойствах, с которыми она должна пребывать до скончания века и что все безпоповские общества, лишенные этих свойств и признаков и не совершающие таинств церковных по чину, не могут именоваться святою Христовой Церковью.

Коновалов в своём возражении миссионеру Кострову сознавался, что всё сказанное им о св. Церкви есть суцая правда и что они, т. е. безпоповцы, рады бы пребывать в ней, да церкви то уже таковой на земле нет и в подтверждение своего лживого положения о Церкви пустилcя в пророческие сказания о падении священства в Церкви ветхозаветной и всё, что было сказано пророками и истолковано учителями Церкви о падении священства ветхозаветной Церкви, Коновалов отнес к Церкви Евангельской и в заблуждении своём дошел до того, что св. Сион сделал блудническим Вавилоном и жилищем бесов.

Но умелая постановка беседы весьма опытного миссионера, его широкая начитанность и знакомство с творениями св. отец удачно раскрывали все запутанные велеречия слепца Коновалова и слушатели, беседы убеждены были, что Церковь, как Божественное учреждение пребудет до

скончания мира таковой, какой она основана была Божественным Домовладыкой, т. е. со священством и таинствами. Беседа была закончена обычной заключительной речью почтенного руководителя и молитвою.

«8 Августа» беседа была о том, что «поливательное крещение, которое православная Церковь допускает в исключительных случаях, а не обдержно, а также и обращающихся к ней с таковым крещением вновь не перекрещивает, можно ли считать ересь и Церковь православную еретической». Беседу эту вел ... городской священник о. Владимир Ссребровский, возражал ему со стороны раскольников все тот же слепец Коновалов.

В своей беседе о. Владимир Серебровский выяснил, что православная Церковь обдержно имеет крещение трехпогружательное, а так как на основании свидетельства священномученика Киприана Еп. Карфагенского¹⁶¹ и примеров из жития святых отцов, что поливательное и кропительное крещение, совершаемое в исключительных случаях, вменялось за истинное крещение и не ...рялось, а тем паче не называлось «еретическим», то и православная Церковь допускает оное. Да и в нашей русской Церкви... до лет Иосифа патриарха существовало поливательное крещение, например, при п. Иове и однако за это русская Церковь того ... еретическою не была и никто от неё чрез это не отделялся.

Коновалов же все свои обвинения Церкви православной по вопросу о поливательном крещении, основывал на Соборном ...нии патриарха Филарета, на котором и стоял в течение всей беседы, закончившейся в пять часов обычной молитвой.

«10 августа» пред беседой проф. Ивановский обратился к слушателям с речью, в которой очертил характер прошедших бесед, указал, что защитники раскола не выяснением истины были заняты, а лишь в своём слепом озлоблении против Церкви православной старались побольше придумать и набросать м... ересей на Церковь православную. С Божией помощью, о.о. миссионеры разоблачили эти ухищрения раск. апологетов и ясно обличили неосновательность их наветов на Церковь, теперь же, продолжал Николай Иванович, будем

разбирать и дальнейшие обвинения раскольников, предъявляемые к своей Матери Церкви.

По программе этого дня беседа касалась вопроса о троеперстии; беседу эту¹⁶² вел синодальный миссионер протоиерей о. Ксенофонт Крючков. Очертив историческое прошлое древней Церкви в период возникновения перстосложения в ней, и перейдя затем к последующим временам Церкви греческой и русской, о. протоиерей Крючков доказал существование в Церкви различных перстосложений, с которыми лишь требовалось соединять правильность догматического учения о Св. Троице. Затем был поставлен о. протоиереем вопрос: «отделялись ли кто от св. Церкви из-за различия перстосложений до 1653 года и кто, до появления русского раскола, троеперстное сложение, слагаемое во имя Св. Троицы, называл ересью»?

Отвечать на вопрос о. миссионера протоиерея Крюčkова выступил раскольник австрийского толка Скоков. Не отвечая прямо на поставленный миссионером вопрос, он пустился в обычные по данному вопросу у раскольников побочные рассуждения о Стоглавом соборе, о папе Формосе, к чему-то о Северианах и проч. Все возражения Скокова о. протоиерей разобрал и доказал пред слушателями о существовании в Греческой Церкви троеперстия, за каковое русская Церковь с ней не делилась и еретической не называла. И, как на факт братского о Христе единения греков-троеперстников с русскими двуперстниками, указал на посещение патриархом Паисием в 1649 году Москвы, когда именно и была замечена им разность перстосложения в русской Церкви.

Скокова соблазняло выражение о троеперстии «имеем предание от св. Апостол», – миссионером было указано на подобное же выражение Стоглава, повелевающего по апостольскому преданию творить звон в церквях к службе, хотя апостолы о церковном звоне ничего не заповедовали. Беседа была закончена в 6-ть часов в обычном порядке.

Священник Иоанн Чередников

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

Бронзов А. Зоил из «Нового Пути». (Несколько слов по поводу заметки г. Бартенева) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 620–626

Некто г. Бартенев в «Новом Пути» высказался о моей статье «Нужно-ли учиться христианству из Ипполита-Еврипидовой трагедии. Благодарю автора за внимание. К сожалению, заметка его совершенно извращает и смысл моей статьи, и значение Еврипида совсем неверно ставит и решает вопрос об отношении язычества к христианству. Отсюда естественно считаю себя вынужденным сказать несколько слов о произведении моего люб... критика.

Есть люди, постоянно кричащие о «свободе совести», о «свободе печатного слова» и проч., но понимающие эту свободу довольно своеобразно: им-де можно свободно и невозбранно говорить и делать, что угодно, но против них – никто и ничего не ... Иначе обольют грязными помоями. Как раз это и случилось мной. За что? За то, что я осмелился доказывать *и доказал*, что учиться христианству у Еврипида более, чем странно.

Решал я вопрос спокойно, пользуясь только строгими точными данными, очевидными для всякого, сколько-нибудь помнящего это дело. Личных счетов я ни с кем не сводил да и не мог сводить, находя это делом для себя зазорным. Дл... важна была только истина. Отсюда я в праве был ожидать корректного-же и к себе отношения со стороны даже лиц, ...разно настроенных и готовых, оставив св. Евангелие ... учиться христианству не только у Еврипида, а и у кого-угод... мои ожидания, к удивлению, не оправдались.

Вся заметка г. Бартенева пропитана явно-злобным чувством автора ко мне, осмелившемуся петь не в унисон с ним и ему подобными, не понимающими ни Еврипида, ни христианства... Но якобы остроумные выходки критика против меня таковы, что они, право, тупее «тупого полена». Воспроизводить их, конечно, не стану. Не буду и отвечать этому развязному господину «его же» монетой, хотя каждая строка его мудрой заметки так и просится в «Стрекозу», «Осколки» и пр. Пусть глумится над г.

Бартеневым желающий! Нас-же в «семинариях» этому не учили, и в данном отношении мы – «семинаристы», действительно, не способны конкурировать с прошедшими иную школу гг. Бартеневыми.

И так, в чем-же дело? А вот в чём.

1) Г. Бартенев бесспорно не прочитал *всей* моей статьи. Иначе он не стал бы спрашивать: «какой, напр., смысл в религиозных сомнениях Еврипида»?... Иначе он, далее, не говорил-бы удивительных слов про якобы «тонкую иронию в вопросе» М-го, будто бы мною «даже не замеченную»... Чтобы критиковать статью, нужно было, по крайней мере, прочитать её всю. Кроме того, выдергивать отрывочные фразы и по ним, вне связи их с целым, составлять заключения – хорошо ли? Ведь пользуясь таким приемом, можно без труда доказать – что угодно, хотя-бы то, напр., что г. Бартенев сведущ в решаемом им вопросе.

2) Г. Бартенев не соблаговолил *понять* и того, что в статье он, по-видимому, читал. Иначе он без складу и ладу не повторял-бы слов об «азбучных истинах». Он даже на одну сотую не уразумел, зачем я об этих истинах в статье говорил. Такое непонимание – феноменально, но несомненно. Да, – г. Бартеневу следовало-бы поучиться хоть «азбуке» понимания чужих слов. А все бесподобные потуги на острословие ему совсем не к лицу. Он занялся этим делом столь-же уместно, сколь уместно было бы пирожнику «тачать сапоги», а сапожнику «печь пироги».

3) Г. Бартенев показал, что он не имеет сколько-нибудь ясного представления ни об Еврипиде и его воззрениях, ни вообще о древнегреческом мире, о чём, между тем, хочет с развязностью судить. Иначе он не наговорил-бы неправд, напр., про взгляды Еврипида на семейную жизнь и проч. Иначе он, далее, обнаружил-бы хоть малейшее понимание степени важности «вопроса об отношении» греческого «язычества к христианской религии»... и тщетно не отыскивал-бы «глубины» там, где её нет и быть не может. Очевидно, для него дело слишком темно...

4) Смешивая Еврипида с язычеством вообще, г. Бартенев вносит в дело сплошную путаницу, всего значения которой ему, конечно, не понять.

5) Г. Бартенев не имеет решительно никакого понятия о мировоззрении св. Иустина мученика и приводит из его творений выдержку совсем не на тему. Кроме того, изучив этого христианского апологета надлежащим образом, он заговорил-бы другое. Вся беда – от того, что недостаточно выдернуть случайную фразу и с её помощью доказывать то или иное, – нужно другое отношение к изучаемым творениям. Эту «азбучную истину» знает всякий «семинарист».

6) Г. Бартенев упорно, но совершенно ошибочно, называет Климента Александрийского «святым», чтобы найти себе в этом обстоятельстве опору для своих бесподобных взглядов. Здания на песке надежного не выстроить! И с такими патрологическими взглядами и знаниями выступать в качестве критика! Это – верх комизма или дерзости. Пусть выбирает г. Бартенев, что хочет.

7) Г. Бартенев не знаком с учеными трудами гг. Мищенко, Bernhardt, Никитина и друг. общепризнанных знатоков античного мира. Иначе он, напр., не приписал-бы со злорадством *только* мне речи о «резонерствующих афинянах»... (ведь в моей статье есть-же ссылки на подобных ученых, – разве можно их игнорировать критику?!).

8) Г. Бартенев противоречит себе, чего в пылу раздражения даже и не замечает. Иначе он не говорил бы, что я «имею в виду *только* область нравственности», толкуя об отношении между язычеством и христианством. Высказывая эту неправду, он забывает то, что сам-же говорил в предыдущих строках своей смешной заметки.

9) Г. Бартенев неприлично (именно неприлично) сравнивает несравнимое: трагедию Еврипида и... книгу Иова. Думаю, что должна быть мера всякой развязности. Даже развязность и г. Бартенева не может, не должна быть безграничной.

10) Г. Бартенев непростительно приписывает мне даже свои собственные измышления. Его развязность как будто в самом деле не хочет знать пределов. Иначе он не говорил-бы, что «трагедия Еврипида сама по себе» для меня «неинтересна»

совершенно», и что я, «вероятно», даже и не прочитал-бы её, если б не вынудили меня к тому обстоятельства. Какое, подумаешь, проникновение в чужую душу! Но как оно комично! Всякий, кто знает о моей прошлой деятельности, улыбнется, читая вещания г. Бартенева. Последний и не подозревает, что в этом случае он уподобляется знаменитому доктору, который давал совет почтальону не вести сидячего образа жизни... Далее, измышлением-же г. Бартенева является и то, что я будто бы «совсем не заинтересован в вечных философских порывах и религиозных томлениях, составляющих содержание трагедии Еврипида», что «мы не совсем довольны Еврипидом». Г. Бартенев, по-видимому, написал всё это, не подумавши, о чём пишет... Затем непростительно и неприлично г. Бартенев взывает, что я, «может быть, с легким сердцем вычеркну из числа свящ. книг... книгу Иова». Если на это способен сам он, то пусть не думает того-же про других, не дававших к тому никакого повода. Дурно высказывать критику моему такие предположения. Если, далее, я не считаю авторитета Климента Алекс. непогрешимым, то не значит, что я когда-либо изменю своему взгляду. Г. Бартенев, утверждающий противное и говорящий, что я «с пеной у рта» (что делает сам он – Бартенев, то обычно приписывает другим) потом буду отстаивать авторитет Климента Ал., очевидно, судит о других по себе и, как всегда, горько ошибается. Предоставляю петь по ветру самому г. Бартеневу и К°. Далее, г. Бартенев совершенно произвольно приписывает мне мысль, что «азбучными истинами исчерпывается содержание христианской религии». Приснилось ему это что ли? Если да, то пусть рассказывает свои сны другим..., кому делать нечего и кто готов верить чему угодно... Г. Бартенев несправедливо, как и везде, говорит, что у Еврипида «всё возбуждает» моё «негодование»... Моё негодование скорее могли-бы возбудить только его выдумки. Но и они на самом деле возбуждают во мне лишь смех... Будет, однако... Всех неправд бартеневских, на меня взводимых, долго было бы не перечислить да и не стоит, конечно, перечислять их.

11) «Напрасный труд» так и останется «напрасным», «... тьмою, «бездна» – бездной, и уж не г. Бартеневым доказа... Оставьте! Это – не Ваша область...

Но довольно! Что ни слово г. Бартенева, то – перл. До... и приведенных образчиков, чтоб можно было судить о ...

Впрочем, и в грязных помоях, какие вылил г. Бартенев есть два слова верных.

«Пусть-бы все крепко и нерушимо исповедовали те ... которые исповедует ученый профессор», восклицает г. Бартенев – мой любезный критик. Да, было бы, действительно, ... если б все так думали, как я, что христианство не имеет ... корня в язычестве, что именно и было главною мыслью мое... и доказать что считаю целью моей жизни, но что, как ... вызвало против меня громы и молнии... Школа вселила в ... эти убеждения. Правильность их потом я проверил своими ...ными трудами. И я горжусь «семинариями» нашими, которые ... учат, и во веки не изменю своим убеждениям. Да! Н... глух и к тому, что говорят светские лица, если только ... словах есть хоть капля правды. Но часто ли это бывает? ... если случается, то не в словах г. Бартенева и К°. Не ... «гениальные», но и вообще сносные мысли по данному р...просам им и не снились. Г. Бартенев, попрекающий меня ... где я учился, по обычаю не сознает того, что говорит, ... утешается своей гнилой «дребеденью».

Далее, г. Бартенев называет меня «сотоварищем по ... Скворцова, Гринякина»... Эти фамилии для г. Бартенева – ... рода «Карфаген, который следует разрушить». Очевидно, ... досталось ему и присным его от «Миссионерского Обозрения» ... они заговаривают о нём даже там, где это совсем неу.... Такие скачки иначе необъяснимы. Везде им снится «Миссионерское Обозрение». Во всяком, однако, случае, раз зашла речь об ...занных лицах, я с удовольствием готов считать себя и ... товарищем по оружию». В. М. Скворцов и Н. М. Гринякин высоко держат знамя православия, не увлекаются гнилыми западными идеями, жидовством, сектантством... Это не нравится лже-интеллигенции. И вот её представители, набрав на задворках помоев и всякого мусора, выливают и

высыпают всё это на головы названных лиц, воображая, что эти умолкнут и развяжут им руки... Но напрасно: этих стойких лиц не сбить с позиции гнилью, – и быть их «сотоварищем», право же, не зазорно, – наоборот – лишь приятно.¹⁶³ Другое дело – оказаться «сотоварищем по оружию» гг. Бартеневых и К°. Этого уж не дай Бог никому! Оружие гг. Скворцова и Гринякина не запятнано ни изменою православной Церкви, ни чем вообще дурным. Им чужды приемы их противников, которым¹⁶⁴ нередко позавидовали бы в данном случае даже сами оо. иезуиты.

Но г. Бартенев говорит снова совершенную неправду, когда заявляет, что он «не имеет ни времени, ни охоты» подробно со мной беседовать. И время, и охота у него налицо; иначе, никем не вынуждаемый, он не исписал бы целых 5 страниц всякими бесподобными выдумками (бумага-де всё стерпит!). А вот чего действительно у него нет, так это – знания того, о чём он собирается говорить, и какой-либо способности читать то и так, что и как написано другими. Знание-то «азбучное», пожалуй, можно ему приобрести, хотя и тут позволю себе усомниться, а приобрести ту способность... увы – нет! Вот где г. Бартеневу пригодился-бы не дающий ему покоя «семинарский ум», – ум мыслящий всегда здраво и логично, а не перепрыгивающий без причины с одного предмета на другой, не воюющий с правилами логики и со здравым смыслом, как воют и проч. ум многих лиц, не бывавших в семинариях. Никогда не смейтесь над ... чего не знаете и не понимаете, и чего понять вам не по с.... Зарубите это себе на носу. А главное: что это за мальчишеская ... у некоторой части так называемых «светских» писак в... случаях, где они не в состоянии сказать своим противникам ... бы одно разумное слово по существу того или другого воп... попрекать последних «семинариями?» Такие дикие попреки – ... доказательство бессилия и некультурности подобных господ ... не попрекают же их «духовные» писатели «гимназиями», н... зывают укоризненно на их «гимназический ум», хотя мо... очень часто это делать с гораздо большим основанием... .. гнусно, гг. «новые» критики! Но, впрочем, говорить с ... таких материях – всё равно, что «черпать решетом вод... поймете... Поэтому кладу перо. Sat!

А. Бронзов

**Гринякин Н. «Испытай себя прежде суда»...
(Сир.18:20). (Вниманию моего «новопутейского»
критика г. А. Крайнего) // Миссионерское обозрение
1903 г. № 15. С. 626–630**

Журнал «Новый Путь», объявив войну человеческому ... и подняв красное знамя на смерть всякой порядоч... продолжает свой поход по пути «сверхчеловеческого» ...ства»... На весь «путь» застраховав себя от влияния з... мысли и истинно-человеческого чувства добра и красоты, ... путейцы никак не могут помириться с тем, что к... «бурсачки» дерзают отрицать в них просветителей ро...ловеческого.

«Мисс. Обозр». не раз уже отмечало на своих стран... несравненные нелепости «буесловия» декадентствующих ... «Нового Пути» – и строго научно и с горьким смехом, ...перь опытно познало только истину притчи Премудрого: «не любит распутный обличающих его» (Притч.15:12).

Наш миссионерский орган точно камень на «новом ... и камень преткновенный, досадный, – камень, который н...тейцы не в состоянии обойти, чтобы не толкнуть его ...бою и плюновением. Но для благоразумных понятно по... декадентских путников и горевать нам совершенно из...

В настоящий раз, да извинят мне наши дорогие читатели, касаюсь новопутейской белиберды коротенько и несколько с другой стороны, чем раньше.

В сент. кн. «Нового Пути» (стр. 252–4), Антон Крайний обратил своё крайне сердитое внимание на 11 № «Мисс. Обозр.» и с беспримерно крайнюю голословность выругался для собственного удовольствия по поводу стихотворения – «К открытию мощей преп. Серафима Саровского». И, Боже мой, чего только не нагородил в своей бессильной злобе «Антон Крайний»!

«Антону», видите-ли, не понравилось стихотворение, – не пришлось по вкусу его декадентской просодии что ли, – не знаю, и вот он восстал... автор де стихотворения – «бурсачек побойчее, духовный, но без рясы, чтобы не было препятствий

для приобретения светского лоска», он де обнаруживает «невежество в стихосложении» и «превращает в комичное то, что и для культурных людей, может быть, осталось еще святым» (Антон, видимо, предполагает, что вообще-то культурные люди выше того, чтобы прославлять преп. Серафима!) и пр. под. «Печальный результат миссии среди интеллигенции»! – восклицает Антон. Эх, бедный Антонушка, крайний голословушка! да ужели вам неизвестно ничего о задачах нашей внутренней миссии? Ужели вы полагали, что стихотворение рассчитано на «лоск» и вкусы такой интеллигенции, как вы! Поверьте, что нет: «се оставляется вам дом ваш пуст»... – Вам стихотворения не понять, как ненавистному для жидов животному не уразуметь астрономии... Кто одушевлен был великим и святым событием 19 июля в Сарове, в коем бьется православное сердце, чья душа открыта для благодатного небесного веяния, кто страдает по заблудшей братии, тому стихотворение будет понятно и при возможных просодических недочетах, будет понятно, как «молитва» и «полное ощущение данной минуты». А ваша ругань меня не смущает: я уже «копыто ваше знаю»... «Вообще, делает Антон гениальное сальто-мортале, поразительный *факт* – *отсутствие*¹⁶⁵ первой культуры среди лиц духовного образования... «Семинарист до сих пор утирается стеклом»... Вот так так «вообще»... Ведь скажи Антон это *вообще* в мало-мальски разумном обществе, все бы подумали, что имеют дело с человеком, по меньшей мере, умственно нездоровым. «Во всяком случае хотелось бы верить», что у Антона это «вообще» «рассудку вопреки» *lapsus linguae*. Ведь нельзя же, напр., видеть разумности хотя бы в таком умозаключении: а) Гиппиус, по суду критиков, «позорнейшая и глупейшая стихоплетка» («Нов. Вр.» 19 сент. 1903 г. № 9893, фельет. Буренина), б) Гиппиус женщина, в) заключ. поразительный *факт* – *отсутствие* у женщин всего земного шара конца 19 и начала 20 века ума и поэтического дара! Как вам Антонушка, нравится этот силлогизм? А ведь ваше «вообще», не менее дико. Вот будь у вас побольше семинаризма, вы бы такого «вообще» посовестились. Вы «искренно советуете нам учиться и учиться,

и до приобретения первых сведений не позорить ни себя, ни искусства, ни явлений истинной святости – комизмом своих «светских попыток». За совет спасибо, – «сердце разумного ищет знания» (Притч.15:14).

Только, к нашему недоумению, вы не указали в чём же позор и комизм наших «попыток», и у каких «петухов» нам необходимо поучиться во избежание позора... Надо догадываться у «ваших»: смотри мол, презренный бурсак, нашу поэзию, познай своё ничтожество и учись! Так я и догадался. Нечего делать. Смиренно разворачиваю сент. же книжку «Нового Пути» и впиваюсь в «Двенадцать стихотворений З. Гиппиус» И, Боже мой, сколько в них мысли, вдохновенного чувства и прелести! Некоторые места прямо повергают тебя в благоговение пред музой «новопутейской» поэтессы. Действительно, есть чему поучиться. Напр.:

(См. стих. «Не знаю»).

«Моё одиночество – *бездонное, безгранное*;

Но такое душевное; такое тесное;

Приползло ко мне чудовище, – *ласковое*, странное,

Мне в глаза глядит и что-то думает неизвестное».

Мне думается, чудовище это, разделявшее одиночество г. Гиппиус, родственно глядело в глаза поэтессе и в упоении звуками «бездонной и безгранной» её лиры обезумело и ничего не думало.

«Уйти не смею я... И для меня есть скиния, –

Но я не знаю, где она мне уготована»...

Боюсь рекомендовать лечебную скинию для м-м Гиппиус? А своей настоящей обстановкой она, видимо, недовольна:

(«Пауки»).

«Я в тесной келье в этом мире.

И келья тесная – низка.

А в четырех углах – четыре

Неутомимых паука».

(Течет речка,

Через речку мост;

Бежит овечка,

У овечки хвост.

Очень схоже)!

«Они ловки, жирны и грязны.
И все плетут, плетут, плетут»...

И, вероятно, мешают г-же Гиппиус плести белиберду, то бишь, писать вдохновенные стихи для «Нового Пути».

«Мои глаза под паутиной...
Она мягка, сера, липка
И рады радостью звериной
Четыре толстых паука».

Простите, м-м Гиппиус, паукам: ужели смертное не возрадуется близкому соседству с вами?!

(«Часы стоят»).

«И в лампе не мерцает блестящая дуга.
Я *слушаю молчанье*, как слушают врага».

И Вечности безглазой, беззвучен строй и лад
Остановилось время. Часы, часы стоят.

В упоении поэзией Гиппиус, видимо, и свет, и часы и время приостановились – в роде того, как «прилегли стада».

(«Страх и смерть»).

«И за правду мою не боюсь никогда,
Ибо верю в хотенье.
И *греха не боюсь*, ни обид, ни труда...
Для греха есть прощенье».

Верьте, м-м, и «не бойтесь греха», – для вдохновенных поэтов, как невинных, и греха-то не существует.

(«Костер»).

Я отступаю безоружный,
И для я *праздный разговор*
И *лью я воду* на ненужный
На мой *безогненный костер*».

Зачем вы, несравненная, скромничаете? разве ваша поэзия – *вода*, разве ваш вдохновенный разговор – *праздный* и костер ваш *безогненный*? Смирение – паче гордости! Нам ведь всё видать!

Так вот, видите-ли, у кого, по мнению Антона, надо учиться и учиться... Готовы учиться, только благоволите, почт. Антон, доказать нам, что между пением сирены и бредом пифии на

треноге нет никакой разницы, так как в лирике «Нового Пути» здравый разум неумолимо вынуждает признать явление последнего рода. Поэзия г-жи Г-с далеко непостижимее «утирания стеклом». Внешняя сторона её стиха заставляет невольно предполагать, что муза её – неизлечимая заика или кликуша и при том часто давится. Хорошо бы еще было, если бы новопутейская поэтесса воспевала «пауков», «светлую бездонность», «слушала молчанье», «думала всегда безумную думу», и «лила воду на безогненный костер»; но, «боясь греха» и ответственности, в «уготованной ей скинии», не касалась, при своём «поэтическом помрачении», тем и предметов священных (см. «Белая одежда», «сообщники» и др.), не лезла бы в «чужой монастырь» и не позорила тем женской скромности. А то ведь, право, кощунственно противно и омерзительно... в роде того, как если бы в каком-нибудь непотребном месте пьяная «рабыня веселья», «не боящаяся ни греха», ни стыда, заиграла бы на разбитой балалайке и затянула своим сиплым голосом канон Андрея Критского, пересыпая его временами «конфеткой леденистой» и «пропадай моя телега»...

Мой искренний совет Антону Крайнему и новопутейским поэтам высшей культуры: лечиться и лечиться и до появления первых признаков здравого разума оставлять отведенные для них отделы в «Новом Пути» пустыми страницами с траурными каемками. Других советов не знаю и не даю. Да к тому же всё равно «в злохудожную душу не внидет премудрость». Такая душа мертва для истинной мысли и истинного чувства. Прощайте, г. Крайний, – поправитесь, может быть, еще побеседуем.

Н. Гринякин

Боголюбов Д. Миссионерский обмен мнений по вопросу о почитании св. мощей. (Ответ на «отклик» г. Базарянинова, Мисс. Обзор. 1903 г. № 12) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 631–634

С волнением читал я «отклик» г. Базарянинова на мою беседу с молоканами о святых мощах. Невольно повторял я всё это время: *«много мы все согрешаем»* (Иак.3:2).

Да, мы – миссионеры не имеем еще под собой разработанной почвы; потому часто «претыкаемся». – Так «до сего дне». Что же говорить о деятельности братьев наших 15 лет назад? Тогда в этой деятельности было еще больше тьмы и всяческой «неразборчивости», говоря словами г. Базарянинова.

Я выражусь откровеннее: и 10 лет назад, когда мы выходили на свою борозду, – великую «тугу» миссионерскую переживали мы. Нам приходилось только еще организовать своё дело; брались мы за всё в виде опыта, что попадалось под руки. Понятно, – мы ошибались...

И вот теперь подошло время за всё ответ давать. Братья, позже нас пришедшие в виноградник миссионерский, находят, что мы многое делали не так...

Остановитесь же, друзья, на путях своих и повремените с приговором. Размыслите: не слишком-ли жестоко вы поступаете с нами?

Вы – новые миссионеры вышли на дело тогда, когда на горизонте нашем загорелся свет, хотя и мерцающий. А чтобы вы, – к примеру, г. Базарянинов, – сказали о состоянии миссионерской полемики 10 лет назад?... Тогда каждый изобретал ответы сектантам «на свой лад». Очень естественно, если в этих ответах, от времени, накопилось много ненужного...

Странно, что наш юный собрат забыл это. Но еще удивительней в его речах другое. Пусть бы он *только* изобличал наши немощи «вообще». Он касается *отдельных* лиц и произносит над ними суровый приговор.

Такой приговор г. Базарянинов делает о Михаиле Иовлевиче (М-ве) и *непростительно* ошибается. – Этого

батюшку я знаю очень хорошо, – вероятно, лучше г. Базарянинова. С о. Михаилом мы работали *четыре* года. И по совести скажу, что я ему многим обязан. От о. Михаила я прямо заимствовал приемы ведения бесед. Думаю, что не без греха в этом отношении г. Базарянинов!...

Скажите же, «мой дорогой собрат, ужели в речах Михаила Иовлевича вы слышали «один туман»? Или вы просто написали то, о чём слышали от сектантов?...

Я, конечно, не говорю, что Михаил Иовлевич не ошибался, «не ошибается только тот, кто ничего не делает». Но сказать: что молокане избегают Михаила Иовлевича за «туман» в речах, – это смело и жестоко. Причины у этого явления сложнее и глубже лежат.

Молокане чувствуют, что им «не зашибить» своего умного «батьку». Они «задубели», как писал о них другой тамбовский священник. Обличений они не любят. Они «разглагольствуют» охотно только с *новичками*, о которых думают, что «с этими господами еще можно толковать». Вообще же «глубину» в изъяснении слова Божия любят.

Поверьте, г. Базарянинов, что дело *именно* так обстоит с козловскими молоканами.

Но, сокращая речь, буду говорить только о себе. И у меня г. Базарянинов нашел «неразборчивость» в миссионерских доказательствах, – «промахи», как он иначе выражается (стр. 217, № 12 Мисс. Обзор. 1903 г.).

Обвинение это приемлю со смирением и постараюсь *кратко* обсудить его.

Г. Базарянинов считает «непрямыми путями миссионерства» то, что находится в моей книге на стр. 66–67. На этих страницах речь идет о крещении младенцев. В чём же тут «непрямота» моя или «неразборчивость» в доказательствах?

Г. Базарянинов, очевидно, полагает, что нельзя *обосновывать* истину крещения младенцев по моему способу. Он *думает*, что «святыми» Апостолы называют *некрещеных* детей.

Но я спрошу г. Базарянинова: если дети святы, т. е. *освящены* благодатью Божией без крещения, – зачем их крестить в младенчестве? С другой стороны: где в *новом завете* *некрещенные* дети или взрослые люди называются святыми?

Г. Базарянинов в своей заметке не разъясняет «по новому» этих вопросов; а потому речь его не имеет практически-миссионерского значения. Эта речь, в силу указанного недостатка, отличается *бездоказательностью* и – да простит мне коллега! – соблазнительностью для людей малоопытных.

Последую дальше за г. Базаряниновым. Он пишет: «уверяю Димитрия Ивановича, что Ев. Матфей в Мф.27:52 вовсе не свидетельствует о нетленных телах святых» (стр. 217). О каких же телах он там говорит? об этом г. Базарянинов ничего не утверждает, а, следовательно, не отвергает *обычного* миссионерского доказательства. Если же так, – нам – миссионерам нет оснований бросать его.

Впрочем, выбивая нас с позиции, г. Базарянинов рассуждает, что «мы знаем» о воскресении смердящего тела Лазаря: то же дескать тело, а тронутое тлением!

Да, – мы это знаем; но в Евангелии буквально не сказано, что «Господь воскресил *тело* Лазаря». Напротив, – видел, что тело это было уже смердящим, а, следовательно, *трупом*. Тогда как о «телах святых», воскресших в час смерти Христовой, не написано, что они восстали *из праха*. Это для нас важно и с занятой позиции г. Базарянинов нас на один шаг не трогает.

Правда, сектанты оспаривают Мф.27:52, когда это место православные приводят в защиту своего понятия о не тленных телах; но чего сектанты не оспаривают?... Пусть же это свидетельство будет хотя бы и *косвенным* подтверждением православного вероучения и это важно...

В конце заметки г. Базарянинов спрашивает: «откуда взял Димитрий Иванович», что кости Елисея были нетленным телом, «это его тайна» (– стр. 218).

Отвечаю: никакой тут тайны нет. Пр. Сирах прямо говорит, что «*тело*» Елисея пророчествовало. На этом свидетельстве «старые миссионеры до сих пор основывались. Это

свидетельство ярко и сильно, несмотря на его неканонический характер...

Г. Базарянинов замечает: «слово тело еще не дает мысли о нетлении»... ибо «и разлагающееся тело мы всё еще назовем телом»...

Это едва-ли справедливо. Разлагающееся тело, обычно, зовется трупом, почему говорится: «трупный покой», «трупный яд», «трупия раб твоих»...

Если же пр. Исаия говорит: «*восстанут мертвые тела*» (Ис.26:19), то в Библии для этого выражения предполагается особая картина. Эти тела творческим действием Божиим будут образованы из праха (1Кор.15:42–44). О теле же пр. Елисея у Сираха сказано, что оно, до общего воскресения, «пророчествовало». Так. обр. *разлагалось-ли* оно? Об этом в Библии *нет данных*. А при малочисленности наших библейских опор в вопросе о св. мощах, – свидетельство о «теле» Елисея навсегда останется не только важным, но *классическим*.

Неудивительно поэтому, что редакция Мисс. Обозр., дав место вашему лиризму, г. Базарянинов, приложила к книжке журнала «Листок о св. мощах», – где все названные доказательства приводятся исправно. Тем самым редакция не двусмысленно произносит приговор над вашими рассуждениями...

Со своей же стороны заключу речь пожеланием: вы, г. Базарянинов, ужасаетесь тому положению, в котором находится противосектантская полемика. Вашему уму рисуется лучший порядок вещей. – Изобразите же созерцания ваши в статьях, – дайте нам «новое» руководство для борьбы с сектантами и мы все вам будем безгранично благодарны.

Д. Боголюбов

Хроника

**Миссионерство, секты и раскол (К вопросу о причинах происхождения сектантства. – Отчего появилась штунда на Волыни? – Что тормозит энергию духовенства. – Ко дню 50-летнего юбилея (29 сентября) Преосвященного Афанасия Архиепископа Донского и Новочеркасского. – Успехи единоверия на Дону. – Нижегородская раскольничья вольность и преступные ухищрения)
// Миссионерское обозрение 1903 г. № 15. С. 635–648**

Было время, когда и исследователи, и пастыри всю вину появления и укоренения штунды сваливали на «немца» колониста и другие внешние обстоятельства, закрывая глаза на внутренние, домашние причины. К последним относятся наличные условия церковно-просветительной жизни приходов, зараженных штундой. Покойный проф. Коялович на магистерском диспуте протоиерея Рождественского, автора известной книжки «Южно-Русский штундизм», ставил в вину почтенному автору, что у него оставлен без обследования вопрос о состоянии храмов, богослужения, личности и достоинств бывших в штундовых приходах пастырей. Немец несомненно завел штунду на Руси, но распространили и укоренили её внутренние условия церковно-приходской и пастырской жизнедеятельности. Отрадно, что теперь и сами пастыри не закрывают глаз на эти причины и вины своих собратий, а это признание важный шаг вперед на пути к устранению внутренних недостатков. Пред нами два таких признания. Одно принадлежит, священнику-миссионеру Волынской епархии о. Левицкому, пишущему о сем в Волынских Епархиальных Ведомостях. Другое анонимному автору статьи в газете Заря, по-видимому, близко знающему духовную среду.

Вот что сообщает о. Левицкий о том, «отчего появляется штунда в деревнях».

Главную причину появления штунды в приходе Дашенке (близ Житомира) нужно искать в тяжелых обстоятельствах

давнего времени, когда бедные крестьяне названной деревни не имели у себя ни церкви, ни школы, ни своего священника и учителя, а находясь в 7 верстах от самостоятельного, в местечке Горошках, многолюдного прихода (до 6000 душ), где, за дальностью расстояния, а в особенности за мало вместительностью храма (на 400), они не имели возможности бывать, как люди из более отдаленной деревни, ибо небольшой храм не вмещал многих крестьян из самостоятельного в местечке прихода и его ближайших деревень, а потому большинство крестьян деревни Дашенки не посещали храма и не молились в нём, не знали они и школы и не видели добрых плодов от неё, мало видели они и приходского священника и мало знали его. Предоставленные сами себе, они пошли по распутьям мира и на помощь к ним явились лукавые лжеучители и развратители, которые своею хитрою и зловредною наукою совратили легковверных крестьян села Дашенки в свою секту, а те, отступив от св. Церкви с её богослужением и св. таинствами, отвергли и православную веру. Таким образом появилась в приходе страшная зараза и крестьяне с каждым годом больше и больше совращались в эту пагубную штунду. Зло сильно распространялось и почти все крестьяне Дашенки и даже лучшие прихожане были заражены духом вольномыслия и неверия. – На это зло в православном приходе обратил своё внимание почивший архиепископ волынский Модест, благословивший в селе Дашенке в 1894 году построить храм Воздвижения Креста Господня, и большое здание для церковно-приходской школы с квартирою священнику-учителю и дом для псаломщика. Освящая новый храм, архипастырь наставлял зараженную сектантством паству – и затем вне храма – на церковном погосте беседовал со штундистами. – И теперь, с устройством храма и школы и с назначением особого для прихода священника-учителя, воссиял свет Христов в этом странном месте мрака и неверия. Под добрым влиянием церковных богослужений и молитв, явились теперь и лучшие люди в приходе, которые начинают усердно посещать храм Божий и здесь со вниманием слушают церковную службу и многие из них с благоговением совершают

молитвы. Правда и теперь есть еще между православными сомневающиеся в вере, которые в прежнее время сильной сектантской заразы имели быть соvrащенными в штунду, но в настоящее время и такие прихожане, под влиянием церковных богослужений и наставлений духовных руководителей и пастырей, изменяют свой взгляд и хотя являются слабыми прихожанами, неаккуратными к посещению храма Божия и невнимательными к посильному пожертвованию на благолепие его, но не в далеком будущем при усердии и старании приходского священника, приготовившего себя в миссионерской школе для этой важной деятельности, можно надеяться, что всё в Дашенском приходе изменится к лучшему, ибо священник; учитель с добрым успехом, при помощи Божией, будет работать на ниве Христовой во славу Божию и для блага, просвящения и спасения своей паствы.

Дай Бог! Но и при этих условиях необходимо более живое и деятельное отношение к миссионерству со стороны Волынского приходского духовенства, которое, сколько нам ведомо, нимало не остерегается штундового врага, пробирающегося на его пажити из соседних Киевских палестин...

Корреспондент «Зари» проводит тот же взгляд на причины появления другого вида сектантства – мистического хлыстовства и скопчества. Автор и здесь обвиняет священников в неудовлетворении религиозной жажды народа, но он в тоже время и весьма участливо справедливо оправдывает пастырство. Вот эти интересные, наводящие на глубокое раздумье рассуждения автора.

Не особенно давно мне пришлось быть в Тамбовской губернии. Там сильно распространено сектантство – особенно скопчество. Судебный следователь, с которым я по этому поводу беседовал, глубоко убежден, что главный корень зла таится в отчуждении крестьян от своего духовного пастыря и отца.

Человеку присуще искать Бога... Бог нужен человеку и особенно простолюдин любит, чтобы ему говорили о Нём..., чтобы его просвещали. «Мы люди темные» – любимая

поговорка крестьян и они, действительно, как «темные», присутствуют при службе церковной, не понимая её.

Вот из-за этой непреодолимой жажды постигнуть «что-то», поговорить о Боге... о душе... о том, «как с грехами быть» – народ идет на беседы к главарям разных сект. Они всегда его примут и «побеседуют», удовлетворят его страстное легальное желание. Выходит, что будто бы это и ничего, но, в сущности, темнота попадает в ловушку. Ей навязывают и выдают за учение Христово правила и мысли, ничего общего с Евангелием не имеющие; к тому же, у большинства таких темных людей нет ровно никаких личных убеждений по религиозному вопросу, и они, не сознавая, что делают, переходят в секты, где или требуется от них скопчество или, наоборот, самый безобразный и откровенный разврат.

Знакомый мне следователь, проживший в своём участке очень много лет, крепко убежден, что народ бросается в сектантство, ища Бога, желая беседовать о Боге. Чего бы, кажется, проще завести для этого в каждом селе нравственно-религиозные беседы, которые так хорошо привились даже в таком содоме, как Петербург?...

Но это только кажется легко, а на деле почти неосуществимо при нашем бедном сельском пастыре, забитом судьбой и жизнью. Для бесед надо иметь время и даже очень много свободного времени: надо, во первых, подготовиться к ним. Всем известно, что умственные... имеет широкие требования, а главное из них – душевное спо... Трудно иметь это спокойствие бедному сельскому священнику, которы... запряженная кляча, изнемогает под тяжким бременем нужд... имеет свободного часа не только для подготовки к беседе, но... для самой беседы. И вот сектантство растет и растет.

Когда-же на это обратят, наконец, достойное внимание ...шаг положение нашего забитого и многострадального сельского ...ника?... Его осуждают... против него восстают; он пьянствует ... не на высоте своего призвания... Отчасти, это верно, но... в 3... огрубелости кто виноват и тяжело виноват?... Конечно, и конечно ...

Надо войти в положение всякого человека. Христос, послав на проповедь учеников Своих, сказал про них: «трудящийся достоин пропитания»; но у нас, при вознаграждении от казны трудов сельского священника, совершенно забыты эти слова Христова. У нас с мозолью на руках достает себе и семье своей это пропитание сельский священник.

Дай Бог, чтобы почаще на столбцах светской печати появлялись такие справедливые и честные суждения о быте нашего духовенства, – капля камень долбит... Авось и многострадальное духовенство когда-нибудь дождетя облегчения своего положения

* * *

29-го сентября текущего года исполнилось 50 лет служения св. Церкви и отечеству высокопреосвященнейшего Афанасия архиепископа Донского и Новочеркасского. Св. Синод, вследствие ходатайства преосвященного Иоанна, епископа Аксайского, викария Донской епархии, разрешил отпраздновать юбилей владыки Афанасия 28–29 сентября. Духовенство, духовно-учебные заведений Донской епархии, и вся признательная юбиляру Донская паства торжественно праздновала юбилей своего маститого Архипастыря

Наш миссионерский орган считает своим долгом освятить на своих страницах этот редкий архипастырский юбилей, как праздник нашей внутренней миссии, так как высокопреосвященнейший Афанасий на всех местах своего служения учительского, пастырского, законоучительского и, наконец, архипастырского всегда ревностно стоял на страже утверждения православной истины, высоко держа знамя православия и державности; он всегда вникал в дела внутренней миссии, и в Донской епархии в течение девяти лет его архипастырского служения поставил организацию и вообще дело внутренней миссии на такую высоту, что Донская епархия в этом отношении является образцом для других епархий.

Высокопреосвященнейший Афанасий (в мире Василий Михайлович) сын священника Полтавской епархии М. Холмутца, Миргородского уезда, родился 1-го января 1827 года. Первоначальное воспитание Василия Михайловича прошло под

руководством его родителей – в строго церковном духе, под благодатным покровом св. Церкви. Первоначальное обучение он получил в Дубенском духовном училище, продолжил его в Переяславской духовной семинарии и закончил в Киевской духовной академии. По окончании курса в академии, в 1853 году, он начал свою общественную службу и более 30 лет до возведения в сан епископа подвизался в Кишиневе в разных должностях и званиях: инспектора духовного училища, смотрителя училища (с 1858 г. в сане священника), законоучителя мужской гимназии (с 1861 года) и члена Кишиневской духовной консистории (с 1864 г.) и, наконец, ректора духовной семинарии (с 1875 года). В 1885 году он был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В том же году хиротонисан во епископа и назначен был епископом Новгородсеверским, викарием Черниговской епархии. В 1889 году преосвящ. Афанасий был перемещен на вновь открытую кафедру епископа Сарапульского, первого викария Вятской епархии. Население этой епархии очень разнообразно по своему вероисповеданию: здесь обитает много раскольников, язычников и магометан. Преосвященному Афанасию, ранее в должности законоучителя и ректора много потрудившегося в деле насаждения здравых христианских понятий в светском и духовном юношестве, пришлось выступить на поприще прямой миссионерской деятельности среди овец, не сущих во дворе Церкви, и дать первоначальную организацию местной внутренней и внешней миссии. По устройении всего необходимого для жизни и деятельности вновь учрежденного викариатства, преосвященнейший Афанасий в 1891 году был призван к самостоятельной архипастырской деятельности в Екатеринбургской епархии, занимающей среди других ... одно из первых мест по количеству проживающих в ней старообрядцев. Здесь трудами и заботами преосвященного Афанасия в 1893 году была надлежаще организована противораскольническая миссия. Подысканы и привлечены к деятельности способные к миссионерству среди раскольников лица, и исходатайствовано учреждение должностей епархиального миссионера и... окружных. Об этой деятельности

его преосвященства в «Миссионерском Сборнике» лицом хорошо знакомым с устройством миссии в Екатеринбургской епархии в то время дан такой отзыв: «Преосвященный Афанасий тактично поставил на ноги юное детище-миссию и дал тон последующей деятельности миссионеров. При нем была заведена миссионерская библиотека и производилось множество бесед. Наконец, что важнее всего, сам архипастырь являлся лично на публичные беседы... в Екатеринбурге, произнося в обширном зале земской управы своё святительское слово увещания заблудших, в присутствии тысячной массы народа... Миссионеры и лица, бывшие миссионерами при высокопреосвященном Афанасии, доселе сохранили о нем в своих сердцах благодарную память» (1902 ... стр. 297–298). Об одном из таких собеседований со старообрядцами очевидец так пишет в местных Епархиальных Ведомостях: «В воскресенье, 2-го января, в зале У... Земской Управы состоялось первое в настоящем году (1...) собеседование со старообрядцами. К началу собеседования в 4 часа по полудни, прибыл в Управу Его преосвященство, преосвященнейший Афанасий. Встреченный миссионерами Владыка проследовал в зал управы... Преподав православному народу своё святительское благословение, Владыка произнес речь об истинном пути по спасению и вечному блаженству. Слушателей православных и старообрядцев, было до 1000 человек, так, что обширный зал Управы едва мог вместить всех желающих присутствовать на собеседовании. Чувство душевной о..., сердечного удовольствия вызывала эта тысячная толпа ... обоего пола, разных возрастов, сословий и, наконец, р...ных убеждений, стоя выслушивавшая, почти в течен... слово любви православного Архипастыря. Чувствовалось, что беседовал отец с детьми, не только присными, но и ушедшими «в страну далече», – тихо, кротко и любвеобильно говорил Архипастырь не только своим овцам, но и тем, «их же подобает привести» (Екатер. Еп. Ведом. № 3, за 1854 год). Так близко и дорого было дело местной миссии преосвященнейшему Афанасию, епископу Екатеринбургскому!

12-го ноября 1894 года преосвященнейшему Афанасию Высочайше повелено быть архиепископом Донским и Новочеркасским, – Первосвятителем Донской епархии, насчитывающей в своих пределах свыше 150 тысяч раскольников, свыше 28 тысяч калмыков-мемонтов и уже значительно зараженной в то время тлетворным адом штунды и хлыстовщины. На Донской кафедре миссионерская деятельность архиепископа Афанасия достигла полного своего расцвета. Многолетний опыт руководства делом миссии в епархиях Черниговской, Вятской и Екатеринбургской, сделав дело миссии весьма дорогим и близким сердцу Владыки, выработал в нём то глубокое убеждение, *что первым и главным условием миссионерской деятельности как противораскольнической, так и противосектантской является непрестанная забота об утверждении веры и нравственности в православной пастве и всемерное старание о духовном возрастании её в уразумении православной истины и в любви и преданности Церкви.*¹⁶⁶ Поэтому он прежде всего позаботился об образовании новых приходов в Донской епархии, об устройении благолепных храмов, которыми Донская епархия была очень бедна в то время. За последнее время Архипастырем устроено и освящено свыше 50 храмов, служащих теперь центрами религиозно-нравственной жизни такого же числа самостоятельных приходов.

В глубоком убеждении, что религиозно-нравственное просвещение в духе православной Церкви есть первое средство к православной истине и к укреплению любви к Церкви, Владыка особенные свои заботы всегда посвящал благоустройению церковно-приходских школ, которые теперь сплошной сетью покрыли почти всю Донскую область. Не забывал Владыка и не оставлял без внимания и иных овец, яже не суть от двора православной Церкви и блуждают по стопам и распутиям раскола и пагубных лжеучений. Многолетний опыт миссионерской деятельности сделал для Владыки очевидною ту истину, что наиболее пригодными и способными в деле вразумления глаголемых старообрядцев являются лица,

выходящие из среды самих же раскольников, которые сами испытали всю глубину мятущейся совести, тщетно ищущей удовлетворения в хитросплетениях старообрядческих лжеучителей. Поэтому Владыка главное своё внимание обращает на привлечение и подготовку борцов с расколом из среды народа. (Все шесть окружных миссионеров в Донской епархии назначены из лиц, обратившихся из раскола и с большим успехом подвизаются на миссионерском поприще). В видах подготовки к миссионерской деятельности начетчиков из народа, архиепископом Афанасием в 1896 году учреждена в Донской епархии миссионерская школа, давшая уже два выпуска питомцев, из которых многие с пользою трудятся на миссионерской ниве. В настоящее время Владыкою возбужден вопрос о расширении программы школы и об открытии доступа в неё большему числу лиц – чрез ежегодный прием учащихся и о предоставлении права поступать в неё стипендиатами других епархий.

Миссионерская школа – любимое детище Владыки. Он всегда присутствует в ней на экзаменах и ревностно заботится об её процветании. Считая весьма дружественною мерою для привлечения и обращения старообрядцев на путь единения с православной Церковью учреждение в епархии единоверческих приходов, Владыка заботился об открытии таких приходов и в особенности о надлежащей подготовке кандидатов на священнослужительские места в этих приходах, так как теперешний клир в них не всегда стоит на высоте своего призвания. В виду несомненной пользы собеседований со старообрядцами и сектантами высокопреосвященный Афанасий увеличил состав местной миссии учреждением новой должности епархиального противосектантского миссионера. В настоящее время высокопреосвященнейшим Афанасием возбужден вопрос об открытии двух новых должностей окружных миссионеров и помощника противосектантского миссионера, об учреждении в Донской епархии епархиального миссионерского комитета, как централизирующего органа местной миссии, об открытии в «Епархиальных Ведомостях» особого отдела: «Раскол и Сектантство», каковой отдел явится органом миссионерского

комитета. В пунктах, зараженных сектантством, устроены, благодаря заботам Владыки святые храмы и в состав их причтов назначены лица с миссионерской подготовкой, открыты церковно-приходские школы с миссионерским преподаванием в них Закона Божия, в школах организованы религиозно-нравственные чтения и ведутся миссионерские собеседования. Сам Архипастырь во время своих объездов Донской епархии с особенным вниманием относится к местностям, зараженным расколом и сектантством, произносит здесь поучения к заблудшим и вступает с ними в собеседования. Донским Владыкой положено прочное основание и для озарения светом истинной веры калмыков-мемонтов. В самом центре языческой тьмы и идолослужения, где находится главный калмыцкий клирум и где сосредоточено главным образом пребывание калмыцких жрецов, при урочище Гремучий колодезь, благодаря трудам и настояниям Владыки устроен и освящен в 1899 году храм, к которому назначен причт из лиц, получивших специальную подготовку к миссионерской деятельности среди калмыков.

В сентябре 1902 года, по мысли и благословению высокопреосвященнейшего Афанасия, состоялся первый Донской епархиальный миссионерский съезд, который Владыка открыл своею речью, в коей прекрасно изобразил состояние просветительно-миссионерской деятельности в Донской епархии и её нужды. Все постановления съезда Владыка утвердил, и по некоторым пунктам их, касающимся улучшения дела миссии в Донской епархии, уже вошел со своим ходатайством в Св. Синод.

Приветствуя маститого Донского Владыку с исполнившимся пятидесятилетием его служения святой Церкви, «Миссионерское Обозрение», как орган внутренней миссии, не может не высказать своего сердечного желания, чтобы благодетель Владыка Донской еще многие и многие годы светил на свещнице Донской епархии, которая в особенности нуждается в таком благопопечительном к нуждам местной внутренней миссии Архипастыре.

О.

* * *

Нижегородский раскол, привыкший к вольностям в блаженное для него управление губернией покойного генерала Баранова, теперь доходит до такого преступного своеволия, что как будто бы для нашего раскола не существует ни законов, ограждающих господствующую Церковь, ни власти, наблюдающей за исполнением сих законов. Примеров в доказательство, как велики ухищрения и беззакония вольности нижегородских раскольников, можно привести множество, но на сей раз останавлиюсь на деяниях Елховских раскольников.

Жители села Елховки все вообще, за малым исключением, народ очень темный, неразвитой, невежественный и крайне суеверный, просвещения сторонится; посему представляет из себя очень хорошую почву для сеяния раскольнических плевел, дающих обильные плоды на почве невежества. Раскольнические коноводы австрийской секты, благодаря темноте народа, энергично здесь действуют против православной Церкви около сорока лет. За это время успели крепко насадить в головы почти всех православных самые нелепые понятия о православной Церкви. Укреплению этих понятий, к сожалению, не мало послужили и православные служители Церкви, с одной стороны, пассивным отношением к действиям раскольников против православной Церкви, с другой, соблазнительной жизнью. Следствием всего этого явилось то: раскол, обитавший здесь в двух домах и состоявший из нескольких человек, стал быстро расти и, благодаря вышеупомянутым причинам, достиг внушительной цифры до 500 человек обоего пола. Православная Церковь, в лице своих служителей, среди народа не стала иметь почти никакого авторитета. Народ, защитников православия слушает с недоверием. Наоборот, к расколу прислушивается, ибо питает к нему доверие. Недавно сюда прислан новым нижегородским архипастырем добрый пастырь и опытный миссионер.

Приезд в село Елховку миссионера взволновал раскольников, православных ободрил. «Нам прислали врача», слышалось от православных; от раскольников: «пришло последнее время, приехал губитель», по мнению одних, сам

антихрист, по мнению других, его предтеча или только лжеучитель. Вообще, православные и раскольники были в ожидании бесед. Особенно сильно хотелось раскольникам скорее узнать, в какой мере опасен новоприезжий миссионер. В великий пост, на первой неделе, назначена была беседа священником о. А. Кавлейским. Последний для этой цели приехал в первое воскресенье великого поста. Раскольнические начетчики, в сопровождении своих единомысленников, явились шумною толпой и заявили, что желают беседовать «с нарочито-присланным миссионером». О. Александр ответил: «беседа назначена мною, а у миссионера свои беседы». Раскольники, пошумев, беседовали с о. А. Кавлейским. После беседы, раскольники стали похваляться пред православными: «вот так миссионер, не стал и беседовать, испугался Скоковых то (местные австрийск. секты начетчики), а попробуй он, так они ему молокососу дух выпрут». На следующей неделе раскольники прислали мне записку, прося непременно назначить в следующее воскресенье беседу. Я ответил, что беседа будет, предмет беседы: «о вечности Церкви Христовой с трехчинной иерархией и семью таинствами». Беседа состоялась в местном храме при большом количестве слушателей и, благодарение Богу, была из удачных, на раскольников произвела неприятное впечатление. Последние на меня озлились и стали клясть, ругать, клеветать и грозить побоями и изгнанием меня из Елховки. Правда, раскольники не все озлоблены и фанатично преданы расколу, есть из них более или менее беспристрастные, которые стали прислушиваться, заговаривать со мной и даже заходить ко мне на квартиру побеседовать. Да и ярые раскольники, заметно было, стали притихать, ибо такой свободы, как прежде – лгать и клеветать на православную Церковь, не стало; многие из православных стали понимать лживость раскольнических обвинений, чему много способствовали и способствуют явившиеся у меня помощники из мирян – мужчины и женщины. Особенно ревностно трудятся: хозяйка моей квартиры, вдова (дочь раскольницы австрийки) и молодой (19 л.) человек, сын богатых родителей, Николай Башляев. Последний приобрел все,

необходимые для борьбы с расколом, полемические книги, запасающиеся некоторыми и старопечатными, и настолько полюбил это святое дело, что решил (единственный сын у отца) презреть материальное богатство и посвятить себя на служение православной Церкви в качестве миссионера, для сего надеется испросить у своих родителей позволение поступить учиться в Вятскую миссионерскую школу.

Но наступившая тишина скоро сменилась большим против прежнего шумом и озлоблением раскольников против Церкви православной. Причина, заставившая раскольников принять такой для православной Церкви печальный оборот, заключается в следующем: перед новым годом раскольники получили предписание (вероятно от Швецова лжеепископа) находящуюся здесь моленную перестроить (хотя она очень недавняя, лет 15 как построена), что раскольники не замедлили как можно скорее привести в исполнение. Началась подвозка леса и других материалов, явились плотники, кровельщики, работа закипела и к Пасхе из моленной, похожей на амбар с вставленным прямо в крышу крестом, явилось здание, похожее на церковь-школу, крытое железом, с довольно большой главой и двумя крестами: один на главе, а другой на крыше над крыльцом. Затем стали ходить упорные слухи, что еще не это будет, именно: повесят колокола и будут звонить, делать крестные ходы и проч. Одним словом – сравняются с нами, а в благолепии превзойдут «Никониан». И тогда (говорят раскольники) все пойдут без беседы в нашу веру. Ибо теперь им делать всё позволил «батюшка Царь», который полюбил их веру и просил Швецова (будто бы бывшего у Государя лично) помолиться о нём, чтобы Господь привел его перейти в их (австрийской секты) веру. Вдовствующая Императрица будто бы уже перешла в их веру (т. е. в раскол). Такими лживыми речами раскольники смущают православных. Православные, видя устройство моленной с главой и крестами и слыша вышеписанные рассказы, возмущены до крайности (а некоторые соблазнены) и недоумевают, что сие? Одни говорят: «уж не антихрист ли пришел». А раскольники продолжают лгать о дарованной им свободе и преступно бравировать пред православными,

облыжно утверждая, что у них имеется якобы манифест, будто бы собственноручно Государем писанный. Этот манифест местный лжепоп читал своим прихожанам на Пасхе после вечерни. На вопрос православных: почему это такого манифеста нет у нас или почему начальство, если у него есть такой манифест (раскольники уверяют, что есть), нам его не объявит, раскольники отвечают: время не пришло, вдруг невозможно, архиереи, попы и миссионеры взбунтуются. Государь нам сказал: стройте и всё делайте, но только не везде, на вас будут подавать в суд, но суд оправдает и когда суд оправдает, тогда на основании решения суда стройте и всё делайте по всей России.

Мысли настолько дерзкие и преступные, что им, по-видимому, еще не вполне доверяют и сами раскольники. Ибо, хотя и сделали опыт, выстроили главу и наставили крестов, но колоколов еще нет (говорят, что они уже куплены Спасским богачом Матяевым). Ждут суда, для защиты наняли адвоката, говорят, знаменитого. Решит суд в их пользу, тогда повесят колокола и прочее, но уж не только в Елховке, а по всей России.

Таким образом Елховские действия раскольников есть проба. Если проба будет удачна, то те же действия повторятся повсеместно в России.

Насколько велико озлобление раскольников к православным, приведу следующее: на Фоминой неделе раскольник сильно избил православного за то, что тот назвал местного лжепопа мужиком. Другой раскольник приходил к дому православного священника, просил денег и вина, но, получив отказ, стал ругаться и кидать камнями в дом священника, которому пришлось обратиться к сельской власти за помощью. Раскольники не стыдятся столь бесчинных своих поступков и на слова православных, что так делать не хорошо, отвечают: еретиков нужно бить, ибо есть писано «заусти еретика да освятится рука»; нам теперь власть, вот мы доберемся еще и до миссионера, достанется ему, выдерем все волосы на голове и бороде, да и тому достанется, кто его держит на квартире. На замечание православных, что за подобные действия можно попасть в острог, раскольники отвечают: за еретика то в острог,

нет, это прошло, нам теперь власть дала свободу. Слова: власть, свобода затуманили головы не только ярых фанатиков, но и беспристрастных.

Для пропаганды раскола у раскольников имеются многие способы, которыми они стараются если не совратить, то хотя охладить православных к своей матери св. Церкви. У них целый штат начетчиков и начетчиц, снабженных новейшими произведениями Швецовско-Усовской подпольной литературы, которые благовременно и безвременно нападают на темных, невежественных православных и дают им для чтения Швецовско-Усовские произведения. Затем раскольники здесь часто делают поминальные обеды, на которые приглашают и православных. На обедах тоже ведется пропаганда, словом и делом, делом в виде платка, ситца на рубаху, обуви и проч. Обеды начинаются и кончаются «истой» продолжительной молитвой. Раскольники зазывают православных за службу в надежде прельстить истовой обрядностью и благолепным украшением моленной, которая по внутреннему виду не уступает богатому православному храму. В моленной совершается не спешно, без опущения, вполне по уставу, служба с певчими на 2 лика под управлением учителя пения, присланного из Москвы. Раскольники поняли, что на простой народ сильно действует внешность. Они говорят: пожалуй ему доказывай, он всё холоден, а как придет в моленную, посмотрит и послушает, так и согреется, сердце расступится, тогда укажут: на персты, клятвы, хулы; а в противовес моленной – на бедный украшениями и ветхий Елховский храм с небрежным, поспешным, с опущениями против устава богослужением, а в зимнее время с 20 и более градусным и в теплой одежде леденящим кровь морозом. Не преминут раскольники коснуться и священнослужителей, укажут на своего местного лжепопа, не мздоимчивого за требоисправления, в противовес поставят православных служителей, позволяющих себе при крайней бедности прихода выпрашивать за требоисправления.

И такие речи православных приводят в соблазн. К сожалению, приходится признать, что соблазн имеет свои действительные, не придуманные основания. У раскольников

благотворная и теплая молитва с примерно-уставной службой, а у православных холодная, ветхая и бедная украшениями храм со службой, совершаемой со значительными (особенно в холодное время) отступлениями от устава. Сравнение очевидно в пользу раскола и во вред православию. При изложенных условиях и дело миссии не будет плодотворным, доколе у православных не будет теплого и достаточно благолепного храма с вполне уставной службой.

Изложенные сведения есть результат наблюдений за время годового пребывания миссионера Савельичева в селе Елховке.

Со скрижалей сердца

**Сын Церкви православной. По поводу ответа о.
Иоанна Кронштадтского гр. Льву Толстому.
(Назидательная полемика) // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 15. С. 649–655**

Некто Лев Куперник, – еврей по происхождению, христианин по метрике, адвокат (весьма известный) по профессии, возревновав о славе яснополянского сугубо почитаемого еврейскою интеллигенцией «великого равви», вздумал поострить над недавним ответом благоговейно чтимого всею Русью христианского пастыря гр. Льву Толстому. Г. Куперник напечатал в «Киевск. Газете» статейку под заглавием «Образцовая полемика», и получил «от сына прав. Церкви» на свою недостойную выходку вполне заслуженную отповедь, помещенную в другой Киевской газете – в «Киев. Слове».

Вот эта сколько интересная, столько же и поучительная полемика.

Думал-ли г. Куперник о том, что своей статьей в «Киевской Газ.»: «Образцовая полемика» он ставит себя в смешное положение того сапожных дел мастера, который зашел в студию великого маэстро посмотреть произведение художника, и, увидев на картине сапоги, с апломбом сапожных дел мастера решил, что носки могут быть уже, а каблук должен быть выше?... Г. Куперник знает, что представляет собою в глазах верующих православных русских людей личность о. Иоанна Кронштадтского. Он сам говорит, что «имя протоиерея Иоанна Сергиева знакомо русским людям: он славится набожностью, благотворительностью, молитвенною помощью недугующим и отзывчивостью на все жизненные явления, обнаруживаемую в проповедях и писаниях». Но если русские люди смотрят так на о. Иоанна, то г. Куперник имеет здесь собственный свой взгляд, выработанный собственным его ремеслом. Он не благоговееет пред набожностью о. Иоанна, не преклоняется пред благотворительной деятельностью, не прибегает к его молитвенной помощи, не прислушивается к его отзывам на важнейшие явления духовной жизни, – нет: г. Куперник

обращается к о. Иоанну, заранее предвкушая наслаждение увидеть «пример настоящего изображения сапога.... виноват – пример настоящей полемики». И увидел г. Куперник и «разочаровался»...

Где же причины столь горестного разочарования человека, жаждавшего, по-видимому, узреть свет в современных дебрях литературной полемики?

О. Иоанн, по мнению г. Куперника, «в полемике с гр. Толстым допустил прискорбные приемы: брань, голословность, неверность цитат»... Начнем с того, что никто из читавших «Ответ пастыря Церкви Льву Толстому на его «Обращение к духовенству» не станет искать в нём того, что требуется от сочинения в строгом смысле научно-полемического. Нужно-ли уверять г. Куперника, что не всякий ответ есть полемика, и если г. Куперник приступил к чтению ответа о. Иоанна с желанием увидеть пример настоящей полемики и разочаровался, то в этом прискорбном обстоятельстве менее всего повинен о. Иоанн. Ни в одном из своих многочисленных писаний о. Иоанн не прибегает к тем формам сочинений, которые по теории словесности могут быть названы полемическими. Он никогда не рассматривает всесторонне и обстоятельно тех вопросов и положений, которые составляют предмет его бесед с паствою. Он не считается с мнениями, доводами противника, – он только их подчеркивает, указывает на них, сопровождает своими замечаниями. Он пастырь Церкви прежде всего и больше всего и «обычая спорить не имеет» (1Кор.11:16). Он говорит с верующими, которые не требуют от него ученых рациональных доказательств основных истин веры и опровержений противника, – говорит о неверующих и иномыслящих, как ревностный пастырь своего стада, «сильный, по данной ему благодати, противящихся обличать» (1Тим.1:9). Это не полемика, не спор, а увещание, очень полезное и желательное для одних, обличение, хотя и резкое и горькое для других. Что ответ о. Иоанна не полемическая статья, уснащенная всевозможными доводами, это видно от начала и до конца её. «Русские люди, хочу я вам показать безбожную личность... Слушайте, слушайте, православные, что заповедует

духовенству всех стран русский Лев... Слушайте далее, что говорит Толстой о Новом Завете, т. е. Евангелии. Слушайте, что далее говорит Толстой о себе... Берегитесь его!...» – вот приемы и течение мыслей в статье о. Иоанна, вот характер его сочинения. Он излагает содержание «Обращения Толстого к духовенству», как оно отразилось в возмущенной и оскорбленной неверием душе ревностного пастыря, – он говорит, как отец детям, пастырь своим пасомым... Он, излагая содержание книжки Толстого, передает свои впечатления и чувства искренно верующей души, чтобы и все верующие вместе с ним почувствовали и содрогнулись безбожия Толстого, т. е. его отрицания и его издевательства над тем, что верующие по православному, как и о. Иоанн, считают (веруя) божественным... Но г. Куперник почему-то ждал полемики по всем правилам литературных приемов и, не получив того, что о. Иоанн и не думал давать, разочаровался и решился написать: Образцовая полемика.

В статье о. Иоанна г. Куперник прежде всего решился увидеть брань. Что и говорить: благовоспитанный человек! Под бранью г. Куперник на этот раз разумеет, вероятно, что о. Иоанн называет гр. Толстого «безбожною личностью, извратившим свою нравственную личность, клеветущим на Церковь превосходнее самого сатаны» и пр... Не будем говорить, насколько эти и подобные выражения чужды тому лексикону, который заключает в себе, по мнению г. Куперника, слова и обороты речи «настоящей полемики». Смеем только думать, что пределы этого лексикона для пастыря Церкви в его обращении к пасомым необязательны... Ставил ли себе г. Куперник когда-либо в положение пасомого к пастырю, или даже сына к отцу? Неужели вылощенная деликатность ему больше по сердцу, чем содержательная, хотя и резкая правда? Во всей христианской письменности отмеченной огненной ревностью, как и отсутствием приятной лжи и лицемерия, г. Куперник не найдет примера желанной для него «настоящей полемики». Возьмет-ли он книгу Того, Кто, по слову пророка, «трости надломленной не сокрушал и льна курящегося не угашал», он и там услышит резкие слова обличения, произнесенные в минуты праведного

гнева: «сыны дьявола, гробы украшенные, полные внутри смрада и костей, безумные, слепые»... Займется ли он писаниями учившегося у ног знаменитого рабби – Гамалиила, и там он найдет: «стена повапленная, исполненный всякого коварства и всякого злодейства сын дьявола, враг всякой правды...». То же и у других апостолов...

Но что г. Купернику Евангелие и что ему апостолы, если они не являют ему примеров «настоящей полемики?!... Но, может быть, ему ближе, знакомее и дороже по воспоминаниям далекого милого детства литературные примеры благоговееющих пред «торою» родственных ему великих пророков Божиих: Моисея, Исаии, Иеремии? Не хватают-ли за сердце и поныне их грозные обличения, их жестокие, чуждые лжи и лицемерия слова заклания и прещения против нарушителей и отступников закона Иеговы? Или же в погоне за приличиями «настоящей полемики» г. Куперник предпочел бы и от пророков услышать обращения: «милостивый государь, многоуважаемый господин, благородный лорд» – к тем, кто в очах этих нелюбимых слуг Божиих и не милостив, и не уважаем, и не благороден?...

Г. Куперник особенно настаивает на том, что о. Иоанн допускает смешение понятий. Ну, как не смешение понятий: «Противоцерковное сочинение не есть еще ни богохульство, ни безбожие, ни даже извращение нравственной личности? Всякий, знакомый с сочинениями Толстого, не может признать этого писателя безбожником»... «Богоотступничество нельзя смешивать ни с вероотступничеством, ни с нападками на Церковь»... «Протоиерей Иоанн Сергиев говорит о магистральной ошибке Толстого и уличает его в отпадении от истины; но где ошибки, там нельзя говорить о лжи»... Словом, г. Куперник решился уловить о. Иоанна в слове, уличить в смешении понятий... Ах, г. Куперник, как недалеко вы ушли от тех, кто «совет сотвориша со иродиады да уловят в слове» самое Слово жизни! Ну, как в самом деле называть безбожником того, кто так часто говорит о Боге? Как может быть нравственно извращенною личностью тот, кто является моралистом в своих сочинениях? У Толстого только отступление

от веры православной, только нападки на Церковь, а не безбожие, не богоотступничество, не отпадение от истины...

Впрочем, вы, г. Куперник, не имеете собственно и права говорить об этом. Вы сами-же в своей статье заявили, что вы не компетентны в споре по существу, что вас не занимает самый предмет спора, что ваши разочарования «касаются не существа спора, а способа и формы его, а в самом то существе того, что вам угодно принимать за спор между гр. Толстым и о. Иоанном, и всё дело. И мы уверены, что граф Толстой столь-же мало, как и о. Иоанн, придающий значения формам «спора» и в своих сочинениях против Церкви и государства, по своей резкости о. Иоанна, понимает и принимает «спор» только по существу, совершенно игнорируя его форму. Своею защитой гр. Толстого г. Куперник приносит ему ту же пользу, какую принес некий страховой агент, написав на картине г-на Бунина, изображающей Толстого в нагом виде, слово: «Мерзость»...

Не вам, г. Куперник, ибо что вам Гекуба, не вам, а тем, кого интересуется не форма, а сущность «спора» между крайним рационализмом и глубокою верою, между гр. Львом Толстым и о. Иоанном Кронштадтским, я позволю сказать, что для о. Иоанна, как и для всех членов Церкви Христовой, вероотступничество есть Богоотступничество, противление Церкви есть противление Богу... Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец... Церковь есть тело, организм Христа Бога нашего...

И г. Куперник, который с таким лукавством старается уловить о. Иоанна словом, сам уловляется в сети собственного своего незнакомства с философской терминологией. Чтобы сказать, что граф Толстой не безбожник, г. Куперник решительно (хотя совершенно без доказательств) заявляет, что граф – «несомненный деист». А в философии словом «деизм» (деист) обозначается такое воззрение, которое не признает существования личного, входящего в общение с миром Бога, а лишь допускает существование внемирной и инертной сущности, чуждой и миру, и людям. Толстой, действительно, деист, хотя он не признает себя таким, как, напр., Вольтер и многие из позитивистов, но в глазах Церкви и всех, кто Бога

мыслит не иначе, как живое, любящее, личное Существо, этот деизм есть безбожие и деист всё равно, что безбожник.

Старается еще г. Куперник поймать о. Иоанна с ловкостью не только философской, но и адвокатской диалектики. О. Иоанн, видите-ли, «подвергает сомнению чистоту намерений автора (Толстого)», тогда как Толстой, помилуйте, был и мировым посредником, и заводил школы, и кормил голодающих; о. Иоанн «упрекает в развязности и самообольщении человека глубоко смиренного, скромного и ненавязчивого, нигде не обнаруживающего не только графского, но и писательского самолюбия!...». Помилуйте, «мир никогда не согласится, что Толстой порвал связь с правдой и истиной...». «Нельзя говорить, что Толстой всех желает совратить с пути истины». «Преклонение его пред Евангелием (?) совершенно устраняет возможность приписать то, что говорит о нём протоиерей Иоанн Сергиев». По поводу всех этих доводов г. Куперника невольно хочется помолчать. Так трудно, даже при всей горечи впечатлений от новых произведений Толстого, забыть те часы высокого наслаждения, которые давал Л.Н. Толстой своими дивными повестями и рассказами, и те часы глубокого раздумья, в которое повергал он запросами своего мятущегося духа... Не для того, чтобы сказать о Толстом что-либо худое, а для того, чтобы указать г. Купернику, что о. Иоанн имеет полное нравственное право, как пастырь душ христианских, коснуться нравственной личности осужденного Церковью Толстого, сделаем мы несколько замечаний и на эти доводы Куперника.

Подвергать чистоту намерений Толстого сомнению или не подвергать, – это дело правое для того, кто на это поставлен, и обязательное для тех, кто призван увидеть волка грядущего еще, а не расхищающего уже стадо. А духовоборческая эпопея 7 тысяч переселившихся в Канаду и там гибнущих во славу учения толстовского, а тысячи искалеченных молодых жизней толстовцев и толстовок, а сотни томящихся в дисциплинарных батальонах за отказ носить оружие непротивленцев (не трусливых зайцев-еврейчиков, убегающих от воинской повинности, а способных к высокому воодушевлению

несчастливых мучеников толстовской идеи), – разве это не красноречивые плоды сочинений Толстого, красноречивее даже всей деятельности его от мирового посредника до кормления голодающих?... О скромности, смирении и ненавязчивости Толстого, равно как писательском и графском его самолюбии, мало еще говорят его переодевания в костюм рабочего и упражнения в черном труде. В этом отношении много любопытного рассказывают живущие и ныне друзья и бывшие домочадцы его, а равно и такие покойники, как Тургенев, Достоевский и др. Что Толстой порвал или не порвал связь с правдой и истиной, это насколько может быть ясно о. Иоанну, настолько неясно г. Купернику и вряд-ли, после отлучения Толстого от Церкви, г. Куперник в этом случае может ручаться за весь мир. Ошибки могут вести и всегда ведут к лжи, если в своих ошибках не сознаваться, – это также достаточно ясно, а что Толстой всех желает свратить с пути истины, т. е. с того пути, который для нас, православных – истинен, а для Толстого ложен, это доказывает сам Толстой тем, что пишет противцерковные сочинения и в миллионах экземпляров распространяет их по всему лицу земли. Преклонение Толстого пред Евангелием довольно странного свойства. Выбросить из него девять десятых частей, а остальную часть изменить в тексте и извратить в смысле, заменить Евангелие Господа нашего Иисуса Христа своим евангелием, это-ли считает г. Куперник преклонением пред Евангелием?!

В заключение не можем не сказать еще по поводу тех «жалких слов», которыми начинает г. Куперник свою вылазку против о. Иоанна. Он повторяет известные, избитые приемы «гонимой нации», которая на самом деле уже давно стала во многих областях, а особенно в печати, господами положения. Видите-ли, в «споре» с о. Иоанном «одна сторона находится во всеоружии, а другая совершенно беззащитна», а о самом сочинении Толстого он, г. Куперник, «мог только впервые узнать из статьи» о. Иоанна, словом, что о. Иоанну можно говорить и писать, Льву же Толстому, а с ним и Льву Купернику, не дают достаточной свободы слова... Полно-те, г. Куперник! Не знаю насколько достаточна доставшаяся вам в удел свобода слова,

но для графа Л.Н. Толстого она вполне достаточна. Еще не один писатель в мире никогда не пользовался, живя на полной свободе в своём отечестве, полною свободою слова писать такие сочинения против национальной веры и своего отечества, какие пишет граф Толстой и какие распространяются по всему свету, отчасти благодаря деликатной неприменяемости отечественных законов к мировому писателю, отчасти благодаря самоотверженному труду многих его поклонников-добровольцев. Ненависть Толстого к Церкви такова, что даже веротерпимейший из писателей покойный В. С. Соловьев возмущался «богохульствами» его сочинений, и дивно ли, что Толстой повергает в ужас всякого верующего, особенно пастыря Церкви!

Вы имели оскорбительную дерзость, г. Куперник, озаглавить свои критические замечания по поводу ответа о. Иоанна: «Образцовая полемика». Предоставляю вам самим же назвать и своё отношение к тому, кого уже давно с благоговением чтит православный русский народ.

Сын Церкви православной

Отклики

**Беседа о беседах. – «Почему бесплодны беседы». –
Что же нужно. – Письмо о Сарове // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 15. С. 656–664**

Случайно, по дороге из Соляного городка, мне привелось вести беседу с одним простецом. Он как-то сказал мне, что очень любил присутствовать на беседах православных миссионеров с раскольничьими начетчиками. Ему не нравилось только одно: – «уж очень много спорят и дела Божия не выходит». Когда мне приходилось бывать на собеседованиях, то всегда мне приходила эта же мысль моего собеседника: «очень спорят и дела Божия не выходит». Кажется, что в самой основе прений с старообрядцами лежит совершенно ложная мысль. Очень многие миссионеры смотрят на прения, как на диалектическую борьбу и жаждут больше всего этой словесной победы, считают цель достигнутой, когда удастся поставить собеседника в тупик. Думается, что ничего не достигается такой формой ведения бесед. Большею частью они положительно обостряют отношения. Даже в тех случаях, когда победа православного приносит очевидные плоды, положительную пользу в том смысле, что укрепляет православных в их вере, беседа имеет и отрицательные результаты, – в православных и раскольниках одинаково накапливается раздражение друг против друга. Я помню во время одного собрания вся зала представлялась мне насыщенной этим раздражением. Чувствовалось, что ход беседы возбуждает в присутствующих православных не только религиозный интерес, но вместе с тем интерес борьбы и вражду к старообрядцам, как к «личным врагам».

То же самое чувство нарастает постепенно и в противоположной, т. е. старообрядческой, стороне. В виду этого мне кажется, что следовало бы поставить основным принципом собеседований даже искусственно удаляться от этой манеры прижимать в угол или ставить в тупик. Тогда, когда православному миссионеру удастся поставить в затруднение своего собеседника, мне думается, что он должен сгладить

неловкость положения его собеседника, тотчас уйти от затруднительного вопроса, т. е., не оставляя его, продолжать развивать свою мысль, но не ставя собеседника в неудобное положение прижатого. Слушатели сумеют понять, на чьей стороне была правда в эту минуту и собеседник сумеет оценить такую манеру ведения бесед.¹⁶⁷ И, мне кажется, неизмеримо большее значение, чем беседы публичные, имеют частные, домашние беседы миссионеров.

Так как я не миссионер, то, конечно, предлагаю соображения вовсе не как руководство, высказывая их мимоходом, и если они не справедливы прошу прощения.¹⁶⁸

* * *

Я полагаю, далее, что самый метод борьбы с расколом – путем публичных бесед – держится на ложном понимании психологической сущности раскола причин его «крепости».

Полемический взгляд видит в расколе заблуждение и сущностью его полагает мнения. «По установившемся понятию, каждое исповедание есть мнение, пожалуй и верование; но самое верование представляется в виде мнения. Следовательно, заключают богословы, стоит только убедить латинца ли, протестанта ли, или там кого другого (на этот раз раскольника) в неосновательности мнения: тогда оно падет, и вероучение, поколику оно есть ложное, исчезнет. Ложное верование уступит, по крайней мере должно уступить, истинному. Иначе это будет уже «противлением истине», доказанной, кажется, как нельзя яснее.

Как это просто. Для вящего удобства, верование, то есть мнения, принимаемые за верование, раскладываются по пунктам. Из них найдутся, разумеется, некоторые согласные с истиною. Они откладываются, батарея выставляется только против тех, которые не согласны с символом полемиста. Одним словом, как бы дело шло о наследстве и нужно доказывать суду права: представь документы и получай вводный лист. Или предложить решению: кто де жил ранее, – Василий Темный или Иоанн Грозный? После буквального удостоверения летописей странно ожидать продолжения возражений и позволительно обозвать спорщиков тупоумными или же упрямыми до безумия.

На деле вероисповедная борьба, однако, не слушается как-то этих ожиданий. Веками идут препирательства, и без всякого успеха. Каждое вероисповедание стоит себе по-прежнему, уверенное в своей истине, несмотря на все обличения, возражения, возобличения; и если движется, то обыкновенно в обратную сторону, не к сближению, а к дальнейшему разлучению.¹⁶⁹ Что бы это значило?

«Вот православный полемик и пред ним раскольник. Ты признаешь авторитет Большого Катехизиса? – спрашивает борец православия. – Признаю. – И книгу о Вере? – Почитаешь старопечатные книги и веришь свидетельству харатейных письменных? – Почитаю и верю. – Так вот тебе. – И представляет свидетельства, – о чём угодно: об имени Иисус, четвероконечном кресте, тройном аллилуия, даже о троеперстном знамении (пункт наиболее слабый, однако и за него есть перстосложение мощей); далее – о нескончаемости иерархии и таинств» (Гиляров-Платонов Письмо И. Аксакову).

Разбивают на голову, но результаты? – большей частью – никаких.

И это естественно: иначе и быть не может.

Я полагаю, можно считать общим правилом, что посредством теоретической борьбы или полемики решительно нельзя достигнуть настоящей победы над противником, держащимся других убеждений, других верований, чем держишься ты. Всё можно доказать раскольнику с полной, по-видимому, убедительностью, что он не прав, что основы его упования ложны, что доказательства, которые он приводит в защиту себя, слабы и легко уничтожаются, но этим почти всегда не достигнем ни чего. За своё старое он цепляется, как за дорогое для него, это старое для него то, в чём он привык видеть своё спасение; со старым сроднился не только его ум, а и его сердце, вся его душа. Доказательствами можно поколебать его на одну минуту, но только на одну минуту. Он возвратится домой – и снова победит его душа, его сердце. Дома он подыщет другие основания, найдет оправдание для своих верований в чем-нибудь новом, или просто постарается

уничтожить и изгладить из памяти то, что он слышал на беседе противоречащего его верованиям, убеждениям.

И это необходимо – безусловно необходимо психологически. Православный, по-видимому, разбивает противника. Он разбивает действительно – но что? – спрашивает Гиляров-Платонов; пункты вероучения в отдельности, и даже не сами в себе, а в том виде, как они поставлены противником. Разбивает их вне связи, которою они держатся между собою, и еще далее от живой связи их с верующею душою. Но не по тем основаниям приняла душа этот пункт и другие, значащиеся в символе; и приняла она вовсе не пункты, а верование. И верование её вовсе не есть только мнение. Удивляться поэтому, а еще более – негодовать на успех вероисповедной полемики нечего. По психологическому закону она и должна приводить скорее к обратному; в досаде «уличенного в заблуждении» и отсюда не только к коснению, и даже к фанатической возбужденности. «Не нашелся, не сообразил; а непременно есть другие, крепкие свидетельства, опровергающие его. Да еще правильно ли он привел и истолковал? Подлинные ли эти рукописи? В связи ли прочтено место?» – Вот мысли, которые начинают копошиться в уме «обличаемого». И придет время, он найдет, он действительно подыщет авторитеты; в случае крайности отступится даже от формулы, в которой его побивали, скажет: «ну, так я не так выразился, а вот как». Формула будет брошена, а верование останется.

С единицами успех еще возможен, и притом чем верование моложе, иначе, чем менее за ним преданий, и потом – чем ближе верование к мнению, иначе, чем менее оно есть тем, чем оно есть, наконец – чем менее оно коллективно. Коллективное верование есть уже стихийная сила, которая не слушает рассуждений. Да попробуйте и единичную особь перевернуть, когда дело идет не о вере, положим, а о любви, родственную ли возьмете или половую. Расписывайте какие угодно недостатки любимых лиц, пусть несомненные, доказывайте неопровержимо ложность расчетов, на которых может основываться связь: велик ли будет успех? Потому что связь родилась или

основалась не на расчетах и не на оценке достоинств, а по влечению крови или побуждениям, которые анализу не доступны. Подается связь, основанная на расчете. Так и в деле веры: пред умствованиями уступит заблуждение, основавшееся на умствованиях же. Вера и любовь – явления однородные. Хотя любовь родственная, а тем более половая, принадлежат материальному порядку, но закон тот же и в материальных явлениях, когда ими подменяются духовные. У них своя логика, которая в своей истине открывается сознанию большею частью уже *post factum*. Современному же явлению сознание никогда не является полным и бывает всего менее точным у самого любящего или верующего».

Какой убедительный пример видим в полемике между католичеством и протестантством. Сколько исписано томов в два столетия. Этажи составишь словопрениями; да и теперь они отчасти продолжаются. И что нелепее, если взять, например, хотя папизм? У кого еще встретишь такие гнилые основания, догматические и исторические, такое поразительное противоречие и здравому рассудку, и совести? И однако католичество не только здравствует, но еще сила. И однако есть умы замечательные и характеры благородные, которые веруют, да еще искренно, в папу и в его непогрешимость. Миллионы же перестали веровать, но не перестанут быть папистами.

И старообрядец, даже если и убедится в неправильности какой-нибудь своей догмы, скорее – пойдет к другому заблуждению, чем к формально-победившей его церкви, хотя и это редко: чаще впечатление «победоносной» беседы сохранится на двое-трое суток, а потом исчезнет бесследно. Поэтому, повторяю я, самая основа миссионерства должна быть в корне изменена. Нужно больше действовать на чувство и сердце, чем на ум, нужно заставить раскольника почувствовать дорогое и нужное в том, что он отрицает, доказать не правоту Церкви, а ценность, нужность её. В журнале «Новый Путь», один маловерующий человек рассказывает о своём обращении. Это обращение совершил в нём о. Иоанн Кронштадтский. О. Иоанн подошел на пароходе к Волжской пристани и, еще не сходя с парохода, с верхней палубы его начал речь. Он

говорил, конечно, не апологию Церкви и православия, – он говорил просто о том, что рад видеть Симбирцев или Самарцев, рад побеседовать, помолиться вместе с ними, что он желает им счастья, желает спасения и благодати, помощи Божией, только и всего. Но в этой речи сомневающийся нашел то, чего он искал; оправдание веры и Церкви, тот довод в пользу веры и против неверия, которого он напрасно искал в книгах, какие читал с жадностью и со страстным желанием правды. Ему проповедь о. Иоанна казалась похожей на евангельскую проповедь Христа, и о. Иоанн казался похожим на Христа, проповедующего среди детей. В чём же тут был довод в пользу веры, когда, по-видимому, ничего не было сказано в пользу веры и Церкви. Он объясняет это сам. Он увидел здесь служителя Церкви всего проникнутого отсветом лика Христова. Он увидел, что служитель Церкви внес свет в мир, а так как он внес свет в мир от лица Церкви, называл себя представителем Церкви, значит, жизнь была в Церкви. Это с одной стороны. С другой стороны, он видел ту любовь безграничную, с какою о. Иоанн произносил самое слово – Церковь, благоговение, с каким он называл Христа. И отсюда его сердце поняло и вывело, насколько дорога самому проповеднику истина Церкви и истина Христа. Этот пример заключает в себе очень добрый совет для миссионеров. Для успеха проповеди прежде всего, главным образом нужно, чтобы истина, которую несет миру миссионер, была для него самого самая дорогая истина; нужно, чтобы миссионеру было дорого спасение тех, которых он по обязанности хочет спасти. Когда миссионер начинает говорить не для того, чтобы доказать научным путем правильность троеперстия, а для того, чтобы от всей души крикнуть старообрядцам: вы погибаете, вы отвергли Церковь, а вне Церкви нет спасения, то этот крик останется обязательно в душах старообрядцев, останется с ними и после того, как уйдет миссионер, и, может быть, побудит их к собственному исканию правды, которое всегда с гораздо большим успехом приводит к Церкви, чем доказательства любого миссионера. Почти только и надо, чтобы старообрядец или раскольник захотел искать правды, не спорить о правде, потому что эти споры только

споры, а искать истины, истинной Церкви. Если начнет искать, то найдет. А наличные споры в беседах именно не достигают этой цели, а вызывают, наоборот, желание поубедительнее обставить доказательствами ложь, вызывают только изворотливость мысли на защиту своего упования. Здесь можно кончить. С другой стороны, думаю, что методика миссионерской речи должна быть очень разнообразной в зависимости от самого характера.

Сектант отвергает обрядность, отвергает её на основании неправильно понимаемых евангельских текстов. Доказать ему, что евангелие или вообще Свящ. Писание допускает обряд, внешнее богослужение и пр. можно, можно быть в этом случае быть убедительным, но опять-таки эта убедительность совершенно непрочная. Психологически-правильный путь воздействия на такого субъекта должен быть совершенно иным.

Нам кажется, что всего более пастырь должен разъяснять каждому сомневающемуся и неубежденному жизненную ценность и нужность православной Церкви, её преимущества для сердца верующего и в учении, и в строе, и в жизни.

«Нам кажется, что самое главное, что должен выяснить пастырь обращаемому, раз последний признает учение Христово, это – вселенский характер нашей Церкви, понимаемый не в обычном житейском значении этого слова (в смысле т. ск. территориальной вселенности), но в более глубоком и правильном. Здесь прежде всего необходимо представить во всей силе сознанию его вселенский характер самого учения, самого христианского содержания нашей Церкви. В противоположность и безмерное превосходство перед узенькими и полными крайностей и односторонними доктринами всяческого сектантства, православие – это бесконечная широта и всеобъемлемость понимания и веросодержания, и богатая, как мир, гармония. Здесь охвачены, соглашены и взаимно восполнены все те положительные черты, односторонним преувеличением которых являются все эти многочисленные секты; здесь воплощается христианская правда, указывающая истинную силу и высший смысл всякому проявлению духа жива в мире и в мысли. Возьмем ли мы, напр., чистейшее

евангельское нравоучение, в котором – всё для сектанта-рационалиста, искать которое в жизни духоборы поехали за океаны...

Православие всегда знало и во всей полноте и сим раскрывает его и в писаниях св. отец и в живых стремлениях духом познаваемых нормах жизни, живых членов Церкви. Но знает оно и немощность, нравственную приниженность нас грешных, в данном состоянии, и приспособляет эти нормы к действительности для нас мудро, чуждаясь того обязательного прыганья за идеалами (по выражению Гете), которое лишает сектантство жизненной правды, приводя его к неизбежному трагизму, уродованию жизни. Имеет оно и выработанные формы, определенные уставы поведения и христианской жизни, но не заставляет оно служить субботе ради субботы, чуждается раскольничьего обрядо-поклонения и бездушного формализма, ища прежде всякой формы «духа жива», живоносного внутреннего содержания. Где еще – в каком вероисповедном обществе проявляются в такой совершенной гармонии и полноте свобода – и водительство, самодеятельность – и воздействие силы свыше, начала – личное и общественное – соборное, как в православной Церкви, где всё это положено в основу её устройства и жизни?! И не дивное ли это преимущество нашей Церкви, что искони и в бесконечное будущее – она всегда одна и та же, по признанию даже её врагов (Гарнак); в XX в. она такая же, какую была в VI., всегда верна себе, своему духу, основам своего строя, нормам учения и жизни. Не успокоение ли это для сердца христианина – обрести незыблемое предание, как целостное мировоззрение по основам учения Христова и определяемый им строй жизни, – предание, связывающее наше время с тою светлую зарею, когда жили, учили, устроили церковь апостолы. И всё это – принадлежность и заповедное, благоговейно сберегаемое сокровище нашей православной Церкви – и только её.

Итак, пастырь направит все свои силы к тому, чтобы всё это предстало пред сознанием обращаемого, чтобы оценил это сокровище Церкви и недавний её враг, чтобы поистине сердцем уверовал в неё (9 чл. Символа). Завершением всей такой

деятельности пастыря, если ревностно и искусно трудился он и если благословил Господь его делание, и будет приобретение ему и Святой его Церкви истинного члена, и доброго раба и сына.

* * *

По поводу моей заметки о Сарове я получил интересное письмо от одного «батюшки». Орывок из этого данного письма сообщаю читателям: он интересен.

«Ваш отзыв о паломничестве, пишет этот священник, мне кажется, не полон. Вы не обратили внимания на то, на мой взгляд существенное обстоятельство, что паломничество, среди громадной массы других богомольцев, заражает нас общим религиозным настроением их, заставляет задрожать лучшие струны нашей души в унисон с господствующим лейтмотивом.

Скажу про себя. Я ехал в Саров помолиться Угоднику Божию я, сказать откровенно, развлечься новыми разнообразными внешними впечатлениями. Но лишь только прибыл в Саров, как общая религиозная атмосфера всего охватила меня, и я пережил такие хорошие минуты, какие будут помниться всю жизнь и, надеюсь, не останутся без влияния на характер её. Теперь, глядя на прошедшее, я наиболее ценным считаю не то, что я видел и слышал, а то, что почувствовал. И этим я обязан «малым сим», вдохновившим меня своим религиозным одушевлением. И я знаю, что такое же впечатление от Саровского богомолья вынесли многие интеллигентные паломники. Религиозное одушевление, охватившее нас, проявилось не только в чисто-религиозной сфере, но и в том любвеобильном, истинно братском отношении к ближним, которое также господствовало в Сарове. Конечно, были досадные, диссонирующие впечатления, – но я говорю про общее впечатление. А оно таково: Саров научил нас молиться теплее и к ближнему относиться любовнее.

Я понял теперь, что односторонен, неправ Л. Толстой в своих «Двух Стариках», которыми я ранее восхищался. Да что – я... даже такие липа, как, напр., почивший астраханский епископ Сергей, в частных беседах отзывались о паломничестве к святым местам, как о «деле лентяев и ханжей». Вот письмо.

Я сейчас не могу исполнить желания автора – высказаться о паломничестве с указанной глубокой и серьезной точки зрения. Но пока полагаю, что и его письмо уже отвечает на вопрос достаточно сильно.

Да, мы немощны и слабы, если что есть в нас, то есть по молитве Церкви, по воздействию – церковного общества.

Наша вера – от веры братии, сильнее верующей. Но где ярче, сильнее выступает вера Церкви, где церковная молитва, так сказать, концентрируется, где из частной маленькой молитвы и маленькой веры единиц – слагается и рождается огромная молитва целой Церкви, как не около святыни. И эта молитва и вера в силах своим огнем зажечь и совсем остывшее сердце: во всяком сердце огонь горит под пеплом, а чужое – влияние, чужая вера – вызывает наружу этот огонь.

Иером. Михаил

Октябрь. Книга 2

**Кутепов Н., миссионер, протоиерей. Учение о
возрождении, оправдании и спасении человека. (В
обличение мнимодуховных христиан-сектантов) //
Миссионерское обозрение 1903 г. №16. С. 665–672**

Порвавши общение со Вселенскою Церковью и утративши апостольское устройство Церкви Христовой, мнимодуховные христиане (штундо-баптисты и пашковцы) стали в весьма затруднительное положение относительно пользования плодами крестных искупительных заслуг Христа, получения благодатных даров в таинствах, без которых невозможно спасение человека. Таинства, или видимые священнодействия, чрез кои преподаются верующим благодатные дары Св. Духа, необходимые для спасения человек, по заповеди Христа Спасителя (Мф.28:19–20), могут быть совершаемы только апостолами и продолжателями их служения, епископами, кои по непрерывному преемству от Апостолов получают право на совершение таинств. Но в общинах мнимодуховных христиан таких лиц не было. Для выхода из такого затруднительного положения мнимодуховные христиане обратили свой мысленный взор на своих предшественников, бывших на западе: лютеран и кальвинистов, которые еще в шестнадцатом веке исказили учение Христа Спасителя о самых условиях возрождения, оправдания и спасения человека. Мнимодуховные христиане, вслед за своими предшественниками, начали развивать мысль, что человек спасается только одною личною верою во Христа, а видимые священнодействия, или таинства, существенного значения в деле спасения человека не имеют; они не суть необходимые для человека проводники благодатных даров, а простые обряды, свидетельствующие о принадлежности верующего к известному христианскому обществу. Плоды искупительных заслуг Христа усваются человеком только при посредстве одной личной его веры. Грехопадение прародителей в самом существе извратило природу людей, сделало их неспособными ни к чему доброму (Пс.50:7), а потому спасение человека

совершается всецело Богом, по одной личной вере человека в искупительную крестную жертву Христа. Мы, говорят сектанты словами св. Писания, *освящены единократным принесением тела Иисуса Христа, Который приобрел нам вечное искупление* (Евр.10:10–14, 9:12). С нашей стороны не нужны дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего (Евр.9:9). Когда человек услышит евангельскую проповедь о спасении людей, сознает свою греховность и виновность пред Богом и вместе своё совершенное бессилие исполнить нравственный закон евангелия и затем твердо уверует, что он примирен с Богом искупительными заслугами Христа, – тогда ему по этой вере подается божественная благодать, которая усваивает ему плоды крестных искупительных заслуг Христа, прощает ему грехи, оправдывает пред Богом. Та же благодать совершает в людях, уверовавших во Христа, – все их добрые дела, во свидетельство их веры, без всякого со стороны человека старания и усилия, по причине его полной нравственной неспособности к чему-либо доброму. Таким образом мнимодуховные христиане (штундо-баптисты и пашковцы) отвергают всякое значение за плодами веры или делами человека для его спасения и говорят, что всё спасение человека зависит от одной только личной веры, чрез которую благодать Божия, так сказать механически действует на человека грешника, как на существо нравственно мертвое; сам человек в деле своего спасения является чисто пассивным сосудом благодати. *Человек оправдывается не делами закона, а только верою во Иисуса Христа, ибо делами закона не оправдывается никакая плоть* (Гал.2:16; Рим.3:20).

Но такое учение мнимодуховных христиан о возрождении, оправдании и спасении человека несогласно, во-первых, с св. Писанием. Действительно, человек поврежденный грехом, своими собственными силами не мог выйти из своего греховного состояния, духовно возродиться, усвоить себе плоды искупительных заслуг Христа, иначе – не мог обратиться к вере, очиститься от грехов, обновиться и оправдаться, а потом подвизаться в благочестии для достижения спасения. Всего этого он может достигнуть только при помощи благодати

Божией, которая есть сила во спасение всякому верующему, сила, совершающаяся в немощи (2Кор.12:9). Эту истину подтвердил и Сам Христос Спаситель, когда сказал неверующим иудеям: *никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня* (Ин.6:44). Благодать Божия простирается на всех людей, но она не стесняет свободы человека, не насилует его, не действует на него непреодолимо, как свидетельствует о том слово Божие. *Се, стою у двери, говорит Христос Спаситель, и стучу. Если кто услышит голос Мой, и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со мною* (Откр.3:20). Постараемся, говорит ап. Павел, *войти в покой оный* (Божий), *чтобы кто по тому-же примеру не впал в непокорность* (Евр.4:11). *Со страхом и трепетом совершайте своё спасение* (Флп.2:12). Согласно со словом Божиим и православная Церковь учит, что «благодать Божия действует, а человек содействует своему спасению». Да иначе и быть не может. Как без свободных усилий человека, без упражнения, без самостоятельности в той мере, в какой она дарована нам Творцом, невозможно, вообще, развитие разумно-свободных существ; так, в частности, и конечная цель бытия – спасение, приближение к Богу и соединение с Ним для вечно-блаженной жизни – достигается только при собственном свободном, самостоятельном участии человека. Как потеряно было человеком блаженное общение с Богом чрез ослабление любви к Богу и свободное нарушение воли Божией, заповеди о невкушении от древа познания добра и зла, так восстановление блаженного общения человека с Богом может быть только при развитии и укреплении любви к Богу и свободном согласовании воли человека с волей Божественной. Бог есть любовь и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нём (1Ин.4:16). А любить Бога может только тот, кто любит своего брата (1Ин.4:20) и любит не словом или языком, но делом и истиною (1Ин.3:18), благотворением своему брату, – облегчает его положение делом и вещью (Иак.2:15–16). Поэтому-то Ап. Павел говорит, что *любовь есть исполнение закона* (Рим.13:8–10). Участие человека в усвоении приобретенного Христом для

людей спасения и блаженства должно со стороны человека обнаруживаться двояко – в вере и добрых делах.

Вера, как свободное принятие и усвоение человеком тех истин, которые Бог благоволил открыть нам чрез Христа для нашего спасения, есть первое условие со стороны человека, как для вступления в царство благодати, для нашего возрождения, так и для оправдания и спасения. *Кто будет веровать и креститься, спасен будет: а кто не будет веровать, осужден будет (Мк.16:16). Без веры угодить Богу невозможно, ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть и ищущим Его воздаст (Евр.11:6).* Когда человек сознает свою греховность и виновность пред Богом, ложность своей прежней веры и полнейшее превосходство христианской веры пред всякой другой, тогда в нём, при помощи Божией, совершается внутренний переворот, существенными моментами которого служат: отвращение ко греху, сильное желание святости и неудержимое стремление к единению со Христом – источником святости. Это единение и вместе духовное возрождение и обновление человека совершается в крещении, где верующий силою Св. Духа очищается от всех грехов, рождается для новой – святой жизни, сочетается Христу (Рим.6:3–6; Кол.2:11–12) и делается членом Его тела или Церкви (1Кор.12:13; ср. Ин.5:5; Деян.2:38, 22:16). С вступлением человека в царство благодати, в истинную Церковь Христову, – для него открывается путь спасения, по которому он должен идти, следуя за Христом (Мф.10:38, 16:24) чрез исполнение воли Его, выраженной в законе Божиим (Ин.14:21–23). Здесь, – в эти шествия за Христом или по пути спасения, обитающие в душе человека вера, надежда и любовь должны, таким образом, проявиться во вне, в исполнении заповедей Господних или, что-то же, – в добрых делах. Слово Божие ясно свидетельствует о необходимости добрых дел для спасения человека. На вопрос богатого юноши: *что сделать мне доброго чтобы иметь жизнь вечную?* Христос Спаситель ответил: *если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди... если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за*

Мною (Мф.19:17,21). Из слов Христа ясно видно, что для достижения нравственного совершенства, а вместе и вечного блаженства в общении с Богом требуется отречение от самолюбивых привязанностей к мирским благам, обуздание своих страстей, самоотвержение, выражающееся в последовании Христу, т. е. любовь к Нему и исполнение Его заповедей. В другом месте Иисус Христос говорит: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь... не всякий, говорящий мне: Господи! Господи! войдет в Царствие Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф.7:14–21). Говоря о страшном суде, Христос Спаситель замечает, что Сын Человеческий *тогда воздаст каждому по делам его* (Мф.16:27, 25:34–36). Тоже учение о необходимости добрых дел для спасения человека и наследия вечного života раскрывали и апостолы. Апостол Иаков пишет: *вера, если не имеет дел, мертва сама по себе... как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва* (Иак.2:17,26). И ап. Петр убеждает христиан *проводить добродетельную жизнь между язычниками* (1Пет.2:12).

В оправдание своего учения, что человек спасается чрез одну личную веру в Иисуса Христа, мнимодуховные христиане ссылаются на некоторые места из посланий ап. Павла. В послании к римлянам Апостол между прочим пишет: *мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона* (Рим.3:28). Та же мысль выражается Апостолом и в послании к галатам: *узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы веровали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона, ибо делами закона не оправдается никакая плоть* (Гал.2:16). Но чтобы правильно понять указанные слова ап. Павла, нужно прочесть их не отрывочно, а в связи речи, и вместе нужно принять во внимание те обстоятельства, которые побудили св. Апостола к написанию их. Ап. Павел, раскрывая своё учение об оправдании верою, а не делами закона, имел в виду, во-первых, евреев, которые утверждали, что Христос принес им только одним спасение, усвоить которое можно только чрез исполнение обрядового

закона Моисея (Рим.2:17–29). Во-вторых, ап. Павел разумел и язычников, гордившихся своим владычеством над всей, известной тогда вселенной, своей философией, своими делами, сообразными с требованиями естественного закона, – разума и совести (Рим.1:21–23, 2:14–15); они не желали равнять себя с евреями и утверждали, что спасение, принесенное Христом, составляет достояние их одних. Ап. Павел, доказавши в начале послания к Римлянам, что нет праведного пред Богом ни одного; все совратились с пути, до одного негодны (Рим.3:10–12), – раскрывает далее, что человек грешник оправдывается не делами обрядового Моисеева закона и не делами, сообразными с требованиями естественного разума и совести вообще – не своими силами, а верою в крестные искупительные страдания воплотившегося Сына Божия, Иисуса Христа, что это *оправдание дается людям даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе (Рим.3:24)*, а не по делам и заслугам которые они совершали до своего обращения к истинной вере во Христа. Лучшие люди ветхого завета, заботившиеся о спасении, без благодатной помощи, полученной во Христе (Флп.4:13), были не в силах сами собой исполнить требования закона (Рим.7:22–23), ибо закон ничего не довел до совершенства (Евр.7:18–19). К тому же нужно заметить, что под оправданием в указанных выше словах ап. Павел понимает *возрождение*, оправдание только *начинательное*, которое получает человек в таинстве крещения, при вступлении в царство благодати, или истинную Церковь Христову, и которое, действительно, даруется человеку по одной только его вере. А *окончательное* оправдание, которое каждый верующий христианин надеется получить при втором Христовом пришествии на землю и страшном суде, Христос *воздаст каждому по делам его (Рим.2:6)*, которые он совершил во время своей земной жизни во свидетельство своей вере во Христа. Ап. Павел, вопреки мнению о нём мнимодуховных христиан, ясно учит о необходимости добрых дел для спасения человека, что эти добрые дела должны служить внешним, видимым выражением истинно христианского спасительного душенастроения. Он убеждает христиан, чтобы они *были*

богаты на всякое доброе дело (2Кор.9:8; Тит.3:1), упражняли себя в благочестии (1Тим.4:7).

Мнимодуховные христиане говорят еще, что человек спасается только верою в крестные искупительные заслуги Христа Спасителя, по силе предопределения, предызбрания ко спасению. Кого Господь избрал в Своё стадо, тот уже не может отбиться от Его овец. Поэтому, избранные – святые, не могут грешить и непременно спасутся. Но это учение несогласно со Св. Писанием. Если ап. Павел и говорит в послании к Римлянам (главы 8 и 9) о предопределении одних людей ко спасению, а других к осуждению, то это предопределение не слепое и беспричинное, а основано на предведении Божиим. Ап. Павел пишет: кого Бог предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего (Рим.8:29). Человек не лишается своей личной свободы в деле своего спасения. Как всеведующий, Бог прежде бытия нашего предвидит, что одни люди будут упорны и нераскаянны во зле, а другие будут подвизаться в вере и благочестии. Что, по учению ап. Павла, человек должен сам деятельно заботиться о своём спасении, это видно из его же посланий, где он, говоря, что Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1Тим.2:4), вместе с тем убеждает и христиан, чтобы они *упражнялись себя в благочестии* (1Тим.4:7), со страхом и трепетом совершали своё спасение (Флп.2:12). Подобным образом и другие апостолы наставляли христиан, что *вера без дела мертва* (Иак.2:20), что *человек оправдывается делами, а не верою только* (Иак.2:24).

Учение мнимодуховных христиан, что человек спасается одною только верою в искупительные крестные заслуги Христа, во-вторых, противоречит нравственному самосознанию людей. Каждый человек себя признает виновником своих добрых или злых дел и испытывает в своём сознании или осуждение совести за злой поступок, или одобрение совести за доброе дело. Но такому самоосуждению не будет места, если мы признаем, что дело спасения человека зависит лишь от одной веры, что человек не может делать выбора между добром и злом. Во-вторых, во всяком сознательном поступке человека

проявляются все его духовные силы: ум, воля и сердце, а следовательно и в деле спасения все названные душевные силы действуют вместе, в совокупности. Дело спасения человека не зависит от одного только ума, который верит известным истинам религии. Наконец, учение мнимодуховных христиан о спасении человека через одну веру, которая дается человеку от Бога, и от предопределения Божия одних людей к спасению, а других к осуждению, противоречит самому понятию о религии. Религия (от *religo* связываю) есть добровольный союз двух разумно свободных существ: Бога и человека, которые оба деятельно участвуют в нём. Но возможно ли деятельное участие человека в религии, по учению мнимодуховных христиан, когда всё дело спасения человека приписывается одной только благодати Божией, которая непреодолимо действует на человека, как на существо нравственно мертвое, при чем человек является только каким-то зрителем своего спасения.

Миссионер Протоиерей Н. Кутепов

**Лавр-кий, протоирей. «Новопутейское»
заблуждение о морали евангельской и
ветхозаконной // Миссионерское обозрение 1903 г.
№ 16. С. 673–688**

Не приидох разорити закон (Моисеев), но исполнити.
Мф.5:17

В IV книжке «Нового Пути» Н.М. Минский говорит: «Догматы отвлечены и метафизичны; они говорят уму. Заветы нравственности говорят сердцу; они явны и умилительны. Несмотря на это, догматы христианские всеми усвоены *и поняты до конца* (sic!); христианская же мораль и связь её с догматами остается доныне тайной за семью печатями. Спросите любого грамотея, чем в догматическом отношении разнится вера ветхозаветных иудеев от веры христиан? – и вы получите точный ответ: Иудеи верили в Бога-Отца, а христиане веруют в Отца, Сына и Св. Духа. Иудеи знали догмат единства, а христиане, сверх того, исповедуют триединство – в Троице и двуединство в лице Христа. Ответ точный и верный. Но спросите, чем разнится новозаветная мораль от ветхозаветной, и собор ученых богословов будет лепетать и заикаться» (стр. 72.) Указав затем на противообщественный характер морали евангельской, в которой Н.М. Минский, заодно с Л.Н. Толстым, видит отрицание судов, войны, экономического и культурного прогресса, автор выходит из затруднения тем, что видит связь между догматом единобожия и цельностью-единством начала нравственности в ветхом завете и между новозаветным учением о двуединстве Логоса¹⁷⁰ (sic!), т. е. Христа и двойственностью – будто бы – морали евангельской. В евангелии он указывает двоякую мораль; мораль утилитарную, – ветхозаветную, даже языческую, концентрирующуюся в заповеди о любви к ближнему, и мораль собственно-христианскую, мораль отречения от всего земного и даже от любви к ближнему, – мораль мистическую. «Этот общий христианству с ветхим заветом и язычеством общественно-альтруистический идеал обыкновенно, говорит Н.М. Минский, помещается в центре

евангельского откровения, не только рядом с догматической истиною, но и выше её» (стр. 76). В попытке свести сущность всего христианства к альтруистической морали он указывает обычный прием противников христианства, – начиная с энциклопедистов XVIII века, – привести к отрицанию религии». В нашей литературе, говорит он, пример такого перерождения и омертвления религиозности мы видим на проповеди Толстого. «Религиозное одушевление, которым была проникнута его «Исповедь», с каждым новым произведением разгораясь в этико-политическую проповедь, само тлело и гасло. Евангелие, которое Толстой с самыми возвышенными целями хотел сделать буднично-нужным и несомненным, потеряло в его руках мистическую непостижимость, т. е., религиозность» (стр. 77.). «Вселенская церковь, говорит далее Н.М. Минский, как живое целое, содержащее в себе и государство, в течение многих веков осуществляла оба идеала добра, не сознавая однако связи их с догматическим двуединством Логоса. Миряне, воздававшие кесарю кесарево, и монахи, воздававшие Богу божье, вместе составляли тело церкви, но те и другие, не сознавая тайны нравственного двуединства, питали в сердцах опасное недоразумение, готовившее будущие смуты» (89, 90). «Разлад этот до основ поколебал историческую церковь, как только по Европе, в эпоху возрождения, пронеслось веяние индивидуализма. Личность сделалась для себя самодовлеющей целью, а всё, что прежде было окружено ореолом цели, церковь, государство, семья, общество – всё это превратилось в орудия для личного совершенствования и личного счастья. Великий переворот в области разума развенчал авторитет и передал его власть свободному исследованию. От этой перемены пострадало предание и пошатнулись догматы». Догматы, как «суждения разума, не подлежащие суду разума, – внутреннее противоречие, остававшееся незамеченным до тех пор, пока верующий видел в себе лишь члена соборной церкви, члена, живущего не своим разумом, а разумом головы, т. е., (sic!) вселенских соборов»¹⁷¹ (91). «Но когда в индивидуализме открылось, что *рядом с соборною церковью (?!),* воплощающей образ Христа (макро-эклесией), каждый человек есть (малая

церковь) микро-эклесия, не только член собирательного организма, но *самодовлеющий* (sic!) организм, созданный по образу Отца», тогда показалось, что «между догматизмом и свободомыслием произошел непримиримый разрыв. Но замечательно, что именно в этой области согласие между древним, соборным мышлением и новым, – индивидуальным представляется наиболее достижимым и почти достигнутым», по мнению г. Минского. Не удивительно, что он так думает, потому что христианские догматы он видит не в вероопределениях соборов, «на страже которых», как он выражается, «шестой вселенский собор поставил цербер анафемы», а «*события внутреннего откровения, созданные мистическим разумом*» (стр. 90). Он различает разум волевой, разум теоретический и разум мистический (стр. 83). Немудрено, что, при таком понимании догматов, он поставляет «сущность церковной догматики» в «единстве, двуединстве и триединстве» и что, по его мнению, Геккель, Вундт и Нуаре, разрабатывая «учение современного научного монизма, устанавливая отношение между духом и материей, в сущности решают христологический вопрос о тайне двуединства и решают его также, как отцы церкви, в смысле неслиянности и нераздельности». Основание возвещаемого г. Минским, будто бы, уже начинающегося примирения церковной догматики и свободомыслящей философии указывает он в том, что «христианская догматика и философская мистика – сестры по матери, происходя от Платонова идеализма» (стр. 91, 92). Не удивительно потому, что и тайну евхаристии г. Минский толкует только как освящение земного и житейского Божественным: «На тайной вечери Христос не открыл людям ни новых истин научных, ни новых истин нравственных, но лишь мистическую истину, что *поедаемый нами хлеб есть тело Бога*, что в наших целях, прозрачных и мгновенных¹⁷², осуществляется какая-то не наша, а божественная цель – непризрачная и вечная. Христос в чувственные потребности влил мистическое содержание» (стр. 84). Мудрено ли достигнуть полного соглашения между «древним соборным мышлением и новым индивидуальным», если исходить из положения, что «всё то, что было в догматах

фактического, повествовательного... не может быть ни опровергнуто, ни утверждено» (стр. 91).

«Гораздо глубже и непримиримее, говорит Н.М. Минский, был разрыв, который, под влиянием индивидуализма, произошел в области воли. Миряне свой общественный альтруистический идеал признали единственно нравственным. Теоретически новый строй души выразился в протестантстве, отринув монашество. В практической жизни мирские элементы церкви, окрепнув в городских общинах, в парламентах, выдвинули из себя третье сословие; оно пожелало воздать исключительно индивидуальное индивидууму, человеческое человеку и этот новый завет выразило в декларации прав человека. Монашество – служители мистического идеализма оказались отрезанными от мира, – мир – отрезанным от святости. Двери мира настежь распахнулись в наружный мрак, и леденящий ветер пессимизма не замедлил ворваться оттуда» (стр. ...). Лучшие умы современности заняты приготовлением хлеба жизни, но хлеб жизни, чтобы не превратиться в тлен и причину смерти должен быть освящен в религиозной истине, которая в наши дни лишь сочится светлыми каплями в тайниках философии. Но дело освящения надо предпринять теперь же, ибо если мы будем ждать, то яд пошлости и пессимизма так глубоко въестся в культуру и в наши сердца, что очистить их сумеет лишь о... или смерть» (стр. 93). «Инстинкт самосохранения подсказывает нам, что причина нашего пессимизма таится в оторванности идеала утилитарного от идеала святости, – в том, что мы едим хлеб жизни не освященный мистической истиной. Отсюда – черта нашей современности – тоска по святости, по чистоте, по целомудрию. У Шопенгауэра горечь разочарования и проповедь святости соединилась в одно целое. Спасет нас и возродит только *религия с внутреннем откровении разума*, – безграничная свобода в слиянии обоих нравственных идеалов» (стр. 94). «И кажется», Н.М. Минскому, «что слабое мерцание этого света уже достигло до нас. Мы готовы оправдать и освятить жизнь», но «еще не зная – во имя чего. Нас уже охватила новая *религиозная мечтательность*, и одна возможность мечтать уже бесконечно

радует нас. «Мы мечтаем, как бы, это нам» превратить каторгу жизни в божественную *мистерию*, – легкую, грустную и – главное, – свободную... Мечты, мечты» (стр. 95).

Как далеко ушли искатели «нового пути» от направления трезвой, чуждой всякой мечтательности мысли Вл. С. Соловьева, которого они считают пионером в деле приобретения «нового неба и новой земли, в них же правда живет»! Он изложил было своё Оправдание вечного Добра и мимотекущего зла жизни; а называющие себя продолжателями его дела опять ударились в мечты – «новые и заманчивые», но совершенно бесплодные, потому что мечтатели сами «не знают, в какие формы выльются» мечты эти «в действительной жизни, как совершится слияние двух идеалов добра, как отразится этот синтез на устройство семьи, на отношения родителей к детям, на гражданские обязанности, на борьбу за существование, на стремление к славе, к власти, к богатству» (стр. 95). Странные люди! сами говорят, что «ждать нельзя», что пессимизм разъедает сердца, житейская пошлость губит жизнь; и сами же мечтают. Вот тебе и открытие «тайны нравственного двуединства, которою церковь обладала, но не пользовалась, храня её, как золотой слиток, драгоценный и бесполезный» (стр. 95).

Но посмотрим сперва поближе, без мечтаний, а с законом Моисеевым и с Евангелием в руках, на это открытое г. Минским двуединство.

«При догматическом единстве природы Отца», говорит г. Минский, «нравственный идеал ветхого завета запечатлен единством и цельностью. При догматическом двуединстве природы Сына, евангельская мораль запечатлена двойственностью» (стр. 74). «Мораль ветхозаветная, – запечатленная характером единства и цельности, есть мораль утилитарная, положительная, имеет целью удовлетворение разнообразных жизненных потребностей; она зовет к обществу, к людям, в мир; её заповедь любовь к ближнему. Моралью христианской по преимуществу должна быть признана мораль мистическая, которая ветхому завету и языческому греко-римскому миру была почти неизвестна; эта мораль

отрицательная; она имеет целью отречения от потребностей; зовет в пустыню, в келью, в затвор; заповедь её...» вы подумаете: любовь к Богу? – как первая и большая заповедь, по слову Христову в евангелии? – нет, по учению г. Минского, заповедь морали мистической есть «заповедь любви к своему сокровенному» я, «как к образу Божию». Соединение в евангелии этой ветхозаветной и христианской – собственной морали и есть двойственность морали евангельской (стр. 76). А где единение этой двойственности? Мы уже видели, что для самого г. Минского оно представляется только прекрасной заманчивой мечтой; видит же он только одну их противоположность, несовместимость, непримиримость; эта «двойственность простирается до таких глубин, куда взору страшно и проникать. Подражая Отцу, мы не можем исполнить того, что заповедано Сыном» (стр. 7...)

А если бы г. Минский, хвалящийся, что он первый возвестил миру тайну двуединства, которую Церковь бесполезно хранила, как золотой слиток, если бы он сам искал в Церкви разъяснение этой тайны, то, быть может, не нашел бы «двойственности» не только в евангелии, но и между евангелием и ветхозаветным откровением.

Заповедь о любви к ближнему, говорит он, дана еще в ветхом завете. Да! но в законе ветхого завета она встречается однажды и с большим трудом можно отыскать её между сотнями других заповедей (Лев.19:18). Это не есть заповедь стоящая во главе законодательства, – как заповедь об отношении человека к Богу. «Итак, Израиль, чего требует от тебя Иегова Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Иеговы Бога твоего, ходил всеми путями Его, любил Его и служил Иегове Богу твоему от всего сердца твоего и от всей души твоей» (Втор.6:4, 5, 10:12). И Сам Господь Иисус Христос, указывая две главные заповеди, говорил не о Своем новом учении, которое Он заповедал возлюбленным Своим (Ин.13:34, 35, 15:12, 17), а именно об учении ветхого завета; Он говорит, что в законе Моисеевом первая и большая заповедь есть заповедь о любви к Богу, заповедь же о любви к ближнему есть уж вторая, хотя тоже главная т. е, заключающая другие в себе

(Мф.22:37–39). То правда, что мораль ветхозаветная имела характер строгого единства, и это – потому именно, что проистекала из догмата единобожия; Иисус отвечал законнику: «первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею; вот, первая заповедь»! (Мк.12:29, 30). Не из другого, а из того же начала проистекала и заповедь «вторая, подобная ей»; она не столько прямая положительная заповедь, сколько обобщение всех заповедей, определяющих отношение рабов Иеговы к другим Израильтянам, – как к сорабам Иеговы: «не мсти, и не имей злобы на сынов *народа твоего*, но люби ближнего твоего, как самого себя; Я – Иегова»! (Лев.19:18). Вот, кто – ближний: сын богоизбранного народа Иеговы. Особенность ветхозаветной морали, проистекавшей всецело из отношения человека к Богу, заключалась в том, что самое отношение это определялось не столько любовью, сколько благоговейным страхом при представлении святости Иеговы: *святите будите, якоже Аз свят есмь!* – вот, исходное положение ветхозаветной морали и постоянная формула всех нравственных и обрядовых предписаний ветхозаветного закона. «Делай то, – не делай того-то, – и да убоишия Иеговы Бога твоего»! – или еще короче: «Я – Иегова»! Как отношение детей к родителям в законе ветхого завета определялось не словом: «люби», ибо это было отношение не плотское и естественное, – общее человеку с животными, а религиозное, – отношение богопочтения: «святые будьте, ибо свят Я Иегова Бог ваш; бойтесь каждый матери своей и отца своего и субботы Мои храните; Я Иегова Бог ваш» (Лев.19:2, 3); так точно и отношение Израиля к Иегове прежде всего определялось словами: почитай, – бойся, т. е., благоговейно чти. Только Иисус Христос, раскрывая сокровенную от века любовь Божию, послужившую основанием самого миротворения (*тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть* – Ин.3:16 – и Сын создан жертвою за грех мира, – *Агнцем, заколанным от сложения мира* – Апок.13:8 – т. е., *прежде сложения мира* – Еф.1:4.),

раскрывая эту Божественную любовь, сокровенную в ветхом завете под покровом страха, казни и гнева Иеговы, – Господь Иисус Христос из всех других проявлений религиозного отношения человека к Богу, – изводит на среду любовь. Оставляя в заповеди повеления «бояться Иеговы, ходить путями Его, служить Ему» (Втор.10:12), Господь это отношение выражает одним из слов, употребленных Моисеем: «*возлюби Иегову*». Можно было бы исписать целые листы цитатами тех мест закона, где отношение человека ветхозаветного к Иегове – Богу, к другим «сынам народа» Иеговы, к чужеземцам, прилепившимся к богоизбранному народу, – так называемым «пришельцам», известный разряд которых так и назывался «боящимися Бога» (Деян.13:16,26), т. е., верующими, отношение человека к самому себе, как «святому», – «освященному» Иеговой, – ко внешней природе, как к собственности Иеговы, составляет предмет заповеди и каждая заповедь заканчивается словами: «*да убоишися Иеговы Бога твоего, – Я Иегова, Я свят*» (напр., кн. Левит, начиная с гл. XIX), т. е., в основе морали полагается благоговейное отношение верующего к Богу, Который есть свят, Который есть *огнь, поядая* всё нечистое (Втор.4:24). Только когда из-за грозы гнева, отвержения, казней, с наступлением нового завета, раскрылось, *каким Духом* любви исполнен был пламень ревности (Лк.9:55; Иак.4:5), и в ветхом завете, в таких даже ревнителях, как Илия (3Цар.19:11,12,18:40) и Самуил (1Цар.15:33); тогда и слова заповеди: «*да убоишися Господа Бога твоего*» заменены словами: «*возлюбиши Господа Бога твоего*». Итак, вот оно единое у Моисея и в Евангелии начало нравственности, – любовь к Господу, – Творцу, давшему откровения Свои народу Своему, благодаявшему ему, спасавшему его – и чудесными благодеяниями, и чудесными казнями, – *так* возлюбившему мир, *яко* и Сына Своего Единородного предал есть на смерть, за спасение мира. Когда же такая *благодать и истина*, сокровенные в законе, данном Моисеем, раскрылись миру в страдании, смерти, воскресении и вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа (Ин.1:17), тогда любовь Божия «охватила сердца» верующих (2Кор.5:14) и

«излиялась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:5).

Итак, Иисус Христос пришел на землю, как Он Сам говорит, не для того, чтобы отменить закон (Мф.5:17) Моисеев, – нравственность ветхого завета, но чтобы довести её до той полноты, какой она могла достигнуть при раскрытии ветхого завета в новом.

Взглянем теперь если не на двуединство, оказывающееся пока только мечтой, то на эту мнимую двойственность евангельской морали. Начнем с той бездны, которой ужасается инстинктивно даже совесть самого Н.М. Минского, – с богохуления. «Двойственность евангельской морали, говорит г. Минский, простирается до таких глубин, куда взору страшно проникать. Мы не можем исполнить того, что заповедано Сыном, «если будем» подражать Отцу: нам велено не судить, да не будем судимы; мы должны прощать врагам своим, а Отец будет судить правых и виновных и не простит врагам своим, а ввергнет их в вечный огонь» (стр. 74). Да уж читал ли г. Минский евангелие? или он читает его, как Л.Н. Толстой, с карандашом в руках и вычеркивает из него то, что не подходит к развиваемой им мысли? Читал ли он, что «Отец не судит никого, но всякий суд отдал Сыну» (Ин.5:22) и что когда *приидет* Сын *во тьмах святых Ангел Своих* (Иуд.1:14, 15; Мф.25:31) *сотворити* суд не только миру, но и ангелам (2Пет.2:4), то и святые Его с Ним будут судить мир и даже ангелов (1Кор.6:2, 3). И не могут они не судить, как существа разумные, ибо даже и грешники сами осудят себя – ибо и для них безразличие добра и зла невозможно. Ужели этот суд, не требующий ни обвинителей, ни доказательств, ибо «в день, когда Бог будет судить тайное человеков» (Рим.2:16), «нет ничего тайного, что не сделалось бы тогда явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы перед всеми» (Лк.8:17), – ужели этот суд одно и то же, что наш суд (осуждение), когда мы, предвосхищая праведный суд Божий (Рим.8:33), не зная ни того, что в сердце человека (1Кор.2:11), ни цены его деяний в очах Божиих (Лк.21:3, 13:4), ни того, что будет далее с этим судимым от нас и не окажется ли он нашим судьей и осудителем?

(Лк.11:32). Говорить о двух началах евангельской нравственности по поводу запрещения: «не судите», изреченного Судией мира, не значит ли это в заповеди: «не убий» врага твоего, видеть противоречие повелению: не оставляй в живых врага Божия, не истребляй на войне противящихся Иегове и побивай камнями поругателей славы Его, да не пощадит их око твое? (Исх.32:27). Значит ли, что в ветхом завете была двойственность нравственного идеала, или один и тот же закон говорит древним: возлюбиши искреннего твоего и возненавидиши врага твоего? (Мф.5:43). Не из одной ли и той же ревности по Иегове происходила и любовь к сынам народа Божия и *совершенная ненависть* ко врагам его, как врагам Самого Иеговы? (Пс.25:5, 100:3, 118:113, 138:21, 22). Не какое-либо новое нравственное начало вводится в действие и Господом Иисусом Христом, когда он отменяет закон, направленный против врагов Иеговы, а обращенный злобой «рода лукавого и развращенного» против личных врагов человека, против личных его обидчиков и притеснителей, – обращенный ими в закон, исключавший из круга ближних и мытаря, и грешника, и самарянина, и язычника, и оправдывавший всякую несправедливость к ним. Нужно быть манихеем или гностиком, а не христианином, чтобы на Отца, в единение с которым привести человека считал своим делом на земле Господь Иисус Христос (Ин.17:4, 23), – на Отца смотреть как на какого-то злобного Димиурга, ввергающего во огонь вечный врагов своих, как смотрит на него г. Минский, если действительно видит непримиримое противоречие в евангелии между образом (идеалом) Отца, отвращающего греха и – Отца, любящего мир. Разве значит отмщать врагам своим, – не уничтожить тех, «иже любви истины не прията, во еже спастися им», – не уничтожить самого сатану, чтобы с ним угас и огонь злобы и ненависти, составляющий мучение его самого, и ангелов его, и тех, которые не восхотели соделаться благословенными чадами Отца Небесного. Это значит предъявлять к Отцу требование, чтобы, вместо того, чтобы спасти мир и обожить человека, Он уничтожил мир, вместе с *дьяволом*, которым *вниде в мир грех*. Ужели г. Минский думает,

что личное зло мира сатана, исконный противник всякого добра – дьявол и ангелы его сам по себе, а огонь уготован им где-нибудь особо, – так что не пошли их Судия туда, – в этот огонь, – дьявол и ангелы его и стяжавшие проклятие, вместо благословения Отца (Мф.25:41, 34), и благодушествовали бы, в своей злобе, во веки веков?

Двойственность евангельской морали указывается далее г. Минским в учении о предпочтительности девства супружеству, о предпочтении Отца Небесного отцу земному: это он называет двойственностью в учении о семье; далее он указывает двойственность в учении об обществе. В словах Христовых: кесарево кесарю, а Божие Богу – он видит заповедь, определяющую участие личности в жизни общественной и государственной и на дозволение служить и Богу, и кесарю указывает как на разрешение служить Богу и мамоне. Н.М. Минский мечтает, как мы видели, о близком наступлении единства этой двойственности евангельского идеала; – не знаем, как надеется он соединить служение Богу и мамоне. Но еще удивительнее то, как находит какую-нибудь двойственность там, где нет и призрака двойственности. Это было бы еще понятно, если бы он никогда не читал евангелия, если бы он знал из евангелия только отдельные изречения: воздадите убо кесарева кесареви и Божия Богови, – приидох разлучити... Оказывается, что ответ Господа фарисеям совершенно неизвестен для г. Минского, а между тем в словах Господа даже и не заповедь заключается, а именно только прямой ответ на вопрос совести: возможно или невозможно для народа, имеющего Царем своим Самого Бога, совмещать служение Богу с подчинением Царю земному, не только чуждому, но часто и враждебному заветам феоكرатии. Вопрос этот, предложенный в форме частного вопроса: платить или не платить подать узурпатору богодержавной власти, – получил разрешение в том смысле, что отдавать земное царю земному не значит отдавать ему Божие. Ответ так же, как и вопрос, выражен в изречении о подати: кто обеспечивает вам своею властью удобства и блага жизни общественной и государственной, даже до пользования монетой, при обмене произведений труда включительно, потому

и платите подать, – как бы так говорит Господь. Не бойтесь нарушить этим права истинного Царя Израилева. Ему нужна не монета с портретом и именем Императора Римского. Душа ваша, созданная по образу Божию, освященная нареченным на ней именем сына Божия, – вот, Божия собственность; её не отнимайте у Царя Небесного, её не продавайте миродержцу – исконному противнику Божию. Где же тут даваемое будто бы в евангелии разрешение служить Богу и мамоне? Не говорим уже о том, – как моральный идеал евангелия, относительно жизни верующих в гражданском обществе, раскрывается в Посланиях Апостольских, – как не только апостол языков Павел, но и апостол обрезанных – Петр согласно учили покоряться властям языческим *якоже* Господу и *ради* Господа, т. е. Господу покоряться в лице Нерона, Ирода, Пилата, так же, как некогда Давид в лице Саула чтит Помазанника Божия, так же как цари не только иудейские, но и цари израильские оставались для Пророков и всего Израиля представителями феократического порядка. Может быть, г. Минский считает Павла из Тарса искажителем и перетолкователем учения Иисуса из Назарета? По крайней мере, говоря о двуединстве евангельской морали, он ни разу кажется, не заимствует изображения евангельского идеала из разъяснений его в Посланиях Апостольских.

Если бы г. Минский не увлекся идеей единства морали в ветхом завете и морального двуначалия в новом, то в ветхом завете он, вместе с молоканами и духоборцами, нашел бы противоречие между повелениями Божиими вести непримиримую религиозную войну с неверующими, до совершенного их истребления, и заповедью: «не убий», между этой заповедью и смертной казнью по тому же закону Моисееву; и в новом завете противоречие заповеди: «чти отца твоего» он указал бы в словах Спасителя «приидох разлучити» людей, связанных узами родственными, при чем не только «чада восстанут на родителей, но и брат брата, отец чадо предаст на смерть»; следовательно, этот принесенный Господом в новом завете «меч» разделения в семье ... любви Божией не есть отрицание пятой собственно заповеди (Мф.21:34–37). Г. Минский указал бы на Христову заповедь, по которой

буквалисты духоборы своих родителей зовут *старик*, *старуха*, не удостоивая их имени *отца* и *матери* (Мф.23:9). Г. Минский не указывает на это прямое, по букве, отрицание пятой заповеди потому, вероятно, что здесь слишком ясно единоначалие морали как в ветхом, так и в новом завете: отеческая честь и власть имеет себе основание так же, как и царская, в чести и повиновении, какие обязаны мы воздавать единому Богу, – и Царю, и отцу нашему; восстает царь, или отец, или начальник против Господа, – тотчас же и разоблачает их от власти Божественного освящения, и подчиненные должны уже сказать: «справедливо ли перед Богом, слушать вас более, нежели Бога? – сами судите!» (Деян.4:19).

Наконец, двойственность морального идеала указывает г. Минский в евангельском учении о девстве и супружестве, но не объясняет, почему считает он ошибкой учение Церкви об этом предмете в течение XIX веков, пока он, г. Минский, в IV книжке «Нового Пути», не открыл миру «тайну нравственного двуединства», которую Церковь (до него) признавала лишь смутно. «Фактически, как живое целое, она, говорит г. Минский, воплощала в себе двуединую мораль евангелия, разделившись на мирян и монашествующих; но миряне и монахи были убеждены, что путь жизни в евангелии указан один, только монахи на этом пути стоят впереди мирян» (стр. 75). И что удивительного, что Церковь так думала XIX веков, думает и в XX-м, когда Сам Господь Иисус Христос в евангелии говорит, что один путь жизни и нет другого пути, приводящего к Отцу: «Я путь, и истина, и жизнь; никто не придет к Отцу», иначе как этим путем (Ин.14:6). И дальше г. Минский, также без всяких доказательств, утверждает, что «в действительности монахи и миряне шли двумя разными путями, равноценными, может быть, равнобожественными, но незнание этой тайны приводило к тому, что мирской идеал ставился ниже монашеского, обесценивался, вследствие чего страдала святость жизни: целая сторона жизни оставалась без освящения, будучи лишь терпимой» (– стр. 75). И опять не объяснено, каким образом незнание тайны морального двуединства приводило к предпочтению пути монашеского мирскому пути. Путь жизни

мирской, и путь жизни монашеской, если тот и другой приводит к Отцу, есть собственно один путь, путь внутреннего последования Христу, – смирением и любовью, даже до самоотверженного сострадания Христу, соучастия духовного в Его смерти и воскресении. *Аз семь путь... ко Отцу* – это значит тоже, что говорит и Апостол: «в вас должны быть те же чувствования» и расположения, «что и во Христе Иисусе» (Флп.2:5). Что удивительного, если на этом едином пути одни окажутся впереди, а другие – позади, если для успеха следования по этому пути одно оказывается лучшим, другое – худшим «выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше» (1Кор.7:38); «воин не связывает себя делами житейскими» (2Тим.2:4). Как осуществляли праведники ветхого завета благословение плодородия? Вот, Авраам, по возмужании уже наследника обетований божественных – Исаака, осуществляет обетование многочадия рождением пяти сынов от Аравитянки Хеттуры; – вот Моисей, сподоблявшийся уже боговидений на Синае, будучи уже старше 80 лет, в шатер Сепфоры вводит Ефиоплянку; вот, дочери Лота, Фамарь невестка Иуды, вот Вирсавия, жена Урии, готовы даже на преступления, чтобы стяжать благословенный плод чрева. А под конец ветхого завета, когда чаяние благословения Божия переносится уже в жизнь загробную и на смерть праведники стали смотреть, как на «отпущение», Анна пророчица сама отказывается от жизни супружеской, чтобы в течение 60 слишком лет служить Богу, проводя дни и ночи в посте и молитве (Лк.2:36–37). Благословенная Мария Дева в Назарете не принимала и Архангельского благовестия о рождении от Нее Сына, пока не разъяснилось для Нее, что это не воспрепятствует ей остаться девою. Что же это не видит г. Минский двойственности морального идеала в ветхом завете? И не права ли Церковь, признающая единый путь ко спасению в супружестве и девстве – служение Господу, – всецелое и неразвлекаемое в девстве и менее благоуспешное, как обремененное попечениями житейскими, в супружестве. Итак, не Церковью, а Самим Господом в Евангелии путь отречения от радостей и утешений жизни брачной, супружеской семейной

(Лк.14:26) представляется предпочтительным, только не для всех восточным образом последования Ему (Мф.19:20). Но напрасно обвиняет г. Минский Церковь, будто она лишала этот путь божественного благословения и освящения; вступающим на этот путь она дает своё таинственное и благодатное благословение. Не Церковь единая, святая, неодолимая живыми началами лжи и зла пребывала XIX веков в состоянии монофизического отрицания телесности, житейского, мирского, а те из сынов её, в морали которых отразилась ложь монофизитства, потому, что они не хотели или не умели в жизни своей принимать пребывающее в Церкви на всём Божие благословение. То правда, что страшливое фарисейское направление: «не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся», – направление, ставящее духовную мудрость «в самовольном служении» Богу «смирением, изнурением тела, пренебрежением к его потребностям» (Кол.2:21, 23) – такое направление давно уже распространилось, укоренилось и усилилось. Правда, что зло оставления нами земного, житейского, человеческого без благословения Божия приняло ужасающие размеры и последствия его распространились на философию, науку, литературу, искусство, политику, право, жизнь общественную и государственную; дошло до того, что все эти стороны жизни стали полужизневыми и даже враждебными Церкви и христианству. Как теперь церкви освящать и окроплять своим благословением чертоги современной жизни, когда в каждом углу их стоят идолы, в садах беснуются менады, раздаются вакхические: Эван-Эво! и цербер оглушительно лает на крест. Но нужно было свести догматы Церкви на философские мифы, как делает это г. Минский с учением Христовым о хлебе небесном и чаше жизни, чтобы стало возможным для него предаваться мечтательным надеждам на близкое объединение философии и науки со святоотеческим учением и Символом веры Никео-Константинопольским. Нет, мир спасет не мечтательное отшельничество во имя нашего «я», созданного по образу Божию (стр. 88, 76). Напрасно надеется г. Минский, что одним «глядением сквозь хрустальные стекла кельи на лампаду» мистика-«отшельника, забывшего о

мире», «выбросившего из души балласт желаний, борьбы, подвигов, чтобы облегчить полет экстаза» (стр. 87), мир «перестанет чувствовать тяжесть зол жизни, давящих его; что на огоньке этой одинокой лампы перегорят страдания мира и в забвенном безмолвии кельи затихнут «бушующие в мире бури». Откуда берет г. Минский пророчества о таких чудесах? Нет, – в учении о Церкви, «исторической Церкви, «как живом целом» (стр. 75), живущем не собирательною жизнью, как колония полипов на коралловом рифе, а единою жизнью Живого Отца, от века пребывающего в Сыне и изливающегося в силе Святого Духа (Ин.6:57) и делающего всех верующих единым телом (1Кор.10:17) («организмом», – только не «самодовлеющим»: стр. 91), – в учении о Церкви надобно искать не мечтательного, а на Божественном Откровении основанного решения вопроса, – как возвратить нашему земному и житейскому утраченное нами освящение. Если мы каждый в своих земных и житейских делах будем принимать своею верою простертую на всё земное благодать пришедшего с неба на землю Сына Божия и будем вести эти дела – каждый в своей области, в своей специальности, – не как «терпимое» только, а по существу чуждое Сыну Человеческому, но как Его воистину дело, Ему собственно и существенно принадлежащее; то каждый, по мере своего такого духовного делания, будет вносить жизнь и силу всеосвящающего Духа Божия в то или другое своё именно земное дело. И, по внутренней соприкосновенности каждой органической клеточки в теле Церкви, жизнь и теплота, воспринимаемая одним, будет передаваться окружающим, внутренно с ним связанным, клеточкам (Еф.4:16; Кол.2:19) и тлеющая искра (Мф.12:20) разгорится в Божественный огонь (Лк.12:49). И огонь этот очистит наше земное и житейское от всякой нечисти. И философия, наука, литература, искусство, театр, право, политико-экономические отношения, государственные порядки, домашняя семейная жизнь, – всё это, чем завладел мир и что подверг «анафеме», – «заклятию», – «херэм», – всё это, сделавшись добычею Победителя греха, проклятия и смерти, по очищении огнем, сделается достоянием града Божия (Чис.31:21–23). Но

когда?... О, как хотелось бы Мне, говорит Господь, чтобы этот огонь в мире уже разгорелся! (Лк.12:49). Доколе, Господи?... (Апок.6:10).

Протоиерей Лавр-кий

**Александров Д., иерей. Критический разбор
раскольничьего сочинения (Усова) «О
миропомазании священнослужителей,
присоединяемых к православию от ереси второго
чина»¹⁷³ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С.
689–702**

XIV

Старообрядец. Итак, вы учите, что миропомазанием священство уничтожается...

Православный. Господи, помилуй! Ведь это только Усов пишет и клеветает на миссионеров и на православн. Церковь, влагая в уста миссионера в своей книжице – следующие речи: «Святое миропомазание – де хуже и сквернее ереси... Ересь не уничтожает священства, а миропомазание уничтожает... Эти таинства (т. е. священство и миропомазание) несовместимы одно с другим, а скорее противоположны и враждебны друг другу. С крещением миропомазание совместимо, и там подает благодать Св. Духа, но священство оно уничтожает, как враждебное ему действие»... (См. 57–59 стр. его книги). Но, ведь, это клевета. Где так учили и учат миссионеры? Где и когда наша православн. Церковь учила и учит, якобы, миропомазание враждебное священству действие? Отсюда и доводы его, что святое миро не отгоняет и не уничтожает благодати Св. Духа, а подает, сообщает её, укрепляет его истинным христианином (стр. 58) и дальнейшие ссылки на Симеона Солунского (стр. 60), Григория Богослова и на церковные песнопения (стр. 61–62) – ни к чему. – Усов борется с воображаемым врагом, влагая в уста мнимого врага речи, какие ему самому угодны, – лишь-бы чем-нибудь очернить миссионеров.

Вот как миссионеры, основываясь на учении православной Церкви, учат: «Таинство миропомазания по характеру и значению своих внутренних благодатных действий в душе человека составляет необходимое дополнение и как-бы непосредственное продолжение крещения: «Миром сим

довершается крещение и мы делаемся чрез него храмами Св. Троицы», – и подобно крещению не повторяется вновь, коль скоро оно совершено вполне правильно и законно. – Совершение его над присоединяющимися от ересей и расколов может, поэтому, значить только то, что таинство миропомазания или совсем не было совершено над этими лицами, или было совершено неправильно и посему догматически – недействительно; говоря иначе: лица, присоединяемые чрез миропомазание рассматриваются как получившие таинство крещения, но еще не сподобившиеся даров благодати («Печати дара Св. Духа»), «преподаваемых в таинстве мира». – Кирилл Иерусалимский пишет «сподобившись св. миропомазания, именуется вы христианами, оправдывая имя сие возрождением. Ибо прежде, нежели сподобились сей благодати, не были в подлинном смысле достойными и сего наименования, но приближались только к тому, чтобы вам быть христианами» (Тайноводственное поучение 3-е, по изд. 1855 г., стр. 366). – Таким образом, по учению св. Кирилла, немирпомазанный не может именоваться христианином.

Церковь строго соблюдает последовательность в сообщении всех таинств: получившему св. крещения не преподается таинство кроме миропомазания; и не принявшему таинства миропомазания, как еще не совершенному христианину, не сообщается дар благодати Св. Духа, преподаваемый в таинстве священства, – дар духовно возрождать и воспитывать других посредством учения и таинств... Как же может возрождать и воспитывать других в духовной жизни тот, который и для себя не получил на то благодати Св. Духа.

Еще яснее эта мысль развита у блаженного Симеона Солунского в 41 гл. (по русскому переводу т. 2-й, стр. 83–89) «Изъяснение молитвы о «Мире». «Изъясняя слова молитвы: «Во еже быти тым (принявшим помазание мира) пред Тобою знаемым, домовным, гражданином.., и познаваемы чрез Святое сие знамение от св. Ангелов и Архангелов и всея небесные силы», Симеон Солунский говорит: «этим выражается, что чрез миро мы делаемся подобными Ангелам и чрез него мы ведомы

им. Таким образом выходит, что *не помазанные миром неведомы (как свои) ни Богу, ни Ангелам; они, как незапечатленные, и не назнаменаны для Христа*... «Смотри далее, – продолжает он, как мы, верные, делаемся чрез Божественное миро чем-то новым». «Да будут Тебе, говорит (молитва), род избранный, Царское Священство, народ святой – те, кои запечатлены сим пречистым миром Твоим». Таким образом чрез сие мы приемлем на себя печать Св. Троицы; а кто не помазан сим Божественным миром, не имеет сей печати. – Но какой еще величайший дар дает нам эта молитва, которую я изложил всю, чтобы мы узнали дары, подаваемые чрез миро? «И имели, говорит, Христа Твоего в сердцах своих, освящаясь в жилище Тебе – Богу и Отцу, во Св. Духе». Вот чрез него и Христос в сердцах наших, и мы соделываемся жилищем и храмом Бога Отца, и Сына Его Иисуса Христа, и Св. Духа. *Таким образом миром сим довершается крещение, и мы делаемся чрез него храмами Троицы. Поэтому оно преподается после крещения и низводит на нас Духа, что явил над Собою и Спаситель, когда крестился в Иордане. – Чрез сие-же миро мы делаемся духовными, и запечатленными печатью Божественные Троицы: так как мы освящаемся, очищаемся и возрождаемся в св. воде Её именем; а чрез миро приемлем печать Её и дары. – И как некрещенный остается нечистым и не возрождается в жизнь вечную, так не помазанный после крещения не имеет печати и знамения Св. Троицы, не приемлет и благодати Духа*» (в русском переводе, т. 2, 86–87 стр.). «Если таково, по словам молитвы церковной и по изъяснению блаженного толкователя церковных тайнодействий, значение миропомазания, – если не имеющие истинного помазания неведомы Богу, ни Ангелам, и не имеют даже общих всем простым членам Церкви даров благодати, – то могут-ли таковые обладать высшими благодатными дарами и полномочиями, преподаваемыми в таинстве хиротонии? Не очевидно-ли, таким образом, для каждого, что еретика, присоединяемого чрез миропомазание и следовательно считаемого лишенным общехристианской благодати этого таинства, *Церковь не может*

принимать в сущем сане» (к вопросу о Белокриницкой иерархии... Громогласова 1895 г., стр. 29–32).

Итак, – если Церковь принимает кого-либо из еретиков чрез миропомазание, то не может быть и речи, чтобы они сохранили в этих случаях принадлежавшие им иерархические степени. – По самому существу таинств священства и миропомазания, первое не может быть признано действительным у того, кто не считается правильно сподобившимся благодатных даров миропомазания... Вот почему *нет ни одного канонического правила*, где после предписания приема чрез миропомазание говорилось-бы о сохранении принятыми их иерархического сана («Иерархия Англиканской церкви», Соколова, стр. 334).

Таким образом клеветает Усов на нашу Церковь, якобы она учит, что миропомазание и священство враждебны друг другу. Этого никто не говорит, а говорят и учат, согласно канонам – правилам древней Церкви, что, по миропомазании, нужно снова рукополагать. А почему? Выяснено выше.

XV

Старообрядец. «Но, ведь, и ваша Церковь так же, как и старообрядческая, принимает священнослужителей от ереси второго чина чрез миропомазание в их санах, явно преступая таким образом и ответ Вальсамона, и послание к Мартирию, в мнение Захария Копистенского относительно этого предмета. Так не очень давно восточная церковь приняла чрез миропомазание клириков мелхитов в их степенях. В книге «О правилах и чинопоследованиях» об этом читаем: «В 1861 г. Константинопольский Синод принял в общение вместе с мирянами и клириков сирийских мелхитов в их прежних степенях: См. в «Руководстве для сельских пастырей» 1861 г. № 3, письмо Архимандрита Антонина. Клирики мелхиты, как сообщает о. Архимандрит, приняты были, как и миряне, чрез миропомазание (стр. 158 и примечан.).»

Так в 1862 г. принят католический священник Гете в своём сане. Об этом в журнале «Воскресное Чтение» за 1862 г., в статье: «Присоединение к православию аббата Гете», после краткого указания причин, побудивших этого аббата, или по-русски сказать священноинока (иеромонаха), присоединиться к

господствующей в России церкви, повествуется: «Присоединение аббата Гете к православию последовало в Июне месяце настоящего 1862 года. Св. миропомазание совершал над ним о. протоиерей И.В. Васильев и, по желанию самого аббата, нарек ему православное имя Владимира, в честь равноапостольного просветителя России. На другой день совершена была в новосозданной правосл. церкви Божественная литургия, и как всякий католический священник, чрез самое действие вступления в православие, становится православным священником, то и вновь присоединенный отец Владимир Гете присутствовал при Богослужении уже в рясе и подряснике, наподобие наших священников, возложив на себя кроме того поверх рясы епитрахиль. – В этот день он в первый раз сподобился принятия Тела и Крови Христовой, по чину нашей православной Церкви, как православный священник» (14-го Ноября № 31, стран. 778).

Православный. Во всём том, что вы сейчас привели, справедливо только то, что Гете и клирики мелхиты были приняты в их прежних степенях священства. – Но как? Гете был принят не чрез миропомазание, что мы ниже и докажем вам, а третьим чином – чрез покаяние с отречением от ересей. Сирийские-же клирики мелхиты Константинопольским Синодом приняты в общение вместе с мирянами, как сказано в письме Архимандрита Антонина, чрез миропомазание. – Но с новым-ли рукоположением, или-же, с сохранением прежних степеней священства, без нового рукоположения – об этом ни Сергей епископ Вятский, ни Архимандрит Антонин не говорят. – Наоборот, Сергей, епископ Вятский, в том-же примечании, из которого вы привели выдержку не целиком, а часть только, – говорит: «Но такой образ принятия клириков (т. е., что их приняли чрез миропомазание – вторым чином), очевидно, был следствием недоразумения; по древним правилам церкви, как мы видели, принимаемые в своих санах священства не миропомазывались, а представляли только письменное отречение от заблуждений» (стр. 158).

Итак, не законом, не правилами вселенских и поместных соборов, не правилами св. Апостол и Отец вы хотите

оправдаться, а каким-то довольно неясным письмом Архимандрита Антонина.

Да, если бы и так; то можно-ли ошибкой частных лиц, – «недоразумением» некоторых, – пользоваться и ставить это в закон?... «Что не по правилам, то в пример не приводится и что редкое – не закон Церкви» (Синтагма Матфея Властаря буква «В», гл. 3-я). – А вы свидетельством Антонина хотите оправдаться и на нём построить законность своего священства. Прямой-же, положительный закон Греческой Церкви свидетельствует, что, по миропомазании, следует снова рукополагать клириков-еретиков – в сан «в нем же беша» (см. выше). – Усову хорошо известно, что не всё то свято, что изложено печатно; что иное дело, летучие корреспонденции, попадающие, правда, иногда и в серьезные издания, и иное солидные исторические документы. – Точное и обстоятельное описание присоединения Гете содержится в донесении самого совершителя сего последнего, протоиерея о. Иосифа Васильева (от 20 Июля – 1 Августа 1862 года). – Донесение это обнародовано «Церковною летописью Духовной беседы». Оно гласит: «Во исполнение Архипастырского распоряжения я объявил ищущему присоединения к православ. Церкви аббату Гете соизволение Св. Синода на принятие его в недра православия и совершил сие последование следующим образом. После пятидневного говения и присутствия при Богослужениях, в субботу 15 Июля, в 8 часов утра, аббат Гете предстал пред аналоем, на котором положены были св. Крест и Евангелие. На обычный вопрос: «Чего он желает? ищущий присоединения отвечал, что желает присоединения к прав. Церкви, которую признает единою истинною, соборною и Апостольскою и в которой обещает верно пребыть до последнего издыхания». На второй вопрос: «Что нашел неправославного в Римско-католической церкви»? он отвечал подробным изложением заблуждений папских и отречением от оных, а потом изложил полное исповедание православной веры. За сим, после приличного наставления с моей стороны, аббат Гете преклонил колена и над его главою прочитана была мною присоединительная молитва по чиноположению. – Обряд

кончился лобызанием св. креста и евангелия» – (Декабрьск. № стран. 900–901). Вот авторитетное слово самого совершителя присоединения! О. Васильев не совершал св. миропомазания над Гете. – Гете принят в недра православия третьим чином. Далее – в той же «Летописи» присоединено следующее замечание: «Считаем весьма не лишним заметить здесь, в предупреждение могущих возникнуть недоумений, что журнал «Странник» (а «Воскресное Чтение», как то и указано в нём перепечатало свою заметку из «Странника») не осмотрительно впал в грубую ошибку, когда сказал, что о. В. Гете при этом был миропомазан».

Если православная Церковь признает действительным священство Римской Церкви, то почему она будет отвергать её миропомазание и повторять это таинство над священником, без всякого сомнения, уже миропомазанным? Такая несообразность возможна только у наших раскольников» (там же стр. 901, примеч.). – Сейчас-же по выходе в свет Декабрьского № «Церк. Летоп. Дух. Бесед». появилось разъяснение и в «Страннике». Перепечатав донесение о. Васильева, редакция «Странника» в особом примечании к нему заявила: «В Сентябрьской книжке Странника, в известии о присоединении аббата Гете, священный обряд присоединения назван миропомазанием. В этом случае редакция буквально повторяла выражение Парижского корреспондента. Теперь, когда в Церковной Летописи Духовн. Бесед от 22 Декабря напечатано приводимое здесь официальное донесение, спешим довести до сведения наших читателей, что миропомазание над аббатом Гете, при его присоединении, не было совершено, – как действительно, и не следовало по правилам нашей православной Церкви» (Декабрьск. № 1862 г., стр. 517, прим.).

Таким образом, ссылка на мелхитов и на Гете и несправедлива, да и не может оправдать незаконный чиноприем вашими предками м. Амвросия.

Старообрядец. Усов указывает и другие доводы, именно: «В Истории Русской Церкви» Митроп. Макария повествуется: «Согласившись с мнением собора, бывшего в марте (1655 г.), Никон тут-же передал нашему владыке (Макарию), патриарху

(Антиохийскому), шесть священников, приведенных в плен из Польши, как видно из описания, униатских, которых потом Антиохийский первосвященитель и присоединил всех к православной Церкви не чрез крещение, а чрез миропомазание» (т. 12, стр. 174). А что они оставлены в своих санах, об этом говорится в книге «О правилах и чинопоследованиях»: «В древней практике нашей Русской православной Церкви находим так же мало примеров принятия неправославных клириков, как и в практике Церкви Восточной. Примеры сии относятся к принятию клириков униатов, рукоположенных униатскими епископами. Именно: в одном рукописном патриаршем сборнике половины 17 века, принадлежащем Московской Синодальной библиотеке (рукоп. № 424), между прочим записано: месяца мая в 28-й день 1655 г. белорусцу попу (имени не сказано) вместо его ставленныя грамоты дана благословенная грамота новая к церкви преображению Спасову, в подмосковную вотчину стольника Александра Даниловича Леонтьева..., в попы он поставлен, по благословию Антония Митропол. Киевского Селявы (униата), Андреем Смоленским (униатом)... Того-же дня белорусцу-же попу Василию Минину благословенная к прежней церкви великомученика Сергия в Бельском уезде, в Юрьевскую волость. Ставлен в попы Сергием, Архиепископом Смоленским в 162–1654 году... Того-же дня белорусцу попу Исидору Исаеву сыну благословенная к прежней-же церкви к Николе чудотворцу в Белевский уезд в Чечатскую волость поставлен в попы Андреем Архиепископом Смоленским в 161-м 1653 году... А все они свидетельствованы Антиохийским патриархом Макарием (бывшим тогда в России). И священник Черный Иов, его-же патриархов, их исповедовал» (стр. 159–160). – А как «все они свидетельствованы Антиохийским патриархом Макарием», – на это ответ находим в выше приведенной выписке из истории Макария, где говорится, что «он всех их присоединил к православной Церкви... чрез миропомазание». – Кроме этих, приняты и другие униатские священники чрез миропомазание в их санах. В той же книге «о правилах и чинопоследованиях» читаем еще: «В той же рукописи под 1656 годом, записано: в 7

день февраля дана благословенная грамота попу Лукиану Тимофееву сыну в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы в Смоленский уезд, в село Лопкову, а ставленник он Смоленского Архиепископа униатского Андрея... И ту (ставленную) грамоту взял у него Тверской Архиепископ Лаврентий, а его, попа, велел миром помазать... Того-же февраля в 8-й день (дана) благословенная грамота вместо старые попу Трофиму Спиридонову сыну к церкви Рождеству Богородицы, в Бельский уезд, в Биберскую волость, в Монино слободу, а ставленник он был Смоленского архиепископа Леона униата. И под началом на Москве в чудовом монастыре был и миром помазыван. Также приняты попы Феодор Петров сын и Трофим Кодратов сын» (стр. 160–161). Бывали даже примеры, что восточная церковь принимала чрез миропомазание в своих санах даже тех, которые у ней получили рукоположение в священные степени, если они, по отпадении от неё в какое-либо заблуждение, снова возвращались к ней. Так об известном Арсении Греке, бывшем справщике на печатном дворе при Никоне, история свидетельствует, что он поставлен в священники епископом Каллистом и затем определен в игумены Богородицкого монастыря, что на острове Кафе. Чрез несколько времени после этого он уклонился в магометанство, но потом снова обратился в греческую веру. Тогда патриарх Паисий взял его с собою в Москву, где он и остался на жительство. По некоторым подозрениям, здесь его потребовали к допросу, на котором он дал о себе между прочим такое показание: «В том он (Арсений) пред Богом грешен и пред Государем виноват, что таковы дела, (что принимал магометанство) Царскому Величеству не известил, а обусурманен де он неволью. – Когда-же он после того пришел в Волошскую землю, то митрополит Янинский Иоасаф его, Арсения, в вере исправил и миром помазал. Да и патриарху Паисию он объявил-же и покаяние принес. И патриарх в том его простил и благословил, и грамоту прощальную и благословенную ему дал, и та грамота патриархова ныне у него, Арсения. А государя он не известил потому, что его Паисий простил и служить ему велел» (Истор. Макария т. 12, стр. 161).

Православной. Св. Григорий Богослов в слове «На Святые Светы явлений Господних» писал: «Что редко, то не закон для Церкви, так как одна ласточка не показывает весны, или одна черта не делает геометром, или одно краткое плавание мореходцем» (т. 3-й, по изданию 1889 г., 218 стр.); посему и те доводы, которые вы привели, не могут оправдать чиноприема, совершенного вашими предками над м. Амвросием. – Если, по недоразумению некоторых принимавших, и были приняты чрез миропомазание, с оставлением в санах, в 1656 г. униатские священники: Лукиан Тимофеев, Трофим Спиридонов, Феодор Петров и Трофим Кодратов, то это сделано было прямо-таки по недоразумению Тверского архиепископа Лаврентия (стр. 161-я) и вопреки законам Церкви, которые (т. е. законы – правила нашей правосл. Церкви) повелевают клириков, еретиков второго чина, по миропомазании рукополагать снова, о чём мы выше говорили. Вы-же говорите, что «Церковь наша принимает священнослужителей от ереси второго чина чрез миропомазание, оставляя в своих санах». – Иное дело Церковь, иное дело «Тверской архиепископ Лаврентий», который, принявши чрез миропомазание попа Лукьяна Тимофеева, и оставил его в сущем сане». – При этом, принимая Амвросия, ваши предки руководствовались не примером чиноприема Лукьяна Тимофеева архиепископом Лаврентием, а 8-м правилом 1-го вселенского собора, в котором ни слова не говорится о миропомазании, а повелевается принимать третьим чином. – Св. Григорий Богослов хиротонию еретиков второго чина отметал, как «чуждую» св. соборной Церкви, а вы св. отцу – предпочитаете архиепископа Лаврентия, который мог ошибаться, заблуждаться, и на ошибке, недоразумении, заблуждении одного епископа хотите укрепить здание своей Церкви и оправдать совершенный вашими предками чиноприем над Амвросием... И «как одна черта, проведенная каким-либо человеком и одно краткое плавание, совершенное кем-либо, не делает совершивших это ни геометром, ни мореходцем, так и совершенный чиноприем архиепископом Лаврентием над попом Лукьяном Тимофеевым и др. не делает это законом, обязательным для руководства всех, в особенности для

руководства св. Церкви, которая чиноприем Лаврентия не возвела в закон для себя, – не приняла в руководство... По свидетельству св. Василия Великого св. Дионисий не считал нужным перекрещивать Монтанистов, что св. Василий называет ошибкой, не видя никакого основания принимать без крещения таких еретиков, которые крестятся в Отца и Сына, в Монтана и Прискиллу: «Те и не крещены, писал св. Отец, которые крестились в то, что нам не предано. Посему если и укрылось это от великого Дионисия, то нам не должно держаться подражания ошибке, потому что несообразность сама собою видна и очевидна всякому, кто хотя несколько способен рассудить» (Первое послание к Амфилохию, прав. 1-е в творен. Василия Великого). – Так, если архиепископ Лаврентий и др. по недоразумению и приняли некоторых «униатских попов» чрез миропомазание, оставив в сущем сани, «мы не должны держаться подражания ошибке, ибо «несообразность сего чиноприема очевидна всякому, кто, хотя несколько, способен рассудить».

Укажу и еще Вам пример, вот св. Феодор Студит писал, «что второй брак не имеет венчания, и посему не сочетается священником; он не предан, а допускается тогда, когда будет исполнена какая-либо епитимья, наложенная священническим судом, после чего они (второбрачные) могут и приобщаться Божественных даров, получая благословение чрез это, как-бы при венчании, второстепенным образом, по снисхождению... И какой пресвитер станет венчать его, получив от отцов запрещение даже просто присутствовать на его пиршестве»? (часть 1-я, стр. 300–301). – Так, можно-ли на основании только этого свидетельства св. отца второбрачных не венчать и не сочетать чрез иерея? Соблюдают-ли это учение св. отца сами, глаголемые, старообрядцы поповского толка? Не предпочитают-ли они прямой закон Церкви, другие правила, повелевающие и второбрачных иерею венчать, – учению, мнению одного св. отца? Конечно так. И в старопечатных потребниках положено и над второбрачными совершать таинство брака священнику.

Как посмотрели-бы вы и Усов на такого иерея, который, основываясь на указанном свидетельстве св. Феодора Студита, стал-бы требовать, чтобы над второбрачными священник не совершал таинства св. брака, а просто, после известной епитимьи, стал-бы допускать второбрачных до св. причащения, говоря, что чрез это второбрачные «получают благословение второстепенным образом»... Конечно, и вы и Усов признали бы действия такого иерея ошибкой, недоразумением и никоим образом не стали бы следовать ему, а тем более не стали-бы действия такого иерея – приписывать всей Церкви...

Судите также и о чиноприеме униатских попов, принятых, в сущем сани чрез миропомазание Лаврентием архиепископом Тверским и др. и не ищите в деяниях, поступках сих лиц ни оправдания себе, ни обвинения св. Церкви.

Что касается до Арсения Грека, то тот-же Макарий, ссылку на которого поместил в своей книге Усов, приводит показание Арсения, который на допросе сказал, что он «Униатом и бусурманином не бывал» и что турки «чинили ему многое истязание и платье с него сняли и камилавку; надели на него чалму и вкинули его в тюрьму..., откуда он ушел в мутьянскую землю, а бусурманом не бывал» (Т. 12, стр. 160); значит все его «бусурманство состояло в том, что он сидел в тюрьме у турок, которые его мучили, надели на него чалму и бросили в тюрьму». Если-же он был исправлен и миром помазан, якобы, янинским митрополитом Иоасафом, а затем «Паисий-де простил и служить ему велел», то это произошло от того, что Паисий не знал Арсения и всех его походов, о чём Паисий и писал Царю в июле 1649 г., что «Арсений не его старец», что он «про него не ведал». – Во всяком случае и это не довод, не доказательство от закона и правил к оправданию Амвросия. – Преподобный Никон – Черные-Горы в 28 слове писал: «да испытует Владыко мой честь твоя смотрительных силу, и отнюдь не приимати ниже в беседу, яко от таковых смотрительных развращенная тех толкования... Бегати-же нужно есть немогущих праве разумети таковая смотрительная, яже и предлагают» (Тактикон, лист. 156 обор.). – Так вот преподобный отец – «смотрительные», частные случаи строго воспрещает

брать в доводы, в доказательства, и приводить их на беседах: – «отнюдь не приимати в беседу», а вы всё время только и бьетесь и приводите примеры, частные и редкие случаи, которыми и хотите защититься.

Старообрядец. Но я, кроме выше указанного 8 правила и толкования Аристина на оное, – больше правил не могу привести, да и Усов больше не привел. Но вы показали, что в 8-м правиле первого собора о миропомазании не говорится, с чем и я согласен теперь. – Но что-же вы скажете по поводу чиноприема, совершенного над униатскими священниками патриархом Макарием, о чём я выше прочитал из книги Усова?

Православный: Разберем и это свидетельство. – Дело в том, что Усов из двух разных сказаний сплел одно и тем, мне кажется, подтасовал факты. Из истории Макария Усов привел следующую выдержку: «Согласившись с мнением собора, бывшего в марте 1655 г., Никон тут-же передал нашему Владыке (Макарию) патриарху шесть священников, приведенных в плен из Польши, как видно из описания, униатских, которых потом Антиохийский Первосвятитель и присоединил всех к православной Церкви не чрез крещение, а чрез миропомазание» (12 т., стр. 174–175).

Хорошо. Но оставил-ли их Макарий или патриарх Никон в сущем сане, или-же снова рукоположены были эти священники – о том ни слова не сказано в истории Макария. – Усов говорит, что «они оставлены в своих санах» и ссылается на книгу «о правилах и чинопоследованиях» страницы 159–160, где говорится, что 28 мая 1655 г. выданы «благословенные грамоты» белоруцам попам: одному к церкви «Преображению Спасову – в подмосковную вотчину, другому – Василию Минину к церкви великомученика Сергия – в Бельский уезд, в Юрьевскую волость», а третьему – Исидору Исаеву «к церкви Николае Чудотворцу – в Белевский уезд в Чечатскую волость». О всех этих трех (а не шести, коих, по истории Макария, Антиохийский патриарх Макарий принимал чрез миропомазание) священниках сказано: «а все они свидетельствованы Антиохийским патриархом Макарием (бывшим тогда в России). И священник черный Иов, его же

патриархов, их исповедовал». Таким образом, как оказывается, эти «три попа белоруса» были только «свидетельствованы» п. Макарием, а чиноприем их совершал «*Черный священник Иов*», – но не чрез миропомазание, а «*их исповедовал*», т. е. чрез *покаяние*. Усов-же прием шести священников Макарием, о чём повествуется в истории Русской Церкви (т. 12, стр. 175), сплел, соединил в одно со сказанием о трех попах белорусах, кои только «свидетельствованы» были Макарием, а принимал их священник Иов – чрез покаяние. Дальнейших-же слов из книги «о правилах и чинопоследованиях» Усов и совсем не привел; а между тем они имеют большое значение в решении вопроса о чиноприеме выше сказанных белорусских попах. Приведем их. «Сии примеры, читаем там, показывают, что древняя Церковь наша признавала рукоположение униатов истинными и не повторяла оные, но принимала обращающихся к православию клириков *чрез одно покаяние*, вручая лишь им новые ставленные грамоты, вместо прежних, которые даваемы были им униатскими епископами. С таким образом принятия их, как видно, согласен был и Антиохийский патриарх Макарий, без сомнения потому, что этот образ принятия униатов нисколько не противоречил ни древним правилам Церкви вселенной, ни современной практике Церкви восточной» (правилах и чинопоследованиях, стр. 160). Итак, ясно, что священники белорусцы, о которых говорится в книге епископа Сергия, были приняты не вторым, а третьим чином, почему и оставлены были в своих санах.

(Окончание следует).

Иерей Д. Александров

Высоцкий Н. Критический обзор мнений по вопросу о происхождении хлыстовщины¹⁷⁴ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 703–714

Обратимся теперь ко второй группе взглядов по вопросу о происхождении хлыстовщины, признающей эту секту явлением совершенно самобытным, независимым ни от каких внешних влияний.

Первым, высказавшим мысли о самобытности хлыстовской секты, был А.П. Шапов. В статье «Умственное направление русского раскола», помещенной в 10 и 11 кн. журнала *Дело* за 1867 г., он излагает свой взгляд следующим образом: хлыстовщина, по мнению г. Шапова, образовалась из остатков языческих религиозных воззрений, которые сохранялись в народной памяти вплоть до появления хлыстовщины, благодаря деятельности волхвов и кудесников. Волхвы и кудесники, эти представители древне-языческого культа финско-славянской народности, в течение долгого времени являлись сильной оппозицией распространению христианства в форме восточного православия. Благодаря им, Русь долго отстаивала свои языческие воззрения. «Кудесники, по выражению г. Шапова, как представители финско-славянского мирозерцания, всегда поддерживали в народе национально-языческую антипатию к церковно-византийскому христианскому учению».¹⁷⁵ До XIII в. они производили открытые восстания против проповедников христианского учения как на северо-востоке русской земли, так и по украинам, где чудь преобладала над русским населением».¹⁷⁶ Для большей части народа они являлись тем же, чем являются священники для православных христиан. В указе Алексея Михайловича отмечается, как обычное, следующее явление: «многие люди, забыв Бога и православную веру, в городах и уездах бывают со многим волхвованием и чародейством: волхвов и чародеев и богомерзских баб в дома к себе призывают и к малым детям, и те волхвы над больными и младенцами чинят всякое бесовское волхвование и от православия всех православных христиан отлучают».¹⁷⁷

Антипатия к церкви и её богослужению поддерживалась волхвами и кудесниками вплоть до самого появления сект пророчествующих. — Но одним пассивным недоброжелательством здесь дело не ограничивалось. Они старались поддерживать языческое богослужение, которое церковными писателями называется «идольским сборищем». Эти идольские сборища были весьма похожи на радения наших хлыстов. По словам тех же духовных писателей, здесь «быша радость бесовская», происходили пляски мужчин и женщин, распевались «песни бесовские, мирские и приязные», при этом пении «главами качали, кликали коляды, овсеня и плуга», и тут же «совершалось мужам и женам и отрокам великое прельщение и падение, женам замужним беззаконное осквернение и девицам растление». Секте «людей Божиих» оставалось дать только этим религиозно-языческим сборищам догматическую форму и санкцию своих моленных соборов и радений.

В XVI и особенно XVII в. в народе распространяется церковная грамотность. Волхвы и чародеи захватываются этим просветительным движением времени, и вот среди них появляются грамотные волхвы, которые и облекают старое языческое, финско-кудесническое миросозерцание в форму церковно-книжного учения.

С возникновением раскола, волхвы кудесники, шаманы и чародеи стали обращаться в пророков и расколо-учителей. Но при этом шаманство нисколько не ослабевало и не теряло своего значения. Обличье пророков и пророчиц только прикрывало их шаманство, которому теперь был придан вид христианско-пророческий.

«Таким образом, обобщает свою мысль г. Щапов, чудско-славянское кудесничество заключало в себе все элементы для развития кудесническо-пророческой секты людей Божиих и под влиянием двоеверного, христианско-мифологического книжного учения постепенно само собою преобразовывалось в чародейно-расколоучительную и волшебную-пророческую секту. От волхвов-пророков и чародеев-расколоучителей, и черниц, и девиц-раскольниц, кудеснически бившихся о землю, от

галлюцинационного видения отверстых небес и т. п. оставался один шаг до христиански-шаманствующих пророков и пророчиц людей Божиих... И вот в конце же XVII и в начале XVIII в. Данила Филиппов и Иван Тимофеев Суслов положили начало секте людей Божиих».

Раскрывши мысль о вероятности происхождения хлыстовщины от древнерусского шаманства, так сказать, путем историческим, г. Шапов подтверждает свою мысль указанием на существующее сходство между хлыстовщиной и славянским язычеством. Сходство это, по мнению г. Шапова очень большое и замечается как в теоретическом учении, так и в культе.

Таков взгляд г. Шапова. Взгляд этот нельзя не признать крайним. В самом деле, г. Шапов утверждает, что хлыстовщина, главным образом, возникла на почве народной финско-славянской, а не на церковно-византийской. Но с этим решительно нельзя согласиться. Хлыстовщина родилась главным образом на почве христианских воззрений. Это доказывается тем, что их учение о перевоплощениях Сына Божия, о таинственной смерти и таинственном воскресении, о присутствии в их среде Св. Духа и т. д. могло возникнуть, конечно, только на почве христианской, но никак не на языческой: ничего подобного не было в древнерусском язычестве. Равным образом и мораль хлыстовская заимствована сектантами из христианства. Но, утверждая это, мы далеки от мысли, что хлыстовщина не имеет в себе ничего языческого. Напротив, мы признаем влияние язычества на образование хлыстовщины, но говорим только, что влияние это было на втором плане, первое же место занимало христианство.

Г. Шапов элементы для образования хлыстовщины видит в глубокой древности, и именно в языческом чудско-славянском кудесничестве. Не то думает по вопросу о происхождении хлыстовщины проф. Н.С. Тихонравов. Мнение уважаемого профессора весьма оригинально и совершенно одиноко. Н.С. Тихонравов не считает хлыстовщину самостоятельной сектой, он отождествляет её с ересью стригольников, явившеюся на Руси во второй половине XIV т. и, поэтому, признает, что те

причины, которые вызвали ересь стригольников, породили и хлыстовщину. Обстоятельства же, вызвавшие ересь стригольников, были таковы. XIV в. в Европейской истории оставил по себе мрачную память: это был век «черной смерти». «Черная смерть» или чума обошла всю Европу и проникла к нам – на Русь. Как одна из эпидемических болезней и притом самая страшная, чума производила весьма сильное нравственное потрясение в жителях тех стран, где она гостила. Все находились в постоянном страхе, никто не был застрахован от смерти в каждую данную минуту. Все медицинские средства были недействительны. В эти-то минуты общественного бедствия народ, естественно, искал помощи и защиты у Бога. На Него одного оставалась еще надежда. Но искать и просить помощи у Бога одними своими молитвами бедствующий народ считал недостаточным и, естественно, обращался к лицам, облеченным силою свыше, к лицам иерархическим. Но каково было возмущение народа, когда он увидел своих духовных руководителей беспечными, холодными формалистами, привязанными к мертвой букве и предпочитающими эту букву духу, который животворит. Всё то уважение, которое народ питал к лицам иерархическим, совершенно уничтожилось в эти минуты общественного бедствия. Последовательные люди не остановились на этом и пришли к мысли о совершенной ненужности иерархии и предлагаемых ею средств спасения, о возможности каждому христианину самому, без всяких посредств, искать непосредственного общения с Богом. Найдены были для этого средства, при помощи которых можно было сделать себя сосудом, достойным для восприятия Божества. Этими средствами были: самобичевание, воздержание от законного брака (при допущении открытого разврата в незаконных связях), пост, молитва и пр. Так явились западные мистические секты гейслеров и флеггеллатов. – Это же явление повторилось и у нас, на Руси. Занесенная с запада немецкими купцами в Псков и Новгород чума произвела точно такие же последствия, какими сопровождалась она и в западной Европе. И у нас, на Руси, слышался ропот на пастырей и на всю церковь со всеми её постановлениями, обрядами,

тайнствами и пр. Через два года после чумы официально стало известно о возникновении ереси русских стригольников – хлыстов.

Так, по мнению Н.С. Тихонравова произошла ересь стригольников-хлыстов.

Не станем входить в рассуждение о том, так-ли, как думает уважаемый профессор, или иначе возникла ересь стригольников, такие ли обстоятельства вызвали эту ересь, какие указывает Н.С. Тихонравов, или иные: это не имеет отношения к нашему предмету. Предмет нашего рассуждения – вопрос о происхождении хлыстовщины. Но этот вопрос должен быть решен совсем не так, как думает проф. Тихонравов. Не эти обстоятельства, на какие ссылается проф. Тихонравов, и не XIV в. породили секту людей Божиих, – она появилась гораздо позднее и была вызвана другими причинами. Об этом подробно мы будем говорить во второй части своего рассуждения; теперь же раскроем основную ошибку, в которую впадает уважаемый профессор и которая обуславливает собою неправильность его взгляда о происхождении хлыстовщины.

Грубая ошибка Н.С. Тихонравова заключается в том, что он отождествляет секту хлыстов с ересью стригольников. Мы недоумеваем, каким образом мог допустить такое отождествление Н.С. Тихонравов, но что это отождествление им допущено, – в этом не может быть никакого сомнения. Он прямо говорит в своих лекциях: «Через несколько (двух) лет после прекращения язвы Псковской и Новгородской, летописцы записали о появлении в наиболее потерпевших от мора городах Новгороде и Пскове – русских хлыстов.¹⁷⁸ Он приводит даже основание для такого отождествления. Для этого он становится на почву палеографии и приходит к заключению, что слово *стригольник* значит собственно *хлыст*. «В памятниках Новгородских и Псковских, говорит он, это слово (стригольник) имеет такую форму: стрекольник или стрегольник; но так как в Новгороде пар. заменяло собою *и*, то и могло явиться слово стрикольник или стригольник. В духовной Владимира Мономаха встречается слово стрекать, т. е. бить себя каким-нибудь хлыстом, плетью или жгутом, стало быть, слово стригольник

буквально соответствует русскому слову хлыст».¹⁷⁹ Впрочем, это основание приведено им как-то вскользь, в примечании, и направлено собственно к разъяснению слова *стригольник*, а не имеет специальной цели доказать тождество стригольников с хлыстами. В общем же течении его мыслей это тождество хлыстов с стригольниками является несомненным для Тихонравова, не требующим для себя никаких доказательств. Его лекция о стригольниках-хлыстах производит такое впечатление, что он не допускает даже возможности сомневаться в тождестве хлыстовщины с стригольничеством и думать, что хлыстовщина и стригольничество это совершенно различные – как по характеру своего вероучения, так и по времени своего появления, – русские секты. Поэтому в его рассуждениях о стригольниках-хлыстах мы не найдем, кроме отмеченного уже, доказательств в пользу мысли о тождестве этих двух сект.

Это обстоятельство, т. е. отсутствие доказательств мысли о тождестве хлыстовщины и стригольничества дает нам право при рассмотрении взгляда Тихонравова стоять на почве общих рассуждений, не вдаваясь в подробности.

История располагает очень скудными сведениями о русских стригольниках. «Всё, что мы знаем о стригольниках, заключается почти в одних посланиях, которые приписываются... царьградскому патриарху Антонию».¹⁸⁰ Но этих скудных сведений вполне, однако, достаточно для того, чтобы видеть, что между хлыстовщиной и стригольничеством существует большое различие. Стригольники отвращались от пастырей церкви, как от незаконных, поставленных на мзде;¹⁸¹ затем, переходя к рассмотрению жизни пастырей, они находили, что архиереи и монахи собирают себе много имения, а белое духовенство берет поборы с живых и мертвых и дурно живет; отсюда они выводили, что не нужно принимать ни учения, ни священнодействий от наших пастырей, что все священнодействия их не действительны: не нужно принимать от них ни крещения, ни покаяния, ни евхаристии, ни петь над умершими, ни приносить за них приносов. Отвергнув иерархию, еретики естественно должны были право учительства усвоить

мирянам, а священнодействия по возможности вовсе устранить. Каяться, говорили они, можно и без священника, припадая к земле, евхаристию нужно понимать в духовном смысле; другие таинства и обряды вовсе не нужны. Некоторые доходили до отрицания соборов, даже евангельских и апостольских писаний, другие отвергали еще воскресение мертвых. Относительно нравственной жизни они все одинаково придерживались идей аскетических, отличались строгой жизнью и постничеством.¹⁸²

Сравнивая изложенное учение стригольников с учением хлыстов, мы действительно видим, что между хлыстами и стригольниками могут быть указаны некоторые черты сходства. Так, отрицательное учение у тех и других одинаково; есть сходство и в нравственном учении. Но, как мы уже замечали, по отрицательному учению никогда не следует говорить о полноте сходства известных религиозных учений, а тем более о тождестве их.

Отрицательное учение одинаково у всех сектантов, даже у таких, о сходстве которых между собою никто и не говорит. Сходство в нравственном учении также ничего не говорит. Какая-же секта, отделяясь от церкви, ставит себе задачей угождение плоти и удовлетворение всех её потребностей? Все они, по крайней мере, на первых порах стремятся к нравственному самоусовершенствованию и возвышению духа над плотью. Когда говорят о тождестве двух сект, то обыкновенно разумеют тождество главных идей, лежащих в основе каждой из них и тождество особенностей (если не всех, то по крайней мере некоторых), характеризующих эти секты. Ни в том, ни в другом отношении между хлыстовщиной и стригольничеством тождества нет. По общему признанию, секта стригольников есть секта рационалистическая, тогда как хлыстовщина – секта мистическая. В стригольничестве нет ни одной особенности, которые характеризуют хлыстовщину: нет ни перевоплощений, ни радений, ни других странностей секты хлыстов. С другой стороны, и в хлыстовщину не вошли те особенности, которые были в стригольничестве. У хлыстов нет покаяния земле, что было у стригольников. Всё это ясно говорит, что о тождестве между хлыстовщиной и

стригольничеством не может быть и речи, следовательно, относительно происхождения хлыстовщины должно быть представлено другое объяснение, чем то, какое предложено г. Тихонравовым.

Если Н.С. Тихонравов возникновение хлыстовщины относит к XVI веку и отождествляет её с стригольничеством, то г. Милюков думает совсем иначе. Он начальный момент истории хлыстовщины приурочивает к концу XVII ст. и ставит её в тесную связь не с стригольничеством, а с беспоповщиной.

По его мнению, хлыстовщина получила своё начало в той же обстановке, в которую сложилась беспоповщина. На это указывает, прежде всего, некоторое сходство, существующее между хлыстовщиной и беспоповщиной. Сходство это замечается во 1) между обстановкой культа хлыстов и обстановкой раскольнических собраний в первое время существования раскола. Белые рубахи и зажженные свечи радеющих, как будто, напоминают ожидания светопредставления первыми раскольниками; более старые песни и по форме, и по содержанию примыкают к народной поэзии, служа проводником народных воззрений на страшный суд, на райские места и т. п. Двуперстное крестное знамение и осьмиконечный крест, употребляемые хлыстами, — также напоминают о происхождении секты.¹⁸³ Во 2-х, нравственное учение хлыстов также похоже на мораль беспоповцев. «Двенадцать заповедей Данилы Филиппова ближе всего напоминают те учения, которые приняты были беспоповщинской общиной на Выгу около 1700 года».¹⁸⁴ На ту же связь хлыстовщины с беспоповщиной указывает даже то обстоятельство, что хлыстовщина возникает из чисто народных слоев, где сильно распространен был раскол и что обрядовая сторона была первою, которая была разработана в секте; догматическое же учение хлыстов было разработано гораздо позднее вероятно уже в нашем столетии.

Затем, основателем секты «людей Божиих» является один из учеников того самого чернеца Капитона, от которого, по сказанию Евфросина, пошла проповедь самосожжения. Место зарождения этой секты находилось недалеко от Романовского и Пошехонского уездов, в которых шла усиленная проповедь

самосожжения. Всё это дает повод г. Милюкову думать, что хлыстовщина стоит в тесной зависимости от беспоповщины и является как бы прямым её порождением.

Но г. Милюков забывает, что секта «людей Божиих» возникла на самом деле раньше образования беспоповщины. Если верить хлыстовским преданиям, то начало этой секты относится к 30-м или 40-м годам XVII столетия. Во всяком случае нужно допустить, что она появилась впервые не позднее половины этого столетия. Образование же беспоповщины относится к последней четверти XVII в. Говорить после этого о связи и вырождении хлыстовщины из беспоповщины совершенно нельзя. – Вследствие такой именно исторической неточности, сам г. Милюков иногда попадает в странное положение. Он признает, что основателем секты хлыстов был ученик Капитона; признает также и то, что этот Данила Филиппов дал своим последователям 12 заповедей. Это последнее, без сомнения, могло случиться не позднее половины XVII в. Между тем, почти такие же заповеди были даны Андреем Денисовым своим последователям уже около 1700 года. Каким же образом могло случиться заимствование их хлыстами у беспоповцев? Не говорим уже о том, что ни учение, ни культ хлыстов (кроме обстановки) не представляют ничего сходного с беспоповщиной.

Перейдем теперь к последнему мнению рассматриваемой группы. Оно принадлежит г. Барсову Н. и св. Рождественскому.

Н. Барсов, утверждая, что хлыстовщина представляет собою явление вполне самобытное, особенное внимание останавливает на одном факте, именно – на знакомстве основателя хлыстовщины Данилы Филиппова с чернецом Капитоном, жившим в царствование Алексея Михайловича. Этот Капитон, приобретший себе известность своими аскетическими подвигами, из монастыря удалился в дремучие Вязниковские леса и здесь то пред своими довольно многочисленными последователями стал раскрывать мысль что «ни Церковь, ни таинства не нужны для спасения, что для этого достаточно одной молитвы и других личных подвигов богоугождения, а всякое внешнее содействие в жизни духовной

излишне, прежде же всего нужно умерщвление плоти посредством строгого поста и других аскетических подвигов». Отсюда уже до хлыстовского самообожания оставался один шаг. Это и сделал ученик Капитона Данила Филиппов. Другой ученик Капитона Подрешетников, первый установил обряд причащения изюмом, каковой обряд употреблялся в хлыстовских кораблях до тех пор, пока при Лупкине не был заменен другим обрядом причащения – хлебом и квасом. При Лупкине и Адриане Петрове мы видим впервые хлыстовские радения в виде верчения и скакания. В таком виде представляет возникновение хлыстовщины и образование её учения и культа Н. Барсов.

Свящ. Рождественский повторяет те же доводы г. Барсова, излагая их несколько подробнее, с большей определенностью и связанностью; но при этом присоединяет еще указание на одну хлыстовскую песнь, по которой хлыстовщина зародилась среди аскетов, подвизавшихся в лесах кинешемских.

Не трудно видеть, что всех этих доводов Н. Барсова и свящ. Рождественского, приводимых этими исследователями в доказательство мысли о полной самобытности хлыстовщины, слишком недостаточно для того, чтобы считать их мысль твердо обоснованною. Названные исследователи ограничились простым указанием того, что секта хлыстов первоначально возникла без всяких сторонних влияний. Но этого мало для исследователей, решающих вопрос о самобытном происхождении секты «людей Божиих». Им нужно было выяснить, что названная секта самобытна не только в первоначальном моменте своего возникновения, но совершенно самобытна и в тех элементах, из которых сложились её вероучение, мораль и культ, что эти элементы не представляют собою чего-либо заимствованного отвне и только лишь переработанного, а являются всецелым произведением национального духа, обязанными своим происхождением исключительно ему одному. Но этого у них и нет. Поэтому взгляд этих исследователей производит впечатление чего-то неполного, неоконченного. Он требует много дополнений и разъяснений: и тогда только мысль о самобытности

хлыстовщины получит надлежащую полную обоснованность. Обратимся к последней из указанных нами категорий взглядов по занимающему нас вопросу.

К этой категории принадлежит, как мы уже заметили, мнения тех исследователей, которые считают хлыстовщину продуктом соединения богомильских идей с самобытно выработанным народным мировоззрением. Так именно думают Е. Барсов и Корнеев.

Е. Барсов, разбирая сочинение Реутского, высказал мнение, что в нашей хлыстовщине слышатся отголоски восточных еретических учений (богомильства), смешанные с самобытно выработанными идеями русского народного духа. Эту мысль он обосновал некоторыми соображениями, довольно кратко и неполно. Г. Корнеев устранил эту краткость и неполноту в аргументации и представил мнение г. Е. Барсова в более совершенном и научно обставленном виде, таким образом то, что высказано г. Е. Барсовым относительно происхождения хлыстовщины, только повторено г. Корнеевым и поставлено на более научную почву.

Мы не станем подробно излагать мнения Барсова-Корнеева, не станем приводить тех доводов, которые указаны этим двумя исследователями. Это значило бы передать целую половину журнальной статьи г. Корнеева. А потому мы обратимся прямо к замечаниям относительно этого мнения.

Е. Барсов, а с ним вместе и Корнеев, с одной стороны, признают, что в учении и быте хлыстов есть много сходного с богомильством, а с другой – соглашаются с тем, что в учении хлыстов есть идеи вполне самобытные, не зависящие ни от каких внешних влияний. В соединении этих двух элементов они и видят источник происхождения хлыстовщины. – Но мы уже заметили раньше, что те пункты учения хлыстов, в которых они согласны с богомильством, могли произойти не из богомильства, а совершенно самобытно, из общих законов человеческого духа, в их неправильном развитии. А теперь сделаем замечание, которое разъяснит, насколько справедливо рассматриваемое мнение и как относятся к нему сами защитники его.

Г. Корнеев, изложивши учение богомилов и указавши черты сходства между богомильством и хлыстовщиной, сам же довольно чистосердечно заявляет, что все эти черты сходства могут быть объяснены совсем иначе, что сходные пункты в учении хлыстов и богомилов могли возникнуть не под влиянием богомильства, а совершенно самостоятельно, что подробно и обстоятельно тут-же и доказывает. Это обстоятельство весьма характерно: можно судить теперь, насколько верно мнение, если сами защитники его невольно приходят к совершенно противоположному результату.

На этом мы и оканчиваем свой критический обзор мнений по вопросу о происхождении хлыстовщины.

Подводя итог сказанному, мы получаем следующий вывод: ни одно из существующих мнений относительно происхождения хлыстовщины не удовлетворяет всем тем требованиям, которые обычно предъявляются ко всем гипотезам, претендующим на научное знание. Большинство из этих мнений (вся первая категория) грешит против логики и не имеет под собою твердой фактической почвы. Сравнительно меньшая часть мнений, имея в своей основе верную мысль (вторая категория), в развитии этой мысли или держится слишком крайних взглядов, или раскрывает её не с достаточной полнотой и обстоятельностью. Наконец последняя категория мнений старается соединить два совершенно разнородных в существе дела элемента и невольно в этом своём стремлении попадает в довольно странное положение.

Николай Высоцкий

Из записок и дневников

Казанский И., свящ. Мысли и чаяния сельского священника по поводу Окружного Послания Волынского Архипастыря к своему духовенству // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 715–722

Послание преосвященного Волынского к своему духовенству во второй своей части блещет теплотой и, напоминая заснувший в сердце пастыря идеал его служения и ярко освещая, насколько он далек еще от своего выполнения, вызовет ревность по нём; – первая же часть его возбудит, думается, справедливое противоречие со стороны духовенства, испытавшего всю горечь тяжелой материальной зависимости пастыря от пасомых и ищущего так усиленно за последнее время для пользы своей и врученной ему паствы более широкого и всестороннего образования.

То, что составляет самое горячее желание духовенства, о чём оно беспрестанно молит Бога, это – не только ослабить, а совершенно уничтожить свою материальную зависимость от прихожан, как одно из главных зол, расстраивающих добрые отношения между пастырем и паствой, которого, к нашему прискорбию, до сих пор не могут уничтожить «власть имущие».

То, что составляет болезнь века, его бессилие, о том преосвященный автор так сердечно сокрушается и не прочь бы вызвать его из старого, былого. Не думалось нам, с другой стороны, чтобы и образование духовенства, основанное в последнее время не только на богослужебном уставе и церковности, а сообразно с запросами времени стремящееся подняться до уровня правильного понимания и сотрудничества просвещенной мысли и деятельности, расширяющее духовный кругозор человека, чтобы это образование, дающее духовенству посильную возможность следить, обнаруживать и побивать нетерпимость к Церкви и Государству еретиков и нигилистов, послужило поводом к подрыву взаимной нравственной связи между пастырем и пасомыми.

Нам тяжело и больно раскрывать язвы материальной зависимости, о которых кому же бы и звать как не Архипастырю,

не только знать, но и уметь излечивать. Бедное приходское духовенство знало всегда, что эти язвы составляют только его – крест, и всегда в праве было ждать и ждало сострадания, поддержки и даже возможного улучшения его положения...

Нельзя не согласиться с тем, что разобщенность между пастырями и пасомыми особенно в последнее время сильно ощущается везде. Живым доказательством этого служат развивающиеся в последнее время свободные и легкомысленные отношения православных к делам веры и благочестия, нередко прорывающиеся наружу и даже грубо и безудержно на глазах пастырей, конечно, вопреки их желанию и наставлениям. Но только причины этого печального явления первее и главнее всего заключаются: в совершенно не гуманном, как бы должно быть по времени, содержании духовенства, в грубой зависимости его в сем от своего же прихода и затем отсталости его, если не по школьному образованию, то в дальнейшем развитии – самообразовании – от передовых классов общества, друзей и врагов.

Благодарение Богу, что начинают хотя понемногу и по местам проходить те тяжелые времена, которые мучительным кошмаром легли и подавили жизнь и свободу духовенства! Когда духовенство исключительно кормилось только скудными подачками забитого, загнанного, обнищавшего нашего сельского мужичка, когда – пастырь, учитель милосердия, дрожащей рукой и с опущенным взором принимал пятак из такой же дрожащей руки бедной с молящим взором сироты у еще свежей могилы погребенного кормильца: трагическая картина – кормление нищим нищего! Да тяжел и не вмоготу тяжел этот устаревший порядок пропитания духовенства. Сколько нравственной муки заключается еще до сих пор в этом диком порядке – одним просить, брат, при всём отвращении, другим давать при всём пожалуй, презрении. Еще юношей пастырь Церкви, брошенный в массу народную, предоставленный неопределенному способу своего пропитания, не видящий с этой стороны ниоткуда никакой поддержки, с первых же шагов своей пастырской практики убеждается, каким диссонансом с жизнью звучат те чистые идеалы, которые он воспитал себе на школьной скамье

и как вся его жизнь загромождена всем тем, что настойчиво противодействует их выполнению! Он должен быть образцом нестяжания, а у него таинства, всякое религиозное движение взвешено на копейку и оценено, если не им самим, то его прихожанами и исполнение их сопровождается звоном металла. Чтобы платить за таинство брака, или погребение крестьянин прибегает к разоряющим его закладам, к продаже последней скотинки, что хорошо бывает известно пастырю и с грустью сознается, что тяжелая трата, может быть, с укоризной ему, приносится для него. Он должен быть нищелюбив, но он сам нищий. Странно слагается с этой стороны его жизнь: видя скудость денежной платы, не удовлетворяющей и насущным потребностям, придумываются всевозможные способы повинностей натуральных, которые отчасти приносятся в храм, приурочиваясь к некоторым требам, а иногда за этим подспорьем причт разъезжает по деревням сам. Ездят за всем. Трудно даже найти такой предмет в хозяйстве крестьянина, за которым не приехало-бы к нему его приходское духовенство. Всё это выпрашивается с мольбой при божбе и обиде; сопровождается ссорой, угрозами. Чтобы достигнуть более лучшего сбора, пастырь Церкви вынужден прибегать иногда и к неблагоприятным приемам: в некоторых епархиях заведен обычай в дни Пасхи, храмовые праздники угощать прихожан водкой. Дик бывает в эти святые дни вид поповского поселка, по которому разгуливают толпы полупьяных и пьяных их прихожан. Всё это, без сомнения, запрещается заботливым начальством, но всё это делается, так как не может не делаться. И что за великий человек сельский пастырь, к тридцати годам имеющий кучу детей, чтобы под давлением этой вечной борьбы из-за куска хлеба найти еще в себе силы совершать великие нравственные подвиги и питать в себе идеалы пастырства и миссии! Просвещенное время для всех изыскивает средства возвыситься над уровнем давящей рутины жизни, а пастыря Церкви насильно гонят в неё. Никогда ни для кого материальная зависимость от народа не была укреплением нравственной связи с ним, точно также и для духовенства, но в последнее время, когда жизнь народная значительно подвинулась под

влиянием века к жизни либеральной, подобные отношения окончательно стали тяготой совести и страданием. Прискорбнее всего здесь то, что вышеуказанное безусловно вынужденное поведение духовенства ставят обычно в вину ему, и способ его пропитания выставляют за порок самого духовенства; а лицами злонамеренными из числа неверующих нигилистов и сектантами, изобретающими всевозможные способы чем-либо бросить в Церковь Христову, – это ставится как доказательство неистинности и самой веры православной. А в настоящее смутное и тяжелое для Церкви Христовой время надо усиленно заботиться об удалении в отношениях пастыря к приходу всего, что могло-бы служить поводом к подрыву их нравственной связи, а для пастырей особенно нужны энергия и глубокий взгляд на жизнь, так как Церковь зовет их защитить её достояние – народ русский от губительных веяний новых учений.

Нельзя не согласиться с тем, что в народную среду начинают широко проникать современные взгляды «просвещенных» людей на религию, жизнь и общественное положение. Пока в большинстве случаев народ наш ограничивается пассивною ролью, однако нельзя отрицать и активного его участия: он сам протягивает руки к блестящим приманкам культурной жизни; это говорит о том, что он тяготится своею замкнутостью и отрешенностью от просвещенных центров, ищет большей свободы и более широкой жизни. Влияние новизны волнует его, развивает новые взгляды, обманчивые надежды; он ищет разъяснений своих недоумений, руководителя, и прежде всего обращает взоры на своего священника. Весьма грустно бывает, если паства привыкла видеть в своём пастыре руководителя малоопытного, погрязшего, как и она, в тине народной. Тогда она обращается к другим учителям и они уже становятся героями дела. Трудность руководства в данном случае для священника усложняется еще тем, что не легко можно заметить, что именно смущает душу прихожанина и затем нельзя ждать, чтобы он вскорости пришел за советом, – к нему он прибегает уже тогда, когда гнетущая тяжесть сама прорывается наружу и когда меры

вразумления часто становятся поздними. Надо знать, какой глубокий психологический процесс переживает человек в этой душевной борьбе и как долго продолжается он. Проследить начало и развитие этой борьбы для священника, не осведомленного с недостатками и болезнью века и с силою их влияния на народ, весьма трудно. Скажут, у него есть вернейшее средство знать совесть людей – исповедь? Но беда в том, что мало развитый крестьянин сам долгое-долгое время не может ясно определить душевного разлада, решаемого в самой глубине его духа. Если же в его душу запало сомнение характера религиозного, то он в большинстве случаев совершенно не намеренно еще усыпляет бдительность священника, являясь в продолжение всей долгой борьбы первым молитвенником в храме и усердным слушателем пастырской проповеди: он сам, не ясно чувствуя в себе какой-то беспорядок, ищет средств заглушить его. Возможно, что он и преуспевает в этом, но часто зерно сомнений, развиваясь медленно и незаметно, вдруг, под влиянием внешнего толчка, часто совершенно незначительного со стороны, но рокового по внутреннем процессе, неудержимо прорывается наружу.

Чтобы не подорвать нравственной связи со своим приходом и не лишиться возможности разумного влияния на него, пастырь Церкви должен хорошо знать дух и направление того времени, которое он переживает, силу влияния его на народ и степень восприимчивости последнего. Для этого он должен обогащать свой ум не только изучением творений св. отцов, но и по другим отраслям человеческих знаний и жизни мирской и не только изучать, но и развивать сердце своё до тонкой чуткости к чужому внутреннему миру.

Конечно, для священника, слишком втянувшегося в мелкие интересы своей неразвитой паствы, отрешившегося даже и от школьного образования, все сведения, получаемые и чрез личные наблюдения просвещенных центров, и из газет, журналов и всей вообще литературы, – всё сведется к интересу французских слов, перчаток, пошлых романов и чувствительных романсов. Но дело в том, если отнять у духовенства интерес к чтению светской литературы, закрыть доступ в его сердце всего

из области наук и искусств, то едва-ли этим привлечем его внимание к духовно-церковной литературе. Ему и там всё покажется сухим и непонятным: если человек не сумел оценить и извлечь возможной пользы для себя из захватывающих интересов современной ему жизни, так сузив свой умственный кругозор и опошлив сердце, то откуда же он возьмет у себя духовной силы, чтобы разумно воспользоваться великими творениями отцов Церкви? Когда ум и сердце спят, то они глухи ко всему. И если мелкая пресса и литература прельстят его приманками жизни буржуазной, то без них он прельстится приманками жизни народной, что едва-ли выгоднее. Жизнь наглядно свидетельствует, что пастырь Церкви, как и всякий человек, не рождающий в уме и сердце никакой борьбы под впечатлениями окружающей действительности, скорее всего становится рабом или своей личной праздной привычки, или того, что попало ему под руку из его среды и что под стать его заснувшим силам. Но если в настоящее время так же, как и в прежнее, и на будущее время будут отвлекать его от сближения с просвещенными центрами, то он в конце концов никогда и не выйдет из круга мелкой посредственности в понимании этой жизни, т. е. из жизни буржуазной. Принимая во внимание, что духовенство, как и простой народ, живя в современном ему обществе, не может не чувствовать на себе и отпечатка его жизни, так как она имеет тысячи путей для проникновения в его среду, заградить которые не возможно, – нельзя не согласиться с тем, что для правильного, а не извращенного понимания современной культурной жизни, надо не удерживать духовенство от прямого и верного пути распознавания этой жизни чрез газеты и литературу, а *стараться развить духовенство до правильного его понимания.*

Совершенно иначе откликнется современная культурная жизнь человечества в сознании пастыря серьезно мыслящего, вдумчивого и чуткого сердцем, не заглушившего в себе школьного образования, а укрепившего его разумным наблюдением за развитием просвещенной мысли. Образование, основанное на крепких устоях христианской религии, ознакомленное с великими примерами христианского

учительства и подвижничества, является крепким фундаментом, на котором свободно и безопасно строится здание жизни; оно дает пастырю полную возможность разумного анализа сменяющегося порядка вещей. Его никогда не оставляет сознание, что он – самое близкое просвещенное лицо к своему приходу, нравственно обязанное внимательно прислушиваться ко всем движениям его души прихода, не только в вопросах веры и благочестия, но и всяких других, с какой бы стороны ни касалась его жизнь. Но чтобы получить в этом отношении возможность действовать более верно, более убедительно, он должен знать, какие недостатки переживает современное ему общество, как они проникают в народ и какое лекарство от них. А потому он должен стремиться, насколько возможно, обширнее пользоваться органами печати, раскрывающими ясно, для всеобщей оценки все язвы как отдельных лиц, так равно и общества, и целых государств. И это тем более необходимо, что на несколько тысяч душ священник является почти единственным лицом, имеющим возможность оценивать и, главное, применять к делу, смысл и значение совершающихся в свете событий. С этой стороны он может только упрочивать нравственную связь и духовные взаимоотношения со своим приходом, особенно в переживаемое время, когда, как мы сказали, народ наш начинает страстно прислушиваться ко всяким явлениям в свете. И если мелкая пресса может принести хотя некоторую пользу для пастыря в руководстве жизнью народа, то тем большее значение приобретают в этом отношении великие образцы творчества в области наук и искусств, особенно если принять во внимание, что все величайшие в мире создания гениев есть плод ума и сердца, воспитанных на началах христианства. Прекрасные образцы русского литературного творчества раскрывают перед наблюдательным взором целый мир борьбы людских совестей, где, как живые, восстают герои правды, добра, жертвы мучений, людских страстей. И дорого то, что всё это наше родное – мы сами в своей собственной жизни – в падении и величии, в горестях и радостях. С одной стороны, подобные произведения, развивая мысль, отрешая её от будничных, мелочных интересов

деревенской жизни, возбуждают сверх того энергию на истинно высокое... С другой стороны, они отвращают сердце от раскрытого ясно и глубоко зла и развивают стремление привить добро и ближнему. Еще большая их ценность в том, что они развивают в человеке глубокий и проницательный взгляд на душу ближнего, побуждают чутко прислушиваться к его увлечениям, страстям и страданиям. Всё это особенно необходимо истинному пастырю, неустанно заботящемуся о душевном спасении своей паствы и её благополучии. Пастырю Церкви, ищущему развития, не должно забывать мудрого совета св. Григория Богослова, внушающему своему ученику Селевну заниматься разными науками... «Но со всем этим обращайся благоразумно, с мудростью собирай отовсюду полезное, с рассудительностью избегай всего, что в каждом писателе есть вредного, подражая работе мудрой пчелы, которая, садится на всякий цветок, но весьма умно берет с каждого только полезное. У ней наставницей сама природа, а у тебя есть рассудок. Обильно пожинай, что может доставить пользу, а если что приносит вред, заметив дурное, лети скорее прочь» (в р. пер. Т. 5, стр. 307–308).

И грустно становится, когда сознаешь, что в положении Церкви Русской всё складывается как бы с целью обессилить её, отнять у неё средства борьбы с «миром», как будто вера православная, вернейший оплот Государства, светоч жизни народной, долженствующая быть предметом усиленных забот, не стоит и маленьких забот. Изверившийся интеллигент безнаказанно в глаза слабому, но глубоко-верующему народу смеется над ней. У духовенства, её прямых защитников, отнимаются средства к борьбе: материальная необеспеченность его расстраивает нравственную связь его с народом и отнимает у него лучшие силы, бросая их массами в университеты, институты, военные школы, выходя откуда, эти силы тоже исподволь становятся интеллигентными, и борцами за веру Христову оставляются уже те, которые негодны туда.

Свящ. И. Казанский

**Смирягин А., свящ. Из пастырской хроники
сельского священника // Миссионерское обозрение
1903 г. № 16. С. 722–732**

Настоящая статья представляет введение к моему многолетнему труду, озаглавленному: «Что нам делать». Дал я такое название этому своему труду не из подражания знаменитым, с подобными же названиями, произведениям Н.Г. Чернышевского и графа Л.Н. Толстого. Никаких Америк я в нём не открываю. Труд мой составляет простой свод наблюдений над современной русской жизнью и заметок по поводу многих важных вопросов, обсуждавшихся в последние годы русской печатью. Чтобы избежать разных недоразумений, а также, чтобы не показаться кому-либо пустым мечтателем, я брал материал для своего труда главным образом из печатных произведений, разрешенных русской цензурой. Желая избежать упрека в неточной передаче чужих мыслей, я считал необходимым, по крайней мере, сущность их выписывать с буквальной точностью: благодаря этому читатели познакомятся (если мне удастся издать этот свой труд) – с мнениями по затронутым здесь вопросам многих передовых людей и при том в самой сжатой форме. В своём труде я стараюсь – серьёзно обращаться с серьёзными вопросами, а главное быть возможно более откровенным; я думаю, что недостаток откровенности и последовательности не только на бумаге, но и в жизни и даже в своих сокровенных и задушевных мыслях – составляет весьма глубокую и опасную язву современного общества. У нас считается, можно сказать, неременной обязанностью каждого порядочного человека казаться лучше, чем он на самом деле, и вот мы взбираемся на ходули и с детской наивностью стараемся уверить других и даже себя, что мы стоим так высоко... Разумеется, окружающие нас прекрасно видят, что величие наше фальшивое, напускное, и смеются над нами; мало того, потеряв доверие к нам, они в душе начинают считать нас даже хуже, чем мы в действительности. Вот почему я считаю необходимым называть все предметы их собственными

именами и если кое-где, снисходя к человеческим слабостям и установившимся взглядам и «правилам приличия», допускаю смягченные выражения и даже фигуры умолчания, то стараюсь делать это отнюдь не в ущерб правде и истине.

Чтобы высказанные здесь взгляды не показались некоторым читателям чересчур странными, я считаю нужным предварительно сказать несколько слов лично о себе и привести некоторые эпизоды из своей жизни, положившие яркую печать на мои взгляды и мировоззрение.

Родился я в 1862 году в селе Ольхах, Юхновского уезда, Смоленской губ., где отец мой Павел Матвеевич Смирягин был сверхштатным диаконом. В школьном ученье отец, по разным причинам, не пошел дальше семинарской «словесности». Он был очень добр и доверчив, чем многие злоупотребляли. При обычных человеческих слабостях он иногда позволял себе выпивать «лишнее», и это очень тяжело отзывалось на его семье. Зато как крепка была его вера, как горячо молился он; я, его сын, прошедший низшую, среднюю и высшую духовную школу, не имею и половины его веры. Поглощенный своею службою и занятиями по хозяйству (иначе нечем было жить), отец не мог уделять много времени своим детям и почти вся забота о нас легла на мать. Мать моя, Софья Гавриловна судя по рассказам знавших её, была женщина удивительной доброты. Несмотря на свою бедность и многосемейность, она никому не отказывала в посильной помощи, а за детей своих готова была душу положить. При своём удивительно отзывчивом, любвеобильном сердце она сама болела чужими болезнями и страдала чужими страданиями и потому скоро упала под тяжестью своего креста. Умерла она 20 февраля 1865 года, оставив 7 человек детей мал мала меньше. Не знаю, что было бы с нами, если бы родная сестра отца, Вера Матвеевна Смирягина, молодая красивая девушка, не сжалилась над участью сирот и не заменила нам мать. Просто, без рисовки и, кажется, сама не сознавая величия своего подвига, она отдала нам лучшие годы своей жизни; как ни тяжело ей было жить в нашем доме, она не оставила нас, пока не подросла старшая сестра Катя и не заменила её. Вообще, в

первые десять лет своей жизни я видел много горячей любви и нежной ласки: вся последующая жизнь не дала мне и сотой доли того. Нередко, под влиянием бедности и неприглядной обстановки, эта любовь и ласка выражались в грубой, резкой форме, но чуткое детское сердце прекрасно понимало, что эта грубость напускная или вынужденная и что под нею кроется беспредельная любовь; даже когда отец или тетя наказывали меня (а этого я заслуживал нередко), ни разу не появлялось чувство недовольства ими; я знал, что и после самого строгого наказания буду все также близок и дорог их сердцу.

Ни в одном сословии не встречал я столько горячей, доходящей до самопожертвования, любви к родным, как в духовенстве и потому я всегда любил и люблю это сословие. Как часто приходилось мне открывать под напускною грубостью озлобленного бурсака самое нежнейшее сердце. Многие из них даже рисуются своей жестокостью, издеваются над всякими сентиментальностями, но не верьте этому; почти всегда это более или менее удачное маскирование из опасения, как бы кто не подсмотрел и не посмеялся над самыми святыми чувствами их нежной, любящей души. В семьях нашего бедного духовенства вы часто встретите примеры самого трогательного самопожертвования, особенно со стороны сестер в пользу учащихся братьев. Я глубоко убежден в том, что при идеальном устройстве человеческой жизни совсем не должно быть насилия и допускаю его с душевной болью лишь в крайних случаях, во избежание большего зла. В обращении с горячо любимым покойным отцом никогда не проявлял особой нежности, стороннему наблюдателю могло показаться, что я не почтителен, груб с ним, но если бы кто на моих глазах, напр., ударил бы его, то, уверяю, я, как дикий зверь, бросился бы на обидчика и перегрыз бы ему горло. В 1884 году отец мой по болезни вышел за штат, не выслужив и своей маленькой пенсии; и только желание поскорее получить возможность помогать отцу заставило меня поспешить поступлением на место и женитьбою. В детстве я пользовался почти полной свободой, дружил с крестьянскими детьми и жил, можно сказать, одной с ними жизнью. Когда хотел, бежал один или с

товарищами в лес за ягодами и грибами, в поле, на луг за цветами или на пруд купаться. Мои оборванные, грязные друзья внушали мне любовь к народу и к природе. Свободная жизнь на лоне природы укрепила мое здоровье, развила все силы и способности, так что впоследствии ученье давалось мне очень легко. Теперь я от души благодарю и всегда буду благодарить своего отца и судьбу за то, что они не стесняли меня няньками и чрезмерным надзором. К сожалению, от товарищей своих (главным образом подростков) я перенял не мало и дурного; они научили меня воровать, ругаться самыми мерзкими словами, загрязнили моё воображение нечистыми помыслами и картинками и – что хуже всего – научили разным гадостям. Особенно далось мне воровство. Трудно поверит, чтобы 7–8 летний ребенок был грозою всех местных садоводов и огородников, а это факт. В этом развлечении я доходил до виртуозности; нередко лазил по чужим садам и огородам, не столько для лакомства, сколько для изощрения своей ловкости и находчивости. Особенным удальством считалось у нас, когда нарвешь яблок или огурцов в присутствии хозяев и они не заметят. Разумеется, это не всегда удавалось; возмущенные хозяева или жаловались на меня отцу, а он, взволнованный их рассказами, для удовлетворения их говорил: «я шкуру с него спущу». Испытавши раз – другой, как неприятна эта операция, я обыкновенно после того, как попадусь в воровстве или в битье чужих стекол, бывало, не показываюсь отцу дня 2–3, пока пройдет его гнев. Для таких случаев иною устроено было под амбаром священника логовище с едва заметной дырою для влезания в него, там хранились украденные яблоки, огурцы и другие жизненные припасы; там же, зарывшись в натасканное туда сено, я и спал по ночам. Из своего логовища я, мстя жалобщикам, делал уже более опустошительные набеги на их сады и огороды. Видя, что бороться со мной не под силу (выручали быстрые ноги), некоторые считали нужным задабривать меня, добровольно угощая медом, яблоками и огурцами, и я торжественно давал обещание ничего не красть у них. Однажды шурин священника застал меня на своей рябине, стал шпынять меня длинным шестом и, пока я спускался,

ободрал мне до крови ноги; в припадке злобы я чуть было не поджег сарай священника, наполненный сеном.

Расскажу со слов отца и старшей сестры следующий замечательный случай. 4-го марта 1864 года отец поехал проводить свою сестру М. М., возвращавшуюся домой в село Кикино, в г. Юхнове им нужно было переезжать через реку Угру; ждали вскрытия её, но через несколько дней, на глазах отца, переехал по льду целый обоз с кладью; поехал и он, но лишь только добрался до середины реки, как лёд затрещал и пошел... От ужаса ахнул народ, но ничем не мог помочь. Отца с двумя лошадьми несло на льдине вниз по реке, а толпа бежала за ним по обеим сторонам; везли доски, багры и канаты, думая при удобном случае подать помощь утопающему. Городским головою в Юхнове тогда был родственник отца; узнав об опасности, он послал верховых в прибрежные деревни, чтобы крестьяне выезжали на лодках и постарались спасти погибающего. Но ледоход был бурный и все лодки разметало. Верст 7 отец плыл на льдине; её уже так изломало, что и двум лошадям с санями трудно было держаться на ней, а подплывали к весьма опасному месту, где разбушевавшаяся Рубихинская речка бурно впадала в Угру и напором воды опрокидывала и ломала встречавшиеся льдины. «Ну сейчас конец!» – говорил народ. Все уже считали отца погибшим и ждали мгновения, когда он скроется подо льдом. И отец, как он после рассказывал мне, хоть и смутно, сознавал своё отчаянное положение и стал молиться в душе Святителю Николаю Чудотворцу. И вот на глазах всей массы народа произошло удивительное явление: лёд остановился и стал так крепко, что отец свободно мог проехать по нём. Со слезами благодарил он своего спасителя, Св. Николая. Одна из лошадей не захотела идти; что ни делали с ней подбежавшие люди, ничего не выходило; кто-то вздумал повезти сани и лошадь сама пошла за ними. Не успел отец с народом тронуться в обратный путь, как лёд снова пошел. Народ был поражен таким чудом и начал креститься, восклицая: Святой Отче Николае, моли Бога о нас, радуйся, Николае, великий Чудотворче!?... В Юхновском монастыре, против которого переправляются через

Угро, монахи ожидали возвращения народа, чтобы немедленно отпеть панихиду по утопшем, а он, к великому изумлению их, вернулся живой. Чудо это совершилось 4 марта, около двух часов дня. Замечательно, что в это время мы (малые дети, оставшиеся дома) словно чувствовали, какая беда угрожает отцу и нам, – тосковали, плакали и молились... Мать и тетя С. прилежшие было отдохнуть в виду предстоявшей им бессонной ночи (нужно было ухаживать за двумя грудными младенцами-близнецами), видели страшные сны, а тетю С. словно кто сбросил с лавки и поставил к колыбели. «Должно быть, что-нибудь дурное случилось с Павлом сказала мать и заплакала, говоря: «Господи, спаси его! Св. Отче Николае, спаси его ради этих крошек!...».

В 1872 году отец определил меня в Вяземское духовное училище; ужасных «порядков», помяловской бурсы я уже не застал, но дух её еще держался, особенно в страшном для нас смотрителе Н.В. Тр-м. Это был тщедушный, невзрачный старичок; особенно безобразил его горб на спине. Во время учения все мы считали его извергом и тираном. Однажды, во время перемены, видя, что из 3-го класса ученики долго не выходят, я, не зная, что там занимается смотритель, дернул за ручку и крикнул в замочную скважину: «пора выходить!» Т-кий взбесился, вылетел из класса и первого попавшегося ему на глаза, моего товарища О-на, засыпал пощечинами, да такими, что бедный мальчик свалился с ног, а костлявые пальцы смотрителя целых три дня в виде кровавых рубцов красовались на щеках несчастного мальчика... На другой или на третий день Т-кий узнал, кто стучал в дверь, всячески старался загладить свою вину пред невинно избитым, а всю ненависть свою и злобу перенес на меня.

«Убирайся вон! Чтобы и духу твоего здесь не было!» – только и слышал я от него при нечаянных встречах в училище. Но убираться мне было некуда; я знал, какой страшный удар я нанес бы бедному отцу, если бы вернулся домой, и продолжал ходить в училище, всячески стараясь не попадаться на глаза смотрителю. К несчастью, заболел наш учитель латинского языка и Т-кий стал давать за него уроки. Что я пережил и

перечувствовал на этих уроках?! Кроме самой ядовитой брани и приказов немедленно убираться я ничего не слышал от зрителя; он перестал и спрашивать меня, как уже исключенного. Но судьба спасла меня. Однажды он задал какой-то трудный вопрос; вызванный не мог ответить на него; зритель в задумчивости, глядя в классный журнал, стал, по обыкновению, говорить: «ну ты, следующий, следующий»... К счастью этим «следующим» оказался я и хорошо ответил ему. Т-кий пристально посмотрел на меня и сказал: «ну, садись!» После этого он уже не вспоминал о мальчишеской выходке, а одно время даже очень благосклонно относился ко мне. Все-таки Т-кий оставил во мне (да и в других учениках) самые тяжелые воспоминания; мы были уверены, что это человеконенавистник, палач! Каково же было моё изумление, когда, по окончании курса в духовной семинарии, я, желая занять вакантное место учителя в Вяземском духовном училище, явился за справками к ужасному зрителю. Он вспомнил прошлое... Часа два продолжалась беседа и я убедился, что этот изверг, сурок, черт горбатый, палач (это обычные эпитеты его) в действительности горячо любил нас... Жизнь искалечила его; семейные и служебные неудачи, а также своеобразные педагогические взгляды приучили его прятать все гуманные чувства под непроницаемой ледяной корой. Уходя от Т-го, я невольно подумал: «может быть и Томас Торквемада и другие страшные инквизиторы тоже любили людей, только любовь их была ложно направлена».

В 1876 году я поступил в Смоленскую духовную семинарию и с третьего класса начал мечтать о поступлении в университет, но в апреле 1879 года появился известный циркуляр, значительно обрезавший крылья юношеским стремлениям...

В июне 1879 года я однажды пошел с товарищами купаться на Днепр; хотя, в виду многих несчастных случаев с купающимися в этой быстрой реке, начальство и запрещало нам это, но летняя жара и духота пересиливали начальственные распоряжения. Я хорошо умел плавать, более часа легко мог держаться на воде и обыкновенно бросался в реку с стоявших у берега плотов. В тот день вместе с нами купалось несколько

человек солдат. Один из них, судя по выговору малоросс, переплыл Днепр и, возвращаясь назад к плотам, начал кричать отчаянным голосом: «Ратуйте, хто в Бога вируе!» А мы уже одетые стояли на плотях, только что видели, как он прекрасно плавает и были уверены, что он шутит. «Ха, ха, ха!» раздалось с плотов. «Ловко; а ну еще!» Смотрим, он еще раза два крикнул, как-то нелепо взмахнул руками и скрылся под водой. «Братцы, ведь он и вправду тонет!» – крикнул кто-то. Не спуская глаз с того места, где скрылась его голова, я стал быстро раздеваться, соображая в тоже время, нельзя-ли скатить в реку какое-нибудь бревно и на нём подплыть к утопающему. Но вот опять показалось уже посиневшее лицо несчастного и опять скрылось под водой. «Кто умеет плавать? спасайте скорее! закричали солдаты». – «Да, ведь, ты-ж умеешь плавать», толкнул меня товарищ; я моментально сорвал с себя оставшуюся одежду и бросился в воду; несколько взмахов и я уже на месте; смотрю, показывается наголо остриженная, голова; помню, что в наставлении, как спасать утопающих, советуют сильно ударить ладонью по воде над головой утопающего, чтобы слегка оглушить его и затем взять его левой рукой за волосы, а правой грести к берегу. «А что, думаю, если я хлопну над его головой, а он больше не покажется?... «Взять за волосы? но их нет»; а лицо у солдата совсем стало синее; вижу, что он уже потерял сознание; своей левой рукой хватаю его сзади за правую руку, около плеча, а правой гребу к плотам; но не взмахнул и пяти раз, как здоровенный солдат бросился на меня, обхватил мою голову заоченевшими руками и прижал к своей груди... Держать такую тяжесть под водой я уже не мог и мы оба пошли ко дну. А с берега кричат; «оба, оба потонули»... Опустившись на дно; стал я разжимать руки солдата и сознаю, что не в силах; чувствую, что уже задыхаюсь; сделал ногами невероятное усилие и снова показался над водою и странное дело – кричу солдату: «пусти, а то брошу» и в тоже время чувствую, что не брошу, хотя бы и мог это сделать, хотя бы пришлось и погибать вместе с ним. Разумеется, человек, потерявший сознание, вовсе не слышал моих увещаний и угроз. Раза три так мы опускались на дно и опять поднимались; чувствую, что совсем

выбился из сил, что приходится умирать; но никакого ужаса, никаких предсмертных мучений я не испытывал тогда; страшно хотелось лишь лечь и заснуть; успокоиться, отдохнуть хоть минуточку казалось величайшим блаженством; но я знал, что этот отдых будет уже последним. Быстро и в самых ярких красках промелькнула предо мною вся моя прошлая жизнь; представилось, как будет убиваться отец, когда узнает о моей смерти; вспомнил, как спас его от потопления Св. Николай Чудотворец и мысленно обратился к нему... И вот, хотите верьте, хотите не верьте, – а я пишу то, что видел; Святитель Николай явился мне, как живой, в архиерейском облачении, как его обыкновенно изображают на иконах, сурово взглянул на меня и исчез. В это же мгновение я почувствовал, что солдат разжал свои клещи: оттолкнувшись ногами от дна, на котором мы уже было легли, я снова выплыл с солдатом на поверхность и поддерживая его одной рукой, другою стал грести к берегу. На наше счастье, к нам скоро подъехал мальчик в лодке, я ухватился за её край и таким образом он увез нас до плотов, где приняли от меня солдата и стали приводить его в чувство. «Ну, что, брат, чуть сам не залился?» – встретил меня кто-то из товарищей. Я презрительно усмехнулся и чтобы доказать, сколько у меня еще сил, хотел плыть вверх по реке к тому месту, где лежала моя одежда, но, убедившись, что не проплыву и половины этого расстояния, вылез там же, где сдал солдата и по плотам добрался до своего белья. Странное существо человек! Только что чудесным образом вырвался из объятий смерти и сейчас же начинает служить своему пошленькому самолюбию... Слышу, сбежавшийся народ начинает кричать о составлении протокола, чтобы дали медаль за спасение, но я, помня строгое запрещение купаться, поспешил поскорее уйти. От утомления едва добрался до квартиры; лег спать и проспал мертвым сном около 18 часов. На другой день приходил в семинарию околоточный надзиратель, чтобы составить протокол о вчерашнем происшествии, но его упростили, ради Бога, не делать этого, так как виновные у нас скорее получит увольнение, чем награду за спасение.

Ныне любят утверждать, что теперь не бывает чудес. А я думаю, что в наше время чудеса нередко бывают; только мы стыдимся рассказывать о них. Когда я был священником в г. Николаеве, одна из моих прихожанок, г-жа С-ч, однажды жаловалась на свою невыносимо тяжелую жизнь при первом муже. «До того, говорит, дошло, что я решилась утопиться. Иду по берегу реки в Спасске и выбираю поглуше место, где бы меня не могли заметить и спасти; вдруг на встречу мне идет старичок с ликом Николая Чудотворца; я взглянула и обомлела, а он говорит: «не доброе дело ты задумала; ступай домой».

В 1900 году в «Моск. Вед.» была напечатана статья О. Нилуса, кандидата Моск. университета под заглавием: «О том, как православный был обращен в православную веру». Вот что, между прочим, рассказывает автор о своём посещении Троице-Сергиевской лавры. «Пред ракой преподобного Сергия Радонежского, во время молитвы, я увидел на стене, за стеклом, под схимой лик старца с грозно устремленным на меня суровым, гневным взглядом. Не веря глазам своим, я отвел их в сторону, и продолжал еще усерднее молиться, но точно какая-то незримая сила опять заставила меня взглянуть на то же место – и вновь, но уже яснее и как будто еще суровее, блеснули на меня суровые очи схимника. Меня объял ужас, но я стоял пред этим суровым ликом, уже не отводя от него глаз и не переставая еще усиленнее молиться, – и видел, – я утверждаю, что не галлюцинировал, а видел, именно видел, – как постепенно смягчался суровый взор, как благоднее становился лик дивного старца, как всё легче и отраднее делалось моей потрясенной душе, и как постепенно под схимой туманилось, исчезало и, наконец, исчезло чудесное изображение... Казалось, моя земная душа стала небожительницей. Сладость неизъяснимая по той радости несказанной, по тому священному трепету, который и слышала неложно моя душа, я постиг всю тайну исповеди»...

С этого времени я сознал себя обращенным в православную веру и так с этого времени я понял, что вне церкви и ею установленных по завету Христову таинств нет христианства, нет и спасения. Скажут: подобные явления

объясняются мистической настроенностью некоторых лиц и указывают вообще на чересчур развитое или расстроенное воображение их. Может быть в этом и есть некоторая доля правды; но я-то хорошо знаю себя; натура моя решительно не склонна к мистицизму, она, напротив отличается так назыв. положительностью, строгой расчетливостью, недостатком воображения, нелюбовью ко всяким отвлеченностям. И я, сухой, практический человек, положив руки на сердце, должен сказать, что в тот, памятный для меня день я видел Св. Николая Чудотворца, если и не наяву, *то не менее реально*, чем наяву.

Еще удивительный случай. В 1882 году в страстную субботу в селе Кикине, Юхновского уезда, обносили вокруг храма плащаницу; шел и я в толпе; и вот во время пения «Благообразный Иосиф» и «Святой Боже» я мысленно перенесся к воспоминаемому событию и вдруг невыразимое блаженство охватило мою душу; сердце загорелось величайшей радостью, пламенной любовью и благодарностью к Спасителю мира; это блаженное состояние продолжалось секунд пять и исчезло так же моментально, как и появилось; через несколько мгновений оно повторилось секунды на две и опять исчезло... В течение 40 лет своей жизни я видел не мало радостей, переиспытал чуть-ли не все доступные простым смертным удовольствия и наслаждения, но все они вместе взятые не составляли бы и сотой доли испытанного тогда мною блаженства. Много перенес я огорчений и неудач, самые ужасные несчастья обрушивались на меня, но если бы предложили мне снова пережить всю прошлую жизнь, чтобы удостоиться повторения тех блаженных мгновений, — я с радостью согласился бы. Мне хотелось найти более или менее естественное объяснение того удивительного состояния и я долго искал его в книгах, но не нашел; в минуты откровенности рассказывал о нём некоторым друзьям, но и они не помогли мне. Пусть это покажется кому-либо дерзновенным, но я убежден, что в те мгновения я испытал нечто подобное тому, о чём говорит Апостол Павел во втором послании к Коринфянам (2Кор.12:4), когда он «восхищен был в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать». Вы

думаете, что после этого удивительного явления я навсегда стал нравственно чище, религиознее? Нет, через день я опять взялся за свои обычные гадости...

*Свящ. Александр Смирягин
(Продолжение следует).*

Пенза

Почти на отъезде из Пензы в Минск, куда я перешел ныне на службу, я получил из Пензенской дух. консистории указ отправиться в с. Пушкино, Саранского у., и обратить особенное внимание на крестьянина Петра Арсенина. С последним приказано мне вступить в собеседование о делах веры православной и о результатах сей беседы обстоятельно донести консистории. Говоря проще, это означало, что крестьянин Петр Арсенин оставил православие и перешел в сектантство. Когда, каким путем Арсенин дошел до своего отпадения от православия, что послужило причиною сего и почему местный священник доселе молчал, так как сразу отпадения от православия не бывает, об этом у нас не считают нужным говорить, а если где говорят, то на вопросы сии не обращается должного внимания. Пишет батюшка, что село его православное и довольно. А раз батюшка так свидетельствует, благочинный утверждает, то консистория и братство прямо решает, что «при успехе двояу станет всяк глагол». Миссионер и слышит и хорошо знает, что в этом аттестованном указанной двоицею православном селе «тайна беззакония уже давно деется», что раскольники или сектанты копаются здесь, толкуют православным своё учение, конечно, тихонько, по ночам, там от священника, но его заявление о селе игнорируется, а сам он не в праве приехать в это нужное и полезное время в село и провести беседу. – «Не благовременно, говорит начальство. Кому лучше знать свой приход, как не местному священнику, который постоянно живет среди своих пасомых. Да чего лучше! В Пензе считается проживающих раскольников беглопоповского и безпоповского толка около 150-душ; есть и зараженные сектантством. Вот я подал прошение председателю братства, заявив, что нахожу необходимо нужным открыть в г. Пензе публичные беседы против раскольников и сектантов и этот труд всецело беру на себя. Указываю место, где должны происходить

означенные беседы, мотивирую своё требование такими вескими соображениями, что кроме местных раскольников, еженедельно, каждый понедельник, приезжают на базар раскольники из окрестных селений, а по торговым сношениям Пенза стоит в близкой связи с такими городами, как Моршанск, Спасск, Тамбовской губ., Кузнецк и Сердобск, Саратовской, Сызрань, Симбирской и т. д. Председатель братства был старичок 80 лет и звание сие носил только для почета. Прощение моё было им утрачено; подаю второе и оно как-то затерялось в бумагах. Подаю третье на имя преосвященного и оно сдается на рассмотрение членам совета братства. Начали рассуждать и высказываться по вопросам: нужны ли в Пензе указанные беседы? Какую пользу они могут принести и раскольников и др. слушателям? и пр. и пр. Кончилось тем, что, несмотря на все мои защитительные слова, что слушатели будут на беседах, и беседы принесут пользу, что беседы такого характера одобрены Св. Синодом и практикуются во многих епархиях и даже под боком у Пензы, в Саратове, совет братства постановил, что не стоит для полтораста душ каких-то раскольников открывать публичные беседы в г. Пензе. Преждевременно это: пусть народится побольше, а тогда видно будет. Если так рассуждает само учреждение, ведающее делами миссии, что же сказать о священнике сельском, который в наличности еще не видит у себя в приходе раскольников, а только слышит (а другой и этого не слышит и не ведает), что у него в селе толкуют мужики о вере. Толкуют о хорошем деле и ладно. А чтобы самому сходить и в точности узнать: что это за сходки мужиков, у кого, о чём рассуждают, с кем именно и чем кончаются такие религиозные рассуждения в собрании мужиков, такие мысли как-то мало занимают большинство приходских священников в моменты зарождения раскола и сектантства в приходе. Так оно было и в с. Пушкине, где объявился формальный отступник Пензы Арсенин, который встревожил приходского священника, побудил его донести о появлении отступничества в приходе о. благочинному, а сей в консисторию. Здесь такое явление было даже не неожиданным; приходский священник давно знал, что «тайна беззакония деется в его

приходе», знал и молчал, выжидая, когда православные утвердятся в заблуждении и сами объявят себя сектантами. Ждал он этого их признания в сектантстве, иначе сказать, формального заявления со стороны крестьян, что они не желают быть православными, не один год и наконец дождался и донес о сем по начальству. Так делается у нас обычно во всех епархиях; если же есть зоркие батюшки, настоящие блюстители своего прихода, при первом же появлении в их приходе лжеучителя сами выступают против него с пастырским словом и приглашением миссионера, то таких лиц не много.

Что в означенном с. Пушкине дело обстояло именно так, то есть, что раскол здесь давно ожидался, я представляю следующий факт.

Село Пушкино стоит рядом с с. Трофимовщиною. Расстояние между ними 5 верст. В Трофимовщине проживает много молокан; и среди них молоканский богач-мужик Курзов. Этот последний, имея у себя 700 десятин собственной земли и порядочный капитал, оказывает сектантам всевозможную помощь, кто в чём нуждается. Практика миссии показала, что раз в известном селе появился раскол или сектантство, то окрестные селения быстро знакомятся и с учением и самими сектантами. В этих селах предохранительные беседы миссионера более, чем необходимы и благовременны. Официального раскола в приходе еще нет, но православные уже много наслушались от сектантов антицерковного учения. Этот момент религиозного состояния своих прихожан наши батюшки опускают и обычно миссионеру ничего не пишут, сами ничего не предпринимают, блаженно удовлетворяясь, что у них – приход православный и надобности в беседах с прихожанами якобы не имеется. Зная всё это по опыту, однажды, я, кончив беседы в Трофимовщине, нарочно отправился в с. Пушкино с целью узнать: не пустило ли сектантство свои ветви и в это население? Батюшка принял меня и на вопрос мой ответил следующее: «есть у меня, о. миссионер, один мельник, который арендует в селе мельницу, так он действительно позволяет себе толковать и об иконах, и о мощах и пр., как толкуют эти раскольники. Но он еще православный; не часто, а в церкви я

его вижу и меня с крестом в праздники принимает. – Все-таки, говорю, побеседовать с ним не мешает. Ведь он говорит свои мысли открыто всем и каждому и этим соблазняет народ». – «Нет, о. миссионер, мои прихожане твердые в православии. И сам мельник со мной никогда не осмеливается говорить свои сектантские поучения, а дьякона прищучит иной раз и начнет тазать его, так что тот насилу отвертится от него». – «Видите, говорю, какой он православный – он сектант уже открытый, и посему устроить беседу я нахожу необходимым: беседа покажет несостоятельность сектантства и утвердит слушателей в православии». – «Нет, нет, о. миссионер! – упорно отстаивая своё, говорил священник. Годика через 2, пожалуй, я приглашу вас, а теперь еще раненько толковать об этом». – «А тогда, говорю, будет поздно; теперь мельник один, а тогда у него будут последователи. Быть может, теперь и сам мельник еще не утвержден в сектантстве, а толкует, что слышал от других, а тогда он укрепится и сам и других настроит за собою. Теперь ему придется защищать себя одного и в кругу православных, а тогда он явится не один, а с последователями, и ему поневоле придется упорствовать на беседе, чтобы защищать и себя и паству».

– «Ну это будет видно потом, а теперь я никак не могу согласиться, чтобы толковать о сектантском учении между православными. Преждевременно еще это.... Явится раскол, я донесу вам, а пока нет его, к чему говорить о сем. Мало ли кто о чём говорит! Быть может, он еще так себе брешет, не утверждение, а с ветру, а мы его в сектанты произведем. Это напрасно»...

Так и не допустил меня священник побеседовать со своим мельником. И вот результат его соображений и своеобразного попечения о пастве – указ консистории ехать в с. Пушкино и убедить некоего Петра Арсенина, отправшего от православия в сектантство. Кто этот Арсенин? Тот ли это мельник, который так яро нападал на о. дьякона и побивал его, но к батюшке пока не смел являться со своими сектантскими взглядами и учением, или же это другой явился и, быть может, один уже из многих, так

как времени после моего посещения Пушкина прошло немало. Ясно одно, что в с. Пушкине образовалась секта.

Да, есть батюшки, которые боятся бесед с сектантами и страшатся их самих. Не на встречу они идут врагу, а прячутся от него. Как же тут не воевать врагу и не идти победоносно вперед, когда поле деятельности предоставляется ему свободным и открытым. А таких приходских иереев, которые подобны сидящему в с. Пушкине, у нас масса. Они и сами ничего по миссии не делают и миссионеру мешают. А миссионер у нас так поставлен, что он может беседовать с раскольниками и сектантами только там, где желает этого местный священник; а братства некоторых епархий снабжают миссионера (точнее связывают его) даже такими инструкциями, чтобы миссионер ездил только в центральные места расколо-сектантства, или же ездил бы только по указанию братства. Говорю я это по опыту, из пережитого, сердцем выстраданного, говорю и доселе дивлюсь: отчего это у нас и доселе еще миссионер не самостоятельное служебное лицо в своём деле, а составляет что то в роде рассыльного разных братств, который обязан по указу приехать в село, провести беседу с сектантами и только. Этим роль его и кончается. Приезжает наблюдатель церковных школ и – другая картина! Священник идет с ним в школу, дает ему отчет о своих занятиях в школе и наблюдатель видит и составляет своё мнение об успехах школы; а у миссионера выходит так, что он ведет беседу с диссидентами, а священник сидит дома и занимается в это время далеко не пастырским делом. Наблюдатель имеет право донести о нерадивом к школе священнике, миссионер же лишен этого права, а должен располагать батюшку, убеждать его текстами Свящ. Писания, чтобы он полюбил дело миссии, занялся и помогал ему, насколько и чем может, несмотря на то, что последний и холоден к этому делу и прямо говорит миссионеру, что он терпеть не может всяких сектантов и посему беседовать с ними не желает. Нерадение к школе взыскивается и наказуется епархиал. начальством, а нерадение к пастве, создание в приходе секты проходится молчанием и миссионер не в праве высказаться по этому делу. Мы знаем, что раскол и сектантство

могут появиться в приходе и хорошего священника, но у нас речь не о нём, а о таких пастырях, от которых паства ни слова никогда не слышала для своего назидания, которые и жизнью, и делами дают повод православным уклоняться в раскол и сектантство и каковые пастыри от своей паствы стоят слишком далеко, как учителя и пасущие их. Об этих иереях у нас речь; эти то хладные люди более, чем бесполезны для православной миссии и Церкви и на них то миссионер не имеет никакого влияния. Приехал миссионер, побеседовал с его заблудшими, а батюшка как молчал до этого, так молчит и после этого. Это как бы не его дело. После этого странно читать: «приходский священник есть первый миссионер в своём приходе». Ведь обрати священник с. Пушкина своевременное внимание на своего мельника, который всякому помольцу, а они являлись к нему со всех окрестных селений, толковал своё сектантское учение и в продолжении нескольких лет, очень возможно, что мельник давно был бы православным, а пропаганда его во всяком случае не имела бы пагубного влияния на местных крестьян. Важно действовать на первых порах, когда сектантство еще смутно бродит в головах людей, когда толкующие о нём не утверждены еще, а любопытствуют только и заняты им, как новинкой. А то батюшка утешался тем, что сектант мельник не шел к нему беседовать, а толковал только с другими, в том числе и его дьяконом. В этом поведении сектанта он находил для себя какое-то утешение и успокоение; он не заинтересовался учением мельника, не пошел к нему лично в дом, как к заблудшей овце, а спокойно ждал, когда мельник перейдет в штунду, чтобы он официально мог зарегистрировать его в числе сектантов и донести о сем по начальству рапортом... по букве закона, но... буква убивает...

А что Пушкинский иерей не один в своём роде, приведу слова давнего своего сотрудника по расколу, досточтимого Николая Ивановича Субботина, который одно время при свидании сказал мне: «плохо, о. Константин, московское духовенство помогает нам в борьбе с расколом». Это было им сказано давно, когда еще на горизонте православной миссии сияло такое светило и авторитетный голос, каким был

многоуважаемый о. Павел Прусский. И это в Москве – центре раскола. Что же сказать о провинциальном духовенстве, живущем в наших селах? Не от этого ли равнодушия нашего духовенства прекратил своё существование миссионерский журнал «Братское Слово?» И теперь – заменивший его «Миссионерское Обозрение» многими ли священниками епархий выписывается? Разверните летопись «Братское Слово», где уважаемый Н.И. Субботин иногда оповещал: какие епархии и в каком количестве выписывают его журнал, – ведь стыдно читать... Напр., на моей родине – в Саратовской епархии, где раскол сплошь идет по селам и уездам, журнал «Братское Слово» получается только в 30–40 экземплярах во всей епархии. Отчего это так? Да от того, что не интересуются расколом и сектами. Потому то и живуч и крепок у нас раскол, что мы мало обращаем на него должного внимания, не стремимся вывести его последователей из темноты его заблуждений, а спокойно предоставляем им жить и быть поморцами, феоdosеевцами, спасовцами, подпольниками и другими толками. Другими словами, мы уступаем право своего учительства разным гг. Швецовым, Механиковым, Батовым, Коноваловым, Шаровым, Перетрухиным и др., самозвано и самочинно восхитившим себе право учить других людей, и с этой целью разъезжающим по городам и селам Российской империи.

* * *

А что раскол не спит, а энергично действует, пропагандируя своё зловерное учение, это видно из следующего.

В декабре месяце истекшего 1902 года в с. Абашево, Наровчатского у., Пензенской губ., явились 3 лица, принадлежащие к австрийской епархии. Они явились в село в качестве торговцев разными клеёнками для стола. Переходя со своим товаром из дома в дом, они нарочно присаживалась и вступали в беседу со старообрядцами, каковых в Абашеве большое количество и все они принадлежат к беглопоповской секте. Прожили они в селе 3 дня и оставили в некоторых домах много бесцензурных книжек подпольной печати, в которых гг. Усов, Бриллиантов, Мельников, Брыкин и др. защищают

австрийскую секту, находя её единственно православной Христовой Церковью во всем мире, а беглопоповцев и др. старообрядцев с нами православными назвали блуждающими во тьме и сени смертной? Книги в защиту австрийской иерархии розданы бесплатно. Нельзя не подивиться той ревности какую проявляют раскольники в защите и распространении своей веры. Они десятками раздают книги бесплатно, развозя их по селам, а у нас в раскольнических селам не только нет старопечатных книг при церкви, по которым необходимо беседовать с старообрядцами, а нет даже полемических брошюр и книг, изданных по самой доступной цене. И опять, кто виноват в сем? Ужели на сей предмет не нашлось бы доброхотного дателя в целом приходе? Трудно верится...

Едва успели выехать из Абашева пропагандисты австрийского священства, как в село явился беглый поп о. Максим и начал совершать разные требы. Максим приехал 19 декабря и прожил в Абашеве четыре дня. Никаких бесед с раскольниками Максим не вел, а только правил требы и деньги собирал. Максим приехал из Москвы в г. Спасск, который от Абашева всего в 4 верстах, и в последнее село завернул как бы по дороге и по просьбе вожakov беглопоповской секты Фонталкина и др., которым в свою очередь нужно было удержать крестьян в беглопоповщине.

Так ревниво оберегают раскольничьи вожди своих пасомых и каждый из них стремится удержать народ в пределах своей власти и влияния. Австрийщина стремится поглотить беглопоповщину, а последняя упорно противостоит ей.

Абашево стоит на границе своей губернии и сильно заражено расколом. Село имеет 2 храма – православный и единоверческий. Средства к жизни самые скудные, а посему и причт церковный едва живет. В православном храме служит почтенный старец иерей, вдовец; в единоверческом обращенный из раскола крестьянин, мало начитанный и развитой. Вся миссия в этом огромном и важном пункте раскольнического населения лежит на псаломщике единоверческой церкви крестьянине Евфиме Баканове, который бесплатно, с книгами под мышкою, ходит из двора во двор и

беседует с раскольниками, – нужно сказать, он не только поддерживает православие, а плодом его немудрых бесед ежегодно бывают даже присоединения из раскола к православию. Чтый да разумеет, что пропущено, как понятное само по себе.

* * *

Село Каменка, Нижнеломовского у., той же губернии, представляет собою центр раскола австрийской секты в форме неокружников. Село это большое, бойкое и при плотне железной дороги. В Каменке живут богатые люди – братья Чернышевы, которые 8 лет тому назад наравне с крестьянами села держались беглопоповской секты, но затем, начитавшись книг, они перешли в неокружники австрийской секты и увлекли за собою других. Самый рьяный из братьев Чернышевых Егор Савельев, мнящий себя великим начетчиком, имеет дело с Москвой, Петербургом и даже за границей. С помощью своего капитала он быстро парализовал в этом крае беглопоповщину и распространил своё заблуждение. Один за другим он основал 3 прихода: в Каменке, Ростовке, Царевщине и ко всем поставил попов. С этим Чернышевым мы не раз вели беседу в новоучрежденных им приходах публично, не раз сталкивались с ним на железной дороге и толковали наедине, «по душам», и всё дело сводилось к тому, что Егор Чернышев никак не может усвоить себе, что Церковь православная предала проклятию раскольников, а не церковные обряды, бывшие в употреблении до патриарха Никона. Своеобразный взгляд и толкование Свящ. Писания сбивают его с толку, хотя в торговом отношении он довольно развитой человек и дельный. Вот этот то Чернышев, из беглопоповца ставший австрийцем-неокружником и других за собою увлекший, решил перейти в окружники, найдя это общество самой правильной верой. По счету это была у него 4-я вера (Чернышев родился православным). Понятно, что Чернышеву хотелось перейти не одному, перетащить за собою и все основанные им приходы, которые только что основаны из беглопоповцев. Это показалось ему делом не легким. Как ни падки раскольники на деньги и почесть, а всё же менять веру чуть не на другой день показалось им неловким. И вот

Чернышев едет в Москву и в марте настоящего года привозит в Каменку лжеепископа Арсения Швецова и лжепопа Усова. Составляется собор, начинаются толкования и в результате всех многоглаголаний переход Чернышева и каменных раскольников неокружников в окружники. Швецов и Усов признаны единоверными братьями; все перешедшие на сторону Швецова положили семипоклонный начал пред образами, поклонились Швецову в ноги, испрашивая у него прощения, а затем начали подходить к нему под благословение и целоваться с ним. Радости и ликованию Швецова с Усовым не было предела. Но особенно радовался сам виновник прибытия их в Каменку купец Чернышев, который от избытка сердца и в благодарность, что Швецов помог ему обратить неокружников в окружники, постоянно кланялся ему в ноги, целовал его руку и на отъезде его из Каменки поднес ему ценные подарки и сам проводил его до Москвы, так как Усов расстался с Швецовым и из Каменки выехал на беседу в Оренбургскую епархию.

Выше мы сказали, что Чернышев основал 3 прихода, из коих один теперь обращен в окружнический, другие 2: Ростовка с селами: Дмитриевкой и Верхами и Царевщина с с. Белогоркою остаются пока в колебательном положении. Нет сомнения, конечно, что и эти приходы в недалеком будущем перейдут в окружники.

Замечательны кандидаты, которых Чернышев поставил попами в устроенных им приходах. В Каменке духовным отцом его состоит крестьянин Сергей Фетисов, 2 сына которого служат единоверческими священниками. Очевидно дети не имеют никакого влияния на своего отца. В Ростовке раскольниковым попом служит сын единоверческого священника в этом же селе, кажется, Лев Чернышев. Когда отец Льва умер, жена его поехала в Пензу и просила преосвященного Павла рукоположить на место мужа сына её Льва. Последнему было отказано в этом, так как он нигде не учился и православие с старообрядчеством считал за одно. Сам отец его, будучи единоверческим священником, считал и Антония Шутова и своего православного епископа одинаково православными и одинаково благодатными. В оставшемся после него помяннике,

наряду с православными епископами, записаны и раскольнические епископы с полными их титулами, которых он и поминал на литургии. Таков был и сын умершего Лев и вся семья почившего. Когда Льву с матерью отказали в Пензе, они обратились к купцу Чернышеву, приняли австрийскую секту и Чернышев сделал его попом.

Лев открыл в своём доме (против единовер. церкви) моленную, и стал служить свои обедни, а мать его, бывшая попадья, состоит у него просфорнею. Вот и разберитесь тут. В Царевщине еще лучше кандидат: он, между прочим, теперь перешел в г. Ржев, Тверской губ., – это крестьянин Феодор Иванов Кошкин. Сей был беглопоповцем, не раз беседовал со мною и публично, и у меня в доме и в конце концов высказал желание присоединиться к православной Церкви. Проходит месяц, другой, вдруг, слышу, что Кошкин перешел в австрийскую секту и поставлен попом в селения: Царевщину, Белогорку и др., Мокшан. у. Поставление его было в Москве, откуда он привез и церковь полотняную, и целые короба разных материй на платье себе и семье. В Москве он понравился какой-то купчихе, которая вскоре затем отрекомендовала его ржевским старообрядцам и последние увезли его из с. Царевщины. Из Ржева Кошкин присылал письма на родину, которые мне приходилось читать во время своих разъездов по миссии и в которых Кошкин писал, что он живет богато, в полном довольстве; часто бывает у купцов на поминках, на именинах, ест всё хорошее, дорогое, а денег за прошлый год получил от всех служб более 2000 рублей, не считая разных подарков. Как тут не соблазниться какому-нибудь Кошкину и не променять православие на секту! И деньги, и довольство, и почести – всё, что заманчиво и привлекательно, не только для крестьянина, но и городского человека. И плодится по сей причине контингент разных наставников, уставщиков, попов и др. начетчиков в сектах раскола; льнут к расколу всякие самолюбцы, гордецы, ищущие себе почести, уважения; еще больше присасываются к расколу такие лица, которым нужна материальная помощь или вообще поддержка в жизни. В общем вся эта партия единомышленников тесно связывается между

собою и представляет тесно сплоченную дружину, в которой редкий не заинтересован чем-нибудь другим, помимо одной веры. Что побудило мужика Кошкина перейти в австрийскую секту? Расчет, выгода. Разве он убежден в правоте австрийского раскола? нисколько; но ему выгоднее быть в этой секте, чем между православными, и он ушел в неё. Разберите хорошенько всех старообрядцев и вы ясно увидите, что их удерживает в расколе не одно двоеперстие и аллилуия, но нечто и другое, не менее для них важное, чем самая вера. Одно время Пензенская консистория послала меня в с. Трофимовщину, Саранского у., убедить одного 20-летнего парня, перешедшего в молоканство, чтобы он возвратился в православие. Приезжаю и узнаю: парень читать не умеет и делами веры никогда не занимался. Жил он в работниках; бедняк; молокане сосватали ему невесту, дали за ней избенку, корову и 30 десятин земли. Когда я стал говорить с ним и обличать молоканское учение, как несогласное со словом Божиим, мой парень только слушал меня, и одно говорил: я ничего не знаю по этой okazji, а возвращаться в Церкву не могу. – Причина ясная. А такое явление в расколе очень часто.

Мисс. свящ. К. Попов

Из миссионерской полемики

Шашин А., астраханский миссионер. Беседа с интеллигентом об учении графа Льва Толстого // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 744–757

Не так давно, проезжая на пароходе из Царицына в Астрахань, я случайно встретился с одним интеллигентом – последователем Толстого. Обменявшись со мной несколькими словами, интеллигент спросил меня: «вы знакомы с учением Л.Н. Толстого»? Я ответил: знаком отчасти. После того, как было опубликовано относительно него послание Свят. Синода, Лев Толстой сбросил с себя маску христианина и стал тем, чем он был на самом деле: ни в одном пункте своих верований он не согласен с православною Церковью.

Мой собеседник возразил: Л.Н. истинный христианин, а православная Церковь от Христова учения уклонилась в сторону. В Евангелии сказано: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду. И еще: не противься злу. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, подставь ему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... Любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Итак, И. Христос запретил убивать, мстить, судить, судиться и воевать; а православная Церковь, вопреки заповеди И. Христа, в «Пространном Катехизисе» учит так: «Вопр. Всякое ли отнятие жизни есть законопреступное убийство? Отв. Не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь по должности, как то: 1-е, когда преступника наказывают смертью по правосудию; 2-е, когда убивают неприятеля на войне за Государя и отечество». Итак, православная Церковь противоречит учению Христа, повелевая наказывать смертью за преступление, убивать неприятеля на войне. И. Христос запретил убивать даже и одного человека, а православная Церковь позволяет убивать на войне целые массы людей, хотя бы они были и неприятели. Что вы скажете против этого?

Я ответил так моему собеседнику: Вы неправильно поняли учение Христа. В Евангелии сказано: «Вы слышали, что сказано

древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто-же скажет брату своему – «пустой человек», подлежит верховному судилищу; а кто скажет брату своему – «безумный», подлежит геенне огненной (Мф.5:21–22). Из приведенного текста видно, что И. Христос не уничтожил человеческого суда, ибо за гнев против брата, по слову Спасителя, человек подлежит обыкновенному суду, а за оскорбление ближнего, т. е. – за название кого-либо пустым человеком – подлежит верховному судилищу. Итак, если человек, напрасно гневающийся и оскорбляющий ближнего, подлежит суду, то тем более за убийство. Итак, И. Христос гражданского судилища не отвергает; притом же, заповедь не убивать человека изречена в ветхом завете, где за многие преступления закон наказывал именно смертью (Исх.21). Сам И. Христос против делающих зло употреблял не только любовь, но и справедливое осуждение: вся 23 глава Евангелия от Матфея направлена к осуждению лицемерия книжников и фарисеев; иногда И. Христос, в минуты праведного гнева, употреблял даже меры и физического воздействия; во второй главе Евангелия от Иоанна читаем: «Приближалась Пасха иудейская, Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И сделав из веревок бич, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли (Ин.2:13–16)».

Тоже самое повторил И. Христос незадолго пред Своими страданиями. «И вошел Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано: дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников (Мф.21:12, 13; Мк.11:16, 17; Лк.19:45, 46). И за отвержение Иудеями Его, как своего мессии-Спасителя, Христос предсказал им полное разрушение города Иерусалима, храма и рассеяния остатка народа иудейского по всей вселенной. В Евангелии от Луки мы читаем: «И когда

приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нём, и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне – за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк.19:41–44; Мф.24:1, 2–14–22; Мк.13:1, 2–14–20; Лк.21:5, 6–24). Предсказание И. Христа, спустя около 40 лет после Его распятия, исполнилось в точности. Правосудие Божие исполнило над иудеями ту кару, какой они заслуживали за своё преступление.

Мой собеседник сказал: эту войну вел с иудеями не И. Христос, а римляне под предводительством своих императоров, Веспасиана и Тита, посему в этой войне И. Христа нельзя считать участником. Хотя в Евангелии говорится, что И. Христос воскрес, но мы из истории знаем, что Он во время этой войны не жил на земле.

– Правда, возразил я, эту войну вел не И. Христос, а римляне, но римские императоры со всеми своими солдатами были только орудием воли Божией над преступными иудеями. Ученики И. Христа, без сомнения, лучше вашего знавшие волю своего учителя, также наказывали за преступления смертью и другими физическими карами. В Деяниях Апостольских описаны следующие два случая: «Некоторый муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твоё ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. И, вставши, юноши приготовили его к погребению, и, вынеся, похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его. не зная о случившемся. Петр же спросил её: скажи мне, за столько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько. Но Петр

сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, вошедши, нашли её мертвою, и, вынеся, похоронили подле мужа её» (Деян.5:1–10). «Прошедши весь остров до Пафа, нашли они (Апостолы) некоторого волхва лжепророка, Иудеянина, именем Вариисуса, который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие, а Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры. Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне, вот рука Господня на тебя: ты будешь слеп, и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню» (Деян.13:6–12). Тот же св. Апостол Павел, силою Господа нашего И. Христа, «предал сатане во измождение плоти» Коринфского кровосмесителя (1Кор.5:1,5). Святой Апостол Иуда в своём послании к верующим дает им такое наставление. «К одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня (обличайте же со страхом), гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд.1:22,23). Вы привели еще изречения И. Христа: «не противься злу, но кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему и другую», говорили также о любви ко врагам. Но и эти Евангельские изречения – как вашим учителем Л. Толстым, так и вами поняты неправильно. «Не противься злу» вы привели по славянскому тексту, а дальнейшие слова И. Христа приводите по-русски, но в славянском переводе этого места есть маленькая неточность; в русском тексте это место читается иначе: «не противься злему». Зло есть нечто существующее само по себе, название это означает известное отвлеченное понятие, есть, поэтому, имя существительное, что вам, конечно, хорошо известно; но «злой» есть имя прилагательное, означающее свойство предмета

существующего; и так, зло и злой – означают не одно и то же. Зло, разливаясь по всему миру, навсегда остается злом и никогда не может измениться и быть добром, а человек злой может измениться и быть добрым. Отец, источник или виновник зла есть дьявол, о котором И. Христос говорит: «Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Ин.8:44). Если допустить вашу мысль, что И. Христос учил не противиться злу, а не злему, то это мысль прямо будет противоречит цели пришествия И. Христа на землю, Его деяниям и учению; «ибо для сего то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола» (1Ин.3:8). Вся жизнь И. Христа на земле, Его учение, страдание и смерть направлены к тому, чтобы уничтожить зло, происшедшее от дьявола. Итак, И. Христос заповедует не противиться не злу, а злему, не противиться ему, с тою целью, чтобы сделать его добрым; ибо зло хотя может быть свойством человека, но оно не принадлежит ему существенно, оно внедряется в человека гл. обр. от окружающих его причин, перечислять которые я считаю излишним, потому что это не относится к предмету нашей беседы. Скажу только одно, если бы зло было существенным свойством человека, то все люди были бы злые, но на деле мы видим иное, – многие из людей будучи злыми, сделались потом добрыми и, наоборот, добрые иногда делались злыми. Итак, если злой человек ударит доброго, захочет отнять у него рубашку, принудить провожать его, будет его проклинать, ненавидеть, гнать, но последний не будет воздавать злом за зло, а сделает всё то, что повелевает И. Христос, то неужели злой человек, видя, что добрый делает всё для него угодное, не подумает, что он поступает несправедливо против ближнего своего?! Итак заповедь И. Христа должно относить к случаям личной и частной жизни каждого, но и здесь между злыми должно различать два рода людей: одни совершают зло так сказать, случайно, но и почти невольно, в существе своём оставаясь добрыми, другие же совершают его с увлечением, наслаждаются своими злыми деяниями; для последнего рода

людей и существуют гражданские законы и судьи, которые силою закона защищают добрых от насилия злых, удаляя их из среды общества добрых и таким образом сокращая развитие злое.

Теперь относительно войны: Бог, произведши от одной крови весь род человеческий, разделив людей на языки, назначил пределы их обитанию (Быт.11:7, 8; Деян.17:26). Итак, народы, существующие на земле, имеют каждый своё место для обитания. Если же какой народ вторгается на место обитания другого народа, этим вторжением он причиняет последнему насилие. Посему народ, живущий на месте, данном ему от Бога, защищая себя, изгоняет народ, вторгнувшийся в его область, а раз последний добровольно уйти не хочет, то против него употребляют меры, называемые войною. Неужели русский народ не должен был гнать из своей земли полчища Наполеона, который насильственно вторгся в чужой край и, по своему не ограниченному честолюбию, насильственно хотел подчинить своей власти народ, совершенно ему чуждый по языку и по племени? Укажу еще другой подобный же пример. Турки, насильственно овладевши христианскими народами Балканского полуострова, по своему произволу, лишали жизни тысячи женщин и невинных детей, и вот в 1877 г. христианская Россия решила положить конец турецкому произволу, и освободила болгарский народ от турецкого насилия; такая война не только не противна учению Христа, но даже похвалена Им: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15:13). Итак, заповедь Спасителя о любви ко врагам не только не отменяет, а усиливает, возвышает заповедь о любви к близким, друзьям. Было-бы именно не по-христиански, если бы кто, прикрываясь заповедью о любви ко врагам, близких своих отдавал им на съедение (1Тим.5:8), а потому Пространный Катехизис, в объяснении 6-й заповеди допускающий отнятие жизни по требованию правосудия, или у неприятеля на войне, не противоречит учению И. Христа.

Собеседник возразил: Святейший Синод Церкви российской несправедливо поступил, отлучив Л. Ник. Толстого от Церкви, – он мог бы вести борьбу против графа тем же способом, каким

граф борется с церковниками. Синод должен был издавать против графа полемические книги и таким образом разрушать учение Толстого, но он, вопреки учению Христову, употребил против графа насилие.

Я сказал моему собеседнику: Святейший Синод Церкви российской поступил в этом случае согласно с определением Апостолов и практикой древней Церкви, – он снисходительно и любвеобильно указал заблуждение Толстого. В послании Святейшего Синода говорится так: «В наши дни, Божьим попусшением, явился новый лжеучитель, граф Л. Толстой... и тем, (т. е. своим учением) не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною». А что в этом случае Святейший Синод поступил согласно с определением Апостолов, сие видно из послания Апостола Павла к Галатам, которое говорит: «Удивляюсь, что вы от призавшего вас благодатию Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал.1:6–9). Следуя этому определению Апостола, древнейшая Христова Церковь на семи вселенских соборах всегда предавала анафеме проповедующих новое учение – еретиков. Так поступил и великий Московский собор в 1667 году. Предложив увещание раскольникам, он на непокоряющихся святой Церкви и хулящих её произнес отлучение, Дóндеже вразумятся и возвратятся в правду покаянием. Согласно практике древней Церкви, и Святейший Синод о граф. Л. Толстом постановил: «Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею». «Всякое дерево узнается по плодам, дерево доброе не может приносить плоды худые, и дерево худое не может приносить плоды добрые» (Мф.7:17,18–20,12:33). Всего четверть столетия существует учение Л. Толстого, а оно уже

принесло худые плоды: закавказские духоборы, принявшие учение Толстого, отказались от повиновения установленным от Бога властям. Жители села Павловки, Харьковской губ., последователи учения Толстого, дерзко восстали на святыню православного храма, разбив в нём окна, иконы, подвергли поруганию святой престол и Евангелие; но Христос и Его Апостолы учили не так: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф.22:21). «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим.13:1, 2. Ср. 1Пет.2:17, 18; Еф.6:5–9; 1Кор.7:21, 22). Господь И. Христос и Его Апостолы, установив отношение подчиненных к властям, рабов к господам, властей к подчиненным и господ к рабам, возводя всех людей в равное духовное достоинство, заповедали всем терпение и снисходительность зная, что равенство достигается терпением, и христиане первенствующей Церкви, будучи точными последователями учения Господа нашего И. Христа и Его Апостолов, безропотно переносили притеснение, гонение языческих властителей и господ; и в три века достигли того, что языческие властители и господа, видя добрые дела христиан, прославили Отца нашего небесного и сами сделались христианами, что само собой повлекло уничтожение рабства в христианских государствах. Итак, свобода и относительное равенство достигаются не насилием, не дерзостью и противлением, как это делают последователи Толстого и другие им подобные, но великим долготерпением и кротостью. Христово учение постепенно облагораживает нравы людей, возвышает их достоинство; а учение Толстого, нравы людей делает из мягких жесткими и побуждает восставать на ближних своих и употреблять против братьев насилие.

Мой собеседник сказал: Духоборы и Павловцы поступили нехорошо, – Толстой этому не учит.

Я возразил ему: Л. Толстой, хотя прямо не проповедует, чтобы его идеи распространялись в обществе посредством насилия, но таково основное начало его учения, ибо он, отвергая существующий общественный порядок, требует

водворить вместо его порядок новый, не применимый в обществе при настоящем нравственном уровне людей.

– Мой собеседник сказал: Послание Синода против графа Л. Толстого «вообще имеет много недостатков: оно незаконно, или умышленно-двусмысленно, оно произвольно, неосновательно, неправдиво и кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам».

Я, остановив моего собеседника, сказал: Вы, милостивый государь, буквально читаете ответ графа Л. Толстого, который наговорил много обвинений против послания Святейшего Синода, но в существе дела ничего не сказал.

– Мой собеседник: Правда, я читаю ответ Толстого на постановление Синода, посему прошу вас послушать далее начатое мною чтение, – ибо Толстой всё, сказанное им в общем против послания Синода, докажет подробно: «оно незаконно или умышленно-двусмысленно потому, что если оно хочет быть отлучением от Церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может производиться такое отлучение: если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в Церковь и её догматы, не принадлежит к ней, то это само собою разумеется и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно случилось, потому что оно так и было понято».

– Я возразил моему собеседнику: Граф Толстой говорит, что постановление Святейшего Синода не удовлетворяет каноническим правилам, по которым произносится отлучение людей, восстающих на православную Христову Церковь, но каким именно каноническим правилам не удовлетворяет послание Синода, – Толстой этого не указал, – да и никто из его последователей указать этого не может; мною же выше показано вам, что Святейший Синод поступил согласно указаниям Апостолов и практике древней Церкви, и вы против моих доводов ничего не возразили. Теперь читайте далее.

– «Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди разделяют

такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах, и книгах. Оно неосновательно потому, что главным поводом своего появления выставляет большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва-ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление Синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из полученных мною писем».

– Остановив моего собеседника, а сказал: В этом месте своего ответа Л. Толстой допустил непримиримое противоречие самому себе; жалуясь на несправедливость Синодального послания, он говорит: Святейший Синод обвиняет его одного в пунктах неверия, выписанных в постановлении, тогда как почти все образованные люди мира разделяют его неверие, и выражают его в разговорах, в чтениях, брошюрах и книгах; а далее заявляет, что его учению и взглядам следует не более сотни людей, благодаря цензуре, не допускающей распространения его религиозных сочинений.

Святейший Синод обвиняет его одного вполне справедливо, потому что первый из русских писателей, по крещению и воспитанию принадлежащий к православной Церкви, дошел до отрицания всех главных истин христианской веры – и открыто, во всеуслышание проповедует это.

А что касается вольнодумных писателей, живущих за границей или в России и принадлежащих к протестантству или католицизму, то до них нам нет никакого дела; ибо они живут вне православной Церкви, которая, несмотря на окружающих её врагов, твердо и неизменно хранит во всей чистоте учение Христа Спасителя и Его Апостолов, не допуская ни в чём отступлений, а на всех неповинуящихся её определениям, основанным на Священном Писании и Священном Предании, изрекает отлучение; так она поступила и с графом Л. Толстым. Разбирать весь ответ Л.Н. на постановление Святейшего Синода я считаю излишним, потому что разбор этого ответа

напечатан уже в «Миссионерском Обзрении», за месяц Июнь 1901 года, а спрошу вас о некоторых выражениях Л. Толстого, которые встречаются в его ответе на постановление Святейшего Синода. Он пишет, напр.: «я отвергаю непонятную Троицу, и басню о падении первого человека, историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, – всё это совершенно справедливо. Бога же Духа, Бога – Любовь, единого Бога – начало всего не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога». Скажите мне – на каком основании ваш учитель отвергает Богооткровенные истины и на место их ставит свои верования? Откуда Л. Толстой узнал, что Бог есть Дух?

– Мой собеседник сказал: Так говорили философы, жившие прежде его.

– Я еще спросил: Этот Дух, которого Л. Толстой называет Богом, есть дух личный, или-же мировая сущность?

– Мой собеседник сказал: Л.Н. в своём ответе Синод не объяснил, какого духа он признает Богом, а я не понимаю, что такое Бог личный и что такое Бог безличный. Я объяснил моему собеседнику, что ни у каких философов нет такого ясного учения о Боге Духе, как оно выражено Господом нашим И. Христом в беседе с самарянкою.

И. Христос сказал: «Бог есть Дух: и кланяющиеся ему должны поклоняться в духе и истине» ([Ин.4:24](#)).

Итак, Толстой хотя учение о Боге Духе заимствовал, несомненно, из Евангелия, но или не хотел, или не может объяснить, что такое этот Дух. Из учения Христа Спасителя видно, что этот Дух есть личный, разумный, который требует Себе духовного поклонения. Еще спрошу вас: откуда Толстой узнал, что Бог есть любовь?

– Мой собеседник ответил: Что Бог есть любовь, это говорили и древние философы. Стоит только хорошенько всмотреться в творения Божии, доступные нашим чувствам, чтобы убедиться в той истине, что Бог действительно есть любовь и премудрость: ибо рассматривая величественные творения мира, их красоту и законы течения, невольно

приходишь к мысли: если же прекрасны и величественны эти творения, то насколько прекрасен и любвеобилен Тот, Кто сотворил их!

– Я сказал: С этой мыслью всякий человек, имеющий трезвый ум, должен согласиться. Я еще спрошу вас: почему этот любвеобильный и всесовершеннейший Бог создал человека, в котором стремления не гармонируют с его действительной жизнью? Человек имеет стремление жить, наслаждаться полным счастьем, – а в действительной жизни его преследуют постоянные бедствия и наконец смерть, – хотя никто не желает её. Итак, скажите, – почему Бог создал человека таким, что действительная жизнь не согласуется с его стремлениями?

– Мой собеседник сказал: Ответить на ваш вопрос невозможно в виду того, что мы не можем постигнуть плана Бога о назначении человека.

– Я сказал моему собеседнику: Правда, что при этом вопросе ум человеческий, без помощи Божественного откровения, ставится в прямое противоречие с учением о любви Божией. Если Бог есть всесовершеннейшая любовь и бесконечно всегущ, то Он не мог создать человека таким, каким он есть теперь. Логика человеческого ума настойчиво требует признать, что или у Бога нет любви к человеку, или истощилось Его Божественное всемогущество и премудрость в создании человека. Вот до каких заключений может прийти человеческий разум, отвергающий Божественное откровение о сотворении человека.

При свете же Божественного откровения, все выше сказанные предположения рассыпаются в прах. По Божественному откровению, человек сотворен не таким, каким он есть теперь. Сам человек нарушил своё блаженное состояние преслушанием заповеди Божией.

– Мой собеседник возразил мне: С вашим умозаключением можно было бы согласиться, если бы оно не встречало следующего возражения: по вашему учению, Бог не только бесконечно любвеобилен, премудр, благ, но и всемогущ. По

Своему всеведению, Он предвидел, что человек падет, почему же Бог не сотворил его неспособным пасть?

– Я ответил моему собеседнику: Разумное существо может ощущать внутреннее довольство или счастье только от свободного добра, добро невольное или несвободное не дает довольства и блаженства. Потому-то Бог создал человека существом не только разумным, но и свободным, самовластным; если бы Бог сотворил человека, не одарив его полною свободою, то человек не мог бы быть и сознательно блажен. Далее, Бог даровал человеку закон такой, который, не лишая его самовластия, легко мог быть исполнен. Со стороны Бога, т. обр., всё было сделано, чтобы человек не пал, а жил в том состоянии, каком создал его Господь и преуспевал в добре. Итак, Божественное откровение о грехопадении человека нисколько не противоречит Божественной премудрости и благодати; напротив, здравый разум не может иначе мыслить о первобытном состоянии и падении человека, как эта истина выражена в Священном Писании. Если же грехопадение человека не басня, а действительная истина, то и рождение Бога плотью, для искупления человеческого рода, есть также несомненная истина; ибо невозможно допустить, чтобы Бог, при бесконечной любви Своей, мог оставить род человеческий в таком бедственном состоянии, в какое впал человек чрез своё грехопадение. Бог предвидел человеческое падение и предопределил средства искупления; сам падший человек, хотя и сознает своё бедственное состояние, но собственными силами никак не может освободиться от тех условий жизни, в которые он поставил себя преслушанием воли Божией. Чтобы возвратить человека на путь воли Божией, Господь даровал ему закон, выразив его сущность в десяти заповедях, но этот закон послужил человеку к еще большему греху, потому что закон был духовен, а человек плотян. Известно, как описывает греховное состояние человека великий учитель языков см. (Рим.7:12–25).

– Мой собеседник сказал: С вами можно было бы согласиться, но христианское учение во многих пунктах не оправдывает себя: оно обещает бессмертие и блаженную жизнь; учит, что смерть есть возмездие за грех, что христиане

искуплены от греха страданием и смертью И. Христа. На самом-же деле христиане живут и умирают так же, как евреи, магометане и идолопоклонники, поэтому и нельзя безусловно верить всему христианскому учению. Если на земле христиане ничем не отличаются от других народов, не принявших учения Христа, то, вероятно, и в жизни загробной (если она существует), христиане ничем не будут отличены от других народов.

– Я возразил моему собеседнику: Хотя по внешним жизненным условиям христиане на земле не отличаются от других народов, но по внутреннему состоянию духа истинные ученики Христовы отличаются во многом от других народов, не принявших учения Христа: никто из людей мира сего не имеет такого душевного мира, спокойствия совести, не предвкушает наслаждения блаженства, что имеют истинные христиане, живущие не по плоти, а по духу (Рим.8), ибо плод духовный есть: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал.5:22, 23). Итак, истинные христиане, «имея начаток духа Божия в себе, стелают, ожидая усыновления, искупления тела нашего. Ибо мы спасены в надежде» (Рим.8:23, 24).

Вы говорите, что христиан поражает смерть так же, как не принявших учения Христа, – на ваше возражение я позволю привести такой пример: если какая металлическая вещь помята будет так, что её нельзя исправить, то эту вещь отдают литейному мастеру, который расплавляет металл и выливает такую-же вещь, какая была испорчена. Так Бог поступает и с природой человеческой: она настолько испорчена грехом, что должно прежде переплавиться посредством смерти и тления, а потом уже воскреснуть к бесконечной жизни: «Ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин.5:28, 29). Сам ваш учитель в своём ответе на постановление Святейшего Синода сознается, что выдуманная им вера не есть на все времена несомненная истина, но он держится её потому, что она более других удовлетворяет его; если же он узнает другую веру, более

истинную, то он готов сейчас-же оставить выдуманную им веру и принять ту, которая более истинна, чем вера Толстовская. Дабы кто не подумал, что я над графом Львом Николаевичем Толстым делаю насмешку, – в устранении такой мысли привожу собственные слова Льва Толстого: «Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненна на все времена истинна, – но я не вижу другой – более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчас же приму её, потому что Богу ничего, кроме истины, ненужно» (Миссион. Обзор. 1901 г. мес. Июнь стр. 814). Любезный друг! всмотритесь беспристрастно в последние слова вашего учителя. Он сам не признает своей веры за абсолютную истину, потому что она есть плод человеческого ума. Вера-же христианская есть несомненная истина, данная на все времена. Между мною и вами состоялся обмен мыслей о тех предметах, которыми заинтересовано все мыслящее человечество. Прошу вас – припомнить всё сказанное мною и обсудить беспристрастно! Молитесь при этом Богу и Он откроет вам путь жизни и приведет вас к тому блаженству, которое Он назначил всем истинно любящим Его.

Пароход наш подваливал к пристани и я, при взаимных благопожеланиях, расстался с моим собеседником.

Астраханский миссионер Алексей Шашин

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

Айвазов И. «Новый путь» в его отношении к старым путям и к православной Церкви¹⁸⁶ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 758–774

Какая опять тесная связь между человеком и «землею со всем её воинством»! Какое божественное понимание стыда наготы, как наказания за грех, а не как закона природы! Какой божественный взгляд на многообразную плоть: и «зачала Ева, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа»..., и «принес Каин от плодов земли дар Господу», а Авель «от первородных стада своего и от тука их» (Быт.4:1–4)!...

А вот пред нами на страницах той-же библии и «вся Божья тварь», вся «многообразная языческая плоть». Когда Господь заключал Свой завет с Израилем, то не с ним только, но чрез него и со всяким «иноплеменником – не от семени Авраама» и «со всякою плотью, которая на земле... и с птицами, и со скотами, и со всеми зверями земными», – словом, со «всею землею»... Посему и «знамение завета», как, например радуга, было «знамением» для всей плоти, для всей земли; посему и к обрезанию приобщались не только «иноплеменники», но даже «плодовые деревья и виноградники» и Богу посвящались все первенцы «от человека до скота» и «жатвенного снопа» (Быт.9:17; Исх.13; Лев.19:23–25). Замечательно, что вместе с Израилем и чрез него Господь благословлял и проклинал всякий плод земли и на земле, все стихии природы: «благословен ты... и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов»...; и наоборот: «проклят ты...и житницы твои..., и плод земли твоей, и плод твоих волов, и плод овец твоих..., и небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом»... (Втор.28:3–24). Вместе с человеком у Израильян празднует, ликует (Исх.20:10; Лев.25:2; Ис.56:9), постится, скорбит и покрывается вретисцем «вся земля»: «сетует земля... рыдают виноградники..., стонет скот..., уныло ходят стада волов..., томятся овцы... и взывают... и крепко вопят к Тебе, Господи»!... (Иоиль 1 гл., сравн. Ионы 3 гл.). «Скот также чувствует происходящее», говорит праведный

Иов, – «спроси у скота и научит тебя, у птицы небесной и возвестит тебе; или побеседуй с землею и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские», хотя Господь и «научает нас более, нежели скотов земных, и вразумляет нас более, нежели птиц небесных» (Иов.12:7–8, 35:11, 36:33)!... И Израиль «веселится пред Господом», взяв в руки «ветви красивых деревьев, ветви пальмовые и ветви деревьев широколиственных и верб речных»... (Лев.23:40). И Моисей с божественным умилением говорит: о вожделенных дарах неба, о росе, о дарах бездны лежащей внизу, о вожделенных плодах от солнца и произведениях луны.... о крепости первородного тельца и рогах буйвола, о силе и быстроте льва!... (Втор.33). Вот почему Псалмопевец призывает к прославлению Бога: и ангелов, и солнце и луну, и все звезды света, и небеса небес и воды превыше небес, и рыб и все бездны, и огонь и град, и снег и туман, и бурный ветер..., и деревья плодоносные и все кедры, и зверей и всех животных, и пресмыкающихся и птиц крылатых, и царей земных и князей и судей и всех людей!... (Пс.148). И действительно, во «святом» Иерусалимском храме, где «восседал на херувимах Бог Израиля» (Исх.25:22; Пс.17:11; Дан.3:54), собрались «небо и земля со всем воинством своим» и там совокупно прославляли Творца (Пс.28:9). Там были в резных изображениях: и херувимы, и львы, и волы, и распускающиеся цветы, и пальмовые деревья, и гранатовые яблоки, и огурцы, и литое из меди море, и цветкообразные светильники, и для курений Фимиам, и для возжжения елей и миро для священного помазания и т. д... (Исх.25–30). И что особенно замечательно, так это соединение в изображениях херувимов, человека, зверя и птицы: «и у каждого херувима – два лица; с одной стороны к пальме обращено лицо человеческое, а с другой стороны – к пальме лицо львиное» (Иез.41:18–19) и – по два распростертых вверх крыла (Исх.25:20; 3Цар.6:24)!... И в этот храм для поклонения Богу Израиля и притом с надеждой быть услышанными и получить просимое имели право входить и все иноплеменники из земли далекой (3Цар.8:41–43).

Где же, спросим г. Мережковского и других «новопутейцев», и когда Израиль почитал только «чистого духа», только «всё

отвлеченно-духовное, бескровное и бесплотное?!». Где и когда он смотрел на своё тело и на всю плоть мира, – от человека до скота, и зверей, и птиц, и рыб, и растений, и светил небесных, – как на «порождение дьявола», как «на неискупимо-грешное, проклятое, бесовское?!». Где и когда он «признавал» весь мир, как отрицание Бога, и «Бога, как отрицание всего мира?!».

Разве не Израиль признал себя «святым» и *плоть* человека достойнейшим образом Бога и Ангелов Его?! Разве не Израиль приобщил к своей святости, к своему религиозному общению с Богом «всю Божью тварь» и «всю многообразную языческую плоть?!». Разве не он одухотворил плоть, плотское, земное и воплотил дух, духовное, небесное?! Разве не он *объединил* в религиозно-символическом образе трехсоставного херувима: человека, зверя и птицу?! Разве не он «*воскресил плоть*», поверив в «воскресение мертвых тел?!».

Откуда же у г. Мережковского и К° такое порицание иудейства и унижение его пред эллинизмом?! Откуда уверение, что якобы «отрицание Богом мира – природы» (да так-ли?!), отравило и истощило божественные родники семитской, – иудейской культуры?! Откуда, наконец, такой панегирик «совершенному эллинству», которое якобы «также доверчиво к жизни, бесстрашно к смерти (?!), так же умеет преходящее делать непреходящим», как и «самое чистое, совершенное христианство?!». ¹⁸⁷

Мы глубоко убеждены, что все подобного рода суждения идут не из основательного и беспристрастного изучения «новопутейцами» духа семитской и арийской культур, а всё из того же злосчастного у нас на Руси стремления к рабскому подражанию и усвоению чужих взглядов, мнений, суждений..., – всё из той же боязни: «а что скажет княгиня Мария Алексеевна?...» – разумеет: пресловутая Европа!...

Лозунгом курса «Истории Религий» – Д.П. Шантепи-де-ля-Соссей служит мысль, что у семитов «на первом плане стоит религия, там (у арийцев) – культура; здесь Бог является в истории, там – в природе (Макс Мюллер)»... Главные религии индо-германцев, по Шантепи, – «представительницы развитого и одухотворенного политеизма. Между тем как семиты

обращали свои взоры к небесному, а их религии проникались духом подчинения, абсолютной зависимости, индо-германцы, напротив, остановились на процессе внутренней мировой жизни: в их религии никогда не существовало резкого разграничения между божеским и человеческим...».¹⁸⁸ Но как в «Новом Пути» вторая страница отрицает первую, так и в курсе Шантепи!... Там же, в статье проф. Валетона «Израильтяне» читаем: «Макс Мюллер заходит слишком далеко, когда он считает за резкую противоположность между Семитами и индо-германцами то, что первые познают Бога в истории, а вторые в природе. У семитических богов часто тоже стоит на первом плане деятельность их, проявляемая в явлениях природы!...».¹⁸⁹

А между тем г. Мережковский и К° на этом шатком основании строят своё «Новое Вселенское Христианство!...».

Впрочем, неудивительно! Там, где немец заходит только «слишком далеко», русский обязательно, упершись в одну точку, доходит до крайностей! Пересаживая к нам плоды немецких оранжерей и перекраивая на итальянский манер русских писателей, г. Мережковский главное-то и позабыл... Ведь именно эллинизм-то и умерщвляло плоть когда погружало её в холодный мрак могилы и когда, как и все языческие религии, определяло человека лишь как счастливого, или несчастного сына земли, неведомо зачем землею воспитанного и опять неведомо зачем в ту же самую землю отходящего!...¹⁹⁰ Нет, в эллинизме не «бесстрашие к смерти», а поразительное бессилие и замаскированный страх пред нею, о которую сокрушались все мечты язычника-арийца о божественном величии человека! Не «бог», и не царь, а раб и презренный червь – человек, и вся жизнерадостность арийца – какой-то тяжелый кошмар!... Между тем, иудей умирал с ясной и твердой надеждой на *воскресение плоти* своей и печаль как бы скользила по лицу его, лишь на миг отравляя его покой!... И не призрак-ли жизни, не теневое-ли «воскресение плоти» так увлекло г. Мережковского и повело многих по «Новому Пути?!».

Да, видно, что

«тьмы мелких истин нам дороже

нас возвышающий обман!...»

II

Мы уже видели, что г. Мережковский глубоко неправ в своём подражательном и до-нельзя избитом взгляде на дух семитско-иудейской культуры.¹⁹¹ Между тем на этом взгляде «новопутейцы» строят, свой обвинительный акт против «исторического христианства»!... Нельзя говорить о прочности здания, воздвигаемого, по меньшей мере, на проблематическом основании. Нельзя говорить о заражении «исторического христианства» ядом старой семитской культуры, когда наличность яда в этой культуре больше, чем сомнительна. Всё это азбучные истины и жаль, что приходится напоминать об них!...

Но если древнее иудейство несколько неповинно в обвинительном акте Мережковского, то не также-ли и не более-ли неповинно в том же преступлении «историческое» и, в частности, православное христианство?

Г. Мережковский утверждает, что «тайна Воскресения Плоти» не открывается в «нынешнем» христианстве, что в нём еще сохраняется «застарелая дурная привычка лжехристианства, или, лучше сказать, павлианства» (?!), состоящая в том, что «старое», «византийское», «скопческое», «аскетическое» и «прелюбодейное» (?) христианство якобы обесплотило Христа, отвергло в человеке плоть, признало, что не какая-либо часть или свойство плоти, земли, любви к себе, а вся плоть в существе своём, как мистическое начало, противоположно другому началу, как зло добру, вечное да – вечному нет, как проклятое, бесовское – святому, божескому, что тело в человеке есть неискупимо-грешное, зверское, скотское, а вся животная, стихийная природа – порождение дьявола, что «жить в Боге – значит жить вне тела», что святость значит бестелесность, бесплотность, что дух противоположен плоти, как вечное добро вечному злу, что мир есть отрицание Бога и Бог есть отрицание мира, не какой-либо части мира, а мира, как целого, как опять-таки абсолютной сущности, что именно отсюда вытекает: «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо всё, что в мире: похоть

плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего... Весь мир лежит во зле» (1Ин.2:15–16, 5:19)!...¹⁹²

Разумея под «историческим христианством» христианство со времен св. Апостолов и до наших дней включительно, г. Мережковский и своё обвинение предъявляет ко всему «историческому» христианству, не исключая и Апостольского.

Не новы, конечно, обвинения на св. Апостолов в непонимании ими учения Христа: в чужих подвалах они уже давно заплеснели и только у нас почему-то еще претендуют на свежесть и даже новизну!... Между тем и поверхностного знакомства с творениями Апостолов достаточно, чтобы признать обвинительный акт Мережковского, по меньшей мере, голословным.

«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей... Дружба с миром есть вражда против Бога... Весь мир лежит во зле» (1Ин.2:15, 5:19; Иак.4:4)... говорят нам св. Апостолы и в тоже время заявляют, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного... чтобы мир спасен был чрез Него»,... потому что «мир и начал быть чрез Него» (Ин.1:10, 3:16–17) Какое, по-видимому, глубокое противоречие! С одной стороны, мир действительно есть отрицание Бога и дружба с миром – не только отрицание любви Отчей, но и вражда против Бога, – с другой, мир есть объект высочайшей любви Божией и наилучшее свидетельство о бытии Творца!... Но в том-то и дело, что противоречие здесь только кажущееся. *Всякий*-ли мир, по учению Апостолов, есть отрицание Бога и со *всяким*-ли миром дружба Богопротивна?

Апостолы ясно говорят нам о двух мирах, или точнее о двух течениях мировой жизни. Первое – когда мир жил по законам своего Творца, второе – когда он преступил волю Бога и в своём падении дошел до того, что «никто в нём не ищет Бога», так что «весь мир оказался» «виновен пред Богом» и попал во власть «духов злобы поднебесных», которые, как новые «мироправители», пересоздавали его по своим законам «тьмы» (Рим.3:9, 19; Еф.6:12). Последний мир Христос и Апостолы называют: «мир сей»; он дышит «духом» дьявола и его «обычаем» служит «воля князя власти воздушная» (Ин.14:30,

16:11, 18:36; 1Ин.2:16; 1Кор.2:12; Еф.2:2). – Об этом и только об этом «мире» говорят Апостолы: «не любите мира, ни того; что в мире... Ибо всё, что в мире... не есть от Отца, но от мира сего»... Только об этом «мире» и Христос говорил Пилату: «царство Моё не от мира сего», или, в молитве к Отцу: «они (ученики) *не от мира*»... потому что «приняли не духа мира сего, а духа от Бога»... При этом необходимо помнить, что Апостолы, предостерегая христиан от любви к «миру сему», разумели любовь, побуждающую идти по стопам любимого существа, но отнюдь не любовь, которая спасает грешника, так как спасение грешного мира было выше человеческих сил. Когда-же Апостолы говорили о любви к грешному миру со стороны Бога, то разумели уже любовь, спасающую мир от греха: «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного... чтобы мир *спасен* был чрез Него»... Как только Бог «во Христе *примирил* мир с Собою», – в «мире *сем*» образовался новый мир или «новая тварь», воспринявшая Христа и отвергшая «обычай мира сего» и действующую в нём «волю князя власти воздушных». И любовь к этому *новому миру*, как подражание делам «новой твари», Апостолы возвещали в каждом слове своём (2Кор.5:17; Еф.4:22–24). Этот-же мир являлся самым лучшим *утверждением* Бога и дружба с этим миром была единственным, угодным Богу делом (Мф.5:16).

Значит, вопреки утверждению г. Мережковского, в «историческом» христианстве *не всякий* мир есть отрицание Бога и Бог есть отрицание *не всякого* мира, тем более *не всего* мира, как целого, как абсолютной сущности!... Значит и заповедь Апостола: «не любите мира»... вытекает не из отрицания Богом *всего* мира!... «Не любите мира», но только «*мира сего*», в котором царит воля дьявола; а любите мир искупленный, новую тварь, которая «во Христе». И таковой «тварью» может быть *всякая* тварь, ибо Христос умер за грехи «всего мира» (1Ин.2:2; ср. Рим.8:19–23)!... Следовательно, и *весь мир* может стать достойным подражательной любви христианина если только облечется во Христа.

Из взгляда св. Апостолов на мир ясна несправедливость и другого обвинения, по которому Апостолы якобы учили, что вся вообще в мире плоть противоположна духу, как зло – добру, как проклятое, бесовское – святому, божескому; что, в частности, тело в человеке есть нечто неискупимо-грешное, зверское, скотское и вся животная, стихийная природа – порождение дьявола; что, «жить в Боге – значит жить вне тела» и святость значит бестелесность, бесплотность!...

Мне кажется, что более глубокого непонимания учения Апостолов о плоти и духе и представить себе нельзя! «Плоть желает противного духу, а дух – противного плоти; они друг другу противятся», – говорит апостол Павел (Гал.5:17). Но о какой «плоти» и о каком «духе» он говорит и что под ними понимает? Едва ли мы ошибемся, если скажем, что учение о «плоти» и её отношении к «духу» красной нитью проходит чрез все Апостольские послания, и особенно Павловы. Почти повсюду раздается протест против жизни «во плоти» и призыв к жизни «по духу». Но при этом всюду, где слышится такой протест, под «плотью» понимается не мировая материя с её законами и, в частности, не тело человека, а «дух», противный «духу Божьему», царящий в «мире сем» и действующий в сынах противления (Еф.2:2). Вот почему и человеком, живущим «по плоти», или, что то же, «душевым», «плотским», называется тот, кто всем своим существом (и телом, и душою) живет вне благодатных даров «Духа Христова», кто во всей своей жизни руководится не «духом Божиим» а «духом мира сего» (Рим.8; 1Кор.2:12–13, 3:3; Иуд.19). Тот же, кто имеет в себе «духа Божия» и всю свою жизнь направляет «по духу Христову», избегая «духа противления», называется человеком «духовным» или «живущим по духу» (Рим.8; 1Кор.2:5; Гал.5:25; Еф.2:2). Отсюда понятно, что такая «плоть» и такой «дух» действительно, по самому существу своему, противоположны и «друг другу противятся»; ибо, что общего у света с тьмой? какое согласие между Христом и Велиаром? В тех же случаях, когда Апостолы говорят о теле и душе человека, они никогда не противопоставляют их, как зло – добру, как бесовское – божескому, но признают их по самому существу их, «*Божиими*»

(1Кор.6:15–20). И если, по учению апостолов, человек может погубить тело своё, то так же он может запятнать и душу свою, ибо и телом, и душою может оказаться во власти «князя мира сего» (1Тим.4:1–2; 1Сол.5:23; Еф.4:3). Печать Божия, а не дьявольская лежит, по ап. Павлу, и на всей животной стихийной природе (Рим.1:20), и на всей твари, которая также должна принять участие в «славе детей Божиих» (Рим.8:19–21). И никогда апостолы не вели брани против крови и плоти (Еф.6:12). Напротив, всегда они поучали, чтобы христиане любили свои тела, питали и грели свою плоть (Еф.5:28–29) и лишь не оскверняли её жизнью «плоти иной» – языческой (Иуд.1:7–8; Рим.1:24). «Тело для Господа, говорит св. Ап. Павел, и Господь для тела... Ваши тела суть члены Христовы... и храм живущего в нём Св. Духа...», посему «прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии..., представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу» (1Кор.6:13–15, 19–20; Рим.12:1)... Всегда, как только заходила речь о человеке, Апостолы высказывали пожелание, чтобы он свят был и телом и духом, чтобы Бог освятил его во всей полноте: «и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока»... (1Кор.7:34; 1Сол.5:23), чтобы «жизнь Иисусова открылась и в теле нашем» (2Кор.4:10). Этому-же телу человека они предназначили преображение, сообразно славному Телу воскресшего Христа, и затем воскресение для жизни вечной на небесах (1Кор. 15 гл.). (Флп.3:20–21)!... Здесь плоть достигла той степени славы, до которой она уже дошла в древнем иудейском мире, – славы своего «воскресения из мертвых» или бессмертия. Но «историческое» христианство на этом не остановилось и пошло дальше по пути прославления «плоти». «Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти», говорит Ап. Павел, так что «во Христе обитает вся полнота Божества телесно» (Кол.2:9; 1Тим.3:16)!... Обожествление человеческой природы в истинном воплощении Бога-Слова: вот кульминационный пункт прославления плоти!... Обожествленная и в тоже время бессмертная плоть, Плоть, искупившая мир, Плоть, предлагаемая в пищу и Кровь – в питье желающим наследовать жизнь вечную: как всё это не вяжется с

обвинением в «умерщвлении Плоти»!... Когда-же и где же «тайна Воскресения Плоти» открылась полнее и святее?!¹⁹³ Когда и где дух воплотился и плоть одухотворилась более, чем в «историческом» христианстве?! И не здесь-ли хранится ключ к разгадке тайны святого соединения Духа и Слова с Плотью и Кровью?! Не здесь-ли с поразительной ясностью возведены: «плоть святая» и «дух святой» и отграничены от «плоти иной» – с «телом греховным» и со «скверными похотями» и от «духа заблуждения» или «противления» (Иуд.1:7, 8, 23; 2Пет.2:10; Рим.7:18; 1Ин.4:1–6)?! Не о том старайтесь, говорит «историческое» христианство, чтобы отвергнуть *всякую* плоть и *всякий* дух, а лишь о том, чтобы «очистить себя от *всякой* скверны плоти и духа» и хранить «*святину*» (плоть и дух) в страхе Божиим (2Кор.7:1).

Последние слова Апостола – это та великая печать, которой запечатлено всё «историческое», «византийское», православное христианство, со времен Апостолов и доныне, в своём отношении к «духу» и «плоти». И никогда православное христианство не отрекалось от «*мира святого*», от плоти и духа *святых*, но всегда осуждало «мир грешный», «плоть иную» (Иуд.1:7) и «духа заблуждения». С этой точки зрения оно всегда готово было признать *всякую* форму воплощения духа, *всякую* форму соединения духа с плотью, как только находило в ней *святой* дух и *святую* плоть. Произведения специально-ли богословской или научно-философской мысли, творчества и особенно художественного: литературы, живописи, скульптуры, архитектуры и музыки, искусство театральное – всё признавалось и освящалось Православной Церковью, коль скоро она находила в этом лишь многообразное выражение *одной и той-же* идеи насаждаемого ею Царства Божия на земле. Посему, глубоко несправедлив упрек в том, что в «историческом христианстве» искусство якобы не может быть святым!...¹⁹⁴ Если Православная Церковь и отрицала искусство, то *не всякое*, а лишь развращающее; но она-же и освящала искусство и опять *не всякое*, а лишь передающее чувства, вытекающие из религиозного сознания людей и согласные с её жизнепониманием.¹⁹⁵ Интересна в этом случае небольшая

историческая справка: «святой вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам и их зрелищам, такожде и зрелища звериные творити и плясания *на позорищи*.¹⁹⁶ Аще же кто настоящее правило презрит и предастся которому-либо из *сих возбраненных* увеселений, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен от общения Церковного... Никому из числящихся в священном чине, ни монаху не позволяется ходити на конские ристалища или присутствовати на *позорищных* играх. И аще кто из клира зван будет на брак, то при появлении игр, служащих к обольщению, да восстанет и тотчас да удалится: ибо так повелевает нам учение отец наших... Детям священников не представляти мирских *позорищ* и не зрети оных. Сие же и всем христианам всегда проповедуемо было, да не входят туда, где бывают *хуления*» (6 Всел. соб. пр. 24 и 51; Карфаг. соб. пр. 18). Ясно, что там, где идут *позорные* зрелища, игры, раздирающие душу ристалища, где раздаются *хульные* и *обольстительные* речи, – там не место христианину. И если когда-либо Церковь освятит искусство в духе «Елены Прекрасной», то это будет с её стороны падением до глубины ада и потерю Лица Христова!... Тогда и у нас воцарится культ «Николаитов», его так желают Андреевы, Горькие и им подобные!...

Правда, если бы обвинения в «умерщвлении плоти» и в «отрицании искусства» раздавались по адресу древних докетов или современных хлыстов, скопцов, духоборцев, молокан-уклеинцев и духовных штундистов, то, в большинстве случаев, пришлось бы согласиться со справедливостью этих обвинений. Но когда слышишь те же упреки по адресу Православной Церкви, которая осудила всех этих сектантов, изуверно бичующих и оскоряющих свою плоть или проповедующих чисто духовное служение Богу, то не знаешь, чему больше удивляться: отсутствию ли в «прокурорах» чувства справедливости или их способности высказывать смелые суждения в почти что неведомой для них области?!...

Но если православное христианство и неповинно в предъявленных к нему «новопутейцами» обвинениях, то отсюда еще далеко до солидарности его с «новым вселенским

христианством» Мережковского. Не солидарность, а глубокая пропасть, по нашему мнению, лежит между православием и «Религией Конца». Никогда православная Церковь, во-первых, не признает «святости *всякого* тела» и «духовности *всякой* плоти», как того требует «религия конца». Никогда она, далее, не примет и не освятит *всех* благ культуры и никогда не поставит равенства между двумя безднами: «бездной нижней» – землею и «бездной верхней» – небом.¹⁹⁷ Оставаясь верной заветам Христа, она всегда будет считать «*святой*» лишь плоть, обрезанную во Христе (Кол.2:11) и «*святым*» лишь дух, живущий во Христе. Посему и культура в православной Церкви только та – «*святая*», которая запечатлена духом Христовым и земля только тогда – «*святая*», когда на ней жизнь течет по небесному идеалу, а не по отдельному от этого идеала – идеалу земли.

Достаточно, хотя на миг, допустить отдельное бытие и равноправие двух идеалов: земного и небесного, как связь между «бездною нижнею» и бездною верхнею» порывается, человек начинает сознавать себя исключительно гражданином земли и всецело погружается в насаждение и развитие на земле культуры и цивилизации с целью порабощения себе всего мира... И только на вершине своего земного могущества он как-бы срывается и летит в бездонную пропасть... Только тогда в нём с поразительной ясностью говорит сознание, что «скудны все земные силы: расswireпееет жизни зло»..., и что вся безмерная масса его труда и пролитое им море крови и слез не дали ему и капли счастья, внутреннего покоя, душевного рая... Только тогда он с ужасом видит, как:

«Прогресс подвигается,
И не видно движенью конца:
Что сегодня постыдным считается, –
Удостоится завтра венца»...

И вот он жаждет идеала вечного, неизменного, как Бог, идеала небесного: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»; этому идеалу он подчиняет всю землю и себя сознает лишь «странником и пришельцем на земле», для которого «отечеством» служит «небо». С этого момента он уже

стремится к жизни по идеалу своего вечного жилища и только этим идеалом мерит *святость* всего земного. Такова история скитаний человека в этом мире. И православная Церковь прекрасно помнит уроки жизни и ими свидетельствует действительность и святость только одного идеала для всей земли – это идеала небесного, или «бездны верхней» (Мф.5:48), которой подчинена, а не соподчинена «бездна нижняя». Движение в меру возраста этого идеала и признается Церковью за *истинный прогресс* на земле.

Посему, если православная Церковь желает оставаться верной Лику Христову, если она не дорожит мертвыми, но обольстительными призраками, то она должна быть тем, чем была и есть. Всякая попытка вступить на «*Новый Путь*» будет не «Религией Конца», а «Концом Религии» и не «Новым Вселенским христианством», а «Новым Вселенским хождением по стихиям мира»! В этом как нельзя лучше убеждает нас откровенная статья г. Минского: «о свободе религиозной совести»,¹⁹⁸ по которой мы знакомимся с основным взглядом «новопутейцев» на религию вообще и, в частности, на религию христианскую.

По мнению г. Минского: «религиозная истина и святость, подобно хлебу, дается нам не вся сразу, а на каждый день, по мере наших потребностей и сил, сообразно нашим личным и национальным особенностям. И тут завтрашний день заботится сам о себе... Понимание истинного духа христианства не имманентно Церкви, а развивается в ней постепенно... и сущность христианства заключается, главным образом, в *неиссякаемости* религиозного творчества»... Посему-де «православная Церковь, как и всякая другая, не может считать своё понимание Бога столь-же абсолютным, как самое бытие Бога. Всякая ересь для неё должна казаться лишь человеческой ложью, сравнительно с содержимую ею также человеческою истиной; но признать её абсолютным злом – дело Божие. Рядом с этой ложью и моею истиной есть истина вечная, Божеская, а кто пред ней окажется прав – от меня скрыто»¹⁹⁹... Выходя из того взгляда, что «сущность христианства – в неиссякаемости религиозного творчества» и что «неиссякаемое творчество»

отнюдь не может мириться с вечностью и неизменяемостью творений, г. Мережковский восстает против всего вечного и неизменяемого в христианстве – против христианской догматики: «разрушение догматики, говорит он, не только не вредит, а более чем что-либо содействует возможности истинной (!) религии»...²⁰⁰

Итак, по взгляду «новопутейцев», в области религии вообще, и, в частности, религии христианской царит вечный прогресс, всё движется вперед и нет ничего вечного, безусловного!... Православная, как и всякая другая, Церковь владеет истинами лишь *человеческими*, которые пред судом Божиим могут оказаться ложью, и, наоборот, то, что считалось церквами за ложь, – правдой. Словом, ни одной из христианских церквей не присуще сознание *Божественной* правды, ни одному человеку неизвестно мерило *Божественного* правосудия! Всё человечество, все христиане блуждают впотьмах и, ища Бога, не находят Его. Если-же кто скажет: познал Бога, – ложь говорит, ибо знать Бога – значит творить волю Его, а воля Божия скрыта от человека!...²⁰¹ Какое поистине трагическое положение: искать, томиться, страдать, – и так до конца!... Неужели в этом сказалась любовь Божия к миру, для спасения которого Он послал Сына Своего Единородного?... Неужели Христос для того и приходил в мир, для того и пострадал, чтобы подвергнуть человека еще большей пытке нравственно религиозных томлений?! И какая жестокая пытка: знать, что Бог есть и требует исполнения воли Его и не знать, да что-же нужно делать, чтобы творить волю Его!... Нет, не для того приходил Христос, чтобы погрузить человечество в еще больший мрак, чтобы бросить его в объятия призраков истины, но для того, чтобы поведать ему волю Божию о нём и при том волю, доступную для понимания и исполнения: «Вам дано знать тайны Царствия Небесного», и всем, у кого сердце не огрубело (Мф.13:11–16) и «кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат...» (Мф.12:50). Эта воля Божия, во всей её необходимой для человека полноте и чистоте, возвещается в Церкви Христовой, которая есть «столп и утверждение истины». Посему-то отступление от истины,

содержимой Церковью, всегда признавалось Христом и апостолами за отступление от *правды Божественной*. И если человек *постепенно* растет в меру полного возраста Христа (Еф.4), то не потому, что ему постепенно открывается возраст Христов, а только потому, что он не в силах сразу стать взрослым во Христе. Но как «молоко», так и «твердая пища» *раз навсегда* даны нам Христом чрез св. апостолов, и иной пищи православная Церковь не примет. Вот почему разные члены Церкви Христовой в одно и то же время стояли на разных ступенях совершенства во Христе: пред ними в Церкви был сосуд с благодатью *полного* возраста Христова, но каждый черпал из этого сосуда, лишь сколько мог вместить, стремясь к большему воплощению в себя хранимого Церковью идеала Христа.

Эволюция в области хранимого Церковью религиозного идеала, а тем более «разрушение христианской догматики» равносильно полному уничтожению христианства или, по меньшей мере, низведению христианской Церкви в разряд «политических учреждений», вместе с которыми она поневоле должна будет прилаживаться и жить в мире с «мудростью мира сего»... В этом случае христианство переустраивается по символу современной культуры, цивилизации и прогресса, но не наоборот: не современная жизнь направляется в русло вечного религиозного идеала. От христианства вскоре останется только пустой звук, и если оно еще терпится, то только ради приличия или как необходимая до времени маска... Я не понимаю, как можно серьезно признавать возможность религии без абсолюта, без догматов, когда даже естествознание, чего теперь не скрывают, опирается на догмат?!

Если «Религия Конца» не в силах нам поведать правду Божественную, истину вечную и неизменную, то в этом и заключается её самая великая ложь, её самоосуждение. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся», – говорит Христос. Нет, отвечает «Новый Путь»: несчастны алчущие и жаждущие правды, ибо правда скрыта от них!... Дальше идти некуда. Здесь предел. Здесь та вершина земной мудрости, чисто-земного идеала, достигнув которой человек

срывается и летит в пропасть. В этом еще раз сказалась великая истина, что между земным и небесным идеалом не равенство, а глубочайшая рознь и что нельзя требовать принятия земли, как неба, но нужно землю подчинить небу и небесный идеал воплощать на земле.²⁰² К сожалению «новопутейцы», упиваясь собственной мудростью, не только не хотят видеть этого, но даже требуют от православной Церкви «освящения и благословения» их «Нового Пути»! И в этом последнем их требовании снова сказалась присущая им «принципиальная хаотичность». Ведь если православная Церковь, как и всякая другая, обладает истиной лишь человеческой которая пред Богом может оказаться ложью, то зачем освящать свой путь такую проблематическою святостью»?!... И так непростительна ложь утверждения, что «Новый Путь» – это путь Гоголя, Достоевского и Вл. Соловьева!... Нет, – это путь «Конца Религии» и ясно нам говорит, что:

«Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек, отчаянно тоскует;
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, *ропщет и бунтует*.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит!...
И сознает свою гибель он,
жаждет веры... но о ней *не просит*».

Не освящать такой путь, не тризну править над Христом и идеалом вечным, небесным должна православная Церковь, а лишь молиться: да направит Господь стопы «Нового Пути» к алтарю православного храма!...

И. Айвазов

**Козицкий П. [Рец. на] А.С. Пругавин
Старообрядческие архиереи в Суздальской
крепости. Очерк из истории раскола по архивным
данным. СПбург, 1903 г., in 8-ю стр. 31, ц. 25 к. //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 775–778**

Новинкой в нашей литературе по истории раскола является вышедший недавно очерк А.С. Пругавина: «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости». Очерк этот составлен автором на основании архивных данных и включает в себе много интересных сведений для история старообрядческой лжеиерархии. Это обстоятельство побуждает остановить наше внимание на этом труде г. Пругавина и познакомить с его содержанием читателей миссионерского журнала.

Спасо-Евфимиев в г. Суздале, Владимирской губернии, монастырь, стяжавший себе довольно печальную известность тем, что он служил и служит доселе местом заточения и ссылки духовных лиц, во второй половине прошлого столетия приютил в своих стенах, в качестве учеников, нескольких лиц из старообрядческой лжеиерархии. Учениками были следующие лица: 1) лже-архиепископ Аркадий – родом из с. Куничного, Бессарабской области, в молодости ушедший за границу, живший в разных поселениях за Прутом и Дунаем и получивший епископство от греческого митрополита Амвросия в раскольническом Белокриническом монастыре; 2) лже-епископ Амвросий – родом Калужский мещанин, – долго проживавший в бывшем раскольничьем Лаврентьевском монастыре, Могилевской губернии, ушедший потом за границу в Молдавию и за Дунай и возведенный Аркадием сначала в сан-иерея, а потом и во епископа; 3) лже-поп Федор Семенов – потомок пришедших в давнем времени в Молдавию раскольников, родом из с. Бориц, близ Браилова, рукоположенный во священника Алимпием; 4) лже-епископ Конон, в мире казак Косма Смирнов, принадлежавший к Эсауловской станице Войска Донского, принявший, по обету, монашество в Австрии, в Белой Кринице и там же рукоположенный во епископа; 5)

Пермский старообрядческий лже-епископ Геннадий. Из рассматриваемого нами очерка мы узнаем, что первые три узника были захвачены в турецких пределах во время войны в 1854 году и тогда же водворены в Суздальский монастырь. Конон и Геннадий попали туда позже: Конон был «пойман» в конце 1858 г. в Сквирском уезде Киевской губернии, и водворен в Суздальский монастырь в апреле 1859 г., а Геннадий – в июле 1863 года.

Из этих пяти учеников подверглись непродолжительному заключению только двое: лже-епископ Алимпий и лже-поп Феодор Семенов. Первый из них в 1859 г. умер и погребен вне монастырской ограды близ городского кладбища, а второй, после шестилетнего пребывания в монастырской одиночной кельи, сознал своё заблуждение и был, после присоединения к православию, отпущен на свободу. Остальные узники – лже-епископы: Аркадий, Конон и Геннадий были освобождены из заключения только в сентябре 1881 г., в царствование Александра III, в бытность министром внутренних дел графа Н.П. Игнатьева.

Небезынтересно познакомиться, при каких условиях жили наши узники в Суздальском монастыре. Прежде всего пребывание их в монастыре было обставлено глубокой тайной и они были известны там не по именам, а под №№ 1-м, 2-м, 3-м и т. д. Доступ к ним имел только один архимандрит – настоятель, на обязанности которого лежала забота о вразумлении заблудших мерами кротости (по приказу императора Александра II-го) и о возвращении их в лоно Церкви. О результатах своих вразумлений о. архимандрит должен был сначала ежемесячно, а потом полугодично доносить епархиальному преосвященному и Св. Синоду. Как можно было наперед предполагать, вразумления и наставления были тщетными, что видно из настоятельных рапортов, где так отмечается отношение узников к вразумлениям и архимандричьим наставлениям: «не внимал», «несколько внимал», «мало внимал», «от присоединения к православной Церкви совершенно отказался» и далее в таком же роде. Один только лже-поп Федор Семенов после шестилетнего

пребывания в монастыре воссоединился с православною Церковью. Одиочные кельи, где имели пребывание узники, охранялись каждая двумя часовыми. Узники лишены были возможности входить в какие-бы то ни было общения с миром; все письма, адресованные к ним, попадали в руки о. настоятеля монастыря. Если и допускались, особенно в последнее время, какие-либо свидания, то не иначе, как в покоях настоятельских и в присутствии самого архимандрита. Кельи узников не всегда были удобны. В большинстве случаев отличались сыростью и холодом. Но эти неудобства с течением времени были несколько устранены.

Воздействие о. архимандрита на узников выражалось еще и в том, что он снабжал их православными книгами, направленными против раскольнических заблуждений. Монастырские узники, удручаемые монотонно-томительным однообразием своей жизни, читали эти книги сначала, по отзывам о. архимандрита, весьма охотно, а потом совершенно перестали их читать. Конон, по-видимому, был наиболее книжным из них: он, во время пребывания в монастырском заключении, написал толкования на 3-ю книгу Ездры.

На содержание в Суздальском монастыре узников отпускались особые суммы Св. Синодом: на содержание первых трех узников – по 44 р. 50 к., а последних двух – по 46 р. 80 к. ...д. Нужды узников, как происходящих из простого народа и в общем невзыскательных в своих требованиях, по...ому, были крайне ограничены. При заключении их в монастырь у каждого из них оказалась изрядная сумма денег. Так при Кононе оказалась сумма в 186 руб., у епископов – Аркадия и Алимпия оказалось 65 полуимпериалов, 1 р. 95 к. серебром, 50 австрийских и 20 турецких червонцев, кроме того ...о при Аркадии квитанция Киевского комитета о принятии ... его на его имя 70 полуимпериалов. Из этих денег выдавалось о. настоятелем монастыря на нужды узников по ...о три, а то и по четыре рубля в месяц. Насколько отличались спартанскими привычками узники, можно судить по имеющимся в монастырском архиве расходным их тетрадкам. В течение 1855 г. Аркадием произведены были следующие расходы: куплено 2

аршина пестряди, снурков, бронзовых ...ц, ниток, иголок, льну, чайник, меду – всего на 1 р. Затем было куплено: самовар, 1 пуд пшеничной второго сорта муки, наперстоки, 10 фунтов меду, стеклянная банка ..., аршин пестряди, всего на сумму – 9 рублей. В последующие годы траты были тоже не велики. Расходная тетрадь Алимпия говорит о таких же ограниченных требованиях и этого

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в перечне имущества первых двух узников: лже-архиепископа Аркалия и лже-епископа Алимпия не значится ни одной книжки.

Настоятель монастыря, согласно данной ему инструкции при посещении узников, расспрашивал об их прошлом, ... и деятельности. Узники охотно сообщали с подробностями сведения о себе и о своих приключениях во время странствований за границей для получения священного сана, но ... отказывались сообщить что-нибудь о состоянии старообрядческого раскола и об австрийских лже-епископах и их ... с русскими раскольниками. В этом отношении узники... епископы оказались очень солидарными между собою ...вили никаких данных для истории старообрядческого раскола.

После освобождения из уз Аркадий и Конон доживали свой век в России, а Геннадий, которому за его беспокойный характер грозило новое заключение в Суздальский монастырь сбежал в Австрию к тамошним старообрядцам. Все три узника сошли со сцены жизни в полном убеждении ... старообрядческого раскола, именуемого «древним благочестием».

Книжка Пругавина, как видит читатель, сообщает ... интересные данные о лже-епископах, находившихся ...четверть века в Суздальском монастыре в качестве узников. Сведения эти покоются на фактических архивных данных и потому имеют особенную ценность. Книжка написана языком простым и читается легко. Автор, под покровом исторического материала, хотел скрыть свои симпатии к расколу, но он не достиг своей цели: в каждой строке его п...чит нотка симпатии его к «Суздальским узникам ... к старообрядческому расколу.

Впрочем этот оттенок симпатии несколько не умаляет ценности рассмотренного труда г. Пругавина.

П. Козицкий

Л-цкий В. [Рец. на] Спасительный для старообрядцев путь единоверия с православною Церковью. Каменец-Подольск. 1903 //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 778–779

Брошюра с только что выписанным заглавием издана ... Епархиальным Миссионерским Комитетом для раскольников среди которых в последнее время стал обнаруживаться интерес к ... особенно в среде так называемой безпоповщинской се... начально содержание этой брошюры было напечатано в местном епархиальном органе (Подольск. Епарх. Ведом.), на страницах которого

в последние годы появлялось не мало статей по вопросам внутренней миссии, а также довольно интересных распоряжений епархиального начальства касательно местного расколо-сектантства. В истекшем году напечатана между прочим, инструкция приходским пастырям, окружным епархиальным миссионерам, внесшая больше порядка и стройности в дело приходской и епархиальной миссии.

Изданная брошюра является плодом стремлений Комитета помочь миссии в деле распространения ею единоверия среди раскольников, брошюра состоит из двух неравных отделов: I – общие понятия о единоверии и его значении, II – церковно-гражданские постановления о единоверии. Первый отдел, состоящий из 10 пунктов, является дословной перепечаткой того, что было помещено в Миссионерском календаре за 1902 г. (статья – о единоверии и его значении. Стр. 267–272). второй отдел, состоящий из 25 пунктов, представляет собою извлечение из действующих церковных и гражданских узаконений, касающиеся единоверия. Таковы – Синодальные постановления 18 Марта 1766 г., ... сентября 1845 г., 6 июля – 21 сент. 1867 г., и Высочайшие распоряжения от 27 окт. 1800 г., 5 июля 1881 г., 5 дек. 1834., 5 апр. ...5 г. и др. Эта часть брошюры, по сравнению с первой, является менее самостоятельной. Здесь собраны главнейшие узаконения, касающиеся устройства единоверческих церквей и причтов и жизни единоверческих

приходов, а также касательно взаимоотношения церковей православной и единоверческих.

Нельзя сомневаться в полезности такой брошюры для раскольников, ищущих единоверия и особенно интересующихся церковно-гражданскими постановлениями, касающимися этого предмета. Нельзя также не признать благовременным её появление в свет, в виду заметно усиливающегося интереса к единоверию среди раскольников нашей епархии. Так как ...пура предназначена для распространения именно среди раскольников, то было бы лучше, если бы она была напечатана славянским шрифтом, ... раскольники чуждаются гражданской печати и охотнее читают церковно-славянскую. Брошюра была бы прочитана ими, пожалуй, с большим интересом, если бы в начале или в конце её было приложено воззвание к ним – краткое, но сердечное.

Будем надеяться, что брошюра принесет пользу делу противораскольнической миссии в епархии и послужит к обращению заблудших в лоно православной Церкви.

«Ни насаждая и есть что, ни напоаяй, но возвращай Бог» (1Кор.3:7).

В. Л-цкий

Александр, иеромонах. [Рец. на] Священник Николай Успенский. Как жить православному христианину по заповедям Божиим. С. Петербург, 1903 г. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 780–781

При назидании простого народа пастыри Церкви должны усиленно заботиться о возможной конкретности и пластичности своих проповеднических увещаний: «Длинен и малоплоден путь наставлений, краток и действителен путь примера». Эта классическая сентенция особенно приложима к назиданию нашего простого народа. Одни проповеднические увещания, не иллюстрируемые соответствующими повествованиями из прологов, четых-миней, патериков и т. п., далеко не принесут простой серой массе той пользы, каковую они могли бы принести при соединении с назидательными повествованиями. Вот почему о... проповедники всегда стараются уяснять народу известное требование евангельской морали путем повествований из истории христианской Церкви, житий святых и т. п.

Если мы от древней церковно-исторической жизни обратимся к современной, то увидим, что и здесь от времени до времени на ... бесцветном фоне обыденной житейской обстановки благодать ... иногда устрояет события, может быть и не великие для поверхностного взора, но весьма поучительные и не малые для внутреннего, веро... ренного, ока, события, прозрачно отражающие, как алмазы, блеск ...ных лучей, милость Господню к исполнителям заповедей Божиих и наказание нарушителям оных. Очень многие из таких событий занесены на страницах наших духовных журналов – Воскресного чтения, Старника, Душепол. чтения, Епархиальных Ведомостей и т. п.

Один из наших духовных писателей, священник о. Николай Успенский, в настоящее время издал свой прекрасный труд, заглавие которого указано в начале нашей заметки. В этой книге собран ... из патериков, прологов и т. п. древних повествований, так ... наших духовных журналов рассказы о событиях,

подтверждающих милость Божию исполнителям и кару нарушителям заповедей Божиих. Этот обширный материал почтенный и трудолюбивый автор распределяет по десяти рубрикам соответственно 10 заповедям ... Божия. Схема изложения у автора наблюдается следующая. О. Успенский сначала приводит славянский текст известной заповеди, изъясняет его по-русски обстоятельно. Затем излагает содержание заповеди и ... приводит целый ряд соответствующих примеров из древних повествований и духовных журналов. Таким образом, здесь ...тическое назидание идет рука об руку с конкретной иллюстрацией требований евангельского идеала. Такая книга будет весьма полезна нашим пастырям как для школьных уроков, так и для церковных проповедей, а равно и для внебогослужебных собеседований. Весьма желательно, чтобы труд о. Успенского проник в библиотеки церковно-приходских школ. Здесь книга эта весьма пригодится о. о. законоучителям для уроков по закону Божию, для чтения сей книги и самими питомцами в свободное от учебных занятий время и т. п. Наконец, с немалою пользою для души могут прочитать эту книгу и любители назидательного чтения. Они умилятся сердцем от этих прекрасных рассказов и укрепятся в решимости идти путем заповедей Господних, познав из событий, рассказываемых в книге, что *весть Господь благочестивые от напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти* (2Пет.2:9). Книга отличается солидным объемом (497 стр.), издана прекрасно, напечатана крупным и четким шрифтом (вследствие чего пригодна и для подарков детям); цена назначена умеренная (1 рубль). Горячо рекомендуем её читателям.

Иеромонах Александр

**Александр, иеромонах. Протоиерей А. Ястребов.
Слова, поучения и речи. Самара 1903 г. //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 781–782**

В означенной книге мы находим значительное количество поучений почтенного о. протоиерея на дни воскресные, двенадесятые праздники и различные случаи в общественной и частной жизни.

Рассматривая означенные проповеди, невольно поражаешься глубиной мысли проповедника, обстоятельным познанием недугов и запросов нашей общественной жизни, образцовым знанием библии и умением применить библейский текст к данному моменту. Кроме того, почтенный о. Ястребов является глубоким психологом, как и подобает пастырю, стяжавшему богатый духовный опыт при усердном долговременном пасении словесного стада. Вот, напр., прекрасные слова о. Ястребова о духовном мраке: «Когда духовное Солнце – Бог перестает освещать душу грешника, тогда в душе его становится такой мрак, который не может быть рассеян никаким земным светом. Самый образованный из грешников в минуты самосознания ощущает, а иногда и со вздохом говорит, что у него в душе темно; почему темно, когда она, по-видимому, наполнена всякого рода познаниями? Потому, что в ней нет света Божия; а света Божия нет потому, что она отвратилась от лица Божия. Это состояние внутреннего омрачения от греха бывает видимо и для других. От многоученных, но порочных людей почти постоянно веет чем то мрачным. Над человеком добродетельным, напротив, хотя бы и малообразованным, всегда носится некий свет, светящий в его чистом и светлом взоре, озаряющий все пути его и укрепляющий в его делах (99 стран.). Слог проповедника изящен и иногда становится неподражаемо прекрасным. Напр., в юбилейном слове, изображая развитие Самары за 50 лет, проповедник говорит следующее. «Едва замет... ка стала светлой, громадной и прекрасной величиной, едва мер... звезда стала лучезарным солнцем. Город Самара сияет теперь ... как

звездами на небе, обилует учебными заведениями, как ульям на пасеке. Тут пчелы собирают с цветов сок, образуют само... ное здание – соты, и в них благоухающий и услаждающий челове... так учащиеся собирают цветы и плоды учения и образуют в ... своих дивное здание, в котором вмещаются разнообразные вид... зования, с благоухающими сотами Богопознания нравственных пр... благотворной деятельности». Отличительная особенность проповедей о. протоиерея это их общепригодность. Они с одинаковым успехом могут быть произносимы в городе, где большинство их сказано, и в деревне. Их со вниманием и пониманием послушает образованный человек и простой поселянин. Искренно желаем успеха сборнику проповедей протоиерея Ястребова.

Иеромонах Александр

Хроника

Раскол и сектантство на Урале и деятельность Екатеринбургской миссии // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 783–796

Уже во времена патриарха Никона пределы нынешней Екатеринбургской епархии с её по местам девственными лесами считались старообрядцами недоступными для власти, будто бы, господствовавшего в мире антихриста. Уже в то время на месте нынешнего Висимо-Шайтанского завода – поселился некто Л. Л. Лазарев, называвший себя старообрядцем. В то же время положено было основание и нынешнему селению Шарташскому, столь прославившему себя в былое время темными деяниями. Сюда не ссылались потом и особенно фанатичные раскольники и их руководители, а стрельцы, бунтовавшие в Петровское время, и доселе имеют гордящихся своим родством с ними в деревне Таватуй, расположившейся на берегу огромного Таватуйского озера, в местности, доступной для приезда миссионеров только в зимнее время. С развитием на Урале заводской промышленности, когда в особенности ценились искусные рабочие и мастера из беглецов и ссыльных, старообрядческий раскол в пределах нынешней Екатеринбургской епархии еще более увеличился и усилился, благодаря покровительству некоторых из заводоуправителей, каковы, например, Харитонов, Зотов и друг. И вот сначала в глуши уральских дебрей, а затем в самых центрах заводской промышленности старообрядческое население всё увеличивалось и увеличивалось, и ныне уже довольно плотную массу расселилось по уездам епархии. Только Ирбитский уезд, если не считать села Покровского, свободен еще от этого старообрядческого элемента, самого по себе часто очень симпатичного и религиозного, но в лице эксплуатирующих его защитников – начетчиков и вожаков вносящего всюду вражду и несогласие; да север Верхотурского уезда как бы охраняется еще заступлением св. ... Симеона, Верхотурского Чудотворца. Остальные же преде...хии обильно заражены не только расколо-старообрядчес... и многими более

новыми лжеучениями, выросшими на по...ного протеста и нравственно-религиозной распущенности ... например, иеговистическое учение, немолячество, хлы... и друг.

Главным центром старообрядческого раскола, проя... в отчетном году сравнительно большую жизнедеятель... утверждению старообрядческих заблуждений, нужно ... г. Екатеринбург, эту столицу Урала, а за ним села К...ское, Казаковское, Смолинское, Бродокалмацкое. Шадринско... д. Яр, Камышловского уезда, и завод Каслинский, Екате...ского уезда. В отчетном году старообрядцы указанных местностей для утверждения своих единомышленников в «... заблуждении вызывали на собеседования с православными миссионерами известных защитников раскола Коновалова, Усова, Перетрухиных, Черчимцева, Зеленкова, Агапова и друг....

Центрами сектантства – иеговизма нужно признать за... ранчинские, Кушвинский, Н.-Тагильский и Туринский, а ... немолячества село Песчанское, Шадринского уезда. Всех приходов, зараженных расколо-сектантством, в пределах ... числится 152.

* * *

Согласие приемлющих австрийское священство, свивших ... гнездо в пределах Екатеринбургской епархии, принадлежат к партии окружников. Это согласие, благодаря поддержки Екатеринбургских купцов-руководителей, имеет в сравнении с другими согласиями более прочности по своей внутренней организации. Оно имеет своего «епископа» Антония, именуемого ...ским и Тобольским, каковым считается крестьянин ...ского завода Афанасий Григорьев Паромов и 5 попов, ...их двое проживают в собственных домах в г. Екатеринбурге. По праздникам раскольничьи попы целым сонмом ... и во главе с приезжающим в город именуемым епископом Антонием, разъезжают по Екатеринбургу с поздравлениями. Все они хорошо обеспечены добровольными подаяниями, ... некоторые еще и пользуются ежегодным пособием от московских радетелей. Таким пособием в виде определенного жалования ... р. в год пользуется сам «епископ» Антонии. Для утверждения пошатнувшегося за последнее

время и в глазах глаголемых старообрядцев престижа австрийского священства ревнителю и почитателю его вызывали в июне месяце известных начетчиков Перетрухиных, Усова и Зеленкова, а своего местного екатеринбургского защитника А. Д. Токманцева, состоящего на жалованьи якобы при часовне, отправляли в г. Нижний на ярморочные беседы для научения полемическим приемам. Но все ... потуги вожаков австрийского согласия завлечь в свои сети последователей других согласий, нечего уже говорить о недействительности их по отношению к православным, оказались и в нынешнем отчетном году совершенно напрасными.

Часовенные или старики по своему количеству составляют в епархии преобладающий элемент в старообрядческом расколе. Происходя от бывших беглопоповцев, они ...где допустили возможность совершения некоторых таинств стариками-наставниками, но в то же время сознают, что последние, как миряне, не имеют права раздаяния благодатных даров и не могут вполне заменить собою священников. Поэтому их наставники не читают тех молитв, которые, при богослужении и совершении таинств, положено читать священникам, разрешения грехов кающемуся они дают, некоторые же из них отказываются даже сводить брачующихся. Впрочем, подобные случаи редки, так как сводные браки являются главной статьей дохода у наставников. У некоторых за сведение брачующих установилась даже определенная плата. Так катарацкий наставник Елисей Феодоров Рябков берет по 3 рубля за каждый свод; в отчетном году только пред масленицей им ...о 14 браков. В 1902 году часовенные старообрядцы, доведенные издевательствами над их платой со стороны ревнивых последователей австрийского священства, проявили активную деятельность в своей самозащите. Екатеринбургские, Каргапольские, Казаковские и Смолинские часовенные старообрядцы дважды прибегали к защите нетовского начетчика А. А. Коновалова, из Хвалынского уезда, Саратовской губернии, выписывавого за довольно значительную сумму. Коновалов со спокойствием адвоката защищал их на публичных беседах с православными миссионерами, поучал их

по домам, а для большего утверждения снабжал подпольными брошюрами, каковы «Вечная правда» (ц. 5 р.), о причащении (30 коп.) и пр. Но благодарение Богу, кроме денег Коновалову ничем не пришлось поживиться на Урале, если только не считать той смуты, какую он поселил в умах тех же, коих он защищал. Так одни из часовенных теперь решают вопрос, что делать с «богоявленскою водою», которую Коновалов велел вылить, а другие справлялись у нас, не переписывают ли екатеринбургские часовенные старообрядцы старые иконы, на коих святые нарисованы с длинными волосами, – по Коноваловскому учению, с величайшею ересью, введенною будто бы Никоном и пр.

Из других согласий большую жизнедеятельность в 1902 г. проявило *согласие нетовцев*, приютившееся в Шадринском уезде в селах Могильском, Деминском, Песчанском и Галкинском. Под влиянием приездов Коновалова и его бесед вожаки нетовцев, хотя и не все (некоторые не признают в Коновалове спасовца), еще более утвердились в своём заблуждении. По учению новейшего представителя нетовского согласия Коновалова, в нынешнее «антихристово» время следует обходиться без священников. Но если уже кто не может быть без них, то лучше принимать тайны от «еретических» пастырей греко-российской Церкви, нежели окормляться самозванными в роде австрийских священников или безпоповских наставников, дерзающих действовать священная. Таковых нужно бояться, как фальшивых денег. Таинства, совершаемые австрийскими пастырями-самозванцами нужно отметить, как некую скверну, а воду, освященную наставниками чрез разбавление прежнею богоявленскою водою, и причастие, состоящее из сухариков, наделанных из хлеба, испеченного вместе с крошками причастия, оставшегося от беглых попов, следует совсем уничтожить, первую вылив, а второе выбросив. В июне месяце 1902 года во время своего пребывания в селе Каргопольском, Шадринского уезда, и в соседней деревне Савиной, Тобольской губернии, Коновалов, отрицая за наставниками право и на совершение общественного богомоления: часов, всенощной, освящения воды в навечерие

Богоявления и пр., под одним только условием согласился молиться с защищаемыми им часовенными старообрядцами, если они отступят от постановлений Екатеринбургского собора 1887 года и отринут мнимые святыни: «богоявленную воду» и «запасные дары». На бывшем после ... деревне Вороновой Каргапольского прихода раскольническом соборе местные старообрядцы постановили по сему по... «держаться по прежнему постановлений екатеринбургского собора, а несогласных отлучить». Вследствие чего наставник ...ий Андреев Бабихин, как согласный с учением Коновалова, был отлучен, а на его месте избран крестьянин села Каргапольского Павел Назариев Шабанов.

... *сектантов* в отчетном году особенно заявили о себе своею пропагандой сектанты-иеговисты, в январе месяце державшие расклеивать свои воззвания и распространять свои брошюры даже и в самом г. Екатеринбурге. Дерзость этих сектантов доходила до того, что они не стеснясь подписывались под своими брошюрами. Так под брошюрой «Истина», рас постранившейся в Екатеринбурге в январе месяце, подписа лись 15 последователей секты мужчин и женщин. В Н. Сал...ом же заводе рассылались брошюры местным священникам с подписью Углова и др. Учение последователей Ильина, ... но проповедуется современными иеговистами, представляется в следующем виде. Не отвергая боговдохновенности всего св. Писания, главною вероучительною книгою иеговисты признают книгу Апокалипсис или «книгу с неба», как говорят они, в которой будто бы изображены не только последние судьбы и, но и настоящее её состояние. Тайну Св. Троицы они отрицают. По их учению, Бог-Иегова не есть существо духов ное, но человекообразное, человеко-Бог, ибо он по свидетельству священных книг являлся людям, ел, пил, говорил с ними, ..., боролся с Иаковом. Самое слово Бог есть, по их учению, будтобы нарицательное имя для нескольких существ, во главе которых стоит Бог-Отец, создавший все прочие миры, помимо Солнечной системы и отдавший их другим богам в обладание. Бог-Отец имеет божеские и человеческие свойства: он человеко-Бог. Тело его

походит на камни яспис и сардис (Ап.4:3). Бог-Сын-Иегова есть творец нашей солнечной системы, он всемогущ и узнает обо всём чрез особых вестников, имеющих тело. Иегова бессмертен, но имеет начало бытия, он также человеко-Бог. Дух Святой не есть Бог, но «пророческое слово», душа человека есть кровь его. Священное предание иеговисты называют преданием старцев (Мк.7:3—4) и проводником вероучения не признают его. Все св. таинства Церкви, начиная с водного крещения, а также богослужение, почитание св. икон, мощей, дня воскресного и пр. они отвергают. Особенно ненавистно иеговистам почитание св. икон и мощей. В распространяемых ими рукописях православные, а в особенности пастыри Церкви называются доскопоклонниками, дохломольникамн, детьми Иезавели, ошуйными, отмеченными числом 666 и пр. Главную заповедь иеговисты считают взаимную братскую любовь между верующими и взаимопомощь. Осуществление этой заповеди доставляет человеку спасение. Существующая у сектантов крупная взаимопомощь, по их мнению, есть доказательство того, что только в их обществе исполняется величайшая заповедь о любви и только они идут прямым путем ко спасению. Эта сторона учения иеговистов особенно соблазнительно действует на слабых в вере, как свидетельствовал нам обратившийся в православие казначей общества Борисов. Уклонившийся в отчетном году в иеговизм крестьянин Н.-Тагильского завода Коротков также своим примером подтвердил это. На все доводы в пользу иконопочитания, учения о Боге, как духе и пр. он отвечал только одно: «у вас лицепрятие в Церкви; умри я в вашей Церкви, жена останется без хлеба, а у нас она будет обеспечена» и пр. На возражение, что рукописи, распространяемые иеговистами, вовсе не свидетельствуют о хранении ими заповеди любви, Коротков отвечал, будто бы они пишутся только иеговистами-мстителеми, неправильно понимающими учение Иеговы и произведшими из-за этого раскол в секте; истинные же иеговисты заботятся о мире между людьми, почему и именуют себя миротворцами. Этого мира они ожидают в будущем Иерусалиме, который будет спущен на преображенную землю.

Он будет сделан небесными людьми, т. е. жителями других планет, и украшен драгоценными камнями; улицы в нём будут вымощены золотом, а сам он будет окружен яшмовой стеной, в коей будет сделано 12 ворот с надписями 12 колен Израилевых. Посреди города будет дворец Иеговы. Из-под дворца будет протекать по всем улицам река; на берегах этой реки будут расти фрукты; вкусивший от них будет бессмертен. Вот описание Иерусалима в стихах:

Что за город, что за диво
Нам для жительства ты дал!
Как изящно, как игриво
И премудро всё создал!
Что за чудная природа
Распрелестный вид садов,
Как затейлива природа
Разных фруктов и плодов!
Что за вкус и что за сладость.
Аромат от них в устах;
Превращают чувства в младость,
Обновляют жизнь в сердцах!
И нигде так не бывало
И в странах живых, у нас,
Чтобы древо плод давало
Каждый год двенадцать раз...
Листья-ж их врачуют боли
В тех внеградных иль десных,
Кои ходят в твоей воле,
А не в вымыслах своих.
Нету слов для описанья
Красоты живых цветов:
Чудо местность для гулянья
По аллеям у дворцов.
Над цветами хороводы,
Аллегорий вензеля,
Насекомые породы,
Чудно строят из себя.
Изумительно одеты

В злато, яхонт и сапфир,
Те в брильянтовы корсеты,
Эти в огненный порфир!
Разноцветные фонтаны
Умножают красоту,
Всюду ходы мудро даны,
Вмиг взойдешь на высоту.
Нежно трелят голосками
Пташки милые везде
И даются брать руками.
Позови – летят к тебе.
Загляденье, а не рыбки
Реют тут в живой воде;
К музыке все страстно липки,
Заиграй – плывут к тебе.
Дива дивного коровки
И невиданный весь скот,
Ласковы, ручные, ловки,
Зверских нет уже пород.
Прелесть, музыка живая,
Сладкий нектар в сердце льет;
Мысль святую выражая,
Чудно трелит и поет!
Удивительна была природа
И в стране живых
И с мудростью свобода
Для всех нас – друзей твоих.
Но пред этой та – ничтожность.
Значит в мудрости твоей
Беспредельная возможность
И чем дальше, тем сильнее.
Значит ты родной, желанный,
Нас сердечно полюбил,
А мир злобный, окаянный
Уж навечно истребил.

Подобное описание будущего Иерусалима, не чуждое даже поэзии, легко может увлечь простолюдина, живущего

непосредственным чувством, а пожалуй даже и иного полуинтеллекта, расстроившего свои нервы и утратившего трезвую рассудительность...

Впрочем, к чести православных нужно сказать, что они в большинстве случаев понимают весь вред учения иеговистов, почему, относясь безучастно к общей массе иеговистов, главных пропагандистов этого учения сторонятся, как чумы. Многие из православных женщин не позволяют даже своим детям играть с детьми сектантов. Такое отношение угнетает сектантов, что они и выражают в своих гимнах. В одном из гимнов, сложенных уже кем-то из последователей Ильина, говорится:

Нам здесь нет свободы

И льготы нигде;

Куда ни посмотришь,

Враги уж везде.

... ..

Куда мы идем,

То все смотрят на нас;

Считают нас люди

За смертных зараз,

Хотя мы не делаем (?) бед и проказ.

Уж так ненавидят,

Как змеи шипят,

В глаза всех бранят.

А мы уж решились

На них не взирать,

Всей силой крепиться,

Любви не терять...

Всех детей своих иеговисты стараются учить грамоте, как дома под своим руководством, так и в школах. Особенное внимание обращается на чистописание. Дело в том, что с тех пор, как в Баранчинском заводе была уничтожена маленькая «типография», где на гектографах в сотнях экземпляров оттискивались произведения Ильина, начиная с «гимнов» и кончая «общечеловеческой истиной», эти произведения иеговисты начали переписывать и этот нелегкий труд взваливают на грамотных детей.

* * *

Всех раскольников-старообрядцев и сектантов по отчетам окружных миссионеров, составленным на основании сведений, получаемых от причтов, считается в пределах Екатеринбургской епархии более 54,000 человек обоего пола. Случаев присоединений в 1902 году было 441. Из всего количества присоединившихся (206 м. п. и 235 ж. п.) 238 человек присоединились безусловно к православной Церкви, а 203 ч. на правила единоверия. Воссоединившихся со св. Церковью из сектантства было 48 человек. К числу наиболее выдающихся случаев присоединений нужно отнести присоединение крестьянина Осинского уезда Верх.-Буевской волости Феодора Фомина Самодурова, его жены и 6 человек детей, уже взрослых. Отец Самодурова в своём месте в среде последователей австрийского согласия человек влиятельный, богатый и имеет свою молельную. Узнав о желании сына присоединиться к св. Церкви, он угрожал ему лишением родительского благословения, а равно и наследства. Увидев же невозможность подействовать на сына, настойчиво требовавшего от отца ответа на вопросы, составленные епархиальным миссионером, старик начал действовать на младшего внука, обещая отказать ему своё имущество. Но все его попытки оказались напрасными: вся семья лучше пожелала лишиться земных благ, нежели погубить душу, принимая якобы таинство от самозванной иерархии. Заслуживает внимания и присоединение в селе Губерском часовенного служителя Феодора Беспалова, тотчас же после беседы и заявившего епархиальному миссионеру о своём сознании всех старообрядческих заблуждений и о желании присоединиться к св. Церкви. В настоящее время Беспалов, оставив своё хозяйство, согласился поселиться церковником при Каслинской единоверческой церкви и потрудиться на пользу св. Церкви в качестве сотрудника-миссионера, он хорошо начитан и знает крюковое пение.

Случаев уклонения и соращения в расколо-сектантство в 1902 году было 8. Один из уклонившихся, крестьянин ... Никольской церкви Н.-Тагил. зав. Константин Пименов Кор... по

заявлению жены его Евгении Ипполитовой, совращен в секту иеговистов Симеоном Китаевым, который часто приходил к нему с Силуановым для беседы о вере. Эти два лица убедили Короткова в том, что в православной Церкви не исполняется будто бы заповедь о любви к Богу и ближним, ... ней делается всё лицепрятно: умерших хоронят со звоном и без звона, панихиды поют великие и малые и пр. К многократным увещаниям Коротков остается глух; мало того он притесняет жену свою, требуя, чтобы и она пребывала с ним в единомыслии. Положение Евгении Ипполитовой печально и нет никакой возможности помочь ей. Остальные уклонения происходят в виду выгод вступить в блудническое сожитие с раскольниками-старообрядцами. Так в Канашевском приходе ушли «в свод» к раскольнику Пелагея Макарова Медведева; так же поступили и две девицы в селе Могильском – Евдокие Дм... Подкорытова и Евдокия Дмитриева Поникаровских, а в селе Каргопольском Екатерина Автономова Воронова.

Большим тормозом в деле обращения заблуждающихся служит существование раскольнических молелен, неразрешенных законом. Видя собрания в неразрешенных молельнях, старообрядцы привыкают смотреть на своё положение, как на положение вполне правильное и даже как бы признаваемое законом, а не терпимое только в силу необходимости. Всего раскольнических молелен считается в епархии 50: разрешенных 29 и неразрешенных 21. Кроме часовен, с существующими при них наставниками и попами, преследующими своекорыстные виды, к укреплению раскола много влияют также скиты и особо чтимые у глаголемых старообрядцев места. Скитами особенно ... Верхотурский уезд. В лесах, окружающих Висимо-Шайт... завод, находится более 11 скитов мужских и женских ... по урочищу реки Шайтанки – три, по урочищу р. Разсохи – один, по урочищу р. Бушаша – шесть и по урочищу р. Сулема – два. Особенным почетом и известностью у раскольников-старообрядцев пользуются могилы беглых попов, находящиеся в 20 верстах от В.-Тагильского завода в гористой и лесной местности, на так называемых «веселых горах». С 25–29 июня здесь ежегодно

собираются тысячи старообрядцев: кто поскромнее и порелигиознее, тот молится во все эти дни, а кто любит повеселиться, тот пьянствует «без просыпа» и забавляется с девицами на соседних горах.

Не мало влияют на поддержание старообрядческих заблуждений и свободно разъезжающие по св. Руси пропагандисты раскола. В 1902 году Екатеринбургской миссии пришлось особенно бдительно стоять на страже защиты православия на Урале. В течение этого года в пределы епархии приезжали известные начетчики: Черчимцев, поморец из Саратова, Коновалов – Нетовец (два раза) из Хвалынского уезда, Усов австрийского согласия, Зеленков, Агапов и др. Благодаря своевременно принятым мерам, пропаганда названных начетчиков не имела успеха, их лжеучения были публично изобличены на беседах епархиального миссионера в Каслинском заводе в феврале месяце с Черчимцевым и в ноябре месяце в сс. Казаковском и Смолинском с Коноваловым, а также на беседах Синодального миссионера, протоиерея Ксенофонта Крюкова, в июне месяце, с Усовым и Коноваловым в г. Екатеринбурге.²⁰³

В *отношениях старообрядцев к православному приходскому духовенству* особой вражды не замечалось, но не было и благорасположения. Враждебно относятся к православному духовенству при всяком удобном случае только озлобленные защитники раскола в роде известного екатеринбургского автора анонимных и не анонимных писем и брошюр, последователя австрийского согласия, да наставники. Последние смотрят на духовенство, как на своих личных врагов, подрывающих их авторитет в народе и отнимающих у них доходные статьи, почему всячески стараются подмечать за пастырями их общечеловеческие недостатки, представлять их в преувеличенном виде и даже выдумывать небывалые. Будучи бессильны защитить на основании св. Писания своё положение, руководители старообрядцев обыкновенно избегают публичных бесед с миссионерами и даже под угрозой епитимии иногда запрещали посещать таковые своим последователям. Не раз приезжая на Урал слепец Коновалов, известный хулитель св.

Церкви везде и всюду советовал старообрядцам не ходить на беседы «к никонианам», исключая тех случаев, когда он сам беседует с ними и берет за беседу по 75, по 130 и ... рублей. Среди простого народа менее недоверия к православным пастырям и миссионерам. Те из старообрядцев, у которых еще не угасла искра страха Божия, охотно приходят на собеседования, выслушивают, что говорится здесь, задают вопросы, а иногда и возражают, хотя часто и сквозь слезы на лицах таковых старообрядцев не одну слезу приходится утереть и миссионерам. Подобных старообрядцев нельзя ... в одну категорию с каким-нибудь Коноваловым, за деньги нанимающимся защищать чуть не все согласия, или Усова, сегодня утверждающим, что все апостолы впадали в ересь неверия в Господа, а завтра на беседе с безпоповцами ... ведущим, что без епископов, наместников апостольских гибель, или с его учеником, екатеринбургским защитником Токманцевым, к делу и не к делу читающим на беседах, что попадется, лишь бы провести время, или наконец с каким-нибудь наставником из Катарача Рябковым, отлучающим детей за то только, что, учась не у него, а в школе, платят ему 15 рублей и др.

К православному поселению раскольники вражды не имеют: на праздниках и на свадьбах бывают друг у друга, вместе пьют и едят, хотя сначала и из разных чашек. Впрочем, в селениях с преобладающим раскольническим населением, православным среди них живется плохо, раскольники во всем стесняют православных, обременяют их возможными общественными повинностями; на суде между православным и старообрядцем всегда виноват православный. Так, напр., обстоит дело в Яцтлинской волости, Шадринск. уезда, где старшина раскольник, заступающий его место раскольник, староста раскольник и т. д., и в д. Попе... Шадринского же уезда.

Школьным образованием старообрядцы в общем не пренебрегают. Во многих местах они отдают своих детей в земские и церковно-приходские школы и даже не запрещают им готовить уроки по Закону Божию. По отзыву председателя Мурзинского комитета дети местных раскольников вместе с

православными детьми изучают в школе Закон Божий и участвуют в чтении и пении православных молитв, хотя «и без креста и поклонов». Недоверчиво относятся к школам только в тех селениях, где наставники воспрепятствуют ходить в православные школы, как, напр., в с. Катарацком и в Лайском заводе.

Особенною нетерпимостью в суждениях о духовенстве, о св. Церкви и о св. Таинствах отличаются странники-бегуны. Но иеговисты и их превосходят своею злобою и ненавистью. Свои хульные отзывы о св. Церкви и её установлениях они подобно старообрядцам новейшей формации австрийского согласия распространяют и устно, и письменно.

Что касается живучести раскола, то, по общему мнению миссионеров епархии, благодаря поднятию уровня образования народа, деятельности миссионеров и пастырей Церкви, а также современным требованиям жизни и общественного строя, раскол начинает утрачивать свою замкнутость в смысле недоступности всякому постороннему влиянию. Ныне раскольники в своих отношениях к окружающей их православной среде редко уже руководятся грубым и невежественным фанатизмом и легко сживаются с современной цивилизацией. Многие из них уже не довольствуются только истовым исполнением одной обрядовой стороны религии, но стремятся усвоить сознательно самые истины веры, и посему поддаются воздействию миссионерской проповеди, хотя и с большою осторожностью проверяют все слова миссионеров. Указанное выше семейство Самодуровых, и убедившись уже в правоте св. Церкви, только тогда решило присоединиться, когда отец прослушал несколько публичных бесед, на коих воочию убедился вместе с присными, что действительно защитники австрийского согласия ничего не говорят и на беседах для доказательства законности их иерархии. При таких же обстоятельствах, т. е. после нескольких публичных бесед с австрийским начетчиком Токманцевым, решили присоединиться и родственники Самодурова, нарочито приехавшие для сего из Пермской епархии. Впрочем, многие из старообрядцев, начиная сознавать ложность своего положения, как бы стыдятся

публично сознаться в этом, да и наедине с какою-то непонятною злобою нападают на св. Церковь за общечеловеческие недостатки некоторых из её пастырей. В начале 1903 года нам пришлось беседовать в кофейной старообрядца Войтехова в г. Екатеринбурге с одним из старообрядцев. Чего-чего ни наговорил он нам! К нашему счастью, мы уже потеряли веру в слова последователей австрийского согласия, а в особенности в слова нашего бывшего собеседника, на этот раз любезно предложившего нам чаю, а в подпольно распространяемом своём письме к протоиерею Луканину и нас оклеветавшему всячески и поносившему всякими именами. Таковые, и устно и письменно глаголющие суетная и ложная, уготовляют себе путь не в св. Церковь, а в пропасть еще горших, чем старообрядческие, заблуждений, в пропасть заблуждений сектантства. Для них дорога уже не истина, а защита ложного старообрядческого положения, от кого бы эта защита не исходила и какие бы пути она ни выбирала. Это обстоятельство тем более побуждает миссию стоять на страже её святого дела. Будем надеяться, что призрак грядущего в лице Усовых, Коноваловых и др. сектантства, при добросовестном отношении к своему служению наших пастырей и миссионеров, минует пределы нашей епархии.

А. Обтемперанский

Корреспонденция «Миссионер. Обзор.», известия и заметки

**Утверждение Сенатом обвинительного приговора о
штундистах. – Открытие миссионерского
монастыря. – Присоединение австрийского иерея. –
Противораскольничьи беседы в Ростове на Дону с
Ф. Мельниковым. – Миссионерские новости. –
Миссионерский отклик на речь пермского
губернатора к раскольникам // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 16. С. 797–808**

Из Мурома, Владимирской губ. От нашего корреспондента.
Утверждение Сенатом обвинительного приговора о штундистах

В памяти читателей «Миссионерского Обозрения» без сомнения еще свежи подробности громкого судебного процесса, в котором во второй половине декабря прошлого года сессией Владимирского Окружного Суда в г. Муроме осуждены крестьяне Меленковского у. Василий Горин и Павел Афонин за распространение штундизма в с. Дмитриевых горах и совращение в эту секту тридцати лиц православных.

После трехдневного всестороннего рассмотрения этого дела, при участии экспертов В.М. Скворцова и М.В. Грацианского (епарх. миссионера) присяжные заседатели признали подсудимых виновными в приписываемых им деяниях и Окружный Суд, приговорил Горина и Афонина к ссылке в Закавказье с лишением всех прав состояния.

На приговор этот защитник осужденных, Московский присяжный поверенный И.Н. Сахаров, подал в Правительствующий Сенат кассационную жалобу, которая и была рассмотрена ...–22 марта с. г. III Отделением уголовного кассационного департамента, под председательством сенатора А.Н. Марковича, Заключение же по настоящему делу давал товарищ обер-прокурора (ныне покойный) А.М. Бобрищев-Пушкин.

Указав на основательность судопроизводственных поводов, приведенных в кассационной жалобе, обвинив прокуратуру за разные, допущенные представителем обвинения излишества, а

также попытавшись заподозрить основательность экспертизы, г. Бобрищев-Пушкин представил свои соображения к отрицанию признаков преступления в деяниях обвиняемых и горячо ратовал за оправдание сектантов.

Но заключение и ходатайство Бобрищева-Пушкина, в личной жизни которого громкое дело Горина и Афонина составляло целое событие, Правительствующим Сенатом не было принято. Приговор Владимирского Окружного Суда утвержден ... без всякого изменения и ныне обвиненные главари ... секты удалены из нашей местности. С тех пор сектанское брожение видимо ослабело, деятельность местной миссии стала приносить явные плоды, благодаря отсутствию агитации со стороны фанатичных главарей.

Свящ. Г. Орфеев

Из Вятской епархии. Открытие миссионерского монастыря

На сотни верст тянутся в северной половине Глазовского уезда болота и дремучие леса. Узкою полосой пробивается среди лесов и болот река Кама, которая берет своё начало вблизи Кулиги, самого отдаленного села Зюздинского края Глазовского уезда. Кама выпадает из небольшого домика, увенчанного довольно красивою деревянною беседкой, куда ... нередко приезжают с самоваром попить чайку из Камской волости.²⁰⁴ Чем дальше от истока, тем больше Кама принимает в себя притоков, – одним из которых служит река Сева, впадающая ... против села Верхокамья. («Сева» – слово пермяцкое, значит р... говорят, что в былое время здесь было чрезвычайно много эт.... Настоящее лесное царство по берегам Севы, здесь раздолье и... птице. И вот тут-то, в 25 верстах от реки Камы, вблизи ...лагаемого земского тракта, поднимается лесная, «круча», с ... которой открывается дивная панорама, а вдали ютится убогая ... «Силенки». Эта маленькая деревушка получила свое название ... первого её аборигена «Силы». Та открытая поляна, на котор... «Силенки», обозначена на карте Глазовского уезда под названи... вежки поляны». Немудрено, что лет 20 тому назад сюда ... постоянные обитатели здешних лесных дебрей – медведи – поне... ...ткрытом месте, а по

словам сына Силы, медведи нередко приходили даже ко крыльцу отцовского дома.

Сбоку «кручи» бурлит поток Севы, проливаясь между глыбами скатившейся с кручи земли, между камнями и кустами колючего бурьяна. Слева параллельно Севе бежит речка Гаревка её приток, впадающий в неё вблизи «кручи». Берега этих рек унизаны березником, пройдя который путник видит пред собою большую поляну, на этой-то открытой вышине, – открытой с южной стороны, и будет святая обитель. При мысли о монастыре, здесь невольно вспоминается жизнь древних иноков в глухом лесу, вполне отказавшихся от мирской суеты городов и довольствовавшихся только тем, что давала им природа, да приносили случайные странники-богомольцы. Здесь, в лесах, человек спокоен и ничто не нарушает его душевного равновесия.

И как приятно провести здесь несколько дней вне житейских забот, чтобы подумать о судьбах человечества и о вечной жизни, сообразить своё положение в общем домостроительстве Божьем, предаваясь богомыслию и благоговейному созерцанию природы. И как ничтожны, мелки покажутся нам здесь земные заботы и дела, ради которых мы суетимся, хлопочем, а иногда и враждуем!

Вот где настоящее место для святой обители, и тем более, что здесь кругом раскольничьи деревни и починки, (в одном Глазовском уезде числится раскольников 33.898 человек.²⁰⁵ Поселенцы новой обители будут служить примером труда, терпения, любви и христианского милосердия. При обители будет – школа, приют для детей, будут введены ремесла и образцовое сельское хозяйство. Предполагается открытие приюта для калек и пораженных трахомою, так распространенной между вотским населением Глазовского уезда.²⁰⁶ Тут возможно развитие пчеловодства и огородничества. На купленной для обители земле нашли себе приют и лиственные породы деревьев: береза, липа, черемуха, рябина, ольха и др. В летнее время здесь чрезвычайно много бывает малины, смородины и других ягод. Поляна, раскинувшаяся на круче, предназначается для храма – во имя

Св. Троицы – и зданий обители; внизу её лежат прекрасные покосы, река Сева изобилует рыбою – харюсами и форелью.

Обитель будет именоваться «Верхокамскою Троице-Серафимовскою», (как находящаяся при вершине, реки Камы, имеющая храм во имя Св. Троицы, и покровителем своим пустынножителем о. Серафима Саровского).

Богослужение будет вестись по уставу с выполнением всех его требований, – утренняя будет начинаться в 2 часа утра. Всенощные бдения на воскресные и праздничные дни будут продолжаться не менее 5 часов. После вечерни будут вычитываться положенные по уставу каноны с акафистом Иисусу Сладчайшему и Божьей Матери.

За каждым богослужением – вечернею, утренею и литургией будут неопустительно произноситься поучения, а для вотяков и пермяков, непонимающих русского языка, поучения будут предлагаться на родном их наречии.

При обители будет продажа книг, картин и икон, что весьма важно, так как зачастую в Зюздинском крае трудно приобрести дельную книжку и правильного письма икону. Обитель, смело надеемся, послужит к просвещению Зюздинского края. А невежество этого края поразительно. На почве невежества здесь и распространяется раскол. Насколько темно население, уклонившееся здесь массою в раскол, показывает следующий факт: когда в августе месяце 1887 года было солнечное затмение, то православные, не предупрежденные ни духовенством, ни волостным начальством, были так ошеломлены этим небывалым явлением, что тысячами приняли новое крещение от раскольнического попа. Не окрепшее в православии население снова крестилось в реке, стоя по горло в воде, а поп – начетчик к каждому подплывал и, погружая голову трижды в воду, приговаривал: «я же поп, я же и Денис, я же крещаю, я и грехи прощаю. Если я не прощу, то есть у Феофилакты духовница Анна Артемьева, она простит. Если она не простит, то есть у Киршенков протоиерей Алексей Трофимович, он уж простит».

Монастырь будет находиться в 52 верстах от г. Глазова на север, за селом Паниным и в 60 верстах от сел Сепычевского и

Екатерининского, Оханского уезда, Пермской епархии, где царит вековой самый закоренелый раскол.

Не обошлось первоначальное устройство обители и без скорбей. Препятствия сему благому делу хотели создать те лица с черствым сердцем, у которых заглох голос любви к ближнему, и преданности православной Церкви и которые всё приносят в жертву личным интересам...

Истинный бог для них – мамона, денежные счета – их законы, а проценты их пророки...

Будем надеяться и верить, что Господь Бог, так чудесно оказавши свои милости в деле первоначального устройства обители в пустынной местности, где уже приобретено 150 десятин земли с лесом, покосами и обильною рыбою рекою Севою, построены два дома с службами, поможет разрастись этому благому, угодному Ему делу. Он внушит сердцам верующих принести посильную помощь обители на её дальнейшее благоустройство.²⁰⁷ И нужно верить и надеяться, найдутся добрые сердца православных христиан, заботящихся о благолепии домов Божиих и об устройении иноческих обителей. Каждое даяние с благодарностью примется обителью и ответом её на доброе отзывчивое сердце будет горячая молитва братии за оказавшего посильную помощь благому делу.

Священник Иаков Шестаков

Присоединение австрийского иерея

Не так давно в «Екатеринбургских Епархиальных Ведомостях» сообщалось о присоединении выдающегося старообрядческого начетчика и вожака часовенного согласия, П.В. Мягова, а ныне Господь вновь посетил радостью всех, близко к сердцу принимающих успехи екатеринбургской миссии, а наипаче самих миссионерствующих отцов и братьев. 22 июня в Свято-Троицкой единоверческой церкви Н.-Тагильского завода было совершено присоединение из раскола ко св. православной Церкви известного на Урале иерея австрийского согласия, екатеринбургского мещанина Даниила Сименова Колегова, заведовавшего за смертью другого такого же иерея В. Кулькова двумя приходами, в состав коих входили Н.-Тагильский, В.-Тагильский и все окрестные заводы. Присоединившийся всегда

был известен екатеринбургской миссии за человека начитанного в святоотеческом писании и трезвого, пользовавшегося большим уважением среди последователей австрийского согласия, а некоторые из строгих ревнителей якобы старого обряда даже называли Колегова, за его обычай пить воду вместо «богомерзкого чая», человеком святой жизни. При такой репутации Колегов своею ревностью к увеличению последователей австрийского согласия причинял много хлопот екатеринбургской миссии. Не далее, как прошлый год, нам лично приходилось ездить в Лайский завод и по просьбе «часовенных» беседовать там об австрийской иерархии, дабы удержать от перехода в австрийское согласие многих часовенных, почти уже соvrащенных Колеговым, частенько наезжавшим сюда. Но благодарение Господу Богу, бывший противник св. Церкви наконец сознал всю ложь своих заблуждений и, можно надеяться, приложит всё старание, чтобы возвратить на путь истины и тех, коих утвердил в заблуждениях так называемого австрийского согласия. Давно ожидавшееся обращение Колегова служит новым подтверждением того, с каким терпением и с какою настойчивостью миссионеры должны вести своё дело. В течение последних трех лет Колегов неоднократно начинал сомневаться в законности и благодатности иерархии, давшей ему сан священника. Постоянно выступая на публичных беседах защитником белокриницкого священства, Колегов в то же время в частной беседе с миссионерами не раз высказывал, что в особенности смущает его, как последователя этой иерархии. Бывали случаи, когда он уже соглашался на присоединение. Но вот являлись апологеты австрийского священства, утверждавшие Колегова в его заблуждениях или так, или иначе соблазнявшие его, – и Колегов, близкий уже к присоединению, снова являлся защитником ложного священства, хотя по временам и сильно мучился при мысли: а что если он служит своею защитой не Богу, а отцу всякой лжи дьяволу. В один из таких моментов Колегов, ища успокоения мятущейся совести, приезжал даже из Н.-Тагила к епархиальному миссионеру и несмотря на позднее время (10 часов вечера) упросил его пойти с ним к

преосвященному Владыке Иринею, дабы принять от него благословение. Владыка, несмотря на болезнь и позднее время, принял посетителей, долго беседовал с заблуждающимся – и Колегов ушел от него с мыслью о необходимости скорейшего присоединения. Но о намерении Колегова узнают екатеринбургские попечители австрийского согласия, едут в Тагил, угрожают Колегову изгнанием из общественной квартиры на мороз вместе со всей семьей и с беременною женой. Колегов, уже решившийся присоединиться, снова колеблется. А когда супруга его по разрешении от родов тяжело заболела, он уже видит в постигшей её болезни не испытание, посылаемое ему Богом, а наказание Божие за его якобы измену австрийскому согласию, о чём и писал нам. Но время идет... Господь Промыслитель снова поддерживает колеблющегося. Жена Колегова до сего времени, всегда противодействовавшая его желанию присоединиться, в больнице дает обещание, если выздоровеет, присоединиться и поклониться мощам св. праведного Симеона, Верхотурского чудотворца. Она выздоравливает и никакие уже препятствия, в роде неимения приюта, средств для пропитания с семьей и пр., теперь не страшат её. Она требует от мужа только одного: скорейшего присоединения. Снова начинают Колегова одолевать прежние сомнения, снова он начинает интересоваться прежними вопросами и в конце концов, положившись во всём на волю Всевышнего, он дает обещание присоединиться ко св. Церкви. С этой мыслью он едет в г. Екатеринбург и с помощником епархиального миссионера идет к преосвященному Никанору, дабы получить от него архипастырское благословение и утверждение в благом намерении. Владыка милостиво приемлет его, дает ему архипастырское наставление – и Колегов, благодаря и славя Бога, призвавшего его к общению со св. Церковью, отправляется обратно в Н.-Тагил, где и присоединяется ко св. Церкви. Свято-троицкие единоверцы принимают в его судьбе участие, дают ему квартиру и просят преосвященного Никанора определить новоприсоединившегося в их Церкви церковником. Владыка дает своё благословение и заблудившийся сын св.

Церкви находит свою любвеобильную мать, милостиво приявшую его. Ныне, как нам известно, тагильские единоверцы составили приговор и думают просить преосвященного Никанора о рукоположении Колегова в диакона к Свято-троицкой церкви. Да поможет Господь новоприсоединившемуся преуспевать от силы в силу, а наипаче всего потрудиться на пользу миссии св. Церкви, милостиво простившей ему все его прежние согрешения и любовно простершей ему свои материнские объятия.

Екатеринбургский епархиальный миссионер А. Обтемперанский

Противораскольничьи беседы в Ростове на Дону с Ф. Мельниковым

Раскольники г. Ростова на Дону, не удовлетворенные беседами с Усовым, происходившими два года назад, пригласили к себе «известного редактора «Слова Правды» и вершителя всех дел в австрийщине Ф.Е. Мельникова. Ко дню начала собеседований в Ростов приехали раскольники из селений Екатеринославской, Донской и Ставропольской епархий; прибыли также в качестве слушателей Донской епархиальный миссионер, протоиерей о. Николай Кутепов, окружной миссионер, священник Иоанн Артемьев и преподаватель Духовной Семинарии, священник о. Евграф Овсянников.

Собеседования начались 22 сентября речью председателя Ростовского миссионерского Комитета, священника о. Константина Молчанова, а затем был отслужен молебен об обращении заблудших.

Всех бесед было 7 по 5 вопросам. Но уже после первой беседы в местной газете «Южный Телеграф», редактор которой присутствовал на собеседовании, было отмечено, что Мельников не мог отстоять своего положения о возможности бытия церкви без епископа. Дальнейшие беседы были для Мельникова еще хуже.

Не имея возможности указать законную причину к отделению раскольников от св. Церкви в 1653 году, он часто совершенно не к делу начинал говорить о Св. Синоде, указывая

на то, что из числа обер-прокуроров были совершенно неверующие в Бога, порабоцевавшие Синод; подвергавшие епископов переводу и увольнению по своей личной прихоти и под. Часто прибегал он к таким выражениям, как «это со стороны миссионера не честно», он *уворовал* год и под. Но в общем, понимая, что большинство слушателей люди интеллигентные, которые сумеют по достоинству оценить такие выражения, он был сдержан и даже вежлив, так что в конце беседы о. миссионер выразил ему за это благодарность. С каким интересом ростовцы относились к беседам, видно из того, что было роздано более 1.500 входных билетов, но многие ухитрились пробираться и без билетов, так что число слушателей иногда достигало до двух тысяч.

Общее впечатление от бесед не в пользу раскольников.

Беседы эти будут описаны и представлены в редакцию «Миссионерского Обозрения» в непродолжительном времени.

Из Ростова бойкий апологет раскола направляется в Новочеркасск и другие центры Донского раскола.

Священник С. Ш-ий

Миссионерские новости

Епархиальный противораскольничий миссионер С.-Петербургской епархии *М.П. Чельцов* оставил миссионерскую службу, в виду назначения его на должность преподавателя богословия в институте гражданских инженеров. На освободившуюся вакансию столичного миссионера перемещается известный противосектантский миссионер Харьковской епархии *Д.И. Боголюбов*. На вакансию Костромского епархиального миссионера назначен окружной миссионер Полоцкой епархии единоверческий священник о. *Евфимий Зубарев*.

– Настоятель миссионерского Московского единоверческого Николаевского монастыря Игумен *Сергий*, по слабости здоровья, по слухам, выходит в заштат.

– Бывший Екатеринославский миссионер иеромонах Алексей (Дородницын) назначен ректором Виленской семинарии, с возведением в сан архимандрита.

– Совет православного Тверского братства св. благоверного князя Михаила Ярославича просит редакцию напечатать следующее сообщение:

В Тверской епархии состоит вакантной должность противораскольнического и противосектантского миссионера. Жалования вместе с разъездными 2.200 руб. в год. Лицо, желающее занять должность миссионера должно быть с академическим образованием и в священном сане. Прошения об определении следует подавать в Совет Братства Благоверного и великого князя Михаила Ярославича Тверского.

Миссионерский юбилей. В декабре текущего года исполняется двадцатилетие миссионерской деятельности Синодального миссионера, протоиерея *Ксенофонта Крюкова*. При необычайной тяжести миссионерского дела внутренняя миссия после о. Павла Прусского не знает другого примера столь долголетнего самоотверженного и благоплодного служения на миссионерском поприще, а потому предстоящий юбилей старейшего из наличных миссионеров составляет собою знаменательное в истории миссии событие. В следующей книжке мы дадим нашим читателям подробные сведения о деятельности почтенного юбиляра.

Увольнение в заштат. Известный нашим читателям священник *Григорий Петров* уволен, по прошению, заштат с освобождением от всех законоучительских должностей.

Появление секты мормонов в России. Вот уже год, как в с. Чухур-Юрте, Шемахинского уезда, Бакинской губ., появилась секта «мормонов». Последователей мормонства сейчас не более 10–15 душ; но она заметно, пустила свои корни. Последователи её имеют непосредственное сношение со своими собратьями американцами.

Мною недавно сделан доклад об этой секте третьему съезду духовенства Бакинского благочиния и подробности сообщу особо.

Священник Николай Слободяников

Миссионерский отклик на речь пермского губернатора к раскольникам

(Письмо в редакцию)

М. Г. г. Редактор.

В ответ на мой запрос – по поводу политически-гуманного отношения к евреям уволенного ныне одесского градоначальника – я и многие сыны Церкви прочли с удовольствием и удовлетворены: мысль этого ответа («Мисс. Обзор.» № 11 «Со скрижалей сердца») мы поняли ...то церковные и царские законы писаны не для всех... и что политикам, для внутреннего quasi-спокойствия страны, позволителен «сверхзакон»... настоящее же религиозное убеждение их можно сказать. «хата с краю»... Это – так. Ну, а что если православные вознегодуют на их показное-то убеждение в делах веры и выражение религиозной индифферентности, так театрально обставленное подобными администраторами при всяких «торжественных» ... «депутациях» и «хлебах-солях!?» Ведь больно же в ... отдается на православном сердце эта «политическая» религия ... «толка!»... Настоящий запрос пишу по аналогичному случаю. В «Н. Вр». от 10 авг., № 9853, напечатана корреспонденция из Нижнего Новгорода, повествующая о «гуманности» другого администратора в Нижнем, видите-ли, «с ведома администрации» были собрания старообрядцев для обсуждения дел общественных, каков... не мало». Позвольте вас спросить, какие это такие общественные старообрядческие дела? К какому ведомству они относятся? И ... носят собрания для обсуждения общественных старообрядческих дел «волостных сходо-ли», или «съезда мировых судей» или ... этом роде?

Это моё первое недоумение, которое вам, как лицу, ... административному центру, решить, полагаю, будет нетрудно ... невежества.

Другое недоумение в следующем. В указанной корреспонденции читаем. «Среди приехавших сюда (Н.-Нов.) старообрядцев ... по поводу приема вновь назначенным Пермским губернатор ... Наумовым депутации от екатеринбургского общества старообрядцев приемлющих священство. Приняв хлеб-соль и выслушав ... А.П. Наумов сказал: «благодарю вас, господа, я очень ... вашим

приветствием и подношением. Как представитель ... власти, могу заверить вас, что *все истинно верноподанные в... вполне, могут рассчитывать на одинаковое покровительство святого различия вероисповеданий*. Не входя в подробности религиозных разногласий, я лично с *полной симпатией* отношусь к старообрядцам идущим *по заветам старины, на основах которой создано и окрепло Русское государство*, – еще раз благодарю вас».

Делились со мной некоторые, читавшие эту корреспонденцию ... впечатлениями. И вот одни говорят, что – это «золотые слова» ... настаивают на том, что они только «позолоченные»... Я не согласен ни с теми, ни с другими. «Дондеже рассмотрю». По моему ... «администратора» маленькая неточность. Прежде всего, ... покровительством власти русской, православной, пользуются *все без различия исповедания, но только в делах гражданских* (об этом излишне было и говорить), *но не религиозных*; в сем же последнем случае православная Церковь находится под *особым* покровительством власти и надежды расколо- и сектофилов на *одинаковое* с нею покровительство отступническим упованиям не оправдались и с выходом в текущем году нового «Уложения». Затем, А.П. Наумов говорит, что «лично» он относится «с *полной симпатией* в старообрядцам»... В таком случае позволительно спросить, с *полной* или *неполной симпатией* г. пермский губернатор относится к православной Церкви, которая законно и справедливо предала раскольников проклятию за «непокорение и похуления» Церкви? Основания у неё в данном случае были незыблемые: Христос сказал: «если кто и Церкви не послушает, тот будет для тебя как язычник и мытарь» (Мф.18:17), Игнатий Богоносец церковных отщепенцев называет «не земледелием Христовым, а семенем вражиим»... (посл. к Тралл.). Св. Златоуст учит, что грех церковного раздорничества «не может искупить и мученическая кровь»... (Толк. на 14 пос. ап. Павла, стр. 1692); удаляющиеся от Церкви и в книге о вере (л. 15) именуется, как «врази Божии, а бесом дружи»... и т. д. «Полная симпатия» к расколу есть в тоже время, надо думать, полная несимпатия ко всем и всему, кто и

что осуждает его и предаёт анафемам, сиречь и к миссии. Так или не так это, не знаю, но мне так думается.

Наконец, – и это горшее всего прежнего, в качестве основания для своей «полной симпатии к старообрядцам» (не как к отдельным лицам, а как к упованию) оратор указывает на то, что они *«идут по заветам старины, на основах которой создано и окрепло Русское государство»*... Что это в шутку сказано или всерьёз?! Да ведь если раскольники стоят на старине, которой создано и окрепло Русское государство, тогда для государственной крепости нужно объявить раскол за государственное исповедание, а православие за преследуемое, как вредное для государства! Какая нехорошая новость! Нет и тысячу раз нет, – не на той старине стоит раскол, «на основах которой создано и окрепло Русское государство!»

Та старина – в православной вере, а раскол похулил её... Та старина почитала православную церковную иерархию, как святителей Божиих», а раскол отвергся её, как еретической и антихристовой..., та старина чтит Царя-Батюшку, как помазанника Божия, «благочестивейшего», а раскольники считают его теперь или за еретика, или даже за представителя власти антихриста (безпоповцы, бегуны и поповцы «неокружники»). Что же, интересно знать, общего у раскола со стариной, «на основах которой создано и окрепло Русское государство. По нашему ровно ничего. Одна у раскола ненависть к той старине и проклятие. Ведь нельзя же думать, чтобы за такую «старину» губернатор ...тал «двуперстие», да «сугубую аллилуию», поднятые расколовождями на знамя раздора с Церковью, хотя старина это была весьма не стара.

Кроме всего сказанного, – раскольники просили губернатора, как гласит та же корреспонденция, «принять их под свое покровительство». От кого же это и от чего покровительствовать их губернатору уж не случилось ли на Урале какого-нибудь нашествия на них «иноплеменников?» А больше ведь никакого покровительства у губернатора как представителя власти, они не могли просить. Ужели же они дерзнут надеяться на покровительство их пропаганды, одинаково вредной как для православной Церкви, так и для

Русского государства», на православии создавшегося и окрепшего?

Не подумайте, что я обуян мракобеснической ненавистью к старообрядцам. Нет. Со многими тысячами их я имел дело; и откровенно скажу, что, видя среди них людей всё же религиозных, желающих найти религиозную истину и горестно задумывающихся над своим «упованием», я относился к таковым с полной симпатией и любовью, как к своим, хотя заблудшим, но всё же братьям. Это требуется Св. Писанием и нашей христианской душой. Но... мотивировать свою ... симпатию к старообрядцам последованием их старине, на основании которой якобы создалось и окрепло Русское государство, значит выражать свою симпатию прямо к *расколу*. О том же, какие патриоты раскольники, свидетельствуют, напр., поведение прихожан Преображенского кладбища, когда Наполеон забрался в Москву, и нередкое отбывание руководителями современной раскольничьей пропаганды тюремного наказания, поношение на «беседах» Высшей власти...

Сын Церкви

Отклики

Михаил, иеромонах. К 19 Октября // Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 809–816

В прошлом году в речи произнесенной мной на именинах о. Иоанна – я мимоходом коснулся совершаемой им литургии. Подите, говорил я, в Кронштадт, здесь вы увидите – пастыря, горящего перед престолом. Смотрите на него в те минуты, когда он очами, смотрящими в мир иной, видит Господа, грядущего даться в снедь верным, – и вы поймете: жива-ли Церковь.

В этом году хочу побеседовать о литургии о. Иоанна поподробнее.

При этом, по нашей мысли, настоящая маленькая глава из нашей будущей книги: «о. Иоанн» – должна быть предисловием и иллюстрацией к статье «О таинстве Евхаристии», которая будет напечатана в следующем №.

Расскажу по собственным и чужим наблюдениям о литургии о. Иоанна (Кронштадтского). Начнем с проскомидии.

Известно, что у нас эта служба считается какой-то «неважной», не только народ, но и те, кто в алтаре – «сослужащие», не стесняются беседовать и т. п. Но, ведь это – приготовление к евхаристии и о. Иоанн умеет и эту часть – раскрыть во всём её смысле.

Он уже здесь пророк и достаточно видеть проскомидию, совершаемую о. Иоанном, чтобы понять, какое великое чудо сама литургия.

И сослужащие с о. Иоанном (а их в праздники всегда много – священники, протоиереи, иеромонахи), как и все, во время проскомидии часто невнимательны к этой глубокой части литургии. О. Иоанн, своим молитвенным возбуждением, всегда ...еет собрать и их около св. жертвенника.

Вот он, горя огнем огромной веры, вынимает агнец...

«Смотрите, смотрите, – неожиданно восклицает он – среди проскомидии, – о. Николай, смотрите, – о. Павел...

Где есть что-нибудь такое, как у нас... Смотрите. Вот Он – Христос. Здесь Он. Здесь среди нас и мы около Него, кругом него, как апостолы...

Становится благоговейно страшно от вдохновенного возгласа. Чувствуется, «как ангелы реют крилами». Священники собираются около о. Иоанна, и уже не отходят от него до конца проскомидии.

Помяни, Господи, рабов твоих, читает о. Иоанн и называет имена живых и умерших – часто полным именем с отчеством.

Но вот кончилась и проскомидия. В митре, с сияющим крестом на груди, светлым от внутреннего молитвенного возбуждения лицом – о. Иоанн встает во главе собора священнослужителей. «Помолитесь, братия сослужители, да даст Господь в мире нам совершить божественную службу», – начинает о. Иоанн.

Литургия началась. О. Иоанн еще более преображается.

Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать религиозно настроенного юного батюшку, когда он только что осиянный благодатью – стоит со врученным ему на хранение агнцем.

Он горит святым чувством. Страх тяжелой ответственности борется в нём с чувством духовной радости, благоговейного восторга, с чувством счастья приникнуть к тайне, какую не могут зреть очами своими ангелы...

Такой священник, если вы его видели, будет бледным подобием священнодействующего Кронштадтского пастыря.

Пишущий эти строки имел счастье служить литургию вместе с отцом Иоанном и наблюдать за ним во время служения до тех пор, пока мог остаться только наблюдателем.

Отверсты царские врата. Произнесен первый возглас. Отец Иоанн неожиданно, порывисто берет на престольный крест и с любовью целует его, обнимает его руками, восторженно смотрит на него; уста его шепчут слова молитвы. Потом он раза три, четыре подряд лобызает его, прикладывает его своему челу... Уста снова что-то шепчут.

Возгласы о. Иоанн произносит так же, как читает канон на утрени. В голосе слышится и твердая вера, и надежда, и умиление. Взор обращен на горнее место. Иногда он произносит возгласы, закрывши глаза и углубившись в себя. Весь сосредоточен, самособран во время богослужения о. Иоанн, трудно даже и передать. Всё время он погружен в такие глубины

души, что как будто он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не намечает, что кругом его совершается. Он в своём особом мире. Он в это время один и не похож на другого. Служебника о. Иоанн почти не раскрывает, так как все молитвы знает на память. Читает часто в полголоса.

Первая часть литургии, у о. Иоанна, преимущественно, так сказать, часть молебная. Он в это время больше всего сознает себя – как молитвенника «за люди». Он постоянно помнит, что все эти люди – эти пленные во власти греха и суеты, эти тонущие больные и телесно и духовно – ждут его предстательства, надеются, молят, – чрез него ждут великие и богатые милости.

О. Иоанн весь охвачен сознанием огромной ответственности пред этими немощными, вверившими ему себя, благо своих и души и тела, и точно спешит молиться за них; молится порывисто, настойчиво, не просит, а требует от Бога исполнения просьбы этих несчастных с властью священника, поставленного Христом, – он хватается за край ризы Господней, требуя милости вверенным ему от Господа.

Молитва необычайная, непобедимая, захватывающая.

С великого входа начинается второй момент литургии.

О. Иоанн берет святую чашу и износит её, прибавляя от себя: «И изведоша его из вертограда и убиша».

Этой глубокой по мысли вставкой о. Иоанн вводит себя, как он говорит, «в священные воспоминания последних дней жизни Христа Господа».

Всю вторую часть до пресуществления Даров он отдается переживанию святых картин Евангельского прошлого.

С этого времени, главным образом после «верую», от затем... в Гефсимании, в Сионской Горнице, около Голгофы.

В этой части литургии о. Иоанн очень много вставляет от себя, иногда тайно, иногда вслух.

Все эти моления собраны им в его книге: «Моя жизнь во Христе».

После херувимской и поставления божественных Даров на св. Трапезе. О. Иоанн читает обычную молитву, прибавляя к церковным словам о ниспослании благодати на людей,

следующие глубокосодержательные слова: «на всех разсадницах юношеских и отроческих, духовных и мирских – мужеских и женских, градских и сельских, и на всем неучащемся юношестве: на всех рассадницах духовных, монашеских, – мужских и женских, на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, от недорода хлеба и глада, на всех заповедавших мне недостойному молиться о них и на всех людях Твоих».

Лобызая после возгласа: «возлюбим друг друга» сослужащих священнослужителей в оба плеча, говорит:

Христос посреде нас живой и действующий. Эти слова производят огромное впечатление.

«Я, говорит один свидетель, стоял, пораженный этими словами, и невольно думал: да, вот среди нас, а не там где-то вдали находится Христос Спаситель, находится не мертвый, не как отвлеченная какая доктрина, не как только историческая известная личность, а живой, «живый и действующий». Он среди нас. И даже «действующий». Жутко становилось, трепетом великим наполнялась невольно душа. Я готов был упасть пред престолом» (Арх. Евдоким).

«Я унес с собой, читаем в другом дневнике, навсегда впечатление этих слов, как какое-то сокровище, и, думаю, многих – заставило всколыхнуться святым чувством это «Христос посреде».

По прочтении символа веры, о. Иоанн прибавляет следующую молитву: «Утверди в вере сей и верую сею сердце моё и сердце всех православных христиан; сея веры и сего чаяния жити достойно вразуми; соедини в вере сей вся великие христианские общества, бедственно отпадшие от единства св. Православная католическая и апостольская Церкви, яже есть тело Твое и ея же Слава еси Ты и Спаситель тела, низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоея и неленостно ей соединиться; совокупи Твоей святей Церкви и недугующих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силою благодати Св. Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей, да не погибнут люте в своём

противлении, якоже Корей, Дафан и Авирон, противившиеся Моисею и Аарону, рабам Твоим. К сей вере привлецы вся языки, населяющие землю, да единым сердцем и едиными усты вся языцы прославляют Тебя Единого о всех Бога и Благодетеля; в сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, бесстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования и сорадования».

Горе имеем сердца, – восклицает о. Иоанн и затем прибавляет от себя: возвыси Духом Твоим всех предстоящих здесь... «Вознеси Господи, допусти поникшие сердца наша».

Благодарим Господа, – снова восклицает о. Иоанн. Первые два слова молитвы: «Достойно и праведно поклоняться» произносит громко, а последние тише, смолкая совершенно под конец. При тайном чтении молитвы после слов: «Ты от небытия в бытие нас привел еси», добавляет для усиления благодарного чувства: в разумное бытие и по душе бессмертное... привел еси; после слов: «падших нас восставил еси паки», прибавляет: и стократно на кийждо день восставляеши согрешающих и кающихся. После слов: «дондеже нас на небо возвел еси и царство даровал еси будущее», прибавляет: «Ты и в самом причащении нашем животворящих Твоих Тайн уже возводишь нас на небо: ибо где Ты, там небо и небо небесе, и даровав Себя Самому верным, Ты вместе с Собою уже даруеши и царство небесное – царство будущее в залог пречистого Тела и Крови Твоей». При чтении молитвы: «С сими блаженными силами», при словах: «Сам себе предаюше за мирный живот», «батюшка» прибавляет от себя для усугубления чувств благодарности и умиления слова: «паче же всех за меня грешного, да избавлюсь смертного греха и да живу во веки».

Ты вместе с Собою уже даруеши и царство небесное, царство будущее, в залог пречистого Тела и Крови Твоей.

О. Иоанн отдается воспоминаниям. Он видит Христа Бога в Сионской горнице. Кругом Его апостолы. Любимый Иоанн на персях Его. Он светлый и скорбный делит хлеб, поднимает чашу. О. Иоанн слышит Его голос – и спешит радостно возгласить народу слова обетования. Здесь нужно кричать,

говорит он, кричать всем вслух громко, – разве можно прятать такие слова?

И о. Иоанн действительно обертывается к народу и говорит громко, как объявляют о какой-нибудь радостной вести:

Приидите, ядите, сие есть Тело Мое... Пиите от нея вси, – с глубокой верой восклицает о. Иоанн. Произнося эти слова он не раз прикасается перстом к чаше, как бы даже с силой ударяет по ней. Снова подчеркнуты слова: *за вы и за многия* изливаемая. По собственным словам о. Иоанна, «священный трепет – пробегает по всем членам, по всему существу, когда сердечным ухом слушаешь эти слова»... И этот трепет отражается в его голосе, в силе, с какой он произносит это «за вы». Так и слышится в эти минуты в голосе батюшки: за нас пролита кровь, за вас, за тех самых, что вот стоите здесь в данную минуту, а не за тех только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое-то человечество, а за живых людей, за каждого бедняка, убогого, богатого, знатного, мужчину или женщину. Твоя грудь едва покрыта рубищем, и за тебя пролита кровь. Ты забыл и отверг Бога, и за тебя пролита эта святейшая кровь. За ваши грехи, стоящие здесь, страдал Христос» (Два дня в Кронштадте).

А вы, что вы платите ему!

По произнесении слов установления, о. Иоанн для возвышения чувства благодарности и изумления, – как он пишет, взывает «о Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа». А что чувствует он в эти минуты? Здесь бездна любви, – говорит он, любви Божества к роду человеческому. Есть о чём подумать каждому беспристрастно углубляющемуся в судьбы Божии касательно рода человеческого и в себя самого.

Твоя от Твоих, – возглашает о. Иоанн, делая особенное ударение на слове о всех, произнося его более протяжно, чем другие. Чувствует его душа, как люди, собравшиеся во множестве в этом храме, нуждаются в небесной помощи, и он горячо молится за всех.

Когда произношу слова: «Твоя от Твоих, – пишет он, – то представляю торжественность и величие данной минуты, когда архиерей или священник, стоя лицом к лицу с вечною,

совершенною, неизменною правдою Отца небесного, карающего грех, приносит от лица всех и за всех единую, могущую преклонить на милость Бога Отца, искупить весь мир от праведного проклятия и исходатайствовать всем верующим прощение грехов и благословение, а усопшим в вере и надежде воскресения и жизни вечные – оставление согрешений и покой со святыми, – Жертву, которою оправдались все святые, Богу угодившие от века, и в благодарение за коих она также приносится».

Вот он держит в руках святой дискос и касаясь губами его краев молится.

Ощущается веяние Духа Святого, чувствуется, что о. Иоанн слышит приближение благодати и ждет её и зовет.

Это третий самый великий момент литургии о. Иоанна, – здесь торжество и победа. О. Иоанн мысленно видит Господа на Голгофе, но в славе, воскресшего победителя. Он умирает за нас, в наше воскресение. – И оружие проходит в душу его. Скорбь за грехи человечества, которое возвело на крест Господа, и радость о жертве Его. Пастырь в эти минуты сам восходит на Голгофу за Господом – и скорбь переходит в радость Воскресения. Борьба слез и радостного восторга, постепенная победа торжественной радости над покаянной скорбью – это и есть то самое великое и страшное, что делает службу о. Иоанна необычайной.

О. Иоанн начинает молитву пресуществления.

Господи, иже пресвятого Твоего Духа в третий час апостолам ниспославый, Того, благий, не отними от нас...

В первый раз он произносит эти слова торжественно и спокойно...

Это еще только глубоковерующий священник. Второй раз голос приподнимается, дрожит. В нём усиливается оттенок властности и радости. Мы слышим, что он уже знает всё, уверен в том, что сейчас совершится чудо, слышит приближающийся свет не вечерний и с радостью всматривается вперед, готовый сказать «осанна». Грядет Господь. Встречайте.

Третий раз читает о. Иоанн: Господи, иже пресвятого Твоего Духа... Его глаза широко открытые видят, кажется, Самого

Господа, идущего заклаться и даться в снедь верным. Он не видит Христа и ангелов в зрительных образах (по крайней мере мы не знаем этого), но он чувствует присутствие Христа всем существом – осязательнее, – яснее, чем можно видеть глазами. «Здесь Он, здесь», кажется, шепчут его губы, и это «здесь» – читается в его глазах.

Все присутствующие охватываются ужасом.

Взгляните кругом – священники сослужащие бледные, взволнованные были свидетелями чуда...

Вот приобщился о. Иоанн Тела и Крови Христовых. Лицо его изменилось. Нет более на нём и следа той утомленности и какой то скорби или грусти, какие можно было видеть, когда он только что входил сегодня утром в храм. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица. Его лицо как бы светилось, как бы издавало какое-то сияние. О. Иоанн готов был снова трудиться без всякой усталости с утра до самой поздней ночи; он запасся теперь силами на все предстоящие ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоящие к нему, говорили мне, что такая перемена бывает с ним каждый раз, когда он приступает к Св. Тайнам. Он сам говорил нам, что он только в Св. Тайнах почерпает силы для несения труда, который несомненно превышает всякие человеческие силы и этим же ежедневным причастием объяснял он любовь к нему народа; действительно можно ли без «чуда» объяснить себе труженичество о. Иоанна

Мы описали, как могли, литургию. Неудивительно-ли, что такое служение с самых первых годов обратило сердца многих к Богу и служителям его.

Между документами, которые мне выслали почитатели о. Иоанна, один повествует следующее:

Я был в Кронштадте по делу в 1865 году. Я много испытал: растерял веру, – озлобился. Ни в храме, ни в молитве искать примирения мне и в голову не приходило. В кронштадтский собор я зашел просто от нечего делать. Меня пропустили вперед, благо народа было немного. С первых же слов меня покорила вера живая в пастыре. «Христос посреде нас», –

воскликнул он и я почувствовал, что Христос пришел, что мне Его именно нужно, Его близости недоставало для спасения в этой сутолке жизни. «Со страхом Божиим приступить...». Со страхом... Да, стало страшно, а нужно приступить... Нужно. Там жизнь... Я было двинулся к чаше почти инстинктивно, но вспомнил – что нужно «говеть», готовиться, что я не приступал к чаше десятки лет. Я отступил назад и заплакал. Меня сопровождал любящий взгляд батюшки. После обедни он сам подошел с вопросом: «Ты несчастен, тебе больно...». А через два дня я уехал верующим, счастливым, освященный Св. Тайнами. Подите туда, – прибавлял автор письма, – там всякий уверует «и возродится»...

Иеромонах Михаил

Со скрижалей сердца

Скворцов В. 19 октября – на именинах «дорогого батюшки», – о. Иоанна Кронштадтского //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 16. С. 817–824

Принимаюсь за настоящую беседу с вами дорогие читатели, – «из дальних странствий возвратясь», – благодатного юга России. В течение 2 месяцев служебного отпуска «почивал» от текущих дел и забот на лоне чудной крымской природы – там, где «вечно плещет море», где – «сердит и страшен говор волн», где живительные лучи яркого солнца еще в октябре дарили счастливым крымчакам тепло в 26° в воздухе и 16° в море...

Как мельнику, привыкшему к шуму колес, не спится при наступившей тишине, так и человеку, непокладаящему пера уже более 20 лет, не легко, хотя-бы во время отдыха, закрыть глаза и уши от наблюдений и впечатлений окружающей среды и действительности. Не даром говорят, привычка – вторая природа. Тем более, что духовная жизнь провинции с тьмой всяких нужд, с её алчностью и жаждой правды, является для столичного наблюдателя неиссякаемым источником «воды живой»...

Привыкши на «Скрижалях сердца» делиться с дорогой, родной нам по духу, семьей читателей мыслями и чувствами, наиболее глубоко запечатленными в нашей душе, мы долгом считаем посвятить ближайшие наши «Скрижали» наиболее интересным в церковно-миссионерском смысле нашим путевым наблюдениям и впечатлениям. Начнем же нашу повесть с конца, – с событий, более живо и свежо сохранившихся в памяти.

Предельным пунктом нашего вакационного путешествия был Кронштадт, куда мы прямо с юга попали 19 октября – ко дню именин «дорогого батюшки». О Кронштадтском светлом торжестве и будет наша речь.

Года два назад я уже описывал на «Скрижалях» именины о. Иоанна, – этот особенный, неподражаемый праздник в честь смиренного служителя алтаря.

И в этом году был всё тот же неизменный характер и порядок торжества: тоже стечение в Кронштадт из столицы и других городов бесчисленного множества почитателей «дорогого батюшки» из всех сословий и рангов, тоже благолепие богослужения, тоже благоговейное молитвенное настроение у всех и каждого, та же любовь и простота, братство и равенство царили между всеми «любопразднствовавшими». Все знали одного только «батюшку» и чувствовали себя в гостях у него именно, хотя всем известно, что и самого «батюшку» и его многочисленных гостей кто-то принимает и великолепно угощает за свой счет, но кто эти доброхоты – никому неведомо. Мысли, чувства, стремления всех и каждого почивали на имениннике, – каждый озабочен был лишний раз взглянуть на светлое, доброе, всегда бодрое и радостное чело «дорогого батюшки», лишнюю минуту побыть в его присутствии, облобызать благословляющую десницу...

Но будем описывать торжество по порядку.

С раннего утра двор церковного дома, где живет о. Иоанн, был запружен явившимися сюда, чтобы поздравить «дорогого батюшку». Многие явились с подарками, пирогами и пр.

Для поддержания порядка во дворе церковного дома находилась команда морских нижних чинов.

Рано открылась заветная дверь квартиры о. Иоанна и туда волною хлынули почитатели «батюшки»: вся лестница была наполнена народом, по очереди проникавшим в квартиру любимого пастыря, и поздравляли его.

В Андреевском соборе позднюю литургию совершал о. Иоанн, в сослужении с 22-мя священниками местными и приезжими. Прекрасно пел хор соборных певчих. Собор был переполнен молящимися.

При первом появлении о. Иоанна раздались голоса: «С ангелом, дорогой батюшка»!

После запричастного стиха о. Иоанн произнес «слово».

По окончании литургии начался молебен преподобному Иоанну Рыльскому. Перед молебном настоятель Нью-Йоркской церкви, о. А. Хотовицкий, сказал глубокопрочувствованное

«слово», посвященное имениннику, вызвавшее слезы умиления у многих молящихся. На молебен вышли 34 священника.

По окончании молебна о. Иоанн принимал поздравления от духовенства.

У выхода из собора о. Иоанна ожидала толпа народа. Едва показался пастырь на ступеньках лестницы, как послышались восклицания тысячи голосов, приветствовавших дорогого именинника и высказывавших ему свои простые сердечные пожелания.

Окруженный народом, о. Иоанн из собора проехал в Дом Трудолюбия.

В Доме Трудолюбия, в нижнем этаже для приезжих, в просторном зале, собрались многочисленные почитатели отца Иоанна, в ожидании прибытия его из собора. Тут были и дети приютов, где «батюшка» оказывает свою щедрую поддержку, и монахини, и делегации от различных учреждений, и высокопоставленные лица. Зал был красиво убран зеленью. У стены против дверей было приготовлено особое возвышенное место для «батюшки».

Около часу дорогой именинник прибыл из собора. Все сразу всколыхнулись и отовсюду понеслись по его адресу радостные приветствия и поздравления.

Встреченный пением тропаря, который исполнили дети приюта, и хлебом-солью, о. Иоанн занял приготовленное для него место и принял поздравление от главного командира порта Макарова, его супруги и членов распорядительного совета, причем была поднесена от совета серебряная чаша, а также отчет о деятельности Дома Трудолюбия за 1902 г. Поблагодарив собравшихся за сердечное поздравление и видя массу депутатов с адресами, «батюшка» со свойственной ему простотой заметил: «иное можно и не читать». Вот отчет о деятельности Андреевского попечительства:

Ваше Высокопреподобие, отец протоиерей Иоанн Ильич!

Бесконечно милосердный Господь даровал Совету Дома Трудолюбия и почитателям Вашим сегодня великую радость: опять, как и в прежние года, принести Вам поздравление с днем ангела и видеть Вас в вожделенном здравии, исполненного той

же благодатью небесной, привлекающей сердца людей и наполняющей их всеобъемлющей любовью. Здесь с Вами мы в царстве любви и чтобы не быть голословным, укажем на цифры отчета 1902 года добрых дел, совершенных Домом Трудолюбия на средства, даруемые Вами во Имя Господа, во Имя любви к меньшему ближнему брату.

Обучалось бедных детей бесплатно: в народном училище 259 дет. В воскресной школе 153 чел... В мастерских 61 чел... Призревалось детей сирот в приюте 86, немощных старух в богадельне 22. Пользовались трудовой помощью: в пенькощипной 7281 чел. и в работной комнате 1482 женщины. Выдано из народной столовой бедным пищи бесплатно или за самую ничтожную плату 172554 порции. В ночлежном приюте ночевало 33204 чел. Пользовались даровыми и дешевыми квартирами 90 бедн. Оказана денежная помощь бедным 8539 р. 49 к. Кроме того к праздникам Рождества и Пасхи оказана помощь бедным провизией, платьем, бельем и обувью.

Вышеприведенные цифры составляют итоги благотворительности Вашей чрез посредство Дома Трудолюбия за один только 1902 год; за всё же время существования дома Трудолюбия, за 20 лет, с 1882 по 1902 г., передано Вами в кассу его с тою же целью 731216 р. 17 к.

Живи же, наш дорогой Благодетель, Пастырь и Начальник, еще многие годы, здравствуй, отогревай холодные сердца людей XX-го века и побуждай их на всё доброе!

Усердно просим принять этот скромный дар, как вещественное доказательство памяти нашей о настоящем драгоценном дне. (Следуют подписи).

Затем «батюшка» стал выдавать дипломы и свидетельства детям, окончившим курс школы Дома Трудолюбия. После этого начался прием deputаций.

Первое всего шли поздравления: от города Кронштадта, от местного отдела общества Красного Креста, от общества Спасения на водах, от Кронштадтского благотворительного общества, от женской гимназии, от православного братства при церкви Николаевского морского госпиталя, от клас. гимназии и

реального училища, от редакции «Кронштадтского Вестника». От газеты «Котлин» был прочитан адрес, в котором говорилось:

Печатающиеся в «Котлине» Ваши «слова» и поучения в настоящее время, – время безверия, маловерия, шатания умов и стадного увлечения различными лжеучениями – являются могучим оружием христианского пастыря, борца за православную Церковь, ревнителя веры, поборителя истины.

После этих депутатов выступили поздравители из других городов:

От Ораниенбаума, от лютеранского общества, от 1-го Дома Трудолюбия в С.-Петербурге, от редакции «Ведомостей Птб. Градоначальства», от совета благотворительного общества Птб. Порты, от общества религиозно-нравственного просвещения и общества ночлежных домов, от совета Петровского общества вспоможения бедным и от Васильевского отдела попечения о бедных детях, от подворья Пюхтицкого монастыря и от Духовной Академии.

От редакции «Миссионер. Обзорения» мы принесли «дорогому батюшке» приветствие приблизительно в следующих выражениях:

«Глубоко признательная Вашему Высокопреподобию за ... всегдашнее сочувствие органу миссии и за содействие нам ... молитвами и бесценными вашими трудами, редакция «Миссионерского Обзорения» долгом почитает принести Вам, в лице в ... покорного слуги и пламенного почитателя, своё почтительнейшее поздравление и усерднейшие пожелания здоровья и долгоденствия, во славу Церкви, на благо человечества!

«Славно во всём мире и всехвально ваше *великое* имя, ... благоговейнейшего служителя алтаря, как неусыпного молитвенника за немощствующую Русь, как неустанного проповедника, как вдохновенного утешителя скорбящих, как милосердного благотворителя неимущим! Но в тоже время вы успеваете еще ... дорогое время посвящать и текущей литературе: вы не только ... читаете, за всем выдающимся в печати следите, но и чутко откликаетесь своим могучим голосом, правдолюбивым п.... Нет того выдающегося события в

церковной и государственной жизни пламеннолюбимой вами отчизны, в общественных настроениях современности, которого бы вы не заметили, на которое ... откликнулись... И ваше нелицеприятное слово *свято* для верных сынов Церкви и отечества, *страшно* для врагов их. В писаниях ваших веет дух поистине *святоотеческого* учительства. – Замечательно и то, что при чуткости, свойственной церковным писателям и проповедникам-публицистам, вы являетесь образцом глубоковерующего догматиста и примером божественного поборника – апологета православия, в писаниях и наставлениях ваших все освещается немерцающим светом Христова учения и устремляет взор читателя к небу – горе...

Недавно вам угодно было подарить «Миссионерскому Обозрению» знаменитую вашу апологетическую статью – «Ответ Льву Толстому на его – Обращение к духовенству»... Не место и не время здесь распространяться о значении этого литературного документа. Скажу кратко, что во всей огромной полемической и апологетической литературе против заблуждений яснополянского ересеучителя ваш «ответ» – после известного Послания Св. Синода – составляет самое замечательное событие в этой эпопее, по своему глубокому влиянию на мыслящую и читающую Русь...

Вам ведомо, каким знаменем пререкаемым «ответ» явился в известной части нашего образованного общества и это потому, что ваше слово слишком сильно, а вместе и больно вдарило по сердцу поклонников Толстого, как приговор одного из величайших авторитетов из современников яснополянского мудреца, как самое убедительное доказательство (хотя вы трактовали просто, и говорили только от сердца к сердцу, без научных аппаратов) лжеучительства и заблуждения гр. Толстого... Вы одни заговорили с Толстым тем настоящим тоном и языком, к которому он в своём гордом ослеплении, при всеобщем подбострастии, не привык... Ваш Ответ всколыхнул сердца... (О. Иоанн перекрестился).

Да сохранит же Господь милосердный ваши силы и жизнь на многия лета, дабы мы, малые, взирая на великого поборника и стоятеля за Церковь и веру, не падали духом и также

мужественно и твердо шли в борьбе с врагами веры и Церкви, не понижая знамени православия, по вашему *старому* исконному пути»...

Когда приветствия окончились, «батюшка» поблагодарил всех и пригласил присутствующих вместе с ним разделить хлеб-соль.

Именинный обед был сервирован в классных комнатах народной школы Дома Трудолюбия на 300 человек, а было до 500 человек.

Трапеза носила на себе яркую картину удивительного смешения – но не вавилонского, а истинно христианского – людей всех чинов и положений в одну, как бы родственную семью.

Вот, напр., какую картинку представлял наш уголок затрапезного стола (уже третьего по счету), – его занимали: графиня С.С. И-ва, супруга члена государственного совета, визави её – в ситцевой кофточке степенная баба, из крестьян или мещан, за ней – в шелку – купчиха, далее иерей из Ковны, рядом с графиней правовед, синодальный чиновник, за ним морской офицер, ниже адмирал, далее дама в белом платье. Все пребывали в простоте и довольстве, друг друга подчуют, как добрые друзья общего друга. Графиня предлагает услуги крестьянке, купчихе, иерею, накладывая яства на тарелку, первые стараются отплатить сиятельной соседке любезностью такого же рода: выкушаем, матушка, за здоровье именинника... Магистральную линию на трапезе составлял стол с большебородами, в степенных сюртуках, гостями древнерусского фасона; всё это именитое почетное купечество столицы и других городов.

За обедом первый тост за драгоценное здоровье Их Императорских Величеств провозглашен был маститым именинником и встречен был гимном «Боже Царя храни» и восторженным «ура» присутствующих.

Вице-адмирал С.О. Макаров произнес теплый тост за дорогого именинника – о. Иоанна, молитвенника земли русской, проповедника и благодетеля.

Множество было произнесено речей и тостов, прочитано стихов и рассуждений и все они сопровождались стройным восторженным пением «многая лета» и всё это добрый именинник выслушивал терпеливо.

Закончил тосты вице-адмирал С.О. Макаров, приблизительно следующими словами:

«Счастливы вы, господа! Что вы видите его (указывая на о. Иоанна), идите-же домой и скажите вашим родным и друзьям, что видели его, что он здоров, весел, любит нас бесконечно, ласков к нам». Громовое «ура» было ответом.

Обед закончился в четвертом часу дня и о. Иоанн, сопровождаемый общими благопожеланиями, покинул зал и отправился отдохнуть на свой пароход «Любезный», а оттуда – по домам для молитвы.

В народной столовой Дома Трудолюбия для бедняков был устроен бесплатный праздничный обед на 1000 слишком человек.

«Котлин» сообщает, что в течение дня 19 октября и всей ночи на 20 октября о. Иоанном получено свыше тысячи телеграмм из разных городов и местечек России, в том числе от многих епископов.

* * *

А вот еще одна умилительная картинка, которую мы видели близ того маленького старенького дома, где обитает великий пастырь.

Был пятый час в исходе, как вышли гости, счастливые и довольные, из Дома Трудолюбия, с трапезы.

Тьма густо окутывала унылые грязные улицы сурового Кронштадта.

В захолустном переулке, близ небольшого домика, обнесенного серым забором, стоит значительная кучка бедных людей, измокших, продрогших: однако они стройно и радостно поют духовные кантаты.

Люди эти терпеливо коротают долгие часы, в ожидании «дорогого именинника», чтобы поблагодарить его за устроенный беднякам обед, поздравить, взглянуть и что-либо получить от щедродательной десницы «дорогого батюшки»... Дюжие

дворники охраняют от напора толпы вход во двор. Мы благополучно прошли чрез все мытарства и направились в квартиру.

О. Иоанн живет в той квартирке, которую занимал назад тому 30 лет, когда еще был младшим священником. К ней ведет узкая лесенка, вроде черного хода, – настоятельскую же квартиру с парадным ходом занимает о. ключарь.

Здесь у входа на крылечке и на лестнице теснится тоже большая группа почитателей и почитательниц, – все более с приношениями: тут видели мы монахиню из бедной Калужской общины, с иконою в руках, несколько женщин – с рукоделиями, какой-то худощавый чахоточного вида мастеровой с новенькими сапожками... Всю эту вереницу чающих скорого пришествия «батюшки» и впуска в заветную дверь его квартиры замыкал вице- адмирал...

Батюшки еще не было, однако адмиралу и нескольким лицам, в том числе и нам, посчастливилось проникнуть «за заветную дверь», в самую квартиру «батюшки».

Чрез кухню и комнатку, отделенную ситцевым пологом, мы вошли в небольшую «горницу», – украшенную в 2-х углах божницами из красного дерева с чудными иконами. У стены стоит большой, накрытый скатертью, стол; очевидно эта комната служит столовой. Здесь на шкафу клетка с тремя египетскими голубями, – любимцы «батюшки», – поминутно воркующие днем и ночью. К этой комнате прилегает моленная и рабочая о. Иоанна, в последней же ширмою отгорожена кровать для опочивания. Комната вся уставлена иконами, и завалена книгами, рукописями, письмами. Температура в этой комнате очень низкая, – не более 10° тепла.

О. Иоанн всегда спит при открытой форточке, и тогда же ночью здесь топится печь.

Апостольскую простоту и какое-то особое чувствуете вы благоговение здесь... С другой стороны к столовой (первой) комнате примыкает гостиная, – здесь также в обоих передних углах – божницы со множеством икон, теплящимися лампадами, приличная (и только, но не роскошная) мягкая мебель, ковер на полу, круглое зеркало на стене, стол, лампа с абажуром и

множество цветов, – далее идет комната матушки, супруги о. Иоанна.

Мы познакомились с почтенной старицей, супругой знаменитого всероссийского пастыря. Думаем, что и вам, читатель, интересно познакомиться с матушкой о. Иоанна. Мы в ней встретили знакомый тип старой матушки-горожанки. Она среднего роста, довольно полной комплекции, медленна в движениях, черты лица крупные, выразительные, – в глазах – и во всей осанке – серьезность и сосредоточенность. В обращении приветлива, но говорит мало. Одета весьма прилично: в шелковую кофту (в талию) и шерстяную юбку. Матушка, видимо, близко принимает к сердцу нужды и заботы посетителей и почитателей своего прославленного супруга, она радуется их радостями и скорбит их скорбями. При прощании спрашивает ваше имя и семьи, очевидно, для молитвенного поминовения. Здесь мы познакомились с симпатичной племянницей о. Иоанна, выросшей и воспитавшейся в его доме и отсюда же выданной замуж за моряка-офицера.

При старице матушке много лет живет компаньонкой некто Настасья Ивановна, образованная девушка, человек, видимо, бесконечной доброты и ласки. Такой же доброй и преданной является и старушка служанка, живущая не первый десяток лет в доме «батюшки».

«Батюшка» вернулся домой в 9 часу и принял всех, ждавших его благословения. Нуждающимся помог: за икону – Калужскую обитель щедро отдал деньгами, священника Казанской епархии, прибывшего для сбора на бедный храм, в раскольничьем приходе, благословил иконой, подписал лепту и подарил ревностному пастырю новенькую шелковую рясу, – очевидно именованный дар – и теплый – на пуху – шелковый подрясник... И всё это творится быстро, нежданно-негаданно, по вдохновению: шуйца не знает, что делает десница, и одаренные только после успевают чувствовать и соображать те великие и богатые дары милости и любви, какие несет золотое сердце, мощный дух Кронштадтского пастыря!...

Окончим нашу беседу пожеланием от всей верующей Россия, чтобы Кронштадтский спасительный маяк долго, долго

не погасал, – ибо густая тьма облегает нашу и духовную, и общественную жизнь и ярые волны свирепо обуревают нашу современность! Страшно плыть по волнующемуся житейскому морю без таких ярких путеводителей, как о. Иоанн, дорогой всероссийский «батюшка».

Венчает вся Русь тебя славой чудесной,
отцом, нищелюбцем привыкла считать,
Несказанно взыскан ты Волей небесной –
Творца почитет на тебе благодать!...
Друзья! Проповеднику Божьего света.
Любви, братству, правде учащему нас,
Воскликнем-же хором мы: «*Многая лета*».
Да будет услышан на небе наш глас!²⁰⁸
В. Скворцов

Ноябрь. Книга 1

**Ивановский Н., проф. Учитель, или учительница в
единоверческой школе // Миссионерское обозрение
1903 г. № 17. С. 825–832**

В настоящее время, при развитии церковно-приходских школ, существует в разных епархиях не мало и школ, так называемых, единоверческих. Все они, за немногими исключениями, подчинены ведению епархиальных училищных советов.²⁰⁹ Не говорим теперь о том, что их лучше было бы подчинить иному, специальному надзору, по крайней мере в тех местах, где деятели миссии не входят, по каким-либо причинам, в состав членов означенных советов и их отделений.²¹⁰ От администрации мы пожелали спуститься пониже и подойти к открытым дверям самых этих школ, чтобы посмотреть на них со стороны народной и высказать несколько своих мыслей и соображений. Такое желание вызывается тем, что слышатся в них и из них некоторые особого рода запросы, вследствие которых и возникают недоразумения. Вопросы эти того касаются, как должны держать себя учитель, или учительница означенных школ. В сущности эти запросы и недоразумения довольно мелочные, но в жизненном отношении далеко не маловажные. При том они таковы и из такой области, что училищные советы и решать их едва-ли даже и компетентны, так как по Правилам Единоверия единоверцы подлежат непосредственно ведению преосвященных, помимо всех инстанций епархиального управления.

Конечно, если посмотреть и на единоверческую школу со стороны только внешне-формальной, как на обучение известным предметам по составленным программам более или менее знающим и опытным учителем, то никаких крупных, со стороны народной, недоразумений, – выходящих за пределы предъявляемых дидактикою и дисциплиною требований, – и быть не может, а если и возникнут какие вопросы, или замечены будут пробелы, то их легко могут разрешить и пополнить наблюдатели, или училищные советы. Но такой, слишком уже простой, непосредственный взгляд едва-ли будет совпадать с

намерениями и целями создателей школы *церковной* и высшими её руководителями, для коих небезразлична и вся церковно-приходская жизнь. Повторим по этому сказанное нами в другом месте и по другому поводу, – что «Церковь ждет от неё», – т. е. от школы, – «и миссионерских услуг».²¹¹

Оставляя посему сторону учительски-официальную, мы должны посмотреть на положение учителя, или учительницы, со стороны бытовой, народно-миссионерской и сказать о возникающих в жизни и поведении единоверческих учителей и учительниц вопросах и недоразумениях с этой именно стороны. Как бы кто ни смотрел на самое Единоверие, а отсюда и на несколько своеобразную школу единоверческую, но раз та и другая существуют, необходимо удовлетворять и желаниям единоверцев, применяясь к их симпатиям, хотя и не выходя при этом из круга предметов, допущенных для них высшею церковною властью.

С другой стороны, если где, то в местностях с единоверчески-старообрядческим населением учитель и учительница являются людьми передовыми, так как приходские священники там большею частью из простецов, едва могущих вести в школе преподавание Закона Божия. Здесь и в школе всё лежит на учителе, и процветание, или упадок школы почти всецело от него зависят. Будут учитель, или учительница соответствовать симпатиям прихожан и подходить под мерку их понятий и излюбленных обычаев, – не предосудительных, конечно, – и школа будет полна учащимися, и Церкви могут принести они ощутительную пользу. Будут поступать иначе, – и сами всегда останутся людьми чуждыми народу, и школа будет пустовать, а если, наконец, что-нибудь и сделают полезного, то гораздо менее того, что могли бы сделать.

Обратимся к примерам, что собственно нужно делать учителю для того, чтобы возвысить школу и иметь влияние на народ. Прежде всего и более всего может возникнуть вопрос о крестном знаменовании, – не о истовом только его на себе положении, что везде и повсюду необходимо, – а о сложении перстов для сего. В этом первое для старообрядцев-единоверцев знакомство с учителем. Поэтому, когда

назначается в единоверческую школу учитель, или учительница, знаменующиеся троеперстно, то сейчас же и является вопрос: что им делать, остаться ли при своём знаменовании, или изменить его применительно к единоверцам? Естественно, привычка и сознание правильности троеперстного символа знаменования, при недостаточном иногда разумении *относительной* только его важности, – побуждают его удерживать свой обычай. А между тем и учащиеся, и их родители-двуперстники, принятые в церковное общение. Они также естественно желают, во имя тех же причин, видеть употребление излюбленного ими обычая и со стороны учителя и учительницы и в школе, и при богослужении. Является таким образом неизбежное раздвоение. Кто же должен уступить и во имя какого принципа?... Во имя единства веры, внутреннего значения, а не символа должен поступиться своим обычаем тот, кто более понимает и пришел послужить младенцам в вере, помня наставление св. апостола, чтобы «всем быть вся, да всяко некие спасу». Учителю должно снизойти до учеников, чтобы их возвысить. И в самом деле, с какой бы стороны ни посмотрели мы на этот практически жгучий вопрос, ответ будет один – учителю и учительнице необходимо в данном случае применяться к той среде, в которую они поставлены. И более всего это необходимо с нравственной точки зрения, во имя того, чтобы быть в общении с народом и иметь на него доброе влияние. Когда мы вступаем в известное общество, то волею-неволею должны и приспособляться к его обычаям, чтобы в нём видели нас *своим* человеком, и сами мы не чувствовали себя одинокими. Так везде и во всём, начиная с одежды и кончая манерою держать себя, применяясь к условиям обыденной жизни и принятым приличиям. Само собою понятно, что такое приспособление не может простирается на предметы, стоящие выше²¹² обычаев, касающиеся заветов веры и упования, не говоря о требованиях нравственности. Сложение перстов для крестного знаменования, – такое, или иное, – не входит само по себе, по внешнему только своему виду, в область веры и её догматов, а есть лишь наглядный символ её истин, символы же всегда могут быть не единообразны. Посему здесь не видится

достаточных оснований мучиться совестью чрез перемену символа, только бы эта перемена была не легкомысленна, а разумна. Осмысленное побуждение к такой перемене – оказывать наибольшее влияние на народ должно взять перевес над привычкой, хотя и доброй и соответствующей внутреннему содержанию святой веры.

И со стороны формальной в данном случае едва-ли могут быть какие-либо препятствия и затруднения. Школа, – как и Церковь, – есть учреждение официальное и учитель в школе является таким же официальным лицом, как священник или уставщик, чтец и певец в церкви, при богослужении, или как восприемники при крещении и т. п. Если же самим преосвященным при официальных сношениях с единоверцами рекомендуется Правилами единоверия употреблять двуперстное сложение, то тем более это могут и, думается, даже обязаны делать учитель, или учительница в школе, где являются они не случайными лишь её посетителями, а постоянными в ней служителями и представителями.²¹³ Во всяком же случае и с этой стороны, при каком-нибудь оспаривании, должны иметь перевес те же высшие задачи и соответствующие им требования, какие нами выше указаны.

Остается одно личное нежелание учителя, или учительницы изменить привычное и общепринятое перстосложение на другое, допустимое и благословленное. Но тогда лучше предвидеть всё заблаговременно и не принимать назначения в единоверческую школу, если бы таковое и последовало, с объяснением причины. Уверены, что училищное начальство признает причину уважительною и не будет создавать себе затруднений, тем более, что и само оно должно бы это предусматривать; ставить учителя в неприятное столкновение с населением и училищному начальству нет расчета. Если же по каким-либо причинам не было это заранее предусмотрено, то лучше всего при самом начале возникновения недоразумений учителю просить о переводе в другую, православную школу, а не возбуждать дел и переписок.

Сказав о главном, потребовавшем разъяснений, можем и продолжить нашу речь о предметах менее уже спорных, но в

практическом отношении и в наших целях, – дать единоверческим учителям и учительницам добрый совет, – также очень немаловажных. Если повсюду рекомендуется, то в школах единоверческих тем настоятельнее рекомендовать следует учителю и учительнице иметь самим единый с православием дух церковности и развивать его в детях, а в тоже время и в себе, и в школьниках поддерживать церковную дисциплину в принятых обычаях, не говоря о надлежащих взаимных отношениях. На всё это должны обращать особое внимание и наблюдатели школ при своих объездах. Слишком им мало за тем только следить и то проверять и отмечать, как пишутся по русскому языку буквы и слова (почерк и диктовка), как поставлено счисление (арифметика), бойки ли ученики в их ответах и т. п., – а требуется при этом внимательный пастырски-отеческий надзор за направлением и духом школы, за отношением учащихся и учащихся к святой церкви, за облагорожением учащихся, за уважением их к учителю и за любовным откликом последнего к заброшенным детям деревни. Из предметных же программ с наибольшим тщанием должны останавливаться на преподавании Закона Божия в общем духе православия, при некоторых особенностях Единоверия, а также за осмысленным церковно-славянским чтением по книгам, конечно, единоверческим. Первое отмеченное, при контролировании, сделать очень легко, так что и прошедший среднюю, или и полусреднюю школу грамотей может выполнить, а выполнив, и спокойным быть, что и форма соблюдена и справедливость оказана. Последнее, нет слов, трудно и требует многих положительных указаний и советов, которые можно было бы применить к делу, и многое другое в этом роде. Но за то первое мало полезно, последнее многоплодно, если даже форма в нём иногда и пострадает, так как оно выше формы и точных инструкций. Но за то, если первого рода исполнительность создаст наблюдателю как человека в деле точного, и в отзывах справедливого, то последнее доставит ему славу христианского педагога и мудрого руководителя жизнью детей, – которая бьет ключом, – а

чрез них отразится и на других, так что школа будет, действительно, светочем всей деревни.

Описанное нами направление, зависящее более всего от учительского персонала, а частью и от наблюдателей особенно необходимо в школах единоверческих по самому положению Единоверия. Последнее в жизни занимает средину между православием и расколом и находится под двумя влияниями противоположного свойства и часто непосредственного соседства. Наша задача воспитать единоверцев в духе сближения с нами, сделать их нашими братьями не по идее только, а на самом деле, не трогая, конечно, их благословленных Церковью обычаев, а уважая оные. Вот почему мы настойчиво говорим о воспитательном элементе в школах единоверческих, о их церковности и выдвигаем на должную высоту положение учителя, требуя и особо внимательного духовно-руководственного надзора. Не мы, а жизнь предъявляет здесь особые сложные требования.

Со стороны внешней требования эти можно наметить и предъявить, хотя бегло, в следующем виде. Первое желание видеть учителя или учительницу при праздничных богослужениях всегда в церкви, во главе учащихся, приучать детей петь и читать и самим подавать в том пример. Такое их поведение воочию покажет единоверцам с одной стороны уважение к единоверческому чину богослужения, а с другой и должное их уважение к Церкви вообще, членами которой они состоят, внушит всем, что они научены вере и благочестию, а не легкомысленному отношению к религии, и её уставам. При этом, в видах наилучшего достижения цели живого и наглядного сближения с учащимися их родителями, мы желали бы видеть в церкви учителя и учительницу в соответствующем принятом одеянии, с лестовкою в руке и подручником около ног. Сделать это очень, ведь, не трудно, ни в каком отношении не зазорно и никаких разрешений не требует. А между тем, если обратить внимание на то впечатление, какое всё это производит, то получится нечто очень внушительное и важное. Скажут, пожалуй, что это – лицемерие? Нет не лицемерие это, а

любовное приспособление человека развитого к уровню понимания менее развитых – в обычаях почти безразличных.

Из церкви перейдем в школу, с тем же духом церковности по типу Единоверия. На молитвах пред началом учения и по окончании оно желательно видеть положение принятого «начала». Здесь же, на молитве пред уроками, когда внимание не утомлено и чувство свежее, хорошо петь, например, тропарь храму, «Спаси Господи люди твоя», а в конце поминать местного архиерея, начальствующих и попечителя или попечительницу школы, если таковые имеются, по окончании же учения петь крюковое «Достойно». Содержание пения, конечно, может быть и другое, смотря по навыку и местным условиям, но молитва за Царя и поминовение архипастырей всегда должно быть; оно невольно будет запечатлеваться в памяти и в сердце имена дорогих всем лиц и духовно сближать с ними.

Чрез всё сказанное школа и сослужит службу Церкви и миссии. Единоверческие наши школы находятся в таких местностях, где почти повсюду имеются и раскольничающие старообрядцы. И если церковная власть имеет в виду привлечь в школу и детей последних, – не отказывая им в образовании, а в тоже время не разрешая открывать им и свои школы, могущие поддерживать сепаратизм и отчуждение, – то описанным поведением учитель и учительница расположат и последних к школе, приспособлением к духу всего старообрядства.

Не будем касаться многих других, общих для всех школ педагогических приемов, так как они выходят из рамок нашей заметки. Упомянем еще об одном обстоятельстве, важном особенно в школах единоверческих. Мы заметили уже, что школы единоверческие находятся большею частью там, где по близости, или тут же в деревне много и старообрядцев-раскольничающих. Последние недоверчиво и подозрительно относятся не к церкви только, но и к условиям современной жизни в других отношениях, нецерковных. Ни для кого не секрет, какое предубеждение питают они против докторов и медицинской науки. Прививка оспы, рациональное лечение заболеваний вообще, вот что возбуждает

неудовольствия, а по временам и протесты в разных ...мах. В острых болезнях, иногда эпидемических, а также и клинических, нередко серьезных, к помощи врача не обращаются, а пользуются своими домашними средствами. Эти средства часто уродливы и положительно вредные, например, в горячках – баня, а в лихорадках – купание. В случаях эпидемий об отделении здоровых, о чистоте и осторожности сообщений с заболевшими не хотят и слушать, дезинфекция совсем не признается. Кому же, как не учителю и учительнице прийти на помощь, – мало словом вразумления, которое недостаточно действует, – но прямою наглядною помощью заболевшему в начале болезни и при том самыми безвредными средствами? Кому, как не им рассеять этот невежественный предрассудок против медицинских пособий? – Ведь учитель и учительница в деревенской глуши, а нередко и в селах, при различных единоверческих священниках и их женах из народа, первое, а нередко и единственное интеллигентное в лучшем смысле лицо. Такое первичное пользование не есть конкуренция со врачом, как выразился нам недавно один врач, а скорее приводит в случаях серьезных к тем же врачам, рассеивая очевидно начальную помощью невежественное предубеждение. А что еще важнее с нашей точки зрения – оно раскроет учителю двери раскольнических домов, вселит уважительный во всем народе взгляд на скромных тружеников начального народного образования, поможет с большим удобством проводить в народную среду здоровые религиозные понятия. – Остается пожелать только, чтобы сами учитель и учительница, были религиозны, преданы православной Церкви и дорожили её духовными интересами.²¹⁴

Профессор Н. Ивановский

Чиннов Н. Сектантский документ по вопросу о крещении // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 833–850

Печатаемое ниже «Послание» прислано в редакцию свящ. А. Альбицким в качестве приложения к статье – «Вероучение немоляков Нижегородской губ.». Но значение «послания», по нашему мнению, несколько иное, чем какое усвоится ему автором названной статьи. Дело в том, что «послание» не местного (для Нижегород. губ.) происхождения, а привезено сюда крестьянином дер. Александровки В.М. Пугачевым из г. Хабаровска.²¹⁵ Зачем привезено? – Ответить на этот вопрос будет не трудно, если принять во внимание состояние сектантства в Семеновском у., Нижегородской губ., как оно очерчено самим свящ. А. Альбицким. По словам достоуважаемого автора, секта немоляков, жившая доселе в названной местности тихо и скромно, «в последние десять лет стала всё более и более заявлять о себе нередкими переходами в неё не только из раскольников, но и из православных. Причиной тому было то, что немоляки завязали сношения с рационалистическими сектами южно-русских губерний. Оттуда стали появляться к ним проповедники – и по своей охоте, и по требованию немоляков». Результатом такого рода сношений было разделение Нижегородских немоляков «на три группы: 1) на склонных к молоканству, 2) к штундо-баптизму и 3) на понимающих всё Писание иносказательно»,²¹⁶ т. е., как нужно думать, – склонных к духоборчеству. Нет сомнения, что между сектантами столь различного направления, живущими, притом, в недалеком друг от друга расстоянии, ведутся жаркие споры по вопросам их разномыслия, – ведутся они, в частности, между представителями первой и второй группы и по вопросу о крещении, как на первый взгляд наиболее их разделяющему. С точки зрения Св. Писания, склонные к штундо-баптизму имеют под собой по данному вопросу более твердую почву, чем представители первой группы.²¹⁷ Пользуясь этим, они, нужно думать, стали брать перевес над молоканствующими,

доказывая последним, что их, как некрещенных, нельзя назвать и христианами или членами царства Божия. Такого-же рода обличение могло слышаться и со стороны православных. В своём затруднительном положении молоканствующим Нижегородской губернии естественно было обратиться за помощью к своим собратьям-молоканам других местностей, более их преуспевшим в молоканском учении и – главное – в защите его против нападения совне. Предлагаемое «послание» и представляет, по нашему мнению, такого рода помощь молоканствующим Нижегородской губернии. В нём мы склонны видеть последнее слово молоканской казуистики по вопросу о крещении и наглядное доказательство того, – до какой степени истощилась и измельчала молоканская изобретательность в избранном ею направлении. В «послании», конечно, нет ничего существенно нового ни в отношении молоканского учения, ни в отношении его обоснования. Если чем и обращает оно на себя внимание, так это – тою решительностью и бесцеремонностью, с какою автор «послания» утверждает то, что до сего времени высказывалось молоканами нерешительно, как бы – стороной и вскользь. Таково именно заявление «послания», что в известной заповеди Христа Спасителя о необходимости «родиться от воды и Духа» (Ин.3:5) – совсем нет речи о крещении и что, во-вторых, крещение Христово (во Христа) должно быть страданием. На этих двух положениях мы и остановим, главным образом, своё внимание, оставивши частные искажения или перетолкования библейского текста для подстрочных примечаний.

Первое положение аргументируется сектантами приблизительно так. Иисус Христос в Своей беседе с Никодимом говорит не о необходимости *креститься свыше*, а о необходимости *родиться свыше*; от видимой-же воды переродиться человек не может, – в неё кто каким входит, таким и выходит; духовно перерождает человека слово Божие (Иак.1:18; 1Пет.1:23), – про того, кто рождается от слова, всякий замечает и говорит: «какой тот человек был неверующий, а теперь верит; был во всех гнусных поступках, а теперь только

старается делать дела, угодные Господу, – он вовсе переродился, совсем не такой сделался!».

Справедливо то, что в Своей беседе с Никодимом Спаситель говорит о необходимости человеку для вступления в Царство Божие «родиться свыше», но откуда молокане узнали, что от видимой воды переродиться человек не может? Очевидно, не из слова Божия. Всякий, поучающийся в нём, – а такими именно считают себя молокане, – не может не знать, что органами или орудиями Божественной силы служили в большинстве самые обыкновенные вещи и предметы видимого мира. Возьмем главную святыню Израиля – Ковчег Завета. Для чувственного взора – это был простой ящик, известным образом из известного дерева сделанный (Исх.25:10–21), однако пред этим ящиком, по воле Божией, расступаются воды Иордана (Нав.3:15–16), падают стены Иерихона (Нав.6), идола Филистимские (1Цар.5:1–5), пребывание его – для одних (филистимлян) сопровождается казнями (1Цар.5:6–12), для других (дома Аведдара) – благословением Божиим (2Цар.6:11), неблагоговейное или маловерное прикосновение к святым наказывается смертью (2Цар.6:6–7; 1Цар.6:19); припомним простой пастушеский жезл Моисея (Исх.4:2), которым боговидец вместе с братом своим Аароном творит знамения и чудеса во Египте (Исх.7–10), разделяет и совокупляет воды Чермного моря (Исх.14:16, 27), двукратно источает воду в пустыне (Исх.17:5–6; Чис.20:11); припомним медного змия в пустыне, исцелявшего с верою взиравших на него от смертоносного укушения змей (Чис.21:9), милоть Илиину, чудесно разделившую воды Иордана (4Цар.2:14), кусок дерева, усладивший воды Мерры (Исх.15:23–25), простую соль, исцелившую воду в Иерихоне (4Цар.2:21), муку, исцелившую отравленную похлебку (4Цар.4:38–41) и т. п. А воды Иордана – разве по естеству лучше были рек Дамасских (4Цар.5:12)? – Однако они исцеляют Неемана Сирийского от проказы; воды Силоама смывают брение и слепоту слепого от рождения (Ин.9:7); воды купальни Вифезды, возмущаемые ангелом, исцеляли всякую болезнь (Ин.5:1–4). Но не достанет и времени исчислить все, упоминаемые в Св. Писании, опыты

Божественного милосердия, когда Господу, Спасителю всех, угодно было проявить Свою силу и могущество чрез вещи зримые, и осязаемые (Прем.16:7). Имея «такое облако свидетелей», молокане, при чтении заповеди Спасителя о необходимости «родиться от воды и Духа», должны бы были не верить и не рассуждать так, что «видимая вода не может перерождать человека, а только благоговейно преклониться пред волею Всемогущего, избирающего водную стихию в орудие своей благодати, духовно-возрождающей человека. У Бога «не изнеможет всяк глагол» (Лк.1:37, ср. Иов.42:2; Мф.19:26), – не может оказаться тщетным (Исх.11:55) и Его повеление, соединяющее обетование духовного возрождения с водной стихией. Т. обр. вода крещения, оставаясь по естеству обыкновенною водою, способною омыwać только естественную или вещественную нечистоту, вместе с тем, по избранию Божию и во исполнение ветхозаветных пророчеств, является и орудием благодати Божией, очищающей человека от духовной нечистоты и перерождающей сердце его из каменного в плотное (Иез.36:25–26).

Но – возражают молокане – в некоторых местах Св. Писания, как – в Иак.1:18; 1Пет.1:23 и – прибавим – 1Кор.4:15, духовно-нравственное возрождение человека приписывается действию слова Божия. Не дается-ли этим понять, что и в заповеди Спасителя под водою должны разумеť не воду естественную, а «воду духовную», именно – «слово Божие». Но не говоря уже о том, что в Св. Писании нет ни одного места, где-бы слово «вода» с несомненностью и без всяких натяжек могло быть истолковано в смысле слова Божия, – здесь, совопросников позволительно спросить: откуда молокане узнали, что объяснительною параллелью к заповеди Спасителя должны служить те места Св. Писания, где возрождение человека приписывается действию слова Божия, а не те, где оно – в еще более сильных выражениях – приписывается именно – крещению, бане, бане водной (Рим.6:3–5; ср. Кол.2:11–12; Еф.5:26, ср. Тит.3:5). Откуда, во-вторых, узнали они, что в приведенных ими и нами местах Св. Писания, не исключая из числа последних и заповедь Спасителя, речь идет

об одном и том-же, а не о различных моментах в деле духовного возрождения человека? Очевидно, – опять не из слова Божия. Здесь крещение водою и научение от слова Божия не только нигде не отождествляются и не заменяются одно другим, но, напротив, строго и ясно отличаются одно от другого (1Кор.1:17). Спаситель, посылая апостолов на всемирную проповедь, отдельно повелевает им – как научить «вся языки», так и крестить тех, которые уверуют или примут апостольское научение (Мф.28:19–20, ср. Мк.16:15–16). Апостолы, исполняя волю Господа, не только «пошли и проповедовали везде» (Мк.16:20) Евангелие царствия, но вместе с тем от «умилившихся сердцем», т. е. от принявших их проповедь, требовали крещения во имя Иисуса Христа, как необходимого средства для получения прощения грехов и обновления Духом Святым (Деян.2:37–38. Ср. 8:5–13, 9:17–18, 10:34–48, 16:30–33 и др.), совершая это крещение именно – в воде (Деян.8:38, 10:47–48 и др.).²¹⁸

Итак, повеление Спасителя и действия Апостолов после сошествия на них Духа Св. ясно показывают, что для духовно-нравственной жизни человека равно необходимы – как научение от слова Божия, так и крещение водою. Слово Божие живое и действенное (Евр.4:12), упавши на «добрую землю» (Мф.13:8), несомненно, производит своё спасительное действие, духовно-нравственно возрождает человека. Оно будит заглохшую или дремлющую совесть грешника, возбуждает в нём сознание бедственности и безвыходности своего положения под гнетом греха и в отчуждении от Бога (Рим.7:23–24, ср. 3:8–9; Еф.2:1–3); указанием на страдания и смерть Богочеловека, поднятые из любви к человечеству – для его спасения и примирения с Богом (Ис.35:5; Ин.3:16; 1Пет.2:24; Кол.1:19–22), зажигает в сердце грешника искру надежды на милосердие Божие, раздувает её в пламя любви и стремления к Богообщению, к жизни по пути истины и добра, указанному Спасителем в Его святом законе. Вот, в общем, тот нравственный переворот, какой производить в человеке-грешнике слово Божие. Но оставленный на этой ступени своего возрождения, человек немногим – только степенью духовной жажды – отличался-бы от человека

подзаконного или естественного. Не нужно забывать, что и последнему не чужда была натуральная способность делать «законное» (Рим.2:4–15), познавать в известной мере истину (Рим.1:18–20), желать и стремиться к добру (Рим.7:15–23), при постоянном действии в нём (человеке) совести, обвиняющей за плохое и одобряющей за хорошее (Рим.2:15). Но во всех этих, лучших своих стремлениях человек связывался иным законом, жившим «во удех его», – законом греха, который заставлял его делать не то, что он считал добром и святым, а то, что считал злым, что ненавидел. Тот-же грех налагал своё покрывало и на умственные очи человека, не позволяя ему видеть истину во всей её полноте (2Кор.3:14–15, ср. Ис.25:7), даже сворачивая его на путь лжи и заблуждения (Рим.1:21 и д.). Отсюда можно уже видеть, что человеку-грешнику недостаточно было только показать свет истины и добра, возбудить в нём жажду Богообщения и святости, иначе он навсегда остался-бы только жаждущим и никогда не оказался-бы способным к должному усвоению истины Христовой (1Кор.2:14–15). Необходимо было сообщить Ему высшую силу, которая-бы преобледила живущий в нем грех, оживила в нём лучшие стремления духа и дала им перевес над стремлениями низшими – греховными. Эту силу Господь обещал дать жаждущим (верующим) своего времени (Ин.7:37–39); об этой силе, главным образом, говорит Спаситель в Своей прощальной беседе с учениками, утешая их в скорой разлуке с Собой: «истину говорю вам: *лучше для вас*, чтобы Я пошел (ко Отцу); ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам... Когда-же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин.16:7, 13); до времени-же этого наставления Духом истины, Спаситель запрещает ученикам выступать и на всемирную проповедь Евангелия. «Я, говорит Он пред Своим вознесением, на небо, пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше» (Лк.24:49). «Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями... до края земли» (Деян.1:8). Обетование-же этой Силы, которую Спаситель считает столь необходимою для человечества, что для

ниспослания Её, по Его словам, «идет к Отцу», Господу угодно было соединить не с действием слова Божия, а с водами крещения (Ин.3:5, ср. Деян.2:38 и др.). Здесь, в воде крещения, укрепляется и получает свою силу то возрождение, начало которому полагается словом Божиим. Силою Духа Святого верующий в крещении освобождается и очищается от греха (Еф.5:26; 1Кор.6:11); соумирает, спогребается и совоскресает Христу для новой – безгрешной жизни (Рим.6:3 и д. Кол.2:12–13); обновляется и облачается во Христа, соединяется (снасаждается) с Ним (Тит.3:5; Гал.3:27; Рим.6:5); получает надежду спасения, соделывается сыном Божиим (Мк.16:16; Тит.3:5; 1Пет.3:21; Гал.4:6–7; Рим.8:15–17) и членом тела Христова или Церкви (1Кор.12:13).²¹⁹

Итак, крещение, как то видно из приведенных мест св. Писания, имеет не случайное значение по отношению к духовно-нравственному строю человека-христианина, а существенно необходимое. Оно не простое исполнение заповеди Спасителя и не знак только благодати Божией, а самое действие или орудие благодати; без него человек еще во грехе и над грехом, еще не сын света, а сын гнева Божия (Еф.2:3), еще не член царства Христова, а член царства тьмы и дьявола (Деян.26:18). Уже с этой точки зрения не может не показаться странным и детски-наивным стремление молокан заповеданное Спасителем крещение или «рождение от воды и Духа» заменить страданием за имя Христово. Правда, Спаситель в переносном смысле назвал Свои крестные страдания крещением (Мф.20:22 ср. Лк.12:50), предсказал двум Своим ученикам (сынам Зеведеевым), что они будут крещены подобным-же крещением (Мф.20:23), предсказал вообще Своим последователям, что они «в мире скорбни будут» (Ин.16:33, 15:20 и др.), но нигде, однако, относительно страдания Он не дает такой строгой заповеди, какую дает относительно «рождения от воды и Духа», – нигде не ставит его необходимым условием для вступления в Своё царство, так чтобы не пострадавший почему-либо за имя Христово, чрез это самое, не имел-бы права и на звание христианина. Апостолы в своих посланиях часто говорят о гонениях и скорбях, какие

приходилось претерпевать первенствующим христианам, говорят о важном нравственно-педагогическом значении этих скорбей и страданий (Иак.1:1–4, 5:10–11; 1Пет.2:21, 4:1–19; 2Тим.2:3 и д.; Рим.8:36; Евр.12:6 и д.), но нигде они не приписывают им такого значения и того благодатно-таинственного действия на человека, какое усвоят они крещению и бане водной. По существу дела, страдания и не могут быть общим уделом и неизменным признаком последователей Христа, так как они не вытекают из существа христианства, а являются следствием распространения последнего среди известных исторических условий и обстоятельств. Христос Спаситель, по ветхозав. и новозав. свидетельствам есть Господь мира, Царь мира и мир (Ис.9:6; Мих.5:5; Зах.9:9–10; Еф.2:14; Ин.16:33; 2Сол.3:16 и др.); проповедь Его есть именно – «евангелие, т. е. – благая весть о спасении, истине, правде, любви и мире (Ин.18:37, 15:12–13; Мф.5:43–46; Мк.9:50; Еф.2:17; Деян.10:36; Евр.12:14; Рим.12:18 и мн. др.), обещающая душевный покой всем труждающимся и обремененным (Мф.11:28–30, ср. Ин.14:27); отсюда, и царство Его – царство мира и духовной радости (Ис.9:7, 11:5 и д.; Зах.9:10; Ин.18:36; Мф.4:17, 10:7; ср. Рим.14:17; Гал.5:22 и др.). Правда, Спаситель говорит вместе с тем, что Он не мир пришел принести на землю, а меч (Мф.10:34), но это не потому, чтобы Он Сам проповедовал несогласие, брань и страдания, а потому, что Его проповедь света, истины и мира имела распространяться и распространялась среди царства тьмы, злобы и неправды; князь греховного царства проповедью и делом Спасителя возбуждается на отчаянную брань, прозревая в этом деле конечное разрушение своего царства (Ин.12:31, 14:30, 12:26–28). Различные гонения на последователей Христа (разумею гонения и страдания истинных христиан, а не тех, о которых речь в 1Пет.4:15; 2Тим.2:5) есть не что иное, как одно из тех многих уязвлений в пяту, какие воздвигает древний змий против Поражающего его во главу (Быт.3:15; 1Ин.3:8; Евр.2:14; Ис.11:4; 2Сол.2:8). Отсюда понятно уже, как неестественно крещением или отличительным признаком христиан, людей не «от мира сего» (Ин.15:19), полагать то, что начало и корень свой

имеет в мире, лежащем во зле (Ин.5:19) и побежденном Господом (Ин.16:33); понятно отсюда и то, как трудно или – лучше – невозможно доказать, особенно основываясь только на Св. Писании, чтобы все, несомненно, истинные последователи Христа крестились страданием за имя Христово. Трудность эту хорошо сознавали и сами молокане, почему, дабы заполнить названный пробел, прибегают в своём «послании» к новой казуистике. Иис. Христос, рассуждают они, в посланиях ап. Павла называется Главою, а все верующие – телом Его; в теле же бывает так, что если страдает один член, то с ним страдает и всё тело (1Кор.12:26), – «поэтому, заключают сектанты, мы не можем быть без страдания, потому что все одним Духом крестились в одно тело» (1Кор.12:13).²²⁰ Выходит т. обр., что недостаток страдания в одних членах восполняется страданиями Главы или страданиями других членов.

Но, во-первых, ап. Павел говорит, что «все мы (т. е. – христиане) одним Духом крестились в одно тело», а не *от* одного или *чрез* одно тело, т. е. – Апостол своими словами утверждает ту истину, что *чрез* крещение люди только еще *входят в состав тела Христова*, а в казуистике сектантов речь идет уже о *вошедших* в этот состав, – о тех, которые уже состоят членами тела Христова, а иначе – как бы избыток страданий одних членов восполнял недостаток других? Во-вторых, несомненно, что Христос кровью Своею приобрел Церковь (Деян.20:28), предал Себя на страдание и смерть, чтобы очистить и освятить её (Еф.5:25–26), чрез крестные страдания, смерть и воскресение Он не по Божеству только, а и по человечеству соделался Владыкою неба и земли (Флп.2:8–11, ср. Мф.28:18), Главою Церкви (Еф.1:20–23, ср. Кол.1:17–22); но чтобы и после, по возглавлении церкви, Он продолжал страдать, дабы восполнять недостаток страдания в членах тела Своего, – это уже нелепость. «Христос, говорит Апостол, воскресши из мертвых, уже не умирает, – смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим.6:9). Он, как Первосвященник будущих благ, «однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею» (Евр.9:26) и «одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых (Евр.10:14). Как Глава

Церкви, Он служит источником не немощи и страданий, а победы над миром и смертью (1Ин.5:4–5; Евр.2:15), источником жизни (1Ин.4:9), славы (Евр.2:10) и вечного спасения (Евр.5:9). Несомненно, конечно, что каждый христианин обязан участвовать или приобщаться спасительным страданиям Христа Спасителя, но это участие, согласно указаниям слова Божия, может быть неодинаково по существу и не в равной степени для всех обязательно. Первое участие, безусловно-обязательное для всех, желающих носить самое имя христиан, есть *таинственное* – чрез соумирание и спогребение Христу в водах крещения (Рим.6:3–8; Кол.2:11–13); но это-то именно участие, как мы видели, и отвергается молоканами. Второе – нравственное, состоящее в отвержении «ветхого человека» (Еф.4:22), в распятии «плоти с её страстями и похотьми» (Гал.5:24, ср. 2:19–20), также обязательно для христиан, поскольку все, желающие следовать за Христом, должны отвергнуть своё греховное «я», взять крест свой и быть готовыми на добрые дела, как созданные на то во Христе Иисусе (Мф.16:24; Еф.2:10). Но этого рода участие для молокан может составлять только предмет чаяния и жажды, так как они, отвергши «всеоружие Божие» и «все потребное для жизни и благочестия, дарованное нам от Божественной силы Христа Бога» (Еф.6:11; 2Пет.1:3), остаются при наличности только своих естественных сил, которых, как показал опыт ветхозав. человека, совершенно недостаточно чтобы выйти из-под власти греха (Рим.7:9–24). Наконец, участие в страданиях Христовых достигается чрез терпеливое и радостное перенесение поношений, гонений, страданий и даже смерти за имя Христово (Мф.5:11–12; 1Пет.4:12–13; Гал.6:17; 2Кор.4:10; Рим.8:17–18; Кол.1:24 и др.). Это участие, как мы видели, не может быть всеобщим для последователей Христа, а по воле Господа дается «избранным Божиим», как особый венец славы (1Пет.4:14–19; 2Тим.4:6–8). Но имеют-ли молокане право относить себя к этим избранныкам Божиим? Могут-ли они сказать с Апостолом: подвигом добрым мы подвизались, течение совершили, веру соблюли (2Тим.4:7)? Данное «послание», по крайней мере, свидетельствует, что они сделали

всё, чтобы исказить веру и обойти как-либо волю Божию, а потому к ним более приложимы, по-видимому, другие слова того-же Апостола: «если кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться (2Тим.2:5).

Нет, кажется, нужды много говорить и о последнем убежище, к которому прибегают молокане, стремясь обойти как-либо заповедь Божию. Разумею их утверждение, что можно креститься страданием чрез простое сочувствие страданиям братьев по вере. Сочувствовать страданиям братьев – это, конечно, доброе дело, поскольку в основе его лежит любовь к ближнему, но с христианской точки зрения – это еще не высокая добродетель, так как, по слову Спасителя, и мытари «любящих их любят» (Мф.5:46). Каким-же образом такого рода добродетель может быть отличительным знаком христиан? Да и где – в слове Божиим простое сочувствие страданиям ближнего называется крещением, хотя-бы даже в переносном смысле?...

По вопросу о крещении младенцев в «послании» замечается неустойчивость и крайняя неопределенность, которые, впрочем, вполне понятны там, где здание веры строится не на камне, а на песке. То «послание» склонно, по-видимому, признать, подобно штундо-баптистам, что детям и без крещения принадлежит царствие Божие, то оно ведет речь о крещении детей чрез участие в страданиях, приводит даже примеры страдания детей – еврейских в Египте и Вифлеемских при рождении Христа Спасителя. Но ведь страдания названных в «послании» детей касались их лично, – как-же другие-то дети участвуют в этих страданиях, когда они (дети), как в том сознается и само «послание», не могут даже и сочувствовать чужим страданиям? Притом, – какое отношение ко Христу и вере в Него имеют страдания еврейских детей в Египте? Вифлеемские младенцы избиты были Иродом, правда, из-за Христа или – лучше – по поводу Христа, но разве это всё равно, что пострадать за Христа, во имя Его, по вере в Него? Малх пострадать из-за Христа (Ин.18:10–11), – но можно-ли сказать, что он пострадал за Христа, по вере и любви к Нему? Вообще все рассуждение «послания» о крещении младенцев таково по

своему существу, что оно могло быть высказано только в крайней нужде, дабы уж совсем не остаться безответным.

Приведем теперь самое «послание».

Н. Чиннов

Благодать Господа Нашего Иисуса Христа. Благословен Бог и Отец Наш, благослови нас благословением небесным, даруй на нас Духа Твоего Святого, чтобы мы могли выразить словами о вере и учении Твоём по истине, как Твоё Божественное Слово, чтобы она могла повлиять на сердца верующих в Тебя, чтобы утвердить и укрепить до конца. Аминь.

Вера наша христианская состоит в том. О рождении свыше – от воды и духа мы верим: Божественное слово есть вода – от Ин.4:24. 2Кор.3:14, (17?), где ясно говорится, что Бог есть Дух, а Слово Божие называется водою.²²¹ Пр. Исаия говорит: в радости будут почерпать воду из источников спасения. Ис.12:3. А Христос говорит: кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой. Ин.7:38.²²² Хотя говорится здесь о Духе, но заметь: – потекут воды живые. Когда человек исполнится дара св. Духа, то он и дует, как из трубы, и говорит слова св. Духа, т. е. текут слова поучительные и вливаются в сердца слушающих и Бог привлекает их, потому что никто не может прийти, кого не привлечет Отец Небесный, и он рождается от Слова и Бога, т. е. от этих – от воды и Духа; потому и сказано: а тем, которые приняли его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови и плоти, но от Бога родились. Ин.1:13, 6:44.²²³ Апостол Иаков говорит: восхотев, родил Он нас словом истины. Иак.1:18. Ап. Петр говорит: послушанием истины через Духа, как возрождение не от тленного семени, но от нетленного – от Слова Божия живого, пребывающего вовеки 1Пет.1:22 и 23; переродиться нужно всякому человеку, который находится во власти сатаны, – от неверия – к вере, от незнания к познанию, от власти сатаны к Богу, от греховного поведения – к истинному утверждению, от ложного познания – к просвещению; а когда родившийся должен усматривать себе убежище, пр. Давид говорит в Пс.45: Бог нам прибежище и сила, в Пс.90 говорит: живущий под кровом Всевышнего, под тенью всемогущего покоится, а Соломон говорит: имя Господа крепкая

башня, в неё убегает праведник и там безопасен.²²⁴ (Притч.18:11). Хотя некоторые утверждают: крещение есть рождение свыше, т. е. должно родиться от воды и духа; заметим для себя, – ведь не говорит писание: кто не крестится свыше, а кто не рождается свыше; от видимой воды не может переродиться человек: от неё какой входит, такой и выходит; а когда человек рождается от Слова, тогда всякий замечает и говорит: «какой тот человек был неверующий, а теперь верит; был во всех гнусных поступках, а теперь только старается делать дела, угодные Господу»; он вовсе переродился, совсем не такой сделался, он даже гнушается тех дел, которые делал. «Какой плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их смерть, а теперь плод Ваш Святость, а конец – казнь, жизнь вечная. Аминь». (Рим.6:21–22).

Теперь скажем о крещении. Крещение называется разными предметами. Крещение совершалось Иоанном в воде и водой, т. е. заходя в воду, человек погружается и водой заливают его всё тело, это означает – «в воде и водой» (Мф.3:11; Мк.1:8). Этот обряд Иоанн совершал для того, чтобы между тем указать народу Мессию, т. е. Христа; вместе с тем и самому узнать, Он говорит: я не знал Его, но пославший меня крестить в воде, сказал мне: на кого увидишь Духа, сходящего и пребывающего на нём, так тот есть крестящий Духом Святым, т. е. будет крестить Духом Святым (Ин.1:33). Иоанн говорит: я не знал его, но для того пришел крестить в воде, чтобы он был явлен Израилю ст. 31, а не говорит: чтобы поставить в вечный завет крещение водой, а только посредством того дела явить Израилю и узнать самому.²²⁵ Иоанн продолжает крещение далее потому, что он слышал голос: «иди крести», а после явления не сказано: «довольно, больше не крести» – подобно тому, когда змеи угрызали Израильтян, Бог повелел Моисею воздвигнуть змия на знамя, чтобы всякий ужаленный человек взглянул с верою и был исцелен. 4 книга Моисея Чис.21:8. А после этого не было голоса Моисею: сними и разруши змия; что же? – после того змий послужил соблазном для Израиля (4Цар.18:4). Теперь обратим наше внимание: повелено Богом воздвигнуть змия, но почему же он послужил соблазном?

Потому, что он был на время, когда только угрызали змеи, а после, когда перестал угрызать змий, он стал не нужен; поэтому и Иоанн усомнился и посылает учеников к Иисусу дознаться – подлинно ли он – Мессия или другого ожидать?! Лк.7:19. По всей вероятности, Иоанн ожидал прекращения своего дела, потому и говорит: «Оному должно расти, а мне умяться» (Ин.3:30). Понятно, не телом исчезать, а дело уничтожить, поэтому и говорил Иоанн по окончании своего поприща; «за кого почитают меня я не тот»? Вникнем в то, что называется окончанием поприща и перед самым явлением, поэтому окончание должно быть окончено явлением,²²⁶ а после Иоанну крещение послужило соблазном, потому что Иоанн в крещении показывал, чтобы веровали в грядущего по нём, а тут, выходит, нужно говорит о вере в пришедшего по нём; несомненно, окончание поприща Иоанна с явлением Иисуса Христа; потом начинается крещение Иисуса Христа.

Иисус начинает Своё служение и говорит: покайтесь и веруйте в Евангелие; начинает мертвых воскрешать, прокаженных очищать, бесов изгонять, слепым даровать зрение. Народ начинает приходить в движение, ожидание открытия царства; потом приступает к нему мать сынов заведеевых, кланяется, чего-то? просит. Он говорит: не знаете, чего просите, – можете-ли креститься крещением, которым я крещусь? (Мф.20:20). Из этого видно, что крещением Христос называет страдание и поношение. Если Христос называет поношение и поругание крещением, то и Павел апостол говорит согласно: выйдем к Нему за стан, нося Его поругание (Евр.13:13). А Петр говорит: и так, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь, тою же мыслью (1Пет.4:1), т. е. – переносить всякие поругания и поношения, а если Христос назвал поношение и страдание крещением, то и мы крещаемся. А если кто скажет вам: никто тебя не гонит и не поносит, то надо вспомнить, что и Христа не всякий день гнали и поносили, а Он говорит: могут ли креститься крещением, которым Я крещусь? А потом говорит: кто хочет жить благочестно о Христе Иисусе, гоним будет. 2Тим.3:12. Кто отвергает крещение Христово, тот может сказать неправду и на Апостола Павла, потому что он

говорит: кто будет жить благочестно во Христе, будет гоним; а я, скажет, злого человека, который прожил много лет и не был гоним; так говорящие не знают, что Христос есть глава тела. Еф.1:23. Теперь вникнем в то, что Христос глава, а мы – Его тело; если страдает голова, а всё тело здорово, имеет ли покой тело? – «и так, страдает ли один член, страдают с ним и все члены». 1Кор.12:26. Поэтому, мы не можем быть без страдания, потому что все одним духом крестились в одно тело и все написано (напоены) одним духом. А как не можем быть без страдания, то не можем быть и некрещеными, потому и сказано: одна вера, одно крещение. Еф.4:5. Все мы во Христа крестились, во Христа и облеклись. Гал.3:27. А что мы участвуем в Христовых страданиях, это известно каждому: если болит голова, а не рука, почему же ты поднимаешь руку и берешь за голову? – значит, чувства одни, так и мы, христиане, одного состава тела. Если меня не коснулось ни гонение, ни хула, ни поношение, а коснулось только брата во Христе, которого я никогда не видал, а только услышал, что постигла брата какая-то напасть за веру во Христа, – или в тюрьму посажен, или сослан, тогда мы о нём разговариваем, вздыхаем и много плачем; вот теперь всем известно, что все мы страдаем и гонимы. Как же некоторые злословят нас и говорят, что мы не крестимся, а Христос сказал сынам Заведеевым: Я крещусь, а не сказал: я крестился, а крещусь. Теперь скажет противная сторона: это только те могут креститься, у которых чувство сопряжено с чувством Христианской любви, а как те, которые еще младенцы? О младенцах мы верим, что их есть царствие небесное, по слову Христа Спасителя. Иисус Христос говорит: пустите детей приходить ко мне: их (?) есть царствие небесное, а дети были приводимы и приносимы на руках. Мк.10:13; Мф.19:13; Лк.18:15. А Давид говорит: из уст младенец и грудных детей ты устроил хвалу – Пс.8:3. Да и в городе Ниневии Бог обратил внимание на детей, – говорит: мне ли не пожалеть или не помиловать Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, которые не могут отличить правой руки от левой (Ион.4:11).

Еще обратим внимание наше на младенцев, что они были страдальцами в Египте, между которыми был сохранен Моисей, раб Божий. (2-я книга Моисея [Исх.1:22.](#) и [2:6](#)). Это было время избавления от рабства Египетского, а во время избавления нашего из-под ига греха, тоже пострадали избиением отроки от Ирода, ради кого же их избили и они так претерпели мучения? Они приняли мучения ради Христа, они из-за Него были умерщвляемы, поэтому их и благословляет Христос и говорит: не препятствуйте им приходить ко мне, ибо их Ангелы на небесах всегда видят лицо Отца моего небесного. [Мф.18:10](#). Поэтому и дети крещены, когда имеют участие в страдании, а когда они будут возрастать, то родители обязаны воспитывать их в учении и наставлении Господнем. ([Еф.6:4.](#) и [Притч.13:25](#)). Говорит Апостол: кто не заботится, особенно о своих домашних, тот отрекся от веры и хуже неверного. [1Тим.5:8](#). А обращенным из язычников собором Апостолов постановлено дело, чтобы не возлагать никакого ига, а только написать им, чтобы они воздержались от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать того другим, чего себе не хотят. Соблюдая сие, хорошо сделают. Будьте здоровы. [Деян.15:6–30](#). Благодать Господа Нашего Иисуса Христа со всеми Вами. Аминь.

**Михаил И. Психология таинств. Таинство
причащения // Миссионерское обозрение 1903 г. №
17. С. 851–867**

Я есмь хлеб жизни. (Говорит Иисус Христос).

Я хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за живот мира. Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни... Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя – истинно есть питье (Ин.6:48, 51, 54).

«Если б я менее был уверен в путях благодетельного о вас Промысла, я бы не осмелился говорить о сем действительно священном и высочайшем таинстве. Обращение со Христом, временем и навыком утвержденное, неминуемо производит к Нему любовь; любовь рождает желание соединения. В сем расположении сердца Христос предлагает нам с Ним соединиться, иметь одно тело, одну кровь! И сие соединение действительно не в фигурах и метафизических значениях, но самым точным пресуществлением совершается. Не смею писать более, хотя мог бы, кажется, по крайней мере желал бы писать и говорить о сем целый мой век и не писать, и не говорить более ни о чём. Прочитайте всю (разумеется не теперь, а по очищении) проповедь, которая в церкви читается пред причастием (она содержится в общем собрании проповедей, изданных на воскресные и праздничные дни); прочитайте ее со вниманием: вы ужаснетесь» (Сперанский).

Когда Господь Иисус Христос жил среди людей, творя знамения и чудеса, за Ним следовало множество учеников, чувствовавших, что учение Его хлеб животный. Но вот однажды Христос, желая испытать и веру, и степень разумения в учениках Своих, предложил им таинственное учение о плоти Своей, как истинном брашне, как о хлебе жизни.

Тогда многие из учеников Его соблазнились и отошли.

«Какие странные слова и кто может их слушать»? сказали они.

Не в очень давнее время ради тех же слов Христа отошел от Христа один искренний, но мало еще нравственно работавший над собою и потому *маловерующий* ученик Его. Только этот не просто отошел – отходя, он *заушил* Господа, бросил в лицо Господу Иисусу страшный упрек. «Царские врата отворились – рассказывает он, – священник прочитал: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос Сын Бога живаго... И сие есть самое пречистое Тело Твоё и сия есть самая честная Кровь Твоя»... И от этих слов ножом резнуло по сердцу, послышалась фальшивая нота. *Это жестокое, наглое требование какого-то такого, который, очевидно, и не знал, что такое вера*» («Исповедь» Л.Н. Толстого).

Это жестокое и наглое требование какого-то...

Граф... Вы ли забыли Христа или Христос забыл вас?

Разве вы не знаете – кто этот неведомый, предложивший такое «наглое требование».

«Он один Действователь и Совершитель всего в таинствах Его святой Церкви. Не этот же робеющий пред вами священник и не в своё простейшее имя он желал принять ваше громкое устное исповедание, и не к нему оно относилось, а прямо и единственно к Лицу Того, которого божественную плоть и кровь вы приступили вкусить и пить для теснейшего соединения с Ним в одно тело и один дух, и Он-то, живо и действительно присутствуя в Своём святейшем таинстве, желает принять то единственное, что вы по человечеству можете принести Ему, Богу: «Верую, Господи, и исповедую»... И этого-то Божественного Желателя веры вашего сердца, взамен всеотдающейся любви Его, которая подносит вам, как дар своей крестной смерти и воскресения, эту самую пречистую плоть Свою и эту самую истинную кровь Свою, чтобы вы приобщились очистительной силе Его страданий и Славе Его воскресения, вкушая то и другое под видами хлеба и вина, – вы Его-то укоряете в жестоком и наглom требовании, и Его-то учите знать: что такое вера?

И вы не смеее сказать, что ваши слова: «жестокое, наглое требование» относились к кому-либо другому, а не к Самому Христу. То, что вам приходилось «глотать», как вы

кощунственно выражаетесь, и что именно возмутило, – Оно было Его! Никто и никогда другой не дерзал произнести: «плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питье», и это истинная пища и истинное питье подносились вам рукой служителя и требовали от вас веры в принятии. Вы возмущаетесь и говорите: «Как Он может дать нам есть плоть Свою»? Что же, вы не первый. Вы только идете по стопам отступивших. Как выразительно верно слово Божественного Евангелия: «с кем сравню людей рода сего? и кому они подобны? Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни и вы не плакали»... (Кохановская).

...Приимите, ядите: верьте, что сие есть тело Моё... призывает Христос. Верую и исповедую, яко сие есть тело Твоё – отвечает священник. *Священник явно требует только того, чего требовал Христос, повторяет Его слова.* Отчего не ушли с тайной вечери апостолы, не бросили в лицо Христа тех же слов: «мы уходим, потому что Ты предлагаешь наглое требование, какого мы не можем вместить». Да, ради этих слов – как мы видели – многие отошли от Христа, но не отошли двенадцать, которые умели достаточно веровать и хорошо «знали, что такое вера».

Почему же однако требование Христа смутило теперь этого бывшего Его ученика? «Как действие, я принимал причащение», – пишет он. Что значит, что он принимал его, как действие? Очевидно, он хочет сказать, что с нравственно-символической точки зрения таинство причащения было ему понятно и приемлемо.

Да и странно было бы, если бы оно было непонятно с этой стороны. Таинство причащения слишком светоносно, чтобы можно было его не принимать. Достаточно уже остановиться хотя бы на том факте, что сектанты-рационалисты не отвергли обряда преломления хлеба. Мало того, даже те из них, которые отвергли этот обряд *прежде*, теперь снова вернулись к нему. Очевидно, что это таинство, по крайней мере, во внешней своей стороне, кажется нужным, глубоким, поучительным, святым

даже и тем, которые отвергают всякий обряд и внешность. Да и как же иначе? Что может сильнее выразить христианское единство людей, чем единение их в священной трапезе. И сам Л.Н. и один из его учеников, Н. С. Лесков, останавливались своим вниманием на этой стороне «любвонной трапезы». Им казалось чудной, истинно-христианской картиной, когда люди соединяются между собою в любви и в одной общей трапезе во имя Христово, когда они делятся одним хлебом ради Христа. В одной сказке Лескова («Христос в гостях у мужика») к этой трапезе приглашают Самого Господа Христа и Христос является на эту трапезу, приходит освятить единение в этой трапезе Своих учеников. «Идеже два или трие собрани во имя Мое – ту есмь посреди их». Эта картинка, очевидно, есть достаточно яркое оправдание моральной стороны таинства евхаристии.

В самом деле, вот в домашней церкви какового-нибудь христианина в Иерусалиме собираются вместе ради Христовой любви – ученики Христовы; – они вместе молятся, – читают Евангелие, потом объединяются за одной трапезой; в этом объединении растет их любовь, поднимается чувство единства во Христе и любовь ко Христу, объединившему людей за этой трапезой. Это агапы – вечери любви (аgаpі = любовь). Что может быть лучше, христиане, если позволительно так выразиться, этого момента единения? Где же быть Христу, как не здесь... (Мысль св. Кирилла Иерусал.).

Представьте же далее, что один из моментов агап перенесен в другую обстановку: вложен в рамку святых воспоминаний... «Сие творите в моё воспоминание»... И творят. Все мысленно переносятся в Иерусалим, в Сионскую Горницу. Все объединяются около Христа. Мысленно видят Господа, разделяющего хлеб и вино. Вот старейший во имя Его призывает: «приимите; ядите»... И все пред очами Господа – вкушают, причащаются от единого хлеба... В момент высшего объединения в воспоминании, – *реально объединяются* во вкушении от единого хлеба. Все от одного, от того самого, который предложил Христос на Вечере Великого Четверга.

Не должен ли этот отделенный момент «братской трапезы» быть еще священнее и выше самой трапезы – самых

первохристианских агап по существу?

В это время все причащающиеся действительно достигают апогея единения, сливаются в одну душу, объединяются со Христом до конца. Может ли не явиться Христос в эту Сионскую горницу, не прийти сюда и не вечерять с собравшимися во имя Его.

«Самое обыкновенное, привычное для нашего уха наименование этого таинства св. Причащением, Приобщением. Многие, вероятно, слышали, что в некоторых монастырях монахи между собою называют это таинство «сообщением»; почти это же значение имеет слово литургия, – общение, – взаимообщение.

Действительно, – «литургия», причащение св. Таин, общее молитвенное делание, общение верующих со Христом, а в Нём и между собою – во всём этом и заключается смысл таинства свят. Причащения; оно и есть «сообщение» одного христианина с другим в любви о Христе, это взаимообщение любви христианской, общение душ, объединение их во Христе.

Ведь человек по своей природе, как бы не был погружен в грех самолюбия, все-таки имеет неудержимое стремление жить для кого-либо другого, жить в обществе, жить сердечною жизнью в любви; вот это его доброе стремление Бог и освящает в св. таинстве приобщения – сообщения.

Но этого мало: в этом таинстве кроме этого указывается еще, что это стремление человеческое жить не для себя, а для других, этот идеал всех лучших людей мира и их стремление – видеть всё человечество объединенным и примиренным и любящим не есть самообман, хотя бы и благонамеренный, что всё это – не простые фантазии жалкого в своих благих порывах человека, а составляют действительное отражение на земле небесной вечной идеи бытия мира – о единении твари и Творца, в Его любви (ибо единственное чувство, способное объединить людей – это чувство любви).

Устанавливая св. Таинство причащения, Господь Спаситель наш и указал людям, что всякий раз, как люди не шутя, не на словах только, а сознательно и всеми своими силами захотят взаимно возлюбить друг друга и служить истине и Богу, – всякий

раз Сам Бог тогда приходит и освящает это их взаимное соглашение Св. Приобщением и удостоверяет, что их единение – не звук один, а несомненное, реальное бытие, указывает, что люди, служа Богу и истине, становятся между собою одним телом, как единым Телом со Христом (Ин.6:54). (А. Владимиров. О таинствах. 25–26 стр.)

Такова – идея Евхаристии. Очевидно, что с моральной стороны – она действительно, не только не представляет чего-нибудь не приемлемого, но и представить себе нельзя что-нибудь более возвышенное, чем эти «агапы». И потому, если Толстой когда-то «принимал это таинство – как действие», т. е. не только понимал, но и ценил, то это очень понятно, от светлого всегда светит и только при полной потере зрения люди не видят солнца: его видят и «почти» слепые

Страннее то, что после Л. Николаевич, и такое допустимое для него прежде толкование, назвал искусственным.

Я думаю, тут возможно такое объяснение.

Как мы знаем, вышеизложенное понимание смысла Евхаристии еще не включает в себе всей евхаристии, это понимание еще скудно и бедно. Л. Николаевич предчувствовал и другое «великое» понимание, даже кое-что издали знал о нём, и конечно, должен был отвергнуть даже «сектантский обряд» Евхаристии, чтобы отстранить *страшное для него великое, даже в его символе.*

Следовательно, откажись люди, от великого и таинственного страшного в Евхаристии, от того перед чем в страхе закрывают лицо своё ангелы, и Л.Н. Толстой примет Евхаристию. Отрицая её сегодня, он завтра введет её в свою литургию, почти без противоречий себе. Всё полухристианское ему приемлемо: оно не принимает только Христово.

Но какой отсюда следует вывод. Ясно что никак нельзя считать существенными наши предшествующие разъяснения.

Важнее остановиться на том, что отличает нашу «евхаристию» от сектантского преломления хлеба.

«Да», говорят сектанты, – Толстовцы и всякие другие, и скажет завтра сам Лев Николаевич, «я хочу быть в Сионской

горнице, и разделять хлеб и вино с Господом, но меня заводят куда-то дальше, требуют, чтобы я ел плоть и пил кровь».

Я, прибавит сектант, верующий в Господа Христа, как Бога, – принимаю хлеб и вино в знамение пролитой за меня крови Господней.

Иначе сказать, все готовы быть на вечери – «пить вино и есть хлеб», но достаточно этого; неужели Сионская горница, – это «сектантская идиллия братской вечери». Нет здесь *страшно*.

Здесь «святая кровь», Сионская «горница» тесно связана с Голгофой и не только Христовой Голгофой, как примут и пашковцы, но и с нашей личной Голгофой, «распятием каждой души человеческой».

«Хотите ли пить от чаши, которую я пью?»

«Хотим!»

Можете ли?... Знайте, что пить это вино, значит приобщиться в крови и плоти, значит идти на крест.

Можете-ли?... Поднимая чашу с вином, Господь призывал не помнить только Его, и Его *последнюю трапезу*, а идти за чашей.

На Голгофу... Чтобы причащаться Христу, быть с ним, должно проникнуться до конца идеей Великой Пятницы вместе с Христом, почувствовать боль греха и отвержение, за грехи мира, за злобу, и горе «яже на земли».

Мы видели, что такое покаяние? видели как мучительно-тяжел этот процесс нового рождения, совлечения ветхого человека, тлеющего в похотях телесных.

«Муки рождения ничто сравнительно с этой мукой рождения души». Но не без причины причащение у нас всегда следует за исповедью.

Евхаристия, только положительный завершительный момент покаянного процесса. Там отречение от «самости», ломка, самоумерщвление эгоистической совести, – здесь движение к положительному единению с Христом и людьми: слияние отрешившейся от самости души со Христом.

С этой стороны, причащение радостный момент покаянного процесса, созидательно творческий.

«Я скажу о себе», пишет один бывший толстовец, «что существеннейшим моментом в моём *самочувствии* была не исповедь, а причащение, после которого я ощутил в сердце *физически-духовное* горение, а за сим во мне пробудилась не то что жажда, а точнее радостная *готовность* разрешиться от тела... таким настроением преисполнена была душа моя весь день. Понимаешь: это было впервые в жизни, что я испытал *абсолютное* отсутствие страха смерти» (63 Новоселов. Искание Бога).

«После причащения», цитуем еп. Феофана, «*живу не ктому аз, но живет во мне Христос*», как пишет к Галатам ап. Павел. Что же это значит? А вот что. «Я умер», «но не с тем, чтобы мертву быть, а чтобы жить иною жизнью, совершеннейшею. Я сораспялся Христу (покаянием), и Христос, живой и в распятии, жизнью Своею меня исполнил: *стал жить во мне*. Теперь уже я не живу, но *живет во мне Христос*. Это не нравственно только, в том смысле, что я Ему всецело предан и всё ему посвящаю – и мысли, и чувства, и дела, и слова и внешнее моё всё, как и внутреннее, – ничего для себя не загадываю, всё для Него, – так что меня будто нет, а есть только Он во мне, и угождать Ему единственная моя забота; *но и самым делом, существенно, Он во мне*» чрез Евхаристию.

«Радость, нет муки. Я во Христе и Христос во мне». Однако было бы ошибкой думать, что здесь уже только пиитический момент принятия спасения.

Страдание дано и – здесь, как дано оно в акте «сострадания».

Очищающие слезы апостола Петра, – спасающее, возрождающее страдание. Это таинство покаяния. Но и Голгофа, заключая в себе отчасти – покаяние, муку грехами мира, – была тоже радостным «*страданием*», – страданием той любви, которая охватывает весь мир со всей его греховной скорбью, смерть выводит из гроба и воскресает с грешниками, грязными, опозоренными, сливается с людьми в их общих слезах и муках, убивает.

И вот к этому радостному страданию не по образу Петра, – а по образу Самого Распятого, призывает евхаристия.

Христос Господь зовет полюбить людей, вместить их всех в Свою сострадающую душу и войти в их душу до того, чтобы их страдание сознать, как Своё страдание, чтобы не замечать, не видеть, не знать Себя, живя в других.

Иначе сказать, как мы уже разъясняли не раз, («Христос на Голгофе», «Деятельно или активно христианство»), – Господь зовет перенести здесь около Святой Чаши именно то же страдание, сливающееся с воскресением, – какое принял за люди, за грех человеческий Он Господь, отдавший Плоть и проливший Кровь «за многие».

Такое требование не было требованием воспоминания. Оно должно было объять холодом смерти неготовое сердце... А кто готов, кто действительно принял бы настроение Христа, полагающее душу свою за люди, принял его скорбь греха и жажду *οὐσ-σωμος* – сотелесник всем людям, отдавшим им душу свою; над тем должно было, *необходимо должно совершиться* «чудо». Царство Божие должно было «явиться ему в силе»; «пия от плода лозного», он, освященный кровью собственного сердца, должен привиться к Лозе Христовой не воспоминанием, а фактически слиться с ним, не духовно, а всецело, ощущаемо, нераздельно стать «*οὐσ-σωμος*» и ему (1Кор.10:15–17).

И в Сионской горнице слышится шелест этих крыльев «чуда». Но, души еще не совсем готовы... «Пойду за Тобой Господи, на Голгофу, на смерть, вместе пролью кровь и отдам жизнь». «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня».

Это Петр, всецело веривший, что Господь имеет глаголы живота вечного.

А человек, плохо верящий этому, совершенно еще не понявший тайны самораспятия? Он не может не отойти... Он не может принять и вместить такого чуда, не может услышать шелеста его крыл.

«Жестоко слово сие».

– «Нет, снова отвечают нам: пока еще не слишком жестоко».

Слияние со Христом духовное, нераздельное, ощущаемое? – да пусть, но ведь это еще даже менее, чем лютеранство. А

пресуществление? обязательная вера, что Христос не *in pane, sub pane, cum pane*, а «тело его – хлеб», и «вино это кровь».

Конечно и Христа отвергли именно за то, что Он требовал веры в пресуществление (точнее «преложение», так как термин пресуществление не отеческий), веры хлеб и вино Евхаристии, как Его Плоть и Кровь.

Следовательно, – приходим мы к еще более ограниченному и определенному выводу, – смущает в таинстве Евхаристии то, что Церковь учит не о духовном только присутствии Христа, объединяющего верующих на вечери любви, или литургии, хотя бы даже реальным соединением с ними, но не во плоти и крови; смущает именно тот голос, который наше учение отличает не только от «символического» учения сектантов, но и от учения лютеран.

Здесь мы подходим к нашему «концу» и Толстовскому «началу». – Л.Н. Толстого возмущает «культ обоготворения плоти».

«Когда я подошел к дверям и священник заставил меня повторить, что я верю, что то, что я буду глотать...

Это жестокое, наглое требование»...

Л.Н. так кощунственно отзывается об этой стороне таинства причащения не один раз. Это требование, которое, как видели мы, «резнуло его по сердцу» и показалось ему наглым требованием, он в другом месте называет «соблазнительнейшим и бессмысленным обоготворением плоти». В своём «Воскресении», затем в книге «Разрушение ада и его восстановление» и во многих других сочинениях он смеется *циничным смехом стариков в рассказе «о Сусанне»* над странным (для него) обрядом, где «священник ест своего Бога» или «люди хлебают похлебку и верят, что пьют кровь своего Бога» и т. д.

Образ выражения графа во всех этих случаях настолько зол и бессердечно кощунствен, что его слова тоже «режут по сердцу» даже людей, привыкших и к толстовскому и всякому другому кощунству. Но, кощунство – старо: к нему нас уже приучили, хуже по малу и то, что *это искреннее кощунство, основанное на религиозном и богословном невежестве.*

Толстой борется против взгляда, – какого нет в православии; в его грубой передаче таинство пресуществления как-то слишком по-человечески *материализируется*. У Хомякова (т. I, 2–114) есть рассказ о том, как, в присутствии одного русского простеца-священника, один католический ксендз излагал учение о пресуществлении в обычном «материалистическом» католическом смысле.

«Да, ведь, он говорит о каком-то мясе Христовом», – сказал с ужасом священник по этому поводу. Действительно, у некоторых есть склонность представлять христианское учение о пресуществлении тела и крови как-то грубо материалистически, в том направлении, какое ужаснуло простеца-священника. Но, ведь, даже не нужно совсем глубоких богословских знаний, – как их не было и у священника, о коем речь, – чтобы оценить должным образом материалистическое учение католичества, понять, что православие о «таком» пресуществлении не учит. И когда Л.Н. издевается кощунственно над Евхаристией, то прежде всего ясно, что и он знает только это понимание учения о пресуществлении в том же материалистическом смысле. Разве Церковь когда-нибудь учила, *что хлеб таинства геометрически совпадает с Телом Христовым*, так что часть хлеба есть такая же часть Тела Христова? Церковь учит, что в каждой мельчайшей частице присутствует *весь Христос*. Уже это показывает, что тут *не может быть и речи о чисто-материалистическом учении*, в духе кощунственно-невежественных толкований Льва Николаевича. Даже какое-нибудь сравнение евхаристического тела и крови с телом и кровью в материалистически-геометрическом смысле будет искажением церковного учения, хотя мы и утверждаем, положительно и безусловно, что хлеб и вино обращаются в истинное тело и истинную кровь Христову.

Св. Церковь, благоговая перед тайной, – не хочет и обсуждать материальную сторону таинства. Но она всё же резко восстает против «антропофагии» в понимании Евхаристии, т. е. против того, что навязывает ей Толстой.

В пятом веке, известный ересеучитель Несторий, уча о разделении во Христе плоти человеческой от естества

божественного, естественно стал учить, что евхаристия есть вкушение «плоти», в таком же смысле, как понимал плоть католический собеседник простеца-священника.

Св. Кирилл Александрийский указал, что такое учение о вкушении плоти есть антропофагия. Плоть «преложная» в евхаристии отнюдь не равна плоти человека Иисуса, взятой отвлеченно от его Божества и, следовательно, не сравнима с нашей плотью. Тут в евхаристии не может быть и речи о раздробляемости Христа, «мы принимаем всего Его не в материальной тленной плоти, а как Слово Животворящее – в теле нераздельном с Божеством». (Соч. Кирилла Александр. «Против Нестория». Migne, т. 76, с. 189 и д.).

Интересно при этом, что, точно предвидя возражения Толстого, св. отец, возражая Несторию, отвергает его (Нестория) понимание, как культ плоти – обоготворение плоти. «Исповедуя под посланным плотью, Несторий на жертвеннике исповедует жертвоприношение человека, то есть исповедует нечестие язычников» – обоготворяя плоть». (Migne, t. 76, col. 203, 214. См. Пр. Соб., Июнь, стр. 709 и д.).

Но далее. Неужели же все-таки самое учение о вкушении тела и крови Христовой настолько безнадежно темно, что человеческий разум ни с какой стороны и никак не может подойти к нему, понять его? Конечно, так как здесь великое таинство и великая тайна, то нечего и говорить о каком-то полном и совершенном разумении. Такая попытка обязательно приведет к искажению церковной мысли в направлении опровергаемого Толстым католического взгляда. Однако мы смеем утверждать, что можно отыскать некоторые разъясняющие аналогии, которые показывают по крайней мере, что чудо пресуществления в известном смысле есть даже и вне учения о евхаристии.

Известно, что хлеб и вино творящей силой организма в нашем теле преобразуются, «предлагаются» в наше тело и кровь. Явно отсюда, что элементы хлеба и вина, внутренняя их сущность – метафизически тождественны.

Но если так, то что абсурдного, если та же сила, которая создала наш организм, и в нём преобразует «хлеб в плоть», –

та же сила уже *непосредственно* преобразует внутреннюю сущность хлеба и вина, «вещь в себе», *так*, что эти элементы войдут в наш организм как элементы плоти и крови (Христовой).

Эти самые элементы некогда прелагались в плоть Христа-человека и естественным путем. Теперь они прелагаются по тем же законам преложения одной сущности в разные формы видимости творческой силой Творца всех законов.

Это чудо, непостижимо? – Да, конечно, но это не первое чудо «преложения». Чудо, да. Но разве постижима сама феноменальная видимость хлеба и вина, разве не чудо, разве постижимо ежедневное претворение хлеба и вина в элементы нашей плоти и крови.

Подумайте. Что *в хлебе или вине* реально? Их вес. Нет. Вес не их свойство. Это выражение отношений физического тела (напр. хлеба) к силе притяжения. Вес вне тел, а не в телах. Если уничтожить внешнее притяжение – не будет и веса. То, что на земле весит пуд, – не столько весит на Сатурне.

Реальна их осязаемость? Но если бы за предметом – не было сопротивляющей среды, он не был бы осязаем.

Цвет и вкус? – Доказано, что это субъективные ощущения, которые в нас, а не в предмете.

Но если исключить эти мнимые свойства хлеба, вообще предмета, то остается бескачественный, непонятный нам, неведомый субстрат. Этот-то неизвестный нам субстрат хлеба и вина и в естественном порядке, по нечудесным и непонятым нам законам превращающийся в нашу плоть и кровь – здесь в таинстве евхаристии прелάζεται в плоть и кровь Христову.

Можем ли мы отрицать эту перемену на основании свидетельства зрения? Нет, здесь изменение произошло с сущностью, какой мы не знали: таинственное поставлено на место неведомого, а так как при этом поставленное на место хлеба слишком велико и ослепило бы нас, как солнце, то оно скрыто под прежней видимостью

Не можем видеть Бога и не умереть, а Бог здесь нам дает Своё тело не в смерть, а в жизнь.

Я прибавлю, что выше данное объяснение учения о евхаристии не принадлежит нам. Это объяснение

святоотеческое, свв. отцы постоянно останавливаются на том факте, что претворение хлеба и вина в тело и кровь Христовы явно аналогично претворению хлеба и вина в нашу плоть и кровь жизненными силами нашего созданного Богом организма. «Всякому известен, говорит Григорий Нисский, тот закон, что сущность, основу (ὀψόστασις) тела составляет пища; главную же пищей человека служат хлеб и вино, которые путем питания претворяются в тело и кровь. Бог Слово, вступив в единение с человеческим естеством, «обыкновенными средствами поддерживал существование тела Своего – пищей и питанием», причем хлеб уподоблялся Его плоти, так что «богоносное тело, принимавшее в пищу хлеб, в некотором отношении было с ним одно и то же». Таким образом простой хлеб, «претворившись» (μεταποιουθεῖς) в одном теле, принял «Божественную силу». «То же самое» говорит св. Григорий, «мы видим и ныне. Только ныне хлеб не ядением и питием входит в тело Слова, но чрез освящение словом Божиим и молитвою (1Тим.4:5) прямо претворяется μεταποιούμενος в тело Слова, как сказано Словом: «Сие есть тело Мое».

При этом св. Григорий Нисский обсуждает вопрос, почему в евхаристии мы видим хлеб, а не плоть. Св. отец объясняет это милосердием и снисхождением Бога к немощи человеческой, ибо в противном случае вид плоти (прославленной и светоносной) мог бы возбудить у человека чувство страха и ужаса.

Мы не думаем, конечно, ни уяснить, ни понять евхаристии до конца, в это таинство мы только верим и верим прежде всего потому, что это таинство открыл нам Христос. Он призвал нас верить, а мы не хотим отойти от Него, как те ученики, которые отошли, потому что им показалось жестоким слово это. Мы верим, что слово Его истинно, а, после того, как мы верим, это слово о евхаристии кажется нам не только истинным, а главной, необходимой для нас, нас просвещающей единственно истинной и подлинной поддержкой нашего духовного существования. Это учение единственно может поддерживать человека в борьбе его за Евангелие, за истину Христову.

«Развевается и призрак смерти от торжества этой трапезы Божественной жизни. Бог со мной и во мне; во всем можно усомниться, но не в любви Божией, какая живет в нас; а в ней – вечная сила и жизнь. Пусть разрушается мое тело, пусть рука смерти смежает очи мои, и пусть вокруг меня идет постоянная работа тления, – я вижу, что живу и буду жить; живу, потому что любовь Божия, какую поняло и почувствовало, какую насытилось и ожило моё сердце, есть единственно реальное и вечное бытие, – сущность, начало и власть жизни, без чего теперешнюю плотскую жизнь свою я считал бы умиранием; чем я жив теперь, то – от Бога, то будет живить меня вечно. Силою веры, чрез восприятие любви Божией в этом таинстве, любовь, добро и разум сливаются в человеке в великую и мощную жизнь духа. Эта жизнь, нерушимо утвердившаяся в духе и вызываемая к полному своему обнаружению не длинными и туманными философемами, а кротким и поразительно реальным выражением: «вот – Я, вот – тело Моё и кровь Моя, Я – в тебе и ты – во Мне», способна и в страшную минуту смертного смущения духа дать ему возможность ощутить силу, высшую всякой смерти и тления, уполномочивающую и при всеобщем разрушении миров воскликнуть: я живу и буду жить во веки!

Чаша Сына Человеческого – продолжение и утверждение в духе человека Креста Его, развитие в нём всеискупляющего духа Христа. Для восстающего грешника, для больной и страдающей совести нужны именно такое участие и ободрение, именно такой призыв именно такая любовь и власть, именно такое прощение, искупление примирение и вдохновение жизни.

Здесь дана сила жизни единственно истинному и всеобъемлющему мировоззрению и могущественнейшее побуждение к нравственной деятельности. Понятие о Боге, как Боге любви; о силе и степени Его любви здесь доведены до возможно крайнего для человека предела: здесь – вся сила влияния на сердце человека любви Божией и вся сила вечного приращения, преданности человека Богу; здесь – бесконечная цена личности и совершеннейший её покой и безопасность в Боге; а это всё только и нужно понять и ощутить

человеку, чтобы жить. Это – объединение смысла и целей жизни человеческой с жизнью Божией. Мы все – одно тело и один дух, ибо причащаемся единой Чаши, чрез которую сливается во единую преображенную по образу Божию жизнь.

С каждой Литургией нам больше и яснее открывается то, чем жив мир и чем живы люди, и когда осеняем Чашей преклоняющийся народ, – мы знаем, что в руках наших «жизнь мира», «жизнь вечная». Мы знаем, что если бы данное нам в Чаше Господней принесло полный цвет и плод в жизни людей, то мы были бы свидетелями дивной жизни «царства Божия, пришедшего в силе», где не было бы ни холода, ни голода, ни страдания и ужаса смерти, где «любовь Божия» осеняла бы просвещенное и умиротворенное человечество»... (Силин, Мир Евангелия и трагизм толстовства).²²⁷

«Нет больше муки в моей душе», пишет после причастия одна женщина, крещенная в детстве, но только через 25 лет узревшая Свет Христов: «и солнце, и небо, весна и природа, всё для меня, как и для других; любовь родных, близких и детей (моих учениц) всё вернулось ко мне, хотя могло казаться, никогда и не отнималось.

Я почувствовала себя в общении с Богом моим Иисусом Христом. Я теперь верю, что Он взял на себя грехи мира, что Он приходил на землю и был распят за нас всех и за меня, и искупил все прошедшие и будущие грехи людей».

«Чудны дела Твои, Господи!» «Да будет благословенно имя Господне отныне и до века!» «Все мне стало просто и ясно, всё, что казалось недоступным, и что я в глупой гордости своей хотела постигнуть умом».

«Теперь осталась одна радость, тишина и покой, но уже поднимаются и заботы о том, как сохранить себя и остаться достойным членом Церкви, не терять той связи с нею, какую я чувствую вчера и сегодня, – чувств благодарности и обязанностей, какие она налагает».

«О если бы ты познал», пишет другой обратившийся из толстовства, «сладость одного имени Иисусова, сладость того мига, когда Он в страшном таинстве причащения *вселяется* в наше сердце, и мы *ощутительно* опознаем, что Христос,

истинно воскрес, не умер, а жив... Таинство это после муки очистительной, благодетельной, целительной муки покаяния и исповедания грехов (при свидетеле-иерее, но первоначально в сердце), таинство причащения воистину страшно, ибо под видом хлеба и вина приемлем в свою убогую утлую храмину тела, храмину едва-едва подметенную, Самого Великого Бога, нашего Создателя и Промыслителя (Не чудо ли! Не страшное ли чудо)!

Да, чудо!

«Но обо всем этом», – заключу чужими словами, но от себя, – «говорю с великой робостью, боясь за тех, кому еще неприемлемо, как и Л. Н., «таинство таинств». *Может быть, согрешил я, что раньше времени говорю о том, что есть, для меня святое святых, а для них сомнительно страшно».*

Конечно, мы знаем, что нельзя доказать Евхаристии. Нужно сначала принять Христа в душу, а тогда примешь и поймешь тайну Благодатного причастия, приобщения Тела Христова.

Итак, уйдем ли от Христа, потому что Он «странные» говорит слова? Нет. Не отойдем, Господи. Ты имеешь глаголы, слова Живота вечного.

И. Михаил

Сеятели раскольниковьего заблуждения в своей подпольной литературе выработали определенный план наступательного движения на св. православную Церковь. Они или подтасовывают понятия и, выставляя за церковное учение явно нечестивые положения, обрушиваются на последние, и якобы на Церковь, со всею тяжестью библейских и святоотеческих цитат, сдабривая их плаксивыми вздыханиями и воззваниями к чадам «древляго благочестия», или же грубо позорят авторитетных стоятелей за православие. Образчик первого рода темных «писаний» мною показан был в разобранный уже книжке «о печати Христовой – знамения крестного». Автор её, отождествив крест и крестное знамение с двуперстием, поносит св. Церковь, якобы ругающуюся кресту Христову и похуляющую крестное знамение в жестокословных выражениях полемистов о раскольниковьей двуперстии. Образчиком отступнического писательства второго рода может служить книга, предлагаемая в настоящий раз вниманию наших читателей. Книга эта озаглавлена: «трехдневная беседа на св. Пасху Льва Феоктистовича Пичугина с синодальным миссионером Ксенофонтом Крючковым в с. Поиме Пенз. губ. о священнике». Под видом описания миссионерской беседы, произведенной в с. Поиме 16, 17 и 18 апр. 1902 г. о. протоиереем Крючковым с поимским безпоповщинским начетчиком Пичугиным, автор этой книги предлагает читателям пасквиль на синодального миссионера, как человека якобы отменно грубого, в писании невежественного и в своём уповании безответного. Пасквиль выдержан на протяжении всей пространной книги в 607 стр. и свидетельствует, как нельзя лучше, что о. пр. Ксенофонт Никифорович Крючков на указанной беседе сделал большое дело: не почувствуя поимские радители безпоповства беды для себя от этой беседы, едва-ли бы они поторопились сочинять такой широко вещательный пасквиль на о. Крюкова..., как некий пластырь, умягчающий раны, нанесенные безпоповству

заслуженным защитником православия. По «трехдневной беседе», о. Крючков будто бы только бранился, тешил публику «мужицкими» словцами и в конце концов, устав от ругани, сел и смолк, не будучи в состоянии оправдаться «в еретичестве», и Пичугин с братией с торжествующим «победихом, препрехом» кончили беседу. На самом же деле, как то лично рассказывали нам почтенный о. протоиерей Крючков и другие очевидцы и как можно судить по доставленной в нашу редакцию рукописи – описания действительной поимской беседы, поморский буеслов, Пичугин, потерпел на беседе полное поражение и «отъиде посрамлен»...²²⁹

Обратимся к содержанию раскольниковой книги. В книге до 14 л. предисловие; с 14 л. по 303 л. три отдела – по дням беседы.

I

В предисловии, с гектографированным портретом Л. Пичугина (вслед за обложкой), автор повествует об условиях беседы, составе и числе слушателей, характере собеседников и их сравнительном достоинстве и с особенным вниманием останавливается на восхвалении «ревностного защитника христиан и сильного борца с железною волею» Л. Пичугина...

Для характеристики раскольникового писательства и его вождедений считаю не безынтересным привести буквально некоторые места из предисловия. «Беседа, пишется там, по условию, должна бы вестись на церковной площади, где устроен был большой *ипподром*, но холодная и сырая погода была препятствием этого назначения»... Потуги на литературность с новопечатными и иностранными словами у раскольникового автора – не редкость и в редких случаях они уместны. Описывая обстановку беседы (происходившей в единоверческой церкви), автор останавливает внимание на «необыкновенном стечении публики» и местной и приезжей, «слушали беседу, пишет он: земский начальник г. Серов, местный пристав и другие лица, стоящие у власти... Речи и книжные свидетельства записывались в несколько рук, обоих собеседников, как лицами господствующей Церкви, так и старообрядческими-поморскими выдающимися людьми (как в

таком случае не поверить-де описанию?). Оба собеседника запаслись большим количеством книг, древнего и нового содержания, как и самой печати, *в особенности превышал* количеством книг древнего и нового выпуска Лев Феоктистович запас миссионера, который руководствовался больше «выписками Озерского». Лев Ф. руководствовался книгами *капитальными*. Миссионер Крючков вел беседу при помощи двух помощников... а Лев Ф. один без посторонней помощи (тем, мол, и славнее его победа). Миссионер Крючков собирался очернить старообрядцев, но на страже благочестия бодрствовал, с помощью Божией, Лев Феоктистович: в полном смысле этого слова, он *рвал* его хитросплетенные сети, как *паутину*, открывал устроенные западни и отражал нападения, как храбрый воин Христов... стоял, как твердый, неподвижный, и непреклонный адамант в своих убеждениях, чтобы защитить святую Русь – православных христиан-поморцев-безпоповцев от еретических лжеучений, и суеверий и обид. Он говорил: «пусть о. миссионер мечет в мою грудь свои ядоносные стрелы, которая у меня в защиту моей братии открыта; и сии стрелы я получаю ради своих собратий христиан старообрядцев. Для сего я беру пример с Христа, моего Спасителя... я могу сказать только сими словесы: «Отче Святыи! прости им, не ведут бо, что творят». Из самой беседы видно будет, насколько Пичугин следовал примеру Христа... и какую паутину и как он рвал... Само собою понятно, что рванье не паутины, а настоящего непрекращаемого божественного и святоотеческого писания о вечности трехчинного христового священства, пришлось по душе поморцам и они с искренностью, достойною лучшей участи, излились в своих панегириках Пичугину. «Приезжие из разных городов и селений христиане поморцы пожелали особо засвидетельствовать свою признательность к беседе на бумаге с приложением рук в следующем»: 16 апр., в праздник Св. Пасхи в 11 ч. была открыта беседа, на которую собралась такая *масса народа, какой нигде не было, да и не может быть потом* (уже поэтому можно судить, насколько серьезно и справедливо свидетельство «приезжих поморцев»!). Миссионер Крючков «сделал предложение о вечности» священства. Лев Ф-

ч предложение принял и разобрал свидетельствами пророческих, евангельских и святоотеческих писаний... и требовал от Крючкова показать это вечно-существующее священство налицо. Крючков не указал место, где оно. Это мы приезжие видели... 17 апр. Лев Ф-ч доказывал падение священной иерархии отчетливо и ясно, и покрыты были возражения миссионера доказательствами писания больше, чем было желательно..., а речи миссионера Крючкова были грубы и неровны, тем более ругательны, и производили отталкивающее впечатление на всю публику. 18 апр. миссионер пришел в церковь сердитый и злой, обратился ко Льву Ф-чу и сказал грубо: «я тебе больше двух часов говорить не дам». Потом начал читать из записанного заранее карандашом листа свою речь, читал из книг и говорил от себя совершенно посторонние предметы; затем, ничего не говоря, сел... Лев Ф-ч священство, защищаемое Крючковым Греко-российское и единоверческое фактически уличил в отступлении от благочестия, и громил его, как храбрый воин и неустрашимый борец, мечем божественных писаний и силою духа... он уличил Крючкова в трех римских ересьях и сказал: вот «смотрите теперь, иерархия вся налицо, и она пала, вы еретики!» Итак, мы собравшиеся христиане выносим из этих трех бесед торжественное впечатление! Радость наша была безгранична. Мы видели благодать Божию, покровительствующую нашего христианского защитника Льва Ф-ча Пичугина, чем он и доставил нам... своей блестящей победой над врагом высокоторжественную радость за оправдание нашей христианской веры... Дни такой радости и торжества *Христовой Церкви* и победа на *дьявола* мы... подписуем нашими собственными руками (следует 27 подписей).

За панегириком «приезжих христиан» следует «свидетельство поимских христиан», признавших за благо оставить по себе незабвенную благодарность Господу Богу за дарованную нам свою помощь... и Льву Ф-чу Пичугину за его великие труд и сомоотверженный подвиг по вере Христовой. В этом свидетельстве Поимский начетчик восхваляется, как «твердый заступник и храбрый поборник по истинной вере, который, как истинный воин Христов обличая лжу, гоня вспять

слепое заблуждение, попирая противные мысли, рассекая мечем духа злокозненные сплетения, держа высоко знамя христианския веры, уличил в преступлениях своего противника, как преступника преданий церкви». «Свидетельство утвердили подписом 114 человек во главе с «настоятелем Поимского христианского законно-брачного общества» Максимом Иванов Приваловым.

Приведенное славословие начетчику Пичугину в устах ... ных вполне понятно: безответному, но в то же время ... в своём заблуждении безпоповству больше ничего не остается делать, как восхвалять своих «неустрасимых борцов ... веруя в их напыщенное пустословие и боясь вникнуть в обличительные речи их собеседников.

Само собою разумеется, раз книга рассчитана на темную раскольничью массу, панегирики Пичугину вполне уместны в предисловии: простачки и всю книгу будут читать под углом предисловного зренья... Беспристрастный же читатель, даже и ...дец, который даст себе труд посерьезнее вникнуть в ... Пичугинской безпоповщины, по прочтении книги, с горькой улыбкой скажет только по адресу её издателей: и зачем было хвалиться, «идучи на рать» ...

В конце предисловия помещено «условие», написанное Крючковым: «я синодальный миссионер Протоиерей К. Н. Крючков обязанности моей, назначаю в с. Поиме, в религиозном духе беседу, апр. м. 16 дня с. г. во дни Светлая Пасхи, на которую должен явиться защитник поморского безпоповского убеждения Л. Ф. Пичугин... В силу такого божественного дела, мы должны вести беседу в один голос, в речах не препятствовать друг другу. Тем более я Протоиерей не должен взыскивать с моего собеседника, за его личные выражения мыслей, которые он должен употреблять согласно святого писания в защиту своего упования» (подпись). Верим, что такое условие о. Ксенофонт мог написать, как вынуждаются на это и другие миссионеры: дело в том, что адвокаты раскола без таковых условий в большинстве случаев отказываются вести беседы, ссылаясь на то, что православные миссионеры якобы «пресекают их речь» и предают их суду «за выражения от

писания»; а заручившись такими условиями и не имея чем защитить своего отступничества, «распускают язык» и без удержу несут голую брань на православную Церковь; сделай же миссионер попытку остановить пустословную ругань, оскорбляющую самые святыя чувства православных слушателей, расходившийся начетчик принимает победоносный вид: взывает к «добрым слушателям» и говорит о попрании «условия», а иногда и оставляет беседу. Правда, на некоторых беседах очередная речь собеседника ограничивается определенным сроком – час, полчаса и т. п., но и очередное время раскольничьи пустословы наполняют почти всегда одними хулами на православную Церковь и её служителей и таким образом, на законном, так сказать, основании ухищряются пропагандировать своё заблуждение. От подобных намерений нечист был, видимо, и Пичугин, судя по его «трехдневной беседе»; поскольку на протяжении всей многоглаголивой беседы «выражений согласно святого писания в защиту своего упования» у него, строго говоря, нет ни единого, а «выражений мыслей» «личных» пропагандистских – сколько угодно. Из беседы этого нельзя не заметить. Перейдем к самой «беседе», как она изложена в раскольничьей книжке.

II

Первая беседа 16 апр. продолжалась с 11 ч. у. до 7 ч. веч. Начал беседу о. Крючков. Он выяснил, что а) священство установлено Самим И. Христом (Благов. Лк. Зач. 95, Ап. зач. 153 Кор., зач. 224 Еф.) на тайной вечери (Лк. зач 150, Собор. л. 559 – слово И. Злат. на вел. четверток Евр. зач. 318), б) чрез таинство хиротонии оно продолжится до скончания мира (101 зач. Кор. и др.), – и в) без него нет спасения (Б. Кат. л. 358, 359 об., Кир. кн. 77 л.). Выяснив это, о. Ксенофонт поставил собеседнику вопрос: «Иисус Христос священство в церкви ... учредил вечно или на какое-либо время»?

Пичугин, умиленно пригласив слушателей быть судьями собеседующих, «как занимающих места защитников религиозного права... совершенно противоположного характера», ведет длиннейшую речь не на вопрос. Он благодарит слушателей «за высокое усердие», – что собрались

на беседу и из далека – для душеспасительного дела и пр. под. Помазав елеем пустословия «любезнейших и добрых слушателей», в вожделении подкупить их расположение, он доказывает, что «ключ ко спасению есть основная, твердая и правая вера в Бога», которую дьявол во многих народах искажил и т. п. Заявивши, затем, «сознательно» ... «поморцы священства подлинно не имеют» (22 об.), Пичугин распространяется об «обстоятельствах», почему именно они не имеют его. «Истинные христиане поморцы, проповедует Пичугин, избегают не хриstopреданного священства, а еретического» (...). Следуют избитые уже поморцами и бессильные в данном случае цитаты якобы о падении всего священства: Мф. зач. 10 «соль обуяет», ср. письмо Феод. Ст. 58 ч. 1), Благов. Мф. зач. 1... («вы есте свет миру... а еже не угаснути благодати сущей в вас на вашем подвизе будет се», ср. Беседы Апост. стр. ... и разглагольствие о том, что известные слова зач. 95 Лк. «куплю дейте, Дбндеже прииду» имеют только *приказательное*, а не ...словно пророческое значение. «Ныне, говорит Пичугин, пастыри уклонились в ереси... соль обуяла, – священство после числа 1666 стало преступным и не полезно не только Церкви Христовой ... ни в земли, ни в гнои: навоз хоть полезен под огурцы у крестьянина, а обуялая соль, т. е.. преступное священство и под огурцы не годится: следовательно, обуялое священство хуже навоза!» Слова Кирил. кн 77 л. и пр. под из старопечатных книг Пичугин истолковал в смысле обличения реформатов и сектантов отрицающих и. священство *вообще*, а не еретическое только, как то делают поморцы. «О. Крючков, говорит он, делает предложение о вечности священства одною стороною, т. е. стороною писания, с которым я совсем согласен, но он с намерением, как видно, умалчивает о стороне фактической; под словом факта я подразумеваю деятельную силу священства, или правоверия или зловерия; без чего писание будет только теорией истин... Пусть о. Крючков мне скажет, можно-ли держаться священства сомнительного по вере и есть-ли Христово обетование о вечности священства так буквально, как Он сказал о церкви: «Созижду церковь Мою, и врата адова не

одолеют ей». «Пусть не забывает и того о. Крючков, закончил свою речь Пичугин, что я требую показать налицо то священство, которое не погрешает против представленного им писания» (л. 21–43).

Всякий вдумчивый и мало-мальски знакомый с делом читатель поймет, что П-ин, на протяжении всех 44 стр. «беседы», на вопрос о. пр. Крюčkова ответа и не пытался давать: о. миссионер поставил вопрос ребром: на веки, т. е. до скончания мира, и второго пришествия Своего Христос учредил священство (истинное разумеется и необходимо нужное для спасения), или на известное только время? Начетчик вынуждался на два ответа: или – что священство Христово, истинно-православное, в трех чинах, пребудет в Церкви Божией до второго Христова пришествия, и тогда своё общество волей-неволей должен был поставить вне ограды Церкви Христовой – и спасения, – или же, что это священство в Церкви установлено только на *известное* время, что оправдывало бы безпоповщину, и на что, однако, ни в каком писании он оснований не нашел бы. Ни того, ни другого ответа в определенной форме от П-на мы не слышим: он ведет речь о возможности падения всего священства и своём гнушении священством греко-российской Церкви, как еретическим, хотя при этом и заявляет о своей вере в то, что священство, «потребно нужное во спасение», должно быть в Церкви Христовой, и «спастися без него невозможно» (Б. Кат. 358–9 об. «Беседы» л. 42 об.). Известные слова Писания – «аще соль обуяет»... раскольничий грамотей пытается истолковать в смысле пророчества о падении всей иерархии, но, само собою разумеется, без всякого успеха. Мы знаем, правда, что «обуяла апостольская соль» в лице Иуды предателя, «обуевала» соль и пастыре-учительская в лице еретичествовавших патриархов, епископов и пресвитеров: но чтобы обуяла вся иерархическая соль в Церкви Христовой, об этом не знаем, да и нет на тоне пророчеств, ни библейско-отеческих доказательств. Знаем, напротив, что Церкви «врата адова не одолеют» (Мф. зач. 67), что она не может быть без епископов (Марг. жит. 54 л. об.), им же «сопребывати до окончания века Христос обетование сотвори» (Кн. о вере л. 59

об.), а следовательно и то, что вся «соль» в Церкви Христовой обуять не может. В словах 95 зач. Лк. Благов. «куплю дейте, Дóндеже прииду», – обычно приводимых православными миссионерами в доказательство вечности иерархии в Церкви Христовой, Пичугин видит только *приказание*, которое может де и не исполниться; но, по понятным причинам, не обращает своего внимания на слова того же зачала в Благовестнике: – «внегда возвратится Ему... се же есть *второе Его пришествие*, егда явится царем... Тогда бо и дары приемшиа рабы слово действовать *обретаются*: ов убо *многи* пользовав, и десятицею усугубив дар; ов же пользовав меньши, и то усугуби»... По этим словам Благовестника, рабы, коим заповедано – «куплю деяти», т. е. церковные иерархи, будут *обретаться*, «многи» или «меньши» «пользовавшими», до *второго пришествия* Христова; и было бы противно Божественным обетованиям о церковной неодоленности от врат адовых думать, что в Церкви Христовой настало уже время, когда *все* рабы, получившие и десять и пять мнас, «обленились» и не творят спасительной «купли».

С этой позиции о. Крючков и поражал заблуждение своего собеседника, пользуясь богатым запасом оружия из своего миссионерского арсенала. В «беседе» доказательства о. Крючкова намеренно стушевываются и выдвигаются на вид больше выражения ревностного негодования на П-на, каковыми он будто бы только и оборонялся.

Для характеристики фальсификации миссионерских бесед на раскольничьем гектографе позволим себе привести попутно несколько выдержек из «трехдневной беседы».

– «Про священство, о котором я спрашивал, возражал о. Крючков, П-ин нам ничего не сказал, он только клеймил *наше* священство, которое он рано еще стал опровергать... Какой он лукавый! пустослов он и больше ничего... Он от нас не уйдет такой пустослов!»

Опровергнув с наглядностью разглагольствие П-на о «соли обуявшей», и показав, что *вся* соль не обуяет до скончания века, о. Крючков остановился, между прочим, на выяснении того, что «обуявшую соль» в Церкви Христовой иссыпали по св.

правилам: апостола (Иуду) – апостолы, епископов и пресвитеров – епископы (12 пр. Карф. соб.); в безпоповщине же, что несообразно ни с каким св. писанием, «мужики» извергли якобы всю иерархию... Выяснения о. Крючкова настолько не пришлись по вкусу П-ну, что он, забыв «условие», стал перебивать своего собеседника.

– «Отец, спрашивает он о. Крючкова, когда Иуду иссыпали, когда он жив был что-ли?

– Крючков. А ты сиди!...

– Это ведь нужно узнать, когда его из апостольского лика иссыпали? Когда он удавился что-ли?

– А ты слушай, что говорят!

– Отец! вы говорите, что Иуду иссыпали апостолы, но в то время Иуда уже был сташен с петли! Что вы наговорили, образумьтесь (публика вся обратилась в смех и неутешно смеялась над проповедью (Крючкова)).

Судя по «беседе», смеха достойна была проповедь не о. Крючкова, а именно Пичугина: его спрашивают вечно-ли Христово священство? А он отвечает, что поморцы удаляются еретического священства (о чём нет и вопроса), – толкует об иссыпании соли, а чтобы самому без священства Христова не воссмердиться, об этом и не думает... Это, к примеру, похоже на следующее: меня спрашивают, – есть-ли у меня деньги, необходимые для жизни, а я отвечаю: я боюсь фальшивых денег... В разборе Пичугинского ухищрения, что в словах Христа – «куплю дейте, Дóндеже прииду» – только приказание, видимо, солоно досталось поимскому начетчику от о. миссионера. Чтобы сбавить, так сказать, значимости доводов о. Крючкова, автор «трехдневной беседы» старается изображать речь и даже жесты почтенного о. миссионера в несомненно извращенном виде:

«Крючков, (взойдя в горячность(?), в порыве гнева закричал?) Пичугин сказал, что это «куплю дейте» сказано приказательно! Как это еще приказательно! Приказательно! нам еще свои выдумки начал рассказывать! приказательно! раз сказано Самим Богом, то и перетолковывать нам тут нечего. Значит Сам Бог говорит, а не лукавство Пичугина! и поэтому дело кончено!... Пичугин научает это приказательно... Это

страшно и подумать!... сие слово безбожное! нашел какое-то слово «приказательно»! (привед. зач. Лк. 107, Мф. 101; Толк. псалт. пс. 109; Апост. зач. 317; Толк. ап. л. 996; Бесед. ап. л. 2940). Слушайте, старообрядцы, как ваш учитель П-ин лжет! и до какого учения он вас доводит! Это ужасно! такое учение незаконное и еретическое!... Кто евангелию всему не верит, те общества хуже бесов и поморцы в настоящее время – хуже бесов... Это – самая дьявольская и сатанинская мысль и учение, что якобы священство не вечно... Пичугин должен сказать нам, что Христом учрежденное священство на тайной вечери будет-ли вечно? а не о нашем священстве говори. Да еще скажи: кто вам дал право – вашим отцам так руководиться и обличать нас и всё священство! вы сами то лютеране! у вас, как и у лютеран выбираются пасторы простыми людьми... (Обратясь к старообрядцам с накипевшею?) (от гнева на сердце злобою Крючков закричал усиленно, показывая на них рукою) вы чистые лютеране! Даже хуже! И вот он сидит (указывая несколько раз пальцем напротив сидящего смиренно(!) настоятеля) самый лютерашка!... вот он!...».

В ответной своей речи Пичугин ведет длинный разговор о мнимом еретическом грехе греко-российского священства, как причине неимения безпоповцами иерархии, – как будто и в самом деле ересью одного можно оправдываться другому! Ссылаясь на Маргар., сл. 6 на Иудею, и «Злат». в нед. 15 всех Св., он доказывает, что заповеданную Христом «куплю» может теперь деять будто и протестант без православного священства (л 61 об. «Беседы»). Греко-российское же священство, по его словам, это «не слуги Божии, а антихристовы таинники и обманщики»... Он обвиняет его в неискренности И. Христа «в плоть пришедша» (Иоан. пос. зач. 75) и заражении посему ересями – Карпократа, Евиона и Аполинария и т. п. Поморский же толк, как хвалит своё болото Пичугин, вне всякого подозрения касательно чистоты его веры.

«О. Крючков, говорит Пичугин, назвал старообрядцев «лютерашками»... Но уста его при нём суть, кто ему Господь? Жалкий термин, могу сказать, сорвался с языка миссионера-протоиерея. Я уверен, что он хорошо и сам знает, что у нас нет

ничего общего с лютеранами... Он прибегнул к непохвальной терминологии... ругательств и поношений!.. Но это у него должно быть в порядке вещей» (лл. 79 об. 80).

После протяженно-сложенной речи со всякими излишними цитатами о лютеранах, Пичугин, на вопрос – вечно или не вечно христопреданное священство – сказал:

«Вечна только истина, вечно истинное учение... вечно и священство, но то, которое находилось в пределах истинного учения, вечно и его истинное учение, как учение Христа, с тем священством пребываем неразрывно и мы, и их ради истинного учения терпим ныне по вере великую нужду (прив. Сим. Сол. 23 гл. л. 41–42; Беседы ап. см. стр. 3114; 15 пр. пер. вт. сов. и др. «Бес.» лл.93:95). А. о. Крючков подлинно весь в клятвах, как овца в репьях... мы святое евангельское священство лобызаем, заповеди и учение его храним, не общаемся же священству еретическому, дабы вместо Христа не принять антихриста... По словам Зл. (Ап. Беседы стр. 2552), аще кто верного священника удаляется, погибает, но погибает и тот, кто идет за еретиком священником (л. 99 об. «Беседы»)... Так как я имею состязание со священником, то мне и интересно знать, с кем я имею счастье говорить – с православным священником или с еретиком»?

Итак, Пичугин, после всяческой путаницы понятий, ответил, что священство евангельское вечно и что поморцы с таковым священством пребывают. У читателя «беседы» естественно рождается вопрос: что же это за евангельское священство у поморцев? По словам Благов. Лк. 95 зач., вечное существование обетованно священству в трех чинах. Каково же поморское священство и где оно? Ужели поморцы «неразрывно пребывают» со священством *покойным* уже и им окормляются на *житейском* море?!... Думается, и сам П-ин не верил в своё пустословие об евангельском священстве в поморщине и потому, чувствуя себя на беседе, как на иголках, поминутно прерывал обличительную речь о. миссионера, чтобы отвлечь от ней внимание слушателей (и читателей беседы) и завязать беспредметную перебранку... Доказывая неосновательность удаления безпоповцев от церковной иерархии, как противо-

канонического суда мирян над пастырями (Карф. соб. 12 пр.), о. Крючков, по «беседе,» снова ссылается на Деян. зач. 2-е, – что Иуду «иссыпали» и сняли с него епископство апостолы, а не мужики.

Пич-ин. Чего с Иуды епископство снимать, когда он уже удавился, его и стащили; я который раз вам, отец, повторяю.

Крючков. Молчи, ты болтун! пра болтун!

Златоуст глаголет в четверток 4 нед. поста: «аще кто не причащается и случится ему смерть, лучше бы ему не родиться». И Пичугин похож на Иуду, – что ему сказал Христос? – лучше бы ему не родиться! За то, что не причащается. И Пичугину надо оправдать было Иуду, что он якобы не был осужден.

Пич-ин. Отец, где записаны слова во Евангелии, сказанные Христом об Иуде: «добро бы было Иуде, аще бы ему не родиться»?

Крючков. Опять придирается! Найдем! Эка чудо какое, все везде ловит и ко всему привязывается! Ты говорил, мы молчали. Ну и ты молчи (следует обличение раскольников, не исполняющих «вся елика заповедал» Христос – Мф.116, оправдание текста «во плоти (вм. во плоть) пришедша», и опровержение пичугинского толкования, будто в «Апост. бесед» на 317 зач. и «Толк. Ап». на это зач., как и на 77 л. Кир. кн., говорится не о вечном Христовом священстве, а о Христе)... Пичугин страшный лгун! Экой лгун!... как ему не грешно! Это страшно и подумать, что священство учреждено Самим Богом безусловно, и с клятвою подтверждено, и оно будет не вечным! Это заметьте, что Пичугин налгал! Это страшно даже слушать! Ему не верьте, он отуманивает вас своим учением! Мы всю его ложь опровергнем (прив. кн. о вере лл.59:60).

Пичугин. Отец, вы говорите, что Христос Апостолам Своим сказал, чтобы быть им вечно?

Крючков. Да!

Пичугин. Я так и запишу.

Крючков. Вот, блаженный Иероним что говорит в 27 посл. к Маркеллу: «у нас место Апостолов занимают епископы».

Пичугин. Отец, какая эта у вас книга, покажите мне вашу книгу.

Крючков. Опять придирается! Какая книга! Вот какая, на, возьми!

Пичугин. А... это книга купца Озерского, выписки? А вы отец потрудились бы читать из капитальных-то книг, а не из выписков разных купцов... Вот, добрые слушатели, какими книгами руководствуется о. Крючков!...

Крючков. Эка все не по-ево, я тебе не указываю, когда ты говоришь, что же ты делаешь?

Пичугин. Отец! Вам должно говорить публике правду, что верно вы читаете из книги бл. Иеронима, а вы это солгали и утаили от слушателей книгу, и читаете не Иеронима, а книгу купца А. Озерского; так делать грешно!

Крючков. Пичугин читал из Бол. Соборника, Ипполитово слово, что пастыри волцы будут... и показывал, что на нас это слово лежит, но всё это он вырабатывал из своей головы (следует – разбор Ипп. слова и показание того, что и при антихристе будут священники – истинные). Он чистый молоканин... мысль его лютеранска. Ты (обратись к Пичугину) лютеранин? О таковых говорит Иосиф Вол.: «таковые всех неверных невернейши есть и пиже христианин может быти»...

Пичугин. Отец! какая это у вас книга, из которой вы читаете?

Крючков. Опять не по-ево! Молчи! Что же ты не даешь мне говорить-та.

Пичугин. Вы опять читаете из Озерского! Вы мне найдите в той книге, которую упомянули...

Сославшись на 19 пр. в вс. соб. в толк., о. миссионер продолжает, по раскольничьей книге.

«Епископы должны учить благочестию людей, а не простецы мужики. С чево только он взял говорить так Пичугин, чтобы оставить священство, а мужикам вручить учить люди! Да и мало того, он еще сказал, что де он будет, и в будущей жизни увидится с Христовыми истинными священниками, а от нынешних отказался! Это есть богохульство!... В грехах без разрешения епископа никто не взойдет в жизнь вечную! «Иже

Церкви Божия и причастия себя Св. Христовых Таин удаляюще, врази Божии бывают, о бесам дружи» (Б. Соб. л. – 118). Вот и старообрядцы и в будущей жизни будут видаться с дьяволами и с бесами, а не с православными епископами, за то, что отвергают нынешнее священство... Пичугин говорит, что наше священство есть не самим Богом учрежденное, а никоновское! Так говорить простительно одному извозчику. Где у Пичугина стыд! Как ему не грешно! А... прямо дело у нас священство никоновское! У нас и раньше Никона было священство, оно начало приняло из греческой церкви. Вот чего он выдумал сказать! Что ты нам ни говори, и как нас ни называй, а я опять повторять тебе буду. «Скажи нам, – что священство, учрежденное Иисусом Христом на тайной вечери, будет-ли оно до скончания века?»

Этим вопросом о. пр. Крючков и закончил первую беседу. Раскольничий «списатель» всячески ухищрялся в «трехдневной беседе» унижить авторитет опытейшего и грозного миссионера: текстуальное обличение им безпоповщины он приводит ... вскользь и не сполна; с особым же усердием оттеняет ... подробностях словопроизношения, вынужденные выражения протоиерея, воображая тем уронить значение действительных, из Писания и св. отцов, доказательств того, что безпоповщинские общества – «без епископа не земледелие Христово, а семя вражие» (Игнатий Богоносец). Обличительная речь о. Крюčkова, как она говорена и так, как повествует о ней мало знакомый с ней подпольный раскольничий гектограф, т. е. не очень ла... она сказана или от Писания или на основании Писания: Крючков – враг голословия. Ласкательствовать, голословить пазировать пред отступниками – доля тех, кто в себе и своем уповании не чувствует силы и равнодушен к вековечной ... святыне – православию. Тех, кто мог-бы смущаться резкой обвинительностью о. миссионера, мы бы отослали к обличительным речам Христа Спасителя (напр. 23 гл. Мф.), Св. Апостолов и Св. Отцов. Кто ревнует о св. вере, защищает её пред простым народом, не отшлифованным под гнилую деликатность, кто ревностно обличает балаганных апологетов раскольничьего общества, потерявших веру

Христову и продающих своё дутое пустословие и сожженную совесть за сребренники, в речах указанная обличительность вполне естественна и понятна... Как ни похвалял раскольничий писатель «беседы» своего начетчика, как ни «мыл эфиопа» Пичугина и ни чернил о. Крюкова, первая беседа оставляет такое впечатление: о. Крюков доказал, что Христопреданное священство – в трехчинной иерархии пребудет, по обетованию Христову, до скончания мира и второго Христова пришествия. Опровергнуть этого Пичугин не мог, как равно и того, что безпоповщинское общество есть «семя вражие» (Игн. Бог.) и ... христианского имени (Сим. Сол. гл. 77, Ап. Беседы стр. ...). Пичугин соглашался, что, «по строке писаний», без ... священства человек спастись не может. Но в безпоповщине доказать это священство не смог, да и никому другому доказать его там невозможно, поскольку его там нет.

Проследим дальнейшую апологию безпоповщины в пичугинских речах.

Н. Гриняк

(Продолжение следует).

Из записок и дневников

Платонов М., свящ. Открытое письмо к Л.Н. Толстому. (Ответ на «Обращение к духовенству») // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 883–891

I

Лев Николаевич!

Я только что прочитал ваше «Обращение» и считаю своим долгом ответить.

Вы пишете: «Кто бы ни были: папы, кардиналы, епископы, суперинтенденты, священники, пасторы каких бы то ни было церковных исповеданий, оставьте на время свою уверенность в том, что вы, именно вы, единые истинные ученики Христа Бога, призванные проповедовать его единое истинное учение, а вспомните о том, что вы прежде всего люди, т. е. по вашему же учению существа, посланные в мир Богом для исполнения Его закона».

Я не «папа, ни кардинал, ни епископ, ни суперинтендент», я православный, русский священник, ни за пап, ни за кардиналов говорить не буду, отвечаю преимущественно за себя и исключительно от себя.

«Вспомните это и подумайте – продолжаете вы, – что вы делаете? Вся ваша жизнь посвящена тому, чтобы проповедовать, поддерживать и распространять среди людей учение, по вашим словам, отрытое вам Самим Богом и потому единое истинное и спасительное».

Согласен исполнить вашу просьбу: я «на время оставляю свою уверенность, что я единый, истинный ученик Христа Бога», помню лишь то, что я «прежде всего существо, посланное в мир Богом для исполнения Его закона». Я спрашиваю сам себя, что я делаю? и нахожу, что моя «жизнь посвящена тому, чтобы проповедовать, поддерживать»... и прочее, только лишь вами продиктованное.

Вы правы.

«В чём состоит это, проповедуемое вами, учение?» – спрашиваете вы и сами же отвечаете: учение ваше признается

вами вполне точно выраженным в символе веры, установленном на Никейском соборе 1600 лет тому назад»

Безусловно согласен с вами.

Я очень рад, что проповедуемое мною учение вы признаете не самовольным моим измышлением, но общим верованием всех христианских народов в течение 1600 лет (а по моему 1900).

Я не одинок в своей вере. Целых 1900 лет миллионы людей веровали и веруют подобно мне. Это служит мне огромной гарантией надежности моей веры. 1900 лет христианская вера исповедуется одинаковым образом. Не было времени, не было дня, со времени земной жизни Основателя христианства, когда бы Его учение было иным в той церкви, к которой принадлежу я. 19 веков существует моя Церковь, 19 веков «реки» язычества и «ветры» всевозможнейших учений, не исключая и подобных толстовскому, бьют её, разрушают, ломают, а она стоит могучая, невредимая, спокойная.

Церковь пребывает непоколебимой, ибо она основана на камени. Камень же был Христос. Мне нечего сомневаться, беспокоиться и бояться за будущее. Сам ад не одолеет Церкви, созданной на Сем Камени.

Вы отвергаете, Лев Николаевич, этот Камень.

Вы воюете с Ним. Напрасный труд. Камень напоминает Собою весь мир, а вы думаете поразить Его своими жалкими усилиями.

О, ничтожный воитель!

Но вернемся к «Обращению».

Вы говорите, что христиане признают 12 членов символа веры, в котором выражены «основные положения истины, открытой Богом». Правда. «Хорошо! заключаете вы. – Вам открыта Самим Богом единая, спасительная для людей истина. Людям свойственно стремиться к истине, и когда она ясно передана им, они всегда с радостью признают её и руководятся ею. И потому для сообщения людям вашей истины, казалось бы достаточно просто и ясно, устно и печатно разумным убеждением передавать эту истину людям, способным принять её».

Так я и делаю. Насколько могу «просто и ясно, устно и печатно передаю христианскую истину» своим слушателям и читателям. Других способов мне не предоставлено. Так же делают и прочие известные мне священники.

«Как же вы проповедуете свою истину?» Задаете вы вопрос и вместо того, чтобы выслушать вышеприведенный правдивый ответ, торопливо замечаете, как нехорошо «преподавали эту истину мои предшественники». Я за «предшественников» не отвечаю, истина не теряет своей истинности от нехорошего «преподавания».

«С тех пор, как образовалось общество, называющее себя Церковью (оно образовалось при жизни Г. И. Христа), ваши предшественники преподавали эту истину преимущественно насилием». Неужели и И. Христос и апостолы действовали насилием?

«Они (предшественники) предписывали эту истину и казнили тех, которые не принимали её». Это не в первые ли триста лет распространения христианства, не при Нероне ли, или Диоклитиане? Неужели тогда христианские священники «преподавали истину насилием, и казнили тех, которые не принимали её»?

«Предшественники... казнили» – значит, и я казню?

Уверяю вас, я действую только словом, а не насилием.

«Предшественники... казнили», – значит ли отсюда, что исповедуемая мною истина не может быть признана истиной?

«Средство это (казнь за неприятие истины), очевидно не соответствующее своей цели с течением времени стало менее и менее употребляться». Сделает ясный и простой перифраз.

«Средство» – казнь, «цель» – истина. «Средство не соответствующе цели», т. е. проповедуемая моими предшественниками истина не только не была повинна в употреблении казни, но и не находила в ней соответствия (проще – отрицала её)? Поэтому оно (средство это) «стало менее и менее употребляться (кем? – предшественниками; следовательно, они стали более благоразумны? отлично!) и употребляется теперь из всех христианских стран, кажется, в одной только России».

Я русский священник, но снова уверяю вас, я никогда не прибежал ни к насилию, ни к убийству; и никогда не слышал, чтобы на русских священниках или епископах лежало право и обязанность «мучить, убивать, сожигать» не принимающих истины.

Сопоставляя ваше обвинение с теми хулами, которыми вы безнаказанно позорите Христа и Церковь, и от которых сердце обливается кровью и волос становится дыбом, – я считаю вас не столько клеветником, сколько человеком; ревнующим о собирании фраз, самых злобных, самых оскорбительных для христианина.

Сколько лет вы издеваетесь над русским народом, над его верой, над его Церковью, сколько лет вы богоборствуете, сколько людей вы растлили своим лжеучением, сколько растленных вами в свою очередь соблазнили прочих, никто вас не трогает, – и вы, все-таки, кого-то уверяете, что в России употребляются казни, убийства, мучения за непринятие истины!

И вам не стыдно?!

II

Вы осуждаете, Л. В., те средства, которыми духовенство преподает исповедуемую им истину. Первым таким нехорошим средством вы считаете мучение, убийство, сожигание, которые, по вашему мнению, употребляются в настоящее время в России. Насколько справедливо ваше мнение, я возражал в первом письме.

«Другим средством, пишете вы, было (и есть?) внешнее воздействие на чувства людей посредством торжественной обстановки, картин, статуй, пения, музыки, даже драматических представлений и ораторского искусства, – оно даже стало менее и менее употребляться, особенно в протестантстве».

Что же, это «другое средство» тоже предосудительно? Если да, то почему же вы, для распространения своего учения, так неутомимо «воздействуете на чувства людей» – сочиняете романы, сказки, легенды, драмы, комедии? Остается только вам самим вскочить на театральные подмостки. Вам можно? Вам всё можно. Вы можете писать двумя руками. Вы только лишь сказали, что «людям свойственно стремиться к истине, и,

когда она ясно передана им, они всегда с радостью признают её и руководятся ею». Если «людям свойственно с радостью признавать истину», то почему её нельзя с радостью же и исповедовать, радостным голосом, при радостной обстановке? *Какая женщина. имея десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно пока не найдет. А нашедши, созовет подруг и соседок и скажет: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму (Лк.15:30).* Как естественна и понятна эта радость. Но когда Церковь созывает к себе своих чад, с умилением показывает им драгоценную «Жемчужину». в ликующих звуках и словах выражает свою радость, приглашая к тому же собравшихся, – это вам кажется делом нехорошим. Почему? Ужели сочинять и читать сказки про Ивана дурака, про первого винокура лучше, согласнее с достоинством истины?

В православных храмах нет ни статуй, ни музыки, ни драматических представлений, поэтому защищать и касаться их не буду. Но что дурного в торжественности нашей церковной обстановки, в пении, в одушевленной проповеди?

И то, и другое, и третье есть прежде всего не средство, а внешнее выражение нашей внутренней радости. Будь сильнее наше религиозное чувство, наша *радость о Духе святе*, обстановка была бы еще торжественнее, пение и проповедь одушевленнее. Иначе и быть не может. Нет ни одной религии без внешней обстановки, без наружного выражения. Если бы вы даже убедили людей признать это выражение дурным, вредным, искоренить его было бы делом невозможным. Когда человеку грустно, он плачет; когда смешно – смеется; когда он весел, все видят, что весел, когда печален, все видят, что печален. Точно также и Церковь. Она *не может* сохранять внешнее бесстрашие при внутреннем одушевлении, *не может* не выразить своих чувств в соответственных формах. И какая нужда скрывать их? Какая необходимость скрывать под ледяной оболочкой святые порывы души? Не для того ли, чтобы они не сообщались прочим? Не для того ли, чтобы предохранить людей от внутреннего восприятия истины? Но, ведь, это не только нелепо, ни и в высшей степени опасно. Всё, что мы

видим и слышим, непременно воздействует на наши внешние чувства. Ни одно живое слово, ни один жест, взгляд не остается без «воздействия». Только лишенный способности славы и движения не может воздействовать. Уничтожить взаимное воздействие одного человека на другого можно только уничтожением всякого внешнего проявления внутренней жизни. Но такое уничтожение равносильно уничтожению человечества, чего вы Л. Н., когда-то и добивались; но так эта затея, достойная Калигулы, пока для вас неосуществима, вы бросаете петлю на истину. Истина не должна воздействовать на внешние чувства; истина не должна иметь другого выражения, кроме словесного; истина должна восприниматься исключительно рассудком; истина должна быть мертвым термином, подобным тем, из которых состоит таблица умножения.

За что, Л.Н., такая немилость? Чем вас обидела истина? За что вы гоните её с глаз долой? Ведь, вы лишаете её последнего угла, где она до сих пор проявляла себя. Значит вам желательно, чтобы не-истина заняла собою всю арену мира, что бы право на внешнее выражение составляло привилегию зла. Другими словами, вы не только *не противитесь* злу, но сочувствуете, содействуете ему, разрушая пред ним все преграды, созданные для охраны истины. Пусть животные инстинкты по-прежнему смело проявляют себя; пусть народ растет, множится, живет, не опасаясь упрека в воздействии; пусть силы адавы – неверие, ложь, злоба, – приобретают прозелитов; *не противьтесь* злу; мир должен быть к его услугам. Пусть блудники и блудницы всеми средствами и способами растравляют нечистые страсти; пусть миллионы зрителей, с затаенным дыханием, созерцают в театрах картины похоти, бесстыдства и злодейства; пусть хищные волки и львы терзают и пожирают всех встречных, – это ничего, это можно, это заслуживает поощрения. Но если Церковь возбуждает в верующих святые, возвышенные чувства; если она обращается к чувству, к сердцу, к воле, если представляет верующим душам образцы любви, терпения, целомудрия, смирения, благоговеинства, – вам кажется, она поступает дурно. Почему? Чем скажите, пожалуйста, тревожит вас «торжественная

обстановка» православных храмов? Что вы находите нетерпимого в этой обстановке? Внешнюю обширность храмов? Но она необходима для множества верующих. Красоту, богатство украшений, особенности архитектуры? Но всё это находится в исключительной почти зависимости от культурного и материального состояния чад Церкви. Быть может, вам ненавистен храм, как место религиозных собраний? Но храм существовал всегда, у всех, везде. Храм служит лучшим выражением и напоминанием истины единства человечества равенства пред Богом.

Или вам ненавистно многолюдство церковных собраний? Ненавистно именно тем, что малодушные, маловерные неофиты, колеблющиеся, при виде тысячи молящихся, укрепляются в вере, в истине, в добре. Да, храм имеет огромное влияние на сближение людей и друг с другом, и с Богом, и с истиной. И дай Бог, чтобы это влияние во веки веков перевешивало собою влияние беззаконной власти тьмы. Но вы, сочувствующий этой власти, другого мнения. Вам ненавистны храмы, как лучшие укрепления борцов за истину. Вы рекомендуете одно средство борьбы – разумное убеждение, – рекомендуете с несомненной целью задушить то, что люди почитают за истину. Вам хорошо известно, сколько христиан, в настоящее время, *стыдятся* обнаружить свои разумные убеждения; сколько этих стыдящихся щеголяют своим индифферентизмом, наперекор совести, в угоду лжеучителям; сколько малодушных отрекаются от Христа не по убеждению, а потому, что вы, прославленный мудрец, отреклись от Него; сколько безхарактерных, легкомысленных, плотоугодников подчиняют свои «убеждения» материальным благам, авторитету моды, интересу минуты и настроения; сколько, наконец, рассеянных, ленивых, равнодушных, утучненных, самодовольных, ожесточенных и развращенных Пирронов и Пилатов Самому Христу, *свидетельствующему о истине*, с презрительной усмешкой отвечают: *что есть истина?* Что делать с ними, когда они на самые разумные убеждения возражают: «чем хуже, тем лучше»? Оставить их, бросить на произвол судьбы? Но они то в особенности и нуждаются в

истине. Спасать этих погибающих, задавленных ненормальностями жизни, испорченных злодеями, развращенных духом времени, – составляет первую обязанность пастыря Церкви. *Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием (2Тим.4:2).* Если же ни запрещения, ни обличения, ни увещания не действуют, *повеждь Церкви.* Еще не всё погибло. Пока душа в теле, она еще способна к добрым чувствованиям. Веди непокорного в храм Божий. Может быть, дух веры, витающий в храме, вид множества молящейся братия, смиренные мольбы, вдохновенные песни, святые восторги сломят его самодовольный скептицизм, пробудят от духовного сна освободят от позорнейшего ярма протестующего демонизма.

Разве это плохо? Разве это противно Евангелию, или здравому смыслу или «разумным убеждениям»? Нет, противно только вам. Только вам, двуликому янусу, апологету зла, противна всякая, самая законная преграда для распространяемого, излюбленного вами зла. Всё, что угодно, только не храмы; пусть порок, пусть безбожие, пусть капища лжи, но только не храмы, не церковь, не богослужение, не пастырская исповедь. Вы твердой рукой производите «переоценку ценностей». Вас неудержимо влечет к себе слава Герострата и Люцефера. Непротивление злу у вас выросло в разрушение добра. С кощунственной ссылкой на Евангелие, вы запрещаете ставить преграды злу, а проповедников истины лишаете места проповеди и даже права голоса. Право голоса вы великодушно предоставляете только говорящей машине, неспособной к «воздействию на внешние чувства».

С течением времени вы пойдете дальше.

Такая предупредительность к интересам зла и такое целесообразное великодушие к истине свидетельствуют об остроте вашего ума, Л.Н. Вы, очевидно, в здравом рассудке. Тем хуже. Значит, ваши вымученные софизмы диктуются не вашим сильным умом, а исключительно злой волей.

Лев Николаевич! позвольте и мне обратиться к вашей искренности.

Забудьте, что вы «великий писатель земли русской», забудьте, что у вас множество рабов почитателей, и что вам нужно обратить в рабство весь мир; оставьте мысль, что вы мудрейший из мудрецов, не исключая Господа Иисуса; не думайте, что вы обязаны сказать какое-то самое новое, самое нужное слово; вникните в свою совесть; окиньте мысленным оком всю свою писательскую деятельность. От начала до конца она превознесена до небес, засыпана розами, изъявлениями благодарности. Заслужено ли? Вы поддались очарованию этой славы. С редким упорством толпа идет за вашей изменчивой философией, благодаря неизменности вашего таланта. Сколько костюмов переменила ваша философия. И каждый костюм приходится по вкусу публике. Вы очаровываете публику своим талантом. Публика очаровывает вас своими оациями.. В чад у этих чар вы сегодня говорите да, завтра – нет, а публика восторженно соглашается с тем и другим. Она провозглашает вас мудрецом, учителем, вождем. Вы не против. Мало-помалу вы начинаете рассуждать тоном непогрешимого. Публика не возражает. Она даже довольна. Ей нужен кумир, вместо Бога, и оракул, вместо Церкви. Всё что бы вы ни сказали ей, она поглощает с жадным восхищением. Ей нужны зрелища и новизна, и вы превосходно удовлетворяете этим потребностям улицы. Вы не можете надоесть. Ваше да великолепно. Ваше нет еще великолепнее. Правда, ваши критики с необычайной легкостью разрывают ничтожную паутину ваших рассуждений и развевают по ветру труху ваших софизмов, но, благодаря таланту, вы остаетесь неуязвимы, как вода. Вы не унываете. С трудолюбием и жестокостью паука, вы начинаете ткать новую ткань, а развеянная труха, оплодотворенная вашим злым гением, встречает сочувственный прием в благодарной почве духа времени.

Вы не можете не видеть этого, Л. Н., даже несмотря на свою очарованность.

Чем же вы оправдаете, чем искупите этот грех многолетнего, постоянного, вольного и невольного обмана, самообмана и соблазна?

Будьте честным человеком, Л.Н. Спросите себя, имеете-ли вы право объявлять свои блуждания, как несомненное слово истины.

Ваше учение состоит из бесспорных евангельских истин и собственных комментариев. Комментарии эти легковесны и удоборазрушимы, как мыльные пузыри. Они лопаются от одного взаимного прикосновения и от одного столкновения с пылинкой разума, которому вы рекомендуете нам довериться. Мы доверяемся, Л.Н. Доверьтесь и вы. Доверьтесь и трижды прокляните то перо, которое написало столько вредной, безумной, самоуничтожающей лжи. *И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб 1 из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну (Мф.5:30).* Ей аминь.

Священник М. Платонов

**Смирягин А., свящ. Из пастырской хроники
сельского священника²³⁰ // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 17. С. 892–900**

Прежде я всей душою рвался в университет и был уверен, что при своих способностях и познаниях пробьюсь туда, несмотря на чересчур строгий для семинаристов гимназический экзамен на зрелость, но после этого события сама собой и всё чаще и чаще стала являться мысль: не даст-ли мне священство больше всего счастья, не только в будущей, но и в настоящей жизни? Я думал тогда, что иереи, по долгу службы живущие почти всегда в атмосфере религиозных настроений и священных песнопений, часто испытывают пережитое мною блаженство; но, к сожалению, ошибся. Правда, когда я служил литургии, особенно в начале моего священства, то во время пресуществления Даров испытывал и теперь изредка испытываю нечто подобное – тихую радость, нежную теплоту, проникающую всё моё существо, но всё это лишь слабая тень пережитого мною блаженства. Как я заметил, эти минуты духовного восторга бывают у меня лишь тогда, когда я приступаю к совершению литургии со спокойной, бодрой душой, не взволнованной семейными, хозяйственными и приходскими неприятностями. И чем свободнее душа от этих неприятностей, тем сильнее бывает испытываемая мною духовная радость, при душевном спокойствии она является и тогда, когда я служу литургию, не успевший прочитать всех положенных правил. Я уверен, что и другие священники нередко переживают такое же состояние и что эти минуты душевного просветления и высокой радости дают нам силы нести наши иерейские кресты; по моему мнению, светлое радостное состояние, испытываемое во время литургии священниками, выше и сильнее всех земных радостей, не исключая и чистых семейных. «Иго мое благо и бремя мое легко», говорил И. Христос. Думаю, что, когда люди глубже поймут Евангелие, то убедятся, что иго Христово не только легче и лучше других бремен, но что оно дает всем желающим и

умеющим нести его величайшее счастье не только на небе, но и здесь на земле.

Из наук, проходимых в семинарии, я особенно любил физику (и соединенную с ней механику); они возбудили во мне страстную жажду опытных знаний. Я мечтал обстоятельно изучить их в университете и затем посвятить всю жизнь занятию ими. Почти всё свободное время стал употреблять на теоретическое и практическое изучение наук; физику штудировал по Полкотыцкому и Гано; механику по нарочито купленному мною учебнику С. Буржеева; практиковался же в первой науке – наблюдениями разных физических явлений, а во второй – внимательным рассматриванием всех доступных мне машин; завел книжку (жаль, что пропала), в которой отмечал не объяснимые моими физиками явления и свои проекты будущих работ по физике и механике; мечтал открыть новые физические законы или, по крайней мере, лучше уяснить уже открытые и усовершенствовать некоторые физические приборы и машины. Мне казалось, например, что соединением электромагнитной машины Пажа и индуктивной машины Клерка можно решить вопрос о *perpetuum mobile*; я мечтал о практическом применении эффектов, производимых бочкой Паскаля, об устройстве приборов, которые делали бы почти недоступным для человеческого уха шум городских улиц и железнодорожных поездов; проектировал устройство дешевых и весьма прочных речных плотин, которые автоматически открываясь при чрезвычайном напоре воды, устраняли бы порчу их при половодьях; придумывая для облегчения лошадей новые запряжки и повозки, работал над усовершенствованием крестьянской сохи и т. п. Иной подумает, что мои мечты *perpetuum mobile* указывали на ненормальное состояние моих умственных способностей, а я убежден, что *perpetuum mobile*, разумеется не абсолютное, а в смысле устройства машины, которая, раз будучи пущена в ход, станет, пользуясь силами природы, работать до тех пор, пока не износятся машинные части, – вполне возможно. В Америке давно уже изобретены вечные часы, заводящиеся вследствие изменений температуры воздуха и земли; а недавно писали в газетах, что в

Калифорнии, на ферме Позадена устроена машина, прекрасно действующая с помощью солнечных лучей. Вследствие известного расположения зеркал, собирающих и отражающих солнечные лучи, вода в этой машине закипает и, превращаясь в пар, приводит в движение другую машину, накачивающую в минуту 520 ведер воды! Стоит ату воду, поднятую на известную высоту, употребить, как движущую силу, и получится *perpetuum mobile*. Вообще я верил и верю в великую силу человеческого разума в отведенной ему Богом области.

Еще во втором классе семинарии я – 16-летний юноша – был глубоко возмущен, когда узнал из геометрии, что она считает невозможным найти квадратуру круга и разделить угол на три равные части и в свободное время стал решать эти задачи. Если я до сих пор не решил их, то, думаю, вследствие недостатка у меня математических знаний, хотя должен сказать, что, отыскивая квадратуру круга, я, при помощи элементарной геометрии, нашел квадратуру некоторых геометрических фигур, ограниченных кривыми разных радиусов и прямыми линиями. Желая расширить свои математические познания, взял было из семинарской библиотеки аналитическую геометрию, но не мог одолеть её своими силами. Много времени шло у меня на эти занятия, на чтение классических произведений русских и иностранных писателей, на чтение книг по естественной истории, гигиене, медицине, физиологии, политической экономии, на репетирование других учеников и т. п., все-таки, благодаря хорошим способностям, я успевал и в семинарских науках, так что окончил курс четвертым студентом.

В числе главнейших семинарских предметов считается изучение Св. Писания. Воспитанники должны знать не только содержание каждой священной книги, а также кто, когда, где и по какому поводу написал её, но их иногда заставляют великие «ревнители» учености изучать каждый стих, каждую строчку анализировать, мало почти каждое слово. Труд тяжелый, не полезный, так как человеческая память не может удержать бездны микроскопических подробностей и они обыкновенно недели через две после экзамена совершенно испаряются из головы; обиднее всего то, что и нужды нет в заучивании этих

подробностей; когда нужно, всякий может найти их в печатных руководствах по изъяснению Св. Писания. А между тем, сколько юношей погибло из-за них! Помню, при мне Священное Писание в средних классах семинарии преподавал Н.И. Т-кий (теперь уже на том свете). В то время это был красивый молодой человек, высокого роста: франт, всегда являлся на уроки в изящном фраке и блестящем цилиндре, свой предмет знал в совершенстве, но, к несчастью, хотел, чтобы и мы были такими же, как и он, специалистами. С увлечением объяснял он нам, как изучаемый стих или слово читается у LXX толковников, как в Вульгате, как в еврейской библии в древнейших списках её. А, нужно заметить, что не только древнейших списков ветхозаветных священных книг, но и латинской «Вульгаты» мы в глаза не видали, что большинство из нас не знало и еврейской азбуки; в моё время еврейский язык изучали не все, а кто хочет, и изучали поверхностно; даже в духовной академии хорошо усваивают язык только те студенты, которые специально занимаются им. И вот, бывало, сыплет преподаватель, как из решета, непонятные для нас древнееврейские слова, а мы усердно записываем их по бокам и сверху объясняемых строк и потом, как попугаи, заучиваем их наизусть. Если бы сторонний человек послушал наши ответы по Св. Писанию, то подумал бы, что мы удивительные языковеды. И никто из начальства, ни сам преподаватель (человек весьма не глупый) не задались вопросом: для чего нужно семинаристам изучать всю эту «абракадабру»? Приблизительно в таком же роде шло преподавание и других предметов. Преподаватели, как будто, конкурировали между собою; кто больше вобьет в головы воспитанников никому ненужных подробностей. Поверите-ли, преподаватель литургики требовал напр., чтобы семинаристы заучивали на память порядок всех служб церковных и наиболее выразительные псалмы и церковные молитвы, хотя церковные правила строго требуют, чтобы священники, при совершении богослужения, во избежание остановок и ошибок, всегда имели пред глазами книгу и читали-бы по ней даже то, что знают наизусть; он требовал, чтобы мы запоминали все бесчисленные подробности громадного церковного устава; хотя эта книга есть

в каждой церкви и по ней всегда можно навести нужные справки. Далее, почти каждый преподаватель, касаясь какого-нибудь пункта своей программы, обыкновенно начинал, как говорят, с Адама, не справляясь с тем, известно-ли это воспитанникам, или нет. Так, напр., подробнейшие биографии Св. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и некоторых других знаменитых отцов Церкви я слышал и на уроках Церковной Истории, и на уроках Гомилетики, и на уроках Литургики, и на уроках Догматического Богословия, и на уроках Свящ. Писания. За то, как удобно было выезжать на этих биографиях во время экзаменов. Достался, напр., билет об экзегетических или литургических трудах того или другого отца Церкви; чувствуешь, что дело плохо и сейчас за биографию; ведь для того, чтобы хорошо уяснить ту или другую деятельность человека, необходимо прежде ознакомиться с ним самим, с обстоятельствами его жизни. Видят экзаменаторы, как режет ученик; а ждать, пока он дойдет, напр., до литургических трудов Св. Отца, долго и говорят: довольно. Положим, они могли-бы прямо спросить об этих трудах, но с одной стороны как то неловко перебивать ответ взрослого человека, а с другой и преподаватель предмета может обидеться.

По моему мнению, без всякого ущерба для дела, можно бы несколько сократить время обучения в духовных семинариях, освободив воспитанников от долбления всякой абракадабры и переливания из пустого в порожнее...

Сделавшись священником я просил у преосвященного Антония (Вадковского), бывшего ректора академии, советов и указаний для своей пастырской деятельности; в своём любезном письме, досточтимый архипастырь дал мне совет ежедневно и внимательно читать св. Писание; я старался выполнить этот прекрасный совет, при чем мне приходилось много бороться с остатками моего прежнего школьно-холодного отношения к библии, отношения навеянного недостатком семинарского изучения св. Писания.

В моё время наибольшими симпатиями семинаристов пользовались наставники не за прекрасное знание своего предмета и даже не за умелое преподавание, а за мягкие,

искренность, сердечные отношения к нам; таким мы охотно извиняли обычные, человеческие слабости; за то очень не любили пунктуальных, бессердечных ригористов, обременявших нас ненужными мелочами и старавшихся «подловить» ученика. Поверите-ли; были и теперь есть преподаватели, которые ставят единицы ученикам чуть не со сладострастным наслаждением; посмотрите, как они сияют, когда удастся им напасть на ученика, не знающего урок; у них вырабатывается целая система уловления, главным правилом которой считается спрашивать накануне спрошенных учеников и потому, вероятно, не готовивших урок. У нас, как и в других учебных заведениях, в большом ходу были при ответах всевозможные надувательства наставников: если же кому удавалось ловко провести и одурачить того или иного любителя ставить единицы, – все ученики были в восторге, а счастливец становился героем дня.

Впрочем, к ученическим хитростям мы прибегали лишь в экстренных случаях; нужно сказать, что в моё время семинаристы занимались весьма усердно; особенно много работали те, кто готовился в университет, а за ними волей-неволей должны были тянуться и другие. Впрочем, кто из прежних семинаристов не мечтал об университете? Лишь после 1879 года мечты эти для громадного большинства сделались неосуществимыми.

В общем и духовное училище, и семинария оставили во мне больше хороших, чем дурных воспоминаний; особенно благодарен я средней духовной школе за умение приучать своих воспитанников к серьезному, упорному труду. Сына своего я непременно отдал-бы в духовное училище и семинарию, если бы из неё, как и прежде, был предоставлен желающим свободный выход в университеты и институты. Опасаясь предрешать будущую деятельность ребенка, я определил его в гимназию, откуда воспитанникам открыта дорога во все высшие учебные заведения. По этим же соображениям отдают своих сыновей в гимназии и реальные училища все духовные лица, имеющие какую-либо возможность содержать их там.

Желая, по окончании курса в семинарии, поступить в университет, я стал готовиться к экзамену на аттестат зрелости.

Так как необходимых для этого книг у меня не было (ведь нужна целая библиотека!), то я поступил учителем в Рославльское духовное училище, но пробыл там всего два месяца, так как убедился, что для успешного обучения детей, необходимо самому готовиться к каждому уроку и готовиться так, что для моих занятий гимназическими науками не оставалось времени.

Из Рославля поехал я в феврале 1883 года к своему товарищу К., который тоже хотел сдавать экзамен на зрелость. Директор Смоленской гимназии сказал нам, что экзамен будет в половине июня: вдруг в конце апреля получаем уведомление, что в виду коронации Императора Александра III все занятия в гимназии должны окончиться к 15 мая и потому мы немедленно должны явиться на экзамен. Чувствуя себя еще неготовыми, мы не поехали. Так как мне предстояло осенью 1883 года отбывать воинскую повинность, а я боялся, что казарменная жизнь навсегда убьет во мне жажду знаний, то я продолжал готовиться в надежде поступить после летних каникул в какое-либо высшее учебное заведение. Летом повстречался со студентом петербургской духовной академии Н.М. Соколовым и он уговорил меня держать экзамен в академию. Так как отец не мог содержать меня в Петербурге, то я обратился к своему бездетному дяде М.М. Смирягину с просьбой дать мне взаймы, смотря по надобности (не сразу, а в течение двух лет) от 300 до 500 руб.; он, спасибо, обещал и я смело поехал в Петербург. Так как желающих поступить в духовную академию было гораздо больше, чем вакансий на первом курсе, то я думал одновременно держать экзамен в филологический и в технологический институты, но и там оказался громадный наплыв ищущих высшего образования и, кроме того, приходилось некоторые экзамены в один и тот же день сдавать в академии и в институтах, отстоящих от неё в 5–7 верстах. В виду этого я решил держать экзамен только в духовную академию (при удаче там меня сразу же ожидало полное казенное содержание) и, слава Богу, был принят в число казеннокоштных студентов.

Академия оставила во мне прекрасные воспоминания не столько лекциями профессоров, сколько гуманным обращением

с нами начальства и полной свободой заниматься самообразованием. На лекции я ходил редко, но весь погрузился в интересовавшие меня книги и занятия. В то время, когда товарищи усердно работали над семестровыми сочинениями или корпели над лекциями, я штудировал свои книжки или мастерил какую-нибудь модель. По моему мнению, решительно все тяжелые механические работы, над которыми теперь надрываются люди, можно с большой выгодой исполнять соответствующими машинами.

Увидел я, как потеют академические служители над чисткой наших сапог и дня через два представил товарищам модель прибора для чистки сапог. Бывало, товарищи много шутили над моею страстью к изобретениям. В 1885 или 1886 году в газетах заговорили было о введении телесных наказаний в школах и один из товарищей г. З. (большой шутник) в торжественно-напыщенной речи предложил мне изобрести машинку для порки сразу четырех учеников и обещал сам представить её в министерство народного просвещения. Дней через 5 модель сей педагогической машины была готова: долго смеялись над ней товарищи, но ни в какое министерство не представили.

Зная, какие массы безбилетных пассажиров ездят по нашим железным дорогам, я придумал контрольные ящички, которые сделали бы безбилетные поездки почти невозможными и предложил Управлению Николаевской жел. дороги ввести у себя такие ящички. Ревизор движения г. В. и начальник эксплуатации г. А. пригласили меня к себе для детальных объяснений. Выслушав их, они признали мое предложение удовлетворяющим своей цели и просили разработать его в связи с указаниями на недостатки теперешней билетной системы, сделанными Высочайше утвержденной под председательством графа Баранова комиссией для исследования железнодорожного дела в России. Чтобы удовлетворить требованиям этой комиссии, пришлось совершенно изменить существующую билетную систему, что значительно усложнило мой проект. По рассмотрении его г. А. хотел уже заказать в своих мастерских сотни две контрольных ящичков и снабдить ими несколько вагонов, но я хотел еще

улучшить их и попросил подождать заказом. Но, к сожалению, заболел в это время тифом долго пролежал в больнице, затем для полного выздоровления врачи послали на родину и проект мой заглох, кажется, вследствие вводимой им ломки в некоторые установившиеся на жел. дорогах «порядки». Не имея возможности лично «хлопотать» за него, я послал его по почте в Импер. Техническое Общество на рассмотрение, но там, кажется, не сочли нужным серьезно заниматься такими пустяками. Послал его в Министерство П. С., а оттуда мне ответили, что не приступят и к чтению моего проекта до тех пор, пока я не представлю им (по числу листов) 12 марок. Я плюнул и перестал думать о нём.

В 1886 году я представил петербургскому обществу конно-железных дорог проект спасательной сетки, которая не допускала бы людей попадать под колеса вагонов: опять пригласили меня «для детальных объяснений» и выразили сомнение в практичности моего предложения, а через некоторое время читаю в газетах, что на американских конках подобные спасательные сетки в большом употреблении.

Множество ценных улучшений можно сделать в каждом крупном хозяйстве, а особенно на наших жел. дорогах. Например, чтобы уменьшить шум и грохот поездов и устранить быстрое изнашивание рельсов на стыках, следовало бы соединять их не так, как теперь, а в замок, чтобы каждое колесо вагона, проходя по концу данного рельса, вместе с тем вступало на конец следующего рельса. Об этом я беседовал с некоторыми специалистами и они находили эту мысль весьма практичной.

В тоже время, желая для выработки собственных убеждений знать всё, чем живут и волнуются так называемые передовые люди, я старался знакомиться с представителями разных направлений и кружков (не исключая и недозволенных), некоторое время и сам увлекался их горячими, воодушевленными речами, но, строго обдумавши всё наедине, убедился в их несостоятельности. Несмотря на такую небрежность в занятиях, я, благодаря Бога, успешно учился в академии.

*Свящ. А. Смирягин
(Продолжение следует).*

Радионцев В., мисс. свящ. Новая попытка к примирению окружников с противоокружниками // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 901–904

В Стародубском уезде раскольники-окружники всеми мерами стараются о примирении с противоокружниками. С этой целью у них был свой «собор», 12 июня настоящего года. Предварительно были разосланы по всем раскольническим посадам Стародубья пригласительные письма приехать на собрание. Приглашались и окружники, противоокружники и беглопоповцы.

В означенный день приглашенные собрались в посаде Лужках, в доме противоокружнического лжепопа Михаила Бондарева. На этом собрании было пять лжепопов, из которых трое окружнической партии, много уставщиков и передовых мирян, уполномоченных представителями разных раскольнических обществ. Приготовлено было много старопечатных и нового произведения книг; беседовали целую ночь. Противоокружники одержали победу над окружниками. Из прочитанных старопечатных книг противоокружники сделали такой вывод: «если веровать так, как учит окружное послание, начиная со второй статьи, то нужно идти прямо в Великороссийскую Церковь; другого выхода нет». Окружники говорили, что окружное послание есть только книжка, составленная известным частным лицом, а потому и может быть оставлена в забвении. На это противоокружники заметили, что окружное послание, хотя составлено и частным лицом, но издано от Соборная Церкви под заглавием: «Окружное послание единыя святыя соборныя и апостольския церкви». Один из беглопоповцев, Тимофей Фомичев, сказал собранию: «Из рассуждений на собрании для меня стало ясным следующее: 1., имя Иисус находится в старых книгах дониконовского издания; 2., четырехконечный Крест называется по Писанию животворящим Крестом; 3., Символ веры напечатан без прилога «истинного» во многих местах старых книг; 4., все называемые нами «никонианские новшества» видел и патриарх

Иосиф, – как свидетельствует Окружное послание в 3-й статье, но ни он и никто из прежних бывших наших патриархов эти новшества не называл новшествами, а тем паче ересями, а потому не будет-ли греха и нам говорить то, чего не сказали наши дониконовские патриархи? «Фомичеву заметили, что так понимать и говорить нельзя: это будет понятие «никонианское». Фомичев замолчал. Окружники склонились на сторону противоокружников и постановили:

1. Великороссийская Церковь – хулительница Самого Божества.

2. Троеперстное сложение и поливательное крещение отвергнуть, как еретические. 3) Крест четырехконечный должен иметь своё место (на священническом облачении, церковной утвари и при совершении церковных таинств), а не на своём месте (на церквах, за престолом и для поклонения и лобызания) он не равносителен осьмиконечному кресту. 4) Опресноки признать скверными и пятую статью окружного послания признать ничтожной. 5) Просфору за Государя Императора можно и не приносить на основании того, что в Толковом Апостоле не помещено слово «благодарения» (1Тим.2:2). Один старообрядец заметил: «как-же это так, в старых наших книгах есть такие ошибки, что в Толковом Апостоле опущено слово «благодарения», а в Сущем Апостоле оно находится?» Ему заметили: «Об этом не нам разбирать, сказано, что пятую просфору за Государя не следует приносить, и всё тут». Вот какое было постановление раскольников в посаде Лужках. Противоокружнические хульные мнения о православной Церкви оказались удобоприемлемыми для окружников и они согласились чрез принятие этих мнений войти в общение с противоокружниками.

В последнее время по всей России раскольники окружники своими хулами на православную Церковь и её пастырей превосходят раскол аввакумовского времени и нынешних противоокружников и других сект. Еще никто не осмелился из противоокружников обозвать Греко-Российскую Церковь «Вавилонскою блудницею», а окружники в главе со своими

лжеепископами, ничто же сумняся, печатают в своих книжках и распространяют такую хулу по всей России в полном изобилии.

После собрания, на другой же день депутация окружников отправилась к противоокружническому лжеепископу Михаилу, живущему в ските на хуторе Дроздов, в десяти верстах от посада Лужков, преклонили пред ним свои колена, подали ему и краткоизложенное извещение постановления собрания. «Точная копия этого «извещения помещается ниже. Лжеепископ Михаил не пожелал принять в то время в свою секту окружников, опасаясь их неискренности и обмана, как-бы они снова не пристали к учению Окружного послания. Он только взял «извещение» и обещал принять их в своё общество тогда, когда позволит ему собор, имеющий быть в скором времени в Бессарабии. Окружники в ожидании желаемого воротились обратно. После этого лжеепископ Михаил скоро отправился в Одессу, для совета с противоокружническим епископом Кириллом Палитовым.

Таким образом среди раскола Стародубья идут междоусобные распри и путаница в вопросах о примирении окружников с противоокружниками. Добросовестные старообрядцы, видя неосновательность раскола и ложное его учение, оставляют раскол и переходят в Христову Церковь. В сем 1903 году из раскола обратилось в Христову Церковь около ста душ.

Сообщаем копию с постановлений собраний с сохранением орфографии подлинника.

Его Преосвященству Господину Епископу Михаилу Новозыбковскому.

Мещан посада Воронка, временно жителей Никиты Семенова, и Елионского уставщика Евфимия Андреева Карнышева *Извещение.*

Ваше Преосвященство! мы нашли нужным и даже необходимым Вам известить о том, что по нашей личной просьбе священников посада Лужков Михаила и посада Воронка Михаила, а по Божию промыслу, вышеозначенные священники соблаговолили нам в этом ниотказать, назначено было ими на 12 число Июня сего года 1903-го в посаде Лужках в собственном

доме отца Михаила собеседование о взаимном между нами разделении, нами с Божиею помощью началось, а Божиим промыслом и повелением совершилось.

По сказанию ищите и обрящете: толцые и отверзется вам. Желания нашего Бог ни оставил своей милости нам даровать натакое благое дело послал нам по его собственной Божественной воли без препятственно с ехаться с 5-ти посадов ни малое число народа, как то Лужков, Воронка, Елионки, Илынки и Климова, в числе коих и пять священников. В 12-ть часов дня сказанного числа мы все сошлись в дом отца Михаила, и с помощью Божиею и благословением всех 5-ти священников, и с согласия всего стекшегося ни малое число народа и помолившись 3 поклона и в севшихся всех всяк на своём месте где были и приготовлены книги Евангелии, Апостол, Кормчая, и прочих разных многочисленно коих неудобно всех поименовать, и началось порядку собеседование. А в чём суть дело всё скажется ниже по статьям.

1-е). Собеседование шло тихо ни мятежно и мирно и в кротости духа. 2-е). На собеседовании присутствовали пять священников, то есть три окружничих: отец Иоанн Климовский отец Димитрий Елионский, и отец Никон Лужковский, и два противокружничих, отец Михаил Лужковский и отец Михаил Воронковский. 3-е). Собеседование шло окружников с неокружниками. 4-е). Собеседование шло о разделении церкви окружников с неокружниками, и разбирались статьи окружного послания. 5-е). Собеседники были назначены с благословения священников троя, со стороны окружников двое, первый Евфимий Андреевич Карнышев уставщик посада Елионки, и его помощник Воронковский Никита Семенов Сырников. А со стороны противокружников уставщик посада Климова Федор Матфеич Гридин. 6-е). По разборе каждой статьи окружного послания производили в заключение из совета и согласия обеих сторон священников всех и всех собеседников. 7-е). Решение и заключение всех статей окружного послания, которые разбирались, а заключение о каждой будет сказано ниже по ряду. А). Вторую статью признали обои стороны никонианскую хулу на имя Исус касается хулы самого Божества. Б). В 3-й

статии признали обои стороны имя Иисус, поливательное крещение и троеперстное сложение как нововводное еретическое отвергаем. В). В 4-й статии признали обои стороны о кресте мудрствовать по преданию Церкви и нисчитать ни окружников крестохульниками. Г). Пятую статью признали опресноки скверными, а также статью ошибочною. Д). О шестой статии по толковому Апостолу можно и не приносить просвиру, а по другому Апостолу нужно приносить, за Богом поставленного Царя, по этому неокружники от сего времени не погрешают, и не уподобляются галилеям. Также не погрешают и окружники о приношении. Е). 8-ю статью признали ни в полном заключении.

Мисс. свящ. Василий Радионцев

Из миссионерской полемики

**Боголюбов Д. Беседа с молоканами о каждении
фимиама и возжигании свечей пред иконами //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 906–910

I

Неоднократно происходили у нас оживленные беседы с молоканами. Сектанты крепко держались своих убеждений. Ими руководил «наставник» Панкрат Селиверстов, – мужик богатый и уважаемый на селе. Он был хорошо начитан в Библии. Знал слабости своего «упования» и на миссионерских беседах всегда старался говорить «о вторых вещах». Он понимал, что эти «вещи» православным труднее удержать по Библии и потому о них он распространялся с особою любовью.

И на этот раз, когда мы сошлись на беседу, Панкрат Селиверстов остался верным себе. Он потребовал, чтобы наша речь шла «за ладан и свечи». – Я пробовал отклонить беседу от этих «вторых» предметов, Панкрат Селиверстов пришел в сильнейшее возбуждение и грозился «уйти ко дворам»...

Мы уступили. Я сказал:

– Еще наши предки – язычники, побывав в Царь-Граде за православным богослужением, говорили князю Владимиру: «не знаем, где мы были: на небе, или на земле». Так понравилась их красота православного богослужения! Эту красоту производили, между прочим, свечи и ладан, которые всегда употреблялись на православном богослужении. –

Теперь народились странные потомки древних славян – сектанты. Им не нравится то, что было мило их отцам. Пусть же они скажут нам, где в Слове Божиим запрещается христианам употреблять при богослужении свечи и ладан?

Панкрат Селиверстов в ответ твердым голосом зачитал 9 гл. к евреям. Потом перешел к 1Пет.2:1–5; прочитал 4 гл. Ев. Иоанна и остановился на послании к Рим.12:1.

– Вот, – заключил он свои слова, – Апостолы учат нас приносить Богу «духовные жертвы», а не свечи и ладан. Потому они не угодны Богу...

Я ответил:

– В 9 гл. к Евреям нет *ни слова* про свечи и ладан. Там Апостол лишь учит, что древнее богослужение у христиан должно быть «исправлено» (Евр.9:10). Но в *исправленном-то* новозаветном богослужении можно кадить ладаном и зажигать свечи? На этот вопрос в 9 гл. к Евреям разрешения нет. Стало быть, Панкрат Селиверстов *не для ответа* на мой вопрос прочел её. Эта глава к нашей беседе *прямо* не относится.

Не возбраняет приношения ладана и возжигания свечей Ап. Петр. Он говорит христианам: «*сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу, Иисусом Христом*» (1Пет.2:5).

Так: по учению. Апостола, христиане не должны скорбеть о *древних* жертвах козлов и тельцов. Эти жертвы Христос *заменил* кровию Своею (Евр.10:9). Христиане теперь должны приносить Богу «духовные жертвы» – свою пламенную веру и добрые евангельские дела. Это-так.

Но православная Церковь именно учит, что ладан и свечи при богослужении служат *показателями* наших духовных жертв пред Богом. Свечами и ладаном, так. обр., не устраняются наши духовные жертвы Господу. Ими эти жертвы лишь *выразительнее* представляются.

Остановимся дальше на 4 гл. Ев. Иоанна. Из этой всей главы возьмем самый подходящий к нашему разговору стих: «*Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*» (Ин.4:24). – Спрошу я вас, друзья: каким образом эти слова Христовы устраняют свечи и ладан?...

Богу-Духу, действительно, нужно служение духовное. Духом мы обязаны приносить Ему любовь, радость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал.5:22, 23). А телами своими что мы принесем Богу? Не чистоту-ли плотскую (Ср. 1Кор.6:20), – преклонение колен и сердец наших пред милосердным Отцом людей?...

Вот *знаком и выражением* духовно-телесной жертвы нашей Богу служат свечи, ладан. Эти *знаки* любви нашей и веры в Бога видят плотские глаза наши, – и христиане радуются о них радостью Божией...

Рассмотрим, наконец, Рим.12:1: «умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего».

О чём говорит Апостол в приведенных словах?

Он умоляет христиан быть чистыми в этом мире; приказывает им «разумно», со смыслом служить Господу. Но разве чрез употребление за богослужениями свечей и ладана христиане перестают «разумно» служить Богу? Разве они тем самым не исповедуют *очевидно* для всех, что Господь хочет от нас веры пламенной, как свеча, и возношения сердечных помыслов наших к престолу Божию, подобно возношению дыма кадильного?...

Истинно нужно сказать, что Панкрат Селиверстов согрешил, сославшись в свою пользу на Рим.1:12. –

И вообще, сектанты заблуждаются, восставая против наружных обрядов и действий в богослужении. Сам Христос молился на коленях (Мк.14:35). Ап. Павел велит при молитве воздевать чистые руки (1Тим.2:8). Он же заповедует христианам воспевать духовные песни (Кол.3:16). Никаким образом поэтому рассмотренные нами библейские тексты не могут запрещать верующим употребления при богослужении свечей и ладана. На каком же основании сектанты восстают против приношения их Богу?

II

Панкрат Селиверстов прочел из Ев. Ин.2:19 и «уперся» на нём. Он сказал:

– Христос *велел* разрушить храм рукотворенный, а, значит, все *видимые* обряды...

Я ответил:

– Ты говоришь точь-в-точь, как *лжесвидетели* Христовы, по сказанию Ев. Марка: «некоторые, вставши, лжесвидетельствовали против Христа... мы слышали, как Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный и чрез три дня воздвигну другой нерукотворенный» (Ин.14:57, 58).

И так, кто утверждает, что Христос *велел* разрушить рукотворенный храм и все его святыни, – тот

«лжесвидетельствует». Христос не разрушил, а лишь «исправил» (Евр.9:10) видимый храм. Поэтому, братцы, покажите, где же Господь запретил приносить свечи и ладан?

Панкрат Селиверстов опять взялся за 9 гл. посл. к Евреям. Стиха 10 он даже не прочитал. Из его «возражения» ничего не вышло. Он остановился в оцепенении. Потом, сообразив, заметил:

– Из стиха Евр.9:11 *вытекает*, что *всё видимое* в христианстве должно исчезнуть...

Я ответил:

– Из 11 ст. 9 гл. Евр. вытекает лишь то, что для оправдания нашего пред Богом от прародительского греха древняя скиния была бессильна. Потому Христос пришел в мир с *новой* скинией – с телом Своим, которое он рассеял за грехи наши на кресте. Однако искупленные Его Кровию христиане, служа Богу, могут ли приносить свечи и ладан? Об этом в 9 гл. Евр. ничего не говорится.

Панкрат Селиверстов, дошел до края. Он не знал, что ему говорить в свою пользу. Он упавшим голосом спросил меня:

– Где же Бог заповедал приносить Ему свечи и ладан?

Я ответил:

– Об этом говорится во многих местах Свящ. Писания. Прочитай Исх.30:6–7 и Лев.24:1–4 ст. «Благовонное курение», как знак молитвенного настроения людей, по словам Господа Бога, было всегда *приятно* Ему. Поэтому Он заповедал Моисею: «*на подсвечнике чистом ставь светильник... всегда*» (Лев.24:4).

Панкрат Селиверстов и молокане зашумели:

– Всё то было в ветхом завете. Теперь курение и подсвечники Господь отменил!...

Я спокойно заметил:

– Где же об этой отмене написано?

– Читай 9 гл. к Евреям! – с прежним возбуждением шумели молокане.

– Я сказал:

– Эту главу всю мы уже читали. Там одного слова нет про наши свечи и ладан. Где же *яснее* запрещает Бог их приношение?

Молокане встречно кричали:

– А ты покажи, где в новом завете говорится про свечи и ладан?

Я раскрыл Откровение и прочитал:

«И пришел иной Ангел и стал пред жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама»... (Откр.8:3).

– Ого-го! шумели молokane, Зацепился!... Откровение – не закон для нас, а *видение*. Из него мы знаем только, что делается на небе...

Я возразил:

– Успокойтесь, друзья, остепенитесь и послушайте, что говорит Бог: *«если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним»* (Чис.12:6). Смотрите: даже снам пророческим необходимо верить, – не то что *видениям* в особо благодатном состоянии!... Святым мужам Бог не открывает того, что противно воле Его, – не показывает небесного служения Себе в ложном виде. Потому-то у Апостолов сказано: *«о горнем помышляйте, а не о земном»* (Кол.3:2). Вот мы и помышляем о небесном служении, принося за своими молитвенными собраниями фимиам...

Молокане молчали. Потом, очнувшись, спросили:

– А свечи откуда вы заимствовали?

– О свечах также написано в новозаветном Откровении. Ап. Иоанну Господь являлся *«посреди семи светильников»*... (Откр.1:13). Значит, богослужебные светильники Богу непротивны.

– Да ведь по Откровению они имеют духовный смысл? – сказал Панкрат Селиверстов.

Я ответил:

– У православных свечи и ладан имеют тоже таинственный, *духовный* смысл. Они служат *знаками* нашей веры и любви к Богу. *Жертвой* же в собственном смысле является, по нашему учению, Христос-Господь (Евр.9:28).

Панкрат Селиверстов не сдавался. Он кричал:

– Православные не всё изображают, что показано в Откровении. Только за ладан и свечи вы ухватились!...

Я ответил:

– Разбогатеем, – всё изобразим за своими богослужениями, что показано и что к нам подходит из Откровения. – Вот плохо вам сектантам; вы к тому даже не стремитесь!...

* * *

Беседа кончилась. Молокане без шума стали уходить от нас. Православным я еще повторял содержание бывшей беседы. Я напомнил им в конце своей речи, что Бог требует от нас не свечей только и ладана, но духа сокрушенного и благочестивого (Пс.50:19). Потому, принося Богу курение фимиама и свечи, с тем вместе мы должны пламенеть пред ним своей непорочной верой и добрыми евангельскими делами...

Д. Боголюбов

Картушин К. Подлог в раскольничьей полемике // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 910–912

В беседах со старообрядцами о возможности единения в вере и общения в таинствах, при различии в обрядах, я обычно указываю на события, имевшие место в Русской Церкви в 20-х годах 17 века: разумею – 1-е, печатание великого катехизиса в Москве, и бесед А. Златоуста на послания ап. Павла в Киеве и 2-е, приезд в Россию Иерусалимского патриарха Феофана и рукоположение им патриарха Филарета в Москве и митрополита Иова в Киеве. Сопоставляя эти события я делаю вывод: Иерусалим, Киев и Москва, священные для православно-русского человека, находились в полном единении веры, общении в таинствах и братской взаимопомощи в нуждах духовных и телесных, не смотря на церковно-обрядовые разности, усматриваемые из книг Московских и Киевских, и из церковной практики греческой Церкви того времени. Разности эти касались и тех предметов, из-за которых предки старообрядцев отделились от православной Церкви, (например, в «Катехизисе» Московском имя Спасителя – , а в «беседах» Киевских – Иисус). Указанные события настолько общеизвестны и вывод из них настолько прост и естественен, что защитникам раскола нельзя ослабить силу его, как доказательства незаконности отделения их предков от вселенской Церкви из за предметов не вредивших единству веры при патриархах Феофане и Филарете. И вот после долгих скитаний на распутьях текущей литературы расколоводди решились учинить отвод одного из приводимых мной в данном случае свидетелей, именно – Захарию Копистенского, издателя «апостольских бесед» Златоуста.

На беседе со мной 30-го января 1903-го года защитник австрийского окружнического толка Крапчитов держал, между прочим, такую речь: «Захария Копистенский, на которого ссылается миссионер, не заслуживает вероятия, – это ополячившийся малоросс; вот что пишет о нём Киевский митрополит Петр Могила (читает из книги): «посмотри на

Копистенского, богослова и проповедника, Перемышльского епископа, отца Крупецкого, этот, пропивши кресты, чаши, евангелия и кадилъницы, а ризы, стихари и другие церковные принадлежности переделавши на летние платья прелюбодейцам, и не мало других злодеяний учинивши, туда же (к униатам) направил свои стопы». Прочитавши это Крапчитов воскликнул: «вот кто и каков свидетель, издатель бесед св. Златоуста! Он отступник, униат и святотатец». Я взял у Крапчитова книгу, из которой он читал; оказалось это – опыт исторического исследования С. Голубева – «Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники». Открываю прочитанное Крапчитовым место (стр. 336), и нахожу, что здесь разбирается одно небольшое полемическое сочинение, направленное против латино-униатов, составленное неизвестным по имени иноком в Винницком монастыре (стран. 311). В последней главе сего сочинения (8-й) и помещен укоризненный отзыв о Копистенском, прочитанный Крапчитовым. Но отзыв этот дан не о Захарии, Архимандрите Киево-Печерском, – издатель бесед св. Златоуста, память которого ублажается в предисловии к книге о вере, напечатанной при Иосифе, а о епископе Перемышльском (Михаиле?) и дан не Петром, митрополитом Киевским, а неизвестным иноком Винницким. Оказалось, раскольник учинил подлог, с целью омрачить память Захарии Копистенского, ревнителя и поборника о православии, и отвергнуть изданную им книгу бесед св. Златоуста (в 1623-м году), как недостоверную.

Как ни груб подлог, учиненный моим собеседником, я всё же усомнился, чтобы он изобрел его сам: он человек деревенский, такой же, как и я, и сам непосредственно не имеет возможности следить за текущей богословско-исторической литературой. В книге, из которой читал Крапчитов, я нашел на подклейке переплета и на свободных листах несколько (64) руководственных заметок, сделанных рукой лжеархиепископа Московского – Картушина, у которого мой собеседник долго проживал в канцелярии, и из которой недавно возвратился, снабженный пособиями для борьбы с православными; одна

заметка отсылает читателя на стран. 316-ю, которой так неудачно воспользовался мой собеседник. Извращение исторических фактов, подобное вышеприведенному, считается у старообрядцев приисканием доказательств и делается это приискание в канцелярии крайнего их «святителя» для руководства в беседах с православными. Не только архиереи и книжники жидовские, но и лжеархиереи и книжники старообрядческие способны искать лжесвидетелей (Мф.26:59) и *давать деньги воинам.*

Калиник Картушин

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

С. В. В. Отклик читателя журн. «Новый Путь» //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 913–919

В сентябрьском № журнала «Нового Пути» помещена статья г. А. Крайнего «Нужны ли стихи?» Он говорит: «я утверждаю, что стихи необходимы, естественны и вечны. Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы – молитву».

Какое нравственное начало, подумал я, а говорят, что «Новый Путь» не благонадежен в поведении; оказывается, вполне воспитательный журнал, разделяющий взгляд педагога Фенелона: «только христианская музыка и христианская поэзия могут служить действительными средствами развития эстетического». Читаем дальше из г. Крайнего: «И каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – всё равно, сознает он это или нет, всё равно в какую форму выливается у него молитва и у какому Богу обращена».

«К какому Богу». Здесь что то непонятно. Что же – к Ваалу, Юпитеру или иному? Тогда зачем же с большой буквы писать слово «богу?» Впрочем, мы имеем дело с таким журналом, где для читателя много нового, непонятного.

«Форма (молитвы) зависит от *способности* и *наклонности* каждого».

Пропросту сказать: всяк молодец молись на свой образец.

«Поэзия вообще, стихосложение, словесная музыка в частности – одна из форм, которую принимает в человеческой душе молитва. Поэзия, как определил её Баратынский, – есть полное ощущение данной минуты».

Отсюда же г. Крайний выводит, что всякое ощущение, настроение, творчество и пр. есть – молитва. Вот мы слышим дуэт «Не искушай меня без нужды» из Баратынского; по нашему это – песня, а по Крайнему – молитва, в чём дальше он очень серьёзно и убеждает нас.

«Исчезнет молитва, *порыв*, – исчезнет человек. Впрочем, тут я говорю о самом дне этого пологого оврага; до дна, кажется, никто еще не докатывался».

Да, кажется, еще никто? Это уж, вероятно, предстоит выполнить «Новому Пути».

Далее на двух страницах г. Крайний молитвой называет «порыв», «мгновенное утешение», «настроение», «творчество» и т. п.; стихи у него – «молитвословия», а поэты и художники выходят богомольцами, все, как видите, «новшества».

Так, напр., если вы любуетесь художественной картиной, изображающей реку, по одному берегу которой зеленеют деревья, а по другому пасется стадо баранов, то вы не должны говорить: «как прекрасно изобразил художник природу и стадо баранов!» А должны сказать, по А. Крайнему: «как усердно молился художник пред природой и... баранами; каждому барану он кланялся отдельно и всему стаду особо!»

В дальнейшем глубоком рассуждении г. Крайний заключает, что в настоящее время истинных поэтов нет, так как нет общего бога, а вот, говорит, когда найдем этого бога, тогда и замолимся настоящими живыми стихами-молитвами. А каково будет чинопоследование этих молений, и в каковых храмах они будут совершаться, об этом читали мы в очерке г. Гринякина – (9 № Мисс. Об.).

Нынешних стихосложителей критикан делит на два лагеря – некрасовцев и коммивояжеров. Про поэтов некрасовских заветов говорит: «Времена, когда они могли бы быть нужны, – прошли, и песни их, хотя и понятны, но тоже не нужны»

Не потому, видите ли, не нужны некрасовцы, что стихи их плохи-топорны, что неясно они выражают нужду ближних, любовь к страждущим и обремененным, а потому, что время любви, жалости и всей гуманности прошло. Будь, например, поэтом, Ада Негри не итальянской, а русской поэтессой, – она не имела бы никакого успеха, а считалась бы только наемной народной плакальщицей.

Коммивояжеры – те поэты, что молятся, или – что тоже – пишут стихи по заказу, за гонорар, от которого вполне зависит выражение их чувств. Продажных поэтов-богомольцев – преимущественное количество.

«Коммивояжерские молитвы», говорит г. Крайний, «и обращены к соответственному богу, – кажется, неизменному. Он

один для всех коммивояжеров, а потому они все, вероятно, друг друга понимают». Они находят себе место в «Мире Божиим», «Образовании», «Русской Мысли» и пр., а один из этого легиона Макс Волошин каким-то чудом попал в «Новый Путь», за что его, как непрошенного гостя, крепко и хватил Антон Крайний...

Узнавать таких поэтов просто: «стихи их, говорит он, печатают *«на затычку»*, не уважая стихи за стихи». В том же смысле это красивое словечко употребил в передовой статье в 1 № «Нового Пути» сам редактор, и поставил себе за правило отводить для каждого стихотворения своих поэтов по странице. Такой серой, махорочной бумаги, на какой печатается этот журнал, конечно, не жалко!

«Коммивояжерам, говорит Крайний, было бы, пожалуй, практичнее писать либретто к оперетке или составлять кафешантанные песенки, раз уж есть способность выделять рифмованные строчки».

Сказав это, Антон Крайний, как Вересаевский Адеил, спускается вниз со звездою, чтоб осветить подобную поэзию в стихотворении «К открытию мощей Преподобного Серафима» г. Гринякина, напечатанному в 11 № «Миссионерского Обозрения». Попал в небо пальцем, нечего сказать! Как жаль, что не дан мне талант Вересаева, и не могу я воспеть его нового Адеила!

Под чертой от звезды блещет остроумие г. Крайнего: «Специальный орган «Миссионерское Обозрение» перестал довольствоваться своим скромным местом и старается показать, что ему ничто не чуждо. «Интеллигенция», «светскость», «искусство» – решительно вскружили ему голову (у всякого журнала есть голова)».

Как же, – по одной у всякого есть, а вот про «Новый Путь» одни говорят, что будто он о двух головах, а другие – утверждают, что о трех, как легендарный дракон, но ведь две и три головы легче можно сломить, чем одну.

Далее г. Крайний со смешным самомнением повторяет, издавна установившийся, наивный взгляд некоторых недалеких критиканов, что будто духовные люди, а равно и светские, вышедшие из духовных учебных заведений, не могут судить о

светской печати, а светские о духовной, конечно, могут, как напр., рассуждает он:

«Новый поэт», разбиравший строго стихи «светских журналов», дал нам образец своего собственного искусства (в № 11 Мисс. Об.). Кощунство подделки усугубляется здесь полнейшим, даже каким то не очень вероятным в начале XX века, невежеством в стихосложении... Из человеческого уважения к теме – я не цитирую «стихотворения»... по качеству вроде *«конфетки моей леденистой»*. Печальный результат «миссии среди интеллигенции!»

Подождите так печально кликушествовать, г. Крайний, – дело обстоит не так плохо. Надеюсь, вы не принадлежите к настоящей интеллигенции, – в ней таких кликуш быть не может. Разве интеллигентный человек позволит себе нанести такую обиду бессовестную и можно сказать клевету на людей, выходящих из того (духовного) сословия и школы, которые дали и дают и науке, и обществу, и государству «столько славных, благородных, сильно любящих душой, посреди пустых, холодных и напыщенных собой»...

Загляните-ка в адреса вашего «Нов. Пути» – не из бурсаков-ли, что «стеклом, по вашему, доселе утираются» – главный контингент подписчиков вашего «декадентского» «Нов. Пути»? Зачем же так браниться, – это не только неприлично, но и непорядочно...

Теперь чего, позвольте спросить, нашли вы в стихах кощунственного? Стихи написаны очень просто, в народном духе, и только в последнем трехстишии есть обращение к отступникам:

Ты же, отступник с гордыней, –
Смирись пред Саровской пустыней,
Силу Христову познай!

Но и здесь ничего нет оскорбительного: ведь вы, думаю, не «отступник с гордыней», а потому ваш бунт совершенно напрасен. Впрочем, может быть, кошечка сама знает, чье мясо съела... Если уж вы не признаете греха, то хотя бы людей постыдились приравнять так кощунственно эти стихи к «конфетке».

У нас в духовной литературе Бальмонтов и Блоков нет а потому на технические вычурности стиха, мы, читатели, не взыскательны, – была бы тема хороша, но вам то даже и тема эта не по душе. Очень жаль вас!

Не перемешали ли вы, г. Крайний, № № Миссионерского Обозрения? Не за *объявление ли в стихах*, помещенное г. Гринякиным не в 11, а в 9 № «Мисс. Об.», напали вы на него? Но ведь по этому предмету уже выступал против него ваш критик Романский, или этого мало? А вот еще одно моё недоумение, как читателя Нов. Пути: зачем – с «поэтических» страниц вашего журнала цифры исключены, как напоминающие сухую математику, ненавидимую музами? Да! Таким вниманием редакций даже Пушкин с Лермонтовым не пользовались. А впрочем, что Пушкин в сравнении с творениями напр., гениальной поэтессы-богомолки «Нового Пути» г-жи Гиппиус которая подарила же сентябр. кн. читателям 12 стихотворений. Прочитаемте хотя первое четырехстишие одного из них:

Мое одиночество – бездонное, безгранное;

Но такое душное, такое тесное;

Приползло ко мне чудовище, – ласковое, странное,

Мне в глаза глядит и что-то думает, – неизвестное...

Что это такое? Бред уральских сектантов-сионистов? Впрочем, это, может быть, и не стихи? Но тогда зачем же эти бревенчатые строчки оболванены тупыми рифмами? Несомненно это самые усовершенствованные, современные стихи XX века, писанные с маленьких букв... Доступны ли они нам, простым людям, по крайней мере, по смыслу то? – Еще посмотрим раз одну первую строку: «Мое одиночество – бездонное, безгранное». Ах, какое жалкое одиночество! Но что же делать, г-жа Гиппиус? Очень то уж не убивайтесь – потерпите! Авось, придет и для вас более счастливое время, когда ваше одиночество сделается шестигранным, или примет форму параллелепипеда со дном и даже с крышкой. Заберетесь вы в него вместе с музой и тогда уже вас никакое чудовище не достанет; вам будет хорошо, а литературе без вас еще лучше. «Новый Путь», несомненно, поручит Антону Крайнему построить

над вами мраморный мавзолей с вензелем и такой, примерно, эпитафией:

Прохожий, стой! Здесь мирно спит
Наш сомолитвенник-пиит.
Он всю жизнь свою к новому богу
Прелагал вместе с нами дорогу.
И за то этой честью отмечен.
Умереть он не может, – он вечен,
Как новый бог, как новый путь.
Сей мрамор пухом ему будь!

Всякому своё дорого, г. Крайний. Вы, конечно, можете меня уверять, что я профан, и не моим носом обонять свежесть и сладость декадентской поэзии; можете утверждать, что приведенные стихи г-жи Гиппиус есть верх совершенства, самые свежие, только что сорванные, нежные лепестки благоухающих роз, что для такой поэзии гений сходит с неба только однажды в столетие, – и будь в 1803 году Пушкин в годах г-жи Гиппиус, – он бы не опустил случая – воспеть «кубическое одиночество»... Да, всё это вы можете утверждать, но мы все-таки останемся при том мнении, что стихи Блока, осмеянные в «Новом Времени» г. Бурениным, были близки по ритму и рифме к «Объявлению в стихах», иронически предложенному г. Гринякиным, а стихи Гиппиус уже превосходят и это «Объявление». Удивительно только то, как это вы замечаете в «Миссионерском Обозрении» всякую соринку, а в «Новом Пути» не видите бревна?

Вы указываете «Миссионерскому Обозрению» на XX век, напоминая, что оно забывает свои задачи, но «не лучше ли на себя оборотиться». Зачем вы хотите научить нас мерить воздух аршинами, а одиночество, грусть, радость и т. п. кубами да ведрами? Нет, давайте лучше нам побольше действительности, искренности, а, главное, любви, не декадентского себялюбия, а христианской любви, смиренной, участливой, всепрощающей. Явитесь, г. Антон Крайний, корифеем по этим качествам в «Новом Пути» и тогда мы вас послушаем. А если переменить направление мыслей для вас значит – повернуть с нового, широкого на старый тесный путь, и вы ни за что на свете на это

не согласитесь; ну, тогда ничего не указывайте и «Миссионерскому Обозрению», – оно со своей дороги не свернет, у него тоже есть свой девиз, только далеко священнее вашего, это – защищать Христовых овец от волков, призывать к истинному Свету заблудших братьев. Труды его велики: приходится ему и обновлять старьевщину, и вычищать всякий хлам, к которому за последнее время, кроме идиотских стихов Уральских сионистов, хлыстов, штундистов, присоединяются еще сумасбродные, с выпуклым аллегоризмом, стихи-молитвы декадентов, задевающих христианскую нравственность. А за то ему всякий, православно верующий в Христа-Бога, читатель всегда принесет свою посильную лепту благодарности. Читаем мы и ваш «Новый Путь»; но по нему не пойдём; а если он сам неуклонно будет идти лишь той дорогой, по которой всё время идет, во главе с критиканами, то мы, прочитав его, скажем только, грустно покачав головой над очерками Антона Крайнего и присных с ним:

«Ваша критика, Крайний Антон.
Представляет один «пустозвон».
Да едва-ли и возможно найти,
Чего путного в «Новом Пути?»
С. В. В.

Александр, иеромонах. [Рец. на] Отчет о деятельности Общества рел.-нравственного просвещения в духе православной Церкви» за 1902 г., Спб. 1902 LXVI стр. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 919–923

Недавно духовная и светская пресса сообщали о Высочайшем даре Обществу Рел.-Нравственного Просвещения в 50,000 руб., на постройку в С.-Петербурге двух каменных храмов – во имя св. Иоанна Предтечи и Воскресения Христова. Удостоенное Высочайшего всемилостивейшего дара Общ. Рел.-Нравственного Просвещения по своей ревностной всесторонней и широкой деятельности заслуживает внимания со стороны всего нашего православного духовенства и со стороны ревнующих о духовном просвещении народа благочестивых мирян. В этих видах мы находим полезным и благовременным ознакомить читателей, хотя бы в общих чертах, с отчетом общества за истекший 1902 год.

Когда мы слышим выражения: «общество», «союз», «комитет» и т. п., когда мы встречаем в печати их всякого рода «отчеты» и «сообщения», то очень часто у нас возникает скептическая мысль, что всё эти помпезные названия, вся эта изданная в изящных брошюрах, на веленовой бумаге, отчетность и проч., всё это – одно лиственное смоковое, прикрывающее наличную слабую и бесплодную деятельность.

Отчет Общ. Рел.-Нравственного Просвещения своим содержанием представляет самое светлое и выдающееся исключение из массы разных печатающихся скучных и показных «отчетов» и быстро уничтожает всякие мрачные скептические мысли читателя своими искренними и поучительными страницами.

Отчет – довольно объемист по внешнему виду и занимает более 200 страниц не особенно крупного шрифта. Это и понятно. Надобно было ведь хоть вкратце упомянуть о тех пунктах С.-Петербурга и его окрестностях, где устроены Обществом рел.-нравственные беседы. Таких пунктов 78! И

куда только не проникает Общество с светлым лучом пастырской проповеди! Посмотрите хоть в одно перечисление этих пунктов. Беседы ведутся и в Сергиевском всей артиллерии соборе (76 стр.) и в Адмиралтейском соборе (77 стр.), в зале Общества вспомоществования приказчикам (82 стр.), в зале Александровского рынка (82 стр.), в убежище калек (100 стр.), при городских скотобойнях (90 стр.), в депо мастерских 1 уч. тяги Никол. жел. дор. (93 стр.), в помещении полицейского резерва, в 14 пожарных командах г. С.-Петербурга (93, 94 стр.) и т. и т. д.

Общество устроило также чтения для образованных слушателей в Соляном городке. Деятельность по насаждению «трезвости» прямо изумительна.

В отчетном году в ведении Общества состояло всего до 15 обществ трезвости, не считая общества трезвости в Сестрорецке и Колпинского. Из них Александро-Невское Общество трезвости, при Воскресенской церкви, и Иоанно-Предтеченское Братство трезвости разрослись в обширные и многосторонние учреждения. Цифра членов первого из названных обществ прямо поражает своею колоссальностью. В истекшем 1902 году число трезвенников увеличилось против прежнего года на 16,000 человек. С большими задатками на всё большее и большее развитие трудятся и остальные общества трезвости. Несомненно, есть еще кружки и кружочки трезвенников помимо зарегистрированных в отчете, но о.о. наблюдатели, по-видимому, считают еще преждевременным давать о них официальные сведения.²³¹

Вообще деятельность Общества кипит и бьет живым ключом. Оно устраивает проповеднические собрания, где происходят оживленные суждения о наилучшей постановке проповеднического дела. 3-го Октября 1902 года состоялось собрание членов Совета и деятелей Общества со студентами проповедниками. Состоящий при обществе религиозно-просветительный союз под руководством достопочтенного о. протоиерея Константина Ивановича Ветвеницкого устраивал религиозно-нравственные чтения в 20 местах и т. д.

Как видим, деятельность Общества говорит сама за себя. Отчет чужд пышных фраз и риторства, везде одни факты и факты, цифры и цифры, месяцы, фамилии сотрудников и проч., так что всюду перед нами «дело», реальная правда, достоверная действительность, а не пустословие. Лишь очень редко автор отчета позволяет себе весьма краткими, но весьма характерными штрихами начертать маленький «эскиз» или картину из деятельности проповедников. Например, усердие народа к Иоанно-Предтеченскому храму, на Выборгской стороне, где неопустительно совершается истовое богослужение и неукоснительно предлагается проповедь, было велико; любители из народа участвовали в чтении и пении. Общенародное пение в храме поставлено на подобающей высоте. В важных случаях, пред праздниками, ревнители общего пения несколько раз в неделю собирались на свои спевки. В большие праздники храм был до того переполнен, что становилось совсем трудно дышать и свечи едва теплились.²³² Или вот, например, следующие строки из отчета. «Навсегда останется памятным в жизни Александро-Невского Общества трезвости тот грандиозный ход, что был устроен 23 Июня 1902 г. После литургии, отслуженной к 6 часам утра, крестный ход тронулся от Воскресенской Церкви. Шли тысячные толпы народа, у Путиловской церкви присоединились Путиловские трезвенники, – у церкви Петра Митрополита на Ульянке – пристали трезвенники со своим духовенством из Александровского завода. Версты за три навстречу вышел с крестным ходом преосв. Иннокентий, Еп. Нарвский (ныне Тамбовский). Народу стеклось до сорока тысяч человек».²³³

Общество издает массу книг и брошюр рел.-нравственного содержания. В истекшем 1902 году им было издано специально о трезвости 40 брошюр и 10 *изданий* особых листов против пьянства. Общество имеет свой духовно-просветительный орган: «Православно-русское слово», выходящее 2 раза в месяц и своими дельными статьями уже привлекающее симпатии публики.

Отрадно отметить и то обстоятельство, что от плодоносного древа Общества недавно возник новый прекрасный отпрыск –

«христианское содружество учащейся молодежи». Правила последнего утверждены советом Общества в заседании 25 Февраля 1903 г. Это «содружество» имеет свою целью 1) удовлетворение рел.-нравственных запросов современных учащихся русских молодых людей и 2) их духовное общение между собою (§ 1 прав.).

Говорить относительно данного «содружества» пока преждевременно, ибо оно еще не успело определить точно своего облика в практической деятельности, тем не менее учредители общества уже получали горячие сочувственные отклики устно и письменно от профессоров университета и других высших светских учебных заведений.

Такой колоссальный успех деятельности общества объясняется объединенностью и живым тесным общением его членов в подвигах, при помощи Божией, их высокой религиозно-просветительной миссии.

Вышеозначенный отчет прекрасно уясняет, какие громадные нравственные силы таятся в нашем духовенстве, а также какие роскошные цветы и плоды могут появиться в церковной жизни при умелом применении и усердной практической живой разработке этих сил.

Отсюда видно и то, как поучительно было бы ознакомление с этим отчетом всего прочего православного духовенства, живущего в захолустных провинциях и весях нашего отечества. Хорошо было бы, если бы книжки отчета распространялись, по всей Руси. Отчет является самым красноречивым показателем пользы взаимного пастырского общения в религиозно-нравственном деле.

С другой стороны, толстый и объемистый отчет своими назидательными, живыми, искренними и правдивыми страницами весьма силен «заградить уста» разным светским «лжесловесникам», твердящим о мнимом ослаблении пастырской ревности в нашем духовенстве.

Иеромонах Александр

Козицкий П. Невероятность религии без представления о личном Боге. Александра Соколова. Астрахань. 1902 г. июнь 8-ю 60 стр. ц. 35 к. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 923–924

Вопросы о Боге и о религии – принадлежат к числу тех вопросов, которые во все времена интересовали человеческий ум и привлекали к себе особенное внимание мыслителей и древнего и нового времени. В последнее время богословы-философы устремили свой взор в отдаленное будущее и стараются разрешить вопрос, какова должна быть религия в будущем. Задача – весьма трудная, но в тоже время и весьма почетная. Но беда в том, что мыслители эти берутся разрешить этот данный вопрос при помощи своего ума и человеческого авторитета, совершенно игнорируя авторитет свящ. Писания, как божественного, непререкаемой важности источника. И эти мыслители в своих конечных выводах пришли к тому убеждению, что религия будущего не такова будет, какую содержали и исповедовали наши благочестивые предки; религия, по их мнению, отделится от представления о Боге, как личном и совершеннейшем существе, и будет по мнению одних пантеизмом; по мнению других чем-то материализмом, по мнению третьих – абстрактным, без всякого представления о живом и личном Боге. Христианская религия с представлением о личном Боге, как несовершенная, отойдет в архив исторических событий европейской цивилизации и предастся забвению.

Уже одно то обстоятельство, что мыслители эти в решении данного вопроса, составляющего существенную потребность человеческого духа, не пришли к одному определенному выводу и каждый предлагает своё решение, – говорит не в пользу этих выводов. Естественно рождается вопрос: *возможна-ли вообще религия для человека без представления о Боге, как абсолютной личности?* Автор рассматриваемой нами брошюры с вышеуказанным заглавием дает довольно обстоятельное разрешение этому вопросу.

Автор путем психологическим и историческим устанавливает, что религия, как союз человека с Существом, высшим всего человечества, неограниченным и совершенным, присуща всему человечеству, как проистекающая от самой природы и жизни человека. И этот союз мыслится как общение с божественною Личностью. Человек, неустанно исповедуя своё бессилие и неудовлетворенность в физическом, интеллектуальном и эстетическом отношениях, всегда ожидает от Божества и чрез Божество высшей помощи себе, сил и средств к исправлению жизни и достижения счастья. На этих основах зиждется религия всего человечества. Отсюда, если человечество всегда и везде, во все периоды своего развития стремилось к сближению с Личным божеством и если человек в существе своём никогда не может измениться и останется тем же человеком, то и в будущем люди будут мыслить божество – существом личным и живым и будут искать с ним общения и единения. Существенные требования духа человеческого никогда не могут изменяться: они всегда будут одни и те же; значит – и религия будет всегда с теми же основными элементами, с какими была до сих пор, т. е. с представлением о личном Боге и загробном мире. Религия удовлетворяющая вполне всем требованиям этим будет религией для всех грядущих поколений человеческого рода. Но такой религии не приходится измышлять: она дана человечеству Христом и в первоначальной чистоте сохраняется в Церкви Христовой и именуется православно-христианскою верою. Одна христианская, новозаветная религия есть *истиннейшая религия, реальный теснейший союз человека с Богом*. И этот союз не обезличивающий человека, но лишь очищающий и освящающий его для новой, более совершенной деятельности не должен и не может казаться унижительным или не отвечающим духовным потребностям и будущему просвещеннейшему человечеству. Посему *православная вера* будет единственною истинною и необходимою религией и для грядущих поколений: никакие новейшие измышления пантеистов и материалистов заменить и вытеснить её собою не могут. До тех пор, пока человек будет человеком и бессмертным

духом, – и Бога он будет представлять высочайшей *Личностью* и религия его должна быть союзом с *абсолютной Личностью* и Божество в сознании людей никогда не перейдет в пустой логический абстракт или отвлеченное понятие. Все пресловутые религиозные современные системы должны пасть, – никогда ни одна из них не будет общемировой религией.

Такова схема рассмотренного нами труда А. Соколова. Автор прекрасно разработал данный вопрос и сумел разобраться во всех психологических его тонкостях и выяснить сущность его с очевидной ясностью и простотой. Труд автора, как глубоко продуманный и серьезно обследованный, имеет немалую ценность как в научном, так и в миссионерско-апологетическом отношении и заслуживает широкого распространения среди интеллигентных читателей.

П. Козицкий

Хроника

**I. Из мира инославия и заграничного сектантства.
(Движение против табакокурения среди
американского духовенства. Новое безумие
духобор. Швейцарский союз и мормоны. Молитва
об успехах миссии) // Миссионерское обозрение
1903 г. № 17. С. 925–933**

Движение против табакокурения среди американского духовенства

В Северной Америке уже неоднократно возбуждался вопрос, насколько пристойно духовным лицам курить табак. Один из американских епископов, именно епископ мильвокский Никольсон, напечатал в своем диоцезном органе «Церковное Время» послание, в котором убеждал духовенство и, особенно, младших из него воздерживаться от употребления табаку. Это послание вызвано было опубликованием постановления, сделанного правлением чикагской северо-западной железной дороги, которым запрещалось употребление табаку служащим на этой дороге. Истолковывая это постановление, епископ Никольсон настаивал, чтобы духовенство добровольно приняло эту меру самоотвержения, которую железнодорожная компания нашла себя в праве ввести среди своих служащих в качестве дисциплины в интересах пассажиров. Если употребление табаку даже железнодорожными кондукторами сочтено неприятным для известной части пассажиров, с которыми они входят в соприкосновение, то что же нужно сказать об употреблении его теми, кто должны входить в пастырские отношения с пасомыми и особенно теми из них, которым табакокурение причиняет неприятность? Послание епископа Никольсона было перепечатано всеми светскими газетами страны и вызвало такую необычайную корреспонденцию, которая привела самого епископа в некоторое смущение. Епископы и священники, председательствующие старейшины и окружные наблюдатели, мужчины и женщины, знакомые и незнакомые, завалили его письмами с выражениями своей благодарности за его

благородный крестовый поход против табакокурения; причем приводилось много примеров, как неумеренное употребление табаку духовенством вредило их духовному пастырскому влиянию более, чем всё другое.

За епископом мильвокским в этом же походе против табаку принял участие епископ канзасский, который напечатал в своём диоцезном журнале сильный призыв к своему духовенству под многозначительным заглавием: «Остановите каждение дьяволу»! «Мы с удовольствием прочли», – говорит епископ Мильспаук, – «следующее сообщение в отношении протеста епископа Никольсона против табакокурения духовенством». Приведя затем полный текст послания епископа Никольсона, он продолжает: «Мы надеемся, что епископ будет продолжать свою борьбу; надеемся, что и все другие епископы Америки придут к нему на помощь. Быть может, уже ничего нельзя сделать со «старыми» курильщиками; но если бы епископы строго относились ко всякому молодому человеку, который, приходя к ним за получением рукоположения, приносит с собою и нечестивый запах пагубного для души, разрушительного для тела и осквернительного для всего существа, табаку, то следующее поколение сделалось бы чище, изящнее, мудрее и лучше. Методисты поступают так вот уже несколько лет, и результатом оказалось то, что в рядах их духовенства появился более светлый, чистый и благородный подбор молодых людей. Теперь редко можно видеть, чтобы методистский проповедник когда-либо прибегал к табакокурению, между тем как в предшествующем поколении едва-ли можно было найти такого, который бы не курил табаку. Мы знаем из опыта, что это дурная и вредная привычка для духовенства. Подумайте только о священнике, который должен бы быть честнейшим человеком на земле, представителем чистейшей религии, который входит в святое святых, и вдруг от него отдает неприятным запахом табаку. Даже упрямый козел не выдержал бы пяти минут этого дьявольского запаха. Настало время для преобразования в этом отношении. Назрело и самое дело»!

По поводу приведенного заявления двух епископов не безынтересное «письмо в редакцию» прислал епископ

западного Мичигана Джиллеспи. В этом «письме в редакцию» он говорит: я также в течение всего моего епископствования боролся против этого зла. Я знаю, как лучшие люди в приходе неприятно чувствуют себя в виду подобной привычки своего настоятеля. Особенно виновно молодое духовенство и это наводит на мысль, *не нужно ли в наших богословских семинариях ввести безусловно запрещение табакокурения.* Будучи попечителем одной видной школы, я всегда замечал привычку курения и жевания табаку среди учащихся. Методисты правы, и результат тот, что в рядах своего духовенства они имеют самый чистый и лучший подбор молодых людей. Я никогда не буду рукополагать диакона, не посоветовав ему, строго и любезно, воздерживаться от спиртных напитков и табаку. То и другое имеет свою ужасную историю в нашем духовенстве. Я также со своей стороны говорю: назрело время для преобразований в этом отношении, назрело и самое дело».

Один мирянин обратился в редакцию журнала «Живая церковь» с письмом, в котором сообщает случай, как один юрист просто заболел вследствие табачной атмосферы, принесенной одним посетителем в его контору; так что он принужден был извиниться перед посетителем и оставить его одного в конторе! Легко представить себе, как неприятен бывает этот запах для больных или тех, которые принимают св. причастие и вообще очень чувствительны в этом деле. И, однако, настоятель церкви, думая быть очень любезным и не желая намеренно оскорблять чьих-либо чувств, может быть причиной оскорбления их благодаря этой своей привычке.

По поводу этого сообщения «Церк. Вестник» справедливо замечает, что это движение против табакокурения назидательно не для одних американцев. Если такой «крестовый поход» принимается против табакокурения среди духовенства в Америке, этой родине табаку, где оно вошло в плоть и кровь населения и где трудно представить себе человека, который бы не курил или не жевал табаку, то что сказать о нашем русском духовенстве, среди которого еще и доселе не вывелся этот непристойный его священному сану обычай, хотя против него боролся еще Филарет, митр. Московский!... По нашему, всё

дело в духовной школе, там корень этой зловредной и соблазнительной прихоти, оттуда должно и ждать исцеление нажитого нашим духовенством недуга. Конечно, борьба эта будет бесплодна, пока борьба с табакокурением будет вестись лишь полицейско-надзирательскими мерами, — «поддавливания» и сбавки поведения. Это только раздражает «аппетит» курящих. Нужно в чувстве и уме молодых людей, кандидатов священства, возбудить сознательное, серьезное отношение к этому нежелательному среди служителей Церкви явлению и чувство отвращения к самому процессу табакокурения и табачному дыму, какое испытывают все наши староверы и сектанты. Тогда не будет трубокуров и среди наших пастырей Церкви.

Новое безумие духобор

Духоборы, заставившие так много говорить о себе прошлой зимой, опять обратили на себя всеобщее внимание новой, дикой выходкой. Американские, английские и французские газеты сообщают, что некоторые фанатики перебрались из Иорктоуна и Винипела в Соскачеван и смутили тамошних поселенцев, колонии которых считались до сих пор образцовыми. Призывая новых последователей идти на встречу Христу, сектанты уже не довольствовались воздержанием от всякого рода животной пищи и от ношения шерстяных тканей. Желая подражать райской чистоте Адама и Евы до грехопадения, они отказались от какой бы то не было одежды и стали ходить совершенно нагими. Духоборы привели за собой в Соскачеван до 60-ти человек последователей, которых они успели набрать по дороге в разных деревнях. Конная полиция арестовала фанатиков и водворила их на места жительства, главаря же их, Паналойкина, власти вынуждены были поместить в больницу для умалишенных. Его считают безнадежно помешанным. Правительство твердо решилось не допускать повторения прошлогодних беспорядков, власти не ожидают дальнейших вспышек дикого фанатизма и надеются, что духоборы опомнятся и скоро вернутся к нормальной жизни благоразумных американских граждан.

Швейцарский союз и мормоны

Немецкая газета Basler Nachrichten сообщает, что мормонские апостолы были недавно изгнаны из Берлина. Швейцарская печать единодушно высказывает мнение, что следует принять меры против этих проповедников, если им вздумается направиться из Пруссии в Швейцарию. Многие газеты в том числе и «Базельские Известия» выражают надежду на то, что мормонам не будет дозволено избрать Швейцарию ареною нечистоплотных проделок для уловления в свои сети человеческих душ. Швейцарское общественное мнение имеет полное основание относиться к мормонам враждебно. Еще недавно представитель одной из иностранных держав в город Соленого Озера (Штат Ута) писал швейцарскому консулу в Сан-Франциско между прочим следующее:

«Мормонские миссионеры доставляют сюда ежегодно до ста человек швейцарцев, которые прекрасно жили на родине, здесь же терпят горькую нужду. Мормоны обирают их до нитки и не оставляют им ничего кроме глаз, чтобы они могли оплакивать постигшее их ужасное бедствие. Рассказ о том, чему я был свидетелем, тронул бы тугра до слез; мормоны же остаются совершенно равнодушны ко всем ужасам так, как ничто не может тронуть камни, заменяющие им сердца».

Швейцарское правительство имело уже и раньше случай показать на практике, как оно относится к мормонам.

В 1886 г. окружный суд в Цофингене, в Кантоне Берн, приговорил мормонского проповедника Лузли к 17-ти дням тюремного заключения и 300-м франкам штрафа. Суд мотивировал свой приговор тем, что пропаганда мормонства нарушает общественный порядок и является преступлением против нравственности, так как все христианские государства смотрят на многоженство – главный догмат мормонства – как на учреждение в высшей степени безнравственное. Всякий, приобретающий последователей для этой секты, содействует распространению безнравственности. Лузли обжаловал приговор суда, опираясь на то, что в Швейцарии закон гарантирует свободу веры; но жалоба его была отвергнута Советом Союза, при чем было указано на то, что и в Северо-

Американских Штатах существуют строгие законы против мормонов именно по причине принятого у них многоженства.

При совращении в своё учение женщин, мормонские апостолы часто вовсе не упоминают о многоженстве, как о свойственном их секте учреждению и этим самым намеренно обманывают людей из корыстных целей. Союзный совет высказался в том смысле, что правительство не может оказывать покровительства мормонам и смотреть на их проповедь, как на богоугодное дело. Мормонство в одном из главнейших своих догматов находится в полном противоречии с существующими в Швейцарии понятиями о нравственности и общественный строй в земле мормонов сложился таким образом, что Союз Швейцарских кантонов оставляет за собою право прибегать к полицейским мерам в виду охранения своих граждан от мормонской пропаганды.

Число мормонских миссионеров в Германии равняется 150, из них 90 действовали в Пруссии, пока не были изгнаны прусским правительством.

Молитва об успехах миссии

В Северной Америке свято соблюдается обычай – первый понедельник нового года посвящать молитве за успех миссий. Взрослые молятся в храмах, школьники – в их классах.

В одной школе ученики просили учителя в понедельник нового года (1866-го) помолиться с ними об успехах миссионера, недавно отправившегося в Ост-Индию. Чрез «несколько месяцев этот миссионер прислал письмо на родину, в котором сообщил, что в этот день к нему явились зараз 14 язычников с просьбой научить их вере во Христа, а за ними последовали многие другие». Не ясно-ли, что молитва детей оказалась услышанною Богом?

Но рассказ этот поучителен для нас русских не с этой только стороны, а и в другом отношении. Мы видим, что у иностранцев существует обычай знакомить детей с миссионерским делом с малолетства и устраивать для них ради этого особые миссионерские праздники.²³⁴ Праздники эти, бесспорно, имеют громадное значение для миссии. Они возбуждают и развивают среди самого общества или народа

интерес к миссионерскому делу, поддерживают сознательное, сочувственное отношение к нему, обогащают миссии и денежными пособиями. У нас ничего подобного нет и детям нашим о миссии едва-ли когда приходится даже и слышать что-нибудь. А между тем, что внушено бывает в детском возрасте, то особенно является в последующей жизни прочным и близким. И вот, не здесь-ли скрывается одна из причин того, что в то время, когда за границей миссионерское дело пользуется таким широким общественным вниманием, у нас интерес общественный к миссиям очень слаб. Не тайна, что многие даже из пастырей Церкви у нас вовсе безразличны и безучастны к миссионерскому делу, а некоторые так прямо относятся к нему отрицательно и говорят, что у нас и внутри страны много дела, много неурядиц и бедности. Успехам миссии такое настроение, конечно, не может благоприятствовать, и мы действительно видим, что миссии иностранные располагают громаднейшими денежными средствами, наши же миссии имеют в своём распоряжении средства настолько ограниченные, что нельзя их даже и сравнивать с первыми. И удивляться этому нечего. Дело миссии, пока оно пользуется только субсидиями правительства, является делом чисто казенным, не может стоять вполне широко и увеличивать свои средства ежегодно новыми и новыми притоками. Это возможно лишь в том случае, когда оно становится не казенным, а народным делом, когда на поддержку его страна от себя собирает обильную лепту помимо тех средств, которые ассигнуются правительством.

Но ясно само собою, что достигнуть этого можно лишь путем пробуждения и развития интереса в самом народе к задачам и целям миссии. И как бы было полезно в этом отношении последовать примеру американцев и воспользоваться для цели этой нашими школьными рождественскими елками, этими светлыми детскими праздниками, к которым у нас пока не приурочено никакой общей определенной практической цели и которые носят у нас пока характер случайных детских развлечений.

И пусть не говорят, что для детей это дело будет не под силу или что оно не затронет их и покажется не интересным. Отчеты миссий иностранных показывают нам как раз совершенно обратное. В них имеется несколько примеров, как внимательны и чутки дети к рассказам о миссиях и их деятельности и насколько искренно и горячо способны они отзываться на нужды миссии. Вот эти примеры.²³⁵

«В южной Германии одна юная слепая девица добывала себе пропитание вязанием чулок. Однажды она принесла значительную сумму на миссию к пастырю. Тот спросил жертвовательницу: «как она сберегла столько денег?» Слепая отвечала: «я зарабатываю вязанием чулок не более подруг, но я не нуждаюсь в освещении. Я вам принесла столько, сколько у меня могло бы выйти за зиму на керосин». Можно сказать, что слепая телесно жертвовала на слепых душевно всю прибыль от своего убожества».

«В одной немецкой деревушке осьмилетний Фриц получил перед ярмаркой от отца мелкую серебряную монету. Мальчик был рад подарку поблагодарив отца, он долго смотрел на монету и спросил: «Совершенно-ли мне принадлежит эта монета?» По утвердительном ответе мальчик вновь спросил: «обязан-ли я на неё купить что-либо на ярмарке или могу употребить, куда хочу?» Отец сказал: «употребь, куда хочешь». Тогда заблестали у мальчика от радости глаза и он воскликнул: «свою монету я отдам Господу Иисусу для язычников, чтобы им проповедовали Евангелие и научили их любить Господа!» И мальчик тотчас побежал не за лакомством, как бы можно ожидать, а к пастору, который ласково принял жертву ребенка и отослал её вместе с другими в Африку на нужды миссии».

«К миссионеру Людвигу Гармсу пришел однажды мальчик с гривенником в руках и сказал ему, что этот гривенник он нашел возле церкви, разыскивал потерявшего, но никто не сказался. «Что же ты желаешь купить на эти деньги?» – спросил миссионер. «Эти деньги не мои, отвечал ребенок. Но я желал бы их отдать на букварь для языческого мальчика». Миссионер с благодарностью принял жертву. Но мальчик не уходил. Он спросил Гармса: «правда-ли, что два воспитанника

миссионерской школы отказались от службы в миссии и вышли из школы?» Когда миссионер печальным тоном подтвердил это известие, маленький жертвователь серьезно сказал: «не огорчайтесь, господин пастор. Приготовьте к миссии меня. Я уже знаю все буквы и скоро научусь читать». Миссионер, конечно, не мог сейчас же воспользоваться наивной готовностью ребенка, но обнял его и помолился Богу, чтобы впоследствии из него образовался полезный миссионер».

«В Шотландии у одного ребенка мысль сделаться миссионером впервые возникла в миссионерский праздник при слушании проповеди о жалком материальном и духовном состоянии язычников-дикарей. Но когда пришло время класть на тарелку подавание на миссию, мальчик в смущении вспомнил, что у него нет в кармане ни копейки. Он решился непременно от сборщиков подаваться назад и ускользнуть из храма. Но это ему не удалось: сборщик уже стоял пред ним с большим блюдом и глядел на него. Мальчик сконфузился, но овладел собою и сказал сборщику: «отпустите блюдо ниже... еще и еще ниже». Когда блюдо было поставлено на пол, мальчик стал на него и сказал: «денег у меня нет, но я себя отдаю на служение миссии...». И выросши он исполнил слово».

«Одна крестьянская чета вблизи Оснабрюка приняла в качестве пастушка, но более из сострадания, бесприютного сиротку. Весною 1842 года этому пастушку привелось быть в миссионерский праздник в храме. Пастор проповедовал о бедственном положении язычников и об обязанности христиан помочь им. «Нет человека в нашем собрании, заключил пастор речь, который не мог бы помочь язычникам». Задумался наш пастушок. Для него было ново, что миллионы людей живут, не ведая Христа. «По словам пастора, думал юноша, и я могу помочь делу, но чем же?» И надумал. Он попросил у хозяев в своё распоряжение поросший бурьяном и крапивой уголок огорода и посадил там несколько картофелин. Бог послал урожай. Накопал наш пастушок два мешка картофеля и вырученные за него деньги передал на миссию».

«Один пастор роздал детям запертые ящики, чтобы дети клали в них свои жертвы на миссию. Одна безнадежно больная

девочка выпросила себе такой ящичек, и каждую неделю клала в него по монете, получаемой от отца. По её смерти, ящик, при отце, был вскрыт и в нём оказалось монет больше, чем могла девочка получить от отца. Вскоре недоумение разъяснилось: одна благотворительница обещала прислать умиравшей девочке апельсинов, но эта упросила даму стоимость апельсинов положить в ящик на миссию. Отец, узнав это, возблагодарил Бога».

В Англии на крохотные жертвы, поступающие от школьников, выстроен и снаряжен для миссионерских целей корабль.

Как свойственна детям миссионерская ревность, доказывается тем историческим фактом, что в XIII веке десятки тысяч детей обоего пола отправлялись в поход избавлять гроб Господень от нечестивых агарян. Разумеется предприятие это было не по силам для детей и кончилось гибелью многих из них, но здесь важно то, что детская душа легко воспринимает религиозные идеи и способна к жертве. На воспитателях юношества лежит высокая обязанность пробудить в детях религиозную идею и дать ей надлежащее неболезненное направление.

М. II. Миссионерство, секты и раскол. (Суждения Таврического обще-епархиального миссионерского съезда по миссионерским делам. Состояние раскола и сектантства в епархии. Появление штунды в Крыму. Проект мер к оживлению миссионерской деятельности. Новое домогательство штундистов. Отношение современных раскольников в Свят. Писании) //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 933–945

В истекшем сентябре в г. Симферополе состоялся епархиальный съезд, на который епархиальной властью возложено было рассмотрение и миссионерских дел, как сообщается в местных епархиальных ведомостях, прежде всего этого съезд заслушал доклад о. епархиального миссионера о состоянии сектантства в Таврической епархии. Из этого доклада между прочим выяснилось: всего раскольников и сектантов в епархии числится 15327 душ обоего пола; из них раскольников 2132; а сектантов молокан и штундистов 13195 душ обоего пола.

В молоканских колониях замечается перерождение молоканства в штундизм, что не может не препятствовать успехам миссии и представляется более опасным для православного населения епархии в виду того фанатизма и склонности к пропаганде своего лжеучения, которым отличается штундизм. В Тимошовке и Петропавловке сектантство не развивается и особенно вредного влияния на православных в настоящее время не оказывает; напротив, ежегодно бывают случаи возвращения в православие. На хуторе Скелеватом Остриковского прихода сектантство занимает угрожающее положение по отношению к православным, идет деятельная пропаганда штундизма, которой не мало способствуют: отдаленность хутора от приходского храма, соседство немецких колоний и разбросанность самого хутора. Пропаганда сектантства усилилась в последнее время после того, как

сектанты, привлеченные к ответственности за устройство самочинных веропроповеднических собраний, были оправданы.

Пропаганда сектантства в последнее время появилась и заметно развивается в Крыму, а именно: в Симферополе, Севастополе, Ялте,²³⁶ Евпатории, Алушке, Керчи, Марьевке Марфовского прихода. Эта пропаганда идет из города Севастополя, с сектантскими общинами которого находятся в самом деятельном и живом общении штундисты г. Симферополя, Ялты, Алушки и Керчи; откуда (от севастопольских штундистов) они получают и нравственную поддержку, и руководство, в лице часто приезжающих севастопольских сектантских миссионеров, и материальную помощь. Хлыстовство, известное в Крыму под именем «Марьяновщины», существует в селах Днепровского уезда: в Збурьевке, Красном, Далматовке, Костогрызовке и Келлегейских хуторах. Года четыре тому назад началась пропаганда хлыстовства в порте Скадовске, которую вел здесь выходец из Херсонской губернии хлыст П. Самборский, о переходе которого в Таврическую епархию предупредила Херсонская духовная консистория. В настоящее время устройством в Скадовске отдельного прихода, и благодаря вовремя принятым мерам пастырско-миссионерского воздействия, развития и пропаганды хлыстовства и в Скадовске и в других указанных местах не замечается.

Раскол, имея небольшое число последователей, живущих при том рассеянно среди православного населения, разделенный на отдельные толки, не представляет в Таврической епархии из себя силы, которая могла-бы быть опасна для православного населения. Склонностью к прозелитизму раскольники не отличаются. По сообщениям окружных миссионерских комитетов и окружных миссионеров раскольники пропаганды своего учения не ведут и не чуждаются православного населения и даже пастырей православной церкви. Особенно это нужно сказать относительно молодого поколения раскольников, которое заметно слабеет в расколе. Раскольники посылают своих детей и мальчиков, и девочек в школы, даже церковно-приходские, и не возбраняют им учить

Закон Божий и посещать православный храм вместе с другими школьниками; в гор. Бердянске напр. нет ни одной школы, в которой бы не учились дети раскольников; раскольники дер. Мамы, не смотря на пятиверстное расстояние, посылают своих детей в церковно-приходскую школу дер. Ергаков-Кук. Уклонений в раскол из православия не замечается; случаи же возвращения в лоно св. Церкви из раскола бывают не редко. Надо сказать при этом, что эти обращения достигаются путем постоянного общения их с православным населением и пастырями Церкви; особенно это должно сказать о тех местах, где раскольники представляют из себя небольшое число среди православного населения.

Для непосредственной борьбы с расколом и сектантством организована миссия, состоящая из одного епархиального и четырех окружных миссионеров. Кроме миссионеров на поприще миссии подвизались еще епархиальный и окружные миссионерские комитеты. Все эти лица и учреждения вели борьбу с расколом и сектантством под непосредственным руководством и указаниями его Преосвященства, руководственные резолюции которого часто печатались в местных Епархиальных Ведомостях.

Указанная о. епархиальным миссионером цифра сектантов и раскольников только приблизительно; между тем точные статистические данные имеют весьма важное значение в деле миссии, посему съезд постановил: просить Таврическое духовенство возможно точнее и тщательнее заполнять разосланную статистическую таблицу и непременно представлять её к установленному сроку, т. е. к 1 июля каждого года. Необходимо также, согласно 9 пункта Синодального Указа, от 26 мая 1900 г., вести особую от исповедных росписей запись раскольников и сектантов с подразделением её на две части: первую для внесения раскольников и сектантов, значащихся таковыми от рождения, и вторую для уклонившихся в раскол или секту с указанием числа лет. Один экземпляр этой записи представлять ежегодно Таврическому епархиальному миссионерскому комитету, другой хранить при церкви; а в случае обнаружения в приходе новых отпадений в раскол или

секту, или появления какого-либо нового вредного сектанта предложить приходским священникам немедленно доносить об этом своему миссионерскому комитету для принятия необходимых мер. В настоящее время вновь поступающий на приход священник бывает совершенно не осведомлен о внутренней жизни сектантов его нового прихода, что так необходимо для более правильной и успешной борьбы с ними. И пока священник займется и изучит своё приходское сектантство, от него может произойти много существенного вреда для православного населения. Это зло легко устраняется выше указанными записями; в эти записи необходимо вписывать не только точные статистические данные о сектантах прихода, но и всё более важное, что совершается в их жизни, а также и те меры воздействия и вразумления, какие принимались священником. Для того же, чтобы эти записи во всех приходах велись однообразно и правильно, просит Таврический епархиальный миссионерский комитет выработать образец записи и, напечатав, разослать его чрез о. благочинных во все приходы епархии.

Для оживления деятельности окружных миссионерских комитетов съезд находил необходимым, чтобы все приходские священники данного округа состояли бы непременно членами своего комитета и принимали бы самое живое и деятельное участие в жизни тех приходов, которые заражены сектантством. Посему необходимо: окружным миссионерским комитетам возможно чаще устраивать свои братские собрания; чтобы приходские священники за разрешением всех возникших в их пастырской практике недоуменных вопросов обращались к своему комитету и о всех важных событиях в жизни местных сектантских общин, как обращение в православие, соращение в секту и т. п., прежде всего сообщали бы тому же комитету. Необходимо также членам комитета возможно чаще вести с православным населением зараженных сектантством приходов, а если возможно, то и с самими сектантами, религиозно-нравственные и вероучительные собеседования; совершать в этих приходах торжественные соборные богослужения, в особенности во дни храмовых праздников, приспособляя к

этому времени не только раздачу листов, брошюр и других книг религиозно-нравственного содержания, но и оказание в возможно более широких размерах помощи бедным прихода.

Миссионерский епархиальный комитет производит значительные, всё более увеличивающиеся, затраты: на содержание миссионеров, на выпуск листов и брошюр, на содержание церковно-приходских школ, на помощь беднейшим сектантским приходам, на помощь присоединяющимся к православию и беднейшему населению епархии и т. д. Затраты эти далеко не соответствуют тем средствам, какими располагает ныне комитет. В виду вышеизложенного съезд постановил: для усиления материальных средств епархиального миссионерского комитета желательно осуществление 10 пункта протокола № 13-й от 16-го июня 1900 г. миссионерского заседания, коим было предложено, чтобы само духовенство пришло на помощь миссии, своими личными материальными средствами, именно в виде ежегодных взносов: от священника по 1 р. 50 к., от штатного диакона по 1 р. и от псаломщика по 50 коп. Вопрос об этих взносах решить на первых десятковых съездах и постановления съездов представить епархиальному комитету. Кроме сего, поручить епархиальному миссионерскому комитету отпечатать и разослать чрез о. о. благочинных по церквам епархии листы для сбора пожертвований в пользу комитета, по примеру листов, рассылаемых ныне местным отделом Московского миссионерского общества.

Появлению сектантства в новых местах и усилению его способствует главным образом разнообразие населения и масса иноверцев и инославных, влияющих иногда на православных в такой степени, что последние теряют не только веру православную, но даже и внешний облик русского, разучиваясь нередко говорить на родном языке. А на такой почве весьма легко могут привиться и произрастать плевелы лжеучения и даже неверия. Этому же способствует огромное протяжение приходов; отдаленность в Крыму (30–40 верст) деревень от приходских храмов; невозможность чрез это пастырям иметь должное и современное пастырское влияние на проживающих в

них прихожан, отсутствие там церковной проповеди; несвоевременное удовлетворение насущных религиозных потребностей; отсутствие нравственной связи между пастырями и пасомыми в городах; это происходит вследствие постоянной перемены состава населения, так как рабочему люду, в силу необходимости, по местным условиям жизни, постоянно приходится перекочевывать из прихода в приход, из города в город. Появлению сектантства и его развитию способствуют также разбросанные повсюду немецкие колонии. Немцы-баптисты главные пропагаторы штундо-баптистического лжеучения среди православных, проживающих в их колониях; а штундисты прямо посылают своих особых миссионеров для насаждения штунды в городах и селах епархии, как это было в Севастополе, Ялте, Керчи, Марьевке и других местах. Как средство пропаганды сектантского лжеучения, большое и важное значение имеют открыто устраиваемые штундистские молитвенные собрания, на которые сектанты всячески привлекают православных; затем экзальтированное настроение молящихся на этих собраниях, выражающееся в горячей проповеди, импровизированных молитвах и других религиозных действиях, совершаемых, якобы по внушению Св. Духа. Материальная нужда населения и соблазнительные обещания помощи со стороны сектантов часто являются причинами уклонения православных в сектантство. Денежные субсидии для пропаганды сектанты получают не только от наших русских и столичных сектантов, но из-за границы. Немаловажное значение в деле развития сектантства составляют также, хотя и единичные, но все же соблазнительные случаи неблагоповедения духовенства; недостаточность содержания его и ненормальная форма получения этого содержания, равнодушное, а иногда и прямо враждебное, по местам, отношение к православной Церкви интеллигенции и др.

Съезд остановил своё особое внимание на вопросе о лучшей постановке и усилении преподавания Закона Божия в миссионерских целях во всех *народных* (церковных, земских и министерских) школах, и *постановил*: предложить священникам зараженных сектантством приходов преподавать Закон Божий

во вверенных им школах по программе священника Иустина Ольшевского, принятой и рекомендованной третьим всероссийским миссионерским съездом. Но, кроме того, съезд находит полезным руководствоваться этой программой при преподавании Закона Божия не только в школах приходов, зараженных сектантством, но и вообще во всех школах епархии; особенно желательно, чтобы такого рода преподавание Закона Божия было усилено в школах второклассных, чтобы учителя и учительницы, выходящие из этих школ, были, хотя несколько, знакомы с сектантским лжеучением и способом его опровержения.

Относительно хлыстов съезд находит необходимым руководствоваться 13 п. Синодального Указа, от 26 мая 1900 г., коим духовенству предлагается: «для охранения Таинства Св. Причащения от поругания со стороны хлыстов, не допускать их к приобщению Святых Таин, пока они, по исповедании своих грехов, не произнесут вслух народа отречения от всех хлыстовских заблуждений и не дадут обещания до конца жизни твердо содержать учение Православной Церкви». Но вместе с тем съезд находит необходимым рекомендовать духовенству применять этот пункт указа с большою осмотрительностью, снисхождением и любовью к немощствующим братьям.

Кроме того, признано желательным устройство для народного чтения библиотек и читален с соответственным подбором книг, из которых простой народ мог-бы получать для своего религиозного, нравственного и умственного развития вполне здоровую пищу, вместо того модного хлама, который преподносят народу, в качестве последних слов науки, мнимые радетели народного блага. Для того же, чтобы более заинтересовать и привлечь народ на устраиваемые духовенством чтения, необходимо эти чтения иллюстрировать световыми картинками волшебного фонаря. Желательно было бы иметь такой фонарь в каждом приходе, но так как по недостатку средств приобретение его не всегда и не всякому приходу доступно, то съезд рекомендует: озаботиться окружным миссионерским комитетам изысканием средств для приобретения фонаря, картин, экрана и прочих

принадлежностей для всего округа. Чтения можно устраивать в приходах поочередно. Епархиальный же миссионерский комитет просить рекомендовать для выписки фонаря и его принадлежностей лучшую фирму.

Съезд пожелал открыть приходские братства повсеместно и в особенности в приходах, зараженных сектантством, как учреждение весьма полезное, и как одно из действительных средств сближения пастыря с пасомыми. В руководство принять существующий устав приходских братств Таврической епархии, не стесняясь, однако, обширностью его задач, а выбирая для начала своей деятельности из него только то, что более подходит к местным условиям приходской жизни. Только нужно помнить главную цель учреждения братств – собрать подле священника лучшие силы прихода. Для большего успеха и оживления деятельности братств съезд рекомендует: возможно частые собрания братчиков и других посторонних лиц для чтения, собеседования и т. п. Особое внимание братства должны обратить на приходскую благотворительность. Здесь была прочитана резолюция Его Преосвященства, последовавшая на отчете Севастопольского миссионера, священника Николая Бортовского, следующего содержания:.. «Рекомендую пастырям церкви, каждому в своём приходе, иметь списки бедных семейств и заботиться о том, чтобы прихожане знали об этих бедняках и помогали им и непосредственно, или посредственно чрез самого же священника. Было бы хорошо, если бы священники пред Святками, пред Св. Пасхой, пред престольным праздником и при других обстоятельствах делали или лично сбор в пользу бедных своего прихода, или посылали почетных стариков и старух для этого. На собранные деньги матушки могли бы с другими прихожанками шить белье бедным, покупать муку и печь хлебы, – и рассылать всё это. Сам же священник с почетными прихожанами мог бы заботиться о покупке дров во время холода и рассылать всё это, а равным образом и деньги»...

Выслушав эту резолюцию, съезд выразил сердечное желание, чтобы эта резолюция Владыки не оставалась только

благим пожеланием, но, чтобы, насколько возможно, была проведена духовенством в жизнь приходов.

Съезд просил благочинного Симферопольского округа и о. о. благочинных Перекопского уезда о приведении в исполнение 1 п. постановления из протокола № 13-й от 16 июня 1900 года о приписке немецких колоний и сектантских поселков к православным приходам, так как в означенном Симферопольском благочинии и Перекопском уезде хутора и колонии еще не приписаны. Цель приписки этих немецких колоний и сектантских поселков та, чтобы священники имели возможность посещать живущих там рабочих, особенно в Великий пост для исповеди и причастия Св. Таин и вообще для удовлетворения их религиозных нужд.

Для той же цели удовлетворения религиозных нужд православных рабочих и ограждения их от влияния инославных и сектантов окружным миссионерским комитетам необходимо озаботиться возможно скорейшим устройством молитвенных домов по колониям, о чём имел уже суждение Таврический епархиальный миссионерский съезд в 1899 г. По сообщениям некоторых священников (Астраханки, Ново-Васильевки и др.), при посещении ими немецких колоний им весьма часто отводили совершенно неподходящие для совершения богослужения помещения, как сараи, амбары и т. п. При этом съезд просит Его Преосвященство войти в сношение с г. губернатором о том, чтобы общества немецких колонистов пришли на помощь духовным нуждам своих многочисленных православных рабочих – отводом земли для устройства молитвенных домов, а если возможно, то принятием участия и в затратах на построение этих домов и затем, чтобы хозяева-колонисты не стесняли рабочих во время приезда священника, а свободно отпускали бы их для участия в богослужении.

Что же касается средств для устройства молитвенных домов в означенных немецких колониях, то кроме средств местных, *съезд постановил*: просить Его Преосвященство войти с ходатайством в Святейший Синод об отпуске ежегодно суммы в (1.000) тысячу рублей из фонда на построение церквей и школ Империи, в виду того, что рабочие немецких колоний

Таврической епархия выходцы со всех губерний Империи (Таврич. Епарх. вед. 1903 г. № 19–20).

От рассуждений и постановлений миссионерского заседания епархиального съезда духовенства Таврической епархии веет настоящей духовной жизнью и практическим знанием нужд нашей внутренней миссии. Дай, Господи, его добрым намерениям и мероприятиям добрых плодов!

* * *

В недрах штундистской секты в последнее время повсеместно замечается новое возбуждение, вызванное агитацией штундистских вожаков. Последние придумывают новые ухищрения для обхода закона 1894 г. о воспрещении богомоленных собраний, так они сочиняют новое изложение веры и даже печатают его и придумали опять новое наименование последователям своей секты, – «евангельских христиан», – вместо «баптистов», пишут и подают ходатайства правительству. Так, группа проживающих в Одессе штундистов, именующих себя христианами евангельского исповедания, обратилась к министру внутренних дел с прошением об ограждении их от преследования за совершение общественных богомолений и о применения к ним прав и льгот, дарованных законом 3 мая 1883 г. По поводу этого ходатайства одесский градоначальник обратился с вопросом к высокопреосвященному Иустину, архиепископу херсонскому и одесскому, от которого поступило особое заключение, напечатанное в официальном органе одесского градоначальства. Заключение это имеет важное принципиальное значение. Вот его содержание.

«Все штундисты Херсонской губ. и г. Одессы, – говорится в записке архиепископа, – после издания о них Высочайше утвержденного 4 июля 1894 г. положения комитета министров и циркуляра министра внутренних дел, коим секта штундистов признана наиболее вредною в церковном и государственном отношениях, желая незаконным путем обойти изданный против них ограничительный закон, стали при всех случаях и во всех официальных делах, пред властями и пред народом, именовать себя «баптистами» в надежде, что переменой названия своей секты им удастся приобрести те права, которые даны законом

1879 г. немцам-колонистам – баптистам. Но многочисленные судебные дела о штундистах, при научно обоснованных экспертизах, скоро показали несомненное различие в вероучении немецкого баптизма и русского штундизма, почему суды стали смотреть на сектантов, как на штундистов, неправильно усвоющих себе наименование баптистов с целью приобретения религиозных прав последних.

Такое отношение судов к штундистам особенно установилось с появлением известного циркуляра министра юстиции от 3 апреля 1900 г., предлагающего судебным учреждениям и лицам обратить внимание на то, что последователи русской секты, штунды, ранее уже неправильно присваивавшие себе название баптистов, в последнее время особенно настойчиво стали именовать себя баптистами, и, вводя этим в заблуждение судебные власти, избегают иногда судебной ответственности за устройство общественных молитвенных собраний. Убедившись таким образом, что переименованием своей секты из штундистской в баптистскую они не достигли приобретения прав последней, штундисты Херсонской губ. и в частности г. Одессы, в надежде снова обойти закон о них 1894 г., измыслили новое название своей секты: «христиане евангельского исповедания, приемлющие водное крещение по вере», – название, собственно говоря не определяющее ни сущности вероучения, ни отличительных признаков секты.

Но какое бы звание своей секты ни придумали сектанты, подавшие теперь министру прошение об ограждении их от преследований и даровании им прав и льгот, последователи её должны быть без всякого сомнения признаны не иным чем, как только штундистами, приверженцами признанной одной из наиболее вредных сект в церковном и государственном отношениях».

К этому архиепископ Иустин присовокупляет, что подавшие министру прошение сектанты неоднократно привлекались чинами полиции к суду за незаконные собрания, как штундисты и местные суды выносили им обвинительные приговоры за их собрания.

В таком же роде поданы ходатайства штундистами Екатеринославской и Киевской губернии. О них потолкуем в другой раз.

* * *

Раскольники в своей самозащите на беседах с православными миссионерами всё больше и больше отказываются от старопечатных книг, которые мало их стали оправдывать, и всё чаще и чаще берутся за книги «беззастежные», которыми раньше гнушались. Да еще если бы защищались такими «беззастежными» которые-бы заслуживали внимания и были достойны своей высокой цели – защищать истину, а то просто, кощунственными. Наш корреспондент свящ. Чередников сообщает, как в минувшем июле месяце, на границе Костромской с Нижегородской епархией, в д. Михайлов была назначена достойным тружеником миссионерского дела Нижегородским миссионером И.П. Ломакиным беседа, о которой мы, соседи иереи,²³⁷ были оповещены почтенным миссионером.

Когда прибыли на беседу, то местные раскольники послали лошадь в другую деревню Перехвашкино за начетчиком, которого не более как через час и привезли. Торжественно, не торопясь подошел начетчик самокрещенец Ф.И. к столу, не торопясь вынул несколько книжек из сумки своей и пожелал вести беседу о греческой церкви, которую он считает падшей со времени Флорентийской унии, что и вычитал из своей книжонки, подтверждая: «смотрите слушатели, ведь я читаю не что-нибудь, а Священное Писание, слышите здесь и Марк Ефесский поминается и всё Божественное». И.П. Ломакин из книги о Вере прочитал об этом событии и стал доказывать, что никакого соединения греческой церкви с римской не было и что в книге о Вере написано – кто не подписался под деянием Флорентийского собора. На это раскольничье светило Ф.И. возразил, что он более верит своей книге, а не «Вере», из которой не желаю-де и слушать возражения.

На эти его слова слушатели раскольники сказали: Ф.И., да какая-же это у тебя книжечка, ведь она «беззастежная», а ты говоришь, что она верней старинной книги «Веры». Присутствовавший-же здесь священник в это время стал

перелистывавать эту хваленую Ф. И. книжечку и говорит: «а вот, почтенные слушатели, послушайте, из какой Ф. И. книжки-то читал вам и какую он считает правее «Веры», читает:

А мы просо сеяли, сеяли?

Ой люди сеяли, сеяли!²³⁸

А вот еще другая песня:

Уж как муж жену любил

Да по шее колотил.

Еще не успел священник прочесть двух стихов этих, как поднялся невообразимый шум среди раскольников, которые набросились на своего защитника с бранью: «что же ты это нас морочить пришел, и защищать песнями от миссионеров, да еще Священным Писанием эту гадость называешь!»! И тут же многие ушли с беседы.

Бесстыжий же Ф. И., ничтоже сумняся стал оправдываться что ведь и эта книжка прошла через цензуру, ведь и её Никониане издали.

Конечно, чем кончилась эта беседа говорить излишне, но только факт этот – лишняя страничка иллюстрирующая раскольничьих защитников, которые, пользуясь тьмой и невежеством раскольничьей массы, морочат ей голову всевозможными брошюрками да рассказами, положительно не имеющими никакой цены в деле миссии, да и дерзко выдают разные историйки за Священное Писание. Не чужды подобных приемов и господа Усовы, Мельниковы, Коноваловы, являющиеся на беседу, особенно первые, с газетками, гектографированными брошюрками, и прочим полемическим хламом, а старопечатные книги, на которые раскол полагает своё мнимое спасение, отходят уже за флаг.

М.

**Корреспонденция «Миссионер. Обозрения».
известия и заметки. (Миссионерский стан имени
преосвященного Гурия, епископа Самарского.
Свобода совести у молокан. Самоубийство
баптистского пресвитера. Непристойное поведение
раскольничьего лжеепископа Усова в
православном храме на беседе. Наставления
преосвященного Антония, епископа Волынского, об
осьмогласии и каждении. Памяти о. Варфоломея
Студенкова. Миссионерские известия) //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 946–956

III. Из Самары. Миссионерский стан имени преосвященного Гурия, епископа Самарского

Съезд духовенства Самарской епархии, движимый чувством глубокой признательности к своему благоднейшему архипастырю, преосвященнейшему Гурию, за его неусыпные заботы о религиозно-нравственном просвещении вверенной паствы и просвещении светом Христова учения язычников, коих насчитывается в епархии Самарской более 5.000 душ, до сих пор еще непросвещенных светом Христова учения, в память исполнившегося десятилетия архипастырского служения в Самарской епархии, решил увековечить это незабвенное для епархии событие ассигнованием в распоряжение его преосвященства, как председателя миссионерского комитета, 1.500 рублей из личных средств духовенства, ежегодно собирая 1 р. 50 к. с причта на организацию противоязыческой и противомагометанской миссии среди инородцев Самарской епархии, с тем, чтобы на эти средства был открыт миссионерский стан имени преосвященнейшего Гурия. На журнальном постановлении о сем съезда Самарского епархиального духовенства последовала следующая резолюция его преосвященства: «Глубоко тронут выраженными чувствами признательности и благодарности духовенства

епархии, в лице представителей съезда, к моей архипастырской посильной деятельности. Духовенство уже и прежде не раз выражало мне подобные чувства с учреждением стипендии в семинарии и епархиальном женском училище и приюта для круглых сирот до школьного возраста, – приюта моего имени. А теперь оно как-бы отвечает на мои скорбные чувства о положении инородцев епархии – язычников, состоящих под сильным и дружным влиянием на них магометан, почему близких к принятию ислама, удержать которых от этого может только миссионер-священник из инородцев, посредством бесед о вере и жизни по Богу, на их родном языке, посредством обучения их детей в церковной школе и богослужения на инородческом языке, которое имеет неотразимое воздействие на душу дикаря. Необходимы поэтому приходы среди таких инородцев с причтом из священника и псаломщика. К прискорбию, в настоящее время назначение казенного жалованья священно- и церковнослужителям вновь открываемых приходов встречает затруднение; почему у меня в Бугульминском уезде, в двух чувашских деревнях, сооружены храмы и причтовые дома, но стоять без причтов, по неимению средств к их обеспечению, что меня весьма огорчает... Духовенство епархии, в лице представителей съезда, как бы поняло состояние моего сердца, в этом именно отношении и вызвалось помогать мне своими посильными приношениями в этом горе, чтобы облегчить его тяжесть. На полторы тысячи рублей можно содержать инородческие причты при двух церквях или приходах. Не нахожу слов, чтобы выразить на этот раз чувство моей искренней благодарности духовенству за это великое, доброе и святое дело во славу Божию и благо Св. Церкви. Отец Небесный сугубо да вознаградит его Своими божественными милостями и щедротами в здешней и будущей жизни».

Самарская епархия, со своим разнотерным и разнотерным населением, представляет весьма широкое поле для миссионерской деятельности духовенства. Каких только народов и каких только вер не встречаем мы в Самарской епархии! Здесь живут русские, немцы, поляки,

татары, чувашы, мордва, вотяки, евреи и пр. Но как разнообразен племенной состав населения Самарской епархии, так точно разнообразен он и в отношении религиозном.

Кроме господствующего православного исповедания здесь находятся единоверцы и раскольники всех сект, далее монтанисты, молокане, иудействующие субботники, римско-католики, лютеране, реформаторы, менониты и последователи других протестантских учений, магометане, евреи и язычники. Таким образом уже один перечень народностей и вер в Самарской епархии показывает, какое обширное поле здесь предлежит для миссионерской деятельности духовенства. Самарское духовенство, во главе со своими архипастырями, всегда весьма усердно занималось просвещением такой разноплеменной, разнотверной и разнохарактерной паствы, принимая те или другие меры для её просвещения. Но что касается до христианского просвещения инородцев: чувашы, татары, мордвы и вотяков Самарской епархии, то в этом отношении ни при одном из прежних архипастырей не сделано столько доброго и полезного для их христианского просвещения, сколько сделано при ныне здравствующем нашем архипастыре преосвященном Гурии. Благодаря апостольским трудам преосвященного Гурия, в настоящее время во всех уголках Самарской епархии и всем инородцам проповедуется слово Христово на понятном родном языке инородцев пастырями из самих же инородцев. В виду того, что в Самарской епархии миссионерское дело среди инородцев поставлено на весьма широких началах, преосвященный Гурий давно нуждался в таком лице, которое могло бы совершать возможно частые поездки по инородческим селениям епархии и непосредственно на месте, с одной стороны – наблюдать за правильным ведением школьного дела в инородческих приходах, а с другой – наблюдать за миссионерскою деятельностью инородческих священников и давать им указания для возвышения успеха миссионерского дела, и тем исполнять обязанности начальника инородческой миссии; но главным препятствием к учреждению такой должности являлось отсутствие денежных средств.

Теперь Самарское духовенство, глубоко ценя миссионерские труды своего благочестивейшего архипастыря и хорошо зная положение инородческого миссионерского дела в епархии, само пришло на помощь к открытию правильно организованной противоязыческой и противомаетанской миссии среди инородцев Самарской епархии. Честь и слава Самарскому духовенству! Отец Небесный, скажем словами преосвященного Гурия, сугубо да вознаградит его Своими Божественными милостями и щедротами в здешней и будущей жизни.

Свящ. А. И-в.

Из с. Пановых Кустов, Тамб. губ. (Свобода совести у молокан. – Самоубийство баптистского пресвитера)

В большом селе Пановых Куствах, Тамбовской губернии, проживает много молокан-воскресников. Интересен взгляд их вожаков, на свободу совести. Один из этих вожаков мясник пресвитер Порошин в феврале текущего года женил одного из своих сыновей. Гости были все дальние и знатные, все молоканские заправила с разных сторон молоканского мира. Пир свадебный шел на славу. По обычаю своему молоканские пресвитеры и другие более видные молоканские старики занялись разбором и толкованием священного Писания. Тут неожиданно в беседу вмешался один из сыновей Порошина И. Сначала он стал говорить, что молоканское общество вообще погрешает против священного Писания. Потом он перешел на вопросы о священном Предании, о крещении в воде и причащении, и сделал молоканским пресвитерам такие громкие и прямые возражения, от которых они пришли в замешательство. Не довольствуясь этим, И. стал вычитывать места из книги «Беседы с молоканами» свящ. Быстрова, взятой им у приходского священника для прочтения. Такая дерзость молоканина в отношении пресвитеров и стариков привела последних в сильное негодование, а его отца пресвитера в огорчение. Отец велел сыну замолчать, но сын не унимался, чем и привел отца в гнев. Когда же в руках сына появилась книга Быстрова и заставила смутиться пресвитеров, отец уже не мог стерпеть. Он схватил возмутителя, велел другим своим

сыновьям держать его, а сам начал бить его по спине и груди и избил до синяков. Книга была вырвана и разорвана. Потом отец выгнал сына из дома и он принужден был некоторое время жить у соседей, избитый и голодный. После отец опомнился, принял сына, но запретил ему говорить о случившемся – и особенно священнику, даже запретил ему ходить к последнему под угрозой удаления из дома. Побои заставили сына побывать в больнице... Положение этого сына в семье самое удручающее, все восстают против него, а жена его даже ушла от него. Когда же сын бывает у священника, то его лишают за это обеда и чая. Вот как нетерпимо относятся молоканские пресвитеры к свободе совести в своей среде. Домогаясь её для себя от православных властей чрез своих сектофильствующих адвокатов, они производят кулачную расправу с теми из своих собратий, которые проникаются святым уважением к православной истине. Пора бы, кажется, нам взглянуть на дело, как оно есть, и оставить юродствующее сектофильство...

* * *

В первых числах мая в с. Пановых Кустах разнеслась ошеломляющая сектантская весть, что сын баптистского главного и старшего пресвитера, называемого «баптистским архиереем», А.А. Бокина, Феодот Андреев, тоже главный пресвитер, застрелился. Сначала этому не поверили, но потом пришлось поверить. Феодот Андреев обыкновенно проживал на хуторе, верстах в двадцати от с. Пановых Кустов и жил, как говорит отец, «настоящим барином». Он заведовал большим хозяйством и пользовался общим уважением. Иногда он выступал, в качестве представителя, на публичных беседах штундо-баптистов с православным миссионером. В роковой для себя день после обеденного отдыха он всех рабочих на хуторе разослал по известным работам в поле и в саду. Сам остался один в доме, а жена была в другом доме – тоже на хуторе. И вот в это то время он, как говорят, в совершенном сознании, как его видели прежде, пустил себе пулю в висок. Выстрел слышали некоторые из рабочих и, когда пришли в дом, нашли Феодота Андреевича валяющимся на середине пола, с зияющей, залитой кровью, раной в виске, и возле него – револьвер. Он

еще дышал, но чрез несколько минут был мертв. Пуля засела в голове. Дня через четыре, по обследовании дела становым приставом, он привезен был в село и погребен на сектантском кладбище. Штундо-баптисты лишили обряда погребения умершего, как грешника-самоубийцу. Причиной самоубийства одни считают – очень немногие, – что покойному не удалось купить землю, которую он несколько лет держал в аренде. Но большинство с большою вероятностью причину самоубийства указывает в незаконной плотской связи (этот грех, говорят, и прежде замечался за Ф. А.) со служанкой и в невозможности для Ф. А. жениться на ней. Об этой связи узнала жена Ф. А. и пригрозила мужу рассказать всё на собрании. Это обстоятельство и повергло Ф. А. в отчаяние, доведшее его до самоубийства. Семья Бокиных в большом горе. Она повергла в уныние и нанесла тяжелый удар самохвальной штундо-баптистской святости. Пресвитер-самоубийца, да еще такой влиятельный – эти ведь не простой казус, а обстоятельство, над которым всем штундо-баптистам стоит глубоко призадуматься.

С. Н. Р.

Из Нижегородской губернии. (Непристойное поведение раскольников лжеепископа Усова в православном храме на беседе)

В июне месяце ветлужскую часть Макарьевского уезда посетил известный раскольниковый начетчик Иван Григорьев Усов, действующий в роли старообрядческого епископа Нижегородского Иннокентия. Цель путешествия Усова, как говорят его последователи, осмотреть свою епархию на Керженце и Ветлуге, и добиться в селе Воскресенском беседы с православными. Приезд своего «епископа» раскольники тщательно скрывали. Беседа была назначена 13-го Июня. Как сам Усов, так и его сотрудники были одеты в черные длинные полукафтаны, по покрою ничем не отличающиеся от подрясников, какие носит наше православное духовенство; на головах – шляпы. На самом Усове сверх всего был надет еще драповый халат, напоминающий собой священническую рясу.

Около 12 час. дня к председателю воскресенского отделения, о. Белавину, пришел келейник Усова и заявил, что

«владыка Иннокентий» желает сам вести беседу со стороны «австрийцев», а посему просит назначить время и место беседы. Зная, что Усов во время бесед ведет себя слишком неблагопристойно, о. Белавин заявил пришедшему, что беседа будет вестись около храма, а о времени же все будут извещены несколькими ударами колокола.

Около часа дня с колокольни слышались условные удары колокола. Народ повалил к церкви, туда же отправились и миссионеры. Но Усов и его сотрудники, несмотря на то, что местом беседы была избрана площадь, самовольно вошли в храм. Там, по середине его они разложили на стол привезенные с собой книги, а сами расположились на скамейке: вести беседу на улице им не хотелось. По приходе в храм миссионеров, начетчики подняли страшный шум, так как на просьбу миссионера о. Альбицкого придвинуться ближе к амвону Усов отказался... Шум был так велик, что миссионер решил было совсем не начинать беседы, если оппоненты не будут вести себя скромно. «Австрийцы» смолкли. Была пропета молитва, и беседа началась. Был избран вопрос о Церкви. Иван Усов, чтобы его удобнее всем видеть, встал на табуретку. Он небольшого роста, черноватый, с длинными волосами и лукавыми глазами, говорит на «а»... Во время беседы Усов вел себя невозможно. Не отвечая прямо на поставленный миссионером вопрос, он старался извернуться, для чего говорил много, обращаясь к присутствующей публике, махал руками, словом надеялся на своё красноречие. Относительно последнего Усову нужно отдать справедливость: говорить он мастер, в карман за словом не полезет, и говорить может долго. Но о чём он говорит – это другой вопрос. На замечания миссионеров и местного благочинного о. Евгения Троицкого вести себя прилично, Усов начинал шуметь еще больше. Он кричал, что ложь великороссийской Церкви не терпит обличений. Не стеснялся лжеепископ отпустить по адресу миссионера и такие выражения: «лжец, обманщик, ишь его кольнуло, или тебя на шило посадили»... Да всех слов и выражений и не перечтешь. В конце концов этот нахал не постыдился прямо заявить, что в храме и нужно шуметь и

кричать, ибо это не церковь, а нечто в роде кабака. Такое наглое поведение раскольников возмутило как представителей духовенства, так и присутствующих тут православных, но сделать ничего было нельзя. Никакие уговоры, просьбы и наконец запрещения не могли сдержать расхажившегося лжеепископа. Он вертелся на своём табурете и кричал на всю церковь, что православная Церковь языческая, тысячеглавый змей. Чтобы водворить порядок решено было сделать перерыв, но тут раскольники начали вести себя еще неприличнее, и беседу после заключительных слов о. Альбицкого прекратили. На вопрос Усова – будет-ли еще беседа, было объявлено ему, что православные слушатели возмущены его поведением и не желают, чтобы миссионеры вели прения с такими собеседниками. Раскольники начали собирать свои книги, келейник подал «Иннокентию» его хламиду и они оставили храм.

Употребляемые Усовым при ведении бесед, приемы не новы. Это перевираание текста, выпуск неблагоприятных для них мест, недослышание и самое главное... ругань... Слова: «бесстыжий, как тебе не стыдно», Усов упоминает на каждом шагу.

Вообще слушатели беседы вынесли крайне неприятное впечатление от Усова и говорили, что такого собеседника и пускать в храм не следовало-бы. Словом, Усов этой беседой крайне подорвал себя.

Студент Каз. ветер. инст. В. Виноградов

Наставления преосвященного Антония, епископа Волынского об осьмогласии и каждении

Божественные Апостолы и духоносные Отцы Церкви, единоправные Ученикам и Самовидцам Слова, преподали нам не только слова для собеседования с Небесным Отцом нашим и Его друзьями, но и созвучия, в которых они сами воспевали эти, внушенные Святым Духом, молитвословия. Правда, под влиянием времени, некоторые из этих созвучий и напевов претерпели изменение ради сокращения времени, но все-таки основное сочетание звуков в них сохранилось.

Из всех священных напевов всего более дорожит вселенская Церковь охранением осьмогласия, преподанного нам великим и наученным от *Ангелов* Иоанном Дамаскиным. Внося разнообразие в исполнение ежевоскресной и ежедневной службы, осьмогласие есть лучшее пособие и для запоминания всех правил Устава, которые предразделяются им и вводятся в определенное соотношение, как обращение с числами четырьмя арифметическими действиями. Где строго хранится осьмогласие, там и певцы одушевленное и сознательнее относятся к службе, и народ не тяготится её продолжительностью.

Вот почему мне стоит больших усилий над собою, чтобы сохранять спокойствие при упоминании о великом и непростительном бесчинстве, допускаемом во многих церквях нашей Волыни в виде какого-то, придуманного врагами Церкви, *общего гласа* для всех ирмосов. Этот общий глас представляет собою искажение шестого гласа и своими бессмысленными завываниями совершенно лишает духовной красоты священные ирмосы, сообщенные Духом Божиим Святым Отцам, а ими всей верующей вселенной. Я проехал всю Россию от Белозерска до Симферополя, от Златоуста до Варшавы; много видел бесчинств в церковной службе, но такого безобразия, такого поругания красоты церковной нигде не встречал. В благочестивых приходах св. Руси все миряне знают наизусть ирмосы великих праздников и их напевы. Что могут они почувствовать, когда, напр., величественный канон Пятидесятницы: «Божественным покровом», или Богоявления: «Глубины открыл есть дно», коверкаются на этот отвратительный, нищенский вой?

Еретику Павлу Самосатскому вменялось Церковью в вину и то, что он искажал церковные напевы на страстные, бесчинные вопли, и теперь в Типиконе и в книге правил соборных на такие вопли положено строгое прещение. Наверно, еще более страшному осуждению предали бы соборы вселенские тех, кто дерзает нарушать высшую красоту церковной службы, т. е. осьмогласие Дамаскина.

В утешение можно сказать, что и у нас этот разврат начал появляться недавно, что осьмогласие не забыто, а только оставлено многими в небрежении, – конечно – вместе с заботой о своём спасении. А потому прошу, молю и с прещением увещаю отцов иереев, диаконов, псаломщиков и певцов церковных: теперь-же навсегда бросьте этот нелепый *общий глас*. Да погибнет он вместе с душою Павла Самосатского и последователей его ереси! Да будет он предан забвению! Да заградятся навсегда уста, желающие повторять его! Да утвердится незыблемо священное осьмогласие! Да не постигнет нас гнев св. Иоанна Дамаскина и всей Церкви Божией! Да не будет земля Волынская оборошем среди поместных церквей, украшающихся богопреданным осьмогласием!

А чтобы утвердить эту заповедь Церкви, прошу на спевках пред службами исполнять правильно ирмосы, стихиры и прокимны, а не вымышлять разнообразия для херувимских и прочих литургийных песнопений, положенных на ноты сочинителями, не знаемыми Церкви Божией и не свидетельствованными в своём житии, ни в чистоте помыслов и деяний, без чего, как сказано, никто не узрит Бога. В обителях и храмах, где содержится образцовый чин священнослужения, литургийные песнопения исполняются обыкновенно, а то и всегда, одни и те же, наизусть, а разнообразие пения прилагается именно к напевам гласовым и к подобным. Всё это начали оставлять в пренебрежении под влиянием душепагубной и проклятой Святыми Отцами латинской унии, дабы обезличить духовную жизнь и молитвенные подвиги народа Божия и клира, а затем постепенно притупить их в такой степени, чтобы они остались лишь при немногих жалких суевериях и сделались послушным орудием в руках еретиков. Напротив, твердое и сознательное охранение народом и клиром неискаженного евангельского благовествования, т. е. православия, возможно лишь чрез одушевленное исполнение православной службы Божией без искажений, без грубых опущений, но со смиренным сознанием, что мы стоим не выше, а гораздо ниже уровня духовной жизни Отцов и Учителей Церкви и должны со

вниманием и послушанием следовать их богопросвещенному руководительству.

Местные священнослужители, видимо, мало справляются с Типиконом, потому что большинству их неизвестна глава: *о каждении*.

Должно кадить сперва св. престол с четырех сторон, не поднимая кадила выше престола; затем горнее место и пр. иконы алтаря; если же на жертвеннике стоят св. дары, то непосредственно после престола кадятся жертвенник, потом горнее место и пр. Выходя из алтаря царскими дверями, священнослужитель кадит ту и другую дверь, затем, выйдя в церковь, кадит прежде Тайную Вечерю, затем образ Спасителя, затем икону, что рядом со Спасителем и пр. иконы правой стороны; после сего он возвращается к левой стороне, кадит Богородичный образ и пр. иконы левой стороны. Затем, снова становится на амвоне и кадит лики певцов и весь народ, а после этого спускается вниз и кадит все иконы в храме и, возвратившись, становится на амвоне, опять кадит иконы Тайной Вечери, Спаса и Пречистой и, войдя в алтарь, кадит престол спереди.

Кадить должно не отделяя локтя от поясницы и совершая по три взмаха кадилом: первый взмах – стоя прямо, второй взмах – наклоняя голову, а третий – поднимая.

Должно учить народ кланяться, когда на него кадят, но не креститься при этом. Только на Святой Седмице, когда иерей кадит на народ с крестом и приветствует его, то народ осеняет себя крестным знамением, отвечая: воистину воскрес!

Также следует учить народ, что при благословении свечами или рукою иерея и архиерея, должно только кланяться, а при благословении крестом, евангелием или образом – креститься и кланяться; также и при окроплении св. водою.

Памяти о. Варфоломея Студенкова

– 26 июня сего 1903 года скончался священник Успенской единоверческой церкви села Русского Поречного, Судханского у., Курской еп., о. Варфоломей Николаевич Студенков. Покойный происходил из местных крестьян беглопоповцев. В обществе беглопоповцев он известен был во всей России, как

один из лучших и надежных поставщиков беглых попов. Не мало последних перешло через его руки в раскол... Я бывал в его кельях, в его доме, где скрывались беглые попы и курили в отдушины табак. Много порассказал мне покойный о Варфоломеей интересного из жизни беглых попов. Я всё время побуждал самого о. Варфоломея сделать записки об этом. К сожалению, смерть не позволила ему этого сделать. Он отличался особенною ревностью в своём деле. Покойный не мало провел, как сказывают его родные, бессонных ночей, когда решался принять православие. Больших трудов стоило уговорить его, чтобы он не уходил в монастырь (он был вдов), а остался дома для пользы миссии. В 1896 году он принял православие, на правах единоверия, и в том же году поставлен священником, а его моленная обращена в церковь. За ним последовали и его единоверцы – поповцы. В настоящее время приход его состоит более, чем из 300 душ. Присоединение поповцев совершал первый раз о. К. Крючков, но приготовил их к присоединению, несомненно, Варфоломей Николаевич. Другого человека, как о. Варфоломей, трудно найти, так как он всегда стоял во главе своего общества. Поэтому и по присоединении своём всегда оказывал нравственное влияние на раскольников. В сравнительно не долгий, пятилетний, срок покойный не мало потрудился на пользу св. Церкви, искренно сожалея и всегда раскаиваясь о своём прежнем служении расколу. Да подаст же милосердый Господь прощение и мир его доброй, прямой, честной и чисто русской душе! Помянем и мы, братие миссионеры, преставльшегося от нас брата нашего священноиерея Варфоломея.

Свящ. Е. Зубарев

Миссионерские известия

Епархиальные миссионеры Грузинского экзархата, кандидаты богословия г.г. Обтемперанский и Левитский оставили миссионерские должности и перешли на службу в светское ведомство – первый в контрольную палату, второй в канцелярию главноначальствующего. На одну вакансию епархиального миссионера назначен Св. Синодом бывший окружной миссионер Рязанской епархии, священник Тифлисской

миссионерской церкви о. Дунаев. На вторую вакансию назначен преподаватель по кафедре раскола Енисейской Семинарии исполнявший также и миссионерские обязанности, А.С. Платонов.

– На должность окружного миссионера Донской епархии назначен диакон Коньков.

– Единоверческий священник г. Харькова о. Самсон *Холопов* назначен противораскольничьим местным миссионером, с жалованием в 120 р. на разъезды.

– «Нов. Вр.» сообщает, что в г. Брянске, Орловской губернии, известный апологет раскола, начетчик Феодор Ефимов Мельников скоропостижно скончался в гостинице.

Миссионерские отметки при чтении светской печати // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17. С. 957–959

Прочитал в одной почтенной газете изречения, которые показались мне одни – явно противоречащими учению Церкви, другие – требующими разъяснения и оговорки с точки зрения православного читателя.

Так, под рубрикой «мыслишки» приведены следующие изречения, имеющие претензию на глубину и мудрость:

«Мыслишки. – Когда ты разговариваешь со слепым, то не рассуждай с ним о цветах и красках.

Если надеяться – значит жить, то бедные живут лучше богатых.

Фридрих Великий часто говорил: «самое вредное животное из диких – клеветник, а из домашних – льстец».

Ценить себя низко – слабость, а слишком высоко – глупость».

Нельзя оспаривать трюизма, что со слепым говорить о цветах не очень умно, равно и о красках. Недурно сказано, что бедняки богаче богачей – духовно, своею надеждой. Хорошо бы только добавить – надеждой на Бога, ибо всякие бывают надежды и чаяния, далеко не похвальные и не могущие быть названы жизнью, а наоборот, смертью. Так, надежда на человека есть грех и приносит смерть душе, ибо в Св. Писании сказано – «проклят надеющийся на человека» и еще «не надейся на князи, ни на сыны человеческие, в нихже несть спасения». Постыдна также и надежда на богатство, именуемое справедливо «гиблющим».... Третье изречение очень хорошо, ибо им строго и резко осуждается то самое, что и в Св. Писании осуждено, то есть *клеветничество и льстивость*. За такое изречение спасибо можно только сказать, ибо чем чаще осуждается зло и грех, тем лучше. Клевета же и лесть сильно распространены в русском обществе и народе.

Но вот четвертое изречение, или «мыслишка», – очень дурна и вредна, особенно когда она заявлена как аксиома, не будучи таковою, но явной и вредной ложью, которой никак

верить не надо. Вторая половина изречения впрочем верна, а именно, что «ценить себя слишком высоко – глупость». Не только это глупость, но и грех и погибель, погубившая сатанаила и превратившая его в темного сатану, ему же уготован огонь неугасимый во веки. Но верна ли первая половина «мыслишки», что «ценить себя низко – слабость»... Как раз, наоборот – не слабость, а дивная сила, именуемая «*смирением*», без коего не может спастись ни постник, ни девственник, ни милостивец, ни миротворец, хотя пост, девство, милостыня, миролюбие составляют для спасения средства наилучшие. И вот, смирение, состоящее именно в том, чтобы «ценить себя низко» и еще ниже и еще понижее, и наконец ниже и хуже всех, оно то в изречении и названо «слабостью», то есть бессилием, бесхарактерностью, малодушием! Нельзя так пренебрежительно относиться к царице и венцу добродетелей – смирению, которое есть свойство Самого Господа Бога и Творца Нашего Иисуса Христа, рекшего – «*научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой (мир) душам вашим*». Можно ли без греха – и тяжкого – печатно унижать то, что украшает Самого Бога и что Церковь православная старается привить и усвоить сердцам всех своих чад, неустанно напоминая о необходимости смирения и самоукорения. Если бы составитель «мыслишек» познакомился с содержанием великого творения – «Добротолюбия», книги христианской подвижнической философии, вернее сказать, «любомудрия», то познал бы легкомыслие своё и закаялся бы печатать «мыслишки», не сверенные с компасом святого учения Церкви.

Ведь если смирение есть слабость, значит – по антитезе – гордость есть сила. Значит, Бог слаб, а дьявол – силен духовно. Вот до какого абсурдного вывода можно так дойти, приняв без рассуждения изречение «мыслишек».

Если бы писателям напоминали лучше о той ответственности, которая ожидает их за гробом, когда придется воздать ответ даже за праздное слово, а за ложное тем паче, то тверже бы действовали красным карандашом по статьям тех

служителей литературы, которых о. Иоанн обозвал «борзописцами».

Крайне важная, можно сказать, сенсационная весть пронеслась в русской печати, и её нельзя обойти также без отметки в «Миссионер. Обозрении». В 290 № -ре «Свет» напечатано: «В городе Бари (в Италии) находится гробница и мощи столь чтимого всем русским миром св. Николая Чудотворца. Ныне в город этот приехал известный генерал Богданович и, благодаря его хлопотам, Ватикан выразил готовность уступить России св. мощи Николая Чудотворца и соглашается на перевоз их на нашу родину». О, если это известие оказалось верным и надежда православных – иметь на святой Руси мощи величайшего Угодника Божия и пламеннейшего Ревнителя Православной веры Николая Мирликийского – оправдается, тогда Россия могла бы быть свидетелем торжеств еще более, чем Саровские, светлых и умилительных. В России Николай Чудотворец – самый почитаемый Угодник, и ни одному святому нет на Руси столько храмов и престолов, сколько сему святому посвященных. Число же чудес, излитых Свыше по молитвам Николая Чудотворца, – неисчетно. Но дело приобретения для России много-целебных мощей Святителя Николая не может совершиться без молитв всех православных. Святителю, отче Николае, приди и вселися с нами, чадами твоими, и огради нас от бесовских ересей и всякого греха. Но верится с трудом, чтобы Римская Курия рассталась с сокровищем духовным.

Антон Строгий

В письме к издателю «Московских Ведомостей» некто, купец 1-й гильдии *Савва Чернобаев*, сообщает следующие поразительные подробности о новом чуде милости Божией, совершившемся при гробнице преподобного Серафима Саровского.

«Не могу умолчать о чуде, которого был свидетелем 30 сентября при гробнице преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца.

На моих глазах, совершенно прозрел потерявший зрение уже около года студент юрьевского университета, Василий

Юдинский. У него появилось два года назад на лице пятно, которое затем перешло на оба глаза. Профессора и клиники, куда он обращался, помогли мало. Больной уже потерял всякую надежду на выздоровление и горько оплакивал своё печальное существование, как до его слуха дошли вести об ежедневно совершающихся чудесах у мощей преподобного отца Серафима. Как молодой человек, он сомневался во многом, но утопающий хватается за соломинку. По настоянию друзей, он отправился к гробнице чудотворца; приведенный под руки к святому источнику, он умылся и прозрел, как слепорожденный в Силоамской купели.

Все присутствовавшие пали ниц, пораженные чудом, и прославили Господа, ниспосылающего благодать чрез нетленные останки. И я, нижеподписавшийся, удостоился быть свидетелем сего чудесного события, в чем и распишусь». Дивен Бог во святых своих!

Октября 7 дня. 1903 года.

**Скворцов В. Со скрижалей сердца (Адрес
Харьковского духовенства г. Обер-Прокурору Св.
Синода. Заграничная печать об о. Иоанне и гр.
Толстом. Князь Мещерский и рязанский крестьянин
по поводу «отповеди» о. Иоанна гр. Толстому.
Чигиринские святотатцы и французские гонители на
св. крест) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 17.
С. 960–976**

В истекшем сентябре месяце, как известно, г. Обер-Прокурор Св. Синода Константин Петрович Победоносцев изволил путешествовать на несколько недель на южный берег Крыма, для отдыха и восстановления своих сил, утомленных тяжким служебным бременем церковных и государственных дел. Его Высокопревосходительство не был в Крыму давно уже, – со времени незабвенной кончины Императора Александра III. Приезд Константина Петровича в Таврию совпал со временем заседания епархиального съезда местного духовенства, а обратный проезд чрез Харьков состоялся во время заседаний благочиннического съезда.

Движимые чувством глубочайшего почтения, какое воздает Константину Петровичу не только всё русское духовенство, но и вся Россия, как одному из величайших и просвещеннейших не только в России, но и во всём мире мужей нашего времени, а также одушевляемые бесконечною благодарностью к Обер-Прокурору Св. Синода, третье десятилетие мощно охраняющему авторитет Церкви и интересы служителей алтаря, – представители духовенства в той и другой епархии засвидетельствовали об этих чувствах в благодарственных адресах, поднесенных Его Высокопревосходительству.

В Харькове мы были очевидцами того, каким пламенным чувством исполнены сердца духовенства.

Весть о дне проезда Константина Петровича через Харьков застала съезд на беседе у своего благостного владыки (где и мы присутствовали, но об этой беседе мы будем говорить

особо). Возрадовалась, вострепелась аудитория. Все отцы, как один человек, – буквально возопили – благословите, владыка, и нам всем явиться, все хотим видеть «великого человека», приветствовать благодетеля Церкви, просветителя народа светом истинной грамоты... Знающие, как не по сердцу Константину Петровичу всякие встречи, орации, попробовали было умерить усердие, сдержать благородный порыв. Но не тут-то было... Отцы всем собором явились 9 окт., во главе со своим добрым архипастырем, на вокзал, где Обер-Прокурор удостоил о.о. благочинных милостивой беседы о настоящем положении духовенства, высказался за желательность наиболее тесного сближения пастырей с народом, советовал располагать детей духовенства к службе на пользу Церкви.

Простившись, осчастливленные высоким вниманием г. Обер-Прокурора, депутаты тут-же решили составить и послать Его Высокопревосходительству благодарственный адрес.

Содержание этого адреса следующее:

Ваше Высокопревосходительство, Милостивейший Государь, Константин Петрович!

С чувством глубокого сожаления, расставшись с Вами, Ваше Высокопревосходительство, после знаменательного нашего свидания на ст. Харьков, 9-го сего октября, мы, представители харьковской епархии, во главе со своим Архипастырем, ощущаем сердечную потребность под самым живым впечатлением по поводу сего события высказать Вам одушевляющие нас чувства, кои останутся в каждом из нас неизменными на всю жизнь вместе с памятью об этом свидании.

Кратковременно оно было, но тем глубже запечатлелся в нас образ Ваш, духовно близкий и родной каждому из нас. Кто из нас давно уже не жаждал увидеть Вас и услышать Ваше мудрое слово?! И Вы, несмотря на естественное утомление пути, благоизволили дать нам это счастье. Мы увидели, наконец, а большинство из нас в первый раз, того мужа истинно-русского, истинно-православного, – одного из немногих уже, – который своим гениальным умом и великою опытностью, вот уже более полувека, служит Августейшим монархам

нашим, как самый верный слуга, а Св. Церкви – как первый и беззаветно преданный сын Её! Мы увидели мужа, мудрые писания коего глубокой силы и изящной красоты покоряют сердца всех русских людей и прославляют по всему миру имя великого русского ума. Мы увидели мужа, с жизнью коего неразрывно связано всё лучшее и самое светлое в истории нашей Российской Церкви за последнее полу столетие: церковно-приходские школы, обеспечение духовенства, преобразования духовных школ, законоположения о сектантстве, инородческая миссия, деятельность братств, женское образование...

Вы, Ваше Высокопревосходительство, осчастливили в нашем лице «весь собор Харьковской церкви», – по Выражению, – своею отеческою беседою и мудрыми указаниями, глубоко запавшими в наши сердца! Как радовались мы сему свиданию и счастью, коим Вы подарили нас!

Каждый из нас считает своим самым священным долгом принести Вашему Высокопревосходительству свою глубочайшую и искреннейшую благодарность за Ваше такое внимание к нам; вместе с сим каждый из нас от всей души возносит и будет возносить Милосердому Господу свою горячую молитву: да благословит и да хранит Он Вас и своею всеильною благодатию да подкрепит Ваши силы, духовные и телесные, еще на многие годы во славу Св. Церкви и во благо Царскому Престолу и всему нашему дорогому отечеству?

Вашего Высокопревосходительства почтительнейшие богомольцы: *Арсений*, Архиепископ Харьковский и Ахтырский. *Стефан*, Епископ Сумский. Ректор Семинарии, протоиерей Иоанн Знаменский, кафедральный протоиерей Стефан Любичский, профессор богословия Харьковского университета протоиерей Тимофей Буткевич, председатель съезда, благочинный 1 округа церквей г. Харькова, протоиерей Петр Полтавцев, далее следует 40 подписей о.о. благочинных.

* * *

Всем истинно русским людям бесконечно дорог о. Иоанн Кронштадтский, а русскому духовенству – он должен быть, и действительно есть, – прямо бесценен, как сопастырь, как наша,

отцы, краса и слава, как столп, ограждение и достойный образец русского православного пастырства. А потому не сомневаемся, что мы идем на встречу желанию наших читателей, охотно отводя место на страницах «Мисс. Обозр.» сообщениям, касающимся великой личности и славной деятельности Кронштадтского пастыря. О. Иоанн юн – духом, бодр телом, но по летам он глубокий старец и несет подвиги сверхчеловеческих трудов.

Пока Господь хранит его, надо дорожить всяким словом о. Иоанна, каждою мыслью, всеми его подвигами на пользу Церкви, народа и общества, и мы постараемся впредь в этом отношении не быть в долгу у наших читателей. С нового года в отделе «миссионер. проповедей» – мы будем печатать все новопроизносимые о. Иоанном поучения, а в «известиях» – вести возможно подробную хронику о жизнедеятельности всероссийского пастыря.

Отлагая другие, просящиеся на наши «Скрижали», вопросы, мы и в настоящий раз долгом считаем побеседовать с вами, читатель, об о. Иоанне, по поводу недоразумения заграничной печати и одного нашего журналиста относительно «ответа о. Иоанна гр. Толстому на его «Обращение к духовенству».

Разбираясь в залежавшей в летние вакации заграничной корреспонденции, мы встретили две очень любопытные заметки о Толстом и об «Ответе» ему о. Иоанна.

Французская газета «Еcho» доказывает, что «русские клерикалы» будто бы неосновательно считают гр. Толстого «врагом священников». По мнению газеты, Лев Николаевич «терпим и даже почителен со всеми, не разделяющими его мнения». «Доказательством служит, – говорит «Еcho», – «Миссионерское Обозрение», этот духовный орган, свободный от упрека в пристрастии, сообщающий интересные подробности об отношениях великого писателя к соседнему духовенству, о терпимости и благотворительности Толстого».

Добрый отзыв заграничной печати о *беспристрастии* миссионерского органа нам, конечно, приятен, – но о терпимости и благотворительности гр. Толстого мы ничего не писали и не слыхали. Деликатность Льва Ник. при приеме

некоторых духовных лиц, посещавших его, как, напр., о. Смирягина, нашего почтенного сотрудника, охотно подтверждаем, а о религиозной терпимости яснополянского мыслителя «Еcho» может судить по статье американской газеты «World», где сообщается, что Лев Ник. в беседе с корреспондентом этой газеты «выразил желание быть повешенным или в каком-либо другом виде принять смерть за свою веру».

Немецкая газета «Frankfurter Zeitung», в статье «Новое творение Толстого и духовенство», сообщает, что будто бы русское духовенство воспользовалось 75-летней годовщиной дня рождения Льва Ник. для того, чтобы «осмеять и унижить великого писателя». «На сей раз, – говорит немецкая газета, – против Толстого выступил уже не Св. Синод, а о. Иоанн Кронштадтский, напечатав... в русском клерикальном органе «Миссионер. Обзорение» обширную статью, в которой выставил гр. Толстого «богохульником, лицемером и лжеучителем». Ближайшим поводом нападения на яснополянского отшельника послужило-де его последнее произведение «к русскому духовенству». В заключение газета сообщает, что ответом «на это посрамление, послужит почетный адрес писателю, для которого собираются подписи».

Немецкая газета здесь введена в недоразумение: утверждаем, что появление в нашем органе «Ответа» о. Иоанна никакого отношения не имело ни к 75-летию Толстого, ни к его литературному юбилею, совпадение же произошло совершенно случайно, или вернее – по Божьему смотрению.

О. Иоанн узнал об «Обращении Толстого – к духовенству» в мае месяце, при посещении нас для молитвы у одра болящей.

Взяв брошюру, чтобы познакомиться с новым творением яснополянского еретика, о. Иоанн не предполагал отвечать, ссылаясь на недосуг и свой отъезд на родину в Архангельск. Тогда мы попросили почтенного о. Михаила разобрать «Обращение» и разбор был напечатан еще в майской книжке, а юбилей Толстого почитатели его праздновали в августе.

Написал о. Иоанн свой ответ на «Обращение» в порыве «праведного гнева», под впечатлением крайне дерзкого,

вызывающего тона этого богохульного творения «яснополянского отшельника». Несмотря на свою всеобъемлющую любовь и доброту, о. Иоанн, как верный служитель алтаря Христовой Церкви, при своей адамантовой вере, не мог воздержаться от законного негодования в своём «Ответе» Толстому на его дерзко вызывающее «Обращение».

Можно бы, конечно, пройти молчанием и не останавливаться на этой ошибке заграничной печати, если бы, к сожалению, того же мнения не разделяла известная часть нашего интеллигентного общества и печати, отнесшейся к ответу о. Иоанна весьма недружелюбно. Об этом засвидетельствовал сам о. Иоанн в известном ответе его к «борзописцам». В том же духе нам писал о. Иоанн по сему же поводу. Вот его письмо.

«Многоуважаемый Василий Михайлович!

Если вздумаете отпечатать мой ответ Толстому отдельной брошюрой, то благоволите исправить вкравшуюся в конце ошибку в словах о «непротивлении Ему», а нужно исправить «непротивлении злу»: это другой, правильный смысл, а тот неправильный, предполагающий *непротивление Христу*, – тогда как Толстой решительный противник Его. Толстовцы, особенно в Киеве, напр., проф. Д-ц, видно, завзятый и ревностный почитатель Толстого, прислал мне множество газет (№ №) с панегириками Толстому, в которых написал мне красным карандашом много дерзостей и тенденциозно восхваляет Толстого до небес: видимо, вышел из себя...

Мне хочется знать от вас: какое впечатление произвела моя отповедь на публику; черкните два-три слова; и как вы сами её находите?.. Ну уж лаятели!...

Ваш слуга и смиренный молитвенник протоиерей Иоанн Сергиев».

8 Сентября 1903 г.

Но в сообщении немецкой печати и в негодовании толстовистов есть одна достойная внимания сторона: это то обстоятельство, что «Ответ» о. Иоанна не прошел мимо, а болезненно коснулся сердца как поклонников Толстого, так, конечно, и самого яснополянского лжеучителя. Как известно,

Лев Ник. давал всем чувствовать, что он и не читает и знать не желает никакой критики и литературных обличений его премудрости. А здесь, видимо, «Ответ» о. Иоанна задел за живое и принят в близких к Льву Николаевичу кругах, как «посрамление», «унижение», – а компенсацией ему готовится почетный адрес... *Это очень знаменательное признание...*

* * *

Всё это понятно и естественно: и недоразумения печати, и негодование либеральных жрецов науки и интеллигенции на слово правды служителя Церкви; но совсем неожиданным сюрпризом является неблагоприятное отношение издателя консервативного «Гражданина», кн. Мещерского, к обличающей лжеучения Толстого проповеди о. Иоанна.

Князь Мещерский не только неодобрительно относится к обличениям о. Иоанном заблуждений Толстого, но и делает досточтимому пастырю свои наставительные указания насчет могущего произойти вреда и соблазна от проповедей о. Иоанна против Толстого для паствы всероссийского пастыря.

Вы, почтенные читатели, недоумеваете, каким образом светский журналист, хотя бы и маститый и почтенный, может позволить себе делать указания Кронштадтскому пастырю, на действия и слова которого вы привыкли смотреть, как на плоды особого пастырского опыта, молитвенного вдохновения и благодатного водительства свыше? Учить о. Иоанна, – вы скажете – да, это странно, если не сказать хуже! И однако – это так, в чём сами можете убедиться, прочитав в дневнике нижеследующие размышления князя-редактора в 84 № «Гражданина».

Пятница, 17-го октября.

Я прочитал в газетах длинную проповедь отца Иоанна Сергиева по адресу (?) лжеучений, распространяемых гр. Львом Толстым; прочитал и призадумался.

И думаю, что размышления мои разделят со мною многие, как и я, привыкшие чтить имя почтенного проповедника и исповедующие веру отцов своих.

Размышления мои родились от мысли: что лучше: огромному множеству пасомых духовного стада отца Иоанна

вовсе не знать, чем хулит православную Церковь в своих умствованиях граф Лев Толстой, или узнавать об оных из осуждающих и обличающих уст почтенного своего пастыря?

Мне представляется, что первое несравненно лучше. Граф Лев Толстой, как проповедник религиозных лжеучений, совсем (?) не попадает в известную многолюдную простонародную среду, главным образом потому, что этот люд ничего (?) не поймет из того, что пишет граф Лев Толстой, и не поймет именно его в том соблазнительном смысле противоцерковного лжеучителя, каким его представляет и разбирает отец Иоанн Сергиев.

Ведь если вы вникнете в духовно-религиозный мир того множества верующего простого народа, которого отец Иоанн есть излюбленный пастырь, то вы в его душе всего более найдете чистой детской веры и всего менее найдете богословского знания и расположения рассуждать о предметах веры.

Толстого же, очевидно, с пониманием может читать не только верующий, но и знающий догматическую часть своей веры; если это знание соединено в нём с верою, то он в большей части случаев прочтет умствования графа Толстого и забудет об них; если в нём только знание, но нет веры, то весьма вероятно, что отравленная ядом сомнения и лукавства проповедь графа Толстого против Церкви может проявить своё отравляющее действие на духовный мир человека. Но в этих печальных случаях очень редко догматическое опровержение лжеучений даже такого могучего проповедника, как отец Иоанн, может иметь значение противоядия для души неверующей.

Во всяком случае, огромное большинство из тех, которые прочтут обличения графа Толстого отцом Иоанном, будут составлять лица или *непонимающие графа Толстого* или же самостоятельно считающие его учение ложным и противоцерковным.

Вторые не нуждаются в этой теме проповедей отца Иоанна, а первые посредством неё впервые (?) узнают о каком-то графе Толстом и об его лжеучении.

Ведь, чтобы объяснить это лжеучение, надо оно сперва изложить, а раз оно высказано, оно входит в ум неподготовленного к встрече с ним, но неизвестно, что оно там произведет за действие? Во всяком случае, в область чисто детской веры войдет после проповеди о графе Толстом какое-то критическое отношение ума к догмату, которое мне представляется не желательным духовным гостем в душу, просто верующую.

На это мне могут сказать: наоборот, если такой крупный талант, как граф Толстой, идет против Церкви, то кому же выступать против него, как не сильному мощью слова отцу Иоанну и неужели ему молчать?

Дело в том, что аудитория – не одна и та же. Есть аудитория, где призыванием проповедника является обличение заблуждений графа Толстого, но есть аудитории, где то же слово, лишаясь своей обличительной силы, за непониманием вполне предметов обличения, наводит умы на размышления о том, о чём они и не думали бы...

Войти в аудиторию паствы отца Иоанна с задачей опровергать Ренана – показалось бы мне не только не полезным, но даже вредным, ибо, волею-неволею, пришлось бы прежде всего знакомить множество чистодушных и детски верующих людей со всеми соблазнами духа сомнения Ренана.

Толстой в области русской печати по вопросам Церкви – тот же Ренан. Он идет вкрадчиво и лицемерно на своё разрушительное дело, *но языком, недоступным (?) пониманию простого человека*. Зачем же непонятное ему делать понятным посредством обличения?

Во всяком случае, тем и прекрасна, как море великое, паства отца Иоанна, что там доступу не может быть духу гр. Толстого: там царят только огненная вера и чистая любовь, и вдруг перед нею произносится имя гр. Толстого, и затем изобличается его ересь языком догматическим. И тому, кто не понял, после этой проповеди не примется ли толковать другой, но тоже вкривь, кто по неведению, а кто и с умыслом.

И являются смущенные там, где их не было...

Оставьте мертвых хоронить своих мертвецов, хочется сказать...

А живым давайте живое слово, коего дух отца Иоанна – такой неиссякаемый источник.

Таковы размышления князя Мещерского! Прочитав их, хочется сказать: «избави нас Бог от таких друзей, а с врагами мы сами справимся». Прискорбно, что весь «дневник» представляет собою сплошное недоразумение и заблуждение, вместе с полным незнанием вопроса, в котором князь Мещерский мнит себя судьей.

Прежде всего, о. Иоанн никогда *длинных* проповедей и в частности с соблазнительно-обличительным изложением злохулений отщепенцев не говорит, а следовательно и не печатает – и князь не мог в газетах прочитать такой проповеди. Краткость, изъяснение положительного учения веры по поводу заблуждения – отличительные черты Кронштадтского проповедника; заблуждений Толстого или других отступников о. Иоанн в проповедях касается всегда *несколькими* штрихами, но сильными, вызывающими у слушателя ужас и отчуждение от лжеучителя и лжеучения. В этом сила и искусство апологетической проповеди о. Иоанна, которую мы считаем образцом и примером для других пастырей, а князю она кажется камнем соблазна и преткновения. Не только о. Иоанн, но и заурядный сельский пастырь не допустит изложения в проповеди таких подробностей, которые могли-бы соблазнять, научать заблуждениям.

Нам думается, князь ошибся: он, наверное, читал в газетах не проповедь, а *отповедь* о. Иоанна гр. Толстому на его «Обращение к духовенству». Это другое дело: это чисто литературный полемико-апологетический трактат, написанный и рассчитанный на вразумление и ограждение от соблазна толстовства той читающей и мыслящей публики, которая отлично знает гр. Толстого и «его умствования».

Затем глубоко ошибается издатель «Гражданина» относительно *состава* паствы Кронштадтского пастыря, которую кн. Мещерский представляет почти исключительно *простонародною*, – «с младенческою верою и без всяких

догматических понятий о своей вере». Нет, о. Иоанн «излюбленный пастырь» столько-же народа, сколько, и даже прежде всего, высших искренно верующих культурных классов, а затем буржуазных – купеческих – мещанских. А кому неизвестно, как расшатаны религиозные устои молодого поколения этих классов и как, следовательно, важно укрепляющее в вере отеческой и ограждающее от заблуждений могучее слово о. Иоанна. Да я простонародная-то кронштадтская и столичная паства о. Иоанна совсем не так проста, как представляет её в своём дневнике издатель «Гражданина».

Будь кн. Мещерский кормчий одного старо-боярского органа «Гражданин», а то ведь он издатель и нового народного органа – «Дружеских Речей», и так мало знает народную среду!...

Эта самая «простонародная паства о. Иоанна», которую так мало знает и неверно характеризует князь Мещерский, ведь и составляет главный контингент читателей «Дружеских Речей».

Если согласиться с предположением князя Мещерского, «что будто бы гр. Лев Толстой, как проповедник религиозных лжеучений, не попадает в многолюдную простонародную среду, главным образом, потому, что *этот люд ничего не поймет* из того, что пишет Лев Толстой», тогда придется допустить, что этот люд тем паче не понимает и «Дружеских Речей», ибо граф Толстой писательским талантом и именно народным творчеством ведь сильнее писателей Гродненского переулка... Позвольте, – ведь вот поняли же и усвоили «умствования» Толстого закавказские духоборы, павловские громилы церкви-школы, киевские штундо-толстовцы, а они почерпали и почерпают «толстовские умствования», главным образом, из вероучительных листков и трактатов яснополянского лжеучителя? Да будет ведомо издателю «Дружеских Речей», что мастеровые, фабричные и дворники узнают о Толстом не из проповедей о. Иоанна, а из подпольных толстовских религиозно социальных листков. О. Иоанн со своею проповедью, как чуткий пастырь, идет лишь на встречу духовным запросам народной среды.

Знакомые с религиозными писаниями Толстого, прочитав «размышления дневника», могут одно сказать, что князь Мещерский *никогда ничего* не читал из религиозных трактатов гр. Толстого и в частности незнаком с теми изданиями, какие предназначены для народной среды. Если угодно издателю «Гражданина» убедиться, как бесконечно прав о. Иоанн, предостерегая народ от лжеучения Толстого и как сто раз неправ он, князь Мещерский, с его опасениями за соблазн от проповеди знаменитого пастыря, то пусть познакомится с последним, напр., произведением Толстого: «Восстановление ада», да с его «Памяткой солдату», тогда он возьмет свои слова, «что будто бы Толстой идет, подобно Ренану, вкрадчиво и лицемерно на своё разрушительное дело – языком, недоступным пониманию простого народа». Нет, князь, в том-то и дело, что Толстой идет не вкрадчиво, а *напролом*, не лицемерно, а с *захватывающею* искренностью и обольщающим языком. Здесь его сила и преимущество, а ваше блаженное неведение. Смеем уверить издателя «Гражданина», что – всякий деревенский Иванушка увлечется умствованиями Толстого и, конечно, соблазнится, если не предостережет, не поддержит его веры пастырское слово. Не надо себя убаюкивать, что будто бы толстовские и сектантские листки не попадают в народную среду. О, как попадают, не только в городах, но и деревня не застрахована от этой «тли». Жаль, что издатель «Дружеских Речей», печатного органа для борьбы с растлевающими народное чистое мировоззрение духовными течениями, так жестоко ошибается, утверждая, что будто бы «простонародная (столичная то!) паства о. Иоанна яко бы *впервые* узнает о каком-то Толстом и его учении из проповедей о. Иоанна»! Да вся Россия, князь, после послания Св. Синода знает Толстого, как не «какого-то», а очень определенного лжеучителя, отвергающего Божество Иисуса Христа и Церковь со всеми её установлениями... Ведь так «размышлять» – значит обнаруживать полное неведение того, что делается в недрах народной жизни, какие духовные нужды и запросы волнуют душу простолюдина. Поверьте, что о. Иоанну лучше это знать и

позвольте ему быть хозяином своей великой миссии охранителя народной веры, хоть за него-то вы не опасайтесь...

А затем, разве не абсурд – утверждать, что будто бы «в простом верующем народе нет *расположения рассуждать о предметах веры!* Нет в мире народа более сердцем расположенного и *чуткого* в этом отношении. Это можно бы сказать, напр., о грузинах, где нет никакой ревности по вере и ни одной секты, или о ком хотите, но только не о *русском народе*. Послушать *божественное*, потолковать о вере – да это исконная черта русской народной души, – неблагоприятное и недостаточное удовлетворение которой, со стороны представителей Церкви, служит основной причиной развития сект в недрах народа. Если бы народ наш не был пытлив к вопросам веры, не было бы и сект и в частности такой страшной секты, как скопчество. Подумайте-ка, – здесь, из пытливости и ища спасения, люди решаются на такое страшное дело, как известная операция, со всеми её ужасными последствиями. А загляните в аудитории для религиозных бесед: всюду и в городах, и в деревнях религиозные миссионерские беседы тысячами посещаются, – ломаются стены аудиторий. А князь Мещерский уверяет, что нет в верующем народе и в частности в пастве о. Иоанна *расположения рассуждать о предметах веры, «что там будто бы царят огненная вера и чистая любовь»...*

Князь давно утверждает, что вера и любовь тогда царили когда розги по спинам мужика ходили за вольнодумство, когда мысль народная была под опекой крепостничества, но это было, князь, давно, а теперь уже не то. Я не знаю, предвидел ли князь, как обидно и тяжело читать людям Церкви эти «размышления», граничащие с обвинением одного из величайших церковных авторитетов нашего времени, а вместе и всей обличающей лжеучения миссии Церкви, когда он восклицает: «зачем непонятное делать ему (простому человеку) понятным посредством обличения»! или: «очень редко догматическое опровержение лжеучений даже такого могучего проповедника, как о. Иоанн, может иметь значение противоядия для души неверующей»!!!

Что же теперь прикажете делать прочему духовенству, если даже слово о. Иоанна неспособно быть противоядием лжеучениям?

Церковная власть и миссионерская наука борются с *инерцией* и традиционным грехом пастырей-проповедников, не хотящих или не умеющих вовремя предупреждать соблазна от лжеучительства и ограждать верных чад от ересей, и о. Иоанн является правилом и образцом в этом, как и во всём пастырском делании, а князь Мещерский негодует на такие ограждающие веру обличения и тем невольно служит в руку врагам Церкви.

Беда России и Церкви от непрошенных охранителей, которые не ведут-бо, что говорят и творят.

Бестолковость современной жизни не от того-ли, что «пирожники берутся за сапоги, а сапожники за пироги».

Издатель «Гражданина» советует «оставить мертвым хоронить своих мертвецов»; а мы на это скажем: ох, смотрите, чтобы «камни не возопили» против таких панацей...

Многое бы и еще можно сказать по содержанию дневника князя Мещерского, но лучше дадим место рассуждениям Рязанского мужичка по поводу того же ответа о. Иоанна гр. Толстому, – может быть, сын народа лучше нас растолкует кому следует, как дорога, близка сердцу народа, как благовременна и важна обличительная проповедь о. Иоанна.

Открытое письмо мирянина Отцу протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву (Кронштадтскому) по поводу его ответа гр. Толстому

Глубокоуважаемый Батюшка, Иоанн Ильич.

Прочитал я в № 233 «Московских Ведомостей», ответ Ваш Льву Толстому, на его сочинение «Обращение к духовенству», перепечатанный сказанной редакцией из «Миссионерского Обозрения».

Спасибо вам, добрый и сострадательный пастырь стада Христова, что Вы выясняете нам «безбожную личность Толстого», раскритиковав его богохульное учение и отталкивающее нападение на Церковь Христову и богопоставленных хранителей её заветов, пастырей наших.

Это Ваше радушное, искреннее, сердечное обращение к русским людям глубоко трогает сердце православных русских людей и невольно хочется излить вам и свои чувства и мысли о лжеучителе Льве Толстом.

Но прежде чем взяться за перо, сознавая свою немощь, я обратился со следующей мольбой к моему Создателю – Сладчайшему Иисусу: «Иисусе мой, Христе многомилостиве, исповедующего приими мя. Ангелов и человеков Творче, Господи сил, отверзи ми недоуменный ум и язык на похвалу пречистого Твоего Имени».

Затем взял я в руки святое Евангелие, отвергнутое, извращенное Толстым, поруганное его злым языком; слезы печали полились у меня и я сказал: «Книга святая, книга благоуханная, книга сладость райская! Ты научила меня познать Бога и жизнь, с её прелестями. Кто же отвергнул тебя, бесценная книга? гордый мудрец века сего, лжеучитель-богохульник Толстой!

Но пусть он, несчастный, не пользуется, по кичливости ума своего, твоими сладкими паче меда словесами, вводящими в жизнь вечную, исходящими из Святейших уст Самого Бога. Но мы, хотя и грешные, но православные христиане, верующие в неистощимое милосердие Спаса нашего Иисуса Христа, крепко и всегда, до самой нашей смерти будем питаться этой райской манной и передавать оную потомкам нашим из рода в род!

Напрасно также воображает он, Толстой, и его последователи, что будто бы все, так называемые интеллигенты, кланяются измышленному им божеству и руководятся заповедями Толстовского евангелия. О нет! как много высоко и средне образованных и ученых, чистых как кристалл христиан, которые крепко держат в своих сердцах заветы Христа, Его Церкви и веры и проходят земное поприще путем, указанным в Св. Евангелии!

Дивны дела Твои, Господи! Когда я открыл питающую нас, христиан, небесной пищей – райскую книгу, Св. Евангелие, то глазам моим предстала глава 12 от Луки, где я нашел ясное предупреждение моего Сладчайшего Иисуса против подобных Льву Толстому лжеучителей-неверов: «Когда собрались тысячи

народа так, что теснили друг друга, Он (Иисус Христос) начал говорить: берегитесь закваски фарисейской (т. е. учения неверов), которая есть лицемерие. Нет ничего сокровенного, что не открылось бы и тайного, чего не узнали бы» и т. д.

И подумал я, прочитав эти божественные слова: а ведь очень долго учение Толстого сокровенным путем шло в народ, но нет тайны, которая бы не открылась. Вред учения Толстого открыт отлучением его от православной Церкви, и тогда только русские люди прозрели, что, упиваясь безбожной философией яснополянского учителя, – они отравляются. Читаю евангелие дальше и врезались в сердце вот эти глаголы:

Говорю же вам, друзьям моим: не бойтесь убивающих тело и потом немогущих ничего более сделать, но скажу вам кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей говорю вам, того бойтесь: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын человеческий исповедает пред Ангелами Божиими, а кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред ангелами Божиими и всякому, кто скажет слово на сына человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святого Духа, тому непростится и т. д. Тут я снова углубился в ваш, дорогой Батюшка, ответ и впервые увидел ясно и ужаснулся растлевающего ум и сердце, – убивающего душу учения Толстого и, осенив себя крестом, сказал душе моей: душе, душе моя! восстани, отбрось с отвращением на веки все обольстительные мудрования безбожного Толстого!

Пусть уж он, Лев Толстой, насыщает своим мертвящим душу ядом тех, которые привычны к нему от груди матери, воспитаны без страха Божия, которые к великому прискорбию не испытали душой и сердцем учения нашей матушки, православной Церкви Христовой! Пусть нам, простым русским людям, твои и других подобных тебе служителей Церкви пастырские глаголы жизни вечной будут путеводною звездою! Не пойдем мы за яснополянским курным одуряющим голову факелом! А гр. Лев Николаевич за всё, им посеянное на недоброй почве нивы Божией, пожнет плоды своего лжеучения

«в день он», когда каждому воздастся по делам его Тем, в руке Которого, как ты, дорогой Батюшка, сказали, – Лопата.

Хотя и очень жаль Толстого, как брата христианина и дай-то Бог, чтобы его и его последователей озарил твой «Ответ» светом истины, чтобы познали они своё тяжкое заблуждение и сладость учения православной веры и, с полной надеждой в милосердие сладчайшего нашего Господа Иисуса Христа, обратились с покаянными слезами к Его благодати! Милосердный Господь с ангелами и всеми святыми более радуется на небесах об одном кающемся грешнике, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

А Вас, глубокоуважаемый Батюшка, добрый наш учитель, умиленно прошу и впредь охранять нас своим словом, от недобрых лжеучителей и не отказывать нам, православным христианам, в Ваших мудрых, вдохновленных свыше наставлениях и поучительных вразумлениях и не забывать нас сырых, всей душой Вас любящих, на Ваших Святых дивных молитвах и мы, в свою очередь, будем молить сладчайшего Спаса нашего Иисуса Христа, Его Пречистую Приснодеву Матерь – Небесную Царицу и всех Святых Небожителей, о ниспослании Вам здоровья и долгоденствия, особо нужного в наш лукавый век безверия и маловерия, еще на многие и многие годы, для блага Церкви и отечества.

Крестьянин Рязанской губернии, Скопинского уезда, Боровской волости, дер. Кузьминки Тит Карпов.

Жительство имею: Село Озеры, Коломенского уезда, Московской губ., фабрика Брат. М. и И. Щербаковых.

26 Августа 1903 г.

Вот каково настоящее-то, подлинное отношение народа к обличениям о. Иоанна лжеучений Толстого. Внемлите!

* * *

Теперь немножко из нашего дневника.

Вчера получил письмо следующего содержания:

«Я читатель вашего журнала, нахожусь под впечатлением статьи г. Козицкого в № 15, по поводу книжки священника Смирягина. Книжки не читал, но статья меня захватила, так как принимаю близко к сердцу вопрос о современном религиозно-

нравственном падении нашей деревни. Я хотел бы обратить ваше внимание на яркую картину этого состояния, прилагаемой вырезкой газетной корреспонденции из села Лебедина, Чигиринского у.».

Читаю...

«Лебедин», Чигиринского у. (Корресп. «Киевлянина»). 8 Августа, в 11 часов вечера, как уже сообщалось в «Киевлянине», произошло нападение вооруженных злоумышленников на семью директора Матусовского и Лебединского сахарных заводов, при чем девица Ольга Гомзина была убита, кучер и лошади ранены, а экипаж прострелен в нескольких местах. На месте, где была убита Гомзина, был поставлен крест с иконой Спасителя. 8 октября икона оказалась поцарапанной и исковерканной. К месту происшествия был послан урядник со старшим стражником, которые при осмотре памятника нашли следующее: икона прострелена револьверными пулями в двух местах, вся изрезана и пробита тупым железным орудием; лик же Спасителя совершенно уничтожен ножом; крест тоже пробит пулей, и краска вся исцарапана. Об этом был составлен протокол, и дано знать властям. На место первой иконы была вделана другая, тоже Спасителя. 17 октября оказалось, что и эта икона обезображена. Снова был послан старший стражник для осмотра, который нашел икону в сильной степени поврежденной. Кроме того, под иконой была найдена записка, приклеенная колесной мазью, следующего содержания: «сама Мать Божия говорила и написала, што кто бачив, то кажи ни бачив, лучше буде». Негодяи пока не разысканы («Киевлянин»).

– Да, действительно, страшное, из ряда выходящее безобразие. Я думаю, что это проделки штунды местной, которая в Чигиринском уезде сильна и осложнена скверным анархическим оттенком. Однако дочитаю до конца письмо.

«Вот религиозное чувство в местном православном населении до чего упало, что среди него могут найтись личности, у которых поднимается рука *прострелить лик Спасителя револьверными пулями!* Неужели ваша редакция «Миссионерского Обозрения» не подчеркнет этого факта

народного кощунства и не осветит его во всём его ужасе и позоре? О таких проявлениях народного озверения, сопровождающегося *грамотностью* (к исковерканной и обезображенной иконе приклеена была и *записка*), нужно кричать, вопиять, чтобы наше шаткое, безбожное общество убедилось, наконец, что спасение не в голой грамотности, а в *религиозно-нравственном просвещении* народа, которое одно только может подготовить в будущем нравственных граждан, способных жить друг с другом в мире и согласии, а не *подкалывать* один другого, как это водится в настоящее время. Нам лично известно несколько сел в ближайшей к Киеву земской губернии, где, благодаря земским школам, население *поголовно грамотно*, но где положительно невозможно жить: — до того люди озверели. Убийства, поджоги, грабежи случаются чуть не ежедневно и почти всегда виновники их оказываются неоткрытыми, так как все соседи чувствуют за собою кое-какие грешки и боятся выдавать друг друга. Наше образованное общество совершенно загипнотизировано газетами и верует, что нравственность населения есть непременно последствие грамотности, что преступления творит «власть тьмы», т. е. безграмотности, между тем как в действительности эти вещи не имеют между собою ничего общего, и насколько честны и порядочны были крестьяне-простецы, тепло верующие в Бога, настолько преступны и злы безбожные грамотеи, которыми переполнены наши села теперь. Несомненный факт, что распространение грамотности, дающее доступ к современным революционным изданиям, но не поднимающее религиозного чувства, только влечет за собою повсеместно умножение преступлений всякого рода».

* * *

Под тяжелым впечатлением от корреспонденции и письма принялся за чтение новой газеты и в передовой читаю:

«Антирелигиозная компания министерства Комба устроила настоящее гонение не только на католическое духовенство, но и на самый символ христианства — святой Крест. Изгнав из Франции все духовные ордена, Комб в самых ясных выражениях объявил, что французское правительство

бесповоротно решило лишить права преподавания всех членов религиозных конгрегаций, не исключая и тех, которые по своему образовательному цензу имеют на то законные права. Ни один священник и ни один французский гражданин, поступивший в духовный орден, не может в своём отечестве преподавать.

Несомненно, что меры эти принимаются для того, чтобы преподаватели не могли благотворно влиять на сердце своих учеников, утверждая их в принципах веры христианской.

Министерство Комба дошло в своём гонении на христианство до самых крайних и возмутительных пределов. Оно приказало «выбросить» из зала французских судов Распятие. То, что считается у нас и у всех христианских народов гнусным святотатством и строго преследуется законом, совершается во Франции, как законный акт, предписанный правительством. Добрые католики, которых не мало во Франции, должны, конечно, жестоко страдать от этого. Республиканский режим современной Франции не допускает даже свободы веры и совести».

Прочитав эти строки, подумал я: какое совпадение..., а ведь Чигиринские полутемные грамотеи-святотатцы и просвещенные французские гонители креста – сродни друг другу: и те, и другие нравственно падшие, до последней степени, бессовестные люди. А ведь мой корреспондент прав, говоря: что «нравственность населения не от грамотности только зависит»... Комба и К°, – либеральные просвещенные неверы века сего, а какое бессовестное, грубое издевательство допускают над свободой веры и совести...

Вот где ныне настоящая-то штунда – в дружественной Франции! Чигиринская ей и в подметку не годится. А может быть Чигиринские штундисты прообраз и зачаток будущих русских Комбов? О, наши комбы превзойдут... Судьбы Божии неисповедимы, но да хранит Господь подольше от сего Русь православную!

В. Скворцов

Ноябрь. Книга 2

**Фудель И., свящ. Нравственно-культурное значение
учительства. Речь на съезде учителей народных
школ Бронницкого уезда, Московской губ.²³⁹ //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 977–987**

М. г.

Каждому из нас, при исполнении своего долга в *серой* будничной обстановке, особенно отрадно бывает хоть изредка отвлечься от повседневных забот и мысленно *приподняться* над суровой действительностью, чтобы несколько отдохнуть в сознании пройденного пути или почерпнуть где-нибудь силы для дальнейшего труда. Так, путник, взбираясь на высокую гору, изредка останавливается и непременно оглядывается, чтобы подкрепить свои силы не столько в физическом отдыхе, сколько в сознании, что много уже препятствий преодолел он и цель путешествия близка. Отвлечь своё внимание на время от окружающего мира и перенестись в мир *идей*, чтобы *там* найти оправдание и смысл своего личного дела – это потребность души каждого работника, который смотрит на свой труд не как на ремесло, а как на высшее призвание. Тем живее эта потребность чувствуется теми тружениками нивы народной, которые заброшены в беспросветную глушь, в русскую темную деревню, вдали от утех и соблазнов внешней культурной жизни.

Думаю, поэтому, что вы не посетуете на меня за то, что темой своей речи я выбрал не какой-либо частный вопрос, а то высшее, что дает смысл всем частным вопросам вашей повседневной работы, именно о *нравственно-культурном* значении вашей учительской деятельности.

Давно ли было то время, когда для сельского народного учителя не возникало никаких вопросов в его деятельности, ни методических, ни общих принципиальных. Он спокойно, уверенно обучал грамоте ребят, отданных ему в науку. Всё было просто и ясно, когда сама жизнь была проста во всех своих формах. И как всё стало сложно и перепутано теперь!

Может ли в настоящее время учитель пройти мимо тех вопросов, кои выдвигает сама жизнь. Например: каковы задачи

народной школы? Чему в строе школьной жизни надо отдать предпочтение – обучению или воспитанию? Какова роль знания в развитии учеников? Предполагает ли умственное развитие, как своё следствие, повышение нравственной жизни? И т. д. и т. д. Много подобных основных вопросов выплыло на поверхность жизни с того времени, как задачи народного образования получили подобающее значение в общей сумме государственных и общественных задач. И литература наша общая и специально-педагогическая живо откликнулась на все эти вопросы и старалась посылить разрешить их так или иначе. Но как всегда бывает в подобных случаях, теоретическая мысль не всегда совпадала с запросами жизни и, не делая уступок, стремилась втиснуть эту жизнь в теоретически-построенные рамки, происходили неизбежные увлечения, ошибки, и разочарования. В результате все-таки здоровые требования жизни одерживают рано или поздно верх над увлечениями мысли.

Так было, например, в вопросе о задачах народной школы. Не так еще давно эти задачи сводились исключительно только к распространению знаний. В этом одном все видели единственное средство борьбы со всем злом народной жизни. Правильная мысль что знание – сила выродилась у нас в ложное заключение, что знание есть *единственная* сила. Нельзя сказать, чтобы мы в школьном деле теперь уже освободились от господства этого принципа, тем не менее теперь уже нет повального увлечения им. Жизненный опыт показал всю односторонность этого увлечения и разбил многие радужные иллюзии. Преувеличенное мнение о значении знания для борьбы со злом получило своё полное развитие на Западе и оттуда уже перешло к нам. Там действительно сделано страшно много для распространения знания среди населения. В результате что же получилось? Надо прежде всего отметить, что против этого культа знания стали высказываться прежде всего именно на Западе наиболее вдумчивые писатели, приводя для этого очень веские основания. Гак, например, известный ученый Альфред Фулье опубликовал недавно данные о соотношении между распространением знания и нравственностью людей. Эти

данные чрезвычайно интересны. Оказывается, что французская статистика обнаруживает тревожное совпадение между распространением образования в стране и возрастанием преступности. Общая преступность во Франции за последние 50 лет *утроилась*, хотя народонаселения увеличилось лишь немного; но что самое интересное – замечено возрастание преступлений, со времени введения обязательного обучения в 1881 г., причем преступность детей стала почти вдвое превышать преступность совершеннолетних, и в преступлениях молодежи стали замечаться сравнительно со взрослыми избыток свирепости, изысканная похотливость и хвастовство порочностью. Само собою разумеется, что эти статистические сведения имеют лишь *относительное* значение и увеличение преступности нельзя *непосредственно* сопоставить с увеличением народного образования. Но нельзя также не согласиться с мнением Альфреда Фулье, что, в числе нескольких причин увеличивающейся преступности детей, необходимо указать на господствующее в современном обществе понятие о просвещении и создаваемую им систему школьного образования. Это распространенное понятие характеризуется, как нельзя лучше, словами Дж. Ст. Милля, который рассказывает, что его отец был убежден, что всё было бы спасено, если бы весь свет был грамотен. Так, замечает А. Фулье. думали почти все в XVIII веке, повторяя с Кондорсэ: «Всеобщее беспрерывно улучшающееся образование составляет единственное лекарство против общих причин бедствий рода человеческого». Так ли это? Главный недостаток нашей системы обучения, говорит Фулье, состоит в преобладании элемента умственного и рассудочного. По наследию XVIII-го века, до сих пор преувеличивают значение *знаний*, особенно естественно-научных для нравственности человека. Между тем, давая знания без укрепления нравственности, мы даем лишь более сильные орудия для дурных наклонностей. Ребенок может сколько угодно учиться арифметике, знать голландские мысы, американские озера, и целую кучу исторических анекдотов; его дурные наклонности ничуть не переменятся. Еще Сократ говорил: «Образование, не

дающее ума здорового и проникнутого справедливостью, – только ухудшает людей, давая им более способов делать зло». Альфред Фулье указал на одно из проявлений усилившегося зла в родной ему Франции: на увеличение преступности. Но можно указать и на другие стороны того же зла, ярко выступающие наружу не в одной Франции, а во всём цивилизованном мире и в старом, и в новом свете. Увлечение одним внешним положительным знанием отразилось на направлении всей культуры. Успехи научного исследования природы и пользования силами её, успехи практической техники достигли небывалых размеров. С этим вместе выросло могущество отдельных государств и небывалое в истории накопление богатств. Удобства внешней культуры стали доступными большому количеству людей. Но на ряду с этим выросла небывалая в истории погоня за материальными благами как целых государств, так и каждой отдельной личности. Вырос новый кумир – золотой телец, которому приносят в жертву и справедливость и честь, и совесть – всё чем живет человек. В частной жизни это сказалось в необычайной борьбе за существование, во внешней политике государств – в возмутительных захватах и насилиях сильного над слабым. Давно ли мы присутствовали при предсмертной агонии маленького честного народа, задушенного цивилизованной нацией? Точно в насмешку над высокими словами цивилизации в мире опять получает господство кулак, но не простой, как в средние века, а более тяжеловесный, «закованный в броню», по выражению Вильгельма II-го. И внутри самих государств погоня за материальными благами и неравномерное скопление их породило невыносимо обостренное отношение между разными классами населения и рознь эта грозит перейти в открытую борьбу и озарить заревом пожара весь цивилизованный мир. Душно стало всем, тесно живется. Недовольство масс растет, потому что потребности растут, а удовлетворять их все культура не может. Все помыслы устремлены на блага мира сего. Всё для себя, для своего земного блага, для своего кармана, для удовлетворения своих страстей. Забыли кроткий голос Спасителя: «ищите прежде

всего Царствия Божия». И вот более чуткие мыслители Запада давно уже слышат отдаленный гром и тревожно указывают на грядущую для человечества беду. «Душа убывает», выразился один из них в половине минувшего столетия, и в этом слове вылилась вся сущность вопроса. «Душа убывает», потому что о душе никто не заботился, о ней никто не думал. И вот в результате *блестящая, но «бездушная» цивилизация*.

Что же? Стало быть и для нас неизбежен этот же круг противоречий? И нам предстоит задыхаться в этом золотом мешке прогресса? Да, если мы будем идти слепо за Западом, по тому же пути развития.

И *нет*, если мы сумеем создать *свой* путь развития, *свою* культуру, т. е. сумеем позаимствовать с Запада его страшную бездушную силу, которая заключается в сокровищах знания и техники, и вложить в неё *душу*, т. е. нравственные начала жизни, одухотворить её... «Ищите *прежде всего* Царствия Божия и правды его!»...

И «Царствие Божие внутри вас есть»! Вот это предстоит русскому народу во всей его целостности, т. е. и простому народу, как непосредственному хранителю в тайниках своих новых начал жизни, так и в союзе с ним интеллигенции, как сознательной истолковательнице этих начал.

Но интеллигенции, именно самой ближайшей к народу интеллигенции, предстоит главный труд в этом деле, ибо она вооружена орудиями знания и по своему положению должна быть руководительницей народа.

И труд этот совсем не так страшен, как он кажется. Ничего выдумывать здесь не приходится, а тем более ни ломать, ни насиловать чьей-либо совести. Надо только прислушаться к народному вкусу, к запросам его души, к его голосу и стараться дать ему ту духовную пищу, которой он ищет. И для этого не надо особенной наблюдательности, или чуткости. Все исследователи жизни народной единогласно свидетельствуют, что запросы народа тяготеют преимущественно к области нравственной, духовной, что народ трогательно сам ищет правды Божией, жизни праведной, душа его тоскует по далеком

идеале святости и что только в этом идеале он и находит высший смысл существования.

Оттого то незабвенный Достоевский и называл его народом-богоносцем. И замечательно, что «та высота, та безусловность нравственного идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу, которая во всяком русском человеке обуславливает возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, – вся эта нравственная суть русского человека, по наблюдениям известного педагога С.А. Рачинского, уже заложена в русском ребенке».

«Несколько лет тому назад, говорит С.А. Рачинский, в Париже учебное начальство возымело оригинальную мысль подвергнуть статистическому исследованию задушевные желания парижских ребят. С этою целью во всех начальных школах было задано единовременно всем учащимся сочинение на одну тему. Всякий должен был высказывать, как бы он желал провести свою жизнь. Этот материал был подвергнут тщательной классификации и исследованию, и в общем выводе получился успокоительный результат, что идеалом большинства парижских детей нужно считать честный труд и приобретаемый им скромный достаток.

Не задаваясь столь строго научными целями, я часто задаю своим ученикам темы тождественные или подобные: ученики на них пишут охотно, и учитель может почерпнуть из их ответов полезные указания. – Ответы эти самые разнообразные, смотря по возрасту, характеру, степени развития, минутному настроению ученика. Но весьма замечательно в этих сочинениях частое повторение одного мотива, который, ручаюсь за это, во всякой школе, кроме русской, может явиться, лишь как редкое исключение.

Большинство мальчиков, внимательно относящихся к заданной теме, нарисовав себе жизнь, соответствующую их вкусам и наклонностям (по большей части хозяйственным – из земных благ самым желательным оказывается собственный кусок земли), заключают её отречением от всего мирского, раздачею имущества бедным, поступлением в монастырь!... Да,

монастырь, жизнь в Боге и для Бога, отвержение себя, – вот что совершенно искренно представляется конечною целью существования, недостижимым блаженством этим веселым практическим мальчикам. Эта мысль не могла им быть навязана учителем, нимало не сочувствующим нашим современным монастырям. Монастыря они и не видали, они разумеют тот *таинственный*, идеальный, неземной монастырь, который рисуется перед ними в рассказах странников, в житиях святых, в собственных смутных алканьях их души!²⁴⁰

А вот что пишет в своих «Записках» одна интеллигентная девушка, добровольно взявшая на себя подвиг школьного учительства в глухой местности: «Всякий разговор о подвигах и преданности вере и отечеству, о самопожертвовании и презрении к смерти удивительно одушевлял моих молодых собеседников. Мне случилось им рассказать, как один Оренбургский казак научил своих односельчан и соседей истинному христианскому житию, и я никогда не забуду того безмолвного, страстного внимания, с которым они выслушивали этот рассказ. Один угрюмый и скрытный мальчик, никому прямо не смотревший в глаза, в первый, кажется, раз поднял их на меня, и всё лицо его преобразилось и осветилось прекрасной, чуткой мыслью; а другой, 12-летний мальчик, взволнованно и твердо заявил, что будет кормить тятю, пока тот жив, а потом уйдет в Оренбург, на христианское житье. Еще случилось мне долго беседовать с крестьянскими девушками, которые по вечерам приходили в школу с пряжей, чтобы выучиться молитвам и слышать рассказы из Священной Истории и из жизни святых. Мы говорили о темных сторонах деревенского быта, и девушки были очень задумчивы и очень серьезны. А через несколько времени после того, как мы разошлись, я услышала звонок и нашла у подъезда нашего дома четырех девушек, которые, несмотря на поздний час, вернулись, чтобы сообщить мне своё решение: они не хотят жить, как все, в грязи, грубости и неправде; они не хотят слышать бранных слов и видеть пьяных, не хотят участвовать в насилиях и обманах, они хотят втроем поселиться особо в чистой келье за садом, у

церкви; хотят петь, работать, читать и молиться, и хотят до самой смерти прожить чистыми и добрыми!!²⁴¹

Пусть для многих всё это только наивно, но в этих детских мечтах и замыслах разве не отражается, как в зеркале, народная душа, которая тянется к свету, к правде, к иной жизни?

Пусть для некоторых все эти явления не имеют абсолютной ценности, но никто не будет спорить, что они имеют решающее значение в том вопросе, который теперь для нас наиболее важен: *как устранить в нашей жизни пагубные односторонности и противоречия западной культуры?* Если запросы русского народа коренятся в области религиозно-нравственной, если идеал его есть не богатство, не могущество на счет унижения других, не слава, а *святость*, т. е. жизнь в Боге и для Бога, то ведь это есть тот несокрушимый фундамент, на котором только и может вырасти культура не умственных только знаний, но *нравственной* жизни. Это и есть та душа, которая «убывает на Западе».

Не напрасно же наши русские мыслители, начиная с первых славянофилов и кончая недавно умершим Владимиром Соловьевым, с такою любовью и упованием говорили об историческом призвании России, которое заключается в том, чтобы внести в общую сокровищницу всемирной культуры то, чего там не хватает: новые нравственные формы жизни, свободу христианского духа, дух Христов в отношения личные и международные...

Не оттого ли и вдохновенная речь Достоевского на празднике Пушкина прозвучала по всей России, как вечевой колокол, что в этой речи все услышали вещее слово о великом *нравственном* призвании России?

И опять повторяю: если таково призвание русского народа, то помочь ему осуществить это призвание лежит на обязанности той умственной силы, которая стоит в непосредственной связи с народом. *Народное учительство поэтому получает теперь особый смысл и высшее значение.* Если прежде учитель народной школы был только мастером своего дела, и был спокоен, когда исполнял свою непосредственную обязанность

научить детей читать, писать и считать, то теперь сама жизнь, иногда против воли учителя, расширяет чрезвычайно рамки его деятельности. Он именно та культурная сила, которая стоит ближе всех и в непосредственном отношении к народу. Поэтому, при осложнившихся условиях и требованиях жизни, на эту силу возлагаются сверху такие задачи, о которых раньше никто и не думал. Чтения с теневыми картинками, вечерние занятия со взрослыми, воскресные школы, продажа книг из склада, заведование библиотекой, обучение сельскому хозяйству и т. п. новые обязанности сельского учителя – ставят его в непосредственное отношение не с детьми только, а и со взрослыми, ставят его в положение учителя *народа*.

Но не о том я говорю, что возлагается на современного учителя сверху, а о том, что возлагает на него в данное время его *нравственный долг* перед народом. А этот долг говорит ему: учи не детей только, а весь народ тому, чего он ищет; учи его добру, разумной, нравственной жизни, добрым отношениям к семье и к ближним, трезвой жизни, воздержанию языка... Учи его не только умирать свято, но и жить свято, чтобы не порывами только к свету определялась его жизнь, а постепенным, но неуклонным приближением к нему. Этот нравственный долг подсказывается учителю не только его сознанием, но в большей степени его сердечной чуткостью, его отзывчивостью на окружающую его нужду, его жалостливой любовью к меньшим братьям, протягивающим к нему руку за духовным подаянием. Но если голос нравственного долга недостаточно громко звучит в ином сердце, то уже громко и убедительно говорит ему о тех же задачах практический опыт учительства. У кого из вас, долго живущих на одном месте и вкладывавших всю душу в своё дело, не опускались в бессилии руки, когда вы видели, как безжалостно дерзко разбиваются все ваши школьные труды о невежество и языческий образ жизни всей массы населения. Дети, как губка, впитывают в себя всё то доброе, что вы им даете, а та же семья, в которую возвращаются дети из школы, грубо выжимает из этой губки детского сердца всё, без остатка, содержимое в ней. И подчас, когда вы считали себя уже у цели и утешались добрыми

результатами, какой-нибудь случай открывал вам глаза и наполнял сердце ваше глубоким разочарованием в силе *школьного* влияния на жизнь. Всё то доброе, что выносит ученик из школы, быстро перевешивается тем злом, что подстерегает его тут же на улице, за порогом школы. Влияние личности, семьи, улицы, преданий и обычаев, суеверия и невежества так сильно, что нет возможности на одну школу возлагать какие-либо надежды нравственного улучшения народа. Не приводит-ли это нас к той же мысли, что если учитель хочет видеть добрые плоды своего школьного учительства, он должен *охватить* своим добрым влиянием всё взрослое население своего района? Только при этом условии и возможно служить тем нравственно-культурным задачам, о которых я говорил только что. «Учитель – свеча, которая всем в доме светит и сама при этом сгорает». Это сравнение принадлежит К.П. Победоносцеву и как оно выразительно передает всю *сущность* современного учительства! Именно свеча...

Но для этого, скажут мне, нужен личный подвиг учителя? Конечно! – отвечу. Личный нравственный подвиг – неперенное условие учительства. Ведь потому это звание так и свято, потому оно и трудно, что для успеха его необходим личный подъем духа учителя, личное самоотвержение и исполнение прежде всего заповеди Христа: «отвертись себя, возьми крест свой и следуй за Мной».

Даже в более узкой сфере учительства – в школе – без личного нравственного подвига невозможно воспитание. Помните, как говорит старец Зосима у Достоевского: «на всяк день и час, на всякую минуту, ходи около себя и смотри за собою, чтобы образ твой был благолепен. Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душой: ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно, пожалуй, а всё потому, что ты не уберегся перед дитятей, потому, что любви осмотнительной, деятельной не воспитал в

себе»... Это черты идеального учителя, скажут мне. Это недостижимо. Пусть будет так. Соглашусь на время, что это черты идеального учителя, что это идеал. Но спрошу в свою очередь: чем живет всякая человеческая душа, как не идеалом? Чем оживляется наша серая, будничная работа, особенно при таких тяжелых условиях, как работа учителя в деревенской глуши? Чем поддержать в себе необходимую для работы бодрость, чтобы не впасть в уныние? Только идеалом, который, как далекий светоч в безбрежной пустыне, манит к себе и укрепляет наш дух надеждой на то, что мы не напрасно идем, не заблудимся, не погибнем. Не будь его, как сера и однообразна была бы наша, жизнь! Но я скажу больше. – Учительство, более чем какая-либо другая деятельность (кроме пастырской), богата так называемыми «идеальными работниками». И те черты, коими я обрисовал учителя народа, взяты с действительности. Мы знаем, мы встречаем *таких* учителей. Скромно, без шума, с полным самоотречением делают они святое дело нравственного обновления окружающей их крестьянской среды. И если мы их не всегда замечаем вследствие их скромности, то народ всегда отличает их.

Нет между ними и народом того средостения, которое отделяет от народа интеллигенцию. Отношения между ними просты и естественны. Народ видит в них *своих* учителей и несет им и радость и горе своей жизни. Он тянется к ним, как ребенок тянется к своей матери. И надо видеть, какого нравственного влияния достигают эти учителя на всю окружающую их среду!

Пусть же знают они, пусть знают все учителя, взявшие на себя крест нравственного воздействия на народ, что делают они незаметное для глаз, но великое по существу, культурное дело, что служат они не только своему народу, но и всему человечеству и в этом заключается затаенный, не всем понятный, но глубочайший смысл их святого подвига.

Свящ. И. Фудель

Кальнев М. Секта малеванцев в Херсонской губернии, её вероучение и культ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 988–1008

Первого марта 1903 года высокопреосвященным Иустином, архиепископом Херсонским и Одесским получена была срочная телеграмма следующего содержания:

«26 февраля началось в Петроострове опаснейшее малеванское движение: сектанты обезумели, на 4 марта назначили страшный суд, готовы сбывать имущества, морят себя голодом, в белых рубахах бегают по селу, говорят на мнимых языках, возбуждают народ; сектантов увещеваем, нужны скорейшие меры, просим командировать епархиального миссионера. Миссионер Соколовский и священник Богданов».

На этой телеграмме последовала того-же марта резолюция владыки: «Епархиальному противосектантскому миссионеру, без промедления нужно отправиться в Петроостров. А. Иустин». К вечеру следующего дня я был уже в Петроострове, лежащем верстах в 400 от Одессы, на границе Киевской губернии и севера Елисаветградского уезда.

В первый раз об учении малеванцев в Херсонской губернии стало известным в самом конце 80-х годов прошлого столетия, когда, по словам Херсонских штундистов, сам Кондра Малеванный прошел со своей проповедью почти весь Елисаветградский уезд. Однако его крайне безумное учение не было тогда принято нашими сектантами; последние видели в нём одно богохульство, и Малеванный в иных местах с насмешкой, в других даже с угрозой и насилием был выпровожаем из домов штундистов; последние не забыли только его имени и фамилии. Но, то, чего не достиг сам основатель секты, до некоторой степени успели сделать его последователи.

Десять лет тому назад с. Петроостров было совершенно свободно от сектантства, не смотря на то, что было окружено поселениями Херс. и Киев. губ., зараженными отступничеством, пока некто Таран не занес сюда штунду, совратив некоего Савву

Литвиненко; сыновья же последнего Онисим и особенно Меркурий скоро стали во главе сектантской общины, и община эта очень быстро стала увеличиваться всё новыми и новыми соращениями из среды православных; чрез 7–8 лет Петроостровская община штундистов насчитывала уже более 150 своих последователей.

Но вот года 4 тому назад появляется здесь «странник» Пимен Корнеев Ивасюк, житель с. Быстрик, Бердичевского уезда, Киевской губ., последователь и пропагандист секты «малеванцев». Переходя из дома в дом, он стал учить штундистов, что евангелие – тряпка; нужна любовь; если-же кто читает Евангелие, то последнее нужно понимать духовно, так, напр., брак есть свободное отношение мужчин и женщин: можно любить и иметь и чужих жен: «вин мою, а я его» и т. п.

Безумная проповедь Ивасюка имела большой успех среди местных штундистов; скоро их община разделилась на два враждебных друг другу лагеря, во главе нового «духовного» учения стал вообще и раньше мистически настроенный Кондрат Магар. – Но это разделение среди Петроостровских штундистов мало обнаруживалось, пока не появился новый пропагандист «малеванщины Кузьма странник»,²⁴² посетивший Петроостров в начале февраля текущего года.

Между тем в период времени между посещением Петроострова Пименом и Кузьмою многие из отделившихся от штундизма сектантов завязывают самые живые сношения с малеванцами разных мест Киевской губернии. Одни из сектантов ведут с ними переписку, другие лично ездят к ним в Киевскую губернию. Так, напр., полицейским расследованием установлены сношения Петроостровских сектантов со след... малеванцами Киевской губернии. 1) С Василием Яценко в Лучине, 2) Архипом Кузьмичем в Турбовке, 3) Яковом Горбарем в Голяках, 4) Филимоном Коромоком в Дедовщине, 5) Дементием Рудчуком, 6) Онисимом Томилиным в Корсуне, 7) Самсоном Сулемой в Черкассах, 8) Никитой Мироновым Степаненко, 9) Иваном Очеретним в Ротиевке, 10) Иваном Васильевым Шаповаловым в Осташкове, 11) Анной Кондратьевой в Тараще, 12) Яковом Гавриленко в Таращах, 13)

Андреем Очеретовым в Ольшанице, 14) Яковом Литвиненко в Антоновке, 15) Симеоном Панамаренко в Соколовке, 16) Ефимом Барисаем в Блощанипе. Кондрат Сердюк в середине января успел побывать в г. Тараще у жены Малеванного Анны, а Алексей Погулянко, сгорая нетерпением видеть «живого бога», ездил тайком без паспорта в Казань, но, по его словам, к Малеванному его не допустили.

Очень скоро после появления Кузьмы в Петроострове стали устраиваться, под его руководством, сектантские собрания в домах Авксентия Диордицы, Якова Белана и Кондрата Магара, которые посещали так-же Самсоненко с женою Андреей Горбенко и Погуляйко. На этих собраниях Кузьма проповедовал веру в Кондру Малеванного, как в Спасителя, учил, что никаких властей не нужно, запрещал есть мясное, учил о «духовной любви» и в последнем учении успел настолько, что жена сектанта Мины Кожухаря – Акилина оставила своего мужа и сделалась «духовное сестрой» Кузьмы.

Впоследствии, когда она с ним бежала, но была в пути настигнута и избита вместе с «пророком» М. Кожухарем, она твердила мужу одно: «плоть убьешь, а духа нет»! Так сильно было влияние на неё Кузьмы.

Но еще более сильное влияние произвел своею проповедью Кузьма на семью крестьянина Симеона Тихого и особенно, как увидим ниже, на молодую, красивую жену его Марину, в доме которых он остановился и ночевал. Под влиянием его речей, Марина убедилась, что у неё «в груди вселился Христос», имеющий скоро родиться и в лице Кондры Малеванного явиться судить вселенную. К такому, впрочем, убеждению она пришла не сразу, а уже потом, после исчезновения из Петроострова Кузьмы.

Слух о появлении в Петроострове нового «настоящего» из Киева пророка скоро дошел до сведения сельской полиции, которая не могла не обратить внимания на устраивавшиеся по ночам шумные сектантские собрания. Когда в ночь на 7 февраля Кузьма устроил радения в доме Авксентия Диордицы на Петроостровском хуторе, местный сотский с тремя десятскими и обходным направились к нему во двор. На лай

собак тотчас вышел из хаты сын Авксентия – Данило Диордица и на требование полиции впустить их в избу ответил грубым отказом; скоро из хаты выбежала вся семья Диордицы, причем жена Даниила – Мария и сестра его София, схватив рогачи, объявили, что не допустят ни кому войти в дом, после чего сектанты мужчины стали бить сотских кулаками, а женщины рогачами. Не решаясь вступить в борьбу с сектантами, сотский оставил десятских во дворе Диордицы, а сам пошел в Петроостров за людьми. Когда люди пришли, десятские уже сидели в избе, но Кузьмы уже и след простыл: пока они сторожили во дворе, «пророк» уже бежал чрез выломанное с противоположной стороны избы окно и скрылся. Розыски его были безуспешны: говорят, что Кузьма, переночевав в соседней д. Красногорке, поспешил оттуда скрыться в Киевскую губернию.

Кузьма ушел, но брошенные семена его лжеучения взошли и скоро принесли печальные плоды. Наибольшее впечатление проповедь Кузьмы, как я уже заметил, произвела на душу Марины Тихой. Вследствие бедности вся семья Тихих жила впроголодь. Худое питание всю зиму, недавние роды и кормление ребенка, ежедневные заботы о других малолетних детях и насущном куске хлеба – всё это не могло не создать удобной почвы для усиления нервозности и без того слабого организма молодой женщины. Кузьма ушел, но его образ постоянно вставал пред очима впечатлительной Марины, его речи о скором наступлении нового царства без нужды, без горя, без лишений, где царит вечная весна и всеобщая любовь, постоянно наполняли её душу: его уверения о скором воплощении от неё Спасителя мира, Кондры Малеванного, более всего волновали её ум и сердце: скоро-ли совершится это дело, в котором она, по словам пророка, должна сыграть такую великую роль? Эти мысли преследовали Марину день и ночь, они лишили её сна и покоя; Кузьма своими речами буквально загипнотизировал Марину: до признания себя богородицей был у неё всего один шаг, и она скоро его сделала. Это произошло ровно чрез две недели по уходе Кузьмы.

«В субботу (22 февраля) я чистила картошку, передает нам сама Марина, вдруг вся комната моя засияла необыкновенным светом, я увидела голубя, который сел на моё правое плечо и сказал мне: «Открой рот»! Я открыла и голубь влетел в меня; с тех пор я почувствовала необыкновенную радость и теперь чувствую, как Христос трепещет в правой моей груди», – О случившемся чуде Марина тотчас сказала мужу и матери (сектантка) и те первые уверовали в неё, как в «богородицу»; скоро об этом заговорил весь хутор, а потом и всё село. Первые повалили в дом Тихих малеванцы; никому не нужно уже было уверять их в том, что Марина имеет родить Христа: Кузьма достаточно убедил их в скором воплощении Кондры Малеванного, имеющего прийти судить мир. В среду 26 февраля изба Марины наполнилась сектантами и их женами; вокруг избы собралась многочисленная толпа народа; стали приезжать на повозках и верхами из соседних хуторов и деревень; одни слышали, что Христос родился, другие спешили посмотреть, как это «из жинки чоловік зробився», так что не только весь двор, но и улица против дома Тихих была буквально запружена народом. Что-же в это время происходило в доме Тихих?

Родные Марины и явившиеся раньше других к ней сектанты первые провозгласили её Богородицей, причем некоторые склонны были видеть в ней самого Христа: «смотрите, говорили они православным, чтобы вы не ошиблись; Марина – это сам Христос»! Но большинство из сектантов смотрело на неё, как на ту, которая должна скоро родить избавителя и судию мира, Кондру Малеванного. Первые посетители и последователи Марины вошли в дом её свободно, но все последующие с разбором и с известным церемониалом; именно, – если кто хотел войти в дом, он просил стоящего у входа в него Димитрия Буцана доложить Марине, чтобы впустили и его в царство или рай небесный, тогда кого Марина желала впустить, сторожившие отвечали ему: «иди! Отец небесный благословляет тебе войти в царство»! По показаниям свидетелей, получивших разрешение войти в дом Марины, каждый, кого Марина удостоивала войти в «небесный рай»,

сбрасывал с себя, по её приказанию, «овечью кожу», т. е. верхнюю одежду, становился у порога на колени и на коленях подползал к Марине, целовал ей руки и ноги, она, подняв два пальца правой руки, благословляла его. Сама Марина завila волосы в одну косу, надела мужскую рубаху и в таком виде принимала своих поклонников. После благословения Марина заставляла иных танцевать пред собой. Так, когда вошел в избу её Данило Диордица, Марина, представляя руками игру на дудке, напевала приговаривая: «Марина грае, Данила гуляе», и заставляла последнего танцевать, объясняя, что так и Давид скакал пред ковчегом Божиим. Другим Марина давала наставления, призывала к покаянию и была при этом до крови по лицу. Так, когда в хату вошел сектант Евдоким Занога и стал на коленях ползти к ней, она сказала ему: «ты любыв гарных чужих жинок, взяв соби горбату, а теперь бачыш, що Марына красыва, тай прийшов сюда», после чего стала бить Заногу по лицу пока не окровавила его; сектант терпеливо всё это переносил; тогда Марина вытерла ему лицо платком и позволила целовать ей руки и ноги; когда Занога получил от Марины благословение, все сектанты за терпение стали подымать его с криком; «ура, ура, радость, радость!» После этого стали подымать до потолка и Марину с пением: «Христос воскрес», в это время она скрежетала зубами, кривила рот и пророчествовала, уверяя всех, что это не она говорит, а «из Марининых уст сам Христос говорит». Точно также был избит Мариной Димитрий Буцан за то, что обижает свою мачеху, а не веровавший в божество Марины, Василий Сенченко получил от неё удар в голову рукояткой ножа и выгнан вон из хаты. Словом, в подобных случаях, Марина проявляла признаки бешеного буйства. Благословение Маринино всякий раз оканчивалось тем, что получивший его должен был раскрыть рот, а она харкала и плевала в него, всякий раз спрашивая: «что, сладкое мое брение», – илидохнет в рот и то же спросит: «сладкий мой аромат»? «Сладкий», отвечали её последователи. – «Верьте-же, что в моей груди Христос воскрес»! Этим действием Марина, по её объяснению, сообщала сектантам²⁴³ Духа Святого.

В продолжение двух суток сектанты, не употребляя пищи, день и ночь проводили в неистовых плясках, криках и ведениях: то, взявшись за руки, они все кружились, по избе крича: «план, план, груба, труба, радость, радость, козлов, козлов...», то выслушивали непонятные пророчества .Марины, подымая её, как богородицу; то снова, ударяя в ладоши, пускались в неистовую пляску полуголые и даже прямо голые. Сама Марина все это время не кормила своего несчастного ребенка, так как, вследствие добровольного поста, лишилась молока; дитя кормила соседка, православная, Дария Мирзова. Весь народ был крайне смущен необыкновенным событием; огромные толпы всё время окружали дом Марины: в селе не варили два дня, потому что все женщины ушли на хутор; дети по домам везде плакали; голодный свин, оставленный своими хозяевами, ревел, наводя тоску на всё большое село. Все недоумевали, чего то ждали и боялись. И замечательно, что всё это происходило на глазах всех властей Петроострова, где существует волостное правление и живет сам волосной старшина со всеми подведомственными ему чинами сельской полиции!

В пятницу Марина, почувствовав, очевидно, усталость, обратилась ко всем находящимся в избе сектантам: «мне дух напомнил, чтобы я немного отдохнула», и с этими словами она легла на постель. «Приедут два священника, продолжала в экстазе говорит она, и я обращу их в гадюк, а их широкими руками хату замету. Семен, обратилась Марина к мужу, иди ко мне»! Семен подошел к ней, поцеловал ей ноги и руки, у... возле неё, и оба они, обнявшись, стали в присутствии всех целоваться. После этого, как бы в раскаянье, Марина стала бить себя по лицу, приговаривая: «душечка, грушечка, я-же говорила ... не делать этого»! Затем, встав с постели и сложив руки, Марина обратилась к сектантам: «идите прочь, нечестивые, в огонь вечный, ибо дух мне сказал, чтобы остались только муж мой, Родион Магар и Ефимий Тихий». Сектанты, плача, все вышли из избы. А оставшиеся в доме стали неистово плясать; Марина сбросила рубаху мужа и кружилась в одной юбке, а Родион Магар, набросив рубаху наопашь, танцуя, всё время бил

себя руками по голому животу. Затем Марина завязала в угол фартука деньги и, прицепив к тому-же углу фартука соломинку, кричала: «горит, горит»! Кто красивее, спрашивала она, фартук или я? – «Ты красивее, отвечали ей, ты истинный Бог»! Наконец Марина разделась до нага, голая вымазалась вся сажей и стала падать и биться о землю до тех пор, пока не лишилась чувств; тогда сектанты её подняли, омыли, одели и усадили на постель.

Понемногу сектанты снова стали наполнять избу. В это время Марина стала учить своих последователей о близкой кончине мира и страшном суде, который, по её словам, наступит во вторник 4-го марта. «Ничего не делайте, говорила она, ибо всё равно скоро конец мира, кайтесь, выбросьте деньги, выгоните в поле скотину, на что всё это вам»? Свою проповедь Марина подтвердила делом: она выбросила из сундука и стала раздавать сектантам (штундистам) вещи. Вдова Поперечиха выбросила из кармана все бывшие у неё деньги, а Авксентий Диордица обратился к православным: «у меня в правой груди Христос воскрес, и во вторник я вознесусь на небо; берите, кто хочет, мою корову и быка». Димитрий Буцан, выйдя из хаты, предложил народу купить у него за 15 рублей лошадей и повозку (а одна повозка стоит до 40 рублей). Их купил Ф. Чалый, но Марина тотчас убедила Буцана выбросить деньги на двор; Чалый поднял их, но от лошадей благоразумно отказался, боясь ответственности. Всё это производило неотразимо сильное впечатление на многочисленную толпу православных; многие из них начали со страхом подумывать о вторнике: «что если секты правы в своём ожидании страшного суда»? Некоторые прямо плакали, говоря: «соседи с Мариной идут в царство небесное, а мы пропадаем»!

По словам свидетелей, к вечеру пятницы все сектанты сделались, как пьяные; истомленные они уже больше сидели в доме Марины и тупо смотрели на неё. В это время случайно прибыл на хутор окружной миссионер о. К. Соколовский. О первом своём посещении дома Марины он говорит следующее.

«Еще по дороге из села нам встречались толпы заплаканных сектантов, которые шли после поклонения богородице; встречные православные советовали мне не

входить к Марине, так как она больная и буйствует. То, что я увидел в хате лжебогородицы, произвело на меня ужасно удручающее впечатление, тем более, что я прибыл сюда неожиданно для себя. Дай Бог, чтобы мне никогда ничего подобного не видеть! На кровати с распущенными растрепанными волосами – не то Марина, не то скелет человеческий, на руках у неё грудной ребенок, а на печке еще двое ребят, – немного постарше; глаза Марины глубоко впали, широко раскрыты и бессмысленно уставились в одну точку, она скрежетала зубами, кривила рот и произносила бессмысленные отдельные звуки, вроде следующих: «тер-фа-ти-ко-лум-ши-ка-силь» и проч.; временами сознание её как будто немного прояснялось и она говорила: «я Марина, непорочная девица, Христа родила; дух святой во мне говорит» и проч. Не успел я разглядеть эту первую страшную картину, как незаметно для меня из-под кровати выползла старуха мать Марины и, засучив кулаки, горше Марины пророчествовала и вопила ко мне: «ты дух нечистый – изыди: она, моя Марина, Христа родила... Отец, Отец»! Пораженный новой картиной, я пробовал было увещевать мать и дочь, но их пророчества всё заглушали. Оставался в хате еще муж Марины; я обратился к нему и спросил, что с его женой и тещей и не может ли он их успокоить. Но и здесь я встретил отпор: «они ничего худого не говорят: это не болезнь, это им дано свыше», отвечал Семен. Я понял, что нахожусь в доме, где вся семья буквально страдает умопомешательством, понял, что дело здесь очень серьезное; и потому, приняв во внимание всё здесь раньше происходившее, предложил сотским, удалив со двора толпы народа, немедленно дать знать о происходящем приставу, а тем временем в субботу утром, сообщая с местным священником, о происходящем я дал срочную телеграмму высокопреосвященному архиепископу Иустину.

В субботу волнение среди сектантов несколько улеглось; объясняется это их усталостью и тем, что сама Марина удалила из хаты большинство сектантов, и наконец тем, что народ был удален от дома Тихих мерами полиции, хотя по домам сектанты и продолжали безумствовать. Прибыв под вечер в воскресенье

в Петроостров, я тотчас посетил на хуторе семью Тихих и застал Марину и Семена в некотором сознании: она всё жаловалась на нестерпимую головную боль, просила любопытствующих выйти из хаты, а относительно всего происшедшего с нею в её доме утверждала, что решительно ничего не помнит, помнит только, что когда она чистила картошку необыкновенный свет озарил её комнату, она увидела на правом своём плече голубя, который велел ей разинуть рот, влетел в неё, забился в её правой груди и она почувствовала невыразимую радость. Говоря об этом, она восторженно улыбалась, но затем тотчас радостное её настроение сменялось глубокою печалью. Исхудалая, бледная, с устремленными в одну точку воспаленными глазами, она то и дело просила пить, жалуясь на мучившую её жажду. Семен, видно, пришел в себя, хотя с нашими уверениями, что его жена больна и что сектанты только еще более её расстроили, что ей нужно обратиться к доктору, чтобы успокоиться, соглашался как-то нерешительно. Очевидно, оба они еще не вполне отрешились от мысли, что Марина призвана свыше чудесным образом родить Христа – Кондру Малеванного, судию миру. Успокоив несколько Тихих, я убедил Семена не впускать никого к себе в дом так как люди больше еще раздражают больную Марину. – На следующий день прибыл из Елисаветграда вызванный мною телеграммой окружной миссионер о. П. Купчевский и командированные в помощь местному приставу Н. Матюшину еще два пристава Елисаветградского уезда, несколько урядников, и созваны из окрестных волостей – старосты и сотские, прибыли из Елисаветграда и жандармы. Такое усиление числа полицейских чинов являлось крайне необходимым в виду необыкновенного возбуждения сектантов и народа и возможности со стороны первых, под влиянием мысли о близкой кончине мира, прийти к какому-нибудь пагубному решению: страшная катастрофа в Тернавских плавнях еще всем нам очень памятна. Кроме того, все мы опасались, как бы своё учение и проповедь о кончине мира сектанты не вынесли из дома Тихих на улицу, чему попытки были со стороны Кондрата Магара, бегавшего по селу голым и кричавшего о рождении Христа и кончине мира.

Нет сомнения, что тогда среди народа могло бы произойти религиозное волнение, результаты которого нельзя было и предвидеть.

На следующий день я направил окружных миссионеров в село Петроостров вести беседы по домам сектантов, а сам с приставом поспешил на хутор в дом Тихих, где всё нашел в прежнем положении. Мы достигли в это посещение лишь того, что убедили Марину принять пищу. В виду полученных сведений о продолжающихся пророчествах в доме Марины и чудачествах главного вожака Кондры Магара, я убедил пристава изолировать их обоих; в доме Марины на ночь помещен был урядник, с целью не допускать туда сектантов, Магар был временно арестован, к домам более видных сектантов негласно поставлены были на ночь караулы. Такие меры вызывались необходимостью парализовать влияние на сектантов главных виновников религиозного движения малеванцев, в особенности в виду крайнего возбуждения умов не только среди сектантов, но и православных, с большой тревогой ожидавших следующего дня, – вторника, дня рождения от Марины Кондры Малеванного и кончины мира.

Весь почти понедельник до глубокой ночи и утро вторника употреблены были на дознание и опрос свидетелей, выяснивших всё дело.

Во вторник к вечеру, при огромном стечении православного народа и сектантов, мною проведена была беседа о признаках второго пришествия Христа Спасителя и кончины мира. Не только словом Божиим, но и самую несбыточность пророчества сектантов о кончине в этот день мира слушатели были убеждены в ложности сектантских бредней. Видимо, беседа значительно успокоила народ и заставила призадуматься более благоразумных из сектантов.

На следующий день, в среду, я провел вторую публичную беседу, в которой на основании только что полученного из дознаний материала я познакомил народ с историей возникновения малеванского движения в Петроострове, в связи с историей секты К. Малеванного, и изложил учение слова Божия о неповторяемости воплощения Господа нашего Иисуса

Христа и признаках истинных и ложных пророков. – Затем до самого конца недели мною и окружающими миссионерами в селе и на хуторе днем и ночью велись беседы с сектантами и поколебавшимися, было, православными. Результатом всех указанных мероприятий было не только успокоение прихода, но и возвращение в скором времени к православию нескольких семейств как из среды штундистов, так и малеванцев, увидевших, наконец, что, удалившись от Св. Церкви, они слишком уж далеко зашли в своём религиозном заблуждении.²⁴⁴

II

Всё вероучение Херсонских малеванцев, позаимствованное от сектантов Киевской губернии, представляет собою грубую смесь крайнего штундизма с хлыстовскими бреднями о воплощении Христа, даре пророчества – с культом радений. На основании допросов, сделанных сектантам, и свидетельских показаний православных, учение наших малеванцев можно представить в следующем виде. –

Св. Писание и тем более св. Предание, как источник вероучения, малеванцы совершенно отрицают; непосредственное чувство и мнимое озарение свыше, вот что служит источником их вероучения и критерием нравственной их жизни. «Евангелие – тряпка, кощунствует Кондра Магар, оно не нужно, ему уже вышел срок; если его и читать, то нужно всё понимать духовно». «Евангелие, говорит Кондрат Сердюк, для меня же прошло, в нём есть много ненужного, а то что надо, нужно понимать приточно».

Вероучение Херсонских малеванцев о Боге в высшей степени запутано. С одной стороны, они высказывают веру в триединого Бога, сотворившего мир и человека, с другой, утверждают, что Кондра Малеванный и есть Св. Троица, ибо в его лице сосредоточились «благодать, истина и правда», такого, по крайней мере, мнения вождя их, Кондрат Магар. Но общее их представление о Боге следующее: «от вечности существует триединный Бог, – Отец, Сын и Св. Дух, – сотворивший всю вселенную и человека. Человек создан из трех начал: плоти, тела и духа, животные из двух плоти и души. Плоть человека

всегда влечет его к злу, в то время как тело и дух стремятся к добру и к Богу.

Родоначальниками всего человечества были не одни Адам и Ева, – помимо их существовали и другие созданные одновременно с ними люди: и прародительский грех – одна выдумка: начали грешить вследствие господства плоти над духом. Когда всё человечество погрязло в грехе, Бог решил спасти его чрез Своего Сына – Кондру Малеванного, который только в наше время явился на земле во плоти. Всё Евангелие и весь Новый Завет имеют чисто пророческое значение: они указывают не на совершившиеся уже события, а на имевшие совершиться, которые и совершились только в наше время, с воплощением на земле Кондры Малеванного. Всё Евангелие говорит о Кондре... Он явился спасти мир от порабощения плоти, но мир его не познал, не принял, и Кондра добровольно отдал себя на заключение в тюрьму в Казани, чтобы вскоре явиться миру во славе, как судия вселенной, дать царство и блаженство «своим» и наказать не признающих его божественное достоинство.

Все таинства православной Церкви и церковную иерархию малеванцы отрицают; вместо них средствами общения человека с Богом и очищения человека от греха служит, по их учению, стремление к подавлению плоти с её злым началом путем поста, верчений и усиленной молитвы; непосредственное озарение человека Богом является результатом этой борьбы и труда, когда человек физически, непосредственно чувствует присутствие в себе Божества, испытывая вследствие этого необыкновенную радость, и переживая такое восторженное состояние духа, что он как бы не на земле, – вне тела, и всякого греха.

Припомним, как Марина на первых-же порах своего заболевания «почувствовала необыкновенную радость». Правда, её восторженное состояние вскоре сменилось глубокою печалью, но потом, когда она пришла в себя, одно воспоминание о пережитых ею необыкновенно счастливых минутах жизни снова вызывало в ней жизнерадостное настроение с тихой грустью о так скоро минувшем счастье...

Тоже самое чувство «необыкновенной радости» охватило и всех участников малеванского движения, больше всего и непрестанно кричавших во время плясок в доме Марины: «радость, радость»! В этом отличительная черта психического состояния последователей секты малеванцев во время их молений.

При непосредственном общении с богом, малеванцам, конечно, не нужно никаких таинств. «Мы отвергаем видимое причащение, говорит Евфимий Залого (тот самый, которого Марина до крови «была по морди» у себя в доме), когда я живу по правде, то это значит, что я причащаюсь. Крещение признаю, но не водное, а огнем и духом».

Человек, получивший озарение от Духа Святого, находится во всецелом Его распоряжении; когда он в этом состоянии говорит, то говорит не он, а живущий в нём Дух, такой человек и делается пророком; его все дела и поступки, как и слова, божественного происхождения, хотя и кажутся обыкновенным смертным непонятными и даже странными.

«Мне дух напомнил, чтобы я немного отдохнула», говорит уставшая Марина. Дух-же ей говорит, что нужно удалить сектантов из избы. И любимой фразой Марины, которую она часто повторяла, было: «это не Марина говорит, а из Марининых уст Христос говорит», и муж её верит, что все странности его жены и сектантов божественного происхождения: «это не болезнь, говорит он, это дано им свыше». Так верит и вся толпа сектантов.

Брак, по учению малеванцев, должен состоять в совершенно свободном отношении мужчин и женщин. Безбрачие-же есть идеал человека, к которому он должен стремиться. «Мы законной брачной жизни не признаем, заявил нам Кондрат Сердюк, а признаем духовную, – со своей женой каждый должен жить, как с сестрой». Кузьма прямо учил, что можно любить и иметь чужую жену: «вин мою, а я его», т. е. проводил чисто хлыстовский взгляд на брак. Рождение детей, по взгляду сектантов, есть дело скверное, греховное. – На мой вопрос, как-же это Кондра Малеванный, будучи богом, имел от жены детей, вожак Петроостских малеванцев ответил: «дети

рождались у Малеванного еще до его обожествления, когда он был еще во плоти, а не в теле. Очевидно, распутство хлыстов привилось малеванцам всецело.

Мясной пищи малеванцы не употребляют, так как в ней заключается душа животного; даже яйцо есть нельзя, ибо в нём зародыш живого существа.

Животных не только нельзя убивать для еды, но и работать ими грешно. «Если быть в разуме, говорил нам Кондрат Магар, пытавшийся, между прочим, бежать от полиции чуть-ли не из Петроострова на лошадях, то нужно понять, что животных нельзя ездить и работать, им должна быть дана свобода, для которой они и созданы. – Нечего бояться, что предоставленный сам себе скот пропадет: освобожденный скот будет кормить сам Бог, даже зимою, потому что, с наступлением царства Малеванного, её собственно и не будет: будет вечная весна».

Вера в загробную жизнь представляется малеванцам в следующем виде. По их убеждению, она будет здесь-же, на земле, но только на земле преобразованной, где будет вечно юная весна и изобилие всего для людей и животных. «Конец мира, говорит Кондра Магар, это конец греха, после чего люди умирать уже не будут и некому будет грешить. Так как грешна плоть, а дух безгрешен не только у добрых людей, но и самых отчаянных разбойников, то и они спасутся: их духи отойдут к вечному Духу, а плоть будет страдать здесь-же на земле. Когда совершится суд, то умершие люди с обновленными телами будут жить и блаженствовать здесь, на земле, вечно. А кто при жизни достиг того, что его плоть изменилась в тело, как, напр., К. Малеванный и другие, тот никогда не умрет, а будет жить до самой кончины мира и прямо вступит в царство Божие. – Родион Магар вполне уверен, что и он никогда не умрет, а будет жить до конца мира, потому что он «уже в теле». В этом вполне убежден не только относительно себя, но и всех своих единоверцев и Алексей Погуляйко. «Из нас, говорит он, никто не умрет».

– А если ты увидишь, что кто-либо умрет из вашей общины, спросил я?

– Тогда я поверю, что заблудился.

Спасение человечества и суд над миром должны совершиться чрез К. Малеванного, и это будет скоро.

Мысль о близкой кончине мира господствует над всем вероучением малеванцев; отсюда среди них проповедь о ничегонеделании, отсюда отказ от имущества, скота, земли и проч., ибо для чего всё это, если уже наступает новое царство Малеванного?

Отсюда, думаю, отчасти вытекают и социально-политические идеи малеванцев. Если Малеванный – живой бог и царь вселенной, то к чему тогда какое-бы то ни было правительство, власть, военная служба, собственность?

И, действительно, сектанты решительно все публично опровергают необходимость всего этого.

«Властей я не признаю, заявляет на допросе К. Магар, гражданских должностей не принимаю; военную службу отрицаю, ибо это не христианское дело. Я самого Царя защищать оружием не буду, пусть, если хочет, защищает его Сам Бог. А если вы, г. пристав, запретите мне, в силу закона, собрания, то я вам не подчинюсь, ибо закон любви выше закона властей, почему своё учение я распространять буду, лишь-бы были желающие слушать» (из протокола). «Власть признаю, говорит Кондрат Сердюк, но только Божию, а земной нет. Не признаю и Царя; он такой-же человек, как и я, – одной ткани. На войну пошел бы только тогда, когда бы меня взяли насильно, но врагов не убивал бы». «В солдаты пойду, говорит Родион Магар, но стрелять не буду» (ibid.).

О собственности все сектанты единодушно учат, что её не должно быть; всё должно быть общее. Разумеется, никаких податей малеванцы платить не должны, ибо сыны Божии свободны от всего этого.

III

Что касается религиозного культа малеванцев, то он, очевидно, не вполне еще определился, представляя из себя странную смесь штундового с хлыстовским, с перевесом, впрочем, в сторону последнего. Собрания Петроостровских малеванцев, по показаниям их самих и очевидцев из православных, происходят в следующем порядке.

Собравшись в намеченном доме, сектанты, мужчины и женщины, садятся и поют сперва штундовые «псалмы», затем, и церковные песнопения, преимущественно пасхальные. Из «псалм» особенно любимые у них: «Кто не покается сердечно» (Сборн. Дух. Стих. № 184) и «Блажен кто мудрости высокой» (ibid. № 355), из пасхальных песнопений «Светися, светися», «Воскресение Христово видевше», «Христос воскрес» и пр. Поют сектанты до тех пор, пока на кого-либо из молящихся не «сойдет Дух», после чего все становятся на колена, слушают пророчество, и после пророчества целуются все – мужчины, женщины и дети, в знак общей братской любви.

Когда постепенно дух начинает сходить на многих, все пророки начинают говорить на «иных языках», после чего всё собрание начинает плясать сперва общий хоровой танец, а потом, кто как желает.

Бешеная пляска полураздетых, а иногда и совсем голых сектантов, сопровождается неистовыми движениями, скрежетанием зубов, иканием, выкрикиванием отдельных фраз и даже звуков (verbaration), вроде приведенных нами выше, метанием соломы и т. п. странными действиями; оканчивается всё это совершенным изнеможением сектантов, часто впадающих в судороги, причем многие теряют всякое самосознание. – Необходимо однако заметить, что в своих радениях малеванцы проявляют больше экстаза, а потому больше странностей во внешних проявлениях своих религиозных чувств, чем хлысты. Мы уже видели, до какого безумия доходили сектанты, беснуясь в доме Тихих. О посещении главара их, Кондры Магара, миссионер о. Соколовский говорит следующее. «В субботу 1 марта, совместно с приходским священником, я посетил Кондра на дому. Он находился «в духе», под мнимым влиянием Духа Святого. Мы увещевали Магара, но в течение часу слишком он не произнес ни одного слова, а изъяснялся с нами на пророчествах и на пантомимах. Как и у Марины, пророчества его состояли в произнесении каких-то бессвязных звуков, как-то: «тер-ло-ка-тум-со-ти-фар-но-вут-де-шор-фир». и проч. При этом Магар теребил себя за волосы, хватал с полу солому, что-то

шептал, моргал, сдувал пыль с камина, изображал грохот грома и проч. Я спрашивал его жену, что с её мужем? «Это ему свыше – от Духа Святого, если вы не понимаете, то молитесь Богу и вам Бог откроет и вразумит вас».

Выше я сказал, что Петроостровские малеванцы во время своих радений поют штундовые «псалмы» и православные церковные песнопения; но так как само появление малеванщины, вне всякого сомнения, обязано сильному влиянию на штундизм учения секты хлыстов, то и у малеванцев распространяются собственного сочинения распевцы в чисто хлыстовском духе.

Для образца я привожу один из них, с возможным орфографическим исправлением. В этом распевце, напоминающем собою известные «Страды», воспеваются мнимые страдания К. Малеванного за грехи мира, каким подвергся-де он по проискам православного духовенства.

По Божьему повеленью
И Христовому благословенью
Течет речка от востока,
Слышен голос чрез пророка.
Названа речка Ефратом,
Верующие сестра с братом
И Сионскою порою
Благодатною порою, –
Когда громы прогремели,
Слышен голос на земле,
Что сын божий родился
Во израильской семье.
Во Иордане крестился,
На горе преобразился,
Явил славу, благодать
На избранный Божий род.
Которые не (у)сомнились,
Что сын божий во плоти
Благодатию сияет
Во темнице во тюрьме:
Слепым очи отверзает,

Глухим уши открывает,
Призывает к покаянью.
Чтоб от всех грехов спасти.
И во второй раз родился
Принять божью благодать
И на помощь нам явился
Пречистая божья мать.
Сына божьего внимала (увещала?)
На кресте не унывать:
Возлюбленный ты мой сын!
Господь духом прослезил.
Ты родился на земле
Во израильской семье
Неверующим на паденье,
А верующим в просвещение.
Так глаголет Господь духом
Ко всем верным (и)зраилям:
Приходите, почерпните
Благодати от царя.
Царя от престола
Полного духа (и)зраиля (?)
Сын слетит, не затемнится (?)
Святой дух зла не убоится.
Хотя многие усомнились,
Не могли его понять,
Но глас божий, не умолкая,
Изливает благодать.
Страшно звери возроптали
На избранный божий род,
Разрывали, не давали
Славить Бога на земле.
Изгоняли, заключали
Во темнице, во тюрьме.
Ирод дружно ополчился
Всех младенцев избивать,
Которые духом родились
И приняли благодать.

Зверя действия известны,
Выскажу я в этой песне.
Иван тайну открывает:
Саранчею называет,
Видны зверя все припасы:
На главах женские власы.
Сия речь будет понята:
Откровения глава девята.
Иоанна Богослова
Не проходит мимо слова.
Во всю землю глас вещает:
Господь царство обещает;
Кто к Господу обратится,
На том вера утвердится.
Так глаголет Божий сын,
Девятый ангельский чин,
От запада до востока
Слышен голос чрез пророка.
Не очищенным сердцам
Глас не слышен от Творца,
Во всю землю глас исходит,
Что сын божий на земле.
Увещает, приглашает
Славить Бога в небеси,
Со грехом велит расстаться,
Со злым миром мало знаться.
Удаляться от порока
Но глаголу чрез пророка.
А лживые пророки
Обольщают слабый род:
Постыдились имя Божье
По вселенной пронести.
Богу слава и держава,
Вечная Тебе хвала!

Словом, в отношении учения и культа, секта малеванцев
есть не иное что, как открытое хлыстовство; из всех сект она

ближе всего стоит к недавно народившейся в Херсонской губ. секте штундо-хлыстов, с которой она может легко слиться.

Оканчивая этим свою статью, не можем не выразить желанья, чтобы в этом новом несчастьи народа приняли живое и деятельное участие не одна миссия, но и светская власть, ибо миссионерское воздействие не может иметь желательного успеха так как нужен не миссионер, а врач, и где господствуют и распространяются идеи не только противоцерковные, но и антигосударственные. Чем своевременнее и единодушнее будут воздействия той и другой, тем скорее можно надеяться на успокоение взволнованных умов народа и возвращения на правый путь ...стных заблудших, чему, с помощью Божией, и положено уже доброе начало.

М. Кальнев

Гринякин Н. Новости из раскольниковьего подполья²⁴⁵
// Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1009–
1022

Во второй беседе²⁴⁶ автор раскольниковьей книжки, с позволения сказать, высек Пичугина, видимо, сам того не замечая. Речь Пичугина растянута на 92 стр. (с 115 л. об. до 162 л.) и о. Крючков почти не пресекал её, – всех его слов, которыми он раз 5, и при том иногда отвечая на вопросы, хотел на очереди Пичугина подчеркнуть, для внимания слушателей, особо выдающиеся неправости Пичугинской речи, в раскольниковьей книге хватило всего лишь на 13 строк. Ответному же слову о. Крюčkова дано только 42 страницы (163 л. об. 184 л.); причем слово это Пичугин перебивает 17 раз и притом пустыми придирками, недостойными порядочного начетчика, и такие придирки заняли 88 строк – более 4 страниц. Выходит, слову о. Крюčkова «трехдневная беседа» отвела в 3 раза меньше, сравнительно с Пичугинским, места и при этом 17 раз её перебила. Как, однако, раскольниковий начетчик, взявший себе в пример терпение Христа, недобросовестно сохранял «условие» вести беседу в один голос, в речах не препятствовать друг другу... Так совне. Что касается самого содержания речи Пичугина в защиту поморского толка, то оно поражает читателя возмутительными самопротиворечиями, лукавыми недосказанностями и постыдной болтовней. Раскольниковий автор не допустил в свою книгу обличения о. Крючковым всех нелепостей Пичугинской апологии... Посему, приводя последнюю в характерных выдержках, я буду попутно отмечать её перлы, заслуживающие внимания читателей.

Начинает *Пичугин*.

Благосклонные слушатели! вам хочет быть *короткое* слово (это на 92 страницах-то!) о том, что священство, Христом установленное, будет-ли до скончания мира, но мои ответы были вняты и добрые (может быть, но только они были не на вопрос). Я признаю *Божие обетование вечным*, но дело в том, что верны ли человеки в том, что Бог заповедал? Бог был

невиновен в падении пастырей; что они не соблюли заповеди Его... Я не отвергаю того, что священник истинный есть качество ангела, и если во отношении несоблюдения заповедей он из ангела делается дьяволом... православное священство я с удовольствием приму, но где оно, вот вопрос (лл. 115 об. 116).

По святоотеческому учению, «нарицающий епископа, но без него всё творящий, оскверняется совестью»; таковым мы и видам Пичугина. Пичугин говорит, что «Божие обетование» об установленном Христом священстве он «признает вечным» и в то же время утверждает, что всё священство пало и все священники «сделались дьяволами» и ему неизвестно, «где священство». Ему уже показано, что без священства нет ни Церкви, ни христианства (Игн. Б., Златоуст, Сим. Сол.); и сам он заявил, что «по стороне писаний он со всем этим согласен», известно ему и то, что «удобнее солнцу угаснути, нежели Церкви без вести быти» (Марг. л. 193). Если же, теперь, он не знает, где священство, значит не знает и того, где Церковь и спасение, и не принадлежит к спасительному стаду Христову (Б. Кат. л. 119–122). Признавая же вечным Божие обетование о Христопреданном священстве и отвергая в то же время фактическое осуществление сего обетования, он подпадает грозному суду св. отец. «Кто исповедует Христа, пишет св. Златоуст, быти Бога, а словам Его, яко Бога, долженствующим исполниться, не верует, тот и эллинов горше есть» (Беседы Ап. л. 598).

«Благодаря (кому и какая благодарность, смотрите!) деспотической силе патриарха Никона, русские сыны православия поделились в деле веры. Они устроили священство на новый лад; другие бежали от этого нового священства и его новых затей».

«Другие бежали от этого нового священства», говорит Пичугин. Но куда же эти «другие-то» бежали? к какому старому-то Христопреданному и св. отцами изъясненному священству они бежали? Ведь и при антихристе, когда побегут православные «в пустыню всякой злобы», «верхнейшие церкви», изящные и избранные церковные учителя, будут налицо у бежавших (Андр. Кес. сл. 11). Где же эти, необходимо

нужные для спасения «церковные учителя» у поморцев-то? Пичугин их не знает. Выходит, что «другие-то» бежали от церкви, но не к церкви, – «убоявшись страха, где же не бе страх», бежали «ни единому же гонящу» во «озеро» гибели (Б. Кат. л. 121–122).

Сам, видимо, чувствуя слабость своей речи по существу, Пичугин старается далее подействовать на чувство своих единоверцев. Пусть мой собеседник, говорит он, направляет в меня ядовитые стрелы! Грудь моя для защиты моей братии открыта; для меня ругань его не страшна! Я так же не соблазняюсь в сих нападениях, производимых от моего соперника (?), как и стою твердо на основании веры (какой?)... я. буду бороться на поле сей брани и защищать любезных мне собратий... от соблазнов, чтобы чрез таковые не могли погибнуть на веки!... Я готов за них положить душу свою...

Напрасное фиглярство: пусть бы Пичугин показал раньше правоту своего упования и тогда бы распинался за братию свою, а то ведь в раздоре со святою Церковью и «мученическая кровь, по св. Златоусту, не может загладити греха» его (Ап. беседы стр. 1692).

Разбирая, далее, доказательства о. Крюкова касательно вечности Христова священства, Пичугин очень долго и суемудренно пережевывает 95 зач. Лк. и забывая то, что им сказано раньше о «приказательности» купли Христовой, допускающей якобы возможность неисполнение глагола Христова об иерархии – «куплю дейте, Дóндеже прииду», проповедует, что в указанном зачале «говорится не о вечности священства, но о талантах учения... получают дары учения» (л. 119) и доказательств на сие не представил никаких...

В устах старообрядческого начетчика такое произвольное толкование евангельских слов более чем странно, тем более, что в Благов. Ев. Феофилакта ясно показано, что за рабы, коим поручено Христом спасительная «купля»: это – «раби, им же церкви поручи»: «диаконы очищают оглашением учения, пресвитери просвещают крещением, архиереи же священные чины поставляют – и совокупают, еже есть руковозложение».

«Духовным купцом, утверждает Пичугин, можно быть не только священнику, и всякому человеку... Это право нам дано от Бога» (л. 119 об. 120).

Да, согласны – «можно быть духовным купцом и всякому человеку», но должно-ли – вот в чём вопрос. Можно делать и фальшивые монеты, но должно-ли и какая им цена ... «нечестивейшие бесы» могут облекаться во образ ангела света (Номок. л. 57), но ангелы-ли они? «Нам это право дано «от Бога по нужде»... говорит Пичугин. Но в каком же это небесном откровении дано от Бога такое право поморцам?

Нам известно, что Христос спасительную «куплю» поручил непосредственно Апостолам в словах: «шедше научите вся языци крестяше их во имя Отца и Сына и Св. Духа» (Мф.28:19). Апостолы передали это право спасительной купли церковным иерархам (Кн. о вере л. 59 об. Кир. кн. 77 л. и др.). Кем же и когда дано такое право поморским наставникам?

Пичугин указывает на «нужду». Но Бог и Его святая Вселенская Церковь – выше нужды. Вселенская Церковь Христова, как «святая и непорочная» (Еф.5:27), таковой нужды не имела и не может иметь. Пичугин считает поморщину вселенской Христовой Церковью, но где основание – в Свящ. Писании, в отеческих творениях или святонодобиях – пребывать этой церкви без «духовных купцов» около 40 лет? Правда, «нужду» имели в церковной иерархии *частные* церкви на *некоторое* время, непродолжительное (напр., Карф. церковь ср. 25 пр. 4 вс. соб), но не *вселенская* и не на 240 лет. Матфей Прав. говорит «несть церкви закон скудное», т. е. случаи «оскудения», «нужды», для церкви не могут быть законом. Поморцы же, возводя *скудное* в закон, явно создали церковь *беззаконную*.

Оправдывая своё безыерархическое состояние и приведши не по делу слова Иосифа Волок.: «Аще кто и от верных житие имать нечисто... да не дерзнет приступати к сему (св. причащению) пречистому огню (а поморцы хотя когда-нибудь и чистые – то по житию приступают-ли к нему?), Дóндеже достойным покаянием очистится от всякие скверны плоти и духа (кто и как очищает чрез достойное покаяние см. М. Кат. л.

36, Номок. л.л 6. 72), Иуда еще-ли же недостоин кто принимая обретається, Самого Христа убивая» (сл. 7. л. 166), Пичугин рассуждает: Иудой может быть всякий отступник (как поморцы!) и еретик, напр., Иуда предал Христа, а еретик отступил от Христа, не есть-ли он Иуда... Иуда изменил Христу, а отступник изменил вере во Христа... А разве от. Крючков не изменил вере? вот он и Иуда и теперь возьми к себе Иуду, в вашу душевную квартиру! Он ваш товарищ: поздравляю вас с Иудой... который был во аде с петлею на шее» (л.л. 120 об. и 121). И такую балаганщиной поморский «адамант» оправдывает своё упование! Кто же из серьезных старообрядцев мог похвалить его за такое карусельное оправдание – безыерархического состояния поморщины?...

Приводит он, правда, далее и слова новозаветного Писания, но более в обличение, чем в защиту безпоповщины. О. Крючков в своё время спрашивал его, кто дал право мирянам (безпоповцам, при начале раскола) судить священников и всю церковную иерархию? Пичугин теперь отвечает: «в послании к *Титу* ап. Павел пишет в 307. 303: «еретика человека по первом и втором наказании отрицайся»... Но ведь в том то и беда для безпоповцев, что эти слова, апостол пишет *Титу*, бывшему епископом в Крите, а не простецам, в роде предков Пичугина по упованию... Еще более не к своему оправданию приводит начетчик, далее, слова Христовы: «еще согрешит в тебе брат твой... еще ли тебе не послушают, поими с собою еще единого или два... еще не послушает их, повеждь *церкви*; еще же и *церковь преслушает*, буди тебе яко же язычник и мытарь». Поразительно, как эти слова Христовы припомнил в данном случае безпоповец? Обычно их помнят православные миссионеры и приводят, яко млат на главу безпоповщины и вдруг ими же защищается безпоповец? Да где же в самом деле та *Церковь*, которой безпоповцы «поведали согрешения» всего Христова устройства – вселенской Церкви (греко-российской) и что это за церковь без епископа (вопреки Златоусту – Маргар. 154 об.)? Ведь на основании тех же евангельских слов могут осудить поморца Пичугина, как язычника и мытаря, и спасовцы, и федосеевцы, и бегуны, и австрийцы, и штундисты, и

молокане, и хлысты и т. п. «церкви лукавнующих»? Какие Пичугин привел доказательства тому, что поморщина – *церковь*, поведав которой «согрешения брата», нужно будет в случае нераскаянности последнего, отделиться от него, как «язычника и мытаря»? Ровно никаких. Ужели этого не могли понять и поимские и «разных городов и селений» старообрядцы, подписавшиеся под позорным панегириком Пичугину? Оле, благоразумия!...

Желая затереть вопрос, постановленный о. Крючковым о вечности Христопреданного священства, Пичугин ведет длинную речь не на тему – о мнимых погрешностях нашей Церкви против правил о (трехпогружательном) крещении (50 ап., Б. Потр. лл. 5... 603, кн. о вере л. 287, Златоуст в беседе 25 на И. Бог., ... Беседы стр. 1062, Учит. Еван., слова на крещение, Потреб. Б... 79, л. 72, л. 16 втор, сч.; Ап. Беседы стр. 1477, 1474, 1... кн. Феод. Ст. ч. 1, стр. 229), и за обливательное («проклят... крещение сделавшейся еретической, и разглагольствует уже ... удалении от еретического учения (Иос. Волок. К... изд. стр. 166, 338–9) от еретического причащения (Пи... Феод. Ст. ч. 1. стр. 325 и др.) и заключает, что «Праведный судья потребует во второе пришествие... не причащение и чины священства, а *веру и крещение*» (л. 130). Но ведь *веру и крещение* имеют и штундисты, и все, помимо поморского, раскольничьи толки, которых до 200-т, и хлысты и т. п. секты, почему же всех их Пичугин не признает Христовыми церквами? К тому же каждая из этих сект утверждает, что она удаляется от еретического крещения и причащения, почему Пичугин считает святою спасительною церковью только поморщину? Ужели «адамант» и «храбрый воин» поморский не мог этого сообразить?!

Остановившись на словах Златоустника: «аще же кто и того не сотворит» (единожды в лето причаститься) и случится смерть, «лучше бы ему не родиться», Пичугин (л. 130–131 ...) говорит: «и сие (по словам о. Крюčkова) якобы относится *только к одним старообрядцам*: у о. Крюčkова так и получилось; и *больше* будто бы ни к кому не относится, но напрасно... здесь не *тот только* погибает, который не причащается, но равно погибает и тот, кто причащается»

(недостойно и не исполнив епитимьи, наложенной духовным отцом). Приведенными словами Пичугин сам себя осудил: поскольку признал, что, по Златоусту, «не причащающийся погибает». Он находит своё утешение в том только, что погибают не одни непричащающиеся, но и недостойно причащающихся постигает та же участь, о чём якобы о. миссионер умолчал. Но о последнем обстоятельстве миссионер и не имел нужды распространяться, – «ядый бо и пияй недостойно суд себе яст и пиет», – об этом излишне и толковать и вопрос не об этом в данном случае. В православной Церкви есть и до второго пришествия Христова должно быть средство к «животу вечному» и *достойно* причащающиеся наследуют спасение; в безпоповщине же нет ни достойно, ни недостойно причащающихся, так как нет в ней никакой тайны причащения и *все* погибают. Думается, что начетчику это и самому понятно и «трудно ему прати противу рожна». И напрасно он полагает оморочить внимание слушателей и читателей беседы неподходящими к делу ссылками. А таковых ссылок он привел множество. «Да никто же, рече, дерзнет приступить к сим пречистым и животворящим тайнам, имый гнев на кого... сребролюбив, безчеловечен, суров, не милостив» и т. п. (Злат. сл. на причащ. в Вел. четверток; о том же Исидор Пелус., св. Евфимий, Дамаскин – Псалтирь со восслед., послед. ко св. прич. лл. 540–542). «Вот к кому относится всё сие, кто имеет иерейство, и которые без разбора причащают скверных и окалянных грехами (а в поморщине только достойных *причащают?*)... принимают во гневе, а иные совершенно не брегут о причащении (не то, что в поморщине!) и не имеют никакой веры в причащение (а Пичугин, напр., крепко верует в эту тайну?), и за неисполнение епитимий; вот на этих-то и лежит сие страшное изречение (а раньше по словам Пичугина оно лежало и на старообрядцах, как непричащающихся)... и не относится-ли скорее и ближе сказать не к старообрядцам (а не скорее и не ближе относится, значит, к ним?...), а к отцу Ксенофону и всей российской Церкви, потому что сия Церковь отложила епитимью и причащает всех и каждого, не употребляя оной» (а в поморщине с разбором и епитимией причащают?)

Следует ссылка на Регламент (стр. 105), «отложивший» епитимию и на обл... разрешения грехов и допущения к причащению без епитимии... Б. Потреб. (л. 574, и Злат. нед. 27 по всех святых). Словом Пичугин увильнул от вопроса и завел длинную речь о достойно причащающихся и об епитимии. Честно-ли так вести беседу. «У меня, в моем убогом храме, говорит Пичугин, *причащения*, за неимением священника, не *бывает*» (л. ...). Вот тут Пичугину и следовало бы показать из св. Писания и св. отеческих творений, что можно спастись и без священства, и без причащения и что Церковь может быть без того и другого. А то, что в этом случае приводит он, может обличать только его неразумие или лукавство. «Причащение от еретика или явно осужденного по жизни отчуждает от Бога и предаёт диаволу (Феод. Ст. ч. I, стр. 325). Но разве о. миссионер доказывал то, что нужно причащаться от еретиков?

«Аще кто мир между собою воздержит и любовь ко всякому чело веку, приводит П-ин, той без труда спасется и молитва его приятна Богу» (Злат., в четвер. 4 нед. поста л. 46). Но если так, зачем тогда и крещение, и покаяние, и епитимия и перстосложение и всё чего держатся поморцы? достаточно бы им «воздержать мир между собою и любовь ко всякому человеку» и они «без труда» спаслись бы! Да почему тогда Пичугин полагает, что спасение только в поморщине? Ужели только среди поморцев «мир и любовь ко всякому человеку»? Ужели нет этого среди спасовцев, австрийцев, федосеевцев и других раскольничьих толков, методистов, молокан, евреев и даже магометан и т. п.? В чём среди еретиков может быть «воздержание» большее, чем в православных! (Кн. о вере л. 216). Оле, неразумия и лукавства. Зачем-же тогда Христос заповедал: «аще не снете плоти Сына Человеческого, не пиете крови Его, живота не имате в себе» (Ин.6:50–56)? Зачем тот же Златоуст поучает, что лучше бы не родиться тому, кто помрет, не исполнив святого долга причаститься хоть «единойжды в лето» и – «сего ради диавол ...нит нам, дабы не часто причащались, дабы имел власть свою над нами» (Злат. лл. с 91–133)? Зачем св. Церковь и до п. Никона чтит сие святое таинство, как необходимо нужное для живота вечного и спасения (напр., кн. о

вере 51 л., Благов. Иоан. л. 104 и мн. др.), зачем, наконец, и сам Пичугин несколько раньше утверждал, что не причащающийся погибает»? Вот они – мыши-то, «огрызающие писания» (Маргар. л. 428). А сколько писаний «огрыз» Пичугин, «непщуя избежати обличения»? Он привел еще из творений Кирилла Иерус. (гл. 6, л. 58) слова о радости праведников, которые соблюдали «веру» Христову и т. д. Но где же у поморцев *вера* Христовым и апостольским словом о св. причащении, долженствующем пребывать в Церкви до второго Христова пришествия (Ин.6:50–56; 1Кор.11:24–29)?

«О св. Феодор Студит глаголет: Бог не требует от *христианина* ничего другого, кроме добрых дел» (1 ч., пис. 48, стр. 286). Но обходился ли без св. Причащения Феодор Студит? Да и может-ли *христианин* обходиться без него, раз «без причащения и христианин быть не может» (муч. Феликса, Барон. лето 303. ср. Иосиф. Волоц. сл. 11). Бесстыдство раскольничьих начетчиков не знает границ. Пичугин затем снова приводит не идущие к делу цитаты об епитимьи и недостойно причащающихся и делает заключение: «вот какая разница во спасении: один не причащается и с любовью без труда спасается, а другой без любви причащается и хуже жидов осудится... отец Крючков называл меня Иудой за непричащение, а напротив, относится к нему этот Иуда и к его церкви, которая причащает неочистившихся от греха. Вот они-то и есть самые-то Иуды! И хуже жидов осудятся! и если им придет смерть, то лучше бы им не родиться!... потому что Иуда не очистился от руки Самого Господа, и по хлебе вниде в него сатана (Ин. зач. 45)». Тут уж раскольничий суеслов совсем заболтался. Причащающий недостойных без епитимьи, по его словам, «горше еретик и жидов осудится» (л. 134), Христос причастил *недостойного* Иуду, в которого «по хлебе вниде сатана», стало быть, по богохульственному смыслу Пичугинских слов, Христос «осудится горше еретик и жидов»... Боже мой, до чего может доболтаться не ведящий «ни яже глаголет, ни о них же утверждает» язык невежественного и гордого раскольничьего «адаманта»! Нужно удивляться терпению о. Крюкова, так долго выносившего длинное и бессмысленное пустословие

раскольничьего болтуна. О. миссионер заметил только ему, что «ты всё болташь! Болтун ты!»

Совершенно справедливое замечание о. Крючкова послужило можно сказать, громоотводом для заболтавшегося буеслова – Пичугина, ... он, обрадовавшись случаю, передохнул в своей лживой «Отец, возражает он, где же такое слово есть писано: «болташь» от кого вы оное заполучили? В Божественном-ли и в святоотеческом писании это слово написано? или вы схватили его с базарной площади, да устами-то священника и покаркываете его «болташь»: это слово годно только попугаю, а не священник миссионеру»..

Передохнув, Пичугин продолжает уже избитую безпоповскую околесицу о причащении «по иному образу» (Благов. Иоан. ... л. 105, Бол. Собор. 683–687 и др.), что «писание *прямо* ... говорит, что устрояется сие причащение делом добродетел...рою правою» (л. 143, Ап. Бес., стр. 361–363 и др.). На... прежде всего, что Пичугин на 134 л. уже заявил, что причащения, о котором на беседе была речь, «в его убогом храме не бывает». Теперь он говорит, что у них причащение есть «делом добродетели и верою» – духовное, нравственное. Еретичество такого понимания тайны причащения, думаем, он сам ..., но не стыдится выставлять его на позор себе даже на первой беседе «с такой массой народа, какой нигде не было да и не может быть потом»! Ужели Пичугину неизвестно, что без ... ного (в действительном *таинстве* евхаристии) причаще... иначе живота имети» (Благ. Иоан. л. 104), что в таинстве прищения должны быть *видимые* хлеб и вино – тело и кровь Христовы (Б. Кат. 353) и что мысль о возможности замены ... установленного таинства причащения – видимого – внутреннею ... хвалы и добрых дел, есть мысль еретическая (Тол. Ап. ... 544–550, Кир. кн. 78)? Думаем, что это ему известно, но р...тают его за «храброго воина» поморщины, нужно же ему ... хоть каким-нибудь мечом!...

«Показав добрым и благосклонным слушателям духовное причащение и еретическое», – что при первом причащающийся «живет со Христом», а при втором «погибает с дьяволом», Пичугин острит о «методе» о. Крючкова – «держаться только за

букву писания» (лл. 145–6). Удивления достойно, что Пичугин, которому о. миссионером приведены слова Св. Писания и святоотеческих творений о вечности Христопреданного священства, укоряет о. Крюкова за то, что он «держится за букву Писания». А за что же держится сам-то он? Да не больше, не меньше, как именно за *буквы*, без всякой связи и толку выхваченные из отеческого писания. О. Крюков приводил тексты слова Божия, которое «не прейдет» (Мф.24:35) и во «единой» своей «йоте» и приводил в связи со всем *смыслом и духом* Христова устройства – Св. Церкви; так же приведены были им и свидетельства св. отец и старопечатных книг. Пичугин же, «огрызая писания», приводил в свою защиту одни *буквы* отеческих творений, и, как увидит читатель, и дальше будет приводить одни *буквы* – без «разума пишущего». Да и вообще странно как-то выглядит Пичугин в своём укре, что беседующий с ним «держится за букву писания»: подумаешь – он штундист с «духовным христианством», а не защитник упования тех ревнителей «древнего благочестия», которые готовы были «положить свою душу за единый аз»...

Продолжая своё разглагольствие не на тему, Пичугин заявляет: «православное священство я принимаю с радостью, но я не вижу, где оно?... во имя истины я не буду скрывать правды (ничем не оправдываемой?); я православное священство признаю только до 1666 года». Да ведь вопрос-то не в том, что признает или не признает за истину *Пичугин* в вопросе о Церкви Христовой, а в том, будет-ли вечным, до второго Христова пришествия, Христопреданное священство; «где» оно, это опять-таки вопрос дальнейший, а не тот, о котором речь. Пичугин говорит «православное священство я принимаю с радостью», значит, он одно верит, что оно и *теперь* может быть. А веруя в это и на самом деле не имея священства, он сам себя осуждает на гибель, – ибо не принадлежит, по собственному сознанию, к церкви с православным священством, которое и теперь *где-то* может быть (хотя по 193 л. Маргар. удобнее солнцу угаснуть, нежели церкви без вести быть). Ссылки же Пичугина на то, что «жертва беззаконников и еретиков» – не полезна и гибельна, тут значения н... имеют, поскольку так же

уповаем и мы. И напрасно «храбрый воин» машет своим оружием. Он ссылается: «беззаконник, жряй Богу не тельца, яко убиваяй пса (Ис.66:3; Феод. Ст., ч. 2, стр. 212) ... речь – не о «жрении тельца беззаконником». «Хотя бы кто предлагал даже все богатства мира и между тем имел общение с ересью, он не друг Божий, а враг... еретический хлеб, приводя причащающихся его к общению друг с другом, делает их одним хлебом, противным Христу... ибо враги Божии не только еретики, но и вступающие в общение с ними... приношение еретиков является не как служение Богу, но как пища демонов... жертвы еретиков – это хлеб печали и слез... (Феод. Ст., ч. 2, письмо 32, стр. 97, пис. 154, стр. 385; ч. 1, пис. 39, стр. 253; Бл. Иероним кн. 19, ч. 40, стр. 165; кн. 12, стр. 265 и др.). В этом ... смысле и приводит Пичугин множество выдержек из ... творений и только по букве и совершенно не к делу. Разве те на которых он ссылается, были безпоповцами и проповедали возможность пребывания Церкви Христовой без священства и евхаристии? И разве о. Крючков проповедует о необходимости причащаться у еретических священников? Сколько Пичугин приводит выдержек о губительности сообщения с *еретиками* в их п.... Да об этом-ли речь? «О. Крючков – еретик и товарищ Иуды... я трепещу таковой церкви, где пекутся хлебы антихриста... дабы не сгореть как Содом и Гоморра»..., говорит Пичугин. ...кове-ли была беседа и *еретическом* таинстве? Вопрос стоит о том, вечно-ли Христопреданное священство! И в этом вопросе Пичугин оказывается совершенно безответным. Разбирая приведенное о. Крючковым доказательство о вечности священства 7 гл., 59 стр. об. кн. о вере, Пичугин поражает нас своим незнанием славянской грамматики и нахальством в толковании старопечаных книг. «О. Крючков, пишется в раскольничьей книжке читал из книги о вере: «царь царей и Господь Господей... восхоте достояние своё оставити на земли неустроено... отходя на небеса, но изем два сребренника, даде гостинником... кому же дал, кто гостинницы? апостоли, и по них восприимницы их пастырие и учителяе, архиепископы и епископы, иже служителие суть величеству смотраения Его, им же и с пребывати даже до скончания века обетование сотвори...

Если бы действительно так было написано: «им же», то есть епископам, тогда бы подлинно говорил правду о. Крючков; но здесь есть важная грамматическая частица «и с», которая означает в порядке слов лице И. Христа, как и написано: «им же и с пребывати», то есть Христос обещался с *верующими* пребывать до скончания века. А о. Крючков *предлог* первого лица «и с» утаил и что принадлежит Христу, то он дал человекам умышленно, а этим хотел обмануть собеседника и в *вести* публику в заблуждение. Ничего! хорош протоиерей!»... (л. 150–151). Мы в данном случае нарочно привели без орфографических исправлений выдержку из раскольничьей книги, чтобы обнаружить всё нахальство «ученого» мужика, слышавшего только что-то о «грамматике»... По 59 л. об. «кн. о вере» им же *и с пребывати* (сопребывати) даже до скончания века обетование сотворили... царь царей «относится к архиепископам и епископам, как преемникам апостольским»; а Пичугин утверждает, что это обетование относится к «*верующим*» вообще, о которых и речи нет на 59 л. «кн. о вере». Далее – «и с», по Пичугину, «важная грамматическая частица... *предлог* первого лица означает лице И. Христа». И нужно же было поимскому грамотею позорить себя такую выходкой! В «и с» – «и» союз, «с» – относится к «пребывати» (с пребывати = сопребывати) и здесь о. Крючков утайки никакой не творил и не отдавал «человекам» того, что принадлежит Христу: *обетование*, «сотворенное» Христом преемникам апостольским, он никогда не считал обетованием *человеческим* и «и с», по мужичьей грамматике Пичугина, «*предлог* первого лица» (каковых *предлогов* ни в каких грамматиках нет!), он ни к каким *человекам* не относил, да и не мог, поскольку «и с» – союз и *предлог* лиц – *человеков* не обозначают. Кроме того, где же это Пичугин видел, чтобы имя Спасителя в книгах старопечатных обозначалось так – «и с»? Встречается в них «ісус» «исус» «іисус» «иісус» и титловое «іс»; но нигде нет для имени Христа «*и с*». Пичугин говорит совершенное «новшество». К тому же, на 153 л. своей беседы сам утверждает, на основании 59 л. «кн. о вере» «Христос обещался с пребывать с *всеми верными*»... То у него «*и с*» на 59 л. «кн. о

вере» «предлог первого лица означает Христа Иисуса», то «с» он считает с глаголом «пребывати», и, по его уму, украдывает «частицу» Христову. И удивительнее всего – что так крючкотворствует человек, укоряющий других за «букву писаний»! «Врачу исцелися сам»! (лл. 151–2). По поводу же Пичугинских ссылок: «Христос обещал пребывать со всеми верными» (Благов. Еван. л. 237 об.; ап. беседы стр. 2360 и др.), – «идеже собрани во имя Моё... ту есть посреди их и с (может быть это «и с» – то же «предлог первого лица, обозначающий Христа?») ними до скончания века, и в предыдущий век аз упасу их, и в бесконечные веки» (Ефр. Сир. сл. 103, л. 272), «церковь Божия может состоять и из троих (Феод. Ст., ч. 1. пис. 39, стр. 349) православных по определению святых», – нужно только подивиться, что Пичугин из поморщины до сих пор не перешел в штундизм, молоканство, лютеранство, хлыстовщину, скопчество и т. п. секты, где тоже «собираются во имя Христово» якобы, и не двое или трое, а целые тысячи! Оболгав св. отцов и учителей Церкви касательно «собирающихся во имя Христово» – якобы в них церковь, – Пичугин и не сообразил того, что в *имя-ли Христово* собираются те, кто *не верит установлению Христову* – иерархии, евхаристии и т. п. Ужели ему неизвестно, что и многие «чудеса творившим именем Христа» и «евшим и пившем пред Господом» Христос скажет – «Я никогда – не знал вас и... не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня» (Мф.7:22–23, Лк.13:26–27), и это – за *неисполнение* слов Христовых. А чьи слова об иерархии и причащении, как не Христовы (кн. о вере л. 51, 59, кн. Кир. л. 77)?

(Прод. следует).

Н. Гринякин

Айвазов И. Миссионерская приспособляемость. (По поводу заметки В. Базарянинова: «крайности миссионерской полемики». «Мисс. Обзор.» 1903 г. № 12) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1023–1037

С большим недоумением я прочел заметку В. Базарянинова: «крайности миссионерской полемики». Я собственно сперва не мог дать себе отчета в том, чего автор хотел достигнуть этой заметкой? Правда, он говорит, что писал её с целью устранить из миссионерской полемики такие доказательства, которые «унижают её и дают сектанту повод обзывать миссионеров адвокатами духовенства, готовыми защищать по долгу службы всё, что угодно»... Но в той-же заметке я читаю и другое: «если бы задаться целью собирать курьезы миссионерской аргументации, то получился-бы преинтересный томик анекдотов»... И вот предо мною дилемма: хотел-ли г. Базарянинов принести своей заметкой пользу миссии, или же положить ею начало «преинтересного томика анекдотов»?...

Я глубоко убежден, что каждый миссионер, пускаясь в область печатной критики бесед своих собратий, прежде всего должен тщательно взвесить ту сумму добра и зла, какую он принесет такой критикой делу миссии... и только: личность собратий должна быть для него в стороне. И вот, если количество зла превышает меру добра, то необходимо критику-миссионеру или оставить в покое свой критический порыв, или, что несравненно лучше, удовлетворить его, но наименее безопасным для дела миссии путем – путем-ли частной переписки, или совещаний личных, на съездах и пр., но отнюдь не путем прессы. Тогда и провинившийся пред критиком миссионер, если признает себя виновным, исправится и даже скорее, чем посредством журнальной войны, и, что особенно важно, дело миссии не потерпит еще большего урона и на неизмеримо большем пространстве от допущенных

миссионером в полемике с сектантами промахов и противоречий с другими миссионерами.

Поясним сказанное примером. Положим, я присутствую на беседе миссионера X. с молоканами села Z. и замечаю, что миссионер допускает при толковании слова Божия натяжки и, пожалуй, даже крупные. После беседы я и отдаю на суд печатного слова, а следовательно и той среды, в которой работает миссионер X., промахи последнего. Чего я достигаю этим? Исправления X? Сомнительно, и даже очень. Во 1-х, миссионер X. и без меня мог видеть свои натяжки, что в подавляющем большинстве случаев и бывает, но допускал их лишь по нужде, применяясь к уровню совершенства и действительным потребностям больной и здоровой паств. Не раз ему приходилось, в зависимости от этих потребностей, не только в разных местах, но даже в одном и том-же месте совершенно менять и план беседы, и весь арсенал доказательств в пользу известной истины. И никакие доводы не убедят его в излишестве, а тем более во вреде такой благоразумной приспособляемости к своей аудитории, особенно если протест идет от миссионера-новичка. Во 2-х, допустим даже, что именно благодаря указаниям печати миссионер X. выбросит из своего арсенала действительно, а не мнимовредные для миссии натяжки, и тогда польза от этого для миссии будет слишком ничтожна, в сравнении с тем вредом, который причинит её делу дискредитирование миссионеров печатным словом... Ведь с уверенностью можно сказать, что от насмешливых порицаний миссионерских приемов в журнальных статьях и от накопления в миссионерской печати указаний на взаимные противоречия в миссионерских беседах произойдет: с одной стороны, постепенное ослабление в православной пастве доверия к миссионерам и к защищаемой ими истине, а с другой – усиление упорства и пропагаторской энергии в сектантах, которые не преминут воспользоваться подобными данными печати, как мощным орудием, для борьбы с миссионерами и защищаемым ими упованием.

Спешу оговориться. Я не враг вообще печатной критики миссионерских бесед, как то видно и из моей статьи: «Pro domo

sua» («Мисс. Обзор». 1903 г. № 6, стр. 815), но только желаю и настаиваю на том, чтобы, во имя интересов дела *практической* миссии, критики, особенно из миссионеров, относились к означенной критике с большою осторожностью и серьезностью, не гоняясь за лаврами составителей «преинтересных томиков анекдотов»... Самое-же главное, чтобы они не ограничивались: во 1-х, голыми отрицаниями, неопределенными намеками и полусловами, а точно указывали правильное учение православной Церкви о спорном вопросе, чтобы читатели ясно видели, погрешает-ли миссионер только в способах доказательства известной церковной истины, или-же извращает и самую истину, и чтобы эта истина отнюдь не затемнялась пред взором читателей, среди которых есть много и немощных братьев по вере и совершенно отпавших от Церкви (таково наше пожелание по поводу критики свящ. Силина – «Мисс. Об.» 1903 г. № 6, стр. 815) и во 2-х, – одним только опровержением, не говорю уже о непростительных насмешках, аргументации, приводимой каким-либо миссионером в пользу известной церковной истины, а подтверждали ту же истину хотя бы очень кратким указанием на доводы, которые они, со своей стороны, признают за веские и единственно возможные (наше пожелание по поводу заметки В. Базарянинова). Иначе, читатель не только из сектантов, но и из православных, даже помимо своей воли, вынесет от чтения подобных разбираемой мною заметок то убеждение, что доводы миссионера, особенно если из лучших, в защиту определенной церковной истины слабы, или прямо негодны, а других-де не имеется, – ergo и самая истина зиждется на песце!...

Это вообще. Теперь скажу в частности. В. Базарянинов восстает не против «приспособляемости» вообще, а лишь против «крайностей» её. Но в том то и дело, что самое понятие «крайность» слишком субъективное и что для одного кажется «крайностью», для другого – «сережиною» и даже более... Да притом здесь многое зависит от местных условий, главным образом, от уровня совершенства и религиозных запросов известной среды – слушателей... Сверх того, полагаю, что прежде, чем определять границы миссионерской

«приспособляемости», необходимо прекрасно изучить и не по книгам только, а главным образом на практике и миссионерскую полемику и среду, в которой она ведется. Ведь никто не станет оспаривать той мысли, что полемика с сектантами – это своего рода искусство, которое постигается почти исключительно *практикою*. С уверенностью можно сказать, что любой профессор-теоретик станет в тупик с первых-же слов беседы с заурядным русским сектантом: так всё здесь далеко от академической научности и дышит своеобразной житейской логикой, ...ные счеты с которой возможны лишь для лиц, погрузившихся в волны той же простонародной мудрости.

Между тем г. Базарянинов – миссионер из очень последних и писал свою заметку не на основании собственно своей миссионерской опытности, какой он и не мог запастись в течение одного года, а лишь на основании впечатлений и ... *«первого знакомства с устными и печатными беседами миссионеров*. А при таких данных определяют границы миссионерской «приспособляемости», по меньшей мере, рискованно. Нельзя-же серьезно согласиться с мнением г. Базарянинова, что «чем ревностнее и долголетнее в своей деятельности миссионер, тем больше для него соблазна не в меру увлечься этой приспособляемостью»!... Тогда придется признать, что наибольшей гарантией от перехода миссионеров за границы «приспособляемости», от чего сильно страдает дело миссии, является наименьшее долголетие и наименьшая ревность миссионера ... что, таким образом, знаменитый Апостольский *modus vivendi* (1Кор.9:19–23) – плод излишней ревности ап. Павла!... Однако придется признать, что и нужда в «приспособляемости» и определение границ последней выясняются не путем долголетних и тщательных наблюдений над течением и запросами религиозной жизни больной и здоровой паств, а посредством кабинетных дум и росчерков пера!... Неудивительно посему, что некоторые из более логичных духовных писателей на этом основании отвергли всякую вообще «приспособляемость»²⁴⁷ ... поелику не нашли возможным говорить о границах такой приспособляемости.

Но обратимся к рассмотрению и самых «курьезов» миссионерской аргументации, которыми оперирует г. Базарянинов в своей заметке. Эти курьезы почерпнуты им отчасти из дошедших до него слухов, отчасти из его личных наблюдений, и главным образом, из миссионерской литературы.

Прежде всего заметим, что при описании некоторых «рассказов», взятых отнюдь не из печати, а или из носимых слухов, или из личных наблюдений, г. Базарянинов довольно ясно указывает лиц, которые якобы допускают в своей полемике с сектантами описанные им «курьезы»!... Не знаю, с целью-ли поиронизировать над этими лицами, или с целью придать большую достоверность сообщаемым «курьезам», или же той и другой целью вместе – допускает г. Базарянинов такой, по меньшей мере, некрасивый прием!... Предоставляю об этом судить читателям... Но раз мне приходится иметь дело и с такими «курьезами», справедливость которых всецело зависит от того, употребляли-ли их указанные автором лица, то волей-неволей придется коснуться и фактической достоверности сообщаемого г. Базаряниновым, а не только правильности его воззрений на случаи миссионерской аргументации.

«Когда я стал впервые знакомиться с устными и печатными беседами и обличениями миссионеров, я ужаснулся громаде не к делу приводимых ими текстов, пишет г. Базарянинов. Если бы задаться целью собирать курьезы миссионерской аргументации, то получился-бы преинтересный (sic! для кого?...) томик анекдотов, полный (да, так-ли?!) таких перлов, как объяснение в смысле иконопочитания слов апостола (евангелиста?...): «образ дах вам» и т. п.

Смею уверить, что г. Базарянинов почерпнул этот «курьез» не из *личного* знакомства с «устными и печатными беседами» миссионеров, а из крайне сомнительного источника, т. е. из дошедших до него слухов. Этим и только этим объясняется чрезмерная курьезность означенного «перла» миссионерской аргументации. Между тем, кажется, хорошо известно, как тем-же путем простой огурец вырастает с гору и муха превращается в слона. Но заниматься такими «слонами» в печати, да еще с иронически-поучительными нотками и с намеком, что таких-де

слонов – «перлов» можно понабрать «полный томик», по меньшей мере, со стороны миссионера странно! Я также слышал и не раз об этом «куръезе» и имел возможность справляться об его истинном смысле. И всегда мне объясняли его так: миссионер Х. вел беседу об иконах с весьма упорным и малограмотным сектантом. По требованию последнего, миссионер доказал ему и иконы вообще и, в частности, необходимость «священных изображений»: трех лиц Св. Троицы, ангелов и т. д. Тогда сектант озадачил миссионера новым возражением: «ты всё говоришь об иконах, да о священных изображениях; нет, ты «образа» найдя мне в Писании – у нас все называют: «образа»... И сколько миссионер не разъяснял сектанту, что слова: иконы, священные изображения и образа означают одно и то же, только на разных языках, сектант стоял на своем: «покажи мне в Писании образа»... Слушатели удивлялись буквоедству сектанта. Тогда миссионер, с целью наглядно показать им весь вред от такого буквоедства, при котором извращается сектантами самый смысл Св. Писания, взял славянское Евангелие и прочел: «образ дах вам» (Ев. Ин.13:5)... Сектант опешил и признал себя побежденным. Слушатели-же получили прекрасный урок остерегаться сектантского буквоедства.

Нечто подобное было в с. Р. (Т-ой еп.). Во время беседы с батюшкой молоканин открыл славянскую библию (изд. 1845 г.) и в опровержение почитания креста указал на Лев.26:1–2, где было написано: «не делайте себе кумиров и изваяний (– идолов)». Отсюда он заключил, что нельзя делать кумиров, изваяний и крестов, потому что «крест есть идол». Сколько ни пояснял ему батюшка, что в данном месте нет и речи о кресте, что тогда крестов никто и не почитал и что он неправильно понял значение крестика в кругу, сектант стоял на своём: «крест – идол и еще в Ветхом Завете было сказано: не делайте себе креста»!... Тогда батюшка открыл в той-же библии место из Втор.10:20 и прочитал: «Господа Бога твоего бойся и Ему (– одному) служи» и на сем основании требовал от сектанта «служения кресту». Молоканин понял, что он сам себя опроверг и перестал упорствовать, а слушатели получили наглядное

доказательство упорства сектантов и вреда от их буквоедства. И таких примеров я знаю много. «Курьезы» ли это миссионерской аргументации, или плод нажитой годами миссионерской мудрости, достойной похвалы и даже подражания? Я признаю последнее, да полагаю, что со мною согласится и каждый, кто хотя сколько-нибудь знаком с сектантскою средою и условиями миссионерской полемики.

Далее. Г. Базарянинов указывает на одного молодого священника Т-ой епархии, который в беседе с штундистом об иконах, на требование последнего: «покажи, да и покажи иконы из Нового Завета», после многих, якобы бесплодных, препирательств по всем правилам (сильное доказательство на конец) патетически ахнул: «о, бессмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых *пред глазами предначертан* был Иисус Христос, как-бы у вас распятый?» Штундист, как подавился, замечает г. Базарянинов, не мог вымолвить слова и утирал пот. Поражение было полное. Православие торжествовало...

Прежде всего меня здесь неприятно поражает ирония над батюшкою-миссионером, особенно при мысли, что, быть может, это только сучек в глазу батюшки!... Как известно, Гал.3:1 приводится в пользу иконопочитания не одним Т-им батюшкой, а широко практикуется и в миссионерской литературе (см., напр., у свящ. И. Стрельбицкого: «Краткий очерк штунд...» Од. 99 г. стр. 165). Уже это одно должно было заставить г. Базарянинова призадуматься. В самом деле, чем вызвана такая «приспособляемость» этого текста к вопросу об иконах? Штундист, даже более молоканина, буквоед. Ему также всё «покажи, да и покажи от буквы, или строки Писания», как то видно и из предъявленного Т-му батюшке требования: «покажи, да и покажи иконы из Нового Завета»... Не покажешь, и пиши пропало... и соблазн на селе страшный. Помню, как один из миссионеров-новичков (академист) рассказывал: «приехал я в село N. для бесед. Народу собралось много. Сектанты также были в сборе... Стал я говорить о крещении младенцев. Сперва всё шло хорошо. Как вот один штундист и напер на меня с вопросом: «покажи мне, где в Писании сказано, чтобы крестить

младенцев; да не словами наводи, а прямо заповедь такую мне покажи»... Я, по неопытности, возьми и скажи: прямой заповеди на это в Писании нет... Слышу, зашумели: «спаси вас, Господь, говорят, за откровенность», – сказали, повернули и ушли... Так и не дали мне дальше пояснить... И теперь я годами должен исправлять то, что испортил одним неосторожным словом, не зная, с кем собственно дело имел»...

Тоже, полагаю, было и с Т-им батюшкою. Только последний был поопытнее и избежал сильного вреда своею «приспособляемостью», зная, что буквоеду нужно пока еще млеко от Писания – буква, а не смысл. И буквоед штундист, как замечает и г. Базарянинов, был поражен. Что-же преступного в такой «приспособляемости»? Изменятся времена, дорастет сектант в своей массе и православный, особенно общающийся с ним, до понимания духа, смысла св. Писания, исчезнут и все «натяжки», и всякая «приспособляемость» в миссионерской полемике.

«Знаю я, пишет далее г. Базарянинов, и другого очень умного священника той-же епархии, свыше 15 лет подвизающегося в селе, где до 200 молокан, имеющего звание окружного миссионера, который дает любому сектанту на любую тему мат в 2–3, много 5 ходов. Последний смертельный шаг у него в вопросе об иконопочитании, – это ссылка на Откр.11:19: «И отверзся храм Божий на небе и явился ковчег завета Его в храме Его». На ковчеге завета были изображения херувимов: а относится-де Откр.11:19 к новозаветным временам настоящей жизни, ибо в будущей жизни храма уже не будет (Откр.21:22). С этим батюшкою вот уже многие годы ни один сектант не беседует. Обозвется это он к кому-нибудь, а тот отмахивается: «э, будет, Михаил Иовлевич, туман ты всегда наводишь». Ровно-бы и хорошо: сектанты всегда побиты; но, может быть, лучше-бы было, пусть-бы они возражали и выслушивали доказательства «без туману»: миссия не фокус, и не игра в шахматы»...

Как видим, здесь всё сказано для того, чтобы читатель, особенно из Т-ой епархии, как-нибудь не смешал «Михаила Иовлевича» с другим священником. Нечего сказать: похвальная

откровенность!... Но посмотрим, прав-ли г. Базарянинов в своей оценке миссионерской деятельности «Михаила Иовлевича», как «игры в шахматы» и т. под.? Прежде всего скажу, что г. Базарянинов лично не бывал ни в том селе, где живет «Михаил Иовлевич», ни в том районе, где последний работает, как «окружный миссионер». Посему свой отзыв о нём он обосновал не на личных и притом тщательных наблюдениях над миссионерскою деятельностью «Михаила Иовлевича» и над отношением к нему сектантов и православных, а лишь на дошедших до него нелепых слухах о «Михаиле Иовлевиче»!... Посему и неудивительно что каков источник, такова и оценка... Я более трех лет, по обязанностям миссионера Т-ой епархии, лично знал «Михаила Иовлевича», бывал в его селе и подолгу, а также и в том районе, где протекала его деятельность, как «окружного миссионера». Тщательное изучение там сектантства и положения православной паствы, а также и миссионерской деятельности «Михаила Иовлевича» привело меня к тому глубокому убеждению, какое высказал и бывший до меня в той-же епархии миссионер Д. Боголюбов: «О, если бы достойнейшему о. Михаилу нашлось как можно больше подражателей среди пастырей на святой Руси! Тогда-бы безусловный успех нашей миссии в народе был обеспечен» («Мисс. Об.» 1903, № 11, стр. 75). И смею уверить г. Базарянинова, что миссионерское дело в руках «Михаила Иовлевича» не «фокус» и не «игра в шахматы». Об этом прекрасно знают и пастыри, окрест села «Михаила Иовлевича», и все, кому только приходилось хотя мало-мальски ознакомиться с миссионерскою деятельностью этого батюшки на месте... Я не буду распространяться на тему о достоинствах «Михаила Иовлевича», как пастыря-миссионера, чтобы невольно своей похвалой не причинить ему горечи и то, что я сказал, я сказал по необходимости и в защиту убеждений своего сердца...

Да и откуда г. Базарянинов взял, что вследствие «тумана», якобы царящего в доказательствах о. Михаила, сектанты вот уже «*многие годы* не беседуют с последним»... Я прекрасно знаю, что и бывшие до меня в Т-ой епархии миссионеры, во

время бесед с молоканами в округе о. Михаила, всегда пользовались помощью последнего... И сам я, ведя беседы там-же, глубоко ценил и пользовался сотрудничеством о. Михаила. И всегда сектанты вступали в беседы и с о. Михаилом, хотя и не так охотно, как со мною, потому что я еще был новичок, а о. Михаил опытный миссионер. Помню, как сегодня: 17 октября 1899 года я вел первую беседу с молоканами в селе о. Михаила. Беседовали о «водном крещении». Сначала меня, как новичка, молокане хотели «поводить», т. е. свести с предмета беседы в сторону и тем спутать беседу... «Почему у вас погружение, а у католиков обливание?» – начал с улыбкой спрашивать меня Федор Иваныч... Но я, с деятельною помощью о. Михаила, удержался на теме о «водном крещении»... После долгих прений, мои собеседники, видя, что потеряли почву под собою, с ожесточением заявили: «не примем водного крещения, так как и ап. Павел говорит: «благодарю Бога, что я *никого* из вас *не крестил*»... Только о. Михаил хотел сказать слово, как Федор Иваныч, с присущей ему жестикуляцией, проговорил: «нет, позвольте, о. Михаил, – пусть вот нам миссионер ответит»... Очевидно, сектанты рассчитывали, что я не соображу, о чём говорит здесь ап. Павел. С этой целью они и не дочитали: «дабы не сказал кто, что я крестил *в моё имя*»!... Но мне хорошо было известно это место и я обличил молоканские козни. Бывший на беседе молодой помещик Р., служивший в С.-Петербурге, с негодованием заметил сектантам, что они беседуют «нечестно». Вот на такие-то удочки о. Михаил не поймается, – сектанты это знают и только посему неохотно беседуют с о. Михаилом. Ни о каком «тумане» со стороны о. Михаила не может быть здесь и речи. Да притом кто хотя немного знает толкования местных молокан, особенно Павла Гавриловича, любящего «разводить» всю Библию против православных (напр., Иез. 47 г. и Пс. 103 – см. брошюры о Михаила и «Мисс. Обозр.» 1903 г. № 8-й: «миссион. очерки» Д. Боголюбова), тот никогда не дерзнет обвинять о. Михаила в «тумане», да еще от лица сектантов, а тем более иронизировать над миссионерской деятельностью этого

пастыря. Не говорим уже о том, что и приведенное автором толкование Откр.11:19 не может быть признано за «туман» даже безотносительно к требованиям собеседников, так как встречается не только в миссионерской, но и вообще в богословской литературе (см. сборник статей Барсова)...

«В селе Л-х Т-ой епархии, пишет далее г. Базарянинов, вел свои последние беседы уже переведенный в Е-ую епархию миссионер, три года горячо работавший по своему делу. Беседа была с жидовствующими. После неё зашли мы выпить стакан чаю к учителю, куда пригласили и оппонента – начетчика. «А помнишь, И. Е-ыч, говорит этот миссионеру, как ты побил меня год тому назад Иер.9:25? Я потом ведь сто раз перечитывал главу и, наконец, несомненно вижу, что все-таки я тогда был прав». И начетчик был действительно прав, ибо Иер.9:25 говорит о посещении обрезанных и необрезанных не благодатью и милостями, а несчастьями и наказаниями, и след. вовсе не содержит в себе пророчества об отмене обрезания, как то утверждал миссионер»...

И опять довольно откровенные указания на личность?! И опять поразительное извращение факта!... Мне прекрасно известно, как означенный здесь миссионер, будучи уже переведен в Е-ую епархию, в конце января 1902 года предложил г. Базарянинову, только что назначенному в миссионеры Т-ой епархии, поехать с ним в один из самых боевых в Т-ой епархии пунктов штундизма – в с. Л-ги, где также свили себе небольшое, но прочное гнездо и жидовствующие. Там миссионер «И. Е-ыч» намеревался ознакомить г. Базарянинова с миссионерской полемикой и с сектантской средой. В феврале м. 2-го и 3-го «И. Е-ыч» говорил в Л-говском храме миссионерские поучения, а 2-го, 3-го и 5-го вел публичные беседы со штундистами: «об иконах», о «св. Причащении» и о «св. предании» и 4-го – с жидовствующими о «троичности лиц в Боге» и затем, главным образом, о «признаках пришествия Мессии». Очевидно, ни проповеди, ни публичные беседы «И. Е-ыча» не дали г. Базарянинову материала для «томика анекдотов»... Потому-то он и ухватился за частную беседу за чаем «И. Е-ыча» с субботником

Иларионом Васильевичем. Последний в конце этой беседки вспомнил о позапрошлогодней (8 марта 1900 г.) беседе с ним «И. Е-ыча» об обрезании и высказал убеждение в своей правоте при толковании тогда текста из пр. Иер.9:24–26. Г. Базарянинов не был очевидцем беседы «И. Е-ыча» с Иларионом Васильевичем 8 мар. 1900 г., посему казалось-бы и не мог судить о том, насколько правильно понял сектант миссионера и что собственно миссионер доказывал тогда вышеозначенным текстом!... Но на деле вышло иное. Услышав слова сектанта, г. Базарянинов сразу заключил, что миссионер был не прав и не только заключил для себя, но поведал о том и в печати!... Вопрос только в том, почему-же он обошел молчанием данное миссионером тогда-же разъяснение в ответ на слова Илариона Васильевича?!... Между тем миссионер довольно пространно и ясно отвечал, что действительно он приводил на беседе 8 мар. 1900 г. об обрезании и текст из Иер.9:24–26, но этим текстом он доказывал не «посещение обрезанных и необрезанных милостями и благодатию», а ту мысль, что плотское обрезание не давало Израилю права считать себя чистым пред Богом, так – как пред Богом чист лишь творящий «милость, суд и правду на земле» (Иер.9:24), или что тоже: обрезанный сердцем (Иер.4:4), к чему призывает евреев и пр. Моисей (Втор.10:16; 30:6). Посему, как обрезанный, так и не обрезанный ... *при необрезании сердца своего, равно* противники и *одинаково* подлежат Божьему наказанию, так что у обрезанного плотью нет в сем преимущества пред необрезанным поприроде, как то видно, между прочим, и из пр. Иеремии 9 гл., 24–26 ст. Здесь-же миссионер, как и на беседе 8 мар. 1900 г., нам лично прекрасно известной, добавил, что и милостями своими Господь посещает как обрезанных, так и необрезанных плотью, лишь-бы те и другие были «обрезаны сердцем» и в доказательство этой мысли сослался не на Иер.9:24–26, а на 3Цар.8:38–43!...²⁴⁸ Отсюда ясно, что миссионер и на беседе 8 мар. 1900 г. и теперь оперировал текстом из Иеремии лишь в пользу отмены плотского обрезания и уравниения ... Господа обрезанного с необрезанным, но отнюдь не в ... «посещения обрезанных и необрезанных малостями и благодатию»!... Ясно отсюда и то,

что в то время как Иларион Васильевич разъяснил своё недоумение путем частной беседы с миссионером, г. Базарянинов не только умолчал о миссионерском разъяснении, но даже своими комментариями к словам сектанта дал полное основание думать, что миссионер ... действительно отстаивал навязанное ему превратное толкование Иере.9:25 в смысле «посещения обрезанных и необрезанных милостями и благодатию»!... Полагаю, что такое отношение к миссионерским беседам, да еще в печати, переходит границы самой элементарной порядочности...

«Достаточно ознакомиться хотя-бы только с «Критическим разбором» Оболенского, чтобы понять, какая масса совсем непригодных доказательств обращается в миссионерской ... печатной полемике», – пишет далее г. Базарянинов и ограждает себя ссылками на то, что у Оболенского: во 1-х, доказательство законности крещения младенцев приводится из ап. Петра: «вам принадлежит обетование и детям вашим» (Деян. 2 гл.).

Остановимся на этом. Г. Базарянинов протестует против разумения под «детьми» младенцев и со своей стороны видит здесь «*просто потомков*». Но так-ли?... Как известно речь ап. Петра (Деян. 2 гл.) была направлена ко «всему дому Израилеву» (ст. 36), от лица которого пред Апостолом стояли собравшиеся в Иерусалим в день Пятидесятницы, по закону, Иудеи «из всякого народа под небесами» (ст. 5). Последние, видя чудо излияния Св. Духа, недоумевали, а иные насмехались... И вот ап. Петр говорит им, что это чудо есть исполнение Божьего обетования, предреченного чрез пр. Иоиля, и что исполнил это обетование Иисус, Который, «быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Св. Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите» (ст. 16, 33). Таким образом, под «обетованием» ап. Петр здесь ясно понимает излияние Св. Духа через Иисуса Христа от Бога Отца. Кому-же принадлежало это «обетование»? По слову того-же ап. Петра: «всему дому Израилеву» (36 ст.), которому (см. ст. 37-й) он далее и говорит: «покойтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа»... Здесь замечательны слова: «*каждый из вас*», потому что у евреев

действительно *каждый* зачинался и рождался грешным, и притом не только первородным грехом, но и наследственными от родных (Исх.20:5 и др.); посему и *каждый от рождения* нуждался в прощении ему грехов, что и подавалось в крещении во имя Иисуса Христа. Как для «каждого из вас» необходимо крещение, как точно и «каждый из вас... получите дар Св. Духа», ибо «вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (39 ст.). Здесь в 39 ст. опять-таки ап. Петр понимает исключительно иудеев, как то видно и из контекста речи и из того соображения, что в это время ап. Петр, как и другие Апостолы, еще слишком далек был от мысли на участие и язычников в обетованиях о Христе и Св. Духе (см. Деян.10:28–35 и особенно ст. 34 и 44; 11:1–3 и 15:7–9). А если так, то под словом: «вам» должно понимать взрослых слушателей ап. Петра (см. и 37 ст.), под словом: «и детям вашим» – тех «детей», которых имели слушатели ап. Петра, а притом всех детей, независимо от их возраста, а следовательно и *младенцев*, и, наконец, под словом: «и всем дальним» – все дальнейшее потомство и всех *живущих вдали* от Иерусалима – в рассеянии иудеев, которых призовет Господь Бог и опять-таки «наш» – т. е. иудейский. Так что нет ничего «непригодного» в этом доказательстве в пользу крещения и младенцев, тем более если принять во внимание и речь того-же ап. Петра в следующей главе, где он ясно высказал ту же принадлежность «обетования» и младенцам (Деян.3:19–26) и верование иудеев в участие и младенцев в завете с Богом.

Во 2-х, г. Базарянинов протестует против приводимого в книге Оболенского доказательства из 2Пет.1:15... в пользу молитв за нас праведников и *по отшествии* нашем из сей жизни на том основании, что выражение: «после моего отшествия» относится не к глаголу «буду стараться», а к «приводили». Впрочем, и сам г. Базарянинов признает, что под «буду стараться» можно с одинаковым правом подразумевать и «теперь» и «потом», и «доколе нахожусь в телесной храмине» и «по отшествии моём» и лишь высказывает, что кажется первое толкование ближе к смыслу отрывка»...

Казалось-бы, что если г. Базарянинов не уверен в своём толковании, то не стоило ему признавать «непригодным» ... доказательство в толковании его другими и вообще оспорить в принципе самую возможность пользоваться текстом из 1Пет.1:15 в подтверждение молитв за нас умерших праведников!...

Со своей стороны, я замечу, что из контекста речи, начиная с 12 ст., ясно, что ап. Петр говорит о *двояком* роде своих забот о христианах. Сказав: «я *никогда* не перестану напоминать вам о сем»... (ст. 12), он далее в частности говорит: «справедливым же почитаю, *доколе нахожусь в этой телесной храмине*, возбуждать вас напоминанием» (ст. 13). Естественно напрашивается на мысль: а после оставления «телесной храмины» что будет делать Апостол с обещанной заботой о христианах? И вдруг на это мы находим не вполне ясный ответ в русском тексте: «буду-же стараться чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память» (ст. 15)?! Когда-же «буду стараться»? Если при жизни, то это будет излишним повторением и таким, которое не вяжется со смыслом предыдущих стихов... Если по смерти, то ... и гармонирует с раньше сказанным, но почему-то ... об этом не сказано и даже слова: «после моего отшествия» отнесены не к «буду стараться», а к «приводили»?! Такая определенность произошла от неточного и даже неправильного перевода 15 ст. с греческого на русский язык.

В греческой Библии читаем: «σπουδάσω δὲ καὶ ἐκάστοτε ἔχειν ὑμᾶς μετὰ τὴν ἐμὴν ἔξοδον τὴν τούτων μνήμην ποιεῖσθαι». В славянской переведено: «потщуся-же и всегда имети вас по моем исходе, память о сих творити».

И мы полагаем, что славянский перевод с греческого и греческий текст очень ясно говорят о том, что ап. Петр и после оставления тела будет заботиться о христианах. Следовательно, означенный текст в его надлежащем виде дает прямое и убедительное доказательство в пользу молитв за нас умерших праведников.

Я не стану разбирать дальнейшие «курьезы» миссионерской аргументации, которые приведены в заметке г. Базарянинова, так как это донельзя растянуло-бы мою статью. Да при том

полагаю, что и сказанного вполне достаточно для того, чтобы по достоинству оценить начатый г. Базаряниновым «преинтересный томик анекдотов» и пользу от такого «томика» для дела нашей миссии...

И. Айвазов

Лисицын М., свящ. 25-летие пастырско-миссионерской деятельности Синодального миссионера о. прот. Ксенофонта Никифоровича Крючкова // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1038–1056

«Много раз был в путешествиях, в опасностях... в труде и в изнурении, часто в бдении, часто в посте, в стуже». (2Кор.11:26, 27)

29 декабря нынешнего года истекает 25-летие пастырско-миссионерской деятельности прот. о. Ксенофонта Крючкова. Юбилей о. протоиерея представляет собой, можно сказать, целую эпоху в нашей противораскольничьей миссии прошлого века. 25 лет назад о. Ксенофонт, волей Божией, восстав из раскольничьей «сени смертной», сделался пастырем проповедником и ревностным борцом за святую правду Церкви православной. И личность о. Крючкова, после о. Павла Прусского, займет первое место в истории отечественной внутренней миссии XIX в. Знаменательное в жизни заслуженного деятеля миссии событие – исполнившееся 25-летие – должно составить общемиссионерский праздник, а потому редакция «Мисс. Обозрения» долгом считает познакомить своих читателей с жизнедеятельностью юбиляра.

О. Ксенофонт по рождению и первоначальному воспитанию принадлежал к раскольникам с. Поима, Пензенской епархии. Потом он сознал неправоту и заблуждение раскола и присоединился в 1868 г. к Единоверию. Нашедши истину, он стал приводить к ней и других своих односельчан, так что через 10 лет образовалась в Поиме уже целая единоверческая община. По словам тогдашнего Пензенского Преосвященного, обращение Кс. Крючкова к Церкви и его ревностное усердие, об устройении единоверческого храма и прихода в с. Поиме «обещали быть плодоносными». И действительно, это предуказание епископа не осталось тщетным. Помимо того, что трудами Кс. Крючкова был выстроен храм, миссия о. Кс. создала приход и он был рукоположен 29 декабря 1878 г. в сан

священника. При посвящении о. Ксенофонт произнес замечательное слово, раскрывающее несколько и завесу его сердца, а также и историю его обращения. «Уже с 12 лет, говорит здесь о. Кс., окончив своё малое учение у раскольника, я стал думать, истинна ли та вера, в которой я родился и которая меня и моих родителей содержала далеко от православной Церкви. Я читал книги и просил Бога, чтобы Он просветил меня: и Господь услышал мою молитву. На 19-м году от рождения после смерти своих родителей, разделившись с дядей, я с товарищем детства своего, покойным Афанасием Звоновым, отправился в Москву для лучшего уяснения своих верований, от отцов унаследованных; и, к великому своему счастью, там встретился я с известным ныне о. Павлом Прусским. В первый раз мы оба еще далеки были от истины; но мы искали её. Мы обвиняли греко-российскую Церковь, яко бы она неправо содержит церковные обряды, но в то же время мы не могли не видеть, что догмат веры она исповедует правильно. Мы сознавали, что, по слову Спасителя, Церковь с тремя чинами иерархии и семью таинствами должна пребывать на земле до скончания века: но в то же время думали, что она от лица зверя, – антихриста, далеко убежала в пустыню. Так думали мы, основываясь на 12-й гл. Апокалипсиса.

«По возвращении из Москвы, мы вдвоем с Звоновым стали разбирать старообрядческое учение об антихристе. До того времени мы понимали антихриста духовно и думали, что он уже царствует в мире, именно в Церкви православной. Теперь мы стали глубже вникать в то, что говорит св. Писание об антихристе, сличали это с тем, что совершается ныне в нашем отечестве и изумились, потому что не нашли ни одного признака того, чтобы антихрист, уже был в мире». А именно: Спаситель сказал Своим ученикам, что пред кончиною мира, когда явится антихрист *будет скорбь велия, якова же не была от начала мира доселе, ни же имать быти*; ап. Павел писал, что *в последние дни* настанут времена люта, между тем факт освобождения крестьян и славян на Балканском полуострове совершенно противоречили этому предсказанию о временах антихриста. «Нет теперь стеснения, говорил о. Кс., даже и

старообрядцам. Их мнимые попы ходят по улицам с отращенными длинными волосами, прихожане их свободно ходят в свои молельни и никто им не препятствует». Убеждало также о. Кс. и богослужение, которое ничуть не похоже на служение антихристово. О пришествии последнего св. Ипполит говорит так, что тогда «ниже приношение, ниже кадило совершается... и честное Тело и Кровь Христова во днех оных не имать явиться, служба угаснет, чтение Писаний не услышится», между тем на деле ничего этого не произошло». Не мало исследовал о. Ксенофонт, будучи раскольник, и вопрос о лице антихриста и убедился из ...жия и писаний святоотеческих, что он будет чувственным, а не духовным. Потом занимал его и вопрос о спасении в Церкви и убедился о. Ксенофонт, что вне её спасение невозможно. Но и после этого Ксенофонт Крючков еще не оставил раскол, а даже устроил у себя молельню, в которой и сослужил службы со стариками поморского согласия. Несколько раз после этого Кс. Крючков виделся в Москве с о. Павлом Прусским и, наконец, познакомившись, чрез К. С. Загадаева, с «...тым защитником истины» о. Пафнутием, побывал по совету последнего, у м. Филарета Московского. Книжка «Беседы к глаголемому старообрядцу» поставила Кс. Крюкова на православную дорогу. «Семя православия, говорил о. Ксенофонт, начало развиваться быстро, так что на другой год, будучи у Владыки московского вторично, я решился объявить ... его молитвами и прилежным рассмотрением св. Писания вполне убедился в неправоте раскола». Но о. Кс. Крючков не хотел один пользоваться найденным сокровищем. ... апостол Павел желал скорее быть отлученным от Христа за братьев своих, о. Кс. Крючков желал, чтобы и другие единоверцы получили это сокровище. И вот, с благословения митр. Филарета, в с. Поим отправился вместе с Крючковым о. Павел Прусский, уже принятый тогда в лоно Церкви православной, и путем долгих бесед с раскольниками ... убедил многих жителей принять Единоверие. Преосвященный Антоний Пензенский принял самое живое участие в этом святом деле и, по его ходатайству, Св. Синод благословил открыть в молельне единоверческую

церковь, которая и оставалась тут около 9 лет. Но потом настоятель её Иоанн Невестин стал заботиться о построении отдельного храма и после многих трудов, волею покойного Государя Александра III и хлопотами К.П. Победоносцева, свершилось это дело. ... храм был освящен, а в 1878 г. скончался строитель ... Иоанн, Ксенофонт Крючков был рукоположен в священники к этому храму.

1878 г. – 29 декабря – 1903 г.

Синодальный миссионер о. прот. К.Н. Крючков

В своём слове, при посвящении в сан, о. Ксенофонт сказал: «Преклоняюсь пред судьбами Божиими и буду неумолчно *благовременно* и *безвременне* проповедовать слово Божие; буду возвещать *всегда* и *везде*, что кроме основанной Христом Церкви с её иерархией нигде нет спасения».

И, действительно, в течение исполняющегося ныне 25-летнего служения своего, о. Ксенофонт ни разу не изменил взятому на себя обету, чему доказательством служат и официально засвидетельствованные отчеты о его деятельности и в особенности те две врученные Редакции записные тетради, с которыми читатели познакомятся ниже.

Деятельность о. Ксенофонта была направлена в течение 25-ти-летнего служения: 1) на беседы с раскольниками и сектантами, с целью убедить их в неправоте содержимого ими учения и привлечь в лоно православной Церкви; 2) на

учреждение единоверческих приходов и на устройство в них храмов и школ, и 3) на наблюдение за вновь обращенными, на чисто отеческие заботы и попечения о духовных нуждах своих духовных детей. И эти три стороны деятельности о. Ксенофонта были выполнены им в течение четверти века с чисто апостольской ревностью и христианской любовью. Остановимся, хоть вкратце, на каждой стороне этой миссионерской работы, чтобы вернее оценить и яснее себе представить громадность миссионерского дела, подъятого на мощные ралона в течении за 25 лет добротным юбиларом, о. Ксенофонтом.

Прежде всего о. Ксенофонт начал вести собеседования при церкви с. Поим, куда он и был назначен. Поим в миссионерской деятельности о. Ксенофонта является исходным пунктом, в который он и теперь возвращается после долгих путешествий по России, как в своё «постоянное местожительство». Это как бы Антиохия нашего миссионера. Сделавшись разъездным миссионером от Св. Синода, о. Ксенофонт и до сих пор не оставляет без своего пастырского воздействия заблудших овец стада Христова, своих односельчан. Теперь, за 25 лет деятельности, раскол в Поиме «совсем расшатан», по собственному выражению о. Ксенофонта. Но не то здесь было 25 лет назад.

Главное внимание о. Ксенофонт обратил на то, чтобы поколебать авторитет раскольнических начетчиков. И вот, путем собеседований в храме, при встрече с раскольниками в домах, о. Ксенофонт стремится прежде всего установить авторитет Евангелия вопреки авторитету начетчиков. Впрочем, авторитет последних был значительно поколеблен уже самим фактом обращения о. Ксенофонта из раскола в православие, того Ксенофонта Крюкова, которого раскольники с. Поим привыкли считать своим «руководителем и надеждою», который устроил для них громадную моленную и вообще был столпом Поимского раскола. Вместе с Крюковым обратился в православие и Звонов, тоже столп раскола и начетчик; потом влиятельная в Поиме семья К-х, Пимонов, поповщинский начетчик, Козлов, нетовец и т. д.

Благодаря собеседованиям о. Ксенофонта (тогда еще мирянина), между раскольниками Поима появились в 1869 г. раздоры и разногласия, как первый признак «шатания» раскола. Собеседования захватывали внимание жителей Поима, так что в 1870г., по официальным данным, «церковь едва могла вместить всех, желавших слушать». Благодетельное влияние собеседований обнаружилось и в том, что среди раскольников с. Поима к 1876 г. уже не стало обнаруживаться ожесточения к православию и хулы на Церковь. Они даже стали посещать устроенный в доме Кс. Крючкова храм, участвовать в торжественных процессиях, крестных ходах на воду и т. п. И вот с 1867 г. до 1878 г. обратилось в Поиме к православной Церкви 136 человек. С 1878 г., когда священником-миссионером в своём селе сделался сам о. Ксенофонт, обращение пошло еще быстрее. Количество прихожан к 1897 г. возросло до 682 человек: к 1902 г. это количество достигает уже 800.

Но что самое утешительное, так изменение отношений к православной Церкви со стороны раскольников с. Поима. Это служит хорошим залогом будущего возрастания и укрепления здесь православия. Характерны следующие факты. «29 августа (1897 г.), пишет о. Кс., со станции Башмакова привез я в село Поим колокол весом 260 пудов, который со станции до Поима везли народом. Такого стечения народа никогда не было. *Везли его православные и раскольники, мужчины и женщины*». Участие последних тем поразительнее, что женщины в расколе отличаются наибольшим фанатизмом. Но вообще это событие достаточно говорит об уничтожении ожесточенности среди поимского раскола. Не менее красноречив и факт систематического уклонения в последнее время начетчиков с. Поима от собеседований с о. Ксенофонтом. Так, по поводу беседы на Пасхе в 1900 г. о. Кс. записывает, что «слушателей собралось очень много; раскольники, хотя и защищались, но слабо, потому что ихние начетки отказались участвовать в беседе, почему мне пришлось сделать замечание, что... они с вас только волну емлют и тучная закаляют, а о вас не радуют, за что их св. прор. Иезекииль укоряет в 33 и 34 гл. Раскольники сознались, что ихние наставники неправы оставлять их

беззащитными. Я же им доказал, что они не ходят на беседу потому, что сознают своё бессилие и оправдать своё ложное учение не могут». Такое же уклонение от бесед замечается и дальше, так что по поводу беседы 10 марта прошлого года о. Кс. пишет: «раскольники защищались очень слабо и заметно они слабеют, а наставники ихние совсем на беседы не ходят», а после бесед на Пасхе, когда начетчик Пичугин принужден был с позором уйти с собеседования, «волнение, пишет о. Кс., было в Поиме такое, какого еще никогда не было». Всё это знамения падения раскола в с. Поиме.

Но на первых же порах своей миссионерской деятельности о. Ксенофонт обратил внимание на заблудших собратий и в других местах Пензенской епархии. Так в 1881 г. при его участии положено начало единоверию в с. Александровке, Нижнеломовского уезда, где был выстроен и освящен молитвенный дом; потом тоже было сделано им в д. Поганке; в 1882 г. в д. Шереметеве выстроена единоверческая церковь на синодальные средства, а в с. Казачьей Пелетьме, Мокшанского у., благодаря собеседованиям о. Кс., 17 домохозяев обратились в православие на началах единоверия. В 1884 г., благодаря убеждениям о. Кс., поколебался раскол в с. Ростовке, Нижнеломовского у., и вообще, по отчету Обер-Прокурора Св. Синода за 1881 г., сближение раскольников с православною Церковью, благодаря миссионерской деятельности Крючкова, обнаружилось не только в названных сейчас уездах, но еще и в Наровчатском, Саранском и Чембарском. Или, можно сказать, благодаря убеждениям о. Кс. большая часть Пензенской епархии зараженная расколом приблизилась к православию, хоть и не обратилась вполне. Таким образом, круг деятельности о. Ксенофонта вышел за пределы его прихода в с. Поиме очень рано.

Но с 1889 г. о. Ксенофонт делается Синодальным миссионером и деятельность его начинает простираться уже на всю Россию. С этого времени где он только не побывал, какие самые глухие уголки нашего отечества не посетил!... Об этом нужно было бы писать очень много. Из приведенных ниже выдержек можно будет видеть, что о. Ксенофонт посетил и

такие захолустья нашего отечества, где и не слыхивали об Евангелии и руководствовались только наставлениями своих невежественных наставников. Такие уголки, как известно, и служат любимыми гнездами для расколоучителей. Но, благодаря о. Ксенофонту, свет истины проник и сюда. Часто в записках о. Ксенофонта встречаются заметки о посещении таких дебрей. «Раскольники здесь слабые, пишет он, и не начитанные; не знают причин, по которым они разъединяются от православной Церкви. Здесь ужасная глушь и на раскольников плохо обращали внимание». То же почти пишет о. Ксенофонт под влиянием посещения глухих мест Уфимской еп., куда его пригласил преосв. Антоний (ныне Волынский), и Курской, куда он ездил по просьбе еп. Ювеналия (ныне архиеп. литовского). Заводы Уфимской губ., на которых приходилось о. Ксенофонт вести беседы, он называет «юдолю плача», а самих заблуждающихся «в полном смысле сидящими во тьме и сени смертной». Здесь до того времени «никто никогда от самого разделения раскольников от православия не вел еще ни публичных, ни частных бесед, и раскол в количестве 10 тыс. чел. находился в полном забвении и был предоставлен самому себе». И сколько таких юдолей пришлось посетить о. Ксенофонту!

Мы, повторяем, не в состоянии были бы хоть вкратце рассмотреть деятельность о. Ксенофонта вне Пензенской епархии. А потому ограничимся лишь указанием епархий, в которых он вел беседы и приблизительного указания числа их, а также количества обращенных.

В 1889 г. о. Ксенофонт был в епархиях: Оренбургской, Самарской, Воронежской, Витебской, Виленской, Петербургской и в Новгородской. Всего было произведено о. Кс. 40 публичных бесед и несколько частных незарегистрированных. Замечательно, что в Полоцке в числе слушателей были и евреи. Обратилось к православию в этом году 25 человек. В 1890 г. о. Ксенофонт посетил Воронежскую, Владикавказскую, Кубанскую область (дважды), Оренбургскую (дважды), Петербургскую (дважды), Рижскую, Пензенскую, Терскую область, Самарскую, Астраханскую и Ставропольскую епархии. Всех бесед было за

год 35, не считая частных. Присоединено было к православной Церкви 43 человека. В 1891 г. о. Кс. миссионерствовал в Кубанской области (дважды), Оренбургской, Уфимской, Терской области, Москве, Уральске, Витебской, Черниговской, Астраханской епархиях и в С.-Петербурге. – Всего было 29 бесед. О. Кс. упоминает в своих записках о 8-ми случаях присоединений к Св. Церкви. Из них самым замечательным было первое, бывшее в с. Поиме и положившее, так сказать, начало миссионерской деятельности о. Ксенофонта в этом году. Это было присоединение лжепопа Иосифа Львова. «Во время присоединения, описывает о. Ксенофонт, церковь была переполнена, как православными, так равно и раскольниками различных сект, особенно поповцами, из числа которых многие о своём духовном отце слезно плакали, а православные очень радовались. Торжество было чрезвычайно радостное для сынов православной Церкви. Раскольники же весьма упали духом от такого неожиданного удара. В 1892 г. миссионерская деятельность о. Кс. сменилась в начале года на благотворительную. По случаю голода он раздавал в Поиме сухари и денежное пособие, присланные от Св. Синода. Затем побывал в епархиях Могилевской, Черниговской (дважды), Астраханской (дважды), Новгородской, на Кавказе, Оренбургской, Витебской и С.-Петербурге. Всего произведено было 25 бесед. Этот год особенно был обилен в деятельности о. Ксенофонта присоединениями и устройством единоверческих церквей. Особенно много было присоединений в с. Поиме, где много влияла на расположение раскольников к православию благотворительность православной Церкви по случаю голода. Была устроена на средства Св. Синода бесплатная столовая на 220 чел. Это было таким могучим фактором, что в течение второй недели в. поста один только сын о. Ксенофонта о. Иоанн Крючков присоединил 280 человек. Сам о. Кс. присоединил в этом году более 334 человек в разных местах России. В 1893 г. о. Кс. начал свою деятельность с с. Поима, а потом был в еп. Воронежской, Екатеринославской, Херсонской, Астраханской, Оренбургской, Симбирской, Черниговской, Киевской и Кишиневской. Всего было произведено о. Кс. 27 публичных

бесед, а с частными свыше 30. Из частных особенно замечательна беседа с лжеепископом Силуаном, сидевшем тогда в тюремном замке в Екатеринодаре. Присоединений было к православию 44. Из них особенно замечательным было присоединение Стародубского покровителя раскола Аф. Ив. Шведова, богатого купца-миллионера, помогавшего потом о. Кс. в устройстве единоверческих храмов. В 1894 г. миссионерские беседы производились в Кишиневской, Ставропольской, Черниговской, Пензенской, Уфимской, Тульской и Оренбургской епархиях, а также на Кавказе и, конечно, в с. Поиме. Всех публичных бесед было сделано 28, а присоединений было 19 и из них большая часть падает на Поим. В 1895 г. о. Ксенофонт начал свою деятельность с С.-Петербурга, а затем был в еп. Черниговской, Кишиневской (дважды), Нижегородской, Владимирской, Астраханской, Витебской, Тверской и Костромской, а также в с. Поиме. Костромской еп. в этом году было особенно много уделено внимания. Здесь было произведено с 29 ноября по 17 декабря 14 бесед, а всего в этом году 32 публичных беседы. Из присоединений о. Кс. упоминает только об одном, но действительно замечательном. Начетчик В. М. Ильин нарочно приехал в СПб. из Вольска (Сарат. г.) для того, чтобы защищать раскол, но после беседы заявил о своём желании присоединиться к Церкви православной, что и было исполнено 26 января. В 1896 г. о. Кс. начал собеседования с с. Поима, а потом был в Петербурге, и в епархиях: Оренбургской, Костромской (дважды), Пензенской, Нижегородской и Кишиневской. Всех публичных бесед было 27, да, кроме того, замечательных 2 частных с знаменитым Он. Швецовым в доме известного Нижегородского купца Н. Л. Бугрова. В этом году было 57 присоединений к православию, и из них наиболее замечательным было присоединение в г. Костроме лжепопа И. З. Кузнецова с женою и 2 детьми. В 1897 г. о. Ксенофонт отправился прежде всего в Курскую епархию, а потом после краткого пребывания в Поиме он отправился в первый раз в Сибирь и был здесь в разных деревнях Барнаульского округа. Затем о. Кс. был в Тирасполе (Херс. еп.), в Казани, в Выксе (Ниж. еп.), Поиме, Астрахани, на Кавказе, снова в Курской

епархии, опять в Поиме и Костромской епархии. Всех публичных бесед было произведено 28, а присоединено из раскола 111 человек. В 1898 г. о. Кс. начал миссионерскую деятельность с Поима. Потом был в Нижнем Новгороде, Тирасполе, в епархиях: Курской, Нижегородской, Костромской, где в 9 только деревнях своими беседами обратил 105 человек. «Во время причащения, описывает отец Ксенофонт, радость была, которой не может высказать самый витиеватый язык». Затем, о. Кс. был в Херсонской епархии и снова в Костромской.

Публичных бесед в этом году было только 10, а присоединений больше даже, чем в 1892 г., а именно 677 человек. В 1899 г. о. Кс. был в Костромской губ., гг. Ростове на Дону, Тирасполе, епархиях – Новгородской, Оренбургской, Владимирской и Костромской. Публичных бесед о. Кс. произвел 16, а 124 человека обратились из раскола в православие. Из них в одной деревне Малая Арья (Костр. еп.) сразу после беседы изъявили согласие на присоединение 100 человек. В 1900 г. о. Кс., начавши свою деятельность с с. Поима, посетил г. Оренбург, епархии – Костромскую (дважды), Херсонскую (дважды) и Кавказ. Всех публичных бесед было 22. Этот год также довольно богат обращениями. Из них в нескольких деревнях (Боженки, Сидоровой и др.) Костромской губ. обратилось сразу 238 чел. Таким массовым обращением раскольники обязаны одному своему наставнику Ф. Н. Смирнову, который, в целях исследования истины, сам ездил в Москву, где познакомился с о. Кс. и просил его приехать на беседу с раскольниками. Слово о. Кс., упавшее на подготовленную почву, и произвело такое массовое обращение. Такую же роль выполняет и один урядник станицы В-ской на Кавказе Е. Л., который после публичной беседы, на которой он выступал оппонентом, заявил наедине о. Кс., что он «тайно подготовляет свой приход к соединению с православною Церковью». Замечательно также заявление, сделанное о. Кс. начетчиками поморцами в ст. Керельметской на Кавказе, которые «решились оставить раскол, только просили их свозить в Москву и Киев посмотреть св. мощи и библиотеки». Это желание их было исполнено и о. Кс. сам ездил с ними в Поим,

Москву, Киев, Чернигов и Петербург. В Киеве, пишет о. Кс. в своих записках, «мы тщательно осмотрели правую руку преп. Спиридония Просфорника, рука у которого сложена для крестного знамения троеперстно, в чём поморские начетчики вполне убедились. Из Киева же начетчики поехали в Чернигов для осмотра мощей святит. Феодосия». Кроме этих начетчиков в 1900 г. обратились еще трое в с. Плоском (близ Тирасполя) вместе с лжепопом Андреем и его семейством, при чем лжепоп был вскоре посвящен в православного священника. В 1901 г. о. Ксенофонт снова посещал Кавказ и новообращенные в 1900 г. деревни Костромской еп. (дважды). На Кавказе, не смотря на убежденность начетчиков, ездивших в Москву, Киев и др. города, единодушия между прихожанами не образовалось, а потому и дело обращения их было отложено, а в Костромской еп. прошлогоднее присоединение дало обильные плоды и вновь присоединилось 170 человек. В других местах на Кавказе были присоединения: главного начетчика д. Керельметской Исидора Кривцова, который тоже ездил в Москву и Киев и лет 5 исследовал истину православия, а также 12 человек из хутора Еременского. Теща одного из присоединившихся ночью сожгла, по фанатизму дом своего зятя. Затем, о. Кс. был в Оренбургской (дважды) и Уфимской епархиях. Всех публичных бесед было произведено в этом году 17, а присоединено к православию 310 человек. В 1902 г. о. Кс. посетил епархии – Орловскую, г. Саратов, с. Поим (трижды), Саратовскую епархию, Херсонскую, Полтавскую, Сибирь (Екатеринбург и его окрестности), Харьковскую епархию, Н.-Новгород, Тирасполь, Плоское, гг. Кременчуг и Харьков. Всего было произведено 28 бесед; из них 9 было сделано в течение 2 недель в одном Екатеринбурге и с. Каргапольском и Брылинском. Беседовать здесь приходилось о. Ксенофонту с 7-ю известными раскольничьими апологетами, во главе которых стояли Перетрухин, Коновалов и Усов. Из этих собеседований о. Кс. вышел с честью, а Коновалов – нетовец, и Усов – австриец, своими взаимными обличениями друг друга, показали раскольникам, что нет истины ни у безпоповцев, ни у австрийцев и, таким образом, косвенно послужили делу миссии.

Присоединено было к православной церкви о. Ксенофонтом в 1902 г. более 109 человек. Из них 60 были австрийского согласия, несколько перешедших даже в присутствии своего учителя-апологета Перетрухина после беседы с ним о. Кс. в с. Голяевке (Сарат. г.); 7 человек перешли в православие после бесед с Коноваловым в Брылинском; там же просили о присоединении и еще несколько женщин, но о. Кс. спешил в Екатеринбург.

Итак, только за время с 1889 г. по 1902-й о. Ксенофонтом было произведено 364 беседы и более 2107 обращений. Сколько было посещено им епархий, а в них темных и захолустных уголков, сколько добрых семян там засеяно, которые несомненно дадут со временен хорошие всходы! Царствие Божие создается внутри человека и Дух Божий «дышит, идеже хочет». Так, может быть, случится и со всеми собеседниками о. Ксенофонта, если коснется их сердца благодать Духа Св. Во всяком случае, заметно прогрессивное увеличение обращений с каждым годом, так что это явление, хотя и в области духа, но можно сравнить с увеличением снежной лавины. Деятельность о. Ксенофонта и его талантливые беседы произвели в расколе заметную расшатанность, особенно после многих случаев обращения начетчиков и лжепопов. Последние, как мы приводили уже факты выше, начинают вследствие этого в последнее время уклоняться от бесед. Не являются иной раз на беседы и рядовые раскольники. Но и без раскольников беседы о. Кс. приносили пользу православным, присутствовавшим на них, укрепляя их в вере и давая им оружие против раскольников. В прошлом году, 13-го ноября, в с. Плоском раскольники даже устроили ложную пожарную тревогу на колокольне с тем, чтобы воспрепятствовать беседе о. Ксенофонта. Но обман обнаружился, а беседа все-таки продолжалась. А самые приемы раскольников служат лучшим доказательством того, какое миссионерское значение имеют для православия беседы с ними о. Ксенофонта.

Сам о. Ксенофонт придает большое значение еще устройству единоверческих приходов, храмов и школ в местах,

зараженных расколом, и с этим нельзя не согласиться. Ведь в большинстве случаев раскол исключительно держится тьмой и невежеством, выбирая для себя самые глухие углы нашего отечества. Иной раз и православные по необходимости ходят в раскольничьи моленные и совращаются там, ибо храмы отстоят в некоторых епархиях от деревень верстах в 40. Школы дадут некоторое развитие религиозной мысли населения и помогут ему вырваться из предрассудков раскола. Вот почему вместе с беседами другою стороною миссионерской деятельности о. Ксенофонта является храм- и школо-здательство. Теперь о. Ксенофонтом построено храмов уже более 100 и учреждены при них единоверческие приходы. К сожалению, и здесь о. Кс. испытал в этом добром деле немало препятствий и даже с той стороны, с какой менее всего нужно было этого ожидать. Но дело Божие, не смотря на них, росло и крепло. В последнее время храмы и единоверческие приходы, а также церковно-приходские школы при них растут очень быстро, благодаря разным благодетелям, которых опять-таки умеет отыскивать и располагать к пожертвованию о. Ксенофонт. Достаточно сказать, что за один только 1901 г. было выстроено 4 храма и школы в с. Боженках, Сидорове, Костромской губ. и др. местах. Мы не будем подробнее описывать эту сторону деятельности о. Ксенофонта, так как это, с одной стороны, потребовало бы еще много места в журнале, а с другой, составляет, собственно, практическую сторону деятельности почтенного миссионера, которая и найдет, конечно, место в его будущей биографии, материала для которой в записных тетрадях о. Кс. вполне хватит.

Обращая раскольников в православие о. Ксенофонт не оставался равнодушным к их последующей судьбе. Как духовный отец своих чад, он с апостольскою ревностью заботился об их дальнейшем духовном возрастании. Этой цели он достигал неоднократными и частыми посещениями обращенных, иногда дважды в год, не смотря ни на какие расстояния. Если бы возможно было сосчитать, сколько сделано было для этого о. Ксенофонтом верст на лошадях по глухим, проселочным местным дорогам Костромской, Нижегородской и

др. губерниям! Так, напр., в 1900-м году относительно посещения с. Плоского о. Ксенофонт пишет в своём дневнике: «село Плоское я посещал в июне и еще в июле и укреплял в православии юную паству, которая очень терпит от раскольников гонение за переход в православие из ихнего раскола».

Для характеристики миссионерской деятельности и приемов миссионерствования о. Ксенофонта мы пользовались самоличными записями дневника почтенного о. миссионера.

Пред нами две довольно объемистых записных тетради о. Кс., заключающих в себе дневник миссионерской работы почтенного деятеля, начиная с 1889 г. и по нынешний.

Дневник этот был веден о. Ксенофонтом лично для себя, а не для печати. Но на то тем больше искренности в нём. И сколько есть страниц, видимо, написанных под свежим впечатлением минуты, сколько здесь излито скорбей о заблудших чадах! Как живо и талантливо, но вместе с тем и сжато, переданы все беседы, которые вел о. Кс. с разными представителями раскола и даже сектантства! Эти тетрадки можно сравнить с «Книгой бытия моего» преосв. Порфирия (Успенского). Опубликование их в будущем даст много интересных материалов по истории состояния раскола, отчасти и сектантства, за описываемый о. Кс. период времени его деятельности. Они послужат для читателей и хорошей школой практического метода ведения бесед с раскольниками и их начетчиками.

Благодаря совершенно эпическому складу, которым изложены эти записи у о. Ксенофонта, самые беседы, веденные им, не смотря на общее их сходство и даже однообразие, встают однако в воображении читателя, как живые картины. Из этих тетрадей пишуший эти строки более всего познакомился с духовной личностью о. Кс. и характером его миссионерской деятельности. Прочитав их, невольно вспомнишь слова, поставленные в эпиграфе: *«много раз был в путешествиях, в опасностях... в труде, и в изнурении, часто в бдении, часто в посте, в стуже»* (2Кор.11:26,27). Повторяем, невольно припоминается указанное место из посл. ап. Павла, когда

читаешь в дневнике о. Кс. строки в роде следующих. «24-го был я в слободе Красный Лог» (Воронежской губ.), и затем прибавляет далее в скобках, как нечто не относящееся собственно к цели записей, но случайно попавшее под перо. «Ехавши туда ночью, сбились с дороги. Была во время пути метель и я совсем было замерз». Но таких заметок, не относящихся к предмету миссионерства, в тетрадях немного и это не потому, конечно, что во всех других случаях о. Кс. ездил с удобствами, а потому, вернее думается, что об этой тяжелой стороне миссионерских трудов о. Кс. не любит говорить. Эта черта присуща вообще всем деятелям, которые ставят на первый план не свои личные удобства, а то дело, которому они служат и которое составляет содержание и цель их жизни.

Не менее характерно для обрисовки миссионерской деятельности о. Кс. и другое из немногих субъективных замечаний о поездке в Сибирь в 1902 уже году. «Первая моя беседа, пишет о. Кс., состоялась с нетовцем слепым Коноваловым в с. Каргопольском, Пермск. губ., 21 июня. Место для первого собеседования было назначено в с. Брылинском, Тобольской губ., верстах в 40 от Каргопольского. Поэтому я прежде прямо и приехал в это село, предназначенное для первых собеседований, но так как Коновалова здесь не обрелось и я получил известие, что он метит попасть прежде в Каргопольское, то и поспешил отправиться в это село». Пробыв там два дня, о. Кс. снова едет в с. Брылинское. А дороги, по которым приходилось ездить о. Кс., да и вообще нашим миссионерам, достаточно обрисовываются словами о. Кс., который иногда делает заметку в тетрадках: «глушь здесь ужасная»; или «дороги, не приведи Бог, какие».

Самая обстановка бесед была иногда не менее лишенной, не говорим комфорта, а и самых малых удобств. Хорошо, если приходилось вести беседу в храме, а то большею частью в деревенских домах, куда набиралось множество народа и при этом беседы длились очень долго. Обыкновенная продолжительность бесед ровнялась 4–5 часам, но очень часто бывали такие беседы, которые начинались вечером, а оканчивались в 3–4 часа утра, или, начавшись в 10 ч. утра,

продолжались до 11 ч. вечера, «т. е. 13 часов, замечает о. Кс., с 15-ти минутным перерывом». Сколько нужно бодрости и внимания, чтобы быть столько времени в напряженном состоянии, выдерживая оборонительное положение от расколоучителей, доказывая их неправоту и стремясь вместе с тем убедить слушателей из раскольников оставить своё заблуждение и вернуться в лоно Церкви!

За то какую радостью дышат записи о. Кс., если беседа достигала этой последней цели. Вот что пишет он после беседы в мещанской управе г. Херсона. Беседа происходила здесь при самых неблагоприятных условиях. «Во время беседы такое было стечение народа, что подобного я нигде не встречал; кажется, не одна тысяча присутствовала. Давка в народе была ужасная, жар был более 40 градусов. Беседа каждая (их было две) продолжалась более 4 часов. Не смотря на всю эту тесноту, народ слушал с усердным вниманием. Раскольники окончательно остались безответными; я же им доказал и выяснил, в каком виде Иисус Христос создал Церковь Свою, о которой сказал, что её врата адова не одолеют, а преслушники Его святой Церкви есть язычники и мытари, в лице которых оказались раскольники и другие сектанты. *Слава Богу! Труд, который был понесен во время бесед, не остался без вознаграждения. Господь Бог утешил нас*, так что 3-го марта трое начетчиков оставили раскол и присоединились к святой Церкви... Во время присоединения Церковь была переполнена народом. Присоединяющиеся во все время присоединения плакали, так же плакали и многие зрители. *Торжество было в храме несказанное, какого еще никогда не было. Это был первый случай, так как в г. Херсоне бесед с раскольниками никогда не было; а о присоединении и понятия никто не имел*». Сколько, с другой стороны, требуется терпения, чтобы окончить беседу мирно тогда, когда расколоучители поднимают шум и даже, выйдя из себя, начинают ругаться. Таких случаев отношения к миссионеру расколоучителей и начетчиков записано у о. Кс. очень много. Вот, например. «Состоялась беседа в с. Масловском (Воронежской еп.) в доме местного священника, на которую явился местный лже-поп Николай в

весьма нетрезвом виде и, не имея возможности защищать своё лживое и безблагодатное священство начал всех присутствующих ругать самыми неприличными словами». Или, тоже самое было в беседе с известным Мельниковым в Измаиле, который не мог показать о. Ксенофонту из св. Писания, чтобы Церковь могла остаться без иерархии. Беседа длилась 16 часов и Мельников «со товарищи» разразились, наконец, ругательствами. «Ругались, пишет о. Кс., самыми дерзкими словами, порицали православие, Высочайшую Особу и всё правительство. Беседа была самая глумная и строптивая, на которой выяснить истину было совершенно невозможно». На следующей беседе, замечает о. Кс., «Мельниковы меньше ругались, почему беседа произвела хорошее впечатление на слушателей». Те же Мельниковы доходили до сильных оскорблений на беседах. Так было, напр., в Митьковке, Черн. губ. Вместо условленного количества времени Ф. М-в, пишет о. Кс., «говорит цельный час; я останавливаю и прошу дать мне слово для замечаний. Мельников не останавливается и, не обращая внимания на мою просьбу, говорит другой час, а брат его Василий и др. заправилы раскола подстрекали М-ва, говоря: «читай, читай, не обращай внимания на Крючкова». Более двух часов происходило словопрение. Миссионер Рябухин начинает любезно уговаривать М-ва остановиться и дать мне беседовать. Мельников громко кричит: «отвяжись от меня; замолчи, нечистая сила»! На священника о. Юдина кричит: «сапожник ты – сапоги тебе шить, голяки точать». С этими словами М-в стал размахивать руками, как сапожники шьют сапоги... Среди раскольников – смех. Таким образом беседа в страшном беспорядке продолжалась до 4-х часов утра, всю ночь». Мы нарочно приводим подробно эти выписки из «Книжиц бытия о. К.», чтобы нашим интеллигентным людям, не знакомым с нашими расколо-сектантами и с характером ведения бесед с ними и склонным часто идеализировать их, показать, с каким, собственн, жестоковым народом приходится иметь дело нашим миссионерам! И это в течение четверти века! Таких, как Ф. М-в, не стесняет, ведь, даже присутствие в храме Божиим. Так, беседа в храме посада Добрянка с тем же М-вым «до того

была шумная, пишет о. Ксенофонт, что и высказать невозможно. Продолжалась она до 3 ч. утра. М-в чрезвычайно дерзко оскорблял миссионеров, называя их актерами и т. п.». И среди таких оскорблений, шума и упрямства о. Кс. всегда сохраняет удивительное спокойствие духа, которое и дает успех его беседам. Такова, так сказать, общая характеристика о. Кс. как человека и миссионера. Теперь оглянувшись в частности на то, что было сделано почтенным юбиляром за истекшие 25 лет его деятельности и на что, главным образом, была она направлена, прежде всего, в наш век холодного неверия и угасания идеалов, четверть-вековые труды о. Кс. невольно удивляют и поражают нас, и хочется спросить, что подвигало человека на этот тяжелый, тернистый подвиг миссионера? Не ошибемся, если скажем, что двигала им вера в правоту церковного дела, а больше всего глубокая *любовь* к заблудшим. Как часто эта сердечная любовь к ним проглядывает в его дневнике. По поводу беседы в Юрезони (Уф. еп.) с поморцами и часовенными (в 1894 г.) о. Кс. пишет: «Раскольники очень малограмотны и *никто* с ними бесед не ведет *никогда*, здесь *раскол* совсем оставлен на произвол судьбы, книг противораскольнических *никаких нет*. Православные от раскольников забиты в религиозном отношении и точно живут у раскольников в плену. Все места видные занимают на заводе поляки и раскольники. Инспектор народных училищ поляк. Православных священников в приходе два. Расколом они совсем не занимаются. Заметно, что почва здесь совсем невозделанная. *Тьма царит в полной силе своего невежества*. С раскольниками я вел беседы о различных предметах. Старался, хоть несколько, посеять в них веру во св. *Евангелие*, о котором здесь и *понятия нет*. Разъяснял им о св. Церкви, в каком виде её Иисус Христос создал, о её вечности и неодоленности вратами самого ада. Затем доказал им, что вне Христовой Церкви спастись невозможно; так же было много говорено и о св. Причащении Тела и Крови Господней, которых они не причащаются. На это часовенные сказали, что они имеют у себя запасного Агнца от древних лет, который раздробляют и причащаются по нужде каждый год. Исповедь они совершают

перед простым мирянином, который яко бы имеет преемственное рукоположение от древних священников! О! глубина невежества! – восклицает о. Ксенофонт, – и никто о просвещении этих жалких людей нисколько не заботится»! Сколько истинно апостольской ревности и любви видно в этих приведенных строках. Эти-то качества и соделали из о. Ксенофонта, при благодати Божией, то, что он есть.

Мы намеренно остановились более подробно на проповеднической деятельности нашего юбиляра и привели немало выдержек из его дневника, чтобы дать и другим нашим миссионерам, особенно начинающим, примеры, которые бы ободряли их на тяжелом поприще миссионера и давали бы в лице о. Ксенофонта и руководственные начала для их деятельности. Но мы не забываем и о смирении автора, которое он часто высказывает в своих писаниях, приводя слова св. ап. Павла, «Аще благовествую, нет мне за это похвалы, горе мне, аще не благовествую». Пусть эти последние слова и будут девизом всех наших миссионеров. Самому же юбиляру пожелаем еще много лет и сил для деятельности на пользу св. Церкви Божией и заблудших чад!

Свящ. М. Лисицын

Из записок и дневников

**Смирягин А., свящ. Из пастырской хроники
сельского священника.²⁴⁹ (У гр. Л.Н. Толстого в
Москве на Хомовниках) // Миссионерское обозрение
1903 г. № 18. С. 1065–1078**

В моё время в Петербургской духовной академии был прекрасный обычай: каждый студент, переходящий на 4-й курс, мог сам выбирать из массы предложенных профессорами тем для кандидатских сочинений ту, которая ему нравится, над какой он лично хотел бы поработать; мало того, каждый студент мог сам придумать себе тему для кандидатского сочинения и заявить о том профессору, к предмету которого относится желаемая тема; разумеется, над такими темами студенты работали с удовольствием. С разрешения Ф. А. Тихомирова, темой для своего кандидатского сочинения я избрал: «Религиозно-философские воззрения графа Л.Н. Толстого и их критический разбор». На эту работу я смотрел не как на средство получить ученую степень; для этого можно было взять тему гораздо легче; я хотел при этой работе окончательно выработать свои убеждения, примирить бывшие противоречия в моих взглядах на некоторые предметы, чтобы вступить в жизнь с цельным мирозерцанием. Разумеется, в течение года, – установленного времени для подачи кандидатского сочинения, – я не успел этого сделать. Проштудировав все печатные и литографированные произведения Л.Н. Толстого, существующие на русском языке, а также, перечитав лучших критиков его, я все-таки не уяснил себе многих взглядов графа. Тогда я постарался познакомиться с некоторыми его петербургскими друзьями и от них (особенно же от П. И. Б-ва и Л. Е. О-го) получил очень ценные указания; они познакомили меня даже с хранившимися у них частными письмами Л. Н-ча. Но на некоторые важные «недоуменные» вопросы и они не могли дать удовлетворительных ответов и предложили мне съездить в Москву и лично переговорить с графом. Скоро представился удобный случай и я поехал. Это было в половине марта 1888 года.²⁵⁰ По данному мне адресу разыскал графский

дом в Долгохамовническом переулке: при входе в ворота чуть не наехала на меня коляска с дамами; как после узнал – это дочери графа поехали в театр. На дворе встретил меня благообразный старичок с лицом искреннего сектанта, ликующего в душе, что наконец-то он нашел «правду», и показал, куда идти. Вхожу и спрашиваю лакея: «Нельзя-ли видеть графа Льва Николаевича?» – «А как о вас доложить?» – «Скажите, что его желает видеть Смирягин». Вероятно, из Петербурга ему писали обо мне, так как лакей сейчас-же вернулся и говорит: «пожалуйста». Из передней я поднялся вверх по широкой лестнице, прошел порядочную площадку и спустился вниз по лестнице, ведущей прямо в кабинет графа. Вхожу, граф встал с кресла: рекомендуюсь; рекомендуется и он; рассказываю, зачем пришел к нему. «Очень рад; готов служить, чем могу», говорит граф и просит садиться. Помню, он был в синей блузе с кожаным поясом и в крестьянских сапогах: особенно бросилась мне в глаза массивная дубовая мебель, широкие кресла-стулья с кожаными сиденьями; вообще обстановка кабинета вполне гармонировала с угрюмым и несокрушимым хозяином его. Пробыл я у графа около 7 часов; из долгой беседы с ним передал самое главное. Прежде всего он попросил меня не стесняться в выражениях, заботиться не о том, понравится-ли ему моя речь, или нет, а о том, чтобы как можно точнее выражать свои мысли: «я, говорит, тоже не буду стесняться».

«В ваших сочинениях, говорю, есть много мест, на основании которых можно думать, что вы считаете И. Христа то Сыном Божиим, как учить православная Церковь, то человеком. Скажите прямо: кто Он по вашему мнению?» – «По моему убеждению И. Христос не Бог, не Сын Божий, а смертный человек, как и мы, только стоящий неизмеримо выше всех гениальнейших людей, так как Он открыл нам волю Божию и указал самый легкий путь к счастью». «Значит, вы держитесь учения Христа не потому, что считаете Его Богом, а потому, что это учение, *по вашему убеждению*, самое высокое и самое полезное для людей?» – Да». – «Значит, если явится другой человек и предложит новое учение, стоящее, *по вашему*

мнению, выше евангельского, то вы оставите Христа и пойдете за тем человеком?» – «Да, я оставлю Христа и пойду за тем человеком». Это подлинные слова графа; они глубоко врезались в мою память. Видно было, как тяжело ему высказать их; он нахмурился, сдвинул брови, опустил на грудь голову и после некоторой паузы произнес эти слова глухим, мрачным голосом. Нужно заметить, что лоб у Толстого, при его высоком росте и массивном складе всего тела, кажется сравнительно узким и низким, но развит он необычайно; лобные кости выдаются над глазными впадинами чуть не на целый вершок; насколько мне известно, такого удивительного лба не было ни у кого из великих людей. Странные превращения бывают с лицом графа. Когда говоришь ему что-нибудь приятное, согласное с его взглядами, то лицо его (обыкновенно суровое) проясняется, морщины расходятся, глаза получают такое нежное, любящее выражение, что невольно спрашиваешь себя: он-ли это? За то, когда говоришь неприятное ему, указываешь допущенные промахи и неудачные выражения в его сочинениях, то лицо его хмурится, голова опускается всё ниже и ниже, седые брови сжимаются и нависают над глазными впадинами, – тогда на него, право, страшно смотреть. В это время граф невольно напоминал мне Гоголевского Вия, как он изображается на раскрашенных картинках, и именно в тот момент, когда говорит: «А поднимите-ка мне веки!»

Заговорили о Боге. «Вы, православные, начал граф с едкой иронией, обращаетесь с Богом за панибрата; изучили его со всех сторон; знаете, что Он Дух вечный, всеблагий, всеведущий и т. д. Это кощунство! О Боге мы ничего не знаем, так как Его не видел никто: и давать названия Ему, приписывать ему разные свойства мы не имеем права, *«даже местоимение Он умаляет Бога»*. «– Да, говорю я, и, по православному учению, существо Божие непознаваемо; мы знаем лишь проявление Его в мире, лишь то, что Ему угодно было открыть нам о Себе в видимой природе и в священном Писании». – «Неправда! И. Христос не описывал нам Бога; это те м...ы, которые по своему переделывали Евангелие, приписали Богу разные атрибуты». – «Нет, говорю, все атрибуты, приписываемые Богу

христианскими догматиками, приписываете и вы в своём, по вашему мнению, вполне исправленном Евангелии». – «Неправда!» Я достал из кармана список цитат и выдержек из Евангелия Толстого, вполне подтвердивших мои слова. – «Значит, я при спешной работе сделал промахи», согласился граф; «да и не в этом суть дела, во всяком случае благодарю вас за указание». «Вот, говорю, вы проповедуете, что нужно всем людям делать добро, не обижать, не оскорблять их, не смеяться и над действительными их недостатками, а исправлять их любовью, а сами в своей брошюре «Церковь и государство» позволили себе глумиться над верой многих миллионов христиан в нетление мощей; ведь для верующего человека насмешка над верованиями, над его святынями более всякого грубого физического насилия». – «Да; я сам сожалею, что появилась эта брошюра». – «Разве не вы пустили её в свет?» – «Нет; я написал её в порыве раздражения православными по поводу одного случая (какого именно не сказал, а спрашивать неудобно было), и забыл о ней. Во время моей болезни я лежал на кровати; приходит один приятель и спрашивает; «не написали-ль чего новенького?» – «Посмотрите, говорю, на письменном столе». Он пошел и между прочим взял начатую мною несчастную брошюру и издал её без моего согласия».

«Почему, спрашиваю, вы думаете, что именно вы верно поняли учение Христа и только вы, а не кто другой?» – «А вы почему думаете, что ваше понимание Евангелия вернее моего? – Потому, говорю, что так понимали учение Иисуса Христа Его ближайшие ученики-апостолы, с которыми Он часто и особенно от народа беседовал об устройении Своего царства; так понимали его и мужи апостольские, своими глазами видевшие Иисуса Христа, своими ушами слушавшие Его. Если они не поняли или неправильно поняли что-нибудь в учении Христа, если у них являлось какое-либо сомнение или недоумение, то они немедленно могли обратиться к своему Учителю и Он наставил бы их; Он Сам, увидевши, что ученики не точно поняли Его, непременно вразумил бы их. Кроме того, апостолы и ближайшие преемники их были современниками Иисуса

Христа, жили в тогдашних условиях; лучше других знали взгляды и обычаи тех людей, которым проповедовал Христос, а известно, что Он приспособлялся к развитию и пониманию своих слушателей. Преемники мужей апостольских, Отцы церкви, оставившие нам подробнейшее объяснение Евангелия, жили в первые века христианства, несравненно ближе нас к Основателю его и Его непосредственным ученикам, жили в то время, когда религиозные вопросы считались самыми важными для людей, – не так как теперь. Несомненно, они лучше нас понимали учение Иисуса Христа; потому мы, православные, и верим их толкованиям». – «Ну, вы так думаете, а я думаю, что со временем люди могут понять и поймут учение Христа лучше самих апостолов». – «Чем вы докажете, что именно вы и именно в настоящее время правильно понимаете учение Спасителя? а пока не будет такой уверенности простой народ не пойдет за вами». – «Кто знает?! здесь, в Москве, есть простой человек Н. Д. С-н, он разделяет мои взгляды и усердно распространяет их чрез свои издания». «Скажите, пожалуйста, вы не помогали М. С. Громеке писать его удивительный разбор «Анны Карениной». – «Нет; он любил меня, потому и написал прекрасный этюд. И вы, если хотите написать хорошее сочинение о моих трудах, полюбите меня. Ах, если бы вы знали, какой он (Громека) был прекрасный человек», вздохнул Толстой. Жаль, что я не спросил его тогда: «почему же этот человек, вполне разделявший ваши взгляды и, значит, хорошо понимавший, как нужно жить «по божьему», – наложил на себя руки?» Во время нашей беседы лакей несколько раз подходил к двери кабинета и докладывал: «Ваше сиятельство! к вам пришел такой-то; вас желает видеть такой-то» – и Толстой обыкновенно отвечал сквозь дверь: «некогда; пусть зайдет завтра». Когда в дверь постучал кто-то из близких знакомых графа и спросил: «можно войти?» он сказал: «Ах, извините! сейчас занят; подождите в зале» и очень громко крикнул из кабинета: «Марья Львовна! Займи (если не ошибаюсь) Василия Петровича». Во время этих перерывов я несколько раз поднимался, чтобы уйти, так как уже получил от графа разъяснение главнейших недоумений и считал невежливым так

долго занимать его своей особой, но Толстой каждый раз сам удерживал меня. «Мне так приятно поговорить с вами; я очень редко встречаюсь с людьми вашего лагеря». Затем Лев Николаевич стал расспрашивать меня об академической жизни, о студентах и профессорах; я откровенно отвечал ему. Когда стал говорить об о. Антонии (Храповицком), граф заметил, что несколько знает его по его сочинениям; «видно, прекрасный человек». – «Вы читали его магистерскую диссертацию о свободе воли?» – «Читал; вообще я много читаю православных богословов; и в настоящее время с удовольствием изучаю сочинения Бухарева». Мне приходилось читать лишь неважное исследование диакона Бухарева о 3 книге Ездры и потому я выразил изумление, чем могла заинтересовать графа эта брошюрка. Оказалось, что он читает произведения другого Бухарева, известного архимандрита, а я до того времени и не видал его сочинений. После долгой беседы он спросил меня: «скажите, пожалуйста, как вы думаете распорядиться собою? Какое изберете поприще для деятельности?» – «Думаю поступить в сельские священники». – «Ах, очень рад, очень рад!» – воскликнул Толстой и пожал мне руку. Я улыбнулся и говорю: «Как же вы радуетесь тому, что я буду православным священником, когда сами ненавидите православных, а особенно православное духовенство?!» – «Кто вам это сказал? – искренних православных я люблю и уважаю. Профессор здешнего университета протоиерей Иванцов-Платонов лучший мой друг; я бываю у него, а он навещает меня. Пред некоторыми православными священниками я готов поклониться до земли. Моё задушевное желание съездить к о. Иоанну Кронштадтскому и побеседовать с ним; вот истинный христианин и истинный пастырь. Но много-ли таких? Я знаю только одного подобного ему священника и то случайно узнал, ехал летом по Волге на пароходе в III классе, народу была масса; слышу, что мужики о чём-то горячо рассуждают между собою и всё вспоминают какого-то (если я не забыл) о. Николая; меня заинтересовало это. Спрашиваю: «что он за человек». – «Да разве ты не знаешь?» и стали наперебой рассказывать. Оказывается, это простой священник одного из приволжских сел

(опять, если не забыл) Самарской или Саратовской губернии; совершенный бессребреник; помогает всем, кто идет к нему; нуждающимся отдает с радостью даже последнее. *Если бы у православных побольше было таких пастырей, никогда не отделялся бы я от православной Церкви. А то на словах постоянно проповедуют учение Христа о любви к ближнему, и сами же первые не исполняют его.* Как вы думаете, допустят меня к о. Иоанну Кронштадтскому? примет он меня? Я хочу лично выразить моё глубочайшее уважение к его деятельности». – «Отчего-же», говорю: «по моему мнению, он с радостью встретит вас. Если хотите, я, вернувшись в Петербург, поговорю, об этом с о. Антонием (Храповицким, исправлявшим тогда должность инспектора академии), а он достоверно всё узнает чрез ректора академии (епископа Антония Вадковского, теперешнего митрополита Петербургского)». – «Ах, пожалуйста, устройте это свидание; я буду весьма признателен вам». – Я обещал и когда явился в академию, то дословно передал о. Антонию мою беседу с графом Толстым и его просьбу относительно свидания с о. Иоанном Кронштадтским; о. Антоний обещал переговорить об этом с ректором; не знаю, говорил-ли он и что вышло из сего. Скоро начались экзамены в академии, а я, представивши кандидатское сочинение и узнавши прекрасный отзыв о нём о. Антония, которому поручено было рассмотреть мою работу, уехал домой.

Но вернемся к Толстому. Часов пять просидел я в кабинете графа, около 12 часов ночи явился лакей и доложил: «чай подан». Я опять встал, чтобы уйти. «Нет, говорит граф, пойдемте чай пить; я познакомлю вас с моей семьей и с моими друзьями. В столовой уже было довольно народу; граф всем представил меня. Почти все мы расположились на одной стороне очень длинного стола, а графиня Софья Андреевна сидела на другой стороне у самовара и разливала чай. Она более всех поразила меня. Представьте себе удивительную красавицу с замечательно добрым, симпатичным и умным лицом. Когда я читал «Анну Каренину», то был уверен, что пленительный образ невесты Левина (т. е. самого графа Толстого) – лишь плод воображения влюбленного, как говорят,

до безумия пылкого молодого человека; но увидев графиню, когда ей было уже 46 лет, я должен был сознаться, что Толстой нисколько не льстил ей в своём знаменитом романе. В её черных, как смоль, волосах тогда еще не было заметно седины: на руках она держала маленького, чуть ли не грудного ребенка и варила ему на спиртовой лампочке какую-то кашу. В тоже время она принимала самое живое участие в религиозных и философских спорах гостей и, заметьте, не как дилетантка, а как человек хорошо знакомый с обсуждаемыми предметами. Во время застольной беседы кто-то упомянул о «Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων», этом древнейшем памятнике христианской письменности, незадолго перед тем открытом греческим митрополитом Филофеем Вриением. Граф, почти молча пивший чай с молоком вострепнулся и говорит: «представьте себе! это произведение, содержащее истинное, неискаженное учение Христа, наши православные скрывают от народа; необходимо издать его в бесчисленном количестве экземпляров и распространить в народе; он сердцем поймет высоту содержащегося там учения и станет отрезвляться; но в том то и беда, что «Учение апостолов» у нас нельзя напечатать». Я изумился и говорю: «Лев Николаевич! Насколько мне известно, есть уже два перевода этого произведения на русский язык и один из них помещен в журнале, издающемся у вас же в Москве – в «Чтениях в обществе любителей духовного просвещения». – «Неужели?! а я не знал до сих пор». – «Притом, говорю, перевод и распространение этого сочинения не в ваших интересах; там говорится, напр., о таинстве крещения и некоторых других предметах, которых вы не признаете». – «Где же там говорится об этом»? – Я привел на греческом языке некоторые выдержки из «Διδαχὴ» и перевел на русский язык. «Может быть, вы правы», сказал граф: «сам я плохо знаю греческий язык; когда что нужно, жена переводит мне». При последних словах я просто окаменел от изумления... «Что же это за женщина? мать многочисленного семейства и сама ведет громадное хозяйство: свободно рассуждает о самых отвлеченных богословских и философских вопросах и поддерживает великосветские связи, переводит с древнегреческого языка «Διδαχὴ τῶν δώδεκα

Ἀποστόλων» и сряду три ночи, не смыкая глаз, ухаживает за больным ребенком, хотя могла бы нанять для него сотню нянек! Найдите теперь интеллигентную женщину, которая бы, имея хоть тысячную долю состояния графини, стала так возиться со своими детьми. А если какая и не поспит из-за ребенка ночь-другую, то сколько вы услышите от неё оханий и жалоб на свою несчастную судьбу. Я прежде думал, что «аристократическая порода» пустое слово, придуманное для того, чтобы дурачить легковверных людей; мимолетная встреча с Софьей Андреевной разубедила меня в этом и показала, в чём именно заключается истинная аристократичность. Когда появилось бестактное письмо графини к митрополиту Антонию по поводу отлучения её мужа от православной Церкви рядом с прекрасным ответом на него, не хотелось верить, чтобы Софья Андреевна могла написать такую вещь; по всей вероятности она сделала это в крайне раздраженном состоянии. Между тем вернулись из театра дочери графа и с ними несколько молодых людей. Меня познакомили со всеми прибывшими. Взглянул я на молоденьких графинь и невольно сравнил их с их матерью-красавицей... Должен признаться, что результат оказался далеко не в их пользу; видно, что лицом пошли более в отца, чем в мать. За столом стало еще оживленнее, еще веселее. Даже сам граф расстался с своим обычным сумрачным видом и стал оживленно разговаривать.

Кто-то коснулся вопроса о трезвости. «А вы как смотрите на это?» – спросил меня граф. «Вполне сочувствую этому движению; прежде я пил и не мало, но как только решил идти в священники, совсем оставил спиртные напитки». – «Расскажите, пожалуйста, с какого времени вы начали пить, много-ли пили и что чувствовали, когда бросили пить?» Мне показалось, что граф интересуется для какой-либо своей работы психологией человека, который пил водку и сразу оставил её. Поэтому я подробно рассказал ему о наиболее выдающихся моментах моей питейной деятельности. – «Еще ребенком я видел, как отец и приходившие к нему в гости наливают из бутылок в рюмки, то светлую, то красную жидкость, (вишневая настойка) и пьют с большим удовольствием, а через некоторое время

становятся очень веселыми. Оставшись в комнате один, я попробовал светлой жидкости, – очень горькая и жжет во рту; попробовал красной – эта пришлась по вкусу. В холодной (нежилой) горнице стояла на окне бутылка с вишневой настойкой; тихонько пробрался туда, открыл бутылку, наклонил ко рту и начал тянуть. Увлечшись этим делом, я не заметил, как вошла в комнату тетя, остановилась в изумлении и спрашивает: «Саша! что ты делаешь?» Я выпустил из рук бутылку и бросился бежать; что было потом со мною – не помню. Рассказывали после, что нашли уже меня ночью на огороде соседа, между огуречными грядками спавшего мертвецким сном. В духовном училище я не пил. В семинарии изредка позволял себе, особенно когда одолевала какая-то беспредметная скука, тоска». В академии стал чаще выпивать, так как для этого было больше поводов и возможности. В Петербурге проживает немало моих земляков-смолян; некоторых из них частенько навещаешь, особенно когда явится желание освежиться после однообразных занятий с книгами. Придешь – сейчас угощение с неизменной выпивкой. А если где соберется несколько товарищей-студентов, то уже изрядно выпьем; а однажды – так выпил, что с закуской целый рубль съел». Все засмеялись. «Ах, расскажите, как могло это случиться!» – «Недавно, говорю, порядочно выпили у одного земляка и заспорили: один из участников (А.П. Г-кий) утверждал, что никто не выпьет, не переводя духа, чайный стакан водки, смешанной с пивом. – «Нет, выпью». – «Идет на рубль»? – «Идет»! Выбрали самый большой стакан, налили половину водки, половину пива, размешали ложкой и дали мне. Я выпил не спеша и попросил еще... Оглушительный взрыв восторга! Все бросились поздравлять с победой; побежденный обругал победителя, достал рублевую бумажку и отдал мне. Я взял, положил её в карман и стал закусывать колбасой. Минуты через две один из товарищей (С.В. Г-в) говорит: «стой! ты всю колбасу и с оберткой съешь». Вынимаю из рта кусочки изжеванной бумаги, смотрю, – а это жалкие остатки приза! Снова гомерический взрыв хохота, – но уже над победителем. Оказалось, что, увлекшись возбужденным громким обсуждением состоявшегося

пари, я не заметил, что опущенный в карман рубль пристал к пальцам и таким путем вместе с хлебом попал в рот.

Впрочем, особенного веселья водка не доставляла мне; пил больше для компании, а иногда и из желания напиться до бесчувствия. Очень хотелось узнать, что чувствует человек, последовательно проходя все степени опьянения. Видел также, как некоторые знакомые на другой день после хорошей выпивки жаловались на сильную головную боль, для прекращения которой, по их словам, необходимо опохмелиться. Чтобы всё это самому испытать, я не раз задавался целью напиться до бесчувствия, и всё напрасно. Однажды, гуляя на свадьбе у знакомого, я решил добиться своей цели и заявил об этом своему земляку (Н.И. К-ну), угощавшему нас. Он одобрил моё намерение, поставил для «Павлыча» (так обыкновенно звали меня товарищи) особый графинчик, вмещавший полштоф водки, и попросил, чтобы никто кроме меня не пил из него. Распорядитель пира уверял, что в течение 5–6 часов он пять раз пополнял осушенный мною графин, а более не решился, опасаясь, как бы не случилось со мною несчастья. После пяти графинов я еще танцевал и, как видите, цели своей не достиг». «Значит, у вас очень крепкий организм, заметил граф; когда расшатается здоровье, узнаете, что такое – головная боль от похмелья». – «Видя, продолжал я, что напрасно истребляю так много водки, решил пить для веселья и для компании рюмки 2–3 и заявил об этом своим знакомым. Но оказалось, что никак нельзя удержаться на этой норме. Выпью, бывало, положенные две-три рюмки и от дальнейших отказываюсь. Сначала, товарищи не настаивают, затем, когда сами выпьют лишнее начинают приставать: «выпей еще одну; ты с ним и с ним пил, а со мной не хочешь? Я не ожидал этого от тебя! Ну, что тебе стоит выпить еще одну; ведь не опьянеешь»? Подносят рюмку к самому рту и обливают водкой сюртук... «И в самом деле, думаю, ведь мне ничего не стоит выпить еще рюмку другую и товарищам удовольствие сделаю, а то совсем расстроится наша веселая компания», – и выпиваю одну за другую подносимые рюмки. «Вот спасибо! вот за это люблю!» кричат удовлетворенные товарищи. И так каждый раз. Понял я, что

тогда только не будут принуждать меня товарищи, когда я совсем перестану пить. Тогда уже никто не будет обижаться и говорить: «с тем пил, а со мною не хочешь»! И в одно прекрасное время торжественно объявил своим землякам, что «я уже не пью ни капли». Сначала не верили и пробовали по-прежнему приставать ко мне, но я, слава Богу, устоял. И очень рад этому. Первые две недели после этого решения я чувствовал необычайный подъем всех духовных и физических сил; бывало, иду по улице и чувствую, что ноги у меня, словно на пружинах, так и подпрыгивают, а на душе так радостно, светло. Я думал, что это будет всегда продолжаться; но, к сожалению, ошибся; теперь я уже не чувствую такого возбуждения сил». «Через некоторое время опять почувствуете», авторитетно заметил граф; однако и до сих пор не возвращается ко мне прежнее состояние.

«Я, начал Лев Николаевич, говорил и говорю, что только абсолютное воздержание от спиртных напитков поможет интеллигенции излечить себя и народ от пьянства, а так называемое «умеренное употребление» их, при настоящих условиях жизни, – лишь пустая забава. Мы недавно образовали здесь общество абсолютников; не желаете-ли и вы записаться»? «С удовольствием»! – «Принеси-ка, обратился граф к одному из сыновей, наш синодик», тот принес небольшую переплетенную книжку и подал мне. На первой странице этого синодика я прочел чрезвычайно краткий устав общества, гласивший приблизительно следующее: «Мы нижеподписавшиеся даем обещание не употреблять никогда ни вина, ни водки, ни пива, ни меду; не покупать и не угощать ими других». В начале списка стоял сам Лев Николаевич и почти все члены его семейства; там же встретил я много имен знаменитых ученых и писателей: только один профессор, кажется пражского университета против своей фамилии сделал приписку «кроме случаев болезни». Я записался, если не ошибаюсь, под № 353. «Если вы, сказал граф, пожелаете когда-нибудь нарушить данное обещание, то пожалуйста, сообщите мне об этом, а также и о причинах, побудивших вас к этому». Я обещал. В это время кто-то из соседей предложил мне папиросу. «Благодарю

вас; я не курю» – «И никогда не курили»? спросил граф. – «Пробовал, но, к счастью, так неудачно, что навсегда потерял охоту». – «Это интересно, расскажите, пожалуйста». – «Когда мне было еще 7–8 лет, я, видя, как курят старшие, страстно хотел подражать им. Не имея возможности достать табак (отец мой не курил), нарвешь бывало вишневых, яблоневых и смородинных листьев, соберешь разных трав, высушишь в печурке, искрошишь их, вроде махорки, спрячешься в уединенное местечко, набьешь самодельную трубку самодельным табаком и станешь курить; но как ни разнообразил я состав своего табаку – никакого удовольствия не получалось. Когда меня определили в духовное училище, то пришлось стоять на квартире вместе с двумя четвертоклассниками. Я видел, как они свернут, бывало, папироски, лягут на кровать, лицом кверху, и курят с великим наслаждением. Особенно меня интересовало их искусство пускать изо рта дым колечками или нанизывать их одно на другое, это служило своего рода спортом для старших учеников, у них были свои чемпионы, побиватели рекордов. Однажды я отсыпал тайком у четвертоклассников чуть не полчетвертушки табаку, забрался на чердак и свернул из толстой бумаги такую папироску, что в неё вошел весь мой табак. «Ну, думаю, уже если наслаждаться, так наслаждаться»! Выбрал местечко поудобнее, лег и закурил; набрал полный рот дыму и, подражая старшим, проглотил его, надеясь, что сейчас блаженство разольется по всему моему существу. Но, к ужасу своему, почувствовал, что задыхаюсь; дым от бумаги и табаку наполнил мои легкие и резал их словно ножом. При всякой попытке передохнуть и ввести в легкие хоть немного кислорода, едкий дым все глубже и глубже проникал в легкие и всё сильнее и сильнее резал их. Не знаю, сколько времени мучился я, пока удалось перевести дух. Чтобы облегчить ужасную боль в груди, я схватил лежавший около меня кочан капусты (хозяйка квартиры отложила на зиму) и с невероятной жадностью съел его; капустный сок смывал скопившуюся в глотке едкую горечь и облегчал мои мучения. Не случись под рукою капусты, первый опыт табакокурения, пожалуй, обошелся бы мне гораздо дороже. Часа два провалялся я на чердаке и когда после того

вошел в комнату, где курили, то почувствовал к табачному дыму непреодолимое отвращение; и вот до сих пор не могу привыкнуть к нему.

Во время чаепития граф еще раз вернулся к «Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων» и высказал своё горячее желание напечатать его и распространить в народе в громадном количестве экземпляров; «простой народ, говорил он, чутьем поймет высоту его и этот голос, раздавшийся из глубины веков, эта простая и можно сказать подлинная речь самого Основателя христианства произведет на чуткие души более сильное влияние, чем все наши писания и поучения. К несчастью, у нас нельзя этого сделать; духовная цензура не разрешит»... – «И мне, говорю, кажется, что цензура не позволит вам издать этот памятник *в вашем освещении*». – «Да я, воскликнул граф, с радостью напечатал бы его и в том виде, как перевели его православные ученые: пусть, если хотят, сделают примечания к нему, – лишь бы разрешили издать и пустить в народ». «Если, говорю, вы хотите издать Учение 12 апостолов на таких условиях, то не думаю, чтобы духовная цензура запретила вам это».

– «Когда вернетесь в Петербург, наведите, пожалуйста, справки об этом и о результате напишите мне». Я обещал и при первом же свидании с о. Антонием (Храповицким) передал ему желание графа. О. Антоний сказал, что переговорит об этом, с кем нужно: но вышло-ли что из сего, мне неизвестно.

Был час ночи, когда я вышел из дома графа. Лев Николаевич сам проводил меня до парадной двери; при прощанье пожал руку и сказал: «очень рад, что познакомился с вами». Восхищенный его любезностью, я ответил ему самым искренним рукопожатием и воскликнул: «я тоже очень рад»! И только сойдя с крыльца сообразил, какую выпалил наивную глупость. Вообще, из свидания с графом Толстым я вынес убеждение, что он тогда не далек был от православной Церкви, что, если бы удалось ему встретиться и откровенно побеседовать с о. Иоанном Кронштадтским, то последний убедил-бы его, что в пороках нашего духовенства и народа православная вера неповинна, что он, Толстой, с своим

великим талантом принес-бы громадную пользу русскому народу и всему человечеству, если бы потрудился над уяснением главной причины наших недостатков, несоответствия нашей жизни с любвеобильнейшим учением Христа и, найдя эту причину (он много указал их, но не самую главную, коренную), обратил бы своё удивительное влияние на людей и свои гениальные способности на устранение этой причины, а не на борьбу с неповинною православною верою. Даже и теперь, после торжественного отлучения Толстого от православной Церкви, мне кажется, он возвратился-бы к ней, если бы за это дело взялись не только богословски образованные представители Церкви, но и простые «добрые пастыри», подобные добродетелями о. Иоанну Кронштадтскому. Перед уходом граф дал мне гектографированный устав его общества трезвости и рукописную копию знаменитого письма его к г. Ч-ву о Боге и просил, по минованию надобности, возвратить ему последнюю; в тот же день я переписал её и отослал ему по почте.

*Свящ. А. Смирягин
(Окончание следует).*

Боголюбов Д. Миссионерские очерки. (XV. Тревога на деревне) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1079–1082

XV. Тревога на деревне

Бугровские мужики много лет не знают душевного мира. Все понятия их перепутались. Прежде они крепко веровали в учение православной Церкви, – надеялись *спастись* в ограде её. Теперь ничего твердо они «не придерживаются».

Батюшка жалуется на бугровцев, что они редко бывают в храме. Их трудно видеть даже во время праздничных хождений причта по приходу. В это время они прячутся сами, а «духовенство» встречают одни женщины...

– Вот и живи с таким народом, жаловался батюшка. И беседуй с ним по Божьи!...

Мы однако не впали в уныние и объявили беседу с бугровскими штундистами. Речь у нас шла о *молитвенном призывании св. угодников*. Нами было доказано, что призывать в молитвах св. угодников нужно.

Молодой штундист возразил:

– Святые еще не воскресли. Души их *мертвы*. Значит, не для чего им молиться...

Я ответил:

– Прем. Соломон *так* верующих людей называет «неразумными» (Прем.3:1–2). Наши души не умирают. Они всегда живы у Господа (Прем.3:1–3, 5:15; Откр.7:9–10).

Штундист сказал:

– Как же Христос говорил о Себе: «*Я душу Мою полагаю*», или «*Я отдаю жизнь Мою*» (Ин.10:17)? Душа, стало быть, умирает...

– Совсем не «стало быть». Христос учил: «*не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить*» (Мф.10:28). Ясно, что души наши бессмертны и во веки живут у Господа. По смерти тел, они несутся ангелами или на лоно Авраамово, или на место мучения (Лк. 18 гл.). Поэтому выражение Христово в

славянской Библии: «Я душу Мою полагаю», по-русски истинно значит: «Я отдаю жизнь Мою», – я умираю плотию...

Штундисту стал помогать родственник молоканин. Он прочитал из Откровения про души «убиенных под жертвенником» (Откр.6:9)...

Сектанты опять хором затвердили, что души человеческие могут *умирать*...

Я напомнил народу, что в Откровении не сказано – «убиенные души», а «души убиенных», – это разница. Из Откровения лишь следует, *чьи* души видел св. Иоанн. Но нигде этот Апостол не говорит, чтобы *души человеческие могла умирать*...

Сектанты принуждены были сдаться. Православные возмутились:

– Эх, вы – люди! Спорите, а только напрасно тревогу держите на деревне. Никакого толка от вас нет. Одна галда и бестолочь...

Какой-то солдат штундист закричал в толпе:

– Что ж это выходит: кто чудеса творит, того и почитать? Вон у нас дядя Арефий дотронется, – и зубная боль вмиг утихает. Мой отец разом вылечивает от лихорадки. А тот и другой лекари – пьяницы огромные!... Что-ж мы почитать будем их, как они умрут?

Я ответил:

Мы прославляем святых не за то только, что они чудеса творили в земной жизни. Чудесной обольщающей силой владели волхвы египетские (Исх.7:11), однако прав. Церковь не считает их святыми. Мы прославляем в молитвах и песнопениях только тех Угодников Божиих, которые *праведно* жили на земле, – исполняли заповеди Божии и за свою святую жизнь получили дар чудес (Ин.14:12–13). – Названные же тобою «знахари» – пьяные люди, как ты говоришь. Они *выучились* лечить болезни. В их действиях нет *ничего* чудесного. Потому их никто за святых не почитает. Потому же я ты, служивый, бойся Бога и не кощунничай!...

Солдат более не выделялся из толпы. Православные еще громче жаловались на то, что сектанты их «тревожат».

Тревога, тревога... Это слово запало мне в душу. Сектанты, в самом деле, держат народ в тревоге. Постоянно они подкапываются под святейшее его достояние – православные верования. Сами сектанты толком ничего не разрешают, а смуту в народе сеют...

И я поехал от бугровцев с тревогой душевной. Движемся медленно. Вечер темный. Тучи повисли над землею и грозят дождем. Жутко...

Вдруг вдали слышались какие-то хриплые, надтреснутые голоса. Они показались мне смутным беспорядочным гулом. Но вот голоса стали отчетливее:

– Пожа-ар! пожа-а-ар!..

Народ испуганно закопошился. Пламени нигде не было видно.

– Пожар, пожа-ар, пожа-а-ар!..

Невообразимый испуг воцарился в толпе. Чувствовалась общая и полнейшая растерянность.

Наши лошади шарахнулись в сторону. Их испугал какой-то мужик, бежавший с ведрами. Впопыхах он упал возле нас. Ведра загремели. Мужик бормотал что-то и как будто ругался...

– Боже милостивый! нешто мы люди. Ни багра у нас, ни насоса. Погорим до нитки, – вопила какая-то женщина, перебегая нам дорогу.

Наконец, мы увидели пожар. Горела изба внутри. Окна были раскалены и светились. В воздухе пахло гарью. Пылали конопля в избе.

Рассмотреть пожара было нельзя. Лошади наши пугались и храпели.

Мы поехали дальше...

– Пожар! Пожа-ар! разносились голоса по деревне.

Люди бежали кучами. Ими овладел ужас. Все понимали, что гореть вновь, после недавнего пожара, немыслимо. На деревне не останется ничего, кроме золы...

– Пожар! пожа-ар! вопили мужики и бабы.

Мы со страхом смотрели на появлявшееся зарево.

– Да, это – тоже тревога! подумал вслух батюшка.

– И еще какая! поддержал его замечание кучер. Что сектанты мутят народ, – это беда преходящая. Помутят и затихнут. Сами увидят, что галдят зря... А вот пожары народу дорого обходятся!... У нас среди мужиков не осталось «заживных» людей. Ни у кого нет денег в банках. Что видите, – в том наше богатство... Так как же жить, если это «богатство» погорит? Ложись тогда и умирай!...

– Пожа-ар! пожа-а ар! голосили люди на деревне.

– Эх, сердечные! сокрушенно вздохнул кучер. Кто-то вам поможет?...

А помочь горевшим людям, кроме Бога, было некому. На деревне не было *исправного* пожарного сарая. В том сарае стояли две худых бочки. Не было ни багра, ни насоса...

Как с *этакими средствами* можно было тушить горевшую солому?...

И еще грустнее стало у нас на душе. Деревенский пожар казался нам лишь *тенью* того огромного религиозного пожара, который свирепствует на Руси...

А везде-ли в исправности содержатся у нас духовные багры и насосы? Вполне-ли готовы мы к борьбе с идущей на нас огненной стихией народного свободомыслия и религиозной распущенности?...

Д. Боголюбов

**Попов К., мисс. свящ. Раскол и миссия по епархиям.
Самара // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С.
1082–1086**

7 апреля сего года в с. Елатомке, Бугурусланского у., в беглопоповской моленной, беглый поп Иван отпевал покойника. Местный единоверческий священник-миссионер о. Иоанн Бочуров пожелал побеседовать с попом Иваном и с этой целью, взяв с собою старшину, пошел в раскольничью моленную. Раскольники не хотели было впустить миссионера в моленную, но потом согласились и он простоял всю службу. По окончании службы, о. Иоанн потребовал от раскольников, чтобы ему позволено – было вступить в беседу с их попом; но раскольники подняли такой шум и крик, и так угрожающе вели себя, что о. миссионер счел за лучшее выйти из моленной. В ограде его «подцепили» раскольники и жестоко избили. Вырвавшись из цепких рук ревнителей древнего благочестия, о. Иоанн убежал и спрятался у своего прихожанина. Тем временем раскольники схватили старшину и также сильно избили и его. Из ограды моленной свирепство раскольников перешло в улицу и они начали бить встречавшихся православных и избили, между прочим, церковного старосту. Под руку попался сын священника 7 лет, его хотели бросить в реку, но последний крепко плакал и его отшвырнули в сторону.

Таковы смиренные гонимые старообрядцы. Подобные дерзости со стороны блюстителей мнимого благочестия и мы на себе испытали и не раз. Одно время, убедив сына исправника безлоповщ. секты и присоединив его к православию, я пошел с ним в дом его отца, чтобы побеседовать с ним и его семьей. Ворота были на запоре и нам долго не отпирали их, не смотря на наш сильный стук. Видимо, в доме совещались – пустить нас или нет. Наконец нам отперли ворота, идем на крыльцо дома, потом в сени... Мой новоприсоединенный идет вперед, я за ним. Вдруг я получаю сильный удар каким-то твердым орудием. Удар пришелся по плечам, захватив частью и шею. Я крикнул. Оказалось, это, по благословению озверевшего папеньки,

ударила меня дочь его, молодая девушка. Метила она по голове, но не попала; Господь сохранил меня от злого умысла. Инстинктивно я бросился назад, за мной новоприсоединенный, а старик, выбежав на двор, кричал своим дочерям: «бей их еретиков!» Мы схватились за калитку и выбежали на улицу. – «Счастливо отделались, проклятые еретики, кричал нам старик, а то я показал бы вам церкву». Это было в г. Сердобске, Саратовской губернии; но были и др. заушения в иных местах...

В данном случае о. Бочуров чересчур «ревностью поревновал» и за это получил возмездие. Какая может быть беседа с беглым попом – человеком, который совсем не по убеждению перешел в раскол! Несколько лет тому назад ушел в раскол священник и бывший преподаватель Тобольской Дух Семинарии Иван Люцернов. Человек с академическим образованием и вдруг очутился в расколе. Помню, как сейчас это было: явился о. Люцернов в Саратов, Преосвященный как то не устроил его на место, а тут раскольники-беглопоповцы подвернулись к нему, сосватали его, купец Артамонов сразу выдал ему 5000 рублей и получил в обеспечение от него «Ставленную грамоту», и о. Люцернов сделался раскольничьим попом. Я тогда написал обо всём этом в местный «Саратовский Листок»; Люцернов обиделся, выступил с опровержением против меня, это и повело меня к личному знакомству с ним и объяснению. Сначала объяснение происходило в самой редакции, в присутствии редактора «Сарат. Листка» и его многих сотрудников, потом мы беседовали с о. Люцерновым в других местах и кончили тем, что о. Люцернов привлек меня за клевету в печати в окружный суд. Суд, конечно, оправдал меня, и вся эта процедура показала, как люди забывают всё священное и преклоняются пред презренным металлом. Деньги и деньги – вот главный рычаг, побудивший о. Люцернова изменить православию и уйти в беглопоповский раскол. Впоследствии о. Люцернов был арестован, сослан в Суздальскую крепость, но бежал отсюда и вскоре умер, оставив единственной дочери акушерке порядочную сумму денег.

Другой случай (не по счету, конечно, а как выдающийся из других) моего сношения с беглым попом был недавно и

происходил в с. Рыскине, Наровчатского у. Пензенской губ. Из Москвы явился в это глухое, но большое село с раскольничьим населением беглый поп и тоже Иоанн по имени (не с этим ли только именем священники бегают в раскол. Как то все Иваны...). Приехал он в самое нежелательное время для успеха православия. В Рыскине только что выстроилась единоверческая церковь, основан причт и трудами миссии обращено из раскола около 200 душ к православию. Остальные раскольники находились в сильном колебании. Словом, дело миссии налажено было прекрасно и вдруг явился сюда беглый поп с целым штатом пропагандистов. Не скрою, меня даже ужас объял при этом нашествии беглого попа в этот опасный пункт.

Встревожил он и местного священника и самих новообращенных из раскола, которые тотчас же послали о сем извещение г. начальнику губернии. Еду и узнаю, что беглый поп приехал в 1 классе вагона железной дороги; его окружала большая свита людей, закаленных врагов православия и людей наживы при попе. Все они на нескольких тройках, целым поездом прямо поехали к приставу, которому и предъявил свой паспорт беглый поп. В паспорте было сказано: не имеющий прихода священник такой-то отпущен в Пензенскую губ. для посещения и исправления треб у старообрядцев в селениях.... Паспорт выдан из Канцелярии Московского Обер-полицеймейстера. От пристава беглый поп явился в село, образовал свой стан в доме одного богатого раскольника, а пристав окружил его целой когортой десятников и сотников, под начальством урядника. Никто из православных в этот дом не допускался, а проходили только те, кого желали допустить сами старообрядцы. Назначаю беседу, разумеется, из раскольников никто не пришел, кроме новообращенных к единоверию. Отправляю депутацию в беглопоповский стан и прошу на беседу и старообрядцев, и попа, и добавляю, если не угодно прийти ко мне, пусть сами изберут место для беседы. Возвратилась депутация и удрученно стоит предо мною, поникнув своими главами. – «Стыдно, говорит, и сказать тебе, отец, с каким ответом мы возвратились к тебе».

– «Говорите, что есть» отвечаю.

– Пришли мы это в улицу, а там настоящий табор цыган. И не долезешь до дому. Повозки да лошади по всей улице собрались со всей окрестности. Подняли оглобли кверху, обтянули пологом и живут: одни в телеге, другие на траве под телегою. И так сплошь до дому. Протискались мы, а тут полиция, что твоего губернатора защищают и честь воздают. – Каки-таки люди? спрашивают. Без этого и пропуска нет. Сообщили старообрядцу этого дома, а он и руками и ногами от беседы: некогда нам, баит, этими пустяками заниматься. Чай видите, сколько народу идут со своими требами. – «Одначе, говорим, выкатьте нам своего управителя, потому мы посланники и резон должны принести своему миссионеру. Заругался это на вас: нечего, говорит, ему делать, шатается по свету, да христианские души смущает. Тут другие народы вышли из их согласу, полопотали это между собою и повели нас в дом. Ввели нас в заднюю горнюшку, а в передней, слышим, поют «Святии мученицы»... Свадьбы, значит, венчают. – Посидите, говорит, сейчас батюшка кончит и войдет приотдохнуть сюда, а вы с ним переговорите. И точно, малость спустя, вошел к нам это их поп и прямо на нас обринулся. – «Передай, баит, своему мисинеру и попу заодно, что мне некогда пустяками заниматься; я не веру разбирать езжу, а требы править. Вот я десяток отмахал, отдохну и другой пойду венчать. И так на весь день хватит. А там и другие требы ждут. Да и не о чём мне с ними беседовать: я знаю не меньше их. Вот если им надоели их жены, так скажи своим попам, пусть они выберут себе девок и я повенчаю их. Это я могу им удружить. И засмеялся во. всю бороду, а за ним и другие стали скалить зубы. Мы ему на это в ответ: нам обизорно такие слова передавать нашим духовным отцам, потому они ни к чему, а выходят на манер насмешки над их саном. – «А не хотите, так убирайтесь с чем пришли: мне напрасно время тратить некогда». «Это верно, сказали ему старообрядцы, лучше подкрепиться после трудов то, а то опять дело». – «Уходите правоверующие! закричали все. Оставайтесь вы со своею трезвонной церковью, а мы и втихомолку помолимся». Повернули нас да и вывели из хаты. Так мне и не

пришлось видеть этого попа. А он, пробыв дней 5 в селе, набил карман деньгами и уехал дальше.

Мисс. свящ. К. Попов

Из миссионерской полемики

**Картушин К., миссионер. Беседа на пароходе по
пути из Сарова // Миссионерское обозрение 1903 г.
№ 18. С. 1087–1088**

Маленькая кучка пассажиров, последних двух классов, окружила человека средних лет, по-видимому, из мастеровых или приказчиков.

Он говорил.

На лицах слушателей отражалось: недоумение, смущение и уныние. Подхожу и слышу:

– «Вот в одной газете, да кажется уже и в книжках напечатано об исцелении одной женщины, моей хорошей знакомой (он назвал губернию, уезд, волость, имя и фамилию женщины). А я вот недавно видел её такую же больной, какой она была до поездки в Саров. Какое же тут чудо? Выдумки одни, не верю я, да и не стоит верить, когда тут явная фальшь».

Настроение слушателей омрачилось еще более, но никто не проронил ни слова; очень уж он пришиб их наименованием ведомства, места жительства, имени и фамилии женщины, о которой напечатано, будто бы, фальшивое сообщение.

Приблизившись к говорившему, я спросил его:

– Вы христианин?

Он ответил утвердительно.

Я еще спросил: «Веруете ли вы в действительность евангельских чудес?»

Он ответил утвердительно.

Я еще спросил: «Не знаете ли, в какой стране света проживает Лазарь, воскрешенный Спасителем?»

Он воскликнул: «Что вы! разве может человек жить почти две тысячи лет?»

Я. Но ведь Лазаря воскресил Сам Христос?

Он. Что же из этого. Но после воскресения Лазарь жил и умер, как и все люди.

Я. Значит вы допускаете, что, после каждого чудесного события, природа вступает в свои права, и солнце, после

гаваонского застоя при Иисусе Навине, совершает своё обычное течение, и воскресенные Христом умирали?

Он. Конечно, конечно!

Я: Почему же вы, для своей знакомки, не допускаете возможности, по исцелении, снова заболеть той же болезнью. Сам Христос сказал исцеленному Им расслабленному: «вот ты выздоровел, не греши больше, чтобы не случилось чего хуже» (Ин.5:14). Можете ли вы поручиться, что ваша знакомка, по исцелении, не согрешила ни делом, ни словом, ни помышлением?

Он. В этом ни за кого, даже и за себя нельзя поручиться.

Я. Теперь скажите нам: вы сами сопровождали свою знакомую в Саров, и наблюдали состояние её здоровья до и после обращения её с молитвой к преподобному Серафиму?

Он. Нет, я не был в Сарове.

Я. Как же вы дерзаете столь легкомысленно отрицать действительность исцеления своей знакомки, если не были одновременно с ней у раки Преподобного.

Он. Просто потому, что видел её больною по возвращении из Сарова.

Я. Но сами же вы признали, что, после каждого чудесного события, жизнь продолжается и кончается по законам природы, а Христос указал и причину, по которой болезнь может даже усилиться; это греховность исцеленного. Плохой же вы христианин, если не веруете обетованию Спасителя: «верующий в Меня, дела, которые творю Я и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин.14:12).

Он. Я верю в возможность чудес.

Я. Ваша вера половинная.

Он. Почему?

Я. Потому что веровать в возможность и веровать в действительность – большая разница. Мы, например, веруем, что, по обетованию Спасителя, тела наши некогда воскреснуть для вечной жизни (Ин.5:25, 28 и 6:39, 40, 44, 54), а по вашему выходит, что Бог только может воскресить; если вы верите только в возможность дел Божиих, а не в действительность их.

Дурное впечатление, произведенное на слушателей болтовней вольнодумца, изгладилось и лучи веры засияли на лицах их.

Миссионер Калиник Картушин

**Чередников И. единоверческий свящ. Костром. еп.
Ярморочные собеседования православных
миссионеров с глаголемыми старообрядцами в г.
Нижнем с 11–24 августа²⁵¹ // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 18. С. 1089–1094**

11 августа была назначена беседа о том, содержит ли Греко-российская Церковь люциферианскую ересь чрез непризнание ею обращающихся от «австрийского» толка лжеклириков в сущих их санах? Беседу вел Самарский епархиальный миссионер, о. Димитрий Александров.

Так как в люциферианской ереси обвиняют православную Церковь лишь одни австрийцы, то о. Александров и прочел слушателям из книги «австрийца» И. Усова «Церковь Христова временно без епископа» в чём состояла ересь Люцифера.

По мнению Усова и всей «австрийщины», люциферианская ересь состояла единственно в том, что держащиеся её признавали, будто бы на еретичесствующих Епископах хиротония исчезает и погибает. Но подобного учения православная Церковь никогда не проповедовала, напротив, хиротонию всех еретиков, у которых сохранилось апостольское преемство, напр., католиков, армян, несториан, православная Церковь признает, клириков, обращающихся к ней от этих еретиков, принимает в сущих санах.²⁵² Что же касается «австрийцев», то оные не могут себя причислить ни к каким из вышеупомянутых еретиков, ибо не имеют апостольского преемства. Не могут себя причислить австрийцы и к раскольникам Донатистам, у которых апостольское преемство тоже не прекращалось и которые более двух столетий своего существования всегда была с епископами.

Если же обращающихся от «австрийцев» православная Церковь принимает без повторения над ними св. крещения, то этим напрасно они обольщают себя, что яко бы их крещение признается за истинное: Церковь не повторяет крещения над приходящими и от безпоповцев и вообще от всех, получивших трехкратное погружение во имя Отца и Сына и Св. Духа, на

основании учения святых Отец,²⁵³ и учит, что у всех еретиков благодать крещения является лишь тогда, когда они возвращаются к Церкви; у упорствующих же в схизме спасительной силы крещение не имеет.

В продолжение беседы о. миссионер Александров доказал всю неосновательность раскольников «австрийцев», желавших сравнять себя с древними еретиками, сохранившими апостольское преемство, по вопросу о чиноприеме. Отсюда, само собой понятно, и разбивалось обвинение православной Церкви в люциферианской ереси.

Возражатель со стороны «австрийцев», Феодор Мельников, старался доказать, что от кого принимается крещение, от того должна быть принята и хиротония, указывая на чиноприем клириков от Донатистов. и вообще все возражения Мельникова не выходили из пределов Усовских о сем предмете положений.

Не лишним будет попутно заметить, что Мельников в течение всей беседы много занимался не относящимися к делу разглагольствованиями и бросанием по адресу присутствовавших на собеседовании миссионеров таких словечек как – «скопище», «негодные люди», «обманщики», по каковой причине неоднократно был останавливаем руководителем бесед Н.И. Ивановским.

12 августа стояла на очереди беседа о том, трегубая аллилуйя составляет ли ересь? Беседу вел Николай Иванович Ивановский. Так как со стороны раскольников возражателей не явилось,²⁵⁴ то беседа Николая Ивановича носила характер более объяснительный. Сделав сравнение об аллилуйя, в учении отцов Стоглавого собора, с наставлением в предисловии, к псалтыри и толкованием в нём аллилуйи, Николай Иванович показал наглядно разноречие между этими старообрядческими авторитетами в толковании ангельской песни и пришел к заключению, что более правильным чтением нужно считать чтение по предисловию псалтири. Коснувшись затем ссылки раскольников на житие писателя Ефросинова жития, Николай Иванович прочел это житие и показал слушателям много разноречий в нём с учением прав. Церкви и даже чисто еретических мыслей. В заключение он показал, что

трегубое аллилуйя не составляет ереси и отделяться из-за оногo от православной Церкви преступно.

13 августа вел беседу Черниговский епархиальный миссионер, священник о. Василий Родионцев о том, что общество беглопоповцев не составляет Христовой Церкви. Выяснив слушателям, на основании толкования Блаж. Феофилакта на 95-е зачало от Луки, что Церковь Христова должна быть всегда с тремя иерархическими чинами (не больше и не меньше), о. Родионцев показал слушателям и другими доказательствами, что общество беглопоповцев, лишенное иерархической полноты и окормляющееся отбегшими от единства церковного иереями, не составляет Христовой Церкви, и есть, по толковому Апостолу, общество проклятое.

Возражателем со стороны раскольников выступил тот же Феодор Мельников, который во всё время беседы тщился доказать, что Церковь Христова может состоять из одного народа, что пастыри все могут впасть в ересь и проч. (словом, по Швецову и Усову). В заключении о. миссионер уяснил слушателям, что корень «австрийщины» – общество беглопоповцев, безблагодатен. Николай Иванович Ивановский заключил беседу словами: «из не-Церкви не может быть Церкви!».

15 августа происходила беседа о том, можно ли признать Христовой Церковью старообрядческое общество, управляемое белокриницким священством? Беседу вел синодальный миссионер протоиерей о. Ксенофонт Крючков. В начале беседы о. Крючков кратко воспроизвел пред слушателями беседу 13-го августа и пояснил, что его настоящая беседа будет как бы продолжением воспроизведенной. Поставив вопрос о незаконных действиях Иеронима (по 39-му апостольскому правилу) при чиноприеме Амвросия, о. протоиерей в течение своей беседы весьма ясно раскрыл пред слушателями всю незаконность и антиканоничность «австрийской» лжеиерархии. Возражатель Феодор Мельников, избегая прямых ответов на поставленные ему вопросы, доказывал лишь одно, что и поп имеет власть принимать от ереси. Беседа была весьма шумная и закончилась в обычном порядке.

17-го и 18-го августа беседы были посвящены исключительно разбору книги Ивана Усова: «Церковь Христова временно без епископа» (верна ли эта мысль сама по себе) и рассмотрению нареканий того-же Усова на Греко-российскую Церковь.

Разбором Усовской книги занялся Казанский епархиальный миссионер, Михаил Николаевич Василевский. Их рассмотрения указанной книги миссионером Василевским выяснилось все её ничтожество и самопротиворечивость. Этой книгой, по словам Василевского, «австрийцы» положительно убили себя и опозорили. По словам Усовской книги, «австрийцы» получили своё священство от Апокалипсической Вавилонской любодейцы, напоившей их вином своего любодеяния (!?). Защитник Усова Феодор Мельников всю свою защиту основывал на кощунственных выражениях, на скабрёзных рассказах из романов Мордовцева и других и вообще представлял собой на беседе какого то уличного крикуна, утратившего всякий стыд и приличие. В виду этого 18 августа г. Василевский нашел нужным прекратить с ним беседу.

19 августа беседу об ересь в «австрийском» толке вел Нижегородский епархиальный миссионер, Феодор Димитриевич Круглов.

Сделав краткую характеристику поповщины, до возникновения так называемой австрийщины, Круглов выяснил, что в основание новоявленной митрополии лег «Белокриницкий устав», в котором и находятся ереси «о *самобытности Бога*» и «и *подлетном рождении Сына Божия*». В 1863 году собор «австрийских» лжеепископов ереси Белокриницкого устава осудил и назвал арианством. Но, несмотря на это осуждение, арианская ересь в австрийской секте и до днесь проповедуется лже-архиереем Швецовым и упорно им защищается, несмотря на обличение её Механиковым по благословению Картушина. Следовательно, делает вывод Круглов, австрийщина кроме своей незаконности и безблагодатности, есть общество еретическое, арианское. Возражатель Мельников на поставляемые миссионером вопросы старался отделяться не относящимися к существу дела ответами, и явное арианство

своей австрийской лжеиерархии защитить не мог, твердя лишь об одном, что между Швецовым и Механиковым состоялось примирение.

20 августа беседу, о лице последнего антихриста, вел Нижегородский епархиальный миссионер, Иван Петрович Ламакин. Возражателем со стороны раскольников выступил известный по Поволжью безпоповец нетовского толка И. В. Мошков. В начале своей речи миссионер Ламакин, на основании свидетельства Дамаскина (26 слово 4-й книги), выяснил, что, при кончине мира, надлежит явиться последнему антихристу в собственном его лице, и что придет он к жидам.

Так как безпоповцы учат, что антихрист уже пришел и царствует в Русской Церкви, то миссионером был поставлен дальше вопрос: с какого времени в Русской Церкви и в лице кого царствует антихрист? Мошков, вопреки учению Дамаскина о собственном лице последнего антихриста и дабы ослабить силу поставленного миссионером вопроса, вычитал, что антихрист уже жидами принят в лице разбойника Варравы (III зачало от Матфея по Благовестнику) и пустился в доказательство того, что антихрист есть ереси, дух времени, царство его будет духовное. Все свои мнения Мошков подтверждал именуемым Ипполитовым словом из Б. Соборника, книгами Хераскова и Бренчанинова. Но опытный миссионер был в курсе своего вопроса и шаг за шагом разбирал приводимые Мошковым доводы и на основании писания св. Отец ясно раскрыл православное учение о лице последнего антихриста, имеющего прийти в своё время, в последние три года пред вторым пришествием Христа Спасителя. Слушатели безпоповцы вынесли из беседы глубокое впечатление.

21 августа была беседа о необходимости и вечности в Христовой Церкви православного священства. Беседу вел Синодальный миссионер протоиерей о. Ксенофонт Крючков. Возражателем со стороны раскольников выступил известный по Волге защитник безпоповщины Антипин (он же Самоварников). В основание своей беседы о. протоиерей Крючков положил 152-е зачало ап. Павла к Коринфянам и ясно развил, что Домовладыка Христос в Церкви своей учредил священство Сам

и учредил его на веки, а не на время, и Он пребудет до второго Христова славного пришествия. Все свои положения о. Крючков подтверждал святоотеческими писаниями. Он доказал, что без священства «несть и христианства».

Особенно сильное впечатление на слушателей, из раскольников, произвела ссылка о. миссионера на жизнеописание протопопа Аввакума, – на слова последнего своим ученикам, «что священство будет существовать и во времена царствования антихриста».

Возражатель их Антипин доказывал, что иное дело священство, и иное дело священники; вечной может быть и останется лишь благодать священства, священники же суть только чины, положенные Церкви для вящего украшения и благолепия, а потому и без них можно быть. Все доказательства Антипина о. миссионер разобрал и весьма ясно доказал, что такое отвлеченное понятие о благодати священства без лиц есть учение, противное православной Церкви.

22 августа беседу о том, имеют ли безпоповцы таинство покаяния, вел священник Нижегородской епархии о. Феодор Барнуков. Прежде всего о. Барнуков уяснил, что такое таинство покаяния, а также в чём и из каких частей оно состоит и кто имеет власть совершать оное, т. е. кто имеет Богом данные ключи. Возражателем о. Барнукову выступил тот же Антипин. Он доказывал, что безпоповцы, хотя и не имеют священников, но таинство покаяния у них совершается, потому что добродетели есть те же ключи, отверзающие врата царства небесного, и при этом приводил примеры прощения грехов, без таинства покаяния, Самим Христом благоразумному разбойнику, ап. Петру и другим.

О. Барнуков разъяснил, что покаяние заключается не в одном лишь исповедании грехов и в творении добрых дел, а, главное, в разрешении от грехов, которое дается одними лишь рукоположенными лицами, и без такого видимого видотворения сей тайны не совершается. А так как безпоповцы не имеют хиротонисанных лиц, которые могли бы по данной им от Бога власти разрешать согрешившего, то сей тайны у них нет.

24 августа последнюю заключительную беседу – о необходимости и вечности святого причащения – вел Синодальный миссионер протоиерей Ксенофонт Крючков. Положив в основу своего собеседования евангельское повествование об учреждении таинства св. Евхаристии и слова св. ап. Павла о вечности его пребывания, до второго пришествия Христова, с толкованием на них св. Иоанна Златоустого, о. протоиерей объяснил, что безпоповцы Божественному обетованию Христа Спасителя о св. причащении не верят, и отвергают его.

В своём заблуждении они учат, что в св. причащении надо различать два вида, – причащение чувственное и причащение духовное, и что первое временно, а последнее вечно. Засим о. миссионер поставил вопрос: пребудет ли в Церкви Христовой св. причащение до второго Христова пришествия? Возражателем выступил и теперь Антипин. Он стал развивать своё безпоповское учение о духовном причащении и договорился до такой богохульной мысли, что жертва Христова прекратится до пришествия антихриста, а жертва антихристова пребудет до второго пришествия Христова. Но таковое богопротивное учение о Всесвятейшей Христовой жертве, которое высказал Антипин, было опровергнуто о. протоиереем массой приведенных доказательств из Св. Писания и святоотеческих творений и весьма ясно и неопровержимо была доказана вечность, до второго пришествия Христова, пребывания в Церкви Христовой приношения бескровной жертвы, и безусловная необходимость её для спасения.

Эта заключительная беседа о. протоиерея Крюčkова была венцом всех бесед: безпоповщинское учение было окончательно разбито, как нехристианское. Беседа была закончена весьма поздно, в виду чего Н.И. Ивановский не говорил уже заключительной речи, пообещав предложить её вниманию слушателей бесед печатно.

Помолясь Господу Богу, миссионерствующая братия в этот же день разъехалась восвояси, неся свежий запас сведений и много новых впечатлений, во все веси матушки Руси, и пятая надежду, при помощи Божией, почерпнутое и пережитое на

яроморчных собеседованиях приложить на деле в своих
захолустных уголках.

Единоверческий священник Костром. еп. Иоанн Чередников

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

**Козицкий П. Из духовной журналистики текущего
1903 года // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18.
С. 1095–1106**

Наши духовные журналы текущего года, по примеру прежних лет, усердно занимаются, кроме научной разработки специальных вопросов из разных областей богословия, исследованиями апологетического и общемиссионерского характера. Иначе и быть не может. – С приятностью мы должны отметить тот отрадный факт, что в нашем образованном обществе (интеллигенции) в последнее время пробудился интерес к религиозно-философским вопросам. Интеллигенция наша как будто бы проснулась от религиозной спячки и с увлечением отдается обсуждению религиозных вопросов и в печати и устно – в частных собраниях. В настоящее время вопросы о Церкви, о её сущности и деятельности, об отношении её к науке и искусству, о значении её для общественной и государственной жизни – сделались модными, животрепещущими вопросами для всех тех членов образованного общества, которые не утратили интереса к духовной жизни человечества. С удовольствием мы должны отметить тот факт, что наша духовная журналистика сочувственно отнеслась к этим течениям и идет им на встречу с арсеналом своих научно-богословских знаний.

В настоящий раз, в качестве обозревателя, мы остановили своё внимание на первых шести книгах Трудов Киевской дух. Академии за текущий год.

Из статей апологетико-миссионерского характера, подлежащих нашему обозрению, мы отметим следующие: 1., «Восток, Запад и Россия в религиозно-нравственном отношении», прот. Кл. Фоменко; 2., «По поводу нового журнала Новый Путь» Ф.С. Орнатского; 3., «Церковь и её отношение к прогрессу» проф. Аф. И. Булгакова; 4., «К вопросу об отношении христианства к язычеству» доцен. П.П. Кудрявцева; 5., «Вавилон и Библия» доцен. В.П. Рыбинского; и 6.,

«Современное русское паломничество в Св. Землю» проф. А. Аф. Дмитриевского.

В статье «Восток, Запад и Россия в религиозно-нравственном отношении» (Тр. К. Д. А. книг. 3, стр. 366–394) прот. К. Фоменко, кратко коснувшись исторической жизни церковью восточной и западной, проводит параллели между восточной, западной и русской церквами и характеризует религиозно-нравственное их состояние. Отметив исключительно благоприятные условия роста и развития римской церкви, достигшей в XVI и XVII веках в лице папства своего апогея, автор указывает целый ряд бедствий, которым подвергались восточные патриархаты начиная с VII века и переживают их по днесь. Патриархаты Иерусалимский, Александрийский, Антиохийский и Константинопольский влачат своё жалкое существование теперь. Несколько в ином положении находится русская церковь, выделившаяся из константинопольского патриархата и достигшая силы и нравственного могущества. – После турецкого погрома Восток как будто бы и проснулся, но до сих пор находится в нравственном порабощении у турок; патриархи являются игрушкой в руках султанов, которые смещают их и подвергают гонениям, даже смерти по своему дикому произволу. Св. Гроб в Иерусалиме находится в руках турок; Вифлеемская пещера тоже; турки по своему усмотрению отпирают и запирают храмы, построенные там. До сих пор Св. София и храм 12 апостолов обращены в мечети. В общем условия для религиозно-нравственной жизни восточных церковью – крайне тяжелые.

На Западе дела обстоят иначе. Папство со всеми атрибутами светской власти породило необычайную роскошь, отсюда пошли злоупотребления, вызываемые настоятельной надобностью добывать суммы на содержание папского двора. Явились индульгенции, явилось в противовес злоупотреблениям *лютеранство*. Лютеранство с крайним своим отрицательным взглядом привело к христианству без Христа. Какое же теперь настроение католического вообще мира? В Вене, Венеции и даже самом Риме, столице папства, церкви абсолютно пустуют; даже епископские богослужения не

привлекают народ. Храмы эти больше посещаются туристами, чем богомольцами. Храм Св. Петра в Риме, вмещающий 25.000 человек, бывает полон только в исключительных случаях – во время папских юбилеев и других выдающихся торжеств в римской церкви. Да и наполняется он не пилигримами, жаждущими духовного утешения, а любителями торжественных выходов и церемоний.

Что же касается русской церкви, то автор развертывает пред читателем несколько иную картину. Кратко охарактеризовав рост православной русской церкви, он останавливает своё внимание на следующих типичнейших явлениях нашей общественно-церковной жизни. При царе Алексее Михайловиче является раскол, с течением времени распавшийся на множество толков. Петр I допускает в Россию в качестве учителей – немцев-рационалистов; при Екатерине II получают к нам доступ энциклопедисты; после нашествия на Россию Наполеона остается у нас масса французов-учителей. И все эти иностранные учителя вселяют в сердца своих питомцев нелюбовь ко всему русскому, православному; отсюда и явился *дуализм*. Интеллигенция живет своею жизнью, а народ – своею; интеллигенция смотрит в окно Европы, а народ продолжает жить родною жизнью и православием. Правда, и к нему начинают проникать новые струи – в виде рационалистических и мистических сект. И у нас начинается поход против православия: со стороны народа выступают – сектанты, а со стороны интеллигенции – *книжники*, во всём сомневающиеся и требующие *переоценки всех старых ценителей* (и в догматике и морали). Повсюду переживается кризис. Но не смотря на это, на св. Руси православие есть еще основа государственной, семейной и общественной жизни, – и то в нём одном находится незыблемая истина.

В небольшой заметке, под заглавием «По поводу нового журнала «Новый Путь» (Тр. К. Д. Ак. кн. 3, стр. 440–454), автор её – Ф.С. Орнатский так характеризует направление этого журнала. – «Новый Путь» является отображением новых течений, возникших в нашем обществе с пробуждением религиозно-философской мысли. Окраску журналу дают вожаки

этого кружка Мережковский, Минский, и Розанов. Каковы эти течения, видно из сделанных автором критических замечаний на статьи г.г. Минского, Тернавцева, г. Философова.

Минский в своей статье «О свободе религиозной совести» проводит ту мысль, что преследование ересей и сект не должно иметь места. По Минскому, самое понимание церковью того, во что она верят и что содержит в себе, не абсолютно, а относительно, так как церковь в этом деле предоставлена своим силам. Если ересь – *человеческая ложь* в сравнении с нашей истиной тоже *человеческой*, то признавать её абсолютным злом – дерзко, ибо это посягательство на дело Божие. Религиозная истина дается не сразу, а постепенно, по мере наших сил и потребностей, сообразно нашим личным и национальным особенностям. Источником религиозной истины служит откровение, не прекращающееся и ныне. – Таков взгляд Минского на свободу совести; взгляд – слишком далекий от истины. Религиозная истина открывается не постепенно, как думает Минский, а открыта в полноте во Христе и чрез Христа, и чрез ниспосланного Им Духа Святого и хранится во вселенской церкви. И понимание этой истины церковью не есть дело лишь человеческое, а потому – погрешимое. Взгляд Минского на церковь как на институт человеческий – ложен. Церковь есть институт не только человеческий, но божественный – Богочеловеческий: она – живой организм, возглавляемый Христом и одухотворяемый Св. Духом. Поэтому всё, что церковь признает со времен апостольских, не может быть неистинным. Всё, признанное церковью за истину, должно хранить в целости, чистоте и неповрежденности; она должна оберегать и своих членов от тех, кто отрицает и искажает истину, конечно путем убеждений, а не насилия, словом и примером. Такая охрана не может быть названа не веротерпимостью. На сетования Минского, что та наша интеллигенция, среди которой появилось *новое отношение* к Завету Христа и *новое прозрение* прежних таинств и догматов (?!), лишена возможности возродить в людях атрофированное религиозное познание, г. рецензент отвечает советом этой интеллигенции, вместо реформаторских задач, заняться, в

целях уяснения истины, изучением церковной истории в жизни церкви.

Г. Тернавцев в своей интересной статье «Русская церковь пред великой задачей», констатируя факт разобщения русской интеллигенции с церковью и раскрывая причины такого разобщения, указывает условия, при которых возможно религиозно-общественное возрождение России. По его мнению, чтобы русская интеллигенция могла вступить в единение с церковью, с которой она стоит в полном разрыве, необходимо, чтобы сама церковь повернула свой фронт от неба к земле, перенесла центр тяжести с духовно-небесного идеала на идеал земного социального благополучия, чтобы «открыла правду о земле, – учение о христианском государстве, о религиозном признании светской власти». Но в чём же состоит эта правда о земле, и как понимать христианское государство, религиозное признание власти? Вопрос этот, чрезвычайно важный, автор оставил без всякого выяснения, и оттого весь труд его в значительной мере теряет свою ценность.

В небольшой заметке г. Философова, трактующей об отношении интеллигенции к церкви, церковь обвиняется еще резче и определеннее, чем в статье Тернавцева, в том, будто она ограничивается одним лишь небесным идеалом и потому будто бы отрицательно относится к искусству, к знанию и вообще ко всей культуре.

«В противоположность интеллигентному обществу, церковь, говорит г. Философов, поняла и приняла сознательно лишь первую половину заповеди: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею»... И не вмести в второй, она стала отрицать её, довела свою любовь к Богу, своё служение Ему до ненависти к миру, до презрения к культуре. Историческое христианство, вплоть до XX века, сосредоточивало своё внимание лишь на аскетической стороне учения Христова, на служение Богу, пренебрегши в своей односторонности тем Божиим миром, часть которого – работающие в поте лица своего ближние». В частности, русская церковь повинна в том, что она требует *отречения* от любви к жизни и людям, от любви к искусству, знанию, к нашим вечным

учителям – Пушкину, Достоевскому. Гоголю, – от всей культуры, а мы же не хотим отречься от того, что хотим – *освятить*».

Это тяжкое обвинение, возводимое г. Философовым на церковь вообще и на русскую в частности, Ф.С. Орнатский очень основательно опровергает целым рядом церковно-исторических данных и научных соображений, и тем показывает всю неправоту воззрений «Новопутейца» на затронутый им вопрос.

Таким образом утверждение «Нового Пути», что он будет следовать тому направлению, начало которому положено Гоголем, Достоевским и В. Соловьев, падает само собою. И новый журнал, можно только сказать, в разработке новых религиозно-философских вопросов идет своим новым, далеко не церковным путем.

Чрезвычайно интересна и содержательна статья профессора А. Булгакова под заглавием: «Церковь и её отношение к прогрессу» (Тр. К. Д. Ак. № 4, стр. 548–573). Содержание этой статьи таково. Церковь Христова не только не противится прогрессу рода человеческого, но она учреждена Богом на земле с тем, чтобы поднять человечество из той глубины духовно-нравственного помрачения, в котором оно утопало и утопает в язычестве. Основным законом жизни Церкви Христовой есть любовь к ближнему. При таком основном законе невозможно враждебное отношение Церкви к прогрессу рода человеческого. Обвинение Церкви во враждебном отношении к прогрессу проистекает вследствие различных точек зрения на прогресс и на самую Церковь. Под прогрессом рода человеческого нужно разуметь непрерывное последовательное увеличение в развитие данных человеку от Бога сил, как духовных, так и телесных, сохранение и приумножение данного человеку духовного и вещественного богатства, благополучие человека и сохранение жизни всего живущего на земле. Слово Божие и учение Церкви подтверждает такую точку зрения. Но есть враги Церкви, которые считают её враждебною прогрессу. Это – очевидное недоразумение – или вследствие того, что под Церковью разумеют такие христианские общины, которые уклонились от первоначальной древней Церкви Христовой, или потому, что прогресс рода человеческого понимают слишком

узко. История человеческого рода показывает, что в те времена, когда люди спланивались под знаменем Церкви, носительницы мира и любви, она делала быстрые шаги по пути развития и самоусовершенствования. А это ли не прогресс? К несчастью, многие под прогрессом разумеют одно только накопление положительных знаний и усовершенствование внешних условий человеческого бытия; принцип же любви, лежащий в основе нравственного самоусовершенствования, отодвинут на задний план; в результате параллельно с блестящим развитием наук и искусств – распространение неверия, падение нравственности и усиление пролетариата. Жизнь современного человечества превращается в борьбу за существование. Правда, некоторые прогрессисты проповедуют любовь к человечеству вообще, но такая любовь без любви к ближнему столь же невозможна, как и любовь к Богу без любви к брату своему. Совершенно нелепо воззрение, что Церковь Христова, как неизменное по своему существу учреждение, не может содействовать прогрессу, и даже больше – враждебно относится к положительным наукам. Это обвинение падает само собою. Церковь нельзя уподоблять человеческим учреждениям, подвергающимся изменению; она, как божественное учреждение, вечна и неизменна; её прогресс направлен в область духа, а не плоти. Она и не против наук, но только борется с теми из них, которые отрицают бытие личного Бога, Творца и Промыслителя, ограничивают бытие человека пределами земной его жизни, а вместе с тем проповедуют нравственную тьму и гибель человечества. Все лучшие произведения духа человеческого: наука, литература, искусство, направленные к нравственному обновлению человеческого сердца, никогда не встречали враждебного приема со стороны Церкви.

Разрешение вопроса об отношении христианства к язычеству, поднятого в некоторых кругах нашего образованного общества и с оживлением обсуждаемого в некоторых органах нашей печати, берет на себя П.П. Кудрявцев в своей статье: «К вопросу об отношении христианства к язычеству» (Тр. К. А., кн. 5, стр. 30–78). Содержание этой статьи таково. Инициатива в деле пересмотра интересующего нас вопроса принадлежит В.В.

Розанову и Д.С. Мережковскому. Мережковский, выясняя понятие язычества, приходит к тому заключению, что «язычество» адекватно понятию «человечество» и «языческое» значит только человеческое, в противоположность божескому. Человеческое (языческое) само по себе не включает в себя скверны, потому христианство должно воспринять в себя язычество. В В. З. «языки», т. е. все человечество считалось нечистым, кроме самого Израиля. В Н. З. сам Бог очистил всё языческое (человеческое) для восприятия божеского, христианского. Человеческое (языческое), не включая в себе никакой нечистоты, ведет к божескому, и что иных путей к божескому нет, кроме человеческих; человеческое непротиворечиво божескому, но соединимо с ним; тайна этого единения Бога с человечеством открывается в идее богочеловечества. Мысль эта, присущая подлинному сверхисторическому христианству, была искажена христианством историческим.

Разделяя эту точку зрения в вопросе об отношении христианства к язычеству, Розанов усматривает самое опасное уклонение исторического христианства в сторону от сверхисторического, чистого и неповрежденного христианства – в вопросе об отношении современной православной русской церкви к браку.

Исходя из той точки зрения, что языческое = человеческое само по себе не может быть нечистым скверным, поганым, Розанов признает, что брак существу своему, сам в себе, есть таинство, свят по самой своей природе и возможен не только в Церкви, но и вне Церкви. Брак свят не потому, что он благословляется Церковью, а потому он и благословляется Церковью, что он свят по своей природе. Если бы он не был чистым сам по себе, то Бог, чрез акт благословения, присоединился бы к грешной природе и сам стал бы грешным.

Брак, по Розанову, понимается главным образом в смысле телесного общения между мужчиной и женщиной и сам по себе есть великое и священное таинство: брачное ложе – алтарь, муж и жена – жрецы, тайнотворцы, акт телесного общения между ними – священнодействие, жертвоприношение Элогиму.

Желая показать равноценность церковного и внецерковного брака, Розанов сравнивает первый с золотой монетой, лежащей в святой деснице, а последний – с такою же монетой, валяющеюся на мостовой. Посему и дети – святы, чисты и законны, рождаются ли они в браке благословенном Церковью, или нет. Группировка детей «официальной Церковью» на законных и незаконных не только не справедлива, но и вызывает у автора негодование.

Соглашаясь с Розановым и Мережковским, что элементы человеческой природы сами по себе не заключают в себе ничего нечистого, грешного, П.П. Кудрявцев ставит вопрос: можно ли признать, что человеческая природа во всех своих проявлениях оказалась чистой, – и отмечает, что Св. Писание отмечает поврежденность человеческой природы, – и мыслители древнего и нового мира единодушно усматривают разлад, дисгармонию в человеческой природе, борьбу двух начал – добра и зла. И даже человеческая культура носит следы раздвоенности. Посему в человеческом или мирском начале заключается на ряду с чистым – нечастое, на ряду с истинным – ложное, на ряду с нравственным – и безнравственное. Само собою разумеется, что христианство не может благословить язычество (человеческое) во всей полноте его проявлений. Историческая задача христианства претворить язычество силою обновляющего своего духа, ассимилировать его элементы, христианизировать человеческую природу. Этот процесс христианизации человеческой природы совершается не только в истории человечества, но и в жизни отдельного человека: каждый из нас рождается *человеком*, но должен сделаться *христианином*, т. е. преобразовать свою природу по идеалу Христа и Его учения. Но поврежденная грехом природа человеческая не легко воспринимает в себя Христа: силы человека раздвоены и ослаблены; в нём постоянно идет борьба между добром и злом, между духом и *плотью*; причем под *плотью* разумеются те страсти и пороки, вообще греховная сторона человеческой природы, которые вносят разлад в нашу жизнь. При таком порядке вещей провести в жизнь начала христианского учения бывает очень трудно. Немоощам

человеческим приходит на помощь Господь и в таинствах Он подает христианину благодатные силы для христианских добродетелей. Для осуществления идеала брака необходимы человеку, поврежденному грехом, особые благодатные силы, которые и подаются в особом таинстве брака.

Возводя в апофеоз одну только сторону брака, именно телесное только общение между мужчиной и женщиной, Розанов извращает самый смысл, самую идею брака. Телесное общение, еще не есть брак. Основа брака лежит глубже. В природе человеческой тело и душа составляют одну цельную личность, потому половое общение не может оставаться только телесным соединением – оно переходит в самое интимное сближение с двумя личностями. Чем богаче содержание двух личностей, вступивших в брачное общение, тем полнее их жизнь. Вступить в брак – это означает её только разделять ложе, но вместе думать, вместе трудиться, вместе молиться, вместе воспитывать детей, если они есть. При этом половая любовь может подыматься до необычайной высоты и чистоты, – и телесное общение между супругами является завершительным выражением самого интимного общения между двумя лицами различного пола. Так как цель брака заключается не только в рождении и воспитании детей, но и в восполнении друг друга для совместной работы на жизненном поприще, а размеры нравственных сил человеческих в борьбе со страстями и невзгодами – скромны, то св. Церковь и приходит на помощь вступающим в брак и молит Бога, чтобы Он ниспослал своим рабам, полагающим начало новой жизни, во еже жити им в *целомудрии* и *единомудрии*. Она своими назиданиями и молитвами создает наиболее благоприятные условия для чистой, содержательной и гармонически-целостной брачной жизни. Венчание – это один из элементов церковного строя, воспитывающего в «человеке только» человека-христианина и содействующего наступлению царства Божия и царства правды: ведь семья становится «малою церковью». Поэтому-то нигде нет условий, более благоприятных для нормальной брачной жизни, нежели в церкви, являющейся очищающим горнилом для человеческой греховной природы.

Взгляд г. Розанова на брак, по замечанию Кудрявцева, является только переоценкой старых ценностей, не вызываемой ни существом дела, ни требованиями жизни...

Начиная с 1902 г. в западной (преимущественно немецкой) богословской литературе вновь выдвинут на сцену давний, много раз трактовавшийся вопрос об отношении библейских сказаний к вавилонским и стал предметом самых горячих обсуждений. Поводом к этому обстоятельству послужила речь, сказанная 13 января 1902 г. известным ассириологом Фридрихом Деличем на тему «Вавилон и Библия». Речь эта, произнесенная в присутствии императора Вильгельма, удостоилась высочайшего одобрения. Эти исключительные обстоятельства придали речи Делича чрезвычайный интерес. Появление речи в печати вызвало горячее обсуждение её и в течение года создавалась целая литература на тему о «Babel und Bibel». 12 января сего года Делич, возвратившись из Вавилона, произнес новую речь, посвященную тому же вопросу. Речь опять говорилась в присутствии императора и избранного общества, – и газеты выступление Делича сравнивают с выступлением Лютера в Вормсе. Эта речь вызвала специальное письмо Германского императора, в котором он изложил свои взгляды на религию. Но вторая речь Делича к уяснению вопроса об отношении Библии к Вавилону нового ничего не придала. – В.П. Рыбинский, в виду чрезвычайного интереса, взял на себя труд познакомить читателей с содержанием этой речи Делича и показать, при помощи научных данных, всю её несостоятельность, и тенденциозность в своей статье «Вавилон и Библия» (Тр. К. Д. Ак. № 5, стр. 113–144).

Речь Делича начинается общими замечаниями о важном значении добытых раскопками данных для понимания Библии. Благодаря ассиро-вавилонским открытиям, многие упоминаемые в Библии лица и места получили «краски и жизнь». Выясняя культурные отношения между Вавилоном и евреями, Делич замечает, что евреи заимствовали из Вавилона внешние формы законов, систему монет, мер и весов, а также ветхозаветный жертвенный культ и священство; оттуда заимствован и субботный день. Оттуда же мы узнаем, по

надписи на одной глиняной дощечке, и легенду о потере первым человеком бессмертия. Посему, по Деличу, целый ряд библейских рассказов теперь сразу из тьмы вавилонских холмов вышел на свет в более чистой и в более первоначальной форме. Библейские рассказы о творении мира и о потопе вполне соответствуют, по сопоставлению Делича, более древним вавилонским рассказам. Таковые, по его мнению, библейские представления об ангелологии и о загробной жизни, понятия о праведности и о грехе имеют для себя параллели в воззрениях вавилонских. Даже в вопросе о монотеизме и почитании Иеговы Библия находится в зависимости от Вавилона, так как идея единого Бога присуща всем северо-семитическим племенам, поселившимся в Вавилонии около 2500 л. до Р. Хр. и имя Иеговы, замечает Делич, есть духовная собственность тех кочевых племен, из которых, спустя тысячелетие, должны были выйти сыны Израиля.

Переходя к разбору и опровержению высказанных Деличем положений, г. Рыбинский делает несколько ценных замечаний общего характера. Между прочим, он указывает на разноречия в чтении клинообразных надписей, которые не дают твердых данных для единства выводов. Кроме того, вавилонские сказания сохранились для нас в очень поздней редакции, в редакции VII века до Р. Хр., почему и значение их, как глубочайшей древности, сомнительно. Наличие у Вавилонян многих рассказов, по содержанию сходных с еврейскими, нисколько не говорит о том, что последние заимствовали эти сказания от первых. Не говорит-ли это обстоятельство об общем источнике происхождения этих сказаний и у евреев, и у Вавилонян; при чем у последних сказания эти сохранялись в искаженном виде. У евреев все эти сказания окрашены идеей монотеизма, а у Вавилонян носят они следы политеизма. Те места речи Делича, где идет речь о сходстве культа евреев с Вавилонским, нисколько не говорит против богооткровенного характера ветхозаветной религии. Жертвенный ритуал, молитвы, посты, праздники, институт жречества – всё это существовало в той или другой форме в язычестве, как выражение врожденных человеческому духу религиозных

потребностей. У евреев же всё это получило божественную санкцию и было очищено от языческих примесей и согласовано с делами домостроительства человеческого спасения. Если мы сравним вавилонские верования с еврейскими, то вавилонская религия окажется неизмеримо ниже ветхозаветной еврейской.

Рыбинский, заканчивая свой разбор замечанием, что ассириология из союзницы Библии, в недалеком будущем может превратиться в её врага, настаивает на той мысли, что авторитет Библии не должно связывать ни с египтологией, ни с ассириологией, вообще ни с чем, лежащим вне самой библии и за пределами церковного сознания

Обращает на себя внимание в 6 книге Тр. К. Д. Ак. статья А. Дмитриевского: «Современное русское паломничество в Св. Землю» (274–319 стр.). Статья эта, написанная прекрасным литературным языком, изображает типы современных русских паломников на основании исключительно почти личных наблюдений и впечатлений, вынесенных автором при встрече с ними в святых местах Востока, – и в заключение выражает *ria desideria* автора относительно возможных улучшений в быте русских паломников на Востоке.

Отличительною чертою русского народа с древних времен является глубокая религиозная настроенность, выражавшаяся в паломничестве и по своим св. местам и на Восток. Паломничество во Св. Землю, по отчетам Императорского Палестинского Общества, год с годом растет и в последнее время дает довольно внушительную цифру, свыше 10,000. Автор, сам много раз путешествовавший на Восток, воочию убедился во всех неудобствах, претерпеваемых нашими простыми русскими паломниками, и сочною кистью рисует крайне тяжелую картину всех лишений и невзгод, с терпением переносимых нашими богомольцами во время пути на русских пароходах и в самой Палестине.

Типы паломников автор делит на три категории: паломники по чисто религиозным мотивам (самый симпатичный тип); паломники-тунеядцы, бродящие по святым местам Востока и России; к этому-же тину относятся и *геронтииссы*; наконец паломничество с учебно-учеными целями, предпринимаемое

как учебными заведениями, так и отдельными учеными лицами. Автор нашел нужным коснуться второго типа паломников в виду того разлагающего влияния, какое он оказывает на простой народ. Изображая тяжелое в общем положение наших паломников в Св. Земле, автор не умолчал и о том, какой эксплуатации подвергаются они со стороны святогробцев. Для контраста, он между прочим упомянул о тех удобствах и даже комфорте, которыми обставлены бывают паломничества, организуемые католическою церковью. В заключение своей статьи г. Дмитриевский высказывает следующие свои задушевные пожелания, обращенные к Императорскому православному Палестинскому обществу и направленные к улучшению быта наших современных паломников в Св. Землю.

1) Палестинское общество должно принять на себя опеку над паломниками, начиная с Одессы до Иерусалима. Для паломников должны быть устроены зато какие-нибудь удобства во время пути (они должны быть избавлены от соседства с четвероногими) и должен сопровождать им священник-руководитель и блюститель нравственности. Выезд из монастырей в Св. Землю молодым инокиням и послушницам должен быть епархиальною властью безусловно возбранен. 2) Для паломников должны устроить хотя бы временный барак в Яффе – для отдыха и убежища от палящих солнечных лучей. 3) Современное положение вещей требует открытия в Иерусалиме археологического института, который бы стоял на страже православия и русской народности в Палестине и Сирии; 4) устройства научной библиотеки для занятий русских ученых, приезжающих сюда, – и 5) наконец, необходимо Палестинскому обществу взять под свою опеку Палестинский музей, основанный покойным архимандритом о. Антонином и завещанный им нашей Иерусалимской духовной миссии, – как научное пособие для будущего археологического Иерусалимского института.

На этом мы и заканчиваем обозрение Трудов Киевск. Дух. Академии за первую половину 1903 года.

П. Козицкий

Александр, иеромонах. [Рец. на] Архимандрит Иоанникий (Ефремов), настоятель посольской церкви в Афинах. Поучения, речи и внебогослужебные чтения. Киев, 1903 г., 340+V стр. Цена 1 рубль 50 коп. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1106–1108

Нельзя не радоваться количественному и качественному возрастанию нашей гомилетической литературы. От времени до времени в нашей печати появляются сборники прекрасных проповедей, могущих быть добрым пособием для пастырей Церкви в их проповедническом делании.

К этому разряду следует причислить недавно напечатанный сборник проповедей почтенного о. архимандрита Иоанникия, настоятеля посольской церкви в Афинах. В означенном сборнике заключаются проповеди, произнесенные о. архимандритом в разных местах его учебно-педагогического служения: Тифлисе, Киеве и Твери. Всех проповедей 48; сюда же надо причислить и четыре напечатанных в конце сборника внебогослужебных чтения. Скажем сначала о проповедях. Проповеди о. Иоанникия можно разделить на две группы: к первой группе следует причислить слова и поучения на высокаторжественные дни, двенадесятые праздники, на дни Страстной Седмицы и т. д., ко второй – беседы, имеющие уже более частное и специальное назначение, именно те, которые были сказаны почтенным автором к воспитанникам разных духовно-учебных заведений. Проповеди о. Иоанникия на высокаторжественные дни проникнуты теплотой патриотического чувства, глубиной мыслей и художественностью изложения.

Вот как, напр., в одном слове о. Иоанникий изображает духовную связь между Царем и верноподданными сынами отечества.

«Царь-Помазанник, Богом-венчанный и поставленный управлять русским народом для блага отечества. Эта светлая

мысль вступает во взаимоотношение с сердцем верноподданного и в нём производит соответствующий плод: подданный питает к Царю чувства почтения, благоговения, преданности и покорности. Одушевляемый такими высокими чувствами по отношению к Царю земному, Он приходит в храм – дом Царя Небесного – и принимает участие в общем молении о Царе своём... В семье послушные и покорные дети чтят своего отца, и это почтение свидетельствует о духовной близости между младшими членами семьи и её родоначальником. Чувства почтения, благоговения и сами по себе, и особенно, когда они подвигают на молитву, служат очевидным доказательством духовной близости между верноподданными и их Царем» (30 стр.).

Другой разряд проповедей почтенного о. архимандрита составляют беседы, произнесенные им пред воспитанниками духовно-учебных заведений. Основные задачи воспитания в духовной школе заключаются в умственном и нравственном усовершенствовании, развитии религиозности, чувства долга, энергии, любви и т. д. Могучим фактором, способствующим осуществлению этих высоких задач, должно признать не одну лишь дисциплину, но и разумное, отеческое слово старейших педагогов (преимущественно лиц начальствующих) к питомцам духовной школы. Если одни любвеобильные наставления без дисциплины не могут принести школе какой-либо серьезной пользы, то в свою очередь и дисциплина без отеческих увещаний является малопродуктивной. Если мы теперь обратимся к беседам, произнесенным почтенным о. Иоанникием в разных семинариях, то увидим их глубокую целесообразность по отношению к воспитанию в духовной школе и невольно подивимся богатству уроков и наставлений, предлагаемых о. архимандритом духовным питомцам. Вот как, напр., талантливый вития внушает питомцам семинарии относиться с любовью к своей alma mater.

Любовь к учебному заведению, воспитывающему вас, говорит он питомцам духовной школы, должна обнаруживаться по отношению к лицам начальствующим, учащим и воспитывающим. Она будет тесно связывать и вас друг с

другом. Она наклонит ваше внимание и к малообразованной и непросвещенной прислуге. Даже внешняя обстановка учебного заведения, вещи, классная мебель не безразличны для любящего ученика. Любовь располагает к порядку, чистоте, бережливости, сохранению в целости. Лучшие проявления человеческого духа, любовь сводит к единству и доставляет высокое наслаждение человеку. Искреннему воспитаннику столь дорог его духовный питомник, столь близки его честь и слава, что он не заклеит его ничем непристойным ни под его кровом, ни в частной квартире, ни на улице, ни во время отдыха, ни при входах, ни при выходах» (201 стр.). Напутствуя своим прекрасным словом воспитанников, окончивших курс семинарского образования, оратор предлагает им, например, такое прекрасное наставление: «На какое бы поприще церковно-общественной жизни и деятельности вы не вступили – посвятите ли вы себя пастырскому служению или будете воспитывать молодое русское поколение в духовно-учебных заведениях и церковно-приходских школах – везде вы займете положение преемников по отношению к лицам, трудившимся прежде вас. Не безразличным является всякое ваше (без разбора) отношение к деятельности предшественников. Относиться к их труду небрежно, отрицательно, враждебно, сразу всё устроить на основании новом поступок непохвальный и особенно со стороны деятеля молодого, только что выступающего на высокое дело служения благу Церкви. Прекрасную черту своего характера обнаружит молодой деятель, если он приметит хорошую сторону в деятельности своего предшественника и, развивая её, станет присоединять доброе и со своей стороны» (207, 208 стр.). Достаточно этих кратких выписок, чтобы убедиться в высоком достоинстве проповедей о. Иоанникия.

Теми же достоинствами, глубиной мыслей, изящностью и общедоступностью изложения отличаются также 4 внебогослужебных чтения высокопочтенного о. архимандрита. Темы вышеозначенных чтений делают их вполне подходящими для распространения в южных и других местах России, зараженных сектантством. Таково, напр., предложенное о.

Иоанникием 18 Янв. 1898 г. в Киеве пред собеседованием с сектантами внебогослужебное чтение о пребывании и действии Св. Духа в Церкви Христовой (280–302); сюда же относится его внебогослужебное чтение о происхождении и значении обычая возжигать светильники при христианском богослужении (302–313) и т. д.

Проповеди о. архим. Иоанникия займут видное место в современной гомилетической литературе.

Иеромонах Александр

Козицкий П. [Рец. на] А. Платонов. Вокруг маяка. Красноярск. 1902 г. in. 8-ю 44 стр. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1109–1110

В настоящее время в интеллигентном обществе замечается удивительное шатание мысли, нравственная неудовлетворенность, стремление к чему-то высшему, мистическому, желание выработать по своему вкусу и нраву своё мировоззрение – (будет-ли оно религиозное или научное) – с неперменным при этом условии полной свободы совести – с одной стороны; а с другой – усиленное стремление выйти из повиновения матери-церкви, и низвести её значение в глазах верующей массы народа до нуля. В общем получается печальная картина: повсюду замечается полнейший разброд и разнузданность мысли, характеризующиеся легкомысленным отношением к нравственным устоям, неверие и религиозный индифферентизм. Кто-же всеми силами ищет истинного пути ко спасению, те «бродят в потемках», переживают большие сомнения и колебания и в конце концов оказываются «на полпути». – Такое состояние нравственной атмосферы чувствуется повсюду: и *в обществе*, с великим усердием трактующем о религиозных вопросах и силящемся их разрешить, и *в литературе*, являющейся зеркалом, отражающим с фотографической точностью современные течения общественной мысли. О злободневных вопросах мистического характера трактуют и на пароходах, и в вагонах железной дороги и в ресторанах за зеленой рюмкой вина. – Автор рассматриваемой нами брошюры «Вокруг маяка» знакомит читателей с целой серией такого характера разговоров, происходивших в железнодорожном вагоне, направлявшемся в Сибирь. Брошюра эта не лишена интереса и посему мы позволим себе остановить на ней внимание наших читателей.

Автор в своей брошюре выводит двух лиц, из них – один московский купчик, новейшей формации, другой – доктор. Купчик получил образование в коммерческом училище; вкусил

немного Маркса, немного познакомился с Л. Толстым, и под влиянием последнего, проникся «чистым духом евангельской свободы»; посему отрицает догматы и таинства, в частности таинство брака; чревоугодник и поклонник английской расы. Он-то и ведет разговор в вагоне железной дороги об отлучении Л. Толстого от Церкви, осуждает православную Церковь и требует полной свободы совести, т. е. права веровати во что и как кому угодно, *к чему кого тянет*. Спор он вел с церковником, который доказать ему неправильность его воззрений на затрагиваемый им вопрос.

Второй персонал – доктор ведет с автором очень долгий и жаркий спор об «исповедниках» Боборыкина и защищает выводимую автором повести тенденцию о свободе совести, разумея под этим термином свободу от всякой религия, а вместе с тем и свободу от совести.

Автор нашей брошюры в том и другом случае показывает неправильность точки зрения обоих спорщиков. Они уклонились от основной истины, что христианство есть непреложный путь ко спасению, что оно только есть истинная религиозная система и что нам после этого нет необходимости своими силами искать новых путей к новой истине и правде; нет нужды нам приставать к Гегелю, Шеллингу, Толстому, Ницше, штундистам, духоборам и т. д. Евангелие – вот – книга жизни, которая ведет нас ко спасению, но только не в переделках Штрауса, Ренана и Л. Толстого! Что касается свободы совести, которую проповедует Боборыкин в своих «Исповедниках» и которую рьяно защищает второй оппонент автора нашей брошюры – доктор, то она никогда и ни у кого не отнималась православной Церковью. Только свободы совести нельзя в данном случае понимать, как свободу от всякого вероисповедания, свободу от всяких символов. Ведь истина одна и вносить в религию субъективизм, т. е., признавать религиозную мысль делом личного вкуса, не логично и не научно. Благодаря такому положению вещей общество попало в заколдованный круг и не может выйти из него и войти в радость и покой. Христос – истина и путь; Его учение, как маяк правды, горит ярким пламенем и приводит к спасительной пристани, т. е., в Церковь Христову, которая и

уврачуе т раны всех!... Таково в общих чертах содержание брошюры г. Платонова. Брошюра написана прекрасным поэтическим языком, блещет образами и красками, – почему и читается она легко. Что же касается её внутреннего достоинства, то она по своему глубокому содержанию, исчерпывающему сущность рассматриваемых современных явлений, представляет немало интереса и заслуживает, благодаря новизне затрагиваемых вопросов, полного внимания к себе со стороны читателей.

П. Козицкий

Хроника

**М. I. Миссионерство, секты и раскол
(Знаменательные воссоединения с Церковью.
Миссионерские экскурсии самарских и
екатеринославских семинаристов) // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 18. С. 1111–1121**

В жизни миссии и в деятельности миссионеров самыми отрадными событиями являются возвращения заблудших в лоно Матери-Церкви. Это, суть плоды и жатва миссионерская. Не везде, и не у всех пахарей, работающих на миссионерском поприще, она бывает одинаково обильна, но никого из сеющих Господь не оставляет своею милостью. Воссоединения есть везде, но не везде о них сообщают с соответствующею сему делу тщательностью и обстоятельностью. Более ограничиваются сухою статистикою или же умолчанием.

А между тем сколько в каждом отдельном случае присоединения можно встретить и назидательного и отрадного.

В настоящей хронике отметим несколько отрадных случаев воссоединения с Церковью отпадших.

На стр. «Херсон. Епарх. Вед». свящ. Криницкий сообщает, сколько трогательные, столько же и поучительные, подробности о том, как 7-го сентября сего 1903 года в Александро-Невской церкви села Помощного, к великой радости православных, перед литургией была присоединена к православной Церкви, чрез таинство св. крещения, грамотная 19-ти летняя штундовка, крестьянка того же села Вера Елисеева Павлуш. Росла и воспитывалась Вера Павлуш в штундовском семействе своих фанатичных родителей, внушавших ей презрение и ненависть к православной Церкви; по настоянию их она усердно посещала и тайные штундовские собрания, принимая участие в пении сектантских псалмов. Но Господу угодно было вывести её из сетей фанатизма и лжи на путь истины, просветить помраченный ум, смягчить сердце и соединить её со стадом Христовым, – пробуждается в ней голос совести обличающий и укоряющий...; не найдя отрады и успокоения для своей души в штундовской ереси, она идет под благодатную сень Матери

Апостольской Церкви, немолчно зовущей к себе своих заблудших детей. С напряженным вниманием Вера Елисеева слушает службу Божию, поучения и беседы и, наконец просит крестить её.

После двухмесячного наставления в истинах православной христианской веры, раба Божия Вера, приняв св. крещение, вступила в лоно Христовой Церкви, славя и благодаря Бога, оказавшего ей великую отеческую милость, обратив её от пути погибельного на путь правый, соединив Святой Своей Соборной и Апостольской Церкви.

После совершения св. крещения, почтенный пастырь обратился к новопросвещенной с следующей наставительной речью:

Новопросвещенная о Христе сестра, Вера!

Благодать тебе и мир от Бога, Отца и Единородного Сына Его Господа вашего Иисуса Христа и Духа Святого. Слава в благодарение Господу, коснувшемуся Своею просвещающею благодатию Твоей души и сподобившему тебя узреть свет истины и обратиться к православной Христовой Церкви. Вне сей Церкви нет спасения, ибо только она одна истинная и всеспасительная в мире Церковь, по своей истине, по своему существу, полному света и жизненной силы, в ней только обретаются средства спасения.

Для спасения необходима благодать Божия, которая привлекается верою. «Благодатию есте спасени чрез веру», говорит Св. Апостол Павел; но эта спасительная благодать подается в Св. Таинствах, а право совершать таинства в Церкви Христовой принадлежит преемственно идущему от Апостолов священноначалию. В штунде-же, где ты доселе пребывала нет ни законнопоставленных священнослужителей, нет ни таинств, в которых подается верующим благодать Св. Духа, словом, в ней нет средств, способствующих спасению человека.

И не даст Господь Духа Святого тому, кто отделяется от Св. Православной Церкви, кто оставляет церковное собрание (Евр.10:25), ибо если отвергшийся закона Моисеева без милосердия наказывался смертью, то сколь тягчайшему наказанию повинен будет – тот, говорит св. апостол Павел, кто

попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? (Евр.10:28–29.) т. е. кто попирает основанную Кровию Господа Церковь Божию, – кто не почитает за святыню таинство Тела и Крови Господней, – кто всегда противится Духу благодати, живущему в Церкви Божией, тот лишает себя надежды на вечное спасение, тому не будет прощения грехов и в будущей загробной жизни, ибо, по слову Спасителя, хула на Духа Святого, упорное противление Духу Святому, не простится человеку ни в сем веке, ни в будущем.

Следовательно, все, отрекшиеся от Св. Церкви, которая есть «столп и утверждение истины» и в которой только пребывает Дух Святой погибают, подобно тому, как во время всемирного потопа погибли все те, которые были вне Ноева ковчега. Помни сие и благодари Бога, что Он милосердный спас тебя от пути погибельного, которым идут все оставившие Свою Мать – Церковь, и направил тебя на путь истинный, ведущий в царствие Божие, пользуйся разумно и дарованными тебе в св. таинствах способами и средствами к достижению царствия Божия, соблюдай заповеди Господни и живи так, чтобы своими действиями, своею жизнью не подавать повода другим к соблазну и к отделению от Св. Христовой Церкви, будь усердна к храму Божию, неопустительно посещай его во все воскресные и праздничные дни, ежегодно говей и приступай к таинствам исповеди и св. причащения.

Молю Господа, да утвердит Он тебя в православной вере и в ревности к исполнению заповедей Его, да поможет тебе непреткновенно, под руководством Св. Церкви идти путем спасения, жизнью своею не только себя спасти, но и ближних назидать так, чтобы и те, которые продолжают коснеть в ереси, взирая на твою добрую жизнь, последовали примеру твоего обращения к Церкви и соединились с нами для прославления единым сердцем и едиными устами в Троице славимого Бога, да будет едино стадо и един Пастырь! Аминь.

* * *

На страницах «Астраханских Епархиальных Вед.» свящ. о. Гвоздев не менее отрадное сообщение сделал о присоединении

им к православию в селе Верхне-Погромном из иудействующей секты девицы Анны Алексеевой Макеевой 17 лет. До моего сведения доходили слухи, – пишет о. Григорий Гвоздев, что девица Анна Макеева, принадлежа от своего рождения к секте иудействующих, имеет искреннее намерение принять православную веру и ищет только удобный случай, чтобы уйти из дома родительского, о чём она и не замедлила лично мне заявить, придя ко мне с своими подругами. Но мой вопрос: искренно-ли она желает принять православную веру, она отвечала – искренно и при этом присовокупила, что ей крайне не нравится лжеучение субботников: «на собраниях у них, говорила она, идет всегда, вместо молений, спор и брань, а молодежь занимается в это время разговорами и смехотворством, поэтому у меня не лежит сердце к их собраниям; примите, меня батюшка, в лоно православной Церкви». Жаль, что не пастырь искал овцу, а она сама пришла к нему, но, к чести о. Григория, он постарался оказать Макеевой все зависящие от него меры для достижения ею святого желания. Батюшка принял её с полной готовностью под кров своего дома, водворил в своём доме, поспешил ознакомить её с молитвами и главными догматами христианства. К счастью, она молитвы уже знала и пастырю пришлось только пока в кратких словах ознакомить её с выдающимися событиями из ветхого и нового заветов и показать наглядно, насколько губительно сектантское лжеучение. Будучи извещены о дне крещения, прихожане, когда наступило время крещения, явились в таком огромном количестве, что церковная ограда была переполнена и много стояло вокруг ограды. По случаю морозного дня и холодной церкви, святое крещение было совершено в теплой церковной сторожке. Трогательна была минута, когда вновь присоединенная торжественно вслух всего народа отрицалась от сатаны и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его и сочелась Христу. Нельзя было смотреть без умиления сердца на то, с какою душевною радостью и готовностью она принимала святое крещение; черствое сердце субботницы вдруг совершенно переменяется и стремится ко Господу; поистине «дивен Бог во

святых своих, Бог израилев». Наречена была новоперекрещенная Анной. По совершении св. крещения пастырь сказал краткую речь о том, что великая радость бывает на небе об одном грешнике кающемся и просил своих прихожан, чтобы помогли вновь присоединенной своими посильными приношениями. Прихожане сочувственно отозвались на помощь и в короткое время девица была справлена мною и выдана в замужество в благочестивое семейство, где и поныне благополучно здравствует, вознося усердную молитву ко Господу Богу.

* * *

28 августа с. г. в г. Режице, в городском соборе пред всенощным бдением в присутствии соборного причта, церковного старосты, представителей власти и множества богомольцев местным миссионером совершено присоединение к святой православной Церкви четырех человек: трех отступников и одного иноверца.²⁵⁵ Все новоприсоединенные живут в Режице, все люди молодые, начитанные и толковые.

По окончании чина присоединения, о. миссионер обратился к новообращенным со следующими словами:

«Возлюбленные о Христе братия!

Велика бывает радость пред ангелами Божиими об одном грешнике кающемся.

Вас же здесь четверо, и вы не только явились под сень святого храма сего и обратились к служителю алтаря с покаянием во своих грехах, но и сложили у порога церковного то оружие, с которым воевали против Святой Православной Церкви, оставили тьму и заблуждение, познали свет и истину Христова учения и из врагов Церкви соделались чадами её возлюбленными. Вы пришли от ереси штундизма, раскола и католичества в ограду Святой Церкви.

Мы уже не мало с вами говорили о предметах веры и теперь я считаю излишним говорить о преимуществах православия пред теми верами, которые вы содержали.

Я хочу лишь напомнить вам, что всё то хорошее, что вы имели раньше и чем дорожили и дорожите, остается за вами, да

еще то, чего вы не имели и что существенно и безусловно необходимо для спасения, вы приобретаете.

Штундисты надеются на веру в Бога, католики на веру и, главным образом, на свои добрые дела. Веруйте в Бога и делайте добро. Святая Церковь сему научает. Раскольники дорожат двуперстным сложением для крестного знамения. Церковь и сие благословляет.

Мало того, с присоединением к Св. Церкви, бывший штундист и бывший раскольник, приобретает священноначалие и таинства, Богом установленные; при посредстве их вы можете почерпать в ней, как в богатой сокровищнице, всё потребное для спасения и вечного блаженства.

От души приветствую вас. Дай Бог вам быть истинными и добрыми сынами Св. Церкви, исполнять заповеди Божии и своим добрым примером, и смиренным и разумным словом и других отступников и иноверцев призывать в лоно Святой Христовой Церкви.

«И ины овцы имам, говорит Христос: яже не суть от двора сего: и тыя ми подобает привести, и глас мой услышать: и будет едино стадо и Един Пастырь» (Ин.10:16, зач. 36).

После слова миссионера бывший штундист Грейшкаль сказал речь, заключающую в себе откровенную исповедь его души.

«Дорогой отец миссионер и наш духовный отец! Мы глубоко тронуты вашим теплым словом, которым вы нас приветствуете. Мы невыразимо радуемся, что познали истину и стали на путь спасения.

Позвольте и мне от себя и от лица своих товарищей сказать пару слов.

Я бывший штундист. Мне страшно оглянуться назад и вспомнить прошлое. Я был сначала католиком, потом перешел к штундистам, соблазнившись по молодости и неопытности их ласковым обхождением и добрым поведением. Они люди добрые, но в делах веры заблуждающиеся. Потерпи, Господи, на мне мои тяжкие согрешения и исцели мою грешную душу! Чему же я научился от штундистов!

Я отверг Святую Церковь, не повиновался пастырям её, пренебрегал таинствами, не посещал храма, не обращался к заступничеству Пресвятой Богородицы и Святых угодников Божиих, я удалил от себя святые иконы и даже сбросил с себя святой животворящий крест, данный мне при святой купели. Я был свидетелем кощунства и сам кощунствовал. Я ездил на беседы к православным и католикам и соблазнял их тем же путем, как и меня соблазнили.

Мать горько оплакивала мою гибель, но не растрогала моё окаменелое сердце.

Наконец Господь вразумил меня. Из чтения слова Божия и бесед я понял правоту православия и неправоту штунды. Я многому научился, я понял и то, что в Церкви православной непрестанно творятся чудеса и открываются мощи Святых. Не целыми ли потоками стекаются верующие со всех концов мира к преподобному Серафиму Саровскому.

Очень многие, по молитвам преподобного, получают дивные исцеления: слепые видят, хромы ходят, немые говорят. Сам Царь – властелин и самодержавный повелитель великого нашего царства склоняет свою державную главу и своё царственное колено пред останками старца Серафима и просит помощи и заступления.

А что же я за окаянный человек, что мне не нужны Церковь, священство, таинства, святые иконы и крест и заступление Пресвятой Богородицы и святых угодников Божиих!

Сознаю своё заблуждение и исповедаю своё грехопадение пред Богом, вами, слуга Божий, и всем честным народом и прошу помолиться обо мне грешном.

А вот бывший раскольник. Он понял, что в расколе нет ничего святого: нет ни церкви, ни священства, ни таинств, без которых нельзя спастись. Раскольники между собой вечно ссорятся из-за обрядовых мелочей и не имеют ни благодати, ни духовной власти. Народ сам избирает и устраняет простеца-наставника.

А вот и католик. Он смутился догматом, которого не было в древней Церкви, о непогрешимости папы и тем, что, вопреки

повелению Божию, католическое духовенство лишает народ Крови Христовой, а чрез это и спасения.

Благодарим Господа, призвавшего нас в лоно Святой Церкви! Да поможет Он нам пребывать в ней до конца дней наших!»

Молодой оратор говорил довольно тихо, но плавно и с глубоким чувством. Заметно было, что он пережил в своей душе большую драму, прежде чем обратился к Св. Церкви. Многие присутствовавшие потеснились к говорившему и с большим напряжением следили за его искренним словом. Некоторые женщины плакали.

Всенощное бдение совершал священник о. Иоанн Словецкий с диаконом о. Михаилом Овсянко.

Новообращенные стояли на клиросе и усердно молились.

Родные их безутешно плакали, ругали их и грозили им отомстить.

Мать и сестра Сорокина рыдали у дверей церковных во время всенощной и после неё.

На следующий день обе эти женщины появились ранним утром около собора. Они снова рыдали и пытались не допустить Сорокина в церковь, но он все-таки вошел.

О. миссионер подошел к рыдавшим и стал с ними беседовать. Свою беседу он начал словами: «Плачьте о себе и душах своих, а не о тех, которые познали истину, соединились со Христом и стали на путь спасения». Девица сказала: «Господь повелел почитать родителей». Миссионер ответил: «И мы учим почитать родителей и повиноваться им, а Господу Богу еще больше следует повиноваться, чем родителям. «Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин» (Мф.10:37, зач. 39)! Женщины мало-помалу успокоились.

За литургией присутствовало много раскольников.

Когда раскольники оставляли храм, один из них воскликнул: «Жалею, что и я не присоединился!» Он хотел вечером присоединиться к Св. Церкви, да жена его преследовала его по пятам и не допустила исполнить желание...

Вечером за всенощной снова собралось много раскольников. Были здесь и такие, которые, говорят, от рождения никогда не были в Церкви.

Сорокин изгнан из родительского дома и поселился у о. миссионера. Богданов потерял службу.

В деле обращения немалую услугу оказали миссионеру мящане Г.М. Василевский и И.И. Иоников, которые часто поговаривают с раскольниками, приводят их к миссионеру и выполняют его поручения. Честь им и слава!

* * *

А вот и еще одно сообщение прислал нам окружной миссионер Нижнечирской станицы о. Иулиан Барыкин о чудесном исцелении раскольницы-девочки, после причащения Св. Христовых Таин и о присоединении её к Церкви Христовой чрез св. миропомазание.

«Мои близкие знакомые, супруги И-н А-в и А.-У-ва М-евы, старообрядцы беглопоповщинской секты, часто со мною на досуге рассуждали о православии греко-российской Церкви и заблуждении старообрядчества, пишет о. Барыкин. К старообрядчеству они питали недоверие, но, с другой стороны, сомневались и в греко-российской Церкви. У них была дочь – девочка, которой в то время было 1 год 5 месяцев от роду. Малютка была красива лицом, резвилась и могла уже почти свободно говорить. Родители не могли нарадоваться на свою красавицу, говорунью дочку.

Господу Богу угодно было призвать это семейство в лоно Святой Православной Церкви посредством малютки-дочери. Это случилось так: 20 Июня 1903 г. их девочка крепко заболела, через два дня малютка была при смерти. Родители больной дали обещание присоединить дочь к православию, если она выздоровеет. «А если умрет? спросил я, кто будет отвечать за неё пред Богом. Ведь от самого рождения её вы некогда не приобщали её Св. Христовых Таин». Родители согласились со мною.

– «Спасибо вам за искреннее признание, – продолжал я, – духовную пищу принять можно только в Церкви Христовой, потому что вне Церкви благодать Св. Духа не может быть

дарована человеку (Апост. толк. лист. 549). Ваши же старообрядческие общины: беглопоповщина, австрийщина, безпоповщина и др. Церковью, имеющею благодать Св. Духа, именоваться не могут; первые две общины принимают хиротонию от еретиков по вашему воззрению, а остальные совсем не имеют иерархии. Стало быть, старообрядческие общины побеждены «вратами ада». Неужели обетования Христа Спасителя о вечности Церкви ложны (Мф.3:67)? Ведь Он Сам подтвердил: «Небо и земля мимо идут, а слова Моя не мимо идут». Всё это вы проверьте хорошенько и обдумайте. Относительно больной малютки я вам вот что посоветую: «Некогда Гедеон так молился Богу: «Господи! пусть будет по всей земли суша, а на руне роса» и наоборот. И Бог всё исполнил по его вере. Подобно ему и вы скажите, с пламенной верою: «Господи! Присоединим больную к православию и приобщим её бессмертных Твоих Таин в надежде, что за сие Ты воздвигнешь её от одра болезни». Господь исполнит вашу молитву. Потом и вы постепенно готовьтесь к соединению с православием». М-вы изъявили согласие. Немедля ни минуты, я послал за священником, который вскоре же и прибыл ко мне в дом. Тотчас же было совершено присоединение больной чрез таинство св. миропомазания, а потом приобщение Св. Христовых Таин. Больная после совершения над ней Таин сейчас же уснула и всю ночь спала спокойно.

На другой день малютка проснулась совершенно здоровою и снова начала есть, пить, говорить и бегать, хотя на первых порах и замечалась в ней некоторая физическая слабость.

Пораженные чудесным исцелением, происшедшим от присоединения девочки в лоно Матери Св. Церкви, родители сейчас-же изъявили желание присоединиться к православию и получить исцеление духовное. В настоящее время отец малютки присоединился к Церкви, а мать вскоре последует примеру мужа.

Много было чинимо препятствий к присоединению как девочки, так и отца её со стороны родственников и соседей однохуторян; перо отказывается писать их дерзкие выражения на Св. Мать Церковь, говорит почтенный о. Барыкин. Здесь еще

царит тьма непроницаемая. Что будет дальше, проживем – увидим.

* * *

Практическая миссионерская подготовка кандидатов священства на школьной скамье – в семинариях составляет одно из необходимых условий успеха и верных средств к подъему приходской миссии. Эта сторона педагогического миссионерского дела предусмотрена объяснительной запиской о постановке кафедры раскола и сект, постановлениями съездов миссионерских и распоряжениями Св. Синода. Лучшей практической миссионерской школой для учеников семинарии является участие в беседах, под руководством миссионеров и миссионерские экскурсии в центры раскола и сект. Беседы хотя не везде, но ведутся, что касается экскурсий, – то они составляют исключительное и редкое явление. А потому мы долгом считаем отметить на страницах Мисс. Обзор. два таких начинания.

В конце учебного истекшего года, шестнадцать воспитанников 5 и 6 кл. Самарской духовной семинарии из числа наиболее ревностных и деятельно готовящихся к пастырскому служению, с разрешения своего преосвященного еп. Гурия, поборника и ревнителя миссии, под руководством о. ректора архимандрита Вениамина и епархиального миссионера священника Д.А. Александрова и в сопровождении преподавателя К.А. Казанского, предприняли миссионерскую поездку на собеседование с раскольниками в с. Преполовенское, для практического ознакомления с приемами противораскольнической полемики. Воспитанники выехали из Самары с Московским поездом Самаро-Златоустовской железной дороги ранним утром 14 мая. По счастливой случайности в одном поезде с ними ехал оппонент миссионера, известный слепец-начетчик крестьянин деревни Осиновки, Покурлейской волости, Хвалынского уезда, Андрей Коновалов. Последний был выписан крестьянами села Преполовенского для нарочитой беседы с представителем православной миссии, в целях утверждения в вере безпоповцев, последователей Спасова согласия.

А ныне сообщают нам из Екатеринославской епархии, что в своих неусыпных архипастырских заботах о нуждах местной миссии Преосвященный Епископ Симеон, с целью возможно лучшей подготовки воспитанников семинарии к достойному прохождению пастырского служения в зараженных расколом и сектами приходах, разрешил питомцам VI-го (шестого) класса семинарии в свободное от учебных занятий время года совершить миссионерские поездки в зараженные расколом и сектами приходы. Организует и руководит этими поездками преподаватель семинарии по кафедре истории и обличения раскола и сект М.С. Брунбендер, при обязательном участии миссионеров: епархиального И.Г. Айвазова и противораскольнического свящ. С. Шалкинского. В текущем учебном году проектируется предпринять четыре таких поездки: одну в раскольничий пункт, а три в приходы, зараженные разными толками штунды. В каждой поездке обязательно участвуют не менее шести и не более десяти воспитанников семинарии и преподаватель М.С. Брунбендер. Сверх того, в противосектантских поездках принимает участие епархиальный миссионер И.Г. Айвазов, а в противораскольнических миссионер-священник о. С. Шалкинский. Все расходы по устройству означенных поездок покрываются из средств Епархиального Миссионерского Комитета, впредь до возбуждения на епархиальном съезде духовенства в 1904 году вопроса об ассигновании на этот предмет в распоряжение Комитета сумм из средств Епархиального свечного завода.

Нет нужды доказывать великую пользу от подобных миссионерских экскурсий для миссионерского дела епархии. Там, где теория соединяется с практикой, где школа знакомит своих питомцев с жизнью, там менее возможны ошибки при выступлении питомцев-теоретиков на поприще делания и делания самостоятельного. Если-же принять во внимание, как пагубны ошибки пастыря-миссионера, едва вышедшего на миссионерскую ниву, то нельзя горячо не приветствовать вышеупомянутых Самарской и Екатеринославской миссионерских экскурсий, как самого лучшего средства к своевременной подготовке семинаристов к трудному служению

пастырей-миссионеров. Хотелось бы верить, что и в других епархиях епархиальные начальства и местные съезды духовенства изыщут средства, необходимые для устройства таких поездок на будущее время, и тем дадут возможность удовлетворять одну из неотложных нужд современной миссии. Пока кандидаты священства не воспитают в себе любви к миссионерству и навыка в нём на школьной скамье, наше пастырство долго еще будет хромать «на оба плесна» в своём миссионерском служении. А преосвященных Самарского Гурия и Екатеринославского Семеона, так заботливо и своевременно поставивших на очередь и этот неотказный вопрос о практической подготовке кандидатов пастырства и все другие, история миссии отметит на своих страницах, как дорогих поборников миссионерства.

М.

**Корреспонденция «Миссионер. Обозрения»,
известия и заметки. (Лютеранская свобода совести.
К 200-летию со дня блаж. кончины Святителя
Митрофана, Воронежского чудотворца. Письмо
Обер-Прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева на
имя прот. В. Баженова) // Миссионерское обозрение
1903 г. № 18. С. 1122–1130**

Из Прибалтийского края. Лютеранская свобода совести

Когда в шестидесятых годах прошлого столетия началось обратное движение латышей и эстов из православия в лютеранство, то архиепископ рижский Платон в целях выяснения причин этого движения, предпринял поездку по всей епархии. Между прочим, в г. Лемзале к архипастырю Платону староста лемзальской православной церкви обратился со следующей речью:

«Мы, латыши, верные дети своего Государя, за своего Царя хотим стоять до последней капли крови, как и все истинные русские люди. Желая еще крепче соединиться с возлюбленным Императором и людьми русскими, великое множество латышей приняло православную веру, в которой и хотим охотно пребывать до скончания жизни. Но мызники поступают с нами весьма тяжело за принятие православной веры. Если кто из православных пожелает получить крестьянский участок, то ему долго приходится искать его, до тех пор, пока совсем не разорится в поисках. Если явится православный в какую-нибудь мызу просить об отдаче крестьянского участка, то его прежде всего спрашивают, какой веры он. И когда узнают, что православный, то ему говорят: «Участка получить в аренду нельзя». И так он долго может разъезжать и отыскивать, но повсюду получит вышеупомянутый ответ. А если где и найдет милость и получит участок, то его сейчас же спрашивают, обяжется ли он работать и на лютеранские церкви и школы и нести повинности в пользу лютеранских пасторов и школмейстеров с прочими лютеранами; и если согласится, то

получает участок. Желая получить в аренду участок, почти все православные хозяева поневоле соглашались исполнить сии условия. Всё это очень тяжело и грустно, и становится еще больнее от их насмешек, коими осыпают они нас по этому поводу. По этому мы просим всё это доложить высшим властям, что нам, латышам, единоверцам Царя, весьма тяжело».

На эту жалобу старосты архиепископ Платон, обращаясь к прихожанам, спросил: «Правда ли то, что высказал староста от имени лемзальских православных прихожан»? На это вся церковь громовым образом ответила: «Сущая правда! Да, да! Истинно, действительно так» (См. «Записки священника Полякова»).

Вышеприведенная беседа архипастыря Платона с православными лемзальскими латышами происходила 11 июня 1864 года.

С тех пор прошло почти сорок лет; мы вступили в новый XX век; много перемен совершено в Прибалтийском крае за этот период. Но изменилось ли положение православного латыша или эста в крае?

В качестве ответа на предложенный вопрос позвольте привести письмо православного латыша к бывшему редактору латышского духовного журнала – «Рижского Духовного Вестника», покойному священнику П.К. Даву.

Письмо озаглавлено так: «Что думают и делают помещики в Прибалтийском крае»?

«Православные в Прибалтийском крае, – пишет православный латыш, – терпят много притеснений от помещиков лютеранского исповедания. Всякий раз, когда православные латыши обращаются к помещикам с просьбою о предоставлении им крестьянской усадьбы в арендно-пользование или для продажи в собственность, повторяются всегда одни и те же вопросы и ответы. Первый вопрос, предлагаемый вотчинником или его управляющим, это – какого вероисповедания, русский (православный) или лютеранин. Если латыш назовет себя русским (православным), то следует обыкновенный ответ: «Нет усадьбы».

Только выходит православный латыш из конторы, в дверях он сталкивается с другим крестьянином. Входит этот крестьянин.

– Добрый день, уважаемый барин. «Ну, здравствуй! Что скажешь»? – Хотел бы арендовать или приобрести в собственность какую-нибудь усадьбу. «Ты какого исповедания?» – Лютеранин. «Да, есть усадьбы такие-то и такие-то».

Затем уже приступают к составлению контракта.

По каким же мотивам помещики отказывают православным в арендовании и продаже крестьянских участков? Соображения могут быть различные.

Во-первых, рассуждают помещики, если усадьбу предоставить православному, то ведь пасторы наши и приходы теряют известную долю натуральных повинностей в свою пользу. Во-вторых, если православный сделается дворохозяином, то его могут также выбрать на какую-нибудь волостную должность, т. е. старшиной или председателем суда. Впоследствии может случиться, что помещику же придется обращаться по делам к волостному старшине, представителю несимпатичного ему исповедания. Но одна мысль уже об этом неприятна помещику. В-третьих, говорят помещики, если отдадим православным одну усадьбу, потом другую и т. д., то ведь вместе с этим уменьшится и число столпов нашего прихода; приход придет в запустение, и останемся одни лишь мы, помещики. Поэтому, рассуждают они, православных необходимо устранить от владения землею. Тогда лишь приход наш будет непоколебим и несокрушим, когда вся земля останется в руках наших или во владении хозяев-лютеран. Тогда же не трудно будет нам содержать наши церкви, и платить приличное жалование нашим пасторам. Напротив, русских (православных) нужно держать в черном теле; нужно поставить их в такое положение, чтобы они знали лишь соху на полях помещиков или хозяев-лютеран.

И, действительно, православные низведены в огромном числе случаев до степени бобылей и батраков. Работая целую неделю на полях помещика, православные не имеют времени, чтобы позаботиться о своих родителях и детях или чтобы убрать

могилы родных. Им в качестве рабочей платы отводят пространства под картофель или овощи. Но батраку в будни некогда собрать свои продукты. И вот вы видите, в воскресный день близ большой дороги, не в далеком расстоянии от церкви какие-то люди собирают картофель на мызных полях. Проходит дорогою пастор, укоризненно качает головою. Кто эти нарушители воскресного покоя? спрашиваете вы. Вам говорят: «Это – православные»...

Положение наше воистину достойно сожаления. Почему нам в отношении к земле предоставляют меньшие права сравнительно с лютеранами?

Отцы духовные, сжальтесь над вашими духовными детьми»!

Таким воззванием заканчивает православный латыш свое письмо к священнику. Письмо написано в 1902 году.

Мы предлагаем местным органам печати вопрос: правда ли то, что пишет православный латыш?

Отмечаем еще одно случайное совпадение.

В том же 1902 году на одном из заседаний в столичных религиозно-философских собраниях князь Волконский читал реферат о свободе совести, где коснулся, между прочим, и Прибалтийского края.

По мнению князя Волконского, гонимой религией в Прибалтийских губерниях является религия протестантская. Известно далее, что реферат кн. Волконского читался (и не раз) в салонах, где он производил впечатление.

Совесть не позволила бы князю Волконскому это сказать, если б ему известно было действительное положение вещей в Прибалтийском крае?

Православный латыш

К 200-летию со дня блаж. кончины Святителя Митрофана, Воронежского чудотворца

23-го ноября с. г. исполнилось 200 лет со дня блаженной кончины Препод. отца нашего Митрофана Воронежского, российского чудотворца. Святитель Митрофан был одним из добрых пастырей православной Церкви, – пастырем, горевшим Илииною ревностью по благочестию и, с произволением

истинного мученика, готовым душу свою положить за заповедь Божию. «Честна пред Господом смерть» таких ревнителей благочестия. Бог прославил тело, в котором обитал самоотверженный дух и верная Своему Творцу душа, – нетлением, препобедившим действие уже двухсотлетнего времени. Загляните в гробы почивших 25 лет тому назад, и вы едва-ли и кости найдете целыми – все окажется «сени (тени) немощнейшим», как поет Божия Церковь. А тут 200 лет, два долгих века, и тело Праведника оказывается не подверженным истлению и смрадному разложению, чему подвергаются греховные и многострастные тела, издающие подчас смрад даже при жизни. Вот сила и действие праведности: праведный от веры и дел по вере жив и бессмертен будет; он спасает и душу свою, и телу своему сообщает свойства души бессмертной.

Святой Митрофан уроженец Владимирской губернии и происходил из сословия духовного. На сей раз духовенство наше может похвалиться своею ветвью, привившеюся к Лозе Господней... Из всех сословий Господь воздвигал святых угодников, чтобы никто не имел права сказать, что сословные обязанности могут быть непреодолимым препятствием для спасения. Имея из своего сословия великого Чудотворца Митрофана духовенство наше может с дерзновением призывать сего святого среди многообразных скорбей, которыми изобилует жизнь современных священников и клириков, особенно когда она направляется по руслу евангельскому, а не движется по ветру мира сего.

Мирское имя святителя было Михаил. Он был женат и на сороковом году овдовел. Поступив после того в общежительную Золотниковскую обитель (близ Суздаля), он пострижен был в монахи с именем Митрофана. Строгая жизнь нового инока скоро, против его желания, прославила его, и братия соседней Яхромской обители просила духовное начальство назначить им в игумены доброго старца Митрофана, что и состоялось. Крутицкий митрополит поставил инока Митрофана игуменом Яхромской обители, на этом посту преподобный пробыл десять лет. Патриарх Иоаким поручил затем игумену Митрофану

Унженскую Макарьевскую обитель, где Преподобный и игуменствовал 7 лет. Унженская обитель тогда пользовалась особым вниманием Царского дома, подобно тому как в наше время обитель Саровская. Царь Феодор не раз имел случай лично видеть Преподобного Игумена и наслаждаться беседою с ним. Игуменствовал Святой Митрофан образцово, умея сочетать строгость с милостью, и никогда не излишествовал в милости, так чтобы милость перешла в поблажку порокам и грехам, но и в строгости не переступал той незримой, но умом разумеемой черты, за которую строгость начинает переходить в суровость и даже в жестокость. Святой Митрофан умел шествовать царским путем, всегда внутренне обличая самого себя, смирясь пред Богом и ближними, содержа сердце в Боге через непрестанную молитву, милостыню и строгую справедливость. В 1682-м году царь Феодор избрал в первого Епископа Воронежского Игумена Митрофана, как «мужа истинно праведного и святого», по выражению царя. Святителю Митрофану довелось присутствовать при венчании царей Иоанна и Петра Алексеевичей.

По прибытии своём в новую епархию, Святитель обратился с окружным посланием к духовенству епархии, призывая его к ревностной и самоотверженной деятельности. Сам же он сделал свой архиерейский дом доступным и открытым для каждого, кто бы ни нуждался в его утешении, наставлении, милостыни, сострадании и участии. Как истый монах и подвижник он никогда не слушался своей плоти, а неумолимо и беспощадно смирял её и покорял велениям Святого Духа, рекшего через св. Апостола: «иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотьми»... Вот почему и кондак, составленный Церковью в честь Святителя Митрофана гласит: «воздержанием тело духу поработив, душу же равноангельну сотворив, святительскою одеялся еси одеждою, яко венец священства, и ныне всех Владыце предстоя моли, всеблаженне Митрофане, умирить и спасти души наши» (глас 8-й). Богатых и бедных Святитель принимал одинаково, даже суровее принимал богатых, когда сердце возвещало ему, что приблизившийся к нему богач нечист совестью, обидчик и

притеснитель бедных. За последних Угодник заступался мужественно, не боясь ненависти сильных мира сего. Таким мужеством отличались и отличаются все те, на ком почивает Святой Дух за святость их и бесстрашие; и только сыны века сего, будучи привязаны к мирским благам, бывают робки и трусливы пред сильными нечестивцами. Совершенная любовь – говорит Апостол любви – изгоняет страх из сердца, и несовершен еще тот, кто подвержен пустым страхам человеческим. Своё великое бесстрашие, преодолевшее даже самый сильный страх – страх смерти, показал Святой Митрофан при своём столкновении с титанической волей Великого Петра.

Петр Великий, строивший в Воронеже корабельную верфь и флот, часто посещал Воронеж, приготавливаясь к покорению Азова. Царь очень высоко почитал Воронежского архипастыря, любил его и прислушивался со вниманием к его советам. Зная, как любит Святитель милостыню, Царь щедро давал Угоднику Божию деньги от своих щедрот. В святом Митрофане Петр Великий нашел себе в многом единомысленного друга. Святитель в своих проповедях старался объяснить народу благие намерения Преобразователя России, а когда оскудевала казна царская и замедлялись постройки, Святитель Божий собирал для царя немалые суммы денег. Так, однажды он собрал для Царя 6000 рублей, потом еще 4000 и 3000. А это были по тогдашнему времени огромные суммы.

Но вот представился, по усмотрению Божию, – случай для Святителя явить своё мужество и ревность по православию. Однажды Царь Петр пригласил Святителя к себе во дворец, бывший в Воронеже близ адмиралтейства на острове реки Воронежа. Святой Митрофан, не взирая на высокий свой сан, не почитал унижением для себя ходить пешком, памятуя, что Сам Господь и Апостолы шествовали пешком и только при входе в Иерусалим незадолго до Своих страданий Господь ехал на сыне подъяремной, – на осленке. Уже перешел Святитель через мост, как вдруг увидал у ворот царского дворца языческие изваяния. Огорченный таким смешением христианства с культом язычников, Святитель возвратился в свой архиерейский дом и не пошел к Царю. Государь вторично позвал Святителя,

но Угодник Божий со святою и кроткою искренностью сказал: «пока Государь не повелит низвергнуть *идолов*, которые соблазняют народ, не могу явиться во дворец пред Его царские очи». Услышав о решении Архипастыря, Петр возгорелся гневом. «— Как смеет он не слушаться царской власти», вскричал Царь вне себя от гнева, и послал сказать Святителю, что подвергнет его смертной казни, если он тотчас не явится к нему. «Жизнь моя — во власти Государя», сказал посланному Праведник, — «но для меня лучше умереть, чем нарушить долг моего святительского сана. Неприлично Православному Государю ставить языческие болваны и тем *соблазнять* простые сердца народа».

Между тем Государь успокоился и великодушно и спокойно выслушал слова, которые ему донесли от Святителя. А Святитель Митрофан, зная крутой и решительный нрав Царя, тем временем готовился к смерти. Он приказал благовестить ко всеобщему бдению в большой колокол. Царь удивился, услышав звон, так как никакого праздника, ни «царского дня» на другой день не было. Царь послал к Архиерею узнать, зачем звонят. Святитель отвечал посланному: «мне, как преступнику, назначена словом царским смерть, готовясь к смерти, я хочу с церковью совершить соборное моление о прощении грехов моих». Подивился Царь готовности Святителя умереть за заповедь Божию и проникся глубочайшим уважением к Праведнику. Он послал успокоить Святителя и просить его не беспокоить народа необычайным звоном, и в то же время немедленно велел свергнуть статуи, оскорбившие Угодника. Святитель Митрофан, узнав о последнем, явился смиренно благодарить Царя за послушание на другой же день.

Пусть память Святителя Митрофана, не убоявшегося грозного гнева Петра В. в обличении нехристианского обычая, оживит в русском пастырстве и народе ревность к чистоте христианских нравов, благочинию, памятованию о том, что у Христа с велиаром меньше общего, чем у света со тьмой.

Перестанем воображать, что можно спастись, служа Богу и вместе мамоне. Если Христос избрал нас, христиан, от мира, пусть нас ненавидит мир, пусть гонит, а мы не должны изменять

в себе настроений святых, омерзения к греху и всякой лжи и неправде.

Серафим Изгоев

Письмо Обер-Прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева на имя протоиерея Владимира Баженова

Достопочтеннейший отец протоиерей!

Прошу Вас и подписавшихся вместе с Вами почтенных членов Епархиального съезда принять сердечную мою признательность за лестное для меня обращенное ко мне письмо от 20 сентября.

Утешительное для меня, оно в то же время смущает меня присвоением мне заслуги свыше достойной меры. Призванный Монаршею волей Императора Александра II к высокому служению и к деятельному попечению о нуждах св. православной церкви и её пастырей, я был лишь исполнителем Державной воли благочестивых Государей наших, глубоко хранящих в сердце своём любовь к церкви и заботу о духовном просвещении народа в свете веры. Мне были близко известны нужды духовенства, в скудости живущего посреди народной скудости, и я счастливым себя почитаю, что твердая мысль и милостивое сочувствие Государя Императора дали возможность облегчить, хотя в некоторой мере, участь нуждающихся и положить основание истинному просвещению народа учреждением и поддержкою церковно-приходской школы. Молю Бога, да возрастет это великое дело в правде, любви и мире трудами преданных ему пастырей церкви.

Константин Победоносцев

Ялта. 27 Сентября 1903 года.

Поднесенный Таврическим духовенством Его Высокопревосходительству адрес (письмо) был следующий.

Ваше Высокопревосходительство, Глубокопочтимый Константин Петрович!

Около четверти столетия провидением Божиим Вы поставлены быть посредником между Верховною Властью и Священноначалием Российской церкви. За весь продолжительный период этого времени Вы были не только

блюстителем закона, гарантирующим правильное отправление правосудия, но близость к царскому престолу и своё высокое положение Вы употребили на благо и утверждение в народе русском православной христианской религии. В ряду Ваших предшественников Вы более других были проникнуты убеждением, что благоденствие и истинная цивилизация русского народа стоят в прямой зависимости от того, в какой мере им усвоены и осуществляются в жизни евангельские начала правды и любви, насколько глубока в нём вера в Бога и крепок союз его с св. Церковью. Отсюда, как следствие от причины, появляются и красуются на Руси прекрасные плоды Ваших истинно-великих убеждений. Мы видели Ваши заботы об умножении церквей, о распространении церковно-приходских школ, как верном средстве воспитания русского народа в духе православной Церкви, заботы о служителях престола Божия, о их насущном хлебе и обеспечении заштатного и сиротствующего духовенства. Мы не можем не сознавать этого высоко-гуманного и просвещенного внимания Вашего к православному духовенству и чувствуем глубокую потребность выразить Вашему Высокопревосходительству наши искренние чувства признательности и благодарности.

Пользуясь в настоящее время Вашим пребыванием в пределах нашей епархии, духовенство Тавриды, в лице депутатов настоящего епархиального съезда, почитает долгом приветствовать Ваше Высокопревосходительство и признает себя обязанным всегда усердно молиться, да продлит Господь дни Вашей жизни в мире и совершенном здравии еще на много лет для славы Божией и на благо православной Церкви и Российского государства. Г. Симферополь. 20 Сентября 1903 года.

Вашего Высокопревосходительства усердные богомольцы (следуют подписи о. о. депутатов епархиального съезда духовенства).

**Строгий А. Миссионерские отметки при чтении
светской печати // Миссионерское обозрение 1903 г.
№ 18. С. 1131–1138**

Два весьма интересных известия сообщено в газете «Свет». Первое гласит:

«Гласный Архангельский подал в петербургскую думу заявление об отмене безбрачия городских учительниц, мотивируя своё предложение тем бесспорным доводом, что такое запрещение брака, как бы предполагает негласное соизволение на внебрачное сожительство». № 304 «Света».

Нельзя пройти молчанием такой вести, которая показывает, что нарождается в обществе деятельная забота о чистоте нравов и о восстановлении уважения к браку и целомудрию и нельзя не приветствовать с радостью доброго намерения радетелей общественной нравственности.

Самая важная задача современного воспитания в школах – это сохранить младенцев, отроков и отроковиц, юношей и юниц от растления и гибели духовной. В молодом поколении самая драгоценная часть – это *учащаяся молодежь*, будущая интеллигенция. Поэтому, с глубокой радостью можем мы приветствовать следующее известие газеты:

«По распоряжению попечителя СПб. учебного округа, воспитанникам гимназий, реальных училищ, технических и низших учебных заведений министерства народного просвещения воспрещается посещение увеселительных заведений – зала фон-Дервиза (на Васильевском остр.), Альказара, театра в Пассаже (на Невском), театра Неметти (на Петербургской стороне), Петербургского театра (На Офицерской ул.), Панаевского (на Адмиралтейской набер.), Нового театра (Мойка, д. 61), Зимнего Крестовского сада и танцевальных классов».

Жаль, что распоряжение это появилось поздно и вызвано разоблачением беспутства учащейся молодежи в книге Гегидзе. Необходимо только, чтобы полиция наблюла за выполнением этой прекрасной нравственно-профилактической меры, на

которую должно обратить внимание и учебное начальство других центров просвещения. Добившись *на деле* этого, можно добиться, чтобы и в театры известного пошиба не впускалась будущая интеллигенция, представляющая в теле народном то же, что в теле индивидуальном – мозг и нервы. А до какой уже степени преуспело растление нашей «золотой» молодежи светских интеллигентных классов, может свидетельствовать следующее ужасающее известие. Вот что прочитали мы в газете «Свет».

Киевский корреспондент «С.-Петербург. Вед». рисует ужасную, леденящую душу картину упадка местных нравов. Мы говорим об этом с ужасом, с отвращением, оставляя всю ответственность за точность и истину передаваемых фактов на том источнике, из которого они почерпнуты.

Не особенно давно все местные газеты были возмущены обнародованным фактом, что в Ростове-на-Дону задержаны были две девочки 10–11 лет, как заявленные и зарегистрированные проститутки.

Все иногородние органы печати пришли от этого в неописанный ужас; что же касается южных газет, то они и удивились, и ужаснулись несравненно меньше, потому что там подобное явление не оказывается настолько исключительным.

Там проституция среди не только несовершеннолетних, но даже и совсем малолетних девочек, явление совершенно обычное. Там это никого не удивляет и не пугает.

Климат ли, влияющий на организм и способствующий ранней физической зрелости... Распушенность ли нравов, при благоприятных к несчастью условиях и глубокой безнравственности местных богачей и капиталистов... или просто нищета и заброшенность детей являются главными факторами такого грустного явления – об этом судить не нам...

Мы констатируем факт, и, основываясь на словах и рассказах вышеупомянутого корреспондента, взываем к жалости и участию тех, от кого зависит прекращение подобного вопиющего зла.

* * *

Корреспондент не останавливается на таких поверхностных сообщениях, он вдается в подробности, которые, при всём их почти невероятном ужасе, он подкрепляет ссылкой на недавние факты в данной местности, всем известные и знакомые.

Он говорит, что «весь юг охвачен проституцией малолетних девочек», среди которых множество таких, которые едва достигли 6–7 летнего возраста...

Не верится, не хочется верить, чтобы всё это было действительно так! А между тем, к несчастью, не верить почти нельзя, потому что, идя далее в ужасающих подробностях этого страшного сообщения, корреспондент ссылается на авторитетные показания местных врачей, от которых он слышал, что во врачебных амбулаториях далеко не исключительным явлением оказываются малолетние проститутки, из которых 75 проц. оказываются обыкновенно зараженными страшной болезнью, всего менее свойственной детям!

Корреспондент в своих смелых и беспощадных разоблачениях идет дальше и смело указывает на настоящий источник этого страшного зла.

Таким источником, по его словам, служат местные богачи, у которых эти несчастные малютки живут «на содержании», в отдельных занимаемых для них квартирах, где вместе с ними живут специально для них нанимаемые «няньки», которые стерегут маленьких «кокоток», на губах которых еще молоко матери не обсохло!

* * *

Крошечные «кокотки» едва вышедшие из пеленок!

«Няньки», специально нанимаемые богатыми «содержателями» для крошечных 6–7 летних «содержанок». Как всё это ужасно! Как всё то позорит наш мнимо просвещенный, мнимо-гуманный век! Каким грязным, гнусным пятном все это ложится на переживаемый нами русский день!

Слава Богу, в перечне русских городов, упавших до такой страшной степени разврата и порока, наши столицы не значатся!

Названы, как очаги подобного ужаса, Ростов-на-Дону, Одесса наш древний Киев, мать русских городов, колыбель русского православия.

Ежели всё это не клевета, не страшный сон, не сказка, рассказанная нам на досуге, то куда же мы идем? И до каких ужасов, до какого страшного, неслыханного падения мы можем прийти этим путем!!

Ведь за развращение нравов, подобное описанному, в библейские времена гибли целые города?»

Где же, хочется спросить, духовные стражи, – пастыри южно-русских городов? Почему они не восстанут против Садомства. Или городские пастыри своей паствы не знают сами! А ведь от руки их взыщутся эти погибающие дети, – жертвы разврата. А ведь и знать-бы казалось, не так уж трудно, – вот корреспондент узнал-же.

О необходимости усилить уголовные кары за деторастления и говорить нечего. Эта необходимость сама собою ясна.

* * *

В номере от 16-го Ноября «Нового Времени» в фельетоне М. О. Меньшикова мы нашли не мало справедливых и светлых мыслей. Фельетон писался под аккомпанемент пушечных выстрелов с Петропавловской крепости по случаю наводнения и называется – «наводнение», написан в виде диалога и говорит о господствующих в русском обществе настроениях. Меньшикову представляется очень близкой катастрофа, и справедливо ужасает его влияние на простой народ бродячего элемента – хулиганов и босяков. «Дьяволизм» – вот как справедливо нарицает автор характер этого влияния. Не боясь быть смешным в глазах мира сего, Меньшиков прямо говорит о нечистом духе, которым одержимы хулиганы. Давно бы пора признать, что учение святой православной Церкви о злых нечистых духах, обитающих в людях, творящих с упоением зло, вполне справедливо.

Меньшиков с верою и почтением говорит об обычае «крестить лоб» и, очевидно, убежден, а может быть, и испытал силу крестного знамения. Как приятен вид оазиса в пустыне современного кощунства!

Из-за границы давно доносятся слухи о гонении на знамение креста, но последняя телеграмма гласит следующее.

Париж, 15 ноября. – Во время обсуждения палатой бюджета изящных искусств Дежант потребовал удаления креста с фронтона Пантеона. Министр народного просвещения оспаривал это предложение, которое и было отвергнуто большинством 322 голосов против 213.

Дежант вот имя того, им же соблазн пришел в данную минуту. Пусть имя это причтено будет к «Комбам» и «с праведными да не напишется». Гонение на крест есть гонение на Того, Кто пострадал на кресте за всех, в том числе и за Комбов и за Дежантов. Не ясно ли, что иудин грех повторяют французские депутаты, восставшие на орудие общечеловеческого спасения. Потому-то при таких веяниях с гнилого запада приятно отмечать в России – при том в писаниях светских писателей очень влиятельных – другие «тенденции».

Нельзя не отметить в фельетоне Меньшикова и того справедливого мнения, что страстью к банковским, спекулятивным и сребролюбивым предприятиям управляет «бес». Так прямо Меньшиков и называет беса – бесом, а не «силой», или «злым началом».

Поистине, если сребролюбие – «корень всех зол», то, конечно, разжигает эту мерзкую и безумнейшую страсть в сердцах отец зла и лжи – дьявол. Вообще, ко всему земному излишняя любовь (пристрастие) образуется в сердце по вине самого человека, но при деятельном влиянии и «поспешении» дьявола, ибо он «исперва согрешает», по выражению Св. Евангелиста. Для иллюстрации того, что излишняя любовь к земному, даже к человеку, происходить от дьявола, а не от Бога, от Которого только одно доброе бывает, приведем выдержку из газеты о том, как доводит до самого помешательства чрезмерная *самолюбивая* любовь (иначе и выразиться не следует о такой любви), страстное влюбление, столь воспетое поэтами мира сего.

– В г. Ростове-на-Дону, молодая, красивая девушка А. Е-а, служившая у одной вдовы, влюбилась в сына своей хозяйки, молодого человека лет 25, не выдержала и открыла ему своё

сердце. Молодой человек посоветовал ей забыть его. Девушка спокойно выслушала свой приговор, но с того же дня сделалась задумчивой и в поведении её стали замечаться некоторые странности. На днях в квартире её хозяйки состоялось обручение её сына. В разгар вечера молодой человек удалился с невестой в отдельную комнату.

Вдруг раздался ужасный крик и послышалось падение человеческого тела. Это упала в обморок А. Е-а, подслушавшая разговор своего идола с избранницей его сердца. На другой день Е-ой было отказано от места и она переехала на квартиру к своей матери и в первый день молча просидела до поздней ночи в углу комнаты, но, проснувшись на утро, она стала петь, танцевать и вдруг, бормоча что-то, бросилась к матери и стала душить её. Мать поспешила заявить об этом полиции, и на днях Е-а была подвергнута медицинскому освидетельствованию. Оказалось, что бедняжка одержима буйным помешательством».

Если бы эта девушка любила Бога всем сердцем и всем помышлением и всею крепостью (силою), то, конечно, не могла бы так страстно и поистине безумно влюбиться в молодого человека, любившего другую. Если бы любила она бессмертного Жениха Христа, краснейшего паче сынов человеческих, то самая смерть соединила бы её с Вожделем. Но полюбив человека так, как следовало любить одного только Бога, полюбив тварь гораздо паче Творца, несчастная и неразумная девушка погибла, лишившись не только желаемого, но и самой жизни и спасения, если только Бог не вменит ей страданий, какие ей придется пережить в состоянии сумасшествия.

* * *

Меньшиков в своём интересном фельетоне ищет причин всеобщего надвигающегося озверения нравов и устами своего лектора выражает печаль об иссякновении культурных влияний.

Слов нет, надо дорожить преданиями, особенно хорошими, как и Церковь блюдет Предание наравне с Писанием. Но в том, что разумеется под культурой, надо строго отвеивать пшеницу от плевел, руководясь принципом согласования каждого дела, слова и мысли с Волею Господа Иисуса и Святым Его

Евангелием. Уж пора бы почтенному г. Меньшикову перестать уповать на здравость европейской цивилизация и культуры. Не всё там, конечно, гнило, можно усваивать и оттуда кое-что, но только хорошее, святое, разумное, не противное Христу Богу. И на западе Господь таинственно влиял Своим Святым Духом, и было бы хулою на Святого Духа клеймить и хулить всё хорошее вместе с худым. Но и дьявол привил к мыслям, настроениям, чувствам европейцев много своего фальшивого и злого, противного Евангелию, вплоть до вражды ко Кресту Господнему, чего и Меньшиков не похвалит... Метко говорит М. О. о том, что «люди не связаны с общим древом жизни», хотя пишет древо – с маленькой буквы, будто забывая, что Древо жизни и Лоза, к Которой надо привиться, дабы давать сладкие плоды правды и преподобия, есть Христос Бог, рекший – «Аз есмь Лоза, вы же рождие». А прививаемся мы к Сей Лозе через таинства, особенно Приобщение, и через усвоение умом, сердцем, волею и всем существом учения Господа нашего, хранимого в Церкви православной от века и до века.

Заключает фельетон М. О. скорбно, сожалением об исчезновении «витязей». Мы не разделяем мнения, что витязей нет. Пророки, как известно, без чести только в отечестве своем. Если бы М. О. послушался давнего нашего ему совета поближе и попристальнее изучить жизнь и творения отца Иоанна Кронштадтского, а в особенности с его личностью лицом к лицу, тогда бы убедился, что витязи никогда не переводились на Святой Руси, но витязи все бывали всегда под хоругвию Церкви православной, ибо сила и мощь витязей зависела от Господа Бога, сказавшего – «без Мене не можете творить ничесоже», ровно ничего истинно-геройского сделать не можете, что лучше всего сказалось на лучших из людей, апостолах, которые все, пока не были осенены Св. Духом, разбежались, один даже ногой убежал, оставив одежду в руках преследователей. Такова-то немощь человеческого естества. Между тем Меньшиков несколько лет тому назад был введен в довольно комичное положение, разыскивая днем с огнем (диогеновского фонаря) – праведника, и обрел вместо праведника какого-то изверга, о чём М. О. имел мужество признаться в печати. Но вот истинного

витязя духовного и вождя русского народа – отца Иоанна Меньшиков не замечал во все последние годы. Не знаю, как будет впредь. Но витязей было на Руси много и в 19-м веке. Разве не витязи духовные были Серафим Саровский, почивший в 1833 году, Амвросий Оптинский, Макарий Оптинский, Парфений иеросхимонах киевский, Феофан затворник, променявший почет архиерейства на тесный затвор и молчальничество, из священной тишины которого изнес он на свет столько чудных творений, прямо художественных по форме.

А иеросхимонах Валаамский Алексей, лицо которого было как лицо Ангела... А священник Колоколов, недавно почивший от трудов, а протоиерей Никандр Виноградов, вытегорский окружный миссионер, которому в минуту смерти являлась Пресвятая Богородица и о котором отец Иоанн Кронштадтский говорил вытегорам, что он равен ему по силе молитвы и любви к Богу...

Едва-ли все эти имена даже знает М. О. Меньшиков, а для народа православного – это витязи духовные... Об Амвросии Оптинском впрочем Меньшиков отзывался с уважением, как и о Серафиме Саровском Чудотворце.

Надеемся, если М. О. познакомится поближе с нашими «витязями», от души его отлетит тот хмурый унылый дух, который внушает ему помыслы как бы отчаяния за участь России.

В Ноябрьской книжке «Нового Пути» г. «Отшельник» (живущий мимоходом сказать – среди кипучей суеты мира сего) пишет: «Припоминается поучение отца Иоанна Кронштадтского, назвавшего новые пути, а, следовательно, и «Новый Путь» сатанинским». Это – «следовательно» нам представляется несколько нелогичным, потому что отец Иоанн не назвал прямо журнала «Новый Путь», и самое большее, его слова можно принять за намек, а не прямое обличение, с каким, например, этот батюшка обратился к Толстому, говоря резко и «необинуясь», без всяких обиняков и околичностей. Не случается ли здесь та правда, которая разумеется в пословице – «на воре шапка горит»...

Батюшка, будучи и крайне чуток духовно, ощущает, что «сатана ходит, иский кого поглотит в свою его волю» из неопытных духовно. Батюшка намеком и предостерегает деятелей «Нового Пути» от внушений сатаны, отца лжи и врага Церкви православной. «Блюдайте» – мол – «како опасно» ходите. Но намек на опасность от сатаны еще далек от обличения в сродстве с сатаной. Когда надо сказать правду без обиняков и смело, то Кронштадтский пастырь мужественно и без обиняков её говорит. Вот что батюшка говорит о Толстом в последнем своём «ответе Толстому». Толстой, по справедливому замечанию Кронш. батюшки, – «дерзкий, отъявленный безбожник, второй Иуда предатель, да еще и по превосходству и со старшинством». Сатану батюшка называет «истым отцом» Толстого. Или далее батюшка пишет с замечательною силою – «о, как ты сам ужасен, Лев Толстой, порождение ехидны, отверзший уста свои на хуление богодухновенного писания Ветхого и Нового Завета, составляющего святыню и неоцененное сокровище всего христианского мира»... Батюшка более, чем справедливо говорит – «что Толстой клеветает на веру и Церковь превосходнее самого сатаны»... Как видит «Новый Путь» эти выражения чужды обиняков, а резки, суровы, бьют, как громом... Но о «Новом Пути» батюшка говорил не прямо, а лишь намеком, если только намек был направлен на «Новый Путь», чему приходится верить со слов самого «Нового Пути»... Поэтому, мы не находим причин к тому, что бы валить отца Иоанна в одну кучу с князем Мещерским, как это сделано в Ноябрьской книжке «Нового Пути» – г. Отшельником. Князю Мещерскому до отца Иоанна так далеко, как земле до неба. Притом же и сатана тоже «князь», «его сиятельство», ибо именуется в Евангелии «князем мира сего» и сияет фальшивым светом, являясь в виде ангела «светла»... Напрасно поэтому г. Отшельник разводит в себе пары негодования на отца Иоанна, называя его слово «опрометчивым», и т. п. (стран. 216-ая «Нового Пути» за Ноябрь). Верно, что непогрешимости римского папы православная Церковь гнушается, однако для нас, православных, нет сомнения, что с отцом Иоанном Бог

таинственно пребывает по силе Своего обещания – «Аз с вами во вся дни» (значит, и в наши дни) «до скончания» дней и веков. Бог свидетельствует об отце Иоанне, что Он с ним пребывает таинственно (незримо, но осязаемо и умопостигаемо) – посредством чисто апостольских знамений, чудес и исцелений.

Во время оно книжники говорили прозревшему слепорожденному: «мы ведем, яко человек сей *грешен* есть» (Ин.9:24)...

Как эти слова тогдашних книжников похожи на слова нынешних книжников в «Нов. Пути», сказавших об отце Иоанне – «мы знаем, что он грешный человек» (см. стр. 216 «Нового пути» за Ноябрь 1903 года)... Вы знаете, что праведник сей – грешен, но не хотите посмотреть на его дела.

Мы же, православные, скажем словами смиренного слепца, прозревшего по слову Господа – «аще грешен есть, *не ведем*, едино ведем, яко слеп бех, ныне же вижу» (Ин.9:25). Об отце Иоанне вся святая Русь знает, что Бог его честными руками творит апостольские знамения, не исключая прозрения слепых, очищения бесноватых от мучительства нечистых духов. Поэтому, мы смело можем сказать сему квази-отшельнику: «ведем, яко грешника Бог не послушает, но аще кто богочец есть и волю Его творит, того послушает» (Ин.9:31).

Антон Строгий

Отклики

Михаил, иером. О законоучительстве //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 18. С. 1139–1152

В одном из прошлых «Откликов» я писал о миссионерстве. Я говорил, что публичные беседы, может быть, и полезные – в тоже время заключают в себе кое-что опасное... Безусловно опасным, «человекоубийственным» делом я считаю – преподавание Закона Божия – в том виде как оно теперь ведется в наших школах. Я думаю, что это часто «убийство» совершаемое в те часы и минуты, какие специально посвящены Богу и его закону. Кто станет скрывать, что у нас уроки Закона Божия часто отводят от Бога, а не ведут к Нему. Законоучитель, которому вверены души сих «малых», является «врагом» этих душ; и это делается не случайно – не по вине частного священника, а в силу общей постановки Закона Божия в школе. Закон Божий – предмет наравне с алгеброй и географией! Не страшно ли это?

Законоучитель не преподаватель предмета, а священник среди паствы маленьких прихожан. Стоит священнику забыть это и погибнуть души детей. Священник в школе присутствует, так сказать, при тайне рождения «душ» – под лучами Евангелия здесь должны раскрыться души светлые, неиспорченные, жадно ищущие солнца правды и света. Даже у детей возникают уже мысли о правде жизни, о добре и зле; вопрос «о путях спасения». И дети в школе надеются, может быть, больше всего на уроках батюшки отыскать ответ на эти вопросы. Вспомните мальчика у Глеба Успенского. Он приходит в школу для того, чтобы решить вопрос о пути спасения, жизни: – «разбойником ему быть или пустынником». Священнику – употребляем любимое выражение Сократа – «нужно быть в этом случае добрым акушером рождающейся святой мысли». Но что же дают факты? Мальчик приходит и больше всего ждет «света» от Закона Божия. «В ту пору», – рассказывает мальчик, – «о божественном я думал крепко. Вот в таком расположении я пришел к вам в класс... и думал я, что вы нам, мальчикам, всё это подробно растолкуете, – как Пилат, что Иуда, и всё до нитки,

а вы что же? Вместо того свернули дело в три слова, всю историю в одну минуту... Иуда предал, Пилат, мол, распял, а через три дня Господь воскрес, – а радости мне никакой не вышло... Мальчик не нашел пути, Закон Божий не дал решения мучивших его вопросов. И кто виноват? Очевидно законоучитель, который даже к такому событию, как страдания Христа, не смог отнестись с любовным вниманием... Детская душа – чуткая и лучше, чем душа взрослого, может понять все недочеты преподавания. Беда, если детям Закон Божий преподается как всякий предмет, если законоучитель не может остаться священником за учительским столом и преобразуется в учителя. В одном собрании в С.-Петербурге обсуждался вопрос о законоучительстве. Один из собеседников настаивал, что Закон Божий должен быть равен всем остальным предметам, требования по отношению к нему должны быть одинаковы с требованиями от других предметов; метод должен быть общий. Если это погубит одного – так что же? Везде – говорил он – необходимы жертвы и... страшно сказать – на стороне этого человека оказалось чуть не большинство. А я считаю решительно такую постановку Закона Божия *развратом*. Если эта система губит одного из миллиона – *она не должна быть*. Нельзя жертвовать душой даже одною ни для какого блага: ценность души абсолютна.

Закон Божий должен быть поставлен совершенно своеобразно. Даже просто только серьезное преподавание, серьезное, но с таким же отношением, как у преподавателя математики, погубит детей. У хорошего преподавателя будут с интересом слушать, хорошо знать и помнить, но здесь не родится и следа того чувства, какого искал мальчик у Успенского. «Ты – читаем замечательную книгу Победоносцева – преподаешь детям Закон Божий... Больше всего берегись сделать из Евангелия учебную книгу, это грех. Это значит – *в ребенке обесценивать для человека книгу, которая должна быть для него сокровищем и руководством целой жизни. Страшно должно быть для совести разбивать слово жизни на бездушные кусочки и делать из них мучительные вопросы для детей. Приступать с речами о Евангельских словах к детям и вызывать*

у них ответы – для этого потребна душа, чуткая к ощущениям детской души». Еще хуже, конечно, если преподавателю Закона Божия – когда-нибудь становится скучно за уроком. Тогда ему лучше уходить. Эта скука, как мы писали по другому поводу, ляжет печатью проклятия на самую истину. Если о Евангелии, о Христе, о любви говорят почти зевая, то для слушателей такого законоучителя – становится сразу очевидным, что всё то, о чём говорят – *по существу не ценно, не дорого и мало нужно*. И дети перестанут уважать истину, относиться к Христу, к Его слову, как к самому дорогому, самому для них нужному. Один урок скучающего преподавателя может сгубить всё дело навсегда. «Надобно» учащимся «слышать живое слово», а ведь законоучитель и возвещает им глаголы живота вечного; поэтому непременно надобно, чтобы преподавание Закона Божия было проникнуто духом внутренней жизни самого законоучителя, чтобы в нём самом светилась любовь Христа Спасителя. Вялость, отсутствие одушевления, сонливость и лень, задавание уроков без предварительного объяснения не должны быть допускаемы, терпимы». Входишь, – пишет прот. Юркевич, – «на иной урок или экзамен по Закону Божию – и сейчас же сказывается в воздухе класса какая-то зараза спячки религиозного сознания и чувства, чувствуется, как будто самому законоучителю совсем надоело преподавать, а ученикам внимать преподаваемому им учению. Горе школе, недавний ученик которой, обнаруживший грубое незнание основных истин вероучения и порядка самых обычных богослужений, защищая себя и своё легкомысленное отношение к вере и церкви, с молодым задором и необдуманною горячностью бросает фразу: «вот вы срамите меня, что я не знаю ни богослужения, ни катехизиса, – да вашего – выдуманного монахами – устава наш о... знать не хочет, а катехизис ему самому давным-давно осточертел... Я знаю, что в шестопсалмие входят шесть избранных псалмов, в своё время вызубрил по учебнику краткое изложение их содержания, но ни в классе их не читал, не слышал, да и в церкви нашей (учебного заведения) всегда читали только один псалом с четвертью»...

Закон Божий – осточертел. Ведь это кощунство. Да кощунство, но рядом с ним здесь детоубийство. Такой же эффект должен производить в преподавании Закона Божия общепринятый контроль и кара за незнание, два или единица, за незнание нагорной проповеди.

«Когда приступают к делу с одной механикой программных вопросов, и ставят цифирные отметки за ответ на вопросы, иногда неловкие и непонятые ребенком, – вызывая волнение и слезы, – грех принимают себе на душу экзаменаторы и можно сказать о них: не ведают, что творят с душою ребенка. Как будто нечего больше желать и требовать для нравственной цели, – как иметь наличность той или другой цифровой отметки за ответы в предмете, называемом Законом Божиим. Есть в школе законоучитель, есть программа, балл, показатель знания, – и всё исправно.

Результаты такой постановки учения – поистине чудовищные. Я видел учебники, в коих по пунктам означено, что требуется для спасения души человека – и экзаменатор сбавляет цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов... Где тут разум? Где нравственность? Где наконец – и прежде всего – вера, о которой мы лицемерно заботимся?» (Победоносцев). Тут – действительно нет веры – и она невозможна; – самое это преподавание – есть уже *неверие*, безбожие.

Я позволю себе привести две странички из одной публицистической повести.²⁵⁶

«С некоторых пор вопрос о законоучительстве стал мукой для о. Николая. На днях он проходил деревней мимо избы и огорода Перцовых. Слышит на огороде Ванька зубрит «Блажени нищие духом... блажени нищие... нищие духом» слышится на огороде.

«Ну чай знаю, закрою».

Блажени...

Ванька со злостью бросил книжку в траву и сам с плачем повалился за ней. Отец Николай пошел прочь, и как всегда, почти еще не сознавая, куда идет, направился к матушке. Он нашел её с детишками из приюта и яслей, их у ней было

человек тридцать, на лужайке невдалеке от недавно сжатого поля. Ребятишки окружали её шумным роем.

– Матушка, вот смотри сколько нашел колосьев-то: это нам хлеб печь оставили, как ты читала помнишь. Это говорил мальчик лет 7–8, притащивший десятка два необитых колосьев.

«Читала, что такое читала»? – не понимает матушка.

«Вот какая ты беспонятная,» – сердится Федька, но объяснить толковее не может.

«Да он про эту – про Руфь-то... Как она колосья собирала», помогает ему кто-то постарше.

«Прочитай про неё, еще... прочитай», – посыпались голоса.

– А где я вам книгу-то возьму? – пробует отговориться матушка.

– «А у Анки, она всегда у ней».

Книга действительно нашлась. Матушка начала чтение.

«В те дни был голод на земле Иудейской и пошел один муж из Вифлеема Иудина в землю Моавитскую, чтобы поселиться там. Имя ему Елимелех. И умер Елимелех и осталась жена его и жены двух сынов его. И пошла Ноеминь в землю Иудину и обе снохи её с ней. И сказала Ноеминь: «Идите, дочери мои, домой к отцам вашим. Да даст вам покой Господь и сотворит милость с вами, как вы были добры ко мне. Но они сказали, нет, пойдем туда, куда и ты»...

«Что это ты по библии, да разве они запомнят?» перебил батюшка.

«А ты проэкзаменуй... Ведь это мы читали. Ну-ка расскажи ты, Катя».

Одна из девочек начала рассказывать связно, толково.

«Да ты им уроки что-ли задаешь?»

Зачем? Для них это лучше всякой сказки: они слушают, для себя, так жадно, что завидно им делается, а коль слушают, значит и запомнят. Вот Петя не сумеет рассказать, а я знаю, что он всю историю сложил в сердце своём; что, Петя, тебе нравится про Руфь-то?»

«Да»

А что нравится? «А вот, что колосья не все берут: бедным оставляют. Это хорошо».

Отец Николай рассказал о случае с Ванькой Перцовым.

– Ах, вы, законоучители; губите вы детишек и всё из чего? Из-за пятерок на экзамене. Учат нагорную проповедь и книгу за это называют проклятой! На вас души этих малых. А души, души то какие. Ведь горит она у них, вся за ризой Христовой тянется. Прочитай-ка вот им, попробуй, из Евангелия. Матушка взяла Евангелие и дала о. Николаю. Тот стал читать. Дети застыли, глаза загорелись, они стали такими красивыми, светлыми. Смотри, разве эти не запомнят. Ведь ясно, что всё семя падает на землю, дающую плод в 100. А если там у вас в школах проклинаят Евангелие, так не семя, не почва виновата, а сеятели».

– Так что же делать?

– «А плюнуть на пятерки и всё. Не о том заботиться, чтобы хорошо отвечали, а что бы знали хорошо, хоть и не умели знание выразить в словах».

Нам думается, – пишет Юркевич, – что плох совсем тот законоучитель, который – выражаясь языком школярей – «выезжает на колах и двойках»; для хорошего они могут являться только помехою: отнять баллы у слабого значило бы заставить его подтянуться, усерднее приняться за дело, поразмыслить хорошенько о необходимости поднять свой духовный авторитет среди учащихся; вырвать отметки из рук злоупотребляющего ими значило бы лишить его возможности вливать яд растления в свою педагогическую деятельность. Да, так. Но вы не знаете жизни – скажут мне: учебно-воспитательные приемы наши сложились так, что едва-ли найдется школа, где законоучителю дали бы простор вести своё дело за совесть, за страх пред Богом и своим архипастырем, как общим блюстителем всей поместной церкви во всех проявлениях её религиозной жизни перед совестью духовных чад своих. Разве вы не знаете, что повсюду «Закон Божий и соединенное с ним внушение начал нравственности составляет лишь один из ведаемых общим советом предметов учебной программы», и законоучитель является лишь частью общей системы и ему не легко бороться с системой. В епархиальных женских училищах, напр., законоучитель есть инспектор классов

и несет обязанности наблюдателя и руководителя всей учебной части своей школы. Казалось бы, что в училище он является полным хозяином своего личного преподавания, что может вести дело на свой страх, на свой ответ. Но вот и нашелся такой инспектор, которому претило – постоянно возиться с «цифровыми отметками»; знал он хорошо своих воспитанниц, знали и они его, взаимопонимание было полное, отношения самые желательные; не ставил батюшка отметок на каждом уроке, ограничиваясь собственными заметками для памяти, выставлял лишь четвертные и годовые баллы, и не подозревал, что кому-либо это может казаться разрушением школьной дисциплины, подкапыванием под начальственный авторитет... Оказалось нечто совершенно неожиданное, необычайное, – нашлись лица, которые усмотрели в таком уклонении «от цифровых отметок» законоучителя-инспектора нарушение требований здоровой педагогики, не сказавши ему ни слова, занесли жалобу властям предержащим, инспекторский классный журнал был взят на рассмотрение, и последовало строгое начальственное распоряжение, чтобы инспектор выставлял баллы на каждом уроке, каждой спрошенной ученице, – здоровая педагогика восторжествовала... Знаю, что так. «Что же? – скажем за одно с о. Юркевичем – нужно бороться. Ведь это борьба за дело Божие (Юркевич)».

А как же преподавать?

Помните, как преподает Закон Божий Лизе «Дворянского гнезда» её няня. Няня Агафья рассказывала ей не сказки, а житие Пречистой Девы, житие отшельников, угодников Божиих, святых мучеников. Она говорила Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, терпели голод, нужду, царей не боялись, Христа исповедовали, как им птицы небесные корень носили и звери их слушались, как на тех местах, где их кровь падала, цветы вырастали. Лиза слушала Агафью и образ Вездесущего, Всезнающего Бога с какой-то сладкой силой втеснялся в её душу, наполняя её чистым благоговейным страхом, а Христос становился ей чем-то близким, знакомым чуть ли не родным. При такой постановке – дети не будут иметь больших знаний? Будут плохо отвечать? Пусть. Да ведь и важен

не блестящий ответ ученика, а его отношение к предмету. «Это ничего, что ученик сегодня, за массой уроков, не имел времени прочесть две странички из Священной Истории, чтобы вспомнить рассказы законоучителя, – пишет Круглов. Важно, чтобы ему хотелось прочесть эти странички, и тогда он завтра, в праздник, оставив игру, найдет время их прочесть, да и не только их, а и больше. Всё забывается, забудется после школы и «выученный» Закон Божий. Это факт. Но это не беда, что ученик половину забудет. Пусть он забудет, но пусть в нём останется интерес и любовь к предмету. Возбудите этот интерес, пролейте эту любовь в юное сердце и вы сделаете всё, что требуется, потому что вы сделаете многое. Теперь, изучая Закон Божий для отметки, как учебный предмет, юноша выходит из школы, не чувствуя потребности заглянуть в эту книгу, которая была только учебником... и во все книги, которые только дополняют этот учебник. Ему всё надоело, прискучило. А тогда, при ином ознакомлении с важнейшей наукой, увлеченный рассказами из Священной Истории, полюбивши светочей мира, он, весь проникнутый теплом этой любви, пожелает и дополнить знания, не потеряет и интереса к духовному, религиозному чтению. А это и важно. Таким образом полузабытое и даже совсем забытое восстановится и укоренится, да не в уме только, но и в душе. А ведь и нужно, чтобы это знание божественного учения проникло в сердце, объяло собой всего человека, который забудет факты, но станет жить и мыслить под влиянием их, им обязанный своей душевной организацией его закона и довольно будет тех знаний, которые останутся в уме. Научите детей молиться Богу, любить Его храм, любить ближнего, сами будьте всегда полны веры и любви, учите примером и ваши ученики сделаются настоящими христианами. Знание забудется, а любовь не забудется, пример сохранит свое влияние. Любовь никогда не проходит бесследно» (Круглов). И не думайте, что мои взгляды совершенно неосуществимы практически. Нет, есть законоучители, которые держатся именно этих принципов и они получают сбор в 100, 70 и 30.

Один из таких законоучителей о. Иоанн.²⁵⁷

В 1857 году о. Иоанну было предложено законоучительство в Кронштадтском Городском училище (а с 1862 года в Гимназии). Он принял предложение с радостью – и это понятно.

Где, как не в школе, священник с большим успехом может совершать своё дело «претворения душ эгоистических во всескорбящих». Здесь, среди детей, о. Иоанн должен был чувствовать себя в мире особенно желанном и близком его детски чистой душе. Всем известно, как о. Иоанн любит цветы. Давно сделано наблюдение, что кто любит цветы, – любит и детей. Едва-ли это наблюдение случайное. Любовь к цветам, настоящая любовь, заботливая, трогательная, нежная, почти молитвенная говорит о сердце с сильно развитым тяготением к чистому, нетронутому, невинному. Дети в семье – это то же, что белые ландыши или голубые незабудки в природе. Это остатки первобытного рая, последние следы погибшей непорочности – чистое и красивое среди грязного и часто безобразного. Но цветы – это только символ красоты.

Детская душа – живая Божья красота. Как же после мог о. Иоанн любить детей. В школу о. Иоанн, по собственным его словам, вступил как делатель в питомник душ.

Мы непроизвольно начали главу сравнением любви к детям с любовью к цветам. Это собственное сравнение о. Иоанна. «Как приятно садовнику или любителю комнатных растений видеть, что их растения хорошо растут, зеленеют и дают цветы или плоды и вознаграждают их труды. Как они удваивают тогда своё усердие в уходе за ними. И землю каждогодно под ними переменяют, если это комнатные растения, и поливают тщательно и вовремя, а сухие веточки или пожелтевшие листочки обрывают, чтобы они и место не занимали на стебле растения и не безобразили его собою, да и соков его напрасно в себя не тянули. За то и посмотреть мило на эти растения! Цветочки то какие, например, у олеандры, у розы, – нашей русской и китайской, – глядишь – не нагладишься и скажешь: дивен Ты, Создатель наш, не только в человеке, – в Твоём образе и подобии, – но и в растениях бездушных, и в цветочках древесных. Впрочем, что нам много говорить о растениях и цветах? Они все-таки дерево, сено, – как ни хороши. А вот вы

наши растения или лучше – Божьи бесценные. Вы – наши цветы. То, что сказано об них, надо приложить и к вам».

Воспитывать души – такова была задача, которую поставил себе новый законоучитель. Его взгляды на преподавание в это время были довольно определенные. Он заявлял не раз, что задача каждого преподавателя – дать ученикам определенный, не исчезающий, прочный фонд, на котором будет строить после прочное здание разумного жизнепонимания он сам. Не количество, а прочность усвоенного важна.

О. Иоанн намечает и то, где и как, какими средствами приобретается эта прочность. Средство это ассимилировать знание с душой, слить со всем её прежним духовным содержанием так, чтобы знание навсегда вошло в души как новый, постоянный элемент духа, – преподавать только то, что может быть усвоено, переработано душой, умом и сердцем, а не памятью «Душа человеческая по природе проста – пишет он – и всё простое легко усваивает себе, обращает в свою жизнь и сущность, а всё хитросплетенное отталкивает от себя, как несвойственное её природе, как бесполезный сор. Мы все учились. Что же осталось в нашей душе из всех наук? Что врезалось у нас неизгладимо в сердце и память? Не с детской ли простотой воспринятые истины? Не сором ли оказалось всё, что было преподано искусственно, безжизненно. Не напрасно ли потрачено время на слишком мудрые уроки? Так это всякий из нас испытал на себе. Значит, тем осязательнее всякий должен убедиться в необходимости простого преподавания, особенно малым детям... Не в том сила, чтобы преподавать много, а в том, чтобы преподавать немного, но существенно нужное для ученика в его положении». Этот взгляд уже ручается за то, что уроки нового учителя будут педагогически разумны. Но о. Иоанн не был просто преподавателем, он хорошо сознавал отличие законоучителя от преподавателя. Всё, что нужно от преподавателя, нужно законоучителю, но здесь нужен еще большой существенный придаток – нужно нечто, без чего может обойтись вообще учитель.

«Закон Божий не есть предмет преподавания» – вот основное положение законоучительства о. Иоанна,

совпадающее с нашими вышепоставленными тезисами о. Иоанна. Я не знаю законоучителя, который в такой мере, как о. Иоанн, усвоил святое правило, данное в прекрасной книге «Учение и учитель»: «Ты преподаешь детям Закон Божий... Больше всего берегись делать из Евангелия учебную книгу: это грех»... и т. д. И о. Иоанн учит Закону Божию – Евангельскому закону, а не текстам, хотя и больше всего ценит подлинный евангельский текст; – у него на уроках изучается история Царства Божия на земле, а не история царей израильских. Он призван просветить сердце и больше всего заботится о том, чтобы сердцем учеников была усвоена правда Евангелия. «При образовании юношества, о чём надо больше всего стараться? О том, чтобы стяжать ему просвещенна очеса сердца. Не замечаете-ли, что сердце наше – первый деятель в нашей жизни, и во всех почти познаниях наших зрение сердцем известных истин (идея) предшествует умственному познанию. Бывает так при познаниях: сердце видит разом, нераздельно, мгновенно; потом этот единичный акт зрения сердечного передается уму и в уме разлагается на части, являются отделы: предыдущее, последующее; зрение сердца в уме получает анализ свой. Идея принадлежит сердцу, а не уму, – внутреннему человеку, а не внешнему. Поэтому весьма важное дело – просвещенна очеса сердца при всех познаниях, но особенно при познании истин веры и правил нравственности».

Правда, он задает уроки, но никогда не придает значения спрашиванию. Баллы и уроки отходят на задний план. Его урок проходит так. «О. Иоанн – читаем у одного бывшего ученика о. Иоанна – на своих уроках спрашивал обыкновенно сначала тех, кто сам заявлял желание отвечать урок, и надо было видеть, с каким усердием и выразительностью старались отвечать ему эти «вызывающиеся». За такие ответы батюшка ставил высший балл: «пять с плюсом», и, бывало, чувствуешь себя вполне удовлетворенным и как бы духовно преобразившимся, заслужив эту отметку, сопровождавшую милостивое слово батюшки:

«Спасибо тебе, доброе чадо!»

Потом спрашивал остальных, но только 2–3-5 минут. Вторая половина посвящалась объяснению – пересказу Евангелия,

чтению св. Писания и Жития Святых или объяснению катехизиса. Он говорил о том, что Евангелие – это живой завет Христа. Дети не могут не слушать со святым вниманием слов Христа. Их душа еще слишком близка, слишком родственна «небесным звукам,» чтобы быть к ним холодной. Если дети могут не слушать «Закона Божия», то только потому, что он преподается так же, как всякий предмет, т. е. с легкой сдержанной скукой или с холодной добросовестностью. Такое преподавание убивает «Евангелие», заставляет учеников видеть в словах этой книги «слова, которые нужно выучить», а при этих условиях, конечно, дело погибло. У о. Иоанна это были слова жизни. Он передавал слова Христа именно как завещание учителя – Бога. Его голос, лицо, все говорило, как дороги, как святы, как нужны для жизни эти заветы, и дети слушали и «слагали слова в сердце своём».

У о. Иоанна не было неспособных, – его беседы запоминались навсегда и *почти одинаково сильными и слабыми*. Были такие, которые не сразу сумели передать содержание беседы о. Иоанна, но не было таких, которые бы не принимали в свою душу этого содержания. Все внимание батюшки направлено не столько на то, чтобы заставить запомнить, сколько – чтобы пленить в послушание христианским заветам души детей, наполнить их теми святыми образами, какими была полна его душа.

Этого он и старался достигнуть чтением писания и Библии.

«Эти чтения – рассказывает один ученик о. Иоанна – настолько нас интересовывали и занимали, что мы просили обыкновенно книги эти с собой на дом. И о. Иоанн всегда приносил с собой на запас много отдельных житий, которые сейчас же расхватывались. Мальчик бережно прятал такую книжку в ранец, а вечером, выучив свои уроки, он собирал своих домашних и читал им её вслух.

– «Батюшка, я прочел житие св. мученицы Пераскевы», говорил через день – два мальчик: «дайте мне теперь другую книжку».

И он давал, а они читали и перерождались духом, понемногу, постепенно проникаясь идеалами правды

евангельской.

«Я – пишет этот свидетель – глубоко убежден, что многие из учеников вносили свою добрую религиозность, воспитанную в них на уроках о. Иоанна, домой и несомненно должны были влиять на своих меньших, по крайней мере, братьев или сестер». Его проповеди и назидания, отмеченные именно душевностью тона, какой-то особенной сердечностью, непосредственным духовным единением его со своими слушателями, «при его замечательно выразительном, отчетливом и чуждом всякой сухости чтении», глубоко западали в душу детей и умиляли так же, как и теперь они умиляют толпы народа, привлекаемого к почтенному иерею желанием получить от него благословение, назидание или поучение. Конечно ученики пользовались добротой о. Иоанна и иногда манкировали: не учили уроков, но от этого дело страдало мало. Всё усвоялось во время самых уроков; кроме того к экзамену готовились все, да и за год опущения были не часты.

Батюшка почти никогда не ставил нам дурных отметок, и иметь даже «три по Закону Божию у нас считалось большим стыдом и позором; тем не менее, – пишет И-н, не знавшие его урока боялись, или вернее, как-то стыдились его, не смотря даже на то, что ни у одного учителя не было так легко отделаться под предлогом вчерашней и сегодняшней болезни, да и вообще о каких-либо дисциплинарных взысканиях, произведенных по его инициативе, мы положительно никогда не слыхали. Но, повторяю, его боялись в этом случае и старались лучше уйти как-нибудь с урока, чем заявить ему прямо в лицо о своих «уважительных причинах» незнания заданного урока. Один из моих товарищей на выпускном уже экзамене, благодаря разным случайным препятствиям для надлежащей подготовки, ответил очень дурно по своим билетам; отец Иоанн настоял все-таки на том, чтобы и ему было поставлено «четыре», в виду его прилежания и успешности в течение гимназического курса. Однако, тому уже прошло несколько лет, а товарищ мой и теперь бы с трудом решился показаться на глаза своему доброму защитнику; по крайней мере, вплоть до отъезда своего из Кронштадта он избегал встречи с батюшкой,

находя, что он положительно обесславил последнего перед всеми присутствующими своим дурным ответом и не оправдал его доверия».

Да его боялись – только не как *законоучителя*, а как священника.

Это святой страх.

«После долгой разлуки – встречает один священник свою ученицу – теперь мать многих детей... Пошли воспоминания о том, как любили и боялись батюшку... – Может быть вы и теперь меня побаиваетесь с шутливой лаской спросил священник и получил искренний потрясающий ответ. «Боюсь и всегда буду бояться – вы Бога нам чувствовать давали» (Юркевич, стр. 1017 июнь 1901).

Этот страх и умел «родить» о. Иоанн – и где он есть, там Закон Божий не забудется и книгу Закона не станут ненавидеть.

В таком законоучительстве спасение.

В день 25-летия – законоучительства о. Иоанну был поднесен следующий адрес:

«Высокочтимый и всеми уважаемый пастырь и наставник Иоанн Ильич! – читаем в адресе, –

Исполнилось 25 лет еще нового, особо важного твоего служения государству и обществу, и в частности нам, отцам и матерям, в наших детях, которых ты, как законоучитель Кронштадтской классической гимназии, руководил на пути духовного просвещения.

Не сухую схоластику ты детям преподавал, не мертвую формулу – тексты и изречения – ты им излагал, не заученных только на память уроков ты требовал от них; но на светлых, восприимчивых душах ты сеял семена вечного и животворящего глагола Божия.

Множество детей перешло чрез твою святую школу. Многие твои ученики стоят на различных степенях и званиях на службе Царю и Отечеству; многие из них еще подрастают и готовятся к вступлению на общественное поприще, – и все они, вдохновленные тобой и твоим святым общением с ними, вспоминают твою любовь, наставления, твои уроки, – и все,

благословляя тебя, с благоговением вспоминают те незабвенные часы, которые они проводили с тобою.

Ты сам, не замечая того, своею пламенной любовью к Богу и бесконечным милосердием к своим братьям – людям, зажигал своим живым словом в своих учениках светоч истинного Богопознания; а своим святым примером и милосердием наполнял их юные сердца страхом Божиим, верою, упованием на Бога и любовью к Нему и своим братьям.

Не мерилom только таланта и увлекательности речи, как профессора на кафедре, не мерилom постоянного успеха сдачи экзаменов – мы говорим о твоей научной деятельности, – а теми наглядными плодами христианской жизни, нравственности, гражданских доблестей, семейных отношений, которые оказались в твоих учениках в многочисленных примерах.

Да будет наша, отцов и матерей, благодарность, как мирная молитва к Богу за тебя, да изольет Он на тебя от всесвятого Своего престола столько же духовной радости, сколько ты подал утешения нам в наших детях, в их благонравии и успехах».

Я полагаю, этот адрес, выражает желание многих матерей по адресу законоучителям. И мы присоединимся к нему.

Иером. Михаил

Декабрь. Книга 1

Козицкий П. Отношение нашего народа и интеллигенции к Святым земли русской, как носителям народных идеалов правды и святости. (По поводу книги Н. М Соколова «Святые земли русской») // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1155–1170

23 ноября текущего 1903 года исполнилось двести лет со дня блаженной кончины святителя Митрофана, первого епископа Воронежского. Это обстоятельство дало повод известному писателю Н.М. Соколову выпустить в свет небольшое по объему юбилейное издание под заглавием: «Святые земли русской». Книжка эта преследует ближайшую цель – восстановить в памяти читателей светлый образ первого святителя воронежского.

Помимо этой цели, автор имеет в виду также уяснить причину, почему наш народ, в противоположность современной интеллигенции, любит своих святых вообще и в частности святителя Митрофана. Научно-философский анализ таких явлений, как глубокое, согретое сердечной верой благоговейное почитание народом своих святых, – носителей идеалов праведной и богоугодной жизни, – так и холодное равнодушие нашей интеллигенции к вопросам веры и народным идеалам – составляет центр тяжести рассматриваемой нами книжки, придает ей особый интерес и научную ценность и сообщает ей апологетико-миссионерский характер в обширном смысле этого слова. Кроме этого, автор, как бы для большего контраста, чрезвычайно хорошо уясняет различие между православием, носителем которого является наш народ, и католичеством и протестантством, увлекшими в недра своего духа нашу интеллигенцию. – В виду вышеуказанного нами глубокого интереса, которым полна книжка Н.М. Соколова, считаем полезным познакомить наших читателей с её содержанием.

I

Наша интеллигенция, часто кричащая о своей любви к народу и о своей вере в народ, из этой любви и веры создала своего рода культ народа. Не так давно она верила, что у народа есть своё заветное «слово», новое для интеллигенции, своя вековая дума, своя неизменная правда. В настоящее время интеллигенция разочаровалась в народе: её искание истины в народе не привело к желанной цели. Теперь она утверждает, что у народа ничего нет своего, и что он таков, как и все. Увлечение народничеством было своего рода модой; легкомысленно-поверхностное искание в народе истины – явное доказательство того, что вера интеллигенции в народ и любовь к нему покоились не на прочных основах и на неискреннем к нему чувстве. Слишком скорое разочарование – доказательство того, что искали не там, где можно было найти заветное народное «слово». И удивительно, что не могли его найти. Ведь народ наш никогда не скрывал своего «слова» и не прятал своих идеалов. *Он всегда верил в святых.* В них он видел высокий пример праведной и богоугодной жизни. Здесь ключ для понимания его мировоззрения. Наши народники пошли не той тропой, и возвратились ни с чем. Чутье правды в народе, быть может иногда и не ясное, но, как предчувствие правды, безошибочно. Народ знает своих святых; он задолго до их всенародного прославления церковью благоговейно чтит их могилы.

Чем святы его святые, что в их жизни так чарует народную душу и за что преклоняется народ пред их памятью и их останками – вот вопросы, которые составляют тайну народной души и над которыми наша интеллигенция никогда не задумывалась. Да и могла-ли она задумываться, когда между нею и народом лежит «пропасть великая». Наша интеллигенция давно уже в плену у Рима, поднявшего первый протест против Церкви, в плену у германской реформации, в свою очередь протестовавшей против Рима, и в плену у еврейского материализма, поднявшего протест против христианства и христианской нравственности. Наши интеллигенты, отделяющиеся от русских святых и святынь одним словом: «суеверие», забывают, что христианская вера для еврея

кажется суеверием, а для католика и протестанта – представляется схизмой не только вера русского народа, но и всей Церкви.

Непогрешимый папа в Риме и непогрешимый разум в протестантстве – явления одного порядка, – это две стороны одного и того же протеста против единства вселенской и апостольской Церкви. Русские космополиты, обвеянные духом Запада, не заметили русских святых и стали искать в русском народе какой-то другой веры («слова»), кроме той, в которой он живет и которой он не скрывает ни от кого.

Понятно, что наши интеллигенты, привыкшие рассуждать по чужой указке, рабы моды и всяких веяний, не могли видеть того, что пред их глазами.

Историческое прошлое говорит нам, что выдающиеся умы, выдвинутые народной стихией, шли не по той дороге, по которой теперь идет интеллигенция. Так.

Многостороннее творчество Пушкина, полное гармонии и величавого спокойствия, находит для себя объяснение в том, что он стоял на почве народного мирозерцания, народной веры. Лермонтов в «Песне о купце Калашникове» – весь живет с народом в его правде и его вере. И он не мог бы быть творцом этого классического, истинно-русского произведения, если бы народная вера была для него чужой. Достоевский, касаясь в своих глубоко-психологических произведениях вопросов «правды и совести», стоит всецело на почве народной веры и на вере в святых, чтимых народом. Наконец Толстой, в инстинктивном проникновении основными началами русской жизни, создал ряд произведений высокого художественного совершенства и, как власть имеющий, говорил о заветных тайнах русской души и русской жизни. Но когда художник захотел быть мыслителем и признал непогрешимость своего разума, тогда чутье русской жизни ему изменило и от прежнего Толстого в нём ничего не осталось.

Но простой наш народ почти не знает Пушкина и Лермонтова, Достоевского и Толстого. За то он знает Митрофана Воронежского, Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского и многих других святых, единственных для него

«учителей жизни», которые умели сказать ему его правду, дали ему пример праведной и святой жизни, научили его жить, терпеть и молиться.

Нашей «интеллигенции», отрекшейся от своего собственного разума и преклонившейся пред разумом вообще и общеевропейским в частности, показалось, что до сих пор совсем не знали народа и что народ совсем не то, чем обыкновенно его представляли. И наши «передовые умы» приняли на себя с некоторым легкомыслием огромную задачу – узнать душу народа, его заветные мечты и идеалы совести. К несчастью, изучение народа начали не с того конца. По невежеству, эти народолюбцы стали преклоняться пред худшими и самыми низменными представителями народа и видеть в них соль земли русской и свет миру; начали они изучать народ в кабаке и расковыривать грязь и тину народной жизни.

Открыли босяков. Можно с уверенностью полагать, что господство, акибы «идейное», босяков долго продолжаться не будет. Упоение пройдет, вытрезвление наступит само собой и придется подыматься со дна.

Казалось бы, вполне естественно было бы нашим народолюбцам начать изучение народа с верхов, а не с низов. Народную душу с её идеалами и заветными думами следовало бы изучать по тем образцам, которые являются единственными учителями народа не только словом, но и примером праведной и святой жизни. Говоря это, мы разумеем святых, особо чтимых народом, но нашей интеллигенцией объявленных «суеверием». Жития святых расходящиеся в десятках тысяч среди народа, почему-то не попадают в руки наших «передовых умов», которые о себе мнят, что они, как по книге, читают народную душу. Будь иначе, для них стало бы ясно, чего ищет и что находит для себя народ в житиях святых. Народ в этом отношении очень чуток и устойчив, его трудно обмануть. Он хочет знать житие святого, дабы почерпнуть из него себе назидание и урок для жизни. Одно учение без жития праведного его блазнит: оно кажется ему барской потехой – особенно в том случае, когда учить зазорной жизни.

Народная русская совесть связана неразрывными узами с русскими святыми. В виду этого, русскому обществу, рано или поздно, придется внимательно изучать жития святых, – изучать не с научно-критической точки зрения, а как *святыню народа*, не только как *идеал*, но как *норму* достойной христианской жизни.

Бесспорно, для холодного, стороннего и нелюбящего глаза, с непривычки, всё будет казаться непонятным и необъяснимым, но для «созерцающих очей» откроется «тайный образ духа», т. е. типические черты русской праведности, русской святости. Хотя почти все жития святых бедны биографическим содержанием и личность святого остается как бы в тени, но нужно углубиться в жития святых и тогда святость внимательному созерцателю откроется во всех её оттенках и разнообразии.

Типичными святыми земли русской являются – святители Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский и Тихон Задонский. Изучение житий этих святых дает ключ к уразумению глубокой самобытности русской духовной жизни. Здесь-то и кроется источник русского самосознания; здесь покоятся те идеалы жизни, которые оставались и остаются неизменными, живыми и для народной совести обязательными. Только под этим углом зрения вопрос о русской общественности и гражданственности получит научную постановку. Только с этой точки зрения будет правильной оценка творчества Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского и Толстого, а равно и тех писателей иного лагеря, кончая Максимом Горьким, которые шли и идут по другой дороге.

Русской народной жизни, подвергающейся в последнее время отклонениям от норм, нельзя отказать в гармонической стройности и законченности, так как над нею всегда стояли такие идеалы, выше которых человечество и теперь ничего не знает. Вопросы веры и русской народности, изучаемые со стороны их идеалов, получают надлежащее освещение (3–8 стр.).

II

Из жития святителя Митрофана Воронежского автор останавливает внимание читателей только на некоторых чертах

его жизни и не берет на себя задачи представить законченный образ святителя, как одного из типов праведности. При этом он оттеняет только те исторические условия, при которых пришлось святителю нести тяжелый архипастырский труд в одной из окраинных епархий при Петре I, и намечает черты духовного облика, которые выделяются в его словах и очень немногих письменных произведениях. Не следует забывать и того обстоятельства, что исторические и бытовые условия того времени были слишком соблазнительны и греховны, но они имели второстепенное значение для нашего святителя, посвятившего свои помыслы тайнам жизни вечной: и при них он стал святым.

О жизни и деятельности святителя Митрофана сохранилось очень мало сведений. Проблески духовной жизни, ставшие достоянием истории, дают возможность только догадываться о подъеме и направлении созерцательной мысли нашего святителя. От святителя Митрофана не осталось таких учительных трудов, как от Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. Кроме духовного завещания, незначительного по объему, и послания к пастве, от него сохранилось только несколько писем и деловых записей. Но это нисколько не мешало ему быть исповедником Христа и учителем жизни не только для своей паствы, но и для всех грядущих поколений. Он поучал не столько словом, сколько своею жизнью. Он был истинно-русским святителем и устройтелем церкви воронежской земли и пребывал в полной любви и единении с этою церковью.

Время вступления святителя Митрофана на воронежскую кафедру было весьма тревожным. К этому времени раскол вполне определился и шел на борьбу с новою государственностью и церковностью. На Пасхе 1682 г., по смерти царя Федора Алексеевича, святителю пришлось быть очевидцем неистового буйства раскольников с расколоучителями во главе, к которым примкнули стрельцы, и кровавого усмирения стрелецкого мятежа. Это был один из трагических моментов в русской церковно-исторической жизни.

Но это событие, по-видимому, прошло мимо святителя Митрофана, – по крайней мере – голоса его мы не слышим. Как

он отнесся к этому могучему вопросу русской жизни, для нас это остается неразгаданной тайной. Да и в воронежской земле, куда святитель прибыл только в августе месяце 1682 г., было не спокойно. Раскольники, преследуемые правительством, бежали на Дон, в вольные города; здесь они делали нападения на русские поселения, жгли их и брали людей в плен. Донские казаки не отставали от раскольников: «разных станиц люди», «возмутясь с женами и детьми», ходили «с боем» и убивали добрых людей. Картина земского нестроения еще больше омрачалась тем, что «эти разных станиц люди» ради воровства соединялись с татарами, калмыками и другими инородцами. Воронежская область, как окраинная, постоянно подвергалась нападениям татар, бравших жителей в полон и грабивших их до нага. Ко всему этому, состав местного населения пополнялся ссыльными государственными преступниками; сюда бежали от тюрьмы и из тюрьмы, холопы от помещиков; служилые люди от службы и раскольники от никонианской веры. Духовным лицам в этом крае жилось не сладко. Иногда сами поселяне грабили своих духовных отцов и избивали их до полусмерти совершенно невинно. За хозяйственным недосугом духовенство было малограмотно; некоторые не могли даже подписать своей фамилии. Черному духовенству, у которого были вотчины и поместья, несколько лучше жилось; но случалось, что и иноки шли по пути разбоя и насилия.

В это время по епархиям заводились новые порядки, – и воронежскому епископу пришлось открыть «духовный судный архиерейский приказ». Этот приказ доставлял не мало хлопот святителю делами о розыске беглых попов, бракоразводными и другими делами. Немалые преогорчения пришлось терпеть архипастырю в столкновениях с губными старостами и воеводами. Управление архиерейскими поместьями и вотчинами служило также не малым источником забот, так как находилось не мало людей, которые чинили всякое разорение, а домовых архиерейских крестьян били и грабили, чему корыстные воеводы часто мирволили.

Пестрая, буйная, нестройная жизнь катилась грязным потоком у ног святителя, – и голоса его мы опять не слышим в

укоризну этому бесчинству. Все характерное для этой эпохи и весь своеобразный колорит исключительного времени не отмечены следами личной мысли святителя и всё это остается чуждым для него. Среди обязательных административных забот и указаний он весь замыкается в самого себя: у него было своё дело, своя дума. Чем мутнее и грязнее были потоки окружающей жизни, тем выше и чище были помыслы святителя, тем больше и душевнее любил он этих жалких и бедных людей, далеких от христианской правды. Из послания архипастыря к управляемому им духовенству, которое он увещевает пасти врученное ему стадо тремя образами: словом учения, молитвою и святых тайн строением и жития образом, видно, что среди язычников и полуязычников святитель не понизил пламенеющий факел апостольского служения, жил весь в заботах о своём стаде и сквозь грязь и нечистоту видел в своих пасомых чад православной церкви, способных возродиться о Христе (9–24 стр.).

III

Чрезвычайно любопытны страницы жития святителя Митрофана, трактующие о его отношении к Преобразователю России. Духовная мощь и твердая непоколебимость в вере – с одной стороны, – и покорность царской власти – с другой – гармонически сочетались в личности святителя Митрофана.

В последние семь лет своей жизни воронежский владыка провел в постоянных сношениях с Петром I. С 1696 г. Воронеж перестает быть пограничным городом. Здесь была заложена верфь Петром I, здесь строятся военные суда; отсюда предпринимается поход на Азов. К титулу епископа воронежского святитель Митрофан получает добавочный титул «азовского». Петру I был дорог каждый сторонник его реформ, потому он с большим уважением относился к воронежскому владыке, как своему единомышленнику. Святитель своими скудными средствами дважды оказывал помощь государственной казне. В первый раз передавая деньги государю, он сказал: «всякий сын отечества должен служить от своих имений нужде государственной: прими же, Государь, от

моих издержек оставшиеся сии деньги и употреби их против неверных».

Но и св. Митрофану пришлось столкнуться с нетерпеливым преобразователем, – и только случайно это столкновение не оказалось роковым.

Как известно, столкновение святителя с царем произошло из-за нескромно-обнаженных языческих кумиров (статуй).²⁵⁸

Отличаясь необыкновенною ревностью по вере, даже до готовности положить жизнь свою за веру, святитель Митрофан был весь проникнут глубоким смирением. Предчувствуя приближение смерти, он написал духовное завещание, в котором просит и молит «положить его по чину схимонахов, архиерейскими же ризами отнюдь не облачать». Скончался святитель Митрофан 23 ноября 1703 г. в 6 часу пополудни. Жил он 80 лет с полумесяцем; воронежскою паствою управлял 20 лет и 8 месяцев. При погребении святителя присутствовал и Петр I. Он вместе со своими сотрудниками, в благодарность к почившему архипастырю, отдал ему последнюю честь тем, что вынес на своих руках тело святителя из дома в храм и нес из храма до могилы.

– Не осталось у меня такого святого старца; ему же буди вечная память, – сказал царь по окончании чина погребения.

Петр приказал выдать 700 р. из монастырского приказа на поминовение души святителя, на служение сорокоуста и на милостыню (24–30 стр.).

IV

Внешние события в жизни воронежского святителя Митрофана, как видит читатель, бледны и не выразительны. Поднять завесу, скрывающую от нас высокий облик святости святителя Митрофана, нам несколько помогает духовное завещание его, полное глубокой веры, кротости, смирения и любви к своей пастве.

Святитель в своём завещании пред лицом смерти вспоминает прежде всего своих сотрудников по пастырской деятельности, сослуживших ему у престола Господня, завещает им всячески заботиться о своём спасении и быть образцами благочестия для верующих и напоминать им о том, что они

должны дать ответ пред Богом за своё словесное стадо. Затем мысль свою владыка устремляет к представителям гражданского благоустройства и напоминает им христианские обязанности. «Судьям заповедую: о правосудии да пекутся и суд праведен да судят, ибо неправда и коварство в людях умножилось, вдовы, сироты и немощные в оскорблении зело плачут». Не забыта им и паства, составляющая церковь Христову. Пасомым он дает такие наставления: «употребь труд, храни мерность – богат будешь. Воздержно пей, мало яждь: здоров будешь. твори благо, бегай зла: спасен будешь... Да пребывают все в чистоте, воздержании, святине и покаянии. Веру православную и церковь, как мать, любить и пребывать в ней неотступно, хранить предание и учение св. отцов, ибо без веры правой невозможно угодит Богу и вне церкви Христовой невозможно никому спастись». Но самым трогательным, самым душевным местом в завещании нужно призвать просьбу святителя о прощении ему прегрешений и о молитвах за него. «Аще кого чим прогневах и досадах или оскорбих – смиренно прошу согрешениям моим прощения... Слезно прошу у всея Божия церкви, и у священного собора, и у всего православного народа – молитв святых, да помолятся о душе моей ко Господу Богу и Пречистой Деве Богородице Марии, да сотворит Господь Бог милость бедствующей душе моей и простит согрешение мое и сподобит меня царствия небесного... Сотворите милость, и последний сей мой долг заплатите к Господу Богу своими молитвами, в душевную мою пользу, помяните душу мою грешную, да и сами поминовени будете от Господа Бога в день страшного суда. Не презрите убо моего прошения, слезно молю и прошу последняя ваша любви ко мне грешному, – не забудьте мене в молитвах своих по апостолу: братия, молитесь друг о друге».

Если бы мы не имели других сведений о святителе Митрофане, кроме его послания к пастве, то и тогда бы пред нами предстал муж высокого духовного достоинства и нравственного благородства.

Любовное молитвенное общение с Церковью невидимою, с прежде отшедшими отцами и братьями, – и с Церковью

видимую, – со всем составом христианской Церкви – это тот идеал святости, который завещан всему человечеству, который веками выношен в сердце и помыслах русского народа и который нашел для себя полное воплощение в лице святителя Митрофана воронежского.

Наш народ знает своих святых, глубоко чтит их и верит в силу заступнических их молитв. Иначе и быть не может.

«Когда святые земли русской, свято поработавши при жизни, уходили из мира сего в мир вечного упокоения, то их непосредственное и всестороннее влияние на народную совесть поднималось и усиливалось до поразительной высоты. Их учительное слово – становилось достоянием народной правды. Их уроки становились законом жизни. Они были воплощением правды, и народ не допускал и мысли о другой правде, кроме той, которая воплотилась в их слове и подвиге. В житиях святых заключается весь круг житейской и умозрительной философии. У могил святых и в их житиях народ ищет спокойствия, святой веры, любви и надежды. Умирая для себя, угодники не умирали для народа, а только наполнялись новою вечною жизнью. Здесь-то и кроется весь смысл (мистический и реальный) почитания святых мощей. Несколько имен святых и ждет только дня благословения их Церковью; в народном же сознании они святые задолго до их канонизации» (31–45 стр.).

V

Вся русская жизнь определяется теми чертами, которые с наибольшею ясностью проявляются в «житиях святых». Здесь идеалы подняты на высоту святости, – и это идеалы – народные. Без них русская история необъяснима. Наши историки-западники в большинстве случаев отрицают эти идеалы; они думают, что наши Пушкины, Лермонтовы, Достоевские создались из ничего. Они забывают, что нужно считаться и с тем фактом, что самобытной и богатой литературы не может быть у народа бедного духовно. Светская литература пожинает лучшие плоды с нивы, засеянной Церковью, ибо Церковь всегда сеяла вечную Христову правду, – сеяла – всегда разумное, всегда доброе, всегда вечное. Историки, которые не

признают русских народных идеалов, собственно говоря, отрицают и русскую историю, и русский народ. Самые поучительные и трогательные по духовному смыслу остатки старины для них немые и мертвые. И русские святые для них не святые, ибо смысл их жизни и проповеди не совместимы с идеалами Запада.

* * *

День 23 ноября 1903 – без сомнения праздник для русского народа. Но несомненно он – не праздник для русской интеллигенции, имеющей свои «святые». Всегда ли будет так? Чего ждать впереди? Оставит ли народ свои святые, чтобы разделить неверие интеллигенции, – или интеллигенция откажется от своего неверия, чтобы молиться вместе с народом? – Вот жгучие вопросы, которые автор ставит ребром.

Неверие, как голое отрицание, не имеет в себе ни жизни, ни тем более не может претендовать на самобытность. Русские неверующие интеллигенты в большинстве случаев не знают, от каких верований они отказываются и в делах веры они даже не веруют в научную критику, лучше сказать – не интересуются ею. Но к русскому неверию присоединяются некоторые специфические черты, чуждые западному неверию. Это – сентиментальная жалость к бедным и несчастеньким. Русские интеллигенты готовы думать, что в этом-то наличии бедненьких и несчастных и состоит самобытность русского народа; они не в меру жалеют каторжников, бродяг и арестантов, – и создали целую литературу в этом направлении. Они даже питают нежность к грядущим поколениям, готовя им печальную будущность чрезмерно хищническую в настоящее время эксплуатацией земных богатств. Все эти «веяния» входят в либеральный катехизис.

Заслуживает внимания еще и то обстоятельство, что вера в науку у нашей интеллигенции пропадает, понижается до минимума. Теперь каждое поколение интеллигенции переживает до десяти крушений в своих верованиях и убеждениях, начиная эту последовательную ломку с университетской скамьи. Это хаотическое состояние умов нашей интеллигенции, по-видимому, затянулось надолго. Быть может наступит и

пробуждение; тогда интеллигенции придется искать чего-нибудь устойчивого и определенного. Уже даже на Западе многие выдающиеся умы пришли по многим существенным вопросам к неутешительному: *ignorabimus*. Можно думать, что вслед за Западом и наши передовые умы сознаются в том, что они ничего не знают. Тогда и начнется переоценка всех ценностей. И не вспомнят ли они тех ценностей, которым они раньше не придавали никакого значения? Автор искренно и чистосердечно спрашивает: не будет ли знаменательный день кончины святителя Митрофана воронежского чрез сто лет, т. е. 23 ноября 2003 года праздником и для русской интеллигенции (45–48 стр.)?

Таково в общих чертах содержание книжки Н.М. Соколова: «Святые земли русской».

* * *

Центральный интерес рассмотренной нами книжки Н.М. Соколова с вышеуказанным заглавием составляют следующие два положения: во 1-х, между нашею интеллигенцию, зараженной идеями космополитизма и скептицизма, и народом, держащимся устоев православной веры и находящим для себя воплощение идеалов жизни в святых земли русской, существует не только рознь, но и непроходимая пропасть: и во 2-х, та же интеллигенция, не знающая народа и игнорирующая его идеалами, судит о русской культуре и русской народной жизни со своей исключительной точки зрения, почему в результате и получается: «отрицание русской истории и русского народа» (45 стр.). Эти положения автором прекрасно разработаны, в достаточной степени освещены и показана вся их несостоятельность. Труд Н.М. Соколова своею многосодержательностью и серьезной разработкой указанных нами положений может сослужить службу делу миссии среди интеллигенции: он может дать толчок мыслям читателя и направить их к вековым устоям добра, истины и красоты, нашедшим для себя удобную почву для гармонического сочетания и развития в православии под покровом Св. Церкви.

Расставаясь с книжкой Н.М. Соколова, мы, в интересах истины, позволим себе коснуться некоторых обстоятельств,

затронутых автором в его труде.

Многие из наших интеллигентов, проникнутых любовью к народу, берут на себя миссию, из милости к бедным и несчастным, просвещать наш русский народ. Что они несут в народ и что дают ему в устои? Вот вопросы, на которых миссия среди интеллигенции должна остановиться и заняться разрешением их. Наши народолюбцы, зараженные в большинстве случаев скепсисом и западным рационализмом в самом широком смысле этого слова, отрекшись от всякой веры и считая религию «пережитком», а святых «суеверием», и проникшись до мозга костей космополитизмом, как «die heiste kultura», могут ли дать что-нибудь полезное русскому православному народу, любящему свою веру и держащемуся вековых устоев добра, правды и истины? Ответ сам собою ясен. Народолюбцы начинают компанию с того, что силятся перекроить русский православный народ на свой лад – по западному образцу. Первые выстрелы направляют они на вытравление религиозных основ и устоев народно-бытовой жизни и силятся привить народу неверие и идеи космополитизма. Они желают, чтобы наш народ сразу усвоил рационалистическое мировоззрение, порвал со всеми церковными традициями, оставил свои нравы и обычаи и превратился в европейского рабочего неверующего социал-демократического типа.

Миссия любовно должна выяснять интеллигенции, что прежде чем приступить к реформированию нашего народного мировоззрения и социально-бытового строя – нашим народникам нужно изучить душу и быт народа, со всей объективностью отнестись к его верованиям и религиозным устоям, познакомиться с его идеалами и носителями этих идеалов – «его святыми». Ведь наш народ не со вчерашнего дня жизнь свою построил на религиозных устоях и не со вчерашнего дня является носителем добра, правды и вечной истины, проповеданной Христом. Нужно ли убеждать интеллигентов-народников в том, что только в религии, в вере православной наш народ черпает силы для перенесения своих скорбей и лишений, что только вера православная окрыляет и

одухотворяет многострадальную Русь в перенесении отовсюду надвигающихся зримых и незримых бед. Разве наши народолюбцы забыли, что только вера православная сплотила воедино Русь и помогла ей в лихолетье победить врагов и выйти из борьбы бодрой и сильной для дальнейшего жизненного роста. Православие, являясь одним из главных и твердых устоев народной русской жизни, дает колоритную окраску всему русскому народу и сообщает ему специфический оттенок и характер. Принцип святости, воплощенный в образах святых русских, принцип добра и правды, принцип Христовой истины, возводящей к Небу и дающей нормы для святой и богоугодной жизни – вот те устои, на которых покоится жизнь русского народа. Не даром же и Руси усвоено название «Святая Русь». Отнимите от Руси эту существенную черту, – и она потеряет весь свой исторический смысл и всё своё значение. Её политическое могущество держится преимущественно православием; отнимите от неё православие, – и она, оставшись без религиозного связующего цемента, рухнет, как Кампанилла Венецианская, и превратится в груды пыльного, ни на что негодного, мусора. А это и на руку нашим врагам внутренним и внешним.

Задача миссии пастырской раскрывать (устно и печатно), что народолюбие представителей неверующей и космополитической интеллигенции привносит в народ вместе с неверием и тлетворные идеи космополитизма. Космополитизм, в противоположность национализму, явление отрицательного, анти-патриотического порядка и, как таковое, должно быть отнесено к числу болезненных, ненормальных явлений в жизни государственного организма. История, эта всеобщая учительница народов, говорит нам, что идея космополитизма никогда не служила к укреплению, упрочению и благоденствию государств. Эта идея сама в себе включает семена разрушения; и раз она легла в основу государственной политики, государство с естественной необходимостью должно по наклонной плоскости катиться вниз, а не вверх, и идти к разрушению, а не к усилению. Историческая справка говорит нам, что эта идея имела весьма многих поклонников на Западе,

– особенно в первой половине прошлого столетия, но она там скоро утратила остроту интереса и уступила место идее национализма. Результаты господства на Западе идеи национализма, соединенного с неперменным патриотизмом, – налицо. Единая, могущественная Германская империя – пышный расцвет этой идеи. Наши космополиты в данном случае, как будто бы по мановению жезла какого-то лиходея, ослепли. Уроки истории для них – ничто, – и они, по-видимому, живут задним числом, упорствуя в своих заблуждениях и считая их единственно верною путеводною звездою и своей жизни, и жизни русского народа. Интеллигенция наша в данном случае действует с замечательным упорством, не соображаясь с будущими плодами своей деятельности и руководствуясь принципом: «своё старое – дурно, а чужое новое – хорошо».

Было бы великим счастьем для Руси, если бы наши интеллигенты-народолюбцы оглянулись назад, любовным оком окинули прошлую жизнь Русского народа и в религиозных его верованиях и его идеалах искали для себя ответа на многие жгучие вопросы, всё более и более выдвигаемые требованиями жизни и запросами пытливого ума. Веруем, что Св. Провидение ниспослет отрезвление Руси и наши народолюбцы в своих исканиях истины возвратятся в дом Отчий и под руководством Св. Православной Церкви станут насаждать и укреплять в народе идеалы добра и святости, – и тогда Русь православная своим руководителям «скажет спасибо сердечное» за то, что они станут сеять «доброе, разумное, вечное».

Эта вера должна воодушевлять миссию среди интеллигенции в работе на этом её тяжелом и стропотном пути.

П. Козицкий

Гринякин Н. Поэтическое обличение штунды // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1171–1180

Херсонская епархия – родина русского штундизма. Здесь сначала появилась штунда. Здесь же, раньше, чем в других местах, заняты были и обличением её – лица, непосредственно соприкасавшиеся с новыми лжеучителями. Естественно, что среди херсонцев, ревнующих о православной вере, временем и опытом более, чем в других местах, вырабатывались борцы против штундовой секты. И нужно порадоваться, православные насельники северного побережья Черного моря, в пределах Херсонской губернии, дают нам теперь в противостундистской миссии замечательнейшие шедевры. Одним из них, напр., составлено обличение штунды в стихах на малороссийском языке.²⁵⁹ В стихотворении весьма основательно подмечена и обличена характерная черта штундизма, как веры якобы *духовной*, не имеющей будто бы нужды во *внешнем* религиозном культе, – в св. храме, кресте и пр. Вот это стихотворение. Местным штундистам, в большинстве малороссам, это стихотворение известно. Знают его на память и православные ревнители в Херсонской епархии.

Як Бог штунду вразумыв.

Зглузду съихав²⁶⁰ Иван Сирый –

Штундом и сробывся:

На хрест святой, на иконы

Плював вин и злився.

Вин своими раз рукамы

Зломав хрест у шмаття,

И чын ему «пресвитера»

За тэ далы «братья».

За честь таку Иван Сирый

«Братам обещався

Исплюндровать-де який хрест

Деб вин не попався.

Иде селом вин раз в поле, –

В руках серп и цурка,²⁶¹

Брыль²⁶² насунув, очи в замлю,
Погляд,²⁶³ як у турка.
Мына гребля, глядь, аж церква, –
Прыщурыв вин очи, –
«Знять бы, каже, хрест из неи, –
Достать нема мочи!
Разрушив бы и храм оцей,
Шо руки сробылы;
На все цее дуже злый я,
Аж трусяцца жылы!»
Из села вже вин виходить,
В поле поглядае, –
Коло нывы, пры дорози.
Новый хрест сияе.
Не вытерпив Иван Сирий, –
На вси боки плюнув.
Обийшов вин хрест мыжою,
До нывы посунув.
Жав там жыто столочене,
И дуже вин злився:
Бо колосья на хрест клалось, –
Всюду хрест дывывся.
Прылиг Иван меж копами, –
Ему жать обрыдло;²⁶⁴
А хрест новый при дорози
Як раз ему видно.
Закрыв лице вин рукамы;
Вид²⁶⁵ злости знемигся:²⁶⁶
Склипив очи, заснув зразу,
Мов²⁶⁷ маку наився.
Ему снытця: десь стоит вин
Пид Ерусалимом;
Ничь мынае, сходить сонце.
И запахло дымом.
Из города крызь²⁶⁸ ворота
Народ выступае;
Рид жидовский Спасытыля

На казнь выряжае.
Звели его на прыгорок,
До хреста прибылы;
Хрест пиднялы виревкамы,
В землю утвердылы.
Снытця дали: высыть Господь
На хрести распятый, —
Окружылы врагы Его,
Смиютця прокляти,
И кывають головами:
«Зыйди, кажуть, з хреста.
Тоди скажем вира Твоя
И права и чиста».
Стоить Иван меж гурьбою,
Думае, гадае;
Пидийшов вин к Спасытылю,
Тай соби блияе:
«Исправди Ты до розуму,
Хрысте, не добрався,
Що на хрести деревянным
Выдымо распявся.
Ны явысь Ты человеком,
Тилом ны родыся, —
За тобою рид жидовский
Слидком не гонывся б.
Як бы духом невыдымым
Ты на земли взявся,
То-б и дило зробыв свое
И не поневирявся-б.
Теперь вид Твий окривленный,
Погляд судорожный...
Хрест внутренний схова²⁶⁹в десь Ты,
Есть тилькы наружный.
На що Тоби хрест наружный,
Хыба²⁷⁰ для показу,
Щей проще вид-разу²⁷¹
Снытця дали: каже Господь:

«Мовчы, пустосвяте!
Ты вычитав из Библии
Пяте-на-десяте.
Не глумись же над Пысаньем
Премудрым и славным.
Як не будешь ныщый духом,
Не постыгнешь тайны, –
Хрест наружный – моя тайна,
А внутренний – сила;
Одним терпыть душа моя,
А другой для тила.
Хрест внутренний бачыть²⁷² одын
Отец Мий из неба;
А наружный бачыть всякий,
Кому тилькы треба.²⁷³
Хрыстом жито росте в коринь,
Потим стебло й зерно;
Без кориня нема зерна, –
Заростае терном...
Хрест наружный – коринь всему,
А внутренний колос...
Мав²⁷⁴ бы сказать ище де що,
Та замыра голос...
И Спасытэль од Ивана
Лыцем одвернувся...
Чуе²⁷⁵ Иван, хтось²⁷⁶ заплакав,
И вин оглянувся:
То Богослов святой Иван
Плачем заливався.
Дывывсь²⁷⁷ довго вин на штунда,
Доли обизвався:
«Штунде, темный недовирку,
Що ты Бога учишь?
Мишаешся в чуже дило,
Себе й других мучышь?
Ты вдывыся трохе²⁷⁸ краще²⁷⁹
У мое пысання:

Чытай главу четвертую
Из мого посланья.
Есть там в глави второй, третий
Написано ясно,
Що ты сынок анцыхрыста, –
Только баешь красно.
Колы Господь, бувше духом,
Взяв на себе тило, –
Певне²⁸⁰ того безпреминно
Трэбувало дило.
Взявше тило, распяв его
На хрести наружно,
Бо добре знав, що Ему й нам
Сего хреста нужно.
Бог из тилом, хрест наружный,
Для штунды тревога.
Ця тревога от зла духа,
Зовсим не от Бога.
Не забувай, що в цим тили
Хрыстос на суд прыйде;
А перед тым, як знаемо,
Хрест из неба вийде...».
Проснувшись Иван по цим слови, –
В страху душа й тило.
Зийшло сонце, кругом вечер,
На поли стемнило.
Зийшов мисяц за горою,
Пиднявсь, прояснивсь.
Лыжыть Иван, в очах слезы...
Вин переродивсь;
Бо що во сни чув и бачыв
Розжував вин добре...
Штунды – племя анцыхрыста,
Жде их люте горе.
Встае тихо вин на ноги,
В небо пидняв руки;
Стояв довго мов хрест в поли,

Бо на души мука.
Выйшов потим на дорогу,
До хрыста доплився;
Перехрестывсь, обшев его,
Циловав, молився:
«Прости мени, Боже Хрысте,
Шо я заблуждався,
Бувше штундом, над Тобою –
Кепкував²⁸¹ – змущався!
Прости мени, Сыне Божий,
На хрести прыбытый,
Шо до штундив прыстав був я,
Як не самовытий;
Що, одступывсь, як Иуда,
Шоб Тебе продаты,
Що распинав я Тебе,
Як жиды прокяти!
Приймы мене знов до вири,
Шо хрест почи́тае,
Бо,²⁸² як бачу, вона одна
С Богом нас еднае!²⁸³»
С того часу Иван Сирий
Лыхих мук избувся,²⁸⁴ –
Дыржыть виру православну,
Штундов одчахнувся.²⁸⁵
Ходыть в церкву и говие,
Щыре²⁸⁶ бье поклоны;
Почи́тае и хрест святой,
Шануе²⁸⁷ иконы.
И як брякне хто за штундив
За их вражу раду,²⁸⁸
Махне тилькы вин рукою:
«Цур ему – не згадуй!»²⁸⁹

Миссионерский смысл этого прекрасного и местами прямо пленяющего своею художественностью произведения захватывает настоящую суть штундизма, как мнимо-духовной веры, и в корне обличает его лживость. Штунда тщится быть

исключительно *духовным* исповеданием и служить Богу только «духом и истиной», понимаемыми, само собою разумеется, не в евангельском смысле. Отсюда «Иван Сирый», за свой фанатизм удостоившийся чина «пресвитера» штундистского, вооружается против всех явлений внешне-христианского культа: «На крест святой, на иконы плював вин и злився»... Разрушил бы он и храм святой, «що руки зробылы», так как, по его заблуждению, всё это излишнее: Бог, ложно ссылаются штундисты на Писание, «не в *рукотворенных* храмах живет и не требует служения *рук человеческих*» (Деян.17:24–25). Ненависть «Ивана Сирого» ко кресту доходит до того, что он не только ломает «ушматья» (куски) и дает обещание «исплюндровать» (уничтожить), где бы ни попался, крест святой, но даже не выносит вида креста, образуемого случайно перекрещивающимися сжатыми колосьями ржи, – когда они «на крест клались». Согласно основному принципу своей «духовной» веры, «Иван Сирый» дерзает исправлять домостроительство нашего искупления и, так сказать, «учит Бога»: «в самом деле, богохульственно обращается он (во сне) ко Христу, не дошел Ты «до розума», – раз распялся на *видимом* деревянном кресте, который гож только «для *показу*»... Зачем Ты явился на земле, родился человеком, принял *тело*; зачем, словом, в деле искупления *видимость*? Гораздо разумней было бы, если бы Ты всё своё дело сделал одним *духом*; не мог бы тогда гнать Тебя «жидовский рид» и Ты не страдал бы!» В этих словах «Иван Сирый» делает последний вывод, и вывод вполне логический, из «духовной» веры штундизма, – что *видимый* элемент в деле искупления – *воплощение* Сына Божия и Его *крестные страдания* – неразумны, как, стало быть, и всё дело Иисуса Христа.

На богохульственные слова «Ивана Сирого» Господь отвечает обличением штундиста в неведении Писания («Ты вычитав из Библии пята-на-десяте»), в отсутствии у него смирения пред великой тайной искупления («як не будешь ныщый духом, тайны не постыгнешь») и непонимании того, что эта тайна простирается на *всего* человека, – не только на его душу, но и *тело*. Сын Божий, «бувше *духом*», *воплощается* и

терпит *крестные* страдания, чтобы изгладить прародительский грех, прошедший и *душу* и *тело* человека (Быт.3:6, 17–18), поразивший и *духовный* и *внешний* мир, – внесший «смерть во *вся человеки*» и в *неразумную природу* совоздыхание... «Хрест наружный – Моя тайна», обличает Господь штундиста-невежду, – т. е. весь крестный путь Сына Божия, крест уничижения и смирения, начиная с *воплощения* Бога-Слова, есть Божественная тайна, изволение всепремудрого Бога: «*велия благочестия тайна – Бог явися во плоти*»... Этот и внутренний и видимый крест, нужный для искупления и души и тела человека («Одним терпеть душа моя, а другой для тила») – этот корень христианства находит своё подобие в кресте, которым «*жыто роете в коринь*» и без которого «*нема зерна*»... «Мав бы сказать ище де що, та замыра голос»... Много бы еще можно сказать от Писания во обличение мнимо-духовной веры штундизма. Штунда, по образу протестантства, забывает, так сказать, о *теле* человека, трактуя последнего в своих вероучительных умствованиях только за духа. Если *видимость* в деле искупления и нашего личного спасения – излишня, зачем *воплощение* Сына Божия, зачем Его *тридцатилетний* возраст для вступления на искупительное проповедничество, зачем Его заповедь о вкушении для жизни вечной Его *тела* и *крови* (видимых), зачем Его *плюновение* и *брение* для исцеления слепого и *умовение* последнего в Силоаме, зачем *прикосновение* к краю Его *одежды* для выздоровления кровоточивой женщины, зачем Его *коленипреклонная* и до кровавого пота молитва и возведение *очей* к небу, возложение *рук* на благословляемых... и пр. и пр.? Зачем, словом, все *видимые* посредства действия невидимой силы для блага человеческого? Ведь сила Божия в них не нуждалась, как понятно для всякого верующего в Божественное всемогущество? Да, для Бога они не нужны! Они нужны для человека, состоящего из души и тела, непременно соприкосновенных и сожительствующих в самом понятии о человеке и «нынешнем и грядущем». В стихотворении не приводится уже текстуальных свидетельств о почитании Самим Христом и св. апостолами *храма* иерусалимского со всеми его

изображениями и других установлений внешне-религиозного еврейского культа. Они известны штундистам. Оно останавливается только на сущности. Спасение человека совершено *воплотившимся* Сыном Божиим и совершается в Его Церкви, как известном *видимом* обществе при *духовных* и *видимых* посредствах. Посредства эти установлены в св. Церкви в литургическом культе; всё здесь: и видимая сторона св. таинств, и почитание св. креста, св. икон, богослужебный чин и пр. – направлено к одной цели – нравственно-духовному воспитанию и спасению человека в его целостном составе. Мнимо-духовная штунда сама обличает себя, вводя в своём молитвенном обществе *видимый* культ: *псалмы*, преломление хлеба, прикладывание во время молитвы *рук* к животу (вопреки словам апостола – «воздевать руки» – 1Тим.2:8) и пр. Всё отличие внешне-литургического культа штундистов от культа Церкви в том, что последний есть установление руководимых Духом Святым св. отцов, а первый – плод самочинного измышления штундистских вожаков, восхитивших недарованная им и подлежащих посему участи известных Корея, Дафана и Авирона (Чис.16)... Существенная ложь штундистской секты в стихотворении обличается Иоанном Богословом и обличается применительно к основному принципу штундизма, как «духовной» веры. По смыслу сего обличения, штунда, как вера исключительно «духовная», не должна бы исповедовать и Сына Божия, «во *плоти* пришедша». А в 1Ин.4:2–3 писано: «всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во *плоти*, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во *плоти*, не есть от Бога, но это дух *антихриста*» (ср. 1Ин.2:22, 3:23). Обличение И. Богослова заканчивается увещанием к «недовирку»-штундисту, – что с *телом* явится судить нас И. Христос и, пред тем, с неба покажется видимое знамение святое – крест.

Сновидение образумило «Ивана Сирого»: слова Спасителя и Иоанна Богослова привели его к уразумению истины Христовой: «вин переродився, – бо що во сни чув и бачыв, разжував вин добре... штунды – племя анцыхриста; жде их люте горе»... Переродившийся «Иван Сирый», сам того не

замечая, в душевном треволнении, изобразил своей молитвенной позой *видимый крест*: «встае тихо вин на *ногы*, в небо пидняв *рукы*; стояв довго мов *хрест* в поли, бо на *души* мука»... Здесь миссионерско-поэтический шедевр: у «Ивана Сирого» мука была на *душе*, – в эти минуты он *естественно* стал в молитвенную позу – «в небо пидняв *рукы*» и всей своей фигурой изобразил *крест*..., до тех пор им гонимый.

Дай Господи, чтобы и другие «Иваны Сирые» образумились, сознали своё заблуждение и последовали примеру изображенного в стихотворении своего собрата.

Н. Гринякин

**Александров Д. иерей. Критический разбор
раскольничьего сочинения Усова «О
миропомазании священнослужителей,
присоединяемых к православию от ереси второго
чина»²⁹⁰ // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С.
1181–1192**

XIV–XVII

Старообрядец. Но как-же принимаете католических клириков в сущем сане? Ведь в католической церкви, когда хиротонисают в какую-либо степень священства, то вслед за рукоположением помазывают миром рукополагаемого, так что у них самое таинство священства совершается как-бы посредством миропомазания. Так Никола Кавасил, Архиепископ Солунский, пишет: «В церкви латинской рукоположения священника совершается так, что, по возлиянии мира на главу рукополагаемого, совершитель таинства молится о нисшествии на него обильной благодати Св. Духа» (Писм. Св. Отцов и учителей церкви, т. 3, гл. 29, стран. 362). Тоже утверждает и блажен. Симеон Солунский (т. 2, гл. 43, 90 стр., т. 3, 98-я стран., гл. 20, лист. 32 обор. по славянск. кн.). Обычай этот в Римской церкви существует издавна, о чём свидетельствует Гете в «Церковной Истории»: «На Востоке, читаем у него, таинство миропомазания с возложением рук и теперь еще (в 5-м веке) следовало непосредственно за крещением, потому что его мог совершать каждый пресвитер... В таинстве священства с пятого столетия присоединилось к рукоположению также помазание (хрисма), но только на западе, где любили проводить параллель между таинством священства и крещением, потому что как то, так и другое сообщает неизгладимое достоинство» (т. 1-й, стран. 234). И что-же? Несмотря на то, что западная церковь к таинству священства присоединяла миропомазание, которое и совершает над каждым рукополагаемым, усвоив при том ему великую силу и значение (См. Иерархия Англиканск. церкви гл. 6, стран. 116), Православная Восточная Церковь признавала её

иерархию вполне законной и действительной. Ясно, что церковь отнюдь не признавала, что миропомазание уничтожает священство. Отсюда ваша Церковь неправо поступает, когда учит и проповедует, что, по миропомазании, митроп. Амвросий лишился священства. Значит, и наше священство вы должны признавать за священство...

Православный. Всё, сказанное вами, не заслуживает даже и разбора. Дело в том, что вам, старообрядцам, указывают не на то, что «миропомазание уничтожает, или, по грубому выражению Усова, смазывает хиротонию», а на то, что, подвергая миропомазанию митроп. Амвросия и всех приходящих к вам от православно. Церкви священных лиц, ваши предки, да и вы, – этим самым признали митрополита Амвросия лишенным печати дара Духа Святого, преподаваемой в таинстве св. миропомазания, и однако – за этими самыми лицами и митроп. Амвросием, лишенными печати дара Св. Духа, признаете священный сан, – принимаете от них хиротонию, как и приняли от митроп. Амвросия.

Вот в чём сила всех наших доводов и возражений, – на которые Усов не обращает внимания. Не раз уже мы говорили, что православно. Церковь в сообщении св. таинств христианину соблюдает строгую последовательность: не получившему св. крещения не преподается таинство св. миропомазания, и не принявшему таинство миропомазания, как еще несовершенному христианину, не сообщается дар благодати Св. Духа, преподаваемый в таинстве священства, – дар духовно возрождать и воспитывать других посредством учения и таинств. Ибо как может возрождать и воспитывать других в духовной жизни тот, который и для себя еще не получил на то благодати Св. Духа? Поэтому, если Церковь принимает кого-либо из еретиков чрез миропомазание, то не может быть и речи, чтобы они сохраняли в этих случаях принадлежавшие им иерархические степени... И нет ни одного канонического правила, где после предписания приема чрез миропомазание говорилось-бы о сохранении принятыми их иерархического сана (см. подробнее в книге «иерарх. Англиканск. церкви» стран. 334). Утверждать обратное – свойственно только людям,

потерявшим здравый рассудок, людям, кои не обращают внимания на доводы, приводимые православн. миссионерами, а стараются всякой ложью и хитростью запутать вопрос и так или иначе оправдать незаконную иерархию, происшедшую от беглеца Амвросия.

Православная-же Церковь, принимая католических клириков в сущем сане, не повторяет над ними миропомазание и поступает так согласно учению и практике древней Церкви, о чём свидетельствует Никифор исповедник, – патриарх Константинопольский. На вопрос: «Должно-ли принимать в общение рукоположенных в Риме, Неаполе и Лонгобардии» (т. е. клириков Римско-Католического вероисповедания)? Патриарх отвечал, что таковых должно принимать в их степенях священства. Римская Церковь в это время совершенно уже отделилась от Восточной, и Римские католики были известны на Востоке как еретики, или по крайней мере схизматики... (О правил. и чинопоследован., стран. 156–157).

Иоанн Китрожский, живший в конце 12 и начале 13 веков, писал, что «Латинских преданий бегати. Иже убо иноплеменных латинских преданий облюдатися и бегати, якоже гагрены елика сила подобает: сих-бо ради и тех освеняемся (остерегаемся, избегаем) приобщения. Обаче и еже нетолико мерзцы да вменяются... но и сих хиротония к нам прилагаемом, иже от них хиротонисанных не отлагается; понеже и сущими от нас Божественными Отцы еретические хиротонии неотменны многаши быша, православным сущим или бывшим, на них-же они руки возложиша» (Матфей правилъп. состав. О, гл. 12, послед. счета).

Тоже и у Симеона Солунского, жившего в 15 веке. (См. гл. 23, лист. 41 и обор.).

Таким образом – древняя Церковь принимала латинских клириков в сущем сане, – но принимала их третьим чином, а не вторым. – Так поступает и наша правосл. Церковь; – тем более, что в Римской Церкви Апостольское преемство не прекращалось.

Старообрядцы-же, как только отделились от православн. Церкви, потеряли всякий вид и подобие Церкви; они не

сохранили главнейшего иерархического чина в Церкви – епископства и восстановили иерархию – совершенно незаконным путем, о чём выше подробно мы говорили.

XVIII

Старообрядец. Но, ведь, Церковь принимала священство от еретиков не только третьего, но и второго чина. Так принял её епископ Агапит от ереси Македониан при патриархе Константинопольском Аттике, бывшем чрез 25–44 года после второго вселенского собора. А этот собор, причислив Македониан ко второму чину, определил принимать их непременно чрез миропомазание (прав. его 7-е). Подробности об Агапите изложены в «Церковной истории» Сократа схоластика (кн. 7, гл. 3). Известно также, что ариане после первого вселенского собора никогда не признавались еретиками третьего чина, а всегда второго. Хотя до второго вселенского собора не было положительного церковного правила, каким чином принимать Ариан, но этот собор, определив принимать их вторым чином, не ввел ничего нового, а лишь утвердил обычай, существовавший до него. В 7-м правиле собора читаем: «Присоединяющихся к Православию, и к части спасаемых из еретиков приемлем последующему чиноположению и обычаю. Ариан, Македониан,... когда они дают рукописания и проклинают всякую ересь,... приемлем, запечатлевая, то есть помазуя Св. миром» (полн. перев.). Ясно, что и до второго вселенского собора был обычай принимать Ариан вторым чином чрез миропомазание. А между тем от них принят в своё время св. Мелетий, патриарх Антиохийский, в своём сане, что засвидетельствовал седьмой вселенский собор, на котором «Петр, боголюбейший пресвитер, занимавший место Адриана, Святейшего папы Римского, сказал; как говорят историки, св. Мелетий был хиротонисан Арианами, но взошедши на амвон, провозгласил слово: «единосущный», и хиротония его не отвергнута. Феодор, Святейший епископ Катанский, и бывшие с ним епископы Сицилийские, сказали: протопресвитер Апостольского престола сказал истину» (Деяние Вселен. собор. т. 7-й, стр. 109). Хотя об Агапите и Мелетии история не говорит, каким чином их принимали, но если бы у еретиков второго чина

священство было не действительно, ничтожно само по себе, то ни Агапита от Македониан, ни Мелетия от Ариан нельзя было бы принять и третьим чином. Принимая от еретиков второго чина священных лиц в их санах, Церковь этим засвидетельствовала, что у них хиротония действительна.

Это в особенности ясно открывается из отношения православной Церкви к католическим священнослужителям: православная Церковь принимала их в их степенях священства. Такие определения изданы ею в 12, 13 (Иоанн Китрж.) и 15 (Симеон Солун.) столетиях. – Но до этих времен и в эти времена она принимала католиков не третьим, а вторым чином, о чём читаем в ответах Новгородского митрополита Нифонта (12 век) черноризцу Кирику. – В 13 веке так принял в общение с прав. Церковью Сербский Архиепископ Савва зараженных ересью Павликиан, крещенных по обрядам Римской Церкви, а в Сербском требнике 15 века находится и самый чин присоединения латинян чрез миропомазание (о правилах и чинопоследов. 90–91 стр.).

Православный. Приведенными доводами никак нельзя оправдать незаконный чиноприем, совершенный вашими предками над митроп. Амвросием. Вы указываете на Агапита и св. Мелетия. Но, ведь, над Агапитом и св. Мелетием не было совершено никакого чиноприема. Агапит утвержден был на кафедре, занятой им, Константинопольским патриархом Аттиком (См. Церковн. Истор. Сократа, книг. 7-я), а Амвросий никем не был утвержден и, справедливо, за незаконный свой поступок, по правилам св. Отец подлежит извержению и уподобляется «окаянному Иуде» (Кормчая лист. 570 и обор.); Агапита – Атик благословил управлять паствою и «написал ему, чтобы он управлял епископиєю, не опасаясь ничего неприятного», а Амвросий до чиноприема, совершенного над ним беглым попом Иеронимом, был запрещен от своего патриарха грамотою от 14 Октября 1846 г., а принят был 28 Октября (См. История Субботина Т. 2, 119–121 стран.); Агапит не миропомазан, а Амвросий принят вторым чином; Агапит оставил ересь и с толпой народа пришел к православной Церкви, имущей полноту таинств и Иерархию, а Амвросий

пришел к толпе народа, не имевшей главы, а бывшей под управлением проклятых беглых попов (6-е правило Гангрского собора); Агапит занял готовый престол, а Амвросий сам основал... Где-же сходство? И можно-ли таким примером защитить свою ложную иерархию? Преподобный Феодор Студит пишет: «Кто самовольно по властолюбию берет пастырский жезл, тот ненавистен и противен Богу, не спасает других и сам не спасется, а кто, быв призван, примет настоятельство из повиновения Богу, тот будет другом Божиим, может спасти других и сам спастись» (часть 2-я, стран. 335). А так как Амвросий явился в Белую Криницу никем не посланный, и самовольно восхитил престол, то он ненавистен и противен Богу, не может ни сам спастись, ни других спасти». Вы же учите как раз напротив... Кому же более должно верить: вам-ли, Усову-ли, или Св. Отцу? Конечно, Святому Отцу.

Вы указываете на св. Мелетия. Но разве св. Мелетий был когда-нибудь и кем-нибудь принят от ереси вторым чином, как Амвросий? В Церковной истории Филостория говорится, что Мелетий присутствовал на первом вселенском соборе (стран. 320 и в дополнении 425, см. указатель 22 стр.); значит, хиротонию он получил до первого вселенского собора, т. е. от епископов, хотя и следовавших лжеучению Ария, но еще не отсеченных от правосл. Церкви, не осужденных и возведен был св. Мелетий на Антиохийский престол св. Евсевием «православным епископом Самосатским» (Бароний 360 лето), почему и хиротония его была принята Церковью. Если бы Мелетий получил хиротонию от еретиков осужденных, то хиротония его не была бы принята Церковью, как о том заявил тот же седьмой вселенский собор: «Если кто дерзнет принять хиротонию от отлученных еретиков по провозглашении соборного определения и единомысленного мнения церквей относительно православия, то предлежит низложению» (стр. 61, по издан. 1861 г.).

А вы со слов Усова оболгали св. Отца, причислив его к еретикам второго чина, тогда как над Св. Мелетием не совершался никакой чиноприем. Св. Мелетий на Антиохийский престол возведен св. Евсевием, а Амвросий беглым, проклятым

попом, возведен на престол. «Я не признаю епископом и не причислил бы к иереям Христовым, говорит св. Василий Великий, того, кто, на подрыв веры, возведен в предстоятели нечистыми руками» (Деяние вселен. собор., Т. 7-й, стран. 61, по издан. 1891 г.). А Амвросий именно, «нечистыми руками», беглым попом Иеронимом, проклятым (См. 6 прав. Гангрского собора, Толковый Апостол лист. 548 обор.), возведен в митрополита Белокриницких раскольников. Так если бы Амвросий и не был принят вашими предками вторым чином, чрез миропомазание, то и тогда бы св. Церковь не признала бы и не признает ваше священство законным, истинным, спасительным, по выше приведенному учению св. Василия Великого...

Ссылка на чиноприем католиков и несправедлива и не доказывает законность вашего священства. Иоанн Китрожский, свидетельство которого мы выше привели, не говорит, что, по миропомазании, католические клирики оставались в сущем сане. Блаженный Симеон Солунский, живший в 15 веке, правда, находил возможным принять и самого Римского папу в сущем сане, и даже готов был оказывать ему полное повиновение, если бы он обратился к правосл. вере. Он писал: «Яко еже глаголати латином первого быти Римского (папу), противоглаголати не нужно, ниже повреждающе сие Церковь есть: да покажут токмо того в вере суща Петров и преемников Петровых, и вся да иматъ яже Петр, и первый будет, и верх, и глава всех и крайний архиерей. Ибо сие о сущих по временех патриарсех Римских писася, и Апостольский сей престол, и иже на нём православия держащся архиерей преемник глаголется Петров. И никто же правая мудрствующих же и глаголющих о сих противоречит... Да будут токмо православия Сильвестрова же и Агафонова, Львова же и Ливериева и Мартинова и Григориева преемник Римский (папа), и *так* апостольского того и первого иных речем архиереев, и подчинение тому дадим не яко Петру токмо, но яко Самому Спасу» (Славянск. кн. гл. 23, лист. 41 и обор.).

Как видите, из приведенного нами места ясно, что блажен. Симеон Солунский готов был признать папу и подчиниться ему,

если только папа будет исповедовать правосл. веру – и только. О каком-нибудь миропомазании и речи нет, да и быть не могло, ибо тот-же Симеон Солунский учил. «Обращающегося от отступничества мы только помазуем миром... По раскаянии они (т. е. обращающиеся от отступничества ереси) принимаются без крещения, так как оно одно и одно отпущение грехов по благодати, – но *священнодействовать или принимать священство уже не могут*» (кн. его в русск. переводе Т. 3, 155 стран.). Словом, принятых чрез миропомазание – Симеон Солунский не допускал до священнодействия и это понятно почему. – Хиротонию еретиков второго чина, принимаемых в Церковь чрез миропомазание, не признавал и знаменитый толкователь священных правил Феодор Вальсамон, свидетельство которого мы выше приводили и повторять одно и то же не будем.

Итак, мы разобрали все ваши доводы, которые вы заимствовали из книги Усова и что-же? Скажем своё последнее слово...

XIX

Старообрядец. Позвольте. Есть еще у меня недоумение, которое прошу разрешить. – Известно, что предки наши приняли чрез миропомазание не только митропол. Амвросия, но принимали и раньше его священников, приходящих к ним от вашей Церкви, тоже чрез миропомазание. Точно так-же и ныне беглопоповцы принимают священников от вашей Церкви. И что-же? Бывают случаи, что эти священники снова возвращаются к вам и ваша Церковь принимала и принимает их в их санах и дает им приходы. В книге Усова указано несколько примеров (см. стр. 76–78). Если ваша Церковь признает старообрядческих священников действительными, несмотря на то, что они приняты в старообрядчество чрез миропомазание, то есть, именно так, как и митроп. Амвросий, то что же её после этого заставляет признавать сего митрополита и им рукоположенных лжеиерархами? Почему-же наших священников вы считаете простецами, самозванцами? Разве потому только, что вы считаете, что они рукоположены в расколе? Но и это не основание, ибо, вашей Церкви митроп. Макарий в

«Православно-Догматическом Богословии» говорит: «Вообще Церковь постоянно держалась правила: ни в каком случае не повторять рукоположения, равно как крещения, если только то и другое совершены правильно, хотя бы и в обществе неправославных. Посему не повторяла рукоположения даже над священнослужителями, обратившимися к православию из некоторых сект раскольнических, как то: из общества кафаров и донатистов и ныне не повторяет над обращающимися от Церкви Римской. Потому-же собор Римский осудил Доната за вторичное рукоположение епископов и пресвитеров, падших во время гонений, как несогласное с постановлениями Вселенской Церкви; Св. Василий Великий обличал за такое-же повторение рукоположения Евстафия Севастийского, замечая, что этого никто и из еретиков не осмелился еще делать; а некоторые обличали в том-же Ариан (Т. 2, § 240, стран. 497).

Православный. Если вы внимательно относились к тому, что мы ранее говорили по вопросу о миропомазании, то недоумение ваше решено нами. Ведь православная Церковь принимает бывших в расколе, но потом раскаявшихся попов, и допускает их до священнодействия потому, что они получили правильное, законное миропомазание и хиротонию в православной Церкви; посему-то православная Церковь принимает бывших в расколе иереев уже не чрез миропомазание, а третьим чином, чрез покаяние, с возложением рук. Вам-же мы указываем, что если вы принимали и принимаете наших священников чрез миропомазание, то должны снова их хиротонисать, ибо не получившие печати дара Духа Святого священнодействовать и руководить другими не могут, о чём довольно мы говорили выше. Ваших же священников мы принимали, как мирян, не потому только, что ваши предки приняли Амвросия чрез миропомазание, а потому, главным образом, что в вашем обществе не было таинства священства по преемству от св. Апостолов и по разуму древней православной Церкви.

Ведь митроп. Амвросий пришел к вашему обществу, которое не имело ни семи спасительных таинств, ни Богоучрежденной иерархии в 3-х чинах: пришел к обществу канонически отлученному от св. Церкви и осужденному, посему

и рукоположения, совершенные им, неправильны и незаконны и, как таковые, отмечаются Церковью. Ваших лжеиереев православно. Церковь, когда они обращаются в православие, не вторично рукополагает, а рукополагает собственно в первый раз, потому что прежнее рукоположение было и есть не истинное, а мнимое.

Выдержка из «Догматического Богословия» – Макария не служит ни укоризной нам, ни оправданием вам, потому что Усов выдержку из книги Макария привел не сполна и тем исказил смысл сказанного и вас ввел в обман. – В дальнейших словах, пропущенных Усовым, Макарий говорит: «Только рукоположение, совершенное неправильно и незаконно, какое преподавалось у еретиков, Церковь признавала недействительным, и положила заменять новым, законным рукоположением, если кто из обращающихся к Православию священнослужителей окажется того достойным. Так поступала она в древности над Арианами, Павликианами и вообще над всеми, рукоположенными от самозванных епископов, которые сами были поставлены незаконно» (т. 2, § 240). –

Ваши-же епископы – Кирилл и Аркадий, от которых и потекла Белокриницкая Иерархия, получили рукоположение от Амвросия незаконно, как единолично и не по преемству, а посему и священство ваше не истинное, а ложное и принять его никак нельзя. –

Старообрядец. Так – ужели мы с нашими священниками погибнем? Ведь мы Амвросия приняли – как митрополита и от него уже пошло наше священство...

Православный. Несомненно вы, если не обратитесь к правосл. Церкви, получить спасение со своими лжепопами не можете. – Амвросия вы приняли... Но, ведь, по вашему сознанию, Амвросий был еретик. – Так может-ли еретик восстановить истинное священство? Вы его исправили. Но, ведь, Церковь, имущая полноту таинств и трехчинное священство, принимала еретиков – по снисхождению для их же спасения, а не для восполнения своей нужды, своих недостатков. Так во всех правилах и сказано: «еретицы приходящие к Св. Соборней... Церкви»... Ваше же общество не

было Церковью Христовой, потому что у вас не было ни иерархии, ни полноты таинств; а без иерархии и полноты таинств, учит ваш иерей Механиков, «церковь не может быть церковью, собственно говоря – нет церкви; а без принадлежности к Церкви и спасение немыслимо» (См. воззвание к бывшим братьям по вере – лист. 69 обор.) – Таким образом, могло-ли ваше общество – очистить еретика, принять его и допустить до священнодействия? Конечно нет. А, ведь, чрез митропол. Амвросия у вас восстановилась иерархия; как сознается в этом Швецов. (См. беседа его с Глуховым в Сент. 1894 г. лист. 25-й).

Вы – или должны доказать, что ваше общество было церковью Христовой, имеющею полноту таинств и иерархию, чего во веки не докажете, или же должны сознаться в грехе раскола, признать нашу Церковь – за истинно Христову Церковь, имущую благодать Св. Духа; – но в последнем случае мы будем обличать вас и Амвросия за кощунственный чиноприем Амвросия, за посмеяние над благодатью Св. Духа; и опять ваше священство незаконное, неспасительное, – потому что «для строения церкви, как пишет и Швецов, нужно священство – Христом установленное (а не Амвросием восстановленное), которое будет существовать по преемственному (а у вас до Амвросия почти 200 лет не было епископства; преемство прекратилось) от Св. Апостол епископскому рукоположению»..., ибо «Церковь и священство её с рукоположением епископским никогда не прекратятся и не уничтожатся» (Беседа Швецова с Глуховым, описанная самим Швецовым, лист. 55–56).

Словом, я хочу сказать, что еретический или раскольнический клирик, которого Церковь снисходительно соглашается принять в своё общение с сохранением за ним его иерархического сана, становится истинным клириком только тогда, когда он, покайся и отрекшись от своих заблуждений, прибегает к церкви и исповедует правую веру. – Амвросий пришел не к Церкви, как то мы показали, – а к такому обществу, которое само не имело благодати Св. Духа: «Егда несть ту Архиерея, пишет Препод. Никон-Черногорец, таковем не дается

Дух Святой якоже веруем; и егда то не имут, его-же не прияша таковым образом, како инем подадут знамение на духовныя службы» (Тактикон, 23 слово). – Значит, ваше общество ему, как еретику по вашему сознанию, не могло сообщить благодатных даров «на духовные службы», – и он (Амвросий), – как еретик по-вашему, а по учению православной Церкви – как запрещенный за своё самовольное бегство из Греческой Церкви и от патриарха, которых он признавал за православных, – не мог из не церкви – сделать ваше общество церковью, преподать вам благодатные дары Св. Духа и рукоположить истинных пастырей (См. 16 правило Антиохийского собора, 2-е правило Сардикийского собора и др.); – почему правосл. Церковь и не признает ваше священство за священство, и принимает ваших лжепастырей как простецов. –

Итак, заканчивая беседу, вкратце повторю вам, напрасно тщится Усов доказать, что ваши предки приняли Амвросия по 8-му правилу 1-го вселенского собора; мы показали, что по 8-му пр. первого собора – должно принимать третьим чином, а не вторым, – что, главным образом, ваши предки и руководствоваться-то 8-м правилом не могли, ибо не имели епископов, в руководство которым и дано это правило; что, если вы приняли Амвросия чрез миропомазание, то, по указанию Кормчей книги (глава 37), необходимо было его снова рукополагать, чтобы он был истинным епископом, а рукоположить его у вас было некому; – показали, – что, если у вас не было мира, то выходит еще хуже; словом – показали, что, как ни тщился Усов защитить своё священство, не мог этого сделать, хотя и старался об этом, доходя даже до явной лжи и намеренного искажения свидетельств слова Божия, даже творений Отцов, учителей Церкви и соборных правил. Для решения-же вопроса о том: было-ли у старообрядцев св. миро – отсылаю вас (и читателей) к книге преосвященного Никифора, где обстоятельно доказано, что св. мира у старообрядцев не было и не могло быть.

Иерей Д. Александров

Последнее слово графа Л.Н. Толстого по текущим вопросам современной западной и русской жизни. (Интервью корреспондента американской газеты «Warbl») // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1193–1203

Сегодня утром, когда мы шли густым лесом в его имении, граф Толстой сказал мне:

– Америка утратила свою молодость: волосы её седеют, зубы выпадают, она стареется. Вольтер сказал о Франции, что она сгнила прежде, чем успела созреть, что же сказать о нации, идеалы которой не пережили и одного поколения? Ваши Эммерсоны, Гаррисоны и Виттьеры прошли. Вы не производите ничего, кроме богатых людей. До гражданской войны и несколько лет после неё, душа вашего народа цвела и приносила плод; теперь вы жалкие материалисты.

Лев Николаевич похож на пророка, он высок ростом и, не смотря на свои 75 лет, держится чрезвычайно прямо в своей серой крестьянской блузе, стянутой кожаным поясом.

Человек этот исполнен величия, не поддающегося описанию. Сердитое выражение, замеченное мною на лице учителя 12 лет тому назад, теперь исчезло; брови его уж больше не хмурятся. глаза не вспыхивают внезапным огнем; нет больше страсти, остался только мир.

Мы вышли из лесу и глазам нашим представился огромный луг, на котором крестьянки в пестрых одеждах сгребали сено. Толстой остановился и, глядя на эту мирную картину, сказал с грустью:

– Я скоро умру. Естественно, что молодой человек желает жить и не менее естественно, что старик желает умереть – и помолчав немного, прибавил:

– Я изо всех сил старался быть посаженным в тюрьму, или повешенным. Ни то, ни другое не удалось.

– Старались быть повешенным?

– Да. Это наилучший конец для человека, если не считать сожжения на костре. Вообще жертва – наилучший конец.

– Вы говорите серьезно?

Граф взглянул на меня своими большими серыми глазами и улыбнулся.

– Я сделал всё от меня зависящее, чтобы заслужить такую долю. Цель моей жизни в том, чтобы умереть за свою веру. Распятие хорошо умирают.

– Какая могла бы быть польза от вашей смерти на русской виселице?

С минуту Толстой смотрел на работавших на лугу женщин, потом провел рукой по своей длинной седой бороде и сказал со вздохом:

– Боюсь, что вы меня не поймете. Вот теперь собираются ставить памятник Иоанну Гуссу, чеху, сожженному на костре за свою веру в 1415 году.

– Да, но Мартин Лютер не был сожжен, а дожил до того, что своими глазами увидел успех Реформации.

– Лютер дожил до того, что изменил своим убеждениям: Гусс умер верным делом своей жизни.

– Трудно поверить тому, чтобы вы сознательно добивались смертного приговора.

– Это чистая правда.

– А ваш литературный труд? Неужели вы окончательно от него отказались?

– Я работаю теперь над книгой, начатой много лет тому назад. Это не проповедь, а эпическая поэма, воспевающая Кавказ. Главное лицо в ней Хаджи-Мурат, национальный герой, который сначала служил России, потом сражался со своими единоплеменниками против неё и в конце концов был казнён русскими. Это история рисует народ презирающий смерть; она не служит к чести России.

– Когда этот труд будет издан?

– Только после моей смерти.

– Почему же не раньше?

– Потому, что у меня нет охоты читать критику на него.

Мы пошли дальше и граф заговорил с увлечением о своём новом произведении.

Мы снова вошли в лес; я переменял разговор.

– Вы говорите о трестах в Америке, как будто они составляют важный вопрос – сказал граф. – По-моему, все эти промышленные вопросы просто ребячество. Тресты и рабочие союзы не больше, как преходящее явление. Человек не должен жить в промышленных центрах, в которых возникло человеческое рабство. Он не должен жить в городах. Человек испортил известную часть земного шара; но разве из этого следует, что люди должны жить и страдать в таких испорченных местах? Ни один человек не должен работать на другого, как это делает Рокфеллер, для него было бы лучше умереть с голоду. Ему следовало бы отказаться работать на тресты и смотреть на этот отказ, как на свою религиозную обязанность. Пусть всякий человек, работающий в Америке на какой-либо трест, уйдет из города и приобретет клочок земли; пусть он откажется от различных предметов роскоши и от употребления мяса и жизнь обойдется ему в шесть раз дешевле прежнего.

– Но у нас нет больше свободных земель, чтобы купить землю надо иметь деньги.

– Нужно очень немного земли для того, чтобы прокормить мужчину и его семью. Я повторяю, что единственное средство избавиться от трестов – это бежать из городов и начать копать землю.

– Ну, а как же быть, если человек не в состоянии приобрести землю, которую он мог бы копать?

– Тогда человек должен скорее умереть, чем поддерживать таких людей, как Рокфеллер. В таком случае он обязан умереть. Если же на него надели военную форму и приказали бы ему умереть, он умер бы с гордостью. Чего ради? Ради патриотизма, этого ложного понятия, приносящего в мир столько зла; патриотизм следовало бы осуждать и ограничивать, а не защищать и распространять. В том-то и беда, что люди не желают умирать за настоящее дело.

– Все толки о том, что американские тресты эволюция науки, сущий вздор. Тресты исчезнут тотчас же, как только у людей хватит смелости отказаться служить им. Много было говорено о громадном росте производительности, достигнутом

путем трестов. Но разве такая громадная производительность нужна? Делает ли она людей более счастливыми? Нет!

– Да, но система трестов создала Андрея Карнеджи, а он употребляет сотни миллионов своих долларов на создание бесплатных народных библиотек, – заметил я.

– Да, но библиотеки далеко не всегда благо. Библиотека, составленная из хороших книг, – дело доброе, а составленная большей частью из дурных книг – проклятие. Не думаю, чтобы м-р Карнеджи наполнял свои библиотеки исключительно хорошими книгами. Принято думать, что университеты вещь хорошая; но мы имеем в России университеты, которые безусловно плохи.

– В прошлом году меня посетил Гарпер, ректор университета в Чикаго; он говорил о миллионах долларов, пожертвованных этому университету Рокфеллером и, казалось придавал этим миллионам большое значение. Когда же я заговорил с ним о действительно серьезных вещах, то оказалось, что он невежествен, как варвар. Он знал о вопросах, представляющих умственный и нравственный интерес, меньше всякого, читающего, напр., такой журнал, как Review of Reviews. Хорош должен быть университет, управляемый таким человеком! А это один из результатов миллионов, добытых путем трестов.

– Существует только одно непреложное основание; это основание истинное христианство. *Мужики*, которых вы здесь видите, *настоящие христиане*. Они не умеют ни писать, ни читать, но я считаю их *более цивилизованными*, чем та аристократия, к которой я когда-то принадлежал. Они развитее и утонченнее в истинном смысле этих слов, чем те *варвары*, которых воспитывают наши университеты и наши гостиницы. Они обладают истинной религией.

– А что такое истинная религия?

– Это вот что: если я верю в то, что во мне есть божественная искра, то я частица Божества, тогда я знаю своё место в мире и сознаю свои обязанности по отношению ко всем другим людям. Если же я верю, что я только животное, то и буду жить, как животное и работать на одного себя. Человек

приобретает верный взгляд на вещи только тогда, когда становится истинным христианином.

– Однако вы не признаете божественности Христа?

– Он называл себя Сыном Божиим, но Он же называл и всех людей сынами Божиими...

– Америка нуждается в великом религиозном движении. Истина сделает ваш народ свободным; когда он перестанет смотреть на удовольствие, как на цель жизни, ему не нужно будет так много денег. Путем рабочих союзов, ваши рабочие никогда не одержат победы над капиталом, капитал всегда будет иметь правительство и армию на своей стороне.

– Что думаете вы о еврейском погроме в Кишиневе, граф?

–

Не ожидавший моего вопроса, старец быстро повернулся ко мне; лицо его выражало сильнейшее волнение.

– Ужасно! сказал он. – Мне трудно было поверить, что русский народ способен на такое страшное преступление; тем не менее это правда. Не дальше как сегодня я опять слышал об этом происшествии от очевидца; право, можно подумать, что речь идет о диких зверях. Они там пустили в ход прокламации с целью убедить народ в том, что убийства совершаются по воле самого Государя.

– Да, – продолжал граф, подняв и скрестив руки на груди, – русское правительство, отказывая евреям в правах, которыми пользуются другие его подданные, приучило народ смотреть на евреев, как на низшую расу. Греческая Церковь научила народ идолопоклоннической религии и исполнила его фанатической ненависти к неверующим. Этими двумя причинами объясняется избиение евреев.

– А теперь американцы собираются поднести петицию Государю Императору. Да и с чего это американцы выдумали посылать петицию России? У нас редко совершаются преступления, подобные Кишиневскому погрому, в течение многих лет один раз; вы же, в Соединенных Штатах, производите ваши линчирования ежегодно, ежемесячно, еженедельно, чуть что не ежедневно. Вы вешаете негров, стреляете в них, жарите их; у вас это обычное явление и в то же

время вы считаете себя в праве обращаться, к русскому Императору с петицией касательно Кишиневских убийств. Чего можно достигнуть такой петицией? Ровно ничего. –

– Стало быть, вы не одобряете посылку этой петиции в Петербург? –

– Я просто считаю её бесцельной и бесполезной. –

– Предпринимаете ли вы, лично, что-нибудь для облегчения участи Кишиневских евреев? –

– По просьбе одного Лейпцигского издателя, я собираюсь написать рассказ, который будет издан в их пользу. –

Граф опять резко повернулся в мою сторону и, глядя мне прямо в лицо, сказал значительно:

– Когда мы гордимся своим народом – это худо; когда стыдимся его – это хорошо. Я нахожу, что американцы всегда гордятся собой. –

– А почему бы им и не гордиться? Это народ, опирающийся на равенство прав. –

– Это народ, ушедший в погоню за богатством, и все-таки я скажу – он опустил свою седую голову – и все-таки я скажу, что те немногие Англо-Саксы, которые еще веруют, осмеливаются жить согласно своим убеждениям. Справедливость требует это заметить; Германцы же окончательно лишены религии.

– Любопытно, что германцев принято считать идеалистами, а американцев и англичан практиками. Это чисто внешнее определение. Суть же в том, что германцы идеалисты только на словах и в поэзии, а американцы и англичане способны быть идеалистами на деле. –

– Это ваше поле? – спросил я графа, когда мы дошли до большого пространства, засеянного великолепной рожью.

– Нет, у меня ничего нет своего. –

– Однако оно составляет же часть вашего имения? –

– Я отдал Ясную Поляну жене и детям. Это была большая ошибка; мне следовало бы отдать имение крестьянам, так же, как я роздал всю мою остальную собственность. –

– И вы намерены по-прежнему отказываться от вознаграждения за ваш литературный труд? –

– Намерен. –

– Почему? –

– Потому, что я считаю, что никто не имеет права владеть собственностью. –

– А имеете ли вы нравственное право лишать жену и детей дохода, который был бы за ними обеспечен вашим литературным трудом? –

Граф сделал нетерпеливое движение.

– Я устал объяснять это миру, – сказал он, – это религиозное убеждение.

Делая этот вопрос, я знал уже, что Толстой отдал це...гов полученные им за его «Воскресение» 10 тыс. ф. стерлин... на дело переселения духоборов в Манитобу, где впоследствии конная полиция была вынуждена их арестовать. Очевидно и граф вспомнил об этом, потому что на мой вопрос об успехах распространения грамотности среди русских крестьян он ответил:

– В такой стране, как Россия, *грамотность приносит мало пользы*. Духоборы не придают значения умению читать и писать, а я считаю их самыми верующими людьми в мире. Кроме веры *ничто на свете не имеет цены*. Быть христианином, *страдать и в известном смысле быть распятым – вот истинная жизнь и истинная смерть*.

– Как отнеслись вы к вашему отлучению от Церкви?

– Да никак. Я просто не обратил на него внимания. Церковь давно отреклась от христианства, что же мудреного, что она отвергает христианина. Именно теперь Церковь собирается раскрыть могилу монаха, умершего около ста лет тому назад. Это святой. Церковь всегда учила, что тела святых нетленны; это одно из доказательств святости. Недавно послали комиссию открыть гроб и освидетельствовать мощи. Комиссия не нашла ничего, кроме праха и костей. Тогда Петербургскому митрополиту ничего больше не оставалось, как объявить всенародно, что и тела святых могут подвергаться тлению и что святость доказывается чудесами, совершающимися у гроба угодников. Отказавшись от учения о нетлении тела святых, митрополит указывал на то, что и тень, падавшая от апостола Петра, имела силу исцелять больных. На днях состоится

открытие этого гроба в присутствии Государя Императора. Хотел бы я быть там, чтобы посмотреть на народ и послушать, что он скажет. Если бы я был посильнее, то, конечно, был бы тоже там, в толпе.

Когда мы направились обратно к дому, граф снова горячо восстал против стремления американцев к новым изобретениям и к усилению промышленности.

– Кто-то спросил Эмерсона, что бы он стал делать, если бы солнце перестало греть и земля была бы обречена на гибель? Он ответил: – Я полагаю, что сумел бы обойтись и без них. Это хороший ответ, показывающий, что он был уверен в своей духовной жизни. Зачем пренебрегают американцы своими душами ради торговли, ради денег, ради удовольствий? Кто-то изобрел автомобиль и все немедленно вообразили, что обязаны завести автомобили. Но ради чего должен человек тратить время, носясь по стране в автомобиле? Не успеете вы изобрести что-нибудь для сохранения времени, как тотчас же начинаете тратить время постоянно и без всякой надобности, пользуясь этим изобретением.

Чрез 500 лет потомки нынешних американцев будут с удивлением вспоминать о том времени, когда их предки тратили силы на постройку нелепых сооружений и время на безумно быструю езду.

Толстой говорил еще долго с презрением о современной цивилизации.

– У меня только одно желание, – сказал он наконец, – я жажду мученической кончины, а потому человек, занятый трестами, рабочими союзами, политикой и деньгами, вряд ли поймет меня.²⁹¹

С. Вердеревская

От Редакции. Таково интервью: оно, как видите, читатель, очень интересное, и во многих отношениях характерное. Насколько прав Толстой, «похожий на пророка» (конечно лживого, которого Бог не посылал – см. [Иер. 14](#) гл.), в своей войне против цивилизации американского пошиба, нас это мало касается; хотя со своей стороны считаем не лишним сказать, что и здесь гр. Толстой не прав – не прав принципиально:

автомобили не при чем, если время, даруемое благодаря автомобилю в лишние дозы в распоряжение верующего, тратится последним на дела богоугодные. Тоже и о прочем... Наше внимание обращают на себя другие суждения яснополянского лже-пророка, требующие необходимой оговорки. 1. «Я изо всех сил старался быть посаженным в тюрьму или повешенным (чит. за свою веру). Но ни то, ни другое не удавалось». Прежде всего, где же теперь правда слов того же Толстого в «Обращении к духовенству», что в «варварской» России за веру гонят и тиранят?... Оказывается, не смотря на всякие старания Толстого «быть повешенным» за веру, его не вешают; он свободно гуляет себе в Ясной Поляне, пропагандируя свои воззрения не только в России, но и перебрасывает их полною рукою и за океан... Яснополянский *гордец* домогается мученического венца. Но на таковых лиц Церковь давно уже установила своё порицание... По словам св. Златоуста, и «кровь мученика не может загладити греха» отступничества от Церкви (Толк. на 14 посл. ап. Павла стр. 16, 92). 2. Толстой говорит, что «патриотизм – ложное понятие, приносящее миру столько зла»... Вопрос на эту тему имеет стопудовую литературу. И благоразумная её часть противится, и справедливо, космополитизму. Почему, спросить бы Толстого, и Христос послан был и посылал Сам Своих апостолов *прежде всего* к погибшим овцам дома *израилева*? Почему Он считал не хорошим отнимать хлеб у *детей* и бросать *псам* (хананеянка)?...

3. «Существует, говорит Толстой, только одно непреложное основание; это основание истинное христианство. Мужики, которых вы здесь видите, настоящие христиане». Большую правду сказал Толстой, только сам он её не разделяет. Христос есть «путь, истина и живот». И мужики, которые, «не мудрствуя лукаво», не «влагая персты в ребра», веруют в Святую Церковь, как «столп и утверждение истины», и её таинства, как Богоустановленные средства благодатного живого общения искупленного с плодами искупительных заслуг Голгофской жертвы и Самим Искупителем, как «истиною и жизнью», счастливы, по вере праведны и спокойно отходят к Тому, в Ком

«упокоение всех страждущих и обремененных». Но такой-ли мужик граф Толстой – гордый, мечтающий поставить свой авторитет выше церковного и – «стать выше небес» (аки Навуходоносор)...

4. «Христос называл Себя, говорит Л. Н., Сыном Божиим, но Он же называл и людей сынами Божиими». Верно; но где называл Христос людей «сынами Божиими» и в каком смысле, этого яснополянский «просветитель» американцу не пояснил. Толстому, несомненно, известно, что еще в «ветхом завете» Господь сказал Своим избранникам – «Бози есте», но ужели на этом основании Л.Н. будет считать Моисея и Аарона Богами?

5. «Ужасную правду» Кишиневского погрома Толстой сваливает на «русский народ». Но правда-то, как потом выяснилось, только в том, что причиной погрома, оказались евреи и подлые подстрекатели-смутьяны, а не «русский народ». И о. Иоанн Кронштадтский думал об этом погроме, как Толстой, но потом, узнав «правду», печатно извинился пред «Русским народом» за свой скорый суд над ним...

6. «Греческая церковь, говорит Толстой, научила народ идолопоклоннической религии и исполнила его фанатической ненависти к неверующим». Какая позорная для Толстого неправда. Толстой, видимо, не может подняться выше мужичьих-сектантских воззрений на церковное иконопочитание... Пусть бы он дал себе труд повнимательнее прочесть хотя бы «деяние 7 вс. собора» и сравнительно постановления собора эльвирского (305 г.), и тогда бы, думаем, идолопоклонства в греч. церкви он не усмотрел. Учит ли церковь и фанатической ненависти к неверующим: по апостолу, мы молимся за «вся человеки» и должны, по словам Христа и учению Церкви, любить и ненавидящих нас.

7. К отлучению от церкви Толстой отнесся «никак», он «просто не обратил внимания на него», а письма по этому поводу, как известно, все-таки гр. писал... «Церковь давно (с каких же именно пор?) отреклась от христианства, что же мудреного, что она отвергает христианина». Какой христианин Толстой, не признающий Божественности Христа и других основных догматов христианства, читателям нашим известно.

Ужели христианские церкви всех даже исповеданий ушли от Христа, и у Него осталась одна только верная яснополянская овца?... Все, извольте видеть, церкви христианские отреклись от христианства (по «обращению к духовенству»), остался один христианин Толстой. Где и какие на это основания у Толстого? Да нигде и никаких. Ужели «врата адовы, вопреки обетованию Христа, одолели» св. Церковь (Мф.16:18) и неодоленным остался один Толстой!? Поистине у Толстого гордость падшей «денницы»!

8. Коснулся Толстой и препод. Серафима и его честных мощей, а также «необходимого разъяснения» петербургского митрополита Антония, по поводу останков Саровского чудотворца, и коснулся насмешливо, при этом оболгал Церковь, говоря, что будто бы она всегда учила, что все святые прославленные нетленны. Прочитал бы граф хотя исследование о канонизации святых Голубинского, удивительного ничего нет: и о Христе говорили, что Он творит чудеса «силою Веельзевула, князя бесовского»... Если бы Толстой искренно искал истины Христовой, и вник в то, что указано с надлежащими справками из Св. Писания и истории Церкви в «разъяснении» митр. Антония, он понял бы всю христианскую правду «разъяснения» и его необходимость для колеблющихся чад Церкви, – правду вполне достойную истинного церковного архипастыря; и не сказал бы недостойных великого ума слов... Но для всего этого он слишком горд: на него ведь взирает весь мир – обоих полушарий.

Мы вообще не останавливаемся подробно на опровержении высказанных граф. Толстым американцу своих религиозных умствований, – так как в них нового ничего нет против того, что ранее уже разобрано и опровергалось на страницах нашего журнала. Это новое сообщение по-видимому беспристрастного американца должно служить для русского общества еще одним лишним доказательством высокой справедливости известного акта Св. Синода об отлучении гр. Толстого от Церкви.

А вместе «интервью» ярко характеризует непреодолимое упорство «Яснополянского мыслителя» в еретичестве, доходящее до болезненного фанатического исступления,

известного на языке медицины под названием *mania religiosa* и иначе нельзя объяснить стремления Толстого к самоистязанию. Отличительная черта здоровой религиозной настроенности человека-христианина – это мир и радость о «Дусе Святе», благодатная жизнерадостность, как напр. у св. Серафима, при которой не мыслимо такое неестественное, мрачное тяготение к виселице какое у Л.Н. Толстого.

Толстой для нас теперь «внешний»; и мы «не судим чуждому рабу» – Бог ему судья. «Ими же веши судьбами», спаси его Господи!

Из записок и дневников

Брояковский С., свящ. Авторитет приходского священника в отношении к миссионерскому делу. (По поводу производства следствий над духовенством) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1204–1209

Не подлежит сомнению, что в деле внутренней миссии православной Церкви приходское духовенство имеет первое место. Высоко стоит авторитет священника в приходе – и сектантов или мало, или вовсе нет; упадает – и они или вновь появляются, или усиливаются. Если назначают в расколо-сектантский приход священника с высокими нравственными достоинствами, «право правящего слово истины», и зачастую сектантство значительно сокращается; если же его заместитель окажется с недостатками, уклонения от православия усиливаются и представители отступничества снова поднимают головы.

Конечно, степень авторитетности приходского пастыря зависит прежде всего от него самого, но иногда, помимо его воли и достоинства, по злым наветам недоброжелателей, какими всегда являются отступники от веры православной, случается, что престиж его заметно падает в глазах прихожан. Этому во многом способствует так называемая «судебная волокита». Она обыкновенно возникает по доносам и жалобам на духовенство со стороны лиц, чем-либо обиженных и желающих по чувству мести досадить ему. И достаточно какого-либо незначительного обстоятельства, или вымышленного факта, чтобы над обвиняемым пастырем было назначено епарх. начальством *формальное следствие* при депутате с гражданской стороны и допрос многих свидетелей. В большинстве случаев подобного рода жалобы и доносы оканчиваются полным оправданием обвиняемого, но самая процедура делопроизводства, обставленного столь торжественно и допрос под присягой свидетелей, якобы о важном уголовном преступнике, по нашему глубокому убеждению, испытанному на практике,²⁹² сильно подрывает

авторитет приходского священника. Назначение формального следствия над священником, по самому незначительному делу и факту сомнительному, заставляет прихожан смотреть на своего пастыря как на подсудимого и, разумеется, относятся к нему с меньшим уважением, а это охлаждает взаимные между ними отношения и нередко побуждает многих овец бежать из двора Отчего на распутия мира сего и примыкать к разным отступническим обществам. Нам известно немало таких приходов, в которых штунда появилась с того момента, как над местным священником стали производиться формальные следствия по жалобам и доносам, не всегда, впрочем, заслуживавшим столь строгого и обставленного излишними формальностями отношения к ним.

Пусть не подумает кто либо, что мы намерены потворствовать проступкам священно-церковно-служителей. Далеко нет. Если всякого рода отступления от своего долга и звания не терпимы в обыкновенном смертном и караются по всей строгости существующих на этот счет законоположений, то тем более они должны быть преследуемы в лицах, облеченных в духовный сан, в тех лицах, которые должны быть «светом миру и солью земли». Мы только восстаем против излишней огласки судопроизводства и, если можно так выразиться, «вчинания иска» по поводу обстоятельства и жалоб, не заслуживающих этого. «Формальное следствие» следует назначать только в обстоятельствах исключительных и делах очень важных, а для дел менее важных и самое делопроизводство следовало-бы для поднятия авторитета приходского духовенства сократить до *пес plus ultra*.

В виду этого было бы весьма полезно – прежде чем назначить формальное следствие по проступкам священно-церковно-служителей – практиковать в широкой степени более упрощенный способ делопроизводства – *дознание*. В каждом благочинническом округе есть особый блюститель нравственности вверенного ему духовенства, – это благочинный; почему бы под его *личную ответственность* не поручать ему предварительного обследования дела, возникающего по жалобе на то или другое подведомственное

ему лицо, для заключения, и если последнее окажется неудовлетворительным, лишь тогда назначать уже формальное следствие?... Кроме благочинного есть еще благочиннический совет, состоящий из помощника благочинного и члена благочиннического совета. Все эти лица очень близко стоят к обвиняемому пастырю, и в большинстве случаев, находясь с ним в близком соседстве, хорошо знают все обстоятельства того или другого дела и их заключение в данном случае должно бы иметь также весьма важное значение, а между тем подобного рода заключений почему то никогда не требуется при следственных делах и постановление епархиального начальства каждый раз основывается лишь на одном формальном следствии, произведенном духовным следователем при депутате с гражданской стороны.

А если бы все следственные дела шли чрез руки благочинных, и их советов, то, наверное, многие бы из них кончались миром, не имели бы излишней огласки я не служили бы поводом к тому, чтобы отступники от веры православной тыкали на нас пальцами и приобретали-бы лишних последователей своего лжеучения. Нам могут возразить, что благочинный – свой человек, – может всегда покрыть обвиняемого; но ведь и следователь тоже – свой человек и мог бы покривить душой, только не знаем, кому может быть приятно принимать уголовную ответственность на свою шею? *Личная ответственность* может служить для производящего дознание самую лучшую гарантией того, что оно будет произведено с соблюдением самой строгой справедливости.

А что неправильная постановка следственного производства в духовном ведомстве давно уже сознается многими, имея весьма дурные последствия, это видно уже и из того, что оно упрощается некоторыми преосвященными. Так, насколько нам известно, блаженной памяти высокопреосвященный м. Филарет весьма не одобрял форменных следствий с неизбежной судебной волокитой и обыкновенно дела по доносам и жалобам на священно-церковно-служителей разрешал просто по-отечески.

Обыкновенно, если к нему поступала жалоба на священно-церковно-служителя, он вызывал в свою квартиру местного благочинного. Когда последний являлся, владыка-митрополит приглашал его в свою домовую церковь и здесь пред престолом чинил самый строгий допрос, справедливо полагая, что благочинный знает все обстоятельства дела, по которому его спрашивают, а торжественность обстановки и святость места не позволяют допрашиваемому говорить ложь или же покрывать подчиненного в присутствии самого архипастыря.

После допроса обыкновенно тут же полагалась резолюция, которую отвозил на место назначения сам благочинный. Конечно, к таким мерам милостивый владыка-митрополит прибегал только в самых серьезных делах, когда священно-церковно-служитель обвинялся в весьма тяжких преступлениях, а в менее важных он обыкновенно ограничивался дознанием благочинного и его донесением по этому делу.

Другой преосвященный, Амвросий, архиеп. харьк., поступал таким же образом. В особенности он старался келейным образом мирить враждующих священников и других членов причта. Зная сколько ссор, вражды и неприятностей бывает между священно-церковно-служителями по различным поводам, и насколько ссоры эти, доходящие до суда церковного, роняют авторитет духовных лиц пред прихожанами, а в особенности пред иноверцами, преосвященный все подобные дела старался разрешать без излишней огласки, судебной волокиты со всеми её неприятностями, причем выдвигалась на первый план не юридическая, а нравственная сторона дела: духовенство должно служить для паствы примером мира и любви... Был такой случай. Священник и псаломщик жили между собою во вражде: виноватою стороною был псаломщик, человек вздорного и заносчивого нрава. На литургии со священником случилось несчастье: он опрокинул чашу со святыми Дарами. Псаломщик немедленно отправляется к высокопреосвященному Амвросию с доносом на священника, священник в тот же день отправился туда же покаяться своему архипастырю в невольном грехе. Явились они оба вместе. Архиеп. Амвросий принял священника, а потом

псаломщика. Священнику владыка приказал каждый день в течение недели совершать литургию и помолиться о своём грехе, а псаломщику был сделан строгий выговор за то, что он дерзнул доносить на своего духовного отца и начальника и приказано было просить у него прощения. Нам приходилось слышать этот рассказ от нескольких лиц, причем все они выражали своему архипастырю глубокую признательность за то, что он разобрал дело своею собственною властью без всяких формальностей и следствий, чем наглядно показал духовенству, каких взаимных отношений желает он от него.

А об одном из ныне здравствующих архипастырей передают такой случай. Два подчиненных ему священника затеяли между собою долгую тяжбу, которая то затихала, то снова возбуждалась. Епархиальный архиерей, присутствовавший в то время в Синоде, видя, что следствия и суд по их делу не приводят к желанному миру, вызвал обоих в Петербург, принял их в одно время, выслушал их дело и спросил: «Кто же из вас виноват?». Виноватого не нашлось. «Оба вы виноваты», сказал владыка. – «Поэтому кланяйтесь друг другу в ноги, да поцелуйтесь». После этого владыка сказал несколько прочувствованных слов о том, как должно жить духовенство между собою, особенно в наше трудное время, благословил обоих и сказал в заключение: «Дело ваше я прекращаю, поезжайте с миром домой, и смотрите, чтобы пока я жив, и ничего не слышал о вашей ссоре». С той поры бывшие враги примирились и, как слышно, живут в мире и согласии. Случай этот скоро разнесся по епархии, и в духовенстве вызвал удовольствие и благодарность к мудрому владыке.²⁹³

Эти единичные факты с наглядностью доказывают возможность упрощения духовного судопроизводства. Пусть будет суд строгий и нелицеприятный, но самый упрощенный. Теперь же следственными делами занята половина консисторского делопроизводства. Многие из этих дел вследствие канцелярской переписки сильно усложняются, затемняются и затягиваются на долгие годы, роняя обвиняемого в глазах его паствы.

В римско-католической церкви давно уже на это обращено самое серьезное внимание высшим духовным начальством. Там формальные следствия назначаются только по требованию гражданского начальства. Духовный же суд над провинившимися священниками происходит в покоях самого епископа, допрос производится им лично, положительно без всякой огласки и тут происходит оправдание обвиняемого или же назначается ему кара по степени виновности. Не этим-ли обстоятельством следует объяснить то, что авторитет духовных лиц стоит там очень высоко и католические ксендзы, благодаря поддержке высшего своего начальства, имеют возможность действовать вполне с властью, пользуясь в то же время полной независимостью со стороны пасомых, а последние относятся к ним с примерным почтением и уважением. Нужно только присмотреться, каким вниманием пользуется ксендз, находясь где-либо в гостях, и как все его духовные дети наперерыв стараются чем-либо услужить ему.

Не упрощением ли судебного делопроизводства следует также объяснить то обстоятельство, что в католической церкви судебные дела по жалобам на духовенство возникают очень редко, а если и возникают, то мало кто об них ведает? Прихожане знают только, что их ксендз наказан, удален или переведен из прихода, но за что и про что – об этом могут только догадываться, но не знают достоверно. А у нас подобное событие со всеми подробностями известно в приходе всем от мала до велика и, варьируясь на разные лады, необходимо влечет за собою подрыв доброй славы о православном духовенстве. И без того оно находится уж в приниженном положении вследствие своей материальной необеспеченности... – следует по крайней мере поднять его хоть в моральном и служебном отношении: нужно карать проступки духовных лиц, но по возможности не следовало бы обнажать и пороки их для соблазна малых...

Свящ. С. Брояковский

**Смирягин А., свящ. Из пастырской хроники
сельского священника.²⁹⁴ (В кружке литераторов и
поиске места) // Миссионерское обозрение 1903 г. №
19. С. 1210–1218**

Когда я вернулся в Петербург, то застал у своего земляка (добрейшего А.П. Г-го, который, по выходе моём из академии, дал мне у себя приют) гостей; рассказал им о своём свидании с графом и о записи в число членов его общества трезвости; в виду этого ко мне не стали приставать с выпивкой, хотя некоторые товарищи уже были навеселе. Когда Петербургские друзья Толстого узнали, что я был у него, то чрезвычайно заинтересовались содержанием нашей беседы и моим кандидатским сочинением и просили познакомить их с тем и другим, что я с удовольствием исполнил. Три вечера собирались мы в квартире тогдашнего редактора-издателя «Русского Богатства», Леонида Егоровича Оболенского; я читал своё сочинение, а слушатели откровенно критиковали его. В числе критиков были и литературные генералы, вроде Н.С. Лескова; помню с каким подобострастием встречали его передовые интеллигентные люди; когда вошел этот угрюмый, ворчливый старичок, как показалось мне, страдавший одышкой от полноты, все, кроме меня, встали со своих мест и с благоговейной почтительностью ждали, когда он подойдет к ним и удостоит небрежного пожатия руки.²⁹⁵ Л. Е-ч представил ему в числе других и меня. Сели. Я стал читать. Лесков, считавшийся тогда в светской литературе архиспециалистом по богословским вопросам, чаще всех делал мне возражения и чрезвычайно волновался, когда я указывал превосходство православного учения пред учением графа Толстого. Помню, в своих нападках на православие он дошел до того, что стал утверждать, будто его нельзя и сравнить с вполне законченной философией графа Толстого, так как православные за 19 веков своего существования не выработали цельной философской системы. Я попросил подтвердить чем-нибудь столь удивительное открытие. «Да как же, воскликнул Лесков, православие ни разу

не затронуло даже столь необходимого во всякой действительно философской системе вопроса, как вопрос о происхождении человеческих душ?!» – «Нет, говорю, не только затронуло, но и дало самый определенный ответ; можете найти в «Догматическом Богословии» митр. Макария, в таком-то томе, в таком-то отделе». – «Что вы смеетесь надо мною? Я прекрасно знаком с этой догматикой!» – «Обращаюсь к Л.Е. и прошу, нельзя-ли достать эту книгу. Говорит, что её нет ни у него, ни в библиотеке редакции. «В таком случае, говорю, убедительнейше прошу всех присутствующих запомнить этот спорный вопрос, а завтра я принесу с собою догматику Макария. На другой вечер Лесков уже не приехал, а собравшиеся слушатели с изумлением прочли в привезенной мною книге православное решение вопроса о времени происхождения вопроса человеческих душ и должны были согласиться, что Н. С-ч был неправ. Когда в академии узнали об этих чтениях и вызываемых ими диспутах, то некоторые студенты изъявили сильное желание присутствовать на них; я взял их с собою, разумеется, заручившись предварительно согласием на это хозяина квартиры, Л.Е. Оболенского, и они много помогали мне вести диспуты, так как, при множестве вопросов, одновременно возбуждаемых разными лицами, одному человеку не было возможности удовлетворить всех. В числе слушателей был благообразный, седой старичок, в крестьянской одежде; впоследствии оказалось, что это – знаменитый Сютаев, о котором не раз вспоминает Толстой в своих сочинениях, как о человеке положительного ума, который открыл ему глаза, в чём именно должна состоять наша помощь несчастным беднякам, – сиротам; этот Сютаев был известен всей России и как ересиарх, родоначальник особой секты – «Сютаевщины». По поводу одного пункта православного учения возник горячий спор: я утверждал, что народ наш понимает его так, как я изложил, а мои оппоненты отрицали. Чтобы прекратить спор Лесков или Оболенский предложили обратиться к присутствующему среди нас представителю народа, и, к общему изумлению, Сютаев вполне подтвердил мои слова. Заинтересовавшись этим старичком, я во время

антракта, подсел к нему и тут-то узнал, что это – Сютаев. Он между прочим рассказал мне, что теперь он ходит по святым местам на поклонение, а «дня через два, говорит, поеду в Кронштадт, к батюшке о. Иоанну». – «Давно ли вы странствуете по святым местам»? – «Нет; до этого года я сам вел хозяйство; ну и некогда было; а теперь сдал всё сыновьям и пошел; давно уж думал об этом; пора мне и к смерти готовиться. Вообще в этих приведенных здесь речах Сютаева я ничего сектантского не заметил».

Из всех слушателей, число которых, если не ошибаюсь, иногда доходило до трех десятков, серьезнее и искреннее других относился к чтениям и к обсуждаемым на них вопросам Л.Е. Оболенский. Признаюсь, во всю свою жизнь я не встречал более искреннего, более откровенного человека. Однажды, когда все уже разошлись, Л.Е. провел со мною целую ночь в самой душевной беседе. Он подробно спрашивал меня, как учит православная Церковь о Боге, о мире, о человеке, о взаимных отношениях людей и т. п., я откровенно отвечал. Выслушал он меня и говорит: «Будьте так добры, скажите откровенно: то, что вы сейчас передали мне, действительно-ли представляет учение православной Церкви, или это, может быть, ваши личные убеждения?» – «Это, говорю, и мои личные убеждения, и учение православной Церкви. Всё это вы можете найти у таких-то и таких-то православных богословов в более ярком и отчетливом изложении, в более убедительной форме». – Л.Е. вздохнул и говорит: «Как жаль, что я до сих пор не знал православного учения»! – «Что вы говорите? Не может быть»! – «К сожалению, это правда; в нашем кругу находят нужным хорошо знать религиозно-нравственные воззрения буддистов, магометан и всяких язычников, серьезно же изучать учение православной Церкви считается, можно сказать, неприличным, предосудительным»... – «Почему же так»? – «Потому, говорит, что у нас почти все убеждены, что в учении православной Церкви ничего нет искреннего, что придумало его православное духовенство из своих корыстных расчетов, чтобы держать народ во тьме невежества и суеверий, в безусловной покорности правительству. Да, мы хоть и считаемся православными, но не

верим учению православной Церкви и не хотим знать его». – «Но вы же изучаете Закон Божий в своих школах»? – «Да, изучаем; но изучаем, как и многие ненужные предметы, затем лишь, чтобы получать хорошие баллы и, как следствие их, необходимые для карьеры аттестаты и дипломы. Мы живем можно сказать без религии и за это тяжело страдаем. У меня был брат – юноша удивительных способностей; все, знавшие его, были уверены, что из него выйдет гений. Но, к несчастью, ни родители, ни школа не дали ему прочных религиозных устоев и, при первом серьезном столкновении с жизнью, он не выдержал и наложил на себя руки»... Смотрю, а по щекам этого сильного человека, глубокоученого энциклопедиста текут обильные, горячие слезы... Никогда не забуду той ночи... Почему же, говорю, люди вашего круга, не зная учения православной Церкви, уверены, что в нём ничего нет искреннего? *«Потому, ответил Л. Е., что православное духовенство одно говорит, другое делает; учит народ тому, чего само не исполняет»*... Конечно, в этом преувеличении есть некоторая доля правды.

Когда я представил в академию своё кандидатское сочинение, то совет академии поручил рассмотреть его о. Антонию (Храповицкому); он дал о моём двухлетнем труде отличный отзыв, напечатанный в «Христианском Чтении» за 1899 год.

Зная, как публика интересуется всем касающимся графа Л.Н. Толстого, я хотел напечатать своё сочинение. О. Антоний одобрил мою мысль и так как у меня не было денег на издание, то он предложил известному издателю-книгопродавцу И.Л. Тузову напечатать моё сочинение на его счет; тот согласился; сочинение моё немедленно взяли из академической библиотеки и представили в духовную цензуру. Так как сочинение было уже рассмотрено и одобрено профессором духовной академии, при том искренним, образцовым монахом, то в получении цензурного разрешения никто не сомневался. Вдруг является ко мне один товарищ, земляк старшего духовного цензора, и говорит: сейчас, при входе в академию, встретился с N. N.; прочитал он твоё сочинение и вознегодовал: кричит – «у вас в

академии учат не богословию, а чертословию; я в Синод донесу»...

На другой день прихожу к цензору. Он говорит, но уже хладнокровно, что моё сочинение нельзя напечатать. – «Позвольте узнать почему?» – «Вы, например, одобрительно отозвались о рассказе Толстого «Где любовь там и Бог». – «Помилуйте! хорошие отзывы об этой брошюрке я встречал не только в светской, но и в духовной печати». – «То было прежде, а теперь нельзя, кроме того в вашем сочинении встречаются совершенно неправильные мнения: вообще я не советовал бы вам издавать его». Ничего больше не оставалось мне делать, как взять у цензора своё сочинение и сдать его обратно в академическую библиотеку.

По окончании курса в академии, я, по примеру многих своих товарищей, мог бы поступить на гражданскую службу и в материальном отношении устроился бы гораздо там лучше, чем на месте священника; одно знакомое влиятельное лицо в некотором учреждении предлагало мне сразу занять там должность со 100 рублевым в месяц жалованием; но я твердо решил идти в священники и не в город, а в село. Город с его условиями жизни, с нравами его обитателей претил моей душе. Городское население более или менее быстро вырождается, уступает место притоку свежих деревенских сил. При том, думал я, доверчивый сельский люд несравненно более доступен доброму влиянию священника, чем горожане; я судил о деревне по тем неиспорченным еще крестьянам, среди которых прошло моё детство. Я не мог и представить себе, чтобы в течение 15 лет, проведенных мною в городах за книгами, так расшатались религиозно-нравственные устои народа; только теперь я убедился, что, пожалуй, большинство деревень по своей нравственной распущенности может конкурировать с городами.

Чтобы не пропадало понапрасну дорогое время и желая поскорее приложить свои идеи к делу, я послал к четверем южнорусским епископам следующие прошения: «Желая посвятить себя на служение Церкви и народу, покорнейше прошу Ваше Преосвященство дать мне место сельского

священника во вверенной Вам епархии». Ни одной из этих епархий я не знал; но я слышал, что Юг – это житница России, это сад её, а мне хотелось жить в возможно лучших климатических условиях. Подавая прошения сразу в четыре епархии, я думал: «Бог устроит меня там, где Ему угодно». Вы думаете, что мне, кандидату Спб. духовной академии, немедленно же епископы предоставили просимое место и я очутился в затруднении, куда поступить? Как бы не так! Вероятно, я совсем не получил бы там места, если бы некоторые, более знакомые с жизнью, товарищи не стали говорить мне: «Ох, Павлыч! не получишь ты и сельского места, если не попросит за тебя какое-нибудь влиятельное лицо». Смущенный их речами, пошел я к своему ректору (теперь митрополиту С.-Петербургскому) и попросил написать обо мне несколько слов архиепископу Херсонскому и Одесскому Никанору, которому я тоже послал прошение и который, присутствуя в то время в Синоде, часто бывал у преосвященного Антония, бывшего своего ученика. Добрый преосвященный ректор исполнил мою просьбу и я немедленно был назначен священником в посад Новую Прагу, но еще до приезда моего в Херсонскую епархию меня перевели сначала в г. Вознесенск к соборной церкви, затем в г. Николаев к Симеоно-Агриппининскому молитвенному дому. Получил я официальные ответы и на те три прошения; один архипастырь писал, что, к сожалению, он не может исполнить моей просьбы *за неимением у него свободных священнических мест* (хотя для семинаристов и находятся такие места): другой – тоже отказал *в виду незнания мною румынского языка, необходимого в его епархии*, хотя, как я узнал впоследствии, в той епархии есть сельские приходы, в которых нет инородцев, а третий архипастырь откровенно предложил за обстоятельным ответом на моё прошение обратиться к его племяннице – девице, живущей там-то. Но я отказался от всякой чести породниться с самим епископом. Если бы у меня было желание таким способом получить хорошее место, то я мог сделать это в Петербурге, где предлагали мне занять место настоятеля одной аристократической церкви со взятием сироты, пользовавшейся

покровительством теперь уже умершего министра. Курьезно то, что из среды кандидатов академии нашлось несколько охотников подчиниться указанному условию, но их забраковали, так как в ту церковь требовался «видный» священник: я же, по мнению лица, предлагавшего мне место и показывавшего фотографическую карточку невесты, вполне удовлетворял этому требованию. Да, я личным опытом убедился, что кандидату духовной академии труднее получить священническое место и труднее жить на нём, чем семинаристу.

Симеоно-Агриппининский молитвенный дом и приход, куда я был назначен священником, сначала мне очень не понравились и я хотел отказаться от этого места, но преосвященный Антоний убедил меня остаться там, чтобы не рассердить архиеп. Никанора; «если, говорит, это место окажется действительно плохим, то месяца через два преосвященный Никанор даст вам другое». Я послушался его совета и – вследствие того, что женился в Николаеве, где сразу приобрел много хорошей родни, и прихожане оказались гораздо лучше, чем думал, – я прожил в Николаеве почти 7 лет. Правда, я неоднократно просил своих архипастырей перевести меня в село, но они говорили, что моё место в городе и три раза предлагали мне занять более видные места, но все в городах; только в 1896 году мне удалось, сославшись на болезненное тогда состояние моих детей, обменяться местом со священником м. Нового Буга, где я теперь и живу.

Может быть, кто-нибудь спросит: почему я не просил священнического места в своей родной, Смоленской епархии? – Потому что у меня были некоторые «недоразумения» с тогдашним смоленским епископом, который, вполне доверившись своим любимцам, обидел моих родственниц – сирот. Кроме того, самым влиятельным столоначальником Консистории оказался тогда некий семинарист, с которым когда-то я стоял на одной квартире и которого за его ябеды и доносы бывало поколачивал с особенным удовольствием; в то время он пользовался репутацией отъявленного взяточника и однако же ухитрился снискать особенное расположение у тогдашнего епископа-аскета, человека не от мира сего. Перспектива быть в

зависимости от такого столоначальника не могла соблазнить меня. Наконец, мне хотелось получать хорошее вознаграждение за свои труды без торгов с прихожанами за требы, без вымогательства, без припрашиваний, а бедность смоленского крестьянина я знал хорошо. Если бы православный священник не был обязан непременно жениться и содержать семью, то я ничего не побоялся бы и постарался бы поступить священником именно в село Ольхи, где протекло мое детство, где я прекрасно знал каждого крестьянина и с радостью послужил бы тем, кто давал моему отцу, хоть и скудные, средства к жизни.

Сделавшись священником, я поставил себе за правило: с богатыми и бедными обращаться совершенно одинаково и даже, в известных случаях, более снисходить к последним, чем в первым, – искоренять в народе пьянство и табакокурение, т. е., те пороки, какими я сам не страдал; вообще я уверен, что несоответствие между словом и делом более всего подрывает уважение к священнику и доверие к его проповеди. Что касается вознаграждения за пастырские труды, то я решил: за одни и те же требы с богатых лиц брать больше, с людей среднего достатка – меньше, а с очень бедных – ничего не брать, хотя бы они сами давали; и только в тех случаях, когда они желали, чтобы я исполнил для них установившиеся в Николаеве церемонии, напр., проводить их покойника на кладбище (около 7 верст), я требовал с них такого же вознаграждения, как и с людей состоятельных. Если кто-нибудь из прихожан платил за труд меньше, чем, по моему мнению, следовало бы, то я, не говоря ни слова, отсылал ему деньги обратно. Обыкновенно, получивший деньги сейчас же приходил ко мне и дело разъяснялось. Только один раз у меня вышло крупное недоразумение по поводу вознаграждения за требы. Зимой 1890 года пригласили напутствовать одного старообрядца – крайнего бедняка; при выходе из лачуги, родственники его хотели «поблагодарить» меня, но я не взял. Когда он умер, является ко мне один старообрядец и просит отслужить по покойнике три панихиды в доме и проводить тело до кладбища. Я сказал ему, что отпою над покойником в доме чин погребения бесплатно, а если родственники хотят церемонии, то должны

заплатить за это причту не менее 7 рублей. Нужно заметить, что тогда была вьюга. «Хорошо, говорит, я скажу им. На другой день узнал, что покойника этого провожал на кладбище лишь диакон единоверческой церкви, а на меня сделано несколько анонимных доносов за вымогательство – благочинному, редактору Южанина и Николаевскому военному губернатору. Я рассказал им, как было дело и они остались вполне довольны моим объяснением; только с редактором Южанина, генералом М. В. Рюминым (уже покойным), чуть было не поссорился, когда заметил ему, что порядочные люди не придают никакого значения анонимным доносам и с презрением бросают их в корзину; после горячего спора, в котором я громил противника авторитетами Кистяковского и Миттермайера, мы сделались чуть не друзьями и Рюмин отвез меня домой в своём экипаже.

Из пороков, распространенных в моём приходе, мне, как сказано выше, удобнее всего было бороться с пьянством и в церкви, и дома. Когда подносили ко мне рюмки для благословения, я всегда говорил и говорю, что это неудобно; если кто после этого напьется пьян, то может говорить, что сделал это с благословения о. духовного. Однажды на поминальном обеде какой-то мещанин напился и начал болтать заплетающимся языком. Ни слова не говоря, я встал из-за стола. «Батюшка! куда же вы?» – «Я не могу сидеть вместе с пьяными». Подхватили раба Божьего под руки и он исчез за дверь. С тех пор чуть только кто-нибудь начнет за столом говорить лишнее, его сейчас же под благовидными предлогами вызывают из комнаты и уж больше в неё он не возвращается. Бывало, лишь только завидит меня пошатающийся прихожанин, сейчас же спешит скрыться от моих глаз. По моему мнению, если бы все священники на Руси перестали сами пить водку, то одним этим сделали бы для отрезвления народа гораздо больше, чем все теперешние общества трезвости, члены которых нередко сами напиваются допьяна. Вот уже скоро 14 лет, как я, слава Богу, не употребляю спиртных напитков. Иной подумает, что у меня сильный характер, что мне много приходилось бороться с собою... Нет; воздержание от крепких напитков не стоило и не стоит мне почти никаких

усилий, не смотря на то, что воля у меня довольно слабая, легко поддающаяся окружающим влияниям. Положим, в моём характере при недостатке благоразумной настойчивости много упрямства, упорства; я обыкновенно работаю запоем и стараюсь всё делать основательно, но также запоем ленюсь; вообще сила инерции составляет главное достоинство и главный недостаток моего чисто русского характера. Но воздержание от спиртных напитков не потребовало поддержки и со стороны моего упорства. А как сильно могли и могут действовать на меня окружающие условия, расскажу один случай, чуть не сделавший из меня настоящего патентованного преступника.

В 1876 году я ехал из Смоленска на святки домой; теперь не помню опоздал-ли я взять билет на станции или по какой-либо другой причине, но я сел в вагон без билета, рассчитывая купить его на следующей станции. Но, к несчастью, обер-кондуктор на первом же перегоне стал проверять у пассажиров билеты; я заявил ему, почему сел без билета и сказал, что возьму на следующей станции; но на станции потребовали с меня двойную плату за проезд от Смоленска, а денег у меня было в обрез. Если заплатить вдвойне за первый перегон, то у меня не хватило бы на билет, чтобы доехать до дома. Как я умолял железнодорожников не штрафовать меня или, по крайней мере, одолжить мне 20 коп., которые обещал через две недели привезти им, какими горячими слезами обливался, но не тронулось их железнодорожное сердце: велели сторожу силою взять у меня деньги, а тем временем поезд ушел... В довершение беды начальник станции приказал мне немедленно убираться со станции, так как там нельзя ночевать. А станция находилась вдали от всякого жилья; была темная ночь и мороз около 20 градусов... Спасибо сторожу, который не настаивал на исполнении приказа ушедшего начальства и позволил мне забраться в уголок и дождаться там утреннего поезда обратно в Смоленск; в Смоленск я вернулся, чтобы занять денег на дорогу и опять ехать домой. На станции стал думать, к кому бы обратиться за помощью, отправиться к квартирной хозяйке казалось неловко и стыдно. Вдруг вижу на багажном прилавке

стоит прекрасный кожаный саквояж, оглянулся – никого нет в багажном отделении. Как молния; сверкнула мысль: «возьми саквояж и продай на базаре; вот тебе и деньги на дорогу». Но, должно быть, Ангел-хранитель спас меня. В тот момент, когда я хотел уже взять саквояж и скрыться, в багажное отделение вошел носильщик. Если бы он увидел в моих руках чужой саквояж, то немедленно отправил бы в участок и я – 14 летний мальчишка попал бы из духовной семинарии для продолжения образования в тюрьму...

В 1887 году, когда я был уже на 4 курсе академии, случалось нередко заходить с товарищами в «Славянскую гостиницу» на Невском проспекте – выпить чаю или бутылку другую пива. Вдруг стал замечать, что трактирная обстановка с хорошим неумолкавшим оркестрионом, свобода и веселые, довольные лица присутствующих сильно влекут меня к себе; однажды, возвращаясь в академию от одного земляка, у которого заночевал накануне, и зная, что за самовольную отлучку из академии сейчас придется иметь неприятное объяснение с начальством, я зашел в павильон конно-железной дороги, что против Николаевского вокзала, сел и долго думал серьезную думу: «стоит-ли возвращаться в академию и выслушивать неизбежные упреки в нарушении установленных правил? Не лучше-ли отправиться в «Славянскую», а когда не станет ни гроша, пристать к тем интеллигентным золоторотцам, которые заходили иногда в гостиницу; ведь им лучше живется, чем мне; положим, они едят и одеваются хуже моего, за то они всегда веселы, никому не обязаны давать отчета в своих поступках, что хотят, то и делают, а чего стоит одна свобода?!» Эти мысли теперь мне кажутся невозможной нелепостью, а тогда я чуть-чуть не бросил из-за них академию. И только опасение, что своим поступком я страшно огорчу, убью любимого отца, заставило меня вернуться в академию... Теперь я понимаю психологию многих героев М. Горького; понимаю глубокое значение особенно в русской жизни народной поговорки: пока жив, от сумы, да от тюрьмы не отказывайся; понимаю и глубоко сочувствую взглядам наших крестьян на острожников и каторжных, как на несчастных. К сожалению, у

нашего народа, под влиянием городской, европейской и фабричной цивилизации, быстро исчезают эти взгляды. А помню лет 30 назад на моей родине, в селе Ольхах, Юхновского уезда, крестьяне и особенно крестьянки считали своим священным долгом каждое воскресенье, каждый праздник хоть что-нибудь, хоть кусочек послать заключенным в острог. Трогательно было видеть, как останавливались против острожного окна подводы с кусочками, и одни, крестясь грубыми мозолистыми руками, подавали эти кусочки, а другие, тоже крестясь, со слезами на глазах, принимали их...

Свящ. А. Смирягин

(Окончание следует).

Корегин К. Радетели беглопоповщины в с. Городце (Ниж. губ.) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1219–1224

На левом берегу Волги, в 50 верстах от Н.-Новгорода, есть большое село Городец. По последней народной переписи в Городце, с прилегающими к нему слободой и деревнями, насчитывалось до 17 тыс. душ обоего пола, разных исповеданий. В Городце пять приходов, 4 православных (с семью причтами), и один Единоверческий второклассный мужской православный монастырь с 12–15-ю иеромонахами, и детский приют В. И. Марии с православною церковью и постоянным при ней причтом.

Издавна в селе существовала беглопоповщинская часовня. Как видно из дел Ниж. дух. консистории, первая беглопоповская часовня была выстроена в 1776 году, но в 1786 или 1788 году она сгорела. Вместо сгоревшей, около 1800 года выстроена вторая часовня. В 1893 г. в мае и эта моленная сгорела до основания. Та и другая выстроены были на земле, принадлежащей причту Спасской церкви. Раскольники захватили у Спасского причта и присвоили землю – под свои часовни, частью под кладбище, 3–4 десятины, и в последние 15 лет под малые постройки (около 30 домов) и пустырь в 7–8 десятин; всего захвачено раскольниками церковной земли около 12 десятин.

Причт Спасской церкви много положил хлопот пред высшим начальством о возврате захваченной раскольниками земли. Как видно опять из тех же дел Ниж. дух. консистории, причт подавал надлежащие прошения – в 1776 году, в 1787, 1792, 1794, 1796, 1827 и 1865.

Но, благодаря-ли раскольническому золоту или же перемене состава причта, земля и до сих пор находится во владении раскольников. Наконец в минувшем 1902 году ревнители православия из мирян возбудили этот вопрос перед г. Обер. Прокурором Св. Синода, и ожидают на него законного решения.

С 1875 года Городецким беглопоповцам начал оказывать свою могучую поддержку нижегор. богач раскольник Бугров. Его радетельством на раск. кладбище, под видом богадельни, вырос двухэтажный каменный дом 13 саж. длины и 8 с. ширины. Этот дом раскольники потом втрое расширили, и открыли в нём большую часовню, получив на то в 1892 году надлежащее разрешение власти.

Нахожу нужным это разрешение привести в копии целиком.

Вот оно:

«Копия с предложения Исправляющего должность Нижегородского Губернатора, Вице-губернатора Балахнинскому уездному исправнику от 25 ноября 1892 года за № 5672:

Прошу вас объявить с распиской уполномоченным от старообрядцев с. Городца: Абраму Дурасову, Ивану Скворцову, и Григорию Прянишникову, что господин Министр внутренних дел, по соглашению с обер-прокурором Св. Синода, не встречает препятствий к разрешению устройства моленной в каменном здании, находящемся в расстоянии 10 саж. от имеющейся в названном селе часовни, но при непременном соблюдении следующих условий.

1) Чтобы, на основании Высочайше утвержденного 3 мая 1883 года мнения Государственного совета, здание, в котором предполагается устройство моленной, по внешнему виду не имело вида православного храма.

2) Чтобы находящаяся при этом здании колокольня была разобрана до основания, а колокола были убраны. 3) Чтобы все приспособления к устройству полной церкви, как-то углубления для предполагавшихся престола и иконостаса были заделаны и 4) чтобы об этом был составлен в присутствии депутата от Епархиального начальства акт, скрепленный удостоверением от Полицейского Начальства. Вместе с тем прошу Вас: 1) выдать помянутым уполномоченным препровождаемый при сем чертёж дома, в котором предполагается устройство моленной; 2) доставить своевременно в канцелярию Губернатора: копию чертежа моленной, а равно упоминаемый в 4-м пункте акт.

Подписал И. Д. Губернатора Вице-губернатор Чайковский, скрепил правитель канцелярии Н. Харлампович.

Верно: «Правитель Канцелярии Н. Харлампович».

Интересно, теперь, как раскольники сумели обойтись с «непременным соблюдением условий...». 1-й пункт чрез два или три года они нарушили: на дому они поставили большую голову с большими восьмиконечными крестами, чем придали своей моленной вид православного храма, а Бугров обнес моленную огромнейшею каменною оградой с большими трехходными воротами, над коими поставлены большие главы также с восьмиконечными крестами, а внутри ограды выстроил еще два каменных одноэтаж. корпуса.

2-й пункт «непременного условия» не выполнен: колокольня стоит и теперь, прекращен только звон и то в 1897 году, по распоряжению Высшей власти, и особому о том ходатайству православных.

3-й же пункт прямо-таки осмеян раскольниками: они не только что не убрали все приспособления к устройству полной церкви, а напротив – на более 3-х-ступенной устроили даже постоянный алтарь со всеми его принадлежностями и в нём ежедневно служат беглые попы свои обедни, 4 пункт за давностью предан забвению.

Нижегородский беглопоповский патриарх Бугров, не жалея никаких средств, усиленно с каждым годом всё больше и больше старается в Городце укрепить «древнее благочестие». В 1901 году в Спасском же приходе он выстроил еще огромнейшее трехэтажное здание, длиною 21 саж. и шир. 15 саж.

Таковыми радетельными действиями Бугрова даже тяготятся Городецкие беглопоповцы и почти все считают их для себя и ненужными, и незаконными.

Так, ныне, 1903 года 25 августа, в нарушение 3 пункта «условий». Бугров устроил торжественное освящение «церкви» с «новым алтарем». Для такового торжества было собрано из разных мест 4 беглых попа. За три дня до освящения был созван многочисленный сход Городецких раскольников, для обсуждения особенного торжества – освящения «церкви» в часовне. Но сход по этому вопросу раскололся надвое. Бывшие уполномоченные, упомянутые в «разрешении» 1892 года, Абрам

Дурасов и Григорий Прянишников (Скворцова на сходе не было) заявили свой разумный протест, – что и устраивать полную церковь в их часовне, не имея на это особого разрешения и вопреки прямому запрещению, есть дело незаконное. Большинство-же черного люда были за Бугрова: говорили, что он «Царский советник» что он закон знает – и т. п., особенно кричали Бугровские зятья, женатые на его воспитанницах.

Это – девушки, воспитываемые в духе раскола фанатичками старыми девами, с миссионерскою целью, в Бугровском большом Малиновском скиту, – Семенов. Уезда, Ниж. губ., и выданные затем замуж. Таковых воспитанниц в Городце около 20 и Бугров не забывает их своими милостями. И зятья Бугрова в Городце – сила.

Сход ничего определенного не постановил; а торжество все-таки состоялось. Передовые и разумные коренные жители и прихожане часовни в этом торжестве участия не принимали, и с горечью говорят некие из них, что нечего удивляться тому, что Бугров нахально втерся в их общество, в своих частью коммерческих интересах..., что еще Ездра писал о таковых же людях... Лично Бугров на сходе и «освящении» не присутствовал, а приехал в день «освящения» только принять поздравление, во время обеда. За его счет, кстати упомянуть, был устроен обильный обед. Только обед этот закончился, как и подобало, скандалом и дракой, чем говорят Бугров очень был огорчен.

Бугров давно и усиленно хлопочет, чтобы во вновь устроенных им зданиях было разрешено открыть для раскольников богадельни. В этом смысле он в 1901 г. подавал докладную записку покойному министру внутр. дел Сипягину, когда последний был в с. Городце, и посещал одну раскольничью богадельню. Докладной записки Сипягин не принял и предложение Бугрова войти в их моленную резко, как истинный Царский слуга, отклонил, и указал раскольникам на закон 1883 г., предупредив, что нарушения этого закона будут наказываться.

Да, не то теперь, что было при Сипягине: иные из властных персон, как мы видим, «ни что же сумняся», на соблазн для

православных, льстят раскольникам в их молельнях, иногда с умилением слушают гнусавое по «крюкам» и фитам пение полупьяной артели мужиков!

В выстроенных Бугровым огромнейших зданиях может поместиться призреваемых – в 1-м до 50 челов. (ныне в нём живет что-то всего около 8–12 челов.), а во втором – (только что выстроенном) до 100 и более человек. Теперь вопрос в том, где взять призреваемых, да еще одних раскольников? Правда, раскольники на всякое дело великие мастера, а на помощь им везде и всегда найдутся усердные радетели и из православных. И вот «из достоверных источников» распространяется слух, что в Городце всех жителей будто бы более 20 тыс., и раскольников в том числе две трети, т. е. около 14, 15 – тыс. душ..., конечно, не удивительно теперь, что раскольники считают себя миллионами, это им нужно...

В 1883 году посылали же раскольники телеграмму покойному Государю Александру III, что они молились за его здоровье с коленопреклонением в своей часовне в количестве более 5 тыс. челов., хотя часовня, в которой они молились, не могла вместить и 600 челов.!

Для восстановления истины и в назидание усердным радетелям раскола, вынуждаюсь сказать о действительном количестве, как всех жителей с. Городца и прилегающих к нему деревень, как православных, так и раскольников. Последняя народная перепись в 1897 году показала 17 тыс. душ обоего пола всех жителей Городца с деревнями и заводами (пришлых в то время на работы было около 1500 человек). Затем, достоверно известно, что в Троицком приходе православных прихожан обоего пола более 5 – тыс. душ (на три причта). У Архангельской церкви больше 3 тыс. душ обоего пола, при двух причтах, – Спасской церкви 1 тыс. или 1200 душ, – Владимирской церкви также до 1200 душ, – Единоверческой церкви 1 тыс. душ, – затем некоторые исправляют требы в монастыре и у причта приютской церкви; а некоторые, по нерадению и совсем нигде не бывают. В общем в Городце православных от 13 до 14 тыс. душ, остальная часть населения 2–3 тыс. – раскольники разных толков: беглопоповщинской

секты около 1500 чел., поморской брачной – около 400–500 чел., стариковщины, странников тоже 400–500, «а австрийцев» около 40 душ.

Из показанного очевидно, что постройки Бугровские для богадельных нужд не более и не менее, как раскольничьи затеи во вред православной Церкви. Казалось-бы, в Городце особо и исключительно для раскольников и одной беглопоповщинской секты разрешать постройку двух больших богаделен нет никакой надобности; это хорошо, конечно, понимают и сами раскольники. Если же Бугров добьется своего (а это всего вероятнее), т. е., получит официальное разрешение на открытие ненужных богаделен, тогда в этих бугровских зданиях не последнее место займет австрийщина. Австрийцы двадцать пятый год проживают в Городце и единственно с тою целью, чтобы как-нибудь завладеть Городецкой беглопоповщиною. Целых 25 лет на одном месте хлопочут об этом австрийские начетчики в Городце. Первым виновником зла – основания и постоянного жительства в Городце австрийских начетчиков и ярых пропагандистов австр. раскола – был я сам, – каюсь – моя вина в этом... Постоянным жителем в Городце был слепец Михаил Яковлев, потом И. Иголкин. Временно посещали Городец, по моим хлопотам, Швецов, Смирнов, Усов, Старков, Скоков, бр. Мельниковы, и Зеленков. Зеленков и Василий Мельников, с сентября настоящего года, водворились опять на постоянное жительство в Городце; указанная отборная и трудолюбивая артель, правду сказать, успеха в прошлом не имела. Но об этом я в следующий раз поговорю особо и подробно. Теперь-же мне хотелось сказать только о беглопоповцах и их противозакониях.

Не могу не поделиться своею радостью, что, несмотря на всякие старания раскольничьих радетелей, раскол в Городце падает. Благодаря благоусмотрительности нижегор. епарх. власти, в Городце, вот уже 13 лет, имеется православный противораскольничий миссионер, опытный и глубоко начитанный И. П. Ломакин. За время усиленной пропаганды австрийского раскола православная Церковь в Городецком благочинии зарегистрировала обратившихся из разных

раскольничьих толков более 1000 душ, «австрийщина» не прибавила к себе и одной души. Во время моего 4-х летнего пребывания в этой несчастной «австрийщине» было около 100 – или 120 душ «австрийского» раскола, а теперь их не более 50, и то с пришлыми; местных-же жителей «австрийских» всего только два семейства и люди эти совсем безграмотные, всего их около 10 душ.

К. Корегин

Бетин М., учитель. К характеристике внутренней жизни штундистских общин // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1225–1231

В прошлом, 1902 году, в октябре и ноябре месяцах, в дер. Горках, случились вскоре один за другим два пожара.

В первый пожар сгорел овин и две сенницы. Пожар был нечаянно произведен одним из штундистов Ф-ном М-вым, сушившим овин. Одна из горевших сенниц принадлежала заправителю штунды С. Н-ову. Н-в крайне вознегодовал на М-ва и всеми силами старался оклеветать своего единоверца.

Н-в доказывал, что М-в зажег свой овин нарочно, с целью сжечь Н-мовскую сенницу с кормом, и грозил мнимому поджигателю судом. Но М-в штундист трудолюбивый и довольно бережливый; а посему нельзя и допустить такой мысли, чтобы он мог пожертвовать своим имуществом в пятьдесят рублей, которое у него находилось в овине, для того чтобы поджечь 20 рублевую сенницу своего заправицы. Несмотря, однако, ни на какие объяснения М-ва, Н-ов настоял, чтобы корм его был разделен на части.

Бедный М-в хотя чувствовал, что терпит напраслину, однако, боясь отлучения от собраний (Ин.9:22), решился кормить скотину Н-скую своим кормом.

Так прошло с неделю. М-в стал замечать, что корм у него убывает не по порядку (так как Н-в стал таскать корм в запас и прятать) и, заперши сенницу, перестал давать Н-ву корм. Таков образчик штундистской святости!...

И вот когда мать М-ва А. пошла на собрание в дом Н-ва, то жена шт. унд. наставника Н. с собрания её прогнала, потребовав предварительно, чтобы та заплатила ей деньгами за сожженный корм. На следующее собрание А. принесла Н-вой три рубля и заявила: «больше заплатить нечем, да люди говорят и не за что. У меня то же рублей на 50 сгорело, а мне никто не заплатит. Я и это плачу только для того, чтобы вы на меня не сердились и не отвергали от себя. Н. взяла эти деньги и объявила: «вот если ты нам не отдашь еще пять рублей, то

мы с тобой и говорить не будем и на собрания не пустим». Недовольство между М-выми и Н-выми из-за сего продолжается и по настоящее время.

В другой пожар сгорело два дома, – один православного и другой – штундиста А. Щ-ва. У Щ-ва сгорел и весь скот. Штундисты сделали собрание и решили просить помощи у своих Петербургских братьев. Просьбу писать поручили С. Н-ву. Н-в подробно описал несчастье Щ-ва, да кстати упомянул и о своей сгоревшей сеннице. Чрез несколько времени Н-в получает письмо, что чрез контору Зыбиной пострадавшим шлют 180 рублей денег. 150 руб. тому, у кого сгорел дом и весь скот, а 30 рублей Н-ву. Вот подлинные слова этого письма.

«Дорогие и возлюбленные Господом братья и сестры. Шлем вам сердечный привет и расположение сердец наших, как это Господь делал, послали денег вам для погорельцев сто восемьдесят рублей чрез контору Зыбиной... У кого сгорело все и скот, тому сто пятьдесят рублей, а на сенницу вам тридцать рублей, а десять рублей, которые у вас, отдайте на усмотрение ваше кому и еще пришлем вещей и одежды по открытии воды...

Остаюсь любящий вас бр. Григорий Матвеев

Адрес. С.-Петербург, Петербургская сторона, Малая Белозерская ул., дом № 9».

Скоро весть о помощи разнеслась по всем Горковским штундистам, и их тотчас же начала душить зависть... По всем сектантским домам слышались рассуждения: «Куда Щ-ву столько денег? Это беда! Он сразу будет жить лучше нас».

Всех больше убивалась сестра А. А-ва; она хлеба лишилась и решила во чтобы то ни стало, а не дать такую сумму Щ-ву. С этой целью она обегала всех передовых штундистов и убедила их поддержать её. Вечером сошлось собрание в доме С. Н-ва, и решило не давать Щ-ву всех денег, а только часть: «ведь он неверующий, блудник, пьяница, его и сожгли за это», – твердили штундисты. Н-в согласился с мнением собрания. Послали за Щ-вым Н-ию жену С. Н-ва. Н-я прибежала к Щ-ву, задыхаясь от волнения и сообщает: «Александр, ты если хочешь быть богат, так пойдем к нам оба с женой». Александр не понял сразу в чём тут дело и говорит: «какое мне богатство, мне ведь как бы

нибудь прожить и то ладно». – «Пойдем, пойдем к нам, коли хочешь быть богат, а то как хочешь». Ну теперь Александр немножко понял в чём дело то. Собрался и пошел.

Приходит на собрание. Н-в объявил Щ-ву, что ему прислала 150 р. денег «Петербургская церковь», присем прочел и письмо. Щ-в изливается благодарностью по адресу петербургских собратьев. Но Н-в его останавливает и говорит: «Мы, Александр, вот что решили: ты дай из своих то денег рубликов 10 сестре Клавдии, у неё тоже сгорела сенница, а тебе еще хватит»... «Как дай»! – вспыхнул Александр, «дай ко ты; у тебя меньше Клавдиино то сгорело, а тебе прислали 30 рублей. Вот и дай! А мои деньги не смей трогать; они присланы мне». Н-в только этого и ждал. – «А, ты еще со мной спорить хочешь? Ну не получить тебе этих денег. Больше ничего», сердито он произнес и отворотился от стола. Тут со всех сторон слышались крики: «Ты неверующий! Ты блудник, развратный пьяница! Ты Царствия Божия не наследуешь. Тебе не за что и денег. Сергей, пиши в Петербург, что он неверующий и развратник» и т. п.

Александр еще более вскипятился и ушел с собрания.

Вскоре приезжает в Горки уполномоченный Петербургских штундистов П. Беспалов с деньгами на погорельцев. Состоялось собрание. Щ-ова на собрании на этот раз не было и «братия» его показали, что «Щ-в на собрании учинил бунт, всех изругал и чуть их не избил; а за это он и недостойн получить деньги; да он еще и неверующий, развратник, пьяница», и т. п. Б-ов для проверки услышанного не догадался или не хотел позвать на собрание Щ-ва, а тотчас отправился домой и, нисколько не медля, послал в Петербург письмо о ссоре горковских сектантов.²⁹⁶

Вскоре Б-ов получает из Петербурга, от 24 февр. с. г., письмо, в котором петербургская братия, между прочим, пишет:

«Дорогой брат во Христе Петр Яковлевич. До нас дошли печальные вести. Мы получили и узнали большую скорбь и нас очень опечалило в том, что наша помощь сто восемьдесят рублей произвела ссору. Так называют себя христианами и детьми Божиими; но они не таковы и не живут достойно своего

звания, как должно быть и жить и светить светом Божиим... вот имя Господа поэтому хулится чрез нас... Поэтому мы, С.-Петербургские братья, решили, чтобы деньги, которые были присланы, 180 руб. выслали вы обратно в С.-Петербург; мы не желаем, чтобы эти деньги производили ссоры между братьями и сестрами и посторонним было бы на соблазны и просим вас, дорогой брат Петр Яковлевич, прочитайте это письмо и объявите братьям, чтобы не было никаких ссор и завистей, как говорит св. ап. Иак.4:1–9. Одно и одно с нашей стороны просили бы, чтобы просить и умолять Господа, чтобы Господь простил за такой проступок, чтобы и мы вместе могли бы благодарить и славить Господа, как это подобает, как и было это у апостолов в первые дни христианства, у них не было никаких недостатков: у кого было много, у кого было мало, но всё было ровно, Деян.2:44. И мы все единодушно желаем, чтобы примириться с Господом и друг с другом, чтобы была Христова любовь между нами. Остаюсь меньший ваш брат во Христе Иван Раков».

Б-в приезжает в Горки и показывает «братии» письмо. Некоторые из штундистов были довольны, что деньги, не попали Щ-ву, а некоторые жалели, что эти деньги отсылаются назад, и им не попадают.

Б-в же при этом спросил, – нет ли нуждающихся, кроме Щ-ва, чтобы разделить эти деньги между ими. Штундисты встрепонулись. Они наперерыв стали высказывать свои нужды. Б-в объяснил, что нужно выставить только несколько нуждающихся, которые потом с другими поделятся, а писать всех нуждающихся не хорошо... Так и сделали. Штундисты выставили нуждающимися Д. Щ-ву, С. Б-рева и В. жену А. Щ-ва, – с тем, чтобы эти лица поделились затем с другими. Было послано в Петербург письмо и оттуда пришло разрешение разделить 150 рублей по усмотрению братии; а 30 рублей разделить между троими погорельцами, у которых сгорели сенницы; именно Н-вым, К. Б-вой и Ф. М-вым.

Накануне Пасхи текущего года, штундисты собрались толпой и пошли к Б-ву делить деньги (Б-в живет в 29 верстах от Горок). Дорога лежала мимо селений. Проходя мимо них,

штундисты громко распевали свои стихи. Поселяне с любопытством слушали пение путешественников. При дележке штундисты сделали строгий уговор, чтобы этот секрет твердо хранить не только от «внешних», но и от своих собратьев, не участвовавших в дележке и более всего от Александра Щ-ва. Дележ кончился неблагоприятно. Д. Щ-ва ни с кем не поделилась своей частью. И штундисты обратно шли уже разбившись на несколько партий. Больше всех осталась недовольна А. А-ва. – «Как так», рассуждала она: «я всю зиму и делов своих не знала, все трое ходили на собрание (она с мужем и сноха); это что такое, хохлацкая его харя (Б-ов будто из хохлов)! Ишь он загнул губу то. И этот слепой дурак (Н-ва ругает), красны зеньки! Он забыл, кто больше всех ходил на собрание и пел. Ведь всё мы со снохой. Теперь я ни за что не пойду, пой он один со слепа то» и т. п. И действительно, А. после этого долго не ходила на собрание. Н-в догадался и дал ей из своих денег 3 рубля; а из вышеупомянутых на братию выдал только 7 руб. По письму 30 р. не были разделены. Н-в признал письмо болтовней Б-ова.

Ф. М-в между тем услышал, что на него прислано 10 р.; посылает свою мать на собрание к Н-ву просить присланные деньги. Посланная входит в собрание и произносит обычное «мир вам»... Но вот заходит речь о 10 рублях, начинается ругань, попреки и после всяческой перебранки мать М-ва слышит: «убирайся с собрания то. Ишь ты пришла ругаться, только тебя и слышно»... И пошла она с собрания не солоно хлебавши.

Чрез несколько дней один из штундистов принес В-се Щ-вой завернутые в тряпке деньги. В-са подумала, что ей прислали все 150 р. В тряпке же оказалось только 50 рублей. «Что это! возопил муж В-сы Щ-вой, это ложь, обман, грабёж! Что это они со мной делают? Грабят. Разве по вере можно так поступать! Мне православные много нападавали: мы их считаем неверующими, а верующие грабят. Сейчас пойду с ними разделаюсь»...

– «Успокойся, успокойся! говорит ему брат, вот вечером соберем собрание и попросим братьев, чтобы они велели

выдать все деньги».

Вечером действительно состоялось собрание. На собрании А. Щ-в говорил спокойно, но резко. Он доказывал, что его обидели, ограбили при том братья (1Кор.6:8).

Братья уговаривали Д-рию и С. выдать деньги А. Щ-ву. Они согласились, С. тут отдал 15 рублей, но Д-ия сказала, что извела. – «Как извела», вскочил Александр: «Как ты смела чужие деньги извести. Мои деньги подай». Тоже самое требовали и другие штундисты. Д-я вышла из себя: «Вы что, разве грабить меня хотите, кричала она; меня братья с обратного то конца не съедите, а спереди я сама съем. Я сейчас же пойду к старосте»... С этим Дария скрылась из дому. Штундисты подумали, что Дарья и вправду ушла к старосте, и марш с собрания.

Щ-в после этого стал рассылать в разные места жалобы на братьев; писал он и в Петербург, и на Кавказ (к Шарипову). Жалобщик описал всё, что между ними происходило.

– «Как я обрадовался было, писал он в Петербург к своим единоверцам, когда услышал, что вы, дорогие мои братья, прислали мне денег 150 рублей. Сколько слез благодарности пролил я. Но, по внушению дьявола, восстали на меня мои братья и оболгали меня пред Б-вым, который распорядился деньги разделить между другими, – именно Д-ей Щ-вой и С. Б-вым, которые вовсе не нуждающиеся: Д-я на эти деньги накупила нарядов, которые не подобает носить верующим, а С. с неделю на эти деньги пьянствовал. Вот как напрасно обидели меня»...

Теперь Щ-в ждет из Петербурга помощи.

– «Если же Петербургские братья не окажут мне помощи», говорит теперь Щ-в, «то я на основании первого письма буду взыскивать чрез волостное правление с Н-ва. Если же и это не удастся, то не обрадуются... Я с ними знаю, что сделать». «А что же ты сделаешь»? – спрашиваю я его. «Я вот что сделаю. Приду к ним на собрание ночью и сочиню бунт, драку. Если же они на меня нападут, то я выбегу и стану кричать «караул». Вот за них и возьмется начальство. Веры им не будет. А как удастся, так сделаю еще хуже. Вот им и всё! А этот Б-ов, хохлацкая его

морда и не заявляйся тогда в Горки. Нарочно напьемся оба с Кирьякой (его сын) и отомнем ему все бока!»! Вот что делает в штундистской общине тленное золото!

Теперь штундисты Щ-ву стали злейшими врагами. На мирской сходке он их называет плутами, грабителями, лицемерами и даже разбойниками; «не найдешь, говорит он, ни в какой вере таких плутов, как в нашей штундовой вере. Все веры своих любят, но наши верующих ненавидят». Штундисты почти все тут же были на сходке, но возражать не посмели: знали, что Щ-ов был прав.

Щ-ов на этой же сходке рассказывал, как год тому назад, в марте 1902 года, штундисты писали просьбу в Петербург, чтобы выслали им денег на нужду. При этом было выставлено, сколько каждому нужно. Таким образом набралось просителей на 100 рублей. Из Петербурга выслали просимое. Штундисты сделали собрание и стали рассуждать, кому сколько дать. На этом собрании имели право голоса только передовые лица. По делу, не о чём было и рассуждать, потому что деньги присланы на имя самих нуждающихся. Но нет, нашли, что В-ий Б-рев не достоин получить 20 рублей, так как он не имеет полной веры, нюхает табак; М. Б-в пьет вино с православными, Д. Щ-в тоже курит табак. По сему собрание решило, чтобы им за неверие получить только половину назначенного для них, т. е. вместо 20 р. 10 р., вместо 10 р. 5 р.; а другую половину раздать братии в долг.

Вот таким-то образом всегда и происходит дележка денег у сектантов, и можно с уверенностью сказать, что вера наших штундистов зиждется на сребренниках. Совратитель их Шарипов прельстил их сребренниками: он обещал, что кто будет креститься в его веру, тому выдадут 25 рублей, а женщинам и детям будут кроме того выдавать ситцев на платья. Женщины лезли креститься без всякой веры. Передовые из совращавшихся в штунду многих оттолкнули, боясь, как бы не убавили платы...

Бедные штундисты! На них сбываются слова писания: «И из любопытства будут ловить вас лживыми словами»

(2Пет.2:3). Ведь из-за сребролюбия они и не принимают
здорового смысла (2Тим.4:3).

Учитель М. Бетин

Попов К., Минский епархиал. миссион. свящ. Раскол и миссия по епархиям. Саратов // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1232–1236

В Саратовской епархии г. Вольск, лежащий на берегу широкой и многоводной Волги, служит центром беглопоповской секты. Есть в нём и другие старообрядцы, но беглопоповщина, по своему количеству, решительно берет верх и давит собою не только мельчайшие безпоповские секты, но даже и поповщинскую, каковы последователи австрийской секты, которых в г. Вольске имеется на 2 моленных с 2-мя особыми при них причтами и штатом певцов и чтецов. Тут беглопоповщина великая сила. У них много купцов и многие из них служат на общественных должностях. Само собою разумеется, у беглопоповцев есть тут моленная и даже своего рода монастырь с несколькими иноками и инокинями, вместе живущими. Монастырь этот находится на земле купца Новикова и окружен большим плодовым садом. Издавна в г. Вольске проживали беглые попы, по временам и не один, а 2–3 разом, вследствие чего старообрядцы могли обслуживать довольно большой район по Поволжью, захватывая селения раскольников и соседних епархий. В настоящее время у беглопоповцев состоит попом некто о. Гумилевский. Сей муж сравнительно недавно еще перешел в раскол, а между тем сделался солидным домовладельцем в Вольске, так что православные батюшки, приезжая из своих сел в этот город, кивают главами своими, зряще и слышаще, в каком довольстве живет о. Гумилевский в среде раскольников.

Года 2 назад сей раскольничий иерей купил себе у графа А.Д. Нессельроде небольшой дом и дворовое место за 7700 рублей. Затем он расчистил место и стал в длину и ширину распространять купленный им дом. В настоящее время это большой двухэтажный каменный дом, вытянувшийся на 12 сажен по длине Тверской улицы, с изящным мезонином, балконами, 2-мя чугунными подъездами к дому и воротами под серединою дома. Дом вышел выдающимся из ряда других

построек и стал украшением города. Постройка этого дома стоила о. Гумилевскому около 50000 рублей. Сначала думали, что батюшка задумал открыть в своём доме какое-нибудь благотворительное учреждение, в роде богадельни для престарелых лиц, или же приют для детей., и пр., но о. Гумилевский оказался совершенно чужд таких филантропических учреждений на свой счет, а сделал свой дом приютом для «странних» лиц, да не безденежно, а с платою. Яснее говоря, о. Гумилевский устроил в своем доме №№ для приезжающих лиц и главным образом для своих старообрядцев, приезжающих в г. Вольск или по делам общества, или же имеющих какую-нибудь нужду к о. Гумилевскому. До этого старообрядцы останавливались кое-кто на постоялом дворе, в гостиницах и редкие только у своих знакомых. Сообразительный ум «батюшки» смекнул, что неловко древлеистинным христианам раскидываться по городу и жить у еретиков на квартирах и решил открыть свои старообрядческие №№ в городе, тем более, что это обещало принести ему огромные доходы. И вот он развернул свой кошелек, вынул нажитые им деньги, построил дом, разбил его на комнаты и объявил соответствующую цену каждой. Для старообрядца такие №№ не только находка, но даже благодеяние своего рода; здесь он свободно может держать себя согласно своему обиходу жизни, не стесняясь, что над ним будут смеяться, или же вынесут на улицу такие грешные его поступки, о которых другим не следует знать, тогда как в этих №№ он будет жить в кругу своих же старообрядцев, а последние ссорятся между собою только из за веры, о делах же человеческих и своих собратий передавать другим, тем паче еретикам, не любят и не сделают этого Для самого Гумилевского №№ являлись тройной выгодой; доход №, от содержания приехавшего и от требы. Приехали, например, повенчаться из Самарской, Пензенской губ., с Дона или Урала, ему нет надобности торопиться и венчать их не в показное время и день, как это сплошь и рядом делается у старообрядцев (что венчают и в среду, и постом, ссылаясь на нужное время), теперь этого всемогущего и всепобеждающего рычага – «нужды ради» – более не будет, и о. Гумилевский

может совершить брак по уставу «св. отец» и в показное время, день и час. И этим своим законным действием он даже принесет старообрядческому обществу великую пользу – избавит его от нареkania со стороны других старообрядцев. А что это сопряжено с большими расходами, чем было доселе, то это плевое дело и в старообрядчестве на это обращают меньше всего внимания. Дорого, да свято; дешево, да клято – вот обычное оправдание во всех подобных случаях. И это правило старообрядцев, как сравниваю прошлое с настоящим и доселе, выражаясь словами старообрядческой книги, не стареет, а наипаче юнеет.

В мае месяце текущего года объявлен был собор беглопоповцев. Собор назначен на 10 мая в г. Вольске. Ко всем беглопоповским обществам, имеющим сношение с Вольским, посланы были повестки, чтобы они избрали из среды себя уполномоченных для присутствования на соборе. Приглашения на собор стали рассылаться заблаговременно и содержание повестки было таково:

«Благоволением и милостью Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Мы собравшиеся попечители Вольской старообрядческой церкви проезжающего священства частным попечительским собранием и по просьбе других сторон наших христиан решили: пригласить из разных губерний, городов и селений наших христиан на общее собрание имеющего быть в г. Вольске сего 1903 года мая 10 дня, для обсуждения нескольких вопросов и недоразумений, происходящих в наших христианских обществах. Почему и обращаемся к вам не оставить нашей просьбы без внимания и избрать из среды себя для сего более сведущих лиц. Надеемся, что наши христианские общества не оставят нашей просьбы без внимания и не замедлят своим посещением. На собор должны прибыть и наши старообрядческие священники где они есть. Град Вольск 1903 года Апреля 19 дня».

К назначенному числу в г. Вольск собрались разные уполномоченные от общества, большей частью по 3–4 лица от каждого общества. И все эти двуперстники, приехавшие кто

пароходом, кто по железной дороге, прямо направились в №№ своего древлеблагочестивого батюшки о. Гумилевского и «наполнился дом до верха», каждая комната представляла как бы бочонок сельдей и из каждой шло дыхание бурно. Какие вопросы рассматривались сим собором, что решали «Божьею милостию» собравшиеся с разных мест простые люди, об этом мы расскажем потом, так как это составит особый отдел специального повествования о деяниях собора раскольников беглопоповцев, а теперь скажем, что «честнии представители» своих обществ жили весело в своём старообрядческом муравейнике, пили «стомаха ради» изрядно и «гласом великим» распевали стихиры, и духовные каноны, «сущу позде»... От собора осталась в большом количестве специальная посуда от возбуждающей влаги, и сии 2 бумажки с портретом, из коих:

1. Большой портрет, снятый в фотографии К. Калинин, существующей в Москве, на Рогожской, Воронья улица, дом Пчелина. На карточке изображен священник в полном священническом облачении, и с поднятою правою рукою для благословения. Сложение перстов двуперстное. Рядом с попом стоит небольшой мальчик. На оборотной стороне карточки сделана такая надпись: «Съезду благочестивым христианам старообрядцам в благое дело. Посылаю Божие благословение на благое дело. Аще совет совещаете во зло разорит Господь. Помогите вам Господи! На благословение и память от священноиерея Никанора Сахарова. 1903 года мая 7 дня. Москва».

2. Письмо, адресованное в Москву Сергею Ермолаеву, Немецкая улица, – из г. Вольска. Содержание письма такое:

«Милостивый Государь Сергей Ермолаич, Афанасий Кузмич и Козма Димитрич!

Сим письмом посылаем к вам от нашего общества избранные: Петр Алексеич Овчинников, Иван Петрович Рязанов, Андрей Романыч Беляев по поводу о. Максима. Был о. Александр в Городце и говорил, что он послан справиться об о. Максиме. И справлялся он у о. Макария. Скажите, пожалуйста, – вам ближе и виднее, где и какую подписку о. Максим дал и в каком она смысле? Нет ли у вас копии с под. писки? И где более

слух есть о подписке между христианы? Нет ли еще отступлений? И как вы и общество принимаете его? И каки еще недостатки и по каким причинам общество подводит его к принятию 3-м чином? Говорите не облыжно, всю сущую правду. Дни великие; мы все христианы и каждый христианин тщится душу свою спасти. С почтением к Вам ваши нижайшии рабы, попечители Городецкой старообрядческой часовни Кириак Пчелин, Яков Старцев, Петр Китаев. 1900 г. Февраля 28. Кланяемся».

Надо полагать, что письмо это «дело старых времен», а конверт его от другого письма, но в этом конверте оно только хранилось, так как почтовый штемпель не совпадает с числами года и месяца в письме. Штемпель на конверте: г. Вольск, Саратовской губ. почт. телегр. конт. 1903 г. 21–IV (месяца).

3. В этом же конверте лежало следующее письмо, представляющее собою выписку соборного решения беглопоповцев. Вот что говорится в ней:

«1900 года 15 октября в г. Вольске, Саратовской губернии был собран съезд старообрядцев, неприемлющих епископства, из городов: Москвы, Саратова, Урала, Бугуруслана, Николаевска, Хвалынска и Чернавки, Лужкова, Боровска, Дона, Пензы и из разных других мест, городов и селений, на котором соборне и всеобще постановили: мы боснийского еретического и запрещенного митрополита Амбросия, несколько лет не бывшего на престоле, не принимаем и никоея же власти его и действий не признаем, чему согласует и правило 20 Сардийского собора и 16 правило Антиохии Сирстей. А последователи Амбросия, отвергая правила св. отец, дерзнули принять его чрез оные, по своему мудрованию, на свою гибель и уловление христианских душ. Но несть церковь их апостольская, и епископ несть епископ и священники не суть священники, но мирстии человецы, почему мы и не должны принимать от них ни единого таинства, да не погибнем с ними, яко же Иуда. Еще вина за Амбросием: поливательно крещен и нанялся по условию за 500 червонцев восстановить иерархию.

На это постановление христианского съезда, со стороны братства приемлющих окружное послание издадеся разбор и

доказательство правоты Амбросия, но все писание их и ложно: за не богопротивно суть все их иерейство и епископство и не ко спасению созидает, а на погибель влечет христианские души».

Таково понятие об австрийском священстве у беглопоповцев, которых белокриницкие всячески стремятся привлечь в своё упование.

Минский епархиал. миссион. свящ. Константин Попов

Из миссионерской полемики

Беседы свящ. г. Казани о. С. Шлеева с поморским начетчиком г. Саратова А. Черчимцевым, веденные ими в пределах Уфимской епархии в декабре 1902 года.²⁹⁷ Третья беседа. О печати антихриста // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1237–1250

Миссионер. Вопрос, который я обещался предложить Арт. Петр., такой: «какой св. отец написал, что троеперстие – печать антихриста»? При решении его, мой собеседник пусть пользуется всеми книгами. Пусть хоть от одной из них укажет, что троеперстное сложение перстов для крестного знамения есть в самом деле печать Христова врага. Иначе, напрасно смущает народ, что православные при крестном знамении возлагают на себя печать противника.

Черчимцев. Вот, какой вопрос поставил о. Симеон. Вопрос этот лукавый. Наше-же спасение не от лукавства. Это одни Иродиане спрашивали Христа с лукавством. Как Христос не ответил на лукавый вопрос, точно также и мы не будем.

Миссионер. Как угодно называйте мой вопрос. Я прошу ответить на него: лукавства в нём нет. Вчера сами называли троеперстие печатью антихриста. Естественно, поэтому, спросить: на каком основании старообрядцы называют троеперстие печатью антихриста. Я на ваш вопрос отвечал без всяких предисловий.

Черчимцев. Вы отвечали на наш вопрос потому, что он был от Писания. Настоящий же – не от Писания. Где такой вопрос содержится в Писании? Укажите нам?

Миссионер. Вопрос: «какой св. отец узаконил троеперстие» тоже нигде не записав в книгах. Прошу отвечать на поставленный вопрос.

Черчимцев. Терентий Акимыч нам скажет, что такой вопрос от Писания?

Худошин. От Писания вопрос тот, смысл коего содержится в Писании.

Миссионер. За нынешнее участие Тер. Аким. благодарю. Он пояснил, что такой вопрос от Писания. Мой вопрос подходит

под это определение. В предшествующую беседу Арт. П. называл троеперстие печатью антихриста, чем произвел смущение, соблазн в народе. В Евангелии сказано: горе тому человеку, им же соблазн приходить: лучше повесить ему на шею жернов мельничный и потопить в пучине морской. Итак, основа моего вопроса во св. Евангелии. Я хочу рассеять соблазны. Я вас же жалею, ибо не хочу вас иметь в числе соблазнительей народа, несущих страшную кару.

Черчимцев. Миссионер жалеет нас. Пожалеет и мы его: будем отвечать. Почитаем: какое крестное знамение узаконенное и какое неузаконенное. Узаконенное – двуперстие. Стоглавый собор постановил: «аще кто не крестится двема персты, якоже Христос, да будет проклят». Как полагается узаконенное крестное знамение людьми на себя – об этом писано в Б. Катехизисе. На 5 листе об. поставлен вопрос: «Какое сие бывает – скажи ми? Ответ. Три персты, равно имети: великий со двема малыми вкупе слагаемы, а два перста имети наклонены, а не простерты... Егда на чело полагаем персты, сие знаменует яко Отец начало есть всего Божества, от Него же прежде век Сын родися. Той же в последняя лета преклонь небеса, снисде на замлю и бысть человек. Егда же полагаем на живот, сие знаменует еже во пречистой утробе Пресвятыя Девы Богоматери бессеменное зачатие Его осенением Св. Духа яственно возвещает. Егда полагаем персты на правое плечо, сие знаменует двое: 1., еже Христос вознесь на небеса, и седе одесную Бога Отца, 2-е же знаменует, яко в день судный поставит Господь праведные одесную себе, а грешные ошую. Сие знаменует возложение от десного плеча на левое.

Вот, что знаменует, когда православные христиане полагают свою десницу на чело, на живот, на правое и левое плечо. Мы видели также и указ, как складывать персты десницы: большой соединить с двумя малыми, а не с высшим и средним, как делают последователи Великороссийской Церкви. Итак, мы показали узаконенное крестное знамение: книга объяснила, как полагать десницу и как складывать у ней персты. Та же книга говорит и о том, чему достоин тот человек, который не творит на себе узаконенного крестного знамения. Б. Катехизис прямо

заявляет: «иже не приемлют на себе крестного знамения, сиречь десницею своею узаконенного воображения не возносят на чело главы своея, на живот, также на правое плечо и левое, аще убо реченного: (а речено о нём выше на л. 5 и 6, которое приведено нами) сего крестного знамения не приемлют, то уже яве есть еже имать прияти на чело и на десную руку антихристову печать» (102 л).

Не я, следовательно, а Б. Катехизис утверждает, что кто не возлагает на себе двуперстия, тот явно принимает на себе печать противника.

Миссионер. Вопрос такой: «какой св. отец написал, что троеперстие – печать антихриста». Арт. П. взялся отвечать. И что-же? Прочитал он нам св. отца? Нет. Черчимцев повторил лишь тот отрывок из Катехизиса, который читал нам и вчера. Мой собеседник хорошо знает, что Б. Катехизис – не писание св. отца. Катехизис написан Лаврентием Зизанием, а напечатан в Москве при м. Филарете. Итак, пусть оставит взятую им книгу и откроет какого-либо св. отца. Я не унижаю Б. Катехизиса, но всякой вещи своё место и время. В Б. Катехизисе ни единого слова нет, что троеперстие – печать антихриста. Это толкование самого Арт. Петр-ча. Здесь говорится лишь о неистовом положении креста, т. е., о невозложении десницы на чело, животе, на правое и левое плечи. Осуждение обещается неистово молящимся. Но последними могут быть и двуперстники. Б. Катехизис не мог говорить про троеперстие, что оно – печать антихриста уже по одному тому, что сам учит возлагать на чело не два, а три перста. Возьмем на 5 л. немного выше: «Вопрос. Како на себе достоит нам Честный крест полагати и знаменатися им? Ответ. Аще знаменаемся им, сложивше убо три персты десные руки, и возлагаем на чело». Итак, Б. Катехизис из-за этого одного не мог назвать троеперстие печатью антихриста.

Б. Катехизис не мог порицать, назвать троеперстие печатью противника еще и потому: на 7-м листе он осуждает только пятиперстие и одноперстие, но о троеперстии ничего такого не говорит. Самый вопрос, который нужно прочитать из Катехизиса в подтверждение этой мысли, начинается с поучения о трех

перстах. «Вопрос. Без такового же сложения трех перстов, не возможно ли знаменатися всеми персты, или единым»... «Ответ. Ни едино. Тако бо знаменающися, яко же ты рекл еси, первое не прообразуют тремя персты Св. Троицы»... (7 л).

Из прочитанного ясно: троеперстие не стоит в числе запрещенных сложений при крестном знамении.

Выходит, Арт. П., при ответе на предложенный вопрос, не должен читать Б. Катех. Во 1-х – это не св. отец; во 2-х, здесь ни одной нет буквы про троеперстие, как про печать антихриста.

Черчимцев. О. миссионер сразу решил, что в Б. Катехизисе нет речи об антихристовой печати: позабыл должно быть слова св. Андрея. Привожу св. отца. Пусть не укоряет. Вот что св. Андрей Кесарийский говорит касательно печати противника: «здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его 666. Тщательное испытание числа (печати), а также и всего остального, о нём написанного, откроет здравомыслящим и бодрствующим время искушения» (110 стр. М. 98). В числе имен антихристовой печати св. Андреем указаны: Латининин, Венедикт, что означает благословенный. Антихристовой печатью, значит, м. б., между прочим, латинское благословение.

Сейчас посмотрим, нас благословляют и благословляли латиняне. Благословляли и благословляют троеперстно. Раскрыв книгу о Вере, на листе 269 читаем: «Чти в Баронии, в лето 1047-е яко мучительски наступали на папезство, един другого пхающе и попирающе и многа свидетельства о том в книгах различных, и в самом Баронии обрящеши не мало, наипаче же в 971 и 1001 г. и ниже помяну мало. Стефана седьмого, иже Формоса папежа из гроба выкопати повелел... и три персты, имиже благословлял, отсеци».

Невольно приходишь в сомнение о троеперстии, когда сопоставить толкование св. Андрея об антихристовой печати и свидетельство Барония об отсечении трех перстов у папы Формоса. Миссионер ошибочно говорит, что мы утверждаем троеперстие, как печать лишь антихриста. Мы только сомневаемся, не печать ли?

Миссионер. Арт. П. стал отказываться от своих слов. Сначала прямо заявил, что троеперстие – печать антихриста. Потом, когда нечем стало доказать, начал уклоняться: стал лишь сомневаться. Что-же? И за это благодарю. По крайней мере, колеблется. Да как не колебаться. Прошу указать св. отца, написавшего про троеперстие, как про печать противника, но мой собеседник и до сих пор не показал. Всё своё обвинение обосновал на известии от Барония, выдержки коего приведены в книге о Вере. Что касается толкования св. Андрея о печати скверного, то оно нисколько не помогает Черчимцеву при разрешении поставленного вопроса. У св. Андрея нет ни одной полбуквы про троеперстие.

Артемий Петр. поставил себя выше Андрея Кесарийского. Св. Андрей в приведенном месте писал, что имя антихриста, числу букв коего будет соответствовать и самая его печать, божественная благодать скрыла: она не соизволила, чтобы в божественной книге было написано пагубное его имя (110 стр. М. 1898 г.) Черчимцев-же нашел это имя и объявил, что троеперстие – печать антихриста. Благодать скрыла, а он открыл. Немного дерзновенно, пожалуй, будет. На чём же, спрашивается, он обосновал своё обвинение, при чтении избранного места? На словах: «Латининин, равно – Венедикт, что означает благословенный». Данное основание тяжкого обвинения против Церкви так ничтожно, что и не стоит разбора. Если веду о нём речь, то единственно для пользы слушающих. Число печати антихриста (666) будет соответствовать имени его, переведенному на буквенный счет. Имя антихриста такое, которое во своей сумме, переведенной на цифры, даст 666.

Пусть Артемий П. покажет нам цифровое соотношение между Латининин, благословенным и троеперстием. Иными словами, пусть высчитает: какую сумму заключают слова: Латининин, благословенный, потом слово: троеперстие. Равная ли у этих трех слов сумма или нет? Получится разная.

Итак, не толкуйте, братья, что в троеперстии печать противника заключающая число 666, число имени его. Такое толкование – одна сплошная ложь.

Слово Латининик поставлено в числе имен антихриста не потому, что троеперстие, как латинское, по Арт. П., благословение, есть печать скверного. Нет, оно указано, по толкованию св. Ипполита, потому, что «Латиняне суть содержащие власть даже доселе» (Вып. 63, ч. 1, 421 стр.).

Черчимцев. О. миссионер стал вычислять цифры. Если угодно и мы ему вычислим. Троеперстие связано с годом антихристового пришествия. Год, в который явился противник, как писано в кн. о Вере, 1666 г. «Кто весть, читаем в ней, аще в сих letech 1666-х явственных предотечев или того самого не укажет». Троеперстное сложение перстов при крестном знамении, как ни странно для миссионеров, связано с годом явления антихриста не в России только. Оно связано с ним и в Риме. По 1000 лет, читаем, Рим пал. И что же? Вместе с пришествием туда антихриста появляется там и троеперстие. Итак, троеперстие появляется там, где приходит противник. Пришел антихрист в Рим – появилось троеперстие, им начинают благословлять. У папы Формоса потому отрубили три пальца, что он ими благословлял.

Миссионер. Согласимся временно с Арт. Петр. Предположим, что по 1000 годе в Рим пришел антихрист в лице пап. Значит, антихрист был и в лице того, по Баронию, безбожного Стефана, который раскапывает могилу Формоса в 1001 году. Но странно, зачем же он-антихрист рубит свою печать (троеперстие), отсекает три перста, коль скоро они его печать? Это противоречиво. Антихрист любит свою печать. Противник мог отсечь три перста скорее-же за то, что ими исповедовалась Св. Троица, ибо скверный Троицы не признает, отрицаясь Отца и Сына. Последнее больше походит на ту правду моего собеседника, с которой и мы «временно» согласились; временно потому, что на самом деле антихрист не приходил еще ни в Рим, ни в Россию и трех пальцев, как печать противника, у папы Формоса не отсекал. Отсекал персты просто папа Стефан и притом, по другим свидетельствам истории, не три, а два, да не на руках только, но и на ногах также. Свидетельства первого рода находятся в Апокрисисе Христофора Филарета (стр. 257, Киев, 1870 г.); в Феатроне (С.

П. Б. 1724 г. 267); в Истории Платина, неоднократно упоминаемого в кн. о Вере (Приб. к Тв. Св. От. ч. 14-я, 256–6) и др. Приведенные свидетельства имеют большее значение, чем доказательства Черчимцева. Он читал свидетельство Барония – паписта, а мы ему приводили записи православных писателей.

В заключение своей речи скажу: Арт. П. до сих пор еще не указал св. отец, написавших про троеперстие, как про печать антихриста. Он ссылается на Барония, которого толкует от себя. Бароний – не святой отец, а толкование Арт. П., как много раз видели, не всегда содержит истину.

Черчимцев. О. Симеон требует, чтобы ему указали св. отца, написавшего про троеперстие, как про печать скверного. Он укорил меня за свидетельство Барония. Но я приводил ему кн. о Вере, принятую св. Церковью. Значит, в данном случае, свидетельство её равносильно свидетельству св. отца. Потом, предложенный миссионером вопрос, как уже не раз заявлено было, вопрос не от Писания. Ведь не сказано о троеперстии ни в одном писании. Оно так и осталось недоказанным от Святых. Задавая о. Симеону вопрос: какой св. отец узаконил троеперстие, мы основывались на Писании. В нём ясно узаконение двуперстия. Итак, о. миссионер должен бы обосновать свой вопрос на писании. Пусть, о. Симеон докажет: какой св. отец написал о троеперстии. Когда последнее решится, тогда само собой рушится наше недоумение великороссийского сложения перстов при крестном знамении.

Миссионер. Мой собеседник сначала отказался отвечать на вопрос, потом взялся, пытался что-то доказать и, наконец, опять отказывается. Последний отказ не указывает ли бессилия старообрядца обосновать своё порицание на троеперстие. Приводить вместо св. отца историю Барония о Формосе, действительно, свидетельствует о невозможности оправдать свою давнишнюю ложь. Черчимцев говорит: свидетельство Барония находится в книге Веры, принятой Церковью, а потому всякое свидетельство, содержащееся в ней, равносильно писанию св. отца.

Но такое сравнение названной книги с писанием св. отца не основательно и не верно. Арт. П. сам знает, что кн. о Вере

написана не св. отцом, а напечатание её при п. Иосифе не сообщило ей авторитета Святоотеческого. В Библию вошло много не богодухновенных книг. Помещение их, по благословению Вселенской Церкви, на ряду с богодухновенными не сообщает им святости последних. Итак, мой собеседник должен оставить ту мысль, что кн. о Вере, напечатанная по благословению поместной Русской Церкви, равносильно писанию св. отца. Он в душе никогда и не думал возводить кн. о Вере на высоту святоотеческого писания: было время, когда бл. Августин у него стоял выше этой книги. Повысил кн. о Вере в виду необходимости: во чтобы ни стало найти свидетельство св. отца, порицающего, как и он, православное троеперстие.

Из кн. о Вере Черчимцев вычитал приведенное свидетельство Барония о том, как у папы Формоса были отрублены три перста, коими последний благословлял. На этом свидетельстве он обосновал всё своё обвинение против троеперстия. Против этого ему было возражено. Если по 1000 году в Риме царствует антихрист, то и папа Стефан – антихрист. Выходит, антихрист рубил антихристовую печать. Нелепо. Касательно этой нелепости Арт. П. ни слова не сказал. Не сказал он также и относительно приведенных мной свидетельств, что у папы Формоса отрублены были не три, а два пальца.

В окончательное удостоверение ложности Черчимцева, его ссылки на папу Формоса, якобы поруганного за троеперстие, приведу свидетельство о сем факте из книги Гранографа. В последнем говорится: у папы Формоса были отсечены все пальцы как на руках, так и на ногах. Вопрос, если пальцы были отрублены за то, что ими наказанный благословлял, то для чего тогда отсекали пальцы и на ногах? Неужели ими он тоже благословлял?

Выходит, отсекали пальцы не за то, что ими благословляли, за что-то другое. Свидетельство об отсечении перстов у папы Формоса нужно, понимать так же, как понимаются свидетельства истории о публичном наказании отправляемых в

рудники, в другие места ссылки, именно отсылаемым отрезывали носы, уши, отрывали ноздри и т. п.

Пробеседовав так много, Арт. П. однако до сих пор не привел св. отца в доказательство, что троеперстие – печать антихриста. М. б., он укажет его после перерыва, хорошенько подумав и посоветовавшись со своим учителем, который, правда, не всегда его выручает. История с Б. Катех. нами не позабыта.

(Перерыв, во время коего больше всего толкуют о свидетельстве из кн. Гранографа, более всего показавшего фальшь Черчимцева).

Миссионер. Собравшись с силами, поговоривши с кем следует во время перерыва, Арт. П., м. б., оправдается пред нами: обоснует своё обвинение против Церкви на свидетельстве от св. отцов.

Черчимцев. Я троеперстие не порицал. Я высказывал лишь сомнение о нём.

Миссионер. Народ будет свидетелем, что вы не только сомневались, но и говорили про троеперстие, как про печать антихриста. Если вы отказываетесь от этого обвинения, то это добрый знак. Но вы не должны даже и сомневаться о троеперстии, ибо нигде у св. отцов не обрящете поводов к этому.

Черчимцев. О. Симеон понимает печать антихриста в виде какого-то клейма, а потому не может примириться с нашим сомнением: троеперстие – не печать-ли. Мы не так разумеем печать антихриста. Это не клеймо, а нечто другое. У папы Формоса отрубили пальцы не за то, что он ими полагал какое-либо клеймо, но за то, что он их складывал троеперстно. Приявший печать противника, по словам Ефрема Сирина (слово 105), не будут иметь возможности полагать на себе честный животворящий крест. Вот, в чём печать антихриста. По словам св. Андрея, печать скверного будет поучать прельщенных быть дерзновенными в обольщении и тьме (слово 13-е, гл. 13, 17 стр.). Выходит, печать антихриста, с одной стороны, в попрании креста, а с другой, в неправом мудровании. Неправое мудрование называется не только печатью противника, но даже

и идолом. Св. Иероним в толковании на пр. Захарию ([Зах.13:2](#)) замечает: «действительно, как идола делают рукою художника, так и извращенное учение еретиков обращает в идола то, что старается подделывать и происходить то, что люди поклоняются вместо Христа антихристу». Итак, подделка в учении называется идолом, благодаря ей люди поклоняются антихристу, значит, принимают печать. Во время п. Никона были введены новизны, некоторая, как бы, подделка. Нам боязно: как бы не поклониться антихристу чрез эти самые новизны, чрез тоже, например, троеперстие.

Миссионер. Арт. П. старался выяснить, что такое печать антихриста, под коей де невольно приходится разумеать троеперстие; вычитывал нам из Ефрема Сир. и Андрея кесар., но вычитывал, заметим, отрывочно. На основании пр. Ефрема, Черчимцев определил антихрист. печать, как запрещение креста. Но у св. Ефрема больше сказано про печать скверного. «Приимший печать,» по словам препод., «область не имать знаменатися десною рукою, знамением Христа Спасителя нашего ниже паки на челе знаменатися отнюдь, страшным и св. именем Господним». По этим словам, антихристовы поклонники не только не будут знаменоваться крестом, но не будут призывать имя Господне. Походит ли православная Церковь на этих людей, или нет? Всякий из нас, положив руку на сердце, не должен сказать: да, но обязан ответить: нет. Арт. П. на основании св. Андрея определил антихрист. печать, как неправое учение. Определение опять неполное, вычитано не всё. Антихрист будет класть печать не только на челе, но и на десной руке. Последнее, по св. Андрею, означает пресечение правых и добрых дел. Значит, антихрист. печать – не только неправое учение, но и неправое житие. Неправое учение Черчимцев навязывает великороссийской Церкви. Не знаю, как он приложит к ней и неправое житие? Нужно быть очень уже самообольщенным, чтобы безпоповщинскую нравственность ставить выше православной. Не особенно хороши бывают православные, но не лучше их и безпоповцы. Если первые приняли печать антихриста, то и вторые её не миновали. Словом, писание обоюдоострый меч. Напрасно Арт. П. берется

толковать его. Его толкование возшло на главу его же самого. «Ров изры, и ископа и, и падет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его и на верх его неправда его снидет» (Пс.7:16–18).

Желая показать, что троеперстие мало назвать антихристовой печатью, его де нужно назвать еще идолом (такая мысль у моего собеседника), Черчимцев в конце речи стал доказывать, что неправое учение часто в писании называется идолом. Привел толкование Иеронима на пр. Захарию. Здесь в этом толковании (т. 15-й, стр. 159) еретическое учение, действительно, называется идолом. Подделки еретиков, говорит бл. Иероним, производят то, что люди поклоняются вместо Христа антихристу.

На основании вычитанного Арт. П. хочет, видимо, оправдаться пред нами, стремится найти требуемое от него свидетельство св. отца. Но тщетно трудился. В приведенных строках ни слова про троеперстие. Здесь речь о неправом учении, а где оно заключается – об этом не сказано. Неправое учение в троеперстии, очевидно, видит сам Черчимцев.

Вычитанное место скорее относится к самому старообрядческому начетчику, к его обществу. У них ведь неправое учение. Ведь они говорят, что св. причастие не нужно в нынешнее время. А так говорят по словам толкового Апостола (зач. 150), лишь ложные пророцы, названные у Иеронима жрецами идолов. У безпоповцев, а не у православных, поэтому, кланяются вместо Христа антихристу. По толковому Апостолу, только еретики говорят, что «мерзость антихристова есть самая жертва, а не опустошение её, которое содевает антихрист пред пришествием Господним». Безпоповцы говорят, так же, как еретики. Они видят антихрист. мерзость не там, где нет жертвы; например, у себя, а там, где она есть, например, у православных. Такое их неправое мудрование, действительно, есть идол, производящий то, что люди поклоняются не Богу, а Его хулителю. Слабые духом, увлекаясь безпоповщ. учением, думают найти здесь Христа, но на самом деле поклоняются Его противнику, становятся его пособниками, разорителями, опустошителями Христовой жертвы.

Итак, вот про кого говорит бл. Иероним. Что-же касается троеперстия, то в нём неправое учение видит не Иероним, а Черчимцев. Но мнения последнего нам мало. Уже шестой час бьемся и просим у моего собеседника показать и его мнение о троеперстии, и свидетельство св. отца.

Просим вас, Арт. П., покажите нам, какой св. отец написал, что троеперстие – печать антихриста?

Черчимцев. О. Симеон всё время твердит: покажи, да покажи: какой св. отец называл троеперстие печатью противника. Всякий, имеющий ум, поймет, к чему мы читали место из св. Иеронима. Если прочитанного показалось мало, то возьмем повыше. «Зах.11:15–17: И сказал мне Господь: возьми себе сосуды неразумного пастыря; ибо вот Я воздвигну на земле пастыря, который не будет посещать оставленного, не будет искать рассеянного, не будет исцелять сокрушенного, и того, что стоит, он не будет кормить, и поест плоть тучных и оторвет их копыта. О, пастырь! о, идол, покидающий стадо! Меч на руку его и на правый глаз его и правый глаз, тускнея, потемнеет». – «Когда говорит: возьми себе сосуды пастыря неразумного, то показывает, что прежде он взял уже две розги себе – одну – благопристойность, другую – землемерный канат. И так как отверг их вследствие их порока и греха... то теперь пророку говорится, чтобы он возвестил важнейшее пророчество о пастыре неразумном или неискусном. Несомненно, что пастырь неразумный или неискусный есть антихрист; о нём говорится, что он придет в конце мира, и показывается, каковым он имеет прийти. А под сосудами пастыря мы должны понимать отличительные знаки его и одеяние: суму, посох, трубу и свисток». Прочитанного нами пока довольно, чтобы видеть, про кого толкует св. Иероним. Толкует он, на основании пр. Захарии, про нечестивого пастыря, указывает признаки этого неискусного руководителя овец. Какие-же это признаки, отличающие его от истинного пастыря? Сума, посох и т. д. Со времени п. Никона у пастырей иные уже отличительные признаки, чем у древних: у них уже не те, наприм., посохи, какие были у того хоть п. Филарета, портрет которого сейчас под руками. Посох его, как видим, не со змеями, как у нынешних архиереев. О. миссионер

в доказательство правоты своего убеждения указывал на приношение у них жертвы, на присутствие у них сосудов, престолов и жертвенников и отсутствием всего этого укоряли нас христиан. Но из прочитанного и из того, что сейчас читаем, видно, что сосуды не спасут нас, что отсутствие их показывает лишь могущество Божие, спасающее верных и без сосудов. «Как некогда, говорит Иероним, Исаия, чтобы предугадать пленение народа, ходит обнаженным (Ис.20:2–4), а Иеремия идет в дом горшечника, чтобы кусками глины разбившегося сосуда, бывшего на кружале и снова обделываемого руками горшечника, показать и погибель Израиля, и могущество Божие (Иер.18:2–9); как Иезекииль, чтобы показать разрушение Иерусалима и бегство Седекии, и угнетение, ожидающее пленников, не только словами, но и поведением своим, пробивает в стене отверстие и вытаскивает обломки на своих плечах; так и ныне Захария принимает вид неразумного пастыря, чтобы провозвестить того, кто имеет прийти». Мы, действительно, выбросили сосуды, как и Иеремия выбросил, мы и обломки их вытащили на своих плечах подобно Иезекиилю – всё это сделали, как и названные пророки, с целью показать приход того, кто должен был прийти. Сосуды неразумного пастыря на вред лишь христианам. Как идоложертвенное не могло спасти человека, а скорее погубить, точно также и жертва – пища неразумного пастыря с иными посохами, названного пр. Захарией идолом, вряд-ли приносит пользу. Лучше, поэтому, не иметь ни того, ни другого, чем хвалиться ими подобно о. Симеону.

Чрез уничтожение всего этого мы не попадаем в число антихристовых слуг. Наоборот, чрез это являемся противниками его подделок, возвестителями его пришествия, мы и троеперстия не принимали из-за подделок.

Миссионер. Арт. П. читал много, но по данному вопросу ничего не сказал. Причина понятна. У св. отцов нет искомого им. Хотя он подыскивает нечто лишь подходящее. Но и это малоподходящее, лучше сказать: совсем не подходящее, говорит против него же.

Черчимцев приводил толкование на пр. Захарию бл. Иеронима, именно то место, где идет речь про неразумного пастыря. Последнего Арт. П. желает видеть в архипастырях православной Церкви. Но разумно-ли его желание? Образ неразумного пастыря бл. Иероним относит к последнему антихристу. Выходит, Черчимцев поступает несправедливо. Впрочем, бл. Иероним, м. б., понимает антихриста в Черчимцевом смысле? Ничуть небывало. Бл. Иероним прямо заявляет, что антихриста Господь убьет духом уст своих и упразднит явлением пришествия своего. По толкованию Иеронима, антихрист, значит, еще пришел.

Отличительные признаки неразумного пастыря мой собеседник применяет к принадлежностям архиерейского сана наших архипастырей. Но и это толкование опять самого Арт. Пет., а никак не Иеронима блаженного.

Напрасно также Черчимцев хочет подтвердить Иеронимским толкованием и своё лишение таинства причащения. Обломками разбившегося сосуда пр. Иеремиа показывал гибель Израиля, а не благополучие, как говорит Арт. Петр. У пр. Иеремии обломки сосуда опять поступают в руки горшечника, но у наших безпоповцев этого уже не может быть. Они на нынешней беседе даже похвалились, что обломки сосудов совсем выбросили и при том сослались на пр. Иезекииля. Но последний разбивал по читанному толкованию не сосуды, а стены и обломки стен, а не сосудов вытаскивал на своих плечах. Этим своим поведением он по словам Иеронима, показывал имевшее быть разрушение Иерусалима, бегство Седекии и угнетение, ожидавшее пленников.

Итак, разбитием сосудов у Иеремии и пробитием стен у Иезекииля, в своё время показывалось бедствие, гибель Израиля. Безпоповцы же чрез те же самые действия, собственно чрез первое хотят указать на своё благополучие, на свою свободу от подчинения Антихристу. Напрасно, этими действиями они показали, как и пророк, тоже бедствие, свою собственную гибель.

В толковом Апостоле прямо сказано:

«Мерзость запустения не жертва свята, а опустошение её, еже соделает антихрист пред пришествием Господним» (л. 549-й). Кириллова книга поясняет начало этого «опустошения». «Сие-же (т. е., опустошение жертвы), говорится здесь, начинают посланницы антихристовы (л. 32 об.).

Черчимцев. Миссионер желая оправдать себя, своё мнение о неприходе до сих пор антихриста, сослался на Иеронима. Но он разве не видит следующих слов последнего: «Иудеи приняли его».

По Иерониму, антихрист представляется пришедшим в его время. А. о. Симеон говорит, что противник еще не пришел. Нет, он пришел и царствует ересью.

Миссионер. Арт. П-чу я не советовал бы обосновывать всё своё убеждение на вычитанной у Иеронима фразе. Пророческому взгляду будущее предносилось, как уж минувшее. Пр. Исаия еще до прихода Христа Спасителя говорил: «Яко овча на заклание ведется». Слово ведется поставлено в прошедшем, хотя событие, указываемое им, еще не совершилось и имело лишь совершиться. Так и здесь. «Иудеи приняли его». Правда, слово – глагол «приняли» – прошедшее время, во оно не обязывает верить, что антихрист уже пришел. Он только еще придет. Прежде, чем читать указанную фразу, Арт. Петровичу нужно-бы почитать повыше. Здесь он ясно бы увидел, что бл. Иероним проповедует не пришествие антихриста, а лишь ожидание только. Вот, что он говорит здесь: «этот пастырь (антихрист) восстанет во Израили, потому что истинный пастырь сказал: я не буду пасти вас. Об этом пастыре пророчествуется под другими именами и у пр. Даниила (Дан.9:27), и в Евангелии (Мк.13:14), и в послании ап. Павла к Фессалоникийцам (2Сол.2), пророчествуется именем мерзости запустения о том, что он имеет сесть в доме Божием, объявить себя Богом; он же и у пр. Исаии называется высокомерием. И пришел он не для того, чтобы исцелить, но чтобы погубить стадо Израилево. Действительно, пастырь добрый посещает овец больных, разыскивает рассеянных, приносит отставших, поддерживает утомленных. Наоборот, дурной пастырь делает всё наоборот и пожирает плоть тучных,

отрывает и разбивает копыта овец и агнец, чтобы они не ходили прямо. Иудеи привяли от пастыря, – которого Господь убьет духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего, так что те, кои не веровали истине не спасутся, поверят лжи и будут судимы, так как приникли к неправде (т. 15, стр. 143).

Из прочитанного видно: пришел ли последний антихрист, разумеемый здесь под неразумным пастырем. Бл. Иероним заявляет, что он еще восстанет во Израили (будущее время), что он имеет сесть в храме (опять будущее время).

Потом, те черты, коими у Иеронима описывается антихрист, тоже показывают: какого здесь разумеет толковник антихриста – последнего пред Господним пришествием, или только его слуг, начавших появляться еще со времен вознесения Господа на небо. Неразумный пастырь пр. Захарии бл. Иеронимом отождествляется с тем отступником, который предсказывается и пр. Даниилом и Самим Господом и его Апостолом.

Мы видели, как ап. Павел понимает этого отступника. Черты его, повторяемые бл. Иеронимом, не приложимы еще ни к кому из смертных и до сих пор. За Бога еще никто себя не выдает. Ни один архипастырь православной Церкви не дошел до такой дерзости. Этот отступник сядет в Церкви Божией, будет выдавать себя за Бога и называться сыном Божиим (Иероним, 144 стр.), будет отвергать Св. Троицу (1Ин.2:22).

Сообразивши всё здесь сказанное, Арт. П., м. б., перестанет утверждать, что разумеемый бл. Иеронимом антихрист уже пришел, хотя бы фраза: «Иудеи приняли его» и была у блаженного. Как надо понимать эту фразу, мы уже объяснили.

Черчимцев. Миссионер говорит, что последний антихрист будет отвергать Св. Троицу. Но из русского перевода приведенного о. Симеоном места (1Ин.2:22) видно, что Св. Троицу отвергают и многие другие, кроме последнего противника Христа.

Миссионер. Об этом поговорим завтра, а ныне уже пора закончить беседу. От Арт. П. нам и не пришлось услышать: какой св. отец написал, что троеперстие – печать антихриста. М. б., за ночь надумает. Завтра решим и его вопрос: какой св. отец написал о троеперстии. Троеперстие потому не печать, что

самого антихриста еще нет, об этом говорит и Иероним. Уйдем с тем, что Арт. П. остался без ответа. Старообрядцы пусть вынесут урок из сего: троеперстие никогда не должно называть печатью антихриста. Порицание это ложно, не основательно.

Прежде чем пропеть молитву, я спрашиваю Арт. П.: принимает он выписки Озерского или нет?

Черчимцев. Принимаю.

Свящ. С. Шлеев

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

**Гринякин Н. К утешению «терзающегося»
новопутейского богослова // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 19. С. 1251–1258**

«Некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чём говорят, ни того, что утверждают» (1Тим.1:6–7).

В октябрьской книжке «Нового Пути» помещена статья г. В. Розанова – «о соборном начале в Церкви и о соединении Церквей». Путное заглавие статьи, – уж такова судьба Розанова, – совсем не соответствует запутанному её содержанию. Приведши не в исправности 9 член символа веры – «верую в Церковь святую *соборную* и апостольскую», Розанов говорит, что эти слова символа «уже включают в себе мысль о постоянном внутреннем *совете* Церкви, как *способе* её существования и жизни», и затем начинает «терзаться» по поводу синодального управления, как «не отвечающего духу и задачам основания Христом Его Церкви», по поводу «отделения от нас раскольников», разделения церквей и т. п. Любопытно прежде всего то обстоятельство, что это «терзание» принадлежит никому другому, как В. В. Розанову, который не желает быть «в кулачке святых отцов», христианизует «похоть плоти», восстает и устно и печатно против «узурпаций» Церкви, «креста» и т. п. И по прочтении статьи г. Розанова, невольно воскликнешь – «что ему собор»! И что бы значило это «терзание» *новопутейского* богослова? Впрочем, «кто весть от человек, яже в человеце»... Посему обратимся к существу дела – к предметам «розановского терзания».

В *соборности* церковной Розанов видит *способ существования и жизни* Церкви Христовой. Открытие Розанова заслуживает внимания. Мы думали и веровали, что под *соборностью* Церкви надо разуметь (как разумеют и знакомые Розанову, судя по его дальнейшим словам, символические книги реформатов – «Бельгийское исповедание» и «Шотландское исповедание»), церковную *вселенскость*, – что соборная католическая Церковь «разлита по всем частям мира и

распространяется на все времена, и никакими местами и временами не ограничивается». Розанов же находит, что в символическом —«соборную» надо мыслить *постоянный внутренний совет Церкви*, совет управительный. Какую Америку открывают в «Новом Пути»! Дальнейшие открытия г. Розанова еще более странны и не выдерживают критики, с точки зрения азбуки христианства. Розанов утверждает, что «постоянный внутренний совет Церкви» есть «способ её существования и жизни». В священном же Писании «способ жизни и существования Церкви» показан не тот. Церковь живет и существует, поскольку она тело Христово и в ней Христос (1Кор.12:27): «Я есмь Лоза, а вы ветви, сказал Спаситель; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин.15:5)... «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим... и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... если любите Меня, соблюдайте заповеди Мои. И Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины..., Который научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин.14:15–26). Итак, Церковь живет, постольку, поскольку она тело Христово и сосуд Животворящей Троицы; и мы живем, если живем как христиане, как члены тела Христова, как ветви Лозы — Жизнодавца Христа. «*Не живу аз, говорит ап. Павел, но живет во мне Христос*». ²⁹⁸ Способ жизни Церкви, т. обр., божественен и мистичен и Розанов напрасно натурализует его в совет Церкви, в соборное начало церковного управления, в которое, он думает, «мы и веруем по символу».

Со стороны же управления и решения общецерковных дел — соборная Церковь Христова это, можно сказать, аристократическая республика: в особо-нужных случаях, а не постоянно, собираются представители всей Церкви на соборы с равным правом голоса и постановляют определения о делах веры и благочестия, наставляемые Духом истины; при спокойном же *постоянном* течении церковной жизни, представители Церкви — патриархи, архиепископы и епископы — монархи в своих районах, хотя и в канонически определенной

субординации. Выступать здесь с каноническими и церковно-историческими справками и «бить» – Розанова «костяшками», по терминологии Мережковского, излишне. Что ему правила и история? Мы спросили бы только г. Розанова: жила-ли и существовала-ли *соборная* апостольская Церковь *до соборов*, и даже до апостольского (51 г.), с тех пор, как «стяжал её кровию Своею» Икупитель (Деян.20:28)? Жила-ли и существовала-ли эта соборная Церковь в те времена, когда соборов не было и отдельные её части – Церкви: Римская, Константинопольская, Иерусалимская, Александрийская и Антиохийская со своими областными и епархиальными церквами управлялись своими патриархами (или Рим. и Алекс. – папами), архиепископами и епископами – монархически и только в *некоторых* случаях соборно? (По 5 пр. 1 вс. соб. областные соборы дважды – в год). Может быть, мы заблуждаемся и ответ его нас бы просветил.

Обратимся теперь к частностям Розановской статьи. Коснувшись «Духовной коллегии» Петра Великого, которую потом «все невольно и жалостливо стали именовать Синодом», Розанов в скобках сообщает миру, что «синод» есть термин «кальвинистической церкви». Что это значит? В силу коих вероисповедных особенностей кальвинистической церкви «синод» (= собор), обозначавший собрание представителей церковных на протяжении полторы тысячи лет церковной жизни, стал термином «собственно кальвинистической церкви»? Непостижимо.

В реформатских символических книгах, правда, пишется: «существуют в церкви сеньоры и дьяконы, которые составляют presbyterium или церковный *сенат*... церковь вселенская должна иметь монархическую форму правления, по вниманию к тому, что Христос есть единственный царь и монарх всей вселенской Церкви, но всякая отдельная Церковь должна иметь форму аристократическую... и быть аристократической республикой». Может быть, Розанов имел в виду эти слова, но тогда термином «собственно кальвинистической церкви» является «сенат», а не «синод».

Розанову не нравится «*коллегия*». Но нам известно, что апостолам Христос сказал: «*друзи Мои есте*», а, по блаж. Иерониму (27 посл. к Маркеллу), «у нас место апостолов занимают епископы». Так что назвать собрание епископов коллегией, как будто не зазорно. Другой разговор, как ведутся дела в «*коллегии*», а сам по себе термин – ничего; и «духу и задачам основания Христом Его Церкви», в которой вершителями дел должны являться наместники апостольской власти – епископы, нисколько он не противен. По Розанову, «Духовную коллегия жалостливо стали именовать синодом», пытаясь думать, что над этим неясным именем сокрыто то «*соборное*» начало, в которое мы «веруем» по символу и о котором слышим, когда этот символ поется на литургии». Странно, в какой же это церкви Розанов *слышал* о «*соборном начале*» на литургии? Кто же, В. В., из грамотных людей, слыша 9 член символа, верует в «*соборную Церковь*»... как в ваше «*соборное начало*»? Не думайте, что всем также неизвестен катехизис христианского учения, как вам.

«Дела, текущие за «номерами» (да как же обойтись без «номеров» там, куда дела поступают десятками тысяч в год?), обилие чиновников в синоде, способы его заседаний, способы «вызова в него» для «присутствия» (а дескать не для дела живого и самостоятельного) очередных епархиальных владык, – всё исключает приложимость к нему *обычного* термина древних соборов о себе: «Духу Святому и нам изволилось». Здесь новое поразительное открытие! Откуда это Розанов вычитал, что – «Духу Святому и нам изводилось» – было *обычным* термином древних соборов о себе? Каких же это древних соборов? Нам известно, что даже вселенские соборы говорили о себе так: «*великий собор положил*», «*благоугодно святому и великому собору*», «*судил святой и великий собор*» (3, 8 и 17 пр. 1 вс. соб.), «*угодно всему святому и вселенскому собору*» (8 пр. 3 вс. соб.), «*сие угодно будет святому собору*» (посл. 3 вс. соб. к священному собору Памфилийскому) и т. п. И мы не знаем, какие это древние соборы употребляли о себе *обычный термин* «угодно Святому Духу и нам»? Да и Розанов этого не знает, а это у него так... просто с пера скатилось. «Угодно Святому Духу

и нам»... это, да будет Розанову известно, – слова апостольского собора (51 г. – см. Деян.15:28) и они не были *обычным* о себе *термином* древних соборов, – по крайней мере, известных истории. Розанов хотел бы видеть приложимость «обычного термина древних соборов о себе (т. е. одного апостольского) к нашим синодальным «определениям»: чтобы пред синодальным «определили» – стояло: «изволися Святому Духу и нам». Да ужели в самом деле Розанов полагает, что «синод», учреждение *частной*, поместной Церкви, под именем которого только кто-то «пытается» мыслить то «соборное начало, в которое мы веруем по символу», может «восхищать недарованное ему», т. е. прерогативы непогрешимости, как свойство Церкви *вселенской*? Ведь не совсем же невежественны новопутейские богословы!

«Приглашение вселенской патриархией (по сему поводу Розанов и пишет) к советному соборному существованию дорого нам русским, насколько *мы еще* (?) веруем. Тысячи вопросов и трудностей, неразрешимых коллегиально, разрешились бы «соборно»... ибо собор не может не думать вдохновенно, «благодатно». Вот уж поистине благодать Божия действует и «в немощах» и «из уст младенцев» совершает Бог себе хвалу»... В самом деле, давно-ли Розанов не хотел быть в «кулачке святых отцов», благодатно думавших на соборах? А теперь так хорошо выразился о соборе... Правду сказал Гераклит: «всё течет, всё изменяется».

«Возьмем, пишет Розанов, старовеверческий вопрос. К нему чиновнически и дотронуться нельзя... но «соборно» можно подойти к этой болячке русского народа, русской истории. Вдохновенно и «благодатно» она исцеляется и исцелится легко и быстро. Ибо разделением от нас терзаются раскольники, как разделением от них терзаемся мы; и самое наше разделение противо-евангелично, противо-христианско». Здесь Розанов опять малопонятен Большой Московский собор 1666–67 г. в своем «пределе» говорит: «аще кто не *покорится* св. восточной церкви и сему *освященному собору*, или начнет *прекословити и противлятися*, и мы такового *противника* данною нам властью от св. и живоначального Духа... проклятию предаем» (Деян.

соб., «предел» л. 7), – «аще кто и ныне начнет прекословити о изложенных винах на соборе сем великом..., да будет вправду самоосужден, яко преслушник Божий и св. отец правилам противник» (– л. 93) и таковым противник и хулитель церкви должен быть, «дондеже вразумится и приидет в правду покаянием» (Деян. соб.) Основанием для такового определения «собора» были *Христовы* слова, записанные во *Евангелии*: «аще кто церковь преслушает, буди тебе, якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17), и «слушая вас Мене слушает, и отменяя вас Мене отменяется» (Лк.10:16). Итак, по «староверческому вопросу», всё желательное Розанову налицо: «великий собор» с «восточными патриархами», «не могший не думать благодатно» слова *Христовы* во *евангелии*; и «разделением от нас раскольников» нравственно, конечно, нужно терзаться, но отлучение их от Церкви «определено» «собором» достойно и праведно – на основании слов Христовых и никак не может считаться «противо-евангеличным и противохристианским». К тому же мы просили бы Розанова обратить своё внимание на любопытные страницы истории в нашей Церкви: Стоглавый собор (1551 г.) и патр. Никон занимались, собственно, одним делом – исправлением церковно-обрядовой жизни на Руси. И вот «исправления Стоглава» проходит без открытого протеста и раскола, а собор состоял из одних русских иерархов с м. Макарием во главе. После же Никоновой реформы, в которой приняли участие или письменное, или самоличное – на соборах московских – восточные патриархи: Паисий константинопольский, Макарий антиохийский, Паисий александрийский (последние два присутствовали на Б. Моск. соб. 1667 г.), Гавриил Сербский, и вост. митр. Григорий Никейский и Гедеон молдавский (бывшие вместе с патр. Макарием ант. на москов. соборах 1655–56 гг.), произошел великий раскол. Правда, в этой «болячке русской истории» повинно множество переплетшихся причин и обстоятельств, но не совсем неповинно в данном случае и то обстоятельство, что восточные иерархи не знали духа русской религиозности и характера русского народа... И история научила русскую

Церковь с осторожностью относиться к участию восточных святителей в её делах.

Впрочем, может быть, я говорю не о той соборности «благодатной», о которой думает Розанов, «терзаясь разделением от нас раскольников» и сообщая о терзаниях раскольников из-за этого разделения. Мовет быть, В. В., находящий «роль обер-прокуратуры» в синоде в идее верною, но допускающий возможность выразиться ей «многолично, а не единолично», и на равных правах светского элемента с духовным, лелеет в своём «благодатном соборе» надежду на что-нибудь в роде «палаты депутатов», с участием в ней лиц, «терзающихся» разными «разделениями»... Тогда виноват. Но только к таковому «собору» едва-ли уж будет «приложим обычный термин древних соборов о себе» – «Духу святому и нам изволилось»... «Старообрядчество, сектантство, – продолжает Розанов, – всё вберется назад, внутрь Церкви... как только Церковь получит не формально (?) – благодатное существование, а существенно благодатное. И выразит это в воззрениях благостных, широких, любящих, как относительно своих внутренних членов (секты), так и внешних для неё членов христианства (иные церкви)».

Слова умилительные и, кажется, искренние, но едва-ли справедливые: св. Церковь уже целые столетия «благовременно и безвременно» обращается к нашим отступникам с любящими «увещаниями», «воззваниями», «беседами», но они всё что-то не «вбираются внутрь церкви». Давно уже она хлопочет и теперь продолжает хлопотать о соединении с «иными» церквями (старокатол. и англнк.), ведет переговоры, составляет «комиссии», но и те что-то тоже не «вбираются внутрь» православной Церкви. Видимо, трудно отступникам расстаться со своими вековыми заблуждениями, прошедшими в их плоть и кровь вместе с молоком матери. Да это и понятно. Были попытки соединения православной Церкви и с католической (Флорентийская уния 1439 г., Западно-Рус. уния конца 16 в.), но без успеха. Выразить же «в *широких*» любящих *воззрениях* игнорирование своих вероисповедных особенностей св. Церковь не может, так как она помнит слова

ап. Павла: «еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит.3:10–11). А если бы то отступники «вразумились», превозмогли свои вековые заблуждения и обратились к Церкви: она бы приняла их, как всепрощающая любящая мать, и собрала бы всех словесных овец в умиленное «единое стадо» Божие под благодатными крылами Св. Духа. Человеческая ложь нагородила и крепко нагородила во овчем дворе стада Христова много разных перегородок, но с высоты небес Единый Пастырь видит всех «овец», все они, хотя каждая по своему, взирают и вопиют к Нему. Веруем и исповедуем, – «будет некогда день», рухнуть гнилые подпорки человеческой руки, поддерживающие пока разные перегородки религиозного разделения! не тщетен глагол Христов: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести; и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин.10:16). Но когда сие будет, не открыто нам. Думается только, что едва-ли – на земле: так как и пред кончиной мира, когда уже «проповедано будет Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам»... «восстанут лжехристы и лжепророки... и прельстят многих... многие соблазняются, друг друга будут предавать и возненавидят друг друга... восстанет народ на народ, и царство на царство» и т. п. (Мф. 24 ср. 1Тим.4:1; 2Тим.3:1; 2Пет.3:3; Иуд.1:18).

Розанов пишет: «время Востоку посмотреть на измученного брата (католич. Запад) взглядом великодушным и спокойным... Когда нет разделенности в сердце мирян, какое есть ему основание оставаться в *сердце иерархии*». – Да, не должно бы быть сего основания, но оно есть. Известен, думаем, Розанову ватиканский декрет 18 июля 1870 г. Вот слова сего знаменитого декрета: «твердо держась предания дошедшего до нас от начала веры Христовой... мы (папа) учим и объявляем, как Богом открытое вероопределение: что когда римский епископ говорит *ex cathedra*, т. е. когда, исполняя своё служение, как пастырь и учитель *всех* христиан, в силу своей апостольской власти, определяет, что такое-то учение веры и нравственности

должна содержать *вся* церковь, то он, при божественной, обещанной (?) ему в лице Петра помощи обладает тою непогрешимостью, которую Божественный Спаситель благоволил наделить *свою Церковь*, для определения учения относительно веры и нравственности, и что поэтому такие определения римского епископа *сами по себе, а не по согласию Церкви*, неизменны». Эти слова ватиканского декрета, по отдельным даже выражениям которого (напр., что значит «*ex cathedra*») существует огромнейшая литература, надо бы полагать, Розанову, знакомы. Так вот в этих-то словах, завершивших гордое здание папизма, словах, которые, выражаясь по-розановски, «уже включают в себе мысль» о смерти и погребении любезного Розанову и нам соборного начала в Церкви, и «есть основание в сердце иерархии» (и католической и нашей) к «разделенности». Мировое благо сделал бы Розанов, если бы вразумил римскую курию и всё католичество оставить «слова, слова, слова» (которые, по его мнению, только и служат причиной «разделения») римско-католической Церкви о «непогрешимости папы», Filioque, «непорочном зачатии Богоматери» и др. «догматах» ватиканской фабрикации. Но В. В., видимо, другим путем – «новым» подходит к вопросу о соединении Церквей. Он пишет: «разделение это (церквей) напоминает собою забор, со страшными шипами на нём, между дворами двух соседей, давно мирно пьющими (пьющих?) по вечерам чай вместе... Вражда эта (религиозная) давно угасла в сердцах верующих мирян». Поистине «новое» основание к соединению Церквей: как же православный и католик (миряне, да хотя бы и духовные) «по вечерам пьют чай вместе». Это-ли не основание к соединению Церквей? Коротко и просто! А Церкви то и католическая и наша возятся с этим вопросом целые тысячелетия, – и не обратят на то внимание, что разнославные миряне «пасутся», как «равно мирные овцы», и «по вечерам пьют чай вместе». Ах, В. В.! Да ужели вам неизвестно, что теперь и раскольник, почитающий («по соборному Уложению» пат. Филарета) «католическую веру сквернейшею из всех еретических вер», и тот не прочь попить «вечером чайку

вместе» не только с католиком, но даже с мусульманином и идолопоклонником? Ужели вам нужно «повторять, выражаясь вашими словами, важную и не всеми сознаваемую истину», что «вечерний чай» к вопросу о соединении Церквей отношения никакого не имеет. Правда, при вашем «адогматизме» и «вечерний чай» – сила великая... Но ведь мы-то и наши пастыри веруем в «Церковь единую, святую, соборную и апостольскую», веруем в «догматы», признаем каноны церковные, – как же это вы нас хотите «прельстить» своим метафорическим «чайком»-то? Нет уж лучше пейте вы свой «чай» со своими «соседями» и не хлопчите и не «терзайтесь» о том, что к «чаю» не имеет ровно никакого отношения...

Н. Гринякин

Новоселов М. Несколько слов критику из «Нового Пути» // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1259–1261

В октябрьской книжке «Нового Пути» г. Бартенев пишет (стр. 201): «Путь этих исканий Бога указывается в специальной брошюре г. Новоселова (Религиозно-философская библиотека, выпуск II, «Искание Бога», 1903). Г. Новоселов предлагает не замечать мира, не видеть жизни и не считаться с нею. «Не стоит видимый мир, чтобы служить ему и им заниматься». «Что значит перед Христом земное?» – В момент теснейшего единения со Христом, именно, когда Он дает Себя в имение, вечный дар и собственность, пробуждается не то, что жажда, а точнее радостная готовность разрешиться от тела, «испытывается абсолютное отсутствие страха смерти». Заметьте: в момент причащения Плоти и Крови, источника жизни, ощущается готовность умереть! Но что же значат слова Господа, что Он – Истина и Жизнь? Неужели умереть ради Христа значит быть трупом? Ведь г. Новоселов отказывается от эстетики, искусства, науки, общественности, государства, – словом, ото всего, что составляет жизнь».

Начну с того, что цитаты, приведенные г. Бартеневым, принадлежат не мне, а авторам статей, вошедших в сборник («Искание Бога»), мною составленный.

Затем, – небольшие статьи эти автобиографического характера с тою единственно целью и собраны, чтобы охарактеризовать многократно испытанный путь, приводивший и приводящий *личность* к живому, осязаемому Богообщению. Шли, как оказывается, по этому пути и ученые (вспомните Паскаля), и общественные деятели, и государственные люди (Иснар, гр. Сперанский), шли и лица равнодушные и к науке, и к общественно-государственной деятельности (еп. Игнатий Брянчанинов). Ясно, что путь этот не предполагает непременно отрицания тех сторон жизни, в отречении от которых обвиняет меня г. Бартенев.

Что касается замечания о «радостной готовности разрешиться от тела» после причащения Тела и Крови Христовых, готовности, удивляющей и, кажется, возмущающей г. Бартенева, то я напому ему слова великого Апостола языков, жаждавшего того же, чего желает бывший революционер, из письма которого взята вышеприведенная цитата: «Для меня жизнь Христос, и смерть *приобретение*».

Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать.

Влечет меня то и другое: имею желание *разрешиться* и быть со Христом, п. ч. это *несравненно лучше*.

А оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп.1:21–24).

Так смотрел на смерть тот, кто будучи еще во плоти, мог сказать о себе: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2:20).

Закрываю свой ответ указанием на 1-ый вып. Рел.-фил. библиотеки («Забытый путь опытного богопознания»), уже действительно принадлежащий мне. Там г. Бартенев мог бы прочитать между прочим следующее (стр. 60 и д.):

Безрелигиозным радателям о материальном благосостоянии труждающихся и обремененных телесно мы должны ответить не обвинением их в «социализме», а, не прибегая к подобным «жупелам», противопоставить их предприятиям образование христианской общественности и истинно-христианскую, не копеечную, а определяемую мерою нужды благотворительность, как это и было в первоначальном христианском обществе, когда у верующих было «одно сердце и одна душа» (Деян.4:32)

Где же тут отрицание общественности?

«Суровым, часто может быть несправедливо придирчивым, но благожелательным обличителям нашего государственного порядка мы должны ответить не злобным упреком в неблагонамеренности, а искреннюю ревностью о водворении у нас действительно христианского политического строя жизни, что возможно лишь при условии, если государственные деятели, большие и малые, будут не только в личной жизни, но

и в своём государственном служении «ходить перед Богом», носить Христа в сердце своём, действовать во имя Его...».

Где же тут отрицание государства?

«Людам внешнего знания мы должны ответить не противопоставлением пятичувственному опыту – веры, как доверия к внешнему авторитету, а указанием на возможность иного опытного знания, вводящего человека в иной реальнейший мир бытия, при условии следования методу, выработанному и хранимому в Вселенском Училище, Ипостасною Премудростью основанном: в недрах этого нового мира предлежит человеку почерпнуть новое ведение и относительно этой текущей и преходящей, но столь любезной ему действительности».

Где же тут отказ от науки?

Но *жизнь*, – подлинную, действительную, вечную, – я вижу только в *Богочеловеке-Христе*, в живом союзе с Ним, в том, чтобы вместе с ап. Павлом иметь возможность, не обманывая себя, сказать: «живет во мне Христос».

М. Новоселов

**Козицкий П. [Рец. на] Православный
противосектантский катехизис. Изложил Д.И.
Боголюбов. С.-Петербург. 1903 г. 41 стр. Ц. 15 к. //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1261–1262

Противосектантскому миссионеру Д.И. Боголюбову, стяжавшему себе известность как своими воодушевленными беседами с сектантами, так и литературными трудами по сектообличению, пришла счастливая мысль²⁹⁹ составить краткое руководство к ограждению православных от сектантских лжеучений в виде противосектантского катехизиса. Свою мысль составитель выполнил с достаточным успехом и книжка его с пользой может быть распространяема среди православного населения в местностях зараженных сектантством. В виду несомненных достоинств этого труда, позволим себе несколько подробнее остановить за нём внимание наших читателей.

Православный противосектантский катехизис, вмещающийся на 41 странице, состоит из вводных замечаний и шести глав. Первая глава обнимает вопросы: о Священном Писании, о Священном Предании, о вере евангельской и добрых делах. Вторая и третья главы посвящены вопросу о Церкви; причем вторая глава касается честнейших вопросов: о составе Церкви Христовой, о единстве и святости Церкви, о суде Церкви над грешниками и о праве Церкви вводить новые богослужебные обряды для назидания верующих; третья же глава касается вопросов: о связи Церкви земной с небесною; о призывании святых в молитвах; о почитании мощей святых угодников и о молитвах Церкви за умерших христиан. Четвертая глава содержит учение о семи таинствах. Пятая глава касается самых боевых в миссионерской практике вопросов о «рукотворенной» святыне: о храмах, о святых иконах, о почитании честного креста и о крестном знамении. В шестой главе, заключительной, трактуется о некоторых церковных и общественных обязанностях христиан: о святых постах, о военной службе и присяге.

Из этого краткою изложения содержания рассматриваемого нами противосектантского катехизиса видно, что автор кратко коснулся почти всех прорекаемых сектантами вопросов и облек их в сжатую катехизическую форму, стараясь, насколько возможно, приблизить к пониманию простого народа вопросы веры и благочестия. Как опытный полемист, он приводит только те тексты, которые подтверждают прорекаемую сектантами истину и в которых находятся нужные слововыражения, как оболочка для той или другой истины православного веро- и нравоучения. В этом отношении труд г. Боголюбова вполне оправдывает данное ему автором название «Катехизиса». По нашему мнению, противосектантский катехизис можно и должно применять в церковно-приходских школах параллельно с общепринятым там кратким православным (Филаретовским) катехизисом. Польза от такого параллельного изучения – в особенности в местностях зараженных сектантством – будет несомненная.

Не входя в критический разбор рассматриваемого нами противосектантского катехизиса, так как это обстоятельство слишком отвлекло бы нас от прямой нашей задачи, скажем только, что автор во многих главах и параграфах своего катехизиса слишком краток, даже с ущербом для существа дела, – в иных доводах допускает натяжки, не везде точен в отдельных выражениях; при чтении некоторых отделов напрашивается целый рой соприкосновенных с отделом предмета вопросов... Можно надеяться, что миссионерский опыт и практика подскажут автору, где и какие отделы нужно будет при новом издании расширить и несколько, сообразно потребностям миссии, видоизменить. Делая это замечание, мы нисколько не умаляем достоинства труда Д.И. Боголюбова. С радостью приветствуя этот труд, как первую попытку в нашей противосектантской полемическо-обличительной литературе, – при этом попытку – удачную и для практических целей – весьма полезную, пожелаем ему широкого распространения во всех зараженных сектантством местах нашего обширного отечества.

П. Козицкий

**Лисицын М., свящ. [Рец. на] А. Пахарнаев.
Исследование о подлинности изображений лика и
тела Христа Спасителя на Туринской плащанице.
Спб. 1903 года, стр. 32. Ц. 40 к. // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 19. С. 1263–1264**

Пред глазами пишущего сии строки лежит интереснейшая брошюрка, которая верующему сердцу христианина может доставить истинное наслаждение. Обстоятельство это обусловливается самым предметом её, а также тою любовью к нему, которая дышит решительно в каждой строке её автора, светского лица, но видимо благоговейно преданного сына Церкви.

Вопрос о Туринской плащанице как-то случайно вспыхнул в нашей печати и пронёсся метеором в 1902 г. В газете «Новое Время» (кажется, в апреле, или мае месяцах) появилась заметка об этой святыне, а также и снимок с неё. Это-то обстоятельство и затронуло нашего автора, бывшего прошлым летом в Тироле и заставило его съездить на поклонение этой святыне в Турин, осмотреть её и написать настоящею брошюру. Конечно, какие-нибудь подробные расследования самому автору не удалось сделать. Об этом нечего было и думать, ибо Туринская плащаница открывается в самых торжественных случаях (напр., нынешний итальянский король приезжал на поклонение ей по случаю своего бракосочетания), но посмотреть на неё автору удалось, хотя и при самых неблагоприятных условиях. Плащаница подвешена над престолом довольно высоко, заключена в футляр со стеклянной дверцей, ключи от которой хранятся у короля, папы и туринского архиепископа. Поэтому в изложении содержания автору пришлось руководствоваться иностранными научными авторитетами, которым в своё время было разрешено произвести необходимые обследования этого важного христианского памятника. С одним из них, Полем Виньоном, автор счел необходимым познакомиться лично, а потому, кроме его книги «Le linceul du Christ, étude scientifique» (Paris, 1902 an.),

касающейся знаменитой плащаницы, автор пользовался при составлении настоящей брошюры и личными указаниями настоящего ученого, профессора естественных наук в Сорбонне (т. е., Парижском университете). Свои обследования о Туринской плащанице П. Виньон производил в сотрудничестве с другим своим товарищем, проф. Сорбонны по кафедре физики, это именно m-r Кольсоном. Оба – научных авторитета, сделав целый ряд опытов, установили, что тела умерших людей, в особенности с лихорадочным потом (а он всегда обильно выделялся у распятых), способны производить на полотне отпечатки, подобные фотографическим, благодаря щелочным и аммиачным испарениям, выходявшим из тела и соединявшимся с такими, напр., веществами, как алой.

Автор приводит авторитетное мнение и другого ученого, Дардье, который в своей статье «Le linceul de Turin», посещенной в журнале «Revue scientifique» за 1902 г. (от 30 авг.), доказывает возможность и другого способа отпечатка тела на полотне, не исключаящего, впрочем, и первого. Объяснение последнего представляет, пожалуй, даже последнее слово науки, ибо первые два ученые производили свои опыты, кажется, к 1898 г., когда Туринская плащаница была экспонирована в числе других предметов древнего христианского искусства на выставке в г. Турине и когда еще не были открыты гелий и радий, которым, как говорят, суждено сделать переворот в опытных науках. По поводу вышедшей в 1902 г. книги П. Виньона Дардье и напечатал журнальную статью, в которой указывал и иные условия образования отпечатка тел, а именно путем радиоактивности тел, или способностью их испускать световые лучи даже в темноте пещеры и, таким образом, фотографировать самих себя, конечно, при наличии и других благоприятных фотографии условий. (Недостаток объяснения фотографирования тел у первых ученых заключался в том, что они не имели в виду отсутствия света в погребальной пещере, а вторая теория научно исключает необходимость этого фактора в силу радиоактивности самых тел, дотоле неизвестной). Автор

брошюры подробно знакомит читателя с той и другой научной теорией.

Ко всему этому автор брошюры прибавляет от себя исследование подлинной принадлежности снимка тела именно телу Господа Иисуса Христа, а не другому какому-либо, ссылаясь при этом на евангельское повествование о погребении Господа, а также на подробнейшее описание отпечатлевшихся контуров тела Божественного Страдальца. Для наглядности объяснения приложены превосходно исполненные два снимка плащаницы (лицевой и задней сторон) и два увеличенных снимка лика Христова на плащанице. Весьма кстати также помещены в тексте фототипий г. Турина и собора Иоанна Крестителя, в котором хранится указанная святыня. Книжка имеет весьма изящный вид, видна работа типографии «Т-ва художественной печати». Думается, что многие, кому дороги христианские святыни, заинтересуются брошюрой, излагающей и историю перемещений плащаницы, хранившейся сначала в Царьграде во Влахернском храме, а потом, в эпоху бесчинств латинян на Востоке, когда были украдены мощи святит. Николая Чудотворца, была увезена в Шампанью (1205) и описываемая плащаница, хранимая в Турине лишь с 1578 г. Повторяем, что брошюра читается с большим интересом и к тому же на русском языке она является по трактуемому предмету единственной.

Свящ. М. Лисицын

Хроника

М. I. Миссионерство, секты и раскол. (Годичный съезд миссионеров херсонской епархии. Обвинительный приговор о таганрогских штундистах. Обход раскольниками одного закона) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1265–1272

Годичные съезды миссионеров херсонской епархии обычно устраиваются в сентябре месяце, но в нынешнем году, в виду празднования пятидесятилетия службы высокопреосвященного Иустина, архиепископа херсонского и одесского, съезд назначен был на 27–29 октября, к каковому времени прибыли и миссионеры соседней Подольской губ. – о. Н. Перетятков, В. И. Лотоцкий и член подольского епархиального миссионерского комитета С. Киржацкий, командированные епархиальным начальством для участия в занятиях съезда. Всех миссионеров прибыло на съезд до 30 человек.

Первое заседание съезда посвящено было вопросам, имеющим значение чисто местное: о более точном распределении округов миссионерских, об изменении инструкции благочинническим миссионерам, об открытии третьей вакансии бесприходного миссионера, с содержанием в 1700 р. в год. В последующих заседаниях съезд занялся обсуждением вопросов, имеющих общее для миссии значение, почему я останавлиюсь на них подробнее.

По примеру прежних лет, и нынешний съезд занимался выработкой лучших планов и методов ведения бесед с сектантами; таких бесед рассмотрено в этом съезде 4: о необходимости молитв за умерших, о молитвенном призывании и почитании святых и ангелов Божиих, о почитании св. мощей и об употреблении мясной пищи (против хлыстов).³⁰⁰

* * *

В одном из своих заседаний съезд миссионеров выслушал следующий доклад противосектантского миссионера М. Кальнева.

Молитвенные сектантские песнопения, заключающиеся в изданных сборниках: «Приношение православным христианам».

Спб. Издание книгопродавца Блисмера (бывш. Мейера) 1881 года; «Любимые стихи». Спб. 1882 г.; «Радостные песни Сиона». Спб. 1882 г.; «Гимны для христиан евангелическо-лютеранского вероисповедания». Спб. Карл Риккер. 1882 г.; «Голос веры». Издание Воронина. Тифлис. 1882 г.; «Духовные песни». Константинополь. В типографии А. Х. Баяджиана. 1870 года; «Собрание стихотворений». Москва. Типография Гатцука. 1892 г.; «Сборник духовных стихотворений для христиан ев.-лютеранского вероисповедания». Севастополь. Типо-литография С. М. Бруни. 1892 г. Стихотворения, извлеченные из перечисленных сборников и переложенные в количестве №№ 68 на ноты (вероятно, заграницей), с присоединением положенных на ноты же псалмов: 116, 22, 149, 41 и 90, – давно служили сильным средством пропаганды сектантства среди православного народа, привлекаемого на сектантские собрания пением сектантских «псалм». Все эти издания, по неведению их цели, разрешенные к печати местными цензорами (даже инославными), *хотя разновременно запрещаемы были общею цензурою* к печатанию и распространению, очевидно, продолжают и теперь печататься тайно и всевозможными способами распространяться среди сектантов ко вреду православия. Когда г. министр юстиции в циркуляре на имя судебных учреждений, от 3 апреля 1900 года за № 10682, признал употребление означенных сборников при молитвенных собраниях сектантов признаком, определяющим принадлежность их к вредной секте штундизма, его последователи, в целях обойти известный циркуляр г. министра внутренних дел 1894 г. 3 сентября за № 24, запрещающий общественные молитвенные собрания штундистов, – издали в 1902 г. новый сборник «псалм» под наименованием «Гусли» куда, кроме всех перечисленных выше сектантских песнопений, вошли для замаскирования цели издания, поставленные в начале сборника, стихотворения русских поэтов: Державина, Жуковского, Плещеева, Жемчужникова и др.

Появление этого сборника, напечатанного, если верить надписи, в типографии министерства внутренних дел, как показали наблюдения, еще более участило собрания сектантов

и усилило пропаганду их лжеучения среди православных, так как в сборнике «Гусли» сектанты настойчиво приглашаются и возбуждаются к открытой пропаганде среди православных своего лжеучения, что легко можно видеть из стихотворений, помещенных в «Гуслях» под №№ 55, 314–325 и особенно в стихах под №№ 324, 515 и 518. В виду вышеизложенного, все вышеупомянутые, большею частью изданные немцами, сборники стихотворений вообще и «Гусли» в частности служат средством пропаганды сектантского лжеучения среди православного русского народа, съезд постановил просить высокопреосвященного Иустина войти с ходатайством к обер-прокурору Св. Синода о сношении с министром внутренних дел об изъятии из употребления вышеуказанных сборников сектантских стихотворений вообще и сборника «Гусли» в частности, как питающих и еще более усиливающих фанатизм и пропаганду сектантства, равным образом о том, чтобы на будущее время сборники духовно-религиозного содержания всегда печатались на русском языке не иначе, как только с разрешения духовной, а не светской цензуры.

Кроме этого, съезд миссионеров, имея суждение о сектантских стихотворениях, высказал желание, чтобы, если таковые имеются в архиве консистории, даны были чрез епархиального, миссионера г. Кальнева для ознакомления с их содержанием во временное пользование миссионеров епархии.

На состоявшемся съезде миссионеров херсонской епархии обсуждался, между прочим, вопрос об издании составляемых самими миссионерами вполне доступных для народа листов апологетического содержания, причем постановлено обязать каждого из миссионеров, в виде опыта, представить – не позже св. Пасхи будущего года – по одной разработанной теме епархиальному миссионеру М. Кальневу и, по одобрении их последним, просить Одесское Свято-Андреевское Братство озаботиться напечатать их в необходимом количестве экземпляров для бесплатного распространения среди народа.

Имея суждение по возбужденному епархиальным миссионером вопросу о необходимости периодических съездов духовенства и миссионеров для бесед в главных центрах

сектантства епархии, съезд пришел к убеждению в полезности этого дела, в смысле поднятия религиозного настроения православного народа и практического ознакомления самого духовенства с ведением противосектантских бесед, и постановил просить архиепископа поручить епархиальному миссионеру созывать периодические съезды духовенства и миссионеров для означенной цели, заранее назначая для этого место и время свободное для народа от полевых работ и для духовенства – от требоисправлений, оповещая об этом местного благочинного.

В вицу заявления прибывших на съезд епархиальных миссионеров подольской епархии о. Н. Перетяткова и В.И. Лотоцкого о более тесном общении миссионеров обеих епархий в деле миссии, съезд постановил, чтобы миссионеры подольской и херсонской епархий своевременно извещали друг друга о всяких переходах сектантов из одной епархии в другую, как на постоянное жительство, так и для заработков, причем в смежных зараженных сектантством приходах обеих епархий миссионеры вели бы по временам сообща беседы по предварительному между собою соглашению.

Имея суждение об изменении судебной экспертизы по делам штундистов, начавших по местам именовать себя, в известных целях, уже не баптистами, а «христианами евангелического исповедания, приемлющими водное крещение по вере», – съезд постановил: иметь в виду при судебных разбирательствах дел о штундистах третью часть выработанной на прошлогоднем съезде экспертизы, т. е. доказывать путем сравнения вероучение сектантов, усвоивших новое название своей секте, с вероучением штундистов, обратив внимание и на то обстоятельство, что секта с подобным совершенно новым названием, как неизвестная русскому правительству, не имеет основания в законе для открытого публичного отправления своего богослужебного культа.

В одном из заседаний съезд миссионеров, выслушав объяснение епархиального миссионера М. Кальнева о необходимости во время миссионерских бесед пользоваться для обличения сектантов, кроме доводов из св. Писания, и их

же богослужебными песнопениями, и наглядно ознакомившись со способами самого пользования оными, постановил: принять объяснение М. Кальнева в сведению и просить его составить и издать критический разбор сектантских песнопений для вышеуказанной цели.

На последнее заседание съезда были приглашены члены организованных в г. Одессе епархиальным миссионером М.А. Кальневым кружков ревнителей православия и, после речи его о необходимости устройства подобных миссионерских кружков по всем, зараженным сектантством, приходам, упомянутыми членами кружков были проведены примерные беседы об иконопочитании и благодати, причем возражения им ставили сами миссионеры. Правильность и ясность даваемых ревнителями ответов наглядно убедили съезд в полезности и безотложной необходимости образования подобных кружков ревнителей православия во всех сектантских центрах епархии. Съезд при этом постановил просить епархиального миссионера позаботиться об издании для руководства миссионерским кружкам бесед, выработанных по тому образцу, какой был представлен им съезду.

29-го октября съезд миссионеров закончил свои занятия, а 30-го имел счастье приветствовать своего маститого юбиляра, высокопреосвященного Иустина со днем пятидесятилетнего служения его Церкви Христовой.

* * *

Наш донской корреспондент сообщает, что 7-го ноября текущего года в съезде мировых судей в г. Таганроге, Донской области, слушалось дело о штундистах поселка Новокрасновского, Бобриновской волости, крестьянах, – Лысенко, Алейникове, Миронове, Михайличенко, Полякове, Овчарове, Гавриленко, Цветове и др., обвинявшихся по 29 ст. уст. о наказ. за устройство в своих домах общественных молитвенных собраний, запрещенных штундистам Высочайше утвержденным 4-го июля 1894 года положением комитета министров. Дело это началось еще в 1899 году. 25 декабря этого года в день праздника Рождества Христова новокрасновские поименованные штундисты собрались в доме

своего односельчанина Стефана Алейникова и устроили общественное молитвенное собрание, состоявшее в чтении священного писания, в толковании его, проповеди и в пении штундистских песен. Новокрасновский сельский староста, согласно распоряжениям и приказаниям начальства, воспретил им устраивать молитвенные собрания, потребовав, чтобы они разошлись. Штундисты на это требование грубо ответили, что они не желают подчиняться требованиям властей о воспрещении им молитвенных собраний и никого слушать не будут. Тогда сельский староста с местными полицейскими служителями арестовал штундистов и донес об этом Бобриковскому волостному правлению, добавив, что и раньше эти лица неоднократно тайком собирались на свои молитвенные собрания, что им неоднократно объявляли о воспрещении этих собраний, но они, не слушаясь требований местной полиции и распоряжений правительства, продолжали довольно часто устраивать свои молитвенные собрания, говоря, что они по своему вероучению принадлежат не к секте штундистов, а к исповеданию баптистов, которым дозволены молитвенные собрания, при чем они открыто заявляют сельскому старосте, что они и на будущее время не будут подчиняться ни властям, ни закону, *только будут уступать силе*. Мировой судья 4-го участка Таганрогского округа, при разборе поступившего к нему этого дела о штундистах, в виду того, что обвинители упорно называли себя баптистами, просил Донскую духовную консисторию командировать сведущее в сектоведении лицо. Донским епархиальным начальством был командирован местный противораскольничий миссионер протоиерей Николай Кутепов, который, познакомившись с вероучением сектантов на месте, дал мировому судье заключение, что сектанты поселка Новокрасновского принадлежат по своему вероучению к секте штундистов, а не к вероисповеданию баптистов. Мировой судья приговорил сектантов к штрафу по 20 рублей с каждого, с заменой штрафа арестом по пяти дней. На этот приговор мирового судьи новокрасновские сектанты подали в таганрогский съезд мировых судей апелляционный отзыв.³⁰¹

Заочным приговором мирового судьи 4-го участка Таганрогского округа от 28-го ноября 1902 года мы признаны виновными в неисполнении законных требований полиции и приговорены по 29 статье уст. о наказаниях к штрафу по 20 рублей с каждого, с заменю арестом по пяти дней. На приговор этот мы на основании 139 ст. Уст. Уголовн. Судопр. просим о новом рассмотрении этого дела и о непризнании нас виновными по следующим основаниям. 29 ст. уст. о наказ. карает виновных в неисполнении законных требований, или же таких распоряжений полиции, которые не выходят из пределов её ведомства и власти и что закон этот по смыслу решений Угол. Кассац. Департ. Правит. Сената 1869 г. 609, 72–1365, 75–531 и др. не налагает ответственности за неисполнение изложенных требований полиции. По разуму же решений того-же Угол. Кассационного Департамента Правит. Сената 1891 г. № 21 для применения 29 ст. уст. о наказ. необходимо, чтобы требование полиции было предъявлено обвиняемым, а не содержалось бы в законе только, и чтобы требование это исполнено не было, и при том самое требование полиции должно быть законно. (Решен. Угол. Кассац. Департ. Правит. Сената 71–276, и 1595 73–58, 86–28, 90–10). В настоящем деле требование полиции не имеет под собою законной почвы, а именно: мы принадлежим к Евангелическому Баптистскому инославному христианскому исповеданию, терпимому в России. Правит. Сенат в решениях Уголовн. Кассац. Департамента 1896, № 38 по делу Пурели и Варгуля, 1900 № I по делу Головки и др., разъяснил, что наше Российское законодательство не делает различия между ересью и расколом, отождествляя некоторым образом оба понятия, а по сему и согласно 5 пар. закона 3 мая 1883 г., мнен. Госуд. Совета 48 ст., т. XI V, Свод. Законов Устава о предупрежд. и пресеч. преступлений изд. 1890 44 п. 45 ст., т. I, ч. I, основных Госуд. законов изд. 1892, отправление молений и богослужений в частных домах всех, как христианских, так и нехристианских исповеданий не составляет уголовно наказуемого проступка. По тем-же разъяснениям Правит. Сената признание штундизма и его преследование должно быть не иначе, как по тем же существенным признакам, которые объяснены в циркуляре

Министра Внутренних Дел от 3-го сентября 1894 г. за № 24, а не тому только, если бы кто нас назвал или мы сами себя назвали бы штундистами, с которыми в сущности ничего общего не имеем.

При рассмотрении этого дела в Таганрогском съезде мировых судей, поверенным от всех новокрасновских штундистов явился один из членов этой штундовой общины крестьянин Лысенко. В качестве эксперта по этому делу был вызван в съезд мировых судей преподаватель Донской духовной семинарии по кафедре истории и обличения старообрядческого раскола и местных сект, священник Евграф Овсянников. Сектант Лысенко на вопрос эксперта довольно подробно изложил сущность своего вероучения. В своём заключении эксперт подробно изложил историю попыток штундистов присвоить себе имя и право немецких баптистов, которым законом 1897 года предоставлена полная свобода исповедания, подробно изложил вероучение немецких баптистов. На основании немецкого баптистического катехизиса, утвержденного на Гамбургской конференции 1849 года, сделал подробное сличение этого вероучения с учением русских штундистов, которое подробно изложил на основании показаний Лысенко, изложения вероучения штундистов селения Казинки, Донской области, и сборников штундистских песен, и пришел к выводу, что вероучение красновских сектантов относится к секте штундистов, а не к исповеданию немецких баптистов, принадлежности к которым русские штундисты не могут доказать юридически, так как не имеют официально установленных правительством метрических книг, выпиской которых каждый баптист имеет возможность юридически доказать свою принадлежность к исповеданию немецких баптистов. Съезд мировых судей утвердил приговор мирового судьи. Сектанты тут же заявили о своём желании подать кассационную жалобу в Правительствующий Сенат.

* * *

В военном уставе существует одна статья закона, которая не допускает производства рядового солдата-раскольника в унтер-офицеры и фельдфебеля. Раскольники умело обходят эту

статью закона. Вот что пишет нам один полковой пастырь по этому вопросу.

Мне неоднократно приходилось видеть, еще до пастырского служения многих раскольников и даже пропагандистов раскола, которые выслуживались на военной службе до унтер-офицеров и фельдфебелей; и я всегда удивлялся тому, как это им удается, тем более, что означенная статья Военного Устава, кажется, не отменена. Кстати, раскольники из военных, вкусившие полковой цивилизации и приобретшие на военной службе некоторую бойкость, так сказать, обтершиеся, всегда являются более фанатично настроенными к православной Церкви и с более нахальной дерзостью и кощунством ведут себя на публичных собеседованиях.

Но вот недавно один случай из моей приходской практики наглядно показал и выяснил мне моё недоразумение по поводу раскольников унтер-офицеров.

Обращается ко мне, сообщает нам о. Чередников, один крестьянин, из вновь присоединенных, с просьбой обвенчать его дочь с сыном одного мне хорошо известного раскольника-безпоповца. Я говорю, что жениха-то надо присоединить к Церкви. Нет, говорит, он присоединен в полку, где служил писарем и произведен в старшие унтер-офицеры. Действительно, в книжке жениха сделана надпись «вероисповедания православного». В полку он и говел у полкового священника. К повенчанию его не виделось препятствий. Но зная, что его семья – отец, мать и братья злые раскольники и ругатели Церкви, я потребовал от него подписку в том, что он детей своих от будущего брака должен будет воспитывать в истинах православия. Но мой жених – не тут-то было. С писарской развязностью он заявил, что такой подписки он не даст и что это его дело, где он будет крестить своих детей и как их воспитывать. Подобное заявление меня крайне смутило. Как же это, человек добровольно принял православие, исполнял христианский долг и прочее, и теперь вдруг явно протестует против моего требования... Навожу справки в полку и оказывается, что заявление жениха о присоединении его к православию еще в полку есть наглая неправда: оказывается,

он при поступлении в полк, дабы попасть в писаря и получить дальнейшее производство, заявил словесно, что он православный, почему вместе с православными и говел у полкового священника, но чиноприема над ним никакого совершено не было. По возвращении же его из службы, раскольники, прочитав над ним отречение от скверны, приняли его в свою общину. Вот вам и статья закона, вот вам и долг присяги? Многие из пастырей из-за такой раскольничьей лжи могут натолкнуться на недоразумение и, согласно книжке с пометкой «православный», венчать раскольника. Ведь последнему нужна лишь гражданская сторона дела в браке. Как же нам смотреть на то, что обвенчанный нами по-прежнему будет хулителем и врагом той Церкви, которая благословила его супружеский союз?

Не следовало бы верить словесному заявлению поступающих на военную службу об их исповедании и согласно сему делать в книжках пометки «православный», а проверять это официально и тем не давать поводов к разным недоразумениям, при которых православные пастыри легко могут попадать под ответственность за несоблюдение предбрачных предосторожностей, и укрывать раскольника.

М.

**Корреспонденция «Миссионер. Обозрения»,
известия и заметки. (Юбилей
высокопреосвященного Иустина и его заслуги пред
миссией. Пример, достойный подражания) //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1273–1278

Из Одессы. Юбилей высокопреосвященного Иустина и его заслуги пред миссией

29 октября торжественно православная Одесса отпраздновала юбилей 50-летней службы Церкви и отечеству своего маститого архипастыря. Высокопреосвященный Иустин (Охотин) родился в Нижегородской губ. Во время прохождения курса академического образования он принял в 1852 г. монашество и, окончив курс в Петербургской академии со степенью магистра в 1853 г., в сане иеромонаха определен преподавателем в Костромскую семинарию. В 1855 г. он назначен инспектором Ярославской семинарии, где был и ректором в течение 13 лет. В 1871 году архимандрит Иустин хиротонисован во епископа острожского, викария волынской епархии, а в 1879 г. занял кафедру харьковской епархии. В 1882 г. перемещен в подольскую, а чрез пять лет в курскую епархию. 3 сентября 1893 г. преосвященный Иустин в степени архиепископа перемещен на кафедру херсонской епархии, которою милостью Божией, правит доныне. Таким образом пятую часть своего служения Церкви архипастырь юбиляр отдал херсонской епархии, вступив в управление ею после сорокалетнего всестороннего опыта и обширного знакомства со всеми сторонами епархиальной жизни.

29-го октября, накануне юбилея владыки, во всех церквях херсонской епархии совершено было торжественное всенощное служение, а 30 – обедня с молебном св. Иустину мученику. Как и следовало ожидать, особенною торжественностью отличалось богослужение в одесском кафедральном соборе. Масса молящихся, прекрасное пение двух хоров, большой сонм

священнослужителей (на молебне – до 150) – всё это производило очень сильное впечатление.

После молебна в покоях владыки приносили поздравления маститому юбиляру многочисленные делегации разных учреждений, говорились приветствия, читались адреса, в которых обрисовывалась та или иная черта церковно-общественной жизнедеятельности чествуемого иерарха. Я не буду касаться содержания адресов, замечу только, что если херсонская епархия имеет эмеритуру, кассу взаимопомощи, приют для престарелых и бедных духовного звания, если в епархии поставлено лучше школьное дело, строится второе женское епархиальное училище, улучшены многие стороны епархиальной жизни, то этим она обязана неусыпным заботам юбиляра. В настоящей своей заметке я желаю ознакомить читателей «Мисс. Обзор.» с тем, что сделано преосв. Иустином для дела миссии в херсонской епархии.

В общих чертах заботы высокопреосвященного Иустина охарактеризованы в одной из поздравительных телеграмм, присланной на моё имя и прочтенной в день юбилея пред собранием поздравителей; она следующего содержания: «Редакция «Миссионерского Обозрения», в живом сознании заслуг вашего доблестного архипастыря для миссионерского дела образцовым устройством и выдающимися успехами херсонской миссии, учреждением первого областного съезда миссионеров, просит вас принести маститому юбиляру наши усердные поздравления, сердечные пожелания многих лет. Скворцов, Гринякин и Смолин».

Выслушав приветствие редакции «Мисс. Обзор.», владыка пожелал процветания и широкого распространения журнала для пользы родной миссии.

Епархиальный миссионер М. Кальнев от лица епархиального съезда миссионеров, при подношении св. Библии в ценном переплете, приветствовал юбиляра следующей речью:

«Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнейший владыко, высокочтимый юбиляр!

Съезд миссионеров херсонской епархии с глубокой радостью приветствует вас со днем полувекового, славного и многополезного вашего служения Церкви и Отечеству!

Между многочисленными вашими трудами по управлению херсонской паствой, вы очень много уделяли внимания и делу местной миссии. Вы любили её, и, благодаря этому, она поставлена на такую высоту, которая вызывает заслуженное удивление и желательное подражание во всех епархиях обширной России. Да, в деле организации местной миссии вы сделали очень много, и история херсонской миссии по справедливости должна будет отвести вам на своих страницах, как её мудрому устроителю и доброму руководителю, самое выдающееся место среди всех до вас бывших доблестных архипастырей, ваших предшественников по херсонской святительской кафедре.

Многие сотни заблудших душ, усилиями местной миссии спасенных из тьмы губительного сектантства, воссоединенных со св. Христовой Церковью и примиренных с великой семьей православного русского народа, всегда должны молить Господа Бога о вас за их спасение, – должны молить Его здесь, при жизни на земле и по смерти – там, на небе пред престолом Всевышнего.

Без сомнения, в этом – великое для вас нравственное утешение на склоне дней земной вашей жизни, но мы глубоко верим и крепко надеемся на уготованную за это вам награду, по обетованию Господа, в жизни небесной. Теперь же, в знаменательный для вас день вашей жизни мы, служители и сеятели слова Божия по обширной и многообразной духовной ниве херсонской, сыновне просим ваше высокопреосвященство за вашу постоянную любовь и отеческое попечение о нуждах миссии и её деятелей принять от нас св. Библию, как знак нашего искреннего молитвенного пред Богом общения с вами».

Принимая св. Библию, владыка благодарил миссионеров за выраженные чувства и выразил пожелание, чтобы только она одна и служила всегда миссионерам опорой в их не легких трудах, в надежде, что, с помощью Божией, эти труды и дальше

будут увенчиваться успехом на пользу душ заблудших сынов Церкви Христовой.

Более подробно очерчена деятельность высокопреосвященного Иустина, как организатора и руководителя местной миссии, в адресе одесского Свято-Андреевского Братства, почему считаем нужным привести этот адрес целиком. Вот его содержание.

«Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь и отец!

В глубоко-знаменательный день исполнившегося пятидесятилетия доблестного служения вашего св. православной Церкви и Отечеству, Свято-Андреевское Братство имеет счастье почтительнейше приветствовать ваше высокопреосвященство, как своего мудрого и отечески-благостного попечителя, с сим высокорадостным торжеством. Десять лет прошло уже с того времени, как по устроению Промысла Божия ваше высокопреосвященство восприняли одесское Свято-Андреевское Братство под своё милостивое попечение и руководство и во всё это время с истинно отеческою заботливостью и многоопытною мудростью направляли действия Братства к лучшему и наиболее верному достижению его высоких целей и задач. Под мудрым руководством вашего высокопреосвященства миссионерская деятельность одесского Свято-Андреевского Братства, с помощью Божией, постепенно расширялась и возрастала. В самом начале десятилетнего руководства вашего Свято-Андреевским Братством учреждена должность епархиального противосектантского миссионера, которому, с течением времени, для пользы дела, было поручено ближайшее заведование всею вообще противосектантской миссией в херсонской епархии, как специальною, на поприще которой трудятся особые окружные и разъездной миссионеры, так и приходскою, состоящею из всех вообще приходских пастырей епархии. В начале 1897 года, для большего объединения деятельности всех труждающихся на поприще миссии в херсонской епархии лиц, вашим высокопреосвященством учреждены особые окружные миссионерские съезды. В 1898 г.,

по ходатайству вашего высокопреосвященства, Святейший Синод учредил для борьбы с существующим в епархии расколом должность херсонского епархиального противораскольнического миссионера, которому впоследствии назначен особый помощник из единоверческих священников херсонской епархии. В 1901 г., согласно предложению вашего высокопреосвященства, для усиления проповеднической деятельности противосектантской и противораскольнической миссий херсонской епархии учреждена должность благочиннических миссионеров, подчиненных миссионерам окружным, из которых двое были сделаны в 1902 г. бесприходными, и таким образом всё дело миссии в херсонской епархии получило полную, строго-определенную организацию, обнимая все приходы херсонской епархии, зараженные сектантством и расколом. Сверх сего, в 1900 г., согласно указанию вашего высокопреосвященства, учреждены особые соединенные собрания Свято-Андреевского Братства и херсонского епархиального училищного совета для более скорого и успешного рассмотрения дел об открытии и устройстве религиозно-нравственных чтений для народа, а также об открытии и средствах содержания церковно-приходских школ в местах херсонской епархии, зараженных сектантством или расколом.

Мудро направляя, таким образом, действия одесского Свято-Андреевского Братства к поддержанию и распространению в народе здорового православно-христианского учения и к наиболее успешной борьбе с заблуждениями раскола и сектантства, ваше высокопреосвященство всегда отечески поддерживали все мероприятия совета Братства на пользу религиозно-нравственной жизни населения херсонской епархии. Так, по ходатайству совета Братства пред вашим высокопреосвященством, в церквях херсонской епархии учреждены с 1894 г. единовременный сбор пожертвований на устройство церквей и школ в местах епархии, зараженных сектантством, и на собираемые пожертвования устроено и благоуукрашено не малое уже число храмов в разных селениях херсонской епархии. Один из храмов, устроенных на

означенные пожертвования, в 1902 г. торжественно освящен вашим высокопреосвященством в иноверческой немецкой колонии Ландау, Одесского уезда, для многочисленных православных рабочих, проживающих в этой и других соседних немецких колониях. С 1898 г., с благословения вашего высокопреосвященства введен также в церквях херсонской епархии единовременный сбор пожертвований на учреждение фонда для выдачи денежных пособий пастырям херсонской епархии, добре труждающимся в деле миссии, а равно и бедствующим из мирян. Чрез ваше высокопреосвященство принесена совету Братства щедрая жертва в две тысячи рублей на обновление бедного и крайне ветхого храма в одном селении херсонской епархии. Кроме того, ваше высокопреосвященство ежегодно приносили из ваших личных средств щедрые жертвы в пользу Братства. Таковое истинно-отеческое попечение вашего высокопреосвященства о мудро-руководимом вами Свято-Андреевском Братстве не может не возбуждать в сердцах всех членов его искренне-глубокой сыновней благодарности нашему благоднейшему попечителю, архипастырю и отцу, и вместе горячей молитвы к Господу Богу о даровании вашему высокопреосвященству сил и здоровья еще много, много лет послужить на благо св. Церкви православной и нашего возлюбленного отечества».

Нет сомнения, что хорошо устроенная миссия в херсонской епархии нуждается в дальнейшей своей организации; присоединимся же искренно к многочисленным благопожеланиям, чтобы Господь укрепил силы и даровал еще долгую жизнь херсонскому архипастырю, да «недоконченная устроит» ко славе Церкви и ко спасению заблудших сынов её.

М. Кальнев

Пример, достойный подражания

В деревне Исаковке за Большой Охтой появились хлысты.

Эти гнусные еретики устроили здесь чайную и закусочную лавку и немедленно же начали вести свою пропаганду среди православных, которые посещали торговое заведение сектантов, чтобы купить кипятку, пообедать и т. п.

Для противодействия зловредной деятельности еретиков петербургский противосектантский миссионер г. Булгаков, по соглашению с настоятелем местной церкви во имя Св. Духа, священником Николаем Кулигиным, решил устроить публичные внебогослужебные собеседования в обличение хлыстовщины. Это благое дело встретило впрочем значительное затруднение по отсутствию подходящего места для собеседований в самой деревне Исаковке, а приходский храм и помещающаяся при нём церковная школа находятся от Исаковки в очень значительном расстоянии.

Но Русская земля не оскудевает людьми, искренно преданными православной Церкви и всегда готовыми прийти на помощь её пастырям и учителям в трудную минуту. Такой человек нашёлся и в деревне Исаковке, в лице местного домовладельца Михаила Вассиановича Проворова. Этот добрый человек и благочестивый христианин раньше устроил около своего дома поместительную часовню (на 150 человек), которую намеревался обратить впоследствии в храм.

Часовня была холодная по отсутствию в ней достаточного количества печей, вторых рам – и потому мало отвечала потребностям удобного помещения для публичных бесед с народом. Узнав о затруднении священника и миссионера, почтенный Михаил Вассианович быстро оборудовал упомянутую часовню и вполне приспособил её для миссионерских целей: он приказал вырезать в ней часть перегородки, чтобы увеличить самое помещение, вставить вторые рамы и принести керосиновые печи. Всё это было сделано в один день (22-го ноября). Мало того, чрез своих дворников Михаил Вассианович оповестил всё население Исаковки об имеющей быть 23-го ноября беседе епархиального миссионера. Во время самой беседы Михаил Вассианович вместе со своим конторщиком Соловцовым стоял около аналая, освещая восковыми свечами Библию миссионера. Да, поистине, если бы таких людей, как Михаил Вассианович Проворов было побольше в православных русских приходах, – то и самой приходской миссии в значительной степени был бы облегчен труд борьбы с иномыслящими.

Очевидец

**Булгаков Н., СПб. миссионер. Открытое письмо
миссионера писателю г. В. Розанову //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1279–1282

Всему бывает предел; только злобным экскурсиям вашего ядовитого пера, кажется, нет и не будет предела.

В 9962 № «Нового Времени» вы заявляете, что «миссионеры (епархиальные) могут и умеют только порицать, браниться, приказывать» et cetera... На каком основании вы позволяете себе так «лягать» людей, с деятельностью которых вы совершенно незнакомы и имеете о ней самое неправильное и превратное представление? В доказательство своих слов вы не представляете и не можете представить никаких фактических данных, и потому ваша тирада о миссионерах, извините, представляется мне просто-напросто *ложью и клеветой*. Да, г. Розанов, вы любите находить «сучки» у своих ближних, а у себя не замечаете целых «бревен». Ваши газетные писания, именно, и служат блестящим образцом грубого неуважения к личности ближнего, которого вам угодно бывает почему-либо не возлюбить. Простите за откровенность, но вы вообще отличаетесь способностью делать скороспелые обобщения и, не стесняясь в выражениях, сыпать «брань и порицания», не разобрав дела и не вдумавшись хорошенько в то, о чём вы пишете.

Примеров не привожу, так как не имею для того времени. Но о весенней вашей выходке против г. Грингмута я вам напомним: слишком уж она характерна! В. М. Скворцов гораздо раньше Великого поста заявил в распорядительном заседании членов-учредителей религиозно-философских собраний о том, чтобы в эти собрания был допущен г. Грингмут. На предложение В. М. Скворцова слышались голоса сочленов (которые не составляют всего собрания) без всякой мотивировки: «нет, нет, не надо»... Между тем в «Московских Ведомостях» появляется статья г. Spectator'a, содержащая горькую правду по адресу г. г. новопутейцев. Не отвечая на неё по существу, вы делаете нелепо-шутовскую вылазку против собственно личности г.

Грингмута, и пред читателями «Нового Времени» грязните его с совершенно спокойной совестью, надеясь на то, что вам не сочтут нужным отвечать. Привожу буквально ваши слова: «*г. Грингмут в этом Великом посту просился (подал заявление с просьбою), чтобы его допустили присутствовать в религиозно-философских собраниях... религиозно-философские в Петербурге собрания отказали ему в допущении* (курсив мой). Теперь он сплетничает в темную вместо того, чтобы перевирать (переиначивать, искажать) в открытую». Но за то как он раздражен, как убийственны его обвинения. Читатель однако может догадаться, что *выражение религиозно-философскими собраниями нравственного к нему недоверия есть настоящий корень его слов* (курсив мой)... Г. Грингмут просто *неразвит* (курсив ваш); и его не только по склонности к сплетням не следовало допускать на собрания, но еще и по той причине, что в вопросах религии – как гимназист второго класса, не подготовленный к слушанию наук из курса пятого или шестого класса – он хлопал бы ушами на собраниях; ни слова бы не сумел там вставить; и позднее всё бы переврал». Довольно, довольно, г. Розанов! Вам своевременно было разъяснено, что г. Грингмут не имел ни малейшего желания попасть в религиозно-философские собрания, и что вы не имели никакого права *свое личное мнение* о редакторе «Московских Ведомостей» выдавать за мнение *всего* религиозно-философского собрания. Вы же, вместо того, чтобы покаяться пред г. Грингмутом и пред читающей «Новое Время» публикой в своём клеветническом вымысле, называете последний *неточностью и невольною ошибкой*. Какая детская наивность!! Нет, г. Розанов, поймите, что вы учинили гадость, и эта гадость становится гораздо гаже от того, что вы не хотели в ней сознаться. Да и вообще кто вы такой, и какое имеете право так беззастенчиво порицать своего ближнего и лгать на него? Я, г. Розанов, знаю вас давно, с того самого времени, когда вы состояли еще учителем в прогимназии г. Брянска. И, по долгу миссионера, позволяю себе советовать вам поглубже всматриваться в собственную душу и почаще размышлять, не

на опасном ли вы пути (Пс.138:24). Ведь вы уже не молодой человек.

«Миссионеры (епархиальные) могут и умеют только приказывать»... Факты, факты, г. Розанов! Где они? Не лжесвидетельствуйте так голословно. Ведь это же грешно. Если бы вы потрудились прочитать синодальные «Правила об устройстве миссий»... и ознакомиться с миссионерскими дневниками и записками в наших духовных журналах, – то увидели бы, что епархиальные миссионеры не представляют из себя никакой начальствующей единицы. Миссионер – de jure и de facto помощник священника и его опытный советник в деле вразумления иномыслящих. Мы никому не можем приказывать. Наоборот, мы стеснены всякими предписаниями, приказаниями, инструкциями. Пропагандисты расколо-сектантства в этом отношении занимают более выгодное положение: они без всяких инструкций свободно разъезжают по России для проповеди, устраивают противозаконные сборища, при чем плодом одного из таких сборищ было, как известно, страшное Павловское дело. Мы же, проповедники веры Христовой, поистине находимся, как овцы, среди волков. И заметьте, г. Розанов, что в настоящее время враги Церкви Христовой в отношении нас изменили свою тактику: прежде они тащили «благовестников галилейского учения» к зверям и на костры, – а теперь, наоборот, они приближаются к нам с медоточивыми устами (Ис.29:13), прося допустить их в церковную ограду, дают нам иудино лобзание, делят с нами хлеб-соль (Пс.40:10), – а затем привязывают к позорному столбу газетного глумления и своими грязными перстами указывают на нас проходящим. Думаю, г. Розанов, что такое поведение «ищущих Церкви» несравненно отвратительнее, чем «сплетни всего мира в темную», и гораздо бесчестнее открытой борьбы древнего язычества с христианством.

«Епархиальные миссионеры только обременяют бюджет духовного ведомства без всякой для дела пользы». Так, так, г. Розанов! Некто, гораздо раньше вас высказывал подобное же сетование о чужих деньгах (Ин.12:4–6). Будьте откровенны, г. Розанов, скажите лучше прямо так: зачем духовное ведомство

тратит деньги на содержание миссионеров? Отчего бы миссионерские суммы не употребить, ну хотя, например, на поддержку какого-либо, любезного вашему сердцу издания. Позволю себе так комментировать ваши слова потому, что вы и в «Новом Пути» тоже кивали головой на богатое «Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» (Новый Путь. Октябрь). Оставьте лучше свою сомнительного свойства скорбь о чужих деньгах, которые совсем не так огромны, как вам кажутся: духовная власть, осведомленная гораздо больше вас о нашей деятельности, знает наши труды и ценит пользу, приносимую нами Церкви Христовой. Мы по мере сил своих насаждаем и поливаем ниву Божью (1Кор.3:6); и вы не судите о нас никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога (1Кор.4:5)

«Ни надлежащего духовного образования они (епархиальные миссионеры) не имеют и никакого духовного авторитета». Не вам, г. Розанов, судить о том, имеем ли мы надлежащее духовное образование: вы сами еще недостаточно тверды даже в знании Священной Истории Ветхого и Нового Завета и Православного Катехизиса. Вот вы издевались над г. Spectator'ом «Московских Ведомостей», что он в вопросах религии, как гимназист второго класса (см. свой фельетон). Между тем если бы у вас была хотя самая малая часть богословских познаний г. Spectator'а, то вы, наверное, избежали бы тех колоссальных нелепостей, какие рассыпаны в ваших quasi-богословских статьях. Не спешите умозаключать, что мы не имеем никакого духовного авторитета. Если для вас и вам подобных интеллигентов наш голос не авторитетен, то ведь кроме вас есть еще сонм культурного верующего русского общества народа. К мнению этого голоса мы советуем вам прислушаться и спросить его, что он вам скажет о нас. Да и вообще не мешало бы гг. непрошенным защитникам духовных интересов нашего народа почаще справляться у самого народа о его духовных запросах. Учредители «религиозно-философских собраний» сделали крупную ошибку, что во время прений о

свободе совести не пригласили в зал своих заседаний представителей настоящего русского народа, любящего свою веру, своего Царя-Батюшку и своё отечество. Эти представители весьма охладили бы истерический вопль г. Минского, г-жи Бородаевской и К°. Христос Спаситель, пророки и апостолы не были авторитетны для еврейского народа (Мф.23:34–37 и друг.); до сих пор эта «блудодейная и похотливая нация» (см. книги пророческие), которую, однако, вы так органически любите ставить в пример христианской семье, коснеет в своём противлении Вечной Истине. Неужели же разумно отсюда утверждать, что Спаситель и Его посланники вообще «не имеют никакого духовного авторитета» (выражусь вашими словами). Нет, г. Розанов, слово проповедников евангельской истины неубедительно только для тех, «кто, по словам пророка, упрям, у кого шея железная и лоб медный» (Ис.48:4). Такие люди всегда будут ставить прихоти своего сластолюбивого сердца выше всего и под углом их оценивать того или другого учителя (2Тим.4:3–4); понятное дело, что для них, как для «глухих аспидов» (Пс.57:5–6), не будет авторитетна даже сама Церковь со всеми её отцами и учителями.

По недосугу ограничиваюсь пока настоящими словами. В заключение, опять-таки по долгу православного миссионера, ради спасения вашей души, молю вас, г. Розанов, подумать о грозных и непреложных словах Спасителя: «создам Церковь Мою и врата ада не одолеют её» (Мф.16:18). Бросьте свои сладострастные умствования о тайне пола, перестаньте плескаться мыслью в еврейской микве, прекратите апологию вне церковного брака под видом якобы защиты семьи и не хромайте на «оба плесна» в отношении Церкви и её служителей, сказав прямо и откровенно, кто вы – друг или наветник, христианин или иудействующий – и не ожесточайте своего сердца, ибо человек, который, – будучи обличаем ожесточает выю свою, внезапно сокрушится и не будет ему исцеления (Притч.29:1).

СПБ. миссионер Н. Булгаков

**Строгий А. Миссионерские отметки при чтении
светской печати // Миссионерское обозрение 1903 г.
№ 19. С. 1283–1288**

Г-н Е. Поселянин в «Моск. Вед.» дает начало статьи о последних чудесах преподобного Серафима.

Он говорит:

«Дивный старец своим кроткопокоряющим образом как бы ударил с неведомою силой по душевным струнам верующих русских людей. То был один из тех мощных потоков духовной жизни, которые бушуют, как стихия. То были порывы такой веры, которая «двигает горы».

Один знакомый мне помещик северо-западного края рассказал мне о следующем исцелении по вере в преподобного Серафима, переданном ему сельским священником.

10 августа к священнику пришел глухой крестьянин и просил отслужить молебен преп. Серафиму. Священник признавался потом, что он сам относился к преп. Серафиму довольно холодно. Молебен был отслужен.

15 августа крестьянин пришел снова и что-то спросил у него, священник, зная хорошо об его глухоте, стал ему громко отвечать наклоняясь к его уху. На это глухой сказал ему: «Ты, батюшка, не кричи; я теперь слышу не хуже тебя»! Между тем раньше больной тщетно искал облегчения у петербургских докторов. Этот исцеленный – крестьянин Двинского уезда, Малиновской волости, деревни Новых Токарей, Александр Иванович Лозовский.

Встретил я одного известного писателя, которому раньше я не раз рассказывал про старца Серафима.

– Действительно, – сказал он мне, – старец Серафим творит удивительные дела. Летом, в течение короткого времени, из двух случайных встреч в вагоне я узнал о нём необыкновенные вещи. 19 июля я ехал с одним петербургским священником, который поразил меня своею образованностью и культурностью. Довольно вам сказать, что мечта его – прослушать курс высшего учебного заведения, заведения

специального, не духовного. Признаюсь даже, с первых его слов о том, я подумал: «Вот, вероятно, тип священника-рационалиста». Но должен был взять своё мнение назад. Он стал говорить мне, что этот день – один из лучших дней его жизни, что он возвращается, торжественно отслужив в своей церкви обедню и первый молебен преп. Серафиму Саровскому.

– А знаете ли, что он для меня сделал, чем я ему обязан? Я был неизлечимо болен, у меня был рак. Мне пришлось прочесть краткую книжку про жизнь старца Серафима, и описанные в ней чудеса старца дали мне уверенность, что он может исцелить и меня. И я сказал своим домашним: «Я нашел себе доктора – старца Саровского Серафима». Я стал ему горячо молиться, и непостижимым образом выздоровел.

– Потом, в другой день, продолжал рассказчик, – я встретил в вагоне барыню, которая возвращалась из одного пригородного монастыря, где была свидетельницей исцеления недвижимой девочки пред иконой преподобного Серафима.

Со всех сторон слышишь о благодатной помощи, подаваемой преподобным Серафимом. И случаи её проявления начинаешь считать чем-то естественным, не необыкновенным; к ним как то уже привык, им не удивляешься.

На днях одна молодая мать из образованного общества, из весьма известной семьи медиков, рассказывала мне, что её сын четырех лет этим летом в течение двух месяцев страдал желудком, и ничем лекарственным ему не могли помочь. Когда же она дала ребенку воды из Саровского источника преподобного Серафима, болезнь тотчас прекратилась.

* * *

В «Южном Крае» г. Алексей Тихонович сообщает о следующем необычайном явлении, происшедшем в Саровской пустыни на могиле преподобного Серафима, Саровского чудотворца, очевидцем которого был харьковский землевладелец Николай Елисеевич Кривошеев. У Кривошеева был приятель, в высшей степени умный и образованный человек. Служил он в военном ведомстве, отрицал живую личность, волю и разумение; в себя, впрочем, крепко верить. Бога нет, – говорил, – святости также, нет и личного бессмертия.

Есть только силы природы, несокрушимые, но бессознательные, как воздух, как пламя. Вот с ним-то, да еще с тремя благоприятелями, г. Кривошееву довелось посетить Саратовскую пустынь. Торжественное служение и удивительные сказания о чудесах и деяниях старца Серафима наполняли душу таким благоговением, что колени невольно сгибались. Жутко и легко становилось на сердце. Вот он – посредник между людьми и Богом, крепкое звено между временной жизнью и вечностью. Философ улыбался, забавляясь всеобщим умилением: «Экие, дескать, чудесники! Чуда нет и не может быть. Чудо – это скала на пути сил природы. Сила об неё должна разбиться или изменить направление, и всё пойдет вверх дном. Но этого пока нет, всё стройно и прекрасно и, значит, чуда нет».

Кривошееву надоело его умничание: «Что ты с нами рассуждаешь? Мы народ мелкий, – сказал он ему. – Поди-ка, потолкуй с наибольшим. Старец Серафим из могилы ответит, из райской обители отзовется».

– Разве? – прищурился тот. – Это любопытно. Пойдем на дознание.

И компания направилась к могиле угодника. «Признаюсь, мне было страшно, – передавал Кривошеев. – Товарищи мои казались не совсем спокойными, и только умник улыбался, по обыкновению. Время было под вечер. Тихо и торжественно было в небе, а около могилы еще тише и торжественнее. Я остановился в нескольких шагах. Сердце сильно билось. Не дерзость ли с нашей стороны – тревожить святого для какого-то опыта. Ведь это в сущности – опыт. Мне очень хотелось убежать. Но умник уже стоял на могиле и положил руку на крест. Он окинул нас презрительным взглядом и собирался сказать что-то очень умное... Как вдруг... Что-то пронеслось в воздухе, земля дрогнула, могила словно выросла, и крест покачнулся с такою силою, что философ отлетел шагов на пятнадцать и тяжело рухнул на землю. Я едва устоял на ногах и, должно быть, потерял сознание, а когда опомнился, всё было по-прежнему, светло и тихо. Умник стоял в стороне, прижавшись к дереву. Я подошел к нему. Он плакал.

– Ну, что? наткнулся на камень, – не вытерпел я и кольнул приятеля.

Он обернулся ко мне, не скрывая слез:

– Не камень, а камни, одни камни и мусор. Здание, которое я воздвигал всю жизнь, разбито, разрушено. Надо создавать новое, а хватит ли сил, не знаю. – И он снова припал к дереву.

Говоря, г. Тихонович не назвал по имени. Да и к чему оно? Кому известно, кроме Бога да Его угодника, где бродил он после описанного случая и что воздвигал, оставя службу и скрывшись тайком из родных мест.

Чудеса, совершающиеся молитвенным предстательством преп. Серафима, это небесная проповедь о православии нашей св. Церкви. Да заградит она уста раскольников и сектантов, глаголющих лжу на Церковь Божию.

* * *

А вот что пишется в одной газете о чуде милости Божией, совершившемся по молитве о. Иоанна Кронштадтского

В «Курск. Губ. Вед». читаем: «Посещение о. Иоанном Софрониевой пустыни, в августе этого года, ознаменовалось исцелением в Новой Слободе крестьянина Марка Воронина, который, давно уже лишенный употребления ног, привозился своим зятем каждый праздник на гостиный двор Софрониевой пустыни для прошения милостыни Ползая по каменным плитам, волоча длинные высохшие ноги, он внушал к себе сострадание. Вообще, он представлял собою человека несчастного и беспомощного. Зять и дочь, приютившие его, тяготились им и едва терпели его. По приезде о. Иоанна в Софрониевскую пустынь, Марк Воронин, несмотря на множество народа, пробрался в переднюю монастыря игумена Павлина, где о. Иоанн давал благословение больным и здоровым. По словам самого калеки-Марка, когда о. Иоанн благословил его и сказал: «молись Богу», он почувствовал, что им овладело чувство бодрости и уверенности, что теперь можно встать на ноги и идти. Он сделал усилие подняться, но это ему не удалось, хотя со ступенек крыльца он мог без посторонней помощи спуститься, но дальше опять пополз. На другой день, однако, ему стало лучше и потом день ото дня легче и легче, «а теперь,

как видится, совершенно здоров», закончил он своё объяснение, «хотя без палки еще не могу». И действительно, ноги ему еще не слишком подчиняются, так как в коленях не сгибаются и дрожат, но при помощи палки он может проходить уже порядочные расстояния.

Слышит Господь молитвы наших пастырей и творит по ним дивную Волю Свою, да вразумятся «Церкви лукавнующих» и «приидут в правду покаянием»!

Дай Бог, чтобы «Кронштадтский Маяк» нам светил еще много лет, разгоняя своим спокойным светом тьму неверия, суеверий и ересей.

* * *

До чего доводит человека сектантство, видно из следующего случая. На днях, в одном из поездов Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дороги, между станциями «Новый Иерусалим» и «Новохабино» произошел такой печальный случай. Один из вагонов III класса был переполнен множеством богомольцев, возвращавшихся из нового Иерусалима, среди которых находилось до 45 человек сектантов. Вдруг, один из них, некий Фомин, очевидно в припадке религиозного экстаза, начал кричать, что он грешник, что он не достоин больше жить на свете и т. п., и бросился к окну. Пробив головою стекло, он попытался выскочить из вагона, но находившиеся в вагоне его спутники начали тащить его обратно. Произошла борьба, во время которой Фомину порезало стеклами горло. Раны опасны.

Вот какое ложное настроение навеяно на сектанта отцом лжи! – как будто смирение – «я де грешник и жить не достоин». Но смирение это оказывается ложным, ибо вдруг оно бешено кристаллизуется в целое отчаяние, ведущее к покушению на самоубийство. Виданное ли дело, чтобы смирение доводило кого-либо из святых, изобиловавших смирением, до самоубийства! А вот лжесмирение сектанта Фомина почти довело, и если бы не люди, довело бы совершенно. Не явно ли тут дело сатаны, принявшего вид «ангела Светла»?

* * *

В одной газете напечатана следующего содержания заметка под заглавием «Изуверство»:

«Злоупотребление именем о. Иоанна Сергиева с целью сектантской пропаганды практиковалось и в Конотопском уезде. В с. Обмачеве в конце Великого поста полицией, по словам «Киевл.», задержан борзенский мещанин П., пророчествовавший там с первой недели поста. Занимаясь предсказыванием будущего и религиозными поучениями, П. благословлял крестьян именем о. Иоанна Кронштадтского, при чем все получаемые от своих почитателей деньги расходовал на покупку свечей, которые частью ставил в церкви перед образами, частью раздавал бедным. Ссылаясь на какой-то золотой пояс, якобы полученный им от о. Иоанна, П., кроме частных предсказаний о судьбе того или иного из своих клиентов, пророчествовал также о грядущих политических событиях. Так, например, он уверял крестьян, что прошлую весною будет большая война, в которой русские войска понесут огромные потери и т. п. Проповедовал П. не только в частных домах, но главным образом в церковной сторожке, где во время ежедневных великопостных богослужений слушать его собиралось немало народа».

Отец лжи через своих чад старается вредить доброй славе дорогого батюшки о. Иоанна, то превознося его лестью и ставя наравне с несравнимым Богом, то хуля его устами раскольников, и унижая до степени «антихриста».

Действие отца лжи нужно усматривать и в Конотопском шарлатане если, конечно, верить осведомленности газеты, сообщающей известие «Миссионерскому Обозрению» было бы желательно получить от местных Конот. пастырей более точные известия о сем борзенском мещанине и его проделках. Секты, как болезни эпидемического характера, надо излечивать в самом зародыше. Пока волк не повадился учашать в овчарню, надо против него орудие защиты припасать.

* * *

Как на наших кавказских духоборах, переселившихся с родины в С. Америку, по мотивам ложным, так и на жидовствующих субботниках, искавших в Палестине «земли обетованной», очевидно, не почило Божие благословение, без которого никакое предприятие житейское не может совершиться

успешно. Вот что пишут газеты о судьбе и участии жидовствующих, которые полюбили субботы паче воскресений.

«В Одессе находится несколько партий переселенцев-крестьян из секты «иудействующих» (Тамбовской и смежных с нею губерний). Крестьяне-иудеи эмигрируют в Палестину, где они основывают собственные земельные хозяйства, или нанимаются в батраки к колонистам-евреям. Но, в последнее время, наплыв туда работников сильно сократил спрос на труд, и некоторые из крестьян возвращаются теперь обратно из колоний на родину. В канцелярию одесского городского раввина явились двое таких крестьян – Моисей Вабобулин и Исай Жетенев с просьбой об оказании им помощи для поездки на родину. В Палестину они выехали, не желая работать на фабриках и заводах по субботним дням. Они долгое время проживали в Иерихоне, перебивали почти во всех колониях и теперь за отсутствием работы, вынуждены были вернуться в Россию».

Нужно быть уверенным, что и всякая сектантская затея, не имея на себе благословения Божия может иметь только эфемерный, временный и непрочный успех. «Бог гордым» и противляющимся истине «противится». Лишь нищим духом, познавшим свою нищету духовную, бедность и ничтожество, лишь смиренным чадам св. Церкви Бог дает Свою благодать, ту жемчужину, которую получив, человек не захочет променять на весь видимый мир.

Антон Строгий

Отклики

**Михаил, иером. О брошюре графа Л.Н. Толстого
«Разрушение ада и восстановление его» //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 19. С. 1289–1308

Новое сочинение графа Л.Н. Толстого «Разрушение ада»³⁰² полезно было бы издать для распространения среди интеллигенции – для ознакомления её с взглядами графа – на культуру, прогресс, на изобретенные «дьяволом» общественные науки и т. д.

Для богословов в неё собственно нет ничего; она всё повторяет старое. Своеобразна только форма, впрочем, не новая для графа. В настоящей книжке повторяется со стороны формы: «Первый винокур», это легенда-сказка.

Вот первые главы этого нового памфлета яснополянского отшельника на христианство, Церковь, науку и культуру.

I

Это было в то время, когда Христос открывал людям Своё учение.

Учение это было так ясно, и следовать ему было так легко, так очевидно избавляло оно людей от зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространения.

Вельзевул, отец и повелитель всех дьяволов, был встревожен. Он ясно видел, что власть его над людьми кончится навсегда, если только Христос не отречется от своей проповеди. Он был встревожен, но не унывал и подстрекал покорных ему фарисеев и книжников, как можно сильнее оскорблять и мучить Христа, а ученикам Христа советовал бежать и оставить Его одного. Он надеялся, что приговор к позорной казни, поругание, оставление его всеми учениками и, наконец, самые страдания и казнь сделают то, что Христос в последнюю минуту отречется от своего учения. А отречение уничтожит всю силу учения.

Дело решалось на кресте. И когда Христос возгласил: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил!» – Вельзевул возликовал. Он схватил приготовленные для Христа оковы и,

надев их себе на ноги, прилаживал так, чтобы они не могли быть расторгнуты, когда будут надеты на Христа.

Но вдруг слышались на кресте слова: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают». И вслед затем Христос возгласил: «Совершилось!» и испустил дух.

Вельзевул понял, что всё для него пропало. Он хотел снять со своих ног оковы и бежать, но не мог двинуться с места. Оковы сипелись на нём и держали его ноги. Он хотел подняться на крыльях, но не мог расправить их. И Вельзевул видел, как Христос в светлом сиянии остановился в воротах ада, видел, как грешники от Адама и до Иуды вышли из ада, видел, как разбежались все дьяволы, видел, как самые стены ада беззвучно распались на все четыре стороны. Он не мог более переносить этого и, пронзительно завизжав, провалился сквозь треснувший пол в преисподнюю.

II

Прошло 100 лет, 200, 300 лет.

Вельзевул не считал времени. Вокруг него был черный мрак и мертвая тишина. Он лежал неподвижно и старался не думать о том, что было, и все-таки думал и бессильно ненавидел виновника своей гибели.

Но вдруг, – он не помнил и не знал, сколько сот лет прошло с тех пор, – он услышал над собой звуки, похожие на топот ног, стоны, крики, скрежет зубовой.

Вельзевул приподнял голову и стал прислушиваться.

Тому, чтобы ад мог восстановиться после победы Христа, Вельзевул не мог верить, а между тем топот, стоны, крики и скрежет зубов становились всё яснее и яснее.

Вельзевул поднял туловище, подобрал под себя мохнатые, с отросшими копытами ноги (оковы, к удивлению его, сами со скочили с них) и, затрепав свободно раскрывшимися крыльями засвистал тем призывным свистом, которым он в прежние времена призывал к себе своих слуг и помощников.

Не успел он перевести дыхание, как над головой его разверзлось отверстие, блеснул красный огонь, и толпа дьяволов давя друг друга, высыпалась из отверстия в

преисподнюю и как вороны, вокруг падали, расселось кругом Вельзевула.

Дьяволы были большие и маленькие, и толстые, и худые, и с длинными и короткими хвостами и острыми, прямыми и кривыми рогами.

Один из дьяволов, в накинута на плечи пелеринке, весь голый и глянцевито-черный, с круглым безбородым, безусым лицом и огромным, отвисшим животом, сидел на корточках перед самым лицом Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая улыбался, равномерно, из стороны в сторону помахивая длинным, тонким хвостом.

III

– Что значит этот шум? – сказал Вельзевул, указывая вверх – Что там?

– Всё тоже, что было всегда, – отвечал глянцевитый дьявол в пелеринке.

– Да разве есть грешники? – спросил Вельзевул.

– Много, – отвечал глянцевитый.

– А как же учение Того, Кого я не хочу называть? – спросил Вельзевул.

Дьявол в пелеринке оскалился так, что открылись его острые зубы, и между всеми дьяволами послышался сдержанный хохот.

– Учение это не мешает нам. Они не верят в него, – сказал дьявол в пелеринке.

– Да ведь учение это явно спасает их от нас, и Он засвидетельствовал его Своей смертью? – сказал Вельзевул.

– Я переделал его, – сказал дьявол в переливке, быстро трепля хвостом по полу.

– Как переделал?

– Так переделал, что люди верят не в Его учение, а в моё, которое они называют Его именем.

– Как ты сделал это? – спросил Вельзевул.

– Сделалось это само собою. Я только помогал.

– Расскажи кратко, – сказал Вельзевул.

Дьявол в пелеринке, опутив голову, помолчал, как бы соображая, не торопясь, и потом начал рассказывать:

– Когда случилось то страшное дело, что ад был разрушен и отец и повелитель наш удалился от нас, – сказал он, – я пошел в те места, где проповедовалось то самое учение, которое чуть было не погубило нас. Мне хотелось увидеть как живут люди, исполняющие его. И я увидал, что люди, жившие по этому учению, были совершенно счастливы и недоступны нам. Они не сердились друг на друга, не предавались женской прелести и или не женились, или, женившись, имели одну жену, не имели имущества: всё считали общим, не защищались от нападающих и платили добром за зло. И жизнь их была так хороша, что другие люди всё более и более привлекались к ним. Увидав это, я подумал, что всё пропало, и хотел уже уходить. Но тут случилось обстоятельство, само по себе ничтожное, но оно мне показалось заслуживающим внимания, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что надо всем обрезываться и не надо есть идоложертвенное, а другие считали, что этого не нужно и что можно и не обрезываться и есть всё. И я стал внушать и тем, и другим, что разногласие это очень важно и что ни той, ни другой стороне никак не надо уступать, так как дело касается служения Богу. И они поверили мне, и споры ожесточились. И те, и другие стали сердиться друг на друга, и тогда я стал внушать и тем, и другим что они могут доказать истинность своего учения чудесами.

Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали во имя Того, Кто назвал нас лжецами, не хуже нас, сами не замечая этого.

Дело шло хорошо, но я боялся, как бы они не увидели слишком очевидного обмана, и тогда я выдумал «церковь». И когда они поверили в церковь, я успокоился: я понял, что мы спасены, и ад восстановлен.

Верно-ли представляет Лев Николаевич состояние первого христианского общества – об этом читатель может справиться в лекции проф. Лебедева, посвященной Толстовской брошюре «Разрушение ада и восстановление его» и напечатанной в

ноябрьской книжке «Богословского Вестника». Для нас нет никакой нужды доказывать, что первые христиане жили хуже, менее свято, чем это кажется Л. Н-чу. Следует остановиться только на одном его обвинении. По его мнению, начало разрушению Церкви было положено спорами между людьми, желавшими обрезываться и запрещающими есть идоложертвенное и теми, которые решили, что этого не нужно и что можно и не обрезываться, и есть всё. Конечно, этот случай был фактом нестроения между христианами, но для нас важен не факт, а отношение того общества, которое мы называем Церковью, к данному вопросу. Л.Н. не захотел отметить, как решила тогдашняя Церковь этот вопрос. Общей волею, *по изволению Духа Божия*, на соборе она решила, что христианская свобода не может и не должна стесняться такими вопросами, что во Христе открыта истинная свобода духа и подлинная жизнь души. Ап. Павел, которого так не любит Л. Н., в своих писаниях постоянно отстаивает эту свободу, утверждая, что заповеди, ограничивающие христианскую свободу, должны иметь место там, где ограничение свободы нужно, чтобы не соблазнить брата своего. Чистота личной жизни и благо ближних – основной христианский закон. Поэтому и вопрос о ядении идоложертвенного, об обрезании и необрезании решен был не на фарисейской почве законничества и буквы, а только на том же твердом основании Христовой и Евангельской любви.

Действительной и окончательной гибелью христианства, по Л. Н-чу, было изобретение Церкви. Как это вяжется с хронологией его легенды, сказать трудно. Во всяком случае то, что называет Л. Н-ч и мы Церковью, создано тотчас после смерти Христовой. Ап. Павел, писания которого будто бы исказили учение Христово, пишет спустя первое десятилетие после смерти Христовой. Послания других апостолов написаны раньше, следовательно дьявол должен пробудиться тотчас после того, как сошел в область ада Христос и Церковь должна была погибнуть тотчас с Его смертью. Однако, по Л. Н-чу, эта Церковь существует в подлинном Христовом виде, может быть 100, может быть 200, может быть 300 лет. Как совмещается такая хронология, понять трудно.

Но перейдем к сущности воззрений Толстого.

«– Что такое «Церковь»? – строго спросил Вельзевул, не хотевший верить тому, чтобы слуги его были умнее его.

– А Церковь это то, что когда люди лгут и чувствуют, что им не верят, они всегда ссылаясь на Бога, говорят: «ей Богу правда то, что я говорю», это собственно и есть Церковь, но только с той особенностью, что люди, при знавшие себя Церковью, уверяются, что они уже не могут заблуждаться, и потому, какую бы глупость они не сказали, уже не могут от неё отречься».

Нам приходилось уже не раз даже на страницах «Миссионерского Обозрения» разъяснять, что такое Церковь по православному церковному учению и не хотелось бы повторять собственные слова. Вместо этого предложим определение Церкви, изложенное в одном православном катехизисе и затем разъясненное в писаниях автора этого катехизиса, глубокоуважаемого всей православной Церковью. Сущность жизни во Христе – говорит этот писатель – есть любовь. Сама вера не есть познание какой-нибудь истины, а постижение Бога и Его жизни в законе любви. Простое признание, простое «я признаю, я верую, я преклоняюсь» есть безбожие, а вера есть внутреннее познание, подобно тому, какое мы имеем о явлениях нашей умственной жизни. Жизнь с Богом, со Христом есть единение с Ним в законе Его и в любви Его. Но единение это всегда несовершенно; оно становится совершенным только в той области, где человек сливает своё личное несовершенство в совершенство взаимной любви, объединяющей христиан. Здесь человек опирается уже не на свои силы, или точнее – не на свою немощь: он не доверяет себе лично, а возлагает всё своё упование на святость любви, соединяющей его с братьями. И такое упование не может обмануть его, ибо связь эта есть Сам Христос, созидающий величие всех в смирении каждого. Поэтому в древней Церкви даже ближайшие ученики апостолов вынуждены были смиряться пред голосом новообращенного и младшего члена Церкви, если последний возвышал свой голос во имя любви всей Церкви. Церковь есть откровение святого Духа, даруемое взаимной любви христиан, той любви, которая возводит их к

Отцу чрез Его воплощенное Слово, Господа нашего Иисуса Христа. Божественное назначение Церкви состоит не только в том, чтобы спасти души и совершенствовать личные бытия: оно состоит еще и в том, чтобы блюсти истину откровенных тайн в чистоте, неприкосновенности, полноте, чрез все поколения, как свет, как мерило, как суд.

Полагаю, что такое учение о Церкви достаточно показывает, насколько христианское понимание Церкви далеко от странного, более чем странного определения Церкви, какое дает Толстой. «А Церковь есть то, что когда»...

По мнению Л. Н-ча, Церковь устроится так. «Люди уверяют себя и других, что учитель их Бог, во избежание того, чтобы открытый им людям закон не был ложно перетолкован, избрал особенных людей, которые одни или те, кому они передадут эту власть, могут правильно толковать Его учение». Здесь, с одной стороны, непонимание сущности дела, а с другой стороны, странное непонимание выводов, которые следуют ясно из самых положений Л. Н-ча. Конечно, неправда то, что он говорит о священниках, как представителях Церкви. Заявлялось уже не раз, что истина Церкви вовсе не вверена непосредственно только иерархии. В Церкви должно быть то же самое, что было в Церкви первых веков. Новообращенный Павел мог там протестовать против старейшего из апостолов Петра. В Церкви позднейшего времени, той, которая не нравится Толстому, устанавливается даже в символической книге истина, что непогрешимость Церкви почитает на вселенской Церкви, объединяемой взаимною любовью, что неизменность догмы, чистота обрядов вверены не иерархии, а всей Церкви, которая есть тело Христово. Здесь, следовательно, началом непогрешимости считается не вера, будто преемники апостолов могут всякую свою ложь выдавать за правду, ссылаясь на то, что эта ложь есть откровение Христа и апостолов, преемственно им вверенная, а вера, что любовь и единение со Христом открывает истину всей Церкви, не Церкви епископов только, а Церкви всенародной. Поэтому-то и в Церкви древне-христианской определения соборов необходимо принимались голосом всего народа и только в силу этого церковного

сознания, живущего в народе откровения Христова, вверенного всей Церкви, определения соборов получали догматическую ценность. – С другой стороны, Л. Н-ч утверждает, что в целях обмана учащая Церковь установила принцип своей непогрешимости. «Как скоро люди сказали про себя, что они Церковь, и на этом утверждении построили своё учение, то они уже не могут отречься от того, что они сказали, как бы нелепо ни было сказанное и что бы ни говорили другие люди». Из этих слов графа следует заключение, вовсе невыгодное для него. Если утвержден такой принцип, что Церковь, установивши известное учение, не может от него отказаться, то ясно, что иерархия всех веков, напротив, связала себя, уничтожив для себя возможность какого-нибудь обмана. Ясно, что в силу этого принципа она не может сказать ни одного слова, которое бы противоречило преданию и верованиям предшествующих веков, потому что это значило бы отречься от того, что она сказала. Действительно, в Церкви есть вера в непогрешимость, хотя построенная на других началах. Жизнь Церкви может быть признана истинной только тогда, когда наличное сознание церковное стоит в единении и связи с сознанием прошлых веков, с сознанием всей прежней Церкви. Если истинна была Церковь времен апостольских и в ней жила правда, то по церковному воззрению и в настоящей Церкви может быть правда только при условии единства с этой Церковью. Церковь не может изменять того, что она сказала, но именно потому, что истина по самому существу не изменяема и вечна. «А сделали они это (признали себя Церковью) потому, что, признав себя едиными толкователями закона Бога и убедив в этом других, люди эти сделались высшими решителями судьбы людей и потому получили высшую власть над ними». Иерархия, по словам Л. Н-ча, убедила других, будто она единая истолковательница воли Бога, а убедила людей в этом для того, чтобы властвовать над ними, подчинять их себе. Несколькоми строками выше мы говорили, что Церковь православная не учит о таком главенстве иерархии. Но главное – опять повторяю – для такого обмана, для такого подчинения, порабощения народа иерархия, наоборот, должна была

приписать себе вечное откровение, постоянное откровение со стороны Бога, для того, чтобы во имя этих вечных откровений вести народ, куда он не хочет, и брать с него то, чего он дать не хочет. Взамен этого Церковь поставила иерархию, по словам Толстого, в связь с прежним учением Церкви, связала себя определенной догмой. Ясно, что если бы Церковь создавалась на каких-нибудь своекорыстных началах, то вся её система была бы покушением на собственное счастье. Перетолкование учения Христова в духе и интересах своекорыстной иерархии невозможно после того, как признано уже истинным то толкование учения Христова, которое дано Церковью первого века. не своекорыстной, а только любящей, по характеристике Толстого.

«Но ведь учение было так просто и ясно, – сказал Вельзевул, все еще не желая верить тому, чтобы его слуги сделали то, чего он не догадался сделать, – что нельзя было перетолковать его. «Поступай с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой», – как же перетолковать это?

– А на это они, по моему совету, употребляли различные способы, – сказал дьявол в пелеринке. – Они высыпали на простую понятную истину такую кучу мнимых священных истин, что стало невозможно ни принять их все, ни найти в них ту, которая одна нужна людям. Это их первый способ».

Для того, чтобы скрыть истину, Церковь спрятала Христову истину в тысяче предписаний. Там, где было зерно истины, высыпали кучу или меру дурных зерен, так чтобы трудно было отыскать жемчужину, настоящую правду. – так думает Л. Н-ч. – В основе такого взгляда может лежать житейское наблюдение которое высказывалось в частности и мною на страницах «Миссионерского Обозрения». Люди, действительно, склонны иногда отказаться от основных христианских истин и христианской правды ради мертвых предписаний закона, ради фарисейского законничества. Люди могут оцепивать комара и платить десятину аниса и тмина для того, чтобы откупиться этим от обязанности любить. Люди могут, – и прошлое истории Церкви действительно показало это, – спорить о Христе, о естествах в Иисусе Христе, о догмате троичности, об отличии

Божественных лиц для того, чтобы этими спорами отодвинуть от себя обязанность воплощать Божественную жизнь в этом мире. Здесь, значит, допускается своего рода подмен, фальсификация, действительно нужное заменяется относительно нужным, дело заменяется словами, прелюбодейством слова. Нечего и говорить, что этот психологический факт искусственного бегства от христианских обязанностей и от христианской жизни под защиту споров из-за слов или под защиту внешней обрядности и законничества знала и Церковь всех веков – и второго, и третьего, и четвертого. Здесь, следовательно, важно отношение Церкви к этому факту. Было ли оно похоже на то которое приписывает Церкви Толстой? Нет это неправда, чтобы Церковь одно зерно правды засыпано было целой мерой негодных зерен. По поводу догматики первых трех веков нам уже приходилось писать, как Церковь боролась против игры в догматы, как строго она судила тех, которые вместо проникновения в этическую идею догмы, в самую жизнь Божественной Троицы, как высочайшую норму для жизни человеческой, занимались спорами о словах и формулах и «Силлогизмах Пиррона и Хризанна»... В позднейшее время в русской Церкви один богослов обвинял Церковь запада в том, что там влияние Аристотеля и Платона, силлогизмы заступили место евангелия. Вся догматическую борьбу первых веков, борьбу последующую с четвертого по 19-й век, можно охарактеризовать, как войну Церкви против рационализма и фарисейского книжничества, склонного жизнь заменить словами. Следовательно, обвинение Толстого, если и может быть направлено против некоторых христиан, может быть, даже против некоторых течений в Церкви научно-богословских, наконец, против подчинившейся Аристотелю Церкви запада, то никак не может касаться Церкви востока. В частности в истории русской Церкви позднейшего времени ведется тяжелая борьба против фарисейства в старообрядчестве, которое хочет заменить исполнением обряда и мелочами обряда необходимость духа.

«Второй способ порабощения людей – пишет Л. Н-ч, состоит в том, что они просто убивают, сжигают всех тех, кто хочет

открыть истину». Против этой мысли графа мы уже писали, да и по его мнению, если прежде и практиковался такой способ, то он уже выходит из употребления.

«Третий же способ – в том, что, признавая себя Церковью, следовательно непогрешимыми, они прямо учат, когда им это нужно, противоположному тому, что сказано в писании, предоставляя своим ученикам самим, как они хотят и умеют, выпутываться из этих противоречий. Так, например, сказано в писании:

«Не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник Христос. А они говорят: мы одни отцы и мы одни наставники людей» и т. д. Или сказано: «если хочешь молиться, то молись один в тайне, а они учат, что надо молиться вместе»... и т. д.

Старые вопросы, на которые мы уже отвечали.

Да в писании сказано: «не называйтесь учителями», но сказано также: «идите, научите все народы» и еще – «кто слушает Меня, будет слушать и вас».

Неужели тот, кто учит, не учитель – хотя он, конечно, всегда заявит, что слово Его от Единого Учителя.

Сказано: «молись один», но также сказано: «где собраны двое или трое во имя Моё, там Я посреди их».

Неужели у вас все по старому блудники, грабители, убийцы? – уже весело спросил Вельзевул.

Дьяволы, тоже развеселившись, заговорили все вдруг, желая выказаться пред Вельзевулом.

– Не по-старому, а больше, чем прежде, – кричал один.

– Блудники не помещаются в прежних отделениях, – визжал другой.

– Грабители теперешние злее прежних, – выкрикивал третий.

– Не наготовимся топлива для убийц, – ревел четвертый.

– Не говорите все вдруг, а пусть отвечает тот, кого я буду спрашивать. Кто заведует блудом, – выходи и расскажи, как ты делаешь это теперь с учениками того, кто запретил переменять жен и сказал, что не должно глядеть на женщину е похотью. Кто заведует блудом?

– Я, – отвечал, подползая на задку к Вельзевулу, женоподобный, бурый дьявол с обрюзгшим лицом и слюнявым, не переставая жуящим ртом.

Дьявол этот выполз вперед из ряда других, сел на корточки, склонил на бок голову и, просунув между ног хвост с кисточкой, начал, помахивая им, певучим голосом говорить так:

– Делаем мы это и по старому приему, употребленному тобою, нашим отцом и повелителем, еще в раю и предавшему в нашу власть весь род человеческий, и по новому церковному способу. По новому церковному способу мы делаем так: мы уверяем людей, что настоящий брак состоит не в том, в чём он действительно состоит – в соединении мужчины с женщиной, а в том, чтобы нарядиться в самые лучшие платья, пойти в большое, устроенное для этого здание и там, надевши на головы особенные, приготовленные для этого шапки, под звуки разных песен обойти три раза вокруг столика. Мы внушаем людям, что только это есть настоящий брак. И люди, уверившись в этом, естественно считают что всякое, вне этих условий, соединение мужчины с женщиной есть простое, ни к чему их не обязывающее удовольствие, или удовлетворение гигиенической потребности, и потому, не стесняясь, предаются этому удовольствию»...

В чём отличие определения брака Толстого от определения, какое дает Церковь?

Толстой говорит, что брак есть соединение мужчины с женщиной. Церковь, совершенно принимая это определение, прибавляет, что брак есть *нравственное* соединение мужчины с женщиной, соединение для святой жизни, для христианского подвига. Следовательно, церковное понимание прибавляет к его определению нравственные черты. Чин брака, который дальше осмеивает Толстой, и должен всей своей обстановкой, всей своей символикой, выяснить для сознания соединяющихся необходимость, важность такого нравственного построения брака, жизни брачной, как жизни евангельской, христианской и подвижнической. Ясно, что результаты церковного брака не могут быть такими, какими представляет их Толстой. Признание обязательным для человека именно такого освященного брака,

брака с обязательствами, с общецерковным благословением, с общецерковной молитвой, показывает, что всякое другое соединение будет недостойным христианина, всякое другое единение будет преступным. Если же принять только определение Толстого без церковного определения, т. е. определение брака, как соединения мужчины с женщиной, то отсюда само собою может следовать только тот результат, что на соединение будут смотреть, как «на дело, ни на что не обязывающее, и будут не стесняясь предаваться этому удовольствию». Я напому взгляд Л. Н-ча, выраженный в Крейцеровой Сонате, по которой в браке истинное и чистое существует только там, где на брак смотрят, как на таинство, где существует брак, как венчание. Впрочем, нет особенной нужды ссылаться на Сонату; из дальнейших слов той же легенды «Разрушение ада» следует такой же вывод. Именно, немножко дальше граф говорит следующие. «Если кому покажутся почему-либо стеснительными некоторые требования, связанные с этим церковным браком, то они устраивают так, что совершается второе хождение вокруг столика, первое же считается недействительным». Ясно, что установление брака для свободы в похотях налагает какие-то стеснения, мешает, почему приходится людям разрушать стеснения брака, отказываться от него, чтобы жить свободно. Не следует ли отсюда, что с Толстовской точки зрения брак может быть единственной, возможной здесь границей половой свободы или разврата?

«Воображая себе, что они могут устроить себе честный церковный брак и после соединения со многими женщинами, люди переменяют сотни жен и так при этом привыкают к распутству, что делают то же и после церковного брака». Здесь по существу нельзя ничего «вообразить». Взгляд Церкви на дело очень ясен. Она определенно говорит, что честный церковный брак может быть только при отсутствии обязательств в отношении к другой женщине. И об этой частоте, предшествующей жизни, она спрашивает пред венчанием. Следовательно, можно не вообразить себе, а только можно «солгать» для того, чтобы добиться брака. И не смотря на эту

необходимость лгать для того, чтобы украсть себе брак, люди привыкают к распутству! Что же было бы, если бы не было даже этого напоминания о необходимости и нужности чистоты?

Говорить больше о браке мы считаем лишним, потому что нам тоже приходилось подробно об этом говорить раньше.

– Кто заведует убийствами? – сказал Вельзевул.

– Я, – отвечал, выступая из толпы, красного, кровавого цвета дьявол с торчащими изо рта клыками, острыми рогами и поднятым кверху толстым неподвижным хвостом.

– Как же ты заставляешь быть убийцами учеников того, кто сказал: не воздавай злом за зло, люби врагов. Как же ты делаешь убийц из этих людей?

– Делаем мы это и по старому способу, – отвечал красный дьявол оглушающим, трещащим голосом, – возбуждая в людях корысть, задор, ненависть, месть, гордость, и также по старому способу внушаем учителям людей, что лучшее средство отучить людей от убийства состоит в том, чтобы самим учителям публично убивать тех, которые убили. Этот способ не столько дает нам убийц, сколько prepares их для нас. Больше же количество давало и дает нам новое учение о непогрешимости Церкви. Учение о непогрешимости Церкви давало нам в прежнее время самое большое количество убийц. Люди, признававшие себя членами непогрешимой Церкви, считали, что позволить ложным толкователям учения развращать людей – есть преступление, и что поэтому убийство таких людей есть угодное Богу дело: и они убивали целые населенные пункты и казнили, жгли сотни тысяч людей».

Здесь граф Л. Н-ч имеет в виду казни еретиков в Западной Церкви. Взгляд Восточной Церкви ярко выразился уже в словах заволжских старцев, говоривших, что, если Богу угодно наказать еретиков за ересь, то Сам Он пошлет огонь с неба, а людям неприлично предвосхищать эту власть. Поэтому Церковь православная никогда не была близка к инквизиции. И если встречалось нечто подобное в истории православной Церкви, то общецерковное сознание говорило тоже, что говорил Мартин Турский по поводу казни Присциллиана: «Такая казнь есть

символ восхищения прав Бога, есть убийство, и мы не хотим иметь общение с убийцами».

«Учение о браке дает нам, во-первых: убийства супругов друг другом и матерями детей. Мужья и жены убивают друг друга, когда им кажутся стеснительными некоторые требования закона и обычая церковного брака. Матери же убивают детей большею частью тогда, когда соединения, от которых произошли дети, не признаются браком».

Если мужья и жены убивают друг друга, потому что им кажутся стеснительными требования брака, то приходится выбирать одно из двух: или уничтожить стеснения, чтобы спасти от убийства, или же рисковать возможностью убийства, сохраняя стеснения. Л. Н-ч, конечно, всегда понимает, что он хочет сказать. Убийство в браке происходит оттого, что нет свободы от обязательств, но на необходимости этих обязательств настаивал и настаивает сам Л. Н-ч. Ранее он настаивал на полной нерасторжимости раз установленного брака. В этом пункте его обязательство может быть суровее требований Церкви. Если же так, то почему же считать эти требования Церкви незаконными? Следствия, которые могут из них вытекать, уже не могут ставиться на счет Церкви, тем более, что из сказанного ясно, что причина убийства есть не обязательство, наложенное Церковью, а только желание полной свободы от «долга» «обязанности». В частности нужно прибавить, что Церковь, зная о таких последствиях церковных обязательств, принимает всякие меры для того, чтобы предотвратить гибель души и гибели человеческой жизни, делает здесь всё, что она может сделать, не поступаясь евангельской и церковной истиной, и если не может сделать всего, то потому, что её закон встречается в данном случае с более суровым и безжалостным законом обычая и гражданского общества.

Но самый факт рождения детей безбрачных возможен только при отклонении от законов Церкви – не матери, даже в данном случае если виновной, то достаточно искупающей свою вину, а отцов, отказывающихся от закона Церкви. С другой стороны, эти убийства объясняются опять не строгим судом

Церкви, которая признает детей и родившихся вне брака своими детьми, а только фарисейством общества, держащимся опять-таки на его развращенности и пренебрежении к законам Церкви и вообще к закону Христову.

«Но убийства на войне? Как вы приводите к ним учеников того, кто признал людей сынами одного Отца и велел любить врагов?

Красный дьявол оскалился, выпустил изо рта струю огня и дыма и радостно ударил себя по спине толстым хвостом.

– Делаем мы так: мы внушаем каждому народу, что он, этот народ, есть самый лучший из всех на свете, «Deutschland über alles», Франция, Англия, Россия – «über alles», и что этому народу (имя рек) надо властвовать над всеми другими. А так как всем народам мы внушали тоже самое, то они, постоянно чувствуя себя в опасности от своих соседей, всегда готовятся к защите и озлобляются друг на друга. А чем больше готовится к защите одна сторона и озлобляется за это на своих соседей, тем больше готовятся к защите все остальные и озлобляются друг на друга. Так что теперь все люди, принявшие учение того, кто назвал нас убийцами, все постоянно и преимущественно заняты приготовлением к убийству и самыми убийствами».

Если бы мы стали отвечать, то нам пришлось бы повторить, что уже повторялось на страницах этого журнала дважды – по поводу толстовских воззрений. Достаточно сказать то, что принцип национализма, преимущественного достоинства одной нации пред другой, едва-ли совпадает с принципом патриотизма, не как преимущественной любви к своему народу насчет любви к другому народу, а только как любви к ближайшим людям во имя воспитания человеческой личности, *в целях расширения области и круга этой любви*. Войну Церковь считает всегда нежелательной и непозволительной. Возможна война одного народа против другого, так сказать, по полномочию и по поручению Божию. Бог, Который может уничтожить данную Им жизнь Своею волею, может восстановить нарушенное правосудие, нарушенную справедливость руками человеческими. И с этой стороны, говоря отвлеченно, можно было бы представить себе не греховную войну. Но Церковь

всегда имела в виду, что то, что отвлеченно представимо, то может быть совершенно невозможно практически. Если возможно движение одного народа против другого, как грозной Божией силы, совершенно свободно от своекорыстия, движимого только желанием пожертвовать своею жизнью для спасения этого народа, то представить себе человека с обыкновенною совестью, который не осквернил бы свою душу в войне, решительно почти невозможно. Невозможно даже представить, чтобы человек, убивший на войне своего ближнего, не запачкал своей руки, не внес в свою душу разложения, совершая противоестественное дело. Поэтому-то Церковь считала необходимой и епитимью за убийство на войне, чем определенно и решила, что война нежелательна и её *быть не должно*.

Это не мешает однако нам, как и прежде, признавать, что иногда движение целого народа, будучи само по себе греховным и злым делом, есть для этого народа нечто лучшее, чем равнодушие, созерцание чужой гибели.

– Но как же свободные от обмана ученые люди не увидели того, что Церковь извратила учение, и не восстановили его?

– А они не могут сделать этого, – самоуверенным голосом оказал, выползая вперед, матово-черный дьявол в мантии с плоским покатым лбом, безмускульными членами и оттопыренными большими ушами.

– Почему? – спросил Вельзевул...

– А не могут они делать оттого, что я постоянно отвлекаю их внимание от того, что они могут и что им нужно знать и направляю его на то, что им не нужно знать и чего они никогда не узнают.

– Как же ты сделал это?

– Делал и делаю я различно по времени, – отвечал дьявол в мантии. – В старину я внушал людям, что самое важное для них – это знать подробности об отношении между собою лиц Троицы, о происхождении Христа, об естествах Его, о свойстве Бога и т. п. И они много и длинно рассуждали, доказывали, спорили и сердились. И эти рассуждения так занимали их, что

они вовсе не думали о том, как им жить, им и не нужно было знать того, что говорил им их учитель о жизни».

В этих словах Л. Н-ча есть доля правды. Представители древней Церкви не раз говорили, что споры из-за слов о происхождении Христа, о естествах в Нём возбуждены людьми по внушению дьявола. Истина Троичности остается истиною, происхождение Христа, как Бога, остается истиною, – в эти истины нужно верить и нужно их знать, потому что чрез это, как подчеркивали отцы, познается жизнь. И следовательно познание этих истин не мешает моральному движению, а, напротив, этим движение моральное только обусловливается. Но это изучение действительно становится падением и искушением дьявольским, когда сводится к познанию отношений лиц Св. Троицы и происхождения Христа, как каких-то теоретических научных истин.

«И эти рассуждения так занимали их, что они вовсе не думали о том, как им жить». Да, против этого восставали хотя бы Иоанн Златоуст, который так часто упрекал свою паству за увлечение рассуждениями в ущерб жизни. По этой причине тот же Иоанн Златоуст постоянно со своей кафедры говорил о нравственных истинах, напоминал о жизни по Боге, желая указать, что забывая эту жизнь, мы теряем всякое познание.

«Потом, когда они уже так запутались в этих рассуждениях, что сами перестали понимать то, о чём говорили, я внушил одним, что самое важное для них – это изучить и разъяснить всё то, что написал человек по имени Аристотель, живший тысячу лет тому назад в Греции; другим внушил, что самое важное для них – это найти камень, посредством которого можно было бы делать золото, и такой эликсир, который излечивал бы от всех болезней и делал людей бессмертными. И самые умные и ученые из них все свои умственные силы направили на это.

Тем же, которые не интересовались этим, я внушил, что самое важное – это знать: земля ли вертится вокруг солнца, или солнце вокруг земли? И когда они узнали, что земля вертится, а не солнце, и определили, сколько миллионов верст от солнца до земли, то были очень рады и с тех пор еще усерднее

изучают до сих пор расстояния от звезд, хотя и знают, что конца этим расстояниям нет и не может быть, и что самое число звезд – бесконечно, и что знать им это совсем не нужно. Кроме того, я внушил им еще и то, что им очень нужно знать, как произошли все звери, все червяки, все растения, все бесконечно малые животные. И хотя это им точно также совсем не нужно знать, и совершенно ясно, что узнать это невозможно, потому что животных так же бесконечно много, как и звезд, они на эти и подобные им исследования явлений материального мира направляют все свои умственные силы и очень удивляются тому, что чем больше они узнают того, что им не нужно знать, тем больше остается неизученного ими. И хотя очевидно, что по мере их исследования область того, что им остается узнать становится все шире и шире, предметы исследования сложнее и сложнее, и самые приобретаемые ими знания неприложимые и неприложимые к жизни, это несколько не смущает их, и они, вполне уверенные в важности своих занятий, продолжают исследовать, проповедовать, писать и печатать, и переводить с одного языка на другой все свои большей частью ни на что непригодные исследования и рассуждения...

Для того же, чтобы они никогда уже не догадались, что единственно нужное для них – это установление законов жизни, которое указано в учении Христа, я внушаю им, что закона духовной жизни они знать не могут, и что всякое религиозное учение, в том числе и учение Христа, есть заблуждение и суеверие, а что знать о том, как им надо жить, они могут из придуманной мною для них науки, называемой социологией и состоящей в изучении того, как различно и дурно жили прежние люди. Так, что вместо того, чтобы им самим, по учению Христа, постараться жить лучше, они думают, что им надо только изучить жизнь прежних людей, и что они из этого изучения выведут общие законы жизни, и что для того, чтобы жить хорошо, им надо будет только образоваться в своей жизни с этими выдуманнами ими законами».

У нас лично, конечно, нет цели бороться против этого похода Л. Н-ча против науки. Не отрицая значения знания в такой мере, как отрицает его Толстой, думая, что движение к

знанию для человека обязательно, что оно может расширять и его нравственное чувство, и его познание Бога, мы, конечно, можем только согласиться с тем взглядом, что это знание, поставленное, как единое благо, как единый предмет стремлений человека, может действительно отодвинуть человечество и от работы над созиданием царства Божия в жизни и от понимания основ истинной человеческой жизни.

Ад снова восстановлен по мнению Льва Николаевича со времени создания Церкви. Мы верим, что ад не сможет победить, пока живет Церковь и она будет жить во веки.

«Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей».

Не победить сатане, пока в Церкви будет жить вера, что Христос Бог Воскресший, что Он жив и не умер, вера, которую хочет вытравить граф.

Есть одна поэтическая легенда, очень напоминающая по построению «легенду» Толстого «Разрушение ада», но совсем непохожая на последнюю по духу.

Тема легенды та же: борьба христианства. Это выразилось в поэтической легенде, сатаны с христианством на земле. Начинается легенда также, как толстовская, с изображений страданий Христа, когда Он предстал на суд человека, преданный одним из своих учеников.

Полный торжества, смотрел сатана, как судили Того, Который недавно ехал на ослике как царь, окруженный многотысячной толпой народа, устилавшей путь его одеждами и пальмовыми ветками, кричавший Ему осанна.

И вот Он на суде, связанный, поруганный, в терновом венце; сатана ликовал.

Неправедный суд изрек смертный приговор Богочеловеку.

И злоба распыла Учителя братской любви.

И подумал сатана: «Ты умер, побеждающий ад и смерть, и стал рабом смерти. Смерть не отдает своих жертв, не отдаст она и Тебя, ибо и Ты был из плоти и крови и обратишься в землю».

Успокоенный сатана подошел, влекомый неведомой силой, к гробу Господню.

И вот видит сатана: снисходит ангел с неба, отваливает камень от гроба...

В страхе падает замертво римская стража.

И воскресает распятый Учитель.

И слышит сатана, как небо и земля, и все мириады миров, и вся вселенная сотряслась, когда небесные Силы восславили Сына, Божьего, вопия:

Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

Оледенел от ужаса сатана.

Он бросился бежать, и голоса небесных Сил преследовали его. Звуки песни жгли и терзали злобное сердце уничтоженного царя мрака, властелина поправленного ада.

И ринулся сатана в бездну, но и там не давали ему покоя небесные звуки.

И смолк ад, чувствуя приближение Победителя.

Окруженный небесным воинством, сошел в ад Победитель смерти с лицом светлым, как солнце, в одежде белой, как снег.

Остановился Он против трепещущего сатаны, взглянул на него, и не вынес этого взгляда сатана, и поник, и словно окаменел недвижимый.

И по манию Сына Божьего ангелы наложили цепи на сатану, ибо царству его пришел конец.

И изрек Сын Божий:

«Истинно говорю вам. Доколе в час Моего воскресения хотя кто-либо на земле скажет сии слова: «Христос воскресе», доколе не распадется цепь сия».

И запело все небесное воинство:

Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

Сатана не мог покориться Богу.

Он начал пилить свою цепь.

Но она не могла распасться, ибо из глубины катакомб, из мрака темниц, с костров отовсюду вопияли тысячи голосов:

Христос воскресе!

И вот пришел на землю один из старших слуг сатаны и начал сеять зло, восстанавливать людей против Распятого:

Он, этот слуга сатаны, говорил:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения»!

И этот шёпот мало-помалу стал проникать в сердца людей. *Лжемудрые, вообразившие себя светочами мира, прониклись мыслью верного слуги ада и начали возглашать:*

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения».

Многие из этих лжемудрых заплатились смертью за свою проповедь. Но семя, брошенное ими, дало плод.

За лжемудрецами пошли глупые, соблазнившиеся словами лжеучителей, и стали говорить:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения».

И им вторили другие:

«Нет Бога, нет воскресения! Все это сказка, годная для глупой черни. Мы поняли тайну бытия и устройства вселенной».

За ними пошли и малодушные, которые хотя и верили, что «есть Бог, есть Христос есть воскресение», но боялись смеха над собой, притворялись и также заодно с другими говорили, что:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения»!

И возликовал сатанинский клевет, и полетел к сатане с докладом о том, что на земле «нет верующих в Бога, в Христа, в вечность, в воскресение».

Но вдруг из глубины северных лесов раздалось пение.

Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

И цепь сатаны опять не распалась.

Наконец настало время, когда люди стали жить без веры и любви...

И спустился торжествующий князь тьмы на гигантскую скалу, воздвигавшуюся над морем, и сложил свои крылья, и с торжеством окинул взглядом расстилавшуюся у его ног землю.

И стоял он так долго, долго, и все смотрел на дело рук своих.

А время всё шло и шло; солнце светило все ярче и ярче, грело сильнее и сильнее; живительная теплота проникла в недра земли, наступила весна, всё зазеленело, запестрело цветами. Сатана, погруженный в свою думу, не замечал, что

делается у его ног. Он вспоминал, как Сын Божий снизошел в аде и сковал его; как предстал перед ним любимый ангел его; как соблазнил он людей своей нехитрой и простою выдумкой. И с искривленным насмешкой лицом князь тьмы произнес:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения»!

И только сказал, как у его ног будто зазвенели миллионы серебряных колокольчиков, раздались тихие голоса, хором прозвеневшие:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение»!

В страшной ярости сатана наклонился к земле и увидел, услышал, что это все цветы, все былинки, все травки по всей земле хором повторяли:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение»!

А солнце смеялось на небе, прислушиваясь к тихим, звенящим голосам, и светило и грело, давая всему жизнь, радость и ликование.

С остервенелым безумием взмахнул сатана крыльями, чтобы снова затмить солнце, но не успел он еще сорваться с места, как Архангел Божий с пылающим мечом преградил ему дорогу.

Дрогнув сатана и скорчился, завопил и со страшными проклятиями ринулся в бездну.

А солнце всё ярче и ярче светило в небе; а цветы, травки, былинки всё громче и громче, всё радостнее и радостнее звенели на земле:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение»!

Да, есть воскресение, и пока люди верят в воскресение – не издеваются над этой величайшей из истин – не погибнет мир и не победит зло.

Иером. Михаил

От издателя

Выпуская последние декабрьские книжки нашего журнала с большим опозданием, долгом считаем просить у наших добрых читателей извинения и снисхождения. Вина в мучительной и для издателя неаккуратности типографии. Решительно заявляем, что в новом 1904 г. такого запаздывания в выпуске в свет книжек «Мисс. Обзорения» не будет. «Мисс. Обзор».

переведено печатанием в новую типографию, на условиях безусловно аккуратного выхода в свет нашего журнала. Первые книжки каждого месяца будут выходить не позже 5 числа, вторые – не позже 20.

В заключение от всего сердца приветствуем дорогую семью наших читателей с наступающим радостным праздником Рождества Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и с грядущим новолетием. Мир и благоволение, благость и милость Божии да будут нашими, дорогой читатель, спутниками и в сие новое лето и во все дни живота нашего Дóндеже поем Богу нашему, Творцу веков и времен!

Редактор-издатель *В.М. Скворцов*

Декабрь. Книга 2

Михаил, иером. Психология таинств. О таинстве елеосвящения // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1307–1322

Болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковные и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне. И молитва веры спасет болящего и еще грехи сотворил есть, отпустятся ему. Иак.5:14, 15.

Нет момента величественнее момента смерти и вместе с тем нет ничего для человека более страшного, чем эти темные минуты.

На границе мрака...

Что там? Ничего? – Но нет ничего страшнее ужаса небытия. – Сновидения? Тайна? – Какие сновидения?

Жизнь или смерть?

В минуту смерти борются два рода страха. Прежде всего, здесь чисто эгоистический страх, боязнь самоуничтожения, боязнь прекращения жизни, неприемлемого для человека в силу врожденного желания сохранить жизнь. Этот страх хорошо и ярко описывает Л. Н. Толстой в «Смерти Ивана Ильича». Здесь психология инстинктивного животного страха доходит до степени высшего ужаса. «Жизнь была и уходит, говорит жертва этого страха, – уходит, и я не могу удержать её. То был свет, теперь мрак. Куда? Неужели смерть? Не хочу». А она всё ближе и ближе. Уже виден край отвратительной пропасти. «Неужели смерть». Он отгоняет мысль, а она всё тут; смерть становится напротив и смотрит прямо на него. Она является не для того, чтоб он что-нибудь делал, а чтоб он смотрел прямо ей в глаза, ничего не делая, потому что делать с нею нечего. Он ищет каких-нибудь ширм, но она просвечивает всюду. Остается смотреть на неё и холодеть. «Хоть бы скорее. Что – скорее? Смерть, мрак. Нет, нет, всё лучше смерти». И он плачет о своей незащитности, о жестокости природы. Зачем? За что? Нет ответа – и не может быть ответа.

И рядом с этим тяжелым и опасным психологическим состоянием на границах жизни возможен и есть другой страх,

который можно назвать «святым страхом к жизни». «Страх смерти здесь же не жалкая трусливость мелкой, сластолюбивой и грешной души; а чувство величавой тайны, ждущей человека в смерти, живое ощущение подступающей к душе волны, которая мерно непреклонно течет, не переставая, от нашего мира к тому, что безмерно выше, непредставимо-священное и важнее, нежели всё самое великое величие земли» (Апокриф «Москва» Собр. I в тихой пристани). Человек иногда здесь, пожалуй, даже *хочет* перейти порог тайны, но боится, потому что считает для себя опасным этот переход, еще преждевременным, думает, что он еще не достоин перейти за святую грань жизни.

Церковь считает в высшей степени важным момент разлучения с жизнью. И очень легко понять, что с точки зрения Церкви чрезвычайно различны в своей ценности два указанные предсмертных состояния. Человек переносит в ту жизнь то самое состояние, с которым он умирает и будущая жизнь будет развитием этого самого состояния – рост семени, которое бросается в момент разлучения с телом – и должно расти до прихода «Жателя». Здесь возможно одно из двух: человек умирает как *духовно и душевно живой*, или он умирает *духовно мертвый, умирает в жизнь, или умирает в смерть*.

Очевидно, что с этой стороны благоговейный страх перед смертью, как временем отчета, переселения – спасает, дает в себе надежду новой жизни и даже носит в себе жизнь. А страх Ивана Ильича... Он должен убивать – предсмертную мысль души, предсмертные проявления истинно человеческого в ней – то есть вести только во мрак «небытия», в темноту жизни без Бога там, где нет другого света, даже ложного.

Человек должен перейти в ту жизнь в настроении покаяния и духовной собранности. Он должен в эту минуту больше, чем когда-либо, отречься от эгоизма и самости, усвоить себе настроение единения с тем миром, который впереди его. До, конечно, этот инстинктивный ужас смерти, как самоуничтожения, должен мешать. Человек видит пред собою темную яму смерти и в ужасе пред этой ямой не может думать ни о чём другом, кроме того, что сейчас оборвется нить его жизни, что свет останется позади и он войдет в эту постоянную вечную тьму.

Поэтому «для того, чтобы не бояться смерти, как какого-то страшилища, нужно, как говорит Сократ в предсмертной беседе, напевать человеку песнь, несущую чары, до тех пор, пока эти чары не исцелят его от страха смерти» (Апокриф. Там же).

Таинство, совершаемое пред смертью, и хочет прежде исцелить человека от страха смерти: церковь – дает эту несущую чары песнь – дает нужное, то спасительное и духовно здоровое предсмертное настроение в таинстве елеосвящения.

Только в этом таинстве церковь не гипнотизирует человека, стараясь доказать ему, что смерть не страшна, что жизнь есть сон и смерть только переход от сновидений к истинной действительности. Нет, это таинство, которое хочет *сначала усилить страх смерти*, а потом сделать человека способным *преодолеть* этот страх, победив в себе то, что для человека делает страшной смерть.

Нужно, сказали мы, спастись от этого страха смерти. И церковь спасает. Как же? Страх смерти по существу, – как уже видели мы выше, есть боязнь уничтожения. *Церковь утверждает, что этого уничтожения нет*. Человек привык себя мыслить среди людей рядом со своими близкими, жить общей жизнью с этими людьми, и разрыв этой общей жизни – мысль о невозможности любить «там» и есть самое страшное в смерти. Поэтому естественно, что церковь прежде всего должна уверить, что нет этого разрыва. И вот около постели больного умирающего собирается церковь. Здесь и все его родные, и далекие, и близкие, и совершенно посторонние ему люди. Они собираются для того, чтобы яснее оттенить для умирающего его единство с этими живыми. Вместе с тем во всех молитвах таинства, в евангельских и апостольских чтениях оттеняется мысль, что одновременно с этой толпой молящихся молится огромный сонм усопших. Здесь подчеркивается, что собравшиеся вместе у постели «болящего» только частица молящихся за умирающего, что больной-умирающий на середине между двумя церквами – собраниями любящими его и сочувствующими ему: с одной стороны, маленькая церковь живых, с другой, огромная церковь умерших, уже перешедших за границу жизни. Больному таким образом дается мысль, что

он переходит от одного союза людей к другой церкви, причем не разывает и не расстаётся с первою церковью, с обществом живых: если те умершие присутствуют здесь и находятся в общении, то и он по ту сторону гроба будет около своих и рядом с ними. Подчеркивается, следовательно, идея вселенскости церкви, неразрушимости христианского единения физической смертью, идея возможности – даже там жить для людей и для близких, и для дальних.

Жизнь – любовь, мука и смерть – невозможность или неумение любить; – церковь тоже любовь, вечная жизнь – любовь тоже. Отсюда любовь бессмертна – она не умрет, и человек умерший в чувстве вселенской любви «там» будет только больше *любить*, больше жить, будет ближе даже ко всем помянутым в этой «долине половинной жизни».

Далее... Человек должен покаяться пред смертью, – сказали мы. Но человек утомленный и измученный болезнью, с ослабленным сознанием, даже и помимо отмеченного ужаса смерти, едва-ли может принести полное истинное покаяние. Не даром церковь и таинство покаяния дополняет елеосвящением. Человек в это время психологически не может покаяться вполне в здравом разумении, в полном нравственном сознании. Должно, чтобы это покаянное настроение, слабое по естественным причинам, так или иначе было приподнято в умирающем. Этой цели служит таинство елеосвящения – что иначе именуемое «соборованием», т. е., соборной общей молитвой священников (7) и мирян. Собравшиеся около умирающего предстательствуют за него пред Богом.

Это значит следующее: братья умирающего во Христе любовью входят в душу брата, ставят себя на место этого ближнего, переступающего границу жизни и переходящего в ту область, где воздается каждому по делам его и, сливаясь с ним душой, *молятся за него*. Живые предстоящие, переживая настроение умирающего, *от его имени и за него молятся* о прощении его грехов, о его нравственном возрождении. Эта молитва конечно не может быть бесплодной: благодать приходит, куда её призывают. Кроме того, не говоря о значении этой молитвы, само по себе наличное покаянное настроение

собравшихся должно обязательно приподнимать соответствующее настроение в больном или умирающем. Кающаяся церковь должна передать своё покаяние тому, которому в эту минуту больше всего нужно покаяться. Итак, говоря кратко, собравшаяся церковь своими молитвами должна поднять в умирающем и больном сознание важности минуты и возбудить в нём покаянное настроение. Так как далее это покаянное настроение может быть покаянием к смерти, т. е., отчаянием, то церковь своими молитвами должна спасти от этого отчаяния, должна внушить умирающему уверенность в возможности прощения, в возможности святого перехода в ту жизнь, даже если по своему предварительному нравственному состоянию он не достоин такого перехода.

Церковь напоминает больному, что Господь даже людям заповедал прощать «семдесят крат седмицею», – а в Нём Самом нет конца милующему милосердию.

Болящему нужно только подняться – в эти последние минуты, с истинной скорбью духа воскликнуть: «Боже, помяни мя, егда приидеши в царствии Твоём» – и для него откроются двери этого царства, как разбойнику благоразумному, подастся благодать освящающая, прощающая грехи, целящая.

«Однако немощный дух человека все-таки в смятении. А тело – это тело? – Что же будет далее? – Это тело, в котором я жил, останется чрез несколько часов здесь, на земле: говорят, что оно обратится в землю; а что если этого не случится, что, если земля не допустит, чтобы тело, её собою осквернявшее незаконными деяниями, стало её частью, что, если омертвевшее тело в вечное нравоучение потомству обратится, напр., в камень? Ведь земля творит волю Творца своего, а это тело – знало своего хозяина, ему принадлежало, его волю творило; – хозяин произнес суд над собою, а это тело, старое, отвратительное, уже на половину обратившееся в труп, – его судьба какая? И ведь в тоже время – это тело есть моя неотъемлемая пока часть; я не могу сказать, что оно не моё, мне за него стыдно по-прежнему, это какая-то неотъемлемая и непонятная часть моего чисто духовного «я». – Что же, какая судьба будет у этой части моего грешного «я» (Андрей

Владимиров. О таинствах церкви прот. новой о них лет.). И такой вопрос, такое настроение грешного христианина, эта его жажда не только душу, но и тело своё предать Богу – конечно, вполне естественно и вот церковь предусматривает и его в «таинстве елеосвящения».

Этим таинством она готовит и тело грешного на «погребение», давая в своих молитвах ручательство бессмертия.

* * *

Здесь одна половина таинства елеосвящения в молитвах Церкви *о смерти*.

Все молитвы таинства в этой половине именно молитвы о благой смерти и таинство елеосвящения есть таинство смерти.

Результат таинства здесь не выздоровление, а только изменение душевного настроения.

«Верующий, просвещенный таинством, пребывая в светлых, бессмертных ощущениях, сознает себя не на скудном пути в смерть, но всецело ощущает себя, как бессмертного духа, переходящего в иную жизнь.

Святые отцы сравнивают человеческое тело с материнским чревом, вынашивающим младенца: смерть только великое наше рождение для царства света и силы. Такое понимание смертного часа, как самого святого и торжественного часа земного бытия и осеняет верующего в тайне елеопомазания и одного только теперь жаждет он, чтобы в тихой молитве мирно отошла от мира его душа: «Христианской кончины нашей жизни, безболезненной, непостыдной, мирной»... В самом себе каждый человек чувствует пересекающиеся движения: холодного смертного начала и радостной силы бессмертно-духовного бытия. Вся земная душевная жизнь – сплетение движений обоих этих начал; и момент смерти только их распадение, освобождение бессметной и бесформенной сущности, возвращение души в чистую истину своего бытия. Любовь создала – Мир, – и вне Мира – только, следовательно, одна она, Великая Вечная Любовь... В высшие редкие мгновения своей земной жизни, – в минуту прозревающих ощущений Мира Святого, – мы всей душой невыразимо чувствуем чудное, всю

тайну сказавшее в одном ощущении, бесконечно – Доброе и Святое, всё обнявшее, ждущее; глубже и глубже небеса, и некое дуновение, ангельски-тихое, безмолвно-приветствующее, в чудно-нежном прикосновении как будто ласкающее нашу душу? зовет и трогает её, – сердце бьется так трепетно и радостно, и вся жизнь как то тайно замирает, будто переходя в какое то высшее состояние, еще более светлое, прозрачное, радостное...». (Апокриф Вера и соврем. мысли). *Теперь наступил и сам желанный час, – и возрев на святое*, в одном трепетном мгновенном озарении *таинства* душа понимает тогда, пред небом и Богом, великую истину своей земной, покидаемой жизни и говорит: ей, иду Господи.

Так пугающая нас обычно эта смерть, поглощающая каждое мгновение жизнь, здесь, в молитвах елеосвящения чувствуется, как тихое прохладное дуновение, долетающее до земли от раскрывающихся врат Вечности, – «даждь ми слезы, память смертную и умиление», молится св. Иоанн Златоуст. И как близка и не тревожна в молитвенной думе эта торжественная тишина смерти, и кротко и величаво чувство её близости: «гаснет свет мой, ночь покрывает меня... помилуй душу недоумевающую»...

«Смерть – новое рождение; душа, прошедшая этою жизнью, восстанет в новом значении, в ином достоинстве; и как ясна в таинстве эта истина святых слов: «сеется в тление, – восстает в нетлении, сеется не в честь, – восстает в славе, сеется в немощи, – восстает в силе, сеется тело душевное, – восстанет тело духовное»... И каждая жизнь, упавшая и увядшая, не погибнет: «и грядущего ко Мне не изжену вон» (Апокриф).

Итак, таинство должно выявить смерть, как желанный переход, выяснить для больного-умирающего светлые черты смерти, так чтобы он и желал перейти к той жизни и только молился о том, чтобы быть достойным этого перехода. До тех пор, пока этого нет, человеку еще рано переходить туда. Но бывает иногда, что человек еще не должен; *не может умереть*. Он не готов. Это и делает необходимым таинство елеосвящения, во второй его половине как таинство «целения». Когда человеку нельзя еще умереть, когда его смерть будет, по

взгляду церкви, его гибелью, – церковь должна молиться об исцелении, о возвращении человека к жизни. Известно, что у нас слишком внимательно останавливаются на том пункте догматического определения елеосвящения, по которому оно есть таинство, где человеку сообщается здоровье душевное и *телесное*. Отсюда иногда предлагают вопрос, почему не каждый раз совершение таинства сопровождается телесным выздоровлением. Этот вопрос совершенно неуместный с церковно-христианской точки зрения, как видно из предыдущих строк, безусловно странен по самому существу дела. Никогда церковь не могла и не может установить таинство, заменяющее собою эликсир бессмертия. Таинство елеосвящения никогда не понималось, как плод от древа жизни, имеющий целью возвращать физическое здоровье тому, кто должен умереть. О здоровье церковь молится и здоровье возвращается больному только тогда, когда он *недостойн* смерти. Возможно тройное психологическое состояние умирающего. Есть умирающие, которые совершенно готовы для смерти.

Представим себе пред смертью Иоанна Богослова. Вся жизнь его была подвигом, готовившим его к соединению со Христом. В конце своей жизни он совершенно созрел духовно и должен был оставить эту жизнь, потому что уже стал выше её.

В нём существование животное – говорю словами Толстого – «чуть брезжится, – оно всё съедено новым его отношением к новым живым существам, не уместяющимся уже в существовании плотского человека. Плод обязательно падает с дерева, когда созреет. И человек, как только духовно доразвивается до того предела, что для него возможно развитие *вне условий этого тела*, должен умереть. Когда умирает такой человек, как Иоанн Богослов, то он просто сбрасывает тело, как ненужную оболочку духа, лишнюю для него оболочку, которая уже препятствовала духовному развитию и росту, а не была необходимою для этого развития, как обязательное условие. Если на одре елеосвящения лежит такой созревший духовно, то, конечно, таинство елеосвящения не возвратит его жизни, и церковь не будет молиться об этом. Если она всегда молится о выздоровлении, – даже тогда, когда для

умирающего лучше умереть, то, конечно, потому, что ей неведомо, яже в человеке, не ведома ступень его духовной зрелости.

Затем есть люди, которые еще не созрели вполне, которым, пожалуй, еще рано умирать. Их душа не вполне готова для общения с небесными силами. Но вместе с тем они близки к нравственной зрелости. И вот годы, или месяцы, или недели болезни поднимают в них нужную для смерти духовность. Наконец, уже на границе смерти, смотря ей прямо в глаза, эти люди в последние минуты делают последний шаг в сторону нравственного роста. Они умеют, как должно, оценить важность предстоящего им шага и это сознание важности момента смерти дает им недостающую духовную силу, делающую человека достойным смерти. Такие люди, следовательно, близки к духовной полной зрелости. В своих молитвах церковь по отношению к ним и должна, очевидно, только помочь подъему этого покаянного христианского настроения, должна провести их к той границе, к которой они сами по себе уже близки, прибавить тот маленький плюс, которого у них недостает, чтобы умереть. И вот по молитвам церкви в таинстве елеосвящения человек *почти* достойный смерти *делается* достойным её. Далее, есть люди еще совсем несозревшие. Они еще далеки от христианской духовности. Для этих людей необходимо продолжать скорбный путь земной жизни в условиях этого существования, страдать и бороться здесь на земле с этим телом, освободиться от власти которого они еще не успели и не сумели, а следовательно и недостойны разлучения души с телом. Смерть для человека в этом состоянии будет переходом к настоящей духовной смерти. А церковь не может допустить этого перехода. И вот по отношению к этим людям больше всего нужна молитва церкви о выздоровлении, о том, чтобы человек исцелел не духовно только – это для него и невозможно еще, – а физически снова вернулся к жизненному ярму и, продолжая путь под этим ярмом, пришел к тому же смертному одру уже иным. И об этом церковь молится. И мы видим, что по молитвам её и по молитве больного, сознающего свою

неподготовленность к смерти, человек, действительно, поднимается с одра болезни и возвращается к жизни.

Отстраненные временно от ворот царства Божия, они снова берут страннический посох и идут в путь.

Как понятно из сказанного – выздоровление больного вследствие таинства елеосвящения явно не требуется самым понятием о сущности этого таинства. Нечего говорить, что иногда таинство, совершаемое формально, не приносит своего доброго плода по духовной неприспособленности к таинству того, над кем оно совершается, по недостатку его веры или положительной враждебности его воли воздействию церкви.

Однако, если исцеляются сравнительно недостойные, то значит мы имеем здесь дело именно с колдовством, значит тут уже нет и речи о психологии?

Не совсем так. Конечно здесь чудо, но как и всегда на фундаменте личного настроения. Выздоровление связано с душевным оздоровлением.

По древнему воззрению, разделяемому многими современными учеными, источник тела у нас духовный. Существует непостижимое начало, некая монада, вокруг которой завивается материя, как кокон около гусеницы. Все физические болезни происходят от повреждения этого творящего начала. Пока оно бьет из тайников природы неудержимо, – все физические порчи мгновенно заделываются, все заразы парализуются. Душа здоровая предостерегает и защищает своё тело, но стоит ей поколебаться в своей связи с Богом, устать, омрачиться, ослабнуть, – тотчас, как в плохо защищаемую крепость, врываются разрушительные силы. Восстановить человеческую душу во всей её Богоподобной чистоте, вернуть ей первосозданную энергию, разум и красоту – значит восстановить через них и тело. Кто знает, какое потрясение, какой внутренний переворот совершается в больном уже при одной надежде на исцеление? Надежда предполагает вспыхнувшую веру, предполагает любовь (к таинству). Этот мгновенный порыв к совершенству не освежает ли прежде всего больную душу? Не поднимает ли он шлюзы

для тех, всегда присутствующих целительных сил, которые Бог заложил в самой жизни?» (Меньшиков).³⁰³

Но понятно, что здесь выздоровление для верующих, но не готовых, т. е. тех, в которых болезнь – следствие разлада между телом и духом. Здесь результат преобладания физического начала над духовным, а не наоборот. Иоанн Богослов, которому не нужно возвращать в мир, конечно и не остановится своей верой на целящем моменте таинства, благодать таинства не восстановит физической жизнеспособности, уничтоженной тоже духом и благодатью.

Если мы всмотримся в чин таинства елеосвящения, как он изложен в Требнике, то увидим, что мысли нами отмеченные, выступают здесь с очевидною ясностью. В этом чине можно отметить два момента или две части, как будто приспособленные к двоякому нравственному состоянию того, над кем совершается таинство. В первой части во всех молитвах церковь молится о душевном и телесном оздоровлении вместе, – пожалуй, больше о телесном оздоровлении, чем о духовном. «Владыко, освяти елей сей, якоже быти помазующимся от него во исцеление». Хотя здесь же: «и в пременение всякия страсти, скверны плоти и духа и всякого зла. Уврачуй его язвы»...

Или в этой молитве:

«Сам, человеколюбче владыко, превечных и дивных Боже, егоже никтоже от человек помышляяй может постигнуть, призри, услыши нас недостойных рабов твоих, и идеже о велицем твоим имени елей сей приносим, низпосли твоего дара исцеления, и оставление грехов, и исцели его во множестве милости твоея. Ей, Господи благопременителю, едине милостиве и человеколюбче, каяйся о злобах наших, ведый, яко належит помысл человека на лукавая от юности его: не хотяй смерти грешника, но яко обратится и живу быти ему: грешных ради спасения вочеловечивыйся Бог сый, и создавыйся за создание твое. Ты еси рекий: не приидох призвати праведные, но грешные в покаяние: ты еси овча взыскавый заблудшее: ты еси погибшую драхму прилежно взыскавый, и обретый: ты еси рекий, яко грядущего ко мне не изжену вон: ты еси, иже

блудницы честней твои нозе слезами омочившия не возгнушавыйся: ты еси рекий, елижды аще падеши, востани, и спасешия: ты еси рекий, яко радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся. Сам призри, благоутробный владыко, с высоты святых твоя, соосенив нас грешных и недостойных рабов твоих, благодатию Святого Духа в час сей, и *всели в раба твоего (имя рек), познавшего своя согрешения, и приступльшаго к тебе верою: и приим своим ты человеколюбием, аще что согрешил есть, словом, или делом, или промыслением, прости, очисти его, и чиста сотвори от всякого греха, и присно спребывая ему, сохрани прочее лето живота его, ходяща во оправданиях твоих и т. д. и т. д.*

В этой части чина елеосвящения церковь просит и об исцелении духовной болезни; об избавлении и от грехов, но *рядом и параллельно с молением о телесном выздоровлении.*

Таким образом в этой части церковь, более ободряет, старается именно поднять дух умирающего, уничтожить страх смерти, физически успокоить больного, как человека. После того, как, по взгляду церкви, молитва её должна достаточно успокоить больного, освободить его от недостойного христианского ужаса смерти, церковь изменяет направление своих молитв. Она уже не считает нужным утешать больного, как слабого и немощного. Она верит в то, что он достоин и способен посмотреть на смерть без страха, а с христианским сознанием святости и ценности смерти. Поэтому во второй половине – или, точнее, в конце чина в священнических молитвах даже совсем нет просьб о физическом выздоровлении. Церковь молится здесь только о прощении грехов, только о нравственном оздоровлении больного, о том, чтобы он сделался достойным Христа Бога. Здесь ясно проглядывает мысль, что человек – чином елеопомазания готовится к смерти, если он её достоин, если же ему лучше жить, то душевное очищение будет и «кризисом» в сторону физического выздоровления.

В конце «чина» таинство елеосвящения переходит *вполне в таинство покаяния.* Веря, что, если Бог не принял молитву о выздоровлении, то это знаменует принятие Им больного в Свои

обители, Церковь возлагает на него руки, как в таинстве покаяния и читает над ним отпустительную молитву этого таинства, как бы вводя его в врата христианской смерти.

«Боже мытаря, якоже блудницу, разбойника, и хульнаго гонителя, великого Павла покаянием приемый, (Ты) Петра верховного и апостола Твоего, отвергшегося Тебе трижды, покаянием приял еси, и обещал еси ему, глаголя: ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою и врата адова не одолеют ей, и дам тебе ключи царствия небесного. Сего ради и мы, блаже и человеколюбче, по неложным твоим обещанием дерзающе, молимся тебе, и просим в час сей: услыши моление наше, и приими её, якоже кадило приносимое тебе, и посети раба твоего (имя рек), и аще что согреши словом, или делом, или помышлением, или в нощи, или во дни: или под клятву священническую, или своему проклятию подпаде: или клятвою огорчися и проклят себе. Тебе просим и тебе молимся: ослаби остави, прости ему, Боже, презирая беззакония его и грехи, и яже в ведении и не в ведении бывшая от него. И аще что от заповедей твоих преступи, или согреши, яко плоть носяй, и в мире живяй, или от действия диавольского, сам яко Благ и человеколюбец Бог прости: яко несть человека, иже поживет, не согрешит. Ты бо един еси безгрешен: правда твоя правда в век, и слово твое истина. Не бо создал еси человека в погибель, но в снабдение заповедей твоих, и живота нетленного наследие».

И далее – точно над епитрахилью исповедника:

«Царю святой, благоутробне и многомилостиве Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Бога живаго, не хотяй смерти грешного, но яко обратится и живу быти ему: не полагаю руку мою грешную на главу пришедшего к Тебе во гресех, и просящего у тебе нами оставление грехов; но твою руку крепкую и сильную, яже во святом евангелии сем, еже сослужители мои держат на главе раба твоего (имя рек), и молюся с ними, и прошу милостивное, и непамятозлобное человеколюбие твое, Боже... сам и раба твоего (имя рек), кающагося о своих сих согрешениях, приими обычным твоим человеколюбием, презирая вся его прегрешения. Ты бо еси Бога

наш, иже и семьдесят крат седмицею оставляти повелевый, падающим в грехи...».

Теперь переходим к выводам: лучшее определение таинства может быть выражено так: таинство елеосвящения есть таинство, в котором совершается благословение всего подвига совершаемого человеком на земле и пути пройденного им в вере и смирении; повышается его религиозно-христианская настроенность; раскрывается смысл смерти – и наконец выражается суд Божественный над телесным составом человека, исцеляя его или дозволяя смерти разрушить тленное тело, уже не нужное для земной церкви и для тайных путей Божиих (Хомяков).

Яко, что «во 1-х цель этого таинства – свята и состоит в очищении всякого человека, приступающего к этому таинству, от зла, во 2-х, средства к тому указаны в этом таинстве вполне целесообразные (психологически), так что, значит, всякий может в этом таинстве получить утешение, когда будет в нём нуждаться (и не получить, когда будет в упорно злобном настроении, когда о зле своём сожалеть не будет) (Анд. Владимиров).

Если Толстой не понимает этого, то причиной здесь – предвзятое нежелание понять. «Вообразите – закончим словами Андрея Владимировича – такой разговор: представитель церкви, допустим священник рассказывает кому-либо, что есть таинство елеосвящения, что, так как это есть *таинство*, т. е. совершающаяся в человеке таинственная перемена одного его настроения (злого) на другое (доброе), то его последствия могут быть непосредственно ясны только для этого человека, но остаются иногда невидимыми для другого человека и недоступными для последнего. – Слушатель говорит: как же это делается?

– Да так, таинственно; этого рассказать нельзя, а можно только чувствовать; а ведь всякому известно, что о чувстве рассказать нельзя, слов не достанет...

– Но, быть может, этого никто и не чувствует или...

– Ну, – за это говорят те, кто это чувствовал и говорят о том с полною уверенностью и несомненною искренностью, большею

частью на краю могилы стоя...

– Но, вероятно, они лгут о своих чувствах...

– Вы, – возражает священник, – если хотите говорить серьезно, то должны верить искренности тех, кто с вами серьезно говорит, а то – кто мне может поручиться, что вы не истину хотите узнать, хотя бы о таинствах, а просто издеваетесь над ними и над истиною; – да и какая цель лгать по этому поводу таким людям, у которых иногда вся жизнь – сплошное служение людям и добру чрез укрепление себя молитвою.

– Сомневаюсь я, чтобы можно было «укрепить себя молитвою», и служение добру – это одно дело, а мистическое преклонение пред чем-то «непостижимым и таинственным» – совсем другое. В частности – таинство наше – елеосвящения я признаю совершенно бессвязным, не имеющим смысла собранием каких-то молитвословий, неизвестно почему полезных для человека.

– На это вот что я должен сказать, – продолжает представитель Церкви: на ваше сомнение относительно значения общественной молитвы я не буду подробно возражать, а лишь напомню вам хотя и глупый по своей глупой тенденции рассказ Толстого о том, как три отшельника-островитянина молились, говоря: «трое вас, трое нас помилуй нас»; и все-таки ведь они молились, все-таки были, значит, недовольны наличною своею жизнью и чего то где то искали, хотя и неразумно; и несмотря на неразумность молитвы своей, они утешались ею, т. е. укрепляли ею свои душевные силы. Значит, нужна – это во-первых; во-вторых, значит, ряд молитвословий, каких бы то ни было, дает возможность человеку собрать свои силы, объединить их... А что такое елеосвящение, как не одна напряженная, сознательная молитва, полная прекрасного содержания, проникнутая высоко идеальной оценкой жизни? Вы обратите внимание: я говорю, что таинство елеосвящения объединено нравственной идеей, поэтому называть его мистически непонятным актом – непростительная ошибка.

– А по моему, батюшка, вы колдун...

– Вы не имеете права меня так называть; колдовство есть действие, принципиально необъяснимое, никакого

нравственного отношения к жизни человека не имеющее, а всякое мнение или учение церкви есть исключительно учение о той или другой стороне нравственной жизни человека...

– Сомневаюсь...

– Однако вы не имеете права и сомневаться: вам это говорят и ни о чём не умалчивая, требуют указать во всём церковном учении что-либо сомнительное и бесполезное в нравственной жизни людей, и вы указать не можете...

Вдруг наш собеседник раздражается на это отчаянную бранью и кричит: слушать я ничего не хочу, я всё слышал, – целый год слушал, и говорите вы очень непонятно: я ничего не понял, и вообще вы – колдун.

– Да, позвольте; христианское учение о любви нужно не слушать, а исполнять, и вы не имеете права называть меня колдуном когда моё учение есть учение о добре и всецело...

– Все-таки вы колдун, кричит наш совопросник...

– Докажите же. Не ругайтесь, а докажите.

– И разговаривать не хочу... Вижу, что вы – колдун...³⁰⁴

Этот поучительный – разговор может служить и заключением ко всем нашим этюдам.

Иером. Михаил

Козицкий П. «О Боге и Божьей правде» //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1323–1341

Под заглавием: «Беседы о Боге и Божьей правде» в истекающем году известный проповедник и писатель-публицист о. Гр. Петров выпустил небольшую книжку. И предмет и содержание этого труда такой важности, что мы считали бы себя в долгу у читателей, если бы «Мисс. Обозр.» не сказало о нём своего слова. Характер литературной деятельности свящ. Гр. Петрова, как и отмечено в нашей духовной журналистике, уже определился с надлежащею точностью. О. Петров всегда и везде остается верен самому себе – как в деле раскрытия и проведения в сознание читателя излюбленных им идей из области христианской этики, так и в форме и способе изложения своих мыслей. Каждое новое произведение нашего автора является только лишь подтверждением высказанного нами положения.

Отмежевав себе область этики, о. Петров не отступает ни на минуту от своей задачи и с упорством, достойным удивления, идет к намеченной им цели. И в произведениях для большой публики («Евангелие, как основа жизни» и «Беседы о Боге и Божьей правде»), и в сытинских лубочных изданиях (все сборники кратких статей и рассказов с различными заглавиями: «К свету», «Божий путь», «Божьи работники», «Долой пьянство», «Фальшивые деньги» и др.) – везде он является проповедником то просвещения и отрезвления от пьянства народных масс, то основания царства Божия на земле и насаждения Божией правды среди людей, варьируя при этом на различные лады идеи добра, правды и любви. Источниками для водворения среди людей добра и правды и насаждения царства Божия на земле, по его взгляду, должно служить *Евангелие*, которое, как вечная книга, является, *согласно пониманию каждого*, основой нашей жизни; средствами же борьбы со злом должны быть наши собственные силы, наша твердая воля и стремление к лучшему. «Касаясь моральной стороны христианской жизни» при том постолько, поскольку ведет она к

земному благополучию о. Петров всецело верит в магическую силу и исключительное влияние доброго слова на заблуждающихся и ему одному приписывает всю действенность в нравственном возрождении падших, а не действию спасающей благодати Божией, как это возвещается в православной Церкви» (свящ. В. Гобчанского рецензия на сочинение о. Петрова «По стопам Христа». Вера и Церковь, 1903 г. № 3 стр. 460). Оставляя без внимания православное учение о первородном грехе, извратившем нашу природу, автор совершенно умалчивает о церкви и её институтах – иерархии и таинствах, подающих божественную благодать, возрождающую человека в новую и святую жизнь и освящающую все его действия. Это – общие типические черты содержания всех статей о. Петрова, дающие специфическую окраску всем его произведениям. Достаточно прочесть две-три книжки нашего автора, чтобы вполне ознакомиться с характером его произведений, – и всё, чтобы ни вышло из-под его пера, настолько типично, что без труда, даже без авторской подписи, можно узнать по одному содержанию творца этих произведений.

Еще типичнее произведения о. П-ва по форме и манере изложения. В беседах, трактатах и рассказах религиозного содержания.³⁰⁵ раскрывая какое-нибудь общее положение из христианской этики, автор в большинстве случаев слегка касается сущности вопроса и, если нужно, обосновывает его иногда евангельским текстом; текст евангельский истолковывает весьма часто по собственному разумению, иногда даже вопреки установившимся церковным традициям, – и затем свои мысли иллюстрирует разными образами, сравнениями, историческими рассказами, легендами и примерами, взятыми из окружающей нас правды и жизни человека. Речь свою он облачает в изящную форму, мысли свои излагает конкретно, образно, – нередко пользуясь сравнениями, уподоблениями и описаниями. Благодаря такой манере писательства, где обращается внимание не столько на существо дела, сколько на побочные аксессуары, служащие наружному только шуму и блеску, читатель, приступая к чтению того или другого произведения о. П-ва, никогда не в состоянии, по одному заголовку книжки или

статьи, предугадать, куда его поведет автор и какой будет конец той или другой его беседы или рассказа. Иногда читатель, по прочтении известного рассказа или беседы, в крайнем недоумении спрашивает сам себя: «каким образом автор сумел сделать такой вывод и какая связь между началом и концом беседы? Наговорено много трескучих фраз, а на дело сказано мало». Наглядной иллюстрацией нашей мысли служить сборник его рассказов для детей: «Христос Воскресе!», где автор ни слова не говорит о воскресшем Христе.

Все эти типические черты, правильнее сказать – манеры писательства о. П-ва, усматриваются во всех его произведениях и нет ни одного его сочинения, которое бы составляло счастливое исключение. Недавно вышедшая в свет книжка нашего автора: «Беседа о Боге и Божьей правде», рассмотреть которую (книжку) мы взяли на себя труд, самым разительным образом подтверждает высказанное нами положение. И здесь о. П-в нисколько не отступает от выработанных им норм и писательских приемов, почему и эта книжка его изобилует присущими всем его произведениям недостатками, и здесь эти недостатки с роковой необходимостью повторяются им на каждой странице, в каждой беседе.

По заглавию рассматриваемой нами новой книжки о. П-ва довольно трудно судить о её содержании и читатель не может предугадать, с каких сторон автор будет рассматривать труднейшие вопросы о Боге и Божьей правде. Из ближайшего знакомства с этой книжкой мы усматриваем, что помещенные там двенадцать бесед находятся между собою в строго-логической связи и посвящены раскрытию учения, заключающегося в заповедях блаженства. Содержание и внутренняя связь этих бесед таковы. Показав непознаваемость бесконечного существа Божия (I беседа), автор во II беседе раскрывает ту мысль, что жизнь всего мира идет по законам Творца, и что жизнь человека должна согласоваться с волею Божией. Высшая мудрость человека – понять задачу нашей жизни и уразуметь, что есть воля Божия (14–15 стр.); открыл же нам волю Божию Христос Спаситель, Сам явившийся воплощением Божьей правды (III бес.). Ключ к уяснению, в чём

заключается Божья правда, автор усматривает в Нагорной проповеди и преимущественно – в заповедях блаженства; рассмотрению заповедей блаженств он посвящает свои беседы с V–XI. XII беседа является заключительной и в ней автор подводит итоги всему сказанному, суммируя всё в таких выражениях: «И так познайте, что есть воля Божия. Найдя её, служите ей и других тому же учите. Если не можете быть исполнителями правды Божией, будьте хоть вестниками её... в крайнем случае удерживайте ближних от зла... и делу Божьему на земле хоть чем-нибудь приносите пользу» (94 стр.).

Автор, как видит читатель, начертал великолепный, строго-логический план для своих бесед, объединив их одной руководящей идеей – о насаждении правды Божией среди людей на земле, – и с внешней стороны (со стороны изложения) он выполнил свою задачу, по-видимому, блестяще: беседы написаны прекрасным и увлекательным языком, читаются легко и производят на первых порах довольно приятное впечатление. Но следует только внимательнее вчитаться в них, – и у вас в душе получится неприятное чувство разочарования. Вы ждали более обстоятельного и более определенного раскрытия многосодержательного учения Христова, заключающегося в заповедях блаженства, но вам дают вместо «твердой пищи» и «питательного молока» подслащенную словесную водицу, сдобренную дешевым красноречием, баснями, сказками и занимательными рассказами, взятыми напрокат из разных областей и сфер знания и разных эпох истории рода человеческого, – водицу, оставляющую у вас неприятное чувство фальсификации и не заключающую в себе никаких питательных элементов. Дальнейший подробный разбор «бесед» о. П-ва с очевидностью подтвердит эту нашу мысль.

Нас более всего поражает то обстоятельство, что о. П-в в своих беседах о Боге (I–III), более чем поверхностно, относится к уяснению трактуемого им вопроса. Сказав кратко о непостижимости существа Божия и о присущей, не смотря на это, всему человечеству вере в Божество (I гл.), автор для доказательства и уяснения своей мысли прибегает к излюбленному им приему – ссылается на великие имена

всемирных ученых и знаменитостей и приводит исторические рассказы, предания и даже легенды. Большая часть этой главы наполнена рассказами о Сицилийском правителе Гиероне, пытавшемся, при помощи мудреца Симонида, уяснить понятие о Боге, – и о подобном же случае, бывшем с блаженным Августином (8–11 стр.). В III главе, трактующей о Христе-Спасителе, приводится также очень трогательная и благочестивая легенда о четвертом волхве Артабане (21–23 стр.), истратившем всё своё состояние, чтобы увидеть рожденного Христа – Царя и Спасителя мира и принести Ему дары, в течение всей своей жизни искавшем Его, но не могшем найти и только пред смертью удостоившемся в видении узреть Его. Чтение этих глав (I и III) повергает читателя в крайнее недоумение: для чего автору при раскрытии трактующих им вопросов понадобилось оставить историко-догматическую почву и обратиться к области легенд и благочестивых сказаний? Уяснять догматические истины и исторические события с помощью легендарных сказаний и трогательно-благочестивых преданий – способ, хотя и очень умильный, в особенности для наивного читателя, но малоубедительный и менее всего научный. Легенда об Артабане настолько неправдоподобна, что всякому сколько-нибудь мыслящему человеку бросается в глаза её вымышленный характер. И в самом деле. Откуда могло бы быть известно, что умирающему Артабану, в последний момент его жизни, явился в видении Спаситель, желанный им Царь Правды, и сказал ему: «истинно, истинно говорю тебе: всё, что ты сделал одному из меньших братьев, сделал Мне», – и мог-ли кто слышать эти слова Спасителя? Невероятность этой легенды настолько очевидна, что едва-ли удобно пользоваться ею, хотя бы даже и для благочестивых целей. Иезуитская мораль: цель оправдывает средства – не к лицу православному священнику, мнящему себе быти проповедником правды Божией.

Вообще от чтения бесед о. П-ва «о Боге и Божьей правде» получается такое впечатление, что он своих читателей ведет к Богу не по прямому пути, а по изогнутой, зигзагообразной линии, и что он заботится при этом не столько об уяснении истины, сколько о том, чтобы беседам своим придать характер

оригинальности и занимательности. Вследствие этого и истины, составляющие предмет бесед о. П-ва, остаются несколько неясными в сознании читателей, – и в результате получается самое смутное и неопределенное представление насчет того или другого трактуемого автором вопроса. Примеры – тут же, налицо, в рассматриваемой нами книжке.

Не безынтересно познакомиться, как автор уясняет главнейший вопрос своей книжки – вопрос о Божьей правде. Собственно говоря, автор не разрешает этого вопроса и не определяет, что нужно разумеать под *правдой Божией*. Только по прочтении всей книжки читатель видит, что под правдой Божией автор разумеет закон, касающийся житейско-правовых отношений, житейскую справедливость, правду в жизни. Иногда он отождествляет правду Божию с истиной, называя её то истиной Божией (28 стр.), то светом Божией правды (35 стр.), то путем к истине (56 стр.); иногда считает тождественными понятия добра и правды и, признавая эти понятия адекватными, ставит их, как равнозначные, рядом и нераздельно одно с другим (28 и 39 стр.). О правде же Божией, как об оправдании человека чрез искупительные заслуги Христа-Спасителя, при помощи благодати, освящающей и очищающей человека, автор нигде, ни одним словом, не упоминает в своей книжке, за исключением только одного места. Говоря это, мы разумеем IV главу его сборника, озаглавленную *Божия правда*. Здесь он, отождествляя Божию правду с Божией истиной, так говорит о правде: «Спаситель пришел на землю, чтобы показать людям огни правды Божией; и пришел Он не нарушить, не отменить правду, данную чрез Моисея и пророков, но раскрыть её во всем величии и блеске, полностью осуществить» (29 стр.). Автор в данном случае как будто бы силится расширить раньше высказанное им понятие о правде Божией и трактует её, как осуществление в истории рода человеческого великого дела искупления; но эту мысль он выражает так туманно, неопределенно и общо, что читатель не сразу поймет, о чём собственно идет здесь речь. Уясняя и определяя в указанных выше выражениях правду Божию, о. П-в не только не приближается к общепринятому определению её в нашей

богословско-экзегетической литературе и символических книгах, но даже как будто умышленно отклоняется от него, оставаясь верным своим воззрениям на Царство Божие, и с этой именно точки зрения рассматривает вопрос о правде Божией.

Определив в IV главе правду Божию, как исполнение закона и пророков, как осуществление в истории рода человеческого дела искупления, о. П-в характеризует её так: «правда Божия вечна и потому нарушить её нельзя; мир рушится, а правда Божия будет стоять» (30 стр.), – и тут же, чрез несколько строк, впадает в жестокое противоречие, допуская её нарушимость. Здесь же мы читаем: «и если кто хотя в малом её (правду) повредит, сам ничтожным будет, а кто и мало из этой правды (?) исполнит и других тому научит, тот великим наречется в царстве небесном» (30 стр.). Таким образом у нашего автора получается, что правда Божия ненарушима и в тоже время нарушима.

Впрочем, из этого затруднения выход возможен. Если понимать Правду Божию в объективном смысле, т. е., как исполнение закона и пророков, как осуществление в мире дела искупления, то она ненарушима; если же её понимать в субъективном смысле, т. е., в смысле закона, правопорядка, житейской правды и усвоения её человеком (в таком смысле понимает её о. П-в), то она, разумеется нарушима. Автору так и следовало бы формулировать это положение в своих беседах ради точности и ясности мысли; но он этого не сделал. Настоящая же манера его писательства, не придерживающаяся строго законов логического мышления, а потому граничащая с легкомыслием, положительно затемняет истину, повергает читателя в крайнее недоумение, и навеивает на него сомнения и приносит несомненный вред, как делу уяснения самой истины (объективная сторона), так и делу усвоения этой истины читателем (субъективная сторона).

Рассматривая вопрос о правде Божией, о. П-в останавливает своё внимание на понимании правды Божией и это понимание считает условием основания настоящей Божьей жизни в людях. «Понимание правды Божией книжниками и фарисеями, говорит он между прочим, было слишком бедное,

неглубокое; на нём нельзя основать настоящую Божью жизнь в людях. Надо идти дальше в понимании истины. «Если праведность ваша (понимание вами её) не превзойдет праведности книжников и фарисеев, – говорит Спаситель ученикам своим, – то вы не войдете в царство Небесное» (30 стр.). Анализируя это место, как типичнейшее из всего рассматриваемого нами труда о. П-ва, мы приходим к двум чрезвычайно интересным выводам.

1. Автор, настаивая на мысли, что понимание правды Божией (истины) служит основой настоящей Божьей жизни в людях (т. е., Царства Божия на земле), проводит, сам не замечая этого, тот взгляд, – что в Царство Божие ведет нас легкий и даже очень легкий путь – *одно понимание правды Божией*. И это понимание правды Божией автор называет *праведностью*. Совершенно игнорируя золотые слова Спасителя, что в Царство Божие ведут тесные врата и узкий путь, т. е., путь лишений и скорбей (Мф.7:14), и что в это Царство войдет не всякий говорящий «Господи, Господи, но исполняющий волю Отца Небесного» (Мф.7:21), о. П-в вверхом переворачивает евангельское учение о достижении людьми Царства Божия. По словам Спасителя, вход в Царство Божие сопряжен со многими трудностями и Царство Божие наследуют творцы закона (Мф.7:21), а по П-ву, понимание правды Божией, а отсюда проистекающая праведность – вполне достаточны для насаждения настоящей Божьей жизни в людях. Нужно-ли говорить, какая бездонная пропасть лежит между учением Христа об усилиях вступления в Царство Божие и взглядом, вернее сказать – проповедью нашего автора по этому же вопросу?

2. О. П-в, раскрывая трактуемый им вопрос, допускает ужаснейшую путаницу в понятиях, а вместе с тем и в терминологии: правду Божию он отождествляет с Божьей истиной – с одной стороны, а с другой – праведность – с пониманием истины. Как бы мы ни расширяли понятия о правде Божией (будем-ли мы разуметь под правдой Божией – великое дело искупления рода человеческого, predetermined от начала веков, или оправдание человека по вере его в искупительные

заслуги Христа-Спасителя, или наконец – правовые взаимоотношения верующих, правопорядок (по П-ву), – понятие о правде Божией нельзя отождествлять с понятием о Божьей истине, так как эти понятия не адекватны по своему объему. Поэтому под правдой Божией разуместь Божью истину и считать эти понятия равнозначными – решительно нет никакого основания. – Что же касается отождествления праведности с пониманием истины, то отождествление этих понятий, допускаемое о. Петровым, совершенно не выдерживает критики. Оба эти понятия – различных категорий: первое – относится к области практической, к деятельности вообще; а второе – к области теоретической, к мышлению. Под праведностью нужно разуместь такое отношение человека к закону и такое практическое проведение закона в жизнь, которое согласуется с идеей правды и заслуживает одобрения в нравственном отношении. Что-же касается понимания истины (правды), то это теоретическое отношение человеческого разума к истине, постижение и усвоение первым последней. Отождествлять два понятия различных категорий, касающиеся различных сторон хотя бы одного и того же предмета – может только ум нелогический, не привыкший вращаться в отвлеченных (богословских) понятиях, а потому не умеющий в них надлежащим образом и разобраться. Отвлеченная богословская терминология, видимо, не по плечу о. П-ву. Он беллетрист, художник слова, публицист, но не богослов-мыслитель. При чтении главнейших его богословских трактатов – «Евангелия, как основы жизни» и «Бесед о Боге и Божьей правде» – невольно является мысль, что автор, при составлении этих своих произведений, следовал довольно характерной русской пословице: тят-ляп – и будет корабль. Действительно, и вышел больше чем кривобокий корабль! Говоря безотносительно, корабль православно-богословской науки – не утлая ладья, которой может править простой лодочник, но могучее и мощное судно, которое должно иметь опытного, с серьезной подготовкой, не легкомысленного, но *вдумчивого и вникающего во все стороны своего дела* (пользуемся в данном случае выражениями о. П-ва – стр. 46)

кормчего; руководство кораблем богословской науки – дело весьма серьезное и ответственное; при неосторожности и невдумчивости кормчего могут быть и роковые последствия. Это положение о. П-ву, как и всякому богослову-писателю, нужно твердо помнить и быть крайне осмотрительным и осторожным в своей писательской деятельности!...

Ядро, так сказать центр тяжести рассматриваемого нами труда о. П-ва, заключается в его изъяснении заповедей блаженства (V–XI беседы). Пройти молчанием и не остановить внимания наших читателей на этом отделе – было бы с нашей стороны грехом. Но в свою очередь мы должны оговориться: подробно разбирать толкования заповедей блаженств, предлагаемого нашим автором, и входить в обстоятельную оценку этого толкования, мы не будем, так как этот труд был бы излишним: изъяснение этих заповедей известно из православного катехизиса каждому христианину. Мы только коснемся основных мест, приводимых автором в его объяснениях, придерживаясь при этом по возможности его терминологии и выражений, – и попутно сделаем небольшие замечания по существу дела.

Автор изъясняет заповеди блаженства под углом зрения идеи насаждения Царства Божия на земле. Эта точка зрения, проходящая красною нитью чрез все его объяснения, сообщает им специфическую окраску, дух и характер, свойственные всем вообще произведениям о. П-ва. Как автор применяет свою излюбленную идею к изъяснению заповедей блаженств, покажет нам самое изложение его объяснений.

Первую заповедь блаженства автор так изъясняет. «Первое, что надо сделать – отрезвиться, образумиться, очувствоваться, прийти в себя и понять, что мы обеднели, обнищали. Потому-то и первое слово Спасителя к народу было о духовном обнищании... Люди ищут счастья, хотят жить по правде, думают устроить Царство Божие на земле. Но хватит-ли «духу», внутренней силы для такой работы? На всё нужен подходящий материал. Достаточно-ли у нас добра или доброй жизни? Крепко-ли в нас «нутро»? Годны-ли мы на стройку Царства Божия в людях?... Надо произвести оценку, проверить капитал,

с которым мы действуем в жизни. Хватит-ли средств устроить Царство Божие в людях? Такая проверка покажет, что все мы слабы духом... Поэтому счастливы те, кто понял во время, что они нищи духом, обнищали добром и правдой: *они могут найти Царство – Божие...* И нищие духом будут везде искать и у всех просить, как милостыни, указаний добра и правды, они с пустой душой не останутся, на стройку Царства Божия в себе и в людях годный материал найдут. Понять убожество жизни, сознать свою духовную нищету – великое дело, первый шаг к новой светлой жизни» (37–40). Как видит читатель, о. П-в более прогрессивно, чем православный катехизис, объясняет первую заповедь блаженства, предлагая нищим духом (а вместе с тем и своим читателям) искать помощи к деланию добра и правды – везде и у всех, кроме Бога. О Боге, как источнике помощи всем «нищим духом» и страждущим в своей нищете, автор красноречиво умалчивает. Толкование это, рассчитанное на оригинальность, напоминает нам, чтобы не сказать мало, декадентские чудачества. Входить в разбор и опровержение этого объяснения – излишне и бесполезно, для читателя очевидно, что автор говорит не от лица Церкви, а от своего разума.

Второй, по П-ву, шаг к новой светлой жизни это – перечувствовать, переболеть, горько оплакать своё духовное убожество, нравственную нищету. «Горячая слеза жалости к самому себе и горечи за своё убожество духа смывает нанесенную жизнью на сердце грязь, смягчит и разогреет остывшую душу. Человека потянет к давно забытой правде и он от своих мелких людских делишек повернет к Божьему делу и в нём найдет покой души и высшую отраду» (40–42 стр.) Таково толкование второй заповеди блаженства. И здесь автор не избежал столь свойственного ему оригинальничания. По его взгляду, плачущие получают отраду и покой души не в Боге, а в делании Божьего дела, в исполнении своими силами (!?) своего долга по отношению к делу Божию. Да разве об этом речь идет во второй заповеди блаженства? Опять непонятное стремление к оригинальности привело не к уяснению, а к затемнению смысла этой заповеди; и за это читатель не скажет спасибо автору.

«Если люди сами нищи духом, и если их жизнь такова, что о ней приходится плакать, то они не могут и не должны быть строгими и требовательными к другим. Нуждаясь в участии и сострадании, мы и к ближним должны быть снисходительны и кротки. Мы все измучены, изранены жизнью; всем нам, как израненному при дороге в евангельской притче, нужен милосердный самарянин. Евангелие и заветствует такое отношение друг к другу: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Кротость есть высшее геройство, сила способная не только победить врага, но и нравственно возродить его, – сила, властная превратить зло в добро. Бояться, что, при безусловной Евангельской кротости, зло осилит правду, любовь и добро, не приходится. В душе человека есть зародыши добрых и злых чувств. Надо будить заглушенное чувство добра в людях; надо оживить, пригреть его любовью и вспырынуть живую водою правды Божией, а в ответ на зло нести кроткую песнь мира, любви и согласия; эта песнь заглушит в людях злобу и неприязнь, пробудит самые светлые чувства и всех научит могучему евангельскому призыву к Царству Божию» (43–48 стр.) Автор, давая такое толкование третьей заповеди блаженства, значительно расширяет её смысл, вопреки евангельскому тексту. Результатом практического осуществления этой заповеди он считает, умалчивая о личных наградах, обещанных кротким, общее для всех благо – мир и любовь, а вместе с тем и наступление Царства Божия на земле. Замалчивая о личном благе, он направляет мысль своих читателей к общему благу. Такое широкое толкование хотя, по нашему мнению, непредосудительно, но не соответствует существу дела, потому совершенно излишне. По-видимому, оно внесено сюда потому, что вполне гармонирует с излюбленной автором идеей о насаждении Царства Божия на земле.

«Будьте кротки, учил Иисус Христос, но кротки только с людьми; со злом же в людях уживаться нельзя. Везде и всегда, в себе и в других надо искать и прежде всего – правды. Без правды жизнь человеческая – не жизнь, а звериное житье. Без правды человек думает только о сытости и тепле, теряет человеческое достоинство и становится грубым скотом.

Счастливы, кто не потерял вкуса к правде, кого тянет к ней, как былинку к солнцу. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Блаженны, кто ищет истины, как голодный ищет хлеба или жаждущий воды... Блаженны те, которые выше всего в жизни ставят правду. Но у нас заброшена правда в жизни, нет правды в людях; везде неурожай, обеднение и неурожай, – и всё это оттого, что не ищем прежде всего Царства Божия и правды Его. С землею и дарами её люди не умеют обращаться, истощают её до конца и превращают в пустырь; леса беспощадно вырубают, отчего мелеют реки и земля заносится песком, рыболовы хищнически вылавливают рыбу. И это всё оттого, что нет правды в людях. Люди живут не совестью, а неситою утробой; они без правды Божией в сердце – смотрят на жизнь, как на общий разбой. Они не понимают, что весь мир есть один великий, необъятный храм Божий, что вся жизнь человеческая должна быть одним сплошным богослужением, постоянным служением Богу *духом и истиной*, что наше сердце – престол Божий, где должна ярко гореть и светиться правда Божия. Блаженны, кто ищет эту правду, как голодный ищет хлеба: они найдут её, насытятся ею» (49–55 стр.).

Больше, чем следовало бы, мы остановили внимание наших читателей на изъяснении о. П-вым четвертой заповеди блаженства, так как он в этом именно месте является наиболее оригинальным и наиболее отступает от общепринятых в нашей православной экзегетике толкований. Под правдой Божией он понимает правду в жизни, правопорядок, житейские правоотношения людей между собою; иначе сказать – правду Божию он понимает в юридическо-правовом смысле. Само собою разумеется, что в соответствии с таковым толкованием находятся и примеры, приводимые автором для уяснения своего толкования. Даже больше. Автор как будто бы нарочито пользуется житейско-практическими примерами, с целью – еще больше утвердить читателя в практическом понимании правды Божией. Не подлежит сомнению, что такое толкование слишком отдаёт букетом реально-практической жизни. Так как о. П-в весьма далеко отстоит от общецерковного толкования алчбы и жажды правды Божией, то он и ведет речь не о внутреннем

самоусовершенствовании и нравственном возвышении человеческой личности чрез прощение грехов по вере в искупительные заслуги Христа, а об улучшении житейско-правовых отношений людей между собою. Он слишком оземлянил в своём толковании понимание правды Божией. Мы обстоятельно касались этого вопроса в нашем разборе «Евангелия, как основы жизни» о. П-ва, почему в настоящий раз считаем излишним повторяться и отсылаем читателей к 7 № Миссионерского Обозрения текущего года (941–942 стр.).

Пятую заповедь блаженства автор не столько изъясняет, сколько говорит по поводу этой заповеди. «Если нам самим, говорит о. П-в, прежде и больше всего нужна правда, то и другим не можем оказать большей милости, как указать им путь к истине». И заповедь о милости он сводит к вопросу об участливом, сердечном отношении к нашему меньшему темному брату, к освобождению народа нашего от тьмы. «Освободить народ от тьмы, восклицает о. П-в, указать ему путь к свету, вывести на широкий простор Божией правды – великое дело и священный долг всех старших братьев! Работникам (народолюбцам) за их любовь и милость к меньшим братьям жизнь милостиво, светло улыбается и даст им много отрады за тяжелый невидный их труд» (58–62 стр.)! И это объяснение, по обычаю своему, автор иллюстрирует несколькими примерами и историческими справками. Само собою разумеется, такое объяснение не уясняет по существу самого содержания заповеди и как таковое – едва-ли оно может удовлетворить читателя. Не находя нужным входить в разбор этого объяснения, мы только заметим, что автор в своём объяснении слишком сузил смысл пятой заповеди блаженства и исчерпывает её содержание одним только видом милосердия к ближним. Опять оригинальничание – в ущерб истине!

Для уяснения смысла шестой заповеди блаженства о. П-в нашел нужным вложить в уста Спасителя следующие слова: «Блаженны те, кто, как голодный хлеба, ищут в жизни прежде всего правды; кто и другим творит высшую милость, несет эту правду! Светлое дело они делают, оттого и у них самих в душе будет светлее и светлей. Сквозь чистые окна сердца они

полностью увидят воссиявшую для них правду Божию, познают Бога, Который есть Сама любовь, Сама Святость, Сама истина. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Раскрывая слова Спасителя, которых, к нашему изумлению, не находим мы ни у кого из евангелистов, о. П-в продолжает: «у нас в жизни правды Божией мало водится... и с нечистым сердцем трудно определить правду. Мы часто смотрим на правду Божию чрез тусклые окна с грязными стеклами (?!). Дабы видеть *чистую* правду, надо *вычистить окна в нашем сердце* (sic!). Только чистые сердцем Бога узрят... Жизнь людская – тоже, что река, – и люди, чем далее, тем более её оскверняют. Если хотим иметь из загрязненной реки чистую воду, то фильтруем её. Так и струи жизни, дабы были чистыми, надо фильтровать... Свои мысли и чувства, восклицает автор, пропустите сквозь евангелие, научитесь дела людские ценить, как их ценил бы Христос, – и сами вы и сама ваша жизнь станут тогда много чище. Если вы ждете светлых дней для родины и мечтаете о той поре, когда правда Божия воссияет над землею, делайтесь чище сами и очищайте других. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (63–70 стр.).

Анализируя это изъяснение о. П-вым шестой заповеди блаженства, мы положительно поражаемся наивностью автора: он думает, что рядом трескучих фраз, наклепанных одна на другую, можно уяснить трактуемый вопрос. Наивное заблуждение! И такое стремление автора, хотя – и с добрыми намерениями, не приводит к желанной цели. Далее. Вращаясь, как в заколдованном кругу, возле вопроса о правде Божией, автор и не думает выяснить, в чём заключается чистота сердца, и не уясняет смысла самой заповеди. Увлекаясь фразеологией и нанизывая слова одно на другое, он бесцельно прибегает к курьезным сравнениям, несколько не уясняющим дела. Приведем два-три примера. Фраза: «если хотите видеть чистую правду, надо вычистить окна в нашем сердце» – по меньшей мере употреблена не к месту. Вычистить грязное пальто, вычистить сапоги, вычистить стойло для коров – выражения эти, как обычные, понятны для всякого; но вычистить окна в нашем сердце – фраза и неуместная, и неостроумная, чтобы не сказать

более, и наконец нисколько не уясняющая дела. Не менее также странна и неудачна и другая фраза его: «пропустите чувства сквозь Евангелие». Обидно и больно за автора, что он, при своей обширной начитанности и познаниях, богатстве и изяществе языка, необдуманно играет фразой, руководясь не столько эстетическими соображениями, сколько оригинальностью формы, с явным ущербом строго-логическим законам мышления, составляющим существенно-необходимое условие при написании каждого литературного произведения. Столько у него промахов и логических недочетов, благодаря трескучим фразам, что если бы процедить, выражаясь языком самого же автора, чрез фильтр логики, со всей строгостью её законов, рассматриваемый нами его труд, то пришлось бы написать рецензию гораздо большую по объему, чем самая книжка его.

Но возвращаясь к объяснению о. П-вым шестой заповеди блаженства, мы должны упомянуть, что автор, допуская такое толкование: «делайтесь чище сами и очищайте других», расширяет, неизвестно в силу каких оснований, смысл этот блаженства. Оставляя в тени нравственное совершенство каждого, как отдельной личности, о чём и говорится в этой заповеди, о. П-в призывает нас очищать, нравственно усовершенствовать других. Правда, задача эта – почтенная и высокая, но мало вытекающая из содержания самой заповеди.

Заканчивая свой обзор объяснений о. П-вым заповедей блаженств, мы из трех последних заповедей остановим своё внимание только еще на седьмой заповеди. Автор объяснение этой заповеди окрашивает в цвет космополитизма. Правда, в Церкви Христовой «несть эллин и иудей, раб, и свободь» (Гал.3:28); христианство обнимает собою все племена и народы всех при том времен: оно универсально по самому своему существу. Но истолковывать седьмую заповедь блаженства о миротворцах в специально космополитическом смысле – нет решительно никакой нужды и такое толкование не вызывается самим существом дела, а потому и излишне. Автор, не желая отстать от духа времени и юдофильствующей нашей печати (почти всецело находящейся в руках жидов), своею проповедью

о космополитизме, очень нужном юдофилам, поет в унисон толпе, радея не столько о деле Божию, сколько о своей популярности и славе. Нам могут в защиту автора противопоставить принцип приспособительности, который столь необходим в наше время и которым широко пользуется о. П-в. Возражателям мы ответим кратко. Принцип приспособительности должен иметь границы, быть чуждыми меркантильных целей и служить одной только истине. Если же принцип приспособительности не будет опираться на эти устои, то он может завести писателя в такую трясиину, в такие дебри, откуда нет выхода на свет Божий!

В заключительной беседе о. П-в призывает своих читателей познать волю Божию, служить ей и других тому же учить. Для иллюстрации этой мысли он обращается к изъяснению евангельской притчи о неправедном управителе (Лк.16:1–13). И в настоящий раз, вопреки ясному смыслу этой притчи и общепринятому изъяснению её в нашей богословско-экзегетической литературе, он пустился в безбрежное море своеобразных измышлений и толкований. Толкование это настолько оригинально, что небезынтересно познакомиться с ним покороче.

Автор, при изъяснении этой притчи, останавливает своё исключительное внимание на словах: *«приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в обители вечные»*. «Неправедный управитель, расточив имение господина своего, при мысли об отчете, говорит: «что мне делать? Копать не могу, просить стыжусь». Начинать свою жизнь правителю уже было поздно; богатство души уже промотано и самому делать что-нибудь нет возможности. Конец притчи, как он поступил с должниками, указывает нам крайний выход из этого затруднительного положения». Толкуя эту притчу, о. П-в так рассуждает. «Одни евангельские наставления указывают самое высшее нравственное требование, напр.: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5:48); другие, наоборот, указывают границу нравственных требований, ниже которой нельзя спуститься. Так, апостол Павел пишет: «непрестанно

молитесь», т. е., пусть ваша жизнь будет сплошным служением Богу и Его правде на земле. Это высшее нравственное требование, данное Христом. – Древним же дана была другая заповедь: «шесть дней делай вся дела твоя, день же седьмой, суббота, – Господу Богу твоему». Шесть дней – тебе, а Богу – только один. Это уже крайний предел. Такое минимальное требование указывает и притча. Хотя правитель забрался в трясины, но и тут он может сослужить службу добру: он может предупреждать других, чтобы они не шли его дорогой, которая привела его сюда. Высший долг ученика Христова самому творить и других научить творить волю Божию. Если же он не может быть вожаком, то пусть будет маяком Божьей правды для блуждающих в потемках; если не делом, то словом пусть будит людскую совесть. Если не может и этого сделать, *не может увеличивать добро, пусть хоть уменьшает зло*; пусть он своим горьким опытом предостерегает других от того пути, который привел его к такому ужасному концу». Это толкование о. П-в еще нагляднее поясняет выдержкой из народного рассказа: «Федос». Федос, поучая, говорит одному: «в твоём списке 100 мер неправды: сбрось хоть половину, – пусть останется пятьдесят. А ты, обращаешься к другому, не в силах это сделать, то перейди на 80; на шаг отойди от зла и все ближе к Богу».

Свой призыв к добру автор заканчивает такими словами. – «Ели вы не увеличиваете богатства праведного в Божием мире, не умножаете добра, так хоть неправедным богатством, горьким опытом своей испорченной жизни, старайтесь уменьшить зло. Делу Божьему на земле хоть чем-нибудь принесите пользу» (87–94 стр.).

Мы считаем излишним опровергать и доказывать неправильность этого толкования о. П-вым притчи о неправедном управителе. Смысл этой притчи сам собою понятен, и тенденциозность автора очевидна без излишних комментариев. Остановились же мы столь долго на заключительной главе книжки о. П-ва с тою целью, чтобы показать читателям, как далеко наш автор уклонился и насколько он склонен уклоняться от определенного и ясного

смысла, заключающегося в евангельском тексте, а при изъяснении его – допускать кривотолкования и стремиться к оригинальности, бьющей на дешевый эффект и популярность, с явным при этом ущербом для истины, – и вопреки богословской экзегетике.

Расставаясь с книжкой о. П-ва, мы не можем пройти молчанием одного обстоятельства. Книжка нашего автора снабжена в самом тексте одиннадцатью картинками. Помещение этих картинок в тексте книжки кажется нам несколько странным, непонятным. Присутствие некоторых из них (Гиерон и мудрецы, видение Артабана) – совершенно излишне; присутствие же других (явление Христа в мир, насыщение пятью хлебами пяти тысяч человек, Иисус Христос в пустыне, Христос и грешница) – совершенно неуместно, так как текст этих картин и не иллюстрирует, и не соответствует содержанию тех мест, где они помещены. Объяснить этот недосмотр со стороны автора – мы не берем на себя труда.

На этом мы и заканчиваем свою речь о книжке П-ва: «Беседы о Боге и Божьей правде». Quod potui, feci, faciant meliora potentes!

П. Козицкий

Гринякин Н. Новости из раскольничьего подполья³⁰⁶
// Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1342–
1361

Конец пичугинского разглагольствия во второй беседе производит такое впечатление: преступник изворачивается, существа дела не касается, старается уязвить своего обличителя, восхваляет свои деяния и заискивает «снисхождения» «присяжных». Вот что говорит Пичугин в конце своей речи.

«Отец Крючков позволил себе показывать пальцем отцу нашему с оскорбительными для человека словами: «вот это лютеранин! самый Лютерашка»... Лютер был еретик 16 в.; он учил вопреки св. отцов, а *главное* он учил крестить поливанием (нет, *главное*, пожалуй, в том, что он учил об оправдании одною верою без церковных иерархии и таинств, как учит и Пич-ин!)... О. Крючков изменил вере св. оо. (прочитал «Уложение» п. Филарета в потребнике, л. 538 – об Игнатии п., не повторившем крещение над «Маринкой папешской веры»), не только не ругаясь еретическому поливательному крещению, но даже считая его святым и равносильным трехпогрузательному (как считал его таковым и св.-муч. Киприан – пис. 62)... и о. Крючков есть самый родной брат с лютерашкою... теперь имею честь поздравить вас с Лютером... хорошая партия – о. Крючков и Мартин Лютер!» (лл. 155–7).

Сценка, можно сказать, рассчитана на галерку. И впечатление, пожалуй, произведено. Но кто же мог одобрить её из благоразумных и смыслящих что-нибудь в писании зрителей! Что безпоповщина, если не в принципе, то фактически, схожа с лютеранством – это вне всякого сомнения: Лютер учил об оправдании *одною верою* и Пичугин тому же учит; у лютеран крещение совершается общинно-выборными *мирянами* (пасторами), то же и у поповцев; у лютеран – в евхаристии только *символическое* тело и кровь Христовы, и поморцы «причащаются по *иному* образу» (не содержа таинства причащения); у лютеран нет остальных пяти таинств церковных,

– нет их и в безпоповщине. Сходство, несомненно, есть. Пичугин и сам это нечаянно подтвердил, прочитав вслед за приведенными сейчас его словами текст из 44 зач. Деяний, – ап. Павел сказал ефесским пастырям: «внимайте убо себе и всему стаду, в нём же вас Дух Святой постави *епископы пасти церковь Господа и Бога*, юже стяжа кровию своею». Где же в лютеранстве и безпоповщине эти епископы, поставленные Духом Святым для пасения Церкви Божией? И в первом, и во второй их нет. И стадо-ли Христово, а не овцы блуждающие, и лютеране и безпоповцы, удалившиеся от Христопреданного пастырства? Вот на что должно бы быть обращено внимание слушателей беседы. По для П-ина это было опасно и он тотчас после приведенного текста переходит к «волкам тяжким, не щадящим стада» (еретикам) и манит благосклонность и доверие к себе слушателей сицевым образом:

«Последнее предприятие о. Крюкова (доказательство бытия священства и при антихристе) рассеивается, как утренний туман с восходом солнца правды, – писания св. отец. Следовательно, все старания о. Крюкова и его грубые поношения останутся тщетны и удаляются от нас, как прах от гумна жатвенного! Благословен Господь, иже не дает нас в ловитву зубов их. Долгом считаю благодарить вас, любезные и дорогие слушатели, за ваше благосклонное внимание. Ваше высокое усердие превосходит всякую похвалу... какая вам честь за столь усердное тщание... Господь воздаст вам по достоинству» (л. 160). Невольно припоминается басня Крылова о «лисице и вороне»... П-ин восхваляет слушателей, желая украсть у них беспристрастие и доверие к его дальнейшим словам. «Всё, что говорит о. Крюков от писания (а о вечности Христовой иерархии он говорил поистине от писания), принимаю, говорит П-ин, и я... О. Крюков требует от меня сказать, вечно-ли Христопреданное священство? я на это сколько раз говорил (и не ответил!) и сейчас скажу (и тоже – не ответит): все обетования Божии вечны (значит, и обетование о священстве?); но не вечны люди, не постоянны их нравы, изменчива воля, и люди же изменяют обетованию (но обетование о священстве дано Господом на веки, безусловно и

с клятвой, как показано о. Крючковым, и человеческие нравы не могут быть выше силы и воли Божией!); я представляю фактически то, что священство впало в разные заблуждения и ереси... роковой (у каких св. отец взял это понятие П-ин? рок – понятие языческое, у христиан рока нет, а есть на всё воля Божия!) 1666 год был *последствием* печати (а когда же случилась самая печать-то?) последнего отпадения священства... Пусть о. Крючков перейдет от воображения (у о. Крюкова не воображение, а слова Свящ. Писания и св. отец) к фактам (но «слово Божие» будет судить нас, как то, несомненно, известно П-гу, а не «факты») от слова (но слова Св. Писания – слова не пустые) к делу (какому?), ибо что говорится в писании о священстве (а там говорится, как показано, именно об его вечности), я усерднее (?) его принимаю; но слов одних мало (т. е. слов Божиих-то?), нужно дело. Я доказал несостоятельность священства (да об этом и вопроса не было), а также и опроверг нелепое обвинение моего собеседника (который раньше всяких обвинений просил П-на ответить на вопрос, и поныне оставляемый П-гиным без внимания) с помощью (противникам Своих обетование Христос – не помощник!) моего Господа Иисуса Христа, аминь. Я кончил» (л. 162).

Да, «кончил», но вопроса о. Крюкова, вечно-ли Христово трехчинное священство, все-таки не решил.

Указанием на это последнее обстоятельство о. Крючков и начинает своё ответное слово. О. миссионер подвергает критическому разбору пичугинское толкование «Соборника» л. 877 и 12 гл. Апокал., 44 зач. Деян. И показывает с полной наглядностью от писания, что истинные церковные пастыри будут и при антихристе. Начиная, после того, по порядку опровергать все изветы П-на на св. Церковь, о. Крючков читает свидетельства о том, что поливательное крещение признавалось в Церкви святым и не повторяемым («окружное посл». Марка Ефес. – «Выписки» Озер., стр. 407, 2 ч.; Потребник 15 в. Синод. библ. № 310, гл. 16, л. 57, и вопрошение Кирика Нифонту Новгород., – о принятии латин обливанцев вторым чином). «А Пичугин, говорит о. Крючков, обзывает

обпвательное крещение проклятым и еретическим и меня назвал братом лютерашки».

П-ин. Отец, какая это у вас книга, из которой вы сейчас вычитывали, Марка Ефесского что-ли самое послание, или другая какая-либо книга, кто это так странно для Христовой Церкви и чуждо написал, чтоб от латин не крестить, а только миром мазать?

Крючков. Это у Пичугина, слушатели, самая страшная злая цель – спрашивать какая книга... Давай я де буду перебивать его речь спрашиванием книг, и не смешая-ли его. Нет, нас не смешает, сколько он ни умудряется... Ну какую еще тебе надо книгу. Давай прямо дело ему ту самую книгу, послание Марка Ефесского! Где бы я тебе её взял? У нас под руками той самой нет. Эка чуда! Что-ж из этого? Все ведь книги под руки не возьмешь и не покладешь!

П-ин. Добр. сл., это заметьте, он всё наслаждается чтением из возлюбленной ему книги сочинений купца Озерского, а не Марка Ефесского. Марк Еф. никогда сего не говорил... Пусть о. Крючков представит нам налицо то самое послание, тогда будет другое дело.

Вопиющее бесстыдство: чем же П-ин доказал, что выдержки из послания Марка Еф. – в «выписках» Озерского не соответствуют подлиннику... что «Марк Еф. этого никогда не говорил»? Да ничем: «Послания» Марка Еф. у него, у самого никогда не было и нет. А какие чинит придирки!...

Крючков. Где бы я тебе её сейчас припас!... Эх, какую вину нашел, и радость себе сыскал! Давай де того требовать, чего нельзя сделать!

П-ин. Мне больше ничего не надо и не требуется, но только чтоб добрые слушатели знали, из какой книги ты вычитывал, спасительное-ли учение св. отца, или ж погибельные плевелы московского купца.

О. Крючков начинает приводить свидетельства о поливательном крещении в древней церкви – «если крещаемый был болен».

П-ин. Отец, слово – «если болен» есть в книге?

Крючков. Опять придирается! всё дело из рук выбивает. Ну вот смотри потребитель рукописный Иова патриарха л. 493, в чине крещения: «аще ли младенец крещаем есть посаждающ его в крестильницы в воде до выи придержа левою рукою; десною же рукою приемлет теплую воду, возливаем на главу его трижды глаголет преждереченные стихи (т. е. «во имя Отца» и проч.), занеже младенцу слабу сущу, блюдися залива» (Озер. ч. 2, стр. 401).

П-ин. Отец! из какой книги-то читаете, соблаговолите узнать?

Крючков. Опять за книгу! что это за мучение! Что же тебе надо?

Что же ты спрашиваешь?...

Во свидетельство приемлемости в древней церкви поливательного крещения о. Крючков приводит из книги «Зонара» л. 77, чет.-миней, 1 дек. и пр. по «выпискам» Озерского.

П-ин. Отец! будет вам читать выписки-то Озерского, вы их замучили! Вы ведь этим только публику на грех наводите, смотрите как она волнуется!...

О. Крючков читает о поливательном крещении (которое П-ин проклял) 62 письмо свящ.-муч. Киприана (по книге – «творений» Киприана, взятой у П-ина) и переходит к вопросу о вечности священства (кн. о вере, гл. 1, л. 10 об.). «Пичугин, говорит о. миссионер, живет со своим отцом Максимом Лютерашкой! и в своей моленной слово о причащении в 4 нед. поста в «Златоусте» не читает, потому что, говорит, братию сим смутишь!»

П-ин. Кто вам, отец, говорил это; баба что-ли?

Крючков. Может быть и баба!...

П-ин. Значит вы есть «бабий сплетник»!

Крючков. Ну! молчи... и ты сиди... разговорился! Вот еще читал П-ин о том, что можно причащаться и духовно, мы это и без него знаем... что можно причащаться и духовно, т. е. различными добродетелями... жертву духовну приносить Богу всякий мирянин может. Вот, напр., я положил в кружку «семишник» вот и жертва (публика засмеялась над словом

«семишник»...) – Но это не тот агнец, о котором сказано в евангелии: «ядый Мою плоть...» (зач. Ин. 23).

П-ин. Отец! скажите нам, что такое есть слово «агнец»? О. миссионер на основании Толк. Ап. л. 544–549 выясняет отличие духовной жертвы от евхаристической тайны – причащения, доказывает, что мерзость запустения – теперь у раскольников и указывает на основании того же писания, что когда святая жертва опустошена будет, тогда и мир скончается.

П-ин придирается к тому – сейчас же-ли, по спустошении жертвы мир скончается.

О. Крючков выяснил на основании Толк. Ап л. 535–536, – Кир. 32–33, что жертва Христова продлится до второго Христова пришествия и – после того мир стоять не может (по раскольничьему же мудрованию жертва спустошена в 1666 г., а мир существует и до сего времени, хотя по Писанию антихрист будет царствовать буквально только 3½ года) и обратился к собеседнику со словами: «где же теперь святая жертва? в восточной или западной что-ли церкви, когда по твоему у нас её нет, или у ваших отцов лютерашков? Вот что писано: кто восхищает священство, тот есть хуже беса и они суть не Богу рождение, но дьяволу детей рождают (Озер. ч. I, стр. 339). Вот у них и отец Максим, которого П-ин поставил в отцы, и этот отец хуже – лютерашки, хуже беса. Бесы просили Христа идти в стадо свиное, и Он им повелел; а отец Максим Привалов Паимский к свиньям сам пришел, они его не звали». Свою мысль о. миссионер подтвердил затем ссылкой на 56 и 57 лл. номоканона (о восхищающих не дарованное им и священнодействующих без хиротонии) и множеством других ссылок на священное и святоотеческое писание (Иер.23:16; сл. свящ.-муч. Киприана, Игнатия Богоносца, Симеона Сол. – см. Озер. ч. I стр. 238, 100, 125 59, 66–7).

Обличительную свою речь о. Крючков закончил пожеланием, чтобы его собеседник доказал от Писания, может-ли все священство в Церкви Христовой сделаться солью обуялою.

П-ин обижается, что о. миссионер на основании «писаний» считает поморское общество «хуже киргизов и бесов»,

подсмеивается над его выражениями в роде – «сшвырнуть» и др, и заявляет от нечего сказать, что «поморцы истинные христиане... а таких-то помазанников хвост за хвост до Москвы не перевешаешь, которыми хвалится миссионер, да что же в них» (л. 184).

Третья беседа³⁰⁷ предварена в раскольничьей книге «примечанием», будто о. Крючков стал уклоняться от беседы, боясь Пичугина, долго не давал распоряжения отворять храм и звонить, – будто и православные слушатели роптали на своего «батюшку», что он долго не является «распутывать» для них то, что «напутали наши предки с 1666 г»., и будто он, явившись на беседу (в 11 ч.), кричал П-ину: «я тебе больше двух часов говорить не дам» и т. п. Насколько автор «примечания» не заботился в данном случае о правде, наши читатели увидят из описания настоящей поимской «беседы».

Да и видано-ли дело, чтобы о. Крючков, при его познаниях и миссионерском опыте, мог устраситься поморского пустословия... Он всегда рад был показать всю тщетность безпоповского упования в защите его такими «богословами» и «адамантами», как Пичугин.

Беседу начал Пичугин. Восхвалив «добрых и благосклонных слушателей за их усердие к слушанию святого писания, за их благий и добрый подвиг ходить туда, где сеется семя божественного писания, за их поспешный приход в храм» (а о. Крючков, мог, опаздывает!) и т. д., и посулив им за всё это вознаграждение от Господа Бога, Пичугин плачется: «я вытерпел (видели мы, как вытерпел) и всё на себе снес от моего собеседника: хулы, клеветы, поругания, обиды, поношения, оскорбления и по глазам биения и т. п. издевательства, которые вы сами сподобились (!) видеть воочию. Благодарю за сие Господа моего, что Он сподобил меня быть в таковом позоре и злохулении ради Его святой гонимой церкви! (это поморщины-то!), которую я по силе моей защищаю» (надо бы сказать, похулил и отверг!) и т. д. Затем раскольничий говорун, как это всегда бывает с его собратьями по искусству, чувствуя конец беседы, ведет уже начисто

пропагандистскую речь, занявшую в его книге целых 174 страницы.

По существу от обвинений миссионера он не оправдывается; он говорит об этом, так сказать, вскользь, главное же его внимание обращено на то, чтобы наивозможно «горшими» поношениями унизить миссионера, похулить православную Церковь, приписать ей наивозможно больше ересей и сообщить слушателям о замешательстве миссионера и его безответности.

По этой программе П-ин и ведет свою пропаганду. «Претерпев по глазам биение» (т. е. достойное обличение поморщины от писания), он теперь прежде всего поносит о. миссионера, начиная с его «злой физиономии» (л. 188 об.). Коснувшись 57 л. номоканона («нерукоположенне действующие священная... горше бесов») и объяснив (при ссылке на 18 Янв. чет.-мин. в жит. Афан. Алекс. – о ложном попе Исхираре), будто бы в этом месте осуждаются только те, которые, не имея хиротонии, считают себя хиротонисанными и сами «хиротонисают и литургисают» (а 30 л. – в предисловии Кормчей?), в чём невинны поморские наставники, П-ин восклицает:

– «Неужели у моего собеседника нет смысла, чтобы понять это место» (л. 190 об.), он сделал тщетный труд постыдного нахальства (л. 191), он проповедует, что «бесы веруют во Христа» (л. 192). «Поступаю далее по следам о. Крюкова; он сказал: что наставник наш пришел к свиньям непосланным, и *это ожидание превосходит всякое неприличие* (видимо, долго потел над этой фразой раск. писака и все-таки не выразумел её смысла)... Ведь *свиньи* по произволению (?) только еретики *попы*... они не только *свиньи*, но и *волки*... и *псы*... всегда лающие... (л. 193 об.)... «О. Крюков назвал добродетели агнцем. Здесь можно видеть полное бессмыслие о. Крюкова и полное невежество», вопит П-ин (л. 195), «спустошение жертвы» он толкует по *жидовской* методе – буквально, а не по духу... не как только растление, смешение доброго со злым – действие лжепророков, еретиков и их сатанинской тайны» (л. 198)... какой он жалкий» (об.).

Нужно поражаться миссионерскому терпению о. Крючкова даже и по книге-то раскольничьей. Он выслушал спокойно всю ругань раскольничьего оратора. Да она и не заслуживала опровержения и потом. Жалко только старообрядческих слушателей, на которых, судя по книге, действовала пичугинская речь, и которые довольствуются и услаждаются таковым «непщеванием вины о гресех»: в Кирилловой кн. пишется (л. 32): «внемли же мерзость запустения... яко еретицы жертвенников не имут»; миссионер говорит безпоповцам, что, по Кир. кн., у вас, как не имеющих жертвенников, и есть «мерзость запустения»; раскольничий начетчик отвечает: жертвенники только – во алтарях, – вот если бы у нас были алтари, а не было жертвенников, тогда бы была «мерзость запустения», а то ведь у нас и алтарей-то нет (л. 200 и об.).

Несмысленные буквоеды, хотя, как Пичугин (л. 198), и думающие понимать писание «по духу», оправдываются такими доводами, над которыми посмеются и дети. К примеру: беден, в мирском смысле, тот, у кого нет денег для жизни; но богаче-ли его тот, у кого нет не только денег, но даже и места для них... Спросите об этом ребенка, и тот скажет, что положение последнего бедняка хуже; а поимский «адамант» говорит, что – лучше. Чего же стоило о. миссионеру выслушивать гордое и наивное буесловие Пичугина? Но он выслушал. «Адамант» видит, что не пронять ему миссионера никак; и вот он пускается на «горшее». Он переходит к 1666 г. (по книге о вере л. 271) и заводит речь о никоновской реформе. Здесь Пичугин повторяет уже столетние клеветы на православную Церковь по поводу никоновской «памяти» соборов 1656, 1666–67 гг. о двуперстии, печати на просфорах, молитвы Иисусовой, аллилуии, именованного перстосложения и т. п. (по «Деяниям» соб. «Истории Рус. Ц.» Макария, «Дополн. к актам истор.» т. 5 и др.), делает затем ссылку на «Стоглавый собор», на котором «было множество святителей древнего благочестия; *Петр, Алексий, Киприан, Фотий* (уж не тех-ли тут П-н святителей влечет на стол. собор, которые лет за 200 и раньше этого собора преставились? Вероятно, он на них рассчитывал) и Иоанн – множество святых и теперь мощами сияющих (только не в

поморщине спасшихся!), и подтвердивших оный собор» (а не безпоповщину!) и выводит заключение, что собор 1666 г. «воздвиг брань против древнего собора... и здесь является отступление и отпадение от св., древней, соборной, апостольской церкви, здесь является брань, здесь является вся фантазия (?) антихриста»... (л. 218 об.). Не преминул вспомнить П-ин и об единоверии, – что единоверцы под «клятвою» собора 1666–67 гг., и самый этот собор «и церковь греко-российская проклята от святых отец древней Христовой Церкви... и хиротония её неблагоприятная» (л. л. 220–221). Далее П-ин «находит три официальные (!) латинские ереси» в православной Церкви: 1) искоренение крестного знамения (двуперстия) и «пременение трехчастного креста, употребляемого кругловидною печатью для печатания на просвирах, на двучастный крест, употребляемый в латинех»; 2) отменение сугубой аллилуии и заповедание аллилуи трегубой», что – якобы есть четверение Св. Троицы (по стоглаву гл. 42); и 3) поливательное крещение (л. л. 22–224).

Поимский ревнитель «древности» повторяет в приведенных выдержках и древнее пустословие; все его изветы на православную Церковь и его «официальные ереси» уж двести лет, как опровергнуты и изобличены от «писания» в противораскольничьих сочинениях прежнего времени, и порядочные раскольничьи начетчики уже стыдятся срамить себя ими: они уже поняли, что ересь – в неправой вере (1 пр. Вас. Вел.), а не в обряде (крестное знамение, печать на просфорах) и что поливательное крещение («смотрительное») принималось св. древнею Церковью за святое и спасительное. А Пичугину это дело, видимо, еще не по голове (кстати сказать, коммерческой, а не богословской). Такою же постыдною отсталостью и гордым тупоумием отзываются и дальнейшие рассуждения коммерческого богослова, и его ссылки о возможности и спасительности безпастырского состояния на пр. Иез.13:34 с толк. Иерон. (ч. I, кн. 17, стр. 148) и др. и осуждения в еретичестве соборов 1656, 66, и 67 гг. «Злобный 1666 г., ораторствует П-ин, родил ужасы не только земли, но и неба... представители Российской Церкви дали палачей... и испанские

пытки...» и делает затем «подирающая по коже» и длиннейшие выдержки об этих «пытках» из «Винограда российского» (Румянц. муз. № 505), газеты «Голос» (№ 280, 1880 г.) и др. Выдержки сдобряются умиленными воззваниями к добрым слушателям, ссылками на «писание» (не к делу, конечно, – на одни библейские и св.-отеч. фразы) и угрозой судом Божиим «преследователям и гонителям *Божией Церкви, т. е. простецов, верующих в Него*» (л. 252 – где же это П-ин нашел такое определение Церкви, – что она есть – «верующие простецы? в каком св. Писании?»). Как и нужно было ожидать, расхаживавшийся буеслов делает нападение потом с особыми пропагандистскими затравами на объяснение «Розыска», «Пращицы» и др. слова «Исус» (равноухий), – находит тут похуление имени Христова и Божия, и засим вычитывает прещения и клятвы Божии на священников, не воздающих чести и «славы *имени* Господню»: «послю на вы клятву, и прокляну благословение ваше, и оклян у я, и разорю благословение ваше... (Мал.2:1–2)... се Аз отлучу вам рамо и раскидаю *требухи* на лица ваши... вместо же груди требуху положил, содержащую кал... Господь помажет лица ваша гноем» (толк. Феодорита – из кн. толкования на 12 пророков, ч. 6, на 2 прор. Захарию и Мал.2:1; стр. 209–212). «Подумайте, добрые сл., заканчивает П-ин речь, какое же это священство в таком-то *наряде?*... с новыми мантиями, – вместо митроносного убора головы, требухами и не простыми, а с содержанием зловонного кала... оно не только похуляет имя Божие (?) Исус, но и ложь в имени Его проповедует... имя это еврейско, а не эллинско (Б. Кат. л. 300, 36; Поучит. ев. л. 484; Кир. кн. 576)... а кто «лжу глаголет во имя Господне» (Зах.13:3) (в толковании Феодорита кир.), кто превращает истину во лжу, тот на место Бога поставляет отца лжи – дьявола, и желает преобразить Бога в сатану... и священство отца Крючкова за клятвы, *ереси* и лжи заслуживает калые требухи... а все мои собратия счастливы, так как Сам Бог таковых своих верных (!) рабов берет под свое высокое покровительство (Зах.1:13, толк. бл. Феодорита)... смиренных (в роде П-на!) христиан-поморцев... их веру в Иисуса Христа никакая угроза сломить не может. Хулы и ругательства

мы во имя Божие принимаем за честь (а зачем же П-ин, кипятился и оскорблялся из-за «лютерашки», «свиней» и «горше бесов»?!)... Теперь я близок к концу предпринятого мною *великого подвига* по вере (какая гордость и самохвальство!), – на вопрос моего собеседника о вечности священства я с Божьей помощью ответ дал пространный и верный (даже не заводил речь на этот вопрос, а все четыре часа порицал *еретическое* священство!): во 1-х, я показал, что личного поручательства Иисуса Христа во св. евангелии не было; во 2-х, насколько священство было склонно к падению, в 3-х, что еретики-священники не есть священники Божии, но антихристовы таинники, не пастыри, а волки, не люди, а скоты с кривыми хвостами (!), церкви их – синагоги жидовские, в церквях их не Бог пребывает, а дьявол, крещенные от них крещены в лагерях дьявола, они не жертву приносят Богу, а пищу демонам и всех прельщенных ими предлагают в пищу демонам... я вывел вопрос на совершенную чистоту фактов... священство в 1666 г. пало *всё* налицо; а Христова Церковь осталась со Христом *без священства*. Это я заявляю в присутствии о. Крюкова к сведению всех слушателей. Теперь мои вопросы, на которые пусть ответит о. Крюков обстоятельно: где именно осталось после 1666 г. неотступившее священство?... «хулитесь-ли в церкви имя Божие Иисус, или теми хулами прославляется? проклинаясь-ли в церкви двуперстники и само двуперстие с писанием, которое о нём свидетельствует? Принимается-ли церковью поливательное крещение наравне с трехпогружательным?... Вопрос о вечности священства я считаю более, чем разрешенным (!), а следов., и снятым с очереди (в кусты?)... и считаю оправданным наше нужное безпоповское пребывание по вере;... но, наконец, всеильному помощнику моих трехдневных трудов, Творцу вселенной и Богу Отцу и Сыну и Св. Духу воздаю честь и хвалу. Аминь» (л. 274).

Этим и закончил свою четырехчасовую речь фанатичный пропагандист раскола. Речь мудрая – в смысле – «еже творити злая». Четыре часа П-ин, не касаясь вопроса о. миссионера, на веки или на время установлено Христом священство, поносил

св. Церковь, с её иерархией, обвинял её в разных «официальных» ересь (какие же это *официальные* ереси?!), насмехался шутовскими словоизвержениями над православными пастырями, ссылаясь для видимости на «угрызенные» места «писаний», задавал *несколько* вопросов миссионеру, притворялся гонимым и «пытаемым» и закончил своё хитрое пустословие «воздаянием чести и хвалы» Пресв. Троице. Вот они «смиренные-то христиане, гонимые и утесняемые», которые, кстати сказать, находят себе плакальчиков даже среди образованных светских писателей!...

Судя по речи Пичугина, четыре часа публично, в «лице» синодального миссионера, изливавшего всякие помои на св. Церковь, в присутствии «земского начальника и др. лиц, стоящих у власти», и беспрепятственно распространяющего свои писания в том же роде по св. Руси, теперь гонимым является скорее православие, чем раскол...

Опровергать здесь речь П-на было бы длинно, в виду того, что всякое его положение – ложь. В описании настоящей беседы Поимской, которое найдет место в нашем журнале, о. Крючков обстоятельно ответил на изветы П-на, и мы в настоящий раз ограничимся немногим. Пич-ин проповедует, что «*церковь* – есть верующие *простецы*», что противно всем святым писаниям (см. вып. Озерского из слова Божия и святых отец). Завиняя греко-российскую Церковь в трех «официальных» ересь (троеперстии и четырехконечном кресте, в трегубной аллилуии и поливательном крещении) и разбрасывая за это «кальные требухи» на лица православных пастырей, П-ин, потеряв страх Божий, хулит святых, «нетлением мощей просиявших», хотя и державшихся и, троеперстия, и трегубой аллилуии и считавших за спасительное поливательное крещение (см. выписки Озерского). Писали св. отцы и имя Спасителя «Иисус» (П-ин умышленно, чтобы навести на православную Церковь клятвы «писания», выражается: Исус – *имя Божие*); ужели и на св. отцов П-ин в своём бешеном фанатизме накинёт *кальные* требухи?! А что имя Исус встречается и в Евангелии святителя Алексия, и в Остромировом, и в Острожской библии, и в «беседах»

Златоуста, и у Никона Черногорца (см. вып. Озерского), об этом П-ин несомненно знает. А какое нахальство подтасовки: кто не воздаст чести имени Божьему, но похуляет его, тому такие-то клятвы и прещения по слову *пророков* и толкователей их, греко-российские пастыри «похулили имя *Исус*», след., и на них те же клятвы и прещения. Да ужели настолько потеряли совесть раскольничьи апологеты? Ужели в *ветхом* Завете, когда говорится об *имени Божием*, разумеется слово *Исус*? Ужели третья заповедь: не приемли *имени* Господа Бога твоего всуе» – означала не приемли слова *Исус* – всуе?! (Когда слово *Исус* тогда ничего даже священного не обозначало). В каком, П-ин, писании ветхозаветном Бог называется *Иисусом*, и в каком писании новозаветном сказано: «*Исус есть имя Божие*»? Архангел, благовестивший Пресвятой Деве, говорит: «и родишь сына и *наречеши* (будущее время) имя ему *Иисус*» (см. Синайский Кодекс Тишендорфа, список Евангелия – древнейший в мире), – значит: до рождения Сына Божия «*Исус*» (*Иисус*) никакого *имени Божия* не означало, да и потом оно стало именем только *родившегося* Сына Божия от Св. Духа и Девы Марии, Богочеловека; с какою же совестью П-ин «*Исуса*», как имя Божие, тянет в ветхий завет? Уж не проповедует-ли он особой ереси, что *Иисус* Христос был и до рождения от Богоматери, не как Сын Божий, а именно как *Исус* с плотью и кровию, как *Богочеловек*? Ведь от коммерческих богословов всего можно ждать! К тому же наши противораскольничьи полемисты прежнего времени (Св. Димитрий Ростовский, еп. Питирим и др.) толковали только *Исус*, как слово, а не похуляли имени *Спасителя*. Что касается разглагольствий П-на о соборах «Стоглавом», 1656, 66, 67, гг., и «вопросов» пичугинских, то об этом, при такой обстоятельной критике по сему предмету, какую так богата наша миссионерская литература, и говорить нам излишне, чтобы не толочь воду... «Вопросы» П-на ничего страшного и не могут значить: «неотступавшее священство» в Церкви греко-российской: «в *вере* от времен апостольских она не погрешила»; «имени *Божия* *Исус*» не хулила никогда и не дерзала на сие богохульство, поливательное крещение (как «смотрительное») принимала, согласно св. отцам, за

спасительное, как и трехпогрузательное (на всё это см. в «вып.» Озер.; всё это до наглядности разъяснено в соч. Павла Прусского и др. миссионеров, в церковных «увещаниях» к раскольникам и «воззваниях»).

По некоторым пунктам своего пустословия П-ин дал место в книге и разъяснениям о. Крюкова, хотя слишком ограниченное, и при том после особого «примечания».

В «примечании» лжесвидетельствуется, что о. миссионер сидел молча «долгое время», – искал чего-то в книгах, – публика роптала на молчание; православные священники оправдывали «молчание» тем, что о. миссионер «не припасался» к беседе; публика возражает, что синодальному миссионеру и «припасаться» совестно, и начинает волноваться из-за «молчания» (л. 275). За «примечанием» описывается маленький скандал: помощник миссионера Пестов, отдав якобы дань красноречию и начитанности П-на, обвиняет последнего в том, что он «подскабливает» книги (имя *Иисус* в «беседах апостольских»). П-н требует «сейчас же» показать это. Пестов сознается, что он «ошибся» и извиняется громко, чтобы все слышали. П-ин – «прощаю». А книга, которую П-ин передал Пестову для отыскания «подскабливаний», будто уже «оказалась на коленях другого помощника миссионера, и другой человек заслонил её другой книгой» (дескать, хотели украсть и испортить...). «Подняли шум, все поразились этою неожиданностью. Крюков сменился с лица. Публика сделала сильное волнение и начала требовать с Пестова: в какой книге П-ин подскаблил... если не окажется оно, то Пестов доволен отвечать на суде, за низкую клевету» (это «смиранные»-то и гонимые христиане-поморцы!...). За «скандалом» 23 страницы отведено слову о. миссионера (это против 174 страниц Пичугинской речи!).

О миссионер выясняет, за что проклинали, а гражданская власть гнала раскольников – за непокорение, самовластие и бесчинство (читает 12 т. «истории» м. Макария, стр. 131, 132, 202, 203).

Раскольничьи начетчики ни на одной беседе не упустят случая поплакать насчет «телесного озлобления»... Они

вычитают всё, – как гнали раскольников и «рубili им головы на плахах» и т. п. Они пользуются тут и недостоверными раскольничьими же писаниями, и газетами и вообще чем попало. Но при этом никогда не осведомят слушателей, за что собственно «рубili головы» раскольникам. За что отрубili голову расстриге Никите Пустосвяту? За похуление и оскорбление *царской* власти, и при том прямо в лице, в грановитой палате. За что сожжен Аввакум? Тоже за похуление царского величества. За то же казнили и других хулителей Высшей власти и бунтовщиков – в роде соловецких монахов (см. «Соловецкий бунт»).

А насколько сами раскольники против «телесного озлобления» за веру, можно видеть хотя бы из известных слов прот. Аввакума к царю Федору: «а что царь, государь, дал бы ты мне волю на никониан; всех бы я распластал, что Илья пророк: сперва бы Никона собаку рассек на четверо, а потом и никониан»... И вполне вероятно, будь «дана» расколу эта «воля», он обзавелся бы форменной инквизицией. За похуление имени Божия, Богоматери, креста и т. п., по 1 ст. Уложения Алексея Михайловича (1649 г. – при патр. Иосифе) полагалась смертная казнь. И раскольники за имя *Иисус*, за отвержение православными католического и вместе раскольничьего учения о *непорочном* зачатии Пресвятой Девы, за *четверокопечный* крест и т. п., ни одного бы «распластали, что Илья пророк»...

Разъяснив, от кого и за что подвергались раскольники «телесному озлоблению», о. Крючков переходит к обличению первой «официальной» ереси, измышленной П-ным, – перстосложению для крестного знамения и приводит свидетельства (из «Скрижали», «исповедания» П. Могилы и др.) об употреблении в церкви троеперстия далеко раньше п. Никона и московских соборов 1656 г. и 1666–67 гг. и затем начинает выяснять настоящий смысл «соборных клятв», как положенных не на «обряд», а на соединяемые с ним хулы на св. Церковь, непокорение и бесчинства раздорников... Но раскольничья книга далее не могла стерпеть разъяснений о. миссионера (чего доброго, мол, еще смутишь «книгой» древлеправославного

читателя!) и спешить изобразить скандальный конец беседы. И вот в каком виде он изображен (с 289 л. по 303 л.).

Публика (раск.) шумит и негодует на о. миссионера за его разъяснения по «частным случаям» (будто?), а не по «вопросам» П-на. П-ин тоже. (Видимо, разъяснения-то миссионера не по нраву пришлись поморцам!). О. миссионер будто бы обзывает шумящих и негодующих раскольников псами и «тихонько» мерзавцами. Кое-кто «мерзавцы» услышал. Из публики слышится: «разве мы мерзавцы, мы честные люди... истинные христиане, приехали за 1000 верст послушать св. писания... и доброй беседы»... В ответ на шум будто бы «следует: вот таких-то шарлатанов и проклинали... ты, буйла, что зеваешь... бешеный кабан... вишь жабу-то выпускаешь»... П-ин будто хлопчет усмирить публику, читает смиренное нравоучение миссионеру и повторяет свои вопросы. О. миссионер переходит к разъяснению имени Иисус и Иисус и говорит между прочим: «мы греческий язык не знаем обоим с П-ным». «Публика рассмеялась, тихо говоря: помилуй Бог, да еще бы во рту у Крючкова был второй греческий язык, тогда бы вовсе была беда!... Он с одним русским-то что делает» (уж по этой мужичьей остроте можно судить, какая «публика» роптала!... и насколько правдив автор книги, подслушивавший «тихие» разговоры?). Миссионер читает выдержки из древних книг с именем «Иисус» («ап. беседы» стр. 1344 и др.), и разъяснения по сему и др. затронутым П-ным вопросам из «Розыска» (лл. 18, 4, 5, 7–1, гл.4:15), – доказывает «обрядность» всех волнующих раскол предметов. П-н перебивает и просит показать, «правда ли, что Димитрий рост. посадил на двоеперстие демона и сатану». Миссионеры выясняют, что само двоеперстие не проклято Церковью. П-гин перебивает ссылкой на 276 и 7 кн. Никифора астрах., что «ругательства и поношения относятся к *подозрительному*, и новому преданию, всей св. Церкви противному *двуперстному* сложению» (*подозрительному*, – потому что раскольники полагали его за догмат, а в сем смысле оно и достойно порицанья, как неведомое Церкви новодогматствование). Выяснил о. миссионер (на осн. «Розыска» и при пособии

«истин.-др. и ист.-пр. церковь Христова» м. Григория), в ответ на какую хулу со стороны раскольников на троеперстие (на трех перстах: са – та – на) было написано Димитрием рост.: «приличнее было бы *им* – раскольникам (а не сам Димитрий писал) написать – на своём двоеперстном сложении де – мон» («Роз». стр. 490 изд. 1847 г.). Указал о. миссионер, как св. пр. Церковь рассматривает «порицательные выражения» прежних писателей (как отдельных лиц) полемистов, доказал коротенько и единство православной и единоверческой Церквей.

Затем, по раск. книге, миссионер будто сел и молчит. Публика ропщет. Миссионер заявляет, что он, «может быть, больше не желает говорить или м. б. не умеет». П-гин грозит записать эти слова. Мисс., – «ну и пиши, а я как испугался, (и на ропот публики) «рази я вас здесь держу насильно, – хотите стойте, хотите идите»... Тут у «некоей женщины на руках сильно закричал младенец. Миссионер распоряжается, чтобы она удалилась. – Публика ропщет на распоряжение. П-ин: «добр. сл., смотрите на вашего пастыря! Какой же он пастырь! Гонит вас из храма! Христос Спаситель, Добрый Пастырь, говорит: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы»; а вас гонят из храма» (Да ужели же миссионер обязан был «успокаивать» младенца?) и далее: о. Крючков не желает вести беседу и уклонился совершенно от вопросов... отвечать на них он не в силах... проводит время в молчании»...

О. Крючков. – «Что вам за дело! не хотите находиться здесь, в храме, то ступайте хоть все. А я буду сидеть здесь... это не ваше дело.

П-ин. Вы, отец, будто бы как немножко не в себе?...

О. Крючков. Это ты сумашедший! пра сумашедший! если я более говорить не желаю; ты меня насильно ведь говорить не заставишь! ишь привязался»!

Этим книга раскольниковья и заканчивает собеседование.

В заключении автор книги поместил «примечание»: приезжие старообрядцы делают укор православной церкви за молчание миссионера в лице «местным и приезжим священникам». Те обороняются «усталостью батюшки и неподготовленностью его к беседе». Старообрядческий писец

негодует на молчание миссионера, так как ему «со стенографом (правосл.) писать осталось нечего».

О. Крючков. А мне больно нужно, не пишите хоть обои...

Писец. Хорошо, так и запишем (отцы, обратился писец к приезжим священникам, будьте свидетелями... мы пишем то, что было на самом деле).

Священники. Да, писать следует то, что происходит на беседе.

О. Крючков. А што мне больно нужно што-ли, так и пиши! эка я больно испугался! чево те говорит!

П-ин заключает, что о. миссионер не ответил на его «вопросы» и что все российское священство с 1666 г. пало... «оно имеет три латинские ереси». «Запели стихиры пасхе, и беседа кончилась. Публика с ропотом расходилась от безответия Крюčkова, а старообрядцы с радостью возвратились в дома своя» (303 л. об.).

Вот образцовый подлог раскольниковьего гектографа. Мы с нарочитою целью привели некоторые подробности из «третьей беседы», чтобы показать, что способны сделать раскольниковьи книжки даже с такими первоклассными миссионерами, как о. Крючков, который в продолжении 25 лет поражал и поражает наповал раскольниковье суемудрие.

Всю лживость «третьей беседы» раскольниковьей книги наши читатели увидят, когда прочтут описание настоящей поимской беседы о. Крюčkова; поэтому мы в данном случае и не останавливаемся на фактической стороне богатырского поимского «прения о вере». Мы теперь хотели бы оттенить только техническую сторону дела. О. Крючков поставил вопрос – о вечности хриstopреданного трехчинного священства – на основаниях слова Божия и св. отец. П-ин согласился, что «*по стороне писаний*» он с о. Крючковым согласен (что священство Христово вечно), но заявил, что поморцы, не имея трехчинной иерархии, пребывают все-таки со священством Христовым (каким и каких чинов?), хотя потом и стал доказывать, что «*Церковь Христова*» есть – *верующие простецы*» (на основании каких писаний?). Чувствуя слабость своих доводов по поставленному вопросу и вместе конец беседы, П-ин четыре

часа поносит православную Церковь, завиняет её в *разных* ересьях, ставит *несколько* «вопросов» миссионеру, поносит всячески православных пастырей и тому подобные «пакости деет» в надежде, что, мол, миссионер за четыре часа моей речи устанет (потому что за нею надо напряженно следить и работать, значит, не меньше говорящего) и не в состоянии будет ответить на все её положения, – а я де буду перебивать его и к случаю язвить, а потом выведу из терпения и закончу беседу... Кому из бывалых миссионеров не знакома такая тактика раскольниковых болтунов? И вот с этой стороны П-ин в «третьей беседе» представляется и по раскольниковей книге в самом позорном виде: 174 страницы он занял своими, не относящимися к существу вопроса (о *вечности* Христова священства по *писаниям*), словоизвержениями и ссылками об еретическом священстве, поношениями наших пастырей, отсталыми речами о «порицаниях и клятвах»; и затем оправдательную речь миссионера (всего в 23 страницы) нахально перебивает, выставляет миссионера ругателем, читает ему нравоучения, вкладывает в его уста только такие оправдания Церкви, которые, при своей слабости, еще более бы укрепили его обвинения и освещали их, поставляет его якобы в безответность и торжествует победу. Но кто же из мало-мальски сведущих людей поверит раскольниковей книге? Ведь «вопросы» П-ина уж двести лет тому назад сокрушены; их обличит и семинарист 6-го класса. Кто же поверит, что синодальный миссионер остался пред ними безответен? Да, – правдой, мол, не возьмешь, не выиграет-ли ложь... Вот что преподносится уму читателя, беспристрастного, при чтении Пичугинской книги. Всем и православным, и старообрядцам, кому попадутся на глаза мои строки о беседе Пичугина с о. Крючковым, советую внимательнее прочесть, что на самом деле происходило и говорилось на поимской «беседе», которая в подлинном виде будет пропечатана в нашем журнале. А П-ину посоветовал бы не противиться Слову Божию и святым отцам: не проповедовать протестантскую, народную (из простецов) церковь, не соблазнять «малых сих», чтобы не «обвесился жернов осельский на выю его», и не думать, что ложью можно

прийти и других привести ко спасению... Если П-ин честен, и христиански честен, он должен понять всю фальшь и натяжки своих доводов против святой Церкви и её пастырей, и в памятовании того, что Страшный Судия воздаёт «за всяко слово праздное, еже аще рекут человецы», принести покаяние пред Церковью святою и за свою «беседу» и за свою книгу, которая поступает с его именем в архив «отца лжи»...

Н. Гринякин

Из записок и дневников

**Pia desideria сельского священника по вопросу «об
упадке духа» в нашем духовенстве //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1362–1369

Глубокий интерес возбуждают к себе статьи «Мисс. Обзор.» об «упадке духа» в духовенстве, в особенности те из них, которые более верно определяют истинные причины «упадка духа», относя их к разряду нестроений, так сказать, внешне-правовых и общественно-бытовых. Наоборот, глубоко ошибается тот автор, который всю почти причину сваливает на внутренние духовные явления, «на критику» – правда нередко пристрастную и резкую – деятельности духовенства со стороны интеллигенции. Для нас отчасти непонятно, каким это образом – пусть будет это не только «критика», но даже бессовестные инсинуации и выдумка – могут действовать столь угнетающим образом на духовный склад, не только отдельных личностей, но и целого сословия, – раз жизнь и деятельность последнего идет по совершенно иному руслу и имеет свои особенные цели и задачи, неизмеримо выше стоящие над задачами «мирских» людей, в их сутолоке обыденной жизни. Вам нечего «падать духом» от того, что теперь с *небывалою* свободой говорится в анти-церковном лагере о ненужности Церкви, её ритуала, установлений, догматов. Мы всегда это должны иметь в виду и всегда быть к этому готовыми. В Евангелии постоянно говорится, что жизненная стезя «делателей жатвы» очень терниста. Поэтому смущаться и «падать духом» от кликов «новопутцев» ли, или совсем «безпутцев» – для духовенства было бы непростительным малодушием; нам, пастырям, нужно *уметь* отражать нападки и давать ответ «вопрошающим».

«Жить скверно, душно и тяжело» – вот что может ответить всякий священник на вопрос, отчего он так угрюмо-мрачен, бездеятелен, неавторитетен среди прихожан и замер духовно?...

Действительно, жизнь священника страшно тяжела, прямо невыносима... Требование от нас «плодотворной» деятельности

является какою-то иронией над калекой, которого заставляют плясать...

Для того, чтобы «делать», работать, нужно во многом изменить нашу жизнь. Нужно жить полною всестороннею жизнью: много учиться, видеть, знать. Справедливо было сказано о консисторском судоустройстве, семинарском воспитании, благочинническом «усмотрении», материальной зависимости и пр.

Необходимо, чтобы священник сознавал бы себя личностью, а не игрушкой, или пешкою в руках благочинного, который отмечает «иерею» поведение, как мальчишке... Что может быть унижительнее и хуже для пастыря словесных овец. (После этого толкуйте об уважении к духовенству!). Неужели духовенство не доросло еще до права и сознания выбирать себе *первого между равными*, т. е. благочинного, и коллективно, братски, обсуждать поведение собратьев, и вообще о своих нуждах, тогда как податной класс – крестьяне и мещане давно уже выбирают себе руководителей – старост; не говорим уже о купечестве, дворянстве, *выбирающих* себе «голову», «предводителя»!... Зачем такое недоверие к духовенству. Может-ли среди духовенства образоваться и поддерживаться солидарность и общение духовное на почве пастырских интересов, если оно не имеет возможности устраивать съезды, собрания, общества, библиотеки и т. д.? Разумеется, никому не придет в голову считать наши «благочиннические» и «епархиальные» съезды тем объединяющим духовенство средством, когда эти съезды являются одною из скучнейших и тяжелых повинностей, держащихся единственно только «бумагой».

Про взаимные отношения консистории и епарх. духовенства говорить и не приходится. Прекрасной иллюстрацией этого может служить опубликованный в прошлом году в печати тот случай, как секретарь одной из консисторий *брал священника* за то, что тот не встал при проходе через приемную секретаря... Стоит только побывать в приемной консистории, чтобы убедиться, как изложенный факт все-таки близок и возможен в действительности... Стоит только взглянуть на эти растерянные,

побледневшие лица иереев с крестами, совершенно забытых и потерянных причетников, – робко вскакивающих с лавки, при проходе, – не говорим – членов или секретаря, – а просто – столоначальников с серебряными пуговицами, чтобы понять, какая ужасная неправда воцарилась в отношении духовного учреждения – консистории к духовенству.

Может быть, такой порядок был естественным лет 40, 50 назад, когда духовенство было проще, жизнь проще и к духовенству не предъявлялось таких требований, какие предъявляются теперь. Теперь-же, когда жизнь в своём поступательном развитии идет быстрыми шагами, и от духовенства требуется соответствующая напряженная деятельность. Вот почему для последней и должно расчиститься русло современной церковной жизни от вековых наслоений, ненужных, омертвевших бумажных форм и тягостных сословных предрассудков.

Духовенству говорят: учи в храме, в школе, проповедуй, вееди собеседования, открывай братства, попечительства и проч., словом, предлагается самое живое дело, и в то же время духовенство связывается и опутывается целою сетью указов, циркуляров, предписаний, которым решительно нет места при живой, духовной, или религиозной деятельности. Последняя, конечно, не только страдает, но прямо замирает, раз её коснулась всеубивающая «бумага»...

Во что превратился современный священник, как не в чиновника. От него требуют и к нему обращаются с «бумагой» и становой, и фельдшер, и урядник, и волость, и воинское присутствие *et cetera, et cetera...* и все ведь это «требуется», «сейчас», «немедленно», «к сроку»... Неужели же можно подобные явления считать нормальными в деятельности лиц, определенных к одному делу (ясно выраженному в идее Церкви: крестить, учить и проповедовать – совершение богослужения, таинств и проповедь) и – только всего.

Зачем же так грубо и бесцеремонно задавили высочайшее из званий – священство совершенно ненужными и вредными для него обязанностями? Ведь все почти сознают, что одно из слабых мест нашей церковной жизни – это привлечение

православных священников к отправлению функций государственных (напр., регистрация родившихся, бракосочетавшихся и умерших). Это акты чисто гражданского характера – и следовало бы передать ведению гражданской власти и тогда бы мы, – духовенство, освободившись от этих, поистине, «сверхдолжных» дел, могли бы с большею ревностью и досугом отдаться пастырской деятельности. А то получается какая-то каша.³⁰⁸

Но, что бы пастырская деятельность была действительно плодотворна, необходимо, чтобы жизнь священника была *содержательна*, и главное – постоянно бы *освежалась*, а это достижимо лишь путем свободной организации собраний, съездов, путешествий, обучения (курсов) и прочее. Всего этого в настоящее время нет и потому все мы почти обречены на медленное, но верное и постепенное замирание... И это так же верно, как человек без пищи должен умереть именно с голоду.

Присматриваясь к жизни нашего духовенства, невольно бросается одна черта, резко выделяющаяся из других; это – жалобы на скуку, на тоску от безделья, однообразия, безлюдия. И вот, в поисках лучшего, все почти озабочены... переменой приходов. «Хоть гирише, да инше» – говорит измученный однообразием, бессмысленностью своего прозябания молодой, но опустившийся иерей и принимается за тщательные поиски *нового* прихода.

Он разоряется, переезжая с места на место, тратится «зря», по пустому, но он надеется на год, на два избавиться от опостылевшей ему обстановки и ищет новых людей, новую местность, новые условия. Конечно, самым лучшим средством борьбы со «скукой» служит «дело», но дело такое, которое захватило бы тебя всего с головой, дело дорогое, которое любишь, в которое веришь; но что же сказать о большинстве случаев, когда оно для нас является скучнейшей чиновнической барщиной. Поехал бы освежиться, – попутешествовать, но на этот счет духовная власть как-то смотрит не совсем благосклонно (а за границу, кажется, и нечего думать, – мол, впадет в «ересь»).

Притом же самые отпуска так обставлены у нас, что решительно у всякого пропадает охота брать его, предпочитая «сидеть дома». Но это в особенности создает тяжелое положение, когда отпуск требуется сейчас, напр., в виду болезни кого-либо из членов семьи. Обычный порядок испрашивания отпуска таков:³⁰⁹ нужно подать прошение непременно архиерею, с представлением свидетельства от благочинного в неимении препятствия к выезду и затем подписки от соседнего священника в готовности исправлять требы за время отсутствия взявшего отпуск, едущие лечиться, кроме того – свидетельство от доктора. Представим себе такой случай (в действительности имевший место): старичок священник заболел глазами. Посоветовали ехать в университетский город – в клинику, к знаменитому профессору. Нужно брать отпуск. Но, в виду того, что местожительство священника находится почти на половине пути, как в свой губернский город (где живет епархиальный архиерей), так и в университетский, то во избежание непроизводительных расходов – по поездке в свой губернский город за отпуском (на что потребовалась бы значительная для священника сумма) прошение об отпуске было послано по почте, с указанием срока отпуска. Чрез довольно продолжительное время, наконец, приходит отпуск, но срок его давно уже вышел! Разумеется, отпуск такой священнику более не нужен и он остался ждать, пока совсем лишится зрения. (А в другой раз лезть к «начальству» за тем-же отпуском как-то духу не хватает). И вот на основании таких нелепых требований, чисто канцелярского характера, приходится жертвовать своим здоровьем, душевным спокойствием, материальными средствами и пр. и ради чего? – одному Богу известно... Неужели все неудобства «паспортного вопроса» должны всею тяжестью обрушиться и на скромное русское духовенство? неужели его нельзя освободить от этого ига, бесцельных трат, и обременения «начальства» такими пустячными делами, как отпуска. Ведь духов. никогда не станет злоупотреблять своею свободой и бросать приходы по первому капризу. Как в этом случае выгодно поставлены те из духовенства, которые служат по учебному ведомству: они

располагают в году целыми месяцами свободы ездить, видеть, знать.³¹⁰ Без этой перемены в быте духовенства, от него невозможно ждать ничего плодотворного: сидя в глухой деревушке безвыездно, нельзя дать ответ не только какому-либо Розанову, или Мережковскому, но и простой деревенской начетчице бабке-знахарке. Получили возможность немногие из современного образованного духовенства говорить громко и уверенно среди образованных мирян именно потому, что для них сложились так счастливо обстоятельства, что они, с одной стороны, обладая солидным образованием, могут постоянно пополнять и освежать его, вращаясь среди людей мысли и науки; а с другой – им пришлось быть свободными от тех пут, коими скована жизнь остального духовенства. Дайте ему свободу *управления*, передвижения и просвещения, снимите путы, непосильные и ненужные в жизни духовенства и оно тогда воспрянет «духом» и явится «достойным деятелем» своего высокого призвания.

Свящ. Т. Черкасский

От редакции. Давая место статье о. Ч-ого, не можем не оговорить, однако, некоторых её рискованных положений, способных вызывать недоразумения. В самой статье мы почти не прикоснулись к ним редакционным карандашом, уважая свободу искреннего обсуждения назревших вопросов, тем более, что те же ноты слышатся и в голосе других, кроме о. Ч-ого, батюшек, сокрушающихся разными болями современной церковной жизни; и голоса этого нельзя не выслушать и с болями этими, так или иначе, нужно считаться.

Прежде всего, по нашему мнению, автор впадает в излишний пессимизм по трактуемому им вопросу об упадке духа в духовенстве. Теперь, до перемены в положении сельского духовенства, «от него будто бы невозможно ждать ничего плодотворного», говорит автор. И мы извиняемся, напечатав это мнение, пред теми скромными пастырями-подвижниками, которые, и при «душном и тяжком» житии своём, работают плодотворно и на пасторской, и на школьно-просветительной, и на миссионерской ниве. Да, таковые есть. Ими не оскудела еще наша Церковь. Их знают и ценят на месте.

Тут вопрос может лишь быть в том, каких больше пастырей: согласимся наперед, что таких немного, что они избранники, правда и то, что это – случаи смотрительные, «в обдержность неприемлемые», но всё же эти достойные пастыри те «праведники», ради которых можно бы пощадить всё духовенство от произнесения над ним приговора безнадежности. Далее, закон и институты необходимо отличать от «исполнителей»: закон может быть и хорош, да «исполнители» – не по времени и не вполне соответственные. Если, например, взять подчеркиваемые о. Чер-ким отношения чиновников консистории к духовенству, то сам по себе консисторский институт тут не при чем, – тяжела и обидна еще доселе царящая некультурность его служителей, а она – в прямой зависимости от материальных средств содержания их. Не надо забывать, что чиновники консисторий получают нищенские оклады. При этом считаем не лишним оговориться, что состав секретарей везде почти в консисториях обновлен, и в нём мы знаем достойных людей, почтенных тружеников.

О. Чер-му хотелось бы приложить к церковному правопорядку институт крестьянских, купеческих и дворянских выборов «головы» и «старосты», дабы «коллективно обсуждать поведение собратьев», во избежание обидного «благодетельского усмотрения» и школьнической «отметки поведения иерею». Проект – прогрессивный. Но как провести его в церковную жизнь, уклад которой далеко не однороден с институтами «мира сего» – земскими учреждениями и их идеалами: смысл «ставленной грамоты» каждому священнику известен, известно ему и каноническое положение священника в епископии, – что «без воли епископа пресвитеры ничего не могут совершать, ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их» (Ап. пр. 39). Мы охотно дадим место о. Чер-му, если бы он нашел практический путь к плодотворному примирению своих «чаяний» с обязательными для Церкви каноническими правилами, или же показал удобопрекратимость последних по обстоятельствам места и времени (применительно к Кормчей л. 74). Это – первое.

Второе. Автор напрасно, если не сказать легкомысленно, считает «пустячными делами» отпуска священникам и относит их к области «паспортного вопроса». И тут – недоразумение. Канонический смысл священнических «отпусков» далеко выходит за пределы обычного «паспорта». Мы имеем в виду правила – 33 ап., 4 вс. соб. 13, ап. 12, 4 вс. соб. 11, – о «мирных грамотах» клирикам от епископа, без коих они, во избежание «подлога» и «подозрения», не могут отлучаться в чужую епархию. А сколько теперь «австрийских» попов и штундобаптистских «пресвитеров», которые блазнят народ своим лжеиерейством?...

Как устранить тягостную для духовенства *канонически-паспортную* систему в виду соблазнительных подлогов нашего времени и именно на почве религиозно-пастырской, о. Ч-кий не указывает. А затем, с чисто пастырской практической стороны, пожелания о. Ч-ского о свободе отлучек не могут не отразиться тягостно на приходской пастве: кто будет отправлять требы, если отцы будут свободно разъезжать и разгуливаться?

Третье и «горшее». О. Ч-кий пишет: «дайте духовенству (епархиальному) свободу управления, передвижения»... Легко написать эти модные слова, а пусть-ка, – повторим сказанное, – автор укажет образ «свободы управления» епархиального духовенства, при его *каноническом* положении в епархии. А *каноны* – ведь *наш* с вами, о. Ч-кий, *закон*. Тут – трудная дилемма: каноны церковные или «свобода»... Имея в виду и страшную ответственность за соблазн «малых сих» (и православных, и раскольников, укоряющих нас за преступление канонов) и великую важность этой дилеммы по существу, думаем, что решение её – дело далеко не журнальной статьи, хотя, дай Бог, чтобы вздохи и этой статьи не остались «без благих последствий»...

Жаров И., свящ. В защиту правды // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1370–1375

«Неверные веса – не добро пред Господом» (Притч.20:23)

В 14 № «Мисс. Обзор.» за текущий год помещена статья свящ. В. Изумрудского «о школьном и частном-пастырском воздействии на раскольников» (429–437 стр.). О. Изумрудский, сиюсь доказать в этой статье бесплодность публичных миссионерских собеседований, не достигающих якобы своей цели, между прочим, указывает, как на один из аргументов, подтверждающих его мысль, и на малодетельность местного епархиального миссионера. Так он говорит: «публичные собеседования доступны самому ограниченному меньшинству их (раскольников), так, напрым., наш жиздринский епархиальный миссионер делает в год 8–10 бесед среди нескольких тысяч старообрядцев»... (стр. 433). Епархиальным миссионером жиздринского участка. Калужской епархии, состою я; следовательно в данном месте о. Изумрудский аттестует мою деятельность. Взявши на себя труд аттестовать меня, о. Изумрудский допустил непростительную иерею Божию неточность и незаслуженно осудил меня в мнимой бездетельности. Я состою епархиал. миссионером с конца 1896 г. О каждой миссионерской поездке я подаю епархиальной власти рапорты; а по окончании года – годовой отчет, в котором, между прочим, я обозначаю и общее число произведенных мною в течение года бесед. – И вот, из отчета 1897 г. видно, что мною произведено 52 публичные беседы; в 1898 г. – 49 бесед; в 1899 г. – 41 беседа; в 1900 г. – 42 беседы; в 1901 г. – 51 беседа и в 1902 г. – 30 бесед. Таким образом меньшее число (30) бесед падает только на прошлый 1902 год. Но это объясняется тем, что у меня май и июнь месяцы этого года были заняты участием в подготовительных комиссиях к миссионерским съездам и участием на самых съездах в гг. Козельске и Боровске и общепархиальном – в г. Калуге; а в августе месяце я участвовал в миссионерской поездке по Жиздринскому участку с чиновником особых поручений при Обер-Прокуроре Св.

Синода В. М. Скворцовым. А сколько еще мною производится ежегодно собеседований частного характера в домах раскольников, в домах их лжепастырей; сколько приходится беседовать с лицами, уклонившимися в раскол, которых духовной консисторией мне поручается увещевать, – об этом я и не упоминаю...

Из вышеприведенных официальных цифровых данных ясно, насколько о. Изумрудский правдиво относится к трудам своих собратьев...

Во имя правды, нахожу нужным сказать несколько и по поводу дальнейшего в статье о. Изумрудского. О. Изумрудский, считая миссионерские собеседования с раскольниками недостигающими своей цели (433 стр.), рекомендует в своей статье, как более целесообразное средство «воздействия на отступников – школьный путь», и затем описывает свои успехи на поприще просвещения своих приходских раскольников деревень Черной Грязи и Липиловых дворов (434–435 стр.) указанным путем... Насколько, на самом деле, велики успехи о. Изумрудского на поприще школьного просвещения своих приходских раскольников можно видеть из отзыва компетентных в данном случае лиц – о.о. епархиального и уездного наблюдателей; а последние (на бывшем в прошлом 1902 г. Калужск. епархиальном миссионерском съезде, где о. Изумрудский и читал свою статью) пред всеми членами съезда отзывались не совсем похвально об его успехах и энергичности. Впрочем, и сам о. Изумрудский чистосердечно заявляет в своей статье, что «при некотором (только) содействии г. земского начальника у нас открылась – среди старообрядцев – церковно-приходская школа». Но, ведь, известно, какое магическое действие производит на раскольников-крестьян хотя бы и только «некоторое» содействие (воздействие) г. земского начальника. А не будь этого «некоторого» воздействия, едва-ли бы получила своё существование и школа...

Если же, что и сделано о. Изумрудским в отношении просвещения раскольников деревень Черной Грязи и Липиловых дворов, то, выражаясь словами писания (Рим.15:20), сделано на чужом основании – и о. Изумрудский

хвалится не своими трудами (2Кор.10:15–16). Жизнь раскольников деревень Черной Грязи и Липиловых дворов, как то известно и о. Изумрудскому, судя даже по его статье, органически связана с жизнью раскольников деревень Дворцов и Скаковской (в 12 верстах). Все проявления общественной и, главным образом, религиозно-нравственной жизни последних деревень непременно сказывались и до настоящего времени сказываются и на жизни первых Так, открывшиеся публичные противораскольнические собеседования калужских миссионеров в дер. Дворцах, произведя известное действие на раскольников деревень Дворцов и Скаковской, не остались и не прошли бесследными и для раскольников деревень Черной Грязи и Липиловых дворов: «накануне дня, назначенного (Калужск. миссионерами) для собеседования, говорит о. Дударев в своей автобиографии, приехал в нашу деревню, с черно-грязских дворов, начетчик М.М. Щербаков, и заявил мне и старообрядцам, что придет беседовать» (стр. 113). Беседы же калужских миссионеров начались в тех местах за много лет даже до перехода о. Изумрудского на настоящий приход: «в Калуге открылось, говорит в своей автобиографии о. Дударев, противораскольническое Братство св. апостола Иоанна Богослова. Я поспешил познакомиться с главными деятелями в Братстве. А один из них, Иван Михайлович Жаров, как мой земляк, и давно был знаком со мною. Я предложил им приехать в нашу деревню и устроить... публичную беседу... и первый раз беседовали 3 января 1881 года... Потом они приезжали и еще несколько раз. Эти беседы произвели на многих старообрядцев благотворное влияние» (108 стр.). Производятся в тех местах публичные собеседования и до настоящего времени... А о. Изумрудский занял приход, к которому принадлежат деревни Черная Грязь и Липиловы дворы, в 1893 г. Следовательно, сердца старообрядцев – прихожан о. Изумрудского целых 12 лет находились под благотворным, умягчающим воздействием миссионерских бесед... О. Изумрудский, заняв этот приход, получил в раскольничьем населении почву уже взрыхленную 12-летними трудами о.о. миссионеров и, несмотря на это, заявляет, что только его «случайные беседы заметно трогали сердца

старообрядцев, некоторые из них приглашали меня (его) к себе в дом, а все, при встрече, стали мне (ему) кланяться» (стр. 434). Не в обиду будь сказано, о. Изумрудский «жнет, где не сеял» (срав. Мф.25:24; Лк.19:21)...

Далее о. Изумрудский, описав рождение им «при некотором содействии г. земского начальника» церков.-приходской школы в дер. Черной Грязи, повествует о том, сколько якобы стоило ему труда, сколько потребовалось от него пастырско-миссионерской опытности для того, чтобы приучить правильно смотреть на эту школу не только детей, «никогда близко не выдавших православного священника», но, даже, и самих родителей, «опасавшихся за возможность преподания их детям «никонианской благодати» чрез священническое благословение»... Опять, – знакомому с раскольниками означенных деревень приходится глубоко недоумевать и искренно удивляться... Школа, устроенная в дер. Черной Грязи о. Изумрудским, *существует* всего только «*пять лет*» (435 стр. его статьи). Между тем старообрядцы деревень Черной Грязи и Липиловых дворов еще задолго до появления на этом приходе самого о. Изумрудского не только имели понятие о православной школе, но, даже, и обучали в последней своих детей. «Осенью 1868 г., читаем в автобиографии о. Дударева, было положено начало (самим же о. Дударевым) народной школы в дер. Дворцах... В 1869 г. о. Дударев пригласил в учителя окончившего курс студента... Это училище... сделалось не только рассадником образования, но и сильным средством к ослаблению раскольнических предубеждений против Церкви. *Здесь дети раскольников – мальчики и девочки, изучая грамоту, изучают и Закон Божий у приходского священника, учатся пению церковному, и некоторые даже ходят в православную церковь петь на клиросе. Все мальчики и девочки без исключения вместе с православными молятся Богу и ничуть не чуждаются православных.* Жители дер. Дворца – старообрядцы совсем изменили свой взгляд на училище и с большой охотой отдают детей своих в школу» (99–101 стр.). В этой-то дворцовой школе старообрядцы и деревень Черной Грязи и Липиловых дворов обучали своих детей, – так, напри-м.,

по словам о. М. Дударева, попечителя сказанной школы, в последней учились дети Тим. Мих. Дерюгина, Ив. Сем. Дерюгина и др... А если в дер. Черной Грязи и Липиловых дворов до о. Изумрудского не было собственной школы, то это объясняется не столько косностью раскольников, сколько просто невниманием к данному делу приходского духовенства. Если же, затем, и самому о. Изумрудскому, хотя при некотором участии г. земского начальника и открывшему школу в дер. Черной Грязи, все-таки стоит много труда приучить к школе не только детей-раскольников, но и их родителей, а преподавать Закон Божий в этой школе так-таки и не пришлось в силу якобы того обстоятельства, что дети-раскольники, при одном его появлении, оставляли свои места и некоторые вместо ответов плакали и со слезами на глазах убегали домой; то это печальное явление объясняется, надо думать, не характером раскола данной местности, а пастырской нетактичностью самого о. Законоучителя. Ведь, известно, что дети – и особенно дети раскольников держат себя к православному священнику так, как внушают им их родители. Последние же ценят православных пастырей, что тоже должно быть известно всякому мало-мальски знакомому с характером раскола, и сближаются с ними не на той или другой «любезной для них (священников) отрасли хозяйства» и тем более не на почве «ветеринарных знаний», а на почве религиозной, ценят православных пастырей за их, наприм., – строго уставную службу, истовое изображение крестного знамения и, вообще, за истовость чисто пастырскую. А о. Изумрудский начал сближаться со своими приходскими раскольниками на любезной для него почве «ветеринарных и садоводных» познаний, где якобы и имел успех. Но как только он – о. Изумрудский – стал сходиться с ними на почве «школьной и частных, случайных религиозно-миссионерских бесед», то та и другая почва оказались настолько «нелюбезными», что – «прямо-таки заставили его (о. Изумрудского) просить отделение передать преподавание Закона Божия в сей (черногрязской) школе г. учителю, что и было исполнено отделением *к преуспейанию школы*». Таким образом, насколько он опытен в борьбе с тьмой раскола на

«любезной для него почве садоводных и ветеринарных» познаний, – кстати сказать, – не так важных для пастыря Церкви, настолько оказался малоопытным на почве прямых своих пастырских обязанностей. Вот эта-то малоопытность и есть главная причина того печального явления, что «к преуспеянию школы» уступается законоучительство г. учителю, получившему образование только в уездном училище... Если сам о. Изумрудский, студент семинарии, оказался малоопытным в просвещении раскольников путем школьным, то насколько же подвинется вперед просвещение раскольников от деятельности учителя с низшим образованием и совершенно незнакомого с характером раскола и делом миссии?! Если можно прийти к таким печальным результатам уже на подготовленное публичными миссионерскими беседами почве; то что же может ожидать подобных батюшек там, где раскольники чужды влияния миссионерских бесед?! После этого говорить что-либо подобным батюшкам против публичных миссионерских собеседований едва-ли резонно?!

Публичные миссионерские беседы, оказывая несомненную пользу в ослаблении расколо-сектантства и в просвещении и вразумлении отступников, приносят, с другой стороны, еще и такую пользу, которую вполне достойно оценить и определить цифрами не могут даже и сами миссионеры, – это укрепление, целыми сотнями православных в истине содержимого ими православия, которое они нередко под влиянием постоянной расколо-сектантской пропаганды, будучи не в состоянии сами разобраться в лживости последней, бывают очень и очень близки к намерению оставить.

Отнимать у миссионерских бесед их положительное значение, считать их совершенно бесплодными, или «дремучим, шумящим лесом», значит не только считать весь наш миссионерский институт излишним, а защитников его (проф. Н.И. Субботина, проф. Н.И. Ивановского) «Миссион. Обозр.», и всех миссионеров не правыми, но и спорить с самой историей церкви, на всем протяжении своего существования, свидетельствующей о миссионерских собеседованиях с отступниками, как о мере вполне целесообразной и

благоплодной (см., наприм., 93 пр. Карф. собора, миссионерская борьба бл. Августина с донатистами и т. д.).

Свящ. И. Жаров

**Ремизов Н., свящ. Тамбов. епархии. Еще один
пастырский отклик на послание еп. Антония к
духовенству Волын. Епархии // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 20. С. 1376–1378**

I

Каждому обвиняемому обыкновенно предоставляется право на слово самозащиты. И мы, священники Русской Церкви, осуждаемые так или иначе окружным посланием преосвященного Антония к духовенству Волынской епархии, чувствуем живую потребность. сказать в свою защиту несколько слов. Мы вовсе не думаем оправдываться в том, что не сумели воплотить в себе идеал православно-русского пастыря; но, напротив, глубоко скорбим, что так или иначе заслужили отеческое слово укоризны такого доброго просвещенного архипастыря, каков преосвященный Антоний.

Мы открыто заявляем, что в окружном послании преосвященного Антония изложена в сущности глубокая и горькая правда, но только думаем, что на некоторые обстоятельства, рассматриваемые в послании, позволительно смотреть с иных сторон, чем это сделано в послании, – со стороны человечности, во имя которой мы и решились писать эти строки.

Действительно, в нас встречаются «порочные свойства пастыря – корыстолюбие, пренебрежение своим долгом, чувственность, или маловерие» (последнего в сущности в ком нет?)... Бываем мы и «землевладельцами-хозяевами и специалистами какой-либо праздной привычки, коннозаводчиками, музыкантами и тому под...». Но и при всём этом голос совести, обличающий, томящий, надрывающий, терзающий, всегда жив в нас, никогда не умирает в тайниках души, только разве заглушается временами под гнетом тяжелых условий жизни, положения в обществе, под игом материальной необеспеченности семьи и воспитания детей (как ужасно тяжело ныне это последнее). По страшному закону плотяности, весьма трудно не устать и не утомиться в ужасной борьбе с мирским и

чувственным, весьма трудно не задремать и не занежиться под обманчивым влиянием человеческого покоя и счастья... Мы люди, хотя и пастыри, и вина наша в том, что мы люди, и в том, что общество не может с этим помириться. С этим обстоятельством необходимо глубоко считаться, в нём коренится весь трагизм нашего глубоко-ответственного положения.

Но ведь мы не всегда бываем плохими пастырями, сухими требоисправителями, заядлыми материалистами... Всё это, по совести сказать, в нас временное, – всё это с течением времени в нас пройдет и проходит. Всё это – наша болезнь, а болезнь или проходит, или ведет к смерти, при этом всегда бывают мучения и страдания, в коих и выражается всегда всё, что в нас бывает хорошего. Потребность пастырства, жажда лучшей деятельности, умиление братства, нежная сердечность – всё это в нас перемешивается с тем, что есть в нас дурного. Но едва-ли найдутся среди нас такие пастыри, которые бы являлись в приход, «как чужие к чужим», и еще менее среди нас таких, у которых нельзя было бы «спросить совета в затруднительных обстоятельствах жизни». Как бы ни был плох пастырь, какие бы неприятности ни случались у него в приходе, всё же он, за самыми редкими и весьма исключительными обстоятельствами, всегда свой человек в приходе, весьма часто самый близкий и дорогой. Возьмите в пример каждую отдельную семью: сколько между членами её бывает всевозможных и крупных неприятностей, – не говорим уже о разводах брачных, – и однако весьма часто в тех же семьях каждый член друг другу дорог. Что же требовать от такой многочисленной семьи, как приход? Ведь тут столько жизней, столько характеров, столько умов, что право можно простить нам, если мы где и не в силах бываем под тем или другим воздействием жизненной обстановки справиться с приходом... Что же касается «печальных крестьянских беспорядков, бывших в восточной Малороссии», то мы откровенно скажем, что чувствуем почему-то, – как бы это ни казалось многим наивным, – что по настоящему глубоко-печальному времени «сыновнее доверие мирян к своим пастырям» тут безусловно не при чем, если

только на обязанность пастырства мы не будем возлагать всякого рода ищейства, пронырства, назойливости и т. п. По нашему разумению, здесь весьма и единственно важно: настроение, возбуждение, нервы, горячность головы и сердца и хитрость извета; тут одна минута – и всё и всегда может и могло случиться, – и мысль в эту минуту о пастырстве и отношении к нему – просто невозможна. С этою нашею мыслью будет легко согласиться, если мы припомним, с каким беспримерным нахальством и дерзновением добивалась смерти Спасителя толпа, когда-то горячо внимавшая Господу и встречавшая Его, как Царя своего. И может ли поэтому пастырь Церкви, слабый и немощный, уврачевать страсти народные, возбужденные до последней крайности? Нет, тут нельзя винить пастыря, – что не сдержал он народной страсти. И какой бы ни был хороший пастырь, как бы близко ни знал он приход, всё же он не может знать того, какую нехорошую мысль затаил в своей душе тот или иной прихожанин его, какое нехорошее дело задумал он сделать! Преосвященный Антоний в своём окружном послании рисует высший идеал пастыря и тем хочет поправить «небывалое ослабление нравственной связи между пастырями и пасомыми». Скажем от сердца: дай Бог! Но нам невольно при этом навязывается вопрос: неужели от одной только личности пастыря зависит это ослабление, а личность пасомого тут не при чем? Думается, что в этом небывалом ослаблении очень большое значение имеет и личность пасомого. Мы даже и думаем, что ослабление это потому и небывалое, что личность пасомого весьма много в настоящее время изменилась к худшему, чем она была в прежнее старинное время, и изменилась не от того или иного отношения к ней личности пастыря только, а и от других причин весьма многих и самых разнообразных, в ряду которых стоит и та, что ныне у нас пастырь по своему положению «последняя спица в колеснице»... Благодаря этому обстоятельству можно с уверенностью сказать, что даже пастырь по идеалу, начертанному преосвященным Антонием, не поправит в настоящее время небывалого ослабления нравственной связи в

приходе. Ослабление это, конечно, – великое горе; но нельзя и несправедливо сваливать его на плечи одного пастыря...

Главный секрет этого ослабления заключается в безверии века, которое коснулось и народа и пошатнуло вековые нравственные устои. Это безверие века всё шире и шире расплывается в народной массе – и как опасно оно для Церкви и государства! Ему непременно должна противостоять православная вера, и пастыри Церкви покажут всю силу своей личности, хотя и угнетенной, но всё же достаточно еще сильной для борьбы со злом...

Свящ. Тамбов. епархии Н. Ремизов

**Смирягин А., свящ. Из пастырской хроники
сельского священника³¹¹ // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 20. С. 1379–1398**

В священники я поступил с большим запасом знаний по богословским и по многим светским наукам; употребляя на приобретение этих знаний 15 лучших лет своей жизни, я думал, что все они понадобятся мне, когда вступлю в самостоятельную жизнь; но вот я уже священником более 12 лет и до сих пор не имел возможности приложить к жизни и сотой доли моих разнообразных сведений; к сожалению, должен сознаться, что пройденные мною школы дали мне очень мало необходимого и для отправления обычных иерейских обязанностей. Руководители наших духовных школ, не зная потребностей народа и условий жизни духовенства, выпускают питомцев мало подготовленными для практической деятельности.

Лишь однажды удалось мне произвести чуть не фурор своими сведениями, да и то не по богословским наукам, а по механике. Были крестины у одного из служащих в николаевском агентстве Р. О. пароходства и торговли; крестный отец, кажется, влиятельный техник того же общества, видимо рисовался за столом своими проектами, а слушатели благоговейно внимали его ученым речам. Говоря о прочности пустотелых металлических колонн, он, думается мне, случайно ошибся. Я вежливо заметил ему это. Техник смерил меня взглядом и видя, что все смотрят на него, упорно стал отстаивать своё мнение. Я не уступил; завязался спор, в котором я наглядно доказал ошибку техника. В результате присутствовавшие стали смотреть на меня гораздо лучше, чем на заурядного священника и за мои иерейские труды стали давать несколько больше. Помню, при первом служении литургии в Семено-Агриппининском молитвенном доме я обратился к народу с откровенным словом; сказал, что пришел к нему с самым искренним желанием приносить людям посильную помощь и пользу; просил своих прихожан относиться ко мне доверчиво, смело обращаться ко мне за советами и указаниями не только по

делам совести, но и по житейским; не даром же меня учили целых 15 лет; для того, чтобы научиться служить в Церкви и исполнять требы достаточно для грамотного человека и одного года, и такой человек, если смотреть на священника лишь, как на требоисправителя, имея громкий голос и зная хорошо нотное пение, имел бы громадное преимущество пред самым ученым приходским священником, не обладающим хорошим голосом и знанием нот. Короче сказать, я искренно желал быть настоящим пастырем Церкви Христовой и потому просил своих прихожан относиться ко мне тоже, как к отцу духовному, чтобы на страшном суде я мог дерзновенно сказать Господу: «Вот я и дети, которых Ты мне дал». В таком духе обыкновенно пишут поучения, назначенные для произнесения новым прихожанам, и молодые священники, только что вышедшие из-за парт, смело говорят их. Уже впоследствии, когда лучше узнал, как теперь прихожане смотрят на современное духовенство, когда жизнь забрызгала меня своей грязью, я невольно подумал: с какой ехидной улыбкой должны были внимать слушатели хотя и откровенному слову своего, совсем незнакомого с жизнью, священника! Когда мне нужно было сказать первое поучение в Новобугской церкви, то я уже не говорил того, что в Николаеве и вообще того, что рекомендуется нашими руководствами говорить в таких случаях; и другим посоветовал бы тоже.

Да; много знаний приобрел я за 15 лет, но и много веры потерял я за это время. Обыкновенно думают, что школьное ученье лучше уясняет и укрепляет религиозные представления воспитанников; но это, за весьма редкими исключениями, неверно даже в отношении специально духовных школ.

Я родился и вырос в глубоко религиозной семье; какие-либо сомнения в учении православной Церкви для нас были не мыслимы; не получи я теперешнего школьного образования, по всей вероятности, остался бы с такой же твердой цельной верой, как мои сестры. Между тем, приобретаемые мною познания, не всегда укрепляли вынесенные мною из детства религиозные представления; нередко, почерпаемые из книг сведения расшатывали эти представления, набрасывали на них тень сомнения. Особенно вредно в этом отношении влияло на

меня чтение естественно-исторических сочинений, написанных в модном тогда духе дарвинизма. Тяжело становилось на душе, когда приходилось встречать более или менее явные нападки на истины христианской веры; и чем сильнее были эти нападки, тем больнее мне было; казалось, что, будто, клещами кто-то рвет куски мяса от сердца; за то, как радовался я, когда встречал серьезное опровержение взволновавших меня отрицательных мнений, когда убеждался в их несостоятельности. Иной изумится и спросит, зачем я сам, добровольно читал неприятные для меня вещи? Затем, чтобы удовлетворить неудержимое стремление к истине. Я хотел знать все существующие возражения против христианской веры, чтобы непосредственно самому убедиться, что она несравненно выше всех других религий, что Евангелие есть действительно божественное учение; необходимо это было и для того, чтобы при беседах с вольномыслящими людьми всегда быть готовым дать ясное и убедительное опровержение всякого антихристианского мнения. Если бы я принудил себя, или меня насильно лишили бы возможности (как советуют некоторые духовные педагоги) читать сочинения отрицательного направления, то вера моя еще больше пострадала бы; у меня всегда копошилось бы сомнение: может быть, истина-то и заключается в тех сочинениях; может быть, потому и не дают мне читать их, что боятся, как бы они не разъяснили несостоятельность моей веры...

Господа педагоги! Ради Бога – или совсем не знакомьте своих воспитанников с отрицательными мнениями или же (если от этого всё равно нельзя их уберечь) без всякого замалчивания укажите им все самые жестокие и самые грязные нападки на христианство и сами помогите им правильно оценить их, сами дайте подходящие для этого книги.

К сожалению, должен признаться, что чтение апологетических сочинений, написанных православными богословами, всегда оставляло во мне какое-то чувство неудовлетворенности и даже некоторое сомнение в справедливости их доводов. Дело в том, что будущих богословов в наших духовных школах совсем не знакомят с

естественными науками и потому, когда они в подтверждение своих мыслей приводят те или иные естественно-исторические факты, то приводят их не потому, что сами изучали их и убедились в истинности их, а потому, что из массы самых разнообразных мнений ученых натуралистов взятые показались им более подходящими для православия... А еще чаще горячие апологии наших ученых богословов представляют лишь более или менее удачный перевод с иностранных языков. Понятно, что люди всегда более верят очевидцу, особенно же, если он и сам-то узнал об этих фактах из десятых рук. Это неизменный психологический закон, отчасти объясняющий, почему солидные апологии наших богословов, опирающиеся на неизвестные им естественные науки, редко кого вполне убеждают; светские же люди их почти совсем не читают. Необходимо, чтобы хоть некоторые из наших богословов оканчивали естественные факультета в университетах; их речи стали бы тогда несравненно авторитетнее для всех, особенно при разборе антихристианских мнений, опирающихся на естественно-исторические факты. Ослаблению, или точнее потускнению, моей веры много содействовала, кроме чтения книг отрицательного направления, и самая жизнь в городах среди иноверцев и инородцев. Пребывая в родном захолустье, у меня не явилось бы и мысли, что, напр., можно в постный день есть скоромное, можно пройти мимо церкви и не перекреститься и т. п., а здесь на моих глазах тысячи людей делали это – и ничего: Бог не наказывал их.

Невольно зарождалась мысль; значит, можно жить и не так, как живут у нас в Оляхах... Будучи священником, я встречал иногда удивительные проявления веры у простых людей. Однажды, причастив Св. Таин умирающую старушку А., которая была очень расположена ко мне, я стал утешать её, стал готовить к страшному смертному часу...

Она взглянула на меня и говорит: «Батюшка! я не боюсь смерти, я жду её, как великой милости Божией»... Никогда не забуду этого взгляда; в нём было столько искренней, пламенной веры, что мне стало стыдно моей «теплохладности». Если бы не опасение «унизить свой сан» и не боязнь смутить её

предсмертные минуты и нарушить её радостное состояние, – я пал бы пред ней на колени и стал бы просить: «научите меня вашей твердости в вере!»

Расскажу еще три удивительных, чудесных случая, бывших в моей пастырской практике. Однажды, часа в три пополудни приходит ко мне бедная старушка и просит прийти к ней причастить её сына. Расспрашиваю; оказывается, что он давно уже не говел и лет 5 не был в церкви; из порядочного человека водка сделала его чуть не босяком. Я был чем-то занят и говорю: «лучше завтра утром натошак». Мать неотступно просит. Нечего делать; крайне недовольный, что отрываю от дела, беру Св. Дары и иду за ней.

Вхожу в её комнату; смотрю – расхаживает из угла в угол здоровенный детина, лет 30. Спрашиваю: где же больной? – «Я» еще раз окинул его взглядом и хотел было выругать и мать и его, но что-то удержало. В нашей пастырской практике нередки такие случаи: спешишь со Св. Дарами к «умирающему» и находишь его здоровее тебя. Не спеша прочитал я положенные молитвы, не спеша исповедал его, – а он, как совершенно здоровый, стоял на ногах и от времени до времени клал земные поклоны. Но лишь только принял Св. Дары, покачнулся и упал на руки матери. Я к нему. Уже умер!...

Другой случай. В моём приходе квартировал адъютант Николаевского резервного батальона В. А. Пронин; если не ошибаюсь, в 1892 году он заболел тифом; надежды на выздоровление уже не было никакой: начальство уже предрешило, кто займет его место, а сослуживцы ожидали предстоящего «движения по службе». В это время кто-то из родственников больного посылает телеграмму о. Иоанну Кронштадтскому и просит помолиться за умирающего. О. Иоанн телеграфирует, чтобы пригласили приходского священника отслужить молебен над больным, и вместе с тем подает большую надежду на его выздоровление. Нам – священникам нередко приходится видеть умирающих, поэтому у нас развивается способность определять почти с первого взгляда, – поправится человек или умрёт. Когда я вошел в комнату, где лежал больной, и взглянул на него, я сразу же решил, что он не

жилец на белом свете; несколько раз во время молебна он терял сознание и я опасался, что он вот-вот умрет.

Признаюсь, в душе я был очень недоволен о. Иоанном, за его телеграмму, за его обнадеживание безнадежных. Поверители, я, священник, молившийся о выздоровлении больного, по своим человеческим соображениям и знаниям, был убежден, что он умрет. Часа через два после молебна посылаю узнать о здоровье г. П.; говорят: лежит без сознания. Посылаю на следующее утро: говорят еще жив, но чуть дышит... А через месяц безнадежный больной пошел на службу и отлично живет до сих пор. Подобный же случай был в первые дни моего священства. Протоиерей Николаевского городского собора, о. Антоний Корочанский был тяжело болен; уже несколько месяцев лежал без движения, уже не раз причащали его; горожане, как услышат, бывало, погребальный звон в соборе, невольно говорят: «вероятно о. Антоний скончался». Находясь в таком безнадежном состоянии, он пожелал, чтобы над ним совершили таинство елеосвящения; в числе 7 священников, совершавших его, был и я. Больной лежал в забытии и казалось не доживет до конца службы. Но, слава Богу, окончили службу и стали поздравлять о. Антония с принятием св. таинств. Он открыл глаза, слабым, но ясным голосом по благодарил нас и говорит: «я уверен, что Господь, по молитве вашей, восстановит меня с одра болезни»... Такая уверенность мне показалась, с одной стороны, неуместным комплиментом, а с другой, чуть не кощунством... О Антоний, к изумлению всех, скоро выздоровел и еще служил 10 лет. Много удивительных, необъяснимых явлений приходится видеть священникам; никто глубже их не может заглянуть в человеческую душу. Если бы они могли честно и откровенно излагать и обнародовать свои наблюдения, не опасаясь «внушений» со стороны начальства, то эти труды их были бы самым лучшим, самым драгоценнейшим материалом для изучения народной души.

Расскажу еще об одном случае, пожалуй, еще более удивительном, но в другом роде. Нужно заметить, что, поступая в священники, я был глубоко убежден, что главная обязанность православного священника проповедовать Евангелие, учить

народ христианской вере и нравственности. К исполнению этой обязанности я начал серьезно готовиться еще в смоленской семинарии. К счастью, бывший при мне ректор семинарии протоиерей Д.П. Лебедев и тогдашний преподаватель гомилетики П.И. Черепнин прекрасно понимали, какова должна быть проповедь. Обыкновенно воспитанники семинарии, вследствие долгого изучения богословских и философских наук *по плохим учебникам и пособиям*, привыкают говорить длиннейшими периодами, с бесчисленным множеством придаточных предложений, отчего речь их становится туманною, малопонятною для простого человека. Чтобы отучить нас от этого недостатка, о. ректор, чрезвычайно интересовавшийся поучениями семинаристов, обыкновенно приводил с собою на урок гомилетики семинарских служителей. Посадит их, бывало, на парту и скажет нам: вот перед кем придется вам говорить свои проповеди; ну, и старайтесь так говорить, чтобы они вас поняли и одобрили, а для этого всеми силами избегайте придаточных предложений, всяких причастий и деепричастий, и вообще длинных периодов. И если бывало эти авторитетные слушатели, от которых разило ароматами дегтя, махорки, пота и кислой капусты, а иногда и водочки, одобряют поучение воспитанника, ему ставят хороший балл, хотя бы речь его была, на наш взгляд, нескладною, отрывочною, хотя бы он перескакивал с одного предмета на другой и по несколько раз говорил одно и то же. Если же воспитанник говорил, по нашему мнению, плавно, красиво, обстоятельно, но служители-судьи не понимали его, т. е., не могли даже в главных чертах рассказать содержания поучения, то будущему церковному «оратору» значительно уменьшали балл, заслуженный им *даже с личной точки зрения о. ректора и г. Черепнина*. Как видите, нас серьезно обучали настоящей народной проповеди; перед служителями мы должны были говорить поучения и на заранее данные темы, и импровизации. За свои поучения я (несмотря на существовавшую в нашей семинарии вообще очень строгую оценку ответов), обыкновенно получал четверки. В Петербургской академии по гомилетике я тоже имел четверку, а за поучение, назначенное для

произнесения в академической церкви 4½. Кажется, можно бы думать, что я умел говорить поучения; признаюсь, сначала и я так думал и, считая проповедь главной обязанностью священника, говорил поучения почти на каждой службе; в иной день случалось говорить по 3–4 поучения. Разумеется, почти всё это были самые простые импровизации на ту или иную житейскую тему; да и не мог я говорить иначе, так как мои прихожане преимущественно состояли из простых людей – из мелких торговцев и рабочих. Я видел, что мои слушатели интересуются моими поучениями; не уходят из Церкви, когда начинаю говорить, а придвигаются ближе ко мне, после же службы некоторые женщины просили еще раз повторить или объяснить им то или иное место из проповеди, – вот почему я так часто говорил в церкви. Сам знаю, что с внешней стороны, со стороны художественности и «штиля», мои поучения были ниже всякой критики, но простые люди любили их за их простоту, а может быть и за то, что я считал долгом говорить народу в церкви лишь о таких предметах и отношениях, в которых моя личная жизнь не расходилась с моим словом; по моему мнению, поучения пастырей, не оправдываемые их собственным примером, могут производить даже соблазн в сердцах прихожан, могут возбудить в них осуждение, злословие. «Вам скажут, учат нас не делать того и того, а сами преспокойно все это делают. Не стоит и слушать их!» Для успешности нашей проповеди нам никогда не следует забывать той человеческой слабости, которая побуждает каждого искать спицу в глазе брата своего и ею извинять себя, не видеть за нею целого бревна в собственном глазу. Почти 6 лет я так «проповедовал», и всё было хорошо. В 1895 году, в середине великого поста, командир Николаевского резервного батальона, полковник Свирский (царство ему небесное!) обратился ко мне с просьбой дозволить его батальону поговеть в моей церкви. Я согласился. Зная, как редко приходится слышать живое пастырское слово, я стал говорить им об их христианских обязанностях, как они должны вести себя на военной службе, говорил, что для воина-христианина недостаточно знать строевую и нестроевую службу, что живя по-христиански вместе с евреями и магометанами (их

встретите почти во всех батальонах и ротах), православные могут на деле показать им свою веру и тем расположить их если не к принятию православия, то, по крайней мере, к большему сближению и объединению с русским народом, а чем дружнее, единодушнее будут подданные нашего Государя, тем могущественнее будет Россия; говорил им о неизмеримом превосходстве Евангелия пред талмудом и кораном и о необходимости соблюдения постов для всякого христианина, а особенно для воина. Больше всего и горячее всего говорил я о последнем предмете и вот почему. Во время исповеди некоторые солдатики, служившие у офицеров денщиками, со слезами на глазах рассказали мне, что они и хотели бы не есть постом скоромного, да нельзя; их принуждают к этому даже в первую и последнюю неделю великого поста господа офицеры, а особенно их жены, не позволяющие, чтобы их денщики кололи им глаза соблюдением уставов православной Церкви; их даже бьют за это! Возмущенный до глубины души, я, по окончании службы, сказал откровенное слово... Слышал после, будто речь моя была так сильна, что некоторые ротные дамы чуть не упали в обморок, а старший из офицеров присутствовавших в церкви, хотел уже демонстративно вывести из храма солдат. Может быть, я не корректно поступил в отношении военного устава, запрещающего говорить о грехах начальников в присутствии подчиненных им нижних чинов, но я исполнял наставление апостола Павла: «проповедуй благовременно и безвременно; настой, запрети, обличи, умоли»... Притом в церкви, пред престолом Божиим все равны: и генералы, и солдаты, и богачи, и бедняки, и знатные, и простые; если же обязать священников отнюдь не говорить о недостатках лиц, стоящих повыше, то придется им бичевать пороки лишь низших, беднейших классов, предоставив тем, кто побогаче и поважнее, жить, как им угодно. Между тем великое значение христианского храма в том и состоит, что там все должны быть равны, о всех и обо всем должна говориться чистая правда, не прикрытая, не затемненная салонными деликатностями; в этом великая сила нашего храма – *притягательная и просветительная!* Но это так в теории, на деле же вышло вот что. Лица, раздраженные

моею проповедью, выйдя из церкви, стали рассказывать, что священник С. говорит в церкви возмутительные речи; дошло это до некоего жандармского подполковника; тот побеседовал с некоторыми «обиженными» офицерами, и в Петербург полетел донос, что, будто бы, я говорю в церкви «проповеди не только тенденциозного характера, но иногда и безусловно вредного направления»; что, будто бы, 1 марта, я *«разъяснял солдатам 2 и 3 роты Николаевского резервного батальона незаконность допущения начальством употребления ими в посты скоромной пищи, ненужность широких шагов (?) и ружейных приемов, и доказывал преимущество пред православием магометанства с его кораном, допускающим многоженство и иудейства с его талмудом»*, разрешающим евреям всякие обманы, насилия и мошенничества по отношению к «гоям». Взволновались сразу три министерства и официальной бумагой от 30 апреля 1895 года за № 373 потребовали, чтобы я немедленно представил объяснение по поводу этого доноса, а также все свои проповеди, особенно же сказанную 1 марта. Я ответил, что за шесть лет священства, произнес не одну тысячу проповедей, но не записывал их, так как для этого не было физической возможности; и не записал поучение, сказанное 1 марта, однако, хорошо припомнил всё, о чём говорил тогда, и представил, куда следует, с просьбою, если не верят мне, допросить лиц, слышавших мои поучения. Что мои прихожане не скажут обо мне ничего дурного – в этом я был уверен; боялся лишь за солдат, находившихся под начальством недовольных мной офицеров. Но, при торжественном допросе солдат командиром батальона, к моему счастью, оказалось, что они поняли мои поучения гораздо лучше и вернее, чем господа офицеры. В виду этого сам подполковник Д. поспешил ходатайствовать пред духовным и недуховным начальствами о прекращении им же возбужденного дела.

Желая проучить кое-кого, я отправился в Одессу и просил у своего архипастыря разрешения на поездку в Петербург, но не получил отпуска. Вернувшись в Николаев, хотел подать на доносчиков письменную жалобу, и чтобы лучше ознакомиться с закулисной стороной своего дела пошел к подполковнику Д. Он

откровенно и подробно рассказал мне историю доноса и кто какую роль играл в нём. А когда узнал, с какою целью я собираю эти сведения, то посоветовал плюнуть на это дело и ни на кого не жаловаться. – «Нет, позвольте; меня оклеветали, а я должен молчать!» – «Ну, говорит, жалуйтесь; я лишь предупреждаю, что ничего из этого не выйдет; вашей жалобы и рассматривать не станут». – «Почему же?» – «Потому, что все это дело производилось *«конфиденциально»* и, значит, его официально не существует, и жалоб по поводу таких дел не допускается». – «Помилуйте, весь город говорит об этом деле, а вы уверяете, что его официально не существует!» – «Да, не существует; так вам и в Петербурге, во всех министерствах скажут; а кто болтает об этом деле, тот может подвергнуться ответственности». – «Где же будет справедливость, если клеветники останутся без наказания?» – «Справедливость? Эх, батюшка, благодарите Бога, что всё так хорошо для вас окончилось!» – «Хорошо?!» – «Даже очень хорошо! Восемь лет тому назад меня послали в другую губернию произвести следствие по поводу доноса, сделанного на священника волостным старшиною; я допросил под присягой 20 человек свидетелей, и все они в один голос подтвердили донос старшины. Священника лишили места и на два года заточили в монастырь, где он спился и умер, а семья, оставшись без куска хлеба, рассыпалась и погибла. После же оказалось, что донос был ложный с начала до конца, но свидетели, под давлением старшины, показали лишь то, что ему было угодно». В заключение бывший юнкер, во избежание повторения подобных печальных случаев, посоветовал мне, кандидату петербургской духовной академии, изучавшему всякие гомилетики, говорить поучения только по тетрадке, говорить об одном лишь избранном предмете, не повторяться, с одного предмета на другой не перескакивать и т. п. Я удивился и спросил: «Разве вы слышали, как я говорю в церкви?» – «Сам не слыхал, но я посылал в вашу церковь переодетых жандармов, которые очень внимательно слушали вас и обо всём докладывали мне. Так-то, батюшка, успокойтесь, забудьте об этом деле, как неприятном сновидении, от которого никто не застрахован и утешайте себя

мыслью, что «нет худа без добра»». – Какое же для меня «добро» в этом деле?» – «А вот какое. Мы по ниточке разобрали всю вашу прошлую жизнь и не нашли ничего, подлежащего нашему ведению; теперь по части благонадежности вы находитесь в завидном положении: вне всяких подозрений; теперь наше начальство прекрасно знает вас и на доносы, подобные недавнему, не обратит внимания». Вскоре после этого офицерам, замешанным в доносе, был объявлен высшими военными властями выговор и сделано соответствующее распоряжение по ихней дивизии. Окончательный же результат сего дела последовал в виде указа из Херсонской духовной консистории от 29 июля 1895 года за № 9072, предписавшей местному благочинному, вследствие отношения г. обер-прокурора Св. Синода от 1 июня сего года за № 3107 и согласно резолюции его высокопреосвященства от 7 июня за № 1715, «обязать священника Симеоновского молитвенного дома г. Николаева Александра Смирягина на будущее время *не дозволять себе произнесения проповедей без надлежащего (?) обдумывания их содержания и без изложения мыслей на бумаге*, и каждую свою проповедь представлять цензору для одобрения оной к произнесению, в целях предупреждения могущего быть соблазна для слушателей и неприятных для него самого последствий»... Недавно рассказывали мне, что один земский начальник, которому не понравилась проповедь священника, донес архиерею, что такой-то священник тогда-то произнес в церкви непозволительную проповедь. Архиерей потребовал, чтобы священник немедленно представил ему эту проповедь. Оказалось, что обвиняемый священник всегда говорил заранее написанные поучения и в тот самый день читал поучение с тетрадки. Рассмотревши представленное поучение, архиерей не нашел в нём ничего предосудительного и сообщил об этом земскому начальнику; но тот обиделся, стал утверждать, что священник мог написать это поучение и после, мог, наконец, написать одно, а говорить другое, и потребовал, чтобы его донос был проверен *показаниями свидетелей*. От добросовестности последних и будет зависеть судьба этого

священника. А если принять во внимание, что земский начальник, пользуясь огромной властью над крестьянами, может произвести на них даже незаметное для посторонних давление, то несчастный священник, по всей вероятности, окажется виновным. И моё положение также много зависело от показания нижних чинов 2 и 3 роты и от мнения обо мне командира резервного батальона. Не насмешка ли судьбы? Офицеры православного исповедания обвиняют православного священника в неблагонадежности политической и религиозной, а командир батальона, – римско-католик по вероисповеданию, защищает этого священника?!... Замечательно, что доносом на меня больше всех были возмущены именно католики; очевидно, ксендзы приучили их к откровенной проповеди, и они не могут и представить себе, чтобы пасомые делали доносы на своих пастырей за каждое непонравившееся им поучение.

Так долго остановился я на этом эпизоде из моей жизни затем, чтобы показать, много-ли правды в упреках, так щедро посылаемых православному духовенству разными духовными и светскими лицами, будто оно далеко уступает католическим ксендзам и протестантским пасторам, не дает, подобно им, своим пасомым «живой» проповеди и усердно занимается лишь требоисправлениями. Поверьте мне, очень многие молодые священники сначала горячо берутся за устную, живую проповедь, но, убедившись, как в действительности смотрят на это некие от высших, скоро остывают; лишь немногие из них – из молодых да ранние, – зная, что хорошие слова сами по себе, а жизнь сама по себе, и желая избежать тяжелых уроков, предпочитают вовсе не иметь никакого дела с живой проповедью, а преспокойно читают из сборника поучений отсюда и досюда. Не хотят понять у нас, что проповедь только тогда бывает *живою*, когда она касается *нашей жизни*, что назначение христианской проповеди вести людей к большему и большему совершенству, что, *по самому существу своему*, она не может рассыпать комплименты хотя бы и влиятельным лицам, а *должна указывать преимущественно темные стороны жизни всех христиан*; у нас же хотят применить к церковной живой проповеди чуть-ли не ту же мерку, какая

установлена для обеденных спичей. И лишь только узнает кто себя в правдивом обличении священника, сейчас принимает это за личное оскорбление. «Какой-нибудь поп смеет позорить меня, указывать мои недостатки? Да я его!» И, как из рога изобилия, сыплется на несчастного, верного своему долгу, священника жалобы, клеветы, доносы, доверчиво принимаемые духовным и светским начальством. И будут обижаться, будут ненавидеть священника за его пастырские обличения, будут жаловаться на него до тех пор, пока не поднимется у нас уважение к духовенству; ксендз и пастор могут смело говорить о пороках своих прихожан, их со вниманием будут слушать, потому что считают их авторитетными людьми, привыкли уважать их. Становятся и больно и смешно, когда читаешь, как ректора духовных семинарий – будущие епископы – обращаются на торжественных собраниях к кандидатам священства с эффектными воззваниями: «Не забывайте же заветы знаменитого витии, архиепископа Харьковского Амвросия, – идите в народ, давайте ему «устную живую проповедь» и помните, что, по словам покойного, «если среди нас мало дарований, – это наш позор; но если у нас мало усердия, – это преступление»... Многие наивные юноши верят таким призывам, идут в священники и начинают усердно говорить «устные живые проповеди»; на горячих проповедников сыплется масса доносов, даже тайной полиции; и после множества неприятностей они получают от своих архипастырей, когда-то горячо стоявших за устную живую проповедь, формальное предписание: во избежание недоразумений вовсе не говорить устных поучений! Вот вам и гомилетика со всеми её правилами! Какое-же влияние на свою паству может оказывать священник, лишенный права говорить устные живые проповеди? ведь этим у него отнимают главную силу, а у пастырского служения почти всё его обаяние!

От 10 до 15 лет нас муштруют в закрытых духовных заведениях, производят над нами всякие эксперименты и операции, по несколько раз выворачивают наизнанку, рассмотрят всё нутро и тогда только выдадут документ с правом получить священническое место. Мало того, в наших

ставленных грамотах пишется:... «благоговейного сего мужа N. N. всяким первее опасным истязанием прилежно испытавше, и достоверными свидетельствами, наипаче духовного его отца N. N. о нём уверившеся... посвятили во иерея»... «Стало быть, священник есть такое лицо, в котором епископ совершенно уверен, потому что больших испытаний делать уже невозможно; стало быть, ему можно доверять, что угодно, и послать, куда угодно. Да, так должно бы быть. В действительности же православному священнику верят меньше всех; самые нелепые доносы на него вызывают оскорбительные, в конец подрывающие пастырский авторитет дознания и формальные следствия.

Почти всегда эти доносы оказываются сплошной клеветой и почти всегда страдают из-за них не клеветники, а невинно оклеветанные. Я знаю один случай, когда жандармский офицер, убедившись в ложности сделанного на священника доноса епархиальному начальству, во избежание повторения подобных доносов, обязал этого священника никогда не говорить устных поучений и, к стыду нашему, духовное начальство в точности исполнило сей мудрый совет. Знаю еще случай, когда жандармский офицер, открыто живший с чужою женою, отбитою им у живого мужа, очень всеми уважаемого человека, учил невинно оклеветанного православного священника, как он должен говорить в церкви проповеди...

Пишу об этом не в осуждение кому-нибудь, а для сведения наших кабинетных гомилетов. На православных священников будут сердиться за откровенные пастырские речи о современных общественных язвах до тех пор, пока не поднимется уважение к нашему духовенству. Это явление вполне понятно с психологической точки зрения. Представьте себе, что вам, «человеку из общества», читают одинаковые по смыслу нотации почтенный публицист в газете, профессор в публичной лекции, уважаемый чиновник, влиятельный помещик, зажиточный купец – в домашней беседе и... напр., хороший, честный сапожник. Первых вы выслушаете с большим или меньшим вниманием и во всяком случае не будете очень сердиться на них; а наставления сапожника, хотя бы и самые

разумные, вы сочтете для себя чуть не кровным оскорблением, потому только, что принадлежащие к этому цеху лица не пользуются у нас общественным уважением; у нас даже сложилась поговорка: пьян, как сапожник, хотя есть среди сапожников и безусловные трезвенники. Сравните, как относятся барыни-хозяйки к замечаниям со стороны своей прислуги у нас и в Западной Европе, а особенно в Америке. К проповедям пасторов и ксендзов относятся гораздо лучше, чем к нашим не только их прихожане, но и наши православные, потому что их привыкли уважать не так, как нас. Приходское духовенство в России, за весьма редкими единичными исключениями, никогда не пользовалось у нас особым почетом даже в народной массе. Если желаете убедиться в этом, просмотрите касающуюся народа литературу, начиная с древнейших былин об «Алеше Поповиче» и кончая поэмой Н.Л. Некрасова: «Кому вольготно весело живется на Руси», а также последними народными песнями, особенно фабрично-заводских поэтов.

Об уважении к приходскому духовенству со стороны среднего и высшего класса населения можно и не говорить; достаточно вспомнить, как во времена крепостного права, т. е., почти на наших глазах, обращались помещики со своими духовными лицами...

Да мы и не очень обижаемся на недостаток уважения к нам со стороны народа. На первых проповедников христианства – скромных, бедных, а в глазах тогдашнего общества презренных людей – сердились гораздо больше, чем на нас, но они слышали от своих руководителей братские одобрения: «проповедуй еще усерднее, настой, запрети, умоли, обличи», а мы слышим грозные крики: «Замолчи!!!» Вот что тяжелее и обиднее всего. Если не помешают «независящие от меня обстоятельства», то, для иллюстрации вопроса об «устной живой проповеди» в православных церквях и для подтверждения высказанных здесь мыслей, постараюсь издать хранящиеся у меня копии с официальных документов, касающихся «дела» по поводу сказанных мною в 1895 году поучений нижним чинам никол. резерв. батальона. История с

поучением 1 марта, а особенно результат её еще более укрепила моё прежнее стремление в деревню, были и еще мотивы для переселения на лоно природы, напр., забота об укреплении там здоровья детей, только что перенесших тяжелые болезни, и т. п., но об этом лучше не вспоминать...

При прощанье, мои николаевские прихожане поднесли мне прекрасную в серебряной ризе икону моего покровителя Св. Николая Чудотворца и глубоко прочувствованный адрес; не мало пролили при этом и слез. Признаюсь, я думал тогда, что это может быть делается «из приличия». И уже после, при случайных встречах со своими бывшими прихожанами, я убедился, что то – были искренние слезы.

В деревне я мечтал встретить добрых, патриархальных крестьян, но, увы! скоро убедился, что теперешние «мужички», которых так недавно превозносили наши народники, по своей распушенности, пожалуй, не уступят горожанам. Здесь же убедился я и в том, что для истинной пастырской деятельности, для плодотворного влияния на народ уже недостаточно тех средств, с которыми я надеялся когда-то поднять духовное и материальное состояние своих прихожан; убедился, что для поддержания падающего православия и для спасения русского народа и государства от разложения нужны не полумеры вроде назначения «приличного» жалования нашему духовенству (хотя и это имеет значение), а *самые коренные реформы в жизни всего православного русского народа и особенно духовенства*. Многие интеллигенты усмехнутся и скажут: вероятно, автор живет еще в атмосфере средних веков, если возлагает такие надежды на духовенство, да еще на православное. Нет, господа! Ни кто не может оказывать столь великого и благотворного влияния на народ, как духовенство. Не напрасно И. Христос сказал Своим ученикам, а чрез них и всем пастырям духовным: «Вы свет миру, вы соль земли»... Что касается православного русского духовенства, то оно всегда жило в весьма ненормальных условиях и потому не могло развить своих сил и показать, что может сделать оно. Говорят: «чем бы ни занимался человек, он не может не признавать своего дела важным, ибо никто не станет заниматься делом, на которое

смотрит, как на вздор». Это правда. В романе гр. Толстого «Воскресенье» мысль эта выражена с удивительной рельефностью: героиня романа Катюша, занимаясь в публичном доме проституцией, была уверена, что делает весьма важное дело...

Но я возлагаю большие надежды на духовенство не потому, что сам принадлежу к нему; ведь я *говорю о будущем духовенстве*, которое, может быть, ближе будет стоять к внутренней жизни общества, чем стоит нынешнее...

До поступления в священники я был уверен, что главная причина, мешающая нам благотворно влиять на народ – это полная зависимость наша от прихожан в средствах к жизни. Я видел и вижу почти на каждом шагу, как унижается духовенство пред своими зажиточными прихожанами в чаянии от них великих и богатых милостей, вроде лишнего рубля за потребу. Помню, как, бывало, мой отец и его настоятель священник В.С. заискивали у богатых (?) мужиков. Поверите-ли, на князей Оболенских, изредка приезжавших в свои «Ольхи», я, по примеру старших, смотрел как на людей особой, полубожественной породы; его управляющий штабс-капитан Филимонов рисовался моему воображению в недостижимом величии; даже простой мужик, удостоившийся стать княжеским приказчиком считался у нас важной особой; ему льстили, подобострастно смотрели в глаза, всячески угощали его, и всё это из опасения: «а, ну, как наговорит что-нибудь Филимонову и он запретит гонять двух наших коров в княжеское стадо!?» Сказать что-нибудь неприятное не только князьям, но и приказнику их ольховское духовенство считало безумством, преступлением. Об устной, «живой» проповеди священник боялся и думать, хотя бедные прихожане и осуждали его за это. Вот почему я, поступая в священники, дал себе слово *ни перед кем не заискивать и говорить всем правду в глаза*. А чтобы легче мне было делать это, я постарался материально обеспечить себя: в свободное время занимался разными хозяйственными предприятиями, покупал и продавал дома и земли, некоторое время владел даже паровым черепично-кирпичным заводом, покупал и продавал процентные бумаги,

помещал свободные деньги под нотариальные закладные на дома и земли, занимался сельским хозяйством, покупал хлеб при упадке цен на него, и продавал при повышении их и т. д. При своих практических способностях я давно мог бы сделаться богатым человеком, если бы мне не мешали ряса и сан. Если бы главной целью жизни я ставил богатство, то легко мог бы снять рясу; но я весьма дорожил и дорожу носимым мною священным саном; на деньги я смотрел и смотрю, как на средство, с одной стороны, жить вне материальной зависимости от прихожан, ни у кого не заискивая, с другой, – чтобы дать детям хорошее образование и вообще вывести их в люди. Я знаю, сколько заискиваний и вымогательств, сколько всяких гадостей бывает у нас вследствие освященного веками обычая добывать средства к жизни лишь «требами» у бедного народа. Ох, как тяжело это, как невыносима для духовенства бедность! Помню, бывало, недели за две до отправки сыновей в духовное училище отец начинает задумываться и тяжело вздыхать. А мы уже знаем, что это значит: у него нет денег уплатить за содержание детей в городе и не знает, где взять их. Знаем и то, что если отец не достанет денег, то и нашему ученью конец. Бывало, детское сердце разрывается от этих вздохов, а помочь не можешь ничем. Кажется, под влиянием этих мучительных впечатлений детства у меня развилась замкнутость характера, какая-то почти инстинктивная потребность хоронит в своём сердце всякое горе, всякие неудачи и несчастья, постигающие меня. Да и в самом деле, зачем открывать их другим? Люди злобные, холодные еще посмеются над вами, а добрые, сострадательные станут скорбеть вместе с вами. Зачем же возлагать на них чужую скорбь, у них и своей много; зачем омрачать чужую жизнь своими страданиями; лучше молча, одиноко нести свой крест, пока хватит сил! В настоящее время из всего учения Христа ближе всего моей душе и понятнее следующие слова молитвы Господней: «Отче наш! Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли... и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». В этих словах та таинственная сила, которая помогает мне нести свой крест. Помню, как, бывало, радовался отец (и мы с ним), когда

удавалось ему занять денег; обыкновенно выручал его в таких случаях добрый князь Е.В. Оболенский. Помню, как однажды отец потерял было по дороге в Вязьму занятые деньги: помню, какой ужас охватил нас тогда; помню и великую радость, когда нашлись эти деньги. Помню, как вместе с отцом развозил крестьянам четвертями и ведрами водку во время косовицы, чтобы они, выпивши, были щедрее и больше дали нам сена; помню всякие помочи, устраивавшиеся духовенством за водку (они и теперь широко практикуются), и дал себе слово никогда не одурманивать своих прихожан и отнюдь не принимать от них спиртных приношений при свадьбах и крестинах. В Н. Буге сами крестьяне нередко предлагали мне хорошенько угостить их и – они ничего не возьмут за перевозку хлеба или сена; но я не соглашался, хотя приходилось платить им вдвое – втрое дороже, чем стоило-бы угощение. А из-за прекращения бутылочных приношений при крещении детей пришлось даже кое с кем поссориться.

Более или менее обеспечивши себя и семью, я легко могу поддерживать авторитет священника; ни пред кем не заискивал и не заискиваю, отчего многие считают меня гордым и даже жаловались за это архиерею; не пользовался и не пользуюсь «помочами» и всякими неблаговидными приношениями. Одним словом, я могу жить, нисколько не чувствуя материальной зависимости от прихожан, однако-же, *не смотря на своё состояние, образование, знание, опытность и здоровье, – все-таки не могу быть хорошим священником – истинным пастырем церкви.* Повторяю: для поддержания падающего у нас православия и для спасения русского народа и государства от разложения уже нужны не полумеры, вроде назначения «приличного» жалования духовенству, заведения, хотя бы и повсюду, церковных школ, изменения программ и школьных порядков в учебных заведениях и пр., и пр., а многие коренные реформы в жизни всего православного русского народа, а особенно духовенства. Это моё глубочайшее убеждение. Насколько оно справедливо, а также насколько практичны предлагаемые мною реформы, представлю судить читателю, если у него хватит терпения внимательно прочесть до конца

будущий мой труд. При этом прошу не сетовать на шероховатость изложения, на недостаток должной плавности и внешней связности речи, так как все изложенные здесь мысли, при кажущейся отрывочности их, проникнуты одной общей идеей. Знаю, что за откровенное указание наших недостатков многие будут бранить меня и, может быть, сильнее всех свои же духовные; пожалуй, станут укорять в грехе Хама, в обнаружении тщательно скрываемых сословных язв... Заранее отвечаю своим обвинителям словами замечательного мыслителя и знатока русской жизни Ф.Э. Ромера: «Что выигрывается стыдливым замалчиванием, либо прикрашиванием наших бед и недостатков? Будем откровенны и правдивы; будем мужественно глядеть в глаза истине, какою-бы она ни была: прискорбною или задевающею наше народное самолюбие. Ведь воспитывает, учит, исправляет и спасает в конце всего только истина, а ложь неизменно обманывает больше всех самого же лгуна, и она тем опаснее или злее, чем она красивее на вид. Откровенности и правдивости в мыслях и на бумаге, в словах и на деле нам следовало бы поучиться у знаменитого сподвижника Петра Великого – Якова Федоровича Долгорукова. В битве под Нарвой в 1700 году он был взят в плен и более 10 лет томился в неволе, близко ознакомился там со шведскими порядками и государственным строем и потому сделался весьма полезным советником Петра. Назначенный председателем Ревизион-коллегии он неизменно руководился правилом, высказанным при решении одного дела в сенате: *«Царю правда – лучший слуга. Служить – так не картавить; картавить – так не служить»*. С такой же откровенной честностью и мы должны служить Богу и родине, добру и истине.

На этом я пока закончу в истекающем году свою пастырскую хронику. В одном прошу прощения у читателей – в прямоте и искренности изложения своих мыслей и чувств. Если Бог поможет, в будущем году поделюсь своими мыслями и наблюдениями, изложенными в особом труде: «Что нам делать».

Свящ. А. Смирягин

**С. Д., иконописец. Открытое письмо лжеепископу
Иннокентию Усову³¹² // Миссионерское обозрение
1903 г. № 20. С. 1399–1405**

(Чрез редакцию журн. «Миссионерское Обозрение»)
Иван Григорьевич!

Прочитавши в Миссионерском Обозрении (№ 9 1903 г.) подстрочное замечание о брошюрке, которую вы издали против о. Родионцева, вынуждаюсь сказать вам несколько слов. Вы в подстрочном замечании самым недобросовестным образом позорите, как лично о. Родионцева, так его мать и мастеровых, и пишете такую низкую клевету, на какую способны только разве раскольничьи архиереи в роде вас. Вы пишете: «мастерская (Родионцевых) славилась благочестием не только в Стародубье, но и далеко за его пределами. Как сам хозяин этой мастерской, так и особенно его мать, развозя иконы, выдавали себя такими постниками, воздержанниками, молитвенниками, что все поражались и прославляли их. О своих мастерах Родионцев и его мать говорили, что они девственники, что они, когда лица пишут, то постятся: ничего не пьют, не едят; словом, они существа чуть не небесные. Разумеется, всё это Родионцевы делали с корыстной целью, чтобы больше было заказов, в чём и успевали».

Неправда, Усов! мастерская Родионцевых славилась не потому, что якобы Родионцевы сами себя прославляли, ибо самим себя прославлять невозможно, да и люди не настолько глупы, чтобы поверить хвалящим себя. Я работал в этой мастерской долгое время; при мне родился сам Родионцев, у которого я работал (с промежутком времени шестилетней моей военной службы) около 26-ти лет до самого присоединения его, Родионцева, к св. Церкви, а потому хорошо знаю, как его лично, так его родителей и мастеровых, также хорошо знаю и ваш род. Нужно сказать правду, почему славилась мастерская Родионцевых. Она славилась потому, что как сам Родионцев, так и его мастера, писали иконы искусно, тщательно и исполняли заказы добросовестно, почему им и поручали писать

целые иконостасы не только в старообрядческие молельни, но даже в единоверческие церкви. За добросовестную работу Родионцев и имеет много аттестатов. Что же касается вашей работы с братьями, то (хотя вы действительно желали сами себя прославить, выдавали себя набожными и якобы приходили в ужас от небывалого сквернословия матери Родионцева) она была очень плоха, так что если бы пожелал кто проверить это и попросил бы вас и о. Родионцева написать по одинаковой иконе, то все увидели бы поразительную разницу в работе... Работа о. Родионцева от вашей, как небо от земли. Так вот почему Родионцева мастерская славилась, а ваша работа была презираема.

Далее вы пишете: «Я заинтересовался такой мастерской, поступил в неё и, поработав недели две, что же я там увидел? а то, что мать самого Родионцева, в разъездах выдававшая себя необычной подвижницей и святошей, дома так невозддержанно и ужасно сквернословила, что у меня волосы дыбом становились (вот вы то, Усов, и были святоша мнимый), признаюсь, был я везде, служил и в солдатах, но такого сквернословия, кощунства (?) и хулы ни от кого не слыхал, да и слышать не дай Бог никому».

И это всё неправда; не потому вы заинтересовались поработать в мастерской Родионцевых, что наслышались об их постничестве, – это вам было совсем не нужно, а потому что испытывали горестное положение: не умея хорошо писать иконы, вы отправились в м. Ветку, в мастерскую Г.Ф. Рогаткина, но, как сами вы сознавались Щетинину, Рогаткин отказал вам в работе; тогда вы обратились в мастерскую Родионцева, чтобы добыть себе кусок хлеба и вместе подучиться получше работать. Мастерской Родионцева заведовал тогда Василий Денисович Щетинин (ныне священник единоверческой церкви пос. Ардони) – человек безукоризненного поведения, о чём могут свидетельствовать тысячи голосов. (Об его добром поведении все в Стародубье знают). Вы были приняты и Щетинин дал вам написать образ (если не ошибаюсь) Спасителя. И вот вы в две недели написали его, но до того безобразно, что, по выражению Щетинина, «если бы этот образ

поставить, где есть малые дети, то все бы перепугались». За вашу работу мать о. Родионцева сделала вам заслуженный выговор, что бы вы не глумились над Божиим образом, и так позорно не писали и затем вы совсем уволены были из мастерской Родионцевых. Вот поэтому вы и изливаете теперь свою злобу на давно умершую мать Родионцева, забывая приличие и общечеловеческое правило, что умерших не порицают. Увидев своё безвыходное положение, вы принуждены были искать другого ремесла. С этою целью вы удалились подальше от родины, где вас не знают и там достигли желаемого... Родной же брат ваш, Косьма, живет и поныне в таком горестном положении, как жили когда-то вы: иконописная работа его очень плохая и нигде не принята. Он приютился в с. Радуле у одного из жителей пономарем, уклонился в нетрезвую жизнь, страждет и ожидает милости от вас...

Но посмотрим, что дальше вы пишете: «О поведении же мастеровых этой иконописной мастерской, да не возглаголют уста моя». Если вы этим хотите сказать, что мастеровые эти такие позорные, что и говорить о них не могут уста «два крата в неделю» постящегося Усова, то слова ваши – самая наглая ложь. Я укажу некоторых лиц, честно потрудившихся в этой дорогой для нас мастерской. Первый из них – мещанин посада Клинцов Иван Петрович Мясников, окружнической секты, многие годы работал в этой мастерской и обучал иконописанию самого о. Родионцева: он писал одни лица, его писание дорого ценилось не только среди старообрядцев, но и среди знатоков из православных; человек он был трезвый и вообще хорошего поведения, никто из честных и правдивых не может о нём сказать ни одного худого слова. – Затем, старец Терентий Иванович Воскобойников и сын его Иван Терентьевич, ныне «поп» окружнической секты, также безукоризненного поведения. – Александр Сергеевич Андрианов и сын его Трофим Андрианов, ныне священник единоверческой церкви г. Рыльска, Курской губ. – также хорошие мастера и безукоризненного поведения. Далее – Марк Михеевич Шилов, Потап Григорьевич Башмаков и Василий Денисович Щетинин – ныне священник

единоверческой церкви пос. Ардони, и другие лица, все – люди безукоризненного поведения и славные мастера. Некоторые из них присоединились к св. Церкви и живут хорошими хозяевами, а некоторые служат алтарю Господню в церкви Христовой и никто, даже именуемый иерей окружнической секты, не может о них сказать худого слова, один вы говорите. Правда, приходили в эту мастерскую люди нетрезвой жизни и плохие мастера, как, например, Иван Усов. Но они не были терпимы там и были не подолгу: их удаляли из мастерской Родионцева, как людей негодных. Надо удивляться, с какою совестью вы, будучи раскольническим лжеепископом, осмеливаетесь так огульно клеймить честь всех мастеров Родионцева, не щадя даже священников, не только православных, но и своей секты?

Довольно наглумившись над мастерской и мастерами Родионцева от своего имени, вы глумитесь, далее, над ними от имени какого-то вашего «адресатами». И что же пишет этот мнимый адресат? «Содержатель иконописной мастерской превзошел даже свою мать кощунствами и безобразиями. Он подделывал не только новые иконы и книги под древние и брал за них страшно дорогую цену с простодушных слобожан, но дерзал подделывать даже св. мощи: жарил курятину с росным ладаном и другими благовонными и пахучими веществами, засушивал и продавал за святые мощи (кому?), беря за них не только сотни, но даже тысячи рублей. Это в Стародубье и на юге России почти всем старообрядцам известно».

Сколько в этих словах мнимого адресата самой наглой, постыдной лжи! Не даром такую ложь постыдились вы, г. Усов, писать от себя лично. Сколько даже противоречий в этом, постыдном для вас замечании?! Повыше несколько строк, вы пишете, что мастерская Родионцевых славилась благочестием (и это, нужно заметить, даже до последнего времени, до присоединения его, Родионцева, к св. Церкви, так как вы, г. Усов, были в его мастерской всего за год раньше присоединения) не только в Стародубье, но даже далеко за пределами его. Вслед же за сим вы пишете, что всем старообрядцам известно о том, что Родионцев продавал фальшивые мощи за большие тысячи. Что-же это выходит? Все

знали мнимые кощунства о. Родионцева и все прославляли его и поручали ему большие заказы? На что-же похожа эта несвязная ложь? Я, как работавший у о. Родионцева, скажу истину, что старых икон ему подделывать было не для чего, так как у него было подлинно-древних очень много. Ему привозили их возами из бывших раскольничьих монастырей; приносили их Родионцеву от себя и многие старообрядцы. Благодаря сему, у о. Родионцева подлинно-старых икон было в изобильном количестве и продавал он их совсем не за дорогую плату, а некоторые раздавал даже даром. Что касается подделки старых книг, то о. Родионцев не имел об этом даже понятия и едва-ли видел переплетный станок. Это можно видеть и из того, что в моём присутствии один из чад Евфимия Мельникова обманул его книгою: продал книгу Златоуст за 16 руб. за подлинно Почаевской печати, а когда мы после разобрались, оказалась эта книга печати единоверческой (в 6 руб.); бумага окрашена в синий цвет, переплетена в старую кожу. А относительно фальшивых мощей «адресат» наводит на о. Родионцева нелепую выдумку, изобретенную братьями Мельниковыми уже после его, Родионцева, присоединения к св. Церкви и по следующей причине.

В одно время в посаде Елионке, Стародубского уезда, о. Родионцев вел с Мельниковыми публичные беседы. На этих беседах о. Родионцев уверял, между прочим, слушателей, как очевидцев, в нетленности св. мощей св. Феодосия, которые с разрешения епархиального начальства ему открывали, – и при этом заметил, что стародубцы, после удаления их от св. Церкви, лишены Божией благодати: нет у них мощей святых, которых бы Бог прославил чудотворениями. Федор Мельников стал порицать мощи св. Феодосия и уверять, что у них, старообрядцев, есть св. мощи. Тогда о. Родионцев напомнил Мельникову о черкесских трупах, которые раскольники приняли вместо св. мощей; кстати было упомянуто и о ястребе и зайце, лежавших в пещере вместе с мнимыми мощами. Мельников в порыве злобы и ответил о. Родионцеву ложью, якобы он, Родионцев, подделывал св. мощи и продавал их. Родионцев просил Мельникова указать, кто это подделывание видел и кто

может сказать, где эти мощи и кому он продавал? Мельников указать этого не мог. Вы этою ложью, сказал после этого о. Родионцев Мельникову, обличаете сами себя, – истинных мощей угодников Божиих вы лишены и принимаете за мощи то трупы черкесов, то мощи фальшивые, поддельные. Мельников вдруг торжественно закричал: «Публика! слышите: о. Родионцев сознался, что он подделывал св. мощи». О. Родионцев заметил ему: «я то не подделывал и никто этого доказать не может. Это ложь! Я знаю только некоторых из чад лжепопа Ефима Мельникова, которые по нужде и неспособности к честному труду в изобильном количестве продают разные мнимые раскольнические святыни (вроде лоскутов, найденных возле трупов черкесов и т. п.).

После этой беседы, некоторые окружники, в слепом озлоблении на о. Родионцева за переход в св. Церковь, и пронесли клевету о подделывании им мощей. Мало этого, в порыве злобы Мельников в заграничной газете «Слово правды» за 1896 год напечатал даже на о. Родионцева такую ложь якобы он насильственным образом схватывает малолетних старообрядческих детей на улице и присоединяет силой к церкви, и будто бы во вверенном ему, Родионцеву, храме дрались псаломщики и звонили в набат; между тем ничего подобного не было. Даже сами раскольники удивлялись такой дикой лжи. Но сколько Мельников ни сочинял лжи, всё же не так, как вы, г. Усов! Вы описываете очень подробно весь материал, как это можно подделывать мощи. Прочитавши ваше сочинение, так и думается – не занимаетесь-ли вы сами этим гнусным кощунством? не могли же ни вы, ни ваш мнимый адресат видеть, как и из чего подделывал мощи о. Родионцев. Кто видел, что он подделывал их и как, и кому он продавал их за большие тысячи? Не было нужды о. Родионцеву это делать: ему старицы инокини одного раскольничьего монастыря давали свои капиталы на хранение по 40 тысяч рублей и более, без всяких расписок, и он не похитил ни одной копейки!... от вас же это можно ожидать кощунственной торговли мощами своего изобретения, может быть вы и продавали их по бедности, так как среди раскольников «мощей» теперь изобильно, – от

излишества, их даже закапывают в землю (См. «Мисс. Обзор.» № 9-й – письмо Швецова). Честность же ваша известна мне: вы золотили иконы вместо золота (книга 3 руб.) серебром (книга 27 коп.), потом покрывали красным спиртовым лаком (48 коп. фунт) и обманывали своих ближних, выдавая иконы за золоченые золотом. О. Родионцев этим мог бы наживать до 500 руб. в год, но он этого не делал. Одна злоба заставляет вас лгать на о. Родионцева. Кстати, вы и секта ваша на 4-х беседах в пос. Святской с о. Родионцевым (в октябре 1902 г.) были окончательно посрамлены, как мне пришлось прочитать об этом из записок самого даже старообрядца. Вот вы в злобе и безумии, по приезде с бесед с Родионцевым в Нижний, и написали на собеседника пасквиль. Пишу сие письмо единственно из-за любви к истине и тем, которых вы невинно оскорбляете – за то, нужно полагать, что они (за исключением немногих) оставили раскол и последовали за Родионцевым в св. Церковь. О. Родионцев, по своему христианскому смирению или же из сожаления к вам, может быть и доселе не обнаруживал еще некую епистолию, которую ему прислали из посада Святской, и в которой ярко описаны все ваши и ваших братьев грязные дела.

Да, не добросовестно, – лжеепископ Усов, так поступать тому, кто знает писание: «Погубит Господь всех, глаголющих лжу и да заградятся уста, глаголющих неправду».

Иконописец С. Д.

Миссионерские очерки

**В. Базарянинов В., тамбовский епарх. миссионер.
Миссионерский обмен мнений // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 20. С. 1406–1408**

(См. Мисс. Обзор. 1903 г. № 12 и 15).

Пишу не для полемики, а для выяснения недоразумения. Не отвечаю поэтому г. Боголюбову на его «волнения», упреки мне в «лиризме», на его призывы по моему адресу создать, сколько он создал и т. д.: всё это было бы одной перебранкой.

Но вот чего не удержусь сказать собеседнику: прошу его не давать себе труда угадывать инициалы или псевдонимы моих «откликов», а то он уже доходит до того, что подсказывает, по какому уезду работает одно прикровенно названное мною лицо. Это нехорошо. Оставим лица. Не ставьте ни меня, ни других в неловкое положение.

Забуду и я, что против меня именно г. Боголюбов. О деле.

Вопрос у нас о мощах; частнее – о силе доказательности Мф.27:52 и Сир.48:12–15; он сводится к тому, означает-ли «тело» на языке Писаний непременно только целое неразложившееся тело? и может-ли тоже самое хоть иногда выражаться словом «кости».

«Тело» в Писании (хоть и редко) может означать и истлевшее тело. Я привел выражение пр. Исаии: «восстанут мертвые тела» (Ис.26:19), близкое по букве к Мф.27:52. Моему собеседнику кажется, что «в Библии для этого выражения предполагается особая картина. Эти тела творческим действием Божиим будут образованы из праха (1Кор.15:42–44)». Натяжка. Такой картины воскресения, чтобы сначала творилось из праха целое, но безжизненное тело и потом уже в него посылался дух животворящий, не находим. 37 гл. Иезекииля, имеющая переносный смысл, – не в счет: да на неё не ссылается и Боголюбов. Он цитует лишь 1Кор.15:42–44. Но там, напротив, ясно утверждается, что одухотворится и восстанет в нетлении, силе и славе тоже самое душевное тело, посеянное в немощи, унижении, тлении: двух творческих моментов воскресения Павел тут не различает, как не различены они и в

Ис.26:19, где просто говорится, что оживут и восстанут мертвецы, мертвые тела, поверженные во прахе. Воскрешающая сила у Исаии сравнена с росой растений, у Павла – с силой жизни посеянного зерна: оба эти сравнения не в пользу «картины» Боголюбова. Наконец, в 1Кор.15:42, тлеющие по смерти тела названы телами (это подлежащее при сказуемом «сеется»).

«Костями» св. Писание называет кости в собственном смысле, явно отличая их от плоти, мяса, кожи (Иов.2:5, 19:20, 33:21; Мих.3:2; Лк.24:39; Еф.5:30). Особенно сильно различие кости и тела в картине 37 гл. Иезекииля. В частности по книгам Царств. 1Цар.31:10–13: труп Саула назван «телом», когда вешали его на стене Беф-сана и снимали с неё; но по сожжении трупа погребаемые останки названы уже «костями». «Костями» названы эти останки и после, при погребении их Давидом (2Цар.21:12–14). «Костями» названы тут-же и истлевшие на солнце тела сыновей Саула (2Цар.21:10–14). У писателя 4 и 3 Цар. (в которой содержится оспариваемое выражение «кости» Елисея) явно различены «кости» от неистлевшего «тела»: телом назван труп пророка при его смерти, но он же назван уже костями несколько позже (сн. 3Цар.13:28–29 со ст. 31 и 4Цар.23:18).

Итак, я думаю, что если кн. Царств назвала останки Елисея костями, то скорее всего это и были именно кости. Если-же Сирах называет их телом, то, 1-х, книга Сираха – не авторитет, а 2-х – «тело» может значить и тело истлевшее. Последнее относится и к Мф.27:52.

Но, впрочем, мне ведь собственно нет нужды утверждать, что «кости» и «тело» имеют каждое, своё друг на друга несводимое значение. Пусть будет так, что к одним и тем же останкам (напр., Елисея) может быть приложено и то и другое слово (по Сираху – тело, по 3Цар. – кости): значит тогда ни то, ни другое выражение само по себе, без каких-либо других доказательств или эпитета «нетленный», и не обозначает непременно нетления. Оставляю в силе раньше сказанное: «Если Д. И. будет утверждать, что нетленное тело может быть названо костями, то он должен согласиться, что и наоборот –

одни кости могут быть названы телом. Словом, у нас *нет данных* для решения вопроса о тлении или нетлении тела Елисея и тел, о которых упоминает Ев. Матфей» (Мисс. об. № 12, 218). Боголюбов утверждает в слове «тело» непременно мысль о нетлении; не утверждая обратного, я лишь отрицаю его утверждение, и тем уже лишаю силы его доказательство. Кажется логично? Если-же так, то не логичен Боголюбов на стр. 633 (№ 15 Мисс. об.): «О каких же телах он (ев. Мф.) там (27) говорят? об этом Базарянинов ничего не утверждает, а следовательно (!) не отвергает обычного миссионерского доказательства». Да, Дим. Иван., не утверждаю, но отвергаю; и это по закону логики: можно ли считать доказательством (хоть косвенным) нетления слово, где нет *обязательно* идеи нетления, а она может быть и не быть? «Разлагалось ли оно (тело Елисея)? Об этом в Библии *нет данных*», повторяет меня Боголюбов и вдруг отсюда заключает: «А при малочисленности наших библейских опор в вопросе о св. мощах – свидетельство о «теле» Елисея навсегда останется не только важным, но и *классическим*». Может-ли быть доказательством, не то что классическим, а хоть каким-нибудь, если я, напр., скажу: «мне назвали этот предмет стеною, – следовательно (?) он белый». Но почему же *именно* белый? стена ведь может же быть и не белая. При этом возражателю нет даже нужды утверждать, что стена, о коей речь, именно черная, или синяя, или красная...

Будет. Если в наличных аргументах современной полемики по некоторым вопросам «опор» и мало, то все же «подпоры» непрочные, как недолговечные, ненадежные и мало помогут; и «искуснейшим» не лучше ли, чем защищать их, *sine ira ex studio* простираться впредь, углубляясь «в глубину Разума Божия».

Тамбовский епарх. миссионер В. Базарянинов

Боголюбов Д. XVI. Затруднительное положение // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1409–1412

С час благовестили к миссионерской беседе. Народ собирался плохо. Штундисты вовсе не являлись. «Между делом» мы разговорились с мужиками. Я просил их осторожнее вести себя в жизни. Говорил, что сектанты смеются над нашими слабостями...

– Это у них первое дело! – заметил один бородатый мужик. Приехал я как-то к соседям, остановился у штундиста. Попили чайку. Хозяин садится за Евангелие.

Начинает речь:

– У меня была мать – темная женщина! Бывало, выйдет на двор, завидит месяц и крестится на него. Ха-ха-ха!...

Я и спрашиваю, – продолжал рассказчик:

– Чего ты смеешься? Твоя мать не плохо делала. Может быть, она была среднего ума баба, но уж, наверное, рассудительнее тебя. – Твоя мать радовалась свету и Бога благодарила за него, а ты лицо свой воротишь в темь. Сова ты ночная!...

Хозяин перестал смеяться.

Рассказчик замолчал. А мужики громко заговорили:

– Ведь вон они какие – сектанты. Все наыворот представляют. Ну, чего плохого на месяц креститься? Ведь не месяцу же мы молимся, а только перед Богом умиляемся, смотря на месяц. Это похоже на то, как человек крестится, когда ударит гром... Знамо, тогда страшно становится – перекрестишься!...

Речь потекла дальше. Мужики с негодованием возмущались показной святостью штундистов, – тем, что они выставляют себя *праведниками* перед народом.

– Один раз, заговорил опять бородатый мужик, я и вставил словцо своему лавочнику штундисту: коли ты святой, так за мои чистые денежки насыпай мне полную меру овса... Нечего, брат, жулить!...

– Что это значит? – спросили мы.

Рассказчик пояснил:

– Наш лавочник штундист занимается ссыпкой и продажей хлеба. Своих продавцов и покупателей надует он здорово. Чуть загляделся, – уже пропало фунтов 10 хлеба! Вот на таком фокусе я его и поддел...

Мужики смеялись над сектантами. Я свел речь вообще на людскую греховность. Я утверждал, что о грешности нам думать страшно: мир во зле лежит! Нам надо это помнить и смиряться перед Богом. Надо сокрушенно каяться в грехах и не подражать в самохвальстве штундистам.

Мы и так им не подражаем! – заметил один православный старик. Какой они – народ? Прямо, можно сказать, овцы заблудившиеся...

К нам подошли сектанты. Мы перебрались, по общему решению, в храм. Открыли *настоящую* беседу. В начале речи я стал объяснять 10 гл. Луки – притчу о милосердном самарянине.

Я говорил:

– Где бы ты ни встретил, христианин, больного и пропадающего человека, – пожалей его. Он – твой брат. Пусть он по крови другого племени с тобой; пускай и веры у вас разные. Помните, что Господь пострадал за весь мир и всем людям принес спасение. –

Так в плотских делах; но то же необходимо соблюдать и в делах веры. Вот теперь среди нас разводится много иноверцев-сектантов. Как мы обязаны относиться к ним?

Сектанты – для нас те же израненные разбойниками братья. Враг рода человеческого совлек их с пути правого, поверг в духовные болезни; а ты, православный христианин, помолись о них и покрой их язвы бальзамом своего милосердия. –

Потому то ныне, братья мои, с любовью будем беседовать с сектантами, молясь Богу об их спасении...

Затем я пригласил сектантов побеседовать со мной «об общем спасении».

Они ответили:

– Беседовать мы не желаем. Вы прировняли нас к людям, израненным разбойниками. Ну, и лечите нас. Мы послушаем.

Я сказал:

– Вы знаете, друзья, что доктор только тогда лечит больных, когда *исследует* их болезни. А для того больные *откровенно* рассказывают доктору о своих немощах. – Поведайте же и вы мне, чем вы духовно болеете...

К такой откровенности обязывает вас Евангелие. Сообразите сами: если бы израненный разбойниками человек лежал при дороге, плотно закутавшись в одежды, – заметил-ли бы его самарянин и перевез ли бы в гостиницу?...

Итак, друзья мои, побеседуем, стараясь укрывать ваши раны.

Сектанты ответили:

Все наши раны однажды навсегда залечил Христос кровью Своею. Нам нечего теперь беспокоиться о них...

Я возразил:

– В слове Божиим точно сказано: Христос *«есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира»* (Ин.2:2). Но следует ли отсюда, что язычникам не нужно приходить в Церковь Христову? Если бы это было так, ап. Петр не призвал бы добродетельного Корнилия ко Христу (Деян. 10 гл.). И если бы кровью Господа мы навсегда освобождались от грехов, ап. Иаков не написал бы: *«все мы много согрешаем»* (Иак.3:2).

Нет, братия мои, об искупительной крови Христовой вы неправильно понимаете. Господь избавил нас от сетей дьявольских, открыл вам двери рая; но в рай входят только *желающие*; воду благодатную пьют только *жаждущие* (Ин.7:37). И потому, по немощам своим, мы и ныне заблуждаемся и ходим часто с духовными ранами. Их необходимо заботливо лечить...

Штундисты сообразили, что они ошиблись. Однако они не признались в своём заблуждении, а грубо произнесли:

– Беседуйте. Мы не будем ничего говорить...

Я продолжал свою речь:

– Ваше заблуждение, друзья, изобличает, кроме того, ап. Павел. Он пишет ученику своему Тимофею: *«проповедуй слово, стой во время и не вовремя, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием»* (2Тим.4:2).

Подумайте в самом деле, братья мои: если бы христиане *однажды навсегда* были избавлены и как бы *застрахованы* кровию Христовой от всякого греха, – стал ли бы ап. Павел так заботливо увещевать христиан не грешить? Он не приказывал бы преемникам своим обличать согрешающих, если бы мудрствовал по вашему. Явно, что вы ошибаетесь, не зная Писаний (Мф.22:29)...

Сектанты молчали.

Я опять попробовал их втянуть в беседу. Ответа не было...

Упорство сектантов раздражало православных. Они собрались послушать миссионера; но им хотелось знать, что «сектанты будут отвечать?» В толпе православных слышались голоса:

– Что же, ребята, вы оробели? Как на улице галдеть – вы умники, а теперь ни слова от вас не слышим. Антип! раскошеливайся хоть ты...

Но и Антип словно воды в рот набрал. Он стоял с понуренной головой...

Положение было затруднительное.

Я стал говорить проповедь народу, но по лицам людей я замечал, что они разочарованы. Они ожидали беседы с *сектантами*, а её не вышло...

Нас выручили певчие. Как запели они под конец нотное «Хвалите имя Господне», – люди попадали на колена и в церкви виднелись плачущие.

Мы уходили домой растроганными...

Д. Боголюбов

Из миссионерской полемики

Беседы свящ. г. Казани о. С. Шлеева с поморским начетчиком г. Саратова А. Черчимцевым, веденные ими в пределах Уфимской епархии в декабре 1902 года.³¹³ Четвертая беседа. О печати антихриста. Пятая беседа. Царство антихриста. Его бессилие уничтожить жертву Христову // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1413–1430

Четвертая беседа. О печати антихриста

Миссионер. Несмотря на десятичасовую беседу, Арт. П. так и не ответил на поставленный вчера вопрос. М. б., ответит ныне.

Черчимцев. Я уже было начал читать указанное мне место из послания Иоанна Богослова. Но вполне выяснить свою мысль не пришлось. Она такова. О. Симеон ошибочно говорит, что троеперстие не есть печать антихриста на основании уже того одного, что самого антихриста еще нет. Троеперстие потому де нельзя назвать печатью, что православные исповедуют Св. Троицу, чего не будет у антихриста, отвергающего Отца и Сына (1Ин.2:22), как де об этом говорится в послании Иоанна Богослова, в конце 22-го ст. 2 главы.

Мы прочитаем это место повыше и посмотрим: так ли говорит миссионер, как нужно. В этом месте, наоборот, антихристом называется тот, кто отчается, что Иисус несть Христос. Я уже не говорю про русский перевод приведенного места. Я только знаю, что архипастыри Русской Церкви в одно время отменялись, что Иисус несть Христос и говорили, что он есть равноухий. А о. Симеон еще говорил, что среди архипастырства православной Церкви нет антихриста, отвергающего Отца и Сына. Всякий человек антихрист, если он отчается, что Иисус несть Христос, и при том антихрист последний, отвергающий Отца и Сына.

Миссионер. Мой собеседник своим последним возражением доказал лишь своё бессилие ответить что-либо от св. отцов. Вместо святоотеческого свидетельства, что троеперстие есть

печать антихриста, он указывает на разность в чтении имени Христа: Исус и Иисус. По старопечатному приведенное место читается: «Кто есть лживый, точию отменяся, яко Исус несть Христос; сей есть антихрист». В новопечатном переводе так: «Кто есть лживый, точию отменяся, яко Иисус несть Христос; сей есть антихрист». Пользуясь указанною разностью в написании достопоклоняемого имени Христа, Черчимцев завинил наших архипастырей, якобы они тоже отменяются, что Исус несть Христос. Но это – голословное похуление. Ни один архипастырь русский не утверждал, что поклоняемое старообрядцами лицо, под именем Исус, несть Христос. Название «равноухий» относилось не к Иисусу Христу, Сыну Божию, а к имени «Исус», коим в своё время назывались многие лица: Исус Навин, Исус сын Сирахов и др. Ведь наших инородцев мы не укоряем за то, что последние Высочайшее Существо Бога называют именем (на нашем языке) обыкновенной вещи. Мордва, батюшка коей здесь между нами, называет, наприим., Бога именем: «паз». На нашем языке последнее означает промежуток между бревнами сруба. За такое название Бога со стороны мордвы мы однако не можем гневаться на неё. Такой уже язык. Не должны укорять, тем более так строго осуждать и греков, если на их языке имя Исус с одной ижею обозначает не Спасителя, а равноухого. Им на их языке, чтобы обозначить лицо Спасителя, необходимо произнести в имени Исус два иже: Иисус. Св. Димитрий Ростовский засвидетельствовал лишь нами сказанное, – не больше. Неужели его и подобных ему назовем за это антихристами. Не буди нам этого. Сохрани Бог и помилуй. Иисуса, как лицо, названный святитель иначе и не называл, как лишь Христом. «Но не буди нам тако, говорит ом, нарицати (равноухим) Христа Спасителя» (Роз., стр. 56).

Следовательно, Черчимцев напрасно читал указанное место против архипастырей православной Церкви. Я указал его в доказательство лживого учения антихриста и за монету Артемия II, заплачу ему той же монетой. Вычитанное Черчимцевым место скорее относится к самим старообрядцам в роде Арт. П. и Тер. Ак. Вы прямо говорите, что Исус с двумя

ижами – иной бог, родившийся восьмью годами позже Иисуса Христа – Сына Божия. И за такое ваше мудрование вы, действительно, ни больше, ни меньше, как антихристы, отвергающие Отца и Сына. Сам Артемий П. читал: «кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына». Но не думаем относить это место ко всем старообрядцам. Хочется думать, что благоразумные из них согласны с нами в исповедании одного Сына Божия, одного Христа Спасителя, хотя имя Его Иисус и пишется по-разному. Иначе сказать: мы никогда не говорим, что Иисус несть Христос, а они никогда не станут признавать, что Иисус несть Христос.

Пребеззаконно Черчимцев указал и на разницу между славянским и русским чтением приведенного стиха. Несмотря на разное положение отрицательной частицы, смысл один – как в том, так и в другом переводе. Антихрист тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос (по-русски), кто отчается, что Иисус несть Христос (по-славянски).

Православные по обоим этим чтениям ни в каком случае – не антихристы. Они не антихристы точно также и по старопечатному чтению. Это выдумка лишь одного Черчимцева (Черчимц. ухмыляется). Он хорошо это знает, и если читал приведенное им, то читал с целью одного лишь соблазна.

Он не привык, видимо, искать истину. Общий наш друг с ним некто Сгибов, кончивший Казанский университет и еще не порвавший кровной связи с поморцами, передавал мне, как он уговаривал моих собеседников оставить мнение о молении православных духу лукавому. Сидящие предо мной обещались исполнить его просьбу, но скоро, должно быть, позабылось данное обещание. Местный о. благочинный передает, что Арт. П. и здесь уже снял свою прежнюю ложь о молении православных при крещении духу лукавому.

Черчимцев. Касательно крещения речи нет, а потому прошу об этом не говорить.

Миссионер. Я буду говорить про троеперстие и по вчерашнему буду требовать: какой св. отец написал, что троеперстие – печать антихриста?

Черчимцев. Впрочем, если есть охота, пожалуй, поговорим и о крещении. Я убежден, что православные при крещении молятся духу лукавому.

Миссионер. Арт. П-чу, видимо, не хочется говорить ни про то, ни про другое. Он не знает: за что взяться. Я указал на его обвинение православных в молении при крещении духу лукавому. Арт. П. подтверждает его. Дивлюсь ослепленности и дерзости безпоповщинского начетчика. Неужели православная Церковь, на самом деле, молится духу лукавому? Почитаем зазираемое Черчимцевым место: «Молимся Тебе, Господи, да отступят от нас вся воздушная и неявленная привидения: и да не утаится в воде сей демон темный: ниже да снидет со крещающимся, молимся Тебе, дух лукавый, помрачение помыслов и мятеж мыслен наводяй»... Вся суть обвинения заключается в том, зачем второе «молимся Тебе» имеет за со собой слова: дух лукавый. Этим указывается де моление духу лукавому. Старообрядцы забывают, что второе: «молимся Тебе», стоит в занятых, оно представляет лишь повторение первого обращения, повторение для ясности, и относится к тому же лицу к которому и первое. Первое к Господу, а потому и второе к Нему же. Если бы последнее относилось к духу лукавому, тогда бы слова: дух лукав, были в звательном падеже: «душе лукавый». Арт. П. хвалился званием славянской грамматики, а потому ему стыдно настаивать на старой лжи.

Черчимцев. О. Симеон, конечно, оправдывает православную Церковь, хотя и единоведец. Но я против этого его объяснения. По моему мнению, миссионер не так читает интересующее нас место. Терентий Акимыч! прочитай, пожалуйста, этот отрывок (Худошин читает и делает нужное ему логическое ударение).

Миссионер. Собеседник не доверяет моему чтению. Но кто больше читает эту молитву: Худошин или кто-либо из нас – священников. Конечно, мы. Поэтому, послушаем вместо Худошина лучше одного из сидящих здесь священников. О. Феодор! почитайте нам, Бога ради, это место (о. Стрелков читает, делая правильное логическое ударение).

Доказательством той мысли, что православные никогда и не думали молиться духу лукавому, служит самое содержание разбираемой молитвы. Черчимцево толкование прямо навязывает ей нелепую мысль. «Молимся тебе, лукавый дух – он же и демон ведь, да не утаится в воде сей демон темный, ниже да снидет со крещающимся, молимся тебе». Что это будет за молитва. «Како может сатана сатану изгоняти», сказал Господь (Мк.13 зач.).

Черчимцев. О. Симеон ссылается на смысл молитвы. Но и мы ведь о нём самом говорим. Говорим то, что православная Церковь молится лукавому духу. Миссионер толкует, что второй раз сказанное: «молимся Тебе» относится не к лукавому духу, ибо эти последние де слова не в звательном падеже, оно де лишь повторение первого, относящегося к «Господи». На это прочитаю ему из Никифора Астраханского. Здесь после второго: «молимся Тебе» стоит своё «Господи». Следовательно, оно не повторение первого, а самостоятельное обращение к духу лукавому, называемому здесь Господом, стоящем в звательном падеже.

Миссионер. Если бы Арт. Петр. искал истину, то он бы всё сказал. Между тем Черчимцев утаил самое главное. Он не сказал, что второе «Господи», стоящее за словами: «Молимся Тебе», заключено в скобки. Последнее не говорит ли за то, что и архиепископ Никифор был того мнения, что второе «молимся Тебе» повторяет лишь первое и относится к тому же Господу, к которому и первое, а потому и поставил после второго «молимся Тебе» слово «Господи» в скобках. Прибавлением слова «Господи» в скобках он, очевидно, желал вразумить неразумных, чтобы они не думали, якобы православная Церковь молится лукавому духу. Что касается слов: «дух лукав», то они и у Никифора Астраханского стоят не в звательном падеже. Не к нему, значит, молитвы. Иначе стояло бы: «душе», как, например, в молитве: «Царю Небесный – душе истинный». Брось, Арт. П., эту наглую ложь. Такая неудачная расстановка слов есть и в древних требниках. В выписках Озерского, коим ты обещался верить, во 2-й части, на 203 стр. указана масса таких требников, где молитва, занимающая нас,

напечатана так же, как и в православных книгах. Неужели и в древности, до п. Никона молились лукавому духу. Потом, Православная Церковь давно оставила печатать слова крещальной молитвы в зазираемом тобой порядке. Пред твоими глазами Екатерининские и Павла I требники. В них уже нет той расстановки слов, которая блазнит вас. Вас лично она не блазнит, это я верно знаю. Блазните ею вы других. Но помните, что сказано в Евангелии о блазнителях.

Сделаем, братие, перерыв. Ибо очень тяжело было слушать давно всеми оставленную ложь, но почему-то Арт. П. воскрешенную. Умный Андрей Денисов не пользовался ею. Это уже одно говорит, что поморцам не стоило бы прибегать к ней. «Всем нам подобает явиться пред судилищем Христовым», сказал ап. Павел (2Кор.5:10).

(Перерыв. Старообрядцы ведут себя беспокойно, видимо, чем-то взволнованные).

– Миссионер. От беседы про троеперстие на время мы отклонились. Нужно было разобрать два тяжких, предъявленных против Церкви, обвинения. Впрочем, и о троеперстии идет речь больше потому, что собеседник неблагоприятно отзывался об этом предмете. М. б., после вчерашней беседы Арт. П. переменил свой взгляд? Да как и не переменить-то! Целых 10 часов трудился человек, подыскивал свидетельство св. отца – и всё безуспешно. Брось, Арт. П., хулить Церковь. Обвинение твоё ни на чём не основано. Против свидетельства о папе Формозе мной приведено было много доводов. В настоящую беседу в дополнение последним приведу еще один такой довод. Черчимцев неоднократно говорил: у папы Формоза отсекали три перста за то, что он их складывал. Против этого мы приведем ему следующее. Все древние наши св. митрополиты: Петр, Алексей и Иова складывали тоже три перста. Неужели и им нужно отсекал пальцы?

Черчимцев. Где это видно, что св. митрополиты складывали три перста?

Миссионер. Названные святители служили по старым служебникам. Между тем в последних есть указ складывать и

три перста. Наприм., при произнесении слов: «Святая Святых», агнец по наставлению старых служебников должен братья тремя перстами. Если верить Арт. П., то агнец, поэтому, берется печатью антихриста!

Черчимцев. Мы тогда поверим, что троеперстие не есть печать противника, когда увидим святоотеческое свидетельство о последнем. О. Симеон обещался на нынешний день указать того св. отца, который написал о троеперстии. Пусть укажет.

Миссионер. Последним свидетельством отчасти уже доказано, что требуется доказать. На основании древних служебников видится троеперстное сложение при известных богослужебных действиях не у простых, а у св. отцов древней Русской Церкви. Остается показать: где святыми записано троеперстие, возносимое во время молитвы на чело, иначе сказать, употребляемое с крестным знамением. Третьего дня было говорено об узаконении святыми троеперстия, а сейчас будет указано: где у св. отцов оно записано.

Возьмем Стоглавый собор. В приведенных им ссылках из жития Мелетия и из сочинения Феодорита, как св. показателей перстного сложения при крестном знамении, нельзя не видеть нужных нам свидетельств в пользу троеперстия.

«Мелетий, читаем в Стоглавнике, Севастийский епископ житием и словом славен зело. Бесчиния ради сущих под руку его отрекся епископии и бысть в безмолвии. Тогда еретицы мневше, яко мудрствует с ними Мелетий, прошиша его у царя, да будет патриарх, еже и бысть. И посем бывшу собору о вере единосущества и арианом инако глаголющим, Мелетий же божественного правила показа явление, людем же просящим скорое учение от Бога показати. Он же показа персты во Отец и Сын и Св. Дух и не бысть знамения. Посем же Мелетий два совокупль и три пригну, и благослови люди, и изыде от него, яко огонь, молния, достохвальный он испусти глас: трие убо разумеем, о едином же беседуем».

Приведенное свидетельство св. Мелетия можно объяснить в пользу троеперстия. Сам Арт. П. знает: какие три перста показал св. Мелетий. Свойственное всего, – первые три. Протянув их, остальные два он, естественно, должен был

пригнуть. Итак, у св. Мелетия в первый момент были протянуты три первые перста, а что касается двух, то они были пригнуты. «Посем», говорит Стоглав, «два совокупль и три пригнув». Спрашивается, какие это «три пригнув»? Если два последние, но они уже были пригнуты. Остаются три первые перста. Что касается последних, то их оставалось лишь совокупить, ближе расположить друг к другу.

Вот одно из требуемых свидетельств в пользу троеперстия.

Черчимцев. Мы должны держаться Стоглава. Последний растолковал св. Мелетия в пользу двуперстия.

Миссионер. Арт. П. ошибочно утверждает. Он и сам не держится Стоглава при объяснении последним св. Мелетия. Черчимцев молится по наставлению статьи о крестном знамении в псалтири. А там редакция сказания о Мелетии, приводимая Стоглавом, изменена. В псалтырях сказано: показати три перста и не бысть знамения; потом два совокупль и *един* пригнув.

Итак, старообрядцы, не следуя при изображении на себе крестного знамения наставлению Стоглава, естественно, не могут обвинять за не следование Стоглаву и других. Я Стоглав не порочу. Я лишь утверждаю, что редакция Стоглавого сказания о св. Мелетии благоприятствует троеперстию. Мой собеседник должен еще благодарить, что мной взято сказание о св. Мелетии, именно из Стоглавника, а не из другой какой книги. Если, возьму сказанное о св. Мелетии из других книг, то свидетельство первого в пользу троеперстия еще яснее. В Кирилловой, наприм., книге о св. Мелетии так написано: «два совокупль и *един* пригнув». После того как два последние были пригнуты, а первые три протянуты – выражение: «два совокупль и *един* пригнув», всего ближе можно растолковать в пользу троеперстия.

Черчимцев. В троеперстии большой палец не пригибается: он только растягивается. Потому выражение, «два совокупль и *един* пригнув», нельзя толковать в пользу троеперстия. Св. Мелетий большой палец пригнул к двум последним.

Миссионер. Если допустить, что большой палец св. Мелетием был пригнут к двум малым, прежде бывшим

пригнутым, праздным от всякого образования в них догмата Св. Троицы, то он не показал бы этим действием единосуция Св. Троицы, ибо тогда он совокупил бы воедино не три перста, коими прежде образовал три ипостаси Св. Троицы, напротив, один бы от них отделил бы и тем показал-бы не трех лиц единомушние, а только двух, сделали-бы радость духоборцам, неисповедовавшим Св. Духа единомушным Отцу и Сыну. Наконец! Арт. Петр. говорит неправду, что большой палец при троеперстии не пригибается, а только лишь растягивается. В нижнем своём суставе он необходимо пригибается: иначе тогда его и не соединить с указательным и великосредним.

Всё сказанное я нисколько не направляю против двуперстия. Я лишь утверждаю, что сказание о св. Мелетии благоприятствует троеперстию!

Не меньше о троеперстии говорит и другое свидетельство, по Стоглаву святоотеческое, свидетельство Феодорита.

Черчимцев. Миссионер хочет приводить свидетельство Феодорита, которого в то же время за св. отца не признает. Между тем вопрос такой: какой св. отец написал о троеперстии.

Миссионер. Я взял Стоглавник, постановление собора о сложении перстов для крестного знамения, и пользуюсь его свидетельством. Свидетельство Феодорита собором признается за свидетельство св. отца. Собор, названный мной, старообрядцы принимают и ссылку его на Феодорита как на св. отца, они тоже должны принять. Собеседник скажет м. б.: разбираемая ссылка говорит про двуперстие. Будем читать. «Сице благословити рукою и креститися три персты равны имети вкупе по образу троическому: Бог Отец, Бог Сын, Бог Св. Дух, не три бози, но един Бог в Троице, имена разделяются, а божество едино. Отец не рожен, а Сын рожен, а не создан, Дух Святый ни рожен, ни создан, но исходи. Три е во едином божестве, едина сила, едина божеству честь. Тако и тем трем перстом указ. Два перста имети наклонены, а не простерты, а тем указ тако. То образует две естестве: Божество и человечество... тоже согбение персту толкует: преклонь-бо небеса и сниде нашего ради спасения».

Нами прочитано наставление о сложении перстов при крестном знамении. Наставление Стоглавым приписывается Феодориту. Пользуясь им, мы вторично докажем свою мысль: троеперстие не только узаконено св. отцами, но и записано ими.

Черчимцев . Неужели Стоглавый собор мог привести свидетельства, говорящие – скорее в пользу троеперстия, чем двуперстия. Это по меньшей мере странно.

Миссионер. Неподходящими свидетельствами пользовался не один Стоглав. Вспомним 4-е правило Новокесарийского собора, утвердившего на основании Деяний Апост. седмичное число дьяконов во всяком городе. Ссылка по словам VI Вселенск. собора, была не основательна, в Деяниях говорится о дьяконах при трапезах, а не о диаконах при таинствах. Своей ссылкой на Деяния, хотя и не правильной, Новокесарийский собор, очевидно, стремился закрепить своё постановление (4 пр.).

Не иным чем руководился и Стоглавый собор. Желая как можно более утвердить двуперстие, он прибег к древности: привел разбираемые свидетельства. Одно из них оказалось благоприятствующим троеперстию; другое, сейчас прочитанное, тем паче.

В Феодоритовом сложении на первом плане три перста, а в двуперстии, наоборот, два; потому и зовется двуперстием. Потом, в Феодоритовом сложении оба перста наклонены, в двуперстии же один: другой простерт. Опять, значит, несходство. В-третьих, выражение Феодорита: «три перста равны имети», естественнее отнести к трем первым, как более равным, чем к большему с двумя малыми.

Черчимцев. Всё это – толкование самого о. Симеона. Он ничем не доказал правильность объяснений Феодоритова слова.

Миссионер. Не я один так толкую Феодоритово слово. В древности его толковали тоже в пользу троеперстия. Для того, чтобы направить его в пользу двуперстия, понадобилась вставка. Последняя сделана м. Даниилом, который пояснил – какие три перста нужно иметь вкупе: большой, да два малых, говорит он. Но в Стоглавнике эта вставка, как незаконная,

опущена. Значит, Феодоритово слово опять стало возможным при приложении к троеперстию.

Разобравши свидетельства, приводимые Стоглавым собором, как свидетельства св. отец, мы перестаем быть в долгу пред Арт. П. Ответ на его вопрос готов. Троеперстие узаконено с древних пор. Следы его существования видны в житии св. Мелетия и в Феодоритовом слове.

Черчимцев. О. Симеон нашими же свидетельствами утверждает своё троеперстие! Пусть он его докажет своими, кроме наших, приведенных им. В пользу двуперстия у нас существует много и иных, кроме захваченных миссионером, свидетельств. Напр., свидетельство св. Петра Дамаскина, говорящее: «яко два перста убо и едина рука являют распятого Господа нашего И. Христа, во двою естеству и едином составе познаваема».

Миссионер. Свидетельство Петра Дамаскина не есть свидетельство св. отца. Потом, он говорит не о том двуперстии, какое употребляют старообрядцы. Петр Дамаскин пишет лишь о двух перстах, о трех же остальных и знаменовании их умалчивает. Далее, самые два перста у Петра Д. прообразуют два естества во Христе иначе, чем, напр., в статье о крестном знамении в псалтырях. В последних соединении двух естеств во Христе образуется соединением, сложением двух перстов. А у Петра Дам. соединение двух естеств образуется не сложением пальцев, а единством руки: «два перста и едина рука», сказано, «являют распятого Христа». По Петру Дам., мы можем употреблять для крестного знамения персты и не рядом находящиеся. Единство лица исповедуется самой рукой, а не совершением перстов. На многих старинных изображениях встречаются виды такого перстосложения, где указательный и мизинец, напр., протянуты, а остальные три пригнуты к ладони. В библиотеке при Казанской Д. Академии имеются копии с мозаических икон в Константинопольском Софийском соборе. На этих снимках не мало таких изображений.

Черчимцев. Двуперстники не такие бедняки, как троеперстники. У нас кроме Петра Дамаскина найдутся святоотеческие свидетельства в пользу двуперстия. Терентий

Акимыч, прочитайте миссионеру 40 главу пр. отца Максима Грека о том, как «совокуплением триех перст тайну святых единосущных Троицы, и протяжением двою, указательного и среднего, сшедшая два естества во Христе исповедовати научает» (Худошин читает).

Миссионер. Двуперстники на свидетельстве преп. Максима Грека так же не могут обосноваться, как не обосновались они и на слове Петра Дам. Расположение перстов и знаменование их у Максима Грека опять иное, чем в статье о крестном знамении, коей руководятся старообрядцы и которая напечатана в псалтырях и в Кирилловой книге. В слове Максима Гр. «сшедшая два естества во Христе» образуются не соединением обоих перстов, как в псалтырях и в Кирилловой, а протяжением их. Затем о пригнутии великого среднего перста, коим в псалтырях исповедуется: «преклонь небеса, сниде на землю» в слове Максима Гр. совсем даже не говорится. Выходит, перстосложение Максима Грека не сходится с употребляемым у старообрядцев ни по внешней форме, ни по внутреннему знаменованию.

Арт. П. хвалился множеством святоотеческих свидетельств в пользу двуперстия. Но проведенные им пока – или свидетельства не святых отец (Петра Дам.), или свидетельства, не вполне говорящие о старообрядческом двуперстии. М. б., мой собеседник, говоря о множестве святоотеческих свидетельств в пользу двуперстия, разумел иконные изображения. Что же? Троеперстники тоже могут привести не мало таких изображений в свою пользу. У них имеется такое, напр., драгоценное доказательство, как нетленные мощи Спиридона просфорн. в Киевских пещерах (12 в.). У преподобного на десной руке ясно видно троеперстие.

Чешрчимцев. Я не думаю приводить иконные изображения. Нам довольно Стоглавого собора, проклявшего всякого, не молящегося двуперстно.

Миссионер. Арт. П. много раз приводил это постановление Стоглава. Следует, поэтому, более подробно остановиться на нём и растолковать его. При знакомстве с приведенным постановлением выносится тоже убеждение, какое и после

чтения выше разобранных слов Петра Дамаскина и пр. Максима Грека, именно – старообрядческое сложение одно, а заповедуемое Стоглавом – другое, как по форме, так и по знаменованию. В обычном у стар. сложении указательный перст протянут, а великосред. немного пригнут. В двуперстии же, по Стоглаву, оба эти перста нужно нагнуть: «верхний перст с середним совокупив простер и мало нагнув». В принятом старообрядцами двуперстии «преклонение небес и снтие на землю Спасителя» образуется чрез наклонение великосреднего перста, по Стоглаву же, эту мысль выражает наклонение большого пальца ко двум нижним: «крестится и благословити два дольные (длинные), а третий верхний к дольному перстому, тоже согбение персту толкует: приклонь-бо небеса и сниде нашего ради спасения, а два верхние... в божество и человечество».

Приведенные мной до сих пор рассуждения направлены не к уничтожению двуперстия, коим сам молюсь, а к утверждению той мысли: троеперстие существует не без оснований. Святоотеческие свидетельства, приводимые старообрядцами в пользу своего перстосложения – или не приложимы к последнему, или же благоприятствуют троеперстию.

Выходит, троеперстие не только узаконено, но и записано, притом св. отцами.

Что касается клятвы Стоглавого собора на некрестящихся двуперстно, то эта клятва не Стоглавого собора. Она взята им из чина принятия Яковитян – одноперстников. Следовательно, одноперстники, а не троеперстники проклинаются и на Стоглавом соборе. Лишь одноперстие и пятиперстие – не законные сложения, как об этом говорится в Б. Катехизисе (7 л.). Троеперстие нигде не порицается в Писании: вчерашняя беседа всякого из вас в этом убедила.

Мой ответ на вопрос Черчимцева я считаю оконченным. Если он желает продолжать свидетельства в пользу двуперстия, то я не замолчу равномерных свидетельств в пользу троеперстия. Спорным свидетельством о двуперстии Б. Катехизиса и М. Катехизиса и наставлению о двуперстии кн. о Вере я представляю ясные свидетельства о троеперстии из кн.

Фисаврос (Скриж., стр. 773), из Православного Исповедания правосл. патриархов, из жития св. Александра Ошевенского (16 в.) и др.

Арт. Петр., м. б., заметил, что двуперстно велела молиться св. Церковь, как де об этом писано в книге о Вере. А кто Церковь прослушает, тот язычник и мытарь, по слову Христа. Но, по кн. о Вере, св. Церковь собственно говорит не о сложении, а об исповедании в Христе двух естеств. Православные эти два естества исповедуют (догмат. 6 гл.), а потому мытарями и язычниками названы быть не могут.

(Черчимцев молчит и не думает возражать).

Итак, в то время, когда собственно нужно было еще отвечать Арт. П., я дал ответ на поставленный вопрос. Из последних двух бесед слушатели должны вынести, что троеперстие не печать антихриста и что оно узаконено и записано святыми отцами.

Ныне вопрошающим был Арт. П. Я – отвечающим. Завтра будет наоборот.

Пятая беседа. Царство антихриста. Его бессилие уничтожить жертву Христову

Миссионер. Предметом настоящей беседы будет всё тот же вопрос о последнем антихристе. В предыдущие дни говорилось о существе, лице его, о печати, о времени его прихода, сейчас будем рассуждать о царствовании его. Будет ли его царство настолько могуче, что в самом деле, как утверждают безпоповцы, оно повсюду истребит жертву Тела и Крови Христовой.

В книге о Вере говорится: «начаток Христовой веры с концом согласуется» (гл. 20, л. 86 сн. гл. 2, л. 30.), т. е. в последнее время будет такое же сильное гонение на христиан, какое было и в первое. Сила последнего гонения, однако, не уничтожит повсюду божественного учреждения Тела и Крови Господней. В первые три века христианства были великие мучители-цари: Нерон, Траян, Диоклетиан и др. Но, несмотря на всю лютость гонения, они не истребили жертвы Христовой. В потаенных местах она приносилась. Правда, видимых храмов не было, но собрания верующих с приношением бескровной

жертвы были. Подобно этому будет и при последнем антихристе.

Хотя «церкви Божии (храмы) будут яко овощное хранилище» (Ипполит. слово), но это не помешает будущим христианам причащаться Тела и Крови Господних. Что и в потаенных местах, в пустынях, будет приношение бескровной жертвы – за это ручается присутствие там священнического чина. «Когда, говорит св. Андрей Кес., действующий в антихристе дьявол вооружится чрез него на Церковь, тогда избранные и достойнейшие побегут в пустыню, чуждую всякой злобы и плодоносную всякой добродетели... Не лишено вероятности и то, что и чувственная пустыня, как прежде мучеников, спасет убегающих от наветов отступника и лжехриста в горах, пещерах и пропастях земных» (Откр.12:6). Что под избранными и достойнейшими, убегающими при антихристе в мысленную и чувственную пустыни, разумеются именно совершители таинств, это доказывается дальнейшим толкованием того же св. Андрея. В толковании 17 ст. этой же главы (Откр.12:17) святитель Кесарийский замечает: «А когда лучшие и избранные церковные учителя и презревшие землю удалятся по причине бедствий в пустыню, тогда антихрист, хотя и обманется в них, воздвигнет брань против воинствующих Христу в мире и т. д.».

Согласно Писанию, выходит, жертва Христова будет и во времена последнего антихриста. Если не будет её в чувственных видимых храмах, в пустынях, в потаенных местах она все-таки будет. Безпоповцы не могут сказать, что они имеют её, хотя бы в потаенных местах. Антихрист их одолел.

Черчимцев. Миссионер говорит, что во времена антихриста приношение Тела и Крови Христовой будет в потаенных местах, в пустынях. Но он неправду сказал. Учение его – учение странников-бегунов, с которыми мы не имеем ничего общего. Церковь Христова и во время антихриста будет в миру. Бл. Августин, толкуя про состояние Церкви в последнее время, замечает: «Церковь будет в среде всех народов, что обозначается названием широты земли, там будет стан святых, там будет возлюбленный Богу – град Его; там все враги её, так

как они вместе с ней будут находиться в среде всех народов, – окружают её своим жестоким преследованием, т. е. будут стеснять, тревожить, ставить в безвыходное положение тяжкими напастьми. И она со своей стороны не оставит воинствующего положения, потому что названа именем стана» (часть 6, 210 стр.).

Итак, подтверждая свою мысль бл. Августином, я заявляю несогласие с о. Симеоном по затронутому им вопросу. Он говорит, что приношение бескровной жертвы будет в пустынях, я же утверждаю наоборот: приношения там не будет. Церковь будет в миру, будет стесняться врагами.

Миссионер. Мой собеседник ничего не сказал по поводу моих ссылок на св. Андрея Кесарийского. Приведя выдержку из бл. Августина, он не захотел последнего примирить с первыми и поспешно заявил о своём лишь несогласии со мной. Приведенное им место из бл. Августина входит, как часть, в толкование св. Андрея. Святитель Кесарийский, кроме бегства верующих в мысленную пустыню, говорит про бегство их и в чувственную пустыню. Выходит, толкование св. Андрея, жившего после бл. Августина, полнее толкования последнего. Верно, что Церковь, как стан святых, будет воинствовать с антихристом, но также верно и то, что некоторые члены её, с пастырями во главе, удалятся в чувственную пустыню. Арт. П. представляет дело так, что коль скоро при антихристе Церковь будет в миру, то, значит, приношение бескровной жертвы в ней не будет. Но я нарочно и привел выражение кн. Веры: «начаток веры Христовой с концом согласуется». Состояние Церкви в первые три века гонений нам много объяснит положение её и при последнем гонении. Церковь в первые три века находилась среди всех народов, окружена была жестокими гонениями и, однако, в потаенных местах имела приношение бескровной жертвы, каждый верующий тогда знал места тайных собраний христиан, в каждом городе и месте были храмы, хотя бы без внешних отличий от прочих зданий. Так будет и в последнее время. Церковь будет среди всех народов, будет жестоко преследоваться, как говорит бл. Августин, но однако всё же она не потеряет своего внутреннего благоустройства, в ней, по

словам св. Андрея, будут пастыри, они не оставят верующих, хотя часть последних удалится и в чувственную пустыню.

Итак, слова бл. Августина – не оправдание Арт. П. Они даже его обличают. Безпоповцы не подходят под ту Церковь, которая, по словам блаженного, среди всех народов. Слова Августина скорее относятся к православной Церкви, имеющей членов среди всех народов, по всей вселенной. Антихрист одолел, овладел безпоповцами так легко чрез своих слуг потому, очевидно, что они не Церковь Христова, ибо находятся вне её.

Черчимцев. Миссионер говорит, что безпоповцы не подходят под Христову Церковь, о коей говорит Августин. М. б., мы потому не подходим, что нет на нас ныне гонений? Гонения бывают разные. Терентий Акимыч, почитайте 93 стр. 6-й части бл. Августина. (Худошин читает). «Да и самые еретики, так как представляются имеющими имя, молитвы, писания и исповедания христианства причиняют великую скорбь сердцам благочестивых: потому что, с одной стороны, многие желающие быть христианами делаются по необходимости нерешительными в виду их разномыслий, а с другой – многие злоречивые находят в них основание хулить христианское имя; ибо и они всё же называются христианами. При существовании этих и им подобных развращенных нравов и заблуждений желающие жить благочестиво во Христе терпят гонения, хотя тело их и не подвергается ни от кого нападению и мучению».

Итак, из прочитанного ясно, что верным христианам кроме телесных озлоблений бывают еще духовные. Мы терпим их, а потому подходим под ту гонимую Христову Церковь, о коей говорит тот же Августин несколько, как мы видели, ниже (210). Терпимые благочестивыми мучения доставляют, по блаженному, еретики, имеющие имя христиан, семь таинств, писание и исповедание.

Миссионер. Арт. П., чтобы доказать свою принадлежность к Церкви, распространенной среди всех народов и терпящей мучения, прочитал устами Худошина слова Августина о духовных мучениях, бываемых от еретиков. Пора уже моему собеседнику понять, что еретики и последний антихрист, про

когого речь, не одно и то же. Читать про мучения от еретиков можно и в другой раз. Я уверен, что Черчимцев сам сознает несвоевременность своего чтения и если прочитал слышанное вами, то со злою целью. Ему захотелось лишней еще раз обозвать православных еретиками, от коих они якобы терпят духовные мучения. Чтобы яснее увидеть нас в словах Августина об еретиках, мои собеседники не постеснялись прибегнуть к обычному средству лжи, памятуя, должно быть, иезуитскую заповедь: цель оправдывает средство. У блаженного написано: «еретики, имеющие имя, таинства писания». Слова: «таинства писания» не разделены запятой.

Но Черчимцев с Худошиним не постеснялись разделить их и слово таинства растолковать в смысле семи церковных таинств. Должно быть, опасались, как бы себя вместо нас не увидеть в словах Августина. Они, ведь, тоже как будто имеют и имя, и таинства писания (св. евангелие), и исповедание. Точка в точку, как и прочие еретики. Подобно последним старообрядцы доставляют великую скорбь истинным христианам-православным. Своим развращенным нравом, проявившимся в только что разобранном вранье, старообрядцы не хуже других еретиков причиняют верующим сердечные болезни. Они подобны еретикам и в 3-м намеченном блаженным пункте. Массой своих разномыслии они, как и все прочие отделенцы, много доставляют душевных волнений чадам православной Церкви.

Нет, Арт. П., лучше уж себя поимейте в виду при правильном чтении слов бл. Августина об еретиках. Злая цель, с коей прочитано было это место, видна не только мне, но и всем прочим. Будучи отделенцами, напрасно считаете себя в Церкви Христовой. За одни мучения, хотя-бы даже телесные, а не духовные, не можете быть членами последней. Неправеднии мучимы не венчаются.

Принадлежность своего общества к Христовой Церкви мой собеседник скорее докажет чрез наличность причастия Тела и Крови Христовых. Это более верный путь. Отдаляться от него, коль скоро о нём и речь, моему собеседнику не следует. Прошу вас, Арт. П., покажите нам, какие св. отцы написали, что во

время последнего антихриста жертва Христова повсюду истребится.

Черчимцев. От ответов на вопросы я никогда не уклонялся. Отвечаю словами св. Кирилла Иерусалим. (На 32 л. об.) Кирилловой книги читается: «О том бо Хрисостом святей глаголет, яко антихрист прежде пришествия своего учинит, яже везде жертвенники и истинную жертву истребит и кумир свой на святом месте поставит».

Миссионер. В настоящее время Арт. П. прочитал приведенное им место по знакам: три дня тому назад это же место читал несколько иначе: тогда – после слова «жертвенники» останавливался, относя его к глаголу «учинить». Но обратив внимание на давно известные ему знаки препинания, мой собеседник не придавал значения ссылке на поле на «Толковый апостол зач. 150». Между тем ссылку эту стоило бы почитать. Здесь в ссылке не так написано, как в Кирилловой книге. В Толковом апостоле на 549 л. читается так: «мерзость запустения не есть жертва свята, любезна и приятна Богу, но спустошение, еже соделает антихрист пред пришествием Господним (а не своим, как в Кир. кн.) – свой образ на то место поставит». У св. Златоуста, т. о., нет слова «езде», помещенного в Кирилловой. По св. Златоусту, значит, антихрист не везде истребит Христову жертву.

Свою мысль о повсюдном истреблении в царствование антихриста Христовой жертвы Черчимцев тогда лишь докажет, когда что-либо прочитает в противовес Златоусту.

Но Златоустовы уста – Павловы уста и Христовы.

С Златоустовым учением по поднятому вопросу согласны о. о. и учителя Церкви, относящие мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, ко временам последнего антихриста и не относящие. В числе первых стоят: св. Ириней Лионский (М. 1871 г. 650), св. Ипполит Римский, Ориген, бл. Иероним, приводящий свидетельства последних двоих (ч. 12. 79 и дал.). В среде вторых находятся: св. Климент Александрийский (Стр. кн. 1, гл. 21), Тертуллиан (пер. Кар. С. П. Б. 1850 г. ч. 3. стр. 188–193), Юлий-Африкан, Евсевий Кесарийский, св. Афанасий Александрийский (тв. М. 1851, 134, ч. 1), св. Кирилл

Иерусалимский (Тв. 1855 стр. 181–82), св. Исидор Пелусиот (М. 1660 г. ч. 2, стр. 141–2, 275–282), бл. Феодорит Кирский (Моск. 1657 г. ч. 4, стр. 177).

В числе приведенных отцов, как видите, стоит Кирилл Иерусалимский. Он мерзость запустения на указанных нами страницах его сочинения не относит ко временам последнего антихриста и понимает её иначе, чем как вычитал Арт. Петр. Черчимцев нам от имени св. Кирилла, как вы все слышали, вычитал то, что антихрист еще пред своим пришествием повсюду истребит истинную Христову жертву. Чему верить: моему вычитыванию или его?

Черчимцев. Я, пожалуй, прочитаю и из Кирилла Иерусалимского. У меня тоже имеются тайноводственные его поучения. (Берет их).

Миссионер. Арт. П., какую берете книгу?

Черчимцев. Св. Кирилла Иерусалимского.

Миссионер. А прежде какую читали?

Черчимцев. Св. Кирилла Иерусалимского.

Миссионер. Обе эти книги одного св. отца и одного и того же содержания или нет?

Черчимцев. Одного.

Миссионер. Как же большая, прежде читанная вами Кириллова книга, вместились в эту маленькую, когда говорите, что содержание их одно и тоже? Если содержание одно, то почитайте, что хотели, из первой, а эту вторую маленькую передайте мне – я посмотрю. (Берет).

Черчимцев. О. Симеон отдайте книгу. Она моя.

Миссионер. Я и не думаю её присваивать. Прошу вас читать. В большой ведь книге тоже написано, что и в маленькой? Только очень уже дивно: как большая уместилась в маленькую?

Черчимцев. Прошу отдать книгу.

Миссионер. Книгу отдаю и народу объясняю, что прежде читанное Арт. П. о мерзости запустения из Кирилловой книги св. Кириллу Иерусалимскому не принадлежит. Оно принадлежит Стефану Зизанию. Но последний не святой отец. Между тем

вопрос такой: какие св. отцы написали, что во время последнего антихриста повсюду истребится Христова жертва.

Черчимцев. В Кирилловой книге, верно, толкование Стефана Зизания. Однако, и его нужно читать. Иначе миссионер хулит Кириллову книгу.

Миссионер. Я её не хую. Прошу почитать на поставленный вопрос от св. отец.

Черчимцев. Я сначала прочитаю, как нужно почитать Кириллову книгу.

Миссионер. Читай это тем, которые хулят названную книгу. Если не будешь прямо отвечать на вопрос, то я лучше беседу прекращу, а тебя несостоятельным объявлю.

Черчимцев. Не умеете кончать беседу.

Местный Благочинный. Пятидневные, братия, беседы показали нам, что это за люди – Артемий Петрович и Терентий Акимыч. Это лица постоянно прибегающие ко лжи, к разного рода подтасовкам, на вопрос никогда не отвечающие. Вспомним беседу о троеперстии. Целых десять часов уклонялись они от вопроса, отложили до другого дня и на другой день также не ответили. Ныне тоже самое. Их спрашивают: какие св. о. о написали, что во время последнего антихриста не будет причащения, а они предлагают читать; как нужно почитать Кириллову книгу. Видимо, не желают отвечать. Очевидно, хочется лишь протянуть время. Но проволочкой времени ничего ведь не доказали за все пять бесед. У всех одно впечатление: напрасно потратились на выписку Артемия Петровича и его учителя Терентия Акимыча Худошина.

Беседы считаем законченными. О. Симеону приносим чувствительную благодарность.³¹⁴

Свящ. един. ц. г. Казани. С. Шлеев

**Кальнев М., мисс. Планы и методы
противосектантских бесед // Миссионерское
обозрение 1903 г. № 20. С. 1431–1434**

1. При ведении беседы о молитве за умерших необходимо прежде всего выяснить понятие о Церкви, как о едином обществе, состоящем из живых и умерших (Евр.12:24; Рим.14:8–9); выяснив такое понятие о Церкви, показать, что у Бога нет мертвых: у Него – все живы (Лк.20:38) и должны находиться в живом общении друг с другом. Это общение лучше всего выражается в молитве друг за друга (Иак.5:16). Притча Спасителя о богатом и Лазаре изображает неодинаковую судьбу праведников и грешников и указывает на возможность *не самовольного* изменения участи грешников, а по молитвам Церкви (Лк.16 гл. сравни 1Пет.3:18–19, 4:6). Если же мы до всеобщего суда Христова не можем знать об окончательной участи умерших сродников наших, а изменение её до этого суда возможно (Мф.21:22), то любовь, которая, по словам ап. Павла, не ограничивается ни временем, ни местом (1Кор.13:8; Рим.8:38–39), побуждает нас молиться за умерших братьев наших. Этим заканчивается догматическая и нравственная часть беседы и делается переход к полемической части. Здесь задается сектантам вопрос: любят ли они своих умерших и как проявляют к ним свою любовь? Так как сектанты своё лжеучение о бесполезности молитв за умерших основывают на притче Спасителя о богаче и Лазаре (Лк.16 гл.), то, при разъяснении этой притчи, нужно обратить внимание на выражение *«хотящие не могут перейти»*... Из этих слов притчи мы видим только то, что на том свете человек *сам, своими только силами*, как бы ни хотел перейти из ада в рай, не может; ему нужна посторонняя помощь – молитвы Церкви. На другое возражение сектантов о невозможности причислить к Церкви небесной умерших грешников, следует ответить, что из притч Спасителя о пшенице и плевелах, о девах мудрых и юродивых, о неводе и рыбах – видно, что до всеобщего суда Христова и праведники, и грешники как на небе, так и на земле составляют

одну Церковь. По окончании разбора сектантских возражений, беседа заканчивается указанием на общее верование ветхозаветной (2Мак.12:42–45; Иер.16:47) и новозаветной (Лк. гл. 16; 1Пет.3:18–19, 4:6; Рим.8:38–39). Церкви в возможность изменения за гробом участи грешников. Наша православная Церковь на этом основании и возносит свои молитвы к Богу об изменении судьбы своих членов умерших «грехом не к смерти» (1Ин.5:16).

2. Беседу о молитвенном призывании и почитании святых следует тоже начинать с выяснения понятия о единстве Церкви, как обществе живых и умерших (Лк.20:38), праведных и грешных под главенством Христа (Еф.1:10; Евр.12:22–24; Рим.14:8–9). В этой Церкви есть более достойные и совершенные члены, каковы – святые и ангелы Божии, и менее совершенные – мы, живущие на земле (2Тим.2:20); небожители – друзья нам (Еф.2:19–20); а посему нам и естественно обращаться к ним за помощью.

Далее следует полемическая часть беседы. Считают ли иномыслящие святых и ангелов более совершенными членами единой Церкви и нашими друзьями и, если считают, то почему не обращаются к ним с просьбой о молитве за нас пред Богом?

Здесь придется миссионеру решить нижеследующие главнейшие возражения сектантов:

а) 1Тим.2:5; 1Ин.2:1, на основании каковых иномыслящие признают единственным Ходатаем за людей Христа, ходатайства же святых считают излишними и даже преступными (Иер.17:5).

Это возражение решается так: Христос – Ходатай за нас пред Отцом Небесным Кровию своею, и как таковой, Он – единственный; а святые за нас ходатаи пред Богом молитвами и, как таковых, их много (2Кор.1:11). Что же касается Иер.17:5, то здесь осуждается надежда на грешного человека, что выясняется из самого текста речи.

б) Не унижается ли достоинство Христа ходатайством святых? Нет! (Мф.15:22; Ин.2:1–11, 12:21–22; Иов.42:8).

в) Не находятся ли души святых в состоянии усыпления (3Ездр.7:31–32)? Нет! В указанном месте говорится об

усыпленных телах, а не душах, которые не в земле остаются, а идут к Богу (Еккл.12:7). А что души святых вовсе не находятся в состоянии усыпления и способны слышать нас, об этом свидетельствует св. Писание (2Мак.15:12–17; Откр.6:9–7, 9–12).

г) Есть ли в слове Божиим указание на таковые именно способы прославления святых, какие существуют в православной Церкви? Есть: (Сир.44:1–14; Евр.13:7).

В заключении должно повторить, без полемики, показанные в беседе положительные основания к почитанию и молитвенному призыванию святых и заключить беседу общим нравственным назиданием.

3. В беседе *о почитании св. мощей* необходимо прежде всего выяснить, что понимает Церковь под именем мощей; необходимо это в виду установившегося неправильного взгляда на мощи, как со стороны сектантов, так и многих православных, будто мощами именуются только нетленные, вполне сохранившиеся тела, тогда как этим именем называются вообще всякие останки святых, чрез которых чудесным образом проявляется сила Божия.

Затем следует остановиться на вопросе – не противоречит ли понятие о нетлении мощей слову Божию, говорящему о тленности человека (Быт.3:19)? Этот вопрос решается ссылкой на соответствующие места св. Писания (Прем.2:23; Рим.5:12–14), из которых видно, что смерть и разрушение тела есть следствие греха, и что, следовательно, люди, освобождающиеся от греха, как бы достигают первоначального назначения человека, т. е. нетления; в доказательство чего приводятся места: Сир.44:15, 48:1–9, откуда ясно видно, что ни Енох, ни Илия не видели истления и, следовательно, закон о непреложности тления человека имеет исключения. Здесь же не мешает упомянуть, что Всемогущий, «где хочет, побеждает естества чин», ибо «у Бога всё возможно».

Дальше необходимо перейти к выяснению того, что святость угодников свидетельствуется не только нетлением, но, главным образом, основывается на чудесах, истекающих от их мощей. Эти чудеса свидетельствуют, что нетленное тело есть «храм Св. Духа» (1Кор.6:19). На этом основании мы и почитаем

тела св. угодников, *как святыню*. Когда таким образом будет доказано, что мощи являются святыней, следует указать на то, что мы воздаем им такое же почитание, какое воздавалось вообще всякой святыне и не было противно Богу (Исх.25:37, 27:20–21, 40:24–27 и др.).

После этого необходимо перейти к полемической части беседы, для чего предлагается сектантам вопрос: в чём почитание св. мощей противно слову Божию? Что же касается возражения сектантов, что «плоть и кровь не наследует царствия Божия» (1Кор.15:50), то необходимо выяснить, что, действительно, тела в том виде, в каком они существуют теперь, не наследуют царствия Божия, а все изменятся (1Кор.15:51–54).

Беседа заканчивается ссылкой на следующие места св. Писания: 4Цар.13:20–22; Сир.48:12–15; Мф.27:51–53.

4. Беседу об употреблении мясной пищи (против хлыстов) следует начать вступлением, в котором изложить кратко христианское учение о пище следующими текстами: Деян.15:24–29; 1Кор.6:13, 8:8–9, 10:2, 23, 32; Рим.14:2–3, 6, 14, 21; Кол.2:16, 17, 20, 23; 1Тим.4:1–5; Мф.15:19; Мк.7:15–23 и др. Общий смысл этих мест: всё, что сотворено Богом, – хорошо (1Тим.4:4) и «нет ничего в самом себе нечистого» (Рим.14:14), ибо «Господня земля и что наполняет её» (1Кор.10:26; Пс.23:1), следовательно, пища не может осквернить человека, и потому всё, «что продается на торгу, можно есть без всякого исследования» (1Кор.10:25–27), «с верою» (Рим.14:23) и «благодарением» (1Кор.10:30), «во славу Божию» (1Кор.10:31), ибо «для чистых – всё чисто и позволительно» (Тит.1:15; 1Кор.10:23).

Но этим самым несколько не отвергаются посты православной Церкви, так как воздержание от известного рода пищи содействует нам в достижении религиозно-нравственных целей христианской жизни (Лк.21:34; Мк.2:20). Затем нужно перейти к разбору и опровержению религиозных воззрений хлыстов на употребление в пищу мяса.

Учение хлыстов о переселении душ грешников в животных опровергается следующими местами св. Писания: Еккл.12:7;

2Кор.5:1; Лк.16:26; Быт.1:24; Втор.12:23–24; Лев.17:14; Лев.17:11.

Против религиозных воззрений хлыстов о всяком мясе, как «идоложертвенном» (1Кор.8:1, 13), о подражании их в неядении мяса монахам, указать 2Тим.2:5; Мф.18:17. Кроме цитированных мест можно пользоваться и молитвой на благословение пасхальных мяс.

Двойственность же человеческой природы, как двух враждебных начал (плоть и дух), опровергается следующими местами св. Писания: Быт.2:7, 1:33; Пс.6:6; Пс.113:25–26; Дан.12:2; 2Мак.7:11–14; Рим.8:11; 2Кор.5:10 и др.

Вследствие всех вышеизложенных мест св. Писания и нижеприводимых, употребление в пищу мяса отнюдь не противоречит смыслу Божественного откровения: 2Цар.6:19; Втор.12:27; Лев.11 гл.; Дан.15:23–28; 1Кор.8:13; Исх.12 гл.; Лк.2:41–42, 51–52; Лк.12:1–7, 16, 18.

В заключении беседы должно повторить, без полемики, показанные в беседе положительные места об употреблении в пищу мяса и сослаться на 1Тим.4:1–5, 51 Апостольское правило и 47 правило св. Василия Великого.

Мисс. М. Кальнев

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
Церкви**

Лисицын М., свящ. Из духовной журналистики // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1435–1449

В истекающем году наши духовные журналы уделяли большое место вопросам, с которыми приходится соприкасаться миссионерам в своей апологетической деятельности. Это объясняется, конечно, тем оживлением интереса к богословским вопросам, которое возникло в последнее время в светском обществе. Особенным толчком к этому, нужно признать, послужили и религиозно-философские собрания, бывшие в Спб., а также обсуждения богословских вопросов в беллетристике и вообще в светской литературе, при чем на первом плане здесь нужно поставить новый журнал декадентствующих писателей под заглавием: «Новый Путь». Наш журнал отдал должную дань внимания этому новому журналу, представляющему скорее, хотя и талантливое, но «новое блуждание» наших интеллигентов по опасным «трясинам и болотам», витающему в «завитках» и живущему скорее «в мире неясного». Понятно, что представители Церкви и богословской науки не могли быть солидарными с этими неустановившимися и у самих представителей «Нового Пути» воззрениями и на страницах духовных журналов давали по временам отповедь декадентам в области религиозной мысли. Но, кроме таких, несколько полемических, статей в области духовной журналистики есть и статьи положительного характера, очень полезные для миссионерского дела.

Статьи, помещенные в журналах за нынешний год и полемизирующие с народившимися заблуждениями, касаются следующих тем: *вопроса о совести, и её свободе, христианского брака, поклонения Богу в духе и истине, отношения трагедии и героя Еврипида «Ипполита» к христианскому учению; вопроса о внутренней жизни Церкви Христовой (вопреки учению «новопутейцев» о косности и мертвости её) и значений догматов; вопроса об эгоизме и альтруизме с точки зрения христианского учения вопреки ходячим мнениям о них в сочинениях М. Горького, Андреева и*

др. представителей нашей беллетристики; вопроса о духе и плоти в христианстве; кроме всего этого журнал «Православно-русское слово» всегда посвящал один из отделов вопросам и запросам нашего светского общества по отношению к Церкви с её учением и установлениями, а журн. «Отдых христианина» давал место полемическим беседам с сектантами.

Из статей положительного характера, но интересных для миссионера в том или другом отношении, нужно указать на следующие: «Философия евангельской истории», «Христианская нравственность и международные сношения», «Взгляды пессимистических мыслителей Шопенгауэра и Гартмана на религию», «Сущность христианства» (По поводу лекции проф. Гарнака), «Учение Спира о религии», а также Пфлейдерера «Теория вдохновения и происхождения Св. Писания на Западе», «Мораль эвдемонизма», «Православная Церковь по учению наших светских писателей – Хомякова, Тернера и Соловьева», «При каких условиях жизнь может иметь смысл и ценность», «Платон м. Московский в отношении к единоверию», «Еще 15 лет», «Послание вселенской патриархии».

* * *

Вопросу о совести посвятили в текущем году статьи два автора Н. Богословский (в «Прав. Соб.») – «Библейское учение о совести» и архим. Сильвестр – «Современные искатели свободы совести пред судом Православной Церкви и государства» (Вера и Разум № 16). Самая уже формулировка тем показывает, что предмет рассматривается у обоих авторов с разных точек зрения. Но обе статьи, так сказать, друг друга восполняют и дают цельное впечатление по вопросу о совести. Реферат Богословского носит учено-академический характер. Он делает определение совести филологически и на основании Св. Писания. Очень характерно сделанное г. Богословским указание, что Иисус Христос никогда не говорит о Своей совести, не говорят о совести своего учителя и апостолы, тогда как ап. Павел и др. говорят о совести своей и др. лиц. Это, конечно, зависело от того, что И. Христос не знал греха, «колебания и раздумья в нём не было». И. Христос был вторым

и совершеннейшим Адамом, в состоянии первого до грехопадения. Совесть в нём, конечно, была, но голос её не имел в И. Христе того укоряющего характера, какой она имеет у нас, ибо И. Христос не имел греха. «Отрицание, однако, во Христе совести, говорит автор, отрицало бы в Нём возможность нравственного развития, но из Евангелия известно, что И. Христос «растяше и крепляшеся духом».

Интересна психологическая характеристика совести у г. Богословского. Совесть, по нему, имеет следующие свойства: 1) не мы располагаем совестью, но совесть располагает нами; 2) совесть в человеке не может оставаться недейтельной и требует обнаружения её убеждений и 3) совесть совершенно чужда всяких корыстных побуждений.

Архим. Сильвестр в своей статье имеет в виду суждения о совести и требованиях свободы её, высказанные на миссионерском съезде в Орле, а также на религиозно-философских собраниях в Спб. Автор разбивает эти требования на две группы – по отношению к Церкви и – государству. Такое разделение нельзя не признать остроумным и очень важным для выяснения вопроса, потому что на р.-философских собраниях представители интеллигенции часто обвиняли по данному вопросу правящую Церковь в таких винах, которые относятся не к ней, а к государству. «Раз, говорит автор, противление злу не только возможно, но и обязательно для Церкви (этому вопросу автор посвящал статью в прошлом году), то само собою падает и состоятельность учения о полной свободе совести в той постановке, какую предлагают гг. Стаховичи, Волконские и Минские». Церковь «дает полную свободу совести» заблудившемуся, но тогда, «когда увещание его не привело к желаемому результату». В отношении к другим исповеданиям и сектам Церковь наша, говорит автор, держится принципа свободы и «признает полную религиозную свободу совести до того предела, пока религиозные убеждения не переходят в преступные действия с государственно-юридической точки зрения». Напр., указывает автор, не Церковь, а государство наказало сектанта Ковалева, зарывшего живыми нескольких лиц, хотя это дело было плодом его

убеждения, а также Павловских сектантов, как покарало бы пропаганду католицизма, иезуитизма, протестантизма и т. п. Полная свобода, по автору, была бы допустима тогда, «если бы религиозные убеждения никогда не переходили на практике в преступную деятельность».

Все сторонники полной свободы совести являются, по словам о архим., учениками Л. Толстого с его теорией «непротивления». «Поэтому», заключает он, и «обвинение Церкви в распятии Христа, в обращении дела веры в политику г. Минский и К°, пусть уж лучше возьмут на себя: не Церковь, которая защищает своё тело и с сожалением отсекает иногда некоторые больные и вредные свои члены, и не государство, которое карает преступления, распинают Христа, а распинают Его, к сожалению, может быть, того не замечая, сами г.г. Минский, кн. Волконский и подобные им, готовые отдать тело Церкви и государства на растерзание». Архим. Сильвестр заканчивает свою статью вполне уместным вопросом. «Проповедники полной свободы совести, говорит он, все только требуют её от православной Церкви и государства и обвиняют их в попрании её в отношении к другим исповеданиям и сектам, чего на самом деле нет; но почему же эти же самые проповедники не требуют взаимно от этих исповеданий и сект уважения к свободе совести православной Церкви»? В отношении к последней у наших интеллигентов, кичащихся своей свободой, равенством и братством, действительно иное отношение, чем к сектантам.

* * *

Вопросу о браке посвятил свою статью проф. Т. Барсов (в «Хр. Чт.») – «*К вопросу о сущности христианского брака*». Статья тоже написана по поводу «новопутейских» взглядов на брак (Розанова). В своей статье, вопреки утверждению «новопутейцев», автор, проф. канонического права, утверждает, что Церковь и до византизма держалась на брак одних и тех же взглядов, что и после. С другой стороны, автор основательно ставит возражение, почему византизм, если даже понимать его как направление, «не мог быть истинным выразителем христианских идей»? Касаясь взглядов «новопутейцев», автор

указывает, что «таинственность брака у них почти не выделяется из психической области и не поднимается выше половых симпатических влечений одного супруга к другому. Святость таинства брака почти сполна замыкается в предполагаемую чистоту, непорочность и безупречность плотских, супружеских отношений. Ненарушимость брака отождествляется с добровольным согласием и готовностью супругов продолжать сожитие до вспышек взаимного раздражения и неудовольствия.

Подобные воззрения, говорит автор, настолько необычны и разрушительны, что пролагают торный путь ко всякого рода безнаказанным увлечениям». И действительно современные публицисты заявляют о безупречности половых отношений и отсутствия греховности в них при браке, освященном Церковью. Автор же, наоборот, в словах ап. Павла (Евр.13:4) видит, что и христианский брак может быть чужд надлежащей чистоты. Автор затем ясно показывает, что не одни только современные богословы под влиянием византизма и монахов говорят о грехе в браке, но и чрез весь ветхий завет «красною нитью проходит развиваемая и защищаемая им мысль, что плотские отношения полов вообще не безупречны». Отсюда прямо вытекает мысль, что христианский брак есть средство для борьбы с грехом и предполагает поэтому известный режим. Канонист-автор показывает, что хотя сожительство и было дозволяемо византийскими законами, но Церковь-то никогда не считала этого сожития за брак и приводит правило св. Василия Великого с толкованиями на него др. канонистов. Вопреки мнению новопутейцев и ссылок их на свободу брака в некоторых местах Св. Писания, автор указывает на то, что не на всё написанное даже в слове Божьем нужно смотреть как на императив, а многое в законах даже не написано (см. Ам.2:7), а потому тем более бывшее до закона (Иаков) не подлежит подражанию; а потому и посягая нельзя беззаконничать. Автор указывает в чём заключена и таинственная брачная благодать, которой никак не могли найти в браке выше психологического «прилипания» гг. интеллигенты. А именно – «действие таинственной благодатной стороны брака, говорит он,

обнаруживается в том, что нечистые и греховные возбуждения плоти не вменяются человеку, если он вступил в законный брак». Назначение же Церкви Христовой автор справедливо видит не в поощрении, а во врачевании людских беззаконий.

Предмету *поклонения Богу в духе и истине* посвятил свою статью А. Соколов («Хр. Чт.»). Здесь читатель не встретит много нового и оригинального, чего бы не высказывалось уже по данному вопросу. Но считаем долгом подчеркнуть филологическое определение автором греч. слова «проскинисис» (поклонение), которое означает первоначально прикладывание руки к устам, целование её и протягивание к другому для выражения уважения. Таким образом, самое слово поклонение уже в подлиннике предполагает *внешность* выражения. Одухотворение «поклонения» же автор видит как в настроении религиозного выражения самой молитвы, так и в одухотворении внешних обрядов. Сравнить хотя бы ветхозаветные жертвы и новозаветную бескровную жертву. Автор выясняет значение обряда, который так пугает «духовных» христиан. Он есть не больше как «ряд» (от «рядить»), «обстановка», но не в ней лежит сущность христианского богослужения. Автор ссылается на пример, приводимый еп. Феофаном. «Старушка просит священника отслужить панихиду на могиле сына, или дочери, внука, или внучки. Священник надевает епитрахиль и идет на могилу; причетник несет кадило и свечу. Смотри издали, что там делается на могиле? Священник читает и кадит, причетник поет, бабушка кладет поклоны, стоя на коленях. Затем почитали, попели, покадили и пошли назад. Дело поминовения совершено. В чём тут существо службы? В том сильном духе веры, который побудил бабушку пригласить священника совершить церковное поминовение и в том духе веры, с которым священник совершал ряд положенных молитвословий».

* * *

Много наделал шуму, по крайней мере, в Петербургском образованном обществе Д.С. Мережковский с постановкой трагедии «Ипполит» на сцене Александринского театра (в

СПБ.), когда в прочитанном им вступлении к этой трагедии он выразил мысль, что для христианина есть чему поучиться у Ипполита. На эту мысль Д.С. М. отвечает проф. Бронзов («Хр. Чт.») и отвечает отрицательно. Он указывает на источник, из которого вытекали добродетели Ипполита, источник пантеистический, нехристианский, обнаруживает и недостатки, присущие Ипполиту, но пропущенные Мережковским. Орфики, к числу которых принадлежал Ипполит, были аскетами из пантеистических воззрений («нельзя есть мяса, ибо оно частица божества») и веры в переселение душ. Выясняет автор статьи и истинное отношение древних христиан к Орфею (крайне преувеличенное Мережковским). Но, не смотря на своё вегетарианство, Ипполит страстный любитель охоты; он с легким сердцем травит и убивает животных. «Уж не этому ли нам у него учиться»? – спрашивает почтенный проф. Бронзов. Моралист Мартенсен сомневается, говорит он, признать охоту ради охоты достойным человека удовольствием. Не смотря на кажущийся аскетизм, Ипполит приказывает слугам приготовить есть, мечтая, что после охоты «стол приятен *полный*». «Пред нами, замечает автор статьи, скорее гастроном, чем восхваляемый постник, отшельник, святой». По отношению к женщинам Ипполит питает ненависть, которой христианство не признает; на половые отношения Ипполит смотрит как на что-то свиное. В христианстве есть святые женщины и при том не одни девственницы, но и замужние. Далее автор отмечает хвастливость Ипполита (это не то, что Иисус Христос «смиривший себя до смерти») и корыстную подкладку его добродетелей. Ипполит прощает своего отца потому, что Артемида обещает ему не оставить его неотмщенным и потому, что убийцей был собственно не отец, а Афродита; прощает он с высокомерием. «Зачем, спрашивает проф. Бронзов, христианин, видя перед собой открытую дверь, прямой и ясный путь, будет присматриваться к какой-нибудь маленькой щелочке и безуспешно стараться проникнуть чрез неё, за которою при том лежит кривой, подозрительный, ведущий в пагубу путь? Искать первого луча христианского света, заключает он, там, где этого луча не может быть, напрасный труд».

Странно, добавим от себя, что то, что в Ипполите Мережковским восхваляется (хотя бы отрицательное отношение к плоти и её влечениям), то самое порицается им, когда он касается Церкви и её аскетического направления. (Беда только в том, что Мережковский никак не может уразуметь, что Церковь во взгляде на плоть и на половые отношения вовсе не солидарна с Ипполитом. А, может быть, она и удостоилась бы похвалы Мережковского, если бы была вполне солидарна!?)

* * *

В виду такого недоразумения во взгляде на Церковь со стороны Мережковского и многих его единомышленников по вопросу о плоти г. Никольский предлагает (в ж. «Странн.») свою статью о *«Духе и плоти в христианском мирозерцании»*, а с нею в связь нужно поставить другую статью свящ. И. Артинского (в ж. «Вера и Ц.»), посвященную вообще вопросу о *«Жизни Церкви Христовой»*. Г. Никольский касается тех взглядов, которые высказаны двумя корифеями новейшего антицерковного направления Розановым и Мережковским. Розанов, как известно, восхваляет язычество, потому что оно «примыкало к колыбели», было жизнерадостно, тогда как христианство своим идеалом примыкает к гробу. Еще резче высказывает этот взгляд на Церковь с её учением о плоти и духе Мережковский, но с его учением читатели уже знакомы из нашей статьи о нём под заглавием «Крайности религиозно-декадентского символизма» (см. «Мисс. Об.» № 4). Г. Никольский вполне обоснованно на данных научных и откровения уясняет, что христианин-аскет «отказывается не от мира, а от греховного отношения к миру, но признает самый мир созданием Премудрого Бога. Не даром аскеты с таким неподдельным, замечает он, поэтическим чувством описывают красоты природы и призывают молиться о птицах, о зверях и о всех тварях». Христианство, как справедливо замечает тот же автор, потому не поощряет привязанности к миру, что она послужила бы препятствием к развитию и содействовала бы рутине. Человек удовлетворялся бы только настоящим. А причина бедности, по выражению Бэкона, есть уверенность в своём богатстве. Вот почему христианство будит дух человека

от привязанностей, от страстей. Эти же страсти и привязанности, могут быть и в области духа. Любовь до страсти к наукам, искусству, театру и т. п. одинаково поработают человека. Также без крайностей Г. Никольский выясняет и отношение христианства к плоти. Плоть с её потребностями есть факт, которого отвергнуть нельзя. Христианство только дает норму этим потребностям («Попечения о плоти, говорит ап. Павел, не превращайте в похоти»). Вместе с обвинением Церкви в бесплотности ставится рядом и другое, что Церковь с её загробным идеалом и сама мертва, не развивается, или, по крайней мере, как мягче выражается Мережковский, находится в параличе. Как на иллюстрацию этого явления обыкновенно указывают на застой её догматического учения. На это отвечает о. Артинский, который, выходя из положения, что Краеугольный Камень Церкви есть Христос, полнота всего, доказывает, что и развития Церкви в смысле эволюционном ожидать нельзя. Принцип Церкви заключается «в охранении Богом данного сокровища веры и только раскрытии (а не развитии) его перед сознанием верующих, применительно, правда, к индивидуальным условиям и обстоятельствам, иначе Церковь перестанет быть учреждением Божественным, а явится учреждением *человеческим* со всеми признаками человеческих организаций».

* * *

Статья «*Эгоизм и альтруизм*» также направлена, в сущности, против взглядов новых богословов из среды интеллигенции, которые хотят признавать в христианстве только учение нравственное, отвергая догматику.

На это автор статьи П. Никольский справедливо замечает, что в 60-х годах о любви к ближним горячо говорили и люди, «проповедовавшие, что человек – только животное». У новых мыслителей человек тоже есть только средство для достижения общего высшего блага (Л. Толстой), или животное высшего порядка. С точки зрения этого учения, помогать ближнему – «это значит поддерживать слабость» (принцип Ницше). Эти идеи отразились в нашей современной литературе и сильно действуют на массы, говоря живыми образами живых людей.

«Разбить бы всю землю в пыль», говорит Орлов у М. Горького; «Али это человек, что постоять за себя не умеет», говорит другой. «Во всяком случае это сильно, а потому морально и хорошо» отвечает третий. Вопреки этому животному взгляду Никольский показывает, что смирение христианское не есть еще унижение и ничтожество. «Христианин, смилившийся пред величием Божиим, однако, сознает, что в себе он носит Великого Бога». Также устанавливает автор разницу между христианскою любовью и философско-пантеистическою. Там себялюбие, в христианстве же любовь даже к себе есть любовь к образу Божию, живущему в нас, так что, с другой стороны, в тоже время она есть и ненависть к своему греху, несовместимому с образом Бога. Такова же христианская любовь и к ближним, усиленная еще представлением о Христе Спасителе. В это время, как философский альтруизм ставит ближнего целью жизни человека, христианская любовь есть лишь «прямой вывод из возвышенного учения о Боге, Отце всего человечества, и о людях, вечных существах, искупленных кровью нашего Господа и призванных к вечному соцарствию с Ним. Таким образом, заключает автор, любовь к себе и к ближним в христианстве объединяются в любви христианина к вечному и личному Богу, в котором бесконечный нравственный идеал осуществлен от вечности».

Кроме всех указанных статей, «Новому Пути» посвятил своё слово ректор Казанской дух. академии еп. Алексей, который, указав на общее направление мысли нового журнала и его сотрудников, обстоятельно критикует их идеи с точки зрения Церкви и предостерегает от увлечения ими будущих молодых слушателей академии.

II

Второй разряд указанных нами статей чужд полемического характера, хотя в положительных чертах он касается тех в сущности вопросов, что и первые статьи.

На первом плане здесь нужно поставить – «*Философию св. истории*» («Вера и Церковь»), которая касается центрального пункта христианства – искупления человечества. Проследивши с философским анализом историческую сторону этого события,

автор заключает: «Так Господь Иисус Христос, Сын Божий, был распят грешниками и умер за грехи людей. Что Он умер именно за грехи людей – это еще не объяснение факта, не богословская истина, а факт евангельской истории. Действительное значение смерти Христа, Сына Божия, состоит в том, что *она есть переход Его духовной вечной жизни в людей, рождение в них Его духа*. Это её значение столь же таинственно, сколь таинственно произрастание зерна, но и столь же несомненно свидетельствуется действительностью духовной жизни христиан, сколь несомненно жизнью растения свидетельствуется произрастание зерна».

Когда это глубоко-идейное рождение в людях духа Христова, осуществляемое в жизни отдельных христиан, применяется к жизни целых народов, то оно оказывается еще далеким от своего осуществления. Это рисует статья Гр. Л. Комаровского *«Христианская нравственность и международные сношения»*. В этих сношениях господствуют еще принципы макевиализма и т. п. теорий. Автор видит скрытую причину этого в понижении у современного поколения сознания христианского долга, при чем многие христиане «лицемерно, то искренно преклоняются пред нравственным учением Христа, то отделяют его совершенно от догматической, церковной, т. е. наиболее глубокой и прочной основы и этим подменяют, так сказать, христианство живое, историческое – рационалистическим». Автор подмечает еще и тот факт, что с успехами культуры «понижается нравственная сила и чуткость».

Это наблюдение автора, как увидим сейчас ниже, подтверждается отчасти состоянием христианства и христианских доктрин на современном западе. И действительно, каких только учений там не создавалось и не создается против христианства и религий вообще.

* * *

В статье *«Взгляды пессимистических мыслителей Шопенгауэра и Гартмана на религию, её сущность и происхождение»* автор, проф.-прот. Буткевич, знакомит читателя («В. и Раз.») со взглядами этих философов на религию. По Гартману, «скорби мира и печаль существования» вот что

заставляет человека создавать религию и философию «с тем, чтобы научиться презирать мир вместе с его скорбями и призрачными благами». Но таким пессимизмом, справедливо критикует наш философ В.С. Соловьев, «человек не мог бы начать своего духовного развития», ибо «пессимизм может вести к ипохондрии, к отчаянию и ненависти к миру и к себе самому, но ни в каком случае не к религии», которую Гегель сравнивал со «светлым праздничным днем в человеческой жизни». Да наконец и религия пессимизма была бы религией эгоизма, измышленной человеком для своего успокоения. Она была бы односторонняя; настоящие же религии знают не только рай, но и ад. Взгляд Гартмана, тождественный со взглядом Шопенгауэра, сходится, как говорит автор, и со взглядом Фейербаха, материалиста. Это лучше всего показывает, что взгляд на религию Гартмана и Шопенгауэра не вытекает из философии их, которая должна в сущности вести к совершенному нигилизму.

* * *

Запад, потеряв предание Церкви, вообще запутался в определении и понимании религии, в частности христианства. Не удивительно, что это допускают философы, но та же история повторяется и с богословами. Вот как учит проф. Гарнак о «*Сущности христианства*» («Вера и Р.»), по словам К. Григорьева.

Взгляд Гарнака модный, эволюционный. В евангелии он находит «временно исторический элемент», и Спаситель по нему был, подобно Будде, ограниченным человеком. Гарнак отыскивает лишь сущность христианства путем отбрасывания наносного исторического элемента. Но «неужели, спрашивает автор статьи, сущность магометанства, буддизма встанет перед нами лишь после того, как мы вычеркнем из них все временно-историческое»? Но сам же Гарнак запутывается, определяя хронологические даты происхождения евангелий. Определяя время происхождения их почти согласно с церковным преданием, Гарнак тем самым отрицает возможность каких-либо мифических наслоений в 30–40 лет. Автор разбирает свидетельства мужей апостольских, в том числе и Папия

Иерапольского, которого Гарнак вздумал привлечь на свою сторону и не находит данных для Гарнаковских положений. Дело в том, что Папий не говорит о пребывании ап. Иоанна в Малой Азии, вообще однако упоминая о нём. Гарнак, основываясь на этом умолчании Папия, приписывает 4-е евангелие, сильнее всего говорящее против его заблуждений пресвитеру некоему Иоанну и, таким образом, старается подорвать достоверность и авторитетность евангелия. Г. Григорьев должен, конечно, признать такое умолчание шатким основанием, ибо нельзя же требовать ни от одного автора, чтобы он всегда сказал обо всём обстоятельно.

* * *

Взгляды Гарнака, не смотря на их шум, более связанный с личностью их автора, не новы и объясняются из общего хода исторического решения в протестантстве вопроса о боговдохновенности св. Писания. С этим предметом знакомит нас г. Леонардов в своей диссертации («Вера и Раз.») *«Теория вдохновения и происхождения св. Писания на западе в XVIII и XIX вв.»*. Из этой диссертации можно видеть, что в протестантстве есть несколько теорий касательно данного вопроса. 1) Вульгарная рационалистическая, рассматривающая понятие о вдохновении как религиозное суеверие; 2) естественная, – смотрящая на Библию, как книгу человеческую, на евангелие, как на роман; 3) допускающая в Библии божественный элемент, но «различает в ней существенное от несущественного, местное и временное от всеобщего» (Гарнак); эта теория отвергает чудеса; 4-ая несколько выше по своему взгляду, но «отличает боговдохновенность от обыкновенного промысла Бога о тварях, признает периоды в истории откровения и степени вдохновения». Диссертация Леонардова дает, таким образом, возможность разобраться в хаосе воззрений протестантских богословов. Тут каждому есть своя полочка и при том объяснено, как и из чего она построена.

* * *

Ознакомясь с этими протестантскими богословскими течениями по диссертации Леонардова, никто уже не удивится *«Учению Спирита о религии, её сущности и происхождении»*.

Этому учению посвящает свою статью проф.-прот. Буткевич («В. и Р.»). С учением откровения Спир, по словам автора, был знаком не более, как в пределах гимназического курса. Философы тоже не надолго задерживали у себя Спира и он переходил от одного к другому. Не зная откровения, он трактовал в сущности, по словам автора, «не о религии, а о философии», в чём «и сам откровенно сознался, когда объявил, что истинная религия есть именно критическая философия». О сущности же религии Спир не мог говорить и потому, что религия есть союз между Богом и человеком, а Спир «бытия Божия не признает». Говорит он, правда, и о Боге, «но только ради приличия», а на взгляд всех религий, признающих Бога действующим, смотрит как на ложный, потому что, по его взгляду, такой Бог должен будет быть виновником зла. Понятно, что при таком взгляде христианское учение о грехопадении, о первородном грехе получило у Спира крайне искаженный вид. Этот взгляд Спира, собственно говоря, интересен по влиянию его автора на некоторых наших богословов среди интеллигентов, в частности на Л. Толстого. Ко взглядам Спира близко подходит Пфлейдерер, учение которого тоже «о сущности религии и её происхождении» излагает тот же автор («В. и Р.»).

* * *

Статья «Мораль эвдемонизма пред судом общечеловеческого нравственного сознания» П. Левитова («В. и Р.») интересна потому, что новейшие наши богословы-интеллигенты тоже являются *sui generis* эвдемонистами в учении о плоти и во взгляде на учение нравственное в Церкви. Здесь автор разбирает мысли Бентама и Милля, которые смотрят на добродетель, как на средство к счастью. Автор справедливо ссылается на критиков утилитаризма, которые говорят: «ни один здравомыслящий человек не стал бы любить денег и стремиться к их приобретению, если бы вдруг узнал, что они потеряли в государстве всякую ценность и обратились в простые блестящие вещицы. Следовательно, никто не желает денег, как цели, а всякий стремится к ним, только как к средству. Совсем в ином положении находится добродетель. Она

представляется нам чем-то абсолютно ценным и именно сама по себе, независимо от тех результатов, к которым ведет она относительно личного счастья.

* * *

Среди этих блужданий богословской мысли тем интереснее остановиться на взглядах наших православных богословов. Этому посвящает свою статью («В. и Р.») В. Попов – «Православная Церковь по учению наших светских писателей: А.С. Хомякова, Ф.Г. Тернера и В.С. Соловьева». Хомякову, говорит автор, принадлежит заслуга «формулирования идеи святой Церкви». Вот его формулировка: «Церковь есть живой организм истины, вверенной взаимной любви»; или: «свобода в единстве и единство в свободе». Пришел Хомяков к этой форме методом историко-сравнительным. Из указанного определения Хомяков объясняет жизнь Церкви во всех её проявлениях, а также изобличает неправду католицизма и протестантства. Тернер в своем соч. «Наука и религия в конце XIX в.» приходит к выводу, что одна только «греко-российская Церковь, сохранившая во всей чистоте учение Христово и дух христианства, может успешно бороться против теорий материализма и новейшей культурно-рационалистической теории и что только из её недр можно ожидать возрождения христианской идеи». Отличие Тернера от Хомякова заключается в идее «общественности», из которой Тернер выводит всю жизнь Церкви. Но Тернер отличает Церковь от всяких других обществ «в том же смысле, по его словам, как новый человек отличается от ветхого». В.С. Соловьев, говорит автор, «пополняет Хомякова, продолжая, как бы договаривая его мысль о Церкви, как живом организме». Поэтому Соловьев «выдвигает понятие о Церкви, как существе живом, подвижном и развивающемся». Она должна обнять все человечество и всю природу в одном вселенском богочеловеческом организме». В конце концов целью христианской Церкви является «обожение человечества». В понятии о Церкви, как живом организме, Соловьев видит больше свободы, чем в аналогии Церкви со зданием, ибо там камни (члены Церкви) неподвижны и

стеснены. «Высшую ступень свободы и единства, говорит автор, Соловьев признает в Церкви – *невесте Христовой*».

Вне Церкви, таким образом, не может быть истинного смысла жизни. Между тем антицерковная философия ищет этого смысла и цели. Вопросу, *«при каких условиях жизнь может иметь смысл и ценность»*, и посвящает («В. и Р.») свою статью свящ. Н. Липский. Поводом к написанию её послужили работы проф. Мечникова. Автор пока не сделал еще окончательных выводов (статья продолжается), но отметил, что чрез всю историю философских учений по данному вопросу «красной нитью проходит пессимистический взгляд на мир, на положение человека во вселенной, на господство зла в мире». Само собой вытекает отсюда, что в философии ни один человек не найдет безусловного решения заданного вопроса.

* * *

Статьи *«Платон, м. моск., в отношении к единоверию»* В. Нечаева («Прав. Соб.») и *«Еще 15 лет»* проф. Субботина («В. и Ц.») имеют значение для истории раскола. Первые указывают долю участия и личные взгляды на единоверие м. Платона, а вторая состоит из писем о. Архим. Павла Прусского к Н.И. Субботину и его ответов к нему. Письма эти очень интересны для прочтения и не для специалистов, так как есть много страниц в них, которые посвящены вопросам текущей жизни церковной. Напр., пишет о. Павел о семинарском и академическом образовании. «До крайности смущает меня, что ученики семинарий не читают творения св. отцов. Мне случалось говорить с некоторыми: редко можно встретить между ними знающего писания, а с отеческими писаниями и еще реже. Покойный владыка Иннокентий, м. моск., сказал мне раз: когда я был малолетним, во мне был страх Божий, а когда поступил в науки, учился в семинарии, страх Божий потерял, и уже потом, когда вышел из семинарии, опять начал бояться Бога. И это он говорил о семинариях своего времени, когда и слуха не было о нынешнем вольномыслии... А поступит семинарист в академию без церковной подготовки, там найдет профессоров, которые еще набьют ему в голову того, что не следует. У нас вовремя миссионерского съезда один из таких, в

академии учившихся, воспроповедал, что в таинстве Евхаристии хлеб и вино не суть Тело и Кровь Христовы, а только символы оных. Ученого проповедника вразумил тогда простец. И не диво этим ученым так проповедовать, когда они творения св. отцов не читают, а читают и уважают протестантские сочинения... Вот я и недоумею, что будет, когда с такой подготовкой будут умножаться пастыри. Тут опасность более, чем от раскола».

Статья «Послание вселенской патриархии» («В. и Ц.») касается толков, ходящих по поводу ответа на это послание Св. Синода, по которым будто бы этот ответ не исполнен той степени любви и церковной идеи, как послание патриархии.

В заключение не можем не порадоваться оживлению за последнее время религиозного интереса в нашем обществе и нашей литературе. Только дай Бог, чтобы он укреплял в мире ограды и устои нашей св. православной Церкви.

Священник М. Лисицын

Козицкий П. [Рец. на] Справочная книга при беседе с рационалистическими сектантами. Помощника миссионера Псковской епархии протоиерея Симеона Попова. Псков, 1903 г. in 8 стр. XIV+796. Ц. 3 р. // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1449–1449

Протоиерей С. Попов, достаточно знакомый с противосектантской миссионерской деятельностью, желая прийти на помощь пастырям-миссионерам и облегчить им ведение бесед с сектантами, издал книгу с вышеуказанным заглавием. Широко пользуясь нашей обличительной литературой, о чём и упоминается в предисловии, автор собрал весь печатный миссионерский материал, упорядочил и изложил его в своей книге в таком виде, чтобы во время собеседований с сектантами можно было с удобством пользоваться этим материалом и быстро находить те или другие сведения, нужные миссионеру в данный момент. Автор, для большей практической пригодности своей книги для миссионерских целей, сделал не мало буквальных выписок из многих общеизвестных руководств по обличению сектантства, с таким при этом расчетом, чтобы по его только книге, не прибегая к другим руководствам и пособиям, можно было вести беседы с сектантами по всем прорекаемым ими вопросам. Благодаря этому обстоятельству и книга его вышла весьма внушительных размеров (более 50 печатных листов), и по цене довольно дорогой (3 р.).

В виду таких почтенных задач автора-миссионера, позволим себе остановить внимание наших читателей и несколько покороче познакомить их с содержанием рассматриваемой нами книги.

Вся объемистая книжка о. Попова состоит из следующих отделов. Предпославши своему изданию краткое *предисловие* (2 стр.), автор на первом месте счел нужным поставить *указатель библейских мест*, коим дано объяснение в книге (I–XII стр.); потом дает место *оглавлению в алфавитном порядке*

всех вопросов, обнимающих собою круг миссионерской деятельности (XIII–XIV); далее помещает, с особым даже счетом страниц, подробнейший указатель всех предметов, раскрываемых в книге (1–40 стр.), при чем перечисляет не только все положения православного вероучения по тому или другому вопросу, пререкаемому сектантами, но и все сектантские возражения, и, наконец, подробно раскрывает все положения православного вероучения, пререкаемые сектантами, а равно и возражения со стороны последних (1–756 стр.).

Не входя в подробный разбор труда о. Попова, мы должны сказать, что автор не претендует на оригинальность и самостоятельность своей работы и поименно в своём предисловии указывает авторов, трудами коих он пользовался для составления своей книжки. Даже и план, и распорядок предметов в его книге не носят характера оригинальности: автор в данном случае почти буквально следует системе протоиерея о. И. Ольшевского, автора очень популярного руководства по обличению штундизма. Еще менее самостоятелен наш автор в деле раскрытия христианских истин, прорекаемых сектантами, и в опровержении их возражений; весь нужный ему материал он заимствует из известных руководств по обличению сектантства. Автор преследует чисто практическую цель. И к чести его нужно сказать – книга его очень удобна для практического употребления при беседах с сектантами. Для этой именно цели он снабдил её двумя указателями и оглавлением, а возражения сектантов напечатал курсивом.

Так как автор поставил своей задачей собрать в своей книге всё, что имеется в нашей литературе в обличение сектантства, то он поместил много лишнего, мало идущего к делу материала, допустил чрезвычайное дробление и расчленение тех или других положений православного вероучения и внес много таких подробностей, которые мыслимы только в голове теоретика-миссионера, а на практике почти неприменимы. Таких отделов у автора не мало; – напр.: о таинствах (крещении, причащении), об иконопочитании и пр. Впрочем, этот недостаток не имеет

существенного значения и с ним можно мириться. И книга о. Попова, как заключающая в себе свод почти всего разбросанного по многочисленным руководствам миссионерского материала, не только для начинающего миссионера, не успевшего разобраться в противосектантской литературе, но и для опытного деятеля миссии может принести немалую пользу и облегчить многотрудное дело борьбы с проникшим во все углы России рационалистическим сектантством.

П. Козицкий

Хроника

**I. Миссионерство, секты и раскол. (Торжество
единоверия в Макарьевском уезде Костромской
епархии. Научно-популярные религиозно-
нравственные чтения. Миссионерская поездка
воспитанников духовной семинарии) //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1449–1460

Торжество единоверия в Макарьевском уезде Костромской епархии

Минувшие месяцы сентябрь и октябрь для нашего юного Макарьевского единоверия были, так сказать, сплошным торжественным праздником... и этот праздник навсегда останется в нашей памяти. В своё время на страницах «Мисс. Обозр.» и мы делились своею радостью по поводу быстрого роста единоверия в Макарьевском уезде, и сугуба была наша радость, когда благопопечительнейший наш архипастырь, преосвященнейший владыка Виссарион благословил единоверцев на устройство четырех храмов для вновь присоединенных в разных пунктах уезда. И вот, при Божией помощи, при христианском усердии добрых благодетелей, и хлопотах отца синодального миссионера протоиерея Ксенофонта Крючкова, начата постройка сразу четырех храмов. В течение зимы и весны здания храмов были вырублены, а в течение лета окончательно отстроены и Владыка наш благословил освятить эти храмы, и выдал св. антиминсы. Воистину угодно было Богу это доброе дело: по пророку Давиду: «аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие», а тут в течение какого-либо года выросли новые храмы и в таких местах, где несколько лет тому назад никто не мог бы и помышлять о них! Да еще под сенью каждого нового храма приютилась новая церковно-приходская школа – этот маленький рассадничек просвещения в духе Церкви православной! Воистину дивны дела Божия!...

Ко времени окончания постройки храмов Бог помог добыть и необходимое для них – как-то утварь, ризницу, богослужебные

книги и даже колокола. По милостивому вниманию г. Обер-Прокурора Св. Синода, церкви получили богослужебные книги, некоторую утварь и ризницу от Московской Св. Синода конторы, а Кинешемский купец И.А. Миндовский каждой церкви подарил звон колоколов.

С великим нетерпением ждали все единоверцы освящения сооруженных храмов, ждали сего и раскольники, любопытствуя посмотреть на никогда невиданное ими торжество; и вот на 31-е августа было назначено первое освящение храма, в д. Бетино. Еще накануне толпы народа расположились около храма, немало между ними пришлось видеть и раскольнической братии. Торжество началось чином «на освящение и поднятие колоколов», который совершен был местным благочинным в сослужении двух священников. Всенощное же бдение и чин освящения храма совершал синодальный миссионер протоиерей Крючков, в сослужении благочинного православных церквей и четырех священников. Небывалое и никогда невиданное здесь торжество это привлекло массу молящихся и даже раскольников местных окрестных деревень. Строго уставное богослужение, умирительное древнее пение, сонм священнослужащих, всё – это до слез трогало молящихся. Даже раскольники не скрывали своего восхищения, а о юных единоверцах и говорить нечего!

Здесь, на православном торжестве, раскольники наглядно могли убедиться в единстве единоверия с православием, совместное служение пастырей единоверческих и православных, в братской любви о Христе Иисусе предстоящих престолу Божию и приносящих всесвятейшую жертву о спасении всего мира и притом осеняющих себе и двуперстно и троеперстно, заграждали уста, глаголющие на православную Церковь несправедное и тем более, когда (вместо запричастного стиха) местный благочинный сказал приличное случаю слово и выяснил пред многочисленными слушателями истинное значение единоверия по разъяснению о нём и Св. Синода и отцов Казанского собора. Здесь раскольник мог видеть, что значит послушание св. Церкви. Будь её послушной овцой, подчиняйся законным её христоропиемственным пастырям и

излюбленный твой «старый обряд» будет тебе во спасение, а не в клятву, неизбежную вне единости с Церковью (Толк. Ап.). Сама природа, кажется, сорадовалась торжеству: погода была прекрасная. Торжественный перелив колокольного звона далеко разносил свои звуки, будя загрубелые сердца раскольников и возвещая всем окрестным «радость велию» – торжество св. Церкви, поскольку чада её «изгибшия» были обретены и взявляй грехи мира агнец впервые вознесен был в сем новом храме! Прекрасное здание церковной школы, стоящей близ нового храма, как бы довершало собой чудную картину победы света над тьмой.

Следующее затем по времени торжество Макарьевского единоверия было в самом бойком и живом в уезде месте – селе Ковернине.

Милостивейший архипастырь наш нашел благовременным дать своё благословение на устройство единоверческого храма в селе Ковернине, как необходимого здесь в миссионерских целях, для удовлетворения духовных нужд местных единоверцев и в виду появления в данной местности австрийской секты. 14 сентября, при многочисленном стечении молящихся, было освящено отведенное под храм место и положен первый камень кресто-воздвиженского единоверческого храма. Закладку совершал местный благочинный священник Чередников, в сослужении двух священников. Далее следовало освящение трех вновь сооруженных единоверческих храмов. Синодальный миссионер протоиерей Крючков должен был, по своим служебным делам, оставить Макарьевский уезд и освящение указанных храмов, по благословению его преосвященства, совершил благочинный единоверческих церквей священник Чередников, в сослужении как единоверческих, так равно и православных соседей-иереев. Молящихся при каждом торжестве было весьма много. Раскольники с дальних мест приезжали посмотреть на торжество освящения и уверенно можно сказать: многих и многих из них заставит оно призадуматься над своим несчастным положением – отступников церкви православной, тем более, что на каждом торжестве прекрасно были разобраны

в произносимых проповедях все раскольничьи секты и толки и выяснена была вся их пагубность. При том же каждому молящемуся были раздаваемы от Костромского Феодоровско-Сергиевского Братства брошюры полемиического содержания и троицкие листки. Были раздаваемы также и религиозно-патриотические издания генерала Богдановича.

Особенно трогательным было торжество освящения храма в д. Романове в виду следующего. В 50-х годах истекшего столетия существовал при Успенском единоверческом монастыре нашего же уезда единоверческий приходский храм, который епархиальное начальство нашло нужным перенести в какую-либо деревню в центр уезда, в более населенное место. И вот было предположено перенести храм в д. Романово. Когда об этом узнали крестьяне д. Романово, то стали кричать, что нам церкви в деревню не надо и так как вся деревня состояла из раскольников, то и места под храм общество не дало и принять к себе дом Божий не пожелало. Но «Бог отмщения Господь», – тем более, что в тот же год Романовцы по приговору открыли у себя кабак, – дивно Господь показал здесь Свою карающую на хулителей руку. С того же года среди Романовцев открылась какая-то эпидемия, в роде холеры.³¹⁵ Вдруг, как говорится, ни с того ни с сего человек падает, начинает конвульсивно подергивать руками и ногами, судорожно биться и умирает. И удивительно при этом то, что ни в одной из окрестных деревень, отстоящих в 1–2 верстах, подобного рода болезни не было ни одного случая. Большая половина населения деревни Романово вымерла от указанной эпидемии в течение каких-либо двух лет.

Как сами Романовцы, так и окрестные жители поняли, что эпидемия есть не что иное, как наказание Божие за предпочтение св. храма кабаку.

И вот теперь, когда Романовцы в прошлом году присоединились к церкви узнали, что у них в деревне предположена постройка храма, то радости их не было конца. Промысл Божий устроил так, что детям пришлось увидеть у себя в деревне то, что некогда не приняли их отцы и тем как бы искупить их вину пред Богом. Само собой понятно, каково было

душевное настроение единоверцев-Романовцев при торжестве освящения их храма, – тем более, что между ними есть еще старожилы, которые помнят кару небесную над с. Романовым.

Все новые храмы Божии поставлены в месте историческом в жизни русского раскола – Белбаше. Керженец и Белбаш это – места известные расколу чуть ли не с первых его шагов. И дай Бог, чтобы единоверие здесь разбудило уснувшую сном прелести раскольничью братию, а школы сослужили добрую пользу подрастающему поколению.

Новые братья наши единоверцы, видя к себе такую милость Божию, и «пришедши в правду покаянием», не должны забывать того, что истинное единоверие с Церковью православною заключается в безусловном подчинении авторитету св. Церкви и послушании ей, и что в сем только случае содержимый единоверцами «старый обряд» получает своё спасительное значение.

Священник Иоанн Чередников

Научно-популярные религиозно-нравственные чтения

Преосвященный Антоний, епископ Волынский, устроил в своём кафедральном городе Житомире, в зале женской гимназии, ряд научно-популярных религиозно-нравственных чтений, для интеллигенции, в пользу разных учебных и благотворительных заведений, при своём личном участии и содействии соборного иеромонаха о. Тарасия. Из чтений мы имели возможность слышать: Преосвященного Антония – 1) Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы, 2) Какое значение имеет догмат о Божестве Иисуса Христа для нравственной жизни, и 3) Святоотеческое учение о загробном воздаянии и вечных мучениях грешников; а о. иеромонаха Тарасия – 1) Западный клерикализм и восточная церковность, 2) Древнерусский религиозный быт по описанию Павла Алеппского, и 3) Религиозное движение в русской интеллигенции в XVIII и XIX столетиях.

О важности подобных чтений в нашей церковно-общественной жизни нечего и говорить. Наш век ознаменовался упадком в людях религиозно-нравственного чувства. Вспомните об антирелигиозном движении во Франции со стороны самой

власти (против конгрегаций), и о кощунственных действиях неверов в Казанском соборе в Петербурге, и динамитном взрыве под чудотворной иконой Богоматери в Курском соборе... В наше время, когда начала тьмы стали брать верх над светом знания, веры и над совестью; когда темная сила стала издеваться над законностью и топтать в грязь всё святое, великое и возвышенное, – вносить знание и свет Божий в душную атмосферу мира и просвещать людей истинным Христовым светом есть дело первостепенной важности.

Наше внимание особенно остановило на себе чтение преосвященного Антония, произнесенное 23 февраля сего года, о нравственной идее догмата Пресвятой Троицы, в опровержение учения Толстого, отрицающего личного Бога.³¹⁶ В этом чтении преосвященным Антонием прекрасно раскрыта, на основании Писания и св.-отеческого учения, идея о том, что, как единство духовной сущности Бога, в которой всецело объединяются три, хотя и разные, Лица Пресвятой Троицы, так и люди имеют одну общую духовную природу и сознают это единство по мере того, как освобождаются от себялюбия и проникаются общею любовью к Богу и друг к другу. Нравственное значение веры во Святую Троицу заключается в том, что верующий в Неё может «не подаваться нашему общему разделению на земле, а ожидать лучшей жизни, потому что, уж если в Боге истинном существует множественность в единстве, то нам ли сомневаться в том, что и наше разделение может кончиться, и мы, подобно триединому Богу, будем едино, как Он».³¹⁷ Это нравоучительная идея догмата о Пресвятой Троице, если люди освоятся с ней, несомненно окажет громадное влияние на религиозно-нравственную жизнь человечества.

Указанной нравственной идеей догмата о Пресвятой Троице преосвященный Антоний опровергает лжеучение Толстого; отрицающего личность и троичность Бога. Толстой говорит: как можно единому по сущности приписать три лица или троичность? Аналогическими примерами из физической жизни, в творениях св. отцов: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Кирилла Александрийского, Иоанна Кассиана, Блаженного Августина – и

др. преосвященный Антоний весьма ясно и просто доказывает единосущность триличного Бога: три явления – воля, чувство и мышление – *одно* сознание; несколько источников нераздельны с рекой – *одна* река; дух и тело – *один* человек; три единицы – *одно* число тройка; четыре стекла – *одно* окно; четыре ножки и доска – *один* стол; три ветки – *одно* дерево; несколько элементов – *одна* вселенная; несколько цветов – *одна* радуга; и т. д. – так и *один* Бог в трех Лицах. На основании подобных аналогий, как говорит Василий Великий, единое по числу не есть единое и простое по сущности (напр. человек един, и в нём две сущности – дух и тело); и единое простое по сущности есть единое по числу (напр. и Бог один по сущности в трех Лицах). Но преосвященный Антоний идет затем дальше мертвых аналогий из физической жизни и живыми примерами доказывает и разъясняет единосущность триличного Бога. Всего сильнее в данном случае было духовное единство людей, проведенное автором в своей притче «Разговор магометанина с христианином об истине Пресвятой Троицы».

В этой притче, как мы её поняли, епископ Антоний ясно доказал, что теперешнее наше признание путем интуиции (непосредственного познания) из противоположности между резко разделяющимся я и не я, т. е., человека и того, что он узнает, есть камень преткновения, который нам мешает понять троичность Лиц в едином Боге. Это наше обыкновенное из противоположности я и не я познание, которым мы всецело проникнуты до мозга костей и которое мы считаем, по ошибке и заблуждению, естественным, не есть настоящее познание; оно нашею греховностью и испорченностью удалилось от истинного познания и видоизменилось к худшему. Истинное естественное познание есть то, которое, узнавая не я, сливается и соединяется с ним до самозабвения о противоположности своего я с этим не я. Такое слитное познание не есть нечто искусственное и выдуманное человеком; оно самое естественное, хотя нельзя не сознаться, что теперь его очень редко можно встретить в греховной жизни; но все-таки оно есть и коренится в природе человека и может быть, что когда-нибудь восторжествует над теперешним искаженным. Моменты

проявления истинного и естественного познания всем нам известны, только немногим, или, лучше сказать, мало кому приходилось на них обратить своё внимание и раскрыть смысл этого весьма важного и как бы потерянного для познания закона нашего духа. В материнском познании нет противоположности между *я* своим и *я* своего ребенка. Его не было и между муллой, его женами и умершей Фатимой. Тут *я* и не *я* совершенно сливаются в одно целое и делают одно нерасторжимое *мы*. Вот это познание, делающее из нескольких *я* одно нерасторжимое *мы*, и есть настоящее, истинное и естественное познание, и оно в совершенстве присуще чистой и непорочной жизни. Что на самом деле в сознании матери, а часто и отца, *я* своё и *я* своего ребенка есть одно нерасторжимое *мы*, видно из того, что сознательная жизнь матери и часто отца представляет из себя сплошную картину самоотверженных подвигов, говорящих гораздо больше в пользу общего *мы*, чем индивидуального *я*. Уход, труд, голод, бессонные ночи, скорбь из-за болезни, забвение о себе и т. д. суть ясные для этого доказательства. Многие матери из царства животных настолько чувствуют единство и нерасторжимость со своими детьми, что до потери своей собственной жизни защищают их. Этот закон доказывает то, что и единство людей есть самое естественное явление: раз этому закону покорны животные, – значит, и людьми не нажит он искусственно. Наседка сыта сытостью своих цыплят, их кормит, а сама не ест, хотя и очень голодна. Из сказанного становится ясным, что единство и нерасторжимость живых существ есть естественный закон. У людей, как существ, обладающих познанием, это единство должно бы быть в самом лучшем совершенстве, и было бы, если бы люди не были греховными и порочными. Греховность и порочность нашей жизни, – эта болезнь нашего духа, – ослабили и уклонили с пути это естественное, истинное наше познание от своего настоящего назначения – единства людей, как физическая болезнь, которая уклоняет и ослабляет наши телесные органы от свойственной им деятельности в организме. И как медицина часто лечит физическую болезнь, так, и несравненно лучше, христианское учение

восстанавливает эту неестественность и искаженность нашего познания. Если человечество будет освобождаться от греха и порока – этой болезни нашего духа, – то сознание людей будет получать естественность и первобытную нормальность – человеческое единство и нерасторжимость, и тогда все я всех людей будут действовать заодно, как одно общее нерасторжимое *мы*, как одна реальная сила при полном сохранении личности и свободы каждого отдельного я. Греховность и порочность обособляют в человеке сознание, лишают человека способности непосредственно сознать естественное единство и его необходимость и искажают до неузнаваемости весь внутренний мир человека. Отсюда разъединяющее сознание есть нечто ненормальное и нечто неестественное, искаженное, другими словами, – есть не что иное, как извращенность; и оно может быть уничтожено восприятием христианского учения. – Теперь и становится понятной и ясной мысль: *люби ближнего, как самого себя*, т. е., не делай разницы между я своим и я своих ближних, а пусть они будут одно единое и нерасторжимое духовное целое – *мы*. Такое духовное единство указал странник мулле, когда мулла и его две жены, с которыми он часто враждовал, в воспоминаниях об его любимой умершей дочери, Фатиме, становились одним духовным целым: и мать и не мать так любили Фатиму, «что и Соломон царь не мог бы отгадать, кто из двух жен была её матерью».³¹⁸ Это подтверждают слова самого муллы: «Да, наша добрая Фатима, Бог лишил нас твоего присутствия, но мы, когда говорим о тебе, то у нас трех бывает как бы одна душа, потому что всё злое уходит от нас, а остается только доброе; мы даже чувствуем все трое, о чём каждый из нас думает; нам даже иногда кажется, что и Фатима сидит среди нас и улыбается нашему единодушию».³¹⁹ Такое же единство было проведено в чувстве муллы по отношению к его сыну Шакирду, когда мулла сказал: «если бы мы были среди моря на маленьком камне, то нам было бы не тесно: мы бы и там уступали место друг другу и каждый из нас готов бы броситься в воду, чтобы спасся другой».³²⁰ Мулла сознался, что единство с другим человеком он чувствует не тогда, когда заблуждается, а когда бывает

настоящим разумным человеком. Еще яснее духовное единство стало для муллы, когда он узнал, что не только с родными, а даже и с врагами и со всеми людьми можно сродниться и соединиться. Это ему доказало отношение милосердного самарянина к своему врожденно-национальному врагу еврею; он спас раненого разбойниками, брошенного родными, полуживого еврея. – «Самарянин был родной для всех»;³²¹ он был в единении со всеми людьми. – «Чем лучше и умнее человек, тем больше он людей считает себе друзьями, а самый лучший тот, кто всех любит и никого не считает врагами. – И еще более родным для всех может быть человек, если он отдает себя на служение Христу; тогда у него своих собственных интересов вовсе нет и ничем его нельзя рассердить и заставить вступить в борьбу за себя с другим. Тогда его душа всегда связана с душами ближних, и он чувствует их скорби и их грехи, как бы свои собственные».³²² «Выходит, говорит странник мулле, что люди потому только не могут верить в то, что три Лица Святой Троицы составляют одно Божественное существо, потому только, говорю, что они, враждуя друг с другом, думают, будто всякий человек или вообще всякое живое существо противно другому и мешает ему, так что не может один и другой быть одним существом. Выходит дальше, что это враждебное чувство противоположности, эта борьба людей слабеет, когда они не поддаются шайтану, который ссорит людей и мутит их разум. Тогда они чувствуют любовь друг к другу и радуются взаимной близости своей так, что им не тесно, а радостно бывает вместе; а когда хотя-б один такой любящий добрый человек освободится от тела, и только чистый дух его останется в памяти и в сердце людей, то, вместе с грустью о видимой разлуке с ним, близкие люди чувствуют, однако, и близость к себе умершего и взаимную друг с другом привязанность так сильно, как будто бы у них одна душа. А я тебе прибавлю вот что: Отец никогда не ссорится с Сыном и Св. Духом и никогда не разномыслят, и шайтан не может путать Их ум, и Они никогда не разлучаются друг с другом. Теперь скажи: если даже для нас, грешных людей, бывают такие минуты просветления, когда всякая рознь исчезает между нами, то не больше ли еще

сознают всегда Своё единство Отец, и Сын и Св. Дух? И если ты и родные твои в самые разумные часы твоей жизни чувствуете единство души, то зачем называешь ложным наше учение, что Отец и Сын, и Дух Святой один Бог, а не три Бога». ³²³ Эта мысль и послужила доказательством и примером единства трех Лиц в Боге.

Итак, догмат о Св. Троице, как и другие никоим образом не являются насилием над человеческим разумом, как это антидогматисты, Толстой и др., воображают и говорят; напротив, отрицание догматов, выходящее скорее из умственно-нравственной слабости и бессилия, чем из неверия людей, является насилием над разумом глубоких мыслителей и мудрецов, вникающих в учение догматов. Это вполне ясно и убедительно доказано преосвященным лектором.

Закончим тем, что такая серьезная отвлеченная философско-богословская идея, какая затронута в чтении преосв. Антония, проведена была рельефно, ясно, доступно, популярно и художественно.

Дай Бог, чтобы и Толстой и другие адогматисты пошли по следам уфимского муллы – (уверовавшего в догмат Пресвятой Троицы и перешедшего в православие), для спасения своей души и успокоения своей и ими соблазняемых совести.

И. Романович

Миссионерская поездка воспитанников духовной семинарии

По благословению преосвященного Симеона, епископа Екатеринославского и Таганрогского, 21 ноября по окончании богослужения воспитанники 6 класса местной духовной семинарии, в сопровождении преподавателя по кафедре и истории и обличения раскола и сектантства М.С. Брунбендер и противораскольнического миссионера, священника Сергия Шалкинского, отправились по железной дороге в с. Каменское, – один из крупных пунктов раскола в епархии, – для собеседования с раскольниками.

С 6 час. вечера того же дня, при громадном стечении слушателей (не менее 2000), в заводской церкви началось собеседование с раскольниками по вопросу о перстосложении для крестного знамения.

После молитвы преподаватель семинарии М.С. Брунбендер сказал вступительную речь, в которой выяснил важное значение в истории и раскола и противораскольнической миссии вопроса о перстосложении.

Затем один из воспитанников семинарии, исходя из того положения, что о перстосложении для крестного знамения не говорится в Св. Писании, не было о нём определений и на вселенских соборах, что форма перстосложения, как показывает история, подвергалась изменению, основательно и доступно пониманию простого слушателя доказал, что перстосложение – есть обряд церковный, и отделяться из-за него от Церкви незаконно.

Указав после того несколько примеров изменения богослужебных обрядов и соборных правил, молодой оратор попросил раскольников показать, что если двуперстие, по их понятию, неизменяемый догмат веры, то каким вселенским собором он утвержден, если же обряд, то в праве ли были они отделяться из-за него от св. Церкви.

В защиту двуперстия выступил раскольнический «священно-протоиерей и благочинный» Иоанникий Антонов (противоокаужник).

В продолжении 45 минут он читал из своего сборника «свидетельства» о древности двуперстия. На ряду с бл. Феодоритом, пр. Макс. Греком, митр. Филиппом, Дионисием, Ионою и пр., слышали Каптерев, Голубинский, Димитриевский, Иоанн Грешный и пр. Заканчивая чтение, Антонов сказал: имея такое множество свидетелей за двуперстие, он не дерзает переменить его на новое троеперстие, и верит, что за это не погрешит.

М.С. Брунбендер, не вдаваясь в подробное разъяснение этих «свидетельств», попросил Антонова определенно ответить: «догмат или обряд двуперстие»?

Антонов. Догмат.

М.С. На каком же вселенском соборе он утвержден?

Антонов – стал ссылаться на потребник, «собор» м. Филиппа с Дионисием, икону Тихвинскую, 91 пр. Вас. Великого,

а затем сказал, что «если бы двуперстие было обряд, то за него не предавали бы и проклятию».

М. С., ясно и убедительно опроверг все хитросплетения Антонова, и последний стал уже переводить речь на другие предметы: о неистовом изображении крестного знамения, о печати антихриста, о погрешности правосл. Церкви, якобы соединяющей с троеперстием учение о страдании на кресте Св. Троицы и т. п.; но и эти изветы раскольника на Церковь были опровергнуты, и Антонов доведен был до сознания, что «больше свидетельств в защиту двуперстия он не имеет».

Противораскольнический миссионер, священник Сергей Шалкинский, повторив кратко содержание беседы и указав неосновательность раскольнического лжеучения о двоеперстии, как единственно и исключительно спасительном перстосложении, призывал раскольников к единению со Св. Церковью, которая благословляет употреблять своим чадам и это перстосложение, если с ним не будет соединяемо раскольническое мудрование.

Беседа закончена увещанием М.С. к православным слушателям – правильно изображать на себе крестное знамение, как заповедует св. Церковь, дабы не послужить камнем преткновения и соблазна для раскольников.

Пропели молитву. Слушателям розданы миссионерские брошюры и листки, воспитанники семинарии *первый* раз присутствовали на таких оживленных, возможных только в центрах раскола, беседах; для своего будущего пастырско-миссионерского служения получили здесь добрый урок. Они познакомились с раскольничьей мудростью лицом к лицу и увидели, с кем и как нужно будет им вести миссионерскую борьбу... За ходом беседы они следили с живейшим интересом и вниманием.

От души желаем, чтобы такая миссионерская поездка воспитанников семинарии не была последней.

Пусть будущие пастыри практически готовятся к миссионерству, полюбят это дело и потом ведут его, как «надлежащее» всякому приходскому пастырю, а не одному

только епархиальному миссионеру, который может и должен
быть только их руководителем.

Свящ. Шалкинский

**Корреспонденция «Миссионер. Обозрения»,
известия и заметки. (Истинно-христианская любовь
к ближнему. Справка о распространении на
миссионеров в священном сане действующего
Высочайше утвержденного устава о пенсиях
епархиальному духовенству. О хлыстовских
скаканиях) // Миссионерское обозрение 1903 г. № 20.
С. 1461–1464**

Из Донской области. Истинно-христианская любовь к ближнему

В наше время не мало людей, которые любят твердить о благочестии сектантов, их трезвости, взаимопомощи и пр. и вместе с легким сердцем бросают упреки православным в том, что среди них царит лишь пьянство, разгул и нет настоящей истинно-христианской любви к своему собрату. Отсюда у таких людей недалеко до вывода – признать лишь сектантов истинными христианами, а православных объявить лицемерами, лишенными духа Христова... не имея возможности проверить хваленое благочестие сектантов, – так как нам не приходилось наблюдать их жизни, мы хотели-бы привести здесь факты, свидетельствующие об истинно-христианском благочестии среди православных людей. То, что мы хотим передать, случилось в пятницу на шестой неделе Великого поста настоящего года в приходе Слободы Дегтевой, в деревне Василевке, Донской области. Часов около 5-ти вечера в этой деревне вспыхнул пожар от неосторожного обращения с огнем. Дул сильный ветер. Пламя быстро охватило значительную часть деревни. Нечего было и думать о спасении имущества в горевших местах. Обитатели едва успели спастись сами и спасти своих детей. В каких-нибудь полтора часа сгорело 36 дворов – половина деревни; сгорело все дотла: дома, амбары с хлебом, хозяйственные орудия и пр.; тридцать семейств осталось без крова и без хлеба – без одежды и без семян для посева. И вот, на призыв местного священника – оказать

помощь пострадавшим, показать себя последователями Христа не на словах только, но и на деле, крестьяне откликнулись с замечательным единодушием: они с истинно-христианской ревностью поспешили на помощь своим ближним. В короткое время собрано было более 700 мер пшеницы, 300 мер муки, 15 пудов сала, несколько тысяч яиц, жители соседнего селения отвели десятину леса для построек (ценностью в нашей местности до 400 руб.); соломы для кровлей было привезено в изобилии для всех погорельцев; давали в достаточном количестве полотно, белье, готовые поддевки, свитки, юбки, сорочки; деньгами было собрано более 200 руб. Для сбора пожертвований был организован комитет из 12 крестьян под председательством местного священника, – обязанность комитета состояла в том, чтобы принять и распределить между пострадавшими доставленные пожертвования. Кроме тех приношений, которые прошли чрез руки комитета, многое было вручено жертвователями погорельцам непосредственно. Словом, все, кого постигло несчастье, в короткое время, как говорится, были поставлены на ноги: явилось всё необходимое для восстановления разрушенного огненной стихией хозяйства, а также хлеб, и одежда, и кров, и семена для посева, мало того, за очень бедных решено было заплатить разные денежные повинности, а равно мастерам за постройки изб. Помощь была оказана и непосредственным трудом: одни из крестьян засеяли погорельцам пашни, другие приняли участие в рубке и перевозке леса к месту построек, третьи – в заготовке «самана». ¹⁾ Замечательно в данном случае то обстоятельство, что помощь погорельцам была оказана почти исключительно местным населением. Местный помещик пожертвовал 10 десятин вспаханной земли и семян для посева. Неужели после всего сказанного можно серьезно говорить о том, что среди православных нет духа Христова, нет любви к ближнему?! Нам кажется, что утверждать подобное могут только люди, или никогда не наблюдавшие религиозно-нравственной жизни нашего православного крестьянства, или сознательно питающие ненависть к православию и ко всему православному.

Другой замечательный случай, подтверждающий выше сказанное. В той же деревне Василевке, в конце октября прошлого года, три молодые крестьянские девушки отправились на реку, которая покрылась уже льдом, но лед был еще тонок. Все девушки провалились и пошли ко дну. Место было очень глубокое. На крик тонувших девушек прибежал парень лет 27, Федор Варламов Шевцов, и бросился спасать их; одну вытащил, но другая уже скрылась под льдом. Недолго думая он сбросил с себя шубу и сапоги и нырнул под лед, выплыл и вытащил другую утопавшую. Другой крестьянин, Артем Цехов, заметив несчастье, прибежал на помощь к Шевцову, и в то время, когда этот нырял, бросился спасать третью девушку, – провалившись сам, он сильно промок, но всё же успел спасти утопавшую. Все пятеро, и девушки и их спасители, остались живы и здоровы. При этом нужно заметить, что у обоих самоотверженных мужичков – по четверо душ детей и старики-родители. Вот именно так душу свою полагали они за ближних своих. Описанный подвиг мужичков-героев, прошел как-то незамеченным, – никто ни единым словом не возбудил разговора о какой-бы то не было награде для них – в роде медали и пр. Добро было сделано тихо, спокойно без шума и тщеславия, истинно – по-христиански. И нам думается, что таких случаев бывает множество на Св. Руси.

Свящ. В. Кожин

Справка о распространении на миссионеров в священном сане действующего Высочайше утвержденного устава о пенсиях епархиальному духовенству

Св. Синод 25 апреля 1903 г. слушали: Указом Св. Синода, от 26 марта 1886 г. № 4, епархиальным преосвященным предоставлено было учреждать должности епархиальных миссионеров с отнесением расходов по их содержанию на местные средства и с тем, чтобы лица, на коих будут возложены обязанности епархиальных миссионеров, состояли при кафедральном соборе, но не занимали штатных священнических мест и были свободны от исполнения обязанностей по приходу.

Приказали: Принимая во внимание, что при существующем ныне, согласно циркулярному указу Св. Синода, от 28 марта 1886 г. № 4, порядке причисления миссионеров сверх штата к кафедральным соборам и за неимением особого положения о лицах, занимающих миссионерские должности, они не имеют, на точном основании Высочайше утвержденного 3 июня 1902 г. пенсионного устава для епархиального духовенства, права на получение пенсии и единовременных пособий из казны, Св. Синод определяет: предоставить Обер-Прокурору Св. Синода, по предварительном сношении с Министром Финансов, войти в Государственный Совет с представлением о распространении постановлений означенного пенсионного устава на миссионеров в священном сане, не занимающих штатных в приходе вакансий, с зачетом в срок выслуги пенсии ныне состоящих миссионерами их прежней миссионерской службы и с тем, чтобы а) епархиальные миссионеры в отношении прав на пенсии и единовременные пособия из казны по сему уставу были приравнены к штатным протоиереям, а уездные миссионеры к таковым же священникам, б) миссионеры, в случае неполучения ими содержания из сумм государственного казначейства, облагаемого 2% на пенсии вычетом, уплачивали в казну, установленную п. II. Высочайше утвержденного 3 июня 1902 г. мнения Государственного Совета, особый сбор в размере, положенном для штатных священников, не получающих казенного жалования, т. е. 6 р. в год, в) чтобы на учреждение миссионерских должностей было испрашиваемо каждый раз разрешение Св. Синода. Представление это уже утверждено.

Из писем в Редакцию. I. О хлыстовских скаканиях

М. Г. г. Редактор.

В современной миссионерской литературе вопрос о хлыстовских плясках или «скаканьях», недостаточно разработан. Между тем паразитов-хлыстов развивается по России всё более и более. Культ плясок сектанты стараются основывать на текстах св. Писания и практике Церкви православной, её песнопениях. Прежде всего указывают на пример царя Давида, плясавшего пред ковчегом (2Цар.6:14–23).

Мелхола, осудившая его за это, терпит наказание. Церковь в пасхальных песнопениях похвалит Давида за это и приглашает «веселыми ногами» идти и хвалить Пасху вечную. Указывается обычно еще на пример хромого, по исцелении скачущего и хвалящего Бога (Деян.3:8).

Мормоны, хлысты, считая себя «Новым Израилем», оправдывают свой культ примером ветхозаветных израильтян, которые «паслись, как кони, и играли, как агнцы, славя Господа, избавителя их» (Прем.19:9). Находят и пророчество об их «верчениях» при «радении» и образец (см. Мал.4:2; Иез.1 гл., Ис.55:12). Указывают даже на повеление Господа ударять себя по бедрам, рукоплескать и пр. (Иез.6:11, ср. 21:6–12). За «круг» мормоны готовы стоять упорно. В беседах обычно указывают на хождение кругом при браке и крещении в православной Церкви, на существование религиозных танцев в православной абиссинской Церкви, на «круги» ангелов. Приводят песнь церковную на Благовещение: «С небесных кругов слетел Гавриил» и пр.

Представляю всё сие на суждение специалистов на тот конец, дабы мы, рядовые борцы, могли видеть на страницах миссионерского журнала ответ на эти поставляемые нам сектантами возражения. В этом вопросе мормоны ставили в тупик миссионеров, чему я был очевидцем. С почтением к вам пребываю, священник Самарской губернии Ф. О. 1903 года, ноября 16 дня.

Р. С. Принося благодарность почтенному нашему корреспонденту за настоящее обращение в редакцию с изложенными возражениями сектантов-хлыстов, долгом сочтем дать на них в новом году посильный ответ на страницах «Мис. Обозрения».

Опубликовываем же письмо теперь из желания вызвать обмен печатных мнений по существу возражений.

Ред.

Отклики

Михаил, иером. Во сколько ценится Христос? //
Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1485–1486

В своё время Христа оценили в тридцать сребренников. Недавно, на этих днях, перед другим собранием был поставлен тот же вопрос: «сколько можно дать за Христа?» И теперь решили, что во всяком случае *менее ста франков*. Старообрядческий начетчик, пожалуй бы, высчитал, что эта сумма весьма близка к сумме тридцати динариев, но мы не будем производить этих вычислений, полагая, что на новом аукционе и 30 сребренников нашли бы *чрезмерною платою*.

«Париж, 23 октября (Гавас). «Палата, большинством 254 голосов против 245, приняла поправку социалиста Дежанта о сокращении кредита министерства юстиции *на 100 франков*, выразив, таким образом, пожелание об устранении распятий из зал судов».

Изображение Христа на кресте изгнали из судов. Решили, что не стоит платить 100 франков³²⁴ за образ человека (пусть это, как им хочется думать, *только – человек*), который с высоты «аналойчика», конечно, больше говорит о правде, чем наполеоновский или всякий другой кодекс.

Покойный Д.А. Ровинский вспоминает интересный эпизод из жизни известного московского доктора Феодора Петровича Гааза. В 40-х годах, будучи губернским стряпчим, Ровинский, постоянно посещая заседания тюремного комитета, был очевидцем оригинального столкновения Гааза с председателем комитета, знаменитым митрополитом Филаретом, из-за арестантов. Гааз ходатайствовал о предстательстве комитета за невинно осужденных арестантов. «Вы все говорите, Федор Петрович, – сказал Филарет, – о невинно осужденных... Таких нет: если человек подвергнут каре – значит, есть за ним вина»...

Вспыльчивый и сангвинический Гааз вскочил со своего места.

– «*Да вы о Христе позабыли, владыка!*» – вскричал он, – указывая тем и на черствость подобного заявления в устах

архипастыря, и на евангельское событие – осуждение Невинного.

– «Нет, меня забыл Христос», – отвечал Филарет.

Крест на аналое, конечно, не позволил бы забыть о Невинно-осужденном.

Неужели нет нужды напоминать об этом Невинно-пострадавшем и Осужденном, вообще, о правде судебной французским судьям, которые в последнее время доказали достаточную склонность к принципу: «тот, кто осужден – преступник: в тюрьмах не бывает невинных»?

А скамья подсудимых?

Сестра Варвара, святым делом которой я хочу теперь заинтересовать общество, и которая «во главе своего дела» и на самом видном месте своей столовой поставила крест, – рассказывала мне: «придет другой раз босяк. Посадишь за стол – сидит. Вдруг случайно на крест взглянет, и сразу вижу, что что-то в нём дрогнуло... Струнки какие-то отозвались. Сидит и не ест. Понимаю и ухожу. А ему именно хочется остаться около креста одному, обнять его и выплакаться».

И обнимают и плачут.

Желательны-ли такие настроения или нет? Нужен-ли этот святой «очищающий душу» плач? Не стоит-ли он ста франков?

Во Франции до сих пор случалось, это только в суде впервые и видел преступник распятие, и вот его вынесли. А может быть и «отозвались бы струны».

«И купили за тридцать сребренников, возвращенных Иудой, поле горшечника для погребения пришельцев и назвали его землей крови».

Палате не хватит 100 франк. для покупки нового кладбища: слишком много прольется новой крови и слишком много новых покойников от того, что даже из судов выносят «знамение Сына Человеческого и смерти Его».

Да сохранит Господь Бог этих 254 (палатское большинство), если им придется, – как Евтропию во дни Златоуста, – хвататься за края Престола Господня, который они хотели опрокинуть.

Иер. Михаил

**Скворцов В.М. Со скрижалей сердца. (Два слова об
истекшем и предстоящем издательском годе.
Письмо о. Иоанна Кронштадтского) //**
Миссионерское обозрение 1903 г. № 20. С. 1487–1489

Выпуском настоящей 20 книжки «Мисс. Обзор.» мы закончили VIII год издания нашего журнала. Истекший издательский год был крайне труден для нас во всех отношениях: но мы заканчиваем свой труд со спокойною совестью человека, по мере сил и разума, честно исполнявшего свой долг пред дорогим нам делом миссии и – обязанности пред нашими читателями-подписчиками. Мы старались не остаться в долгу у подписчиков, как со стороны содержания, так и относительно объема и количества выпусков книжек журнала и отдельных приложений, увеличенных в 1903 вдвое при *прежней* подписной плате.

Во избежание недоразумений считаем нелишним объяснить следующее: за счет увеличения объема книжек журнала, мы во втором полугодии соединили два выпуска проповедей в одну книжку, кроме того мы дали только одну первую часть сочинения Геринга, так как в качестве приложения напечатано у нас было сочинение «Великороссийское и Малороссийское богословие» иером. Тарасия, рекомендованное нам для сей цели преосвященным Антонием Волынским, – как оригинальный и многосодержательный труд молодого ученого. Вторую в высшей степени интересную часть Геринга мы напечатает в новом 1904 г. на страницах «Мисс. Обзор.».

В истекшем году мы должны были отводить много места на страницах нашего журнала полемическим статьям, отражая наступательный литературный поход на «Мисс. Обзор.» и на дорогое нам дело миссии со стороны врагов её и недоброжелателей. Впрочем, считаем не лишним оговориться, что мы относились с должным вниманием и отвечали на те лишь полемические литературные вызовы, в которых видели ту или другую, хотя бы и ложную идею, принцип и серьезное отношение к печатному слову и делу.

Печать – служение святое и пользоваться этим орудием для сведения личных счетов мы считаем недостойным порядочного человека делом. А потому, стараясь в честном литературном поединке твердо стоять за святое знамя миссии православия, мы в тоже время безглаголиво обходили и будем впредь обходить молчанием те полемические, хотя бы и лично для нас оскорбительные, печатные вылазки и подходы, в которых нет радения о пользе дела, а лишь сквозит плохо скрытое, мелкое самолюбие, личные счеты и дразги. Проходим же мы мимо уличных озорников, ни с того ни с сего привязывающихся к вам, грубо толкающих вас, – не отвечаем им тем же неприличием, в том рассуждении, что грубого беспорядочного человека этим не образумишь, а зрителей потешишь. Пусть идут своим путем. *Sapienti sat*. Можем в заключение выразить сожаление, что в некоторые прошлогодние полемические статьи, по нашему недосмотру, вкрались нежелательного тона штрихи.

Слава Богу за всё прошлое, теперь о будущем.

В новом 1904 году отдел *Отклики* будет заключать в себе статьи нескольких авторов, здесь же будут помещаться и суждения наших читателей, по поводу статей «Мисс. Обзор». Не можем не поделиться с читателями нашею радостью, что во главе этого отдела, созданного живым пером почтенного о. иером. Михаила, будет печататься апологетический в обличение толстовства труд *высокочтимого о. Иоанна Кронштадтского*, приславшего этот бесценный дар нашему органу при следующем письме.

«Высокочтимый Василий Михайлович!

Во время поездки моей в нынешние каникулы на родину и *обратно*, в виде малых статей, я много написал в моём дневнике в опровержение безбожия и дерзости Льва Толстого против Бога, против Церкви, против Библии, Евангелия, против церковной истории, Богослужения и духовенства. Представляю их вашему вниманию. Представленная мною вам летом статья против Толстого, – была только беглой заметкой, наскоро составленною. а настоящие статейки заключают более веские доказательства бессмыслия религиозного, коим страдает наш русский безбожник. Толстовцы бранят меня в письмах своих за

резкие выражения против Толстого и обходят молчанием дерзкие слова Толстого против Бога, против Церкви, против св. Писания, против таинств, против св. икон, против духовенства, забыв выражение древнее: *par pari*.

Прошу почтить меня ответом на моё письмо.

Ваш почитатель протоиерей *Иоанн Сергеев*

20 декабря 1903 г».

Это новое мощное обличение лжеучения Толстого будет начато печатанием в январской книжке.

Возблагодарим же, дорогие читатели, Господа, что Он, Всеблагий, дает силы Кронштадтскому пастырю-подвижнику спасать и облегчать православную Русь от язв и зол нашего времени, не только своею молитвою, словом, житием, любовью, но и писаниями, полными силы веры и авторитетной убедительности.

До свидания, до будущего года!

В. Скворцов

Примечания

¹ - Слово мощи у наших предков означало главным образом кости; в 1472 г. в Москве по случаю перестройки Успенского собора открывали гроба митрополитов для осмотра их тел и вот, как пишется в одной летописи: «Иону цела суца обретоша, Фотея же цела суца не всего... а Киприана всего истлевша, едины мощи». Собр. русск. лет. т. VI, стр. 196; подр. см. «Мисс. Обзор.» 1899 г. янв. «о мощах святых угодников Божиих».

² - См. «Мисс. Обзор.» № 7.

³ - Во избежание недоразумений считаем необходимым заметить, что в своей статье, намеренно написанной по возможности просто и общедоступно, мы имели в виду у себя не отвлеченных адогматистов, а определенных лиц, приславших нам лично те возражения, недоумения..., какие нами и рассмотрены. Лица эти нами не названы: не в именах дело, а в принципах. Нами приняты были во внимание: наши литограф. лекции (где желающий нашел-бы много других подробностей: исторического, философского, вообще специально-научного характера, клонящихся к освещению этого-же вопроса), сочинения: особенно проф. А. Ф. Гусева, Лихтенберже (в статье проф. Гренкова), Gutberlet'a, Pfeleiderer'a, Gunning'a, Thönes'a, Köstlin'a, Spir'a и другие (специально посвященные данному вопросу), – различные курсы христианской этики и проч., что и считаем необходимым здесь отметить. Выяснение общего вопроса о «взаимоотношении религии и нравственности», специально не рассчитанное на запросы нынешних дней, нами не преследовалось (чит. по этому поводу, напр. у указанных сейчас авторов)...

⁴ - См. «Мисс. Обзор.» Апр. № 7, 1903 г.

⁵ - Вот она вся раскольничья логика, – где дело касается св. православной Церкви, то и рознь прочь, начинается громкая хула хором – из-за двух ит, хотя и «Иисус» признается лжепопом за «Богочеловека».

⁶ - Раскольничий женский монастырь Киевской губернии.

⁷ - Т. е. Единоверческую, пос. Климова.

⁸ - Видимо, лжепоп признает и престол Божий и «Св. Трапезу» грешными, поскольку зовет их ко спасению.

⁹ - В собеседовании слова мои будут означены знаком +, а слова Казновского знаком –.

¹⁰ - См. «Мисс. Обзор.» № 10.

¹¹ - Будем говорить словами нового, прекрасного, как всегда, иллюстрированного издания известного генерала Е.В. Богдановича под заглавием: «Св. Серафим Саровский», – предназначенного для бесплатной раздачи народу в дни торжеств. Издание это одно из самых лучших среди тех, кои изданы к торжеству.

¹² - В Темниковском уезде, Тамбовской губернии.

¹³ - См. «Мисс. Обзорение», № 9.

¹⁴ - Значит до сих пор Усов «неправо и не здраво рассматривал» – слова Тарасия. Так и будем знать, да так оно и есть. Автор.

¹⁵ - См. наши статьи в Екатериносл. Епарх. Ведом. за 1902 г. № 32, и за 1903 г. №№ 5 и 6-й.

¹⁶ - «Мисс. Обзор.» 1902 г. Февр., стр. 311–312.

¹⁷ - Екатерин. Епарх. Вед. № 21, 1902 г. «торжество присоединения».

¹⁸ - Прекрасные образцы сектантской «свободы совести», о которой ратуют наши «либералы»!... Поистине удивительно терпение православного русского крестьянина!...

¹⁹ - В оркестре состоят и православные рабочие, которые помимо своей воли должны были принять участие в похоронах по сектантскому обряду и разыгрывать сектантские стихи!...

²⁰ - С этой целью для руководства духовенству епархии был составлен епархиальным миссионером возможно полный каталог миссионерских изданий.

²¹ - Такое отношение к делу миссии духовенства означенных городов заслуживает полного одобрения, и, без сомнения, принесет большую пользу миссии.

²² - Раскольничий архиерей Арсений Швецов задолго пред открытием мощей св. Серафима и сам лично, и чрез своих

подчиненных попов открыл проповеднический поход против Саровского праведника, желая предотвратить обаяние торжества на раскольничью массу.

²³ - «Нов. Вр.» № 9828.

²⁴ - Церк. Вестн.

²⁵ - По библейскому учению: небеса поведают человеку не о «бытии», а только о «славе Божией». Путем размышления о творениях мира человек может прийти не к познанию «бытия», а только к познанию «присносущной силы и Божественности» Бога (Рим.1:12).

²⁶ - Р. Вед. № 72 и 73. Вопрос о праздничных днях.

²⁷ - В обнародованном тексте заседания такого утверждения нет, но самое учреждение особого совещания возникло вследствие печального состояния сельской промышленности. Автор.

²⁸ - В тексте обыкновенно говорится не уничтожение, а «сокращение», но сокращение праздников не то же ли, что и уничтожение некоторых из них?

²⁹ - Особое совещание рекомендует сокращение, т. е. уничтожение «излишних» праздников, но не упоминает, какие же праздники именно излишние. Оно вообще утверждает, что в праздники народ бездельничает, пьянствует, значит, вообще все праздники излишние.

³⁰ - Моск. Ведомости № 193.

³¹ - Ведь сам Лев Толстой считает непостижимым Божество, значит и ведение может быть только особенное, непостижимо в нас нисходящее по особому Божескому изволению и влиянию Откровения, а не постижимое только одним нашим умом, как у него, Толстого.

³² - См. «Мисс. Обзорение», № 12.

³³ - Ивановский Н. И. «Секта хлыстов в её истории и современном состоянии». Мисс. Обзорение 1899 г. Январь, стр. 23.

³⁴ - Кутепов К. «Секты хлыстов и скопцов». Казань 1882 г. стр. 3.

³⁵ - Эти статьи, вошедшие в сочинение Добротворского, в Православном Собеседнике были напечатаны не с такою полностью, в какой они явились в отдельном издании их. Сверх того, к этим статьям в отдельном их издании присоединен новый отдел, заключающий в себе собрание хлыстовских и скопческих песен с объяснениями каждой из них.

³⁶ - Кутепов «Секты хлыстов и скопцов», стр. 4.

³⁷ - «Люди Божии», Казань 1869 г.

³⁸ - «К вопросу о времени возникновения хлыстовщины»
Этнограф. обзор. 1898 г., № 2.

³⁹ - «Тайные секты». Рус. Вест. 1868 г. № 3.

⁴⁰ - «Святорусские двоеверы». Заря 1869 г. №№ 10 и 11.

⁴¹ - «За Кавказом» Отеч. запис. 1867 г.

⁴² - «Опыт исторического обозрения мистических сект в России» Тр. Киев. Дух. Акад. 1867 г.

⁴³ - «Болгарская ересь богомилов». Мисс. Об. 1901 г.

⁴⁴ - «История православной Церкви» Спб. 1866 г.

⁴⁵ - «Люди Божии и скопцы».

⁴⁶ - «Влияние протестантства на образование хлыстовской, духоборческой и молоканской сект» Странник 1880 г.

⁴⁷ - «История Русской Церкви» 1848 г., т. V, стр. 85.

⁴⁸ - «Рационализм русских сектантов» Всемир. Тр. 1868 г.
Февр.

⁴⁹ - «Умственные направления русского раскола». Дело
1867 г.

⁵⁰ - «Литографированные лекции» стр. 212 и след.

⁵¹ - «Очерки Русской культуры» Спб. 1899 г.

⁵² - «Русский простонародный мистицизм». Хр. Чт. 1869 г.

⁵³ - «Хлыстовщина и скопчество в России» Москва 1882 г.

⁵⁴ - «Новейшие исследователи русского раскола» Прав.
обозр. 1873 года.

⁵⁵ - «К вопросу о происхождении секты» «людей Божиих (хлыстов)»» Вера и Разум 1896 г. Отд. церк.

⁵⁶ - Добротворский, «Люди Божии» стр. 24.

- 57 - Ibid.
- 58 - Добротворский, «Люди Божии» стр. 25.
- 59 - Ibid.
- 60 - Не от правой ли к левой?
- 61 - Добротворский, «Люди Божии», стр. 25–26.
- 62 - Ibid. 27.
- 63 - Ibid.
- 64 - Ibid. стр. 51.
- 65 - Н. Барсов. Христ. Чт., 1869 г., стр. 468.
- 66 - Ibid.
- 67 - Ibid.
- 68 - Корнеев. Вера и Разум 1890 г., стр. 661.
- 69 - Ibid. 662.
- 70 - «Люди Божии», 31.
- 71 - Н. Барсов. Хр. Чт. 1869 г., стр. 474.
- 72 - Ibid. стр. 441.
- 73 - Ibid. стр. 477.
- 74 - Об этом подробнее см. Корнеев Вера и Раз. 1896 г., стр. 761.
- 75 - Мельников чт. в общ. ист. и Древ., 1873 г., отд. V, прим. к стр. 125.
- 76 - Рождественский свящ. Хлыстовщина и скопчество в России *ibid.*, 1882 г., отд. IV, стр. 19.
- 77 - Соколов. Странник 1880 г., ч. 1, стр. 109–110.
- 78 - Соколов. Странник. 1880 г. стр. 109.
- 79 - Один из магигов XVIII в. Рус. Вест. 1860 г. № 16.
- 80 - Барсов Н. Хр. Чт. 1869 г., стр. 476.
- 81 - «Миссионерское Обозрение», Сент. 1902 г., стр. 374.
- 82 - Духовный Регламент СПб. 1721 г. ч. II, п. 10, с. 9–10.
- 83 - Курсивы наши.
- 84 - См. журн. «Миссионерское Обозрение» № 9.
- 85 - Предлагаемые диалоги, представляя собой дополнение к действительному 5-му заседанию, представляют вместе с тем

наше последнее слово. Прошу не считать настоящую статью за ответ г. Романскому (Март. Новый путь). Я ему не отвечаю, держась принципа: «не ходи по могилам покойников, не мешай их сну».

⁸⁶ - Рел.-Философск. библиотека, вып. I, М.А. Новоселов, «Забытый путь», 50–51 стр.

⁸⁷ - «Забытый путь», 9–11 стр.

⁸⁸ - «Заб. Путь», 11–12 стр.

⁸⁹ - «Искание Бога», 8–9 стр.

⁹⁰ - Ibid., 28 и след.

⁹¹ - Ibid., VI–VII стр.

⁹² - Ibid.

⁹³ - «Искание Бога», VI стр.

⁹⁴ - «Искание Бога», 11–17 стр.

⁹⁵ - «Моя жизнь во Христе», М. 1894, 4-е изд. ч. I, 13 стр.

⁹⁶ - «Моя жизнь в Христе», 14 стр.

⁹⁷ - Ibid. 46 стр.

⁹⁸ - Справка заимствована из письма митр. Москов. Филарета к наместнику Антонию.

⁹⁹ - См. «Мисс. Обзор.» № 13.

¹⁰⁰ - «Этногр. Обзор.» 1898 г. № 2, стр. 119–120.

¹⁰¹ - Кстати заметим, что г. Корнеев сделал для этого мнения гораздо более тех, которые считаются представителями и выразителями его, хотя сам Корнеев и не держится исключительно рассматриваемого мнения о происхождении хлыстовщины. Очевидно, он чувствовал и понимал шаткость и неосновательность мнения, хотя и не подверг его критике.

¹⁰² - Рус. Вест. 1868 г. 75 т. 21 стр.

¹⁰³ - Руководство к Русской истории, стр. 307.

¹⁰⁴ - Соколов – Странник. 1880 г. 1 ч.

¹⁰⁵ - «Историческое исследование о богомилах», 1865 г. Харьков.

¹⁰⁶ - Богомилство – болгарская ересь X–XV в. Хр. Чт. 1870 г.

- 107 - Это иное объяснение см. у Корнеевко, стр. 777–778.
- 108 - «Люди Божии и скопцы», стр. 5.
- 109 - «Люди Божии и скопцы», 21.
- 110 - Барсов Пр. Обозр. 1873 г. 1 т., 131.
- 111 - Корнеевко «Вера и Раз.» 1896 г. 649 стр.
- 112 - Е. Барсов. «Прав. Обозр.», 1873 г. т. 1.
- 113 - Корнеевко. «Вера и Раз.», стр. 652.
- 114 - Кутепов. «Секты хлыстов и скопцов», стр. 51–52.
- 115 - «Рус. Вест». 1868 г. 75, стр. 36.
- 116 - «Странник» 1880 г. т. стр. 101.
- 117 - Реутский.
- 118 - Милюков. «Очерки русск. культуры», стр. 95.
- 119 - Сочинения Л.Н. Толстого, ч. IV, стр. 316–321. Москва. 1889.
- 120 - См. «Мис. Обозр.» № 12.
- 121 - Январь, стр. 5–6.
- 122 - См. прекрасные статьи А. Басаргина: «религиозное обновление» – «Москов. Вед.» №№ 52, 59, 66, 73, 80, 83 и 87.
- 123 - «Нов. Путь», Апр., стр. 208.
- 124 - «Нов. Путь», Апр., стр. 169.
- 125 - «Л. Толстой и Достоевский». – Оттиск из жур. «Мир Искусства» за 1900 г. ч. I и II, стр. 170. – Под «Вторым Пришествием» здесь разумеется «Царство Духа, грядущее после царства Сына» (Ев. Ин.16:12–14)... – Нельзя находить различие между «Царством Сына» и «Царством Духа», как это делает Мережковский (170–171 стр.), так как «Царство Духа» есть собственно продолжение «Царства Христа», ибо и Христос сказал, что «Дух не от Себя говорить будет, а от Моего возьмет» и что «Царство Духа» есть лишь служение «свидетельства о Христе» (Ев. Ин.15:26, 16:13–14). Посему и «Второе Пришествие» есть в сущности «Первое Пришествие» или «Первое Царство Христа, Который был, есть и будет, а не только «был и есть», как думает Мережковский, относя «будет» к «Царству Духа»...

¹²⁶ - См. соч. «Л. Толстой и Достоевский» – Оттиск из журн.: «Мир Искусства» за 1900 г. ч. I и II, стр. 120–122; 127–128; 131.

¹²⁷ - См. там же стр. 131 и еще Т. II, стр. 484–493 и «Нов. Путь» март – стр. 123–124; 140–141.

¹²⁸ - «Л. Толст. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II, стр. 171–179.

¹²⁹ - «Новый путь» Мар. стр. 144.

¹³⁰ - «Л. Толст. и Дост.» 1900 г., стр. 121–122. – В этом Мережковский видит, между прочим, застарелую дурную привычку «лже-христианства» или «павлианства» (?) – см. там же стр. 59.

¹³¹ - «Нов. Путь» Мар. стр. 123, 145.

¹³² - «Л. Тол. и Достоев.» 1900 г., ч. I и II, стр. 59, 122, 131; «Нов. Путь» Янв. – «Записки религ.-философ. собраний» – стр. 32.

¹³³ - «Новый Путь» Мар. стр. 143–144.

¹³⁴ - «Л. Толст. и Дост.» 1900 г. стр. 171–172.

¹³⁵ - «Новый Путь» Янв. стр. 25.

¹³⁶ - «Новый Путь» Февр. «Записки религ.-филос. сбор.» стр. 111.

¹³⁷ - «Новый Путь» Янв. – «Записки рел.-фил. собр.» стр. 40–42.

¹³⁸ - «Новый Путь» Март, стр. 162–171.

¹³⁹ - В отсутствии разницы в «душе» религий иудейской и эллинской мы отнюдь не можем согласиться с г. Розановым!... Сверх этого, заметим, что напрасно г. Розанов совершенно справедливую мысль о религиозной связи иудея с природой основывает на тех местах св. Писания, которые осуждают ненормальные проявления этой связи, как например: Иов.31:26–27 и особ. 28 ст., который нужно было прочесть, – Иез.8:16, 17, где было нужно прочесть и ст. 18. В библии нет недостатка в местах, санкционирующих связь иудея с природой и их то и нужно было привести. В противном случае, при методе г. Розанова, можно обвинить религию Израиля и в сослужении языческим «богом»!...

¹⁴⁰ - Быт.1:25, 26, 28, 31, 2:1, 5, 7, 15, 19, 21, 22.

¹⁴¹ - «Л. Толст. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II, стр. 122.

¹⁴² - Быт.3:4–6, сравн. с 1Ин.2:16.

¹⁴³ - Быт.3:17 и 4:11, сравн. Рим.8:19–23.

¹⁴⁴ - Рабочие, промышленники и один псаломщик.

¹⁴⁵ - Проживая действительно в указанное время в Боровске, – лжепоп Семен Храмов выдавал за своим подписом и печатью свидетельства старообрядцам о бытии их у исповеди и причастия для представления прав. сельским священникам на случай погребения на правосл. кладбищах, и когда об этом возбудилось дело Хромов выбыл из Боровска.

¹⁴⁶ - Печатаем настоящее письмо г. Черемухина с соблюдением всех подробностей оригинала для характеристики духовных покровителей раскола со стороны умственных и нравственных их достоинств. Ред.

¹⁴⁷ - Курсив подлинника.

¹⁴⁸ - Об иностранцах-сектантах, проживающих в России, и сектантах-колонистах, иногда крайне вредных и в религиозном и политическом отношениях, всеобщая перепись совсем молчит.

¹⁴⁹ - Конечно, эти вопросные пункты каждый миссионер может изменить по своему желанию. Я только советовал бы избегать слишком большого их разнообразия, довольствуясь существенным.

¹⁵⁰ - Например, противосектантскому епархиальному миссионеру присылают сведения о расколе, а противораск. – о сектантах; смешивают раскол и сектантство и т. п.

¹⁵¹ - Только «Русские Ведом.» и «Курьер» обошли молчанием всероссийское торжество 19 июля, причем первая газета в этот день поместила передовицу о «необходимости всеобщего народного обучения».

¹⁵² - Правда, и в личности гениев есть нечто сверхъестественное, но оно здесь не так явственно, как в мире благодати. Вот почему лучи откровения Божия в язычестве, или небесный свет, сиявший во тьме (Ин.1:5), именуется откровением естественным в отличие от сверхъестественного, где Божественное воздействие на людей открывается во всей ясности, не будучи затемняемо человеческими заблуждениями.

¹⁵³ - Свои симпатии к индусам г. Меньшиков проявляет еще и в том, что с восторгом отзывается о буддийских священных книгах. Он говорит: «Следы неподражаемых по высоте нравственных настроений остались в буддийских священных книгах; немногие сутты, которые я читал, восхитительны». Конечно, *de gustibus non est disputandum*, но всё же г. Меньшиков поступил бы хорошо, если бы подтвердил свою похвалу священным книгам индусов соответствующими обстоятельными цитатами. Тогда можно было бы досконально выяснят, так ли «глубоки» изречения индийских книг, как думает Меньшиков...

¹⁵⁴ - Прекрасный рассказ об этом см. в Моск. Ведом. № 197, 20 Июля 1903 г., под заглавием: «Дух Божий, явно почивший на преп. Серафиме Саровском в беседе его с Н.А. Мотовиловым».

¹⁵⁵ - См. «Мисс. Обзорение», № 13.

¹⁵⁶ - ... – здесь и далее пропуски при сканировании оригинала, поставлены в скобки предположительно – для связи текста. – Редакция Азбуки веры.

¹⁵⁷ - Наша, напр., благочинническая библиотека (2 окр.) за 10 лет своего существования насчитывает у себя книг богословского, историч. и миссионерского содержания на сумму 2000 руб.; ныне библиотека будет пополняться ежегодно книгами на сумму свыше 100 руб.

¹⁵⁸ - Впоследствии один из прихожан просил меня освятить подобного рода «икону», но я отказал ему в этом.

¹⁵⁹ - Возница продавца.

¹⁶⁰ - Кроме миссионеров Нижегородской епархии, прибыли на ярмарочные беседы миссионеры из епархий: Архангельской, Тобольской, Псковской, Черниговской, Новгородской, Владимирской, Костромской, Казанской, Томской, Пензенской и Самарской.

¹⁶¹ - Часть вторая стр. 320-я.

¹⁶² - 8-го Августа раскольники Австрийцы – лжепоп Старков и Зеленков заявили, что эту беседу будут вести они, но не явились.

¹⁶³ - По этой самой причин и ответ свой г. Бартеневу помещаю в «Миссион. Обозрении». Здесь-же буду давать отповеди и на другие вылазки «подобных» критиков, если они, т. е. вылазки, последуют в будущем. Во всяком случае молчать отныне не стану.

¹⁶⁴ - Их превосходно аттестует не «семинарист» и не «Миссионерское Обозрение», а г. Буренин в «Новом Времени» (19 сент. 1903 г. № 9893; фельетон «Критические очерки»). Советуем читателям проштудировать вторую половину статьи этого автора. Она так откровенно «их» характеризует, что... Но, впрочем, не будем лишать читателей удовольствия самим ознакомиться с ней. Подальше и от таких господ, о которых г. Буренин говорит, и от их «оружия»...

¹⁶⁵ - Отсутствие, по А. Крайнему, есть факт, да еще поразительный. Это, вероятно, из философии последней культуры – о бытии небытия, в «пику» элеатским философам?

¹⁶⁶ - См. речь высокопр. Афанасия перед открытием Донского епархиального миссионерского съезда. 9 сент. 1902 г.

¹⁶⁷ - В большинстве случаев миссионер будет понят, как побежденный. Ред.

¹⁶⁸ - Как относятся миссионеры к таким советам немиссионеров, читателям «Мисс. Обозр.» уже известно (см. № 2 с. г. стр. 156–9, № 6, стр. 815–54). Редакция.

¹⁶⁹ - Нам кажется, что мысль о. Михаила не совсем точна. Данные статистики по отступничеству не позволяют соглашаться с ней... По единогласному свидетельству миссионеров и посторонних наблюдателей внутреннего состояния раскола, раскольничий фанатизм вообще смягчается: прав. Церковь для отступников стала менее страшною и число обращений с каждым годом увеличивается. Нельзя думать, что миссионеры, и даже со старыми приемами бесед, только воздух бьют. Редакция.

¹⁷⁰ - Как будто бы Иоанн Богослов, восполняя Моисеево: «В начале сотвори Бог небо и землю», сказал не «В начале бе Слово» – (Логос – Меимра) (Пс.32:6), а – из начала был

«человек Христос Иисус» (1Тим.2:5); вся Тем (человеком!) быша и без Него ничтоже бысть, еже бысть (Ин.1:1, 2, 3).

171 - Церковь есть глава... какого тела?

172 - ... – здесь и далее пропуски при сканировании оригинала, поставлены в скобки предположительно – для связи текста. – Редакция Азбуки веры.

173 - См. «Мисс. Обзорение», № 15.

174 - См. «Мисс. Обзор.» № 114.

175 - Дело 1867 г. № 10. стр. 336.

176 - *ibid.*

177 - *ibid.*

178 - Лит. лек.

179 - *Ibid.*

180 - *ibid.*

181 - Правда, г. Тихонравов отвергает этот мотив и говорит, что стригольники не признавали церковной иерархии «не потому только, что священники ставились за деньги, на мзде и лихоимстве, как хотели объяснить это историки церкви, в этом случае или следовало только восстать против местных и временных злоупотреблений духовенства, – но потому, что вовсе отвергали иерархический принцип» (стр. 225). Но такое мнение решительно ни на чём не основано и находит для себя серьезное препятствие в сохранившихся до нас памятниках этой эпохи, в которых с особенною силою и очень часто подчеркивается мзда и лихоимство духовенства, как главный мотив ропота против него. Что касается замечания г. Тихонравова, что, если признать мзду и лихоимство духовенства, как главный мотив оппозиции против него, то в таком случае следовало бы восстать против местных и временных злоупотреблений, – то оно едва-ли заслуживает серьезного внимания. Ведь и стригольничество на первых порах было явлением местным, а потом вполне естественно предположить, что мзда и лихоимство фигурировали не в одной только псковской области.

182 - Знаменский. Учеб. рук. к изуч. рус. церк. ист.

183 - Милюков. Оч. рус. культуры. 106.

184 - Ibid. 105.

185 - Мисс. Обзор. № 6.

186 - См. Мисс. Обзор. №№ 8, 9 и 11. Ошибки сканирования
корректировались по статье
https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Aivazov/novoe-vselsenskoe-hristianstvo-religija-kontsa/

187 - «Л. Тол. и Достоев.» Оттиск жур. «Мир Искусств.» 1900 г.
стр. 20.

188 - Том II, стр. 3, 1899 г. М.

189 - Том I, стр. 357.

190 - См. замечательную по глубине мысли брошюру проф.
В. Несмелова: «Вопрос о смысле жизни» – Казань. 1895 г.

191 - В погоне за эффектами мозговых операций в пользу
своего взгляда на иудейскую культуру, г. Мережковский иногда
пренебрегает даже сказаниями Евангелистов. Так, он говорит,
что Иуда «предал Сына Человеческого, чтобы спасти мир» и
предал потому, что «не понял, что Дух и Слово может быть
Плотью и кровью», а не понял потому, что «был воплощением
древнего чистого духа семитства» («Л. Тол. и Дост.» 1900 г. стр.
131)!... – Мы уже говорили, что древнему иудейству было
присуще понимание «воплощения духа». Здесь-же заметим, что
взгляд Мережковского на факт предательства Иудой Христа
стоит в резком противоречии со сказаниями Евангелистов. Из
Евангелий видно, что Иуда отличался сильною страстью к
наживе – «был вор» и предал Христа лишь по мотиву: «что вы
дадите мне»?... Редактируя вновь Иуду, г. Мережковский,
очевидно, не предвидел, что новоявленный Иуда в корне
подрывает его взгляд на семитскую культуру. В самом деле,
если Иуда в своих отношениях ко Христу был «воплощением
древнего чистого духа семитства», то ведь предательство
Христа он вскоре понял, как жестокое уклонение от нормы этих
отношений, говоря: «согрешил я, предав Кровь невинную». И
раскаяние его было так глубоко, а сознание бессилия
восстановить норму так мучительно, что он «удавился»!...
Следовательно, в лице Иуды «древний чистый дух семитства»

осудил не Христа, а Иуду, или, лучше сказать, факт предательства Иудой Христа и признал Христа «невинным»!... Следовательно и здесь «чистое иудейство вопияло не об «умерщвлении плоти», а о даровании ей жизни!...».

¹⁹² - «Л. Тол. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II-я, стр. 59, 121, 131; т. II, стр. 474, 493; «Нов. Путь» мар., стр. 123–124; 140–141; 144.

¹⁹³ - Иудеи признавали воскресение мертвых, но обожествление человеческой плоти в воплощении Бога-Слова считали за самое вопиющее выражение языческого безумия (св. Иустина муч. Dialog. с. Tryph. cap. 48, 50, 64, 67, 68). Язычники допускали возможность воплощения Божества, но воскресение мертвых считали за самое нелепое выражение человеческого суеверия (Минуция Феликса Octavius с. 11). – См. брош. В. Несмелова: «вопрос о смысле жизни – стр. 10, прим. 1.

¹⁹⁴ - «Нов. Путь» Март. стр. 143–144.

¹⁹⁵ - См. у Л. Толстого: «что такое искусство» м. 98 г. стр. 147–150, 503–505.

¹⁹⁶ - Курсив наш.

¹⁹⁷ - «Л. Тол. и Дост.» 1900 г. ч. I и II, стр. 59, 122, 131; «Нов. Путь» янв. «записки р. ф. собр.» 32 стр. и мар. 123, 145.

¹⁹⁸ - «Нов. Путь» янв., стр. 10–27.

¹⁹⁹ - «Нов. Путь» янв., стр. 21–23; 27. С этой точки зрения для сект, отрицающих божество Иисуса Христа и предающихся самому дикому изуверству и разврату, есть полная надежда на правоту пред Богом... и даже Христом!...

²⁰⁰ - «Л. Тол. и Дост.» 1900 г. ч. I и II, стр. 169. Очевидно, что Христос и Апостолы, по «новопутейскому» богословствованию, заблуждались когда клали догматы в основание своего вселенского здания!...

²⁰¹ - Вот почему г. «Новопутеец» на все мольбы к нему: «раскройте вашу душу, расскажите, как вы нашли своего Бога» («Нов. Путь» февр., стр. 162) молчит и... молчит!...

²⁰² - Сознание глубочайшей розни между небесным и земным идеалом только однажды блеснуло у Мережковского («Нов. Путь» янв. «зап. р. ф. собр.» стр. 32): но блеснуло как-бы

затем, чтобы снова померкнуть! Всё же ясным стало, что и у «короля новопутейцев» даже главное хромает.

²⁰³ - За что екатеринбургская миссия и приносит глубокую благодарность о. протоиерею Крючкову, давшему случай миссионерам екатеринбургской епархии познакомиться с его опытом.

²⁰⁴ - Здесь кстати заметить, как целесообразно было бы у истока Камы построить каменную часовню со школой, на подобие такой, что построена по Казанскому тракту в селе Хлыновском, что... гор. Вятки. Ведь строится же каменный храм на истоке Во..., а средства дадут пароходовладельцы и лесопромышленники и другие ... пользующиеся услугами многоводной Камы.

²⁰⁵ - См. постановления Вятского епархиального съезда духовенства за 1902 г.

²⁰⁶ - Средства на содержание подобного приюта обещаны председательницею Георгиевской общины, графиней М.А. Сольскою, из сумм красного креста.

²⁰⁷ - Для всякого рода пожертвований адрес следующий: «Г. Глазов. Вятской губернии. Село Верхокамское. Священнику Василию Домрачеву, для передачи в новый монастырь».

²⁰⁸ - Из задушевного стихотворения, прочитанного на обеде г. Трифоновым (поэтом из народа).

²⁰⁹ - Исключения существуют, сколько нам известно, в Самарской епархии, где школы эти находятся в ведении епархиального миссионера. Может быть есть таковые где-нибудь и в других местах.

²¹⁰ - В Казанской епархии бывший высокопреосвященный Арсений, в начале текущего года, по ходатайству местного миссионерского съезда, распорядился, чтобы епархиальные миссионеры были членами и епарх. училищн. совета, по самому их положению. Такое распоряжение, в силу общих задач школы и миссии в деле религиозного просвещения народа, нельзя не признать вполне целесообразным.

²¹¹ - Прав. Собес. 1903 г. и отд. брош. «Братство св. Гурия и характер его деятельности», стр. 8.

²¹² - Здесь и далее пропуски при сканировании оригинала, поставлены в скобки предположительно – для связи текста. – Редакция Азбуки веры.

²¹³ - Попутно, в сноске можем сказать, что не было бы ничего, кроме хорошего, если бы и о. о. наблюдатели при посещениях единоверческих школ поступали также. Тогда к ним с большим доверием и ... положением стали бы относиться и дети и всё население. Опять не забудем слов: «всем бых вся».

²¹⁴ - В виду того, что в семьях за больными ухаживают обыкновенно женщины, а с другой стороны и лучшею сестрою милосердия является также женщина, последнее мы говорим более по адресу учительниц, хотя не исключаем совершенно и учителей.

²¹⁵ - Так сообщал редакции сам свящ. А. Альбицкий.

²¹⁶ - Журн. «Мисс. Обозр.» 1902 г., Июнь, 1049.

²¹⁷ - См. об этом наши замечания на «Переп. сект. деятелей». «Мисс. Обозр.», 1903, Июнь, № 9. Да и вообще при составлении настоящих замечаний мы имели в виду замечания на «Переписку» и достаточно раскрытое в последних не повторяли в настоящем случае.

²¹⁸ - Обстоятельное объяснение в требуемом смысле цитуемых мест Св. Писания можно находить у архим. Павла, в его брошюре – «Краткие беседы с мнимодуховными христианами».

²¹⁹ - Последние слова приведенной нами аргументаций молокан относятся к числу так называемых общих мест, а потому не заслуживают нарочитого разбора. Заметим только о том, кто из неверующего сделался верующим, из преданного «гнусным поступкам» стал ревнителем дел, угодных Богу, можно, конечно, сказать, что он переродился, но что такое перерождение бывает только от действия слова Божия, – это молокане говорят уже от себя и говорят в противоречие себе, так как выше в своём «послании» сами-же они для обращения человека-грешника, помимо действия слова Божия, признают необходимым еще особое «привлечение» со стороны Бога (Ин.6:44). Не нужно при этом забывать и того, что люди, говоря

вообще, ненадежные судьи поступков и нравственного достоинства других людей (1Кор.2:11, 4:3–4), что внешняя добропорядочность может иногда прикрывать внутреннюю нечистоту (Мф.23:27).

²²⁰ - Возражение сектантов приводится не буквально, а в существенных своих мыслях.

²²¹ - Что «Бог есть дух», об этом в приведенных местах говорится, но чтобы «слово Божие называлось водою, – этого нет. Равным образом ниоткуда не видно, чтобы и в дальнейшем тексте (Ис.12:3) под водою разумелось слово Божие; параллелизм Ис.44:3, напротив, дает право заключать, что пророк, подобно евангелисту Иоанну (Ин.7:39), под «водою живою» для духовного человека, разумел благодатные дары Св. Духа.

²²² - Место ир. ев. Ин.7:37–39, при должном его понимании, очень не благоприятствует учению молокан. Из призыва Господа, обращенного ко всем жаждущим, и из толкования на него Иоанна Богослова видно, во-первых, что под жаждущими Спаситель разумел тех верующих во имя Его, которые еще не получили даров Св. Духа; во-вторых, под «водою живою», имевшею с избытком удовлетворить духовную жажду верующих, Он разумел именно дары Св. Духа которые имели обильно излиться на верующих-жаждущих по прославлении Христа Спасителя. Такое ясное толкование Евангелиста должно-бы, кажется, полагать конец произвольным молоканским мудрованиям о «духовной воде» и о значении учения или слова Божия в деле духовного возрождения человека, но молокане, как видно, только на словах веруют «Писанию», на деле-же всюду стараются обойти его. Так поступают они и в данном случае. Нельзя сказать, чтобы приводимое ими в «послании» толкование данного места было вполне вразумительно, но несомненно одно: в словах Спасителя – «из чрева потекут реки воды живой» – они под живой подразумевают не дары Св. Духа, как должны-бы понимать, следуя указанию Евангелиста, а «поучительные слова», которые из уст принявших Св. Духа «вливаются в сердца слушателей» и духовно возрождают (напаяют) последних. Выходить т. обр., что Спаситель и

Евангелист говорят об одном, а молокане о другом: Спаситель с Евангелистом говорят об удовлетворении жажды верующих, а молокане о следствиях такого удовлетворения; Спаситель для удовлетворения духовной жажды людей дает обетование о ниспослании Св. Духа, а молокане думают удовлетворить эту жажду «поучительными словами». Но разве слова Спасителя, приобретшие Ему верующих, о которых речь у Евангелиста в 39 стихе (Ин.7:39), были менее «поучительны» и менее исполнены Св. Духа, чем слова проповедников Евангелия после дня Пятидесятницы, или – прямее – чем слова молоканским учителями?! Почему-же Спаситель этих верующих в Своём призыве называет «жаждущими»? О Спасителе, напротив, известно, что Он «говорил так, как никогда человек не говорил» (Ин.7:46) и что Ему, как Сыну, сообщены были по человечеству дары Духа Святого без меры (Ин.3:34)...

²²³ - Рождение «от воды и Духа», поскольку есть дело милости и благодати Божией, есть именно «рождение от Бога».

²²⁴ - Чтобы быть под кровом и защитой Бога должно не перетолковывать, а верно исполнять заповеди Божии (Ин.14:21).

²²⁵ - Речь о крещении «послание» начинается рассуждением о временном значении крещения Иоаннова. Цель такого начала понятна. По мнению молокан, вода составляла исключительную принадлежность только Иоаннова крещения, так что с их точки зрения крещение Иоанново и крещение водою – понятия тождественные, отсюда – отмена крещения Иоаннова означает, будто бы, отмену водного крещения вообще. Не говоря уже о неправильности взгляда молокан на Иоанново крещение (см. Замеч. на переп. сект. деят. Мис. Об. 1903, № 9), здесь должно заметить, что христиане не потому крестятся водою, что Иоанн совершал в воде своё крещение, а потому, что Спаситель повелел верующим в Него родиться или креститься от воды и Духа, и апостолы совершали крещение во имя Христово именно в воде. Что касается мысли о временном значении крещения Иоаннова, то она, конечно, верна, но в раскрытии этой мысли у молокан встречается немало шероховатостей и даже странностей. Так, слишком незначительным и маловажным

представляется у них самое дело Иоанна Крестителя. Явить Спасителя миру не значило только узнать (самому) и указать Его, а главным образом – приготовить людей к Его принятию, – путем призыва к покаянию уравнивать путь сердец человеческих, уничтожить в них все греховные наросты и недостатки. Крещение в воде было только внешним знаком этой внутренней готовности людей принять Мессию. Неправильно и то что Иоанн для того, будто бы, совершал крещение в воде, чтобы самому узнать обещанного Спасителя миру. Для этого дано было Иоанну иное знамение (Ин.1:33). Наконец, не согласно со свидетельством Самого Спасителя об Иоанне (Мф.11:7–11) и то утверждение молокан, что «большой из всех рожденных женами» в чем-то, будто бы, усомнился. Посольство Иоанново имело значение не для него самого, а для его учеников. Как можно судить на основании некоторых указаний слова Божия (Мф.9:14; Ин.3:25 и д.), между учениками Иоанна были такие, которые не вполне хорошо понимали дело и значение своего учителя и, из ложной ревности к славе учителя, относились с предубеждением к деятельности Спасителя и Его учеников. Иоанн посылает их ко Христу, чтобы они из самых дел Его убедились во исполнении на нём ветхозаветных мессианских пророчеств (Ис.35:5–6).

²²⁶ - Как можно догадываться, автор желал выразить здесь ту мысль, что самое явление миру Христа Спасителя уже полагает конец деятельности Иоанна Крестителя.

²²⁷ - Мы взяли целую страницу из знакомой читателям статьи: извиняясь за повторение, утешаем себя тем, что повторение отрывка из такой статьи, как статья о. Силина, – не может быть неприятно читателю.

²²⁸ - См. «Мисс. Обзор.» т. г. № 6.

²²⁹ - Описанная о. Крючковым беседа, в виду её важности, будет напечатана у нас отдельно. А в настоящей статье познакомлю читателей только с раскольничьей книгой.

²³⁰ - См. «Мисс. Обзор.» № 16.

²³¹ - См. Отчет, 43–44 стр.

²³² - См. Отчет 106, 107 стр.

²³³ - См. Отчет 47 стр.

²³⁴ - На праздниках этих пред детьми произносятся проповеди, читаются рассказы о миссиях и их деятельности, делаются сообщения о язычниках, которым проповедуется вера Христова, производятся сборы пожертвований на устройство миссий и т. п.

²³⁵ - Православный Благовестник, № 10, 1902 г.

²³⁶ - Есть штундисты и в Гурзуфе. Ред.

²³⁷ - Кстати замечу: не мешало бы и другим миссионерам оповещать о своих беседах ближайших приходских священников, когда производится беседа, а то обыкновенно узнают о них случайно и то уже после.

²³⁸ - Оказалось, что это был сборничек рассказов и стихов неизвестного автора, – заглавие было вырвано.

²³⁹ - Речь произнесена была по специальному поводу. Но ряд мыслей, положенных в основание её, имеет не специальный, а общий характер. Всё, что сказано о культурном значении учительства, может быть отнесено, конечно, еще в большей степени и к миссии пастырства поскольку оно является высшим видом учительства. С этой оговоркой я и решаюсь на страницах миссионерского журнала поделиться мыслями «речи» со своими собратьями. И. Ф.

²⁴⁰ - С.А. Рачинский. Сельская школа, стр. 23–24.

²⁴¹ - А. Штевен. Из записок сельской учительницы, стр. 5–6.

²⁴² - Есть некоторое основание предполагать, что «странник» Кузьма это – Кузьма Иванов Малюк, крестьянин с. Трилес, Васильковского уезда, Киевской губ., арестованный в этом году в Николаеве за пропаганду и высланный отсюда этапным порядком.

²⁴³ - ... – здесь и далее пропуски при сканировании оригинала, поставлены в скобки предположительно – для связи текста. – Редакция Азбуки веры.

²⁴⁴ - Кроме Петроострова единичные случаи совращений в малеванщину были в д. Новониколаевке Глодосского прихода, где совратились две семьи, из которых одна возвращена в православие, и в д. Успеновке, Янопольского прихода, где в

экономии совратились две женщины – одна православная, другая католичка. По словам сектантов, их «братья» существуют и в г. Николаеве, но в малом числе.

²⁴⁵ - «Миссионерское Обозрение» № 17, стр. 858–882.

²⁴⁶ - 17 апр. с 10 час. у. до 7 час. веч.

²⁴⁷ - «Pro domo sua» – «Мисс. Обзор.» 1903 г. № 6, стр. 817–819 – место сноски предположительно из-за наличия дефектов на странице – Редакция Азбуки веры.

²⁴⁸ - Такое толкование значения плотского обрезания дает и ап. Павел (Рим.2:25–29).

²⁴⁹ - «Мисс. Обзор.» № 17.

²⁵⁰ - О свидании с графом Толстым я расскажу поподробнее, так как знаю, что многие читатели весьма заинтересуются этим.

²⁵¹ - См. «Мис. Обзор.» № 15 с. г.

²⁵² - Как, напр., недавно приняла Сиро-Халдейцев.

²⁵³ - Т. Апостол 548 л., Барония л. 359–362, Кутепов «Раскол Донатистов» стр. 12-я.

²⁵⁴ - В этот день происходила беседа в доме Бугрова Коновалова с Мельниковым. Последний почему-то уклонился беседовать публично о своей лжеиерархии с безпоповцами, хотя таковая беседа по просьбе австрийского лжепопа Старкова была разрешена раскольникам в помещении бесед.

²⁵⁵ - Присоединены: штундист Иосиф Антонов Грейшкаль, крестьянин дер. Лупиков, Макашанской волости, Режицкого уезда, католик Донат Богданов, крестьянин дер. Липуров, Сакстыгальской волости, раскольник Иван Петров Лыткин, крестьянин дер. Энжелей й раскольник Феодор Лазарев Сорокин, крестьянин села Тискад, Ружинской волости.

²⁵⁶ - «Маленькая церковь» иер. Михаила.

²⁵⁷ - Из готовящейся к печати книги «О. Иоанн».

²⁵⁸ - См. «Мисс. Обзор.» № 18, стр. 1127–28.

²⁵⁹ - Имя скромного автора не называю, не имея на то его согласия. Стихотворение сообщено мне помощником Херсон. еп. мисс. о. Беловым.

- 260 - Сума сошел.
- 261 - Деревянная дужка для вязанья снопов.
- 262 - Шляпа.
- 263 - Взгляд.
- 264 - Опротивело.
- 265 - От.
- 266 - Изнемог.
- 267 - Точно будто.
- 268 - Чрез.
- 269 - Спрятал.
- 270 - Разве.
- 271 - Сразу.
- 272 - Видит.
- 273 - Нужно.
- 274 - Имел.
- 275 - Слышит.
- 276 - Кто-то.
- 277 - Смотрел.
- 278 - Немного.
- 279 - Получше.
- 280 - Значит.
- 281 - Издевался.
- 282 - Так как.
- 283 - Соединяет.
- 284 - Освободился.
- 285 - Отрекся.
- 286 - Усердно.
- 287 - Читит – уважает.
- 288 - Мнение, учение.
- 289 - Вспоминай.
- 290 - См. «Мисс. Обозр.» № 16.
- 291 - Перевод с Английского.

²⁹² - Автор статьи был в течение пяти лет духовным следователем. Ред.

²⁹³ - «Рук. для Сельск. Паст.» 1903 г. № 16.

²⁹⁴ - «Мисс. Обозр.» № 18.

²⁹⁵ - Если и все литературные генералы так обращаются с мелкой пишущей братией, то, право, следовало бы поучиться им вежливости не только у настоящих военных генералов, но и у штатских, – канцелярских, даже провинциальных.

²⁹⁶ - Беспалов совратился в штунду в бытность свою полицейским надзирателем в Васильсурском остроге в то время, когда там сидел штунд. пропагандист Степан Шарипов. По совращении в штунду он жил в Петербурге у сектантов, получая хорошее содержание. Затем был устроен штундистами у 3-ной, возле села Ленькова.

²⁹⁷ - См. журн. «Миссионерское Обозрение» № 13.

²⁹⁸ - Разумеется, не лишая апостола индивидуальности, с её свободой и особым «я», как то думается пантеистам и нашим мистикам-сектантам.

²⁹⁹ - Первая мысль о составлении подобного катехизиса принадлежит бывшему екатеринославскому миссионеру. А. Я. Дородницыну, а ныне архимандриту Алексию, о. ректору Виленской семинарии. Почтенным инициатором сделан был опыт, остановленный переменою службы. Ред.

³⁰⁰ - Планы этих бесед поместим в № 20 в отделе полемики. Ред.

³⁰¹ - Мы приводим целиком этот апелляционный отзыв, как образец апелляционных жалоб штундистов, и вместе с тем их стремлений доказать, что они баптисты, а не штундисты.

³⁰² - Брошюра эта в заграничном издании В. Черткова помечена «Листком для народа» № 3 и названа легендой Льва Николаевича Толстого. 1903 года. Ред.

³⁰³ - То, что в скобках – не принадлежит Меньшикову.

³⁰⁴ - Книгу Андрея Владимировича: О таинствах Церкви, Казань 1902, 20 коп. усердно рекомендуем вниманию читателей.

³⁰⁵ - Кроме рассказов религиозного характера у автора есть не мало рассказов общебытовых и даже экономического характера.

³⁰⁶ - Мисс. Обзор. № 18.

³⁰⁷ - 18 апр. – с 11 ч. у. до 8 ч. веч.

³⁰⁸ - Особенно духовенство нуждается в освобождении его от брачных обысков и вообще всех с брачным вопросом формальностей соприкасающихся. При чем духовенство должно безусловно быть освобождено от различных наказаний, – к слову сказать, довольно строгих, – являющихся следствием «несоблюдения» брачных предосторожностей. Пусть это ведает гражданская власть... Дело священника – испросить молитвенно благословения на завязывающуюся ячейку жизни – совершить обряд. Справляться-же о летах, семейном состоянии, о степенях родства – и т. д. пусть всё это ведает «мирская» власть... Священник – молитвенник должен быть выше всего этого...

³⁰⁹ - Это – если приходится отъехать за пределы своей епархии.

³¹⁰ - Почему дух-ву не позволить, если у него есть средства, поступать в дух. академию; ведь это было бы неоценимое благо, оно бы ожило духовно.

³¹¹ - См. «Мисс. Обоз.» № 19.

³¹² - Охотно даем место настоящему опровержению гнусной клеветы раскольничьего архиерея Усова на своего бывшего единомышленника по религиозному упованию, и собрата по ремеслу, – а ныне доброго пастыря Единоверческой церкви о. В. Родионцева. Сожалели, что мы не догадались в том же № 9 нашего журнала раскрыть «хитрый поход» раскольничьего софиста лжеархиерея и засвидетельствовать, что о. Василий Родионцев всегда – и в бытность свою в расколе, и в православии – известен, как честный, набожный, скромный христианин и добрый, достойный всякого уважения, пастырь и опытный миссионер. Ред.

³¹³ - См. «Миссионерское Обозрение» № 19.

³¹⁴ - Выражением этой благодарности послужила и служит миссионеру икона, присланная ему в январе 1903 г. от всего духовенства 2 благочинническ. окр. Златоуст. у.

³¹⁵ - Означенное событие, помимо слов Романовских крестьян, подтверждено и официальными данными.

³¹⁶ - См. об этом «Епископ Антоний: Полное собрание сочинений т. II, Казань 1900 года», стр. 430.

³¹⁷ - См. «Разговор магометанина с христианином об истине Пресвятой Троицы. Епископ Антоний. Уфа, 1900 г.», стр. 14.

³¹⁸ - См. там же, стр. 8.

³¹⁹ - См. там же, стр. 9.

³²⁰ - См. там же, стр. 8.

³²¹ - См. там же, стр. 11.

³²² - См. там же, стр. 11–12.

³²³ - См. там же, стр. 9–10.

³²⁴ - Сто франков не определяют стоимости распятия; это парламентский способ порицания. Ред.